

Евразийский юридический журнал

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, д.ю.н., профессор, (Северо-западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ)

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШЛАПЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забинович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,

г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-

строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

№ 1 (188) 2024

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2024

Подписано в печать 25.01.2024
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitry Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)

AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).

FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KIRILENKO Viktor Petrovich, Ph.D. in Law, Professor (North-West Institute of Management of the RANEPa under the President of the Russian Federation)

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)

RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)

SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

№ 1 (188) 2024

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2024

Signed for printing 25.01.2024

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ДЕМИЕВА Айнур Габдулбаровна, д.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатullo Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogy, Ph.D. in Economics

DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,

Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelslamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

З. С. Байниязова:

Проблема консолидации правового статуса личности в российской правовой системе в цифровую эпоху Интервью с Байниязовой Зулфияей Сулемановной, кандидат юридических наук, доцентом кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского	14
--	----

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Вечернин Д. С.

Правовые основы обеспечения коллективной продовольственной безопасности в Евразийском экономическом союзе: текущее состояние и перспективы развития	18
---	----

Халипов С. В.

Правовые основы нетарифного регулирования России в Евразийском экономическом союзе.....	22
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Смирных С. Е.

Международно-правовой статус детей и молодежи – объектов незаконного усыновления.....	26
---	----

Гуляева Е. Е., Гришкова М. В.

Правовое регулирование клонирования человека в национальном законодательстве стран Латинской Америки.....	32
---	----

Делегеоз Е. Г.

Территории в международном праве.....	38
---------------------------------------	----

Крикунова С. С.

Международно-правовые механизмы защиты информационных прав человека в рамках Африканского союза: угрозы, реалии и перспективы.....	42
--	----

Нуцалханов Г. Н.

Содержание Договора о безъядерной зоне в Южной части Тихого океана.....	45
---	----

Растрелин В. Е.

Отдельные аспекты защиты прав мигрантов на универсальном уровне	48
---	----

Талимончик В. П.

Перспективы рассмотрения технологических споров Судом Евразийского экономического союза.....	51
--	----

Таксиди М. А., Глинщикова Т. В., Хаткова М. Р.

Перспективы либерализации коллизийного регулирования отношений собственности в российском законодательстве	54
--	----

Соловьева А. С.

К вопросу об особенностях воздействия позиций Комитета ООН по правам человека на правоприменительную практику Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам права на справедливое судебное разбирательство	56
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Лопатко А. Д., Мордовцева М. М., Глинщикова Т. В.

Международно-правовое регулирование трансграничных отношений в области социального обеспечения	59
--	----

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Архипкин И. В.

Соотношение преступления и проступка: теоретико-правовой аспект.....	61
--	----

Гогурчунова З. Д., Магдилов М. М.

Адвокатская тайна: проблемы теории и практики.....	64
--	----

Джафаров И. Х.

Элементы правового нигилизма и их устранение.....	66
---	----

Недзелюк Т. Г.

Роль юристов в развитии сети населенных пунктов Западной Сибири: кейс Каинска	68
---	----

Тоготин В. В.

Тайна исповеди как профессиональная тайна.....	70
--	----

Туганбаев М. А.

Особенности юридического конфликта в частноправовой сфере: теоретический аспект.....	73
--	----

Шарифулин А. А.

Прокуратура Российской Федерации: о некоторых особенностях правового положения	75
--	----

Дустов Д. В.

Роль Верховного суда США по урегулированию вопроса расовой дискриминации	80
--	----

Кожабаяев Ж. О.

Правовой механизм обеспечения экономической безопасности: теоретический аспект	82
--	----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Габдрахманов Ф. В.

Делопроизводство в органах прокуратуры в 1922-1926 гг.	84
---	----

Даньшина Н. А., Мохоров Д. А.

Роль государства в системе управления контроля над жизнью общества.....	87
---	----

Егоров А. М., Егоров И. А.

Основные тенденции развития наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества в истории уголовного законодательства России.....	90
--	----

Егоров П. М.

К вопросу государственной политики научного освоения арктической зоны Якутии в 1980-е гг.	93
--	----

Искандарова Г. Р.

Гитлерюгенд в руках Третьего Рейха как инструмент для ведения войны.....	95
--	----

Коваленко Н. Е.

Аспекты теории субъекта права: исторический анализ.....	97
---	----

Климов А. Ю., Сальников А. С.

Организация и деятельность регулярной московской полиции в период царствования Петра I.....	100
---	-----

Сэруа В. С.

К вопросу о задачах первых юридических советских обществ (на примере Украинского юридического общества).....	103
--	-----

Теряева Е. В.

Сенаторские ревизии как элемент антикоррупционной политики российского государства в первой половине XIX века.....	105
--	-----

Туарменский В. В., Бурукин В. В., Печерский Д. В.

Осмысление феномена коррупции сквозь призму древнеиндийского трактата «Артхашастра»	107
---	-----

Фесик П. Ю.

Концепции института уголовной ответственности за экономические преступления в странах романо-германской правовой семьи в конце XIX – 70-е гг. XX вв.	111
---	-----

Фомичев М. Н.

Правовой статус и полномочия великого визира Османской империи.....	115
---	-----

Бутов С. В.

Генезис советского военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны	117
--	-----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Аль-Баззар О. А. Х.

Преступления, нарушающие процесс голосования в Сирии, Египте и Ираке (сравнительный анализ)	120
---	-----

Баширина Е. Н.

Некоторые историко-правовые аспекты законодательства о выборах президента Российской Федерации.....	125
---	-----

Будзишвили Ц. З.

К вопросу о роли принципа законности в деятельности молодежных парламентов.....	127
---	-----

Габиева С. М., Гаджиева С. И.

Взаимодействие Конституционного Суда Российской Федерации с Президентом России.....	131
---	-----

Кичалюк О. Н.

Программно-политические акты как форма реализации интегративной функции Президента Российской Федерации	134
---	-----

Магомедова Д. С., Абдулазизов М. А., Магомедова Н. С.

Развитие принципа равенства как конституционной ценности в законодательстве о государственной службе	137
--	-----

Магомедханова З. И. Категория «происхождение» в конституционном праве России.....	140	Миткевич В. Е. К вопросу о квалификации действий участников арбитражного процесса как неуважение к суду.....	200
Мижарева Н. В. К вопросу о понятии взаимодействия субъектов публичной власти.....	142	Проваткина В. Е., Волошина Т. В., Коркин М. С. Проблемы формирования правовой культуры в современной России.....	203
Пидуров Т. Л., Рамазанова Э. Т. Проблемы реализации избирательного права в Российской Федерации.....	146	Сибилев И. А. О некоторых вопросах «правового статуса» искусственного интеллекта.....	205
Рузавина Е. Ю., Мигаль А. Ю. Роль пресс-служб в процессе формирования доверия граждан к органам государственной власти.....	148	Хавзиев А. А. Формы защиты нарушенных прав потребителей.....	208
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО		Хакимова А. Ф. Вопросы ответственности сторон по соглашению о государственно-частном партнерстве.....	213
Айсанов А. С., Маликов Ш. Э. Некоторые аспекты ответственности агрегаторов легкового такси в России.....	150	Якимушкина М. А. Формирования институтов сделки в западной цивилистике и их влияние на развитие договорного права современного российского законодательства.....	216
Багишев О. А. Особенности административно-правовой ответственности юридических лиц в предпринимательской деятельности.....	154	ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Евсикова Е. В., Рыклина А. А. Административная ответственность в сфере нарушения порядка транспортировки лекарственных препаратов.....	157	Бурханова С. Д., Могилева А. В., Сырьев Б. О. Актуальные вопросы разграничения компетенции между Арбитражными судами и судами общей юрисдикции.....	218
Поликарпов Д. И., Халитов О. Ф., Наумов С. И. Особенности реализации административного законодательства за нарушения использования пиротехнических изделий.....	160	Валиева А. В., Хасаншина Ф. Г. Судебная защита объектов, возникших в цифровом пространстве.....	220
Тараборин Р. С., Тепляков И. И., Хвастунов К. В. Характеристика прав военнослужащих в Российской Федерации на современном этапе государственного строительства.....	164	Ибрагимов А. М. Понятие и значение судопроизводства в третейских судах.....	222
Евсикова Е. В., Буц С. Б. К вопросу о реализации административного усмотрения в условиях цифровизации.....	167	Чуракова Е. Н., Иренина Я. О. Особенности юрисдикционного процесса на современном этапе развития информационных технологий.....	225
Цыганова Л. Ю. О праве законодательной инициативы уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации.....	169	Айдиев М. М. К вопросу о сущности института заочного производства в гражданском процессуальном праве России.....	229
АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС		Чуракова Е. Н., Никонорова А. А. Цифровизация в процедурах банкротства.....	231
Бекман О. А., Пилюгина Ю. Г. К вопросу определения содержания и структуры предмета административно-процессуального права.....	171	Магомедов Р. М. История развития системы судебных доказательств в судопроизводстве Российской Федерации.....	234
Власова Е. Л. Аргументы «за» и «против» административно-процессуального кодекса Российской Федерации.....	173	Чуракова Е. Н., Скороходов А. А. Перспективы технологической актуализации судебной системы Российской Федерации.....	236
Дадаева Е. В., Сторожева А. Н. К вопросу о необходимости проведения экспертизы давности документов.....	176	СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО		Кудрявцева Л. В., Кондра А. В., Седова А. А. К вопросу о правовом регулировании суррогатного материнства в России.....	238
Арсеньева Г. В., Храмова И. С. Убытки как элемент структуры института ответственности в хозяйственных обществах.....	178	ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Горшков Д. А. Договор управления залогом и договор поручения.....	181	Горелов Р. О. Проблемы заключения срочных трудовых договоров.....	241
Коваленко М. А. Медицинский работник как субъект оказания телемедицинской помощи: вопросы законодательной регламентации.....	184	Кучина Ю. А. К вопросу о повышении эффективности инвестирования в образование человека труда в условиях дефицита кадров.....	244
Литягина А. С., Кокова Л. Р. Особенности правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровизации.....	187	Линец А. А. Альтернативные правовые конструкции реализации работодательской власти.....	247
Миткевич В. Н., Аврамченко Д. С. Гражданско-правовая природа оказания эзотерических услуг.....	189	Филющенко Л. И. Профилирование как инструмент оценки работников.....	251
Ястремский И. А. Полномочия Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека на подачу искового заявления и представления интересов пациента в судебном процессе с клиникой пластической хирургии.....	192	ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	
Хамитова Г. М. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников и медицинских организаций за вред, причиненный пациентам.....	195	Давудова С. Я., Рагимханова К. Т. Правовое регулирование квантовых технологий в Российской Федерации.....	254
Ястремский И. А. Правовые основы и значение медиации в конфликте пациента с клиникой пластической хирургии.....	197	Рагимханова К. Т. Особенности понятия правовой информации и ее юридических свойств.....	257
		ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	
		Гаврильченко К. Р., Денисюк Е. И. Процедура защиты прав налогоплательщиков в административном порядке.....	259

Герашенко А. С., Чернова А. Н., Очаковский В. А. К вопросу о плате за фактически невыполненные работы по госконтракту.....	261	Кочкурова Ю. Ю. Проблемы назначения и реализации уголовного наказания в виде принудительных работ.....	312
Дзущева М.Ф. Влияние международных санкций на финансовую систему России и стратегии адаптации.....	263	Крылова Н. А. Понятие сбора доказательств и необходимость соблюдения установленных требований, для придания им доказательного значения по уголовным делам, связанным с подделкой документов по ст. 327 УК РФ.....	315
Древалъ Л. Н., Глушин Д. Я., Канакаева К. В. Небанковские кредитные организации в банковской системе Российской Федерации.....	265	Латыпова Д. М., Королева К. А. Меры предупреждения вооруженного насилия, совершенного в образовательных учреждениях.....	318
Керешова Б. Р., Суркис И. В. Правовое регулирование цифровых финансовых активов.....	268	Литра Е. Н. Социально-криминологические предпосылки уголовно-правовой охраны отношений в сфере обеспечения качества и рационального использования земли.....	320
Овчинникова Л. И. К вопросу о правовом регулировании цифровизации экономики.....	271	Маслиенко М. А. Незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в условиях проведения специальной военной операции.....	323
Шкиль В. В., Савин Д. С., Горносталя С. В., Черненко В. О. Анализ воздействия финансовых пузырей на экономику.....	274	Медведева И. Н. Об особенностях исполнения заключения под стражу и лишения свободы в Грузии.....	325
НАЛОГОВОЕ ПРАВО		Пермяков М. В., Котов В. В., Килин А. Г. Оперативное внедрение в борьбе с организованной преступностью.....	327
Глызин А. В., Жованик К. М., Бурдюкова А. А., Абрамова С. М. Внедрения единого налогового счета как способ оптимизации процесса налогообложения.....	277	Писаревская Е. А. Противодействие преступности несовершеннолетних: региональный аспект.....	329
Керешова Б. Р., Романова Н. Е., Суркис И. В. Влияние роста налогов и штрафов на уровень коррупции.....	280	Таилова А. Г., Расулова С. Ф., Абакарова Б. Г. Особенности квалификации убийства малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии.....	331
ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО		Ташева Г. Р. Проблемы противодействия киберпреступлениям в условиях цифровизации экономики.....	335
Джунусова Д.Н. К вопросу об ответственности за неиспользование или ненадлежащее использование земель сельскохозяйственного назначения.....	283	Колотилина А.А. Вопросы квалификации взяточничества, совершаемого судебными приставами-исполнителями.....	337
ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ		Куликова М. А. К вопросу о социальной обусловленности уголовной ответственности за истязание.....	340
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. К вопросу о социальном обслуживании участников СВО Российской Федерации.....	287	Лаврушко Е. А Правовые аспекты реализации принципов уголовного процесса в контексте обеспечения его конфиденциальности.....	343
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО		Ларионов П. А. Эволютивное толкование уголовного закона: постановка проблемы.....	347
Зубкова М. Н., Баталов Р. Е. Оспаривание сделок должника в ходе внешнего управления.....	289	Луцаева М. Д. Приговоры международных судов и трибуналов как формальные источники российского уголовного права.....	351
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	
Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Роль правосознания в современной России как фактор сокращения рецидивного поведения осужденных.....	291	Александрова О. П., Богданов М. Н., Борисенко И. В. Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, уполномоченных на осуществление уголовно-процессуальной деятельности.....	354
Антонов А. Ю. Практика применения оружия сотрудниками, проходящими службу в миротворческих миссиях ООН.....	293	Косарев С. Ю., Кочемировский В. А., Меньшиков П. В., Мохоров Д. А. Цифровизация доказательственной базы современными методами судебной экспертизы.....	356
Бушуев И. В., Иванченко Е. В. Квалификация преступлений и ее значимость в уголовном праве.....	295	Кудряшова С. Д. Институт присяжных заседателей в районных судах: проблемы правоприменительной практики.....	360
Ваняшин И. С., Мгерян Д. М. К вопросу пределов необходимой обороны.....	298	Шаповалова Т. И. «За» и «против» применения гипноза в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве.....	363
Данилова И. Ю., Сулейманов Т. А. Особенности квалификации общественно опасных деяний, связанных с незаконным сбытом наркотических средств дистанционным способом.....	300	Аннаги А. М. Правовые основы следственного согласия в досудебном производстве Азербайджанской Республики.....	366
Дворянов И. Б. Уголовно-правовая характеристика незаконной переделки гражданского оружия.....	302	УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	
Долгушина Л. В., Ступина С. А. О крупном размере ущерба, как признаке состава уничтожения или повреждения чужого имущества по неосторожности.....	304	Ананьев О. Г., Кашинцева И. Л. Организация обучения осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях.....	369
Ефремова О. С. О некоторых современных тенденциях преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и их предупреждения.....	307		
Капица Т. А., Капица Т. А., Бушков Д. В. Обусловленность изменений уголовного закона как инструмент противодействия преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка, государственной власти.....	309		

Видова Т. А., Головастова Ю. А., Митяева Ю. В. Становление и развитие института условного осуждения в отношении несовершеннолетних в отечественном законодательстве.....	371	Хорольский В. В., Мансурова З. Р., Горбацевич О. А., Кортиков А. В. Применение интерактивных методов обучения в вузах системы МВД России.....	425
Бубнова Ю. Г., Каляшин А. В. К вопросу прохождения службы и реализации правил ношения форменной одежды сотрудниками из числа женского пола в уголовно-исполнительной системе.....	376	Попова А. А., Михайлов Н. В., Савушкин В. В. Роль огневой подготовки для эффективной работы сотрудников специальных подразделений к выполнению задач в составе боевых групп.....	427
КРИМИНАЛИСТИКА		ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
Евстропов Д. А. Влияние электронных устройств безопасности на динамику изменения преступлений против собственности.....	378	Ханнанов Р. Р. Организации оперативно-розыскной деятельности: к проблеме определения понятия.....	429
Кабакова Е. С., Долгушина Л. В. Обнаружение следов взрыва на месте происшествия.....	383	БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО	
Кузьмичёв Ю. В., Михайленко С. В., Ковальчук В. А. Особенности расследования ДТП, повлекших по неосторожности смерть несовершеннолетних.....	385	Алексеев Ю. Г., Насыров Р. Р. Актуальные проблемы противодействия терроризму.....	432
Лонцакова А. Р. Системообразующие факторы, определяющие особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.....	387	Арамисов А. А., Кушпова Д. Р. Актуальные проблемы распространения киберэкстремизма в молодежной среде.....	434
Рыжкова И. А. Тактические приемы, направленные на реализацию принципа уважения чести и достоинства личности при производстве следственных действий.....	390	Николаев Н. Ю., Кожин Д. А., Файрушин Т. А. Применение огнестрельного оружия для обезвреживания незаконно находящихся в воздушном пространстве беспилотных летательных аппаратов.....	437
Самойлов А. Ю. Особенности установления пространственных и временных связей в ходе осмотра места происшествия.....	394	Балабкин Д. А., Абросимов И. С., Гоголева В. В. Роль правовой культуры в развитии мер противодействия коррупции: исторические этапы и их отличительные особенности.....	439
Шагиева Г. Р., Юсупова С. Ш. Криминалистическая фотография.....	396	Царькова Е. Г. Применение современных информационных технологий для оценки эффективности комплексной системы безопасности объектов информатизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	441
Долгушина Л. В. Криминалистические особенности первоначальных следственных действий, связанных с осмотром места взрыва.....	398	ПЕДАГОГИКА И ПРАВО	
КРИМИНОЛОГИЯ		Бодько С. П., Воробьев Д. Н., Гойнов И. В., Касумова З. Г., Садков А. В. Особенности физической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России к соревнованиям по зимнему служебному двоеборью.....	444
Альшеев С. С. Личность преступника как основание криминологической теории.....	400	Гаджиев И. А., Будаков А. Н., Шкапов П. Ю. Зависимость интеллектуальной деятельности от психофизических нагрузок.....	447
Литвинов Р. В., Тищенко А. В. Криминологическая характеристика женской преступности.....	402	Зорина Н. С. Социально-образовательная среда воспитательных колоний как фактор формирования нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных.....	449
Нурутдинов И. И., Хорольский В. В., Валеева Г. Ш., Щербаков А. В. Классификация причин девиантного поведения несовершеннолетних.....	405	Кустова Н. К., Тарасенко Д. В. К вопросу о реализации компетентностного подхода обучения слушателей по программам профессиональной подготовки.....	451
Ступина С. А. Некоторые вопросы обеспечения наркобезопасности через призму информационного фона социума (на примере Красноярского края).....	407	Липанин Е. А., Гушин Д. Н., Четверикова А. И., Трофимов В. А. Методы формирования коммуникативной компетентности будущих сотрудников полиции.....	453
Таилова А. Г., Абдулсамедов А. Т. Убийство по найму: причины, мотивы и основные направления по предупреждению.....	410	Судакова О. В. Правовая природа процесса образования и воспитания.....	455
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ		Зорина Н. С. Социальные факторы, воздействующие на формирование преступного поведения несовершеннолетнего.....	457
Валиахметов Р. Р., Амелин С. Г., Стрига О. Н. Организационно-тактические особенности проведения различных форм занятий по физической подготовке в системе МВД России.....	413	Сухоруков В. А., Петренко Д. А., Логинов С. Н. Образовательная мобильность как социальный лифт в современном обществе в условиях глобализации.....	459
Вертинский К. Д., Егшин Д. И., Облап С. И. Организация и особенности подготовки к выполнению контрольных упражнений на выносливость обучающихся в образовательных учреждениях системы МВД России.....	415	ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО	
Гусейнов А. А., Шаббаев В. В., Торгерсен А. С. Методические указания по обеспечению личной безопасности сотрудников полиции при ведении боя в городских условиях.....	417	Караваев А. А., Жукова А. И., Болобан М. Л., Шарафутдинов И. С. Проблемы психологической подготовки сотрудников ОВД к деятельности в особых условиях.....	461
Иванченко Е. А., Мелешкин В. В. Отдельные аспекты прокурорского надзора за законностью деятельности субъектов разрешительной системы.....	419	Хорольский В. В., Мансурова З. Р., Караваев А. А., Трофимов В. А. Роль психологической подготовки в эффективном выполнении служебных задач сотрудниками полиции.....	463
Царькова Е. Г. К вопросу применения искусственного интеллекта при обработке больших объемов текстовых данных в практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	422		

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Алиев Х. К.

В. В. Путин – гарант стабильного и поступательного развития современной российской государственности 465

Гаврилов Д. Е., Мазалюк М. В.,

Дыма И. С., Винокурова С. В.

Цветные революции: сценарии и следствия 467

Пивоварова И. В., Богданова Ю. З.

Общероссийская идентичность как социокультурное право сельских жителей 470

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Бутакова Н. А., Евграфова И. В., Сексте Я. А.

Становление и развитие концептуально-правовых основ государственной политики Российской Федерации в Арктическом регионе 472

Куликова Ю. А.

К вопросу об изменении сроков президентского пребывания в должности в Республике Таджикистан 475

Шестаков З. Д., Яськов К. С.,

Литвинчук П. А., Глушич А. А.

Трансформация социальной политики: вызовы XXI века и новые направления развития 477

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ

Афанасьева Е. Е., Хачатрян О. А.

Финансирование программ содействия занятости: новые подходы 480

Васильева Ю. П., Колесников М. В.

Современное состояние инновационного развития России 483

Волов М. А., Дикинов А. Х.,

Непеева Х. Ю., Шкахова Ф. А.

Электронные платежные системы как фактор развития цифровой экономики в Российской Федерации 486

Малышкин Н. Г., Новакова С. Ю.

Развитие промышленного производства в регионах Центрального федерального округа 488

Махмудова Х. М., Алиева Э. Б.

Проблемы избежания двойного налогообложения в РФ 490

Польшакова Н. В., Уварова М. Н., Новакова С. Ю.

Индустрия 4.0: системная цифровая трансформация предприятий АПК 492

Радченко Е. П., Вдовина А. Н.

К вопросу о влиянии механизмов государственно-частного партнерства на институциональное развитие страны 498

Кутдусова А. В., Дворянинова С. А.,

Никитин К. А., Вошинникова А. А.

Инвестиционный прорыв: стратегии и инновации для роста в современной России 500

Сорокина М. Д., Бойко Е. К.,

Радченко Д. А., Герасимов С. Д.

Инвестиционные процессы в сельском хозяйстве 503

Шильдт Л. А., Токарь Ю. В., Сираев Р. А.

Оценка влияния выбросов в атмосферу загрязняющих веществ 506

Шорохов К. Д., Омельчук Н. С.,

Матвеев М. А., Сидоренко М. А.

Монополии в современной экономике: многомерный аналитический обзор 509

Ли Линьлинь

Развитие трансграничного туризма между Китаем и Россией в постэпидемическую эпоху 512

Хэ Чжэньдун, Нин Яньхун, Ли Хунхун

Территориальная юрисдикция в гражданских делах, связанных с иностранными государствами: сравнительная характеристика китайского и российского законодательства 515

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ

Бакланов И. С., Бакланова О. А., Лукьянов Г. И.

Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития Индустрии 4.0 519

Гофман А. А., Тимошук А. С.

«Школа юного кальмара» как инвестиция в будущее России 521

Игнатова Ю. Е.

Социальное доверие как редукция социальности, ресурс развития социальных институтов и способ достижения социальной безопасности 523

Калинина В. О.

Философский ракурс экологической политики Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации 525

Китаев Н. Н., Ардашев Р. Г., Шамурзаев Т. Т.

Мистицизм и право: мифы и реальность 527

Маджуга А. Г., Ажиев А. В.

Концептуально-теоретические основы военно-патриотического воспитания учащейся молодежи в коэволюционно развивающемся мире 530

Рабданова А. А., Гасандибирова М. А.,

Магомедова Ф. Я., Абдулаева З. Э.

Добровольное информированное согласие. Проблемы взаимопонимания пациента и врача 533

Равочкин Н. Н.

Трансформации коммуникаций в цифровом мире: философский анализ (часть 2) 536

Похилько А. Д., Бакланова О. А., Буркин Д. О.

Микросоциум в современном обществе: экспликация социально-философского аспекта 538

Федотов В. В.

Философская рефлексия кризиса трудовой мотивации 540

Фомин А. А.

Возрождение цивилизационного этоса России: проблемы и перспективы 543

Хохлова О. М.

Общественное согласие в контексте национальной безопасности 546

Гусев В. С. (Епископ Филарет)

Своеобразие взглядов Н. А. Бердяева и И. А. Ильина на человека 550

Шевалов С. В.

Синтез марксизма с иными социально-философскими учениями: возможности и перспективы 553

РЕЦЕНЗИЯ

Латыпов В. С.

Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве: теоретический, правовой и правоприменительный анализ (отзыв официального оппонента на диссертацию И. А. Косаревой, представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. уголовно-правовые науки) 555

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 558

PERSONA GRATA

Z. S. Bayniyazova:

The problem of consolidating the legal status of an individual in the Russian legal system in the digital age	
<i>Interview with Bayniyazova Zulfiya Suleymanova, Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University</i>	14

EURASIAN INTEGRATION

Vechernin D. S.

<i>The legal basis for ensuring collective food security in the Eurasian Economic Union: current state and development prospects</i>	18
--	----

Khalipov S. V.

<i>Legal fundamentals of Russia's non-tariff regulation in the Eurasian Economic Union</i>	22
--	----

INTERNATIONAL LAW

Smirnykh S. E.

<i>International legal status of children and youth – objects of illegal adoption</i>	26
---	----

Gulyaeva E. E., Grishkova M. V.

<i>Legal regulation of human cloning in the national legislation of Latin American countries</i>	32
--	----

Delegeoz E. G.

<i>Territories in international law</i>	38
---	----

Krikunova S. S.

<i>International legal mechanisms for the protection of information human rights within the framework of the African Union: threats, realities and prospects</i>	42
--	----

Nutsalkhanov G. N.

<i>The content of the Nuclear-Free Zone Treaty in the South Pacific</i>	45
---	----

Rastrelin V. E.

<i>Particular aspects of the protection of the rights of migrants at the universal level</i>	48
--	----

Talimonchik V. P.

<i>Prospects for the consideration of technological disputes by the Court of the Eurasian Economic Union</i>	51
--	----

Taksidi M. A., Glinshchikova T. V., Khatkova M. R.

<i>Prospects for the liberalization of conflict of laws regulation of property relations in Russian legislation</i>	54
---	----

Solovyova A. S.

<i>On the issue of the specifics of the impact of the positions of the UN Human Rights Committee on the law enforcement practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation on certain aspects of the right to a fair trial</i>	56
--	----

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Lopatko A. D., Mordovtseva M. M., Glinshchikova T. V.

<i>International legal regulation of cross-border relations in the field of social security</i>	59
---	----

THEORY OF STATE AND LAW

Arkhipkin I. V.

<i>The ratio of crime and misconduct: theoretical and legal aspect</i>	61
--	----

Gogurchunova Z. D., Magdilov M. M.

<i>Attorney-client privilege: problems of theory and practice</i>	64
---	----

Jafarov I. Kh.

<i>Elements of legal nihilism and their elimination</i>	66
---	----

Nedzelyuk T. G.

<i>The role of lawyers in the development of a network of settlements in Western Siberia: the case of Kainsk</i>	68
--	----

Togotin V. V.

<i>The seal of confession as a professional secret</i>	70
--	----

Tuganbaev M. A.

<i>Features of the legal conflict in the private law sphere: theoretical aspect</i>	73
---	----

Sharifulin A. A.

<i>The Prosecutor's Office of the Russian Federation: about some of the specifics of the legal status</i>	75
---	----

Dustov D. V.

<i>The role of the U.S. Supreme Court in resolving the issue of racial discrimination</i>	80
---	----

Kozhabaev Zh. O.

<i>The legal mechanism for ensuring economic security: a theoretical aspect</i>	82
---	----

HISTORY OF STATE AND LAW

Gabdrakhmanov F. V.

<i>Office work in the prosecutor's office in 1922-1926</i>	84
--	----

Danshina N. A., Mokhorov D. A.

<i>The role of the state in the management system of control over the life of society</i>	87
---	----

Egorov A. M., Egorov I. A.

<i>The main trends in the development of punishments not related to the isolation of convicts from society in the history of criminal law in Russia</i>	90
---	----

Egorov P. M.

<i>On the issue of state policy for scientific development of the Arctic zone of Yakutia in the 1980s</i>	93
---	----

Iskandarova G. R.

<i>The Hitler Youth in the hands of the Third Reich as a tool for waging war</i>	95
--	----

Kovalenko N. E.

<i>Aspects of the theory of the subject of law: historical analysis</i>	97
---	----

Klimov A. Yu., Salnikov A. S.

<i>The organization and activities of the regular Moscow police during the reign of Peter I</i>	100
---	-----

Serua V. S.

<i>On the issue of the tasks of the first Soviet law societies (on the example of the Ukrainian Law Society)</i>	103
--	-----

Teryaeva E. V.

<i>Senatorial audits as an element of the anti-corruption policy of the Russian state in the first half of the XIX century</i>	105
--	-----

Tuarmenskiy V. V., Burukin V. V., Pecherskiy D. V.

<i>Understanding the corruption phenomenon through the prism of the ancient Indian treatise «Arthashastra»</i>	107
--	-----

Fesik P. Yu

<i>Concepts of the institution of criminal liability for economic crimes in the countries of the Romano-Germanic legal family in the late XIX – 70s of the XX centuries</i>	111
---	-----

Fomichev M. N.

<i>Legal status and powers of the Grand Vizier of the Ottoman Empire</i>	115
--	-----

Butov S. V.

<i>The genesis of Soviet military criminal legislation during the Great Patriotic War</i>	117
---	-----

CONSTITUTIONAL LAW

Al-Bazzar O.A.Kh.

<i>Crimes violating the voting process in Syria, Egypt and Iraq (comparative analysis)</i>	120
--	-----

Bashirina E. N.

<i>Some historical and legal aspects of the legislation on the election of the president of the Russian Federation</i>	125
--	-----

Budzishvili Ts. Z.

<i>On question of the role of the principle of legality in the activities of youth parliaments</i>	127
--	-----

Gabieva S. M., Gadzhieva S. I.

<i>Interaction of the Constitutional Court of the Russian Federation with the President of Russia</i>	131
---	-----

Kichalyuk O. N.

<i>Program and political acts as a form of implementation of the integrative function of the President of the Russian Federation</i>	134
--	-----

Magomedova D. S., Abdulazizov M. A., Magomedova N. S.

<i>Development of the principle of equality as a constitutional value in the legislation on public service</i>	137
--	-----

Magomedkhanova Z. I.

<i>The category of "origin" in the constitutional law of Russia</i>	140
---	-----

Mizhareva N. V.

<i>To the issue of the concept of interaction between subjects of public authority</i>	142
--	-----

Pidurov T. L., Ramazanova E. T. <i>Problems of the implementation of the electoral right in the Russian Federation</i>	146	Sibilev I. A. <i>Some issues relating to the «legal status» of artificial intelligence</i>	205
Ruzavina E. Yu., Migal A. Yu. <i>The role of press services in the process of building citizens' trust in public authorities</i>	148	Khavziev A. A. <i>Forms of protection of violated consumer rights</i>	208
ADMINISTRATIVE LAW			
Aysanov A. S., Malikov S. E. <i>Some aspects of the responsibility of passenger taxi aggregators in Russia</i>	150	Khakimova A. F. <i>Issues of liability of the parties under a public-private partnership agreement</i>	213
Bagishev O. A. <i>Features of administrative and legal liability of legal entities in business activities</i>	154	Yakimushkina M. A. <i>Formation of transaction institutes in western civilistics and their influence on the development of contract law of modern Russian legislation</i>	216
Evsikova E. V., Ryklina A. A. <i>Administrative responsibility in the field of violation of the order of transportation of medicines</i>	157	CIVIL PROCESS	
Polikarpov D. I., Khalitov O. F., Naumov S. I. <i>Features of the implementation of administrative legislation for violations of the use of pyrotechnic products</i>	160	Burkhanova S. D., Mogileva A. V., Syryev B. O. <i>Topical issues of the division of competence between Arbitration Courts and courts of general jurisdiction</i>	218
Taraborin R. S., Teplyakov I. I., Khvastunov K. V. <i>Characteristics of the rights of military personnel in the Russian Federation at the present stage of state construction</i>	164	Valieva A. V., Khasanshina F. G. <i>Judicial protection of objects that have arisen in the digital space</i>	220
Evsikova E. V., Buts S. B. <i>On the issue of the implementation of administrative discretion in the context of digitalization</i>	167	Ibragimov A. M. <i>The concept and meaning of judicial proceedings in arbitration courts</i>	222
Tsyganova L. Yu. <i>On the right of legislative initiative of the human rights commissioners in the subjects of the Russian Federation</i>	169	Churakova E. N., Irinina Ya. O. <i>Features of the jurisdictional process at the current stage of information technology development</i>	225
ADMINISTRATIVE PROCESS			
Bekman O. A., Pilyugina Yu. G. <i>On the issue of determining the content and structure of the subject of administrative procedural law</i>	171	Aidiev M. M. <i>On the question of the essence of the institution of absentee proceedings in the civil procedural law of Russia</i>	229
Vlasova E. L. <i>Arguments for and against the Administrative Procedure Code of the Russian Federation</i>	173	Churakova E. N., Nikonorova A. A. <i>Digitalization in bankruptcy proceedings</i>	231
Dadayan E. V., Storozheva A. N. <i>On the issue of the need for an examination of the prescription of documents</i>	176	Magomedov R. M. <i>The history of the development of the system of judicial evidence in the judicial proceedings of the Russian Federation</i>	234
CIVIL LAW			
Arsenjeva G. V., Khramova I. S. <i>Losses as an element of the structure of the institution of responsibility in business companies</i>	178	Churakova E. N., Skorokhodov A. A. <i>Prospects of technological actualization of the judicial system of the Russian Federation</i>	236
Gorshkov D. A. <i>Pledge management agreement and assignment agreement</i>	181	FAMILY LAW	
Kovalenko M. A. <i>A health provider as person of rendering telemedical care: issues of legislative regulation</i>	184	Kudryavtseva L. V., Kondra A. V., Sedova A. A. <i>On the issue of legal regulation of surrogacy in Russia</i>	238
Lityagina A. S., Kokova L. R. <i>Features of legal regulation of labor relations in the context of digitalization</i>	187	LABOUR LAW	
Mitkevich V. N., Avramchenko D. S. <i>The civil nature of the provision of esoteric services</i>	189	Gorelov R. O. <i>The problems of concluding fixed-term employment contracts</i>	241
Yastremskiy I. A. <i>The powers of the Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Well-being to file a claim and represent the interests of a patient in a lawsuit with a plastic surgery clinic</i>	192	Kuchina Yu. A. <i>On the issue of increasing the efficiency of investing in working person education in conditions of personnel shortage</i>	244
Khamitova G. M. <i>Civil legal liability of medical workers and medical organizations for harm caused by patients</i>	195	Linets A. A. <i>Legal constructions of the implementation of the employer power</i>	247
Yastremskiy I. A. <i>Legal basis and importance of mediation in a conflict between a patient and a plastic surgery clinic</i>	197	Filushchenko L. I. <i>Profiling as a tool for evaluating employees</i>	251
Mitkevich V. N. <i>On the question of the qualification of the actions of the participants in the arbitration process as contempt of court</i>	200	INFORMATION LAW	
Provatkina V. E., Voloshina T. V., Korkin M. S. <i>Problems of formation of legal culture in modern Russia</i>	203	Davudova S. Ya., Ragimhanova K. T. <i>Legal regulation of quantum technologies in the Russian Federation</i>	254
		Ragimhanova K. T. <i>Features of the concept of legal information and its legal properties</i>	257
		FINANCIAL LAW	
		Gavrilenko K. R., Denisjuk E. I. <i>The procedure for protecting the rights of taxpayers in an administrative manner</i>	259
		Gerashchenko A. S., Chernova A. N., Ochakovskiy V. A. <i>On the issue of payment for actually uncompleted work according to the state contract</i>	261
		Dzutseva M.F. <i>The impact of international sanctions on the Russian financial system and adaptation strategies</i>	263

Dreval L. N., Glushin D. Ya., Kanakaeva K. V. <i>Non-bank credit organizations in the banking system of the Russian Federation</i>	265	Latypova D. M., Koroleva K. A. <i>Measures to prevent armed violence committed in educational institutions</i>	318
Kerefova B. R., Surkis I. V. <i>Legal regulation of digital financial assets</i>	268	Litra E. N. <i>Socio-criminological prerequisites for the criminal law protection of relations in the field of quality assurance and rational use of land</i>	320
Ovchinnikova L. I. <i>On the issue of legal regulation of the digitalization of the economy</i>	271	Maslienko M. A. <i>Illicit trafficking in weapons, ammunition, explosives and explosive devices in the conditions of a special military operation</i>	323
Shkil V. V., Savin D. S., Gornostal S. V., Chernenko V. O. <i>Analysis of the impact of financial bubbles on the economy</i>	274	Medvedeva I. N. <i>On the peculiarities of the execution of detention and imprisonment in Georgia</i>	325
TAX LAW		Permyakov M. V., Kotov V. V., Kilin A. G. <i>Operational implementation in the fight against organized crime</i>	327
Glyzin A. V., Zhovanik K. M., Burdyukova A. A., Abramova S. M. <i>Introduction of a single tax account as a way to optimize the tax process</i>	277	Pisarevskaya E. A. <i>Combating juvenile delinquency: a regional perspective</i>	329
Kerefova B. R., Romanova N. E., Surkis I. V. <i>Impact of rising taxes and fines on the level of corruption</i>	280	Tailova A. G., Rasulova S. F., Abakarova B. G. <i>Features of the qualification of the murder of a minor or other person in a helpless state</i>	331
LAND LAW		Tasheva G. R. <i>Problems of combating cybercrime in the context of digitalization of the economy</i>	335
Dzhunusova D. N. <i>On the issue of liability for non-use or improper use of agricultural land</i>	283	Kolotilina A. A. <i>Issues of qualification of bribery committed by bailiffs</i>	337
SOCIAL SECURITY LAW		Kulikova M. A. <i>Social conditionality of criminal responsibility for torture</i>	340
Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>On the issue of social services for the participants of the Russian Federation</i>	287	Lavrushko E. A. <i>Legal aspects of the implementation of the principles of criminal procedure in the context of ensuring its confidentiality</i>	343
ENTREPRENEURIAL LAW		Larionov P. A. <i>Evolutionary Interpretation of Criminal Law: Problem Formulation</i>	347
Zubkova M. N., Batalov R. E. <i>Challenging the debtor's transactions in the course of external management</i>	289	Lushchaeva M. D. <i>Judgments of international courts and tribunals as formal sources of Russian criminal law</i>	351
CRIMINAL LAW		CRIMINAL PROCESS	
Ananjeva E. O., Ivliev P. V. <i>The role of legal consciousness in modern Russia as a factor in reducing the recidivism of convicts</i>	291	Alexandrova O. P., Bogdanov M. N., Borisenko I. V. <i>Some issues of bringing to criminal liability persons authorized to carry out criminal procedural activities</i>	354
Antonov A. Yu. <i>The practice of using weapons by the UN personnel serving in the peacekeeping missions</i>	293	Kosarev S. Yu., Kochemirovsky V. A., Menshikov P. V., Mokhorov D. A. <i>Digitalization of the evidence base by modern methods of forensic examination</i>	356
Bushuev I. V., Ivanchenko E. V. <i>Qualification of crimes and its significance in criminal law</i>	295	Kudrayshova S. D. <i>Trial by jury in district courts: practical problems</i>	360
Vanyashin I. S., Mgeryan D. M. <i>On the issue of the limits of necessary defense</i>	298	Shapovalova T. I. <i>The pros and cons of using hypnosis in the process of proving in criminal proceedings</i>	363
Danilova I. Yu., Suleymanov T. A. <i>Features of the qualification of socially dangerous acts related to the illegal sale of narcotic drugs by remote means</i>	300	Annagi Abdul Mammadli ogly <i>Legal basis of the investigative assent in pre-trial proceedings of the Republic of Azerbaijan</i>	366
Dvoryanov I. B. <i>Criminal legal characteristics of illegal conversion of civilian weapons</i>	302	CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	
Dolgushina L. V., Stupina S. A. <i>About the large amount of damage, as a sign of the composition of the destruction or damage to someone else's property by negligence</i>	304	Ananjev O. G., Kashintseva I. L. <i>Organization of training for those sentenced to imprisonment in correctional institutions</i>	369
Efremova O. S. <i>On some current trends in crimes committed using information and telecommunication technologies and their prevention</i>	307	Vidova T. A., Golovastova Yu. A., Mityaeva Yu. V. <i>Formation and development of the institution of conditional sentence in relation to minors in domestic legislation</i>	371
Kapitsa V. S., Kapitsa T. A., Bushkov D. V. <i>The conditionality of changes in the criminal law as a tool for countering crimes against public safety, public order, and state power</i>	309	Bubnova Yu. G., Kalyashin A. V. <i>On the issue of service and the implementation of the rules for wearing uniforms by female employees in the penal system</i>	376
Kochkurova Yu. Yu. <i>Problems of appointment and implementation of criminal punishment in the form of forced labor</i>	312	CRIMINALISTICS	
Krylova N. A. <i>The concept of collecting evidence and the need to comply with established requirements in order to give it evidentiary value in criminal cases involving forgery of documents under Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation</i>	315	Evstropov D. A. <i>The influence of electronic security devices on the dynamics of changes in crimes against property</i>	378
		Kabakova E. S., Dolgushina L. V. <i>Detection of traces of an explosion at the scene</i>	383

Kuzmichev Yu. V., Mikhaylenko S. V., Kovalchuk V. A. Features of the investigation of accidents that caused negligent death of minors	385	Nikolaev N. Yu., Kozhin D. A., Fayrushin T. A. The use of firearms to neutralize unmanned aerial vehicles illegally in the airspace	437
Lonshchakova A. R. System-forming factors determining the features of criminalistic crime prevention	387	Balabkin D. A., Abrosimov I. S., Gogoleva V. V. The role of legal culture in the development of anti-corruption measures: historical stages and their main aspects	439
Ryzhkova I. A. Tactical techniques aimed at implementing the principle of respect for the honor and dignity of the individual during investigative actions	390	Tsarkova E. G. On the issue of the use of artificial intelligence in processing large amounts of text data in the practical activities of employees of the Penal System of the Russian Federation	441
Samoylov A. Yu. Features of establishing spatial and temporal connections during the inspection of the scene	394	PEDAGOGY AND LAW	
Shagieva G. R., Yusupova S. I. Forensic photography	396	Bodko S. P., Vorobyov D. N., Goynov I. V., Kasumova Z. G., Sadkov A. V. Features of physical training of cadets of educational organizations of the FPS of Russia for the winter service doubles competition	444
Dolgushina L. V. Forensic features of the initial investigative actions related to the inspection of the explosion site	398	Gadzhiev I. A., Budakov A. N., Pavel Yu. S. Dependence of intellectual activity on psychophysical loads	447
CRIMINOLOGY		Zorina N. S. Psychological and pedagogical aspects of work with juvenile convicts held in educational colonies	449
Alyshev S. S. The personality of the criminal as the basis of criminological theory	400	Kustova N. K., Tarasenko D. V. To the question of the implementation of the competency-based approach to training students in professional training programs	451
Litvinov R. V., Tishchenko A. V. Criminological characteristics of female crime	402	Liparin E. A., Gushchin D. N., Chetverikova A. I., Trofimov V. A. Interactive methods of forming the communicative competence of future police officers	453
Nurutdinov I. I., Khorolskiy V. V., Valeeva G. Sh., Shcherbakov A. V. Deviant behavior of minors: classification, causes	405	Sudakova O. V. Legal nature of the process of education and upbringing	455
Stupina S. A. Some issues of drug safety through the prism of the information background of society (on the example of the Krasnoyarsk Territory)	407	Zorina N. S. Social factors influencing the formation of criminal behavior of a minor	457
Tailova A. G., Abdulsamedov A. T. Murder for hire: causes, motives and main directions for prevention	410	Sukhorukov V. A., Petrenko D. A., Loginov S. N. Educational mobility as a social elevator in modern society in the context of globalization	459
LAW ENFORCEMENT AGENCIES		PSYCHOLOGY AND LAW	
Valiakhmetov R. R., Amelin S. G., Striga O. N. Organizational and tactical features of conducting various forms of physical training in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia	413	Karavaev A. A., Zhukova A. I., Boloban M. L., Sharafutdinov I. S. Problems of professional and psychological training of police officers to work in special conditions	461
Vertinskiy K. D., Egoshin D. I., Oblap S. I. Organization and features of preparation for the performance of control endurance exercises of a police officer	415	Khorolskiy V. V., Mansurova Z. R., Karavaev A. A., Trofimov V. A. The role of psychological training in the effective performance of official tasks by police officers	463
Guseynov A. A., Shabaev V. V., Torgersen A. S. Methodological guidelines for ensuring the personal safety of police officers during combat in urban conditions	417	POLICY AND LAW	
Ivanchenko E. A., Meleshkin V. V. Certain aspects of the prosecutor's supervision over the legality of the activities of the subjects of the licensing system	419	Aliev Kh. K. V. V. Putin is the guarantor of the stable and progressive development of modern Russian statehood	465
Tsarkova E. G. The use of modern information technologies to assess the effectiveness of the integrated security system of informatization facilities of the Penal System of the Russian Federation	422	Gavrilov D. E., Mozolyuk M. V., Dyma I. S., Vinokurova S. V. Color Revolutions: scenarios and consequences	467
Khorolskiy V. V., Mansurova Z. R., Gorbatsevich O. A., Kortikov A. V. The use of interactive teaching methods in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia	425	Pivovarova I. V., Bogdanova Yu. Z. All-Russian identity as socio-cultural law rural residents	470
Popova A. A., Mikhaylov N. V., Savushkin V. V. The role of fire training for the effective work of employees of special units to perform tasks as part of combat groups	427	STATE AND LAW	
OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES		Butakova N. A., Evgrafova I. V., Sekste Ya. A. Formation and development of the conceptual and legal foundations of the state policy of the Russian Federation in the Arctic region	472
Khannanov R. R. Organizations of operational and investigative activities: to the problem of defining the concept	429	Kulikova Yu. A. On the issue of changing the terms of presidential tenure in the Republic of Tajikistan	475
SECURITY AND LAW		Shestakov Z. D., Yaskov K. S., Litvinchuk P. A., Glushich A. A. Transformation of social policy: challenges of the 21st century and new directions of development	477
Alexeev Yu. G., Nasyrov R. R. Current problems of countering terrorism	432		
Aramisov A. A., Kushpova D. R. Current problems of the spread of cyber extremism among youth	434		

ECONOMY. LAW. SOCIETY

Afanasjeva E. E., Khachatryan O. A. <i>Financing of assistance programs employment: new approaches</i>	480
Vasiljeva Yu. P., Kolesnikov M. V. <i>The current state of innovative development in Russia</i>	483
Volov M. A., Dikinov A. K., Nepeeve K. Yu., Shkakhova F. A. <i>Electronic payment systems as a factor in the development of the digital economy in the Russian Federation</i>	486
Malyshkin N. G., Novakova S. Yu. <i>Development of industrial production in the regions of the Central Federal District</i>	488
Makhmudova Kh. M., Alieva E. B. <i>Problems of avoiding double taxation in Russia</i>	490
Polshakova N. V., Uvarova M. N., Novikova S. Yu. <i>Industry 4.0: system digital transformation of agricultural enterprises</i>	492
Radchenko E. P., Vdovina A. N. <i>On the issue of the impact of public-private partnership mechanisms on the institutional development of the country</i>	498
Kutdusova A. V., Dvoryaninova S. A., Nikitin K. A., Ovchinnikova A. A. <i>Investment Breakthrough: strategies and innovations for growth in modern Russia</i>	500
Sorokina M. D., Boyko E. K., Radchenko D. A., Gerasimov S. D. <i>Investment processes in agriculture</i>	503
Shildt L. A., Tokar Yu. V., Siraev R. A. <i>Assessment of the impact of emissions of pollutants into the atmosphere</i>	506
Shorokhov K. D., Omelchuk N. S., Matveev M. A., Sidorenko M. A. <i>Monopolies in the modern economy: a multidimensional analytical review</i>	509
Li Linlin <i>The development of cross-border tourism between China and Russia in the post-epidemic era</i>	512
He Zhendong, Ning Yanhong, Li Honghong <i>Territorial jurisdiction in civil cases involving foreign states: comparative characteristics of Chinese and Russian legislation</i>	515

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY

Baklanov I. S., Baklanova O. A., Lukyanov G. I. <i>The introduction of artificial intelligence into the sociocultural practices of digital society: consequences and risks of the development of Industry 4.0</i>	519
Gofman A. A., Timoschuk A. S. <i>«Young Squid School» as an investment in the future of Russia</i>	521
Ignatova Yu. E. <i>Social trust as a reduction of sociality, a resource for the development of social institutions and a way to achieve social safeness</i>	523
Kalinina V. O. <i>The philosophical perspective of the environmental policy of the United States of America and the Russian Federation</i>	525
Kitaev N. N., Ardashev R. G., Shamurzaev T. T. <i>Mysticism and law: myths and reality</i>	527
Madzhuga A. G., Azhiev A. V. <i>Conceptual and theoretical foundations of military-patriotic education of students in a coevolutionarily developing world</i>	530
Rabadanova A. A., Gasandibirova M. A., Magomedova F. Ya., Абдулаева З. Э. <i>Voluntary informed consent. Problems of mutual understanding between the patient and the doctor</i>	533
Ravochkin N. N. <i>Transformations of communications in the digital world: philosophical analysis (part 2)</i>	536
Pokhilko A. D., Baklanova O. A., Burkin D. O. <i>Microsociety in modern society: explication of the socio-philosophical aspect</i>	538

Fedotov V. V. <i>Philosophical reflection on the crisis of work motivation</i>	540
Fomin A. A. <i>The revival of Russia's civilizational ethos: problems and prospects</i>	543
Khokhlova O. M. <i>Social consent in the context of national security</i>	546
Gusev V. S. (Bishop Filaret) <i>The originality of the views of N. A. Berdyaev and I. A. Ilyin on man</i>	550
Shevalov S. V. <i>Synthesis of Marxism with other socio-philosophical doctrines: opportunities and prospects</i>	553
REVIEW	
Latypov V. S. <i>A person in respect of whom a criminal case has been separated into a separate proceeding in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him: theoretical, legal and law enforcement analysis (review of the official opponent on I. A. Kosareva's dissertation submitted for the degree of candidate of legal sciences in the specialty 5.1.4. criminal law sciences)</i>	555
INFORMATION FOR AUTHORS	558

З. С. БАЙНИЯЗОВА: ПРОБЛЕМА КОНСОЛИДАЦИИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Интервью с Байниязовой Зульфией Сулеймановной, кандидат юридических наук, доцентом кафедры теории государства и права Юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского.

Z. S. BAYNIYAZOVA: THE PROBLEM OF CONSOLIDATING THE LEGAL STATUS OF AN INDIVIDUAL IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM IN THE DIGITAL AGE

Interview with Bayniyazova Zulfiya Suleymanova, Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Faculty of Law of the N. G. Chernyshevsky Saratov National Research State University.

Байниязова З. С.

Визитная карточка

Байниязова Зульфия Сулеймановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского.

Автор более 100 научных публикаций, большинство из которых в ведущих рецензируемых научных журналах. Имеет две авторские монографии и ряд коллективных монографий. Принимает участие в различных конференциях, в том числе в международных и всероссийских. Сферой научных интересов являются вопросы развития правотворчества, правотrimенения, в целом правовой системы.

Длительное время является членом редколлегии научно-правового журнала «Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан».

– Добрый день, уважаемая Зульфия Сулеймановна! Объясните, пожалуйста, актуальность обозначенной проблемы. Чем вызван Ваш повышенный интерес к данной проблематике?

– Добрый день! Большое спасибо за вопрос!

Прежде всего хотела обратить Ваше внимание на следующее обстоятельство.

На современном этапе развития Российского государства, обусловленном необходимостью решения актуальных задач в различных сферах общества, а также своевременного и адекватного реагирования на вызовы времени, возникает объективная потребность в осмыслении ценностных параметров организации и функционирования отечественной правовой системы.

Сегодня мы живем в век динамично развивающихся общественных отношений, постоянных социальных и правовых трансформаций. И в этих условиях объективно возникает необходимость осмысления приоритетных направлений дальнейшего развития российской правовой системы, к числу которых следует отнести проблему укрепления правового статуса личности. Актуализация данного вопроса во многом объясняется задачей защиты прав человека, совершенствования гарантий их обеспечения в цифровую эпоху. Цифровизация, как одно из ключевых направлений общественного и государственного развития, затронуло в то же время вопросы правового характера, связанные, в особенности, с реализацией правового статуса личности. С учетом данной тенденции, сегодня в значительной степени меняется характер правоотношений в разных сферах общества, что не может не сказаться на состоянии правового статуса личности. Как подтверждение, появление в законодательстве нового понятия «цифровые права» человека (одно из нововведений в гражданском законодательстве). Безусловно, это становится одним из важных посылов для исследования института правового статуса личности, с точки зрения упрочения его основ, повышения эффективности защиты прав человека.

В свою очередь, укрепление основ правового статуса личности связано с определением характера соотношения прав и обязанностей. Права и обязанности – это важные элементы правового статуса человека, по которым в целом раскрывается его качественная характеристика. В этом отноше-

нии следует говорить о необходимости сбалансированного соотношения прав и обязанностей личности. Такая постановка вопроса определяет значимость исследования проблемы консолидации правового статуса личности. В теории права осмысление данного вопроса становится актуальным, учитывая современные вызовы времени. К сожалению, идея консолидированного правового статуса личности не рассматривается на доктринальном уровне. Между тем именно консолидированное состояние правового статуса личности отвечает потребностям времени.

– Вы подчеркнули влияние цифровизации на правовой статус личности. Как бы Вы объяснили значение консолидации прав и обязанностей в правовом статусе личности в современных условиях?

– В российском законодательстве закреплен достаточно широкий перечень прав и свобод личности (личных, политических, экономических, социальных, культурных и др.). Но, несмотря на это, нельзя говорить о состоявшемся правовом статусе личности как полноценном правовом институте, если в нем нет консолидированного соотношения прав и обязанностей. Консолидация прав и обязанностей является неременным условием упрочения основ правового статуса личности. Права и обязанности – это системообразующая основа, тот фундамент, на базе которого полноценно может происходить консолидация правового статуса личности. Ценность прав человека выражается при условии равноценного отношения к юридическим обязанностям. Без обязанностей права человека остаются лишь декларативной моделью. Юридические обязанности – необходимое условие реализации прав человека. Полноценное выражение правового статуса личности в аксиологическом аспекте определяется единством прав и обязанностей. В цифровую эпоху, когда права человека наполняются качественно новым содержанием, прежде всего в информационной сфере, и в условиях изменения роли человека как субъекта в системе общественных отношений, возникает необходимость в выявлении условий, обеспечивающих укрепление правового статуса личности. Акцентированность на правах человека предполагает аналогичное отношение к обязанностям. Без обязанностей сложно представить эффективное осуществление прав человека.

Роль юридических обязанностей в правовом статусе личности является не менее значимой.

При этом сбалансированное соотношение прав и обязанностей должно быть прежде всего на нормативном уровне, в противном случае это может привести к дисбалансированному развитию правовой системы государства. Гармоничное единство прав и обязанностей на нормативном уровне определяет соответствующую правоприменительную практику. Поэтому нормативное равновесие прав и обязанностей является необходимым условием обеспечения прочности правоотношений, устойчивого развития правовой системы. Актуализация вопроса о сбалансированном соотношении прав и обязанностей в особенности важна в цифровую эпоху, когда определенной трансформации подвергается сам институт правового статуса личности. Вместе с этим обстоятельством задача сохранения и упрочения ценностных основ правового статуса личности приобретает характер одного из основных приоритетных направлений развития правовой системы и связанной с ней правовой политики Российского государства. Становится очевидным, что без рассмотрения вопроса о характере соотношения прав и обязанностей в правовом статусе личности невозможно в полной мере выразить сущность правового статуса личности.

Понятие «консолидированное состояние правового статуса личности» можно определить как юридически устойчивое положение личности в обществе, выражающееся через сплочение ее прав, свобод, обязанностей и других элементов правового статуса и формируемое путем обеспечения конституционного единства правовых явлений. Именно консолидация правового статуса личности выражает сущностный аспект данного понятия, позволяет преодолеть неравномерность соотношения фактического и юридического начал в правовом статусе личности. Целостность правового статуса личности выражается в системном единстве прав и обязанностей. В рамках такого подхода к пониманию правового статуса личности становится возможным обеспечение его устойчивости.

– **Зульфия Сулеймановна, на Ваш взгляд, какова сегодня роль права в укреплении основ правового статуса личности?**

– Право занимает важное место в системе социальной регуляции, от степени регулирующего воздействия которого во многом зависит упорядочение общественных отношений. На современном этапе развития Российского государства происходит трансформация правового регулирования, которая затрагивает правовое положение личности в обществе. И в этих объективных условиях актуализируется вопрос о роли права в укреплении основ правового статуса личности.

Консолидированное состояние правового статуса личности предполагает тесное сплочение правового положения личности и права. Право – это один из основных инструментов реализации правового статуса личности. Важно соединить доктринальные представления о ценностном развитии права с идеей воплощения общегуманистических ценностей. Без права нельзя консолидировать правовой статус личности, обеспечить участие лиц в правовой жизни общества.

Устойчивость и сплоченность правовой системы в целом зависит от характера взаимодействия права и личности. Право в восприятии каждого человека не должно носить абстрактного, декларируемого характера. Оно должно быть функционально обращено к личности, оказывать регулирующее воздействие на все сферы общественной жизни. Будучи одним из основных правовых инструментов Российского государства, право способно содействовать осуществлению ценности прав и свобод личности. Право – это необходимое условие жизни каждого индивида, которое, как справедливо утверждал П.И. Новгородцев, «должно быть понято не только как факт социальной жизни, но также как норма и принцип личности». Устойчивость правового статуса человека во многом связана с упрочением права в жизни общества, усилением его регулирующих свойств.

– **Вопрос, связанный с соотношением правового статуса личности и правовой системы. Рассмотрение правового статуса личности, безусловно, связано с исследова-**

нием направлений развития отечественной правовой системы. Как бы это Вы объяснили?

– Как я ранее говорила, укрепление основ правового статуса личности – это одна из важных задач функционирования отечественной правовой системы в современных условиях. На наш взгляд, следует говорить о тесной взаимосвязи, взаимообусловленности правового статуса личности и правовой системы. С одной стороны, правовой статус личности во многом определяет характер правовой системы, а с другой, правовая система является необходимым условием реализации правового статуса личности. Взаимообусловленность правового статуса личности и правовой системы подчеркивается, прежде всего, ценностью личности, ее прав и свобод. Действие правовой системы общества имеет большое значение в том случае, если ее центром выступает личность и она направлена на защиту ценности личности. Как говорил Б.Н. Чичерин, «личность есть определяющее начало всех общественных отношений».

В осмыслении данного вопроса важно обратить внимание на значение гуманистических ценностей. Современные вызовы актуализируют вопросы аксиологического характера. Общественная жизнь не стоит на месте. Но и в условиях динамики общественных отношений незбылемыми должны быть гуманистические ценности, которые обеспечивают устойчивый, целенаправленный вектор общественного развития. Гуманистические ценности призваны оказывать организующее воздействие на правовую систему, тем самым придавать ей устойчивые, ценностные формы, в рамках которых она может эффективно развиваться и оказывать необходимое воздействие на различные сферы общественной жизни. Осмысление значения гуманистических ценностей при всем существующем многообразии теоретических взглядов никогда не утрачивает своей актуальности, напротив, учитывая новые потребности времени, обращенность к данной проблематике звучит всегда по-новому.

В любых условиях, в особенности в цифровую эпоху, правовая система должна выдерживать ориентированность на устойчивое, сбалансированное развитие, на реализацию конституционных принципов о защите прав личности, исходить и в то же время быть обращенной в конечных целях своего функционирования к гуманистическим ценностям, связанным с уважением личности, ее человеческого достоинства (принцип ценности личности).

Принцип ценности человеческой личности выражается, прежде всего, в высшей ценности человека, его прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ). Вместе с тем важно учитывать, что ценность личности – это всеобъемлющее понятие, затрагивающее не только вопросы реализации прав и свобод личности (что всегда важно и актуально), но и задачу обеспечения достоинства личности. Социальная ценность правовой системы во многом связана с воплощением в жизнь идеи уважения личности, ее достоинства, что является ценностным основанием упрочения права, правотворчества, правоприменения, правового статуса личности, в целом всей правовой системы. Правовая система, как и любое правовое явление, имеет свой смысл только при условии обращенности к личности. В юридическом смысле ценность личности выражается через признание прав человека, их осуществление в правовом регулировании, правотворчестве, правоприменении и иных явлениях, образующих правовую систему. Без осознания всей важности ценности личности на уровне организации правовой системы невозможно обеспечить устойчивый вектор ее развития, выразить ценностный потенциал с точки зрения адаптационных возможностей в общесоциальном аспекте, что, прежде всего, является необходимым в цифровую эпоху.

Безусловно, аксиологическая составляющая в рамках системного осмысления данного вопроса предполагает необходимость становления качественно новых характеристик правовой системы, адаптирующих ее к современным условиям. Прежде всего речь идет об обеспечении устойчивого и сбалансированного развития правовой системы, что сегодня является актуальным, значимым в социально-юридическом отношении. Необходимо подчеркнуть, что ориентирующее значение ценности прав человека для развития правовой си-

стемы определяется в то же время ее возможностями создавать соответствующие условия для их обеспечения и защиты. Правовая система может быть эффективной только в случае практического осуществления ценности личности посредством укрепления правового статуса личности. В рамках такого системного рассмотрения можно обнаружить взаимообусловленность ценности прав человека и правовой системы.

При этом одним из основных условий осуществления правового статуса личности является выстраивание соответствующих параметров правотворческой и правоприменительной деятельности в рамках правовой системы. Реализация гуманистических ценностей связана с необходимостью определения ценностных параметров развития правотворчества и правоприменения в правовой системе, что является условием эффективного развития правовой системы и обеспечивает прочную основу для укрепления правового статуса личности. Безусловно, вопрос о направлениях развития правотворчества и правоприменения всегда вызывает повышенный интерес, но в цифровую эпоху в условиях развития информационного общества вопросы обеспечения адекватности правотворчества и правоприменения современным вызовам и соответственно совершенствования форм и механизмов их взаимодействия становятся актуальными. Правотворчество и правоприменение – это важные направления реализации правозащитной функции государства. В силу этого обстоятельства данным видам юридической деятельности должно быть уделено особое внимание. Адекватное реагирование правовой системы на социальные изменения, а также обеспечение упорядоченности общественных отношений в условиях цифровизации возможны при существовании сбалансированного механизма взаимодействия правотворчества и правоприменения.

В условиях цифровизации общества правовая система призвана обеспечить укрепление основ правового статуса личности посредством правотворческого и правоприменительного механизмов, а также регулирующей роли права.

Хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на объективные изменения, тем не менее аксиологическая составляющая (ценностная основа) должна оставаться неизменной с точки зрения антропоцентрической акцентированности в вопросах осмысления общесоциального развития. Правовая система не может эффективно развиваться без присутствия разделяемой большей частью членов общества ценностей, в свою очередь государство должно защищать данные ценности. Правовое воплощение гуманистических ценностей – это одна из приоритетных задач правовой системы России.

– Уважаемая Зульфия Сулеймановна, по Вашему мнению, какова роль Конституции РФ в укреплении основ правового статуса личности?

– Спасибо за вопрос.

Прежде всего хотела бы сказать о конституционно-правовой регламентации основ правового статуса личности.

Конституция России определила конституционные параметры развития правового статуса личности, которые должны быть реализованы в правовой системе. Такие конституционные принципы правового статуса личности, как признание и гарантированность прав и свобод человека и гражданина, их неотчуждаемый и естественный характер являются ориентирами для развития правовой системы, укрепления в этой связи ее правозащитных свойств, в соответствии с базовыми положениями ст. 2 Конституции РФ о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства», а также ст. 18, согласно которой «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Конституция РФ является не только нормативной, но и ценностной основой правовой системы. Закрепленные в ней конституционные ценности выражают аксиологический вектор развития правовой системы. Осмысление социальной значимости правовой системы в условиях развития

информационного общества во многом связано с вопросом реализации конституционных ценностей, в рамках которых соответствующие должны выстраиваться параметры организации и функционирования правовой системы, и тем самым будет оказываться ее влияние на развитие информационного пространства. Содержащиеся в Конституции РФ ценности позволяют обеспечить сбалансированность правовой системы, необходимое ее соответствие современным вызовам времени. Закрепленные в Конституции России положения о ценности прав и свобод человека и гражданина являются началами, которые призваны обеспечивать устойчивое развитие правовой системы, и в соответствии с которыми она способна оказывать эффективное воздействие на общественные отношения. Следует говорить о взаимообусловленности Конституции, правового статуса личности и правовой системы. Конституция России, являясь нормативно-ценностной основой правовой системы, определила гуманистический вектор ее развития, всех ее составляющих, прежде всего правотворчества и правоприменения, в целом правозащитную направленность.

В этой связи следует говорить об ориентирующей роли Конституции РФ в отношении отечественной правовой системы, учитывая то, что она закрепила основные, ценностные ориентиры ее развития. Конституция выполняет консолидирующую функцию в отношении российской правовой системы.

Необходимо подчеркнуть, что признание консолидирующей роли Конституции РФ повышает социальную ценность правовой системы, поскольку через нее конституционные основы претворяются в поведении конкретных лиц.

– В современных условиях, вызванных процессами развития информационных технологий, цифровизации, повышенный интерес вызывают вопросы защиты прав человека. Периодически в юридической литературе поднимается вопрос о защите правового статуса личности в цифровую эпоху. Как бы Вы прокомментировали эту проблему?

– Да, вопросы защиты правового статуса личности в цифровую эпоху являются актуальными. Эффективность защиты прав и свобод личности во многом зависит от деятельности правозащитных учреждений, которые должны быть консолидированы между собой. В современных условиях важно формировать консолидированный правозащитный механизм в самой российской правовой системе, что во многом связано с необходимостью совершенствования гарантий обеспечения прав человека и координацией деятельности всех правозащитных учреждений. Путем становления консолидированного правозащитного механизма будет укрепляться правозащитное направление деятельности Российского государства.

В осмыслении данного вопроса необходимо подчеркнуть следующее важное обстоятельство. Консолидированное состояние правового статуса личности выражает основанную на консолидирующей роли Конституции РФ взаимосвязь правовой активности личности и деятельности государства по осуществлению гарантий прав человека и гражданина. Государство является основным субъектом, которое способно предоставить личности возможность быть полноценным субъектом государственно-правовой жизни. Без государственного участия невозможно представить себе укрепление и защиту правового статуса личности. Механизм государственного участия в создании условий для осуществления и защиты прав и свобод личности во многом консолидирует правовой статус личности.

– Уважаемая Зульфия Сулеймановна, Вы в своих пояснениях постоянно упоминаете о консолидации, связывая это с правовой системой. Объясните, пожалуйста, значение консолидации для правовой системы общества?

– Сегодня российская правовая система существует в условиях повышенных запросов современности, а это означает, что она должна быть консолидированным выражением новых общесоциальных, в том числе юридических, возможностей, адекватных потребностям развития страны. Правовая

система в общесоциальном отношении востребована, если она способна динамично и адекватно реагировать на происходящие социальные и правовые перемены. Национальные интересы Российского государства в новых условиях связаны с обеспечением стабильного экономического и социального развития, а, следовательно, с необходимостью создания устойчивых правовых механизмов на уровне правовой системы.

В современных условиях общественная жизнь нуждается в функциональных, процессуальных состояниях правовой системы и составляющих ее правовых явлений. Востребованность в этих характеристиках сегодня очевидна для правового, общественного и государственного развития. Речь идет прежде всего о консолидированном состоянии национальной правовой системы. На наш взгляд, именно такое состояние правовой системы адекватно вызовам современной эпохи, когда правовая система подвержена изменениям объективного характера. Осмысление данного вопроса является необходимым для понимания роли правовой системы, объяснения ее социальной значимости в условиях цифровизации общества.

Отечественная правовая система не может и не должна быть аморфной. Неопределенность создает сложности в характере воздействия правовой системы на общественные отношения, в то время как правовая система должна по своему социальному значению придавать им устойчивость, в особенности это относится к механизму правового регулирования. В этой связи важно говорить о ценностных параметрах организации и функционирования правовой системы, связывая это, прежде всего, с такой ее качественной характеристикой, как консолидированное состояние. С учетом необходимости осуществления новых приоритетов в различных сферах общества возникает объективная потребность в осмыслении качественно иных форм организации отечественной правовой системы. Консолидированное состояние правовой системы – это качественная характеристика, которая отражает ее сбалансированное, сплоченное и устойчивое состояние с юридическими возможностями, востребованными в общесоциальном смысле.

Консолидированная правовая система предполагает состояние *сплоченного* ее структурного, функционального единства. Консолидация позволяет структурировать правовую систему в единую общность, как сплоченное единство ее элементов. В условиях консолидации эффективность правовой системы обеспечивается, прежде всего, высокой сплоченностью правовых явлений, интегрированным состоянием правового пространства государства, различных уровней правотворческой и правоприменительной деятельности, целостностью механизма правового регулирования. Действенность таких юридических средств, как нормы права, юридические механизмы и т.д., становится намного выше, чем в неконсолидированной правовой системе.

Все элементы правовой системы должны находиться в состоянии динамичного равновесия, баланса, уравновешенности. Не должно быть явного перекоса, который может привести к негативным явлениям в правовой системе. Лишь только в состоянии равновесия можно достигать долговременных положительных результатов. Равновесие в правовой системе есть сохранение того, что приводит к балансу.

В консолидированном состоянии правовой системы обеспечиваются эффективные условия для юридической защиты правового статуса личности, для обеспечения баланса прав личности и обязанностей государства, личных, общественных и государственных интересов, для устойчивого правового регулирования, что является необходимым для стабильного экономического развития государства в цифровую эпоху.

Значительным преимуществом консолидированной правовой системы является то, что в таком качественном состоянии правовая система способна сплотить все составляющие ее правовые явления в целях целенаправленного преобразования правовой действительности в соответствии с едиными ценностными началами, обеспечить сплочение правовых, социальных, экономических регуляторов. Именно

в консолидированном состоянии правовой системы создаются устойчивые правовые возможности, необходимые для ее поступательного, эффективного развития.

Очевидно, что даже исходя из такой постановки вопроса, следует говорить о необходимости повышенного внимания к правовой системе, к ее институциональным и функциональным характеристикам, к формам выражения, к тому, какова должна быть модель ее развития. В целом сама постановка вопроса в таком ракурсе предполагает рассмотрение правовой системы с точки зрения ее возможностей эффективно воздействовать на общественные отношения, придавать им устойчивость. Это является важным аргументом в обоснование положения о том, что сегодня отечественная правовая система нуждается в своем консолидированном состоянии.

Рассмотрение проблемы консолидации российской правовой системы отражает качественный новый подход к ее осмыслению. Будучи консолидированной, правовая система приобретает иную степень ее необходимости, востребованности, способна обеспечить общесоциальные потребности. Перед правовой системой сегодня стоят новые задачи, которая она может эффективно разрешать при условии ее консолидированного состояния. Консолидация правовой системы является способом обеспечения конституционного единства правовой жизни. Обращенность к такому аспекту в ракурсе исследования проблемы консолидации правовой системы представляется новой в юридической науке, имеющей важное теоретико-практическое значение, исходя из необходимости дальнейшей реализации потенциала Конституции РФ, заложенных в ней конституционных начал, принципов и ценностей.

Правовая организация общественной жизни должна быть адекватна задаче цифровизации общества, что во многом зависит от степени соответствия отечественной правовой системы вызовам цифровой эпохи. Поступательное движение правовой системы в сторону ее консолидации детерминирует системное, целенаправленное правовое развитие Российского государства в интересах настоящего и будущего страны.

– Уважаемая Зульфия Сулеймановна! Благодарим Вас за интересное интервью. Что бы Вы пожелали журналу?

– Большое спасибо! Пожелала бы Евразийскому юридическому журналу дальнейшего развития! Авторам – творческих успехов, читателям – интересных статей на страницах журнала!

Интервью брали:

Бондаренко

Александр Викторович
заместитель главного редактора
Евразийского юридического журнала,
кандидат философских наук,
доцент

Лукиянов

Михаил Юрьевич
ответственный редактор
Евразийского юридического журнала,
кандидат политических наук,
доцент

ВЕЧЕРНИН Денис Сергеевич

кандидат юридических наук, руководитель проекта Центра управления изменениями Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье исследуются теоретические и нормативные основы поддержания коллективной продовольственной безопасности в Евразийском экономическом союзе. На основе проведенного анализа международно-правовых актов ЕАЭС в данной сфере автор делает вывод о необходимости их изменения и формулирует соответствующие предложения. Отмечается, что дальнейшее развитие правового регулирования системы коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС должно базироваться на общепризнанных принципах права международной безопасности и опыте международно-правового регулирования общественных отношений в данной сфере на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: право, безопасность, коллективная продовольственная безопасность, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, продовольственная политика, международное право, принципы, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс.

VECHERNIN Denis Sergeevich

Ph.D. in Law, project manager of Change Management Center of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE LEGAL BASIS FOR ENSURING COLLECTIVE FOOD SECURITY IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article examines the theoretical and regulatory foundations for maintaining collective food security in the Eurasian Economic Union. Based on the analysis of the international legal acts of the EAEU in this area, the author concludes that they need to be changed and formulates appropriate proposals. It is noted that the further development of the legal regulation of the collective food security system in the EAEU should be based on the generally recognized principles of international security law and the experience of international legal regulation of public relations in this area in the post-Soviet space.

Keywords: law, security, collective food security, Eurasian Economic Union, EAEU, food policy, international law, principles, agriculture, agro-industrial complex.

Обеспечение международной продовольственной безопасности – важнейшая проблема человечества в XXI веке. Согласно прогнозу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), к 2050 г. спрос на продукты питания в мире, вызванный приростом населения на 40 %, ростом среднего класса при снижении доли жителей, живущих за чертой бедности, увеличится вдвое¹, что потребует от мирового сообщества выработки новых подходов к решению продовольственной проблемы.

Складывающаяся в настоящее время ситуация с обеспечением населения земного шара продовольствием все больше обостряется и постепенно приобретает черты мирового продовольственного кризиса². Так, по данным ФАО ООН в 2022 году от голода страдало от 690 до 783 млн человек. Это на 122 млн больше, чем до пандемии COVID-19. В 2022 году круглогодичного доступа к безопасной и питательной пище в достаточных объемах не имели 2,4 млрд человек³. На наш взгляд, указанные данные свидетельствуют о том, что функционирование глобального продовольственного механизма

недостаточно эффективно для более чем одной трети населения земного шара.

К ухудшению ситуации с обеспечением глобальной продовольственной безопасности также приводят климатические изменения, взаимные рестрикции и торговые войны, обострение конкуренции между основными странами-экспортерами агропродовольственной продукции и другие факторы.

Также негативное влияние на обеспечение глобальной, региональной и национальной продовольственной безопасности оказывает практика использования продовольствия в качестве инструмента политического принуждения с целью обеспечения доминирования на международной арене [8].

В условиях снижения эффективности глобального механизма обеспечения продовольственной безопасности приобретает актуальность совершенствование существующих систем обеспечения продовольственной безопасности и создание новых форматов ее поддержания в рамках международных организаций региональной экономической интеграции.

Обеспечение продовольственной безопасности постепенно становится одной из важнейших задач функционирования региональных международных организаций, поскольку бесперебойное снабжение населения безопасными и качественными продуктами питания остается важнейшей целью и инструментом поддержания политической и социально-экономической стабильности как в отдельных странах, так и в регионе в целом.

Как показывает опыт СНГ и ШОС, созданная на уровне региональной международной организации система регулирования продовольственной безопасности позволяет странам-участникам коллективно успешно решать задачу обеспечения населения продовольствием [2], [3].

1 Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире / Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций. – Рим, 2012. – 65 с.

2 Доклад Национального координатора России по реализации решений Саммита ООН по продовольственным системам «Влияние западных санкций на глобальный продовольственный кризис и рынок удобрений». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dipacademy.ru/documents/4981/%D0%94%D0%9E%D0%9A%D0%9B%D0%90%D0%94_%D0%A0%D0%A3%D0%A1%D0%A1.pdf (дата обращения: 19.05.2023).

3 The State of Food Security and Nutrition in the World (SOFI). Rome, 2023. 316 p. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/cc3017en> (дата обращения: 08.12.2023).

С подписанием Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) было юридически оформлено создание крупнейшего по территории интеграционного объединения современного мира, которое в настоящее время занимает ведущие позиции по производству и экспорту продовольственной пшеницы. К 2023 году странам-членам ЕАЭС удалось добиться практически полной самообеспеченности основными видами сельскохозяйственных товаров (93 %) и за счет увеличения экспорта продукции агропромышленного комплекса обеспечить серьезный вклад в решение проблемы всемирной продовольственной безопасности.

Как показывает правоприменительная практика [1, с. 45], обеспечение продовольственной безопасности является одной из первостепенных задач для всех государств – членов Евразийского экономического союза, которая входит в приоритет повестки международной организации и обсуждается на различных уровнях в рамках ЕАЭС.

Учитывая изложенное, целью настоящего исследования является изучение терминологического аппарата и правовых основ института коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС, а также выработка предложений по его совершенствованию.

Необходимо отметить, что в XXI веке в связи с изменением характера угроз, с которыми сталкивается мировое сообщество, происходит постепенное изменение содержания понятия «коллективная безопасность» в современном международном праве.

Если ранее в классическом понимании коллективная безопасность представляла собой установленную Уставом ООН и другими международно-правовыми документами систему совместных действий государств по предотвращению несанкционированного применения военной силы, борьбы с международным терроризмом, ограничения и сокращения вооружений, то в настоящее время в рамках совместных действий государств по поддержанию мира и международной безопасности все большее внимание уделяется достижению политической, экономической и социальной стабильности посредством обеспечения различных видов безопасности государств, в том числе продовольственной. В этой связи опыт правового регулирования коллективной продовольственной безопасности в рамках ЕАЭС способен внести значимый вклад в дальнейшее развитие института коллективной безопасности в современном международном праве.

В академическом сообществе сформировалось мнение, что понятие продовольственной безопасности не определено в праве ЕАЭС и вопросы ее обеспечения напрямую не регулируются Договором о ЕАЭС [5, с. 17].

Однако анализ международно-правовых документов показывает, что основы регулирования продовольственной безопасности ЕАЭС включая соответствующие термины и определения были разработаны и получили формальное закрепление еще до создания данной международной организации в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) – предшественника ЕАЭС, прекратившего деятельность с 1 января 2015 года⁴.

В декабре 2009 г. была утверждена Концепция продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества⁵, которая нормативно закрепила термины и определения, цели и задачи продовольственной безопасности ЕврАзЭС, определила комплекс мер по обеспечению продовольственной безопасности, который должен был быть закреплен в нормативных актах ЕврАзЭС, а также механизм

оценки эффективности обеспечения продовольственной безопасности в странах сообщества.

Данная концепция определила продовольственную безопасность ЕврАзЭС как способность Сообщества содействовать обеспечению продовольственной независимости⁶ государств-членов и гарантированности физической и экономической доступности продовольствия для всего населения Сообщества в количестве и качестве, необходимых для активной и здоровой жизни. В свою очередь, продовольственная безопасность государства была определена как состояние экономики государства, при котором за счет собственного производства обеспечивается продовольственная независимость страны и гарантируется физическая и экономическая доступность основных видов продовольствия и чистой питьевой воды для всего населения в количестве и качестве, необходимых для активной и здоровой жизни, обеспечения демографического роста. Таким образом, продовольственная безопасность ЕврАзЭС не могла быть обеспечена без продовольственной самообеспеченности стран-членов сообщества.

Важнейшим инструментом обеспечения продовольственной безопасности на наднациональном уровне является согласованная (скоординированная) агропромышленная политика, которая предполагает использование механизмов межгосударственного взаимодействия по различным направлениям, получившим дальнейшее закрепление в нормативных актах ЕАЭС.

Повышение уровня продовольственной безопасности соответствует ключевой цели согласованной (скоординированной) агропромышленной политики в части эффективной реализации ресурсного потенциала государств-членов ЕАЭС для оптимизации объемов производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, удовлетворения потребностей общего аграрного рынка (п. 2 ст. 94 Договора о ЕАЭС)⁷. Таким образом, мнение о том, что понятие продовольственной безопасности не зафиксировано в праве ЕАЭС и вопросы ее обеспечения напрямую не регулируются Договором о ЕАЭС, не находит подтверждения.

Дальнейшее развитие нормативно-правовой базы в области обеспечения продовольственной безопасности связано с подготовкой проекта Концепции коллективной продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза, проект которой был размещен для общественного обсуждения в июне 2019 года⁸.

В отличие от международно-правовых документов, разработанных и принятых в ЕАЭС ранее, в данном проекте появляется новый термин «коллективная продовольственная безопасность», который определен как способность обеспечивать достаточный уровень физической и экономической доступности продуктов питания для населения государств-членов <...> преимущественно за счет собственного производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Данная концепция призвана заложить основы, принципы, цели и задачи обеспечения коллективной продовольственной безопасности государств-членов, методику

4 Федеральный закон от 03 февраля 2015 г. № 1-ФЗ «О ратификации Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества» // СЗ РФ. – 2015. – № 6. – Ст. 879.

5 Решение № 464 Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества «О Концепции продовольственной безопасности Евразийского экономического сообщества» // СПС Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2568772/?ysclid=lrkm81j5lg849254560> (дата обращения: 29.12.2023).

6 Продовольственная независимость была определена в Концепции как состояние экономики, при котором производство жизненно важных пищевых продуктов за год составляет в соответствии с рекомендациями ФАО 80% годовой потребности населения в этих пищевых продуктах в соответствии с физиологическими нормами питания.

7 Договор о Евразийском экономическом союзе // СПС Гарант. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70670880/?ysclid=lrkmsajew6447130017> (дата обращения: 29.12.2023).

8 О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Евразийского межправительственного совета «О Концепции коллективной продовольственной безопасности государств – членов Евразийского экономического союза» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0103906/pd_28062019 (дата обращения: 29.12.2023).

ее оценки, приоритетные направления и меры по обеспечению коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС, а также организационный механизм реализации ее положений.

Анализ проекта концепции позволяет сделать следующие выводы:

– в проекте концепции не представлен раздел с важнейшими терминами и определениями, что не позволяет точно интерпретировать суть отдельных положений проекта документа;

– авторы концепции полагают, что необходимым условием обеспечения коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС является не самообеспеченность государств-членов базовыми продуктами (продовольственная независимость), а развитие взаимной торговли и торговли ЕАЭС с третьими странами сельскохозяйственной продукцией и продовольствием. Вместе с тем, либерализация мировой торговли отнесена к рискам формирования устойчивой системы по обеспечению коллективной продовольственной безопасности государств-членов ЕАЭС;

– несмотря на то, что устойчивость внутреннего производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия государств-членов является гарантией обеспечения коллективной продовольственной безопасности, устойчивое развитие внутреннего производства основных видов продовольствия в проекте Концепции не отнесено к основным задачам обеспечения коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС;

– развитие нормативно-правовой базы по обеспечению и регулированию продовольственной безопасности в государствах-членах и на уровне ЕАЭС заявлено разработчиками как один из элементов механизма реализации основных направлений концепции. Однако заявленные в проекте Концепции приоритетные направления и меры обеспечения коллективной продовольственной безопасности не содержат конкретных предложений по развитию нормативной базы ЕАЭС в данной сфере.

В целях создания эффективной системы коллективной продовольственной безопасности государств-членов ЕАЭС предлагается доработать проект вышеуказанной концепции следующим образом:

– включить раздел «Основные понятия»;

– учитывая внешнеторговые риски, обусловленные усилением протекционизма в мировой торговле и взаимными рестрикциями, предлагается переработать определение понятия «коллективная продовольственная безопасность государств-членов» в проекте концепции с акцентом на обеспечении продовольственной независимости государств-членов посредством развития внутреннего производства основных видов сельскохозяйственной продукции и продовольствия в государствах-членах Союза;

– разработать и вынести на общественное обсуждение одновременно с проектом Концепции проект плана мероприятий по ее реализации.

Необходимо отметить, что в рамках формирования системы стратегического планирования ЕАЭС была предусмотрена разработка общих принципов и подходы к обеспечению продовольственной безопасности государств-членов Союза, которые были одобрены советом Евразийской экономической комиссии в сентябре 2021 года⁹.

В качестве общих принципов обеспечения продовольственной безопасности государства-члены определили не-

допустимость дискриминации на общем аграрном рынке Союза, сочетание национальных интересов и целей функционирования ЕАЭС, обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства в странах-членах и общего аграрного рынка, а также учет международного опыта при оценке продовольственной безопасности государств-членов.

Что касается общих подходов к обеспечению продовольственной безопасности, то на уровне ЕАЭС было сформулировано три важнейших направления взаимодействия.

Первое направление предусматривает повышение уровня продовольственной независимости государств-членов посредством увеличения эффективности производства, развития взаимодействия по вопросам государственной поддержки аграрного сектора, а также обращения органической продукции.

Второй подход направлен на реализацию потенциала взаимной торговли стран Союза, включая обеспечение взаимодействия по вопросам взаимных оперативных поставок сельскохозяйственных товаров, проведение совместных отраслевых деловых мероприятий, а также использование системы долгосрочного прогнозирования развития агропромышленных комплексов.

В рамках третьего общего подхода совместные усилия государств-членов ЕАЭС должны быть направлены на снижение зависимости от импорта средств производства из третьих стран. Для этого предусматривается развитие в Союзе селекции и семеноводства, племенного животноводства, разработка современных технологий производства кормов, совершенствование ветеринарного обеспечения отрасли, проведение совместных научных разработок и обмен опытом в области инновационных достижений, а также ряд других мероприятий.

С целью реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года и Декларации о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» в части обеспечения общего рынка ЕАЭС продовольственными товарами предлагается расширить Общие подходы к обеспечению продовольственной безопасности:

– в рамках повышения уровня продовольственной независимости государств-членов в условиях влияния внутренней и внешней конъюнктуры рынка предлагается сформировать стратегический запас сельскохозяйственного сырья и продовольствия (специальный продовольственный фонд ЕАЭС). Функционирование данного института должно осуществляться без нарушения государственного и продовольственного суверенитета государств-членов ЕАЭС;

– включить подход «Обеспечение безопасности и качества продукции агропромышленного комплекса», который должен предусматривать дальнейшее развитие технического регулирования и стандартизации в рамках права ЕАЭС, а также совершенствование ветеринарно-санитарных, карантинных фитосанитарных и санитарных мер;

– включить подход «Повышение уровня продовольственной безопасности в условиях расширения научно-образовательного сотрудничества», в рамках которого предполагается взаимодействие государств-членов Союза с целью последовательного сближения государствами-членами квалификаций и совершенствования систем подготовки специалистов сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности для повышения эффективности функционирования общего аграрного рынка ЕАЭС.

На наш взгляд, дальнейшее развитие системы коллективной продовольственной безопасности стран-членов в рамках права Евразийского экономического союза должно основываться на таких отраслевых принципах права международной безопасности, как принципы неделимости и равной безопасности.

9 Решение Совета ЕЭК от 14 сентября 2021 г. № 89 «Об общих принципах и подходах к обеспечению продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01030281/erg_08102021_89 (дата обращения: 10.01.2024).

Согласно доктрине права международной безопасности [7], принцип неделимости безопасности означает, что безопасность должна быть одинаковой для всех государств, а безопасность одного государства не должна обеспечиваться за счет безопасности других. В свою очередь, принцип равной безопасности предусматривает право каждого государства на безопасность и запрет нанесения ущерба безопасности других государств.

На наш взгляд, соблюдение данных принципов является важным фундаментом эффективной реализации права международной безопасности и его нормативно-правовых основ на евразийском пространстве.

В рамках обсуждения академическим сообществом путей дальнейшего совершенствования механизма правового регулирования коллективной продовольственной безопасности ЕАЭС также имеет место дискуссия о принятии специального регионального акта по аналогии с действующим на уровне Содружества Независимых Государств модельным законом «О продовольственной безопасности»¹⁰.

В частности, высказывается точка зрения, что попытка правового регулирования проблемы обеспечения продовольственной безопасности путем принятия на наднациональном уровне модельных законов нельзя считать успешной, так как практика обеспечения продовольственной безопасности на постсоветском пространстве не всегда основывается на принципах взаимного уважения и защиты интересов государств-партнеров, а нормативные правовые акты государств-партнеров по ЕАЭС и СНГ не всегда приводятся в соответствие с положениями модельных законов в данной сфере [6, с. 638].

Позволим себе не согласиться с данной оценкой, поскольку принятый на четырнадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в 1999 году модельный закон «О продовольственной безопасности» заложил концептуальный подход к дальнейшему регулированию продовольственной безопасности как на уровне отдельных стран, так и на наднациональном уровне (СНГ, ЕврАзЭС и в дальнейшем ЕАЭС).

Несмотря на то, что данный закон был только рекомендован парламентам государств-участников СНГ для использования при разработке национального законодательства, его важнейшее положение о продовольственной безопасности государства как состояния национальной экономики, при котором обеспечивается продовольственная независимость страны было положено в основу нормативных актов государств, регулирующих сферу продовольственной безопасности¹¹.

Вместе с тем, полагаем, что в настоящее время принятие специального регионального акта по аналогии с модельным законом СНГ «О продовольственной безопасности» на уровне ЕАЭС нецелесообразно, так как с момента создания Союза уже сформирована нормативная база обеспечения коллективной продовольственной безопасности государств-членов ЕАЭС, которая базируется на вышеуказанных международно-правовых документах СНГ и ЕврАзЭС и учитывает особенности социально-экономического положения стран-участниц.

Как справедливо отметил В. И. Добросоцкий, многолетнее сотрудничество стран ЕАЭС в рамках СНГ продемонстрировало солидарность партнеров в конструировании системы коллективной продовольственной безопасности [4, с. 42]. Для этого была создана единая правовая база, состоящая из многочисленных соглашений, которые стали правовым фундаментом построения коллективной продовольственной безопасности государств-членов ЕАЭС.

Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования системы коллективной продовольственной безопасности в ЕАЭС должно базироваться на общепризнанных принципах права международной безопасности и опыте международно-правового регулирования общественных отношений в данной сфере на постсоветском пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Байгот М., Зновец М. Продовольственная безопасность Евразийского экономического союза в рамках мировой продовольственной системы // *Аграрная экономика*. – 2021. – № 1 (11). – С.44-51.
2. Вечернин Д.С. О перспективах сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в сфере продовольственной безопасности: международно-правовой аспект // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право*. – 2022. – № 4 (19). – С. 11-21.
3. Вечернин Д. С. Правовые основы сотрудничества государств- участников Содружества Независимых государств в сфере продовольственной безопасности // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. – 2023. – № 7-8 (206-207). – С. 29-35.
4. Добросоцкий В. И. Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического союза: мировой и региональные аспекты. – М.: Одинцовский филиал МГИМО, 2019. – 128 с.
5. Камальян А. К. Продовольственная безопасность в Евразийском экономическом союзе: проблемы и пути решения // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2022. – № 4. – С. 12-20.
6. Кудинов, В. В. Роль модельного законодательства в правовом регулировании продовольственной безопасности государства // *Заметки ученого*. – 2021. – № 5-1. – С. 636-639.
7. *Международное право*. В 2 ч. Ч. 2: учебник для академического бакалавриата / Под ред. А. Н. Вылегжанина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 312 с.
8. Трунов И. Л. «Еда – это оружие». Продовольственная безопасность России // *Евразийский юридический журнал*. – 2022. – № 11 (174). – С. 305-306.

¹⁰ Модельный закон Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 16 октября 1999 г. «О продовольственной безопасности» // *Информационный бюллетень*. – 2000. – № 23. – С. 155-161.

¹¹ Например: Закон Республики Армения от 05 июня 2002 г. №ЗР-338 «Об обеспечении продовольственной безопасности»; Закон Кыргызской Республики от 4 августа 2008 г. №183 «О продовольственной безопасности Кыргызской Республики»; Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» и др.

ХАЛИПОВ Сергей Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НЕТАРИФНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОССИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

В статье рассматривается содержание нетарифного регулирования внешней торговли товарами. Приводятся научные и официальные классификации нетарифных мер. Исследуется единое нетарифное регулирование Евразийского экономического союза. Анализируется законодательство Российской Федерации о внешнеторговой деятельности. Демонстрируются проблемные примеры соотношения права Союза с отдельными мерами нетарифного регулирования, введенными Россией и другими государствами-членами в одностороннем порядке. Формулируются выводы о системе нетарифного регулирования в условиях евразийской экономической интеграции и возможностях государств-членов самостоятельно применять нетарифные меры.

Ключевые слова: нетарифное регулирование, запреты и ограничения внешней торговли товарами, право Евразийского экономического союза, лицензирование и квотирование, исключительное право на импорт и экспорт товаров, односторонние нетарифные меры.

КHALIPOV Sergey Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Public law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of Russia

LEGAL FUNDAMENTALS OF RUSSIA'S NON-TARIFF REGULATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The article deals with the substance of non-tariff regulation of foreign trade in goods. Scientific and official classifications of non-tariff measures are given. The unified non-tariff regulation of the Eurasian Economic Union is studied. The legislation of the Russian Federation on foreign trade activities is analyzed. Problematic examples of correlation of the Union's law with individual measures of non-tariff regulation introduced in Russia and other member states unilaterally are demonstrated. Conclusions about the system of non-tariff regulation in the context of the Eurasian economic integration and about possibilities of member states to apply non-tariff measures independently are formulated.

Keywords: non-tariff regulation, prohibitions and restrictions on foreign trade in goods, the Eurasian Economic Union law, licensing and quotas, the exclusive right to import and export goods, unilateral non-tariff measures.

Введение.

Нетарифное регулирование в правовых и экономических публикациях рассматривается через меры, воздействующие на импортно-экспортные операции, не связанные с таможенным тарифом. Отсюда название – меры нетарифного регулирования. Используются и другие словосочетания, например, нетарифные барьеры, нетарифные ограничения, нетарифные инструменты.

В международном экономическом праве нетарифным мерам отводится роль «второго эшелона» (после таможенных пошлин) защиты национальных рынков [8, с. 172]. В аналитических материалах Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) нетарифные инструменты также упоминаются как эффективный механизм воздействия на торговлю в условиях снижения таможенных пошлин¹. Разнообразны и классификации нетарифных мер, множественность которых открывает широкий выбор целевых критериев. Например, предлагается делить нетарифные меры на технические (обеспечение безопасности) и нетехнические (экономические), торговые и неторговые [2, с. 23], предупредительные и восстановительные [6, с. 227], меры и протекционистские барьеры [9, с. 13-14], запреты, ограничения и стимулы [3, с. 66], рассматривать по последствиям влияния на внешнюю торговлю [4, с. 9-10]. Высказывается мнение о неограниченном перечне мер нетарифного регулирования (ввиду разного происхождения и постоянного пополнения) [1, с. 14].

Статистической комиссией ООН представлена классификация мер нетарифного регулирования, состоящая из 16 разделов (от «А» до «Р»: СФС-меры²; технические барьеры; предодгрузочная инспекция; лицензирование, квотирование; правила происхождения и др. меры) [5, с. 5-7]. Примечательно, что в числе перечисленного есть нетарифные меры, которые таковыми, по своему назначению, не являются. Так, в соответствии с подпунктом (далее – подп.) «d» пункта (далее – п.) 1 статьи (далее – ст.) 9 Соглашения по правилам происхождения³, последние не должны прямо или косвенно использоваться для достижения целей в регулировании торговли. Видимо в классификации ООН обращается внимание на недопустимые [7, с. 66], но применяемые на практике, меры нетарифного характера.

Изложенное выше демонстрирует отсутствие общепризнанного понимания нетарифного регулирования. Не существует конкретного перечня нетарифных мер, а единственным критерием использования нетарифной терминологии выступает неприменение таможенных пошлин. Но и тут без оговорок не обойтись. Например, в 16-ю группу «Р» нетарифной классификации ООН – Меры, касающиеся экспорта, вошли экспортные налоги и сборы, включающие, в том числе и экспортные пошлины, в частности, на сырую нефть [5, с. 93]. Выходит, что за тарифным регулированием остается применение только ввозных таможенных пошлин. Все прочие торговые регуляторы, вместе с вывозными таможенными пошлинами, следует относить к нетарифным мерам. На чем же тогда основывается

1 Аналитический доклад ЕЭК «О ситуации по устранению препятствующих функционированию внутреннего рынка Евразийского экономического союза барьеров для взаимного доступа, а также изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы». – М., 2015. – С. 14. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://barriers.eaeunion.org/ru/ru/Documents/2015.pdf> (дата обращения: 22.01.2024).

2 2СФС (англ. аббревиатура SPS – Sanitary and Phytosanitary Measures) – меры по защите людей (санитарные меры), животных (ветеринарно-санитарные меры), растений (фитосанитарные меры) от болезней, вредителей или загрязняющих веществ.

3 Соглашение по правилам происхождения (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СЗ РФ. – 2012. – № 37 (приложение, ч. VI). – Ст. 2714 - 2725.

законодательство Российской Федерации (далее – РФ) и право Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) в сфере нетарифного регулирования? На собственной классификации нетарифных мер. Вот тут и возникают практические вопросы унификации национальной и наднациональной концепций. Единое нетарифное регулирование внешней торговли товарами ЕАЭС требует гармонизации правовых основ, применяемых органами Союза (ЕЭК) и его государствами-членами.

Нетарифное регулирование по законодательству России и праву ЕАЭС.

В законодательстве РФ нетарифное регулирование обозначено методом государственного регулирования внешней торговли товарами, осуществляемым путем введения количественных ограничений и иных запретов и ограничений экономического характера (п. 17 ч. 1 ст. 2 Закона о регулировании внешнеторговой деятельности)⁴. Виды запретов и ограничений экономического характера содержатся в ст. 21 – 23 (количественные ограничения и запреты экспорта), ст. 24 (лицензирование), ст. 26 (исключительное право на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров), ст. 27 (специальные защитные меры, антидемпинговые меры и компенсационные меры). При этом лицензирование может использоваться для обеспечения других мер нетарифного регулирования, например:

квотирования (выдача квоты сопровождается оформлением лицензии);
предоставления исключительного права на экспорт и (или) импорт отдельных видов товаров (оформляется выдачей лицензии).

Иные меры правового регулирования внешней торговли товарами, отличные от таможенных пошлин, налогов и, не относящиеся к нетарифным мерам получили название мер, вводимых исходя из национальных интересов (ст. 32 Закона о регулировании внешнеторговой деятельности). Будто меры нетарифного регулирования преследовали какие-то другие интересы. Многое в Законе о регулировании внешнеторговой деятельности остается непонятным. Например, экономической характер нетарифных мер. Лицензирование экспорта и (или) импорта отдельных видов товаров, «которые могут оказать неблагоприятное воздействие на жизнь или здоровье граждан, окружающую среду, жизнь или здоровье животных и растений» явно не преследует экономических целей. С другой стороны, меры, не отнесенные к нетарифным и вводимые «для приобретения или распределения товаров при общем или местном их дефиците» должны иметь экономическое обоснование.

В условиях прямого действия в нашей стране права ЕАЭС, приведенные выше неясности законодательства РФ о внешне-торговой деятельности, не требуют корректив. Все, что касается правовых основ нетарифного регулирования, за исключением упоминаний о введении РФ нетарифных мер в одностороннем порядке, должно быть исключено из национального законодательства. На основании подп. 2 п. 1 ст. 25 Договора о ЕАЭС⁵ (далее – Договор), в рамках таможенного союза государств-членов применяются ЕТТ ЕАЭС⁶ и иные меры регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами. П. 1 ст. 46 Договора устанавливает единые меры нетарифного регулирования, применяемые Союзом в торговле с третьими странами:

- 1) запрет ввоза и (или) вывоза товаров;
- 2) количественные ограничения ввоза и (или) вывоза товаров;
- 3) исключительное право на экспорт и (или) импорт товаров;
- 4) автоматическое лицензирование (наблюдение) экспорта и (или) импорта товаров;
- 5) разрешительный порядок ввоза и (или) вывоза товаров.

Ст. 47 Договора сохраняет за государствами-членами право, в торговле с третьими странами, в одностороннем порядке

вводить и применять меры нетарифного регулирования⁷. Перечень временных мер нетарифного регулирования, введенных государствами-членами в одностороннем порядке, опубликован на сайте ЕЭК⁸.

Сопоставление права ЕАЭС и национальных основ нетарифного регулирования должно указывать на исключительный приоритет наднационального уровня. Виды нетарифных мер, основания и порядок их применения относятся к единому нетарифному регулированию внешней торговли ЕАЭС. Государства-члены вправе в одностороннем порядке вводить отдельные нетарифные меры, но не регулировать их применение.

Соотношение уровней нетарифного регулирования в условиях ЕАЭС. Нетарифное регулирование внешней торговли товарами в условиях ЕАЭС характеризуется вертикальной структурой (Договор, решения ЕЭК, Закон о регулировании внешнеторговой деятельности) и ограниченной горизонтальностью для национального уровня. Ограниченная горизонтальность означает возможность территориального введения государствами-членами срочных (до 6 месяцев) нетарифных мер.

Детали требуют уточнений, например, о конкретном перечне товаров, о применении нескольких мер нетарифного регулирования в отношении одного и того же товара, о квалификации национальных запретов и ограничений при действующих мерах нетарифного регулирования ЕАЭС. Так, единого перечня товаров, в отношении которых могут применяться меры нетарифного регулирования в ЕАЭС и в РФ, не существует. Впрочем, заранее это сделать затруднительно, за исключением использования целевых критериев. Например, во исполнение п. 14 Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран⁹ (далее – Протокол) утвержден перечень товаров, являющихся существенно важными для внутреннего рынка Союза (далее – Перечень), в отношении которых в исключительных случаях вводятся временные запреты или количественные ограничения экспорта¹⁰. Сравнивая товары из Перечня с национальными практиками регулирования экспорта, приходим к выводу о том, что государства-члены могут самостоятельно вводить нетарифные запреты или количественные ограничения экспорта на товары, не включенные в Перечень (право ЕАЭС такой возможности государствам-членам не предоставляет).

Например, временные запреты экспорта были введены¹¹:

- Республикой Армения на вывоз керамических отходов использованных катализаторов автомобильных глушителей;
- Республикой Беларусь на вывоз медицинских материалов и изделий, котлов, турбин, двигателей внутреннего сгорания и других видов промышленных товаров;
- Республикой Казахстан на вывоз маточного поголовья крупного и мелкого рогатого скота, отдельных видов необработанной рыбы (сом, судак);
- Кыргызской Республикой на вывоз минеральных удобрений, известняка-ракушечника;
- Российской Федерацией на вывоз отходов и лома драгоценных металлов.

Для других случаев единый перечень товаров формируется по факту, в порядке обобщения. Например, на основании абз. 2 п. 4 Раздела II Протокола товары, в отношении которых введены нетарифные меры, включаются в единый перечень товаров,

4 4Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» (в ред. от 25.12.2023 г.) // СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4850.

5 Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014, с учетом изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org> (дата обращения: 22.01.2024).

6 ЕТТ ЕАЭС - Единый таможенный тариф ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/ett/> (дата обращения: 22.01.2024).

7 См. Раздел X Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (Приложение № 7 к Договору).

8 8Официальный интернет-сайт ЕЭК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/nontariff/interim.php> (дата обращения: 22.01.2024).

9 9Приложение № 7 к Договору.

10 10См.: Решение Коллегии ЕЭК от 26.07.2016 № 83 «Об утверждении перечня товаров, которые являются существенно важными для внутреннего рынка Евразийского экономического союза и в отношении которых в исключительных случаях могут быть введены временные запреты или количественные ограничения экспорта» (ред. от 31.03.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 22.01.2024).

11 11Примеры взяты из списка ЕЭК временных мер, затрагивающих внешнюю торговлю товарами, введенных государствами-членами ЕАЭС в одностороннем порядке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/nontariff/interim.php> (дата обращения: 22.01.2024).

к которым применяются меры нетарифного регулирования в торговле с третьими странами (далее – Единый перечень)¹².

Следующий вопрос о применимости к товару, находящемуся в Едином перечне сразу нескольких мер нетарифного регулирования или одновременно с мерами нетарифного регулирования иных запретов и ограничений, не относящихся к нетарифным мерам. Для первой части вопроса ответ будет отрицательным, для второй – положительным.

Право ЕАЭС ничего не упоминает о недопустимости применения разных нетарифных мер к одному товару. Уточним, что понимается под одним товаром и под разными мерами нетарифного регулирования. Например, гражданское электрическое оружие (электрошоковые устройства и искровые разрядники) имеет код 9304 00 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС¹³. Вид товара один, но характеристики могут быть разными. В результате для электрического оружия, имеющего выходные параметры, соответствующие национальным нормам в области здравоохранения, действует нетарифная мера в виде разрешительного порядка ввоза в ЕАЭС¹⁴. Для такого же товара, но с выходными параметрами, превышающими величины, установленные национальными стандартами, применяется нетарифная мера в виде запрета на ввоз¹⁵. Следовательно, можно утверждать, что в отношении одинаковых, то есть идентичных по всем своим характеристикам товаров разные меры нетарифного регулирования одновременно применяться не должны. Невозможно запрещать и выдавать разрешения на одинаковые товары. Разные меры нетарифного регулирования тоже требуют пояснения, поскольку есть самостоятельные нетарифные меры и меры, выполняющие обеспечительную функцию. Например, лицензирование, как самостоятельная мера нетарифного регулирования применяется в разрешительном порядке ввоза и/или вывоза товаров. Обеспечительная функция лицензирования проявляется в сопровождении других нетарифных мер (квотирования, предоставления исключительного права)¹⁶. Незачем вводить разрешительный порядок в отношении квотируемого товара, если количественные ограничения уже содержат определенные препятствия, оформляемые лицензией.

По второй части вопроса п. 1 раздела I Протокола содержит уточнение о нераспространении нетарифных мер на отношения в сфере технического регулирования, применения СФС-мер, экспортного контроля и военно-технического сотрудничества. Перечисленные виды запретов и ограничений могут вводиться параллельно с нетарифными мерами. Например, в отношении служебного и гражданского оружия, не запрещенного к обороту на территории ЕАЭС, действует разрешительный порядок ввоза/вывоза и применяются меры технического регулирования. В частности, для выпуска ввезенного товара необходимы разрешения уполномоченного органа¹⁷ и сертификат соответствия¹⁸.

12 12Утвержден Решением Коллегии ЕЭК от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» (ред. от 21.11.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 22.01.2024).

13 13ТН ВЭД ЕАЭС – Единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности ЕАЭС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/catr/ett/> (дата обращения: 22.01.2024).

14 14П. 2.22. «Служебное и гражданское оружие, его основные (составные) части и патроны к нему» Приложения 2 к Решению ЕЭК от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования».

15 15П. 1.6. Служебное и гражданское оружие, его основные части и патроны к нему, запрещенные к ввозу и (или) вывозу Приложения 1 к Решению ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования».

16 16См. П. 47 раздела IX Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (приложение № 7 к Договору).

17 17П. 5 Раздела I Положения о ввозе на таможенную территорию ЕАЭС и вывозе с таможенной территории ЕАЭС гражданского и служебного оружия, его основных (составных) частей и патронов к нему (Приложение № 17 к Решению ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования»). В РФ уполномоченным органом является Росгвардия.

18 18Решение Комиссии Таможенного союза от 28.01.2011 № 526 «О Едином перечне продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в рамках Таможенного союза» (ред. от 14.12.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 22.01.2024)

Отдельного внимания заслуживает квалификация национальных запретов и ограничений при действующих либо отсутствующих мерах нетарифного регулирования ЕАЭС. Несогласованность нетарифных мер ЕАЭС с российским законодательством может проявляться в национальных запретах при союзном разрешительном порядке и, наоборот, при союзном запрете предлагается национальный порядок ввоза некоторых категорий товаров.

Проблемные примеры нетарифного правоприменения.

Пример 1. На основании п. 1 ст. 6 ФЗ «Об Оружии»¹⁹ на территории РФ запрещается оборот в качестве гражданского оружия электрошоковых устройств и искровых разрядников, произведенных за пределами территории РФ. Данный запрет согласуется со ст. 29 Договора о ЕАЭС («Исключения из порядка функционирования внутреннего рынка товаров»), но противоречит единым мерам нетарифного регулирования. Право ЕАЭС разрешает ввоз электрошоковых устройств и искровых разрядников, отнесенных к гражданскому оружию и, имеющих допустимые выходные параметры. Российское законодательство запрещает данный вид оружия иностранного производства, независимо от их технических характеристик. К мерам нетарифного регулирования, введенным РФ в одностороннем порядке, такой запрет на ввоз (иначе как им попасть в оборот на территории РФ) отнести нельзя (отсутствует временный признак – до 6 месяцев, не соблюдена процедура уведомления ЕЭК). С другими мерами регулирования внешней торговли тоже идентифицировать трудно, так как основанием выступает «иностранное производство».

Пример 2. Ст. 17 ФЗ «Об отходах производства и потребления»²⁰ запрещает ввоз в Россию отходов в целях захоронения и обезвреживания. В целях утилизации допускается разрешительный порядок ввоза отходов, установленный Правительством РФ.

К каким мерам правового регулирования внешней торговли товарами (речь идет о промышленных масштабах) отнести запрет и разрешительный порядок ввоза отходов на территорию РФ? В приведенном выше Законе (п. 1 ст. 1) под отходами понимаются отходы производства и потребления – вещества или предметы, образованные в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению. В приложениях к решению ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования» используются выражения: а) опасные отходы, запрещенные к ввозу на территорию ЕАЭС и б) опасные отходы, ввоз и (или) вывоз которых осуществляются при наличии лицензии. Виды опасных отходов определяются кодами ТН ВЭД ЕАЭС и кодами видов отходов по классификации Базельской конвенции²¹. Такая же конкретизация видов отходов используется в постановлении Правительства РФ от 17.07.2003 № 442 «О трансграничном перемещении отходов»²². Вместе с тем, правительственный акт не содержит признаки документа о мерах нетарифного регулирования, введенных в одностороннем порядке (отсутствуют сроки, не уведомляется ЕЭК). Кроме того, правительственный перечень, разрешенных к ввозу отходов²³, включает обрезки

@@ Постановление Правительства РФ от 23.12.2021 № 2425 «Об утверждении единого перечня продукции, подлежащей обязательной сертификации, и единого перечня продукции, подлежащей декларированию соответствия, внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2467 и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2022. – № 1 (Части I, II). – Ст. 136.

19 19 Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.

20 20 Федеральный закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. – 1998. – № 26. – Ст. 3009.

21 21 Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (Заключена в г. Базеле 22.03.1989) // СЗ РФ. – 1996. – № 18. – Ст. 2066.

22 22 Постановление Правительства РФ от 17.07.2003 № 442 «О трансграничном перемещении отходов» (ред. от 26.04.2022) // СЗ РФ. – 2003. – № 29. – Ст. 3012.

23 23 Ввоз в Россию отходов в целях их утилизации осуществляется по лицензии Минпромторга России, выдаваемой на основании

и другие отходы кожи или композиционной кожи, не годные для производства кожаных изделий, содержащие соединения шестивалентного хрома и биониды: код ТН ВЭД ЕАЭС 4115 20 000 0; коды вида отхода по классификации Базельской конвенции – А3110, Y21. Аналогичный товар, с такими же кодами ТН ВЭД ЕАЭС и Базельской конвенции, запрещен к ввозу на территорию ЕАЭС²⁴.

Пример 3. О нетарифном регулировании экспорта нефтепродуктов. П. 1 ст. 79 Договора относит нефтепродукты к основным видам энергетических ресурсов, составляющих топливно-энергетические комплексы государств-членов Союза. В соответствии с п. 2 этой же статьи, к отношениям хозяйствующих субъектов государств-членов, осуществляющих свою деятельность в сфере нефтепродуктов, не урегулированным разделом XX Договора, применяется законодательство государств-членов. Ссылок на другие разделы и статьи Договора не приводится. При этом, компетенция ЕЭК ограничена полномочиями по проведению мониторинга в сфере энергетики за исполнением XX раздела. Содержание XX раздела Договора предусматривает заключение международного договора в рамках Союза о формировании общего рынка нефти и нефтепродуктов (договор отсутствует), а также обращение к Приложению № 23 Договора. В Приложении № 23 отмечается, что одним из принципов формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза является неприменение во взаимной торговле количественных ограничений и вывозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное значение). Порядок уплаты вывозных таможенных пошлин на нефть и нефтепродукты при вывозе их за пределы таможенной территории Союза определяется отдельными, в том числе двусторонними соглашениями государств-членов. Почему упоминаются вывозные таможенные пошлины? Значит на невзаимную, то есть на внешнюю торговлю, раздел XX Договора тоже распространяется? Тогда отчего уделено внимание только вывозным пошлинам и умалчивается о мерах нетарифного регулирования? С другой стороны, в Перечень существенно важных товаров для внутреннего рынка ЕАЭС, в отношении которых в исключительных случаях могут быть введены временные запреты или количественные ограничения экспорта (см. выше) включены нефтепродукты. Следовательно, государства-члены вправе в одностороннем порядке вводить нетарифные меры в отношении нефтепродуктов, что подтверждается Постановлением Правительства РФ от 21.09.2023 № 1537 «О введении временного запрета на вывоз дизельного топлива из Российской Федерации»²⁵.

Пример 4. О нетарифном регулировании экспорта газа. Согласно п. 27 раздела IV Протокола о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран²⁶, товары, на экспорт и (или) импорт которых предоставляется исключительное право, а также порядок предоставления государствами-членами лицам исключительного права определяются ЕЭК. То есть, государства-члены обращаются к данной мере нетарифного регулирования по товарам, из союзного перечня и в порядке, утвержденном ЕЭК. Акты права ЕАЭС и российское законодательство этот вывод не подтверждают. Например, Решение ЕЭК от 16.08.2012 № 134²⁷ содержит п. 2.26. «Товары, при экспорте или импорте которых установлено исключительное право». Данный пункт отсылает к национальным законодательствам России и Белоруссии и указывает на товары, определенные такими законодательствами²⁸. Об игнорировании интересов других государств-членов Союза, конечно, речи не идет. Скорее решение ЕЭК № 134 не регулирует, а фиксирует результаты национального нормотворчества.

Выводы.

Переходя к обобщению правовых аспектов нетарифного регулирования, включая приведенные примеры отдельных нетарифных мер ЕАЭС и России, можно сформулировать следующие выводы.

1. Под мерами нетарифного регулирования на международном (глобальном) уровне понимаются все правовые способы воздействия на внешнеторговый товарооборот, исключая ввозные таможенные пошлины.

2. Договором о ЕАЭС провозглашен принцип применения в Союзе единых мер регулирования внешней торговли товарами с третьими сторонами. Виды нетарифных мер, основания их введения определены правом ЕАЭС и относятся к единому нетарифному регулированию внешней торговли Союза. Государства-члены вправе в одностороннем порядке временно обращаться к отдельным нетарифным мерам, но не регулировать их применение.

3. Нетарифное регулирование внешней торговли товарами в условиях ЕАЭС характеризуется вертикальной структурой (Договор о ЕАЭС, решения ЕЭК, Закон о регулировании внешнеторговой деятельности) и ограниченной горизонтальностью для национального уровня (постановления Правительства РФ). Ограниченная горизонтальность означает возможность применения на национальном уровне временных мер нетарифного регулирования (предусмотренных правом Союза), действующих на территории государства-члена, которым введена конкретная нетарифная мера.

4. В нетарифном нормотворчестве и правоприменении существуют несогласованности между правом ЕАЭС и законодательствами государств-членов. Национальные нетарифные запреты и ограничения экспорта продолжают применяться к товарам, не включенным в союзный перечень. Для отдельных видов товаров в РФ действуют запреты, не предусмотренные правом ЕАЭС и, наоборот, установлен разрешительный порядок ввоза, противоречащий нетарифным запретам Союза.

5. Применение государствами-членами ЕАЭС исключительного права на экспорт и (или) импорт товаров сохраняет национальное регулирование, что не соответствует порядку, предусмотренному актами Союза. Реализация указанного порядка предполагает принятие решений ЕЭК, утверждающих единый перечень товаров и условия предоставления исключительного права на их перемещение через таможенную границу Союза.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. А. Регулирование использования нетарифных мер в праве ЕС: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 28 с.
2. Андреева Е. Л., Ильясов П. В. Проблемы совершенствования нетарифного регулирования международной торговли в рамках ЕАЭС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2021. – № 2. – С. 21-38.
3. Галицкая Н. В. Нетарифное регулирование внешнеторговой деятельности в таможенных правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 197 с.
4. Идрисова В. В. Теоретические вопросы применения нетарифных мер регулирования во внешней торговле: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2011. – 24 с.
5. Международная классификация нетарифных мер. – Изд-е ООН ЮНКТАД, 2019. – 94 с.
6. Тюрина Н. Е. Публичный интерес в международном торговом праве: дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2015. – 443 с.
7. Халипов С. В. Международное таможенное право: учебник. – М.: КНОРУС, 2023. – 184 с.
8. Шумилов В. М. Международное экономическое право в контексте глобализации мировой экономики (проблемы теории и практики): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2001. – 400 с.
9. Anne-Célia Disdier, Marco Fugazza. A Practical Guide to the Economic Analysis of Non-Tariff Measures. United Nations and World Trade Organization, 2019. – 98 p.

разрешения Федеральной службы по надзору в сфере природопользования.

24 24См.: Приложение № 1 к решению ЕЭК от 21.04.2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования».

25 25Постановление Правительства РФ от 21.09.2023 № 1537 (ред. от 21.11.2023) «О введении временного запрета на вывоз дизельного топлива из Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2023. – № 39. – Ст. 7045.

26 26Приложение № 7 к Договору.

27 27Решение Коллегии ЕЭК от 16.08.2012 № 134 «О нормативных правовых актах в области нетарифного регулирования» (ред. от 27.12.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaunion.org/> (дата обращения: 22.01.2024).

28 28См. Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ «Об экспорте газа» (ред. от 02.11.2023) // СЗ РФ. – 2006. – № 30. – Ст. 3293.

СМИРНЫХ Сергей Евгеньевич

кандидат юридических наук, ученый секретарь Российской Ассоциации международного права

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ – ОБЪЕКТОВ НЕЗАКОННОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

В статье рассматривается международно-правовой статус детей и молодежи – объектов незаконного усыновления. Отмечается, что дети и молодежь – объекты незаконного усыновления, оказываются в числе наиболее уязвимых групп населения. Дети и молодежь особенно остро испытывают потребность в безопасности. Незаконное усыновление представляет собой угрозу здоровому развитию детей и молодежи, а также безопасности государств и мирового сообщества. В связи с этим борьба с незаконными усыновлениями детей и молодежи должна быть направлена на разоблачение преступных организаций и прекращение их деятельности.

Ключевые слова: международно-правовой статус, дети и молодежь, незаконное усыновление, торговля людьми, эксплуатация.

SMIRNYKH Sergey Evgenjevich

Ph.D. in Law, General Secretary of the Russian Association of International Law

Смирных С. Е.

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF CHILDREN AND YOUTH – OBJECTS OF ILLEGAL ADOPTION

The article deals with the international legal status of children and youth - objects of illegal adoption. It is noted that children and youth - objects of illegal adoption, are among the most vulnerable groups of the population. Children and youth especially acutely feel the need for security. Illegal adoption is a threat to the healthy development of children and young people, as well as to the security of states and the international community. The fight against illegal adoptions of children and youth must therefore be aimed at exposing criminal organizations and putting an end to their activities.

Keywords: international legal status, children and youth, illegal adoption, human trafficking, exploitation.

Приступая к рассмотрению международно-правовых аспектов незаконного усыновления детей и молодежи, необходимо исследовать некоторые вопросы торговли людьми.

В связи с этим следует отметить, что наиболее сложной проблемой, с которой сталкивается мировое сообщество, является организованная преступность [1]. В современном мире международное право ставит своей важнейшей задачей обеспечение мира и безопасности человечества и современного мирного сосуществования всех участников межгосударственных отношений. За последние годы усилились нападки на основные принципы и нормы международного права, что связано с многочисленными попытками оправдать нарушения международного права [2, с. 31].

Торговля людьми известна со времен античности. Однако наибольшую распространенность это преступление получило в середине XV века, когда в Европу были привезены первые рабы-африканцы. Меры по искоренению этого преступления были приняты лишь в XIX веке [3, с. 176].

В современном мире порядка 20% всех жертв торговли людьми составляют дети. Однако в некоторых частях Африки дети составляют большинство (до 100% в некоторых частях Западной Африки) [4]. Дети в возрасте от 0 до 4 лет являются основной целью торговцев детьми, поскольку они редко способны распознать угрозы и поэтому наиболее доступны для торговли [5, р. 9].

Дети и молодежь - жертвы торговли людьми, разлученные со своими семьями и общинами, оказываются вовлеченными в различные формы эксплуатации в таких сферах как сельское хозяйство, горнодобывающая и обрабатывающая промышленность, рыболовство, попрошайничество, работа в качестве домашней прислуги.

Как отмечает В. А. Карташкин, «одним из направлений гуманитарных аспектов создания основ всеобъемлющей системы международной безопасности является расширение международного сотрудничества государств в осуществле-

нии основных прав и свобод человека и ликвидация их массовых и грубых нарушений» [6, с. 27]. В связи с этим противодействие торговле детьми и молодежью является одним из наиболее важных направлений расширения сотрудничества государств в осуществлении прав человека.

Бывший Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций К. Аннан отмечал, что «торговля детьми для целей принудительного труда и эксплуатации, в том числе сексуальной эксплуатации, является одним из самых вопиющих нарушений прав человека, которым сегодня противостоит Организация Объединенных Наций» [7, с. IV].

Торговля детьми и молодежью в современном мире представляет собой одну из наиболее сложных и важных проблем. Ежегодно сотни тысяч людей, как правило, женщины и дети, становятся жертвами торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации или в иных целях, как в собственных странах, так и за рубежом. Все показатели свидетельствуют о росте числа жертв торговли людьми. [8, с. 18].

Необходимо иметь в виду, что одной из основных потребностей любого человека является потребность в безопасности, сохранении себя [9, с. 213]. Дети и молодежь как наиболее уязвимые группы населения особенно остро испытывают потребность в безопасности. Торговля детьми и молодежью представляет собой существенную угрозу их безопасному существованию и здоровому развитию.

В то время как женщины и девочки становятся предметом торговли для браков и сексуального рабства, мужчины и мальчики обычно эксплуатируются с целью принудительного труда. Во всем мире дети составляют 28 процентов выявленных жертв торговли людьми. В таких регионах как Африка, Центральная Америка и Карибский бассейн дети составляют 62-64 процента жертв торговли людьми [10].

Необходимо отметить, что международные и национальные документы предусматривают различные положе-

ния о торговле людьми. Так, согласно п. 2 ст. 1 Конвенции относительно рабства 1953 г. [11]. торговля невольниками включает акты захвата, приобретения или уступки человека с целью продажи в рабство; всякий акт приобретения невольников с целью их продажи или обмена; всякий акт уступки путем продажи или обмена невольника, приобретенного с целью продажи или обмена, равно как и вообще всякий акт торговли или перевозки невольников.

Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. [12]. предусматривает положение о том, что государства обязуются подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти других лиц сводит, склоняет или совращает в целях проституции других лиц и эксплуатирует проституцию других лиц, даже с их согласия.

Следует отметить, что в силу ст. 35 Конвенции о правах ребенка 1989 г. государства должны принимать на национальном, двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговли детьми или их контрабанды в любых целях и в любой форме.

В силу п. 24 Хартии европейской безопасности 1999 г. [13]. необходимо принимать меры по ликвидации всех форм дискриминации женщин и прекращению насилия в отношении женщин и детей, а также сексуальной эксплуатации и всех форм торговли людьми.

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. [14] предусматривает положение о том, что «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа.

В силу п. 2 Глобального плана действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми 2010 г. [15]. «торговля людьми» означает осуществляемую в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство и получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лиц, контролируемых другими лицами; эксплуатация включает как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

В силу п. 14 Общей рекомендации № 38 о торговле женщинами и девочками в контексте глобальной миграции 2020 г. [16]. торговля женщинами и девочками и их сексуальная эксплуатация являются нарушением прав человека и могут представлять собой угрозу международному миру и безопасности.

Статья 4 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. [17]. предусматривает положение о том, что «вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации считаются «торговлей людьми» даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия».

Решение Совета министров иностранных дел государств-членов Содружества Независимых Государств «О проекте Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека» 2005 г. [18] предусмотрела положение о необходимости выработки согласованной стратегии Содружества Независимых Государств и принятии

комплексных совместных мер правового, социально-экономического, информационного и иного характера в борьбе с торговлей людьми, ликвидации причин и условий, способствующих ее возникновению, а также защите жертв торговли людьми и их реабилитации.

В силу ст. 1 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [19] торговля детьми - это купля-продажа несовершеннолетних, иные сделки в отношении несовершеннолетних, а равно совершенные в целях их эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение.

В настоящее время среди государств и международных организаций нет единого и последовательного понимания и применения термина «торговля людьми», как нет и согласия в отношении того, что этот термин включает в себя и как он соотносится с вопросами принудительного труда, рабства и эксплуатации.

Международно-правовое сотрудничество в борьбе с торговлей детьми и молодежью стало развиваться в 2000 г., когда был подписан Протокол Организации Объединенных Наций о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее [20]. Протокол стал первым правовым инструментом для определения и криминализации торговли людьми, что способствовало появлению многочисленных правовых инструментов и нормативных стандартов на международном, региональном и национальном уровнях.

Изначально усилия по борьбе с торговлей детьми и молодежью были сосредоточены главным образом на выявлении и защите уязвимых лиц, которые могут стать жертвами. Тем не менее, рост торговли детьми и молодежью побудил исследователей рассматривать это преступление как бизнес, чтобы исследовать факторы, которые влияют на предложение и спрос на жертв торговли детьми и молодежью, организацию и режимы работы сетей торговли и мотивацию торговцев.

Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 21 декабря 2010 г. по докладу Третьего комитета (A/65/452) 65/197 «Права ребенка» [21] призывает принимать профилактические меры, предупреждать уголовную ответственность и обеспечивать уголовное преследование и наказание в отношении всех форм торговли детьми, в том числе в целях передачи детских органов ради получения прибыли, детского рабства, сексуальной эксплуатации детей в коммерческих целях, детской проституции и детской порнографии, с целью искоренения такой практики и в отношении использования Интернета и других информационно-коммуникационных технологий в этих целях.

Международное сотрудничество государств в борьбе с торговлей детьми началось в 1899 г., когда в Лондоне состоялся Международный Конгресс по вопросу о торговле женщинами для целей разврата. Несмотря на то, что этот Конгресс имел локальный характер, он заложил основы дальнейшего международного сотрудничества [22, с. 8].

Все ранее принятые документы были объединены в Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами 1949 г. [23], согласно которой государства обязаны подвергать наказанию каждого, кто для удовлетворения похоти других лиц сводит, склоняет или совращает в целях проституции других лиц, а также эксплуатирует проституцию других лиц, даже с их согласия.

Согласно п. 2 ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда положения, относящиеся к вооруженному конфликту немеждународного характера, предусматривают, что «изнасилование, сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность... и любая другая форма сексуального насилия, также представляющая собой серьезное нарушение статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций».

Анализ данных о торговле детьми показывает, что за относительно короткий период времени можно создать более совершенные системы учета данных. В 2010 г., когда Генеральная Ассамблея предоставила Управлению Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности мандат на сбор данных и представление докладов о схемах и потоках торговли людьми, сбор международных статистических данных о торговле людьми находился на ранних стадиях своего становления и развития. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности опубликовало доклад, который включал сведения о глобальной и региональной статистике по торговле людьми. В то время еще не имелось стандартизированных данных. В других глобальных исследованиях также сообщалось о том, что исследования и данные об этом преступлении были скудными [24, р. 150, 26-32].

На национальном уровне некоторые примеры качественной отчетности о выявленных случаях торговли детьми существуют с начала 2000-х годов. Например, первый доклад Национального докладчика Нидерландов по вопросу о торговле людьми был опубликован в 2002 г. [25]. В докладе содержались данные об обнаруженных жертвах и их характеристиках, а также о лицах, подвергшихся судебному преследованию и осужденных за торговлю людьми. Некоторые другие национальные органы также регулярно публикуют аналогичную информацию, однако это в значительной степени является исключением из общего отсутствия интереса к официальной статистике торговли людьми.

Выполняя функции гаранта Протокола Организации Объединенных Наций о торговле людьми и занимая привилегированное положение глобального наблюдателя, Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности приступило в 2007 г. к сбору международных статистических данных и на основе этих данных представило свой анализ во Всемирном докладе о торговле людьми. Как указано в методических примечаниях, дополняющих различные издания, использование этих данных для проведения исследований по проблеме торговли людьми имеет некоторые ограничения. Не представляется возможным, например, проводить сопоставления по странам. В то же время для анализа закономерностей и потоков торговли людьми можно использовать административные данные, ориентированные на качественную информацию из судебных дел или имеющейся литературы [26, р. 39].

Торговля детьми и молодежью представляет собой угрозу для безопасности государств и всего мирового сообщества. В связи с этим борьба с торговлей детьми должна быть направлена на прекращение деятельности и разоблачение преступных организаций, вовлеченных в торговлю детьми и молодежью, включая сбор данных об этих организациях. Эти угрозы для центра национальной безопасности в значительной степени связаны с транснациональной организованной преступностью и безопасностью государственных границ.

Торговля детьми и молодежью является преступлением, которое должно рассматриваться как форма организованной преступности, связанная с другими преступлениями, и как приоритет в сфере международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

В отрыве от связи торговли детьми и молодежью с транснациональными организованными преступными сетями, торговля людьми рассматривается как угроза безопасности, поскольку лица, ставшие жертвами торговли детьми, часто являются не имеющими документов мигрантами [27].

Торговцы детьми и молодежью регулярно нарушают права человека. К числу таких прав относятся: право не подвергаться физическому насилию, включая изнасилование, сексуальное посягательство, бытовое насилие, принуждение к проституции и торговлю людьми; свобода от рабства; право не подвергаться пыткам или жестокому или унижающему достоинство обращению; право на личную автономию; сво-

бода выбора места жительства и передвижения в пределах своей страны; право на безопасные и здоровые условия труда; право на равную оплату за равный труд; право на справедливое и благоприятное вознаграждение; право на психическое, физическое и сексуальное здоровье.

Пандемия COVID-19 создала ситуацию в мире, которая подвергает существенным испытаниям всю систему прав детей и молодежи на международном и национальном уровнях. В этой ситуации многократно увеличивается уязвимость детей и молодежи для нарушения их прав [28, с. 237].

Торговля детьми и молодежью представляет собой современную форму рабства, которая сопровождается наиболее циничными и жестокими нарушениями прав человека. Людей принудительно перевозят через границы, принуждают к труду, ставят в долговую зависимость, лишают свободы передвижения. Над ними совершается физическое, сексуальное, психологическое насилие [29, с. 5].

В связи с этим следует отметить, что международное уголовное право в сфере противодействия торговле детьми и молодежью должно быть основано на принципах мирного сосуществования, запрета ведения агрессивной войны, международной ответственности государств за нарушение норм международного права и особой ответственности за наиболее тяжкие из этих нарушений.

В частности, преступление работорговли производно от рабства и представляет собой перевозку или попытку перевести рабов из одной страны в другую, а также продажа их или обмен с целью получить материальную выгоду. Одной из форм работорговли следует считать похищение и последующую продажу детей и молодежи [30, с. 108].

Доходы от торговли детьми и молодежью невероятны [31, р. 23]. Нищета, голод, отсутствие образования и возможностей в странах происхождения являются одними из основных причин торговли детьми и молодежью. Кроме того, маргинализация детей и молодежи и феминизация нищеты делают детей более уязвимыми для торговли. Однако существуют и другие факторы, способствующие распространению этого явления. Среди них глобализация, связанная со все более серьезными препятствиями на пути легальной миграции, которые могут подтолкнуть людей к поиску лучших условий жизни и попасть в руки контрабандистов или торговцев людьми, обещающих доставить их в желаемые места назначения [32].

Решение проблемы торговли детьми и молодежью представляет собой сложную задачу. Первым шагом в этом направлении должно стать искоренение нищеты, голода и неграмотности, а также расширение прав и возможностей детей и молодежи, что является тремя целями в области развития, сформулированными в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 г. [33].

Фактическая эксплуатация не обязательно должна иметь место, чтобы ее можно было определить как торговлю детьми - одна только цель эксплуатации детей и молодежи и является уголовным преступлением. Когда жертвой является ребенок, нет требования о том, что для того, чтобы преступление было квалифицировано как торговля людьми, должны быть применены ненадлежащие средства, такие как сила, угрозы и насилие.

Дети и молодежь имеют право сопровождать своих родителей. Так, согласно п. 4 ст. 5 Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г. [34], несовершеннолетним или находящимся на иждивении детям иностранцев, на законных основаниях проживающих на территории государств, разрешается сопровождать иностранцев, приезжать к ним и оставаться с ними.

Следует отметить, что наибольшей угрозе торговли в международном праве подвержены следующие наиболее уязвимые группы детей и молодежи: несопровождаемые дети и молодежь; дети и молодежь, пропавшие без вести;

дети и молодежь на улице; дети и молодежь, сопровождающие родителей или других взрослых; дети и молодежь из других стран; дети и молодежь, состоящие в браках, а также дети и молодежь, находящиеся в домашнем рабстве.

Процессы глобализации, происходящие в современном мире, оказывают существенное влияние на развитие преступности. Современные масштабы транснациональной организованной преступности, взаимосвязь транснациональных криминальных корпораций с террористическими организациями стали серьезной угрозой международной безопасности и безопасности отдельных государств [35, с. 1].

Причины торговли людьми заключаются в экономических проблемах, поскольку подавляющее большинство детей и молодежи, стремящихся избежать бедности, заманивают в сферу торговли людьми ложными обещаниями экономических выгод [36].

Одним из практически важных вопросов, связанных с торговлей детьми, является проблема суррогатного материнства. Так, в Докладе Специального докладчика по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми 2018 г. [37] отмечается, что один из пробелов в современном международном праве связан с проблемой торговли детьми в контексте суррогатного материнства.

Вопросы правового регулирования суррогатного материнства получили закрепление в нормативно-правовых актах и на национальном уровне. Так, ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [38] предусматривает возможность применения вспомогательных репродуктивных технологий.

В частности, вспомогательные репродуктивные технологии представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, а также суррогатное материнство.

Мужчины и женщины, как состоящие, так и не состоящие в браках, имеют право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии обоюдного информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Право на применение вспомогательных репродуктивных технологий в виде суррогатного материнства не распространяется на мужчин и женщин, которые не состоят в браке. Одинокaя женщина также имеет право на применение вспомогательных репродуктивных технологий при наличии ее информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство.

Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение детей, в том числе преждевременные роды, по договору о суррогатном материнстве, заключаемому между суррогатной матерью и потенциальными родителями, половые клетки которых использовались для оплодотворения, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям и которые состоят в браке между собой, либо одинокой женщиной, половые клетки которой использовались для оплодотворения и для которой вынашивание и рождение ребенка невозможны по медицинским показаниям.

Вопросы противодействия торговле людьми рассматривались и в судебной практике. В частности, в Постановлении от 7 января 2010 г. «Ранцев против Кипра и Российской Федерации» (жалоба № 25965/04) [39, с. 255] Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что «по своей природе и назначению торговля людьми основана на осуществлении правомочий, присущих праву собственности. Она рассматривает человеческие существа как товар, допускающий покупку, продажу и принуждение к труду, часто за небольшую плату или в отсутствие таковой. Она предполагает полный контроль деятельности жертв, чье передвижение часто ограничено, и включает использование насилия и угроз против

лиц, живущих и работающих в неудовлетворительных условиях. Торговля людьми угрожает человеческому достоинству и основным свободам жертв. Особенность торговли людьми заключается в том, что во многих случаях она не ограничивается рамками государства».

Деятельность торговцев детьми и молодежью, коррумпированных должностных лиц посольств, нищета, отказ детей и молодежи сообщать сведения о торговцах, проблемы привлечения к ответственности задержанных преступников, безработица среди молодежи препятствуют борьбе с торговлей людьми.

Одним из направлений создания основ всеобъемлющей системы международной безопасности является расширение международного сотрудничества государств в осуществлении основных прав детей и молодежи и ликвидация торговли людьми. Для успешного развития такого сотрудничества необходимо разработать международно-правовую концепцию противодействия торговле детьми и молодежью, опирающуюся на Устав Организации Объединенных Наций и основополагающие принципы международного права. Основные положения концепции борьбы с торговлей детьми и молодежью уже сложились. Но ряд ее положений нуждается в дальнейшей разработке, уточнении и развитии.

Для совершенствования международно-правового противодействия торговле детьми и молодежью необходимо также повышение эффективности взаимодействия государств и международных организаций, деятельность которых направлена на предупреждение и борьбу с торговлей людьми: Всемирной организации здравоохранения, Международной организации труда, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Парламентской ассамблеи Совета Европы, Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека, Детского фонда Организации Объединенных Наций, Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности.

Для предотвращения торговли детьми и молодежью с целью эксплуатации государства должны обеспечить среду, соответствующую социальным правам, которая ограждает потенциальных жертв от уязвимости и защищает их от риска стать жертвами торговли людьми. Государства должны защищать детей и молодежь путем активизации усилий по реализации их прав. В частности, государства должны расширять права и возможности детей и молодежи через доступ к государственному образованию, защиту от бедности, обеспечивать им достойную работу, здравоохранение, достойное жилье и качественные услуги социального обеспечения, которые являются инклюзивными и активно охватывают тех, кто находится в наиболее неблагоприятном положении.

Важно определить уязвимые группы и сектора, подверженные риску торговли детьми и молодежью в целях эксплуатации. Государства должны регулярно оценивать и устранять факторы риска, такие как нестабильный статус детей и молодежи - мигрантов, отсутствие доступа к государственным пособиям, неадекватные системы поддержки в обществе, незнание местных языков или работа в изоляции.

Необходимо обеспечить, чтобы личный опыт жертв торговли детьми и молодежью учитывался при разработке, осуществлении, оценке и реформировании политики и практики, направленных на предотвращение торговли людьми с целью эксплуатации. Это должно включать взаимодействие с профсоюзами, организациями сообществ и поддержки мигрантов, а также организациями по борьбе с торговлей людьми.

Повышение осведомленности о торговле детьми и молодежью в целях эксплуатации должно быть включено в учебные программы соответствующих профессиональных групп с иллюстрацией основных показателей и методов вербовки, включая способы злоупотребления информационно-коммуникационными технологиями для вербовки, контроля и эксплуатации жертв.

Дети и молодежь из уязвимых групп, такие как беспризорные дети и молодежь, дети и молодежь из этнических меньшинств, дети и молодежь, помещенные в учреждения по уходу, а также несопровождаемые или разлученные дети и молодежь, подвергаются повышенному риску стать жертвами торговли людьми. В связи с этим необходимо повышать осведомленность общественности о рисках и различных проявлениях торговли детьми и молодежью, а также уделять приоритетное внимание повышению осведомленности и подготовке соответствующих специалистов.

В связи с этим необходимо иметь в виду, что в современном мире под незаконным усыновлением понимается усыновление, достигнутое путем совершения таких преступлений, как похищение и продажа детей или торговли ими, указание неверной информации в заявлениях об установлении возможности усыновления, подделка официальных документов или принуждение, а также любая незаконная деятельность или практика[40].

Однако анализ положений международно-правовых документов в контексте как внутреннего, так и международного усыновления показывает, что содержащиеся в них запреты неправомерной практики усыновления как торговли детьми во многом декларативны и неэффективны.

Национальное законодательство государств и практика его применения, касающиеся незаконного усыновления детей и молодежи, являются неопределенными, что чрезвычайно затрудняет проведение различия между законными и незаконными усыновлениями детей и молодежи.

Следует отметить, что современное международное публичное право не предусматривает определения понятия «незаконное усыновление». Незаконность решения об усыновлении может быть обусловлена ситуациями, когда не были соблюдены необходимые процедуры усыновления детей и молодежи.

Следует отметить, что Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г.[41]. устанавливает общие положения международного усыновления и была принята для осуществления «мер к обеспечению того, чтобы межгосударственное усыновление производилось в интересах ребенка и с полным уважением его или ее основных прав, и чтобы предотвратить похищение, продажу и незаконный вывоз детей».

Международное усыновление является незаконной продажей детей и молодежи и торговлей ими независимо от того, заключается ли оно в том, что посредник оформляет согласие на усыновление в нарушение норм Гагской конвенции или ребенок передается в другое государство за вознаграждение. Торговля детьми и молодежью происходит путем «незаконного изъятия детей из родных семей путем покупки или похищения, а затем отмывания через системы усыновления и правовые системы в качестве сирот, а затем усыновленных» [42].

Следует иметь в виду, что практика международного усыновления исторически была запятнана продажей детей, похищениями и другими противоправными действиями. Однако Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г. способствовала закреплению гарантий защиты детей от похищения и умыкания; созданию системы сотрудничества для обеспечения соблюдения таких гарантий; и обеспечению всеобщего юридического признания усыновлений.

Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г. произвела революцию в практике международного усыновления, разрушив национальные барьеры в стремлении придать этой практике единообразие и достичь общей цели.

Несмотря на многочисленные положительные отзывы, Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г. также подвергалась

критике, в частности, за слабую структуру и за то, что она не способствует ее реализации государствами-участниками.

В заключение следует отметить, что для эффективного противодействия незаконным международным усыновлениями детей и молодежи необходимо совершенствование международно-правовых документов в сфере межгосударственного сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Положение в мире в области преступности и уголовного правосудия: Доклад Генерального секретаря ООН // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Вена, 10-17 апреля 2000 г. А/CONF. 187/5.
2. Нечевин Д. К. Международное право и новый международный порядок // Евразийский юридический журнал. 2020. № 3. С. 31-35.
3. Нигматуллин Р. В., Бисярина А. Н. Международно-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия торговле детьми: история и тенденции развития // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
4. Доклад Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций о торговле людьми разоблачает современную форму рабства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unodc.org/unodc/en/human-trafficking/global-report-on-trafficking-in-persons.html> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Junjun Zhou, Gang Li, Jiaobei Wang, Tingting Xu, Qifan Nie, Xing Gao, Annan Jin Exploring variations and influencing factors of illegal adoption: A comparison between child trafficking and informal adoption // Child Abuse & Neglect. 2023. 140.
6. Карташкин В. А. Гуманитарный компонент всеобъемлющей системы международной безопасности // Советский ежегодник международного права. 1987. Издательство «Наука». М., 1988.
7. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протоколы к ней. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2002.
8. Борьба с торговлей людьми и защита жертв торговли людьми. Курс HELP. М.: Статут, 2018. 240 с.
9. Линдэ О.А. Человечество на распутье: образы будущего / Международное право и национальные интересы Российской Федерации = International law and the National Interests of the Russian Federation / Дипломат. акад. МИД России, каф. междунар. права, каф. междунар. частного права отв. ред. А. А. Ковалев, Б. Л. Зимненко. - М.: Восток - Запад, 2008.
10. Почти треть жертв торговли людьми составляют дети: Доклад Управления по наркотикам и преступности Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2016/December/almost-a-third-of-trafficking-victims-are-children_-unodc-report.html (дата обращения - 10.01.2023).
11. Конвенция относительно рабства 1953 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР. Вып. XVII и XVIII. М., 1960.
12. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 280-290.
13. Хартия европейской безопасности 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www>.

- osce.org/files/t/documents/7/t/125811.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
14. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3884.
 15. Глобальный план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми 2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/gp_trafficking.shtml (дата обращения: 10.01.2024).
 16. Общая рекомендация № 38 о торговле женщинами и девочками в контексте глобальной миграции 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/324/47/PDF/N2032447.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.01.2024).
 17. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/16805a937a> (дата обращения: 10.01.2024).
 18. Решение Совета министров иностранных дел государств-членов Содружества Независимых Государств «О проекте Соглашения о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека 2005 г. // Бюллетень международных договоров. 2007. № 6.
 19. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.
 20. Протокол Организации Объединенных Наций «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее» 2000 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 40. Ст. 3884.
 21. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 21 декабря 2010 г. по докладу Третьего комитета (A/65/452) 65/197 «Права ребенка». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/664/12/PDF/N1066412.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.01.2024).
 22. Лукьянова К. А. Международное сотрудничество в борьбе с незаконным вывозом и сексуальной эксплуатацией за рубежом женщин и детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.
 23. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе с торговлей людьми и эксплуатации проституции третьими лицами 1949 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI, ст. 649. М.: Государственное издательства политической литературы, 1957.
 24. Laczko F. Human Trafficking: The Need for Better Data. Migration Information Source; International Organization for Migration. Data and Research on Human Trafficking. Feingold, D., 2005. 339 p.
 25. Доклад Национального докладчика Нидерландов по вопросу о торговле людьми был опубликован в 2002 г. // Bureau Nationaal Rapporteur Mensenhandel. Trafficking in Human Beings, First report of the Dutch National Rapporteur. 2002.
 26. United Nations Office on Drugs and Crime. Global Report on Trafficking in Persons. 2016. - 121 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2016_Global_Report_on_Trafficking_in_Persons.pdf (дата обращения: 10.01.2024).
 27. Agathangelou A.M. The Global Political Economy of Sex: Desire, Violence, and Insecurity in Mediterranean Nation States. New York: Palgrave Macmillan. 2004. 226 p.
 28. COVID-19 и права человека / Академик А. Х. Саидов. Тошкент, 2020. 357 с.
 29. Торговля людьми. Социокриминологический анализ / Под общей редакцией Е. В. Тюрюкановой и Л. Д. Ерохиной. М.: Academia, 2002. 224 с.
 30. Международное уголовное право / И. П. Блищенко, Р. А. Каламкарян, И. И. Карпец и др. М.: Наука, 1995. 172 с.
 31. Interview with Michael Platzer, cited in Laura Barnitz // Commercial Sexual Exploitation of Children: Youth involved in prostitution, pornography, and sex trafficking. Washington, DC: Youth Advocate Program International, 1998.
 32. Engle L. B. The World in Motion: Short Essays on Migration and Gender 63. International Organization for Migration. 2004.
 33. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций 2000 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml (дата обращения: 10.01.2024).
 34. Декларации о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают 1985 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/not_nationals_rights.shtml (дата обращения: 10.01.2024).
 35. Иванов Э.А. Система международно-правового регулирования борьбы с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 36 с.
 36. Gbadamosi O. A. International Perspectives and Nigerian Laws on Human Trafficking, publication of Network for Justice and Democracy First Edition p 21 Retrieved through. 2006.
 37. Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/007/73/PDF/G1800773.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.12.2022)
 38. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. № 263.
 39. Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. 2002-2016: науч. – аналитическое изд. / [Науч. ред. и сост. Ю. Ю. Берестнев]. М.: «Развитие правовых систем», 2016. 1031 с.
 40. Специальный докладчик по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей. Незаконное усыновление. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-sale-of-children/illegal-adoptions> (дата обращения: 8.01.2024).
 41. Гагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления 1993 г. // Международные конвенции и декларации о правах женщин и детей. М., 1997.
 42. Smolin D. M. Child Laundering: How the Intercountry Adoption System Legitimizes and Incentivizes the Practices of Buying, Trafficking, Kidnapping and Stealing Children. 2004.

ГУЛЯЕВА Елена Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

ГРИШКОВА Мария Вячеславовна

студент 3 курса Факультета Международных отношений, специальность «Правовые основы организации внешнеполитической деятельности» Дипломатической академии МИД России

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В статье освещается вопрос о правовом регулировании клонирования человека в национальном законодательстве стран Латинской Америки. Авторы анализируют международные договоры в сфере защиты основных прав и свобод человека, посвященных правовым вопросам клонирования человеческих существ на универсальном и региональном уровнях; раскрывают содержание понятия «начало жизни» и правовое положение «эмбриона». В исследовании затрагиваются этические, религиозные и юридические вопросы. В статье подчеркивается, что национальное законодательство стран Латинской Америки запрещает клонирование человека.

Ключевые слова: правовое регулирование клонирования человека, репродуктивное клонирование, терапевтическое клонирование, права человека, право на жизнь, права ребенка, соматические права, Всеобщая декларация прав человека, Американская декларация прав и обязанностей человека.

GULYAEVA Elena Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor of International law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

GRISHKOVA Mariya Vyacheslavovna

student of the 3rd course of the Faculty of International Relations, specialty «Legal foundations of the organization of foreign policy activities» of the Diplomatic Academy of the MIA of Russia

LEGAL REGULATION OF HUMAN CLONING IN THE NATIONAL LEGISLATION OF LATIN AMERICAN COUNTRIES

The article highlights the issue of legal regulation of human cloning in the national legislation of Latin American countries. The authors analyze international treaties in the field of protection of fundamental human rights and freedoms, devoted to the legal issues of cloning of human beings at the universal and regional levels; reveal the content of the concept "beginning of life" and the legal status of the "embryo". The study addresses ethical, religious and legal issues. The article emphasizes that the national legislation of Latin American countries prohibits human cloning.

Keywords: legal regulation of human cloning, reproductive cloning, therapeutic cloning, human rights, right to life, child rights, somatic rights, Universal Declaration of Human Rights, American Declaration of the Rights and Duties of Man.

Одним из наиболее обсуждаемых вопросов в современной биологической, а также и в юридической науке закономерно считается вопрос клонирования человеческих существ.

Клонирование человека является технологией создания генетически идентичной копии человека, которая представляет собой воспроизведение человеческих клеток и тканей. Сейчас становится возможным так называемое «репродуктивное» клонирование¹, при котором клонированный человеческий эмбрион имплантируется женщине с намерением рождения клонированного человека. Мнения специалистов резко расходятся в том, что называется «терапевтическим» клонированием. «Терапевтический» тип клонирования включает создание и последующее использование клонированного человеческого эмбриона в научных или медицинских исследовательских целях. Этот тип использования эмбрионов обычно применяется как средство получения «стволовых клеток» эмбриона, которые, по мнению некоторых, могут произвести революцию в медицине, восстановив здоровье людей, страдающих различными изнурительными заболеваниями.

Во-первых, сама процедура клонирования человека до сих пор вызывает серьезные опасения в общественном сознании. Так, для полноценного развития клонированного

эмбриона требуется организм беременной женщины, у которой на ранней стадии беременности ее собственный эмбрион заменяется на искусственно созданный [1]. Во-вторых, процедура клонирования человека прямо противоречит праву на достоинство человека, праву на целостность и неповторимость его личности [2].

Акт клонирования — это заранее определенное действие, навязывающее образ и подобие донора и фактически являющееся формой навязывания господства над другим человеком, которое отрицает человеческое достоинство ребенка и делает его рабом воли других. Ребенок будет рассматриваться как объект и продукт искусственного отбора, а не как уникальное человеческое существо, равное по достоинству тем, кто «создал» его или ее. Практика клонирования узурпировала бы роль творца и, таким образом, рассматривалась бы как оскорбление религиозных чувств верующих.

Говоря о правах человека, постоянные представители Франции и Германии обратили внимание на «Всеобщую декларацию о геноме человека и правах человека»², принятую ЮНЕСКО в 1997 году, и подчеркнули, в частности, статью 11, которая утверждает: «Практика, которая противоречит человеческому достоинству, например, репродуктивное клони-

1 С биологической точки зрения, терапевтическое клонирование — это то же репродуктивное клонирование, но с ограниченным (до 14 дней) сроком роста эмбриона.

2 Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml
«КонсультантПлюс».

рование человека, не допускается». Это заявление исходит из ссылки на основные права человека на равенство, свободу и недискриминацию, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека³, которые основаны на истине об особом и неотъемлемом достоинстве каждого человека. Само это достоинство не может быть предметом или орудием воли других людей.

В международном этическом и юридическом аспекте эта цель должна стать необходимым первым шагом, способным придать этому направлению в науке то значение, которого оно заслуживает, вызову новому в наше время, в котором международное право призвано защитить человеческую жизнь и будущее поколений от возможных злоупотреблений в области науки и техники [3]. Наука действительно является одним из наиболее важных факторов прогресса, но в то же время это одна из сил, злоупотребление которыми может привести к непредсказуемым и негативным последствиям.

Эксплуатация человека, к которой стремятся определенные научные и промышленные круги и продвигаемая основными экономическими интересами, сохраняет всю свою этическую неприемлемость как еще более серьезное оскорбление человеческого достоинства и права на жизнь, поскольку она затрагивает человеческие существа (эмбрионы).

Поскольку перспектива клонирования человека несет в себе огромный потенциал для воздействия на человечество способами, которые ранее только исследовались, чрезвычайно важно, чтобы закон вставал на защиту ныне живущих людей и будущих поколений, уважения их прав и основных свобод. Этические соображения побудили множество стран принять нормативно-правовые акты, касающиеся клонирования человека.

Настоящая статья посвящена некоторым аспектам законодательства стран Латинской Америки в сфере биотехнологий, в том числе клонирования людей.

Биоэтика сегодня представляет собой «развивающийся междисциплинарный диалог науки о жизни сквозь призму человеческих ценностей для формулирования, выражения и возможного решения ряда проблем, возникающих в процессе лабораторных исследований и практических вмешательств в жизнь человека, окружающую среду и биосферу Земли»⁴. Эта развернутая дефиниция используется Региональным подразделением биоэтики Панамериканской организации здравоохранения (г. Сантьяго-де-Чили). В юридическом дискурсе биоэтика предполагает философскую и морально-этическую оценку последствий медицинских и биологических процедур и исследований, методов лечения и технологий генной инженерии, трансплантации органов, ухода за неизлечимо больными и т.п.⁵ В латиноамериканском регионе биоэтика рассматривается в тесной связи с механизмами защиты прав человека, содействия демократии и гражданству, что ведет к еще большей политизации концепции биоэтики [13].

В настоящее время биоэтика является быстро растущей междисциплинарной областью в Латинской Америке, и как особая сфера науки и практической деятельности она заметно ограничивается от биополитики [14]. Но академическое влияние биоэтики все еще низкое в Латинамериканском регионе, и программы в значительной степени сосредоточены в крупных городских центрах лишь нескольких стран [15].

По мнению членов Национальной комиссии Мексики по биоэтике (La Comisión Nacional de Bioética – CONBIOÉ-

TICA), «биоэтика – это отрасль прикладной этики, которая отражает, анализирует и применяет нормативные и общественно-политические подходы к регулированию и разрешению конфликтов в социальной жизни, особенно в науках о жизни, а также в лечебной практике и в сфере медицинских исследований, которые влияют на жизнь на планете как сегодня, так и для будущих поколений».

В начале 2000-х гг. в странах Латинской Америки начался новый виток законодательного регулирования различных вопросов биоэтики, клинических практик и генетических исследований [16]. Так, на конституционном уровне сначала в Бразилии и затем в ряде других стран было закреплено право на достойный уровень здравоохранения и доступность медицинской помощи в контексте биоэтики и как универсальное право «трудящегося населения» [17].

В Мексике была учреждена «Национальная комиссия по биоэтике» (CONBIOÉTICA), которая стала главным децентрализованным органом Министерства здравоохранения с технической и организационной автономией, отвечающим за определение национальной политики и законодательных предложений в биоэтической сфере. Ее целями являются: установление политики общественного здравоохранения во взаимосвязи с биоэтикой; выступление в роли национально-консультативного органа по конкретным биоэтическим проблемам; содействие дебатам по биоэтическим вопросам с участием различных социальных секторов; поддержка в сфере просвещения и преподавания по вопросам здравоохранения и биоэтики; содействие развитию государственных комиссий по биоэтике, организации и функционированию государственных и частных медицинских учреждений, общественных комитетов по биоэтике и комитетов по этике научных исследований; и др.

Уместно в связи с темой исследования рассмотреть сначала ряд понятий, непосредственно относящихся к проблеме клонирования. Прежде всего необходимо в самом общем виде уяснить, что представляет собой само понятие «начало жизни».

Человек имеет право на жизнь, что подтверждается не в одном международно-правовом акте. Но определение момента начала жизни может быть решающим. Также необходимо учитывать различные взгляды на правовое положение эмбриона.

Наиболее четкая формулировка, определяющая момент начала жизни, содержится в Американской конвенции по правам человека, а именно в п. 1 ст. 4: «каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право охраняется законом, в целом, с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Следовательно, для стран-участников данной конвенции жизнь человека начинается с момента зачатия, а значит и искусственное прерывание беременности может рассматриваться в качестве лишения права на жизнь эмбриона или плода. В вышеперечисленных международных актах нет никаких точных указаний, какой момент стоит считать началом жизни, в результате чего может образоваться правовой вакуум.

Согласно Декларации прав ребенка (1959 г.) ребенок «нуждается в правовой защите, как до, так и после рождения»⁶. В данной декларации нет указаний на определение начала жизни, однако можно предположить, что убийство ребенка еще до его рождения, согласно данному акту, не может быть правомерно, хотя нет и точной информации, в какой момент ребенок получает право на правовую защиту, а также нет указаний, в какой момент эмбрион или плод становится человеком. Особенно этот вопрос актуален в случаях суррогатного материнства и процедур проведения ЭКО. Примечательно, что при разработке первого параграфа дан-

3 Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Российская газета. 1995. 5 апреля.

4 Selecciones de Bioética № 15 del Instituto de Bioética de la Pontificia Universidad Javeriana de Colombia // Archivado desde el original el 5 de junio de 2016.

5 Stepke Fernando Lolas. The Pan American Health Organization and Latin American Bioethics // Ibero-American Bioethics: History and Perspectives / Ed. by L. Pessini, Ch. P. de Barchifontaine, F. L. Stepke. Springer Science, Business Media B.V., 2010. P. 55-60.

6 Декларация прав ребенка 1959 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml.

ной Декларации было отвергнуто одно уточняющее предложение. Предлагалось изменить указанное здесь положение и придать ему следующую формулировку: «с момента зачатия, данное право должно защищаться законом». Оно было отвергнуто ввиду правовой неопределенности.

Согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка (1989 г.)⁷ ребенком признается «человеческое существо до достижения 18-летнего возраста» за исключением случаев, когда национальное законодательство содержит положения, ввиду которых совершеннолетие наступает ранее. Таким образом, существует некий вакуум в вопросах определения начала жизни человека. Хотя жизнь ребенка и должна охраняться даже еще до его рождения, затруднительно точно сказать, с какого именно момента эмбрион становится человеческим существом, а, следовательно, и ребенком.

Международные и региональные договоры в области прав человека защищают право на жизнь, не уточняя, когда она начинается. Авторитетные источники, включая историю обсуждения терминов и практику органов, отвечающих за их толкование и контролирующих выполнение международных договоров в области прав человека, уточняют, что защита прав не применяется до рождения, и признают, что защита абсолютного права на жизнь до рождения может противоречить гарантиям защиты прав человека, присущих женщине. История обсуждения терминов, используемых в международных договорах в области прав человека (*travaux préparatoires*), которая служит источником толкования неоднозначных терминов, указывает на то, что положения, гарантирующие право на жизнь, не предполагают защиту права на жизнь до рождения. Кроме того, органы, контролирурующие выполнение договоров посредством замечаний общего порядка, заключительных замечаний и решений по конкретным делам, постоянно подчеркивают значение защиты прав женщин и утверждают, что для обеспечения фундаментальных прав женщин на жизнь и здоровье государства должны устранять препятствия к полноценному осуществлению данных прав, такие как отказ в проведении безопасного и легального аборта.

Согласно статье 1 Всеобщей декларации прав человека, «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Важно отметить, что история переговоров указывает на то, что слово «рождаются» было использовано специально, чтобы исключить применение гарантированных Декларацией прав на этапе до рождения. Составители Декларации отвергли предложение вычеркнуть слово «рождаются», и в окончательном тексте Декларации прямо сказано о том, что предусмотренные ею права «принадлежат (человеку) с момента рождения»⁸.

Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП)⁹ не предусматривает возможность распространения действия права на жизнь, гарантированного пунктом 1 статьи 6, на пренатальную жизнь. В частности, составители МПГПП отвергли предложение о внесении изменений в эту статью, которые предусматривали, что «право на жизнь принадлежит человеческой личности с момента зачатия, и это право охраняется законом».

Несмотря на то, что Преамбула Конвенции о правах ребенка (КПР) предусматривает, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту».

Статья 1 Американской декларации прав и обязанностей человека¹⁰ предусматривает, что «каждый человек имеет право на жизнь, свободу и безопасность личности». Авторы Американской декларации отклонили следующую формулировку: «Каждый человек имеет право на жизнь. Это право распространяется на право на жизнь с момента зачатия». Они сочли, что такое положение противоречило бы законодательству об аборте, действующему в большинстве штатов.

В то же время статья 4 Американской конвенции о правах человека предусматривает: «Каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право охраняется законом, в целом - с момента зачатия». Межамериканский суд по правам человека и Межамериканская комиссия по правам человека — два судебных органа, которые осуществляют толкование терминов и контролируют соблюдение конвенций по правам человека в межамериканской системе, — пояснили, что защита данного права не является абсолютной.

Право на жизнь рассматривается не только с перспективы плода, находящегося в утробе матери, но и с перспективы эмбриона *in vitro*.

Эмбрион нельзя считать ни товаром, ни вещью, ни животным, т.к. эмбрион представляет собой по сути человеческое существо (хотя данный момент может быть спорным). Эмбрионы и человеческие плоды, не находящиеся в матке женщины, могли бы использоваться в медицинских и иных экспериментах, что могло бы не соответствовать положениям международного права, запрещающим торговлю людьми, а также человеческими органами и тканями. Ввиду этого в 1986 г. Совет Европы издал Рекомендацию¹¹ по использованию человеческих эмбрионов и плодов для диагностических, терапевтических, научных, промышленных и коммерческих целей. В п. 5 отмечается, что «с момента оплодотворения яйцеклетки человеческая жизнь развивается непрерывным образом, и потому невозможно четко разграничить первые (эмбриональные) фазы его развития, в результате чего необходимо определение биологического статуса эмбриона». На этом и иных основаниях государства-члены призывают к тому, чтобы запретить поддерживать жизнь эмбриона *in vitro* после 14 дня с оплодотворения (п. 14.1.4), ограничить использование человеческих эмбрионов и плодов, материалов и тканей в промышленной сфере исключительно терапевтическими целями (п. 14.1.2). Таким образом, можно предположить, что, если эмбрион *in vitro* не должен подвергаться продаже и экспериментам, значит этот эмбрион есть человеческое существо, а значит он и имеет право на жизнь.

Хотя далеко не всегда является возможным найти прямые ссылки на защиту права на жизнь у эмбриона или плода, некоторые защитники прав не рожденных детей ссылаются на косвенные аргументы. Так, согласно п. 5 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.¹² «смертный приговор не выносится за преступления, совершенные людьми младше 18 лет, а также смертные приговор не приводятся в исполнение в отношении беременных женщин». Данное положение можно толковать следующим образом: если в отношении беременной женщины нельзя исполнить смертный приговор, значит договаривающиеся стороны посчитали, что таким образом будет совершено

7 Конвенция о правах ребенка 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

8 Всеобщая декларация прав человека 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

9 Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

10 Американская декларация прав и обязанностей человека 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oas.org/en/iachr/mandate/Basics/american-declaration-rights-duties-of-man.pdf>.

11 Use of human embryos and fetuses for diagnostic, therapeutic, scientific, industrial and commercial purposes. Recommendation 1046 (1986). Parliamentary Assembly. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=15080&lang=en>.

12 Международный пакт о гражданских и политических правах 16.12.1966 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. - М., 1978. - Вып. XXXII. - С. 44.

убийство невинного человека, а это по сути есть косвенное доказательство того, что еще не рожденное человеческое существо, находящееся в утробе матери, обладает правом на жизнь [12] (хотя существуют теории, согласно которым искусственное прерывание беременности не является убийством ребенка при определенном сроке, т.к. ребенок до определенной стадии развития не может физически самостоятельно существовать вне тела матери. Если плод является «частью» тела матери, то и правом на жизнь он располагать не может).

Еще одним из важнейших понятий, связанных с жизнью и здоровьем людей, является несомненно понятие «соматические права».

В доктрине можно найти следующее определение соматических прав: «эта группа таких [прав], которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами [11]». Таким образом, соматические права включают в себя те права, которые присущи каждому человеку; они связаны в первую очередь с теми возможностями, которые позволяют человеку осуществлять те или иные изменения своего тела при помощи медицины и науки: эвтаназия, репродуктивные права позитивного и негативного характера (искусственное оплодотворение и стерилизация соответственно), изменение биологического пола, пересадка органов и тканей [10]. Регулирование границ и принципов, определяющих соматические права, разнится от общества к обществу, так как они определяются не столько техническими аспектами (объективными возможностями медицины), сколько старейшими общественными мерилами правильного и неправильного: религией, этикой, традиционными и философскими взглядами на жизнь человека и ее ценность. Наибольшей основой для различного рода конфликтов являются торговля и донорство человеческими органами и тканями, суррогатное материнство, а также искусственное прерывание беременности: данные «услуги» имеют прямое отношение к репродуктивным правам человека, так как они коренным образом меняют целостность человеческого организма, при этом те, кто решаются на получение какой-либо из вышеперечисленных «услуг» зачастую так или иначе ограничиваются как правовыми, так и морально-этическими рамками того общества, частью которого они являются [9]. Во избежание этого как раз некоторые и решаются на предоставление или получение услуги за пределами родной страны или страны постоянного проживания. В результате этого и происходят случаи столкновения не только частного и публичного права внутри одной страны, но и столкновение правовых норм двух и даже большего числа стран. Возможны случаи, когда происходит коллизия как гражданского, так и уголовного законодательства двух и более стран.

Поколение соматических прав регулируется рядом международно-правовых актов, среди которых важнейшими являются следующие:

– Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины, которую принял Совет Европы в 1997 г.¹³

– Резолюция 2001/39 от 26 июля 2004 г. «Генетическая конфиденциальность и недискриминация»,

– Резолюция 2003/69 от 25 апреля 2003 г. «Права человека и биоэтика»¹⁴.

13 Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины (ETS № 164) (заключена в г. Овьедо 04.04.1997) (с изм. от 27.11.2008) // СПС «КонсультантПлюс».

14 Резолюция 2003/69 от 25 апреля 2003 г. «Права человека и биоэтика». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.

– Декларация ООН о клонировании человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 г.¹⁵

Соматические права отличаются от иных прав тем, что они одновременно связаны с физической целостностью человека, его психологическим и духовным состоянием, а также его личностью. А. И. Ковлер к соматическим правам относит право на жизнь и достоинство человека, свободу совести, право на свободу и личную неприкосновенность [8], а также некоторые иные ввиду того, что данные права есть корень всех личностных прав человека, а именно он считает, что соматические права представляют собой один из видов личностных прав [7].

Тем не менее, некоторые правоведы считают, что соматические права производны от социально-экономических и культурных прав (в качестве примера можно привести обусловленность торговли органами правом на охрану здоровья и медицинскую помощь [5]).

Столкновение публичного и частного интереса при осуществлении или ущемлении соматических прав может наступить в том случае, если возникает случай причинения вреда здоровью. Соответствующие дела подпадают под публично-правовую сферу в том случае, если подобное причинение вреда здоровью считается тяжким либо средней тяжести (что в свою очередь влечет уголовное преследование). Стоит отметить [6], что данная ситуация возможна лишь в том случае, если субъект, причинивший вред здоровью, не является лицом, здоровью которого был нанесен вред (т.е. мы исключаем случаи суицида и ему подобные).

М. А. Лаврик разработал одну из самых популярных классификаций соматических прав человека:

- право на смерть;
- права человека в отношении его органов и тканей;
- сексуальные права человека;
- репродуктивные права человека;
- право на перемену пола;
- право на клонирование целого человеческого организма или отдельных органов;
- право на употребление наркотиков и психотропных веществ [5].

Итак, переходя от общего понятия соматических прав к конкретным законодательным актам, регулирующим определенную группу таких прав, далее мы исследуем, как они реализуются в латиноамериканском регионе.

Так, Аргентина, Колумбия, Коста-Рика, Эквадор, Мексика, Панама и Перу проводят ограничительную политику в области клонирования человека посредством национального законодательства.

Для государств, которые придерживаются мнения, что к человеческому эмбриону следует относиться как к личности, морально неприемлемо использовать эмбрионы в качестве объектов исследований, поскольку это означало бы использовать человеческий эмбрион как средство достижения цели, а не как самоцель. Законодательство, принятое в Латинской Америке, представляет собой пример политики, основанной на таком подходе [4].

Американская декларация прав и обязанностей человека устанавливает, что «каждый человек имеет право на уважение его жизни. Это право должно быть защищено законом с момента зачатия. Никто не может быть произвольно лишен жизни»¹⁶. Это положение было истолковано многими странами региона как предоставление статуса личности че-

[un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml).

15 Декларация ООН о клонировании человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН в 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml.

16 American Convention on Human Rights, “Pact of San Jose, Costa Rica,” // Organization of American States (November 22, 1969). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://treaties.un.org/>

ловеческому эмбриону и, следовательно, использовалось в качестве руководящего источника для принятия политики, ограничивающей или запрещающей любые исследования или манипуляции с человеческим эмбрионом.

Например, статья 49 Конституции Эквадора содержит запрет на исследование человеческих эмбрионов, следовательно, косвенно запрещает клонирование в репродуктивных и терапевтических целях¹⁷, а в Аргентине Президентский указ гласит: «эксперименты, касающиеся клонирования человеческих клеток с целью получения человеческих существ, запрещены»¹⁸.

Наиболее наглядный пример такой интерпретации можно найти в регулировании деторождения с медицинской помощью в Коста-Рике. В 2000 году Верховный суд страны признал неконституционным правительственный декрет, регулирующий вспомогательные репродуктивные технологии¹⁹. В этом деле Верховный суд Коста-Рики постановил, что процедуры экстракорпорального оплодотворения нарушают право на жизнь нерожденного ребенка, поскольку подвергают человеческий эмбрион непропорционально высокому риску смерти.

В Коста-Рике на рассмотрении Законодательного собрания находится проект Уголовного кодекса, статья 131 которого устанавливает уголовную ответственность за генетические манипуляции и предусматривает наказание для любого, кто изменяет тип жизненной структуры или генотип путем манипулирования человеческими генами в целях, отличных от терапевтических.

В национальных правовых системах различных государств Латинской Америки положения о запрете на клонирование человека содержатся в законах о здравоохранении. К примеру, общий закон Перу о здравоохранении № 26842 от 15 июля 1997 года содержит статью 7, которая гласит: «оплодотворение человеческих яйцеклеток в целях, отличных от репродуктивных, а также клонирование людей запрещены»²⁰.

Единственный действующий в Мексике закон, регулирующий генетические технологии, - Общий закон о здравоохранении, - косвенно запрещает клонирование человека, но разрешает исследования эмбрионов. В Общем законе о здравоохранении есть два положения: Положение о санитарном контроле тканей, органов и человеческих тел и Положение о научных исследованиях в области здравоохранения (1985). Положение о научных исследованиях устанавливает, что проводить исследования в области вспомогательной репродукции разрешается только в том случае, если исследование направлено на решение проблем бесплодия, которые не могут быть решены иным способом.

В правовой системе Республики Чили существует Закон Министерства здравоохранения № 20.120 от 22 сентября 2006 г. «О научных исследованиях человека, его генома и запрете клонирования человека»²¹. Этот закон направлен на защиту жизни

людей с момента зачатия, их физической и психической неприкосновенности, а также их генетического разнообразия и идентичности в связи с биомедицинскими научными исследованиями и их клиническим применением, гласит статья 1 документа. Согласно статье 5 Закона, «запрещается клонирование человеческих существ, независимо от преследуемой цели и используемой технологии». Статья 6 гласит: «культивирование тканей и органов должно проводиться только в целях терапевтической диагностики или научных исследований. Ни при каких обстоятельствах человеческие эмбрионы не могут быть уничтожены для получения стволовых клеток, которые дают начало указанным тканям и органам». Также «никто не может присвоить себе или установить право собственности на знание генома человека или на его часть, оно не подлежит патентованию» (Статья 8).

В данном документе вводятся санкции за нарушение запрета на клонирование человека. Согласно статье 17, «тот, кто клонирует или инициирует процесс клонирования человека, и тот, кто выполняет какую-либо евгеническую процедуру, наказывается лишением свободы на срок от средней до максимальной степени и полным лишением права заниматься профессиональной деятельностью в течение всего срока заключения. В случае повторения правонарушителя, кроме того, наказывают пожизненным лишением права заниматься профессиональной деятельностью». Санкции также установлены в отношении проектирования таких исследований. Эта норма содержится в ст. 20: «каждый, кто разрабатывает проект биомедицинских научных исследований на людях или в их геноме, не имея соответствующих разрешений, требуемых настоящим законом, подлежит наказанию в виде отстранения на три года от профессиональной деятельности и абсолютного запрета на профессиональную деятельность на территории страны в случае рецидива».

Санкции за нарушение запрета на клонирование человека предусмотрены также в Уголовном кодексе Колумбии (Закон №599 от 24 июля 2000 г.). Статья 133 данного Кодекса имеет название «Повторяемость человеческой личности». В тексте статьи говорится, что «тот, кто создает идентичных людей путем клонирования или любой другой процедурой, подлежит тюремному заключению на срок от тридцати двух до ста восьми месяцев»²².

Санкцию за клонирование человека в виде штрафа содержит Закон № 3 от 15 января 2004 г. «О запрещении всех форм клонирования человека и устанавливающий другие положения, касающиеся данного вопроса», принятый Законодательным Собранием Республики Панама. Так, по статье 1 Закона «запрещается любая форма продвижения, финансирования и/или пожертвования, а также использование государственных или частных средств для инвестиций в эксперименты, исследования и разработки любой формы клонирования человека, под которой понимается создание эмбриона, который является репликабиологическим человеческим существом на основе строения его тела». Однако «невзирая на положения предыдущей статьи, допускается воспроизводство тканей для восстановления органов в терапевтических целях профилактики и лечения заболеваний с согласия лица, у которого был извлечен органический материал, или тех, кто представляет их интересы» (статья 2). Воспроизводство тканей допускается при условии, что это не связано с воспроизводством человеческих особей и не обеспечивает каких-либо корыстных интересов со стороны лица, дающего согласие. К лицам, нарушающим положения настоящего Закона, применяется санкция в виде штрафа «в размере до одного миллиона бальбоа», говорится в статье 3 Закона.

В особой форме, отличной от всех вышеизложенных, регулируется клонирование человека в законодательстве Республики Куба. Декрет-закон Государственного совета № 290 от

doc/publication/unts/volume%201144/volume-1144-i-17955-english.pdf.

17 Constitución del Ecuador, Artículo 49, párrafo I (junio 5, 1998) // Constitución Política de la

República de Ecuador. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2002/0061.pdf>.

18 Decreto № 200/97 que Prohíbe La investigación sobre la clonación humana // InfoLEG. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://servicios.infoleg.gob.ar/infolegInternet/anexos/40000-44999/42213/norma.htm>.

19 Decreto Ejecutivo № 24029-S sobre “La Técnica de Fecundación in Vitro y Transferencia de Embriones”, 3 de marzo de 1995.

20 Ley №26842 Ley General de Salud // Plataforma digital del Estado Peruano. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gob.pe/institucion/minsa/normas-legales/256661-26842>.

21 Ley №20120 «Sobre la investigación científica en el ser humano, su genoma, y prohíbe la clonación humana» // Biblioteca del Congreso Nacional de Chile (BCN). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=253478>.

22 Artículo 133. Repetibilidad del ser humano // Leyes.co. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://leyes.co/codigo_penal/133.htm.

16 апреля 2012 г «Об изобретениях, чертежах и промышленных моделях» в части II главы I «Патентоспособные изобретения» вводит запреты на получение патента на определенные виды продуктов научного исследования²³. Среди таких запретов находятся клонирование людей, органов, тканей и их частей или элементов, а также процедуры модификации зародышевой генетической идентичности человека. Запрещается использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях²⁴. К примеру, статья 21.3 документа обозначает, что «не рассматриваются на выдачу патента изобретения: j) по существу биологические процедуры; (к) организм человека на разных стадиях его формирования и развития, открытие некоторых его элементов или их частей и копий, включая последовательности или частичную последовательность гена и его генетическую идентичность, даже если для их получения использовалась техническая процедура». В статье 22 есть прямой запрет на получение патента на: «g) клонирование человека и органов, тканей и их частей или элементов; h) процедуры модификации зародышевой генетической идентичности человека; i) использование человеческих эмбрионов в промышленных или коммерческих целях».

Одним из важнейших прорывов в области генетики и геномики является клонирование живых организмов, в том числе и клонирование человека. Однако создание человека искусственным путем связано с целым рядом проблем этического характера. Правовые положения, гарантирующие право на жизнь, не предполагают защиту права на жизнь до рождения. Кроме того, органы, контролирующие выполнение договоров посредством замечаний общего порядка, заключительных замечаний и решений по конкретным делам, постоянно подчеркивают значение защиты прав женщин и утверждают, что для обеспечения фундаментальных прав женщин на жизнь и здоровье государства должны устранять препятствия к полноценному осуществлению данных прав.

На международном уровне клонирование официально запрещено, что закреплено в Дополнительном протоколе о запрете клонирования человека 1998 г. и Конвенции Овьедо 1997 г.

Репродуктивные и соматические права хоть и считаются основными правами человека, тем не менее гарантии их защиты носят менее определенный характер, чем, например, иные права человека первых трех поколений. В данной работе исследованы, на наш взгляд, требующие наиболее серьезной защиты проявления соматических и репродуктивных прав, а именно использование эмбриона и клонирование человека. На данный момент защита соматических и репродуктивных прав при осуществлении данных медицинских вмешательств регулируется по большей части опосредованно ввиду нехватки детальной проработанности международных договоров, посвященных правам человека.

Авторы приходят к выводу, что этические соображения побудили множество стран Латинской Америки принять нормативно-правовые акты, касающиеся клонирования человека, а также сама практика клонирования человека может рассматриваться как оскорбление человеческого достоинства и права на жизнь. Авторы обращают внимание на потенциально грубые нарушения таких прав человека как право на равенство, свободу и недискриминацию в случае клонирования человека. Кроме того, право на клонирование целого человеческого организма или отдельных органов следует отнести к группе соматических прав. Авторы резюмируют, что национальное законодательство стран Латинской Америки запрещает клонирование человека.

Пристатейный библиографический список

1. Мидловец М. В., Самадинов М. Актуальные этические вопросы клонирования // Россия и мировое сообщество: экономическое, социальное, технико-технологическое развитие: сб. научн. тр. по материалам I Международного мультидисциплинарного форума (15.03.2017 г.) - М.: НОО «Профессиональная наука», 2017. - С. 282-284.
2. Громов В. Г., Ярощук А. В. Проблема клонирования человека: правовые и морально-этические аспекты // Основы экономики, управления и права. - 2020. - № 6 (25). - С. 60.
3. Абашидзе А. Х., Гуляева Е. Е., Трикоз Е. Н. Техника и практика международного нормотворчества: вызовы и решения (обзор материалов Международной конференции ESIL) // Вестник РУДН, Серия Юридические науки. - 2022. - Том 26. - № 2.
4. Isasi R. M., Knoppers B. M., Singer P. A., & Daar A. S. Legal and Ethical Approaches to Stem Cell and Cloning Research: A Comparative Analysis of Policies in Latin America, Asia, and Africa. // The Journal of Law, Medicine & Ethics. - 2004. - № 32 (4). - P. 626-640.
5. Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. - 2005. - № 3. - С. 24-25.
6. Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. - М.: Юрайт. 2021. - С. 127.
7. Ковлер А. И. Антропология права. - М., 2002.
8. Гуляева Е. Е. Правовые основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. - Москва: Юрлитинформ, 2013. - 208 с.
9. Трикоз Е. Н., Гуляева Е. Е. Позиции ЕСПЧ по некоторым вопросам биоэтики и генетических данных // Advances in Law Studies. - 2018. - Т. 6. - № 4. - С. 36-40.
10. Кокамбо Ю. Д. Соматические права человека как новое поколение прав личности // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2015. - № 68.
11. Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. - М.: Наука, 2000. - № 10. - С. 43-50.
12. Семенова Н. С. Запрет на аборт в свете защиты традиционных ценностей: международно-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. - 2016. - № 8. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapret-na-aborty-v-svete-zaschity-traditsionnyh-tsennostey-mezhdunarodno-pravovoy-aspekt>.
13. Cossio J. R. Derecho y Bioética // Perspectivas de Bioética / Ed. by J. González Valenzuela. - Mexico: University Nacional Autónoma de Mexico, 2013. - P. 302-303
14. Denisenko Vladislav V., Trikoz Elena N. Biopolitics and Law Issues of Emergency Situations in the Context of Coronavirus Pandemia // E3S Web of Conferences. - 2020. - Vol. 180. - P. 1-9.
15. Álvarez-Díaz, J.A. Bioética latinoamericana o bioética en Latinoamérica [Latin American bioethics or bioethics in Latin America?] // Revista Latinoamericana de Bioética (1). - 2012. - P. 10-27.
16. Bulle Goyri V. M. Bioética, Derecho y Derechos Humanos // Perspectivas de Bioética. - Mexico, 2013.
17. Volnei Garrafa, Thiago Rocha da Cunha, Camilo Manchola. Access to Healthcare: A Central Question within Brazilian Bioethics // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. - 2018. - Vol. 27 (03). - P. 431-439.

23 Decreto-ley № 290 De las invenciones y dibujos y modelos industriales // Gaceta Oficial 4 24 Extraordinaria de 2012. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.gacetaoficial.gob.cu/sites/default/files/go_x_024_2012.pdf.

24 Rodrigo Ramirez Herrera. Cuba y su nueva legislación de Propiedad Industrial: Clonar seres humanos está prohibido // IPTango. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://iptango.blogspot.com/2012/02/cuba-y-su-nueva-legislacion-de.html>.

ДЕЛЕГЕОЗ Елена Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ТЕРРИТОРИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В статье проанализированы понятие, сущность территории государства, его значение для существования государства, динамика развития концепции территории государства, проблема детерриториализации. Установлено, что для того чтобы квалифицироваться как территория, объект, над которым заявляется суверенитет, должен быть «естественным» (т.е. возник естественным образом, а не создан или изменен людьми). Выявлено, что одними из основных аргументов в пользу детерриториализации являются технический прогресс, особенно информационно-коммуникационные технологии, и глобализация. Сделан вывод, что следует обсудить окончательную форму развития концепции территории, которая полностью не основана на физическом пространстве, т.е. понятие территории нуждается в расширении. Статья может быть полезна ученым-исследователям, в том числе для дальнейшей комплексной научной разработки указанной проблемы, а также в образовательной деятельности при подготовке научных и научно-педагогических кадров, в учебной работе со студентами юридических вузов.

Ключевые слова: территория, государство, суверенитет, юрисдикция, международное право, власть, детерриториализация, ретерриториализация.

DELEGEOS Elena Gennadjevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the St. Petersburg State University of Economics

TERRITORIES IN INTERNATIONAL LAW

The article analyzes the concept, the essence of the territory of the state, its significance for the existence of the state, the dynamics of the development of the concept of the territory of the state, the problem of deterritorialization. It is established that in order to qualify as a territory, the object over which sovereignty is claimed must be "natural" (i.e. it arose naturally, and not created or modified by humans). It is revealed that one of the main arguments in favor of deterritorialization are technological progress, especially information and communication technologies, and globalization. It is concluded that it is necessary to discuss the final form of development of the concept of territory, which is not completely based on physical space, i.e. the concept of territory needs to be expanded. The article may be useful to research scientists, including for further comprehensive scientific development of this problem, as well as in educational activities in the preparation of scientific and scientific-pedagogical personnel, in academic work with law students.

Keywords: territory, state, sovereignty, jurisdiction, international law, power, deterritorialization, reterritorialization.

Территория государства – это часть земного шара (в том числе суша, ее недра, воды и воздух), находящая под суверенитетом определенного государства и в пределах которой его институты осуществляют государственную власть.

Территория - это основа того, где физически происходят международные отношения. Главный субъект международных отношений, государство, основан на физической территории. В пределах физической территории государства оно свободно делать то, что оно желает, и свободно от вмешательства других государств [22, с. 185].

Таким образом, из концепции территории родилась концепция суверенитета, согласно которой другие государства не имеют прав вмешиваться в дела других государств. Концепция суверенитета уважалась на протяжении всей истории, и нарушение ее означало бы нарушение неприкосновенности суверенитета и, в конечном счете, территориального пространства государства.

Обладая территориальным суверенитетом, государства приобретают международную правосубъектность. Поэтому территория является одним из основных компонентов (С. Н. Бабуриным называется территорию одним из основных элементов государства наряду с государственной властью и населением [1, с. 15]) и условий существования государства как субъекта международного права.

Территория настолько важна для дисциплины международного права, что она имеет тенденцию восприниматься скорее как естественный, чем юридический факт. Форт Дженнингс отмечал, что весь ход современной истории свидетельствует о центральном месте государственной территории в международных отношениях [8, с. 1]. Тем не менее, концепту-

альные различия между территорией, суверенитетом, государством и юрисдикцией, как известно, трудно определить. Для Оппенгейма территория является конститутивным элементом государственной формы, о чем свидетельствует его часто цитируемое выражение о том, что государство без территории невозможно [9, с. 563].

Конвенция Монтевидео предусматривает, что государство как субъект международного права должно обладать определенной территорией, оставляя качество взаимоотношений между государством и территорией необъясненным. Шоу называет необходимость территории для государственности просто «самоочевидной» [21, с. 46], предполагая, что концептуальные сочетания территории, суверенитета, государства и юрисдикции, лежащие в основе международного права, не имеют отношения к дисциплинарной ответственности.

В этой части определяются два концептуальных противоречия в международном праве о концепции территории. Первое - это объединение территории с суверенитетом. Второе - это слияние территории с юрисдикцией.

По крайней мере, начиная с дела об острове Пальмас, доктринальные трактовки территории, как правило, принимают как естественный факт, что государство обязательно осуществляет исключительный суверенитет «в отношении части поверхности земного шара» [10, с. 838-839], и вместо этого сосредотачиваются на правилах территориального приобретения или делимитации. Малкольм Шоу продемонстрировал эту точку зрения, утверждая, что «закон, касающийся территории», на самом деле состоял из «правил, регулирующих

приобретение титула» и «принципов стабильности границ и территориальной целостности» [20, с. 478]¹.

Утверждая, что миссией и целью традиционного международного права было разграничение осуществления суверенной власти на территориальной основе, Дженнингс указывал, что понятие «территория» является фактически дополнением к суверенитету: когда мы говорим о правилах, регулирующих приобретение или потерю территории, то используем выражение, которое может ввести нас в заблуждение, если мы постоянно не будем помнить, что здесь подразумевается не территория в физическом смысле, а государственный суверенитет в отношении территории [8, с. 2].

Однако если бы Дженнингс был прав, понятие территории в международном праве касалось бы не концепции территории как таковой, а регулирования территориальных проявлений суверенной власти. Учитывая, что правила территориального приобретения, с одной стороны, и делимитации границ, с другой, как правило, рассматриваются в дисциплине международного права как описание самой территории, связь между государством и его территорией обычно трактуется двойко, в зависимости от спорного юридического вопроса.

Если спор касается законности приобретения, территория является объектом, над которым государство осуществляет суверенитет, и, таким образом, отделена от этого государства. Именно в этом контексте приобретения наиболее уместна часто оспариваемая аналогия между территорией и собственностью. Если юридический спор касается границы, при делимитации территория обычно рассматривается как пространство, в пределах которого государство осуществляет суверенитет, и, таким образом, как неотъемлемый элемент этого государства.

Согласно Лаутерпахту, объектная теория рассматривает территорию как «объект права государства». Пространственная теория, с другой стороны, рассматривает территорию как пространственное выражение политической власти государства – «элемент самого государства» [12, с. 91-96].

Определение территории, данное Кельзеном, более близко соответствует теории пространства. Обсуждая позитивное установление принудительного порядка как важнейшего требования государства, он добавляет, что сферой, в которой этот принудительный порядок постоянно действует, является территория государства [11, с. 69-70].

С социально-правовой точки зрения неудивительно, что международное правовое регулирование территории таким образом сосредоточено на правилах приобретения и делимитации. Группы текстов по международному праву относительно территории появились во время Второй мировой войны, во время движений за деколонизацию 1960-х годов и в конце Холодной войны [7, 19].

Однако важным моментом является то, что краткое изложение правил приобретения и делимитации не объясняет концепцию территории само по себе, точно так же, как краткое изложение правил передачи имущества и правил обременения не объясняет концепцию собственности.

Второе концептуальное смешение, которое происходит при трактовке территории в международном праве, – это превращение территории в юрисдикцию. Форд утверждает, что «современная территориальная юрисдикция» является одновременно относительно недавней правительственной технологией, которая сопровождала «переход от статуса к контракту» как способ организации социальных и политических отношений в западной культуре, и единственной формой юрисдикции, которая сохраняется в «современном» мире [5, с. 854].

Превращение территории Фордом в юрисдикцию иллюстрирует важнейший момент различия между территорией как суверенитетом и территорией как юрисдикцией. В реестре юрисдикций «территория» становится специфически правовой технологией, в отличие от политической. Дорсетт и Маквей предполагают, что, хотя слияние территории

и суверенитета происходило с течением времени, территория по своей сути является юрисдикционным понятием. Рассматривая этимологию территории и ее значение в римском праве, они утверждают, что термин «территория» всегда был связан с юрисдикцией, но не с суверенитетом [4, с. 39].

Суть заключается в том, что и территория как суверенитет, и территория как юрисдикция несостоятельны даже в качестве абстрактных представлений о «естественной» земле, о данной «части поверхности земного шара». Территория как суверенитет относится не к земле, а к физическому выражению политической власти. Территория как юрисдикция относится не к земле, а к пространственному выражению юридической власти.

В обоих случаях конечный результат один и тот же: когда сведения о «территории» вместо этого сводятся к сведениям о территориальном суверенитете или территориальной юрисдикции, либо политической, либо юридической власти заменяет землю в качестве референта. Сама естественная земля исчезла; и международное право территории не предоставляет никаких средств для ее определения [18, с. 26].

Приравнение территории к политической власти или к юридической власти основывается на двух основных предположениях о природе. Первое – это онтологическая отделенность человеческого субъекта от природного объекта. Согласованное функционирование как территории как суверенитета, так и территории как юрисдикции зависит от категорического отделения «человеческого» субъекта от «природного» объекта или пространства.

То, что объект, постулируемый концепцией территории как суверенитета, обязательно должен быть «естественным», стало гораздо более очевидным в конце двадцатого века, с кодификацией международного морского права. По мере развития технологических возможностей для точного нанесения на карту и делимитации океанских границ значительная часть территориальных споров в международном праве в настоящее время касается применения к океану права приобретения и делимитации территорий [13]. Как отмечает Видас, менее половины морских границ политического мира были делимитированы [23].

Хотя во многих с учетом того, что принятие Конвенции ООН по морскому праву (ЮНКЛОС) и последующая судебная практика представляют собой повторение устоявшейся логики территориальности, морское право внесло значительный вклад в разъяснение правовой концепции территории, на реализацию которой направлены эти законы территориальности.

Судебная практика по ЮНКЛОС выявила новый аспект международного территориального права: чтобы квалифицироваться как территория, объект, на который претендует суверенитет, должен быть «естественным». Согласно ЮНКЛОС, «искусственные» сооружения и острова не могут составлять территорию в том смысле, который требуется для того, чтобы повлиять на делимитацию нормальных или прямых исходных линий, от которых отмеряются исключительная экономическая зона и территориальное море².

Это требование о том, чтобы объект, над которым заявляется суверенитет, был «естественным» – то есть в определенном смысле отличным от замысла человека – было предвосхищено в 1978 году. В этом деле Административный суд Кельна постановил, что территория должна состоять из «естественного» сегмента земной поверхности: только те части поверхности земли, которые возникли естественным образом, могут быть признаны составляющими государственную территорию [17].

Настойчивое требование международного права о том, чтобы территория была «естественной», доказало свое гораздо большее, чем академическое значение. В деле Филиппины против Китая (арбитражное решение по Южно-Китайскому морю) Постоянная палата третейского суда постановила против Китая, что фраза «естественная форма», включенная в ЮНКЛОС в определения как «возвышенности во время от-

1 Shaw M. Peoples, territorialism and boundaries // European Journal of International Law. 1997. № 3. P. 478-507 at 478.

2 United Nations Convention on the Law of the Sea, 10 December 1982, in force 16 November 1994, 1833 UNTS 3; 21 ILM 1261, article 60(8).

лива», так и «острова», означает, что статус объекта, заявленного в качестве основания для территориальных претензий, должен оцениваться на основе его естественного состояния,

территории предоставляет государствам признанные условия для до начала значительных изменений человеком [15, с. 131-132].

Геополитические последствия Арбитражного решения по Южно-Китайскому морю продолжает действовать. Важным моментом здесь является то, что версия территории в международном праве опирается на гуманистическое различие между «природой» и модификацией человеком; и что это различие, вероятно, станет причиной значительного политического конфликта по мере развития океанской инфраструктуры. Однако, возможно, из-за своей концептуальной непрозрачности, концепция территории лишь постепенно получает такой же уровень изучения в рамках данной дисциплины.

Это твердая конфигурация осуществления суверенных полномочий. Эта стабильность является, прежде всего, фактором безопасности, той защищенности, которую народы чувствуют под защитой признанных границ – уверенности, которая растет в них по мере консолидации в сообществе стремлений и воспоминаний о узы, связывающие их с землей, которую они занимают. Именно это объясняет чрезвычайную чувствительность общественного мнения ко всему, что касается территориальной целостности.

Следовательно, как правило, для человеческих обществ приграничная территория всегда выполняла двойную функцию: она является основной предпосылкой выживания и средством идентификации.

На протяжении всей истории концепция территории была очень динамичной. Динамику можно резюмировать двумя словами: детерриториализация и ретерриториализация.

Детерриториализацию можно было бы просто описать как пространственные проявления современных изменений, происходящих во взаимоотношениях между социальной жизнью и ее территориальными привязками [16]. В контексте международных отношений детерриториализация означает, что важность физического пространства (территории) снижается.

Под этим мы подразумеваем, что люди думают «за пределами» территории, когда говорят о международных отношениях, т.е. международные отношения не ограничены территориальными рамками. Это утверждение повторялось снова и снова, особенно после окончания холодной войны. В современную эпоху детерриториализацию воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Помимо технического прогресса, это было также изменение экономической и политической характер, который подталкивает к детерриториализации.

После падения Берлинской стены мир был подтолкнут к интеграции, чтобы предотвратить войну, такой как интеграция многих европейских государств в Европейский союз. Сегодня мы видим мир таким же взаимосвязанным, как и раньше, когда одно изменение в одном месте может сильно повлиять на другое, отдаленное место. Никто не стремился завоевать другие территории из-за риска нанести ущерб их экономике. В связи с этим представляется, что экономическая интеграция превращает экономику, основанную на территории, в интегративную.

Другая причина - политическая природа. До окончания Холодной войны политика была сосредоточена на территории: кто мог завоевать территорию и что можно было бы получить от этого завоевания. Это было государство (территориальное образование), сражающееся с другим государством (территориальным образованием) за территорию. Сегодня можно увидеть, насколько все изменилось - государство (территориальное образование) ведет борьбу с негосударственным субъектом (может быть территориальным или нетерриториальным образованием).

Это лучше всего видно на примере появления многих террористических групп и террористических акций в мире. Террористические группы в основном не имеют террито-

риальной основы, что означает, что они не владеют определенной территорией и не преследуют каких-либо территориальных целей. Обычно их цель политическая, а не территориальная, в рамках которой они будут сеять страх и неопределенность.

Второй аспект касается ретерриториализации. Это противоположность детерриториализации, при которой утверждается, что территория становится более важной. Эмпирически это демонстрируют государства, которые пытаются отстоять свой собственный территориальный суверенитет, который, как считается, был утрачен с приходом глобализации. Территориальный вопрос в Южно-Китайском море является ярким тому примером.

В социально-экономической перспективе возвращение территории можно увидеть по росту популизма в последние годы. Нарратив популизма - это, по сути, ретерриториализация: подозрительность к глобализации и узкому национализму, проявляющаяся в западных странах. С другой стороны, существует тенденция современных террористических группировок, удерживающих часть территории и даже бросающих вызов суверенитету соответствующего государства. Это продемонстрировала террористическая группировка ИГИЛ, когда она завоевывает территорию и контролирует правительство государства, вместо того, чтобы сеять страх и неуверенность, как они обычно делают.

Одна из самых устойчивых черт концепции территории - это ее критика со многих сторон. Утверждается, при детерриториализации территория которого не считается более важной в международных отношениях. Одним из наиболее цитируемых аргументов в пользу детерриториализации является технический прогресс, особенно информационно-коммуникационные технологии.

Другой аргумент исходит от академического мышления, которое считает, что концепция территории сама по себе очень ориентирована на государство, а не на человека. В результате государственная безопасность, которая связана с территорией государства, сводит на нет безопасность людей, проживающих на этой территории. В результате, в этой части, в дополнение к разговору о критике территории и геополитики с технологической и академической точек зрения, можно вести речь о критическом мышлении в отношении территории и геополитики.

Первое - с технологической точки зрения. В контексте территории технический прогресс уменьшает влияние самого пространства; теперь очень большое расстояние можно преодолевать с большей скоростью. Появление самолетов в военных конфликтах, вероятно, это стало одним из факторов, приведших к детерриториализации.

С самолетами территория не выступает в качестве барьера. Раньше гражданские лица могли чувствовать себя в безопасности на войне, главным образом потому, что война ведется далеко от дома. С самолетами эта система безопасности исчезает, поскольку вражеский самолет может проникнуть на вражескую территорию и затем сбросить бомбы на гражданское население.

В современную эпоху происходит то, что войне, возможно, вообще не обязательно происходить в физическом пространстве, как показывают кибервойны. Другим следствием технического прогресса в детерриториализации является терроризм. Терроризм имеет место везде, когда бы то ни было, и кто бы ни мог быть исполнителем или жертвой терроризма. Более того, с развитием технологий каждый теперь может изучить основы терроризма и совершить акт самостоятельно.

Этот факт затем приводит к росту терроризма с одним исполнителем и без четких целей. Поскольку терроризм непредсказуем и происходит внутри государства, можно сказать, что терроризм «заимствует» концепцию монополизации насилия у государства, поскольку государство не могло бы принять превентивные меры против терроризма.

Это привело к критике того, что на территориальное государство больше нельзя рассчитывать в плане обеспечения безопасности - одной из фундаментальных функций государства - своих граждан.

С теоретической точки зрения, в основном существует четыре фактора со стороны государства, на которые влияет детерриториализация [6]. Первый - суверенитет, второй - границы, третье - интеграция, четвертое - безопасность. В контексте суверенитета детерриториализация явно влияет на суверенитет государства, потому что теперь государству приходится конкурировать с другим субъектом, таким как террористические группы.

Что касается границ и интеграции, то ранее государство могло интегрировать своих граждан, чтобы они жили так, как хотят государства. Однако сегодняшний мир становится все более взаимосвязанным, государству все труднее донести до своих граждан то, что оно хочет. Холодная война, например, закончилась, потому что коммунистические страны не смогли помешать распространению идеи демократии среди своих граждан.

Более того, сама концепция территории время от времени подвергается критике из-за ее ассоциации с западной гегемонией и империализмом. Холодная война, как оказалось, поддерживала некоторые "геополитические интересы" многих стран, как это было показано в войне во Вьетнаме, которая являлась геополитическим интересом между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Технологический прогресс, усиление роли негосударственных субъектов и критическая интерпретация действительно влияют на концепцию территории и геополитики. Основываясь на этом мышлении, можно понять критиков концепции территории.

Утверждается также, что международные институты, такие как МВФ и ООН, подрывают суверенитет государства, основанного на территории, сверху из-за их способности навязывать свою волю государствам. Критики отмечают, что именно эти международные институты делают территорию более важной.

Вопреки этому убеждению, на самом деле международные институты являются реконфигурацией глобального порядка. Вместо детерриториализации происходит ретерриториализация международными институтами.

Процесс детерриториализации является логическим следствием реконфигурации, происходящей в современном мире. В эмпирическом контексте происходящий технологический прогресс, конечно, используется в качестве аргумента в пользу детерриториализации. Но часто забывается, что технологический прогресс, как и аргумент о международных институтах, укрепляет территорию, а не уменьшает ее.

Рассмотрим пример господства самолетов и железных дорог в войнах. Да, конечно, они сокращают время, необходимое для перемещения на географическое расстояние, но в то же время они укрепляют саму концепцию территории. Сокращая время в пути в географическом пространстве, поезд и самолет облегчают завоевание территории.

Технологии не просто уменьшают важность территории, но усиливают важность территории. Технический прогресс позволяет антропологам собирать и предоставлять вооруженным силам данные о территориальном контексте в том месте, где они работают³.

В результате имеются теоретические или эмпирические в пользу усиления концепции территории. Исходя из этого обсуждения, следует обсудить окончательную форму развития концепции территории, которая не основана на физическом пространстве.

Критика концепция территории важна для того, чтобы заставить нас осознать, что то, что называется территорией, не является природным и социально-политическим конструктом. Более того, критика позволяет нам понять, как традиционные государства, основанные на территориях, сталкиваются с условиями современного мира.

Полагаем, само понятие территории нуждается в расширении. Понятие территории как исключительно физи-

ческого пространства сталкивается с концепцией нефизического пространства, такого как Интернет. Многие страны пытаются "территориализировать" это нефизическое пространство. Например, в Китае его киберпространство было "территориализировано", а затем усиленно охранялось и патрулировалось. Китайский брандмауэр надежно защищен от проникновения, даже таких технологических гигантов, как Google. В результате понятие территориализованного нефизического пространства нуждается в более глубоком изучении.

Пристатейный библиографический список

1. Бабурин С. Н. Мир Империй: территория государства и мировой порядок. М., 2010.
2. Burkett P. *Marx and Nature*. New York: St Martin's Press, 1999.
3. Crawford J. *The creation of states in international law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006.
4. Dorsett S. and McVeigh S. *Jurisdiction*. Abingdon: Routledge, 2012.
5. Ford R. *Law's Territory // A History of Jurisdiction*. 1999.
6. Gilley B. *The Meaning and Measure of State Legitimacy: Result for 72 Countries // European Journal of Political Research*. 2009.
7. Hill N. *Claims to Territory in International Law and Relations*. Oxford: Oxford University Press, 1945.
8. Jennings R. Y. *The Acquisition of Territory in International Law*. Manchester: Manchester University Press, 1963.
9. Jennings R. and Watts A. (eds.). *Oppenheim's international law*. 9th edn. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 2008.
10. *Island of Palmas Case (Netherlands v USA) (1928) II RIAA 829; ICGJ 392*, Permanent Court of Arbitration.
11. Kelsen H. *The pure theory of law and analytical jurisprudence // Harvard Law Review*. 1941.
12. Lauterpacht H. *Private law sources and analogies of international law (with Special Reference to International Arbitration)*. New York: Longmans, Green and Co, 1927.
13. *Maritime Delimitation in the Caribbean Sea and the Pacific Ocean (Costa Rica v. Nicaragua) (Judgement) [2018] ICJ Rep*.
14. *Maritime Dispute (Peru v Chile) (Judgement) [2014] ICJ Rep 4*.
15. *Philippines v China (South China Sea Arbitration) (2016) PCA Case No 2013-19; ICGJ 495*, Permanent Court of Arbitration.
16. Pospecu G. *Deterritorialization and Reterritorialization*. In Barney Wharf (Ed.) // *Encyclopedia of Geography*. SAGE Knowledge, 2010.
17. *Re Duchy of Sealand*. 80 *International Law Reports*, 683-685 (Administrative Court of Cologne, 1978).
18. Schmidt C. *The concept of nature in Marx*. London: Verso, 2014.
19. Schmitt C. *The Nomos of the Earth in the International Law of Jus Publicum Europaeum*, G. L. Ulmen (trans.). New York: Telos Press Publishing, 2006.
20. Shaw M. *Peoples, territorialism and boundaries // European Journal of International Law*. 1997. № 3.
21. Shaw M. *Title to territory in Africa*. Oxford: Clarendon Press, 1986.
22. Siltz A. (2009). *Why Do States has Territorial Rights? International Theory 1*.
23. Vidas D. *Sea-Level Rise and International Law: At the Convergence of Two Epochs*, 2014.

3 Kassel, Whitney. (2015). *The army needs anthropologists*. Foreign policy. Retrieved from: [Electronic resource]. - Access mode: <http://foreignpolicy.com/2015/07/28/the-armyneedsanthropologists-iraq-afghanistan-human-terrain/>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-42-44

КРИКУНОВА Софья Сергеевна

аспирант 3 курса Юридического факультета имени М. М. Сперанского кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ АФРИКАНСКОГО СОЮЗА: УГРОЗЫ, РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В настоящее время все мы живем в информационном обществе, наша жизнь неразрывно связана с ежедневным использованием информационно-телекоммуникационных технологий, что несомненно облегчает жизнь практически любого человека на Земле. Совместно с появлением и внедрением инновационных технологий в разные сферы жизнедеятельности общества, возникает и необходимость в создании действенных механизмов, обеспечивающих надзор за использованием, распространением таких технологий. В этой связи, большая доля ответственности ложиться на государства, которые отвечают за разработку и принятие документов по защите прав человека в информационном пространстве.

Проведя исследование, посвященное анализу нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с защитой информационных прав человека в рамках Африканского союза, автор статьи приходит к выводу о том, что в настоящее время для большинства государств Африки характерен переход от слабо развитой степени защищенности прав человека в сети Интернет к более серьезному их закреплению и появлению механизмов соответствующих гарантий соблюдения информационных прав человека. В статье делается акцент на необходимости модернизации региональных механизмов защиты информационных прав человека в странах Африканского союза и постоянном совершенствовании таких механизмов, указывается на имеющиеся пробелы в сфере правового регулирования защиты информационных прав человека, предлагаются способы решения определенного перечня проблем, характерных для государств Африки.

Автором статьи даются рекомендации, следование которым будет способствовать усилению защищенности информационных прав человека на Африканском континенте. Их применение в рамках Африканского союза позволит повысить эффективность мониторинга за новыми вызовами и угрозами информационным правам человека, а также поможет сократить количество нарушений таких прав, нивелировать существующие в данный момент риски, предотвратить будущие нарушения.

Ключевые слова: международная защита прав человека в цифровую эпоху; информационные права человека в правовой системе Африканских государств; реализация международных гарантий защиты прав человека в информационном пространстве в странах Африки; международно-правовое регулирование аспектов защиты прав человека в условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий; соблюдение прав человека в информационной среде; обеспечение защиты информационных прав человека в рамках Африканского союза.

KRIKUNOVA Sofya Sergeevna

postgraduate student of the 3rd course of the M. M. Speransky Law Faculty of International and integration law sub-faculty of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF INFORMATION HUMAN RIGHTS WITHIN THE FRAMEWORK OF THE AFRICAN UNION: THREATS, REALITIES AND PROSPECTS

Currently, we all live in an information society, our lives are inextricably linked with the daily use of information and telecommunication technologies, which undoubtedly makes life easier for almost any person on Earth. Together with the emergence and introduction of innovative technologies in various spheres of society, there is a need to create effective mechanisms to ensure supervision of the use and dissemination of such technologies. In this regard, a large share of responsibility falls on the States that are responsible for the development and adoption of documents on the protection of human rights in the information space.

Having conducted a study devoted to the analysis of the regulatory regulation of issues related to the protection of information human rights within the framework of the African Union, the author of the article concludes that currently most African States are characterized by a transition from a poorly developed degree of protection of human rights on the Internet to a more serious consolidation of them and the emergence of appropriate safeguards mechanisms respect for human information rights. The article focuses on the need to modernize regional mechanisms for the protection of information human rights in the countries of the African Union and the continuous improvement of such mechanisms, points out the existing gaps in the field of legal regulation of the protection of information human rights, suggests ways to solve a certain list of problems specific to African states.

The author of the article gives recommendations, following which will contribute to strengthening the protection of information human rights on the African continent. Their application within the framework of the African Union will make it possible to increase the effectiveness of monitoring new challenges and threats to information human rights, as well as help reduce the number of violations of such rights, neutralize current risks, and prevent future violations.

Keywords: international protection of human rights in the digital age; human information rights in the legal system of African states; implementation of international guarantees for the protection of human rights in the information space in African countries; international legal regulation of aspects of human rights protection in the context of the development of information and telecommunication technologies; respect for human rights in the information environment; ensuring the protection of information rights human rights within the framework of the African Union.

Крикунова С. С.

Основной текст. Развитие цифровых технологий по всему миру стало неизбежным - оно приносит в равной степени, как выгоду, так и новые, неизвестные ранее, угрозы правам человека в информационной среде. Недостаточный контроль со стороны государств и международного сообщества в целом, быстрый темп внедрения инноваций, бесконтрольное использование цифровых технологий, могут принести с собой множество проблем в сфере защиты прав человека, а также создать большое количество вы-

зовов для всего человечества, если уже сейчас не предпринимать необходимые защитные меры, закрепленные на законодательном уровне. Именно по этой причине, стоит уделять пристальное внимание укреплению международно-правовых механизмов защиты информационных прав человека в цифровой среде, в особенности в государствах Африки.

Исходя из принятой доктрины к определению «прав человека в Интернет-пространстве», которой придерживается Африкан-

ский союз, защита информационных прав человека производится в контексте нормативно-правового регулирования отношений в сети Интернет на региональном и субрегиональном уровнях. Одним из главных документов, регламентирующих защиту информационных прав человека на Африканском континенте, является Африканская декларация о правах и свободах в Интернете¹. Ведущей целью создания данной декларации служит - формирование безопасной информационной среды в сети Интернет, которая будет соответствовать установленным международным сообществам стандартам в области прав человека.

Для ее реализации в контексте обеспечения защиты информационных прав человека в Африканском союзе, предлагается следующее правовое аксиоматическое, вытекающее из положений Африканской декларации о правах и свободах в Интернете: доступность сети Интернет всем социальным слоям населения и отсутствие ограничений в поиске, получении и распространении информации, что непосредственно будет способствовать реализации таких прав человека, как право на: свободу выражения мнений; получение образования; беспрепятственную организацию собраний, ассоциаций; всестороннее развитие и получение доступа к знаниям; участие в культурной жизни; уважение человеческого достоинства; непрерывное социальное и экономическое развитие; поощрение свободы выражения мнений; равенство и борьба с дискриминационными проявлениями; открытость, взаимный обмен информацией, плюрализм средств массовой информации; культурное, этническое и языковое разнообразие; поддержка инноваций, «здоровая» конкуренция в информационном секторе, сетевой нейтралитет; неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве, включая право на защиту персональных данных; использование преимуществ безопасности, стабильности и отказоустойчивости сети Интернет; своевременное устранение рисков и угроз безопасности сети Интернет; отсутствие дискриминации и каких-либо ограничений в использовании Интернета; следование надлежащей правовой процедуре в отношении любых юридических претензий или нарушений закона, совершенных в сети Интернет; введение единых стандартов привлечения к ответственности за нарушения в киберпространстве в рамках Африканского союза; ликвидация всех форм гендерного неравенства; демократическое управление сетью Интернет всеми заинтересованными сторонами, которое должно устанавливаться в соответствии с критериями открытости, инклюзивности, подотчетности, прозрачности и сотрудничества, с соблюдением международных, региональных и национальных норм.

Для повышения состояния защищенности вышеперечисленных информационных прав человека на Африканском континенте, требуется, чтобы все данные в цифровой среде обрабатывались равным и недискриминационным образом, они не могут собираться в сети Интернет дифференцированно, более того, государства-члены Африканского союза не должны предоставлять какие-либо особые привилегии или создавать препятствия для обмена информацией. Вместе с тем, отмечается необходимость в поддержании политики всеобщего и равного доступа к сети Интернет. На Африканском континенте требуется законодательно закреплять положения о справедливом и прозрачном регулировании рынка информационных технологий, также необходимо направлять совместные усилия государств на сокращение гендерного цифрового разрыва, поощрять взаимный обмен передовым опытом, повышать доступность цифровых ресурсов, языковое и культурное разнообразие, информационную грамотность населения, создавать благоприятные условия для участия в публичных онлайн-дебатах всех заинтересованных лиц, в особенности участников ассоциаций, организаций, объединений.

Среди африканских государств следует не допускать в максимально возможной степени блокирование контента, фильтрацию информации, ее удаление и другие технические или юридические ограничения доступности к материалу, поскольку такие ограничения влекут за собой ущемление права на свободу выражения мнений. Наложение подобного рода ограничений являются формой предварительной цензуры и могут быть истолкованы международным сообществом, как нарушение права на свободу выражения мнений. Государствам Африканского союза надлежит отслеживать изменения в цифровой среде, совершенствовать и при возникновении необходимости реформировать свое законодательство, касающееся отношений в сети Интернет, чтобы это законодательство полностью соответствовало международным стандартам. Кроме того, следует предоставлять африканским гражданам возможности для обучения правилам безопасного

пользования информационными технологиями, подготовить их к возможным рискам, существующим в сети Интернет, обеспечить надлежащий контроль за сохранностью персональных данных и законностью их применения для соответствующих целей.

Сбор, хранение и раскрытие персональных данных пользователей должен осуществляться в соответствии с прозрачной политикой конфиденциальности, установленной в Африканском союзе. Обычные должны иметь возможность получать информацию о том, какие данные собираются о них, исправлять неточности и защищать свои данные от несанкционированного доступа. Массовый или нецелевой контроль над отдельными лицами или мониторинг их сообщений нарушает право на неприкосновенность частной жизни, свободу выражения мнений и другие права человека, в зависимости от их дальнейшего использования, такие действия могут производиться только при наличии веских оснований подозревать данное лицо в совершении или причастности к тяжкому преступлению, наличии судебного решения, в противном случае, не будет представляться возможность предотвратить злоупотребления со стороны надзорных органов, что повлечет за собой нарушение права на справедливое судебное разбирательство и защиту прав человека в соответствии с законом. Юрисдикция в судебных делах, связанных с деятельностью в информационном пространстве, должна быть ограничена государствами, с которыми эти дела имеют реальную и существенную связь.

Африканскому союзу рекомендуется признавать в своем законодательстве и правоприменительной практике, что шифрование является основным требованием для защиты конфиденциальности и безопасности информации граждан. Особое внимание следует уделять продвижению систем сквозного шифрования в качестве основного стандарта для защиты прав на свободу выражения мнений и неприкосновенность частной жизни в Интернете. Компании также должны воздерживаться от ослабления технических стандартов и предоставлять услуги с надежным сквозным шифрованием. В этой связи, важно сотрудничество между правительствами, частным сектором, обществом, научным и техническим сообществом для повышения безопасности сети Интернет и противодействия угрозам кибербезопасности².

Необходимо развивать и укреплять процессы и механизмы, обеспечивающие полное, активное и равноправное участие женщин и девочек в процессе принятия решений о формировании и управлении Интернетом. Широкомасштабные усилия, включая принятие законодательства о правах на равенство перед законом и недискриминацию, развитие образования, установление социального диалога и повышение осведомленности, должны стать основными средствами решения основополагающих проблем гендерного неравенства и дискриминации.

Все заинтересованные стороны в Африке, включая региональные и субрегиональные органы, национальные правительства, организации гражданского общества, средства массовой информации и соответствующие технологические и интернет-компании, должны разрабатывать, совершенствовать и вводить в действие международные и региональные договоры по правам человека, касающиеся защиты прав человека в информационном пространстве. Африканской комиссией по правам человека и народом рекомендуется создать механизм для поощрения и мониторинга прав и свобод в сети Интернет в Африке. Техническому сообществу в то же время рекомендовано и дальше заниматься продвижением инноваций, не забывая при этом, про соблюдение прав человека в информационном пространстве. В качестве приоритета для укрепления защиты прав человека в Интернет-пространстве, необходимо рассматривать обеспечение государствами активного участия в законодательных и правоприменительных процессах заинтересованных сторон.

Обратившись к другому, значимому для защиты информационных прав человека в Африканском союзе документу, Конвенции Африканского союза о кибербезопасности и защите от 27 июня 2014 года³, стоит обратить внимание на содержащейся в ней призыв к созданию надлежащей нормативной базы, соответствующей африканским правовым, культурным, экономическим и социальным условиям. Данный призыв обусловлен тем, что защита персональных данных и частной жизни в Африке представляет

1 African Declaration on Internet Rights and Freedoms. (2013): офиц. текст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://africaninternetrights.org/download> (дата обращения: 29.01.2024).

2 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.apc.org/en/news/digital-rights-featured-prominently-african-commission-human-and-peoples-rights-68th-session> (дата обращения: 29.01.2024).

3 African Union Convention on cyber security and personal data protection. (2014): офиц. текст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection> (дата обращения: 29.01.2024).

собой серьезную проблему, поскольку для ее решения требуется соблюдение оптимального баланса между использованием информационно-коммуникационных технологий и защитой неприкосновенности частной жизни граждан, гарантируя при этом свободу информации.

Ведущими целями, указанными в документе, выступают: гармонизация законодательства в государствах - членах Африканского союза; создание в каждой из стран механизма борьбы с нарушениями неприкосновенности частной жизни и другими незаконными действиями в киберпространстве; обеспечение гарантий соблюдения основных прав свобод в цифровой среде. Любое заинтересованное лицо, чьи права были нарушены, может обратиться за защитой своих прав к национальному органу по защите. Каждое государство-участник определяет состав национального органа по защите персональных данных, который имеет обязанность разработать правила процедуры, регулирующие представление дел.

Национальные органы по защите обеспечивают, чтобы информационные технологии не представляли угрозы общественным правам и свободам граждан, в этой связи, они обладают правом осуществлять следующий перечень мер: выносить предупреждение любому контроллеру данных, который не выполняет свои обязательства; высылать официальное письмо, в котором будет указан срок устранения выявленных нарушений компетентным органом; в особых случаях допускается: прекращать обработку сведений; блокировать некоторые данные; выносить постановление о временном или постоянном запрете на любую обработку, противоречащую нормам международного права и локального законодательства.

Согласно положениям Конвенции Африканского союза о кибербезопасности и защите от 27 июня 2014 года, основными принципами, регулирующими обработку персональных данных для достижения целей в области защиты прав человека в цифровой среде, являются: принцип согласия субъекта персональных данных (законной обработкой персональных данных считается в том случае, если субъект данных дал свое согласие); точность и обновляемость персональных данных; принцип законности и беспристрастности в отношении обработки персональных данных; отсутствие чрезмерности в сборе данных, как количественной, так и по срокам хранения; принцип защиты жизненно важных интересов и основных прав, свобод субъекта данных; прозрачность в осуществлении обработки персональных данных; принцип конфиденциальности и безопасности обработки персональных данных.

Для защиты прав человека в информационном пространстве Африканские государства устанавливают запрет на любой сбор и обработку данных, раскрывающих расовое, этническое происхождение, родословную, политические взгляды, религиозные или философские убеждения, генетическую информацию, данные о состоянии здоровья субъекта, также запрещено передавать персональные данные странам, не являющимся участниками Африканского союза, если только такое государство не предоставит специальное разрешение и сможет гарантировать надлежащий уровень защиты прав и свобод в отношении лиц, чьи данные обрабатываются.

Дополнительно Конвенцией Африканского союза о кибербезопасности и защите от 27 июня 2014 года гарантируется соблюдение таких прав человека, как: право доступа к информации (предоставление данных физическому лицу, которые обрабатываются в отношении него), право на исправление, дополнение или удаление сведений, не соответствующих действительности, право на конфиденциальность и правомерную защиту обрабатываемых данных, право на эффективное и справедливое разбирательство, право на профессиональную подготовку и обучение работе в цифровом пространстве, право на безопасное использование киберпространства (например, для общения или осуществления транзакций в сети Интернет), равенство всех государств перед законом; неприкосновенность частной, семейной жизни, право на свободу ассоциаций, право выражать и распространять свое мнение, свобода передвижения, право на отсутствие дискриминации по какому-либо признаку.

Для реализации вышеуказанных прав, государствам-членам Африканского союза рекомендуется: обеспечить международное взаимодействие с заинтересованными сторонами, разработать и утвердить национальную политику, стратегии кибербезопасности, взаимная помощь в борьбе с киберпреступностью, привлечение к ответственности, в соответствии с принципом двойной уголовной ответственности, стимулировать диалог между всеми заинтересованными сторонами и обмениваться информацией, сотрудничать с Группой реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (CERT), мониторинг за деятельностью, осуществляемой в киберпространстве, принятие мер по оперативному

реагированию на инциденты, координация и решение проблем, связанных с кибербезопасностью.

Каждое государство-участник Африканского союза самостоятельно принимает необходимые для защиты киберпространства законодательные, регулирующие или любые другие меры, какие оно посчитает востребованными. Устанавливая подобного рода рамки, странам важно обеспечивать, чтобы меры не ущемляли права и свободы граждан, защищаемые национальными и внутренними законами, международным правом. Если обратиться к конкретному перечню мер, которые должны принять африканские государства, то они будут следующими:

1. Совершенствования механизмов защиты пользователей, организаций и других в информационном пространстве для обеспечения гарантий соблюдения прав человека;
2. Всесторонний мониторинг киберугроз, повышенный уровень готовности государств в случае реагирования на киберпреступления и любые нарушения прав человека в киберпространстве;
3. Укрепление безопасности использования электронных сервисов;
4. Анализ пробелов и потребностей для усиления защищенности информационного пространства;
5. Повышение информированности населения о возможных угрозах нарушения прав граждан в Интернет-пространстве и негативных последствиях этих явлений;
6. Проведение конференций, консультаций с участием государств-членов Африканского союза по вопросам, касающимся борьбы с киберпреступностью и нарушениями прав человека в информационном пространстве;
7. Развивать партнерские отношения с Африканской комиссией по правам человека и народов, Африканским судом по правам человека и народов, установить конструктивный диалог между гражданским обществом и правительственными, межправительственными и неправительственными организациями с целью содействия защиты прав человека в киберпространстве;
8. Сотрудничать с другими африканскими и международными организациями, занимающимися развитием и защитой прав человека и народов.

Подводя итоги исследования, хотелось бы отметить, что наиболее важным посылом для государств в контексте защиты информационных прав человека на Африканском континенте, служит тезис о том, что Интернет, равно как и цифровое пространство должно стать благоприятной и безопасной средой, благодаря которой человечество получит новые ресурсы для обеспечения гарантий соблюдения всех прав человека и устойчивого развития. Поддержание высокого уровня защищенности информационных прав человека является коллективной целью не только для государств Африки, но и для всех развивающихся стран. Именно по этой причине так важна синергия действий и соблюдение юридических обязательств государств, закрепленных в международных и региональных документах по правам человека⁴.

Пристатейный библиографический список

1. African Declaration on Internet Rights and Freedoms. (2013): офиц. текст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://africaninternetrights.org/download> (дата обращения: 29.01.2024).
2. African Union Convention on Cyber Security and Personal Data Protection. (2014): офиц. текст. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://au.int/en/treaties/african-union-convention-cyber-security-and-personal-data-protection> (дата обращения: 29.01.2024).
3. African Commission on Human and Peoples' Rights. Final Communiqué of the 68th Ordinary Session of the African Commission on Human and Peoples' Rights from 14 April to 4 May 2021. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://achpr.au.int/en/news/final-communications/2021-12-05/final-communication-68th-ordinary-session-african-commission-huma> (дата обращения: 29.01.2024).
4. Association for progressive communications. Digital rights featured prominently at African Commission on Human and Peoples' Rights 68th session published on 19 May 2021. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.apc.org/en/news/digital-rights-featured-prominently-african-commission-human-and-peoples-rights-68th-session> (дата обращения: 29.01.2024).
- 4 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://achpr.au.int/en/news/final-communications/2021-12-05/final-communication-68th-ordinary-session-african-commission-huma> (дата обращения: 29.01.2024).

НУЦАЛХАНОВ Гамзат Нуцалханович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА О БЕЗЪЯДЕРНОЙ ЗОНЕ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА

Предметом данной статьи является содержание Договора о безъядерной зоне в Южной части Тихого океана, его недостатки. Автор рассматривает эволюцию отношения стран региона к данному соглашению. Кроме того, в статье анализируются причины успешного формирования безъядерной зоны в данном регионе. Задача написания данной статьи состоит в комплексном исследовании обязательств по Договору Раротонга. Методология исследования основывается на историческом подходе и формально-юридическом анализе положений Договора. Автор приходит к выводу о значительной роли Договора Тлателолко в процессе продвижения идеи ЗСЯО, охватившей в совокупности уже свыше ста государств мира. Несмотря на двусмысленность отдельных положений Договора, он продолжает выполнять свою главную функцию по ограничению горизонтального распространения ядерного оружия. Кроме того, он послужил примером для создания других зон, свободных от ядерного оружия.

Ключевые слова: безъядерная зона, разоружение, Договор Раротонга, ядерное оружие.

NUTSALHANOV Gamzat Nutsalhanovich

Ph.D. in Law, associate professor Head of State and legal disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute of the All-Russian University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

THE CONTENT OF THE NUCLEAR-FREE ZONE TREATY IN THE SOUTH PACIFIC

The subject of this article is the content of the Treaty on a Nuclear-Free Zone in the South Pacific, its shortcomings. The author examines the evolution of the attitude of the countries of the region to this agreement. In addition, the article analyzes the reasons for the successful formation of a nuclear-free zone in this region. The task of writing this article is a comprehensive study of the obligations under the Rarotonga Agreement. The research methodology is based on a historical approach and a formal legal analysis of the provisions of the Contract. The author comes to the conclusion about the significant role of the Tlatelolco Treaty in the process of promoting the idea of the NWFZ, which has already covered more than a hundred countries of the world. Despite the ambiguity of certain provisions of the Treaty, it continues to fulfill its main function of limiting the horizontal proliferation of nuclear weapons. In addition, it served as an example for the creation of other nuclear-weapon-free zones.

Keywords: безъядерная зона, разоружение, Договор Раротонга, ядерное оружие.

При разработке проекта Договора рабочая группа приняла во внимание некоторые ключевые проблемы. Прежде всего, это тот факт, что зона, свободная от ядерного оружия, сама по себе не может в полной мере соответствовать географическим, правовым и существенным ограничениям, которым неизбежно подчиняются фактические обязательства, налагаемые договором. При сосредоточении внимания на соответствующих вопросах был отмечен ряд ограничений. Эти ограничения были трех видов: юридические, практические (с точки зрения проверяемости) и тактические. Правовые ограничения включали права всех государств на свободу открытого моря и воздушного пространства над открытым морем. Здесь Рабочая группа сочла, что любая попытка запретить транзит через открытое море региона судам, способным перевозить ядерное оружие, будет юридически невозможной. Практические ограничения заключались в том, что даже если бы договор вступил в силу, стороны не имеют и вряд ли будут иметь в обозримом будущем возможности эффективно контролировать и проверять такой запрет. Было высказано мнение, что попытка применить его будет равносильна не более чем призыву, ведущему к международному скептицизму в отношении договора в целом [2].

После рассмотрения этих ограничений было выражено общее мнение Рабочей группы «растянуть ткань договора до предела». Статья I (а) устанавливает границу зоны, согласно приложению к Договору, в котором описываются и объясняются координаты зоны. При рассмотрении этого положения Договора Рабочая группа приняла решение о двух подходах.

Первый подход был назван «неполным лоскутным подходом». Он предполагал безъядерную зону, ограниченную территориями стран, которые присоединяются к договору. Второй подход был назван «схематическим подходом», то есть с пограничной линией, очерчивающей страны Южно-Тихоо-

кеанского форума, а также большие районы открытого моря и примыкающей к существующим зонам, свободным от ядерного оружия, в Латинской Америке и Антарктиде. Последнее было сочтено предпочтительным, поскольку его легче визуализировать, он четко определяет регион, к которому предполагается применить зону, и будет способствовать созданию мозаики существующих и планируемых зон, свободных от ядерного оружия. Фактом, однако, остается то, что страны Южно-тихоокеанского форума (как и другие страны) могут только в отношении своих собственных территорий в гораздо более ограниченной степени, в областях юрисдикции за пределами своих территории, брать на себя договорные обязательства.

Помимо этого, страны Форума могут брать на себя договорные обязательства только в отношении своих собственных действий и деятельности на своих собственных кораблях и самолетах [3].

Другим важным соображением, которое Рабочая группа приняла, касалась границ зоны, в частности северной границы. Некоторые страны придерживались мнения, что зона должна простираться далеко к северу от экватора, чтобы включать в себя территории подконтрольные США. Точно так же, как она простиралась на восток, включая французские территории. Здесь была выражена озабоченность по поводу необходимости быть последовательными по отношению к Франции и США. Выбранная альтернатива заключалась в том, чтобы первоначальная северная граница зоны не проходила за пределами исключительных экономических зон самых северных членов Форума, а именно Науру и Кирибати. Это отражало опасения по поводу того, что включение подопечной территории США в зону может осложнить текущие переговоры о будущем этой зоны, особенно с учетом того, что ядерные вопросы были основным элементом этих переговоров [4].

Рабочая группа сочла, что это не относится к французским территориям, где проблемы, стоящие перед движением за независимость, были иными. Более того, пределы восточной границы, которая выходила за пределы самого восточного члена Форума, заключалась в том, чтобы безъядерная зона в Южной части Тихого океана примыкала к латиноамериканской ЗСЯО. На севере подобной зоны не было, в то время как на юге находилась зона Антарктиды, а на западе – предлагаемая Зона мира в Индийском океане и предлагаемая ЗСЯО в Юго-Восточной Азии.

Было также рассмотрено положение территорий членов Форума за пределами зоны, в частности антарктических территорий Австралии и Новой Зеландии и австралийских островов в Индийском океане. Было высказано мнение, что строгие положения Договора об Антарктике, особенно его статьи о контроле и неволеном использовании, не будут необходимыми или желательными для применения положений безъядерной зоны к этим территориям. Что касается австралийских островов в Индийском океане, то они были включены в эту зону [5].

Другой важный вопрос, возникший в результате обсуждения границ зоны, заключался в том, можно ли точно охарактеризовать эту зону как «Южно-тихоокеанскую зону, свободную от ядерного оружия». Определенное предпочтение было отдано термину «Тихоокеанский регион», чтобы прояснить, что экватор не ограничивает зону, и отразить давно установившееся использование этого термина во внутреннем законодательстве некоторых членов Форума по ядерной политике. Однако было высказано мнение, что, поскольку термин «Южная часть Тихого океана» в целом используется на международном уровне и что он в достаточной степени отражает некоторые региональные организации, такие как Южно-тихоокеанская комиссия, Южно-тихоокеанское бюро экономического сотрудничества и сам Южно-тихоокеанский форум, термин «Южная часть Тихого океана» следует сохранить. Вануату и Науру высказали оговорки по этому вопросу, поскольку, по мнению Вануату, «жители Тихоокеанского региона понимают этот термин лучше, чем термин «Южная часть Тихого океана» [6].

Обсуждался также вопрос о целесообразности термина «безъядерный». Было высказано мнение, что членам Форума, даже если бы они этого захотели, не по силам исключить из зоны все, что связано с ядерным оружием, и, более того, все, что должно было быть сделано в зоне, останется частью мира, в котором существует ядерное оружие и широко распространено мирное использование ядерной энергии. В этой связи ни одна свобода не является абсолютной и что термин «зона, свободная от ядерного оружия» широко используется в Организации Объединенных Наций и других международных организациях, например, в зонах Латинской Америки и Антарктики, которые не препятствуют транзиту или посещению судов, вооруженных ядерным оружием. Было высказано мнение, что термин «безъядерный» надлежащим образом отражает давно установившееся популярное употребление в странах – членах Форума [7].

Отказ от ядерных взрывных устройств. Вопрос об отказе от ядерных взрывных устройств вызывал некоторые разногласия у составителей договора. В данном случае проблема касалась средств транспортировки или доставки ядерного оружия или устройств и того, следует ли их исключать из определения ядерного взрывного устройства, если они являются отделяемыми и не являются частью устройства. Было решено, что термин «ядерное взрывное устройство» является адекватным, поскольку с технической точки зрения и с точки зрения нераспространения провести различие между «мирными ядерными взрывными устройствами» и «ядерными взрывными устройствами» практически невозможно.

Было решено, что участники договора не должны производить, приобретать, каким бы то ни было образом обладать или осуществлять контроль над каким-либо ядерным взрывным устройством внутри или за пределами зоны. Таким образом, положение статьи 3 запрещает участникам Договора получать помощь в производстве ядерных устройств, поставлять ядерные материалы, оборудование или технологии в любую

страну для использования во взрывных устройствах. Положение, в соответствии с которым участники договора не будут брать на себя обязательство сотрудничать в деятельности, которую они не хотели бы осуществлять в регионе Южной части Тихого океана, включено в статью 3 (с). Это положение следует понимать как относящееся к любому преднамеренному действию, как позитивному, так и разрешительному, направленному на содействие такой деятельности. Подразумевалось, что это исключает действия, которые преследуют другие предполагаемые цели, но могут намеренно и случайно способствовать упомянутой запрещенной деятельности [8].

Мирная ядерная деятельность. Рабочая группа рассмотрела вопрос о мирной ядерной деятельности. Было сочтено желательным определить условия, применимые к передаче ядерных предметов, и потребовать, чтобы такие передачи осуществлялись под гарантиями Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и в соответствии со строгими условиями нераспространения. Каждая Сторона обязуется:

a) не предоставлять источник или специальный расщепляющийся материал, либо оборудование или материал, специально предназначенные или изготовленные для обработки, использования или производства специального расщепляющегося материала в мирных целях:

i) любому государству, не обладающему ядерным оружием, если на него не распространяются гарантии, предусмотренные статьей III.1 Договора о нераспространении ядерного оружия, или

ii) любому государству, обладающему ядерным оружием, если на него не распространяются действующие соглашения о гарантиях с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ).

Любое такое представление осуществляется в соответствии со строгими мерами по нераспространению ядерного оружия в целях обеспечения гарантии исключительно мирного, не для взрывов, использования;

b) оказывать поддержку сохранению эффективности международной системы нераспространения ядерного оружия, основанной на Договоре о нераспространении ядерного оружия и системе гарантий МАГАТЭ¹.

Предотвращение размещения ядерных взрывных устройств. Как суверенные государства, большинство стран СФО проводят свою соответствующую политику в отношении размещения ядерных устройств. За исключением Новой Зеландии и Вануату, все страны допускают суда и самолеты с ядерными двигателями в свои порты и аэродромы. Хотя в статье 5 (1) Договора говорится, что государства-члены должны взять на себя обязательство предотвращать размещение ядерного взрывного устройства на своей территории, статья 5 (2) оставляет за каждым суверенным государством право самому решать, разрешать ли иностранным судам заход в его порты и аэродромы, транзит через его воздушное пространство иностранных воздушных судов и навигацию иностранных морских судов в ее территориальном море или архипелажных водах иначе, чем это предусмотрено правом мирного прохода, правом архипелажного прохода по морским коридорам или правом транзитного прохода через проливы [9].

Возникает вопрос, что же понимать под «размещением»? Было отмечено, что определение должно быть строгим и должно охватывать установку, размещение, транспортировку по суше или внутренним водам, накопление запасов, хранение, установку и развертывание ядерных взрывных устройств на территориях участников Договора. Был также рассмотрен вопрос о временном элементе, охватывающем продолжительность или характер посещений портов. Рабочая группа при рассмотрении этого вопроса отметила, что право стран принимать решения о доступе к портам является безусловным. Кроме того, нам представляется, что полезность таких временных рамок сомнительна, поскольку обстоятельства посещения портов значительно различаются.

1 Договор о безъядерной зоне в южной части тихоого океана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902048> (дата обращения: 29.12.2023).

Недопущение испытаний ядерных взрывных устройств. Статья 6 Договора посвящена недопущению испытаний ядерных взрывных устройств. В соответствии с ней каждая сторона обязуется:

- a) не допускать на своей территории испытания любых ядерных взрывных устройств;
- b) не предпринимать каких-либо действий для оказания содействия или поощрения испытания любого ядерного взрывного устройства любым государством.

Недопущение захоронения радиоактивных отходов. Учитывая тот факт, что пункт о захоронении радиоактивных отходов включен в Конвенции Секретариата Тихоокеанской региональной программы по окружающей среде (SPREP), включение статьи о захоронении в Договор о безъядерной зоне рассматривалось как способствование, а не препятствие достижению целей SPREP. Следовательно, Договор предусматривает, что каждая сторона обязуется:

- a) не захоронять радиоактивные отходы и другие радиоактивные вещества в море где-либо в пределах безъядерной зоны южной части Тихого океана;
- b) не допускать захоронения радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ кем-либо в своем территориальном море;
- c) не предпринимать каких-либо действий для оказания содействия или поощрения захоронения кем-либо радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ в море где-либо в пределах безъядерной зоны южной части Тихого океана;
- d) содействовать скорейшему заключению предложенной Конвенции, относящейся к защите природных ресурсов и окружающей среды района южной части Тихого океана, и Протокола к ней о недопущении загрязнения района южной части Тихого океана путем захоронения отходов, в целях недопущения захоронения в море радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ кем-либо где-либо в этом районе [10].

Говоря о недопущении захоронения радиоактивных отходов, следует отметить, что рассматривалась возможность принятия четвертого протокола к договору, в котором государствам-участникам предлагалось взять на себя обязательства по недопущению сброса отходов в зоне. Данное предложение не получило поддержки, так как это было бы несовместимо с пунктом d статьи 7 Договора, где предусмотрено, что каждая сторона обязуется содействовать скорейшему заключению предложенной Конвенции SPREP, относящейся к защите природных ресурсов и окружающей среды района южной части Тихого океана, и Протокола к ней о недопущении загрязнения района южной части Тихого океана путем захоронения отходов, в целях недопущения захоронения в море радиоактивных отходов и других радиоактивных веществ кем-либо где-либо в этом районе [11].

Консультации и внесение поправок. Договором учреждается Консультативный комитет для рассмотрения жалоб сторон на нарушения обязательств по Договору. Составители Договора сочли, что, имея Консультативный комитет не было бы необходимости институционализировать регулярный обзор договора. Договор также включает положение о поправках, в соответствии с которым предложения о внесении поправок будут рассматриваться Консультативным комитетом и для их принятия потребуется поддержка консенсуса.

Выход из Договора. Рабочая группа в ходе своих обсуждений разошлась во мнениях относительно того, следует ли включать в Договор положение о выходе. Некоторые считали, что клаузула о выходе не нужна, а некоторые утверждали, что это суверенное право государства выйти из договора. Тем не менее, в Договор включено положение о том, что настоящий Договор является бессрочным и действует в течение неопределенного времени при условии, что в случае нарушения любой из сторон положения настоящего Договора, являющегося существенным для достижения целей Договора или для духа Договора, все другие Стороны имеют право выйти из Договора. Выход из Договора осуществляется путем направления за двенадцать месяцев уведомления Директору, который рассылает такое уведомление всем другим Сторонам.

В завершении настоящей статьи отметим, что Договор играет существенную роль в укреплении безопасности регио-

на путем предотвращения ядерного присутствия. Однако следует отметить такой существенный, на наш взгляд, недостаток как то, что сфера действия Договора была явно разработана для того, чтобы избежать любых ограничений на существующую или планируемую ядерную и стратегическую деятельность США в регионе. Как мы отметили, Договор практически не препятствует расширению регионального развертывания мобильных систем ядерного оружия, необходимых для развертывания ядерного оружия, наведения на цель и ведения ядерной войны.

Также особо подчеркиваемый Договором запрет на размещение ядерного оружия на суше не препятствует фактическим формам размещения на море с использованием судов с соответствующей материально-технической поддержкой. В Договоре нет ничего, что препятствовало бы возникновению регионального соперничества сверхдержав в развертывании мобильных систем ядерного оружия в пределах зоны, будь то в открытом море, в международном воздушном пространстве, попадающем в зону, или в территориальных морях и воздушных пространствах согласившихся на подобное размещение государств зоны. Договор Раротонга отличается от Договора Тлателолко тем, что в Договоре и протоколах к нему нет ничего, что требовало бы от государств, обладающих ядерным оружием, не запускать ядерное оружие из территориальных или вне территориальных вод или воздушного пространства в пределах зоны.

Конечно, государствам, обладающим ядерным оружием, запрещено использовать пусковые системы наземного базирования в соответствии с положениями о противодействии размещению, но в Договоре нет ничего, что препятствовало бы государствам, обладающим ядерным оружием, запускать крылатые или другие ракеты с мобильных воздушных, морских или подводных пусковых платформ, даже если такой запуск происходит в пределах территориальных вод или воздушного пространства (при условии, что зональное государство предоставляет права доступа).

Пристатейный библиографический список

1. Договор о безъядерной зоне в южной части тихоого океана. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1902048> (дата обращения: 29.12.2023).
2. 16-th South Pacific Forum, Summary Record, SPEC (85) ref., August 1985.
3. Keith-Reid R. A small step for Mankind // *Island Business*. – September, 1985. – P. 10.
4. Stinson H and Cochrane J/ The Movement for Regional Arms Control in Latin America // *Journal of Inter-American Studies and World Affairs*, January 1971. – Vol. XIII, No.1; University of Miami Press, Florida.
5. Robie D. Nuclear debate to the fore again // *The Fijian Times*. – July 4. 1986. – P. 7.
6. Mediansky F.A. Nuclear Free Security in the South-West Pacific, *Australian Outlook* // *The Australian Journal of International Affairs*. – August, 1985. – Vol. 39. – No. 2.
7. Van Dyke, Smith and Siwatibau. Nuclear Activities and the Pacific Islanders, East-West Environment and Policy Institute. – Reprint No. 77. – Pergamon Press Ltd, 1984.
8. Working Group on a Nuclear Free Zone in the Region, Fourth Meeting, Informal Summary Record, SPEC (85) 14, May 1985.
9. Johnson G. Collision course at Kwajalein; Marshall Islanders in the shadow of the bomb, Pacific Concerns Resource Center. – Honolulu, 1984.
10. Thakur R. A Nuclear-Weapon Free South Pacific: A New Zealand Perspective, *Pacific Affairs* // *An International Review of Asia and the Pacific*. – Vol. 58. – Summer of 1985. – P. 217.
11. Fry G. A Nuclear-Free Zone for the Southwest Pacific // *Prospects and Significance*, Working Paper No. 75. – National Library of Australia. – Canberra, September 1985. – P. 25.

РАСТРЕЛИН Виктор Евгеньевич

аспирант кафедры международного права Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ МИГРАНТОВ НА УНИВЕРСАЛЬНОМ УРОВНЕ

В статье исследуются вопросы, связанные с институтом поощрения и защиты прав мигрантов в контексте системы защиты прав человека на универсальном уровне. Особенностью прав мигрантов является то, что обязательства государств по их соблюдению могут носить экстерриториальный характер. Отмечается, что мигранты обладают всеми правами человека, однако в связи с их уязвимым статусом им должны предоставляться дополнительные гарантии. Широко распространена дискриминация в отношении мигрантов, запрещенная в международном праве, что влияет на количество случаев произвольного ограничения и нарушения прав человека в области миграции. В заключении делается вывод, что нормы в области защиты прав мигрантов носят фрагментарный характер и нуждаются в дополнительной конкретизации.

Ключевые слова: международная миграция, права человека, Международная организация по миграции, международное право, международно-правовое регулирование миграции.

RASTRELIN Viktor Evgenoevich

postgraduate student of International law sub-faculty of the Institute of Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship university of Russia

PARTICULAR ASPECTS OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF MIGRANTS AT THE UNIVERSAL LEVEL

The article explores issues related to the institution of promotion and protection of migrants' rights in the context of the system of human rights protection at the universal level. The peculiarity of migrants' rights lies in the fact that the obligations of states to comply with them may be extraterritorial in nature. It is noted that migrants have all human rights, but due to their vulnerable status, they should be provided with additional guarantees. Discrimination against migrants, which is prohibited under international law, is widespread, which factors in the number of cases of arbitrary restriction and violation of human rights in the area of migration. The conclusion is that the norms in the field of protection of migrants' rights are fragmentary and need further specification.

Keywords: international migration, human rights, International Organization for Migration, international law, international legal regulation of migration.

Растрелин В. Е.

Вопрос о сложившейся системе защиты прав человека в области миграции является дискуссионным в доктрине международного права, поскольку на универсальном уровне закреплены лишь отдельные элементы статуса международных мигрантов, которые были исследованы в настоящей статье.

Становление прав человека в современном понимании началось после Второй мировой войны. Начальный этап формирования норм в области защиты прав человека в области миграции совпал с принятием Конвенции о статусе беженцев 1951 г. Изначально случаи нарушения прав человека рассматривались в качестве причины преимущественно вынужденного перемещения населения. Международно-правовой режим защиты беженцев, вынужденных мигрантов, сразу же стал носить ограничительный характер, который определялся тем, что лицо должно подпадать под критерии, необходимые для установления статуса беженца, а также тем, что в их отношении используется принцип невысылки (англ. *non-refoulement principle*), который применяется в ограниченном числе ситуаций, связанных с трансграничным перемещением. В настоящее время наблюдается тенденция к смене ограничительного подхода к взаимодополняющему, при котором нормы, относящиеся к защите прав отдельных категорий мигрантов, носят субсидиарный характер по отно-

шению к международным стандартам защиты прав человека и основных свобод и находятся с ними в тесной связи.

Как известно из теории прав человека, международные стандарты в области прав человека распространяются на всех людей, а разграничения между гражданами и негражданами считаются допустимыми лишь в ограниченном числе случаев. Принцип универсальности прав человека представляет особое значение для мигрантов, поскольку он не изымает их из-под действия норм международного права прав человека. Вместе с тем, практика государств показывает, что неприменение стандартов в области прав человека к мигрантам до сих пор является распространенным.

Тем не менее, международное право не дает четкого представления о том, каким образом государство должно обеспечивать соблюдение прав международных мигрантов. Эта проблематика остается «серой зоной» в международно-правовом регулировании. Кроме того, согласно А. С. Чеснокову, такое положение дел вызвано и тем обстоятельством, что существующая международно-правовая база в области миграции направлена не на реализацию прав мигрантов в принимающих государствах, а непосредственно на сотрудничество органов государств по вопросам трансграничного перемещения людей [10, с. 95].

Несмотря на право принимающего государства ограничивать правила въезда и регулировать потоки мигрантов, со-

гласимся с мнением Ю. В. Куракиной, отмечающей, что лицо в статусе иностранца, пребывая на территории государства, гражданином которого оно не является, имеет «права гражданина своей страны (с некоторыми исключениями), а также обладает набором прав гражданина страны пребывания» [5, с. 23]. Вместе с тем, государство не обязано предоставлять один и тот же каталог прав гражданам и негражданам: с юридической точки зрения, государство должно предоставлять равные возможности для реализации прав человека для всех категорий населения, пребывающих в рамках его юрисдикции [2, с. 17]. Это подтверждает и Комитет по ликвидации расовой дискриминации¹, отмечая обязанность государств «гарантировать равенство между гражданами и негражданами в пользовании этими правами в той мере, в какой это признано международным правом».

Вызывает исследовательский интерес и положение дел, складывающееся при определении правового положения международных мигрантов и возможности реализации ими прав человека, поскольку международно-правовые стандарты в области прав человека могут носить экстерриториальный характер. В литературе отмечается, что осуществление юрисдикции является «необходимым условием» для того, чтобы в отношении того или иного государства возникли обязательства в области прав человека [7, с. 101]. Если юрисдикция совпадает с территориальными границами государства, то особых сложностей не возникает. В противном случае, если юрисдикция распространяется за пределы границ, то это означает, что в определенных ситуациях обязанность обеспечивать эти права в то же самое время может быть возложена как на государство приема, так и на государство гражданства. Согласимся с мнением А. А. Белоусовой, что экстерриториальный характер может также заключаться и в воздержании государства от действий, нарушающих права человека [1, с. 72]. Развивая концепцию экстерриториальности, исследователь П. Яних констатирует стойкую тенденцию, что многие государства игнорируют то обстоятельство, что «нормы некоторых международных договоров по правам человека имеют экстерриториальное действие, не будучи применимыми за пределами территории государства» [11, с. 180] Как правило, они не принимают на себя международно-правовые обязательства по отношению ко всем лицам, где бы они ни находились, а только к лицам, находящимся под их юрисдикцией, поскольку компетенция государств носит преимущественно территориальный характер [7, с. 162].

Практика международных судебных и квазисудебных учреждений также свидетельствует о признании экстерриториальности обязательств государств. Международный суд ООН (далее – МС ООН) в консультативном заключении 2004 г. отметил, что юрисдикция может иногда «осуществляться за пределами своей национальной территории»². В 2005 году МС ООН, вынося решение по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго», подчеркнул, что «международные договоры по правам человека применимы «в отношении действий, совершенных государством при осуществлении своей юрисдикции за пределами своей собственной территории», в частности на оккупированных территориях»³. Такую

же позицию занял Комитет ООН по правам человека, подчеркивая, что «государство должно уважать и обеспечивать права ... любого человека, находящегося в пределах власти или эффективного контроля государства, даже если он не находится на территории государства»⁴.

Отдельное внимание следует уделить практике Комитета по экономическим и социальным правам человека, неоднократно затрагивавшего вопрос экстерриториальных обязательств государств. В 2017 году Комитет принял Замечание общего порядка № 24⁵, в котором утверждается, что экстерриториальные обязательства возникают в тех случаях, когда «то или иное государство-участник Пакта может влиять на ситуации, имеющие место за пределами его территории».

В случае международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера права человека также носят экстерриториальный характер [8, с. 20], в контексте миграции – это право на свободу передвижения и выбор места жительства. Каждое государство обязано защищать всех лиц, находящихся на его территории, будь то его граждане или граждане иностранных государств. Одной из форм защиты является защита правом, при которой государство обязано реализовать юридические права, закрепленные за отдельным субъектом права.

Нередко возникают ситуации, когда лица находятся на территории государства, которое может выслать их на территорию третьего государства, где их права могут быть нарушены. Приведенный пример не является случаем экстерриториальности норм правозащитных договоров, а скорее вытекает из обязательства государства защищать лиц, находящихся на его территории, от возможных будущих нарушений их прав, даже если такие деяния происходят за пределами этого государства.

Въезд мигранта в страну с нарушением ее иммиграционного законодательства не лишает лицо его основных прав человека, равно как и не отменяет международно-правовые обязательства этого государства по принятию соответствующих мер по реализации прав неграждан, находящихся на его территории.

Право свободно передвигаться, закрепленное в ст. 13 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и ст. 12 Международного Пакта о гражданских и политических правах человека 1966 г., а также ряде иных международных договоров, является основным правом человека, который покидает государство гражданства, пересекает государственную границу и приобретает новое правовое положение в государстве пребывания. Миграционный процесс осложняется еще и потому, что право на свободное передвижение не включает в себя право въезда в другое государство. Оно ограничивается законодательством государства пребывания мигранта [4, с. 139].

Кроме того, необходимо перечислить основные права человека, которые имеют особое значение для мигрантов и закреплены во Всеобщей декларации прав человека: право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (ст. 3), быть свободным от произвольного ареста или задержания (ст. 9), а также право искать и пользоваться убежищем от преследова-

1 Замечание общего порядка КЛРД № 30 (2004). «Дискриминация в отношении неграждан». HRI/GEN/1/Rev. 9 (Vol. II).

2 Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory (Request for Advisory Opinion) January 2004.

3 Case Concerning Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of Congo v. Uganda). Judgement of 19th September 2005.

4 Замечание общего порядка Комитета по правам человека № 31 (2004). «Характер общего юридического обязательства, налагаемого на государства-участников Пакта». CCPR/C/21/Rev.1/Add. 13.

5 Замечание общего порядка КЭСКП № 24 (2017). «Об обязательствах государств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах в контексте предпринимательской деятельности». E/C.12/GC/24.

ния (ст. 14); на свободу от рабства и недобровольного подневольного состояния (ст. 4) и на свободу от пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 5); право на справедливое судебное разбирательство и на возмещение ущерба (ст. 7, 8).

Примечательно, что международные мигранты часто сталкиваются с дискриминацией по целому ряду оснований, что запрещается Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. Вопрос дискриминации тесно связан с понятием уязвимости [12, с. 33]. На уязвимое положение лиц, не проживающих в стране своего гражданства, может указывать несколько факторов: оставление обычного места жительства, выезд из своей страны и иногда опасность преследования в случае возвращения в нее; отсутствие правовой защиты со стороны государства гражданства, а также источников дохода и средств к существованию. Соответственно, к уязвимым категориям лиц можно причислить и многих, но не всех мигрантов. В некоторых случаях можно говорить о концепции «мультиуязвимости», когда мигрант обладает несколькими признаками, указывающими на возможность отнесения его к уязвимой категории.

Необходимо также отметить, что международные неправительственные организации, в частности, входящие в систему органов ООН, уделяют особое внимание проблемам, связанным с поощрением и защитой прав человека. Они используют правозащитный подход (англ. *human rights based approach*), который ориентирован на реализацию прав, в том числе, уязвимых и маргинализированных групп населения⁶. Соблюдение прав человека, таким образом, является необходимым компонентом при взаимодействии между субъектами международного права на всех этапах. Ведущей международной организацией в области трансграничного перемещения, Международной организацией по миграции, этот подход также разделяется [6, с. 157].

Правозащитный подход получил концептуальное оформление в докладе Генерального секретаря ООН (далее – Доклад)⁷, опубликованном в 2013 году. Согласно Докладу, он базируется на ряде принципов: универсальность, неотъемлемость и неделимость прав человека, в том числе прав мигрантов; взаимосвязанность и взаимозависимость этих прав; участие мигрантов в принятии решений, которые затрагивают их права; равенство и отсутствие дискриминации; детально конкретизированная ответственность государств. Повсеместное использование правозащитного подхода дает плоды, так как вызывает позитивные изменения способствуя международно-правовому закреплению прав мигрантов [3, с. 139]. Этот подход традиционно связывается с развитием, что, в частности, подчеркивается в ряде положений Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Несмотря на то, что в настоящее время трудно измерить права мигрантов на практике, включение вопросов, связанных с миграцией, в программу Целей в области устойчивого развития (ЦУР) и принятие Глобального договора о безопасной, упорядоченной и регулярной миграции в 2018 году может привести к появлению более эффективных средств оценки соблюдения государствами международно-правовых обязательств в контексте миграции. Кроме того, Индикаторы управления миграцией (ИУМ), политический инструмент, оценивающий

управление миграцией на национальном и местном уровнях, включает права мигрантов в качестве одной из шести областей управления миграцией.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что нормы международного права, касающиеся правового статуса международных мигрантов, в настоящее время не отличаются четкостью и носят фрагментарный характер. Осложняет ситуацию и дискриминация, которой подвергаются представители данной категории населения. Обеспечение прав человека в области миграции представляет серьезный вызов для всего человечества, и ещё многое предстоит сделать для того, чтобы права мигрантов произвольно не ограничивались и не нарушались.

Пристатейный библиографический список

1. Белоусова А. А. Право на здоровье в современном международном праве: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.10. – Москва, 2015. – 199 с.
2. Дутов П. О. Конституционно-правовое регулирование внешней трудовой миграции: дис. ... канд. юр. наук 12.00.02. – Москва, 2022. – 241 с.
3. Киселева Е. В., Кажаяева О. С. Правозащитный подход к миграции и цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 131-141.
4. Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 241 с.
5. Куракина Ю. В. Права человека и права гражданина: к вопросу об экстерриториальности явлений // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2(10). – С. 16-24.
6. Маркова Е. Ю. Международная защита прав экологических мигрантов: деятельность органов, программ и агентств системы ООН // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 12(76). – С. 150-158.
7. Маршин П. Л. Основания возникновения экстерриториальных обязательств государств в области прав человека. Международные отношения: история, теория, практика: материалы X науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 5 февр. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2020. – С. 99-105.
8. Саврыга К. П. Экстерриториальное применение международных договоров в сфере прав человека (на примере права на жизнь) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 3. – С. 18-26.
9. Терентьева Л. В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 3. – С. 160-180.
10. Чесноков А. С. Международное регулирование прав мигрантов // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 1. – С. 89-97.
11. Janig P. Extraterritorial Application of Human Rights // Elgar Encyclopedia of Human Rights. – 2021. – Т. 2. – С. 180-191.
12. Macioce F. The Vulnerable Groups and Their Legal Value // The Politics of Vulnerable Groups: Implications for Philosophy, Law, and Political Theory. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – С. 31-59.

6 Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, Frequently Asked Questions on a Human Rights-Based Approach to Development Cooperation (New York and Geneva: UN, 2006). – P. 35.

7 Поощрение и защита прав человека, включая пути и способы поощрения прав человека мигрантов: доклад Генерального секретаря ООН от 9 августа 2013 г. A/68/292.

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна

доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

ПЕРСПЕКТИВЫ РАССМОТРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СПОРОВ СУДОМ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Целью предпринятого в статье исследования является выявление категорий споров, связанных с технологиями, которые могут быть потенциально рассмотрены Судом ЕАЭС. При исследовании использовались методы анализа и синтеза, формально-логический и проблемно-теоретический методы. В результате исследования выявлено, что споры, связанные с технологиями, которые могут быть рассмотрены Судом ЕАЭС, ограничены двумя областями: обеспечением функционирования единого рынка услуг в определённых секторах; применением общих принципов и правил конкуренции на территориях государств-членов. Суд ЕАЭС не рассматривал споры в области интеллектуальной собственности, поскольку в рамках ЕАЭС не сформировалась собственная система охраны интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: судья, суд, правосудие, Суд Евразийского экономического союза, информационно-коммуникационные системы, спор, связанный с технологиями, право ЕАЭС, секторы услуг, общие принципы и правила конкуренции, интеллектуальная собственность.

TALIMONCHIK Valentina Petrovna

Ph.D. in Law, professor, senior researcher of General theoretical legal disciplines sub-faculty of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice

PROSPECTS FOR THE CONSIDERATION OF TECHNOLOGICAL DISPUTES BY THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

The purpose of the research undertaken in the article is to identify categories of technology-related disputes that can potentially be considered by the EAEU Court. Methods of analysis and synthesis, formal-logical and problem-theoretical methods were used in the study. As a result of the study, it was revealed that technology-related disputes for the consideration by the EAEU Court are limited to two areas: ensuring the functioning of the single market of services in certain sectors; the application of general principles and rules of competition in the territories of the member states. The EAEU Court did not consider disputes in the field of intellectual property, since the EAEU has not formed its own system of intellectual property protection.

Keywords: judge, court, justice, Court of the Eurasian Economic Union, information and communication systems, technology-related dispute, EAEU law, service sectors, general principles and rules of competition, intellectual property.

1. Введение

Работа Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) по разработке процедуры урегулирования споров, связанных с высокими технологиями, началась в 2019 году по предложению правительств Израиля и Японии.

Рабочая группа II (Урегулирование споров) на своей семьдесят восьмой сессии, проходившей в Вене 18 – 22 сентября 2023 года, рассмотрела типовые оговорки и пояснительный текст по урегулированию споров, связанных с технологиями, и адьюдикации. Были приняты четыре категории типовых оговорок применительно к международному коммерческому арбитражу: 1) типовая оговорка о сверхускоренном арбитраже; 2) типовая оговорка о вынесении экспертного заключения; 3) типовая оговорка об экспертном сопровождении арбитражного суда; 4) типовая оговорка о конфиденциальности. Типовые оговорки разработаны для сторон международных коммерческих контрактов и позволяют им эффективно разрешать споры, связанные с технологиями.

В компетенцию ЮНСИТРАЛ не входит разработка типовых документов в отношении международных судебных учреждений. В настоящее время существует множество международных судебных учреждений, которые не составляют единую систему и не осуществляют процессуальное взаимодействие на постоянной основе. Международный Суд ООН как прообраз современных международных судебных учреждений рассматривает только межгосударственные споры. Однако с середины XX века стали развиваться международные судебные учреждения, которые разрешают споры между государствами и частными лицами – споры публично-правового характера, касающиеся установления факта нарушения международных договоров, для толкования которых созданы соответствующие международные судебные учреждения. Сформировались суды по разрешению споров, касающихся прав человека, и суды различных интеграционных объединений.

Каждое международное судебное учреждение обладает отдельной правовой основой своего функционирования, собственной компетенцией и спецификой своей деятельности. Тенденция сближения наблюдаются только в деятельности судов со сходными целями деятельности – судов по правам человека, а также

Талимончик В. П.

судов интеграционных объединений. Суды интеграционных объединений потенциально могут рассматривать споры, связанные с технологиями, поскольку такого рода споры возникают, как правило, в экономической сфере.

ЮНСИТРАЛ выработала общие подходы к понятию спора, связанного с технологиями. Проекты положений об урегулировании споров, связанных с технологиями, устанавливают, что споры, связанные с технологиями, могут быть различными по своему характеру и могут возникать из-за прав собственности (включая права интеллектуальной собственности на конкретную технологию), условий лицензирования, финансовых вопросов, отсутствия конкуренции (недобросовестная конкуренция или отсутствие конкуренции), конфиденциальности (конфиденциальность данных, неразглашение информации) или вопросов регулирования. Деятельность судов интеграционных объединений направлена на обеспечение конкуренции на общем рынке, создание системы охраны интеллектуальной собственности, регулирование рынка услуг, в том числе в области передовых технологий. Разработки ЮНСИТРАЛ могут быть использованы в деятельности международных судебных учреждений.

В документе ЮНСИТРАЛ также приведены примеры споров, возникающих в таких отраслях, как аэрокосмическая промышленность, аудиотехнологии, автомобилестроение или средства обеспечения мобильности (включая автономные транспортные средства), искусственный интеллект, биотехнологии, производство компьютеров, электроника, информационные технологии, медицинские приборы, военные/оборонные нанотехнологии, ядерная физика, фотоника, робототехника, полупроводники, телекоммуникации, фармацевтические и финансовые технологии. Все эти споры неразрывно связаны с экономической интеграцией, и охватывают ключевые области интеграции.

Споры, связанные с технологиями, в рамках интеграционных объединений весьма ограниченно исследованы в правовой доктрине. Практика Суда ЕС по спорам, связанным с данными, рассмотрена в исследовании Томаса Шоу [27].

В отечественной правовой доктрине основное внимание уделяется доменным спорам [1], [4], [6], [7], [8], [14], [15], [17].

Доменным спорам посвящена отдельная глава в фундаментальных исследованиях по праву информационных технологий Дайаны Ровланд и Элизабет Макдоналд [26], Эндрю Мюррея [24].

Зарубежные монографические исследования по правовому регулированию искусственного интеллекта, Больших данных и блокчейна под редакцией Шин-и Пенга, Шин-фу Лина и Т. Стрейнза [18], С. Честермана [21], М. Ковач [23], Н. Ребе [25], М. Бурри [20], М. Компануччи [22], Т. Херена и Б. Колани [19] объективно не могут затрагивать проблему разрешения споров, связанных с технологиями, судами интеграционных объединений.

Деятельность Суда ЕАЭС привлекала внимание отечественных учёных по следующим направлениям: 1) исследование статуса Суда ЕАЭС и его места в системе международных судебных учреждений и органов ЕАЭС [5], [10], [13]; 2) роль Суда ЕАЭС в формировании права ЕАЭС [2], [9], [11], [12], [16]; 3) отдельные вопросы функционирования Суда ЕАЭС [3]. Деятельность Суда ЕАЭС в условиях развития передовых технологий не выделена в отдельное направление научных исследований.

2. Предпосылки для рассмотрения Судом ЕАЭС технологических споров

Суд ЕАЭС рассматривает споры по вопросам реализации Договора о ЕАЭС, международных договоров в рамках ЕАЭС и/или решений его органов. В частности, по заявлению хозяйствующего субъекта Суд ЕАЭС рассматривает три категории дел: 1) о соответствии решения Комиссии или части такого решения, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о ЕАЭС и/или международным договорам в рамках ЕАЭС; 2) об оспаривании действия Комиссии, если такое действие повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и/или международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта; 3) об оспаривании бездействия Комиссии, если такое бездействие повлекло нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и/или международными договорами в рамках ЕАЭС прав и законных интересов хозяйствующего субъекта. Данные категории споров могут быть связаны с технологиями, что вытекает также из компетенции Комиссии.

Комиссия, в частности, осуществляет деятельность в следующих сферах: 1) макроэкономическая политика; 2) конкурентная политика; 3) взаимная торговля услугами и инвестиции; 4) интеллектуальная собственность; 5) финансовые рынки (банковская сфера, сфера страхования, валютный рынок, рынок ценных бумаг). Во всех этих сферах могут возникать вопросы, связанные с использованием технологий.

В настоящее время в рамках ЕАЭС осуществляется регулирование услуг, связанных с технологиями.

Технологии искусственного интеллекта вошли в Перечень приоритетных видов экономической деятельности для промышленного сотрудничества государств-членов ЕАЭС, утверждённый Решением № 9 Евразийского межправительственного совета от 27 ноября 2018 г., а также Перечень «отраслей будущего», утверждённый Распоряжением Евразийского межправительственного совета от 07 марта 2017 г. № 2.

Наряду с услугами, связанными с функционированием Интернета, появились новые виды услуг, связанные с использованием информационно-коммуникационных систем (услуги по машинному обучению, услуги майнинга, услуги облачных вычислений и др.).

В рамках ЕАЭС ведётся работа по обеспечению функционирования единого рынка услуг в определённых секторах. Под единым рынком услуг понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-участник ЕАЭС предоставляет лицам любого другого государства - участника право на: 1) поставку и получение услуг без ограничений, изъятий и дополнительных требований, за исключением отдельных «горизонтальных» условий и ограничений; 2) поставку услуг без образования юридического лица; 3) поставку услуг на основании разрешения на поставку услуг, полученного поставщиком услуг на территории своего государства; 4) признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг.

Согласно Решению Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110 в перечень секторов единого рынка услуг вошли:

- 1) услуги, связанные с базами данных, в том числе: предоставления информации на веб-сайтах; предоставления услуг по поиску данных и другой информации из информационных ресурсов;
- 2) услуги по техническому обслуживанию и ремонту вычислительной техники, услуги предоставления помощи по поддержанию компьютерных систем в рабочем состоянии; их тех-

нического обслуживания, улучшения программ, предоставления руководств для пользователя; предоставления консультаций;

3) консультативные услуги в связи с установкой вычислительной техники.

Потенциально споры, связанные с данными категориями услуг, могут разрешаться Судом ЕАЭС.

На эти специальные виды услуг распространяются общие положения о регулировании единого рынка услуг, выработанные в практике Суда ЕАЭС.

В Консультативном заключении от 10 июля 2020 года Судом ЕАЭС была высказана позиция о соотношении общего и специального регулирования определённой категории услуг.

Суд ЕАЭС установил, что целью раздела XV Договора о ЕАЭС является обеспечение свободы торговли услугами в соответствии с условиями этого раздела и Протокола о торговле услугами. Исключение составляют государственные (муниципальные) закупки, а также поставляемые услуги и осуществляемая деятельность во исполнение функций государственной власти.

Суд ЕАЭС пришел к выводу, что раздел XV Договора о ЕАЭС устанавливает общее регулирование для всех видов (секторов) услуг, в то время как разделы XVI, XIX, XX и XXI Договора устанавливают специальное регулирование для таких видов услуг как: финансовые, транспортные, естественных монополий, энергетики. Суд ЕАЭС отметил, что в соответствии с правовым принципом *lex specialis derogat generali* при наличии противоречий между общим и специальным регулированием применяются правила, установленные специальными нормами. Следовательно, к услугам, связанным с технологиями, могут применяться только общие нормы ввиду отсутствия специальных норм в Договоре о ЕАЭС.

Судом ЕАЭС также сделан вывод об условиях поэтапной либерализации взаимной торговли услугами. Либерализация торговли услугами осуществляется путем гармонизации законодательства государств-членов и организации взаимного сотрудничества компетентных органов государств-членов.

Регулирование услуг, связанных с технологиями, в рамках ЕАЭС должно осуществляться в соответствии с макроэкономической политикой ЕАЭС, скоординированными политиками государств-членов, и разделом XV Договора о ЕАЭС.

Услуги, связанные с технологиями, подпадают и под действие принципов и правил конкуренции, установленных разделом XVIII Договора о ЕАЭС и Приложением № 19 к Договору о ЕАЭС.

Договор о ЕАЭС предусматривает основные положения, которые государства включают в антимонопольное законодательство, а также меры, которые они обязаны принять.

В этом аспекте обратимся к материалам дела С-3/19 по заявлению ЗАО «Дельрус», ТОО «Дельрус РК». Заявители оспаривали решение Комиссии от 17 сентября 2019 года № 165, в соответствии с которым она установила в действиях ЗАО «Дельрус» и ТОО «Дельрус РК» наличие и реализацию соглашения по разделу рынка услуг по калибровке ультразвуковых датчиков к аппарату FibroScan. В праве ЕАЭС запрещены соглашения между хозяйствующими субъектами, являющимися конкурентами, которые приводят или могут привести к разделу товарного рынка по территориальному принципу.

В Решении от 11 февраля 2020 года Коллегия Суда Евразийского экономического союза отметила, что при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд ЕАЭС в судебном заседании осуществляет проверку: 1) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения; 2) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; 3) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках ЕАЭС.

Коллегия Суда ЕАЭС обратила внимание, что действие и применение общих принципов и правил конкуренции на территориях государств-членов не ограничено перечнем секторов услуг, утверждаемых Высшим советом. Сфера действия положений раздела XVIII Договора и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции распространяется на все отношения, которые оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию в рамках ЕАЭС, на все виды хозяйственной деятельности.

Услуги, связанные с технологиями, подпадают под действие раздела XVIII Договора о ЕАЭС и Протокола об общих принципах и правилах конкуренции.

В отличие от Суда ЕС, который активно рассматривает споры, связанные с интеллектуальной собственностью, Суд ЕАЭС до настоящего времени не рассмотрел ни одного спора, который бы затрагивал вопросы интеллектуальной собственности. Между тем, значительную часть споров, связанных с технологиями, со-

ставляют споры в области интеллектуальной собственности, что также демонстрирует практика Центра ВОИС по арбитражу и посредничеству. В числе споров, рассмотренных Центром ВОИС, есть споры, связанные с: патентами и программным обеспечением; соглашениями об обработке данных; соглашениями об исследованиях и разработках, передаче технологий; соглашениями о цифровых авторском праве; соглашениями об информационных технологиях.

Договор о товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров Евразийского экономического союза от 3 февраля 2020 года (далее – Договор) также не создал предпосылок для рассмотрения споров, связанных с интеллектуальной собственностью, Судом ЕАЭС.

Во-первых, Договором не создано единое регистрационное ведомство. Ответственность за реализацию Договора в соответствии с законодательством своего государства возложена на национальные патентные ведомства. Национальное патентное ведомство, в которое подана заявка на товарный знак ЕАЭС или заявка на наименование места происхождения товара ЕАЭС, именуется ведомством подачи. Национальное патентное ведомство ведет национальный раздел соответствующего Единого реестра товарных знаков ЕАЭС или наименований мест происхождения товара ЕАЭС.

Во-вторых, наименования Единого реестра товарных знаков ЕАЭС и Единого реестра наименований мест происхождения товара ЕАЭС являются условными. Соответствующие реестры не образуют единую систему, а состоят из национальных разделов и только размещаются на официальном сайте ЕАЭС.

В-третьих, Договор не наделяет заявителей правом на обращение в Суд ЕАЭС. В частности, при несогласии заявителя с решением национального патентного ведомства, принимаемым в связи с доводами и замечаниями заявителя по результатам экспертизы заявки на товарный знак, заявитель вправе в течение трех месяцев с даты направления ведомством подачи решения направить в национальное патентное ведомство возражение (жалобу) на такое решение. Национальное патентное ведомство уведомляет ведомство подачи о поступившем возражении (жалобе) в течение 5 рабочих дней с даты его поступления. Возражение (жалоба) рассматривается в срок, не превышающий 3 месяцев с даты его поступления в национальное патентное ведомство. Как следствие, предусмотрена только национальная процедура решения ключевого вопроса, влияющего на регистрацию товарного знака.

Статья 28 Договора относит к компетенции Суда ЕАЭС только межгосударственные споры, связанные с толкованием и (или) применением Договора. Однако споры, связанные с технологиями, в настоящее время крайне редко носят межгосударственный характер.

3. Выводы

Суд ЕАЭС может рассматривать споры, связанные с технологиями, по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения, действия или бездействия Комиссии, нарушающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере экономической деятельности, Договору о ЕАЭС и/или международным договорам в рамках ЕАЭС. Эти споры ограничены двумя областями: 1) обеспечением функционирования единого рынка услуг в определенных секторах, в том числе связанных с базами данных, компьютерными программами и вычислительной техникой; 2) применением общих принципов и правил конкуренции на территориях государств-членов, которое не ограничено перечнем секторов услуг, утверждаемых Высшим советом.

Суд ЕАЭС не рассматривал споры в области интеллектуальной собственности – основную категорию споров, связанных с технологиями. Отсутствие практики Суда ЕАЭС в области интеллектуальной собственности объясняется тем, что в рамках ЕАЭС не сформировалась собственная система охраны интеллектуальной собственности. ЕАЭС одновременно использует две конкурирующие системы на универсальном уровне – в рамках ВОИС и ВТО.

Пристатейный библиографический список

1. Агаларов В. К. Доменные споры: причины, участники и способы разрешения // Тенденции развития науки и образования. – 2019. – № 53-2. – С. 20-22.
2. Ананьева М. К., Малько Е. А. Суд Евразийского экономического союза в реализации правовой политики // Юридическая наука. – 2018. – № 3. – С. 19-23.
3. Баишев Ж. Н. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 1. – С. 57-75.

4. Белоусов А. В. Доменные споры в России. комментарий к Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.11.2008 № 5560/08 // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 2. – С. 145-155.
5. Ватыль В. Н., Ватыль Н. В. Суд Евразийского экономического союза: наднациональный уровень нормативно-правового регулирования // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 130-137.
6. Даниленков А. Международные доменные споры в зеркале российской правовой системы // Хозяйство и право. – 2013. – № 3 (434). – С. 46-63.
7. Доротенко Д. А. Такие разные доменные споры. о компенсациях // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – № 10. – С. 192-206.
8. Егорова М. Доменные споры: правильная формулировка исковых требований // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2011. – № 11. – С. 14-21.
9. Исакова Ж. Т., Карабаев Ф. Ж. Суд Евразийского экономического союза в становлении правовой системы интеграционного объединения // International Scientific Review. – 2017. – № 2 (33). – С. 58-60.
10. Кирин А. А. Суд Евразийского экономического союза в системе наднациональных органов // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 4-9 (13). – С. 69-72.
11. Нешатаева Т. Н. Суд Евразийского экономического союза: от правовой позиции к действующему праву // Международное правосудие. – 2017. – № 2 (22). – С. 64-79.
12. Нешатаева Т. Н. Единоеобразное правоприменение – цель Евразийского суда // Российское правосудие. – 2016. – № 11 (127). – С. 5-17.
13. Протазанова А. В. Суд Евразийского экономического союза (ЕАЭС): правовой статус и судебная практика в отношении юридических и физических лиц // Российская наука в условиях реформ: практический результат инновационных трансформаций. Сборник научных статей. – Тюмень, 2017. – С. 66-71.
14. Разбегаев П. В. Доменные споры: проблемы исполнения решения суда // Копирайт. Вестник Российской академии интеллектуальной собственности и Российского авторского общества. – 2017. – № 4. – С. 77-86.
15. Рожкова М. А., Афанасьев Д. В. Доменные споры: избранные аспекты // Право в сфере Интернета. Сборник статей. Сер. «Анализ современного права» / Отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Изд-во «Статут», 2018. – С. 224-245.
16. Савенков А. Н., Чайка К. Л., Дьяченко Е. Б., Энтин К. В. Суд Евразийского экономического союза и становление права ЕАЭС. – М., Проспект, 2021. – 352 с.
17. Фастович Г. Г., Фурикова А. И., Обвинцева Е. Е., Сурман А. Э. Доменные споры // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. № 4 (31). – С. 159-165.
18. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 320 p.
19. Big Data in Context Legal, Social and Technological Insights / Ed. by Thomas Hoeren, Barbara Kolany. – London: Springer, 2018. – 120 p.
20. Burri M. Big Data and Global Trade Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 376 p.
21. Chesterman S. We, the Robots?: Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 300 p.
22. Compagnucci M. C. Big Data, Databases and “Ownership” Rights in the Cloud. – London: Springer, 2020. – 308 p.
23. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. – London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. – 153 p.
24. Murray A. Information Technology Law: the law and society. – Oxford: Oxford university press, 2010. – 596 p.
25. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. – Leiden: Brill – Nijhoff, 2021. – 252 p.
26. Rowland D., Macdonald E. Information technology law. 3rd ed. – Abingdon: Cavendish Publishing Ltd., 2005. – 573 p.
27. Shaw T. J. Information and Internet Law: Global Practice. – Cratespace Independent Publishing Platform, 2016. – 454 p.

ТАКСИДИ Мария Александровна

студент 4-го курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ХАТКОВА Марина Рамазановна

студент 4-го курса бакалавриата Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Анализ тенденций развития коллизионного регулирования отношений собственности на национально-правовом и международно-правовом уровнях, а также закономерностей формирования сферы применения коллизионной привязки «закон страны местонахождения вещи» и её модификаций, с помощью которых определяется вещный статус, показал, что на сегодняшний день формируется тенденция либерализации коллизионного регулирования права собственности.

Ключевые слова: коллизионная норма, либерализация, право собственности, международный договор, систематизация права.

TAKSIDI Mariya Alexandrovna

student of the 4th course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GLINSHCHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

KNATKOVA Marina Ramazanovna

student of the 4th course of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PROSPECTS FOR THE LIBERALIZATION OF CONFLICT OF LAWS REGULATION OF PROPERTY RELATIONS IN RUSSIAN LEGISLATION

An analysis of the trends in the development of conflict of laws regulation of property relations at the national legal and international legal levels, as well as the patterns of formation of the scope of application of the conflict of laws link "the law of the country where the thing is located" and its modifications, with the help of which the property statute is determined, showed that today a trend is emerging of liberalization of conflict of laws regulation of property rights.

Keywords: conflict of laws rule, liberalization, property rights, international treaty, systematization of law.

Возникновение гражданских имущественных отношений, отягощенных присутствием иностранного элемента, приводит к тому, что правовое регулирование таких отношений осуществляется с помощью сочетания коллизионного и материально-правового методов. Последний заключается в применении унифицированных норм международных соглашений.

В условиях меняющегося экономического взаимодействия государств и специфических трансформаций в экономике Российской Федерации, а также эскалации потоков капитала и трансграничного перемещения собственности значение коллизионных норм в регулировании имущественных прав возрастает. Развитие цифровых технологий и распространение интернет-торговли значительно упростили процессы передачи собственности и ускорили сроки совершения сделок. Эти социально-экономические сдвиги потребовали модернизации отечественных правовых инструментов, особенно в сфере коллизионного регулирования имущественных прав.

Большим достижением в этом контексте является обновление раздела VI части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК). Реформа, проведенная в 2013 г. под влиянием зарубежного законодательства, внес-

ла изменения в статьи, содержащие коллизионные нормы в сфере имущественных отношений. В свете этих изменений представляется, что для оптимизации условий притока иностранной собственности и облегчения трансграничных коммерческих отношений между частными лицами различной национальности необходимо совершенствование коллизионных норм в этой области.

Стоит отметить тот факт, что достаточно большое количество государств в настоящее время участвует в международных договорах [1, с. 141]. За прошедшие годы в различных странах мира в сферу международного частного права были внедрены современные законодательные основы, отражающие передовые методы регулирования соответствующей сферы отношений. Российская Федерация демонстрирует соответствующий уровень развития коллизионного регулирования, аналогичный передовым кодификациям. В настоящее время согласование и применение соответствующих коллизионных норм стало более сложным в связи с комплексным и тщательным регулированием имущественных правоотношений.

В доктрине по международному частному праву признается, что правовое регулирование отношений собственности является уникально сложным и тесно переплетается с

вопросами интеллектуальной собственности. Значительные успехи были достигнуты в реформировании ГК РФ, о чем свидетельствует введение в раздел VI ст. 1205.1. Данная норма не только определяет сферу действия вещного статута, но и устанавливает способ квалификации понятий, закрепленных в коллизионных нормах статей 1205, 1206 и 1207.

Применение «lex causae» - закона, регулирующего основное правоотношение, позволяет трактовать понятия в соответствии с иностранным правом, расширяя сферу регулирования и соответствуя тенденциям либерализации коллизионного регулирования вещных прав.

Тем не менее необходимо признать, что российский подход к либерализации коллизионного регулирования имеет свои нюансы, отличающие его от других государств - участников Минской конвенции 1993 года. В частности, российское право накладывает ограничения на автономию воли сторон при определении применимого права. Эти ограничения выражаются в обеспечении прав третьих лиц, а также в том, что правом выбора в договорных отношениях является право, применимое к самому договору, как это закреплено в п. 3 ст. 1206 ГК РФ. Это свидетельствует о взвешенном подходе к либерализации коллизионного права в России.

Перечисленные проявления либерализации в сфере коллизионного права имущественных отношений, безусловно, оказывают существенное влияние на механизмы разрешения споров в этой области.

Возникновение новых проблем и обострение уже существующих в большинстве случаев обусловлено тем, что особенности коллизионного права в сфере имущественных отношений не учитываются должным образом. Процесс либерализации неизбежно способствует усложнению коллизионных норм в сфере имущественных отношений и одновременно снижает уровень правовой предсказуемости. Это требует определения допустимых пределов либерализации в рамках коллизионного регулирования имущественных отношений. В частности, необходимо следить за тем, чтобы расширение принципа автономии сторон не нарушало прав третьих лиц, сохраняя тем самым баланс между либерализацией и правовой определенностью.

Эволюция коллизионных норм свидетельствует о переходе от жестких коллизионных привязок к более гибким, соответствующим тенденциям либерализации. Эта трансформация подчеркивает усиление принципа автономии воли, расширяя его применение в различных контекстах отношений, таких как брачные и трудовые договоры. Одновременно наблюдается повышение значимости закона наиболее тесной связи и уменьшение распространенности односторонних коллизионных норм.

Анализ российского коллизионного законодательства позволяет провести параллель с кодификациями коллизионного регулирования вещных прав в законах Бельгии, Нидерландов, Швейцарии. Эти страны известны своими передовыми законами по международному частному праву. Авторитетный профессор А. В. Асосков утверждает, что коллизионное регулирование в Российской Федерации не уступает кодификациям международного частного права ведущих государств мира. Вместе с тем он обращает внимание на сложности, возникающие при согласовании коллизионных норм по мере того, как правовое регулирование имущественных отношений становится все более комплексным [2, с. 39].

Полагаем, либерализация коллизионного регулирования отношений собственности приведет к усилению конкурентной борьбы между государствами за юрисдикционный

контроль над правом собственности, особенно в тех случаях, когда структура собственности является сложной. Активное участие российского государства необходимо для того, чтобы в значительном числе случаев стороны договора выбирали применение российского права в соглашениях, определяющих момент перехода права собственности. Такое стратегическое решение направлено на стимулирование сделок с собственностью между российскими и зарубежными лицами, предусматривающими привлечение иностранного частного капитала на территорию Российской Федерации. Такой подход не только укрепляет позиции России на мировой правовой арене, но и способствует динамичному развитию экономики страны.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Виноградов Д. А. Развитие международно-правового регулирования ответственности морского перевозчика // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17. - № 3.
2. Международное частное право: учебник: в 2 т. / Е. А. Абросимова, А. В. Асосков, А. В. Банковский и др.; отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. - М.: Статут, 2015. - Т. 2: Особенная часть.

СОЛОВЬЕВА Анна Сергеевна

адъюнкт кафедры прав человека и международного права Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПОЗИЦИЙ КОМИТЕТА ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ПРАКТИКУ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ АСПЕКТАМ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

Анализируются отдельные аспекты, касающиеся права на справедливое судебное разбирательство, в практике Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, связанные с вопросами возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств с учетом правовых позиций Комитета ООН по правам человека. Определяется характер правового воздействия актов Комитета ООН по правам человека по обозначенным вопросам на правоприменительную практику Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, справедливое судебное разбирательство, уголовное судопроизводство, Комитет ООН по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации

SOLOVYOVA Anna Sergeevna

adjunct of Human rights and international law sub-faculty of the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE SPECIFICS OF THE IMPACT OF THE POSITIONS OF THE UN HUMAN RIGHTS COMMITTEE ON THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON CERTAIN ASPECTS OF THE RIGHT TO A FAIR TRIAL

The article analyzes certain aspects concerning the right to a fair trial in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation related to the resumption of criminal proceedings due to new circumstances, taking into account the legal positions of the UN Human Rights Committee. The nature of the legal impact of the acts of the UN Human Rights Committee on these issues on the law enforcement practice of the Russian Federation is determined.

Keywords: human rights, human rights protection, fair trial, criminal proceedings, UN Human Rights Committee, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation.

I. Постановка проблемы.

Изменения в геополитической ситуации на мировой арене в 2022 году повлекли формирование различных противоречий во многих аспектах международных отношений. Указанные обстоятельства затронули также и проблему защиты прав человека. Наглядным примером представляется выход Российской Федерации из Совета Европы, а также прекращение распространения для нашего государства юрисдикции Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В этой связи у граждан России появилась потребность в наличии альтернативных механизмов защиты нарушенных прав на международном уровне. Поэтому перед обществом возник вопрос о наличии других действенных способах защиты своих нарушенных прав.

Следует отметить, что «... решение о выходе из Совета Европы не закрыло для Российской Федерации другие существующие международные договорные и внедоговорные механизмы по защите прав человека, в которых она участвовала параллельно с ЕСПЧ» [5, с. 145]. Вследствие высокого уровня известности и популярности Европейского суда, обращение граждан в иные межгосударственные органы по правам человека не были широко распространены. Однако Россия продолжает взаимодействовать с межгосударственными договорными органами ООН, признавая их компетенцию на рассмотрение индивидуальных сообщений.

Обращает на себя внимание тот факт, что из общего числа постановлений ЕСПЧ, где государством-ответчиком выступала Российская Федерация (3500), 1455 жалоб касаются вопросов, связанных с правом на справедливое судебное разбирательство, что составляет 41,6 % от общего числа постановлений международного судебного органа¹.

Право на справедливое судебное разбирательство занимает центральные места как в рамках универсальных, так и региональных договоров по правам человека. Исследуемое право, стержнем которого выступает категория справедливости, является комплексным по своей природе и представляет «совокупность внешних юридически значимых признаков» [7, с. 58]. Обеспечение реализации комплекса составляющих право на справедливое судебное разбирательство элементов в рамках судебного процесса позволяет формализовать его стержневую категорию.

На практике право на справедливое судебное разбирательство нередко ограничивается и нарушается, вследствие чего при исчерпании внутригосударственных способов защиты лица, чьи интересы нарушены, прибегают к обращению в межгосударственные органы по правам человека.

¹ Официальный сайт Европейского суда по правам человека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Stats_violation_1959_2022_ENG (дата обращения: 27.01.2024).

Универсальным договорным органом ООН, компетенция которого связана с контролем за соблюдением государствами-участниками их обязательств по обеспечению прав человека, закрепленных в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – Пакт), является Комитет ООН по правам человека (далее – КПЧ ООН). Право на справедливое судебное разбирательство закреплено в ст. 14 Пакта [1]. КПЧ ООН располагает правовыми позициями относительно исследуемого права, в том числе, когда государством-ответчиком по индивидуальному сообщению выступала Российская Федерация.

В контексте нынешних условий представляется интересным выяснить, способны ли соображения и решения КПЧ ООН по отдельным аспектам права на справедливое судебное разбирательство, по своей правовой природе имеющие рекомендательный характер, оказывать юридическое воздействие на российское законодательство по аналогии с постановлениями ЕСПЧ.

II. Анализ проблемы.

Международное право не только закрепляет перечень основных прав и свобод, которыми должен обладать каждый человек, но и гарантирует ему возможность непосредственного доступа в межгосударственные судебные и внесудебные органы для их защиты и реализации.

В рамках своей деятельности КПЧ ООН принимает индивидуальные сообщения, где в рамках вопросов существа рассматривает жалобы на нарушение прав человека, в том числе на нарушение права на справедливое судебное разбирательство. КПЧ ООН осуществляет толкование и применение ст. 14 Пакта, закрепляющей исследуемое право.

Право на справедливое судебное разбирательство является одним из основополагающих прав человека в любой современной демократической стране. Оно гарантирует не только доступ к правосудию для любого человека, но и обеспечивает беспристрастное рассмотрение дела.

У граждан, обращающихся с сообщениями в КПЧ ООН, за защитой нарушенных прав на национальном уровне, очевидно, возникает потребность в исполнении соображений и решений Комитета национальными властями по аналогии с постановлениями ЕСПЧ. Деятельность экспертов КПЧ ООН направлена на рассмотрение сообщений, в рамках которых рассматриваются юридические вопросы и разрешаются правовые конфликты между предполагаемой жертвой, чье право нарушено, и государством-участником Пакта. Процедура представляется аналогичной судебной. На это указывает и КПЧ ООН: «Хотя ... Комитет по правам человека не выступает в роли судебного органа как такового, Соображениям ... присущи некоторые основные черты судебного решения. Они принимаются в духе, присущем судебному разбирательству, включая беспристрастность и независимость членов Комитета, взвешенное толкование формулировок Пакта и окончательный характер принимаемых решений» [2].

Однако формально акты КПЧ ООН обладают юридически необязательным, рекомендательным характером. В случае неисполнения актов КПЧ ООН государство не претерпит негативных последствий в виде ответственности ввиду отсутствия международно-правового закрепления механизма воздействия для обеспечения надлежащей реализации соображений или решений Комитета.

Вопросы, связанные с механизмом реализации соображений и решений КПЧ ООН, не нашли своего отражения в российском национальном законодательстве. Тем не менее,

данные вопросы прорабатываются высшими судами – Конституционным Судом Российской Федерации (далее – КС РФ) и Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ). Высшие суды РФ в рамках своей деятельности принимают во внимание правовые позиции межгосударственных органов по правам человека, в частности КПЧ ООН, в свете чего формируется практика применения внутригосударственного законодательства.

Представляется интересной правовая позиция КС РФ, высказанная в Определении № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 28 июня 2012 года. Хорошенко А. А. обратился в КПЧ ООН с сообщением о нарушении Российской Федерацией ряда его прав, в том числе права на справедливое судебное разбирательство. Рассмотрев сообщение данное сообщение, КПЧ ООН констатировал нарушения прав Хорошенко А. А. со стороны Российской Федерации, в том числе нарушение права на справедливое судебное разбирательство. В этой связи КПЧ ООН пришел к выводу о том, что помимо прочего, Россия обязана обеспечить «повторное судебное разбирательство при соблюдении всех гарантий в соответствии с Пактом» [3].

Обращает на себя внимание упоминание Конституционным Судом РФ в п. 5 Определения № 1248-О в качестве нового обстоятельства, влекущего возобновление производства по уголовному делу (п. 2 ч. 4 ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), ныне утратившего силу), установленное ЕСПЧ нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, при этом вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда могут быть отменены. Далее в п. 5 рассматриваемого Определения КС РФ утверждает, что «... принятие Комитетом по правам человека соображений, содержащих адресованное Российской Федерации предложение о проведении повторного судебного разбирательства, является достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств...» [3], при условии, если выявленные КПЧ ООН нарушения положений Пакта не могут быть устранены иным образом. В данной правовой позиции КС РФ определяется, что акты КПЧ ООН обладают юридической силой в рамках рассматриваемых в деле обстоятельств.

Также интересна правовая позиция, касающаяся аналогичного вопроса, отраженная в Постановлении Пленума ВС РФ № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» от 14 декабря 2021 года. В рамках п. 10 указанного Постановления Пленума ВС РФ разъясняет, что «сведения, содержащиеся в соображениях Комитета ООН по правам человека ... являются достаточными поводом и основанием для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств» [4], при условии, если выявленные нарушения положений международных договоров не представляется возможным устранить иным образом. Следовательно, ВС РФ также указывает на юридическую силу актов КПЧ ООН.

Кроме того, деятельность ВС РФ, в частности Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики, связана с обобщением правовых позиций меж-

государственных органов по правам человека. В 2023 году Управлением выпускались обзоры практики межгосударственных органов по правам человека. В рамках некоторых обзоров уделялось внимание практике КПЧ ООН, в частности, различным аспектам права на справедливое судебное разбирательство².

Отметим, что Управлением рассматривались и решения ЕСПЧ (до 15 марта 2022 года). Впоследствии Управление анализировало лишь практику комитетов ООН, связанную с толкованием международных договоров, в которых участвует Российская Федерация. Как отметил М.Ф. Косолапов, в отношении постановлений ЕСПЧ и соображений комитетов ООН «... прослеживается использование «уравнивающей» терминологии» [6, с. 99-100], а именно – «правовые позиции». Представляется, что таким образом ВС РФ проводил некоторую аналогию между данными межгосударственными органами по правам человека, а значит и между степенью юридической значимости их решений.

III. Выводы.

Перемены в геополитической обстановке на международной арене внесли коррективы в вопросы, связанные с защитой прав человека в Российской Федерации. Прекращение сотрудничества с ЕСПЧ отнюдь не лишило граждан России возможности защиты нарушенных на национальном уровне прав в иных межгосударственных органах по правам человека, например, комитетах ООН, в частности, КПЧ ООН.

Представляется, что хотя соображения и решения КПЧ ООН обладают рекомендательным характером, его отдельные позиции по поводу права на справедливое судебное разбирательство способны оказывать правовое воздействие на российское законодательство. Разрешая вопрос о значении актов КПЧ ООН для национальной правовой системы, высшие суды РФ наделяют правовые позиции данного межгосударственного органа по правам человека юридически значимым характером. В толковании высших судов РФ акты КПЧ ООН представляются обоснованием собственных позиций. Кроме того, соображения или решения КПЧ ООН о нарушении Российской Федерацией прав человека, закрепленных в Пакте, могут считаться достаточным доводом для отмены вступивших в законную силу решений национальных судов и их пересмотра ввиду новых обстоятельств.

С целью повышения уровня защиты прав человека в Российской Федерации представляется целесообразным усилить юридическую формулировку «достаточный повод» в отношении соображений и решений КПЧ ООН в части, касающейся некоторых вопросов, связанных с правом на справедливое судебное разбирательство. А именно, необходимо рассматривать акты КПЧ ООН в качестве обязательного основания для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств, принимая во внимание невозможность устранения нарушений норм международных договоров РФ иным образом. Реализовать данное предложение представляется возможным путем закрепления соответствующих положений на уровне Постановления Пленума ВС РФ, а также в рамках УПК РФ по аналогии с ныне утратившей

силу нормой – п. 2 ч. 4 ст. 413, имевшей отношение к решениям ЕСПЧ.

Пристатейный библиографический список

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 25.01.2024).
2. Комитет ООН по правам человека. Замечания общего порядка № 33. ССР/С/С/33 (25 июня 2009 г.). § 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=ССР%2FC%2FGC%2F33&Lang=ru (дата обращения: 30.01.2024).
3. Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 года № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDDecision105554.pdf> (дата обращения: 30.01.2024).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 года № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/30614/> (дата обращения: 30.01.2024).
5. Коннов В. А. К вопросу о перспективах участия Российской Федерации в международных договорных механизмах по защите прав человека // Вестник Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. 2022. № 6. С. 144-147.
6. Косолапов М. Ф. Влияние соображений (мнений) комитетов по правам человека на российское законодательство и правоприменительную практику // Вестник СГЮА. 2022. № 5 (148). С. 92-100.
7. Соловьева А. С. Регламентация права человека на справедливое судебное разбирательство в нормах международного права и внутригосударственных актах отдельных стран (сравнительно-правовой анализ) // Право и политика. 2023. № 3. С. 57-70.

² Например, Управление систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 5 (2023). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/documents/international_practice/32713/ (дата обращения: 31.01.2024).

ЛОПАТКО Арина Дмитриевна

студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

МОРДОВЦЕВА Мария Максимовна

студент 4-го курса бакалавриата юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В научной статье международно-правовое регулирование трансграничных отношений в области социального обеспечения рассматривается, как право на социальное здравоохранение, пенсионное обеспечение и защиту, медицинское обслуживание, признается основополагающей основой фундаментальных положений и реализации основных прав и свободы каждого человека. Международно-правовое регулирование осуществляется через различные международные соглашения и конвенции. Эти документы обеспечивают правовую основу для сотрудничества между государствами в области социального обеспечения и защиты прав граждан, находящихся за пределами своей страны.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование, социальное обеспечение, трансграничные отношения.

LOPATKO Arina Dmitrievna

student of the 4th course bachelor's degree of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agricultural University

MORDOVTSEVA Mariya Maximovna

student of the 4th course bachelor's degree of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agricultural University

GLINSCHIKOVA Tatyana Vadimovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Private and business law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agricultural University

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER RELATIONS IN THE FIELD OF SOCIAL SECURITY

The scientific article considers the international legal regulation of cross-border relations in the field of social security as the right to social health care, pension provision and protection, medical care, is recognized as a fundamental basis for the fundamental provisions and implementation of the basic rights and freedom of each person. International legal regulation is implemented through various international agreements and conventions. These documents provide a legal basis for cooperation between states in the field of social security and protection of the rights of citizens outside their country.

Keywords: international legal regulation, social security, cross-border relations.

Взаимодействие в сфере социального обеспечения часто относится к сфере публичного права и, соответственно, не входит в компетенцию международного частного права. Тем не менее, эти отношения имеют глубокую взаимосвязь с международными трудовыми отношениями, что делает целесообразным их совместный анализ.

Следует признать, что значительное число государств активно участвует в международных договорах по данному вопросу [1, с. 141]. Положения, необходимые для обеспечения социальных прав иностранных граждан, закреплены в международном праве, универсальном для всех лиц, находящихся на территории государства. Наряду с этим отдельные международно-правовые нормы посвящены обеспечению социальных прав иностранных граждан, особенно определенных категорий.

Центральное место в этом сфере занимает Всеобщая декларация прав человека, принятая 10 декабря 1948 года. В этом основополагающем документе закреплены социальные права иностранных граждан, включающие доступ к медицинскому обслуживанию, жилью и социальному обеспечению. Несмотря на то, что нормы Всеобщей декларации не являются юридически обязательными, их огромное влияние на государственную политику и роль в качестве фактических

ориентиров для регулирования социальных прав человека, в том числе иностранных граждан, трудно переоценить [2, с. 89].

В области права международного социального обеспечения Российская Федерация в составе Содружества Независимых Государств (СНГ) отмечена ратификацией договоров с рядом бывших социалистических стран, ранее входивших в состав СССР.

Эти договоры, основанные на принципе взаимности, обязывают подписавшие их стороны предоставлять гражданам другого государства льготы по социальному обеспечению в рамках национальных систем. В частности, соглашения такого рода были оформлены с Болгарией, Венгрией, Монголией и Румынией. Данные договоры многогранны. С одной стороны, в них содержатся положения о взаимном признании профессионального опыта. Соответственно, профессиональный стаж, накопленный на территории этих государств, эквивалентно признается в России. И наоборот, они подтверждают право гражданина одного государства-участника на получение пенсионных выплат в другом государстве, эквивалентных тем, которые предоставляются гражданам принимающей страны. Например, российский пенсионер, проживающий в Болгарии, имеет право на получение бол-

гарской пенсии на тех же условиях, что и граждане Болгарии, независимо от того, что вся его трудовая жизнь прошла в России.

Несмотря на меняющуюся геополитическую обстановку и практические условия применения этих договоров, сохранение их действия обуславливает необходимость их соблюдения странами-участницами. Эти договоры не денонсированы и, следовательно, юридически обязательны.

В более широком контексте международного законодательства СНГ в области социального обеспечения можно выделить различные категории правовых документов. Это и идеологические документы, определяющие суть и направление социальной политики, и нормативные акты, устанавливающие базовые стандарты индивидуальной поддержки, и организационно-правовые основы политической поддержки, и специальные соглашения, направленные на обеспечение интересов определенных групп граждан.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года устанавливает право на социальную защиту. Оно включает в себя ряд гарантий, соответствующих различным жизненным этапам и обстоятельствам, таким как болезнь, инвалидность, потеря поддержки, обучение ребенка и другие сценарии, предусмотренные национальными законодательствами.

Примечательно, что эти принципы нашли свое отражение и в соглашениях, заключенных в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Примером такого соответствия является Соглашение СНГ о трудовой миграции и социальной защите 1994 г., в котором закреплены два важнейших обязательства стран-участниц: взаимное признание трудового стажа и предоставление трудящимся-мигрантам социальных гарантий (за исключением пенсий) в соответствии с законодательством принимающей страны.

Кроме того, Соглашение СНГ о гарантиях пенсионных прав 1992 года определяет комплексный подход к назначению пенсий гражданам стран СНГ. Пенсии назначаются в зависимости от места жительства, причем в Соглашении учитывается продолжительность трудового стажа как на территории любого государства, подписавшего Соглашение, так и на территории бывшего СССР до заключения Соглашения.

Это положение свидетельствует о всеохватывающем подходе к пенсионным правам, учитывающем стаж работы в различных геополитических условиях. Важно отметить, что финансовая ответственность за пенсионное страхование по данному соглашению возлагается на государство-страхователя.

В условиях развития мировой экономики все большее значение приобретают такие организации, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС). В рамках ЕАЭС ведется работа по подготовке проекта всеобъемлющего Соглашения о пенсионном страховании работников и членов их семей, основанного на Концепции международного договора в области пенсионного обеспечения.

Предлагаемый договор призван обеспечить равенство прав и гарантий в области пенсионного страхования, ориентируясь на защиту как государств-членов ЕАЭС, предоставляющих пенсии, так и их бенефициаров. Он также призван обеспечить защиту накопленных прав, отражая стремление к непрерывности и стабильности пенсионного обеспечения в разных странах-членах.

В сфере международного права социально-экономические права неграждан, включая их право на здравоохранение и социальное обеспечение, получают все большее признание

в рамках региональных многосторонних систем. Ярким примером такой тенденции является Содружество Независимых Государств (СНГ), где заключены соглашения, обеспечивающие эти права.

Примером такого подхода является Конвенция о правах и основных свободах человека Содружества Независимых Государств от 26 мая 1995 года. Эта конвенция предусматривает эффективную реализацию прав трудящихся-мигрантов на охрану здоровья. В соответствии с ней государства, подписавшие конвенцию, обязуются самостоятельно или в сотрудничестве с государственными и частными структурами принимать меры, направленные на снижение уровня заболеваемости.

Это включает в себя комплексную стратегию, предусматривающую профилактику заболеваний, укрепление здоровья путем просвещения и консультирования, а также создание благоприятных условий для поддержания здоровья и гигиены. Кроме того, эти усилия направлены на сдерживание распространения эпидемических, эндемических и других заболеваний в максимально возможной степени.

Кроме того, Конвенция подчеркивает обязанность государств-участников обеспечивать доступность социальной и медицинской помощи. Это обязательство распространяется на всех лиц, не имеющих достаточных финансовых ресурсов и способности к самообеспечению, что усиливает инклюзивный характер этих прав. Такой подход не только расширяет сферу действия прав за пределы национальных граждан, но и включает иностранцев и лиц без гражданства в защитную сферу социальных прав по международному праву.

Таким образом, развитие нормативно-правовой базы трансграничных общественных отношений характеризуется укреплением социально-экономических прав граждан и неграждан на международном уровне. Правовой статус иностранных лиц в социальной сфере отражен в международных документах универсального и регионального характера. Растущее признание этих прав на международном уровне должно стать стимулом для государств включать международно-правовые стандарты в области социального обеспечения в национальное законодательство.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Виноградов Д. А. Развитие международно-правового регулирования ответственности морского перевозчика // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17. - № 3.
2. Актуальные проблемы трудового права. Учебник для магистров / Под ред. Н. А. Лютова. - М.: Проспект, 2017.

АРХИПКИН Игорь Валерьевич

доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

СООТНОШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРОСТУПКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье анализируются понятия преступления и проступка, изложенные как в трудах по общей теории права, так и в отраслевом законодательстве. Отмечается, что понятие преступления на протяжении длительного времени являлось одним из самых дискуссионных и обсуждаемых правовых категорий. Уделяется внимание некоторым дискуссионным вопросам в определении понятия преступления и его отграничения от проступка. В заключении формулируются существенные отличия преступления, позволяющие провести разграничение преступления от смежных правовых категорий, в том числе, от проступка.

Ключевые слова: теория права, преступление, проступок, противоправность, наказуемость, вред.

ARKHIPKIN Igor Valerjevich

Ph.D. in economical sciences, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Baikal State University, Irkutsk

Архипкин И. В.

THE RATIO OF CRIME AND MISCONDUCT: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The article analyzes the concepts of crime and misconduct, set forth both in works on the general theory of law and in sectoral legislation. It is noted that the concept of crime has been one of the most controversial and debated legal categories for a long time. Attention is paid to some controversial issues in the definition of the concept of crime and its separation from misconduct. In conclusion, the essential differences of the crime are formulated, which make it possible to distinguish the crime from related legal categories, including misconduct.

Keywords: theory of law, crime, misconduct, illegality, punishability, harm.

Как известно из теории права, российское уголовное законодательства представляет собой закономерную реакцию государства на противоправное поведение граждан, нарушающего нормы закона, обладающее повышенной степенью общественной опасности. Установление уголовной ответственности выражает не только отношение государства, но и общества к негативной форме поведения и ее последствиям, является реализацией одной из функций государства по реализации механизма защиты свой их граждан от преступлений, их прав и обязанностей. Соответственно для того, чтобы применение мер уголовной ответственности было законным и обоснованным, первоочередной задачей законодательства и доктрины уголовного права является формулирование понятия преступления и его признаков. Разработка и нормативное закрепление понятийного аппарата играет важную роль, так как, во-первых, позволяет выделить существенные признаки явления; во-вторых, дает нормативный ориентир, позволяющий сравнивать и отграничивать явления, не поддающиеся под данное определение; в-третьих, формирует единообразную практику применения анализируемого института. В связи с этим юридически точное определение понятия преступления является наиболее важным, так как понятие преступления является системообразующим понятием в доктрине уголовного права.

Российской правовой доктрине, как и любому другому общественному явлению, свойственно развиваться и совершенствоваться. Это относится и к определениям, разрабатываемым наукой уголовного права, особенно таких фундамен-

тальных и системообразующих, как понятие преступления. Понятие преступления на протяжении длительного времени являлось одним из самых дискуссионных и обсуждаемых категорий права, данной теме посвящали свои исследования многие известные авторы, начиная с дореволюционного периода.

Следует отметить, что преступление как научная категория изменчива и зависит от многих факторов, имеющих объективную и субъективную природу. В первую очередь, понимание преступления зависит от таких объективных факторов как историческая эпоха, государственный строй, основные направления государственной уголовной политики и государственной политики в сфере безопасности. Субъективными факторами, лежащими в основе понимания категории «преступление», являются приверженность автора к той или иной правовой школе или теории, а также отрасли права. При определении преступления применяются не только категории уголовного права и права вообще, но и философские, социологические и иные категории. Преступление традиционно определяется как через систему его признаков, так и соотношения понятия преступления и его состава [1, с. 5]. В ч. 1 ст. 14 УК РФ закреплено: «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Нормативное закрепление понятия преступления способствовало возникновению новой волны исследований. Например, А. И. Марцев в своих исследованиях предпринял попытку рассмотреть преступление как социальное и правовое явление, а

также с точки зрения конфликтных отношений. В результате им сделан вывод, что преступление имеет социальную природу и проистекает из социальных условий жизни, но при этом обособляется и выделяется нормами права и выступает в качестве правового явления. Учитывая так же социальную природу, ученый говорит о том, что преступление нельзя рассматривать в отрыве от социальных противоречий [2, с. 32, 47].

В развитие мысли в рамках уголовной доктрины о понимании преступления как экономического явления было предложено А. Э. Жалинским. Гуманистические идеи в понимании преступления были разработаны А. А. Толкаченко. Так же определенное развитие получила идея о необходимости изучения понятия преступления с точки зрения истории, в сравнительно-правовом аспекте с зарубежным законодательством. Популярность обрели теоретико-исследовательское, методическое и эмпирическое направления изучения о понятии преступления. В целом, оценивая тенденции в изучении преступления и его признаков следует отметить снижение материального компонента в определении преступления, что снова актуализировало дискуссию о соотношении формальных и материальных признаков преступления, в связи с чем была высказана идея о необходимости выделения противоправности в качестве основополагающего признака преступления. В частности, ученые считают целесообразным изменение содержания термина «преступления» в соответствии с государственно-политическими и социально-экономическими реалиями на современном этапе развития России [3, с. 327].

Среди исследователей существует точка зрения о необходимости замены существующего термина «преступление» на термин «преступное деяние», которое выступило бы родовым понятием и объединило такие правовые категории как преступление и уголовный проступок [4, с. 38]. С данной точкой зрения не согласны некоторые авторы. Они полагают, что такие изменения прямо противоречат положениям ст. 8 УК РФ, в соответствии с которой таковым признается совершение деяния, имеющего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Помимо этого, при формулировке категорий преступлений в ст. 15 УК РФ законодатель использует термин «преступление», а не «преступное деяние». В связи с этим В. В. Палий полагает, что подобное изменение приведет к нарушению системных свойств действующего уголовного законодательства [5, с. 113-114].

По мнению А. М. Смирнова, «преступление есть акт человеческой деятельности, представляющий собой онтологическую основу преступления, поскольку только деяние может привести к наступлению каких-либо последствий (в данном случае негативных, причиняющих существенный вред объектам уголовно-правовой охраны), обуславливающих необходимость его нормативного запрещения» [6, с. 418-419].

Изучение различных точек зрения относительно понимания преступления как правовой и системообразующей категории позволяет констатировать, что в целом, в правовой доктрине сложилось устойчивое понимание преступления посредством выделения основных его признаков: противоправность и общественная опасность, которые и были положены в основу нормативного определения преступления (ч. 1 ст. 14 УК РФ), и которые, соответственно, являются материальным и формальным признаками [7, с. 413]. Вместе с тем,

нормативное определение позволяет также выделить такие признаки преступления как виновность и наказуемость. Совокупность всех четырех признаков преступления позволяет провести разграничение преступления от смежных правовых категорий (проступок, деликт, административное правонарушение и т.д.).

Рассмотрим разграничение преступления и проступка как наиболее часто встречающееся в правоприменительной практике. В праве под проступком (правонарушением) традиционно понимается противоправное, то есть нарушающее нормы законодательства, виновное поведение лица в виде действия или бездействия, за совершение которого законодателем установлена административная, дисциплинарная, налоговая ответственность. Правонарушение в сфере гражданских правоотношений так же может носить название деликта [8, с. 119]. Часто понимание правонарушения имеет отраслевой характер и закрепляется соответствующим кодексом. Например, ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ и ст. 106 НК РФ, закрепляют отраслевое понимание правонарушения. А. П. Рожнов при этом отмечает, что «при определении содержания указанных понятий, законодатель акцентирует внимание на запрещенности деяния законом (признаке противоправности), не пытаясь при этом объяснить, почему данное деяние должно быть запрещено нормами позитивного права, то есть не обосновывая обусловленность формального признака материальным» [9, с. 38].

Совершение проступка (правонарушения), также как и преступления, запрещено под угрозой применения наказания, следовательно, проступок так же обладает таким признаком как наказуемость. Вместе с тем, существует определенная категория поступков, совершение которых осуждается обществом, имеет морально-нравственную природу, но закон не предусматривает ответственности за их совершение, за исключением ведомственных и локальных кодексов, предусматривающих правила этики для той или иной категории работников или служащих. Соответственно, можно говорить о том, что не все поступки являются правонарушением, так как поступок может нарушать традиции, обычаи, нормы морали и т.д. и не обладать признаком наказуемости [10, с. 83]. Соответственно, целесообразно говорить о двух категориях проступков: обладающих признаком общественной опасности, и не обладающих признаком общественной опасности. Первая группа осуждается государством и за их совершение установлены меры юридической ответственности в виде наказания, при совершении проступков второй группы, наказание не следует, так как ответственность за их совершение не установлена законом. На практике встречаются случаи, которые хоть и противоправны, но фактически не могут повлечь применение норм юридической ответственности, и в таких случаях к нарушителям могут быть применены только нормы морального воздействия [11, с. 54]. Приведем пример. Д. был осужден за совершение открытого хищения имущества из магазина (то есть грабеж). Судом было установлено, что открытым способом Д. похитил с торгового прилавка коробку мармелада, стоимостью 165 руб. 55 коп. Судебная коллегия по уголовным делам, рассматривая данный случай, вынесла решение о том, что хотя формально деяние, совершенное Д. и подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ, но в силу малозначительности не представляет

общественной опасности: потерпевшему не был причинен существенный вред, способ хищения не был связан с насильем, стоимость похищенного незначительна и общественно-опасные последствия не возникли. Одновременно с этим, деяние, совершенное Д. не может быть признано мелким хищением, так как в силу положений ст. 7.27 КоАП РФ таковым законодатель признает хищение чужого имущества, стоимостью менее 1000 рублей, совершенное путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты. Форма хищения в виде грабежа в перечень законодателя не входит [12].

Определяя любое правонарушение, представители теории права указывают на такую его универсальную черту, как способность наносить вред обществу и важным для него отношениям и интересам [13, с. 114]. При этом, анализируя понятие проступка, изложенное как в трудах по общей теории права, так и в отраслевом законодательстве (КоАП РФ, НК РФ), можно сделать вывод о том, что проступок, равно как и преступление, обладает признаком общественной опасности и противоправности (его совершение прямо запрещено или не допускается законом), но между преступлением и проступком существует ряд существенных отличий:

1. Общественные отношения, становящиеся объектом преступления, защищаются нормами уголовного закона;

2. Ответственность за совершение преступления может быть предусмотрена только УК РФ, тогда как ответственность, например, за совершение административного проступка может быть установлена не только КоАП РФ, но и законами субъектов РФ;

3. Различается степень общественной опасности – преступления способны причинить наибольший вред, нежели проступки, и соответственно, несут в себе большую угрозу. Именно степень общественной опасности, выступая как материальный признак, позволяет отнести то или иное деяние к преступлениям [5, с. 114]. Законодателем презюмируется, что общественная опасность, причиняемая преступлением, может повлечь наиболее тяжкие последствия для государства, общества и гражданина;

4. Применение к лицу, совершившему преступление, мер уголовной ответственности.

Таким образом, противоправность проступков определяется закреплением в соответствующем отраслевом нормативно-правовом акте и влечет применение соответствующих мер, предусмотренных административным, процессуальным, налоговым, гражданским и иным законодательством и влечет наложение соответственно мер административной, гражданской, дисциплинарной или иной ответственности, за исключением применения к субъекту правонарушения мер уголовной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Корнакова С. В., Завгороднева Е. В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2021. – Т. 15. № 4. – С. 495-501.
2. Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении. – Омск, 2000. – 135 с.
3. Епифанова Е. В. Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России: история развития и особенности современного состояния:

монография / Под ред. В. В. Момотова. – М.: Юрлитформ, 2013. – 397 с.

4. Соктоев З. Б. О понятии преступления, уголовного проступка и преступного деяния // *Судья*. – 2016. – № 6. – С. 37-40.
5. Палий В. В. Преступление и проступок: проблемы соотношения // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2017. – № 7 (128). – С. 112-124.
6. Смирнов А. М. О дефиниции понятия «преступление» в уголовном кодексе Российской Федерации // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2018. – Т. 12. № 3. – С. 417-423.
7. Балеева Е. Л., Епифанцева Т. Ю. [и др.] *Правоведение: учеб. пособ.* / Под общ. ред. С. В. Корнаковой, Е. В. Чигриной. – Иркутск, 2011. – 453 с.
8. Иванова Ж. В. Компенсация морального вреда в уголовном процессе // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. – 2006. – № 6. – С. 118-121.
9. Рожнов А. П. Нужна ли российскому праву категория общественной опасности? // *Legal Concept*. – 2017. – Т. 16. № 3. – С. 38-42.
10. Корнакова С. В. К вопросу о принципе справедливости в российском праве // *Вопросы правоведения*. – 2012. – № 4 (16). – С. 81-87.
11. Корнакова С. В. Признаки преступления или признаки состава преступления должны быть основанием для возбуждения уголовного дела? // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2022. – № 3 (61). – С. 48-56.
12. Справка о результатах обобщения судебной практики применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ (малозначительность деяния). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://oblsud.irk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=431 (дата обращения: 27.01.2024).
13. Теория государства и права: учебник / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2018. – 636 с.

ГОГУРЧУНОВА Зухра Даудовна

магистрант 2 года заочной формы обучения Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

МАГДИЛОВ Мажид Магдиевич

кандидат юридических наук, доцент Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Научная статья исследует актуальные аспекты адвокатской тайны в контексте современной юридической системы. Авторы анализируют теоретические основы адвокатской тайны, выделяя ключевые проблемы, связанные с ее определением и областью применения. Особое внимание уделяется практическим аспектам адвокатской тайны, включая ее роль в обеспечении справедливости и правопорядка. Статья также рассматривает вопросы конфиденциальности и профессиональной этики адвокатов. Исследование предоставляет ценные рекомендации и выводы для улучшения понимания и применения адвокатской тайны в современной юридической практике.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская тайна, этика, ответственность, доверитель, профессиональная этика.

GOGURCHUNOVA Zukhra Daudovna

magister student of the 2nd year of correspondence studies of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

MAGDILOV Mazhid Magdievich

Ph.D. in Law, associate professor of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

The scientific article explores the actual aspects of attorney-client privilege in the context of the modern legal system. The authors analyze the theoretical foundations of attorney-client privilege, highlighting the key problems associated with its definition and scope. Particular attention is paid to the practical aspects of attorney-client privilege, including its role in ensuring justice and law and order. The article also examines the issues of confidentiality and professional ethics of lawyers. The study provides valuable recommendations and conclusions to improve the understanding and application of attorney-client privilege in modern legal practice.

Keywords: lawyer, attorney-client privilege, ethics, responsibility, principal, professional ethics.

Адвокатская тайна представляет собой фундаментальный принцип в области юриспруденции, обеспечивающий конфиденциальность общения между адвокатом и его клиентом. Этот принцип играет критическую роль в справедливости и правопорядке, в то время как адвокаты выполняют свои профессиональные обязанности. Адвокатская тайна олицетворяет доверие, которое клиенты ожидают от своих адвокатов, позволяя им разглашать детали своих дел, даже наиболее чувствительные и личные, с уверенностью, что эта информация останется в тайне.

Ключевой характеристикой адвокатской тайны является ее юридическая защита. В большинстве стран существуют законы и нормы, которые устанавливают этот принцип и обязанности адвокатов в отношении сохранения конфиденциальности информации клиентов. Эта юридическая защита подразумевает, что адвокат не может быть вынужден раскрывать информацию, полученную от клиента, в суде или перед правоохранительными органами, за исключением ограниченных случаев, установленных законом, таких как угроза человеческой жизни или безопасности.

Следует отметить, что адвокатская тайна также связана с этическими нормами юридической профессии. Адвокаты обязаны соблюдать строгие этические стандарты, чтобы обеспечить доверие и целостность юридической профессии. Нарушение адвокатской тайны может повлечь за собой не только юридические последствия, но и негативное воздействие на репутацию адвоката.

Вопросы практического характера реализации института адвокатской тайны берут свое начало в теории при определении содержания предмета адвокатской тайны, уста-

новления её пределов и границ. Законодатель наполняет адвокатскую тайну любыми сведениями, связанными с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю (ч. 1 ст. 8 Закона об Адвокатуре). Детализирует содержание тайны Кодекс профессиональной этики адвоката, включая в нее: факт обращения к адвокату и сведения, полученные от доверителей, а равно сведения, ставшие известными о доверителе в процессе оказания помощи; все документы и доказательства, собранные по делу, в т.ч. адвокатское производство по делу и заключенное соглашение; любые другие сведения, ставшие известными в процессе оказания помощи. Как видим, круг сведений достаточно широк, основное требование – связь информации с оказанием помощи конкретному лицу [3, с. 179].

Границей становится прямое указание законодателя, согласно которому адвокат не вправе разглашать сведения, сообщенные доверителем в связи с оказанием помощи без согласия последнего (п.п. 5 ч. 4 ст. 6 Закона об Адвокатуре). При этом адвокат ставится в сложное юридико-этическое положение, когда он владеет информацией от своего доверителя, правовой режим которой обладает опасностью и касается совершения преступления [3, с. 179].

Так, например, доверитель обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, и он доносит эту информацию до адвоката. В свою очередь доверитель не признается в совершении данного преступления, надеясь, что адвокат выстроит необходимую линию защиты, и он избежит наказания. Помимо этого, доверитель сообщает адвокату, что совершенные преступления являются групповыми и соучастники продолжают заниматься преступной де-

тельностью. В приведенной ситуации у адвоката возникает конфликт между моралью и законом, разрешить такой спор возможно либо с нарушением законных предписаний, либо в противоречии с нравственными принципами адвоката. С одной стороны, на весах – интересы адвокатуры, предписывающие профессиональную тайну, с другой – безопасность и общественный долг. В данном случае интересна конституционная позиция ограничения прав и свобод только в той мере, в которой это необходимо в целях защиты прав и законных интересов других лиц, которой можно руководствоваться при разрешении вопроса на законодательном уровне [3, с. 179].

Что же касается определения содержания адвокатской тайны в отношении обстоятельств, которые стали адвокатом известными не в связи с его деятельностью по оказанию помощи доверителю, а относящиеся к чьему-либо преступлению вне зависимости от деятельности адвоката, то такая информация не является профессиональной тайной, здесь перед адвокатом появится обязанность дать свидетельские показания.

Налицо еще один проблемный вопрос, связанный с ситуацией, когда обвиняемый по тем или иным причинам принимает на себя чужую вину и адвокат убежден, что наличествует самооговор доверителя и необходимо разгласить сведения в защиту последнего – данный случай не попадает под правовой режим адвокатской тайны (п.п. 3 ч. 4 ст. 6 Закона об Адвокатуре). Многие ученые согласны, что в понятие адвокатской тайны входят только факты, неблагоприятные для обвиняемого, которые прямо или косвенно относятся к проводимому делу. Профессор Фойницкий утверждал, что защитник вправе огласить скрываемый подсудимым интимный факт или даже семейные тайны своего клиента, если по обстоятельствам дела это представляется необходимым именно в интересах защиты. Иной позиции придерживается Д. П. Ватман, который включает в адвокатскую тайну, помимо неблагоприятных, также и иные данные, о которых подсудимый хотел бы умолчать. С точки зрения А. Н. Ниязовой, адвокатская тайна включает в себя только сведения, знание которых необходимо для оказания юридической помощи [3, с. 180].

Следующая проблема сохранения адвокатской тайны выражается во взаимоотношениях адвоката с правоохранительными органами. Среди нарушений адвокатской тайны, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов различными способами, наиболее встречающимися являются следующие: незаконный вызов на допрос об обстоятельствах, составляющих адвокатскую тайну; незаконный досмотр адвокатского производства, личный досмотр адвоката; незаконное проведение оперативно-розыскных мероприятий, возбуждение уголовного дела с целью проведения следственных действий в отношении адвоката; проведение обысков в отношении адвоката и т.д [3, с. 180].

Так, несмотря на законодательное закрепление ч. 2 ст. 8 Закона об Адвокатуре правила о том, что адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием, до сих пор возникают ситуации, когда следователи прибегают к допросам адвокатов, чтобы получить информацию, которая содержит адвокатскую тайну. Однако следует отметить, что в пункте 3 Определения Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 № 108-О «По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав

пунктом 2 части 3 статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Конституционным Судом РФ было принято следующее решение: «Уголовно-процессуальный кодекс не исключает права адвоката давать показания по делам, когда сам адвокат и его клиент заинтересованы и соглашаются раскрыть определенную полученную конфиденциальную информацию. В противном случае может быть нарушено конституционное право лица на судебную защиту». При этом определение Конституционного Суда РФ устанавливает право на такой допрос только по ходатайству защиты, а не прокуратуры. Соответственно за адвокатом и доверителем закреплено право выбора дачи показаний либо отказа от дачи таких показаний с документально установленной законом процедурой [3, с. 181].

Важно отметить, что адвокатская тайна становится особенно важной в уголовных делах, где адвокаты часто представляют подсудимых. В этом контексте адвокатская тайна обеспечивает подсудимому возможность свободно обсуждать свои дела с адвокатом, что считается неотъемлемым элементом справедливого судебного процесса.

В заключение адвокатская тайна является неразрывным элементом правовой системы, обеспечивающим доверие и защиту интересов клиентов. Этот принцип обеспечивает сохранение конфиденциальности информации и способствует соблюдению законности и справедливости в юридических процессах.

Пристатейный библиографический список

1. Богдановская В. А. Конституционно-правовой аспект защиты профессиональной тайны адвокатов и представителей и некоторые проблемы реализации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. – 2020. – № 15. – С. 64-71.
2. Крюкова Ю. А. Проблемы сохранения адвокатской тайны // Форум молодых ученых. – 2020. – № 7 (47). – С. 152-159.
3. Куницына О. В. Проблемы сохранения адвокатской тайны в конституционно-правовом пространстве обеспечения и защиты прав человека и гражданина // Права человека: история, теория, практика. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2022. – С. 178-182.
4. Литвинцева Н. Ю., Сарибекян А. В. Адвокатская тайна и уголовно-процессуальный закон: пределы вмешательства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019. – № 4 (26). – С. 128-136.
5. Судоргина Е. В. Адвокатская тайна как проблема нравственного регулирования деятельности адвоката в России // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. № 1 (28). – С. 49-54.

ДЖАФАРОВ Ильяс Хикмет оглу

доктор философии по праву, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Бакинского Государственного Университета

ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ИХ УСТРАНЕНИЕ

В статье указывается, что правовой нигилизм проявляется как индивидуальный, коллективный и массовый правовой нигилизм в зависимости от степени пренебрежения правовыми нормами со стороны субъектов в обществе. Показано, что на основании действий правовых субъектов можно сделать выводы о наличии и последствиях правового нигилизма. Так, оно может быть активным и пассивным, преднамеренным и спонтанным в зависимости от ситуации. Также в статье констатируется, что в качестве одной из деформационных форм правовой мысли необходимо выделить основной элемент в структуре правового нигилизма - мировоззренческий, психологический и поведенческий компоненты. В связи с этим в статье выдвигаются некоторые предложения устранить соответствующее негативное явление.

Ключевые слова: нигилизм, право, идеология, структура, психология.

JAFAROV Ilyas Khikmet ogly

philosophy doctor in Law, lecturer of Theory and history state and law sub-faculty of the Faculty of Law of the Baku State University

ELEMENTS OF LEGAL NIHILISM AND THEIR ELIMINATION

The article states that legal nihilism manifests itself as individual, collective and mass legal nihilism, depending on the degree of neglect of legal norms by legal subjects in society. It is shown that based on the actions of legal subjects, it is possible to draw conclusions about the existence and consequences of legal nihilism. So, it can be active and passive, deliberate and spontaneous depending on the situation.

Keywords: nihilism, law, ideology, psychology structure.

Правовой нигилизм как социальное явление имеет сложную структуру. Каждую сложную структуру всегда отличает сумма ее элементов. Здесь необходимо различать структуру общественного сознания. Здесь невозможно определить конкретное расположение отдельных элементов, они взаимно влияют друг на друга. При этом необходимо учитывать составные элементы правового нигилизма, их внутренние отношения и специфические особенности. Правовой нигилизм, явление правовой мысли, имеет в строении своей внутренней структуры ряд общих для всех форм сознания закономерностей. Отличие структуры правового нигилизма от других структур общественного сознания во многом зависит от специфики событий.

Таким образом, считается, что правовой нигилизм, являющийся одной из негативных форм общественного сознания, представляет собой сложное явление и имеет свои структурные элементы, такие как идеология и психология. Особенность идеологии и психологии правового нигилизма заключается в том, что помимо установок на отдельные нормы, заменяющие правовое регулирование, они включают в себя и установки, связанные с отрицанием правовых реалий. Отрицание правовой реальности проявляется в двух формах – открытой и скрытой. Ее категорически отрицают как ценность открыто, хотя, чтобы она была полностью исключена из общества, выступают против того, чтобы она была общественной ценностью. Потому что они считают, что это не обеспечивает такие ценности, как свобода и равенство в обществе. В этом случае правовая идеология опережает юридическую психологию.

Во втором случае, как правило, отрицание права происходит в скрытой форме. Скрытый правовой нигилизм – явление более сложное и трудно поддающееся обнаружению. При этом субъекты правового нигилизма не отрицают ре-

альность прямо, открыто. Здесь право прямо не отрицается, но ему придается меньшее значение по сравнению с другими институтами регулирования (морали, религии и т.д.).

Психологию правового нигилизма можно оценить как сумму чувств, настроений и представлений. Эти представления выражают отрицание правовой реальности, не соответствуют потребностям определенных социальных групп и, следовательно, отрицают позитивные отношения. Психология правового нигилизма непосредственно отражает общественные отношения, которые отражают образ жизни отдельных людей, больших и малых социальных групп. На наш взгляд, явления психологии правового нигилизма ограничены, включают изменения в жизненной сфере отдельных лиц и групп и характеризуются как стихийно формирующееся негативное отношение к правовой действительности.

Психология правового нигилизма вытекает из характера общения в группе, коллективе, обществе, которое регулируется правовыми нормами, но не выражает интересов людей, вследствие неудовлетворенности взаимоотношениями с государственными институтами. Зачастую негативное психологическое отношение к правовому регулированию общественных отношений является следствием отсутствия достойного механизма и условий реализации права, и эта психология находит свое отражение в средствах массовой информации и социальных сетях.

В настоящее время компетентными государственными органами Азербайджанской Республики проводится важная работа в направлении обеспечения верховенства таких идей, как верховенство закона, верховенство закона, верховенство прав и свобод человека. Согласно указу Президента Азербайджанской Республики «О мерах в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина» от 22.02.1998 года, после обретения независимости Азербайджанская Республика,

как полноправный член Международного Союза государств, принявший главенство общечеловеческих ценностей, выдержавших испытание веками, и являющийся демократическим, правовым и светским государством, выбрал строительство своим собственным путем развития.

Сегодня развитие любого общества и государства невозможно без уважения демократии и прав человека. Демократия, развитие, уважение прав и свобод человека органически связаны и обуславливают друг друга. Уважение прав человека, защита прав человека – основной путь вливания в современный мир. Сегодня цель состоит в том, чтобы каждый человек осознал свою ответственность в реализации и защите прав человека.

Как видим, идейно-психологической основой правового нигилизма является отрицание объективной правовой реальности. По этой причине требуется помощь других институтов социального регулирования в регулировании важных общественных отношений. Правовой нигилизм оказывает негативное влияние на развитие правового мышления граждан, формирование правильных представлений о правовых принципах и нормах, правоотношениях.

Несоблюдение правовых норм или сознательное безразличие некоторых людей, обусловленное их внутренними убеждениями, показывает регулятивную роль правового нигилизма. Правовой нигилизм можно разделить на такие группы, как индивидуальный правовой нигилизм, коллективный правовой нигилизм и массовый правовой нигилизм, в зависимости от его характера и степени пренебрежения правовыми нормами субъектами права в обществе. В структуре правового нигилизма как одной из форм изменения правовой мысли необходимо выделить три основных элемента.

- 1) идеологический.
- 2) психологический
- 3) поведенческие компоненты.

Все три компонента тесно связаны друг с другом, всегда наблюдается их сочетание. По этой причине во многих случаях их иногда трудно разделить. В любом случае идеология и психология являются «фильтром» правовой мысли [3, с. 21].

Таким образом, чтобы выполнять свои функции права, необходимо правильно понять его природу, цели и функции и сделать понимаемое предметом воли и действия. При высоком уровне правопонимания понимается роль права, в том числе необходимость существующей законодательной системы, а также процесс и результаты правоприменительной практики. Это находится в полной противоположности реализации характеристики правовой мысли через термин «правовой нигилизм».

В условиях правового государственного строительства особое значение приобретает дальнейшее развитие как общественного, так и профессионального правопонимания, устранение таких негативных проявлений, как правовой нигилизм. В любом случае деформация правового мышления отрицательно влияет на эффективную реализацию принятых решений. Несмотря на это, в области развития права в нашей стране достигнуты большие успехи, принято множество нормативных правовых актов, тем самым созданы благоприятные условия для ликвидации правового нигилизма. Психологический аспект правового нигилизма составляют чувства и представления о невторичности права.

Другой аспект правового нигилизма завершается актом поведения субъектов. Это возможно, если закон для субъек-

тов станет не просто формализованной системой ограничительных указаний, но и станет основой социально-моральных указаний [4, с. 258-260].

На поведение субъекта общественных отношений непосредственно влияет его правовой статус. Как правило, нигилизм как критерий поведения возникает вследствие неудовлетворенности субъекта социально-правовым статусом, не соответствующим его личностному потенциалу [2, с. 21-43]. По этой причине необходимо дифференцировать отношение к перечисленным ниже:

- Юридическая деятельность, в том числе правомерное поведение людей;
- К нормативным правовым актам;
- Законодательству и правовым нормам;
- К деятельности правоохранительных органов [5, с.174];
- Реакция субъекта на закон [6, с. 125];
- К общим правовым тенденциям субъекта.

Базовые правовые ориентиры означают, что субъект относится к праву как к социальной ценности в целом и поэтому готов руководствоваться правовыми ориентирами в своем поведении. Однако очень важную роль играет психологический аспект совершенствования законодательных актов, повышающих значимость прав и свобод в сознании человека. Известно, что, если бы источником правового нигилизма была только правовая безграмотность граждан, устранить его было бы легко. Сложившаяся ситуация осложняется тем, что на уровне сознания наблюдается правовой нигилизм с неверием в возможности и потенциал права.

Чтобы преодолеть это, принуждение к исполнению закона должно войти в нашу жизнь и войти в привычку каждого гражданина. Мы считаем, что для ликвидации такой «болезни», как правовой нигилизм, необходимо начать с формирования мышления людей на основе светских принципов.

Пристатейный библиографический список

1. Аслотов А. Г. «Деятельность и установка. – М.: МГУ, 1979. – С. 151.
2. Бондарев А. С «Правовой нигилизм – форма правовой антикультуры личности // Юридические науки. Вестник Пермского ун-та. – 2011. – С. 21-43.
3. Кулиев Э. Роль НПО в формировании гражданского общества в Азербайджане. Сборник аналитических статей. – 2004. – Баку. – С. 21-30.
4. Семенов В. Е. «Проблемы правового нигилизма» // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2008. – № 3. – С. 258-260.
5. Щегорцов В. А. «Социология правосознания». – М.: Мысль, 2011. – С. 174.
6. Щербакова Н. В «Правовая установка и социальная активность личности». – М.: Юридическая литература, 1986. – С. 125.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-68-69

НЕДЗЕЛЮК Татьяна Геннадьевна

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РОЛЬ ЮРИСТОВ В РАЗВИТИИ СЕТИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: КЕЙС КАИНСКА

Статья посвящена характеристике корпуса документальных материалов фонда Томского губернского управления в составе Государственного архива Томской области. Изучается и устанавливается роль персоналий в деле формирования и развития сети населенных пунктов Зауральского региона. Данная публикация является очередной в ряду подготовленных нами аналитических материалов по освещению деятельности государственных органов Российской империи в контексте регулирования государственно-конфессиональных отношений в Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Томская губерния, Томское губернское управление, населенные пункты Западной Сибири, Каинск, нотариус, Мягчиллович-Вольский.

NEDZELYUK Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in historical sciences, leading researcher at the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

THE ROLE OF LAWYERS IN THE DEVELOPMENT OF A NETWORK OF SETTLEMENTS IN WESTERN SIBERIA: THE CASE OF KAINSK

The article is devoted to the characteristics of the corpus of documentary materials of the Tomsk Provincial Administration Fund as part of the State Archive of the Tomsk region. The role of personalities in the formation and development of a network of settlements in the Trans-Ural region is studied and established. This article is the next in a series of analytical materials that we have prepared to cover the activities of state bodies of the Russian Empire in the context of regulating state-confessional relations in the Siberian region.

Keywords: Siberia, Tomsk province, Tomsk provincial administration, settlements of Western Siberia, Kainsk, notary, Myagchillovich-Volsky.

Развитие сети населенных пунктов является исследовательской проблемой, в изучении которой принимают участие специалисты разных научных направлений [2], [6], [7]. В настоящем исследовании нас интересует вклад юристов-практиков в формирование городской инфраструктуры и развитие городской сети. Пилотное исследование проводилось в отношении города Каинска Томской губернии, ныне Куйбышева – города областного значения в Новосибирской области. Причины создания нового населенного пункта в Сибири чаще всего, как показывает практика, могли быть продиктованы его оборонно-стратегическим положением (Бердск, Бийск, Томск) либо экономическими соображениями (Колывань, Новониколаевск).

Каинский форпост был основан в 1722 году в составе Тарского воеводства Сибирской губернии. Проложенный в 1733 году Московско-Сибирский тракт придал мощный импульс к развитию поселения, Каинск стал транспортным пунктом на пути из Омска в Томск. Помимо казаков в Каинском форпосте появились разночинцы, а затем и крестьяне. В фонде Томского губернского управления, отложившемся в Государственном архиве Томской области, сохранились ходатайства переселенцев из Минской губернии в Сибирь. Местом проживания за Уралом они избрали город в Барабинской степи, значительно удаленный от губернского центра. Превращению поселения в полноценный город сопутствовали в том числе культурно-просветительские, религиозные и

Недзелюк Т. Г.

благотворительные учреждения. При прокладке рельсового Транссибирского пути подававший надежды купеческий городок Каинск оказался в тринадцати километрах в стороне от будущей магистрали, а потому потребовались дополнительные усилия его активных жителей для сохранения статуса городского поселения [2].

К составлению обращений граждан, фиксации приговоров сельских сходов привлекались грамотные переселенцы, в первую очередь – представители юридической интеллигенции [1, с. 22-25], [4, с. 122-125], [5, с. 174-183]. Документы, составленные людьми, обладавшими навыками правовой грамотности, имели больше шансов быть удовлетворенными. Каинский нотариус родом из дворян Минской губернии Иосиф Станиславович Мягчиллович-Вольский принял на себя функции ходатая по делам местной религиозной общины. 29 октября 1900 года прихожане Томской римско-католической церкви, проживающие в г. Каинске и ближайших к нему окрестностях, собравшись с разрешения местной полиции (подчеркивается легитимность) и одобрения настоятеля указанной церкви, «постановили: ходатайствовать перед надлежащим Начальством о разрешении постройки в г. Каинске римско-католической каплицы и о назначении постоянного священника и с ходатайством этим уполномочили войти нас», – сообщают материалы документального комплекса, отложившегося в Государственном архиве Томской области. Текст обращения к руководству Томского губернского управ-

ления отличают грамотность речи, а также нарочитое стремление подчеркнуть легитимность своей интенции¹.

Автор петиции, юрист Мягчилович-Вольский демонстрирует навыки владения юридической аргументацией. В отличие от иных, отложившихся в архивах российских городов, многочисленных эмоциональных, но не обеспеченных доказательствами ходатайств, Иосиф Станиславович Мягчилович-Вольский приводит объективный аргумент, заключающийся в пространности сибирских территорий и значительной удаленности населенных пунктов от административных центров: «Проезд 125 верст до села Спасска для многих не только бедных, но и состоятельных лиц, в целом совершение обряда венчания непосильно; приглашение священника в г. Каинск для совершения обрядов крещения, погребения и исповедей больных, также крайне затруднительно, а иногда и совсем невозможно»².

Ходатай, имеющий юридическое образование, демонстрирует осведомленность о планах правительства по расширению поселенческой сети за Уралом: «Наконец, и в интересах вновь заселяемого Барнаульского уезда было бы учреждение в Каинске католического храма»³.

Правовые основания, по мнению нотариуса Мягчилович-Вольского, «...к заявленному нами ходатайству заключаются в том, что по закону местность, в которой имеется 300 душ постоянных жителей, имеет право на открытие особого храма»⁴. Иосиф Станиславович демонстрирует знание нормативных правовых актов и грамотно аргументирует свою речь ссылками на них, резюмируя: «Из изложенных данных, Ваше Сиятельство, изволите усмотреть, что значительная часть населения г. Каинска, его уезда и уезда Барнаульского лишена возможности правильно удовлетворять свои главнейшие религиозные потребности и исполнять обряды, установленные самим законом»⁵.

Виртуозное владение юридической техникой позволяет достигнуть намеченной цели путем апелляции к общегосударственным интересам: «Значительный контингент находится, следовательно, в весьма затруднительном положении при исполнении необходимых и требуемых законом церкви обрядов»⁶.

Каинский нотариус Мягчилович-Вольский в своем движении к намеченной цели пытается использовать метод легитимация с использованием традиционных для общемировой практики приемов сакрализации: «Потребность в открытии такового храма в г. Каинске настолько назрела, что настоятель Томского прихода, ознакомившись с упомянутым выше протоколом от 29 октября 1900 года, сделал на нем следующего содержания надпись: «Настоящий протокол вполне одобряю и искренне сочувствую прихожанам г. Каинска и его окрестностей, в чем подписью и приложением костельной печати удостоверяю»⁷.

Наконец, элементарное для юриста, но неведомое иным ходатаям, умение правильно составить протокол безусловно «сыграло на руку» группе уполномоченных в составе владельца Каинской аптеки провизора Ивана Казимировича Кирейлиса, Минского дворянина Владислава Викентьевича

Винткевича, Каинского нотариуса Иосифа Станиславовича Мягчилович-Вольского, которая составила и направила в 1902 – 1903 гг. целый ряд обращений к Томскому губернатору, в губернское управление, а также в Строительное отделение Томского губернского управления. Все обращения были удовлетворены⁸.

Более того, опираясь на практику делопроизводства, нотариус формирует архив обращений. «Представляя при сем в Строительное Отделение Губернского Управления возвращенный, исправленный проект постройки в Каинске римско-католической каплицы, чрез Каинское Уездное Полицейское Управление при предписании от 6 февраля сего 1903 года № 129, вместе с копией, честь имею покорнейше просить Строительное Отделение утвердить таковой проект и экземпляр оного, созданный на кальке, с соответствующей подписью вместо имеющейся, прежде представленной, возвратить мне обратно»⁹, что позволит в дальнейшем использовать его в качестве прецедента.

Итогом проведенного нами контент-исследования фонда Томского губернского управления в Государственном архиве Томской области является вывод о достаточно эффективной и заслуживающей комплексного изучения деятельности Томского губернского управления в сфере государственно-конфессиональной политики, а также о значимой роли профессиональных юристов в формировании регулярной поселенческой сети за Уралом.

Пристатейный библиографический список

1. Адоньева И. Г. Дискуссии о местной юстиции в Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. в контексте профессионального правосознания юристов региона // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 22-25.
2. Бурматов А. А. Демографическая история Каинска – Куйбышева и его окрути. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 1997. – 162 с.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Фонд 3: Томское губернное управление. – Оп. 2. – Д. 5283; Оп. 41. – Д. 663.
4. Крестьянников Е. А. Фемида по-сибирски: 700 верст киселя хлебать // Родина. – 2021. – №4. – С. 122-125.
5. Недзелюк Т. Г. «Письма во власть»: рефлексия мигрантов Западной и Восточной Сибири относительно государственно-конфессиональной политики (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Народы и религии Евразии. – 2021. – Т. 26. – № 3. – С. 174-183.
6. Татарникова А. И. Развитие социокультурной инфраструктуры в сельских поселениях Тобольской и Томской губерний в начале XX в.: сравнительный анализ // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 1. – С. 1-8.
7. Чуркин М. К. «Переселенческое дело» во второй половине XIX – начале XX в. как сфера интеллектуальной рефлексии и коммуникации российской власти и общества досоветского периода // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2021. – Т. 35. – С. 6-13.

1 Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 5283. – Л. 14.

2 Там же. – Л. 15.

3 Там же. – Л. 14.

4 Там же. – Л. 16.

5 Там же. – Л. 15.

6 Там же. – Л. 16.

7 Там же.

8 ГАТО. Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 5283; Оп. 41. – Д. 663.

9 ГАТО. Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 663. – Л. 6.

ТОГОТИН Владимир Владимирович

соискатель, Общя церковная аспирантура и докторантура имени св. Кирилла и Мефодия

ТАЙНА ИСПОВЕДИ КАК ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ТАЙНА

В статье предпринимается попытка анализа понятия нормативной природы тайны исповеди в разрезе светского права, в понимании этого явления научным сообществом и гражданским обществом. Рассмотрены понятия тайны и профессиональной тайны; выявлены существующие в обычае и закреплённые в литературе разновидности тайн. Значительное внимание уделено отражению понятий тайны и профессиональной тайны в нормативных документах российского и мирового права и трактовке данных понятий в юридической науке. Выявлено, что тайна исповеди является разновидностью профессиональной тайны, которая возникает в процессе профессиональной деятельности священнослужителей и охраняется основными российскими законами. В то же время отмечается недостаточность законодательного регулирования тайны исповеди как профессиональной тайны. Вносятся предложения по дополнению Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Кодекса об административных правонарушениях РФ положениями, касающимися точного регулирования тайны исповеди и гарантирующими законодательное закрепление правовых гарантий защиты режима тайны исповеди. Делается вывод о том, что право на тайну исповеди является важной частью права на частную жизнь, поэтому законодательное обеспечение его применения обязательно в современном государстве.

Ключевые слова: профессиональная тайна, религиозная тайна, тайна исповеди, правовой институт, светское право, священнослужитель.

TOGOTIN Vladimir Vladimirovich

competitor, St. Peter's general church postgraduate and doctoral studies Cyril and Methodius

THE SEAL OF CONFESSION AS A PROFESSIONAL SECRET

The article attempts to analyze the concepts of the normative nature of the seal of confession in the context of secular law, in the understanding of this phenomenon by the scientific community and civil society. The concepts of secrecy and professional secrecy are considered; the types of secrets existing in everyday life and enshrined in literature have been identified. Considerable attention is paid to the reflection of the concepts of secrecy and professional secrecy in the regulatory documents of Russian and world law and the interpretation of these concepts in legal science. It has been revealed that the seal of confession is a type of professional secret that arises in the process of professional activity of clergy and is protected by basic Russian laws. At the same time, the insufficiency of legislative regulation of the seal of confession as a professional secret is noted. Proposals are being made to supplement the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with provisions relating to the precise regulation of the secrecy of confession and guaranteeing legislative consolidation of legal guarantees for the protection of the regime of secrecy of confession. It is concluded that the right to confidentiality of confession is an important part of the right to private life, therefore legislative support for its application is mandatory in a modern state.

Keywords: professional secret, religious secret, seal of confession, legal institution, secular law, clergyman.

Введение

Тайна присутствует в любом гражданском обществе, вне зависимости от политического строя государства. Сегодня гражданское общество допускает определённую свободу религиозных организаций и признаёт их внутренние установления как нормативные источники, способные регулировать отношения в различных смежных областях, в том числе в сфере охраны и защиты такого явления, как религиозная тайна. В светском праве нашего государства нет чёткого определения религиозной тайны, однако есть понятие профессиональной тайны, которое нельзя вполне отождествить с понятием религиозной тайны, но можно установить конкретные параллели между ними и определить пути охраны и защиты религиозной тайны (а значит, и тайны исповеди) как вида профессиональной тайны. Можно вполне согласиться с мнением адвоката К. М. Андреева, который считает, что человек, передающий определённую информацию служителю церкви, может рассчитывать на сохранение конфиденциальности этой информации, а этот акт вполне можно отнести к такому юридическому понятию, как религиозная тайна [1, с. 24].

Вопросы правового регулирования проблемы религиозной тайны рассматривают различные исследователи: К. М. Андреев [1], И. А. Ворошилин [2], И. Л. Петрухин [3] и другие исследователи, однако применительно к тайне исповеди данная проблема анализируется нечасто.

Целью настоящего исследования стало выявление нормативной природы тайны исповеди и определение возможности её рассмотрения как профессиональной тайны.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось с помощью общенаучных методов наблюдения, анализа, синтеза, обобщения, сопоставления, а также с помощью сравнительно-правового и функционального методов. Основным подходом стало сочетание концептуального видения права с юридической догматикой и юридической практикой. Прогностический метод помогал прогнозировать развитие законодательного регулирования тайны исповеди.

Результаты и обсуждение

Начать следует с сути самого термина «тайна». Как отмечает в диссертационном исследовании И. А. Ворошилин, любая тайна является элементом жизни человеческого общества [2, с. 3], которое без тайн вообще не может существовать. Российский адвокат Ю. С. Пилипенко утверждает, что «тайна как социальное явление возникла еще на заре цивилизации и являлась одним из атрибутов повседневной человеческой жизни» [4, с. 29]. Любая историческая эпоха пронизана таким явлением, которое мы называем тайной. Происходит это вследствие склонности человека как индивидуума к нарушению общественных законов. Ни один общественный строй за всю историю человечества не избежал случаев человеческих преступлений и попрания порядка, который установлен общественным договором, называемым законом. Даже тоталитарные общества, имеющие в своём арсенале строжайшие наказания за общественные правонарушения, такие как смертная казнь, не достигли полного искоренения преступности. В этой связи приходится признать, что институт тайны является ограничительной мерой и средством борьбы для правовой системы любого общества. Можно согласиться с утверждением И. В. Смольковой: «...Если обязанность хранить тайну вытекает из нравственных предписаний или общественного долга, то разглашение этой тайны носит характер аморального проступка» [5, с. 29]. Необходимость тайны пронизывает любую сферу человеческого общества.

Современная правовая наука знает много различных видов тайн; есть тайны личные, государственные и профессиональные. *Личная тайна* предполагает хранение информации, которая носит индивидуальный интимный характер; ее объекты – круг общения, творческие моменты, личные документы, бумаги, дневники, тайна жилища, физические недостатки, дурные привычки, личное прошлое, и многое другое. Раскрытие подобных сведений обнажает личность человека, делает его уязвимым, отрицательно влияет на психику. *Семейная тайна* вытекает из личной: она диктует важность хранить частную, интимную информацию, только принадлежащую всем членам семьи. Сюда можно отнести наследственные заболевания, тайну усыновления, факты биогра-

фии родных, связи, знакомства, имущественное положение, доходы, а также другие категории, которые могут затронуть честь и достоинство семьи. Конституция Российской Федерации (ч. 1, ст. 23) охраняет личную и семейную тайну [6]; есть подобные нормы и в других законодательных актах. *Государственная тайна* является гарантом безопасности и независимости любого государства. В России до 1993 г. не было определенного закона, защищающего государственную тайну, но был перечень постановления Совета Министров, который фиксировал сведения, не подлежащие огласке. В настоящее время государственную тайну охраняет ряд нормативно-правовых актов Российской Федерации, в том числе Конституция (ст. 29, п. 4) [6]. Государство защищает все сведения, которые могут нанести ущерб безопасности страны в военной, внешнеполитической, разведывательной, контрразведывательной, экономической и оперативно-розыскной деятельности. За разглашение государственной тайны предусмотрены различные уголовные и административные наказания, в зависимости от тяжести совершённого преступления. Армия и военные подразделения государства немислмы без тайны, которая называется *военной* и является частью государственной тайны. Любой врач действует в интересах своего пациента и должен хранить информацию о его состоянии здоровья; это есть *врачебная тайна*, при соблюдении которой между пациентом и врачом устанавливаются доверительные отношения, облегчающие процесс лечения [7, с. 104]. Врач обязан хранить информацию о болезни своего пациента, чтобы не навредить его общественному имиджу, не нанести вреда его доброму имени в делах, связанных с его деловой деятельностью. В свою очередь, адвокат обязан хранить в тайне сведения, которые связаны с его юридической деятельностью; это называется *адвокатской тайной*, которая также защищена законом. Кроме того, существует еще достаточно большое количество видов конфиденциальной информации, имеющей природу тайны и защищаемой законом, такой как нотариальная тайна, аудиторская тайна, тайна страхования, журналистская и т. д. Вид защищаемой законом тайны, который стал предметом нашего внимания, – это *тайна профессиональная*.

Утаивать информацию – это право и особая свобода человека, гарантированная национальным и международным законодательством. В частности, Хартия основных прав Европейского Союза защищает права и свободы человека в информационно-коммуникационной сфере, в том числе тайну корреспонденции (ст. 7); сведения личного характера (ст. 8); право каждого лица на доступ к затрагивающему его информационному доossier при соблюдении законных интересов в виде конфиденциальности, профессиональной и коммерческой тайны (ст. 41) [8].

Ч. 1 ст. 23 Конституции РФ гласит, что «каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени»; ч. 1 ст. 24 Конституции РФ запрещает «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия», а ч. 3 ст. 29 указывает, что «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» [6].

Отечественное законодательство, регулирующее информационные правоотношения, стремительно расширяется, однако количество законодательных актов, как пишет А. А. Арнаутова, не всегда коррелирует с эффективностью правового регулирования названных отношений [9, с. 189]. Так, законодатель не определено понятие и признаки как информации с ограниченным доступом, так и профессиональной тайны, но упоминается около двадцати видов тайны, качество правового регулирования которых отличается.

Научные источники, как отмечает Г. Г. Камалова, также лишены системности в толковании института информации с ограниченным доступом и отдельных тайн [10, с. 104]. Это актуализирует исследование проблемы отдельно на доктринальном и законодательном уровнях.

Тайна представляет собой все скрытое, неизвестное, непознанное, то, что втайне сохранено, утаено от кого-либо с намерением скрыть. Научные источники не отражают трактовки сущности тайны как явления социально-правовой действительности. Тайна, пишет А. А. Фатьянов, – это нечто непознанное, скрытое от человеческого понимания; сфера объективной действительности, скрытая от нашего восприятия или понимания [11, с. 46]. Однако определение тайны как некой «сферы объективной действительности» является, по нашему мнению, слишком абстрактным и требует конкретизации сущностных характеристик понятия.

Д. В. Огородов справедливо выделяет в тайне три аспекта, в частности: определенную информацию с ограниченным доступом, по которой образовались правоотношения; правовые нормы; вид правового режима [12, с. 132]. М. А. Ефремова полагает, что тайна – это род сведений, разглашение (передача, утечка) ко-

торых может нанести ущерб интересам ее владельца. В любом случае, пишет автор, говорится об информации конфиденциального характера, доступ к которой возможен только с согласия его владельца или вследствие предписаний закона [13, с. 131]. Соответственно, тайна защищает информацию, которая по своему характеру не является общеизвестной.

Тайна возникает вследствие запрета открытого доступа к определенной информации, призванного предотвратить наступление негативных последствий незаконного получения, использования и разглашения информации. Ю. С. Пилипенко отмечает, что знания и сведения, которые традиционно охраняются в качестве тайны, предусматривают потенциальную возможность их стремительного распространения [4, с. 36].

Исходя из этого, тайну целесообразно рассматривать как определенную информацию, о которой или в защиту которой образовались правоотношения. Эти отношения основываются на доверии и уверенности субъекта в том, что информация не станет достоянием посторонних лиц, а, следовательно, имеют социальную значимость, в связи с чем строго регламентирована совокупность норм – правовых и этических.

В целом, тайне как правовому институту предоставляется в определенной области защита, а в случаях ее нарушения применяются уголовно-правовые нормы. Однако тайны попадают в сферу уголовного судопроизводства не только из-за совершения криминальных посягательств в отношении них, но и в результате осуществления уголовного-процессуальной деятельности по раскрытию и расследованию различных преступлений.

К сожалению, не единичны случаи, когда должностные лица, используя обоснование – «обеспечение интересов установления истины в уголовном деле», не предоставляют информацию, проводят закрытые судебные заседания или же, наоборот, разглашают данные предварительного расследования или судебного рассмотрения в ущерб интересам лица или авторитета уголовного судопроизводства. С целью предупредить эти негативные проявления закон определяет основания, условия и порядок ограничения гласности уголовного процесса, а также условия и порядок объявления сведений, составляющих тайну.

В процессе уголовного-процессуальной деятельности образуются тайна досудебного расследования, адвокатская тайна и др. Информация с ограниченным доступом защищается уголовными процессуальными нормами. Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее – УПК РФ) уделяет защите информации с ограниченным доступом определенное внимание. В ст. 161 сказано, что сведения предварительного расследования можно разглашать только с разрешения следователя или дознавателя и в том объеме, в котором ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства [14]. Обязанность не разглашать тайну возлагается на свидетеля, переводчика, специалиста и эксперта, которые участвуют в уголовном деле, то есть гарантируется охрана тайны.

Общественную значимость имеет не только информация, но и правовой режим сохранения тайны, при этом профессиональные тайны являются примером взаимодействия правовых режимов, поскольку определенная информация с ограниченным доступом может одновременно защищаться различными правовыми режимами тайн.

В общем, термин «тайна» весьма многозначен, и существующее разнообразие тайн предполагает не просто их видовое перечисление, а отнесение их к определенным группам, подгруппам. Классификацию на основании разделения «публичное право – частное право» предлагает Д. В. Огородов, выделяя тайны частного-правового и публично-правового характера. К частно-правовым тайнам ученый отнес те, которые предусмотрены в гражданско-правовом законодательстве (служебную, коммерческую, личную, семейную, банковскую и др.), публично-правовые связаны с деятельностью государственных органов [12, с. 132]. Д. В. Огородов также выделяет тайны-объекты (информация принадлежит субъекту) и тайны-обязанности (информация существует относительно субъекта) [12, с. 152]. Ю. С. Пилипенко пишет, что недостатком этой классификации является отсутствие объяснения статуса процессуальных тайн (предварительного расследования, обязанности иметь совещательную комнату судей), то есть несогласованность служебной и других тайн [4, с. 152-153]. На сегодняшний день существуют различные критерии классификации тайн, от теоретически обоснованных, по которым различаются тайны личной жизни и профессионально доверенные, до наиболее простых, не содержащих классификационных оснований, а только называющих отдельные виды профессиональных тайн. Что же касается тайны исповеди, как разновидности профессиональной тайны, то в связи с нахождением ее на грани права и мо-

рали, можно констатировать, что она обладает специфическим правовым статусом.

Так, в соответствии со ст. 18 Всеобщей декларации прав человека от 10.12.1948 г., каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, что включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков [15]. На такое право человека указывают также несколько других международно-правовых актов, в частности ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [16], ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах [17] и др.

Конституция РФ в ст. 28 определяет, что каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [6].

Поскольку тайна исповеди является частью церковного таинства – таинства исповеди, то приведенные международные правовые нормы являются основанием для обеспечения режима этого вида информации с ограниченным доступом. В соответствии с ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [18] тайна исповеди охраняется законом. Священнослужитель не может быть привлечен к ответственности за отказ от дачи показаний по обстоятельствам, которые стали известны ему в ходе исповеди.

И. Л. Петрухин предлагает разграничить два вида религиозных тайн: «Тайна верующего, право последнего скрывать свою принадлежность к любой религии вообще и к отдельным вероучениям в том числе и тайна, доверенная священнику, которую он не должен разглашать» [3, с. 220].

Тайна исповеди тесно связана с таким явлением, как профессиональная тайна, но имеет определенные особенности, связанные с тем, что, в отличие от тайны исповеди, запрет разглашения которой предусмотрен только церковноправовыми нормами, запрет разглашения профессиональной тайны предполагается соответствующими нормативно-правовыми актами.

Для законодательного закрепления правовых гарантий защиты режима тайны исповеди предлагаем ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» дополнить частью 8 следующего содержания: «Тайна исповеди – это охраняемые законодательством РФ тайные сведения, переданные священнослужителям верующими во время исповеди, за незаконное получение, разглашение или использование которых наступает юридическая ответственность». Целесообразным видится также введение административной ответственности за нарушение режима тайны исповеди, которое предлагается предусмотреть в ст. 13-14 Кодекса об административных правонарушениях РФ [19] на уровне с другими профессиональными тайнами.

Выводы

Важным видом информации с ограниченным доступом для обеспечения выполнения обязанностей в разных профессиях является профессиональная тайна, как правило, составляющая информацию, которую адвокатам, нотариусам или другим независимым профессионалам и бухгалтерам предоставляют клиенты или которую они получают от одного из своих клиентов при определении юридического статуса клиентов, или при защите, представлении такого клиента, или в отношении процедур юридического, административного, арбитражного или посредничества характера. Исходя из этого, важным признаком профессиональной тайны является то, что это сведения, предоставляемые независимым профессионалам. Если речь идет о государственных служащих, имеющих полномочия по выполнению аналогичных функций указанных субъектов, если их деятельность направлена на обеспечение реализации функций государства, то необходимо говорить о служебной тайне. Поэтому профессиональная тайна тесно связана с субъектами, которые ею пользуются. Тайну исповеди, как представляется, можно считать профессиональной тайной, которая возникает в процессе профессиональной деятельности священнослужителей.

Право на тайну исповеди является важной частью права на частную жизнь, и российскому законодателю еще предстоит многое сделать для обеспечения этого права на должном уровне. Законодательному закреплению изменений в нормативно-правовых актах, образованию эффективной системы правовых гарантий обеспечения режима тайны исповеди должна предшествовать основательная научная работа.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев К. М. Особенности тайны при реализации конституционной свободы вероисповедания (российский и зарубежный опыт): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2015. – 228 с.
2. Ворошилин И. А. Политика государства в сфере охраны тайн (опыт России): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2013. – 221 с.
3. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). – М.: ИППАН, 1998. – 230 с.
4. Пилипенко Ю. С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.11. – М., 2009. – 409 с.
5. Смолькова И. В. Проблема охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск, 1998. – 404 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 04.02.2024).
7. Романовский Г. Б. Конституционное регулирование права на неприкосновенность частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – СПб., 1997. – 188 с.
8. Хартия Европейского Союза об основных правах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=178141> (дата обращения: 04.02.2024).
9. Арнаутова А. А. Средства повышения эффективности нормативных правовых актов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 4 (44). – С. 188-193.
10. Камалова Г. Г. Вопросы систематизации информации ограниченного доступа. // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 2. – С. 103-109.
11. Фатьянов А. А. Правовое обеспечение безопасности информации в Российской Федерации: учебное пособие. – М.: Юрист, 2001. – 411 с.
12. Огородов Д. В. Правовые отношения в информационной сфере: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – М., 2002. – 243 с.
13. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана сведений, составляющих коммерческую, банковскую и налоговую тайны // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 1 (27). – С. 124-132.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 24.02.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 04.02.2024).
15. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 30.01.2024).
16. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) (с изменениями от 13.05.2004). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 30.01.2024).
17. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 04.02.2024).
18. О свободе совести и о религиозных объединениях. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 04.02.2024).
19. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.02.2021; с изм. и доп., вступ. в силу с 07.03.2021). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=462640> (дата обращения: 04.02.2024).

ТУГАНБАЕВ Мурат Амангельдиевич

соискатель Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Санкт-Петербург

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ЧАСТНОПРАВОВОЙ СФЕРЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В рамках представленной статьи автором анализируются теоретические особенности юридического конфликта в частноправовой сфере. При этом применяется междисциплинарный метод познания, включая психологию и социологию. Рассматриваются основные критерии отграничения частноправового конфликта от гражданского спора. В основе такого отграничения лежит то, что конфликт является понятием более широким, а гражданский спор частью такого конфликта. Отмечается, что частноправовые конфликты являются разновидностью юридических конфликтов. Приводятся понятие и признаки частноправового конфликта.

Ключевые слова: конфликтология, правовой конфликт, конфликт в частноправовой сфере, противоборство, медиация.

TUGANBAEV Murat Amangeldievich

competitor of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, St. Petersburg

FEATURES OF THE LEGAL CONFLICT IN THE PRIVATE LAW SPHERE: THEORETICAL ASPECT

Within the framework of the presented article, the author analyzes the theoretical features of a legal conflict in the private law sphere. At the same time, an interdisciplinary method of cognition is used, including psychology and sociology. The main criteria for distinguishing a private law conflict from a civil dispute are considered. This distinction is based on the fact that conflict is a broader concept, and a civil dispute is part of such a conflict. It is noted that private law conflicts are a type of legal conflicts. The concept and signs of a private law conflict are given.

Keywords: conflictology, legal conflict, conflict in the private law sphere, confrontation, mediation.

Актуальность темы обусловлена тем, что в теории права юридический конфликт в частноправовой сфере, его особенности, структура и механизм разрешения не имеют на сегодняшний день полноценного научного осмысления. Большинство современных исследований посвящено роли медиативных инструментов в механизме разрешения таких юридических конфликтов. Кроме того, до сих пор в отечественной юриспруденции ведутся научные дискуссии относительно разграничения определений «юридический конфликт» и «юридический спор» в частноправовых отношениях.

Представленной статьей автор продолжает поиск оптимального определения и сущности юридического конфликта в частноправовой сфере, после чего, можно будет вести речь о конструировании правового механизма их разрешения, что и является научным авторским подходом. Обосновывать данную позицию автор планирует методом междисциплинарного анализа, опираясь на выводы и результаты исследований не только представителей теории права, но и отраслевых юридических наук, а также ученых-социологов и психологов. Все это, по нашему мнению, позволит в полной мере определить особенности юридического конфликта в частноправовой сфере.

В связи со сказанным, определим, что целью данной статьи является комплексный анализ основных теоретических подходов к определению юридического конфликта в частноправовой сфере, а также характеристика его особенностей. В свою очередь, для выполнения поставленной цели, необходимо выполнить ряд следующих исследовательских задач: дать теоретическую характеристику юридического конфликта в целом, и в частноправовых отношениях, в частности; выявить и проанализировать отличительные особенности юридического конфликта от юридического спора; дать унифицированное определение юридическому конфликту в частноправовой сфере.

Исходя из заявленной темы, первоначально определимся с теоретико-правовыми подходами к юридическому конфликту. Так, в теории права под юридическим конфликтом понимается противоборство сторон с противоречивыми интересами, имеющее юридический характер либо имеющее

хотя бы один элемент (субъекты, объект, субъективную сторону (мотивацию) либо объективную сторону (противодействие)) юридического характера, но тогда обязательно завершающееся юридическим способом, т.е. юрицизирующееся [1, с. 25].

Как и было отмечено ранее, для настоящего исследования интерес представляет не только определение юридического конфликта с точки зрения права, но и других наук, например психологии. Так, Т. Н. Сафронова, перенеся выделенные психологами признаки конфликта на правовую основу, опираясь прежде всего на частноправовые отношения, приходит к следующему выводу: «Противоположность интересов может быть связана с заинтересованностью сторон правового конфликта в конкретном благе, материальном или идеальном, с его ограничениями, неравномерным распределением или неравным доступом к нему; в желании сохранить конкретное благо без передачи или возврата его другой стороне; в претензии одной стороны на то, что она считает своей собственной, если она официально закреплена за другим лицом» [8, с. 335].

В своем исследовании О. В. Добрина пишет: «Гражданско-правовой конфликт характеризуется признаками, характерными для общего юридического спора. Вместе с ними можно выделить еще один структурный элемент, свойственный данному виду конфликтов – совокупность прав и обязанностей субъектов. Субъектами такого конфликта являются физические и юридические лица. В этом случае они могут действовать по-разному: кредиторы, должники, заказчики, исполнители. Особенностью участников гражданско-правового конфликта, в отличие от других видов правовых споров, является возможность изменения их ролевой позиции. Наиболее ярким примером этой изменчивости является процессуальное изменение статуса субъектов спора: лицо, которое изначально является ответчиком, может быть истцом в ходе судебного разбирательства по встречным искам» [2, с. 295].

Кроме того, стороны частноправового конфликта всегда находятся в относительно равном положении, поскольку в этом случае нет элемента подчинения, например, как в публично-паровом конфликте. В этой связи согласимся с мнением С. Ю. Филипповой, которая приходит к следующему

выводу в отношении конфликта в частноправовой деятельности: «Конфликт представляет собой свойство частноправовой деятельности субъектов социальной группы, образованной путем организации правовых целей, заключающееся в наличии противоречия правовых целей и интересов ее субъектов и выражающееся в стремлении каждого из участников социальной группы добиваться удовлетворения собственного интереса вопреки интересам других участников социальной группы» [9, с. 15].

Далее рассмотрим отличительные особенности юридического конфликта от юридического спора в частноправовых отношениях. Стоит сказать, что здесь также присутствует плюрализм мнений среди ученых-цивилистов и теоретиков. Например, некоторые ученые рассматривают отличие юридического конфликта не только от спора, но и от компромисса [7, с. 44-52]. Вместе с тем, по мнению авторов, юридический конфликт, бесспорно, связан с таким явлением как юридический спор, но естественно не тождествен ему, а может включать его как свой внутренний компонент [5, с. 52].

Как мы видим, на страницах юридической литературы высказываются различные точки зрения на взаимосвязь между правовым конфликтом и правовым споре. В целом исследователи сходятся во мнении о тесной связи этих категорий.

В этой связи, следует согласиться с выводами Т. В. Худойкиной, которая выделяет следующие варианты соотношения юридического спора и конфликта: юридический спор как позитивное действие, не перерастающее в конфликт; спор перерастает в конфликт, когда приобретает негативный характер, и продолжает свое существование на данном уровне; конфликт может протекать в форме юридического спора, как в позитивной, так и в негативной форме, наряду с другими конфликтными действиями [10, с. 69].

В свою очередь, А. В. Никитина отмечает, что спор – это юридический конфликт противодействие (столкновение) субъектов права, вызванное противоречиями между ними, имеющими объективные и субъективные проявления. Противоположные типы поведения отражают наличие противоречивого правоотношения между сторонами, которое выступает объективной стороной правового конфликта. Правовой конфликт также имеет субъективную сторону – оценку конфликтной ситуации участниками данного правоотношения, внешней стороной которой является несогласие, отражающее противоречия законных интересов сторон [4, с. 49].

Подытоживая наши размышления относительно соотношения понятий «частноправовой конфликт» и «гражданский спор», отметим, что придерживаемся точки зрения А. Н. Кузбагарова, который приходит к выводу, что юридический конфликт и спор – понятия не однозначные, а генезис термина «гражданский спор» исходит из термина «гражданский конфликт», или точнее, «частноправовой конфликт» [3, с. 99].

Отсюда следует, что частноправовой конфликт воспринимается как более широкое понятие, чем гражданский спор. Проще говоря, гражданский спор является частью частноправового конфликта, и соотносятся между собой как общее и часть.

Из сказанного можно выделить основные особенности (черты) юридического конфликта в частноправовой сфере:

– во-первых, наличие в конфликтных отношениях особого статуса субъектов, которые могут менять его (статус) в зависимости от характера рассматриваемого гражданского спора;

– во-вторых, юридический конфликт представляется в виде активных действий конфликтующих субъектов, которые стремятся каждый к своей материальной выгоде;

– в-третьих, является разновидностью юридического конфликта;

– в-четвертых, возникает из противоречивости правовых отношений, протекающих в частном праве;

– в-пятых, влечет за собой юридические последствия.

Из представленных теоретических особенностей можно в общих чертах сформулировать следующее определение юридической конфликта в частноправовой сфере: «Юридический конфликт в частноправовой сфере – это противоборство, протекающее в частноправовой сфере, возникшее

на основании противоречивых (конфликтных) отношений между субъектами, преследующими собственные интересы имущественного и неимущественного характера».

Автор не претендует на исключительность и объективность определения юридического конфликта, так как данная правовая категория до сих пор находится в стадии малоизученности и противоречивости. Вместе с тем можно согласиться с теми авторами, которые полагают, что в определении юридического конфликта необходимо обязательно указывать на такие признаки, как наличие правовых отношений сторон и (или) правовые последствия конфликта [6, с. 581]. Что мы и постарались учесть в конструкции определения юридического конфликта в частноправовой сфере.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов В. М., Худойкина Т. В. Теория юридического конфликта: философские и социолого-правовые аспекты // Юристы-Правоведь. – 2000. – № 1. – С. 22-28.
2. Добрина О. В. Особенности гражданско-правового конфликта как отдельного вида юридического спора // Школа молодых учёных по проблемам гуманитарных наук: сборник материалов всероссийской научной конференции, Елец, 15-16 ноября 2018 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2018. – С. 290-296.
3. Кузбагаров А. Н. Правовая регламентация отношений по примирению сторон в частноправовых конфликтах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4 (28). – С. 99-103.
4. Никитина А. В. К вопросу о правовом споре как разновидности юридического конфликта // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: сборник статей III Международной научно-практической конференции, Пенза, 21-22 сентября 2014 года / Под редакцией Н. Б. Барановой, А. А. Грачева. – Пенза: Пензенская государственная сельскохозяйственная академия, 2014. – С. 46-50.
5. Немечкин В. Н., Чичкина А. П. Юридический спор и юридический конфликт: проблемы соотношения // Социосфера. – 2016. – № 2. – С. 51-53.
6. Параскевова С. А. Об определении юридического конфликта и подходах к пониманию такой его разновидности, как гражданско-правовой конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 4 (28-2). – С. 574-582.
7. Ромашов Р. А. Конфликт и компромисс как социально-юридические формы правовой коммуникации // Компромисс в праве: теория, практика, техника: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29-30 мая 2014 года. Том 1. – Нижний Новгород: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – С. 44-52.
8. Сафронова Т. Н. Понимание конфликта с точки зрения психологии и права // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2021. – № 1 (44). – С. 334-342.
9. Филиппова С. Ю. Конфликт субъектов как свойство частноправовой деятельности: опыт инструментального исследования // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2014. – № 2. – С. 11-29.
10. Худойкина Т. В. Перспективы развития альтернативного разрешения правовых споров и конфликтов в регионах Российской Федерации // Регионоведение. – 2005. – № 4. – С. 61-70.

ШАРИФУЛИН Артём Артурович

студент 4 курса Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

ПРОКУРАТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Статья посвящена дискуссионным вопросам правовых начал организации и деятельности прокуратуры в современной России. На основе анализа тенденций развития отечественного государственного аппарата сформулированы особенности, присущие российской прокуратуре, которые могут послужить опорой её дальнейшей модернизации в системе государственных органов России.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, синергетический метод, государственная власть, разделение властей, прокурорский надзор, контроль, контрольная ветвь государственной власти, контрольная власть, субсидиарная самостоятельность.

SHARIFULIN Artem Arturovich

student of the 4th course of the Institute of the Prosecutor's Office of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Шарифулин А. А.

THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ABOUT SOME OF THE SPECIFICS OF THE LEGAL STATUS

The article is devoted to the debatable issues of the legal beginnings of the organization and activity of the prosecutor's office in modern Russia. Based on the analysis of trends in the development of the domestic state apparatus, the features inherent in the Russian prosecutor's office are formulated, which can serve as a basis for its further modernization in the system of state bodies of Russia.

Keywords: prosecutor's office of the Russian Federation, synergetic method, state power, separation of powers, prosecutor's supervision, control, control branch of state power, control power, subsidiary independence.

«Вот мое око, коим я буду все видеть».
Пётр I Великий

Прокуратура Российской Федерации имеет богатую историю существования, длиною более чем 300 лет. Данный институт государства, являясь одним из его основных, прошёл много витков своего развития, модернизируя и меняя свою первоначальную правовую природу. Нам, в свою очередь, представляется необходимым обозначить следующие пять особенностей правового положения современной прокуратуры РФ, которые и стали предметом настоящего исследования.

1. Учреждение прокуратуры России – это результат самоорганизации системы органов государства в первой четверти XVIII в.

Исследуя институты государства, необходимо использовать разнообразный арсенал методологии юридической науки. Одним из инновационных методов является метод *синергетический*. Его применение в юриспруденции обосновал ещё в 1986 году профессор А. Б. Венгеров [3]. Как отмечает доцент Е. В. Кирдяшова, «синергетика изучает самоорганизационные процессы, происходящие в сложных системах»¹. В одной из прошлых наших работ мы пришли к выводу, что «система разделения властей – система сложная открытая и нелинейная» [16, с. 62], поэтому к ней применим метод синергетики. Это означает, что преобразования, которые имели место в государственном аппарате первой четверти XVIII в., можно рассматривать как результат самоорганизации системы органов государства² путём прохождения ею бифурка-

ционных точек (точек ветвления путей развития) под воздействием флуктуаций (воздействий, отклонений, возмущений).

Нельзя не согласиться с доктором юридических наук Т.И. Отческой и кандидатом юридических наук П. Д. Жуковой в том, что «вся общественно-политическая обстановка, сложившаяся в Российском государстве в первой четверти XVIII в., настоятельно требовала учреждения контрольно-надзорных органов» [8, с. 18]. Именно это свидетельствует, как представляется, о том, что в тот момент времени государственный аппарат находился в неравновесном и неустойчивом состоянии – то есть система органов государства проходила бифуркационные точки под влиянием различных флуктуаций (централизация государственного аппарата, рост преступности, должностных злоупотреблений, казнокрадство, взяточничество и т.п.). Итогом данного процесса стала непредсказуемая реакция системы, выразившаяся в учреждении Петром I сначала фискальной службы, оказавшейся порочной и несовершенной, а впоследствии в 1722 году и прокуратуры³. Как раз-таки о случайности такого хода развития событий свидетельствует, на наш взгляд, первичное создание фискалитета.

Таким образом, представляется, что рождение прокуратуры России в первой четверти XVIII в. связано с самоорганизацией действовавшей на тот момент времени системы государственных органов. Предсказать или заранее обосновать выделение нового органа государства было просто не-

1 Кирдяшова Е. В. К вопросу о возможности использования синергетики в теории государства и права // Российское право в Интернете. – 2003. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_9163317_71631600.htm (дата обращения: 20.12.2023).

2 Формально называть данную систему «системой разделения властей» некорректно, поскольку абсолютизм это исключает,

однако в содержательном аспекте изменений не наблюдается: системе государственных органов присущи те же признаки, которые позволяют охарактеризовать её как сложную открытую и нелинейную.

3 Прокуратура была учреждена тремя петровскими указами: 1) «О должности Сената» от 12 января 1722 года; 2) «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и в пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальных и прочих людей» от 18 января 1722 года; 3) «О должности Генерал-прокурора» от 27 апреля 1722 года.

возможно, поэтому констатируем синергетическую природу учреждения прокуратуры России.

2. Прокуратура Российской Федерации является органом государственной власти.

Распределение государственной власти закреплено в Конституции Российской Федерации⁴. Статья 10 Конституции РФ закрепляет принцип разделения властей и выделяет три соответствующих ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Согласно же ч. 1 ст. 11 Конституции РФ государственную власть осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ и суды РФ. При этом Президент РФ не относится ни к одной из указанных ветвей власти. Исходя из данных норм, можно сделать вывод, что иные государственные органы (например, Прокуратура РФ, Счётная палата РФ и др.) не являются носителями государственной власти.

Ранее мы уже отмечали, что при создании данных статей во главу угла было поставлено специфическое и не самое распространённое в науке понимание государственной власти и единства государственного аппарата. «Государственная власть не сводится только к государственно-властным полномочиям в узком их понимании, необходимо “обратить шире” и учитывать иные формы, способы и методы, которыми государственные органы пользуются при осуществлении своей деятельности» [17, с. 58].

Как представляется, у прокуратуры РФ есть полномочия, которые носят государственно-властный характер. Обратное же, как отмечает профессор В. Г. Бессарабов, означало бы, что «безвластная прокуратура не способна эффективно защищать права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства» [9, с. 111]. Так, в рамках надзорной функции в соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»⁵ (далее – Закон о прокуратуре) прокурор может *беспрепятственно входить* на территории и в помещения поднадзорных объектов всего лишь при предъявлении служебного удостоверения, *иметь доступ* к их документам и материалам, *проверять* исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона, *требовать* от руководителей и других должностных лиц необходимых документов, материалов и иных сведений, *вызывать* должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов. То есть становится очевидным, что законодатель говорит поднадзорным объектам при определённых обстоятельствах подчинить свою волю воле прокурора. Что это, если не власть?! Представляется, что именно это и можно считать проявлением государственной власти, которая реализуется прокурором.

Пункт 1 статьи 33 Закона о прокуратуре предусматривает, что если прокурор приносит протест на противоречащий закону акт администрации органов и учреждений, исполняющих наказание и назначенные судом меры принудительного характера, администрации мест содержания задержанных и заключённых под стражу, то *действие* опротестованного акта до рассмотрения протеста *приостанавливается*, то есть перестаёт иметь юридическую силу (не устанавливает в период своего приостановления юридических последствий). Безусловно такое полномочие можно охарактеризовать как государственно-властное. В свою очередь, нельзя не согласиться с доцентом Т. Г. Воеводиной в том, что «приостановление действия, опротестованного прокурором правового акта, целесообразно было бы предусмотреть и в ст. 23» [1, с. 56-57] Закона о прокуратуре, то есть расширить государственно-властный характер протеста прокурора, поскольку каждый «акт прокурорского реагирования имеет государственно-властный характер, так как прокурор представляет государство» [1, с. 73].

4 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 20.12.2023).

5 Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I (ред. от 24.07.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

Отметим, что в результате конституционной реформы 2020 года, которая в ч. 1 ст. 129 Конституции РФ закрепила определение прокуратуры РФ, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”»⁶, который исключил из определения понятия «прокуратура» слова «от имени Российской Федерации». Из-за этого может показаться, что прокуратура РФ перестала быть органом государства, то есть России. Однако это не так, поскольку п. 2 ст. 35 Закона о прокуратуре предусматривает, что прокурор является *государственным обвинителем* в суде, следовательно, и прокуратура является государственным органом⁷. Поэтому представляется не весьма понятным, почему в ходе конституционной реформы 2020 года была дана дефиниция, исключающая слова «от имени Российской Федерации» из определения прокуратуры РФ, ведь ни на юридическое, ни на фактическое положение прокуратуры в системе государственного аппарата это никак не повлияло. Президент РФ В. В. Путин, используя 12 января 2024 года в своём поздравлении по случаю Дня работника прокуратуры исключённое из законодательства словосочетание «от имени государства», тем самым подчёркивает, что прокуратура РФ является неотъемлемой частью российской системы государственных органов. В. В. Путин отметил, что *от имени государства* вы (прокурорские работники – А. Ш.) участвуете в судебных процессах, боретесь с коррупцией и криминалом, способствуете развитию России как суверенного, демократического государства»⁸.

Таким образом, нами доказано, что, во-первых, прокуратура РФ является органом государственной власти ввиду наличия у неё государственно-властных полномочий, понимаемых в широком смысле, во-вторых, упоминание тех или иных государственных органов в ст. 10 и 11 Конституции РФ не означает, что они не являются органами государственной власти.

Как представляется, признание прокуратуры РФ органом государственной власти и легализация соответствующего правового статуса обоснуют давнюю идею наделяния Генерального прокурора РФ законодательной инициативой (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ), ведь это будет свидетельствовать о соблюдении принципа «сдержек и противовесов».

На наш взгляд, чтобы интегрировать вышеизложенное понимание правового положения прокуратуры РФ, необходимо кардинально пересмотреть положения ст. 10 и 11 Конституции РФ, для чего в соответствии с ч. 3 ст. 135 Конституции РФ необходимо принять новую Конституцию РФ. Это обосновано тем, что реформируемые нормы находятся в главе 1 Конституции РФ, поправки в которую вносить невозможно. Отметим, что нами не поддерживается позиция, согласно которой необходимо принимать новую Конституцию РФ только ради реформирования института прокуратуры РФ. Мы говорим о том, что в том случае, когда общественные отношения настолько преобразуются, что создается объективная потребность в принятии новой Конституции РФ, необходимо будет только тогда исправить допущенные в действующей Конституции РФ недостатки, связанные с пониманием государственной власти.

Отметим, что в юридической науке есть и другие позиции относительно государственной власти прокуратуры. Профессор А. Ф. Смирнов считает, что наделяние прокуроров государственной властью будет противоречить действующему принципу независимости деятельности органов прокуратуры РФ. Это связано с тем, что, получая в своё распоряжение

6 Федеральный закон от 09.11.2020 № 367-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» // СЗ РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7211.

7 Отметим, что прокуратура не может быть рассмотрена как государственная организация, потому что государственной властью она (прокуратура), как часть единого государственного аппарата, наделяется в целом, в отличие от государственной организации, где государственно-властными полномочиями могут обладать лишь некоторые сотрудники в период выполнения ими соответствующих функций.

8 Поздравление Президента РФ по случаю Дня работника прокуратуры от 12.01.2024 // Официальные сетевые ресурсы Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73255> (дата обращения: 12.01.2024).

государственно-властные полномочия, прокурор также несёт и повышенную ответственность за их реализацию (чем больше сила, тем больше и ответственность). А «лицо, несущее ответственность за принимаемые решения, более осторожно в своих действиях, а нередко и уклоняется от принятия решений» [10, с. 136]. Оттого «наделение прокуроров властью ... создает условия не только для трансформации органов прокуратуры в органы государственной власти, то ли исполнительной, то ли судебной, но и сковывает инициативу и независимость в осуществлении надзорной деятельности» [10, с. 136]. Поэтому «акты прокурорского реагирования не должны содержать в себе предписания властного характера» [10, с. 137].

Данные выводы видятся бесспорными. Во-первых, как представляется, принцип независимости нельзя понимать как некий абсолютизм. Содержание данного основополагающего начала деятельности прокуратуры РФ изложено в п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре, согласно которому, как отмечает сам профессор А. Ф. Смирнов, независимость гарантируется «недопустимостью вмешательства в какой-либо форме в осуществление прокурорского надзора со стороны ... органов» [9, с. 91], указанных в данной норме. То есть независимость связывается с деятельностью иных субъектов, указанных в п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре. Видится, что так же независимость прокуратуры понимал и В.И. Ленин в своём письме «О „двойном“ подчинении и законности». Именно поэтому представляется спорным утверждение о нарушении принципа независимости ответственностью за реализацию государственно-властных полномочий. Закон просто не связывает независимость с ответственностью за реализацию прокурором полномочий. Во-вторых, как полагаем, прокурорские работники и сегодня несут ответственность (позитивную, перспективную) за принимаемые ими решения, поскольку от них зависит развитие многих последующих правоотношений самого различного характера. Например, вряд ли можно утверждать, что все прокуроры с лёгкостью пользуются предусмотренным п. 14 ч. 2 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁹ (далее – УПК РФ) полномочием утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) по уголовному делу. Для реализации данного полномочия необходимо провести большую работу, связанную, как минимум, с детальным изучением представленного обвинительного заключения (акта, постановления) и материалов уголовного дела. Если на данном этапе не быть осторожным, то в дальнейшем суд просто на основании ст. 237 УПК РФ может вернуть уголовное дело прокурору, что является негативной оценкой его работы. Поэтому, по нашему мнению, прокуроры, несущие ответственность за принимаемые ими решения, и сегодня с осторожностью и особой внимательностью реализуют свои полномочия, что не говорит об их зависимости перед соответствующими юридическими действиями (бездействиями). В-третьих, как представляется, не могут все акты прокурорского реагирования не содержать предписаний властного характера. Например, такой акт прокурорского реагирования как требование, предусмотренное п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, как отмечает профессор С. Х. Джигоев, «носит императивный характер» [1, с. 94]. И с этим нельзя не согласиться, поскольку в данном требовании прокурор указывает на допущенные следователем (дознавателем) нарушения и предписывает, что ему (следователю (дознавателю)) необходимо сделать, чтобы их (нарушения) устранить, например, «признать ... потерпевшей, ... допросить» [1, с. 132]. То есть в данном случае воля следователя (дознавателя) на законном основании будет подчинена воле прокурора, из-за чего первый будет выполнять предписания второго (признавать потерпевшим, допрашивать и др.), а это и есть проявление государственной власти.

Существует и противоположная позиция. Например, профессор Н. Н. Карпов предлагает «в системе государственной власти России, наряду с подсистемами президентской, законодательной, исполнительной и судебной власти ... определять также и подсистему прокурорской власти» [4, с. 104-105]. Данная позиция также видится бесспорной. Признание органа, не входящего в классическую триаду властей, отдельной ветвью государственной власти («подсистему вла-

сти» в терминологии профессора Н. Н. Карпова) породит необоснованное их увеличение, что уничтожит смысл самого принципа разделения властей. Мы убеждены в том, что любой государственный орган является органом государственной власти, поскольку он является частью государственного аппарата, однако на этом заключении не можем говорить о том, что, например, Следственный комитет РФ является отдельной ветвью государственной власти, ведь по своей сущности это орган исполнительной власти, который там имеет схожие структуры (МВД, ФСБ, ФТС и др.). Как представляется, прокуратура РФ является ключевым звеном четвёртой контрольной ветви государственной власти, о чём будет сказано далее.

3. Прокуратура Российской Федерации – это единственный орган государственной власти, осуществляющий надзор.

Контроль и надзор, будучи элементами управления, не являются понятиями тождественными. Однако отметим, что, к сожалению, сегодня законодатель не видит между данными категориями разницы, вследствие чего использует их как синонимы, чаще всего употребляя в следующей форме: «контроль (надзор)».

В юридической науке не выработалось чёткого представления о данных понятиях. Кто-то утверждает, что надзор – вид контроля, кто-то – надзор – суженный контроль и т.п. Мы, в свою очередь, придерживаемся той позиции, что данные категории являются разными и определить одно через другое нельзя.

Для надзора характерно, что он «направлен на деятельность поднадзорных объектов только с точки зрения законности (контроль – и законности, и целесообразности)» [15, с. 103]. Лица, осуществляющие надзор, не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта. Данные должностные лица не могут «привлекать к ответственности правонарушителей, они только ставят данный вопрос перед соответствующими органами» [15, с. 103].

Прокуроры должны осуществлять свои полномочия в строгом соответствии с действующими на территории РФ законами (п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре). Данный постулат является проявлением принципа законности в деятельности органов прокуратуры. Тем самым прокурорские работники не должны руководствоваться началами целесообразности. Она (целесообразность) как бы «вложена» в прокуроров в закон, то есть, как отмечает профессор А. Ф. Смирнов, «действующий закон по своей сути является и должен быть целесообразным» [10, с. 136]. В то время как контрольные органы исполнительной ветви власти руководствуются в своей деятельности и целесообразностью. Например, «налоговые органы при отборе налогоплательщиков для включения в план выездных налоговых проверок учитывают множество критериев, позволяющих сделать вывод о необходимости и целесообразности проведения выездной налоговой проверки того или иного лица»¹⁰.

Согласно п. 2 ст. 26 Закона о прокуратуре органы прокуратуры не вмешиваются в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта. Между тем такое возможно в ходе контрольного мероприятия. Так, например, должностные лица Роскомнадзора или его территориального органа при проведении проверок вправе «принимать меры по приостановлению или прекращению обработки персональных данных, осуществляемой с нарушениями требований законодательства Российской Федерации»¹¹.

Наконец законодательством не предусмотрено, что прокурор может непосредственно привлечь к юридической ответственности субъекта правонарушения. Прокурор реагирует на выявленные правонарушения (бездействия) с помощью своих актов, неисполнение которых влечёт, во-первых, административную ответственность (ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹²), во-вторых, его дальнейшее обращение в соответ-

10 Письмо ФНС России от 25.12.2019 № ЕД-19-2/345@. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

11 Письмо Рособразования от 22.10.2009 № 17-187. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

12 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.12.2023)

9 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

ствующие компетентные органы (например, если протест прокурора будет отклонён, то он вправе обратиться по соответствующему правонарушению в суд с административным иском заявлением на основании полномочий, предоставленных ему ст. 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации¹³). Генеральный прокурор РФ указывает прокурорским работникам, что тем необходимо «принципиально реагировать на неисполнение требований прокурора»¹⁴ (п. 16 Приказа Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина»). Контрольные же ведомства исполнительной власти имеют полномочия по привлечению виновных к ответственности. На это их ориентирует и национальное законодательство. Так, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 90 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹⁵ контрольный (надзорный) орган обязан при выявлении в ходе контрольного (надзорного) мероприятия признаков преступления или административного правонарушения при наличии соответствующих полномочий принять меры по привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности. Например, таким полномочием обладает налоговый орган. В соответствии с пп. 1 п. 8 ст. 101⁴ Налогового кодекса Российской Федерации¹⁶ руководитель (заместитель руководителя) налогового органа по результатам рассмотрения акта и документов и материалов может вынести решение о привлечении лица к ответственности за налоговое правонарушение.

Таким образом, как представляется, нет таких органов исполнительной ветви государственной власти, которые осуществляли бы надзор. Они все реализуют контроль. Между тем, на наш взгляд, только прокуратура РФ является истинно надзорным органом, то есть прокурорский надзор – единственный в государстве надзор. Поэтому говорить о возрождении «высшего надзора» в лице прокурорского нельзя, хотя это поддерживают многие учёные. Например, профессор В. П. Беляев предлагает закрепить статус прокуратуры как государственного органа «высшего» [2, с. 13] надзора. Однако если есть «высший», то значит есть и «низший», в то время как, по нашему убеждению, надзор он только один – реализуемый прокуратурой РФ. Отметим, что для отечественной прокуратуры такое положение не ново, А. Ю. Ульянов настаивает на том, что «российская прокуратура ... изначально ориентирована на надзорную деятельность» [11, с. 17].

4. Прокуратура Российской Федерации – центральное звено контрольной ветви государственной власти.

В одном из прошлых наших исследований была выявлена тенденция, согласно которой «общественные отношения трансформируются, ... а правовая модель классической триады властей “стоит на месте”» [14, с. 21]. Как представляется, нельзя не согласиться с профессором В. Е. Чиркиным в том, что контрольная власть¹⁷ в России «отпочковывается в отдельную ветвь» [12, с. 54]. В структуру данной ветви государственной власти входят органы, для которых контроль (для прокуратуры – надзор) является предметом их осно-

вой деятельности (например, таковыми являются почти все службы, которые сегодня отнесены к исполнительной ветви государственной власти). Особенностью построения данной ветви государственной власти является то, что её составные элементы неоднородны, они существуют в рамках других ветвей власти, это позволяет контрольной власти не стать «монстром, подминающим под себя другие органы» [13, с. 151]. Однако в рамках такой структуры разделения прокуратура РФ может осуществлять надзор в отношении иных органов контрольной власти¹⁸, исходя из этого мы утверждаем, что она является центральным звеном соответствующей четвёртой ветви власти.

На основании изложенного, как представляется, в случае принятия новой Конституции РФ прокуратуре РФ не надо будет выделять «отдельную главу» [6, с. 103], как на том настаивает, например, А. Н. Надин. В соответствии с действующим классическим принципом разделения властей с тремя ветвями в Конституции РФ выделено три главы, посвящённых им: с пятой по седьмую включительно. С 2014 года изменено название главы 7 Конституции РФ, в него была добавлена «прокуратура», что, естественно, не делает надзорный орган элементом судебной власти. Полагаем, что такой приём юридической техники не является удачным, однако другого выхода в рамках действующей Конституции РФ, скорее всего, просто нет. При принятии новой Конституции РФ, как представляется, необходимо будет, во-первых, закрепить изменившуюся систему разделения властей, отразив как основу конституционного строя четыре ветви государственной власти, во-вторых, выделить главу с названием «Контрольная власть», которая и будет открываться статьями, посвящёнными прокуратуре РФ. Необходимо будет, как и сегодня, закрепить определение прокуратуры РФ, подчеркнув, как мы отмечали ранее, что она является органом государственной власти, который отнесён к контрольной ветви власти.

5. Самостоятельность прокуратуры Российской Федерации является субсидиарной.

Существует позиция, согласно которой прокуратура РФ должна реализовывать только одну функцию. Так, профессор В. П. Беляев высказывает следующее мнение: «Как органу государственного надзора прокуратуре должна быть присуща только надзорная функция» [2, с. 33]. То есть остальные функции для неё являются «чуждыми».

На данный момент на основании ст. 1 Закона о прокуратуре прокуратура РФ реализует шесть функций: 1) надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, действующих на территории РФ; 2) уголовного преследования; 3) координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью; 4) участия прокуроров в рассмотрении дел судами; 5) участия в правотворческой деятельности; 6) международного сотрудничества прокуратуры РФ с соответствующими органами других государств и международных организаций.

Здесь отметим, что из-за существования в Законе о прокуратуре закрытого списка функций прокуратуры РФ видится противоречие с определением прокуратуры РФ, данным в Конституции РФ. Согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ функции прокуратуры РФ определяются федеральным законом, помимо этого в соответствии с данной нормой прокуратура РФ выполняет и «иные функции». О каких «иных функциях» идёт речь, если исчерпывающий перечень функций прокуратуры РФ закреплён в Законе о прокуратуре? Да, на самом деле, «иные функции» у прокуратуры РФ имеются, однако пока ещё на законодательном уровне, как того требует Конституция РФ, они не закреплены. Только прокурорская практика и юридическая доктрина выработали соответствующие «иные функции». Например, согласимся с доцентом В. Ю. Шобухиным, который утверждает, что «такая функция прокуратуры, как правовое просвещение, сформировалась давно, и сегодня вполне закономерно подумать о её признании и законодательном закреплении» [19, с. 101]. Профессор Д. К. Нечевин и доцент М. М. Поляков указывают, что «в настоящее время одним из важнейших направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации является профилактика, предупреждение и противодействие коррупции» [7, с. 61]. Именно поэтому, как представляется, закрепление в конституционной норме положения об «иных функциях» прокуратуры РФ с одновременным утверждением о том, что все функции

18 Исключением является Конституционный Суд РФ, решения которого не входят в предмет прокурорского надзора.

// СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 1.

13 Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

14 Приказ Генерального прокурора РФ от 07.12.2007 № 195 (ред. от 31.08.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. – 2008. – № 3.

15 Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5007.

16 Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

17 Поскольку правовая природа контрольной ветви государственной власти не является непосредственным предметом настоящего исследования, то о её сущности и иных особенностях см.: Чиркин В. Е. Контрольная власть: монография. – М.: Юристъ, 2008. – 214 с.

отражены в Законе о прокуратуре, при реальном (фактическом) существовании непоименованных в законодательстве функций является противоречием. Исходя из это, полагаем, что необходимо сформулировать определение прокуратуры РФ в Конституции РФ так, чтобы в нём не было «иных функций», что, как представляется, является проблематичным приёмом юридической техники, и (или) провести давно назревшую «ревизию» функций прокуратуры РФ в федеральном законодательстве.

Почему прокуратура РФ, являясь единственным надзорным органом государственной власти, реализует и иные функции, не связанные с надзором? Полагаем, что это вызвано, во-первых, историческими причинами. Например, функция уголовного преследования начала реализовываться российской прокуратурой всё в том же XVIII в. – при Екатерине II «впервые было чётко заявлено, что преследованием от имени государства за совершённые преступления должна заниматься прокуратура» [8, с. 25]. Она поддерживалась и далее. В соответствии со ст. 9 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР¹⁹ 1923 года на прокуратуру возлагалась функция уголовного преследования. Во-вторых, государственно-управленческим аспектом. На данном этапе развития государственного аппарата целесообразнее и эффективнее для государственного управления наделение прокуратуры РФ функциями, помимо её сущностной (то есть надзорной).

Прокуратура РФ реализует почти все указанные функции не одна. Например, уголовное преследование осуществляют и органы внутренних дел РФ, и Следственный комитет РФ, и многие другие. Однако этот факт не означает, что данные субъекты нарушают установленную п. 2 ст. 4 Закона о прокуратуре независимость органов прокуратуры РФ. В отведённых законодателем для прокурорских работников рамках только они осуществляют эту деятельность. Данное явление, на наш взгляд, означает, что эти органы и прокуратура РФ вместе реализуют такую государственную деятельность (функцию) как уголовное преследование. То есть законодатель «разделил» определённые участки этой функции между соответствующими органами, поскольку это целесообразно и эффективно с управленческой точки зрения.

Таким образом, можно сделать вывод, что прокуратура РФ не самостоятельна при реализации своих некоторых функций, поскольку в рамках общегосударственного масштаба их реализуют и иные органы государства, но она независима при их претворении в жизни прокурорами. Как представляется, в таком случае можно констатировать, что для прокуратуры РФ характерна разработанная нами «субсидиарная самостоятельность» [18, с. 340], показывающая взаимопроникновение органов одной ветви власти в другую, что рассматривается нами как одной из тенденций модернизации классического принципа разделения властей, которому более 300 лет. Именно поэтому нам кажется небесспорной позиция, согласно которой у прокуратуры РФ должна быть только одна функция. Если реализация прокуратурой РФ какой-либо функции приносит положительный для государственного управления эффект, то зачем от этого избавляться?

Подводя итог всему вышеизложенному, отметим, что прокуратура РФ является развивающимся институтом государства, который требует легализации соответствующих процессов своей модернизации.

Пристатейный библиографический список

1. Акты прокурорского реагирования: учебное пособие / Т. И. Отческая, С. Х. Джигоев, Т. Г. Воеводина [и др.]. – М.: Проспект, 2022. – 160 с.
2. Беляев В. П. Контроль и надзор как формы юридической деятельности: вопросы теории и практики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 55 с.
3. Венгеров А. Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 36-45.
4. Карпов Н. Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2.

19 Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. – 1923. – № 7. – Ст. 106.

- С. 101-106. – DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-2-101-106>.
5. Кирдяшова Е. В. К вопросу о возможности использования синергетики в теории государства и права // Российское право в Интернете. – 2003. – № 1.
6. Надин А. Н. Место и роль прокуратуры в системе органов государственной власти Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 6. – С. 93-105.
7. Нечевин Д. К., Поляков М. М. Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции: учебное пособие для бакалавриата. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 128 с.
8. Отческая Т. И., Жукова П. Д. Введение в специальность и профессиональная этика: учебное пособие / Под ред. Т. И. Отческой. – М.: Проспект, 2023. – 112 с.
9. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов [и др.]; под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 483 с.
10. Смирнов А. Ф. К вопросу о власти прокурора // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5. – С. 133-137.
11. Ульянов А. Ю. Конституционализация прокуратуры Российской Федерации в системе публичной власти: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2020. – 29 с.
12. Чиркин В. Е. Государственное управление: элементарный курс. – М.: Юристъ, 2001. – 320 с.
13. Чиркин В. Е. Контрольная власть: монография. – М.: Юристъ, 2008. – 214 с.
14. Шарифулин А. А. К вопросу о трансформации классического принципа разделения властей // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. статей / отв. ред. О. А. Андреева. – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2022. – Вып. 22. – С. 20-21.
15. Шарифулин А. А. Контроль и надзор: к вопросу о соотношении понятий // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 99-106.
16. Шарифулин А. А. Контрольная ветвь государственной власти как результат самоорганизации системы разделения властей // Уральский журнал правовых исследований. – 2023. – № 2. – С. 60-64. – DOI: 10.34076/2658_512X_2023_2_60.
17. Шарифулин А. А. Органы государственной власти и иные государственные органы: есть ли смысл в их разграничении? // Трансформация права: Материалы IV всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 22-27 ноября 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. – С. 56-60.
18. Шарифулин А. А. Субсидиарная самостоятельность как новелла принципа разделения властей // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Международной конференции молодых ученых: в 3 т. Т. 1. – М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 339-340.
19. Шобухин В. Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2016. – № 5. – С. 100-106.

ДУСТОВ Далерджон Вохидшоевич

аспирант Юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

РОЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА США ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВОПРОСА РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

В рамках этой работы рассмотрены вопросы о расовой дискриминации чернокожих американцев. Исследование основывается на деятельности Верховного суда США по решению проблем, возникающих на почве расовой принадлежности, которые являются актуальной темой на протяжении всей истории Америки. В ходе проведения анализа автор разбирает несколько решений Верховного суда США, где затрагивает вопросы о расовой дискриминации.

Ключевые слова: дискриминация, Верховный суд США, сегрегация, раса, афроамериканцы, права человека.

DUSTOV Dalerjon Vohidshoevich

postgraduate student of the Institute of Law of the Patrice Lumumba People Friendship University of Russia

THE ROLE OF THE U.S. SUPREME COURT IN RESOLVING THE ISSUE OF RACIAL DISCRIMINATION

This paper examines issues of racial discrimination against black Americans. The research is based on the activities of the U.S. Supreme Court to solve the problems arising on the grounds of race, which is a hot topic throughout the history of the country. In the course of the analysis, the author examines several U.S. Supreme Court decisions that address issues of racial discrimination.

Keywords: discrimination, U.S. Supreme Court, segregation, race, African Americans, human rights.

Национальные интересы государства и общества в первую очередь закреплены в его Конституции. Для достижения этих цели существенную роль играет механизм взаимосвязи и функции органов государственной власти, которые прописаны в Основном законе. Конституция Соединённых Штатов Америки (далее – Конституция США) в этом плане является особенным нормативно-правовым актом, поскольку ключевую роль в системе разделения власти Соединённых Штатов Америки (далее – США) она возлагает на Верховный суд, а не на законодательный или исполнительный орган. Верховный суд является высшим органом судебной власти и гарантом конституционного порядка. Согласно Конституции США: «Судебная власть Соединённых Штатов предоставляется одному Верховному суду и такому количеству нижестоящих судов, которое Конгресс может по необходимости установить и учредить» [1, с. 4].

Судебная система считается особо важным структурой в Америки, а сами американские юристы отмечают, что все основные вопросы жизни Америки «рано или поздно оказываются перед судами» [2, с. 4]. Именно судебная система является главным арбитром в спорах и конфликтах, возникающих между центральной властью и штатами, и в этой сфере Верховный суд занимает особое место, так как ему принадлежит право интерпретировать Конституцию и разрешать имеющийся коллизии [3, с. 4]. Верховный суд обладает особыми полномочиями, его функции не ограничиваются судебной системой, а также он может своим решением воздействовать на другие ветви власти. В процессе судебной деятельности Верховный суд США осуществляет функцию конституционного надзора, решает не только судьбу дела на основе закона, но и судьбу закона, рассматривая вопрос о его соответствии с Конституцией на основе дела [4, с. 4]. Согласно отчетам, с 1990 по 2023 г. Верховный суд рассмотрел более 2 856 дел, из которых признал неконституционным полностью или частично 56 законов, принятых Конгрессом и 110 нормативно-правовых актов, принятых штатом [12, с. 4].

Защита прав и свобод человека является один из основных направлений Верховного суда США. Вынося решение, суды создают уникальный прецедент, влияющий на дальнейшее судьбу американцев и Америки. Роль Верховного суда США в регулировании проблемы расовой сегрегации является существенным. Благодаря активной работе Верховного суда США во второй половине XX века, основанной на социологических исследованиях, а не на юридическо-правовых, Верховный суд ликвидировал накопившиеся в обществе расовые проблемы.

Афроамериканцы во всех сферах жизни сталкивались с законодательными актами штатов и решениями суда, лишившими их равной защиты Конституции. Их исключали из состава присяжных заседателей лишь из-за цвета кожи, заставляли посещать специальные школы, преследовали за браки с белыми, вынуждали жить в отдельных районах, в повседневной жизни пользоваться средствами обслуживания, специально отведенными для них (парки, аттракционы, рестораны, вагоны, парикмахерские и пр.) [2, с. 4]. В обществе к белым относились как к особому слою, несмотря на их личные качества, в то время как к чернокожим,

имеющим высшее образование или другие профессиональные навыки, относились низко и неуважительно.

После принятия поправки к Конституции США, особенно четырнадцатой, которая гарантировала равенство граждан и запретила все виды дискриминаций, отношение к чернокожим не изменилось. На практике суды штатов и апелляционные суды ссылались на решение Верховного суда США, где суд уже установил прецедент, дискриминирующий афроамериканцев. Такой подход привел к двусмысленному отношению государства к проблеме расовой принадлежности.

Во второй половине XIX века Верховный суд вынес несколько решений, которые ограничивали вмешательство федеральных властей в деле штатов, а также легализовал концепцию «раздельного, но равного» сосуществования на территории страны людей с разным цветом кожи [2, с. 4]. Поправки к Конституции отменили рабовладение и дали всем равные права и свободы независимо от расы, пола, религиозных убеждений и других человеческих принадлежностей. Чтобы урегулировать правовое положение чернокожих на основе поправки к Конституции, Верховный суд в этот период использовался как эффективный инструмент, чтобы подорвать значение принятых поправок и создать на основе решения суда институт рабовладения и закрепить в обществе неравенство «белого» и «черного» населения Америки. Дело «Плесси против Фергюсона» является одним из первых прецедентов, который закрепил в обществе политику «раздельного, но равного» законной.

Сапожник из Нового Орлеана Гомер Плесси 7 июня 1892 года купил железнодорожный билет и сел в вагон для белых. При посадке его спросили: «является ли он «черным»?». В ответ Плесси подтверждает цвет своей кожи и ему предложили сесть в вагон для чернокожих. После отказа его арестовали и в тот же день освободили под залог. Позднее Плесси предстал перед судом в Новом Орлеане.

Как упоминали ранее, после гражданской войны три поправки к Конституции 13, 14 и 15 затрагивали проблемы расовой принадлежности, и согласно этим документам все виды дискриминации были неконституционными. Тем не менее, поправки де факто не способствовали отмене дискриминации, так как во многих штатах, особенно в южных, действовали законы, разделяющие «черных» и «белых». Нарушение Плесси местного закона о приоре считалось вызовом национальной тенденции к подобным нормативным актам, разделяющим расы.

Представители железной дороги утверждали, что «вагон разделен, но равноценен», что не противоречит требованиям Конституции США. Верховный суд поддержал и согласился с утверждением представителя железной дороги, хотя фактически всем было известно, что условия для черных имеют колоссальное отличие с условиями для белых. Вынося решение по этому делу, Верховный суд установил доктрину «раздельного, но равного», тем самым дал возможность штатам установить новые правила и принять законы, устанавливающие сегрегацию в учебных заведениях, гостиницах, больницах, ресторанах, общественных туалетах [6, с. 4].

Решение по делу «Плесси против Фергюсона» было принято на фоне ликвидации рабства, когда в Конституцию страны были внесены соответствующие поправки. В реальности, чтобы задействовать эти нормы по назначению, необходимо в первую очередь подготовить общество к таким изменениям. В тот период если северные штаты лояльно относились к отмене рабства, то в южных ситуация кардинально отличалась. Решение по делу «Плесси против Фергюсона» являлось реализацией нормы Конституции, предусматривающей «равные для всех права» к «черным» и «белым» по отдельности.

Ущемление прав чернокожих наблюдалось практически во всех сферах жизни. Чернокожих в ходе судебного разбирательства не приглашали и не включали в состав присяжных. На примере дела «Виргиния против Райвз» Верховный суд установил, что четырнадцатая поправка не была нарушена, если жюри присяжных целиком состоят из белых лиц, но не было доказано, что черные отстранялись от участия в суде присяжных из-за расы или цвета кожи» [2, с. 4]. Позже Суду пришлось признать предвзятые исключения черных из состава суда присяжных на основании того факта, что на территории с преобладанием негритянского населения ни один негр не входил в жюри в течение шестнадцати лет [7, с. 4]. Подобные действия со стороны суда поставили под вопрос основные принципы права и судебного процесса (такие как: справедливость, законность, открытость, равенство перед законом и т.п.).

Проблема с расовой сегрегацией существовала и в вооруженных силах Америки. В начале второй мировой войны в американской армии насчитывалось 3640 солдат и 5 офицеров (в том числе 3 капеллана) «с темной кожей», что составляло всего 1 процент её личного состава. Также 2800 афроамериканцев служили на флоте и в частях береговой охраны. Однако они использовались в качестве поваров, денщиков, официантов и на подсобных работах. В военно-воздушные силы, корпус морской пехоты, танковые, артиллерийские, инженерные войска их вообще не допускали [8, с. 4]. 18 сентября согласно указу президента США Г. Трумэна, был сформирован консультативный комитет из семи членов, в котором также вошли два афроамериканца. Организация получила название «Президентский комитет», целью которой было равенство в обращении и возможностях в вооруженных силах Америки.

В своих мемуарах Г. Трумэн писал: «Мы не могли ожидать, что, одолевая «цветной барьер» у себя в стране, сможем в то же время оказывать влияние на огромные массы населения Азии и Африки» [9, с. 4]. После указа президента сегрегация в вооруженных силах страны постепенно утихла.

Расовая проблема в особенности затронуло сферу образования. Практически до половины XX века можно было наблюдать в каждом районе США две школы: для «белых» и «черных». После второй мировой войны школы южных чернокожих получали 60 процентов финансирования на одного ученика, а до 1940 года только 45 процентов. Поэтому во многих школах для чернокожих не хватало кафетеров, библиотек, спортивных залов, водопровода и электричества [10, с. 4].

В 1954 г. Верховный суд США в решение по делу «Браун против совета народного образования» отменил доктрину «раздельных, но равных» и признал его неконституционной, а сегрегацию в школах незаконной. Решение по делу Брауна является началом юридического запрета расовой дискриминации и расизма в Америке.

Дискриминация по отношению к чернокожим наблюдалась практически во всех сферах их жизни. Более трети штатов США до 60-х гг. XX века считали брак лиц разных рас преступлением несмотря на то, что Всеобщая декларация права человека 1948 г. предусматривала право на брак без каких-либо ограничений по признакам религии, национальности или расы. Верховный суд своим решением по делу супругов Лавинг аннулировал законодательство против смешанных браков на всей территории страны. 1967 г. Верховный суд постановил: «Совершенно не вызывает сомнений тот факт, что ограничения в праве на заключение брака исключительно из-за расовой классификации нарушают основной смысл о равной защите, предусмотренный Биллем о правах» [6, с. 4].

Несмотря на то, что все вопросы, связанные с дискриминацией, были урегулированы еще в прошлом веке, конфликты на расовой почве продолжают и по сей день. К примеру, в 2014 г. в Фергюсоне, и 25 мая 2020 г. в Миннеаполисе полицейский задушил афроамериканца Джорджа Флойда, пытавшегося расплатиться в супермаркете фальшивой 20-долларовой купюрой. Смерть Джорджа Флойда стала поводом для массовых протестов, организованных движением «BlackLivesMatter», и возобновления дискуссии о полицейском насилии и системном расизме. С 2014 по 2023 гг. только

в крупных городах США было организовано более двух тысяч протестов, основанных на расовой почве.

В самом составе Верховного суда США до сих пор отсутствует судья мусульманского происхождения. В состав Федеральных судей брали только католиков и христиан. Впервые в истории США в 2021 году Сенат США одобрил кандидатуру, предложенную президентом Джо Байденом, Захидой Курайши, мирового судьи из Нью-Джерси, в федеральную коллегию судей, который стал первым судьей мусульманином в истории США. По этому поводу Чак Шумер сказал в зале Сената: «хотя ислам является третьей по значимости религией в США, ни один мусульманин никогда не занимал пост федерального судьи» [11, с. 4]. Также 15 июня 2023 года впервые одобрили кандидатуру женщины мусульманки Нусрат Чоудхури в качестве судьи в окружном суде США по восточному округу Нью-Йорка.

Расовые проблемы существуют практически во всех странах мира. На примере Соединённых Штатов Америки мы видим, что государство, начиная с 1950 года, направило основные свои ресурсы на ликвидацию всех видов дискриминации в стране. Верховный суд после принятия поправки к Конституции США, вынес решение разделить «черного» от «белого», но спустя более 100 лет, основываясь на социокультурных изменениях в обществе, опроверг себя, считая предыдущее свое решение неконституционным. Данные факты говорят о том, что в обществе важно правопонимание граждан, чем оно выше, тем общество свободнее. Несмотря на то, что именно Верховный суд впервые затронул вопросы расовой принадлежности в Америке, его роль в ликвидации этих проблем не считается особо существенной, т.к. общество уже было на грани гражданской войны из-за расовой проблемы. К сожалению, никакие нормативно-правовые акты не могут гарантировать отмену дискриминации, но оно может способствовать его уменьшению. Последние события в Американском обществе говорят о том, что не только Верховный суд, но и другие органы государственной власти должны направить свои усилия на то, чтобы минимизировать дискриминацию в стране и только совместная работа способна устранить подобные проблемы.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Соединённых Штатов Америки // «Комментарии к Конституции Соединённых Штатов Америки». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.congress.gov/constitution/> (дата обращения: 26.10.2023).
2. Майстренко Г. А. Роль Верховного Суда США в решении проблем расовой дискриминации: исторический аспект // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 446-450.
3. Семенов Н. Ю. Конгресс и гражданские права американцев (1945-1953 гг.) // США. Канада. Экономика-политика-культура. – 2012. – № 11. – С. 59-74.
4. Согрин В. В. Права человека в США: декларация и действительность (к 200-летию американской конституции). – М., 1987. – 375 с.
5. Лафитский В. И. Конституционный строй США. – М., 2007. – 320 с.
6. Джинджер Э. Ф. Верховный суд и права человека в США. – М.: Юридическая литература, 1981. – 392 с.
7. Жидков О. А. Верховный суд США в период империализма: Автореферат дис. ... к.ю.н. – М., 1957. – 13 с.
8. Нитобург Э. Л. Афроамериканцы США и Вторая мировая война // Новая и новейшая история. – 2006. – № 3. – С. 35.
9. Truman H. Years of Trial and Hope. – New York, 1956. – P. 183.
10. 9 Things You Should Know About Brown v. Board of Education // Jesse Greenspan/HISTORY. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.history.com/news/10-things-you-should-know-about-brown-v-board-of-education> (дата обращения: 02.10.2023).
11. Senate confirms first federal Muslim judge in U.S. history // REUTERS. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/legal/government/senate-confirms-first-federal-muslim-judge-us-history-2021-06-10/> (дата обращения: 14.11.2023).
12. Constitution annotated / Analysis and Interpretation of the U.S. Constitution. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://constitution.congress.gov/resources/unconstitutional-laws/> (дата обращения: 22.11.2023).

КОЖАБАЕВ Жанболат Омирсерикович

соискатель Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье делается акцент на формировании оптимальной модели правового механизма обеспечения экономической безопасности с точки зрения теоретико-правового подхода. Автор предпринимает попытку конструирования такого механизма, в структуру которого включаются следующие элементы: нормативная основа; соответствующие правовые отношения; субъекты обеспечения экономической безопасности и правовые средства, с помощью которых достигается эффективность экономической безопасности. Такой механизм является более привлекательным с точки зрения динамической составляющей экономической безопасности. Также автор определяет дальнейшие пути научного исследования механизма обеспечения экономической безопасности.

Ключевые слова: правовой механизм; экономическая безопасность; механизм обеспечения экономической безопасности.

KOZHABAEV Zhanbolat Omirserikovich

competitor of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia

THE LEGAL MECHANISM FOR ENSURING ECONOMIC SECURITY: A THEORETICAL ASPECT

The article focuses on the formation of an optimal model of the legal mechanism for ensuring economic security from the point of view of a theoretical and legal approach. The author attempts to construct such a mechanism, the structure of which includes the following elements: a regulatory framework; relevant legal relations; subjects of economic security and legal means by which the effectiveness of economic security is achieved. Such a mechanism is more attractive from the point of view of the dynamic component of economic security. The author also defines further ways of scientific research of the mechanism of ensuring economic security.

Keywords: legal mechanism; economic security; mechanism for ensuring economic security.

Для обеспечения экономической безопасности в любой стране, полагаем, что для этого необходим эффективно действующий правовой механизм. В этой связи нам представляется возможным провести анализ различных подходов к определению «правовой механизм», на основании чего сконструировать общее теоретическое представление о правовом механизме обеспечения и защиты экономической безопасности.

Целью настоящей статьи является комплексное теоретическое исследование правового механизма обеспечения экономической безопасности, а также конструирование его механизма, который отвечал бы современным представлениям в этой сфере.

Для решения поставленной цели необходимо поставить и решить ряд научно-исследовательских задач:

- рассмотреть общетеоретические представления о правовом механизме;
- проанализировать вопросы соотношения системы и механизма обеспечения экономической безопасности;
- выявить и охарактеризовать структурные элементы правового механизма обеспечения экономической безопасности.

Реализуя поставленные задачи, отметим, что в рамках теоретико-правовой науки неоднократно предпринимались попытки ученых-теоретиков сформулировать ту или иную правовую категорию и ее структуру через определение «правовой механизм». Например, можно привести исследования А. Г. Самусевича, который неоднократно конструировал правовой механизм юридической ответственности, механизм преодоления правоприменительных ошибок [10, с. 152-154], а также механизм конституционного правоприменения [11, с. 88-94] и др. В рамках этих исследований правовой механизм характеризуется автором с точки зрения динамической характеристики той или иной правовой категории, что, несомненно, заслуживает внимания. Таких примеров можно привести множество все они представляют из себя полноценные исследования, выводы которых мы не оспариваем и не ставим под сомнение.

Вместе с тем, первоначально рассмотрим, что представляет из себя определение «правовой механизм». Так, И. А. Кузьминым отмечается, что появление категории «правовой механизм» во многом обусловлено научными достижениями в области инструментальной теории права, продолжением общетеоретической дискуссии о механизме действия (реализации) права, механизме правового регулирования и их элементов (правовых средств). При этом, автор справедливо приходит к выводу, что правовой механизм в узком смысле вполне вписывается в сложившуюся традиционную картину мира и представляет собой совокупность всех правовых явлений, которые могут быть использованы для правового воздействия (регулятивного, информационного, воспитательного и др.) на поведение людей и общественные отношения [7, с. 19].

Необходимо особо подчеркнуть, что «правовой механизм» в теории права, чаще всего, рассматривается через механизм правового регулирования. Эта теория является самой распространенной. Но и здесь встречаются противоречивые взгляды. Например, Ф. А. Бобров говорит о том, что целесообразно считать понятие «правовой механизм» шире понятия «механизм правового регулирования» [2, с. 47]. В свою очередь, А. С. Домченко, анализируя теоретические подходы к этим категориям, приходит к выводу, что правовой механизм представлен системой правовых норм, тогда как механизм правового регулирования предполагает наличие как совокупности правовых актов, так и содержащихся в них предписаний, а также юридических фактов, правоотношений, актов гражданского состояния, имплементация и применение закона. Иными словами, механизм правового регулирования – это правовой механизм в действии [5, с. 264]. Мы же будем придерживаться концепции, что правовой механизм – составляющая часть механизма правового регулирования.

Еще одной проблемой является тот факт, что нередко динамическую характеристику той или иной правовой категории представляют через понятие «система». В данном случае мы солидарны с теми авторами, которые справедливо приходят к выводу о том, что система не отражает динамические характеристики рассматриваемой правовой категории. Так, по мнению А. В. Хвостовой, некорректно отождествлять механизм действия права с системой правовых средств, используемых субъектами права для достижения юридически значимых целей. Механизм действия права представляет собой последовательность этапов, отражающих логику движения от возникновения законного интереса к его реализации правовыми средствами, среди которых особая роль отводится законному государственному принуждению [12, с. 29].

Таким образом, для характеристики теоретико-правового аспекта реализации экономической безопасности, мы будем употреблять термин «механизм», который состоит из множества структурных элементов, включающихся в этот процесс для достижения поставленных целей. Полагаем, что стоит согласиться с теми авторами, которые предполагают, что на сегодняшний день существует потребность в государственно-правовом механизме, служащем общей основой, направляющей деятельность субъектов обеспечения экономической безопасности в едином направлении, предотвращающей возникновение противоречий в деятельности субъектов обеспечения экономической безопасности [6, с. 29].

В целом, в юридической литературе не так много подходов, где механизм обеспечения экономической безопасности рассматривался бы в полном объеме. При этом, исследователи говорят о том, что правовые механизмы обеспечения экономической

безопасности направлены на создание качественной нормативно-правовой среды, т.е. обеспечение наиболее эффективного ведения бизнеса и инвестиций [9, с. 100].

Вместе с тем, можно привести выводы тех авторов, которые сформулировали собственную точку зрения на рассматриваемый механизм, которые позволяют выявить некоторые его особенности. Так, по мнению А. В. Орловой и В. А. Жаворонкиной, правовой механизм обеспечения экономической безопасности – это система правовых средств, взятых в совокупности, с помощью которых осуществляется целенаправленное государственно-правовое воздействие на общественные отношения в сфере производства, обмена, распределения и потребления материальных и духовных благ [8, с. 256]. Ю. С. Баклушина пишет: «Организационный механизм обеспечения экономической безопасности включает в себя соответствующие структуры, функции и процедуры принятия и реализации решений в области безопасности. Этот механизм основан на соответствующих законодательных и исполнительных органах, а также судебной системе, общественных и государственных организациях, гражданах, которые участвуют в обеспечении безопасности, и действующем законодательстве, регулирующем содержание безопасных экономических отношений» [1, с. 178].

Нельзя не обратить внимание на представление структуры механизма обеспечения экономической безопасности с позиции административно-правового регулирования. Так, некоторые представители административно-правовой науки, взяв за основу модель административно-правового механизма регулирования, выделили основные элементы механизма обеспечения экономической безопасности, куда включили следующие компоненты: административно-правовые нормы; акты официального толкования норм административного права; акты применения норм административного права; а также административно-правовые отношения [4, с. 40].

В свою очередь, более подробную теоретическую модель административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности государства определяет А. А. Вишневецкий, по мнению которого такой механизм выражается в виде системы взаимозависимых и взаимосвязанных правовых средств и методов, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений в сфере обеспечения экономической безопасности государства. Данная модель состоит из ряда элементов, основными из которых являются: правовые нормы и юридические факты; субъективные права и обязанности участников правоотношений; прямые формы реализации права (соблюдение, исполнение, использование), особая форма реализации права (применение); акты применения, имеющие свою специфику в области обеспечения экономической безопасности государства [3, с. 185]. Данная точка зрения представляется нам более верной, так как совокупность структурных элементов этого механизма характеризуют экономическую безопасность в динамике ее функционирования.

Далее обратим внимание на теоретическую составляющую механизма безопасности в целом. Так, на основе анализа различных представлений о правовом механизме, механизме обеспечения безопасности и ее системе, выделим наиболее, на наш взгляд, приемлемые выводы относительно теоретических особенностей правового механизма обеспечения экономической безопасности:

– во-первых, механизм обеспечения экономической безопасности в своей структуре должен содержать те правовые инструменты, которые способствуют достижению эффективности обеспечения экономической безопасности (инструментальный компонент);

– во-вторых, в данный механизм должны включаться в качестве структурного компонента и совокупность субъектов, уполномоченных на обеспечение экономической безопасности, а также все те, кто участвуют в этом механизме (субъектный элемент);

– в-третьих, механизм обеспечения экономической безопасности включает в себя и соответствующие правовые отношения (функциональный компонент);

– в-четвертых, представленный механизм включает в себя и правовую основу обеспечения экономической безопасности (нормативный элемент).

Полагаем, что представленные элементы правового механизма нуждаются в более полной характеристике и научном осмыслении, что и будет сделано автором в последующих публикациях, посвященных эффективному обеспечению экономической безопасности.

Сам правовой механизм обеспечения экономической безопасности условно может быть представлен как совокупность взаимосвязанных структурных элементов, включающих в себя средства, методы, технологии, которые направлены на эффективное

обеспечение экономической безопасности и характеризующие данный механизм в динамике его формирования и функционирования.

Приставительный библиографический список

1. Баклушина Ю. С. Механизм правового обеспечения экономической безопасности // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 1. № 4 (24). – С. 176-180.
2. Бобров Ф. А. Сравнение понятий «правовой механизм» и «механизм правового регулирования» // Тенденции развития современной юриспруденции: сборник научных трудов международной студенческой научной конференции Юридического института Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, научное электронное издание. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. – С. 43-49.
3. Вишневецкий А. А. Проблемы формирования теоретической модели административно-правового механизма обеспечения экономической безопасности современного государства // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 180-186.
4. Гришаков А. Г., Елфимова Е. В., Коркин А. В. Административно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности: теоретический аспект // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 4 (32). – С. 39-46.
5. Домченко А. С. Правовой механизм и механизм правового регулирования: вопросы соотношения // Эволюция российского права: Материалы XVIII Заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2020. – С. 263-265.
6. Еркеев И. Х. К теоретическим основам исследования государственно-правового механизма обеспечения экономической безопасности России // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 7. № 2 (14). – С. 27-32
7. Кузьмин И. А. Доктринальные и праксеологические основы понимания общетеоретической категории «правовой механизм» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 16-20.
8. Орлова А. В., Жаворонкина В. А. Организационно-правовой механизм обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы развития науки и современного образования: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Белгород: Издательский дом «Белгород», 2017. – С. 254-256.
9. Рахмеева И. И. Оценка регулирующего воздействия в качестве правового механизма обеспечения экономической безопасности территории // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Ответственные за выпуск Е. Г. Анимидца, Г. З. Мансуров. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2018. – С. 100-103.
10. Самусевич А. Г. Механизм преодоления правоприменительных ошибок: определение и структурный анализ // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6 (85). – С. 152-154.
11. Самусевич А. Г. Понятие и структура механизма конституционного правоприменения: постановка проблемы // Четвертые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пьянова: материалы конференций. – Иркутск: Межрегиональная общественная организация «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», 2023. – С. 88-94.
12. Хвостова А. В. «Механизм действия права»: содержание понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 24-30.

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Габдрахманов Ф. В.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ В 1922-1926 ГГ.

В статье рассмотрены вопросы организации делопроизводства в органах прокуратуры РСФСР в 1922-1926 гг., кадрового обеспечения этого вида деятельности.

Установлены отличия делопроизводства в органах прокуратуры 1920-х годов от делопроизводства прокуратуры сегодняшних дней. К ним относятся отсутствие в первые годы своей деятельности единого ведомственного акта о делопроизводстве, научных понятий делопроизводства и его структурных частей, изменение должностей прокурорских работников, занимающихся делопроизводством.

Сделан вывод о первоначальном использовании прокуратурой делопроизводства упраздненных отделов юстиции, требованиях к кадрам владеть правилами делопроизводства, определен круг прокурорских работников, занимающихся делопроизводством (секретари, делопроизводители, машинистка, курьеры и др.), обозначены сроки перехода на карточную систему делопроизводства.

Ключевые слова: прокуратура, карточная система делопроизводства, 1922-1926 годы.

GABDRAKHMANOV Farit Vadutovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and process of the Mari State University, Yoshkar-Ola

OFFICE WORK IN THE PROSECUTOR'S OFFICE IN 1922-1926

The article considers the issues of the organization of office work in the prosecutor's office of the RSFSR in 1922-1926, staffing of this type of activity.

The differences between the office work in the prosecutor's office of the 1920s and the office work of the prosecutor's office of today have been established. These include the absence in the early years of its activity of a single government act on record keeping, scientific concepts of record keeping and its structural parts, and the replacement of positions of prosecutors involved in record keeping.

The conclusion is made about the initial use by the prosecutor's office of office work of the abolished departments of justice, the requirements for personnel to know the rules of office work, the circle of prosecutor's employees involved in office work (secretaries, clerks, typist, couriers, etc.) is defined, the timing of the transition to the card system of office work is indicated.

Keywords: prosecutor's office, card system of record keeping, 1922-1926.

Делопроизводство и его отдельные элементы присутствуют в деятельности любого учреждения (предприятия, организации) и его структурных подразделений независимо от исторического времени. Возьмем прием всей входящей и отправку исходящей корреспонденции, оформление и движение документов и др. Эта важная и часто невидимая часть работы присуща и органам прокуратуры. Наименее исследовано делопроизводство в прокуратуре в первые пять лет ее деятельности, т.е. в 1922-1926 гг.

В научной литературе существуют пробелы или недостаточно представлена региональная практика применения делопроизводства в органах прокуратуры тех лет, нет полного ответа на вопрос о том, кто занимался делопроизводством в местных прокуратурах, когда была введена карточная система делопроизводства и др.

В год своей организации органы прокуратуры использовали делопроизводство упраздненных отделов юстиции¹. Прием на работу ответственных работников прокуратуры производился лишь при установлении удовлетворительных знаний правил делопроизводства. Это требование также ка-

салось секретарей губпрокуроров и их уездных помощников².

Недостаток научной литературы о делопроизводстве в прокуратуре довоенного времени вынудил нас обратиться к сегодняшним дням. Какие выявлены отличия в применении делопроизводства разных исторических эпох?

1. Наличие ведомственного акта о делопроизводстве. Например, в 2011 году была принята Инструкция по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры РФ, которая и в настоящее время регулирует документационное обеспечение, деятельность в области планирования, труда, финансового, бухгалтерского учета и отчетности, а также вопросы материально-технического обеспечения, эксплуатации зданий и транспорта. Циркуляры Наркомюста о делопроизводстве 1920-х годов касались только отдельных вопросов его применения и были адресованы органам суда и прокуратуры.

2. Изменение круга прокурорских работников, занимающихся делопроизводством. И. И. Головкин отмечает, что в настоящее время делопроизводство в органах прокуратуры

1 Циркуляр Наркомюста № 68 от 1 августа 1922 года // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 31-32. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/bitstream/123456789/3331/1/sovetskaya_yustitsiya_1922_31-32.pdf (дата обращения: 04.12.2023).

2 Циркуляр Наркомюста № 239 от 9 ноября 1923 года // Еженедельник советской юстиции. – 1923. – № 44. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.ru/bitstream/123456789/3383/1/sovetskaya_yustitsiya_1923_44.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

наравне со специалистами осуществляют инспекторы (секретари) [1, с. 4-5].

Кто занимался делопроизводством в 1920-е годы в прокуратуре Марийской автономной области (далее – МАО)? Все ответственные и технические работники, но последние в первую очередь в силу должностных обязанностей. На 1 января 1925 года на 16 работников прокуратуры МАО приходились статист, журналистка и курьер, а также по два секретаря, помощника секретаря, делопроизводителя и машинистки³. В силу наименования должностей и значимости закрепленных обязанностей выделялись делопроизводители.

Так, делопроизводитель Злобина Е. В. осуществляла учет литературы, ведение архивных книг и нарядов, хранение архива и подшивку всех циркуляров и бюллетеней, ведение справочника – алфавита, выдачу справок из архивного материала, ведение книги вещественных доказательств, ведение секретной переписки. В ее делопроизводстве находились наряды с секретной и библиотечной перепиской.

Делопроизводство помощников прокурора МАО подразделялось на общий надзор, участие в гражданско-кассационном и уголовно-кассационном отделениях областного суда и велось помощником секретаря Товашовым В. П. Он вел также книгу приема жалоб и заявлений граждан.

Делопроизводство по наблюдению за следствием осуществлялось делопроизводителем Иерусалимской Г. А. Ведение уголовного реестра было возложено на помощника секретаря Вишнякова Г. П. Им велась отдельная тетрадь по учету фактов избиения работников низового советского аппарата. Журналы входящей и исходящей корреспонденции вела журналистка Данилова.

Небольшая штатная численность сотрудников прокуратуры вела к объединению ряда смежных должностей. В архивных документах прокуратуры МАО нередко встречаются словосочетания: делопроизводитель – регистратор, делопроизводитель – статист или делопроизводитель – машинист.

3. Введены научные понятия делопроизводства и его структурных частей, что в прокуратуре столетней давности невозможно было представить.

Т. А. Селезнева объединила важные элементы и под делопроизводством понимает деятельность, обеспечивающую документирование, обработку, использование и оперативное хранение документов [8, с. 230]. По мнению Кобзарева Ф. М., порядок ведения делопроизводства в органах прокуратуры включает в себя порядок приема, учета, регистрации, перевода, подготовки, оформления, размножения, контроля за исполнением документов, формирования их в дела и надзорные производства, хранения и использования [5, с. 44]. Г. А. Гундерич эти важные составляющие делопроизводства отнесла к стадиям документооборота [2, с. 4].

При анализе норм о делопроизводстве А. В. Разводовская выделила функции делопроизводства, в том числе экспедиции, учета и регистрации корреспонденции, контрольная, архивная и другие [7, с. 128]. Большинство из перечисленных функций и стадий применимы к делопроизводству прокуратуры 1922-1926 гг.

В первые годы работы органов прокуратуры РСФСР выявились недостатки существующей системы делопроизводства. К ним относилась громоздкость, трудоемкость и загруженность ненужными бумагами. В Смородов в 1924 году

писал на страницах Еженедельника советской юстиции, что неотложным вопросом является разгрузка канцелярий от ненужной работы, упразднение наблюдательных производств, введение карточной системы делопроизводства. Наряды наблюдательных производств с их ворохом бумаг, с перепиской и занесением по разным реестрам и журналам он предложил заменить «наблюдательной карточкой» [9, с. 1059-1058].

С. Файнблит отмечал, что запись дел (по инструкции) во входящие, исходящие, настольные реестры, книги жалоб, алфавиты, обложки наблюдательных производств является совершенно ненужной, бесполезной работой. Карточная система является одним из способов уменьшения волокиты [10, с. 631].

По замыслу авторов реформы карточная система делопроизводства представляла собой первую ступень для перехода к дальнейшему усовершенствованию в области административной техники управления и не только облегчала выдачу справки по любому делу, но и устанавливала контроль за исполнением бумаг [15].

В какие сроки в органах прокуратуры осуществлялся переход на карточную систему делопроизводства? По циркуляру Наркомюста от 13 октября 1924 года областными и губернскими прокурорам было предложено не позднее 1-го апреля 1925 года ввести новую карточную систему взамен книг и создать более гибкую и упрощенную систему делопроизводства⁴.

Позднее этот срок был перенесен на 1-е января 1926 года и считался окончательным⁵. Перенос срока введения новой карточной системы с 1925 на 1926 год был связан с недостатками в централизованном обеспечении местных прокуратур карточками, оборудованием и инструкциями. Работа проводилась при наличии только двух работников Оргбюро и одного консультанта, которыми были разработаны 11 форм карточек, а также шесть инструкций по делопроизводству и письмоводству [12, с. 1497-1498].

В какие сроки фактически вводилась карточная система в органах прокуратуры? Например, в прокуратуре Симбирской губернии в феврале 1924 года были приняты меры, направленные на упрощение работы канцелярии: введена сокращенная запись бумаг условными знаками во входящий журнал и пропуск одной трети от общего количества бумаг без всякой записи во входящий и исходящий журналы, а также выдача карточек по жалобам и заметкам [6].

В Московской прокуратуре введение упрощенной карточной системы началось в феврале-марте 1924 года. С. Файнблит писал, что «всякое более или менее сложное дело регистрируется на индивидуальной карточке, переписка — на групповой, корреспондентской» [10, с. 631]. Тверская прокуратура частично перешла на карточную систему 5-го сентября 1925 г. [4].

В других прокуратурах этот срок сдвинулся на февраль-март 1926 года. В Удмуртской областной прокуратуре новая

3 Архив прокуратуры Республики Марий Эл. Ф. Книга приказов прокуратуры Марийской автономной области за 1925 год. – Оп. 1. – Ед. хр. 92. – С. 1.

4 Циркуляр Наркомюста № 169 от 13 октября 1924 г. «О реорганизации делопроизводства местных прокуратур» // Еженедельник советской юстиции. 1924. № 41. С. 995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elilib.uraic.ru/bitstream/123456789/3424/1/sovetskaya_yustitsiya_1924_41.pdf (дата обращения: 14.12.2023).

5 Циркуляр Наркомюста № 28 от 21 апреля 1925 г. «О сроке введения карточной системы делопроизводства» // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 16. – С. 446. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elilib.uraic.ru/bitstream/123456789/3450/1/sovetskaya_yustitsiya_1925_16.pdf (дата обращения: 26.10.2022).

карточная система делопроизводства введена поэтапно с 1 марта 1926 г. [11, с. 357].

В прокуратуре МАО она впервые начала вводиться с 1 февраля 1926 года, а в участковых камерах – с 1 марта 1926 года⁶. С целью активизации ее внедрения 20 апреля 1926 года состоялось организационное совещание технических работников облпрокуратуры и третьего участка для детальной проработки соответствующей инструкции. Отмечалось, что технический аппарат областной прокуратуры, как и участковых камер, с введением карточной системы делопроизводства справляется пока плохо. Требовался пересмотр кадров и замена некоторых сотрудников квалифицированными работниками⁷.

Основные достижения карточной системы делопроизводства 1926 г. были сформулированы следующим образом: 1) уничтожение журнала и переход к карточке; 2) увязка бумаги с нарядом (присвоение бумаге номера наряда, где она хранится); 3) единообразная для всех органов прокуратуры номенклатура нарядов. Этого было достаточно, чтобы сказать, что основы делопроизводства были заложены правильно [3].

Выводы. С момента начала деятельности в 1922 году органы прокуратуры использовали делопроизводство упраздненных отделов юстиции. Лица прокурорского надзора, в том числе секретари, принимались на работу с учетом знаний правил делопроизводства. В 1922-1926 гг. отсутствовал единый ведомственный акт о делопроизводстве в органах прокуратуры. Делопроизводством в прокуратуре преимущественно занимались секретари, делопроизводители, машинистка, курьеры и др. В силу небольшой численности штатов эту работу также вели прокуроры, заместители и помощники прокурора. В 1924-1926 гг. в органах прокуратуры начался переход на карточную систему делопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Головки И. И., Исламова Э. Р., Плутарь Д. М. Основы делопроизводства в органах прокуратуры. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2015. – 144 с. – EDN YNZWHR.
2. Гундерич Г. А., Комарова Е. А. Организация делопроизводства в органах прокуратуры // Научный вестник Крыма. – 2019. – № 5 (23). – С. 1-7. – EDN UFWVWS.
3. Зверев. Рационализация технического аппарата и делопроизводства в прокуратуре // Ежегодник советской юстиции. – 1928. – № 12. – С. 375-377. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3597/1/sovetskaya_yustitsiya_1928_12.pdf (дата обращения: 18.01.2024).
4. Карп Н. Рационализация делопроизводства в судебных учреждениях РСФСР // Ежегодник советской юстиции. – 1926. – № 2. – С. 42-44. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3483/1/sovetskaya_yustitsiya_1926_2.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

5. Кобзарев Ф. М., Кудряшова А. В. Организация управления в органах прокуратуры: учебное пособие; Костромской государственный университет. – Кострома: Костромской госуниверситет, 2019. – 60 с. – ISBN 978-5-8285-0993-5. – EDN ZABEAX.
6. Мухамедов Р. А., Чигрин М. В. Кадровое обеспечение органов прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1922-1928 годах // Научный диалог. – 2023. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoe-obespechenie-organov-prokuratury-simbirskoy-ulyanovskoy-gubernii-v-1922-1928-godah> (дата обращения: 16.12.2023).
7. Разводовская А. В., Фоменко Е. И. Повышение эффективности работы службы делопроизводства в органах прокуратуры // Сборник научных работ серии «Государственное управление». – 2023. – № 29. – С. 128-134. – DOI 10.5281/zenodo.7828399. – EDN KTRHIR. @@ Большедворская М. В. Роль документов в управленческом процессе (мнение студентов, обучающихся по специальности «Менеджмент организации») // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014. – № 4 (87). – С. 165-170. – EDN SBNFRF.
8. Селезнева Т. А. Соотношение понятий «делопроизводство», «документационное обеспечение управления» и «управление документами» (ретроспектива и современность) // Документ. Архив. История. Современность. – 2016. – № 16. – С. 229-240. – EDN XAKNHV.
9. Смородов В. О реформе делопроизводства прокуратуры // Ежегодник советской юстиции. – 1924. – № 44. – С. 1058-1059. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3427/1/sovetskaya_yustitsiya_1924_44.pdf (дата обращения: 20.12.2023).
10. Файнблит С. Выводы из практики (О делопроизводстве прокуратуры) // Ежегодник советской юстиции. – 1924. – № 27. – С. 631. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3412/1/sovetskaya_yustitsiya_1924_27.pdf (дата обращения: 20.12.2023).
11. Шепталин А. А. К 100-летию прокуратуры Удмуртии: проблемы организационно-кадрового становления // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. № 2. – С. 351-361. – DOI 10.35634/2412-9593-2023-33-2-351-361. – EDN VRVMAF.
12. Ш-н Г. Рационализация делопроизводства в органах суда и прокуратур // Ежегодник советской юстиции. – 1925. – № 49-50. – С. 1497-1498. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3479/1/sovetskaya_yustitsiya_1925_48-49.pdf (дата обращения: 20.12.2023).
13. Ш. Г. Краткий обзор деятельности оргбюро народного комиссариата юстиции // Ежегодник советской юстиции. – № 31. – С. 1061-1062. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.uraic.ru/bitstream/123456789/3465/1/sovetskaya_yustitsiya_1925_31.pdf (дата обращения: 0 1.02.2024).

6 ГА РМЭ. Ф. 384. – Оп. 2. – Ед. хр. 16. – С. 15.

7 ГА РМЭ. Ф. 384. – Оп. 2. – Ед. хр. 11. – С. 23, 30.

ДАНЬШИНА Наталья Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД ЖИЗНЬЮ ОБЩЕСТВА

В статье рассматриваются основные направления деятельности государства в системе управления над жизнью общества. Приводится краткое изложение влияния форм и средств контрольной деятельности государственной власти, показаны границы определяющие пределы государственного контроля над жизнью общества. Авторами выделены необходимые условия для реализации контролирующими органами своей компетенции. Определяется современная государственная политика Российской Федерации в области контрольной деятельности на все сферы жизни общества.

Ключевые слова: государственный контроль, власть, общество, нормы, факторы, возможности, условия.

DANSHINA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

МОКХОРОВ Dmitriy Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor at the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE ROLE OF THE STATE IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF CONTROL OVER THE LIFE OF SOCIETY

The article examines the main directions of the state's activities in the system of governance over the life of society. A brief summary of the influence of the forms and means of control activities of state power is provided, and the boundaries defining the limits of state control over the life of society are shown. The authors have identified the necessary conditions for the implementation of their competence by the regulatory authorities. The modern state policy of the Russian Federation in the field of control activities for all spheres of society is determined.

Keywords: state control, government, society, norms, factors, opportunities, conditions.

Одним из приоритетных направлений деятельности государства является управление и организация жизни общества. Государство должно регулировать и регламентировать государственное управление для обеспечения жизненно важных условий развития общества, прежде всего в рамках экономического и социального обеспечения их функционирования. Особенности такой деятельности обусловлены не только природой его возможностей, но и критериями его действительности.

Контроль является средством реализации власти и средством ее обеспечения. Превышение полномочий власти губительно как для самой власти, так и для социума. При тотальном контроле государства над жизнедеятельностью общества государство лишает его возможности развития, а также разрушает основы власти. Само по себе общество, являясь естественным сообществом, развивается в соответствии с естественными законами и закономерностями общественной жизни.

На основе принятой конституционной схемы возможности контроля изменчивы, от нее зависит его интенсивность [3]. На объем контроля, на выбор форм и средств контрольной

деятельности государства прежде всего влияют пространственные, временные и системные (функциональные) пределы, а также правовые ограничения.

Под пространственными пределами осуществления государственного контроля понимается территория страны, подпадающая под юрисдикцию власти соответствующего государства. В соответствии с российским законодательством пространственные пределы устанавливаются исходя из формы государственно-территориального устройства, установленного Конституцией Российской Федерации¹. Для каждого вида государственного контроля устанавливаются определенные ограничения, в частности, муниципального контроля осуществляется на территории муниципального образования, региональный государственный контроль (надзор) – на

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

Даньшина Н. А.

Мохоров Д. А.

территории субъекта Российской Федерации, федеральный государственный контроль (надзор) – на территории Российской Федерации. При этом порядок организации и осуществления муниципального контроля в соответствующей сфере деятельности устанавливается законом субъекта Российской Федерации и принятыми в соответствии с ним муниципальными правовыми актами.

Территориальные границы осуществления государственного контроля в Российской Федерации основываются на основных конституционных принципах, таких как принцип законности и принцип разграничения полномочий федеральных органов исполнительной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Следующим фактором определения возможности влияния государственного контроля является временной предел, зависящий от времени исторического существования государства. Чем дольше существует государство, тем более стабильным и эффективным является государственный контроль, который, являясь неотъемлемым звеном государственного управления, напрямую зависит от способности государства непрерывно его осуществлять. Если государство прекратит даже на небольшой период времени выполнять свои полномочия в данной области, это приведет к осуществлению самоконтроля со стороны общества и последствием этого станет отсутствие потребности общества в государстве [2].

При рассмотрении временного предела важно знать в какой сфере и почему возможен государственный контроль, так как его осуществление задается прямой необходимостью. В частности, при проведении международных соревнований требуется осуществление контрольных мероприятий со стороны государства, которые не предусматриваются в повседневной жизни общества, так как в обычный период они не актуальны.

Системные или функциональные пределы по своей сути являются системными пределами государственного контроля и обусловлены функциями, содержанием и основными принципами осуществления контрольной деятельности государства. Особая роль в этом процессе отводится выполнению контрольной деятельности государства.

В теории правовой науки в самостоятельную группу правовых пределов осуществления государственного контроля включают: законность осуществления, процессуальные формы, гарантии осуществления неотчуждаемых, естественных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции РФ, как основных гражданско-правовых гарантий [2]. Российское законодательство закрепляет полномочия контролирующих органов, субъекты и объекты проверок, время их проведения, используемые методы проверки, рекомендации по оформлению результатов проверки в соответствии с нормативными правовыми актами.

Выделяют две возможные формы осуществления контроля – материальное и процессуальное право. Материальное право содержит основополагающие нормы, определяющие меру поведения субъектов контроля, соответствие нормам и принципам права, порядок проведения, контролирующей мероприятий уполномоченным субъектом права. В этом смысле контроль устанавливает, насколько деятельность контролируемой стороны соответствует юридическим нормам, политическим ожиданиям и направлениям, определяемым руководством, и насколько конкретные ситуации развиваются в рамках юридических норм.

Процессуальные нормы, являясь одной из форм процедурных юридических вопросов, определяют порядок, сроки, процедуры и права участников контролирующей мероприятий, особенности их проведения. Эти нормы определяют контрольный процесс, а также устанавливают соблюдение процедурных правил.

При наличии определенных факторов границы государственного контроля могут быть подвижны. Для разъяснения

данного феномена обратимся к факторам, оказывающим влияние на возможные пределы государственного контроля над жизнью общества.

Наиболее важным фактором, влияющим на подвижность пределов государственного контроля, является политический фактор, представляющий собой определенную ситуацию в стране, баланс политических сил, институтов государственной власти. При наличии политического фактора государственная власть может самостоятельно выбирать формы, способы, процедуры контрольных мероприятий. В данной ситуации контроль со стороны государства осуществляется в его собственных интересах, а не в интересах общества, что говорит об избыточном влиянии политического фактора.

При неудачной попытке государства полностью сосредоточить власть в своих руках, правящая элита стремится передать бремя власти представителям общественности, сделать независимой общественную власть. С этой точки зрения следует понимать, что если действия власти не эффективны, то государство формально возлагает возможности по осуществлению контроля на общественную власть, тем самым снимая с себя ответственность. На современном этапе развития российского государства можно проследить тенденцию создания большого количества общественных советов и иных аналогичных структур, в состав которых входят не представители власти, а представители различных общественных организаций, для проведения контроля как над обществом, так и над самой властью.

Пределы контроля зависят от степени давления существующей власти на общество. Когда контроль является совместной деятельностью представителей власти и общества, тогда он характеризуется законностью имея четкие политические границы. Когда контроль осуществляется только лишь в интересах представителей власти, тогда он существует исключительно как средство поддержания существующей власти, что приводит к разрастанию законодательного массива, нестабильному правовому развитию, резкому обновлению законодательства. Как следствие это приводит к нестабильности функционирования и иных сфер общественной жизни [1].

В структуру политического фактора включается понятие ресурсов власти как способа воздействия на общество. К ним относят важные для общества ценности, которых с помощью определенных инструментов контролирующее их государство может лишиться общество, в том числе высшей ценности – жизни, способы влияния на мотивацию человека, власть (которая может выступать основой для другой (большей) власти), уважение, моральный долг, любовь, благосостояние, богатство, умения и просвещенность.

Если рассматривать власть как способность, через те или иные средства ее осуществления, можно предполагать ее отсутствие. Если при осуществлении контроля власть усиливает свои ресурсы, через расширение объема контрольных мероприятий – власть ненадежна. Если же контроль незначителен и проводимые контрольные мероприятия не расширяются – власть в государстве осуществляется стабильно.

Следующим фактором является степень открытости общества. При открытости политической власти, предполагается наличие способности взаимодействия государства и общества во всех сферах общественной жизни, в частности в социальных, экономических и политических отношениях. Это предполагает возможность доступа к различным институтам политической власти представителей общественности в том числе рядовых граждан.

Такая возможность обеспечивается степенью открытости и прозрачности политической власти государства, в том числе свободным доступом к официальной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также действенного контроля за их деятель-

ностью со стороны общественных организаций. Если власть в государстве характеризуется закрытостью, государство с помощью перечисленных средств манипулирует общественными отношениями, превращая их в мощный инструмент контроля за жизнедеятельностью общества. С развитием информационных технологий для эффективного функционирования государства и общества приоритетное значение имеет контроль в информационной среде. Слишком большой объем информации, производимой обществом, приводит к тому, что политическая власть не способна проследить за всеми новшествами, касающимися общественных реалий, что снижает степень доверия общества к политическим силам, приводя к недоверию, недопониманию и снижению коммуникации между ними.

При осуществлении контроля за информационными потоками необходимо преследовать определенные цели, прежде всего, это касается получения достаточного объема информации об обществе, а также ее качественной обработки.

Еще одним фактором осуществления государственного контроля являются ограничения со стороны государства, имеющие целью предостережения большинства индивидов от правонарушений, выполняющие охранительную функцию для государства и общества в рамках защиты от противоправных деяний. Наличие у государства способности использовать гибкие правовые механизмы воздействия и стабильность государственного режима историческом периоде является необходимым условием для реализации этого фактора.

Выделяют следующие условия необходимые для реализации контролирующими органами своей компетенции:

- формирование на основании закона, уполномоченным на то органом государственной власти контролирующими органами и организаций;
- закрепление компетенции, структуры, способов и средств контроля контролирующих органов, в соответствующих нормативных правовых актах;
- возложение обязанности по содействию контрольным органам на граждан и организации в законодательном порядке;
- представление сведений, деклараций и других форм отчетности;
- взаимодействие контролирующих органов;
- ответственность контролирующих органов за вред, причиненный в результате проведения контрольных мероприятий;
- поднадзорность всех видов контрольной деятельности;
- правовая защищенность сотрудников контролирующих организаций.

Следующим фактором, определяющим установление пределов государственного контроля, является экономический фактор, который представляет собой экономические возможности государства. Для создания высококвалифицированных кадров контрольных органов, государству необходимо иметь достаточно высокий уровень экономического развития, в противном случае из-за недостаточной компетентности данных органов контрольные мероприятия не будут достаточно результативны и эффективны.

Возможности государственного контроля напрямую зависят от состояния экономической системы государства. При командной экономической системе производство, обмен, распределение материальных благ и услуг, происходят по прямому указанию государства, оно само определяет производство, которое нужно или не нужно оптимизировать, экономика функционирует на основании тотального контроля. При государственном контроле рыночной экономики необходимо учитывать уровень экономического развития государства: при высоком уровне экономического развития, наблюдается снижение потребности в государственном

контроле. Совершенствование экономики государства способствует образованию принципиально новых видов осуществления контроля, например, появление такого гражданского-правового института, как аудиторский контроль.

Еще одним фактором, определяющим пределы государственного контроля, является исторический фактор. Государственное управление тем или иным государством на протяжении определенного исторического периода, формирует определенную базу, которая служит определяющим фактором для использования способов и средств государственного контроля. Если проследить закономерность развития отечественной государственности можно сказать о том, что на протяжении всего исторического периода и до наших дней в Российской Федерации происходит закономерное разрастание государственного аппарата и, как следствие, разрастание контролирующих структур.

На сегодняшний день состояние правовой среды в Российской Федерации позволяет говорить об изменении приоритетов при построении отношений между государством и обществом, что служит объяснением происходящим глобальным изменениям в содержании государственного контроля в правовой системе страны. При определении пределов государственного контроля необходимо учитывать все факторы, определяющие специфику данных ограничений. В условиях современных реалий влияние рассматриваемых факторов на формирование пределов государственного контроля незначительно. Государство самостоятельно осуществляет контрольную деятельность, а единственным фактором, влияющим на все сферы жизнедеятельности общества, является сам контроль как средство осуществления государством публично-правовой функции.

Пристатейный библиографический список

1. Колесников Е. В. Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти // Российская юстиция. – 2020. – № 5. – С. 2-4.
2. Корепина А. В., Васильева Я. В., Пеганова Ю. А. Государственный контроль и надзор в российской Федерации: учебное пособие; Северо-Западный институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Вологда, 2022. – 320 с.
3. Шустров Д. Г. Учение о Конституции: учебник: в 2 т. – Т. 1. – Москва: Проспект, 2023. – С. 18-7199.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-90-92

ЕГОРОВ Андрей Михайлович

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России

ЕГОРОВ Игорь Андреевич

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННЫХ ОТ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

В статье рассматривается исторический опыт формирования и развития в отечественном праве альтернативных лишению свободы уголовных наказаний в дореволюционной России. Авторы осуществили диахронный сравнительно-правовой анализ зарождения и эволюции подобного рода наказаний в российском законодательстве со времен средневековья до эпохи новейшего времени. В статье прослеживается путь их трансформации от прототипов уголовных штрафов и наказаний, связанных с конфискацией имущества, до различного рода принудительных работ и других альтернативных видов уголовных наказаний.

Ключевые слова: денежно-имущественные наказания, телесные наказания, процессуально-обеспечительные меры, ссылка, опала, общественные работы, принудительные работы.

EGOROV Andrey Mikhaylovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of State and legal disciplines sub-faculty of the Pskov branch of the St. Petersburg University of the FPS of Russia

EGOROV Igor Andreevich

junior researcher of the research laboratory "Center for Comprehensive Study of Regional Security Problems" of the Pskov State University

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUNISHMENTS NOT RELATED TO THE ISOLATION OF CONVICTS FROM SOCIETY IN THE HISTORY OF CRIMINAL LAW IN RUSSIA

The article examines the historical experience of the formation and development of criminal punishments alternative to imprisonment in pre-revolutionary Russia in domestic law. The authors carried out a diachronous comparative legal analysis of the origin and evolution of this kind of punishment in Russian legislation from the Middle Ages to the modern era. The article traces the path of their transformation from prototypes of criminal fines and punishments related to confiscation of property to various types of forced labor and other alternative types of criminal punishments.

Keywords: monetary and property punishment, corporal punishment, procedural and security measures, reference, opala, public works, forced labor.

Исторически наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, представляли собой различные формы (способы) правового ограничения его социального статуса и положение в обществе [1, с. 11]. Процесс зарождения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, известен на самых ранних стадиях формирования отечественного уголовного права [6, с. 180]. В своем развитии они трансформировались от виры (прототипа последующих уголовных штрафов), потока и разграбления (получивших в дальнейшем продолжение в форме наказаний, связанных с конфискацией имущества) до принудительных работ (каторжных, исправительных, обязательных).

Особое развитие в средневековой Руси получили так называемые денежно-имущественные наказания, среди которых особо выделялись такие разновидности, как уже упоминавшаяся вира, головничество, продажа, урок, подразумевавшие денежное возмещение причиненного ущерба в результате совершенного преступления.

В период становлений Российского централизованного государства значительное распространение в законодательстве получают телесные наказания. Согласно Судебнику 1497 г. широко применявшимся уголовным наказанием являлась так называемая торговая казнь, получившая свое наименование по месту исполнения и заключавшаяся в битье преступ-

ника кнутом на рыночной площади или другом общественном месте в присутствии большого скопления людей [2, с. 14].

Отдельной разновидностью имущественного наказания, включавшей в себя элементы процессуально-обеспечительной меры, в указанную эпоху выступал так называемый праваж, применение которого помимо Судебников регулировалось также специальным актом Память о праваже долгов (1555 г.). Суть данного наказания сводилась к тому, что несостоятельный виновный подвергался ежедневному битью батогами. Цель данной экзекуции состояла в принуждении виновного выплатить возмещение потерпевшему, либо договориться с ним об условиях погашения долга. В случаях, когда виновный или его близкие отказывались платить, осужденный передавался потерпевшему в холопство (т.е. в фактическое рабство) и вынужден был компенсировать ущерб своим трудом. К концу сословно-представительной монархии праваж трансформировался в такую меру, как «отдача несостоятельных должников в работы кредитору в услужение», упоминавшуюся Соборным уложением 1649 г.

Официально как способ исполнения обязательств он был отменен в эпоху «просвещенного абсолютизма» Екатерины II. Однако его рудименты в виде «отдачи на заработки» в услужение частным лицам или заведениям либо самого не-

плательщика, либо кого-то из членов его семьи встречалась и позднее XIX в. – даже после отмены крепостного права. В частности, данная практика упоминалась Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. в качестве альтернативы штрафа или краткосрочного ареста в отношении лиц низших сословий [5, с. 152].

В Соборном уложении 1649 г., юридически закрепившим помимо прочего становление самодержавия, получили дальнейшее распространение, в том числе за имущественные преступления, непопулярные до этого в отечественном законодательстве членовредительские и позорящие наказания (отсечение конечностей, урезания носа или губы, выкалывание глаз, вырывания ноздрей). Но уже с середины XVII в. в государственной уголовно-исполнительной политике начинают проглядываться фискальные цели, преследующие использование труда осужденных для казенных нужд. Все большее распространение получают изгнание преступника из места его жительства («выбитые из земли вон»), ссылка, опала.

При этом стоит отметить, что ссылка, совмещенная с определенными работами и не имеющая в настоящее время аналогов в современном российском законодательстве, еще относительно недавно, в поздний советский период, применялась достаточно широко. Исторически близкими формами к данному виду наказания можно считать также активно практиковавшиеся в 70 – 80-е гг. XX в. условно-досрочное освобождение с направлением на стройки народного хозяйства и условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду [7, с. 502].

В период Российской империи отечественное законодательство использовало в основном достаточно суровые уголовные наказания, в большинстве случаев, связанных именно с изоляцией от общества. Тем не менее, во второй половине XIX в. в России появляются наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, которые отчасти напоминают общественные работы современного уголовного права. Их нормативную основу составляли Общие положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 1861 г., Сельский судебный устав для государственных крестьян 1857 г., Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., Временный приказ о волостном суде 1898 г., решения Сената, циркуляры Министерства внутренних дел и разъяснения Министерства юстиции.

Одновременно в связи с судебной реформой 1864 г. было инициировано создание отдельных благотворительных обществ, призванных содействовать ресоциализации осужденных (включая в т.ч. передачу несовершеннолетних преступников для исправления в домашних условиях). Тем самым законодательство дореволюционной России допускала некоторую альтернативу их изоляции от общества, посредством вовлечения в процесс исправления последних представителей общественности, не требовавшего больших затрат со стороны государства [4]. Появлению подобной меры способствовала систематизация российского уголовного законодательства 1832 г. и издание затем отдельного Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В качестве дополнительного уголовного наказания, с формулировкой «отобрание имущества», получила дальнейшее развитие и конфискации имущества. В статье 61 Уложения 1845 г. она подразделялась на общую и специальную (в отношении орудий и средств преступления), размещаясь в одном ряду с такими мерами как церковное покаяние и передача под надзор полиции.

В конце XIX – начале XX вв. появляются нормативные предпосылки для формирования в системе российского права воспитательных мер уголовно-правового характера. Так, Законом 1897 г. «Об изменении средств и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних» были введены новые подходы к решению вопроса об уголовной ответственности лиц в возрасте от 10 до 17 лет. В качестве меры, альтернативной уголовному наказанию для этой категории правонарушителей, допускается возможность их передачи под надзор родителям или иным лицам, помещение в воспитательно-исправительные учреждения (приюты), направление несовершеннолетних девушек в женский монастырь. Тенденция по дифференциации уголовной ответственности несовершеннолетних путем отделения от наказания иных принудительных мер воспитательного воздействия в отношении данной категории лиц была продолжена Уголовным уложением Российской империи 1903 г.

Вместе с тем, вплоть до Октябрьской революции 1917 г. целостной концепции исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, так и не сложилось. Поэтому приоритет в дальнейшем развитии данных видов наказаний принадлежит советской школе уголовного права. Новая Советская власть отказалась от дореволюционной системы уголовных наказаний и приступила к выработке новой уголовной политики. Была предпринята даже попытка отказаться от самой категории уголовного наказания, заменив ее понятием социальной защиты судебно-исправительного характера. Одновременно в первые революционные годы появилось много новых видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, которых не были известны не только традиционному российскому праву, но и правовым системам большинства зарубежных стран. Особо значение при этом придавалось наказаниям, базировавшимся на общественном порицании и труде на общественное благо, а принцип «кто не работает, тот не ест» получил силу конституционной нормы и имели особую актуальность в условиях разрухи гражданской войны

Особое распространение в советском уголовном праве получили принудительные работы, контроль за исполнением которых первоначально возлагался на сотрудников Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), трудовые коллективы и представителей советской общественности. Принятые советской властью новые Руководящие начала по уголовному праву 1919 г. предусматривали «принудительные работы без помещения в места лишения свободы» в качестве отдельного вида наказания. По мере кодификации советского уголовного законодательства в нем будут закреплены два альтернативных изоляции от общества наказания: ссылка, совмещенная с принудительными работами, и исправительно-трудовые работы, отбываемые по месту жительства осужденного.

Параллельно в соответствии с циркуляром Народного комиссариата юстиции РСФСР от 7 мая 1919 г. в Советской России началось создание специализированных бюро принудительных работ, являвшихся первым прямым предшественником современных уголовно-исполнительных инспекций. В период НЭПа их функции по учету осужденных к принудительным работам и направлению их на работы через отделы труда исполкомов местных Советов были впервые закреплены на законодательном уровне Уголовным кодексом (далее – УК) РСФСР 1922 г. В том же году бюро принудительных работ перешли из ведения Наркомюста в состав НКВД.

В целом Уголовный кодекс 1922 г. предусматривал следующие виды наказаний, не связанных с изоляцией осужденного: изгнание из пределов РСФСР; принудительные работы без содержания его под стражей; условное осуждение; полную или частичную конфискацию имущества; штраф; поражение в правах; увольнение с должности; общественное порицание, а также обязанность загладить причиненный вред.

Достаточно заметное место среди уголовных наказаний, имевших тенденцию к дальнейшему росту, занимали принудительные работы без лишения свободы. Если в УК РСФСР 1922 г. возможность их назначения было предусмотрено в 60 статьях, то в УК РСФСР 1926 г. число таких статей увеличилось до 91. Но на практике применение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, использовалось не в полной мере, что вызвало официальную критику, прозвучавшую в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О карательной политике и состоянии мест заключения» от 26 марта 1928 г. В частности, в нем отмечался «чрезвычайный рост осужденных, в особенности, значительное увеличение за последние годы числа осужденных на короткие сроки; недостаточное, в связи с этим, применение судами иных мер социальной защиты вместо лишения свободы»¹.

Для решения указанной проблемы в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР говорилось о необходимости, в первую очередь, «предложить <...> в отношении социально-неустойчивых элементов, совершивших преступления случайно (впервые или вследствие тяжелого стечения обстоятельств) и не являющихся социально-опасными, развить, напротив того, в максимальной степени практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты, применять лишение свободы к случайным преступникам только в тех случаях, когда применение иных мер является либо невозможным, либо явно нецелесообразным» и, во-вторых, «ввести в качестве мер социальной защиты <...> употребление главным образом, следующих видов этих мер: принудительные работы без содержания под стражей; устранение от должности и снятие с работы на разные сроки; лишение права занимать ответственные или выборные должности; выговор с опубликованием на общих собраниях предприятый либо в печати; запрещение выезда или высылку из данной местности на небольшие сроки; денежный штраф или конфискация имущества и т.п.»².

Однако сложившуюся тенденцию изменить не удалось и характер уголовного законодательства в реалиях первых пятилеток 1930-х гг. менялся в сторону еще большей репрессивности. Тем не менее, принятый в 1 августа 1933 г. новый Исправительно-трудовой кодекс (далее – ИТК) РСФСР, не предусматривавший прогрессивную систему ИТК РСФСР 1924 г., который он и заменил, все же содержал отдельные разделы, регулировавшие порядок исполнения исправительно-трудовых работ без лишения свободы (введенных, а точнее переименованных, вместо принудительных работ), а также ссылки в сочетании с исправительно-трудовыми работами. В результате чего для их исполнения вместо бюро принудительных работ в районных центрах и в городах, выделенных из состава района, образовывались отделения исправительно-трудовых работ. В деревнях к этой деятельности подключались сельские и поселковые Советы.

ИТК РСФСР 1933 г. возлагал на отделения исправительно-трудовых работ обязанности по их организации, а также

по учету осужденных и направлению их на работы, перевода на работы по месту жительства. Кроме того, отделениям исправительно-трудовых работ осуществляли инструктаж городских, сельских и поселковых Советов по вопросам исполнения исправительно-трудовых работ без лишения свободы.

В послевоенное время основные изменения в области уголовного права касались круга субъектов, видов наказания, отмены чрезвычайных положений закона и др. Данная тенденция нашла отражение в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. – последнем отечественном уголовном законе советского периода [3, с. 108].

В постсоветский период система уголовных наказаний эволюционировала в направлении смягчения ответственности за некоторые преступления, представляющие небольшую общественную опасность и совершенные впервые, с одновременным ее ужесточением за наиболее опасные и наиболее распространенные преступления. В результате происшедших в стране изменений потребовалось принятие нового Уголовного кодекса РФ и, соответственно, нового Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова Н. Г. К вопросу о применении наказания в виде принудительных работ на современном этапе // Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия: материалы Международной научно-практической конференции, Псков, 15 октября 2021 года. – Псков: Псковский филиал Академии ФСИН России, 2022. – С. 11-17.
2. Егоров А. М. Исторические аспекты мер уголовно-правового характера в отечественном законодательстве // Пробация: проблемы и перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Псков, 2023. – С. 13-17.
3. Егоров А. М. Особенности организации и соотношение деятельности инспекций исправительных работ и спецкомандатур периода развитого социализма (конец 1960-х – начало 1980-х гг.) // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 107-109.
4. Егоров А. М., Егоров И. А. Особенности взаимодействия отечественных спецслужб на северо-западе Российской империи в условиях Первой мировой войны // Метаморфозы истории. – 2023. – № 27.
5. Егоров А. М., Матвеева Ж. В. Правовые основания и критерии рекрутских наборов арестантов в императорскую армию дореформенной России первой половины XIX века // Личность, право, государство: проблемы развития и взаимодействия. Сборник статей научно-представительских мероприятий. – Москва, 2023. – С. 151-153.
6. Колошинская Н. В. Эволюция теоретико-правовых взглядов на уголовное наказание в России // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2007. – № 1 (27). – С. 180-197.
7. Майстренко Г. А. Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества: организационно-правовые аспекты // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. № 3-1. – С. 502-507. – DOI 10.34670/AR.2023.29.44.054.

1 Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 14.

2 Еженедельник советской юстиции. – 1928. – № 14.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-93-94

ЕГОРОВ Петр Михайлович

кандидат политических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН

К ВОПРОСУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ЯКУТИИ В 1980-Е ГГ.

В статье рассмотрено развитие политики Советского государства в научном изучении Арктических и северных районов Якутии с 1980 по 1990-е годы. В этот период началось интенсивное развитие технического направления исследований. В то же время получили широкое распространение специализированные исследования, посвященные социально-экономическим проблемам развития арктических районов Якутии и повышению качества жизни коренных малочисленных народов Севера. Стали проводиться целенаправленные комплексные исследования экономических, социальных и экологических проблем районов арктической зоны республики. Роль органов государственной власти ЯАССР в организации научной деятельности в Арктических районах 1970-е 1980-е гг. была значительной.

Ключевые слова: научная политика, научные исследования, Арктика, Якутия.

EGOROV Petr Mikhailovich

Ph.D. in political sciences, scientific researcher. Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences

Егоров П. М.

ON THE ISSUE OF STATE POLICY FOR SCIENTIFIC DEVELOPMENT OF THE ARCTIC ZONE OF YAKUTIA IN THE 1980S

The article examines the development of the policy of the Soviet state in the scientific study of the Arctic and northern regions of Yakutia from the 1980s to the 1990s. During this period, intensive development of the technical direction of research began. At the same time, specialized research devoted to the socio-economic problems of the development of the Arctic regions of Yakutia and improving the quality of life of the indigenous peoples of the North has become widespread. Targeted comprehensive studies of economic, social and environmental problems in the regions of the Arctic zone of the republic began to be carried out. The role of government authorities of the YASSR in the organization of scientific activities in the Arctic regions in the 1970s and 1980s was significant.

Keywords: science policy, scientific research, Arctic, Yakutia.

Государственная политика в области научного изучения Якутской Арктики в 1970-1980 гг. интенсивно развивалась. Получили широкое распространение специализированные исследования, посвященные социально-экономическим проблемам развития арктических районов Якутии и повышению качества жизни коренных малочисленных народов Севера. Стали проводиться целенаправленные комплексные исследования экономических, социальных и экологических проблем районов арктической зоны республики. Наряду с активным развитием академической науки [1, 3, 4] в этот период значительное развитие получили и новые отраслевые научно-исследовательские учреждения [2].

Важным этапом в реализации государственной политики в области научного изучения Арктики имело принятие 7 февраля 1980 г. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» [5]. В постановлении ставились задачи о необходимости завершения перевода кочевых семей на оседлый образ жизни к 1990 г., разработки генеральных планов населенных пунктов в местах традиционного проживания представителей коренных народов и активного строительства там жилых домов, объектов культурно-бытового назначения, коммунального хозяйства, здравоохранения и просвещения, а также улучшения материально-технической базы оленеводческо-промысловых хозяйств.

В соответствии с данным Постановлением Академии наук СССР поручалось расширить свою деятельность в области изучения социально-экономических и медико-биологических условий жизни аборигенных этносов Арктики, а также «продолжить необходимые лингвистические и социологические исследования по проблемам развития письменности на языках народностей Севера, не имеющих их» [7, с. 186].

Несмотря на начавшуюся перестройку в Якутии продолжалось руководство научными исследованиями в арктических районах, в ноябре 1988 г. была сформирована Республиканская комиссия при Совете Министров ЯАССР по делам Арктики для разработки и рассмотрения крупных проблем в области изучения, экономического освоения, социального развития, охраны окружающей среды северных районов. К работе данной комиссии были привлечены научные институты Якутского филиала СО АН СССР, а также предприятия, занимающиеся производственной деятельностью в арктических районах Якутии.

Следует подчеркнуть, что в Якутской АССР ранее не проводились целенаправленные комплексные исследования эко-

номических, социальных и экологических проблем районов арктической зоны республики, хотя эти проблемы в определенной степени обсуждались на научно-практических конференциях и рассматривались при разработке долгосрочных и пятилетних планов, и в «Долговременной комплексной программе развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года». Данное положение и предопределило различную степень проработанности материалов министерств, ведомств и научных организаций, которые легли в основу «Программы комплексного социально-экономического развития арктических районов Якутской АССР на период до 2000 года» [6].

В программе были использованы научный отчет Якутского научного центра СО АН СССР «Комплексная программа по обеспечению интересов СССР в Арктике (по Якутской АССР)», доклад Института мерзлотоведения СО АН СССР по проблеме «Криолитозона Арктики как среда деятельности человека и задача сохранения ее экологического баланса», доклад ИЭКОПРС ЯНЦ СО АН СССР «Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991-2005 гг.», материалы и предложения ПГО «Якутскгеология», ПГО «Ленанефтегазгеология», ПГО «Якутзолото», «ЯкутНИИпроалмаз», ПОЭИЭ «Якутскэнерго», Ленского объединенного речного пароходства, Якутского управления гражданской авиации, ТПО «Якутавтотранс», ПРСО «Якутавтодор», Якутского производственного объединения морского транспорта», Якутглавнаба Госнабза СССР, производственно-технического управления связи ЯАССР, Минздрава, ТПО Якутжилкомхоза, «Якутбытслужбы», «Якутлесопром», Миннаробр, Госагропрома ЯАССР, исполкомов и райпланов Анабарского, Аллаиховского, Будунского, Нижнеколымского и Усть-Янского районов.

Работа по написанию Программы была выполнена авторским коллективом в составе к.э.н. Кириллина А. Д., к.э.н. Ноговицына Р. Р., к.э.н. Поисеева И. И. В написании некоторых подпрограмм приняли участие к.э.н. Черных В. В., специалисты Госплана ЯАССР Волков А. Г., Молочкова Г. Е., Макарова Г. М., Бордонская С. П., Ламбер С. В., Ли-Фу Н. С., Мишин П. М., Никифоров И. П., Платонов А. П., Фролова Р. М., Москвитина Н. П., Максимова Ф. А., Савинова А. И. и сотрудники ИЭКОПРС ЯНЦ АН СССР Васильева В. В., Павлов О. Д., Петров Н. П.

Программа была составлена под научным и методическим руководством к.г.-м.н. Зотева А. М. и к.э.н. Кириллина А. Д.

Главной целью программы являлось на основе ускоренного развития народно-хозяйственного комплекса арктических районов добиться к 2000 году наибольших производственно-экономических результатов, в частности: товарную продукцию промышленности в сопоставимых ценах 1987 г. довести до 382 млн. рублей, выработку электроэнергии увеличить до 1029 тыс. кВт час, валовую продукцию сельского хозяйства довести до 11,7 млн. рублей, поголовье домашних оленей- до 144,1 тыс. голов, слачу государству пушнины- до 820 тыс. рублей в год; обеспеченность жильем на одного человека довести к 1995 году до 14,4 кв.м, а к 2000 году -18,5 кв.м; полностью удовлетворить потребность районов в школах и дошкольных учреждениях; число больничных коек довести до 10 на 1000 человек населения.

Перед научными учреждениями была поставлена задача проведения комплексных научных исследований, так перед производственными объединениями «Якутскгеология», «Ленанефтегазгеология» было поручено уделить особое внимание разведочным работам по поиску месторождений нефти и газа, а также на поиск сырьевых ресурсов для строительства в арктических районах; планировалось выделять на геологоразведку в XIII пятилетке 50 млн. рублей, в XIV-55 млн. рублей. Якутскому научному центру СОАН СССР, НПО «Якутское» проводить научно-исследовательские работы по Комплексному изучению и оценке биологических ресурсов арктической зоны, включая возможность использования ресурсов морей Северного Ледовитого океана.

Отмечалось, что наиболее «важной задачей остается безотлагательное решение социально-экономических условий жизни коренных народов Севера, ибо у них наиболее низкие показатели по уровню жизни. Данная проблема должна начинаться с ускорения и эффективного развития традиционных отраслей-сферы приложения их труда. Отмечалось о неблагоприятном положении с обеспеченностью населения жильем, которое в целом по зоне составляло 9,6 кв.м. общей площади на одного человека, в том числе в пунктах проживания народностей Севера всего 3,8 кв.м. против 15,7 кв.м. в целом по СССР, 16,6 кв.м. по РСФСР и 11,4 кв.м. по ЯАССР.

Отмечалось также большое отставание и по другим важнейшим показателям социального развития населения, которое невозможно было решить без принятия кардинальных мер в общегосударственном плане, в частности по заработной плате, по ценам. Так переход совхозов, которые здесь занимались малорентабельными традиционными отраслями, на полный хозрасчет и самофинансирование без решения проблем ценообразования, не позволит выделить крупные средства на капитальное строительство по объектам социальной инфраструктуры, возникает необходимость привлечь централизованные ресурсы. Отмечалось, что предприятиям горнодобывающей промышленности необходимо перебороть их узкоотраслевой ведомственный подход к освоению природных ресурсов с минимальными затратами и малыми силами создания социальных условий и решения технологических проблем, а также искоренить их психологию временщика. Для этого считалось нужным ужесточение требований к обязательному соблюдению ими нормативных актов и законов по вопросам социального и экологического развития территории, повысить роль местных советов, то есть советы должны были использовать свои предоставленные права в комплексном развитии их территории полностью. Также отмечалось, что экологическая система Арктических районов находится на пределе естественного равновесия и отличается неустойчивостью к человеческому воздействию. Инженерная деятельность здесь при таких условиях осуществлялась без учета и какого-то экологического прогноза последствий, что привело к большому урону в земельных, водных, лесных ресурсах и в зачатую к необратимым негативным последствиям. Хозяйственными организациями крайне неудовлетворительно выполнялись, иногда и игнорировались общесоюзные законы и государственные директивы по охране природы в районах Крайнего Севера. Такое отношение привело к тому, что по экспертным оценкам вокруг промышленных поселений на территории 2400 кв.м. созданы низкосортные зоны для пушных и охотничьих зверей, сильно пострадали рыбные, лесные ресурсы и водоемы, ограничивалось развитие оленеводства. Отмечалось обострение экологической ситуации в Арктической зоне, которое может усилиться даже при условии, и не будет расширенного воспроизводства в отраслях специализации и если не будут приняты комплекс природоохранных мер по всем направлениям с учетом установления всего механизма рационального социалистического природопользования.

Составители Программы пришли к выводам о том, что «для дальнейшего социально-экономического развития Арктических районов Якутской АССР необходимо:

- форсирование научно-исследовательских, проектно-исследовательских и геологоразведочных работ;
- совершенствование и рационализация отраслевой структуры и расширение использования достижений научно-технического прогресса во всех сферах производства и жизнедеятельности населения;

- опережающее, более быстрое и эффективное развитие отраслей производственной инфраструктуры – энергетики, строительной базы и совершенствование транспортной системы;

- активная и эффективная социальная политика, направленная на обеспечение благоприятного комплекса жизненных условий, удовлетворение материальных и духовных потребностей и охраны здоровья населения, которая компенсировала бы негативные последствия климатических факторов, удаленности и необъятности территории. При этом должно быть достигнуто регулирование численности и структуры населения и занятых в общественном производстве с учетом региональных экономических потребностей и сохранности здоровья трудящихся, обеспечения мерами экономического и морального стимулирования высокой производительности труда в целом по хозяйственному комплексу и опережающее развитие с целью выравнивания социально-экономических условий жизни коренных народностей Севера;

- совершенствование хозяйственного механизма, постепенное внедрение принципов регионального хозрасчета, активное участие зоны в экономической интеграции и во внешнеэкономических связях. В новых условиях хозяйствования Арктические районы республики должны постепенно переходить на хозрасчет, расширены права местных Советов;

- рациональная экологическая политика, обеспечивающая сохранение и эффективное восстановление нарушенной природной среды» [6].

Если в предыдущий период основными направлениями научных изысканий инициированных республиканскими властями являлись сугубо практические цели и задачи, в первую очередь это было связано с промышленным освоением, добычей полезных ископаемых их разведкой, а также проблемы судоходства и завоза грузов по северным рекам и морям, то в дальнейшем начиная со второй половины 1970-х гг. стали проводить научные исследования, направленные на сохранение природы Арктики которые были обусловлены экологическими проблемами интенсивного антропогенного воздействия. По инициативе республиканских органов власти создавались региональные, межведомственные научные институты и лаборатории.

Несмотря на начавшуюся перестройку в Якутии продолжалось руководство научными исследованиями в арктических районах, была принята «Программа комплексного социально-экономического развития арктических районов Якутской АССР на период до 2000 года», которая, к сожалению, по объективным причинам экономических и политических катаклизмов, окончившихся развалом государства, так и не была претворена в жизнь. Политическое руководство республики, вынашивало большие планы по организации научных исследований по широкому кругу проблем, что должно было способствовать решению внутри и внешнеполитических задач, на основе которых был накоплен мощный исследовательский задел. В последующем многие из них были воплощены в жизнь, однако некоторые задачи были, воплощены гораздо позднее указанных сроков или же не реализованы до сих пор.

Пристатейный библиографический список

1. Академическая наука в Якутии (1949-2009 гг.) / Гл. ред. А. Ф. Сафронов, отв. ред. В. В. Шепелев. – Новосибирск, 2009. – 220 с.
2. Аргунов И. А. Промышленно-техническое освоение региона и процесс урбанизации в Якутской АССР (1945-1985 гг.) // Современные социально-культурные процессы в городах Севера. Сб. научных трудов. Якутск, Якутский филиал СО АН СССР. – 1988. – 8-29 с.
3. Ермолаева Ю. Н. Российская академия наук и Якутия. XX век // Наука и образование. – 2002. – № 3. – С. 22-27.
4. Куперштох Н. А. Становление академической науки в Якутии и ее вклад в изучение производительных сил Северо-Востока России // Якутский архив. – 2012. – № 1. – С. 9-18.
5. О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 13. Апрель 1979 г.-март 1981 г. – М.: Политиздат, 1981.
6. Программа комплексного социально-экономического развития арктических районов Якутской АССР на период до 2000 года: Постановление Совета Министров Якутской АССР от 20 февраля 1989 г. № 22 // Постановления Совета Министров Якутской АССР. №№1-22. НА РС(Я). ф. Р52, опись 42, д. 829.
7. Сулейманов А. А. Академия наук СССР и исследования арктических районов Якутии в конце 1940-х-1990 гг. Книга первая: Социогуманитарные направления. – Новосибирск: Наука, 2021. – 348 с.

ИСКАНДАРОВА Гульнара Рифовна

доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

ГИТЛЕРЮГЕНД В РУКАХ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

В 20-х годах 20 в. в Германии действовали десятки самых разных молодежных движений. После прихода к власти Гитлера все они были запрещены, все, кроме одного. Чем привлекал немецких подростков Гитлерюгенд? Зачем Рейху понадобилось вербовать в свои ряды детей? Почему в организацию принимали только мальчиков? Как Гитлерюгенд менялся с годами, становясь младшим братом Вермахта? Каким образом во время второй мировой войны он окончательно превратился в школу смерти? Подобные вопросы, рассмотренные в статье, проливают свет на отдельные факты из истории нацистской Германии, которые переосмысливаются с позиций современности и не теряют актуальности в эпоху глобальных перемен, военных конфликтов и политической напряженности.

Ключевые слова: Гитлерюгенд, молодежь, Германия, Гитлер, партия, движение, НСДАП, нацизм, Европа, война.

ISKANDAROVA Gulnara Rifovna

Ph.D. in philological sciences, professor of Foreign and Russian languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE HITLER YOUTH IN THE HANDS OF THE THIRD REICH AS A TOOL FOR WAGING WAR

In the 20s of the 20th century, dozens of different youth movements operated in Germany. After Hitler came to power, all of them were banned, all but one. What attracted German teenagers to the Hitler Youth? Why did the Reich need to recruit children into its ranks? Why did the organization accept only boys? How did the Hitler Youth change over the years, becoming the younger brother of the Wehrmacht? How did it finally turn into a death school during the Second World War? Such issues discussed in the article shed light on certain facts from the history of Nazi Germany, which are reinterpreted from the standpoint of modernity and do not lose their relevance in an era of global change, military conflicts and political tension.

Keywords: Hitler Youth, youth, Germany, Hitler, party, movement, NSDAP, Nazism, Europe, war.

Искандарова Г. Р.

Первый предвестник Гитлерюгенда – молодежное отделение штурмовых отрядов НСДАП – был сформирован в 1922 году. Однако тогда в короткий период политического разнообразия он был лишь одним из многих отделений, одной из многих партий. В те годы в Германии функционировали десятки партий и молодежных движений скаутского типа. Например, было движение «Перелетные птицы», возникшее еще во времена кайзера и подчеркивавшее американский образ досуга и танцы. Появлялись и организации правового толка, которые уже в 20-е годы проводили патриотические марши. Все это буйство красок вряд ли нравилось Гитлеру. Как только он получит власть, он закрасит всю палитру молодежных движений коричневой униформой Гитлерюгенда.

Первая настоящая демонстрация сил Гитлерюгенда произошла в 1932 году во время внеочередных выборов. Гитлер как глава партии, получившей весомое число мандатов, ожидал приглашение занять место канцлера. Для демонстрации мощи и поддержки со стороны немецкого народа глава Гитлерюгенда Бальдур фон Ширах организовал 70 тысяч подростков на так называемый Потсдамский марш. Несколько часов они маршировали перед Гитлером со знаменами и под барабанный бой. Однако главу государства 84-летнего генерала, героя первой мировой войны Пауля фон Гинденбурга все это не впечатлило. Он не рассматривал бывшего ефрейтора как серьезного претендента. Канцлером тогда стал бывший офицер генерального штаба Курт фон Шлейхер. Однако, уже через несколько месяцев Гитлер этот пост все-таки получил.

Деятельный фюрер обещал пересмотреть условия Версальского договора и снова сделать Германию великой. В НСДАП понимали, что для выполнения задач партии понадобятся послушные исполнители, у которых не возникнет сомнений в правильности курса, которые впитают идеологию нацизма как нечто естественное. Чтобы формирование новых сознательных граждан было под контролем, в ряды Гитлерю-

генда было предписано вступать в 10-летнем возрасте. С 10 до 14 лет немецкие мальчики состояли в Deutsches Jungvolk («Немецкая молодежь»), а после 14 и до 18 лет, собственно, в Гитлерюгенд. Важный момент: туда могли вступать только мальчики и юноши, для немецких девушек были созданы отдельные организации Jungmädelbund («Союз девочек») и Bund deutscher Mädel («Союз немецких девушек») с таким же возрастным делением. Там девочкам с малых лет внушалась идея материнства как залога процветающей Германии.

В начале 30-х годов членами Гитлерюгенда были считанные тысячи, но уже к концу 1933 года, когда Гитлер стал канцлером, их количество выросло до двух миллионов. Все они должны были быть расово чистыми. При приеме в организацию этот параметр проверяли отдельно. Чем же Гитлерюгенд так привлекал юношей? Представим себе 15-16-летнего подростка в начале 30-х годов. Он родился во время войны, с малых лет помнит лишения, родителей в вечном поиске работы и общую атмосферу уныния и серости. Чем его завлечь? Конечно, дать ему то, чего он никогда не испытывал – чувство общности. Здесь функционеры из НСДАП угадали: присущий национал-социализму как многим деструктивным движениям коллективизм переносился и на молодежь. Подростки тянули ногу на многотысячных ежегодных маршах, ходили в походы, выезжали в лагеря с ночевкой под открытым небом, совершали паломничества на родину Гитлера [3, с. 200]. Им давался неизгладимый опыт – ощутить себя частью чего-то огромного, частью нового грандиозного будущего и разделить это ощущение с сотнями таких же ребят.

Однако в начале 30-х годов югенды были лишь очередным молодежным ответвлением, одной из многих партий. Поэтому порой они вступали в конфронтацию с конкурирующими течениями, активно принимали участие в агиткампаниях НСДАП и, бывало, что и погибали в борьбе. Так, в январе 1932 года погиб 15-летний Герберт Норкус, раздававший

партийные агитки [4]. Его вместе с товарищами подстерегли подростки-коммунисты, в завязавшейся драке Герберту нанесли несколько ударов ножом, оказавшихся смертельными. Нацисты умело использовали трагедию для демонизации компартии и популяризации своего движения. Сам же погибший стал мучеником НСДАП, его образ активно применяли в пропаганде. Через год о нем напишут книгу и снимут фильм, которые пополнят библиотеку немецкого агитпропа.

Когда Гитлер захватил власть окончательно, для его молодежи настали новые времена. В Рейхе началась зачистка всех неугодных организаций. Часть из них, как например, «Орел и сокол» добровольно примкнула к молодежи фюрера. Другие, менее дружественные, были просто распущены. Этот процесс слияния и поглощения был назван Gleichschaltung, или координацией. Когда по всей Германии уже не осталось хоть сколько-то значимых конкурентов, НСДАП пошла дальше. В 1936 году был принят Закон о Гитлерюгенде, который прямо обязывал молодежь вступать в свои ряды [2]. Одновременно изменился и подход к воспитанию будущих членов тысячелетнего Рейха.

Справедливости ради Гитлерюгенд не был напичкан одной лишь пропагандой чести его первого шефа рейхсгюгендфюрера Бальдура фон Шираха. Выбор досуга подростков был широким. Кроме военных игр и маршей, песен у костра и ухи с дымком было и авиамоделирование, и занятие живописью, и изучение народных промыслов, ну и, несомненно, идеологическая обработка: политическое страноведение с нужными акцентами, история Германии и расовая теория. Так, под ободрающие взгляды старших товарищей немецкая молодежь впитывала идеи ксенофобии и собственного превосходства, и что более важно, идею самопожертвования за отечество. Однако в новых условиях этого было мало.

Вошедший во вкус фюрер уже мысленно передвигал границы Европы и пора было подправить под эти планы молодежную политику. Поэтому с 1935 года в Гитлерюгенде стали проводиться ежегодные спортивные состязания, а с 1937 года – стрельба из боевого оружия. К этому моменту в рядах организации числится более 5 миллионов человек, т.е. 65 процентов от всех подростков в возрасте от 10 до 18 лет.

Водоразделом, который отмежевал условный романтически походный этап Гитлерюгенда от превращения его в младшего брата Вермахта, стал 1938 год. Тогда произошли два знаковых для Европы события: аншлюс Австрии и Хрустальная ночь. В последнем событии члены Гитлерюгенда приняли активное участие. Это была первая неучебная акция молодежи Гитлера. Итогом стали десятки сожженных синагог, тысячи сожженных магазинов и тысячи избитых арестованных и отправленных в концлагеря. К слову, вождем югендов фон Ширах осудил участие подопечных в акции. До этого момента он входил в ближайшее окружение Гитлера. Фюрер даже был свидетелем на его свадьбе. Но теперь влияние Шираха стало угасать. По мнению Гитлера, ему не хватало воинственности. Однако запущенная им машина за несколько лет воспитала поколение юношей, готовых пойти в бой за Германию и фюрера, и перед которыми содрогнется мир [1, с. 145]. Лучшим доказательством стали сотни тысяч заявок от членов Гитлерюгенда, которые рвались добровольцами на фронт после нападения на Польшу в 1939 году. В следующем году новым рейхсгюгендфюрером стал 27-летний заместитель Шираха Артур Аксман. При нем Гитлерюгенд достигнет пика могущества свыше 7 миллионов человек или более 80 процентов немецкой молодежи.

Дальше события стали нарастать как снежный ком. С осени 1939 года по весну 1941 года Германия подчиняет себе почти всю Европу. Это было короткое время военного триумфа немецкого оружия. Но конец 1941 года ознаменовался контрнаступлением под Москвой, которая отрезвила Гитлера. Он-то планировал завершить восточную кампанию к новому году и вступлением в войну с США. Потери Вермахта только за два первых месяца войны с СССР равнялись потерям за неполных два года военных операций в Европе. Очень скоро в Германии стало не хватать мужчин и их тут же заменили члены Гитлерюгенда. Сначала в тылу подростки собирали и отправляли теплую одежду на фронт, участвовали в битвах за урожай, помогали пожарным бригадам справляться с огнем после бомбардировок, разбирали завалы и даже

состояли в зенитных расчетах [5, с. 93]. Однако проблемы Рейха усугублялись.

В 1943 году после поражения в Сталинградской и Курской битвах наступательная инициатива на восточном фронте перешла к СССР. К тому же союзники успешно высадились в Италии. Потери Вермахта были настолько катастрофическими, что еще до Курской битвы был издан приказ о создании дивизии из членов Гитлерюгенда 1926 года рождения. Первые добровольцы прибыли в тренировочные лагеря в начале июля 1943 года. Обучение будет продолжаться до конца года, после чего из юношей сформируют 12 Танковую Дивизию СС «Гитлерюгенд», которую в апреле 1944 года переведут во Францию.

Боевое крещение юнцы Гитлера получают в боях с высадившимися в Нормандии союзниками. За три месяца боев дивизия потеряет свыше 60 процентов первоначального состава и будет отправлена на переформирование. В дальнейшем ее будут без особого успеха перемещать по все новым и новым участкам, пока ее остатки не сдадутся американцам. Такая же бесславная участь постигнет и многих других членов Гитлерюгенда. На исходе войны ими пополняли отряды фольксштурма (народного ополчения), и они, плохо обученные и вооруженные, массово гибли в боях. Те, кто должны были стать строителями новой Германии, становились расходным материалом организующей империи Гитлера.

20 апреля 1945 года в свой день рождения Гитлер в последний раз покинул свой бункер, чтобы наградить молодых бойцов. Скрывающий сильно трясущуюся левую руку он правой приветствовал членов Гитлерюгенда, отличившихся в боях. Возможно, все потерявший фюрер хотел приободрить своих самых преданных солдат, а, возможно, перед смертью еще раз увидеть то, чего было уже не встретить среди его окружения – чувство преданности в глазах.

После войны Гитлерюгенд был распущен, как и НСДАП, а для Германии начался болезненный процесс денацификации и принятия случившегося. Но новую свободную от нацизма Германию создавали во многом именно члены Гитлерюгенда, бывшие и раскаявшиеся.

Пристатейный библиографический список

1. Звягинцев А. Г. «Гитлерюгенд» вчера и сегодня. юрн-бергский международный военный трибунал подробно и обстоятельно рассмотрел вопрос о влиянии нацистской идеологии на молодых людей // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 3. – С. 144-146.
2. Качанова А. И., Барышева Н. Р. Молодежные организации нацистской германии как инструмент идеологического воспитания // Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая», Кемерово, 18-21 апреля 2017 года. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2017. – С. 87006.
3. Климов О. А. Технологии вовлечения молодежи в общественно-политический процесс на примере нацистской Германии // Инновационные модели и технологии современного образования: материалы конференции Чтения Ушинского, Ярославль, 02-03 марта 2013. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2013. – С. 198-202.
4. Колмаков С. А. Молодежная организация третьего Рейха // История победы: сборник материалов межвузовской конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Новокузнецк, 30 июня 2020 г. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 65-68.
5. Кусанов А. А., Ульянова Н. Н. Hitlerjugend // Язык и межкультурная коммуникация в современных условиях: сборник научных статей Межвузовской научно-практической конференции, Новосибирск, 16 февраля 2017 года. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 90-93.

КОВАЛЕНКО Наталья Евгеньевна

аспирант Юридического института Алтайского государственного университета, г. Барнаул

АСПЕКТЫ ТЕОРИИ СУБЪЕКТА ПРАВА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Данная статья посвящена анализу теории субъекта права в советском законодательстве. Произведена оценка становления и развития категории «субъект права» на сегодняшний день, выявлен ряд факторов, негативно сказывающихся на качестве юридических текстов. Сложность в определении субъектов существует из-за недостаточно правильной юридической техники, выражаемой в преобладании полисемии и неопределенности в текстах правовых предписаний, вызванных, прежде всего, ситуацией «догоняющего права». Сделан вывод о необходимости дальнейшего развития теории субъекта права в юридической науке.

Ключевые слова: право, Л. И. Петражицкий, язык, правоотношение, субъект права, полисемия, метонимия, Н. Н. Алексеев, Конституция, теория права.

KOVALENKO Natalya Evgenjevna

postgraduate student of the Institute of Law of the Altai State University, Barnaul

ASPECTS OF THE THEORY OF THE SUBJECT OF LAW: HISTORICAL ANALYSIS

This article is devoted to the analysis of the theory of the subject of law in Soviet legislation. An assessment has been made of the formation and development of the category "subject of law" today, and a number of factors have been identified that negatively affect the quality of legal texts. The difficulty in determining the subjects exists due to the insufficiently correct legal technique, expressed in the predominance of polysemy and uncertainty in the texts of legal regulations, caused primarily by the situation of "catch-up law". The conclusion is made about the need for further development of the theory of the subject of law in legal science.

Keywords: law, L. I. Petrazhitzky, language, legal relationship, subject of law, polysemy, metonymy, N. N. Alekseev, Constitution, theory of law.

В начале прошлого столетия профессор Л. И. Петражицкий поднял проблему связи научного знания, языка и окружающей действительности. Профессор ставил целью донести важность «чистоты языка науки», на которую влияет ряд факторов, таких как «лингвистическая привычка», «языковой капкан», а также исключительное влияние практической деятельности юристов. Так, он писал: «ничто так не противоречит задаче познания истины, как смещение точки зрения объективного исследования сущего, с практическими точками зрения» и субъективным подходом [1], [2]. С течением времени проблема истинности и правильности понимания правовых категорий не теряет своей актуальности. В юридической технике выделяют такие аспекты как метонимия, полисемия, синекдоха и другие, которые затрудняют познание истинного смысла правовых норм. Рассмотрим данное на категории субъекта права, которую изучали философы-правоведы, среди них особо следует выделить профессора Н. Н. Алексеева.

Рассмотрение становления названной выше категории в советском законодательстве необходимо для того, чтобы определить предпосылки формирования становления теории субъектности лиц.

Так, Конституция РСФСР 1918 года апеллирует следующими видами субъекта права: «трудящейся и эксплуатируемый народ»; «рабочие, солдатские и крестьянские депутаты»; «эксплуататоры»; «пролетариат»; «человек»; «трудящийся»; «паразитический слой общества»; «имущий класс»; «чело-

вечество»; «трудящиеся массы»; «граждане»; «крестьянская беднота»; «нетрудовые элементы»; «иностранцы»¹.

Интересным представляются нормы статей 64 и 65 Конституции 1918 г., которые закрепляют не разновидность субъектов, а их социальную дифференциацию. Исходя из анализа всего текста высшего закона, субъектов права больше, чем указывается в статьях, посвященных избирательным правам (подробнее см. рис. 1)². В отличие от упоминания в тексте, в названных статьях субъекты обобщены под приведенную характеристику подходят сразу несколько видов субъектов, перечисленных ранее.

Конституция СССР 1924 года содержит следующих субъектов: «народ»; «человек»; «граждане» - основные субъекты³. Конституция РСФСР 1925 года упоминает таких субъектов: «народ»; «гражданин»; «пролетариат»; «трудящие-

1 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#4>. (дата обращения: 05.01.2024).

2 Там же.

3 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 31 января 1924 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 05.01.2024).

Рисунок 1. Нормы Конституции РСФСР 1918 года, посвященные избирательным правам

ся»; «человек»; «рабочие и крестьяне»; «церковь»; «рабочий класс»; «иностранцы»⁴.

Следует отметить, что в Конституции 1924 г. почти не упоминаются субъекты права, субъективные права и обязанности, гарантии их обеспечения и др. Текст в большей степени посвящен государственному устройству СССР. Баланс правового регулирования публичных и частных интересов не соблюден, хотя в Конституции РСФСР 1918 года, в которой перечисляется большое число субъектов, упоминались как права, обязанности участников правоотношений, так и основы государственного устройства. Однако, в большей степени нормы были посвящены организации государственной власти. В частности, профессор О. Д. Максимова об этом и упоминает: в первых советских Конституциях норм, закреплявших права субъектов, было меньше при этом «они носили революционный характер». Ссылаясь на работу Т. А. Сошниковой, профессор уточняет, что социально-экономические основы были заложены Конституцией РСФСР 1918 года [3], [4]. Конституция СССР 1924 года вовсе посвящена в основном регулированию государственного устройства без положений о правах граждан, поэтому в ней и упоминается лишь несколько субъектов для обозначения общего вектора законодательства.

Исходя из анализа основных законов: Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г., приходим к выводу, что законодатель не ста-

вил задачу четкой регламентации статуса субъекта права, его основная цель состояла в обеспечении стабильности в обществе, государстве. Данное удалось достичь, путем отображения в основном законе интересов всех слоев общества, особенно тех, кто находился под гнетом. В том числе путем регламентации образования нового государственного аппарата, направленного на организацию власти страны в тяжелый период истории России. При этом Конституция 1924 года позволяет понять, что субъектом права выступает все-таки человек: «попытки капиталистического мира ... разрешить вопрос о национальности путем совмещения свободного развития народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными», вероятно, тем самым, объединяются все названные категории граждан в предыдущей Конституции 1918 года. Проблема в Конституции РСФСР 1918 г. состояла в наличии метонимии, что осложняло восприятие норм права, более того, не исключено, что некоторые категории были не учтены, что создавало трудность в правоприменении. Разрешить данную коллизию должно было «революционное правосознание», которое можно считать инструментом в преодолении пробелов в праве.

Таким образом, проследить путь становления категории субъекта права в советском законодательстве далее возможно через анализ Гражданского кодекса РСФСР 1922 года, учрежденный Постановлением ВЦИК от 11.11.1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса Р.С.Ф.С.Р.». В названном акте 2 глава посвящена субъекту права (лицам), как можно заметить законодатель не разводил данные понятия. Следует отметить, что произошло первое употребление данного термина на законодательном уровне, к примеру Конституции 1918

4 Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 11 мая 1925 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1925/red_1925/5508614/.

и 1924 годов не включали в себя данный термин. Содержание главы посвящено двум видам субъекта: физические лица (напрямую указания нет, подразумеваются граждане) и юридические лица (и их формы). В последующем с принятием уже Гражданского кодекса РСФСР 1964 года, утвержденного Верховным Советом РСФСР 11.06.1964 г., ситуация изменилась, субъектами оставались все те же виды, с модернизацией правового статуса и расширением организационных форм юридического лица [5].

Думается, что проблема метонимии и полисемии в советском законодательстве привело к абстрактному подходу в законодательстве по определению субъекта права исключительно как физических и юридических лиц. Для юридической техники в гражданской отрасли, применения данных категорий не вызывает вопросов, но касательно иных законодательных актов, других сфер регулирования возникает ряд проблем. Так, сложность в определении субъектов существует из-за недостаточно правильной юридической техники, выражаемой в преобладании полисемии и неопределенности в текстах правовых предписаний, вызванных прежде всего ситуацией «догоняющего права». Видится необходимым расширять использование норм дефиниций в данных нормативно-правовых актах, где будут детальнее прописываться, кто является субъектом права в регулируемых правоотношениях. Однако, данная дискуссия вызвана, на наш взгляд еще более глубоким вопросом, соотношения категорий субъект права и субъект правоотношения. Считаю важным, обратить внимание на то, что в юридической доктрине должны четко разделять субъекта юридического и субъекта действительного. Только в этом случае на практике не возникнет ситуации неопределенности в определении субъектов.

Предлагаем расширить теорию субъекта права позицией Н. Н. Алексеева и не следовать отраслевому критерию, где субъект права отмечается как физическое и юридическое лицо и объединения граждан. Согласно позиции Н. Н. Алексеева, существует 2 вида субъекта права: деятельностный субъект и юридический. Для первого характерно: проявление воли, совершение поступков, такие лица способны к деятельности от природы. Второй же юридический субъект направлен на защиту определенных ценностей при этом являются самоцели правовой регламентации [5], [6]. Н. Н. Алексеев писал, что «именно носить «право» означает быть деятелем, а также признанной и охраняемой правопорядком ценностью» [6].

Теория права носит фундаментальный характер, она дает основы для других наук и отраслей, ей необходим собственный взгляд на вопрос субъекта права, прежде всего для отображения реальной сущности права, как социального регулятора, как живого механизма, а не жестких нормативных предписаний. Наука права должна быть чистой ровно также, как и язык науки, ввиду сказанного профессор Л. И. Петражицкий отмечал, что практика может оказывать негативное воздействие на теорию права [1]. Как в свое время представители «Венского кружка» стремились очистить язык науки от пагубного влияния обыденного языка, так и мы обращаем внимание на чистоту научного языка теории права в части категории субъект права.

Пристатейный библиографический список

1. Гараева Л. Киейзик О некоторых особенностях методологии права Л. И. Петражицкого // Мысль Л. И. Петражицкого и современная наука права: Материалы международной научно-практической видеоконференции. – Краснодар: Экоинвест, 2016. – С. 96-106.
2. Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избранные труды / Науч. ред. Е. В. Тимошина. – СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2010. – 1104 с.
3. Максимова О. Д. Классовый подход и проблема демократии в Конституции РСФСР 1918 года. Идеи конституционализма в отечественном законодательстве: материалы Всероссийского студенческого юридического форума, Москва, 25–26 октября 2018 года / Ответственный редактор Т. А. Сошникова. – Москва: Московский гуманитарный университет, 2019. – С. 26-30.
4. Сошникова Т. А. Традиции и новации в трудовом законодательстве России: от революции до наших дней. // Влияние революционных событий 1917 года на становление и развитие государства и права. Материалы Международного студенческого юридического форума. – М., 2018. – С. 81-88.
5. Коваленко Н. Е. Субъект права и информационная единица // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.) / Под ред. И. Р. Бегешева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 5. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. – С. 176-178.
6. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Изд. Лань, 1999. – 256 с.

КЛИМОВ Андрей Юрьевич

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва

САЛЬНИКОВ Александр Сергеевич

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, г. Москва

ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГУЛЯРНОЙ МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦИИ В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА I

В статье на основе анализа широкого круга историко-правовых источников и исследовательской литературы рассматриваются вопросы создания в Москве регулярной полиции в период правления Петра I. В статье рассмотрены организационные и правовые основы введения должности московского обер-полицмейстера и деятельности Московской полицмейстерской канцелярии. В статье приведены сведения о первом обер-полицмейстере Москвы – Максиме Тимофеевиче Грекове. Исследованы система московской полиции в период ее становления, ее штатная структура, компетенция, основные направления деятельности, а также анализируются имевшие место ошибки и упущения при формировании полиции в Москве. Актуальность данной темы обусловлена тем, что сегодня важное значение имеет изучение истории правоохранительных учреждений России. Знание их структуры, компетенции и форм работы помогает объяснить события и процессы прошлого и прогнозировать возможные варианты развития, будущего. Познание прошлого имеет не только теоретико-познавательное значение, но и является неотъемлемым компонентом исследования настоящего.

Ключевые слова: Москва, регулярная полиция, охрана общественного порядка, борьба с преступностью, полицмейстерская канцелярия, обер-полицмейстер, полицейская команда.

KLIMOV Andrey Yurjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, chief researcher of the Research Center, Management of the Academy of the MIA of Russia, Moscow

SALNIKOV Alexander Sergeevich

Ph.D. in Law, leading researcher of the Research Center, Management of the Academy of the MIA of Russia, Moscow

THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE REGULAR MOSCOW POLICE DURING THE REIGN OF PETER I

The article, based on an analysis of a wide range of historical and legal sources and research literature, examines the issues of creating a regular police force in Moscow during the reign of Peter I. The article examines the organizational and legal basis for the introduction of the position of Moscow chief police chief and the activities of the Moscow police chief office. The article provides information about the first Chief of Police of Moscow – Maxim Timofeevich Grekov. The system of the Moscow police during its formation, its staffing structure, competence, main areas of activity are studied, and the errors and omissions that occurred during the formation of the police in Moscow are analyzed. The relevance of this is due to the fact that today it is important to study the history of law enforcement agencies in Russia. Knowledge of their structure, competence and forms of work helps to explain events and processes of the past and predict possible options for development and the future. Knowledge of the past has not only theoretical and epistemological significance, but is also an integral component of the study of the present.

Keywords: Moscow, regular police, public order protection, crime control, police chief's office, chief police officer, police team.

В исследованиях разных исторических периодов сохраняется общность взглядов и отрицательных оценок работы государства и государственных деятелей по созданию и развитию регулярной полиции и в особенности, ее организации и направлений деятельности. По преимуществу, это критическая оценка, связанная с обоснованием выводов о том, что не было сделано или какие ошибки были допущены. Это позволяет считать, что роль и значение такого исторического события как создание, развитие и деятельность в Москве регулярной полиции до конца не познана. Этим определяется актуальность исследования.

До 1722 г. регулярное полицейское учреждение существовало только в Петербурге, но Петр I имел намерение создать регулярную полицию во всех городах государства. Осуществить это на практике сразу не удалось ввиду военной обстановки, финансовых затруднений и ряда других причин. Не нашел своего завершения и проект создания полиции в городах через систему магистратов. Законодательство магистратской системы «различало правление и полицию, считая последнюю как бы частью первого, а потому, полиция как учреждение должна была быть подчинена правлению»

[1, с. 183]. Однако задуманная Петром I компетенция полиции включала практически все управление и стояла над ним. Именно это противоречие, по нашему мнению, заставило законодателя отказаться от полиции в магистратской системе и направить её развитие по первоначальному проекту.

Датой создания московской регулярной полиции принято считать 12 января 1722 г. (23 января по новому стилю), когда была учреждена должность обер-полицмейстера, с прямым подчинением Петербургскому генерал-полицмейстеру и под оперативным управлением у главы Сенатской канторы в Москве. Назначенному указом императора от 11 апреля 1722 г. первому московскому обер-полицмейстеру полковнику Максиму Тимофеевичу Грекову поручалось создать регулярную полицию в Москве. Под его руководством была образована Московская полицмейстерская канцелярия, которая после ее создания подчинялась Петербургской полицмейстерской канцелярии. В результате чего последняя стала именоваться Главной или Государственной. При временном переезде императорского двора и центральных органов управления в Москву название и функции Главной переходили к Московской полицмейстерской канцелярии

(как было в 1729-1731 гг. во время пребывания правительства в Москве), а канцелярия в Санкт-Петербурге называлась Петербургской, превращаясь в орган управления полицией одного из столичных городов. Главная полицмейстерская канцелярия требовала регулярных отчетов от московской полиции о ее деятельности, о доходах и расходах денежной казны, о содержании колодников, присылала различные указы и распоряжения, ходатайствовала в Сенат о штатах, утверждала приговоры о ссылках и смертной казни, вынесенные в Московской полицмейстерской канцелярии, грозила обер-полицмейстеру взысканиями за неисполнение предписаний и волокиту [2, ч. 2. д. 141. л. 4-6, 10-10об, 17об-19].

Руководство Московской полицмейстерской канцелярией, как и управление Главной полицмейстерской канцелярией формально строилось на принципах коллегиальности. Присутствие состояло «из обер-полицмейстера, еще одного судьи, офицера в чине майора или подполковника, не имевшего определённого названия, но являвшегося фактически заместителем обер-полицмейстера, который, как и генерал-полицмейстер, был начальником московской полиции, а не только первоприсутствующим [3, с. 94]. Как зафиксировано в хранящихся в архивах протоколах [4, д. 1-5], зачастую в собрании присутствия заседал один судья, который и решал все вопросы, в основном текущего характера. А наиболее важные решения принимались обер-полицмейстером, остальные члены присутствия выступали в качестве советников. В случае если заместитель не был согласен с мнением обер-полицмейстера вопрос все равно решался по усмотрению последнего, так как в соответствии с Генеральным регламентом или Уставом [5, № 3534] при равенстве голосов в присутствии последнее слово всегда оставалось за председателем.

Первый московский обер-полицмейстер Максим Тимофеевич Греков принадлежал к старинному дворянскому роду. «Из солдатского учения Дмитрия Карпова» был пожалован в капитаны и направлен в полк Ильи Бильса. Участвовал в Северной войне: в 1700 г. в неудачном для нашей армии сражении под Нарвой, в 1702 г. в Рижском походе с генералом А. И. Репниным, в том же году во взятии Нотебурга, затем переименованного в Шлиссельбург. Поле взятия Нарвы был в ней плац-майором. Участвовал в 1708 г. в боях у Сойкиной мызы в составе войск генерал-адмирала Ф. Апраксина. В 1713 г. М. Т. Греков назначен командиром Ревельского полка, где вероятнее всего познакомился с А. М. Девиером, который в это время отвечал за строительство Ревельской гавани. В 1703 г. М. Т. Греков был произведен в майоры, в 1708 г. – в подполковники, в 1713 г. – в полковники [6, с. 90]. В этом же звании в 1722 г. был назначен, скорее всего по рекомендации Девиера, московским обер-полицмейстером. В том же году Петр I перед Персидским походом дал повеление Сенату произвести М. Т. Грекова в бригадиры [7, л. 1-3], однако патент на бригадирский чин им был получен уже из рук Екатерины I в 1726 г. [6, с. 89]. 23 декабря 1728 г. М. Т. Греков по собственному прошению «за старость моею и за беспамятством» был уволен со службы с производством в генерал-майоры.

Место московской полицмейстерской канцелярии в системе других городских и государственных органов управления в законодательном порядке не было четко определено. Оно частично устанавливалось в ходе практической деятельности отдельными узаконениями. После создания московской полицмейстерской канцелярии в ее подчинение не перешли уже имевшиеся на тот момент исполнительные структуры. Однако из гарнизонной канцелярии и некоторых других военных формирований в ее распоряжение выделялись на определенное время воинские команды, а отдельные военнослужащие на постоянную службу. Ассесор, секретарь, канцеляристы, подканцеляристы, копиисты и остальной личный состав исполнительного аппарата полицмейстерской канцелярии комплектовался из разных ведомств, которые зачастую не желали отпускать в полицию опытных чиновников и служителей. И это приходилось осуществлять в принудительном порядке, в результате чего чуть ли не по каждому солдату или канцеляристу издавались указы Сената.

В соответствии с Инструкцией московскому обер-полицмейстеру Грекову от 9 июля 1722 г. в Москве на несколько слобод создавались съезжие дворы, подчиненные полицмейстерской канцелярии. Вероятнее всего их создание происходило на основе уже существовавших в то время съезжих дворов объезжих голов. Съезжие дворы становились своего рода полицейскими участками, в каждом из которых имелась полицейская команда во главе с офицером. Команда обычно называлась по фамилии возглавлявшего ее офицера, а съезжие дворы именовались по названию слободы или местности. В состав команды кроме одного или двух офицеров входили унтер-офицер, солдаты и подьячий. К концу 1724 г. в Москве было не менее восьми полицейских команд [4, д. 4-5].

О компетенции полицейских команд можно судить по их делопроизводству. В 1724 г. по указанию полицмейстерской канцелярии в каждом съезжем дворе в Москве велось четыре книги: первая – приходная денежной казны, вторая – приходная колодников, третья приезжим, четвертая – отъезжим всяких чинов людей по данным домовых пашпортов, кроме данных ис коллегий и канцелярий» [4, д. 3. л. 144об]. Съезжие дворы собирали подати на нужды полиции, а также штрафы, но при этом не имели права расходовать собранные средства, а должны были передавать в полицмейстерскую канцелярию. Арестованные на съезжих дворах могли содержаться только некоторое время, после чего переправлялись в полицмейстерскую канцелярию, при которой имелась тюрьма, укомплектованная штатом надзирателей под руководством дневального офицера. Также в тюремном штате состоял «заплечных дел мастер», т.е. палач. Кроме всего офицеры и полицейские команды съезжих дворов выполняли различные приказания, поступавшие от обер-полицмейстера или из полицмейстерской канцелярии.

В 1722-1723 гг. в штат Московской полицмейстерской канцелярии, кроме обер-полицмейстера входили 20 штаб и обер-офицеров и равные им гражданские чины: 1 майор, 5 капитанов, 1 капитан-поручик, 4 поручика, 2 подпоручика, 4 прапорщика, 1 квартирмейстер, 2 – «из царедворцев» [2, д. 30. л. 181об]. Хотя в Санкт-Петербургской полицмейстерской канцелярии в это же время находилось на службе только 8 штаб и обер-офицеров, что объясняется скорее всего разностью в численности населения Москвы и Санкт-Петербурга.

После создания регулярной полиции в Москве, как и в Санкт-Петербурге, к выполнению полицейских обязанностей продолжало привлекаться местное население. Совместно с магистратом полицмейстерская канцелярия избирала из местных жителей старост, сотских, пятидесятских, десятских, которые обязаны были следить за порядком в своих слободах. Обо всех происшествиях что «противно запрещению» они докладывали руководителю своего съезжего двора, а тот в свою очередь в полицмейстерскую канцелярию. У решёток (рогатов), которыми на ночь перегораживались улицы по очереди, дежурили сторожа из числа жителей прилегающих улиц – по 4 человека ночью и по 2 человека днем. В случае драк и беспорядков они были обязаны «кричать караулы» и доставлять нарушителей на съезжие дворы [8, л. 62]. К несению дежурств привлекались все мужчины, достигшие 20-летнего возраста [5, № 4047, 4130].

Несколько раз в 1721 и 1723 гг. генерал-полицмейстер А. М. Девиер обращался в Сенат с предложениями заменить караульных из местного населения, рекрутами, для несения полицейской службы за жалование, но неизменно получал отказ: «Ночные караулы по улицам до времени содержать по-прежнему обывателям, приводя их в лучший порядок, как пристойно» [5, № 3777]. Сенат не освобождал от полицейской повинности граждан, за исключением отдельных категорий. Так, например, 15 января 1725 г. Московской полицмейстерской канцелярией по ходатайству Мануфактур-коллегии были освобождены от полицейской повинности работные люди фабрик и мануфактур, расположенных в Москве [4, д. 1. л. 37об-38]. Вместе с тем денежный сбор с жителей для выполнения полицией своих функций производился: на содержание фурманчиков, на ремонт мостов, на уличное освещение, за отвод мест под застройку, «хомутный сбор» с постоянных дворов. Так, в Москве на 1724 г. сбор

с постоянных дворов планировался в размере 5145 р. 47 коп. За приход и расход денежных средств Московская полицмейстерская канцелярия отчитывалась перед Главной полицмейстерской канцелярией, Сенатской конторой в Москве и московскими конторами финансовых коллегий. Вместе с тем московская полиция, как, впрочем, и полиция Санкт-Петербурга в начале своей деятельности была существенно стеснена в денежных средствах, хотя денежное довольствие и продовольственный паек полицейские чины получали по военным нормам и за счет военного бюджета, правда зачастую по остаточному принципу.

Основные направления деятельности московской полиции в начальный период ее существования можно сформировать в следующие группы: борьба с пожарами; борьба с воровством и обеспечение общественной безопасности; поддержание чистоты и порядка в Москве; контроль за соблюдением правил торговли; контроль за приезжими; поимка беглых рекрутов; контроль питейных заведений, надзор за игральными домами; учет проживающих в городе, въезжающих и выезжающих лиц; починка и строительство мостов; борьба с эпидемиями и болезнями, санитарный контроль; контроль за дорожным движением. При таком довольно внушительном объеме задач в первые годы деятельности московской полиции ее штат и финансирование оставляли желать лучшего.

В московских инструкциях московскому обер-полицмейстеру Грекову и московской полицмейстерской канцелярии около половины статей были посвящены требованиям по профилактике пожарной опасности и борьбе с пожарами, что говорит о самом приоритетном направлении деятельности регулярной московской полиции на начальном этапе ее существования. Кроме борьбы с пожарами, следующими по важности задачами полиции в Москве были надзор за передвижением и проживанием населения, пресечение дезертирства солдат, самовольных уходов крестьян и рабочих людей. Эти вопросы находились на постоянном контроле в московской полицмейстерской канцелярии. Только за три месяца 1724 г. с августа по октябрь в канцелярии было рассмотрено 19 дел о беглых, задержанных московской полицией [4, д. 1, 1а, 2]. Для профилактики дезертирства полиция ежегодно обнаруживала объявления о прощении солдат, до определенного срока добровольно вернувшихся на службу.

Основной мерой борьбы с беглыми в Москве стал строгий учет населения. Это имело немаловажное значение для не только для регламентации жизни городских жителей, но и для привлечения их к выполнению полицейских повинностей, и для выдворения из города опасных людей. Полицейским строго указывалось «накрепко смотреть приезжих», горожанам предписывалось докладывать в полицмейстерскую канцелярию или на съезжий двор о приезде людей в Москву. Также запрещалось размещать посторонних в своих домах свыше установленного срока и без разрешения пускать на ночлег. Все приезжающие в город подлежали обязательной регистрации в полиции. Запрещалось «без добрых по ним порук» принимать работников. За нарушение данных правил полицмейстерская канцелярия имела право приговорить домовладельца к конфискации имущества, ссылке на каторгу или на галеры, битью кнутом, что нередко происходило на практике. За период с августа по октябрь 1724 г. в Московской полицмейстерской канцелярии рассмотрено 6 дел о проживании в домах посторонних без разрешения полиции [4, д. 1. л. 37об-38].

Для контроля за перемещением людей были введены «покормежные письма» для крестьян, отправляющихся на заработки в другие районы, «абшиты» – для уволенных с военной службы солдат, а военнослужащим, временно отпущенным со службы – «письменные отпуска», выезжающим за границу выдавался пропуск – «пашпорт». В Москве оформлением этих документов занималась полицмейстерская канцелярия. Жители, не имевшие таких документов, останавливались на заставах, задерживались патрулями и местными властями. При обнаружении в домах людей без паспортов, полиция штрафовала хозяина. Задержанных трудоспособных людей направляли на работу или в солдаты,

крепостных после битья батогами возвращали помещикам. Попавший «гулящий люд» в полицию дважды наказывался кнутом и отправлялся: мужчины на каторгу, женщины в «шпингауз» (прядильный двор). Помещики, чьи крепостные задерживались, штрафовались в размере 5 руб. «за неусмотрение».

Из-за большой миграции населения преступность в городе продолжала расти. За период с августа по октябрь 1724 г. в Московской полицмейстерской канцелярии было рассмотрено 66 дел о кражах. Жителям Москвы предписывалось, чтобы воры не могли попасть во дворы – строить заборы в 4 аршина высотой [9, л. 56].

В первой четверти XVIII в. Московская полицмейстерская канцелярия имела значительные полномочия в области расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. В канцелярии проводилось дознание по всему объему выявленных полицией преступлений, а предварительное следствие и суд только в отношении лиц, подведомственных полиции. В годы правления Петра I в московской полицмейстерской канцелярии не рассматривались дела по политическим преступлениям, по хищениям из государственной казны и взяткам, дела о военнослужащих, за исключением нижних чинов полиции, дела об иностранцах, а также священно и церковнослужителей. При рассмотрении дел в полицмейстерской канцелярии присутствовала, как, впрочем, и в других учреждениях того периода, невообразимая волокита. С августа по октябрь 1724 г. в Московской полицмейстерской канцелярии было зарегистрировано не менее 2120 дел, а рассмотрено и то не всегда окончательно только 676 [4, д. 1, 1а, 2], то есть примерно 32 % от числа зарегистрированных. На 7 мая 1724 г. в Московской полицмейстерской канцелярии содержалось 295 колодников [4, д. 1а. л. 1]. Некоторые задержанные могли месяцами ждать решения по их делам, что иногда заканчивалось смертью заключенных. Так в протоколах Московской полицмейстерской канцелярии за три месяца 1724 г. отмечено 5 случаев смерти заключенных [4, д. 1, 1а, 2].

Полицейские реформы Петра I остались не завершенными. Вместе с тем за годы его царствования обозначились и сложились на практике основные функции полиции, определились ее задачи, зародилась ее регулярность и профессионализм.

Пристатейный библиографический список

1. Тарасов И. Эпоха смешения полиции и юстиции. 1718-1775 гг. // Юридический вестник. – 1884. – № 2 (февраль).
2. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА) – Ф. 931. Московская полицмейстерская канцелярия, г. Москва. – Оп. 1.
3. Сизиков М. И. Полицейская реформа Петра I // Правоведение. – 1992. – № 2.
4. РГАДА. – Ф. 931. – Оп. 3.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Собрание 1. – Т. 6.
6. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета 1729 г. – Санкт-Петербург, 1894. – Т. 7. – Тип. И. Н. Скороходова.
7. РГАДА. – Ф. 154. – Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел. – Оп. 2. – Д. 250.
8. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы) – Ф. 46. Московская полицмейстерская канцелярия, г. Москва; Канцелярия московского обер-полицмейстера, г. Москва; Канцелярия московского градоначальника ведомства министерства внутренних дел, г. Москва. – Оп. 1. – Д. 10.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА) – Ф. 1329. Именные указы и «высочайшие» повеления Сенату (коллекция). – Оп. 2. – Д. 36.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-103-104

СЭРУА Валентина Сауловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского

К ВОПРОСУ О ЗАДАЧАХ ПЕРВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА)

Статья посвящена анализу целеполагания в деятельности Украинского юридического общества как процесса постановки и трансформации рабочих задач в соответствии с реальным запросом социума. Автор обращается к малоизученным страницам истории первых советских юридических обществ на примере УЮРО как альтернативных по отношению к государственным формам организации советской юридической науки. На основе исследования материалов совместного печатного издания общества и Наркомата юстиции УССР «Вестника советской юстиции» автор делает вывод о постепенном расширении перечня задач УЮРО, в который наряду с научно-познавательными и прикладными были включены просветительские и корпоративно-коммуникационные задачи.

Ключевые слова: Украинское юридическое общество, советские юридические научные общества, «Вестник советской юстиции».

SERUA Valentina Saulovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

ON THE ISSUE OF THE TASKS OF THE FIRST SOVIET LAW SOCIETIES (ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN LAW SOCIETY)

The article is devoted to the analysis of goal-setting in the activities of the Ukrainian Law Society as a process of setting and transformation of work tasks in accordance with the real demand of society. The author turns to the little-studied pages of the history of the first Soviet legal societies on the example of the ULS as an alternative to the state forms of organization of the Soviet legal science. On the basis of research of materials of the joint printed publication of the society and the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR "Bulletin of Soviet Justice" the author concludes the gradual expansion of the list of tasks of the ULS, in which along with scientific-cognitive and applied tasks educational and corporate-communication tasks were included.

Keywords: Ukrainian Law Society, Soviet legal scientific societies, "Herald of Soviet Justice".

История советской юридической науки традиционно рассматривается сквозь призму тотального присутствия и контроля государства, монополии марксистско-ленинской идеологии. Действительно, после Великой Октябрьской Социалистической революции в РСФСР, затем и в других союзных республиках последовательно проводился принцип государственной организации науки. С самого начала советская юридическая наука была призвана обобщать практику государственно-правового строительства пролетарской диктатуры, разрабатывать понятия и категории нового социалистического права, открыто стоять на пролетарских, классовых, партийных позициях [2, с. 15]. Организационное оформление советской юриспруденции соответствовало поставленным перед ней задачам: советские юридические научные учреждения (организации) создавались и развивались как элементы государственной системы. Однако наряду с формами организации юридической науки государственной принадлежности существовали добровольные профессиональные объединения юристов – юридические научные общества. Как одно из самых активных проявилось Украинское юридическое общество (УЮРО), имевшее несколько отделений: в Одессе, Екатеринославе и других городах. Примечательно, что УЮРО совместно с НКЮ УССР имело свой печатный орган – «Вестник советской юстиции». Журнал регулярно информировал о работе центрального и местных юридических обществ (отделений).

Украинское юридическое общество начало свою работу 13 января 1923 года [1, с. 19], объединив работников советской юстиции «вследствие необходимости проведения в жизнь важнейших законодательных актов, закрепивших завоевания Октябрьской революции». Важнейший программный

вопрос о целевых установках общества неоднократно становился предметом обсуждения в заседаниях отделений организации.

Первоначальная формулировка задачи, которую поставило перед собой УЮРО, имела узкопрофессиональный характер – сочетание теории советского права с текущей практикой [1, с. 19].

Для понимания сущности данной задачи следует указать на специфику членского состава первых советских юридических обществ. Членами общества могли стать лица, достигшие 18-летнего возраста, неограниченные в правах, имевшие желание активно участвовать в работе общества и возможности быть полезными для осуществления его задач [3, с. 114]. Требования, предъявляемые к потенциальным участникам общества, нестандартны для классических профессиональных сообществ, но показательны с точки зрения соответствия историческому времени создания организации. Отсутствие в качестве обязательного условия для участия в обществе профессионального образования объясняется очевидным для первых послереволюционных лет фактом: в своем большинстве своем народные судьи, народные следователи, прокуроры и другие работники юрисдикционных структур были людьми, не получившими законченного юридического образования. Профессиональная неграмотность некоторых работников Красной юстиции констатировалась организаторами общества и эффективным средством ее искоренения должна была стать работа в юридическом обществе [4]. Более того, в заметках о деятельности общества его члены зачастую именуются слушателями, [5] что, возможно, обусловлено их преимущественно пассивной ролью обучаемых юридической профессии. Небезынтересно, что многие

Сэруа В. С.

из малообразованных работников юстиции оценивали свой уровень юридических знаний как достаточный и не стремились его повышать, проявляя совершенно непонятную индифферентность к юридическому обществу. Так, на заседании Екатеринбургского общества им. тов. Скрыпника по итогам первых месяцев работы было отмечено отсутствие к обществу всякого интереса со стороны народных судей, старших и народных следователей [4].

Следовательно, одним из первых результатов выполнения задачи УЮРО по сочетанию теории советского права с текущей практикой должен был стать значительный рост профессионализма всех членов (слушателей) общества. Предполагалось, что работники советской юстиции – участники общества станут носителями необходимых компетенций:

- умением работать с обширным нормативно-правовым материалом, т.е. разбираться в массе разрозненных норм права и сводить в единую систему отдельные законоположения, разбросанные по различным кодексам и номерам «Собрания Узаконений»;

- способностями свободно оперировать необходимыми теоретическими понятиями (норма, институт, система права и другими) и теоретически обосновывать существующие правовые нормы и институтов;

- пониманием права как выражения/регулятора системы общественных отношений, действующих в области производства и распределения соответственно интересам пролетариата, а также правопорядка, установленного трудящимися в своих классовых интересах и защищаемого своей организованной силой, т.е. всем аппаратом созданной ими государственной власти [1, с. 20].

Обращает на себя внимание проработка в обществе вопроса о соотношении двух вариантов теоретического обоснования норм и институтов социалистического права: догматического (логического) толкования норм права и обоснование правовых норм и институтов права причинами и целями хозяйственной целесообразности в области определенной хозяйственной системы и выражающего ее правопорядка. Украинское юридическое общество пошло по пути сопоставления и соединения обоих способов истолкования действующих правовых норм в целях ознакомления работников юстиции с принципами советского права, с техникой применения советского законодательства и общему системой современно-правосознания.

Повторно вопрос о задачах юридического общества был поставлен на заседании Одесского отделения через полгода активной деятельности общества. Разнообразный характер фактической работы общества вступил в очевидное противоречие с имеющейся формулировкой задачи общества, высветив чрезвычайную ограниченность последней.

По мнению членов Одесского отделения у юридического общества имелись три «ударные» задачи [6]:

1. Осознание революционных принципов советского права и их воплощение в современной обстановке (НЭП).

В рамках этой задачи юридическое общество должно способствовать ликвидации правовых понятий и институтов капиталистического строя, с одной стороны, и содействовать воплощению в жизнь положений научного социализма, с другой стороны. Первое направление реализации этой задачи – практические действия судей, следователей, прокуроров и других работников юстиции, направленных на углубление и усиление роли трудового начала, объединения пролетарских слоев, развития социалистических форм хозяйства. Второе – разработка юридическим обществом теоретических и практических вопросов права переходного периода, освещенных в духе пролетарских интересов. Так, кодексы 20-х гг. (земельный, законов о труде, уголовный, гражданский) прямо поставили перед обществом задачу по защите прав трудящихся и ограждение прав и интересов революционного правопорядка.

2. Правовое просвещение масс.

Целью правового просвещения являлась подготовка трудящихся к пониманию начал советского строя и сознательному участию в строительстве новых социалистических

форм жизни. К средствам решения данной задачи относились устройство публичных чтений, организацию курсов, издание доступных книг и брошюр. В качестве первоочередной для юридического общества рассматривалась разработка вопросов, связанных с распространением в массах юридических знаний. Эффективным способом решения данной задачи считалось установление связи с пролетарским студенчеством, совместная организация просветительских собраний на фабриках, заводах и в учреждениях, а также кампании «юридических общедоступников», т.е. популярных чтений по вопросам советского права и советской юстиции.

3. Объединение и тесное общение деятелей юридической мысли и практики, повышение качества юридического образования.

Члены юридического общества должны были стать наиболее авторитетными консультантами для различных советских учреждений по различным вопросам права, содействуя высшим органам власти в деле разработки и усовершенствования советского законодательства. Также направлением усилий юридического общества становилось содействие в повышении качества юридического образования посредством компетентной помощи в вопросах преподавания правовых дисциплин или в форме «обслуживания высшей школы своими наличными силами».

Таким образом, перечень задач юридического общества в течение уже первого года деятельности был расширен вследствие необходимости включения в него тех направлений, по которым осуществлялась реальная работа общества, в свою очередь обусловленная современным ей социальным запросом. Вместо указания на единичную задачу сочетания науки и практики УЮРО продемонстрировало комплексный подход к определению своих задач и направлений деятельности соответственно. Обновленный список задач УЮРО содержал научную, просветительскую и корпоративно-коммуникационную задачи. Первая задача – научная напрямую отражала принадлежность общества к разряду ученых. Распространение юридических знаний естественным образом сопутствовало проведению научных изысканий в области юриспруденции, представляя собой средство популяризации науки, приобщения общественности к ее достижениям и повышение уровня правосознания граждан. Признание в качестве задачи общества содействие объединению юристов свидетельствовало о стремлении к коллективному формату работы по теоретической и практической разработке права, построению и развитию юридической корпорации, в том числе через повышение качества юридического образования.

Пристатейный библиографический список

1. Вестник советской юстиции. Орган НКЮ УССР и УЮРО. – Харьков, 1923, 1924, 1925.
2. Очерки по истории юридических научных учреждений в СССР. - М.; 1976. – 238 с.
3. Ратнер Л. И. Первые юридические общества // Советское государство и право. - 1974. - № 1. - С. 113-115.
4. Вестник советской юстиции. Хроника. На местах. В Екатеринбургском юридическом отделении УЮРО. - 1925. - № 1. - С. 156.
5. Вестник советской юстиции. УРЮО. - 1925. - № 2 (35). - С. 90.
6. Хмельницкий И. А. Задачи юридических обществ // Вестник советской юстиции. - 1923. - № 6. - С. 157.

ТЕРЯЕВА Евгения Вячеславовна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел

СЕНАТОРСКИЕ РЕВИЗИИ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

В статье рассматривается процесс становления и эволюции института сенаторских ревизий от их учреждения Петром I до периода их расцвета в первой половине XIX века. Особое внимание уделяется ревизии сенатора Н. Е. Мясоедова Орловской губернии, проведенной в 1816 году. В работе определены основные виды должностных злоупотреблений и преступлений, выявленных сенатором в ходе ревизии, круг должностных лиц, привлеченных к ответственности, степень их виновности и мера наказания. Анализируются и впервые вводятся в научный оборот уголовные дела чиновников, привлеченных к ответственности. Также рассматриваются механизмы и средства борьбы императорского правительства со злоупотреблениями и преступлениями на службе, определяется роль и значение сенаторских ревизий в антикоррупционной политике государства.

Ключевые слова: сенаторская ревизия, провинциальное чиновничество, должностные злоупотребления, антикоррупционная политика.

TERYAEVA Evgeniya Vyacheslavovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of History, political science and public policy sub-faculty of the Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Academy of the National Economic and Public Administration under the President of the Russian Federation, Orel

SENATORIAL AUDITS AS AN ELEMENT OF THE ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE RUSSIAN STATE IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The article examines the process of formation and evolution of the institute of senatorial audits from their establishment by Peter I to the period of their heyday in the first half of the XIX century. Special attention is paid to the revision of Senator N.E. Myasoedov of the Orel province, conducted in 1816. The paper identifies the main types of official abuses and crimes identified by the senator during the audit, the circle of officials brought to justice, the degree of their guilt and the measure of punishment. Criminal cases of officials brought to justice are analyzed and introduced into scientific circulation for the first time. The mechanisms and means of the imperial government's fight against abuses and crimes in the service are also considered, the role and significance of senatorial audits in the anti-corruption policy of the state is determined.

Keywords: senatorial audit, provincial officialdom, official abuses, anti-corruption policy.

Борьба с коррупцией являлась неотъемлемой частью внутренней политики многих правителей Российского государства. Отдельные указы и распоряжения издавались еще во времена правления Ивана III, Ивана IV, антикоррупционные статьи нашли свое отражение в таких нормативно-правовых актах как: Псковская Судная грамота, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Соборное Уложение 1649 года. Однако системная политика государства по борьбе со злоупотреблениями, преступлениями, взяточничеством (мздоимством и лихоимством) на государственной службе формируется только в период царствования Петра I.

В 1711 г. Петр I создает Сенат и институт фискалов. Важнейшая задача Сената состояла в высшем распоряжении и надзоре за всем управлением. Указом от 5 марта 1711 г. Сенату предписано было выбрать обер-фискала, который должен был «над всеми делами тайно надсматривать и проводить про неправый суд» [4]. Обер-фискалу подчинялись фискалы всех областей и ведомств. В каждом городе должно было находиться по одному или два фискала. Помимо того, что за нарушением порядка в губернии следили фискалы, Петра I именным указом от 4 апреля 1722 г. «О ежегодном отправлении в губернии одного сенатора ревизором, о принесении на него жалоб Сенату, когда учинит он неправое по делу решение или причинит кому несправедливость» предписывал для оценки состояния дел в провинциях и губерниях каждый год направлять в губернии и провинции по одному члену Сената и по одному представителю от каждой коллегии [6].

Однако ни в период правления Петра I, ни после его смерти институт сенаторских ревизий не нашел широкого распространения. Ревизии проводились не систематически, а время от времени и имели эпизодический характер. Особую значимость сенаторские ревизии приобретают во времена Павла I, который пытался усилить контроль за деятельностью чиновников. В резолюции от 1 декабря 1799 г. перед сенаторами, избранными для объезда и осмотра губерний помимо проверки работы присутственных мест и внутренней полиции были поставлены еще вопросы о наличии или отсутствии поборов и злоупотреблений в губерниях и о медлительности в исполнении судебных дел [6], [7]. За 1799-1800 годы были проведены ревизии 41 губернии. В ходе ревизий были выявлены вопиющие злоупотребления должностными обязанностями, многие чиновники были уволены и преданы суду [5]. Расцвет сенаторских ревизий, их периодичность, цикличность и системная упорядоченность приходится на время правления Александра I, который преобразовал государственный аппарат по принципу единоначалия, ввел принцип персональной ответственности, а работа Сената сосредоточилась на надзорно-судебной деятельности.

В рассматриваемый период ревизии проводились либо по инициативе Сената, либо по именному распоряжению императора. Как правило, проведению ревизии по именному поручению императора способствовали жалобы и обращения подданных на различные злоупотребления и притеснения местных чиновников.

Теряева Е. В.

Так, в 1806 году сенатору П. С. Руничу было поручено провести ревизию Орловской губернии. В ходе ревизии было установлено, что полиция действует согласно законам и установленным порядкам, земледелие развито хорошо, городские повинности исполняются в надлежащем порядке, народ не терпит никаких притеснений от начальства, дополнительные, не заявленные налоги не собираются [8]. По ревизии П. С. Рунич никаких упущений и злоупотреблений в Орловской губернии, кроме медлительности и волокиты в делопроизводстве выявлено не было.

Однако, в 1816 году до императора Александра I стали доходить сведения о возникших в Орловской губернии по производству дел по сбору податей и повинностей разных упущениях и злоупотреблениях. 24 июня того же года уже именным указом императора действительному тайному советнику, сенатору Николаю Ефимовичу Мясоедову было поручено провести ревизию Орловской губернии [9].

Мясоедов прибыл в Орел 21 августа и велел объявить купцам, мещанам и цеховым, что, если они испытывают от начальства какие притеснения или сборы сверх установленных, чтобы пришли к нему с донесениями. Рекрутские отдатчики казенных поселян и сами поселяне, явившись к сенатору рассказали о своих расходах при сдаче рекрут, о поборах и лихоимстве чиновников, о претерпеваемых ими притеснениях от местного начальства, о вымогательстве чиновников, а также о прочих злоупотреблениях, существующих в Орловской губернии [8].

Сенатор Мясоедов разослал своих людей по разным уездам Орловской губернии. В ходе проведения ревизии выяснились следующие упущения и злоупотребления по службе. Как и в предыдущую ревизию сенатором были выявлены медлительность и волокита в делопроизводстве. Медлительность в делопроизводстве была характерна не только для периода правления Александра I, но и для более ранних периодов. Правительство Екатерины II даже завело судебные дела на чиновников, обвиняя их в волоките. Так, в 1786 году заседатель Малоархангельского нижнего земского суда Кононов был обвинен в пьянстве, неисполнении служебных обязанностей, судебной волоките, что он «возложенные на него дела или худо и слабо исправляет или вовсе без действия отставляет» [1]. Однако палата уголовного суда решила, что доказательства по делу Кононова «настолько темны», что по ним обвинить его невозможно. Более того исправнику Малоархангельского нижнего земского суда Оловяникову и заседателю Хитрову, пожаловавшимся на Кононова, были даны рекомендации, чтобы они такого рода донесения впредь больше не делали, так как они мешают разбору других более важных дел: «от таковых донесениях, наводящих высшим правительствам затруднения в других делах помешательство воздержаться» [1].

В 1809 г. указом Александра I в губерниях были учреждены временные уездные и нижние земские суды для окончания старых и запущенных дел. Но полностью решить проблему не удалось. На момент издания указа, например в Малоархангельском суде было 475 нерешенных дел, из них к 1814 г. было решено только 235. Ситуация ухудшалась еще и тем, что из-за нехватки денег на выплату жалованья судьям временных уездных и земских судов, созданным в помощь основному судебному звену, многие судьи просили увольнения с занимаемой должности. Указом от 1 декабря 1814 г. временные земские суды были и вовсе отменены [2], [3].

Помимо волокиты в делопроизводстве сенатором Мясоедовым были выявлены следующие преступления и злоупотребления по службе. Служившие в рекрутском присутствии чиновники брали взятки, о чем свидетельствовали расходные книги городских дум и показания лиц, которым вверялись данные расходы. По волостным правлениям книг вообще не было, но казенные поселяне заявляли, что при отдаче рекрут, особенно вместо членов своей семьи других согласившихся идти в рекруты людей, они столкнулись с большим отягощением и лихоимством чиновников, волостных голов и писарей. Кроме того, казенные поселяне утверждали, что были принуждены работать чиновниками без какой-либо оплаты труда [8].

По сенаторской ревизии в коррупционных преступлениях были обвинены чиновники нижнего, среднего и даже высшего звена. Мценский уездный стряпчий Алексеев был обвинен в лихоимстве и иных незаконных поступках. Сенатор Н. Е. Мясоедов предложил губернскому правлению отрешить

Алексеева от должности и предать его суду Орловской уголовной палаты [8]. Ливенский казначей Протопопов и бухгалтер Шубин создавали большие притеснения казенным поселянам, чтобы те давали им деньги. Малоархангельский повытчик уездного казначейства Покатилов брал взятки по пять копеек с души при платеже податей. Мценский исправник Борисов не отдавал деньги экономическим крестьянам и однодворцам за постой солдат в их деревнях, а когда волостной голова пришел за деньгами, выпнал его и угрожал наказать палками. Карачаевский градской глава Ермольев общественные деньги на общественные городские расходы не только держал у себя, но и часть из них роздал гласным и дал взаймы без всякого обеспечения купеческому сыну Сухорукову [8].

Брянский городничий Вейтбрех брал деньги из думы на пожарные инструменты, но при пожаре инструментов не было и стоимость их была в десять раз меньше, чем взятые городничим деньги, не позволяя мясникам бить в городе скот и торговать мясом пока они не заплатили ему шесть тысяч рублей. Елецкий городничий Тагишев брал взятки с елецких кожевников за разрешение мыть кожи в реке Ельце, принуждал однодворцев на него работать, назначал с них без очереди рекрут. В Ливнах городничий Алымов вымогал деньги с ямщиков за небракование лошадей, а также сажал обывателей в полицию и за освобождение требовал деньги. Малоархангельский городничий Журовский, получая деньги на квартирование военных, местных жителей их не отдавал, принуждал экономических крестьян подгорной слободы рубить лес и гатить гать, им не принадлежащие и не заплатил за работу денег [8].

По ревизии сенатора Мясоедова даже гражданский губернатор Яковлев был предан суду за упущения по должности и поступки, связанные с лихоимством. По определению Государственного совета, утвержденного императором, приказано было Яковлеву отрешить от должности и впредь его нигде не определять и к выборам не допускать [9].

Производство по делам, возбужденным сенатором Мясоедовым тянулось длительное время. Сенатор предложил губернскому правлению отрешить обвиняемых от должности и предать суду Орловской уголовной палаты. Дела же по упомянутым служащим, даже если они были оправданы представлялись на ревизию в Сенат. И хотя большинству чиновников в итоге был вынесен оправдательный приговор, сам процесс нахождения под судом, иногда два, три десятка лет не способствовал продвижению обозначенных служащих по карьерной лестнице. В итоге по результатам сенаторских ревизий хотя виновные и не всегда наказывались по всей строгости закона, так как Сенат вынося обвинительный приговор прекрасно осознавал, что при значительном увольнении чиновников, может остановиться производство дел по многим государственным ведомствам губернии, однако за отсутствием более действенного механизма борьбы с коррупцией, институт сенаторских ревизий в рассматриваемый период имел существенное значение.

Пристатейный библиографический список

1. ГАОО. - Ф. 5. - Оп. 1. - Д. 268.
2. ГАОО. - Ф. 31. - Оп. 1. - Д. 505 а.
3. ГАОО. - Ф. 31. - Оп. 1. - Д. 506.
4. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 3. - Ростов н/Д: Феникс, 2000.
5. Михалкина Т. А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина. - 2006. - № 10. - С. 5-10.
6. ПСЗ – I. Т. VI. № 3991. - СПб.: Типография II Отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1830.
7. ПСЗ – I. Т. XXV. № 19.212. - СПб.: Типография II Отделения Собственной Его императорского Величества Канцелярии, 1830.
8. Пупарев А. Две сенаторские ревизии Орловской губернии при губернаторе Яковлеве // Труды Орловской ученой архивной комиссии. - 1984. - Вып. 4. - Орел: Типография С. А. Зайцевой, 1895.
9. Пупарев А. Ревизия сенатора Мясоедова и ее последствия // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891. Вып. 1. - Орел: Типография С. А. Зайцевой, 1891.

ТУАРМЕНСКИЙ Владимир Викторович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИН России в Рязани

БУРУКИН Вадим Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Академии права и управления ФСИН России в Рязани

ПЕЧЕРСКИЙ Даниил Вадимович

студент Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии права и управления ФСИН России в Рязани

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА КОРРУПЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ТРАКТАТА «АРТХАШАСТРА»

В статье предпринимается попытка рассмотреть коррупционный аспект сквозь призму развития древнеиндийской цивилизации. Основное внимание авторы отдают трактату «Артхашастра», где изложена одна из первых попыток осмысления феномена коррупции. В рамках исследования описывается причинность становления коррупции в Древней Индии, а также противодействие ей. Основания коррупционной составляющей в древнем трактате представляются посредством некорректного ведения счетов учетного ведомства; экономически не рационального пополнения государственной казны и отсутствия полного материального обеспечения аппарата управления. К антикоррупционным мерам авторы относят избрание должностных лиц, а также практику испытания чиновников.

Ключевые слова: Каутилья, Артхаш астра, коррупция, Древняя Индия.

TUARMENSKY Vladimir Viktorovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia in Ryazan

BURUKIN Vadim Valerjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia in Ryazan

PECHERSKIY Daniil Vadimovich

student of the Institute of Training of State and Municipal Employees of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia in Ryazan

UNDERSTANDING THE CORRUPTION PHENOMENON THROUGH THE PRISM OF THE ANCIENT INDIAN TREATISE «ARTHASHASTRA»

The article attempts to consider the corruption aspect through the prism of the development of ancient Indian civilization. The authors pay special attention to the treatise «Arthashastra», which describes one of the first attempts to understand the phenomenon of corruption. The study describes the causality of the formation of corruption in Ancient India, as well as its counteraction. The grounds for the corruption component in the ancient treatise are presented through incorrect account management of the accounting department; economically inefficient replenishment of the state treasury and the lack of full material support for the management apparatus. The authors refer to anti-corruption measures as the election of officials, as well as the practice of testing officials.

Keywords: Kautilya, Arthashastra, corruption, Ancient India.

Феномен коррупции является неотъемлемым элементом государственного аппарата и апробируется сквозь призму человеческих поступков в контексте как исторической, так и философской ретроспективы. Данное положение обусловлено тем, что конкретный универсум является продуктом определенной эпохи и парадигмы мыслительных воззрений того времени. Несомненно, коррупциогенная модель построения отношений между обществом и государством определяет дальнейшую судьбу развития отдельного территориального субъекта в области транзакционных, финансовых и иных отношений [2, с. 15].

Касаясь диалектической составляющей коррупции, мы ставим её наравне с одними из наиболее спорных феноменов в научном сообществе. Это предопределяется тем, что становление данного социально-экономического недуга происходит, с одной стороны, в период возникновения отношений, связанных областью обмена товаров и услуг, купли-продажи, возникновения определенных видов собственности (частная, государственная), а с другой, в момент пространственной реконструкции радикального механизма воздействия на общественные отношения – го-

Туарменский В. В.

Бурукин В. В.

Печерский Д. В.

сударства. Отметим, что данные концепции имеют место быть во всех своих однородных и неоднородных противлениях. В развитии с этим, необходимо обозначить, что эмерджентность коррупционного дискурса, проявляется при эволюции как биологического, так и природного ракурсов мироздания. Термин «эмерджентная коррупция» является одной из родовых категорий, благодаря которой система правового поля подвергается постоянной модернизации в контексте нормативно-правового оснащения. Одновременно с этим, данное понятие гарантируется следствием перманентизации коррупционной составляющей, в частности постоянной прогрессивности и развития социального континуума, а также структуры человеческой природы. Таким образом, феномен коррупции выступает в качестве центрической «болезни», которая требует немедленного анализа и способов излечения.

Хронологическая ретроспектива древнейшего времени определяет понятие коррупции, в большинстве случаев, относительно политической деятельности как государства в целом, так и целеполаганий конкретного должностного лица. Ракурс нашего исследования отразился на древнеиндийском трактате, вошедший в академический форум, под наименованием «Артхашастра» («Наука политики»), где термин коррупция отождествляется с экономической составляющей государства. Данный документ, написанный в IV веке до н.э., в эпоху династии Мауриев, дал исследователям не меньше аналитического материала чем «Политика» Аристотеля или «Государь» Макиавелли. Для специалистов «Артхашастры», обнаруженная только в XIX веке, открыла экономическую и политическую историю Древней Индии [1].

В трактате описываются основные аспекты ведения активной государственной деятельности, направленной на всестороннее улучшение сфер общественного, экономического, политического и военного потенциала национальной среды. Основной интерес в древнеиндийском документе для нас представляет проблематика, создающая организационно-экономический базис, ориентированный на феномене коррупции в свете дестабилизации государственного устройства.

Всестороннее изучение страниц трактата, привело нас к умозаключению о том, что четко-прописанной дефиниции коррупции в нем не содержится. Однако систематический анализ «Артхашастры» позволил выделить ряд причин коррупционных проявлений среди государственных служащих, а также несколько антикоррупционных мер по борьбе с данным явлением. Проблематика коррупционных проявлений в различных сферах общества затрагивает не только материальное состояние отдельно взятого субъекта, но и процесс формирования механизма его сознательного восприятия, критического осмысления, в том числе, применения определенного рода информации. В этой связи реконструируется устойчивая форма собственного мировоззрения, а также правосознания для глубинного изучения термина коррупции во избежание манипулятивных воздействий со стороны коррумпанта. При этом, древнеиндийская идеология по мере своей диалектичности сочетала в себе черты нравственных и религиозных традиций формирования личности на государственную должность, ведающую вопросами казначейства,

распределения денежных средств среди населения и т.д. Совокупность нравственно-религиозных качеств, отраженных в личности человека, выступали в роли системы сдержек и противовесов коррупционным проявлениям, что в свою очередь не предоставляло возможности должностным лицам заниматься взяточничеством. Однако относительное большинство субъектов власти (чиновников) пренебрегали исполнением морального долга не только перед государевым «оком», но и должности, занимающий ими в определенном ведомстве, благодаря которой лица получали конкретные преференции и апробировали их в корыстных целях [7, с. 19]. В результате чего происходила аморализация чиновничьего аппарата, что детерминировалось существованием коррупционной составляющей внутри государственного механизма.

Одной из причин расцвета коррупции в органах государственной власти является некорректное ведение счетов учетного ведомства. Ведомственные органы задаются идеальной моделью построения своих подразделений [5, с. 25] и должны выглядеть таким образом: «лицом (фасадом) на восток или на север, с отдельными присутствиями и с местами для документов» [4, с. 67]. Внутренняя составляющая учреждений обуславливается наличием четкой организацией всех сфер деятельности, начиная от распределения доходной части и заканчивая применением санкций к злостным нарушителям за несоблюдение императивных предписаний. Перечисленные выше элементы, входят в обязанности «надзирателей» или лиц, осуществляющих контроль за всей счетной деятельностью в учетном ведомстве. Неоценимый вклад «надзиратель» вносит при работе с документооборотом: «он должен дать затем в документальном виде то, что подлежит совершению, то, что является совершенным, то, что является остатком, доход, расход и чистый остаток (баланс), побочный доход от присутствий, (сведения о) деятельности, обычаях всех учреждений» [4, с. 68]. Данная система ведения учетной деятельности позволяет воссоздать экономически выгодный базис, при помощи которого происходит избежание столкновений с коррупционной составляющей. В последствии «надзиратель» распределяет своих служителей для дел разной степени важности. За ведения каждого из них он несет персональную ответственность, зачастую, она воплощена в форму денежного взыскания – штрафа. Его вариативность возможно представить в воззрениях древнеиндийских управленческих школ: 1) школа Манавы определяла штраф в равном размере причиненного ущерба с увеличением материального взыскания на единицу; 2) школа Парашары определяла штраф в восьмикратном размере относительно всего ущерба; 3) школа Брихаспати – десятикратный размер от всего ущерба; 4) школа Ушанаса – двадцатикратный размер; 5) школа Каутильи в зависимости от проступка [3, с. 86].

Вторая по значимости причина проявления коррупции в древнеиндийской цивилизации характеризуется нецелесообразностью пополнения государственной казны, что приводит к несоразмерному содержанию государственных служащих. Автоматически коррупционная составляющая среди лиц, ведающих светскими делами, обретает форму перманентной субстанции. Во избежание указанных последствий государю следует пополнять мате-

риальные блага казны следующим образом: 1) с сельской местности, изобилующей хлебом, следует взимать 3-ю или 4-ю часть зерна; 2) с местности со средней или низкой урожайности он должен взимать в соответствии с богатствами данной местности; 3) ювелирные изделия, а также лошади и слоны облагаются податью в размере 1/50 стоимости; 4) торгующие одеждой, цветными металлами, благовониями, медикаментами и крепкими напитками облагаются в размере 1/40; 5) с торгующих зерном, растительным маслом, железом и повозками взимается 1/30 стоимости; 6) торгующие стеклом, а также крупные ремесленники облагаются податью в 1/20 (заработка); 7) лица, занимающиеся разведением кур или свиней, должны отдавать половину приплода. Разводящие мелкий скот отдают 1/6, а содержащие крупный – 1/10 часть и т.д. [3, с. 85].

Благодаря системе налогообложения государство обретает устойчивый элемент экономического базиса, что в свою очередь не позволяет казне находиться в затруднительном состоянии. Часть денежных средств, взимавшихся с населения, распределялись между государственными служащим в качестве оплаты за труд. Материальная сегрегация между чиновниками происходила в зависимости от «... городов и селений, и оплата (их) должна равняться 1/4 доходов» [4, с. 271]. Отсюда следует стратификационная модель построения денежных выплат. Учитывая все обстоятельства, изложенные выше, мы приходим к выводу, что при должном и своевременном апробировании казначейских вопросов, коррупционный сегмент в области экономической составляющей станет квалитетически уменьшаться.

Рассмотрение причин коррупции в контексте древнеиндийской культуры является одним из элементов понятия детерминизма (причинно-следственная связь). Последующей частью данного термина выступает следствие, которое обретает форму механизма предотвращения коррупциогенной среды. В данном случае речь ведется о антикоррупционных методах [6, с. 32-44].

Анализ трактата позволяет определить побудительные мотивы, которыми руководствуется государь при управлении конкретной территорией и борьбой с преступлениями против царской власти. Основной упор на ограничение коррупционной составляющей определяется положениями избрания министров и испытания их честности посредством хитростей.

Назначение лиц на чиновничьи должности обозначается в трактате посредством полемической дискуссии среди главного советника и жрецов царя. Это обуславливается тем, чтобы методологически верно утвердить конкретную личность на должность государственного служащего во избежание проявления феномена коррупции.

По мнению Бхарадваджа, правитель должен ставить на посты министров своих соучеников, так как он хорошо представляет их моральные и деловые качества. Однако формирование аппарата министров таким образом позволяет детским товарищам царя пренебрегать государевым расположением в корыстных целях, при этом избегая наказания за содеянное. Этой точки зрения придерживается Вишалакша, который утверждает, что реконструирование бюрократической «машины» следует воссоздавать из должностных лиц, «... у которых с ним общие тайные

дела, потому что у них с ним общие добродетели и пороки. Они ведь не предадут его из боязни, что он знает их слабые стороны» [4, с. 23]. Интерполируя противоположным аргументом, Парашара излагает свои мысли в виде неравноценных отношений между государем и министром, т.е. нет необходимости изучения слабых и сильных сторон оппонентов. Идеальное видение министров, с точки зрения Парашары, заключается в готовности помочь царю, когда его жизни угрожают определенные события (смерть, болезнь и т.д.). В этой связи, формирование образа чиновничьего лица развивается сквозь призму нравственно-этического концепта. Напротив, Пушина придерживается позиции проявления сознательного механизма осмысления дел правительственной важности. По его словам, государственные служащие представляются царю в виде субъектов, ведающих вопросами «... по счетной части и по доходам, и которые их выполнили, как им было указано или с избытком, ибо на этом выявилась их пригодность» [4, с. 23]. Критикуя концепцию Пушина, Каунападанта утверждает, что такие люди не способны выполнять другие функции по отношению к государственным делам. Он обосновывает идеальную модель министра в виде системы наследования по мужской линии, такой индийский аналог русской системы местничества, когда сын и внук министра занимал соответствующую должность. Система перехода власти по династическому замыслу позволяет стабилизировать набор кадров на должность госслужащего, а также избежать формирования кризисных установок при упадке царской власти путем организации казначейского ведомства. Однако более прагматичной конструкцией назначения министров, которую разделяет Куатилья, отражается в представлении Бахудантипутра: «... знающий историю, но не знающий практики потерпит неудачу в делах. Пусть царь министрами назначает людей благородного происхождения, обладающих умом, честностью, мужеством, преданностью, так как достоинства стоят на первом месте» [4, с. 24]. Таким образом, назначение аппарата министров является главной задачей царя, благодаря которой дилеммы государственной важности обретают первостепенный характер и разрешаются по мере своего возникновения.

Последующим этапом стабилизации и укрепления аппарата министров служит проверка на хитрость. Этимологическую составляющую данного понятия, зачастую, обуславливают дефиниционной структурой управленческого дискурса. Однако формирование термина хитрости также отождествляют с искажением действительности из уст того человека, кто применяет указанный инструментарий. Из этого следует понимание всех частей государственного аппарата, который складывается благодаря проявлению доверия или недоверия к служащим, находящихся внутри него. В соответствии с положениями древнеиндийского писания проверка посредством хитростей включает в себя четыре видовых компонента: 1) хитрость закона; 2) хитрость выгоды; 3) хитрость любви; 4) хитрость страха [3, с. 88].

Испытание законом проводится от имени жреца, которого царь косвенным образом отстранил от обязанностей, возложенных на него. Его главная задача заключалась в приготовлении сговора против государя через шпионов, значение которых определялось путем дезинформации

министров для свержения царской власти: «Этот царь беззаконник, поставим же на его место другого царя, справедливового... Все с этим согласны, а ты как?» [4, с. 26].

Проверка выгодой характеризовалась материальной составляющей за убийство царя. По просьбе главы государства военачальник через шпионов подговаривает министров на совершения преступления против личности, относящийся к категории царской власти. При этом, спрашивает: «Все на это согласны, а как ты?» [4, с. 26]. Те, кто воспротивились данному предложению, оставались при своем должностном положении.

Проявление любовной хитрости осуществляется отшельницей, которая заслужила авторитет в царском тереме. Ее главная задача заключалась в подстрекательстве сановников для совершения греховного деяния в отношении возлюбленной царя: «Главная жена царя любит тебя, она приняла меры для свидания с тобой. Предстоит тебе и большая материальная выгода» [4, с. 26].

Что касается хитрости страха, то основной задумкой данного испытания послужила инициатива заключения министров в тюремные застенки во время пира. Должностное лицо, посланное царем, во время заключения подговаривает министров на заговор против царя и его власти: «Нехорошо поступает этот царь, уйдем же его немедленно и поставим (на его место) другого. Все с этим согласны, а как ты?» [4, с. 26].

После того, как все министры, прошедшие все испытания, верховный правитель выносит решение относительно их дальнейшего использования в структурах власти: 1) чистых по хитрости закона рекомендуется использовать в судебных органах; 2) чистых по хитрости выгоды необходимо использовать в вопросах сбора податей; 3) чистых по хитрости любви можно использовать в охране увеселений внутри дворца; 4) чистых по хитрости страха рекомендуется ставить на дела в ближний царский круг; 5) успешно прошедших все испытания можно делать царскими советниками [3, с. 91]. Лица, не прошедшие все (либо одну из них) формы указанных проверок, подлежат суровому наказанию, которое варьируется в зависимости от территориального расположения (рудники, лесозаготовки и т.д.).

Учитывая обозначенные позиции, следует отметить, что должное построение чиновничьего аппарата и его проверка посредством хитростей, в той или иной мере сокращают перманентное развитие коррупционной составляющей, но не предоставляет возможности максимального изменения процентного соотношения данного феномена. Именно поэтому необходимо внедрение системы предотвращения хищений казначейских средств среди аппарата министров. В трактате указываются виды деяний (преступления), благодаря которым материальная составляющая казны сокращается: ростовщичество, торговые сделки, превышение полномочий, нанесение ущерба, присвоение, подмена и хищение [4, с. 70]. Помимо них в древнеиндийском документе предусмотрена вариативность наказаний за совершение преступлений. К числу таковых относятся: 1) штраф; 2) взыскание; 3) смертная казнь. Основной задачей изложенных санкций заключается в фокусировке сознания аппарата министров на сущность карательной функции царской власти. Это способствует развитию конструктивного диалога между должностным лицом и его

обязанностями, что в свою очередь, сформирует инструментарий противодействия коррупции.

Исследование феномена коррупции в контексте древнеиндийского трактата «Артхашастра» позволило прийти к нескольким выводам. Во-первых, коррупционная составляющая власти в любом государстве представляет собой древний институт, возникающий с первыми цивилизациями. Во-вторых, при формировании антикоррупционных методов необходимо учитывать тот факт, что каждая цивилизация предлагает специфические механизмы противодействия разложению государственного аппарата.

Пристатейный библиографический список

1. Бонгард-Левин Г. М. Древняя Индия. История и культура. – М.: Наука, 2008. – 412 с.
2. Везломцев В. Е., Роман Е. М. К вопросу о взаимосвязи менталитета и коррупции // *The Newman in Foreign Policy*. – 2019. – № 50 (94). – С. 14-17.
3. Вигасин А. А. Учение об управлении и государственных доходах в «Артхашастре» // *Всемирная история экономической мысли: В 6 томах.* – Т. I. – М.: Мысль, 1987. – 606 с.
4. Каутилья. *Артхашастра, или наука политики.* – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 802 с.
5. Лелюхин Д. Н. Концепция идеального царства в «Артхашастре» Каутильи // *Государство в истории общества: (к проблеме критериев государственности).* – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. – С. 25.
6. Самозванцев А. М. «Артхашастра» III. 10.8-17: Опыт интерпретации правового текста // *Вестник древней истории.* – 1983. – № 4. – С. 32-44.
7. Самозванцев А. М. «Око государево» (соглядатаи) в Древней Индии: (по данным «Артхашастры Каутильи») // *Восток.* – 2010. – № 3. – С. 18-32.

ФЕСИК Петр Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Волжского государственного университета водного транспорта, г. Нижний Новгород

КОНЦЕПЦИИ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ В КОНЦЕ XIX – 70-Е ГГ. XX ВВ.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с возникновением и развитием особого для уголовного права института экономических преступлений и ответственности за них. Экономические преступления достаточно поздно стали выделяться как особый вид правонарушений. В континентальных странах Западной Европы отсутствовал единый подход к определению экономических преступлений, их классификации и признакам. Страны англо-саксонской правовой семьи до настоящего времени применяют к экономическим преступлениям классификацию, возникшую в средние века в уголовном праве. Страны, принадлежащие к романо-германской правовой семье, достаточно долго, вплоть до второй половины XX в. расходились в определении экономических преступлений и их общественной опасности. Наиболее последовательно к вопросам выделения экономических преступлений в особую группу и установлении юридической ответственности за них подходили законодатели и правоохранительные органы Российской империи. Столь же сильно от правовых норм континентальных стран Западной Европы отличался правовой подход к данной проблеме, сформировавшийся в СССР. Автор полагает, что этому способствовало особое отношение к институту государственной и частной собственности в Российской империи и появление социалистической собственности в СССР. В то же время либеральный взгляд на функции и деятельность государства в правоохранительной сфере в странах Западной Европы привел к отрицанию необходимости установить меры уголовной ответственности за совершение экономических преступлений в начале XX в. На основе сравнительно-правового анализа законодательства стран, принадлежащих к романо-германской правовой семье, автор делает вывод о четко сформировавшихся к 70-м гг. XX в. двух разных теоретических подходах к институту экономических преступлений и уголовной ответственности за них. Автором предложено учитывать обширный опыт советского законодательного и правоохранительного наследия в вопросах, связанных с экономической преступностью.

Ключевые слова: экономическое преступление, уголовное право, уголовная ответственность, собственность, социалистическая собственность.

FESIK Petr Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law sub-faculty of the Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod

CONCEPTS OF THE INSTITUTION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ECONOMIC CRIMES IN THE COUNTRIES OF THE ROMANO-GERMANIC LEGAL FAMILY IN THE LATE XIX – 70S OF THE XX CENTURIES

The article examines issues related to the emergence and development of the institution of economic crimes and responsibility for them, which is unique to criminal law. Economic crimes began to be identified quite late as a special type of offense. In the continental countries of Western Europe there was no unified approach to the definition of economic crimes, their classification and characteristics. Countries of the Anglo-Saxon legal family still apply to economic crimes the classification that arose in the Middle Ages in criminal law. Countries belonging to the Romano-Germanic legal family for quite a long time, until the second half of the 20th century differed in the definition of economic crimes and their social danger. Legislators and law enforcement agencies of the Russian Empire approached the issues of separating economic crimes into a special group and establishing legal liability for them most consistently. The legal approach to this problem, formed in the USSR, differed just as strongly from the legal norms of the continental countries of Western Europe. The author believes that this was facilitated by a special attitude towards the institution of state and private property in the Russian Empire and the emergence of socialist property in the USSR. At the same time, a liberal view of the functions and activities of the state in law enforcement in Western European countries led to the denial of the need to establish criminal liability measures for committing economic crimes at the beginning of the 20th century. Based on a comparative legal analysis of the legislation of countries belonging to the Romano-Germanic legal family, the author concludes that by the 70s of the 20th century two different theoretical approaches to the institution of economic crimes and criminal liability for them was clearly formed. The author proposes to take into account the extensive experience of the Soviet legislative and law enforcement heritage in matters related to economic crime.

Keywords: economic crime, criminal law, criminal liability, property, socialist property.

Введение

Традиционно в теории права присутствует понятие правонарушения, субъективная и объективная сторона правонарушения, причинно-следственные связи. Также правонарушение может быть предметом рассмотрения как уголовного, так и административного права. При этом понятие «экономические преступления» и наказания, назначаемые за них, являются достаточно дискуссионным.

Прежде всего, если обратиться к анализу понятия «экономические преступления» с точки зрения сравнительного правоведения, то можно обнаружить, что к данной проблеме не существует какого-то единого подхода даже в странах, принадлежащих к романо-германской правовой семье, бо-

лее того, нет единого подхода к возможности применения уголовного права к предпринимательской деятельности. Например, во Франции говорят об уголовном элементе коммерческого права.

Представители правовой науки в основном сосредоточили свое внимание на исследовании преступлений в экономической сфере в Великобритании и США, т.е. странах, принадлежащих к англо-саксонской правовой семье. Достаточно подробно исследуются как законодательные акты Англии за достаточно представительный период [5], так и дифференциация уголовной ответственности за экономические преступления в Великобритании и США [1]. Однако отметим, что в силу исторической специфики развития англо-саксонской

правовой семьи сама классификация уголовных правонарушений в Англии и США отличается от принятых в романо-германской и других правовых семьях. Высокая и малая измена, фелония и мисдиминор по своим квалифицирующим признакам мало коррелируются с принятыми в РФ правовыми нормами. Впрочем, были сделаны также немногочисленные попытки сопоставить практику РФ, ФРГ и США [2]. При этом российские исследователи обращают внимание на то, что Стратегией национальной безопасности борьба с преступлениями в налоговом-кредитной сфере отнесена к разряду особо актуальных [6].

Соответственно, цель нашего исследования будет заключаться в рассмотрении и сравнительном анализе теоретических положений в области уголовного права по отношению к экономическим правонарушениям. Мы планируем выявить особенности понимания экономических правонарушений, которые влекли за собой уголовную ответственность, сформированные в разные хронологические периоды на территории стран континентальной Европы, принадлежащих к романо-германской правовой семье. Поставленная цель реализуется с помощью методов сравнительного правоведения, гипотеза исследования состоит в предположении о достаточно позднем выделении экономических преступлений как особой группы деяний, отсутствия четкого и одинакового для систем права европейских стран определения экономических преступлений.

Результаты исследования

Во Франции первое руководство по уголовному бизнес-праву было опубликовано профессиональным бухгалтером Полем Кожолем [12]. Исторический аспект формирования и применения уголовного бизнес-права рассматривали М. Тераж [35] и М. Кавина [13]. Относительно недавняя концепция предпринимательского права была освещена А. Лепажем [23].

Также французские исследователи использовали термины «уголовное финансовое право» [20], «экономическое уголовное право» [36], «социально-экономическое уголовное право», а также «экономические финансовые преступления» [21].

Столь же неоднозначно определяют эти правонарушения немецкие правоведы. Например, *wirtschaftsstrafrecht* [9] – «уголовное право белых воротничков» соседствует с *weisen-kragen-delikt* [38] – «преступлениями белых воротничков» и с *unternehmensstrafrech* [22] – «корпоративным уголовным правом».

Итальянские юристы используют термины *delinquenza negli affari* [15] – «правонарушение в бизнесе», преступления белых воротничков», *diritto penale dell'economia* [28] – «экономическое уголовное право» и *diritto penale commerciale* [33] – «коммерческое уголовное право».

В Испании также используется понятие «экономическое уголовное право», но чаще всего с дополнением *derecho penal economico y de la empresa* [14] – «экономическое и предпринимательское уголовное право», *delito contra el patrimonio* [32] – «преступление против собственности» или *contra el orden socioeconómico* [7] – «против социально-экономического порядка».

В странах англо-саксонской правовой семьи оперируют понятиями «преступление белых воротничков», «корпоративное преступление» [8], «бизнес-преступление» [10], «финансовое преступление» [26] и «корпоративные неправомерные действия» [24].

Наблюдение над этими терминами дает право предположить, что стремление авторов связать уголовное право и экономику, которая отчетливо проявляется в понятиях *wirtschaftsstrafrecht* или *wirtschaftskriminalität*, экономического уголовного права, *derecho penal economico*, экономического преступления или даже *diritto penale dell'economia* подводит их к теоретическому признанию связи между уголовным правом и деловой жизнью, что демонстрируется понятиями коммерческого уголовного права, *delinquenza negli affari* или даже *diritto penale Commerciale*. Это наблюдение также свидетельствует о разнообразии критериев определения этой особой отрасли уголовного права (охрана экономики, надзор за деловой жизнью, а иногда и стигматизация

профессионалов в сфере бизнеса или самой корпоративной жизни).

В европейских странах деловые правонарушения не интерпретируются одинаковым образом, и в пределах одного и того же государства теоретические позиции иногда существенно менялись. Такое разнообразие понятий и взглядов объясняется как историей развития экономического или предпринимательского уголовного права, так и правовой концепцией.

Рассматривая проблему определения экономических преступлений в историческом контексте, мы видим, что в античных период право их не выделяет. Так же, как и раннесредневековые памятники права не акцентируют внимание на данных видах правонарушений. Только в XV в. в провинциях Валлонии, Эно и Фландрии, а также землях Священной Римской империи исследователи обнаруживают дела, связанные с пресечением экономических преступлений [18]. Достаточно большая территория, на которой были обнаружены эти материалы, показывает, что в данный период начинает складываться единая для романо-германской правовой семьи концепция экономических преступлений как подотрасли уголовного права.

Однако в XVI – XVIII вв. данные правонарушения вновь не заслуживают внимания правоохранителей и судей, вероятно, в силу их малочисленности. В уголовных кодексах начала и первой половины XIX в. они также отсутствуют.

Концепция экономических преступлений как части уголовного права начинает складываться только в конце XIX в. Причем произойдет это не в центре Европы, а на Балканах и на юге Европы. Так, для Греции Константинос Вуюкас подчеркивает увеличение количества специальных законов в области экономики к 1912 г. [37]. Аналогично, итальянское законодательство 1889 г. вносит серьезные ограничения и санкции за их нарушение в деловые контракты [27].

Любопытное объяснение этому явлению находят испанские исследователи, объясняя возросший на рубеже XIX – XX вв. интерес государства к включению правонарушений в сфере экономики в область юрисдикции уголовного законодательства трудностями военного периода [16], подчеркивая, что появилась тенденция, которую предопределила растущая бедность, возникшая из-за нехватки ресурсов или производственных мощностей, порожденных военными конфликтами.

Таким образом, можно сказать, что европейская доктрина уголовного права, за редкими исключениями, игнорирует экономические преступления в древности, средние века и новое время и часто оказывается неспособной предложить концепцию законодательного обновления этой особой проблематике уголовного права.

В Российской империи уже в начале XIX в. была представлена цельная концепция экономических преступлений, влекущих за юридическую ответственность. К их числу относились банкротство ложное, неосторожное, повторное, безвишнее и умышленное в проекте Уголовного Уложения 1813 г. [3].

Другие исследователи предполагают, что ответственность, в том числе и уголовная, за преступления в сфере предпринимательской деятельности предусматривается уже Соборным Уложением 1649 г. [4]. При этом к незаконному предпринимательству причисляются уклонение от уплаты различных податей, спекуляция перекупленными у крестьян товарами, нарушение правил торговли.

При этом полная кодификация норм, предусматривающих уголовную ответственность в сфере экономического права, произошла в СССР в 20-е гг. XX в. Европейские ученые пытаются связать эту тенденцию развития права с авторитарным политическим режимом и созданием концепции экономического уголовного права [34]. Поскольку в СССР не предусматривался принцип экономической свободы, государство полностью контролировало экономику, поэтому должно было прибегнуть к принудительным мерам для обеспечения соблюдения государственной воли. Таким образом, развитый государственный сектор в экономике логически побуждает законодателя защищать экономику, в частности, используя уголовное право.

Действительно, само определение преступления, предусмотренное статьей 6 Уголовного кодекса РСФСР от 1 июня 1922 г., обнаруживает достаточно тесную связь с понятием экономической преступности. Кроме того, советский уголовный закон содержит отягчающее обстоятельство, позволяющее более строго наказать виновника преступления,

1 Revue internationale de droit penal – Vol. 31 – 1953. Revue internationale de droit compare. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: researchgate.net (дата обращения: 24.12.2023).

действовавшего с целью обогащения, то есть движимого определенной корыстью, предполагающей его намерение «восстановить власть буржуазии».

С точки зрения истории формирования экономического уголовного права наиболее решающим элементом является глава V Кодекса от 1 июня 1922 г., касающаяся экономических преступлений (Преступления хозяйственные), «учитывая ее значение в общем структура режима рабочих и крестьян». В этой главе рассматриваются «плохое управление (...) со стороны людей, поставленных во главе учреждений, учреждений или государственных или общественных предприятий», а также «массовая или систематическая поставка промышленными или торговыми компаниями продукции низкого качества».

Анализируя данные фрагменты норм права, можно ясно увидеть основное отличие концепции экономического преступления от концепции преступления против собственности. В первом случае закон защищает интересы общества в целом от защиты интересов личности. Можно сказать, что в СССР борьбу с экономическими преступлениями понимали, как защиту государственной экономики. Можно отметить также, что советская концепция уголовного права 20 – 30 гг. не дает систематизации признаков экономических преступлений, очевидно в силу развитого в то время представления о том, что после скорого наступления эпохи коммунизма преступность, в том числе и экономическая, исчезнет. Однако фактически она представляет собой первую попытку, во многом несовершенную, определить контуры особой отрасли уголовного права, призванной защищать управляемую государством экономику как фундаментальную социальную ценность.

В послевоенный период в Европе, за исключением СССР и стран соцлагеря уголовную ответственность за экономические преступления было принято считать неуместной и приемлемой только в случае войны или серьезного экономического кризиса [34].

В этом неблагоприятном контексте некоторые правоведы, тем не менее, желали обновления уголовного права в части рассмотрения ответственности за экономические преступления. Столкнувшись с противодействием этим правонарушениям в военной экономике, которая все еще сохранялась в конце 1940-х годов, и сохранением этих правонарушений в 1950-е годы, когда экономический подъем мог бы привести к их исчезновению, они, как полагает Кинтано Риполле, занялись теоретической проблемой реформы уголовного права [34]. В частности, Клаус Тидеманн и Мирей Дельма-Мартти практически одновременно пришли к выводу, что необходимо обновить уголовную правовую доктрину за счет формирования норм, говорящих об ответственности за экономические преступления.

Советская концепция уголовной ответственности за экономические преступления столкнулась в послевоенный период с формирующейся в странах Восточной Европы теорией экономического уголовного права. В то время, как в СССР сохранялись основные подходы к ответственности за экономические преступления, заложенные Уголовным кодексом 1922 г. и скорректированные Уголовным кодексом РСФСР 1960 г., причем в кодексе нет специальной части для выделения этих правонарушений в отдельную группу, в странах Восточной Европы начались процессы кодификации, которые привели к созданию правовых норм, отличающихся от норм советского права. Например, в Румынии в 1969 г. выступил в действие Уголовный кодекс, который ввел юридическую ответственность только для отдельных видов экономических преступлений. VII раздел кодекса посвящен преступлениям против режима, установленного для определенных видов экономической деятельности [11]. В Чехословакии юристами отрицалось доктринальное использование понятия экономического или предпринимательского уголовного права [25]. В Польше Уголовный кодекс 1969 г. все же признавал некоторые экономические преступления [19]. В Венгрии законом 1961 года была создана новая глава в старом уголовном Кодексе, специально посвященная «уголовной защите национальной экономики» [31].

Пожалуй, наиболее последовательно отражал советскую концепцию уголовных наказаний за экономические преступления Уголовный кодекс Югославии. Редакция 1951 года включала специальную главу «преступления против национальной экономики», содержащую «приведно кривично право». Это словосочетание адвокат по уголовным делам

Петер Кобе переводит как экономический уголовный закон. Впоследствии Уголовный кодекс Югославии 1976 года сохранил главу XVIII, специально посвященную «Уголовным преступлениям против национальной экономики и единства югославского рынка», в которой обнаруживаются почти все экономические преступления [17].

Мы видим, что в странах социалистического лагеря постепенно развивается уголовно-правовая концепция необходимости и специфики экономического уголовного права в социалистических государствах. Некоторые авторы анализируют методику частичной кодификации экономического уголовного права. Например, Костица Булай, не склонный к идее концептуализации экономического уголовного права, подчеркивает «стремление румынского законодателя 1968 года сохранить в Уголовном кодексе только преступления, имеющие постоянный и общий характер» [11], из чего следует, что суть экономического уголовного права содержится в различных специальных законах. Аналогичным образом, Круковский и Золл утверждают, что Уголовный кодекс Польши 1969 года включает только преступления, «наиболее характерные для экономического уголовного права» [19]. По мнению этих авторов, желание сохранить Кодекс от соблазна слишком частых модификаций в соответствии с различными экономическими теориями имеет приоритет над распространением уголовных стандартов.

В странах Восточной Европы постепенное сближение с советской концепцией происходит в 70 – 80 гг. XX в. И это сближение находит выражение в трудах юристов. Например, в Венгрии Сиклой и Кальман заявляют, что главу XVII Уголовного кодекса 1978 года можно свести к четырем категориям экономических правонарушений: правонарушения, возникающие в результате нарушения «экономического обязательства», в результате которого наносится «ущерб «народной экономике»», такие как «мошеннические маневры в управлении народным хозяйством» или «продажа некачественной продукции»; те, которые «наносит ущерб экономическому порядку», такие как спекуляция, то есть «коммерческая деятельность ... без необходимого разрешения», или даже незаконное повышение цен; те, которые касаются фальшивых денег и подделок марок; и, наконец, «финансовые преступления», такие как налоговое и таможенное мошенничество [31].

Аналогичным образом, в Польше Круковский и Золл утверждают, что глава XXX Уголовного кодекса 1969 года, специально посвященная «экономическим преступлениям», содержит только две группы правонарушений: первая направлена на «уменьшение собственности», как саботаж, «плохая экономика» или даже факт «создания возможности возникновения дефицита в сфере надзора, защиты или управления общим благом»; вторая имеет тенденцию к «увеличению товаров», что особенно характерно для спекуляций [19].

Уголовная доктрина Югославии также стремится узаконить кодификацию экономического уголовного права. Таким образом, главу XVIII Уголовного кодекса 1976 года можно было бы свести к трем категориям преступлений: правонарушениями, касающимся «социально-экономического сектора», «связанным с выполнением определенных функций и/или полномочий в экономических деловых операциях и/или управлением социально-экономическим сектором»; те, которые касаются «частного сектора», в которых «исполнителями которых являются физические лица как субъекты экономики, совершающие уголовные преступления наряду со своей профессиональной деятельностью»; те, кто пресекает осуществление незаконной экономической деятельности [17].

Закключение

Подводя итог, мы можем констатировать, что концепции института уголовной ответственности за экономические преступления в странах Западной и Восточной Европы представляют собой два разных направления теоретико-правовой мысли.

Изначально понятие экономических преступлений возникло в позднее средневековье и развивалось достаточно медленно. В связи с этим долгое время не существовало единого определения экономической преступности.

Наиболее эффективно это направление права стало развиваться в СССР в связи с особым статусом социалистической собственности. Вслед за СССР в послевоенный период пошли юристы стран Восточной Европы, в которых при развитии

социалистического способа производства и формирования соответствующего законодательства пытались обосновать различные кодификации экономического уголовного права. Однако это не относится к западноевропейской доктрине уголовного права, которая под предлогом кодификации возвращается к старому теоретическому подходу, фактически отрицая необходимость создания концепции института уголовных наказаний за экономические преступления.

Отметим, что как право Российской империи, так и право СССР занимали более продвинутые позиции по отношению к определению экономических правонарушений и уголовной ответственности за них.

В условиях либерализации уголовной ответственности за экономические правонарушения, начавшейся в 10-е гг. XXI в., на наш взгляд, полезно вернуться к изучению теоретический положений, выдвинутых как юристами СССР и стран социалистического лагеря, так и западноевропейским правовым тенденциям в области уголовного наказания за экономические преступления.

Пристатейный библиографический список

- Гешелин М. И., Кузнецова А. Н. Характеристика квалифицирующих признаков как средства дифференциации ответственности за экономические преступления в уголовном законодательстве Англии и США // Актуальные проблемы уголовного права и процесса на современном этапе. – 2019. – № 8 – С. 55-61.
- Грибов А. С. Дифференциация ответственности за экономические преступления в России, ФРГ и США (сравнительно-правовое исследование) // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011. – 23 с.
- Леонтьев Б. М. Развитие норм об уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (1813 – 1996 гг.) // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2013. – № 3. – С. 74-89.
- Полянина А. В. Основные тенденции развития института уголовной ответственности за незаконное предпринимательство в России // Общество и право. – 2009. – № 1 (23). – С. 207-211.
- Чупрова Е. В. Уголовная ответственность за экономические преступления по уголовному праву Англии // Диссертация канд. юрид. н. – М.: Институт государства и права РАН, 2005. – 239 с.
- Якубенко А. К. Установление и реализация уголовной ответственности за экономические преступления в Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 3 (66). – С. 117-123.
- Agudo Fernández E., Jaén Vallejo M., Perrino Pérez A. L. Derecho penal aplicado: parte especial. Delitos contra el patrimonio y contra el orden socioeconómico – Madrid – Editorial Dykinson – 2.a edición. – 2019. – 320 p.
- Arlen J. H. Research handbook on corporate crime and financial misdealing, Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande. – Cheltenham – Edward Elgar Publishing, 2018. – 378 p.
- Binder M. Weisse-Kragen-Kriminalität // Kriminalistik. – 1962. – № 16. – Pp. 251-256.
- Booth R. A. What is a Business crime? // Journal of Business & Technology Law. – 2008. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 127.
- Bulai C. Conception et principes du Droit pénal économique. Roumanie. Rapport national // Revue Internationale de Droit penal. – 54. – P. 654.
- Caujolle P. Droit pénal des affaires. – Paris: Dalloz, 1999. – 3 ed. – 220 p.
- Cavina M. (s. dir.). L'insegnamento del diritto (secoli XII – XX). – Milano, 2019. – 381 p.
- Crespo E. Demetrio, de la Cuerda Martin M., García de la Torre García F. (s. dir.), Derecho penal económico y teoría del delito. – Valencia: Tirant lo Blanch, 2020. – Pp. 194-211.
- Donà G. La delinquenza negli affari secondo la psicologia criminale la polizia giudiziaria, Italie, Torino, Fratelli Bocca (1927). – V. 7, n. 2. – 2021. – Pp. 883-934.
- Jiménez Asenjo E., El nuevo Derecho penal económico, Revista de Derecho privado. – Madrid, 1950. – P. 789.
- Kobe P., Conception et principes du Droit pénal économique. Yougoslavie. National Report // Revue Internationale de Droit Pénal. – 54. – P. 777.
- Kretschmer B., Zabel B. (s. dir.), Studien zur Geschichte des Wirtschaftsstrafrechts: Methoden – Analysen – Kritik – Baden-Baden – Nomos Verlag, 2018. – 528 p.
- Krukowski A., Zoll A. I., Conception et principes du Droit pénal économique. Pologne. Rapport national // Revue Internationale de Droit Pénal. – 54. – P. 493.
- Launais H., Accarias L., de La Villeguérin Y., Droit pénal financier: traité pratique. – Paris – Dalloz, 1964. – 2-d ed. – 452 p.
- Lazerges Ch. Nouveaux enjeux de la délinquance économique et financière. – Paris: A. Pedone, 2017. – 220 p.
- Lehmkuhl M. J., Wohlers W. (s. dir.), Unternehmensstrafrecht: Materiellrechtliche und prozessuale Aspekte. – Basel – Helbing Lichtenhahn Verlag, 2020. – Pp. 95-108.
- Lepage A., Maistre du Chambon P., Salomon R. Droit pénal des affaires. – Paris: LexisNexis, 2020. – 1016 p.
- Monagahn C., Monaghan N. Financial crime and corporate misconduct: a critical evaluation of fraud legislation // Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande. – London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. – 220 p.
- Neskusil J., Suchý O. Conception et principes du Droit pénal économique. Tchécoslovaquie. Rapport national // Revue Internationale de Droit Pénal. – 54. – P. 731.
- Palmer A. Countering economic crime: a comparative analysis, Royaume-Uni de Grande-Bretagne et d'Irlande. – London, Routledge – Taylor & Francis Group, 2018. – 282 p.
- Pedrazzi C. Conception et principes du Droit pénal économique Rapport national. Italie // Revue internationale de droit penal. – 54. – 1983. – P. 423.
- Rampioni R. (s. dir.), Diritto penale dell'economia. – Torino: G. Giapichelli editore – 13° edizione, 2020. – Pp. 1-35.
- Revue internationale de droit penal. – Vol. 31. – 1953 // Revue internationale de droit compare. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: researchgate.net.
- Ripollés A. Q. Nueva dogmática del Derecho penal económico // Revista de Derecho mercantile. – Vol. XVI. – 1953. – Pp. 242-251.
- Siklofi G., Kálmán G., Conception et principes du Droit pénal économique. Hongrie. Rapport national // Revue Internationale de Droit Pénal. – 54. – P. 371.
- Silva Sánchez J.-M., Robles Planas R., et al., Lecciones de derecho penal económico y de la empresa: parte general y especial. – Barcelona: Atelier libros jurídicos, 2020. – 762 p.
- Traversi A., Gennai S., Diritto penale commerciale. – Milanoflora Assago – Wolters Kluwer – 3° edizione, 2017. – 406 p.
- Thérage M. À la recherche d'une définition du droit pénal des affaires dans la doctrine pénaliste européenne de l'Époque contemporaine (XIXe-XXe siècle) // Les Fondements Historiques du droit Europeendes affaires. – Presses de l'Université Toulouse Capitole. – 2017. – Pp. 149-207.
- Thérage M. Aux origines de l'enseignement du droit pénal des affaires: des cours de droit industriel à la création des enseignements universitaires spécialisés (1855 – 1970) // L'enseignement du droit Journées internationales de la Société d'Histoire du Droit. – Paris, 2018.
- Valette V. (s. dir.). Le droit pénal économique: un droit pénal très spécial? // Actes du colloque organisé le 28 avril 2017 par le Centre de droit économique et du développement de Perpignan. – Paris – Cujas, 2018.
- Vouyoukas C. Conception et principes du Droit pénal économique de la Grèce, Rapport national // Revue Internationale de Droit penal. – 54. – 1983. – Pp. 308-309.
- Zirpins W., Terstegen O. Wirtschaftsstrafrecht: Erscheinungsformen und ihre Bekämpfung – Lübeck – Schmidt-Röhmhild, 1963. – 1067 p.

ФОМИЧЕВ Максим Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Института экономики, управления и права Волжского государственного университета водного транспорта, г. Нижний Новгород

ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ ВЕЛИКОГО ВИЗИРЯ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена анализу титула, правового статуса и полномочий великого визиря Османской империи. В результате исследования выявлено, что в нормативных актах Османской империи последовательно использовались два титула, «vezir-i azam» и «sadrazam», имеющие арабское и персидское происхождение, характеризующие статус великого визиря. В современный период термин «великий визирь» используется только по отношению к главе правительства Османской империи. Автором исследуется эволюция правового статуса и полномочий великого визиря, начиная от первого визиря из рода Чандарлы, и заканчивая началом XVIII в. При реализации задач исследования использовался проблемно-хронологический метод, позволяющий анализировать нормативные правовые акты, основой которых является законодательство Мехмета II Фатиха и других султанов Османской империи, а также иные источники в соответствии с хронологией происшедших событий. Исследование показало постепенное увеличение объема полномочий великого визиря. В результате итогом этого процесса станет фактическое отстранение султана от управления государством при сосредоточении всех функций в руках великого визиря. Пост великого визиря был высшим государственным рангом, которого мог достичь подданный Османской империи, не принадлежащий в династии Османов. Великий визирь имел свои собственные регалии, подтверждающие его власть, в том числе тугру, подобную султанской. В связи с этим делается вывод, что серьезные изменения, имевшие место в государственной структуре Османской империи в 30-е годы XIX в. были связаны с чрезмерным усилением власти великих визирей в предшествующий период. Итогом этих преобразований стала эпоха Танзимата.

Ключевые слова: великий визирь, султан, Османская империя, властные полномочия, Имперский совет.

FOMICHEV Maksim Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Institute of Economics, Management and Law of the Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod

LEGAL STATUS AND POWERS OF THE GRAND VIZIER OF THE OTTOMAN EMPIRE

The article is devoted to the analysis of the title, legal status and powers of the Grand Vizier of the Ottoman Empire. As a result of the study, it was revealed that in the regulations of the Ottoman Empire, two titles were consistently used, «vezir-iazam» and «sadrazam», having Arabic and Persian origin, characterizing the status of the grand vizier. In the modern period, the term «grand vizier» is used only to refer to the head of government of the Ottoman Empire. The author examines the evolution of the legal status and powers of the grand vizier, starting from the first vizier from the Chandarli family, and ending with the beginning of the 18th century. When implementing the research objectives, a problem-chronological method was used, which allows us to analyze regulatory legal acts, the basis of which is the legislation of Mehmet II Fatih and other sultans of the Ottoman Empire, as well as other sources in accordance with the chronology of events. The study showed a gradual increase in the scope of the Grand Vizier's powers. As a result, the result of this process is the actual removal of the Sultan from government, with all functions concentrated in the hands of the Grand Vizier. The post of Grand Vizier was the highest government rank that a non-Ottoman subject of the Ottoman Empire could achieve. The Grand Vizier had his own regalia confirming his authority, including a tughra similar to that of the Sultan. In this regard, it is concluded that the serious changes that took place in the state structure of the Ottoman Empire in the 30s of the 19th century were associated with the excessive strengthening of the power of the great viziers in the previous period. The result of these transformations was the Tanzimat era.

Keywords: grand vizier, sultan, Ottoman Empire, power, Imperial Council.

Представления о великом визире неразрывно связаны с государствами Востока. Термин «визирь» первоначально становится известным при знакомстве со сказками «Тысяча и одной ночи» и другими памятниками восточной литературы.

Когда говорят о великом визире в научном исследовании, прежде всего следует определиться с терминами. Термины «визирь» и «великий визирь» традиционно встречаются в литературе и исследованиях по истории, праву, государственному устройству и культуре арабских государств, Персии, Османской империи. В Османской империи человека, занимавшего пост премьер-министра в современном понимании, называли «sadrazam», великим визирем.

Этот термин появился в XVII в., когда вторым человеком в государстве после султана стал Кёпрюлю Мехмет-паша. До этого в Османской империи использовался титул «vezir-i azam». Слово «azam» в переводе с арабского означает «величайший»¹. «Vezir-i azam» встречается также в персидских источниках и означает «величайший визирь». Начиная с XIX века термин «vezir-i azam» был полностью заменен на «sadrazam». Первый компонент в этом слове, sadr-, означает «стоящий впереди»², что показывает место великого визиря в церемониальном порядке.

В государствах Востока было разное количество визирей. У государей Аббасидов, сельджуков и Тимуридов был толь-

ко один визирь. Известна печальная судьба Джафара ибн-Яхьи, перса по происхождению, визиря Харуна ар-Рашида. Он один нес на себе тяготы управления государством, когда халиф был занят войной, и сосредоточил в своих руках исключительную по объему власть, что и привело в конечном итоге к его падению.

В ранний период Османской империи изначально был один визирь, но позже, когда число визирей увеличилось, к концу XVIII в. достигнув 40, первого визиря стали называть «великим визирем». Подобное количество визирей может показаться чрезмерным, однако при гигантских размерах Османской империи подобное увеличение бюрократического аппарата было оправдано. К тому же, с целью усиления власти бейлербеев нередко были случаи, когда для управления провинциями, такими, как Египет или Румелия, отправлялись чиновники в статусе визиря.

В настоящее время термин «великий визирь» в научной литературе используется только применительно к Османской империи. Мы можем видеть в работах зарубежных коллег использование французского термина «legrandvizir = великий визирь», поскольку исключительное положение французских дипломатов и купцов в Османской империи в XVIII в. привело к закреплению в европейских странах именно французских терминов [3, с. 201].

Определяя статус и полномочия великого визиря Османской империи, мы должны констатировать, что великий визирь являлся высшем должностным лицом, ответственным за все дела государства. Хотя предполагается, что великому визирю предшествовали и другие члены династии, кроме

1 Osmanlı Sadrazamları. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.serenti.org/osmanli-sadrasamlari/> (дата обращения: 12.01.2024).

2 Ibidem.

султана, это был всего лишь вопрос протокола. Великий визирь был человеком, осуществлявшим властные полномочия сразу же после султана.

Начиная с правления Мехмета II Фатиха, в Имперском Совете стали председательствовать великие визири [1, с. 152]. Султан оставлял государственное управление великому визирю, передавая свою печать. К тому же великий визирь имел право на собственную тулгу, как и султан, т.е. каллиграфическую монограмму, подтверждающую распоряжение [4, с. 115]. Но последнее слово всегда оставалось за султаном.

До прихода к власти династии великих визирей Чандарлы в 1453 году великий визирь происходил из сословия улемов или государственных служащих, как в других исламских государствах и у сельджуков, то есть он был гражданским лицом. После завоевания Стамбула Мехметом II в 1453 году должность великого визиря стала военно-гражданской [2, с. 289-324] вплоть до периода Танзимата (1839-1876). После объявления Танзимата на эту должность назначались гражданские лица и очень редко военные. Конечно, в период между 1453 годом и Танзиматом было много людей, которые прошли путь от государственных служащих до великого визиря. Однако, когда они становились великими визириями, их считали принадлежащими к военному сословию. Таким образом, милитаризация статуса великого визиря Мехметом II Фатихом и тот факт, что она продолжалась почти четыре века, являются революцией в сфере государственного управления, уникальной новацией Османов. Например, у сельджуков, предшественников османов, эта должность была зарезервирована за гражданскими и государственными служащими.

Как мы уже говорили выше, первоначально у османского султана был только один визирь. В правление Мурада I появилась должность второго визиря, и с тех пор количество визирей увеличивалось. Высшей должностью, которую мог занять подданный Османской империи, был пост великого визиря. Помимо этого, был только один ранг – султанат.

Однако, чтобы стать султаном, нужно было быть потомком Османа Гази и быть мужчиной. Султанат для человека, не являвшегося прямым потомком Османа, был не более чем мечтой. Даже султанзаде, дедушка которых был султаном, то есть Османоглу по материнской линии, не могли себе представить такого. Естественно, для тех, кто не был потомками Османа Гази, борьба за власть могла заключаться только в том, чтобы стать великим визирем. Однако, поскольку вручение печати происходило по воле султана, эта борьба не могла достичь больших масштабов и шла за кулисами. В отличие от европейских государств, чтобы подняться на этот уровень, не нужно было быть графом, герцогом или бароном. В Османской империи каждый человек, даже если он был рабом по происхождению или сыном самого скромного жителя, мог надеяться подняться высоко. Для того чтобы стать великим визирем Османской империи, нужно было выполнить всего два условия: быть мусульманином и знать турецкий язык.

Таким образом, не было причин, по которым христианин или человек другой религии, который был подданным Османской империи и мог говорить по-турецки, не имел надежды стать великим визирем, если он сменит свою религию и станет мусульманином. Аналогично, кастрация не могла служить причиной для отказа от пожалования поста великого визиря, в османской истории пять человек среди белых евнухов дослужились до звания великого визиря. Единственное ограничение, которое удалось обнаружить, было различие в цвете кожи – черных евнухов к продвижению по службе не допускали.

Полномочия великого визиря кратко, но емко определил Селим I Явуз: «Вас будут спрашивать по каждой важной ситуации. Чтобы вы могли развиваться и советовать, Вы должны знать, что невозможно освободиться от моей руки» [4, с. 117].

С тех пор, как великие визири начинали председательствовать на совете, они кратко представляли султану в конце заседания вопросы, которые обсуждались на совете. Заседания совета проводились несколько раз в неделю. В дни проведения великие визири встречались с султаном.

Отметим, что чем чаще великий визирь встречался с султаном, тем реже становились встречи султана с другими сановниками, шейх уль-ислам, бейлербеи, все другие визири попадали в эту категорию, прямые контакты с султаном для них исключались. Они могли лишь передать великому

визирию письменный доклад для султана, который великий визирь предавал султану по своему усмотрению.

С XVII в. великие визири принимают жалобы в Диване, заседают в Пятничном совете вместе с кадиаскерами Румелии и Анатолии, по средам великий визирь принимал участие в работе Совета с участием кади Ускудара и Галаты. Великий визирь мог принять жалобу на судебное решение и приказать пересмотреть его.

Великие визири также начали управлять военными делами с XV века. Действительно, до прихода к власти Чандарлы Халил-паши командование армии было отдельным поручением. Потом в его ведение были переданы и дела армии [4, с. 111].

Когда великий визирь отправлялся в поход, кадиаскеры с ним не шли, несмотря на название своих полномочий (армейский судья), назначался специальный судья³.

Получив титул *Serdar-ı Ekrem* (главнокомандующий), великий визирь начал нести ответственность за все переводы, увольнения, назначения, изгнания. Также он получил право проводить казни во время военного похода, не спрашивая разрешения султана. Великий визирь не мог быть привлечен к ответственности за свои расходы во время войны⁴.

Полномочия великого визиря со статутом *сердар-и Экрем* практически повторяли полномочия султана. Его слово считалось законом, как и слово султана. На что бы ни был способен султан, он был способен на то же самое. Он мог даровать звание визиря кому пожелает, казнить папу с титулом бейлербея и уволить других визирей. Короче говоря, все, что мог сделать султан, то же самое мог сделать и великий визирь, командовавший армией во время похода. Эти полномочия начались, когда он отправился из Стамбула или Эдирне в экспедицию, когда переезжал из своего дворца в военную палатку, и заканчивались, когда он возвращался в Эдирне или Стамбул и предстал перед султаном для объяснения экспедиции.

Единственные полномочия, которые остались у султана по отношению к великому визирю к началу XVIII в., были разрешительные письма, которыми султан отправлял великого визиря в военный поход или приглашал его вернуться, а также консультации со специалистами о ходе военных действий [4, с. 162].

Подобная ситуация очень похожа на ту, которая складывалась в Западной Римской империи, в государстве Каролингов или Японии периода сёгуната Токугава, когда глава бюрократии захватывал властные полномочия главы государства, первоначально с его согласия, и самостоятельно правил страной. Рано или поздно такая ситуация разрешалась либо кризисом и гибелью государства, как это было в Западной Римской империи или империи Каролингов, либо комплексом государственных реформ, подобно эпохе Мэйдзи в Японии или Танзимату в Османской империи.

Пристатейный библиографический список

1. История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Э. Исханоглу. – Т. 1. – М.: Восточная литература. – 2006. – 367 с.
2. Inalcık H. Le droit d'initiative du sultan et les lois de Fâtih (Mehmed II) // *Conflits et mémoires dans les Balkans*. – 2011. – 38-39. – P. 289-324.
3. Strauss J. A Constitution for a Multilingual Empire: Translations of the Kanun-ı Esasi and Other Official Texts into Minority Languages" / Herzog Ch.; Malek S. (eds.). *The first Ottoman experiment in Democracy*. – Istanbul: Orient-Institut, 2016. – 338 p.
4. Uzunçarşılı H. *Osmanlı Devletinin Merkezve Bahriye Teşkilatı*. – Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1988. – 632 p.
3. Kaşıkçı O. *Osmanlı Devletinde Vezir-i Azam (Sadrazam), (Grand Vizier in The Ottoman Empire)*. – P. 116 // 272841. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dergipark.org.tr (дата обращения: 12.01.2024).
4. Selaniki Mustafa Efendi. *Tarih-i Selaniki (haz. Mehmet İpşirli)*, с. 1, İstanbul 1989, s. 315/ Selaniki Mustafa Efendi – *Tarih-i Selaniki 1-2: Selânik Mustafa Efendi, d. 1600?: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive* (дата обращения: 10.12.2023).

БУТОВ Сергей Валерьевич

адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) Факультета подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОГО ВОЕННО-УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье показано развитие советского военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены основные нормативные правовые акты, регламентировавшие военно-уголовные правоотношения в условиях военного времени. Показана роль военно-уголовного законодательства в укреплении воинской, трудовой дисциплины и правопорядка, а также значение законов военного времени для обороноспособности советского государства. В заключение делается вывод о необходимости использования положительного опыта правового регулирования правоотношений в сфере военно-уголовного права в период Великой Отечественной войны в нормотворческой деятельности в современных вооруженных конфликтах.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство, законы военного времени, Красная Армия, войска НКВД, преступление, генезис права, Великая Отечественная война.

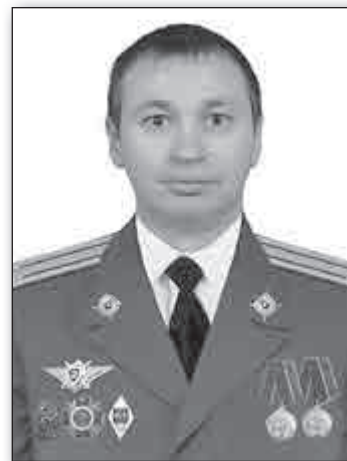
BUTOV Sergey Valerjevich

adjunct of the adjunct (full-time and part-time studies) of the Faculty of Training of highly qualified Personnel and Additional Professional Education of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

THE GENESIS OF SOVIET MILITARY CRIMINAL LEGISLATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article shows the development of Soviet military criminal legislation during the Great Patriotic War. The main normative legal acts that regulated military-criminal legal relations in wartime conditions are considered. The role of military criminal legislation in strengthening military, labor discipline and law and order is shown, as well as the importance of wartime laws for the defense capability of the Soviet state. In conclusion, it is concluded that it is necessary to use the positive experience of legal regulation of legal relations in the field of military criminal law during the Great Patriotic War in rule-making activities in modern armed conflicts.

Keywords: military criminal legislation, wartime laws, Red Army, NKVD troops, crime, genesis of law, Great Patriotic War.

Бутов С. В.

Великая Отечественная война оказала значительное влияние на развитие советского военно-уголовного законодательства. «Задача разгрома врага, напавшего на нашу Родину, нашла новое отражение в политике СССР и в нормах советского права. Нужно было ввести в действие законы военного времени, призванные обеспечить применение новых методов правового регулирования в условиях фронта и тыла» [1, с. 105].

В ходе борьбы с немецко-фашистскими захватчиками Вооруженные Силы СССР превратились в кадровую профессиональную и самую сильную армию в мире. Одним из важнейших факторов боеспособности войск являлась беспредельная преданность Родине, верность присяге, железная воинская дисциплина, величайшая организованность, высокая выдержка, строжайшее соблюдение правопорядка. Решающее значение для победы в войне приобрело безусловное выполнение гражданами СССР своего воинского долга. В ходе принятых государством ряда организационно-правовых мер произошло не только преобразование в экономической, но и в общественной сфере. Люди стали более ответственными, начали осознавать свой гражданский долг перед Родиной, стремились оказать посильную помощь советским войскам, добровольно уходили на фронт.

Война стала апробацией эффективности военно-уголовного права в реальных военных условиях. Она вскрыла ряд пробелов в советском военно-уголовном законодательстве, требующих оперативного устранения. Потребности войны обусловили появление значительного количества военно-уголовных законов, направленных на укрепление воинской дисциплины и правопорядка для полного разгрома врага.

В целях регламентации порядка применения законов издавались подзаконные акты, как правило, в виде приказов, инструкций, положений, наставлений и др.

В СССР общего уголовного кодекса не существовало, республики самостоятельно осуществляли полномочия по принятию уголовных и уголовно-процессуальных кодексов, действовавших на их территории. Понятие преступления было определено в ст. 6 УК РСФСР 1926 года, как «всякое общественно-опасное действие или бездействие, направленное против основ советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»¹. Как и в мирное время общей целью наказания в годы войны осталась борьба с посягательством на советское государство и установленный в нем правопорядок, но в условиях военного времени наказание требовало такой организации, которая позволяла бы усилить обороноспособность страны [2, с. 31].

Следует отметить, что положения Общей части УК в отличие от практически не претерпели изменений. Иначе обстояло дело с Особенной частью уголовного права. Почти все правовые акты уголовно-правового содержания, изданные в военное время, вводили новые составы преступлений.

С началом Великой Отечественной войны Президиум ВС СССР своим указом объявил в отдельных местностях СССР, имевших в то время наиболее важное значение для обороны страны, военное положение. Этот Указ устанавливал, что «в местностях, объявленных на военном положении, все функции государственной власти в области обороны,

1 Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. – 1926. № 80. – Ст. 600.

обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений»². Военные власти были вправе привлекать граждан к оборонным работам, использовать транспортные средства граждан и организаций в оборонных целях, устанавливая время работы предприятий и порядок передвижения в населенном пункте, проводить обыски, задержание, выселение граждан и др.

Решения военных властей были обязательными для исполнения и обеспечивались суровой юридической ответственностью и мерами принудительного характера. На территориях, где вводилось военное положение, действовал следующий порядок:

уголовная ответственность устанавливалась не только союзными законодательными органами, но и правовыми актами чрезвычайных органов власти, а также приказами и директивами НКО, НКВД, НКЮ СССР;

дела о преступлениях военного времени попадали под юрисдикцию военных трибуналов;

вступали в действие статьи уголовного кодекса, для которых военное время являлось условием или юридическим фактом для их применения. Как правило, санкции этих статей предусматривали высшую меру наказания;

военное время давало право внесудебной расправы как над проявившими на поле боя трусость военнослужащими, так и в тылу над гражданскими лицами, нарушившими требования военного законодательства.

Вместе с тем, судебная практика военных лет свидетельствует о том, что военное законодательство применялось и в областях, где военное положение введено не было. В частности, это касалось ответственности военнослужащих, находившихся в отпусках или на излечении по ранению в тыловых госпиталях страны.

Ужесточение уголовной ответственности военнослужащих являлось чрезвычайной вынужденной мерой, направленной на усиление воинской дисциплины и правопорядка в войсках, поддержание боеготовности и боеспособности Вооруженных Сил СССР в тот период времени, когда от решительных, самоотверженных и правомерных действий каждого военнослужащего зависела судьба всего советского народа. Ужесточение уголовной ответственности населения преследовало цели мобилизовать людские ресурсы для помощи фронту, предупредить и пресечь контрреволюционную и иную деструктивную деятельность, ведущую к снижению обороноспособности страны.

Учитывая опасность распространения в военное время ложных слухов, Президиум Верховного Совета СССР 6 июля 1941 года издал Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения»³. «Виновные в распространении ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения, карались по приговору военного трибунала тюремным заключением от 2 до 5 лет» [3, с. 39].

С 20 октября 1941 года постановлением ГКО № 813 в столице и прилегающих к ней районах был установлен правовой режим осадного положения. Постановление требовало от военнослужащих, обеспечивающих этот режим «... провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте»⁴.

2 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» // «Известия» от 24 июля 1941 г.

3 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 49. Л. 53.

4 Постановление ГКО от 19 октября 1941 г. № 813 «О введении с 20 октября 1941 в Москве и прилегающих к городу районам осадного положения» // «Известия». № 249. 21 октября 1941 г.

Условия войны требовали повысить ответственность за сохранность и своевременность железнодорожных перевозок, от которых во многом зависело обеспечение фронта. В связи с чем 15 апреля 1943 года Указом Президиума ВС СССР «все железные дороги были объявлены на военном положении»⁵. Для железнодорожников была установлена схожая с воинской юридическая ответственность. Дела о «преступлениях, совершенных на железнодорожном транспорте, рассматривались в военных трибуналах железных дорог с направлением осужденных на фронт в штрафные роты, если виновные железнодорожники не подлежали более суровому наказанию» [4, с. 113].

После освобождения от немецких войск населенных пунктов стало выявляться большое количество фактов зверств и насилий, учиненных немецкими оккупантами, а также шпионами и изменниками Родине из числа советских граждан над мирным советским населением и пленными красноармейцами. Эти преступления не могли остаться безнаказанными, в связи с чем Президиум ВС СССР своим Указом от 19 апреля 1943 г. установил, что фашистские злодеи, уличенные в совершении убийств и истязаний гражданского населения и пленных красноармейцев, а также шпионы и изменники Родине из числа советских граждан караются смертной казнью через повешение. Пособники из местного населения, уличенные в оказании содействия злодеям в совершении расправ и насилий, подлежали ссылке на каторжные работы на срок от 15 до 20 лет⁶. «Этот нормативный правовой акт применялся и к лицам, участвовавшим в преступной деятельности националистических бандформирований» [5, с. 320].

Военное время оказывало значительное влияние на уголовную ответственность военнослужащих, которая являлась гарантией и стимулом надлежащего исполнения бойцами своих служебно-боевых обязанностей. Привлечение военнослужащих к уголовной ответственности существенно ограничивало их права, обязывая воинов претерпевать негативные для себя последствия личного или материального характера. Анализ норм УК РСФСР 1926 г. дает представление о том, что условия военного времени и боевая обстановка являлись квалифицирующим признаком для ряда преступлений, совершенных военнослужащими, при наличии которых к виновному лицу, как правило, применялась высшая мера наказания.

В Красной Армии преобладали следующие виды преступлений: дезертирство, хищение военного имущества, утеря секретных документов и оружия. В войсках НКВД наиболее распространено было вымогательство, сон на посту и уход с него, взяточничество, нарушение службы конвоирования⁷. За дезертирство и оставление боевых позиций в военное время к военнослужащим применялась высшая мера наказания. Расстрел дезертиров во время бегства с поля боя или перед строем после сражения был частым явлением.

Интересной особенностью обладал приказ НКО СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «О мерах по укреплению воинской дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций»⁸. Его нормы совме-

5 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1943 г. № 15.

6 Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 164. Л. 118-120.

7 Российский государственный военный архив. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 82. Л. 216; Д. 315. Л. 29.

8 Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122-128.

щали в себе в себе признаки как уголовной, так и дисциплинарной ответственности. Приказ требовал отправлять в штрафные подразделения «военнослужащих, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости для того, чтобы они искупили кровью свои преступления против Родины» [6, с. 226-227]. В штрафбаты и штрафроты бойцы могли быть направлены как за грубое нарушение воинской дисциплины решением командира части, так и за совершение преступления на основании приговора военного трибунала.

Военные действия требовали постоянного пополнения воинских частей действующей армии личным составом, а направление осужденных военнослужащих в места лишения свободы не способствовало повышению боеспособности войск. Поэтому в военное время широкое применение получило прим. 2 к ст. 28 УК, согласно которому «приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, мог быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осужденный направляется в действующую армию»⁹. Отличившиеся на фронте войны на основании Указа Президиума ВС СССР от 14 декабря 1941 г.¹⁰ и ходатайства командира части могли рассчитывать на снятие судимости.

По мнению автора, нормативные правовые акты, разрешавшие вопросы применения наказания к военнослужащим в военное время, освобождения от наказания и т. д., явились исключительно важным вкладом в советское военно-уголовное право и в достижение Победы. Они давали возможность бойцу искупить свою вину воинской доблестью на фронте, сняв с себя судимость и ограничения в правах, в то время как государство вместо заключенного получало мотивированно к сражениям военнослужащего.

2 мая 1943 года Президиум ВС СССР издал Указ «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»¹¹. За совершение указанных преступлений виновные лица подлежали уголовной ответственности с отбыванием тюремного заключения сроком от 6 месяцев до 3 лет.

Непосредственное отношение к военно-уголовному праву имели нормативные правовые акты об охране в военное время военного имущества от порчи, уничтожения, утраты, хищения и разбазаривания¹². Нормы такого законодательства имели исключительное значение для укрепления материальной базы советских Вооруженных Сил. Ими были созданы прочные правовые гарантии сохранности, строгого учета и правильного расходования предметов военного снабжения, доведения до каждого офицера и бойца полной нормы, положенного ему довольствия. Военно-судебные органы получили сильное оружие в борьбе с преступным отношением к военному имуществу.

Анализ уголовной практики в войсках НКВД показал, что весной 1942 года из 279 военнослужащих, привлеченных к уголовной ответственности за расхищение и разбазаривание государственного имущества, «высшая мера наказания была

применена к 97 воинам, лишение свободы на срок более 10 лет – к 82, на срок от 6 до 10 лет – к 40, на срок до 5 лет – к 60»¹³.

Приведенный выше перечень нормативных правовых актов, изданных в период Великой Отечественной войны в сфере военно-уголовного права, не является исчерпывающим. Но и этот объем юридических документов свидетельствует о том, что война показала всю важность укрепления дисциплины и правопорядка. Можно без преувеличения сказать, что военно-уголовное законодательство сыграло существенную роль в достижении Победы советского народа в освободительной войне.

Победоносное окончание войны поставило перед юристами новые и ответственные задачи глубокой теоретической разработки ряда актуальных проблем советского военно-уголовного права, изучения влияния уголовного законодательства военного времени на мобилизацию всех сил и средств государства, поддержание высокой воинской (трудовой) дисциплины и правопорядка, эффективность борьбы с паникерами, распространителями ложных слухов и пособниками врага. Положительный опыт правового регулирования правоотношений в сфере военно-уголовного права в период Великой Отечественной войны необходимо использовать в нормотворческой деятельности в современных вооруженных конфликтах.

Пристатейный библиографический список

1. Бутов С. В. Роль советского военного законодательства в достижении победы СССР в Великой Отечественной войне // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права: Материалы IX международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 29 сентября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2023. – С. 103-114.
2. Исаев М. М., Утевский Б. С., Кареев Д. С. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. 2: Уголовное право – Уголовный процесс / Под ред. И. Т. Голякова / Всесоюз. ин-т юрид. Наук. – М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – 215 с.
3. Дерюгин А. А., Бутов С. В. Правовые основания борьбы войск НКВД СССР с распространителями ложных слухов в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9. № 3. – С. 37-42.
4. Чхиквадзе В. М. Советское военно-уголовное право: учебное пособие для юридических высших учебных заведений / Проф. В. М. Чхиквадзе; Воен.-юрид. акад. ВС СССР, Всесоюз. ин-т юрид. наук МЮ СССР. – М.: Юрид. изд-во М-ва Юстиции СССР, 1948. – 452 с.
5. Мутигуллин А. В. Правовое регулирование деятельности госорганов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР (1943-1955 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9. № 4. – С. 318-325.
6. Мировые войны XX века: Док. и материалы в 4 кн. Кн. 4. Вторая мировая война / Ин-т всеобщей истории РАН, Ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. историков Второй мировой войны; Отв. ред. М.Ю. Мягков. – М.: Наука, 2005. – 677 с.

9 Уголовный кодекс РСФСР // СУ РСФСР. – 1926. № 80. – Ст. 600.

10 Указ Президиума Верховного Совета СССР 14 декабря 1941 г. «О предоставлении военным советам фронтов и флотов права снимать судимость с военнослужащих, отличившихся в боях с немцами захватчиками» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 50. Л. 47

11 Ведомости Верховного Совета СССР. 1943 г. № 18.

12 Постановление ГКО от 3 марта 1942 г. № 1379с «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 23. Л. 51-52.

13 Российский государственный военный архив. Ф. 38652. Оп. 1. Д. 12. Л. 120.

АЛЬ-БАЗЗАР Омар Абд Альнафи Халиил

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аль-Баззар О. А. Х.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ПРОЦЕСС ГОЛОСОВАНИЯ В СИРИИ, ЕГИПТЕ И ИРАКЕ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Данная статья представляет собой глубокое исследование законодательства трех стран — Сирии, Египта и Ирака — в контексте преступлений, связанных с голосованием. Автор статьи фокусируется на анализе трех аспектов: преступлений, связанных с голосованием; преступлений против свободы голосования; и преступлений, нарушающих безопасность и регулярность процесса голосования. Проблема заключается в выявлении различий и сходств в законодательстве этих стран, а также в понимании, какие аспекты могут быть улучшены для обеспечения более справедливого и прозрачного избирательного процесса. Исследование базируется на систематическом сравнительном анализе законов Сирии, Египта и Ирака, касающихся преступлений в сфере голосования. Автор использует методы юридического анализа, сравнительного правоведения для выявления ключевых особенностей и законодательных пробелов. Статья вносит значительный вклад в понимание законодательных особенностей, касающихся избирательных процессов в регионе Ближнего Востока. Научная новизна заключается в выявлении тенденций и особенностей, специфичных для каждой страны, а также предложении конструктивных мер для усовершенствования законодательства с целью обеспечения более свободных, честных и безопасных выборов. Результаты исследования показывают, что существует множество различий в уровне строгости законов Сирии, Египта и Ирака при борьбе с этими преступлениями. Автор предоставляет рекомендации по улучшению законодательства и принятию мер для предотвращения преступлений, подрывающих процесс голосования.

Ключевые слова: безопасность процесса голосования, уголовная ответственность, свобода голосования, Сирия, судебные гарантии, Египет, Ирак, наказание, легитимность выборов.

AL-BAZZAR Omer Abd Alnafa Khaleel

postgraduate student of Constitutional law and constitutional judiciary sub-faculty of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CRIMES VIOLATING THE VOTING PROCESS IN SYRIA, EGYPT AND IRAQ (COMPARATIVE ANALYSIS)

This article is an in-depth study of the legislation of three countries, Syria, Egypt and Iraq - in the context of crimes related to voting. The author of the article focuses on the analysis of three aspects: crimes related to voting; crimes against the freedom of voting; and crimes that violate the security and regularity of the voting process. The challenge is to identify differences and similarities in the legislation of these countries, as well as to understand which aspects can be improved to ensure a more fair and transparent electoral process. The study is based on a systematic comparative analysis of the laws of Syria, Egypt and Iraq related to voting crimes. The author uses the methods of legal analysis and comparative law to identify key features and legislative gaps. The article makes a significant contribution to the understanding of legislative features related to electoral processes in the Middle East region. The scientific novelty lies in identifying trends and features specific to each country, as well as proposing constructive measures to improve legislation in order to ensure freer, fairer and safer elections. The results of the study show that there are many differences in the level of strictness of the laws of Syria, Egypt and Iraq in combating these crimes. The author provides recommendations on improving legislation and taking measures to prevent crimes that undermine the voting process.

Keywords: security of the voting process, criminal liability, freedom of voting, Syria, judicial guarantees, Egypt, Iraq, punishment, legitimacy of elections.

Введение:

Одним из ключевых принципов избирательного процесса, направленного на обеспечение демократии, является свобода избирателя в выражении своей воли при голосовании за выбранного кандидата [1, с. 90]. Эта свобода достигается в условиях, когда избиратель вправе голосовать полностью независимо, без внешнего давления, принуждения или манипуляций.

В настоящее время, ряд стран на Ближнем Востоке сталкиваются с серьезными вызовами в обеспечении этого принципиального положения. Преступления, направленные на нарушение процесса голосования, могут быть осуществлены различными сторонами избирательного процесса или внешними агентами. Среди таких преступлений выделяются случаи незаконного голосования [2], повторного голосования [3], отказа от голосования в странах, где избирательное участие является обязательным [4], нападений на избирательных чиновников [5], их угроз, вторжений на избирательные участки с применением силы, ношения оружия без соответствующе-

го разрешения в день выборов, дачи взяток, распространения избирательных слухов и других аналогичных преступлений.

В данной статье приводится сравнительный анализ законодательства, применяемого для противодействия различным формам преступлений, связанных с процессом голосования, которые нарушают свободу, безопасность и регулярность процесса голосования во время избирательных процессов в Сирии, Египте и Ираке, посредством систематического анализа существующего законодательства в этих странах, а также предложения путей совершенствования механизмов борьбы с подобными преступлениями в целях укрепления демократических принципов в избирательном процессе.

1. Преступления, нарушающие процесс голосования в Сирии, Египте и Ираке:

В Сирии: Пункт 3 статьи 61 Сирийской Конституции 2012 года требует, чтобы закон об избирательстве включал положения,

Сирийском законе о выборах № 5 от 2014 года говорится, что начинание преступлений, предусмотренных законом о выборах, рассматривается как полное преступление (ст. 117) [7]. Также подтверждается, что наказания, предусмотренные в Сирийском законе о выборах, не мешают применению более строгих наказаний, предусмотренных действующими законами (ст. 118) [7].

В Ираке законодательство предусматривает наказание за начинание избирательных преступлений в виде полного уголовного наказания (ст. 42) [8]. Партия, политическая организация или отдельное лицо, совершившие любое из избирательных преступлений, подлежат штрафу в размере пятидесяти миллионов динаров. Совет комиссии имеет право лишить партию, политическую организацию или отдельного кандидата в списке, получившего голоса в избирательном участке, от голосов, полученных в некоторых избирательных преступлениях (ст. 43) [8].

В Египте закон организации осуществления политических прав в Египте номер /45/ за 2014 год гласит, что, не нарушая более строгих наказаний в любом другом законе, которые предусмотрены для избирательных преступлений в этом законе (ст. 56) [9], Закон также наказывает за покушение на избирательное преступление мерами наказания, предусмотренными за полное преступление (ст. 70) [9].

Соответственно, становится ясно, что иракский законодатель добился прогресса в наказании партии, политической организации или человека, совершившего избирательное преступление, лишив его голосов, полученных в избирательном центре, где было совершено нарушение. обсудите наиболее важные преступления, которые происходят на этом этапе, в следующих разделах:

1.1. Преступления, связанные с голосованием:

Некоторые считают, что выборы - это национальный долг, а голосование - право человека, и нельзя заставлять избирателя использовать свое право, поскольку голосование, как правило, является добровольным, а не обязательным. В этом направлении идет закон Ирака № 12 от 2018 года, статья 4 и его поправки, которые гласят, что (избирательное право предоставляется каждому иракцу, который соответствует условиям, предусмотренным в этом законе, без дискриминации по полу, расе, национальности, происхождению, цвету, религии, убеждениям, мнению, экономическому или социальному статусу).

Также сирийский закон, статья 3 закона № 5 от 2014 года о выборах, гласит, что (избирательное право и право голосовать предоставляются каждому гражданину и обязательны для него, если у него есть условия, предусмотренные этим законом, независимо от его религии, мнения или политической принадлежности). Закон не предусматривает никаких наказаний за невыполнение правила обязательного голосования.

С другой стороны, египетский закон предпочел систему обязательного голосования, что подверглось критике. Он предусматривает штраф не более 500 египетских фунтов для тех, чьи имена внесены в базу данных избирателей и кто не явился на выборы или референдум без уважительной причины (ст. 57) [9]. Мы по очереди обсудим некоторые преступления, совершенные на этом этапе:

Во-первых, преступление незаконного голосования: В процессе голосования часто случаются некоторые преступления, в том числе когда человек выражает свое мнение, зная, что его имя незаконно включено в список избирателей или не включено в список, и тем не менее он голосует, выдавая себя за имя или характеристики избирателя, а законодательство принял решение о введении уголовной ответственности за неправомерное голосование на выборах или референдуме.

Сирийский закон о выборах предусматривает наложение штрафа от двадцати пяти до пятидесяти тысяч сирийских лир на тех, кто голосует, зная, что он лишен избирательного права или ему временно запрещено использовать это право в соответствии с действующими законами или в силу судебных решений (ст. 109) [7].

Также иракский закон о выборах предусматривает наказание тюремным заключением не менее шести месяцев или штрафом не менее пятиста тысяч динаров и не более миллиона динаров для тех, кто отдает свой голос на выборах, зная, что его имя внесено в реестр избирателей вопреки закону, или что у него отсутствуют законные требования для использования своего избирательного права, или кто умышленно голосует от имени другого (ст. 36) [8].

Египетское законодательство карает тюремным заключением на срок не менее одного месяца и штрафом в размере не менее пятисот фунтов стерлингов и не более тысячи фунтов, или одним из этих двух наказаний, любого, кто выразил свое мнение о выборах или референдуме, зная, что он не имел на это права, или высказал свое мнение, выдавая себя за кого-то другого. Председатель Верховной комиссии имеет право аннулировать голоса избирателей, полученные в результате совершения любого из этих преступлений (ст. 66) [9].

С учетом замечания о том, что законодательство в трех странах считает неправомерное голосование умышленным преступлением, то есть, требуется, чтобы преступник знал, что он не имеет права голосовать.

Мы отмечаем, что иракский законодатель превосходит другие в ужесточении наказания за это преступление, что обеспечивает более высокие гарантии честности избирательного процесса.

Во-вторых, преступление повторного голосования: Избирательное законодательство предусматривает достижение равенства на выборах и то, что голосование более одного раза на одних выборах или референдуме является избирательным преступлением, наказуемым по закону, независимо от того, проводится ли голосование в одном избирательном округе или более чем в одном округе, происходит ли это в ходе выборов или референдум.

В то время как некоторые избирательные законы уголовного наказания действуют многократного голосования на основе повторной регистрации в списках избирателей, не учитывая повторное голосование, которое происходит на основе одной регистрации.

Закон о выборах Сирии предусматривает штраф от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч сирийских лир для тех, кто голосует более одного раза в одних выборах (ст. 109) [7], Сирийский закон о выборах также предусматривает, что не разрешается баллотироваться более чем в одном избирательном округе под страхом того, что выдвижение и его последствия будут признаны недействительными во всех округах (ст. 41) [7].

Закон о выборах Ирака предусматривает наказание тюремным заключением не менее шести месяцев или штрафом не менее пятисот тысяч динаров и не более миллиона динаров для тех, кто использует свое избирательное право более одного раза, или выдвигается в более чем одном округе или избирательном списке (ст. 36) [8].

Также закон о регулировании непосредственного осуществления политических прав в Египте предусматривает наказание тюремным заключением не менее месяца, штрафом не менее пятисот фунтов и не более тысячи фунтов или одной из этих двух наказаний для тех, кто участвует в одних и тех же выборах или референдуме более одного раза, и предоставляет председателю верховной комиссии право аннулировать избирательные голоса, происшедшие из-за совершения этого преступления (ст. 66) [9].

Из этого становится ясным, что сирийский законодатель допускает легкомысленность в отношении наказания за преступление повторного голосования, ограничиваясь лишь штрафом без тюремного заключения, устанавливая при этом наказание в виде отмены обязательных эффектов кандидатуры согласно закону во всех избирательных округах.

В то время как иракский законодатель ужесточает срок заключения по сравнению с египетским законом. В то время как иракский закон упускает вопрос об урегулировании последствий недействительности кандидатуры и связанных с ней последствий в случае совершения этого преступления.

Мы видим, что египетский законодатель предоставляет председателю верховной комиссии юридические полномочия отменить голоса, происходящие от совершения этого преступления, что нелогично, так как открывает дверь для использования преступником последствий своего преступления.

1.2. Преступления против свободы голосования:

Давление, оказываемое на избирателей и к которому прибегают некоторые влиятельные партии, более опасно для избирательного процесса, а его осуществление нарушает принцип свободы голосования. Это незаконное давление принимает множество форм, наиболее заметными из которых являются:

Во-первых: Преступление подкупа на выборах:

Это одно из самых опасных и распространенных преступлений в избирательном процессе из-за легкости доступа к этим практикам со стороны некоторых кандидатов среди

обладателей финансовой силы. Эти воздействия могут осуществляться непосредственно, через их представителей или сторонников. Из-за сложности правового доказательства экономические трудности, с которыми сталкиваются некоторые люди, могут стимулировать кандидатов использовать такие методы для привлечения большего числа голосов в свою пользу и обеспечения победы на выборах. Для защиты свободы избирателей законодательство обычно уголовно наказывает любые формы материального или морального воздействия на избирателей.

В сирийском законодательстве предусмотрено наказание от десяти дней до трех месяцев лишения свободы и штраф от двадцати пяти тысяч (25,000) до пятидесяти тысяч (50,000) сирийских лир для тех, кто получил или попытался получить голос избирателя или побудил его воздержаться от голосования в обмен на финансовое вознаграждение, подарки, наличные или в натуре взносы, обещания, общественные или частные должности или другие преимущества с целью влияния на голосование прямо или косвенно (ст. 113) [7].

Иракский закон о выборах также предусматривает наказание в виде тюремного заключения сроком не менее одного года для любого, кто предоставил, предложил или пообещал предоставить избирателю выгоду для себя или других лиц, чтобы заставить его проголосовать определенным образом или воздержаться от голосования, или принял или запросил выгоду для себя или других лиц, которые были назначены для выполнения государственной службы в избирательном процессе (ст. 37) [8].

Египетский закон предусматривает тюремное заключение не менее года, штраф не менее тысячи (1,000) и не более пяти тысяч (5,000) египетских фунтов или одно из этих наказаний для тех, кто предоставил, предложил или обязался предоставить другому человеку выгоду с целью привлечь его к голосованию за конкретное лицо или воздержаться от голосования. Кандидат, выигравший от этих преступлений, также подлежит тем же наказаниям, если доказано его знание и согласие на их совершение, и суд может запретить ему участие в выборах на пять лет с момента вступления приговора в законную силу (ст. 65) [9].

Из этого становится ясным, что иракский законодатель опережает других в ужесточении наказания за избирательное взяточничество, предусматривая тюремное заключение на срок не менее года. В то время как сирийский законодатель устанавливает срок от десяти дней до трех месяцев с небольшим штрафом, и египетский законодатель определяет наказание тюремным заключением не менее года или штрафом, что означает возможность ограничить наказание только штрафом.

Во-вторых: Преступление в виде применения силы или угрозы:

К применению силы или угрозам могут прибегать для оказания влияния на избирателей, и эти действия могут совершаться кандидатами или их сторонниками, особенно теми, кто обладает социальным и племенным влиянием, или вооруженными партиями и группами, которые контролируют силой оружия и используют угрозы во время выборов. А также государственные органы, такие как принуждение избирателя проголосовать определенным образом или воспрепятствование ему в голосовании.

Избирательное и уголовное законодательство запрещает такие действия в различных формулировках, но в целом они согласны в гарантии свободы избирателя в выражении своего мнения. Принцип свободы голосования противоречит использованию любого метода давления на избирателей с целью принудить их голосовать за определенного кандидата или угрожать кандидатам или их сторонникам, если они не голосуют в их пользу.

Согласно сирийскому избирательному закону, наказание за вторжение или попытку вторжения в избирательный участок с использованием силы для предотвращения избирателей от выбора кандидата предусматривает тюремное заключение от одного до трех лет и штраф от ста тысяч до двухсот тысяч сирийских лир. Это касается тех, кто принуждает избирателя силой или угрозой любым средством изменить свое мнение. Наказание увеличивается до максимального, если он носит видимое или скрытое оружие (ст. 111) [7].

И закон об избирательном процессе в Ираке предусматривает наказание тюремным заключением не менее одного года для тех, кто использует силу или угрозы, чтобы помешать избирателю воспользоваться своим правом, чтобы вынудить его голосовать за определенного кандидата или

воздержаться от голосования, а также для тех, кто распространяет ложные новости между избирателями о поведении кандидата или его репутации с целью влияния на мнение избирателей относительно результатов выборов (ст. 37) [8].

Также предусмотрено тюремное заключение не менее одного месяца и не более одного года для тех, кто умышленно нападает на изображения кандидатов или их программ, размещенные на предназначенных для них местах, с целью нанести ущерб этому кандидату или повлиять на ход избирательного процесса, а также для тех, Или объявил о снятии одного или нескольких кандидатов с избирательного процесса, зная, что вопрос некорректен, с намерением повлиять на избирателей или передать ему голоса кандидата ему, или нападать на разрешенные средства предвыборной агитации по любой причине, будь то путем удаления, разрывания и т.д., или любым подобным поведением (ст. 40) [8].

Кроме того, предусмотрено тюремное заключение не менее одного месяца и не более шести месяцев и штраф не менее одного миллиона динаров и не более пяти миллионов для тех, кто использует свои служебные полномочия, ресурсы государства, средства или устройства из государственных учреждений и общественного сектора, а также местных властей в свою пользу или в пользу любого кандидата, а также для тех, кто занимается любой формой давления, угроз, террора, обещания, угрозы подкупа или предоставления материальных выгод или обещания таковых в период выборов (ст. 41) [8], а также для тех, кто препятствует участию партии или политической организации в выборах и подсчету голосов, если она закрывает избирательный район с применением силы или угроз силой в ее пользу или против кого-то другого (ст. 30) [8].

Закон об избирательном процессе в Египте также предусматривает наказание тюремным заключением не менее двух лет для тех, кто использует любые методы запугивания или угроз с целью влияния на безопасность проведения выборов или референдума и не достиг своей цели. Если цель была достигнута, наказание будет тюремным заключением не менее трех лет и не более пяти лет (ст. 61) [9].

Также предусмотрено тюремное заключение не менее одного года и штраф не менее тысячи фунтов и не более пяти тысяч фунтов, или одно из этих наказаний, для тех, кто использует силу или угрозы, чтобы предотвратить человека выразить свое мнение в выборах или референдуме, или вынудить его выразить мнение определенным образом, или печатать или распространять каким-либо способом карточку для выражения мнения или бумаги, используемые в избирательном процессе, без разрешения компетентного органа.

Также наказываются штрафом не менее двадцати тысяч фунтов и не более двухсот тысяч фунтов каждый, кто распространяет ложные заявления или новости о предмете выборов или референдума или о поведении одного из кандидатов или о его моральных качествах, зная об этом с целью влиять на результат выборов или референдума.

Если эти заявления или новости распространяются в момент, когда избиратели не могут определить правдивость, размер штрафа удваивается.

Кандидат, выигравший от этих преступлений, подвергается тем же наказаниям, что и первоначальный преступник, если доказано, что он знал и согласился на их совершение. В дополнение к этому суд может также лишить его права баллотироваться на парламентских выборах на пять лет с даты окончательного вынесения приговора (ст. 65) [9].

Также предусмотрено тюремное заключение не менее одного месяца и штраф не менее пятисот фунтов и не более тысячи фунтов, или одно из этих наказаний, для тех, кто выражает свое мнение в выборах или референдуме, зная, что у него нет на это права, или выражает свое мнение, подменяя имя другого. Председатель верховной комиссии имеет право отменить избирательные голоса, совершенные в результате совершения любого из этих преступлений (ст. 66) [9].

Из этого становится ясным, что египетский законодатель опережает законодателей Сирии и Ирака в расширении криминализации действий силы или угроз, воздействующих на избирателей, а также в ужесточении наказания за такие действия.

При этом сирийский законодатель проигнорировал наказание за распространение фейковых новостей и слухов о кандидатах, их моральности и их снятии от выборов с целью влияния на их результаты.

В то время как иракский законодатель опережает и сирийского, и египетского законодателей в расширении криминализации партий, групп или организаций, занимаю-

щихся насилием, экстремизмом или клеветой. Он добавил наказание в виде лишения партии или политической организации права участвовать в выборах и неучета голосов в случае использования ими насилия. В то время как египетский законодатель оставил вопрос об аннулировании голосов на усмотрение председателя избирательной комиссии и не сделал его обязательным.

1.3. Преступления, нарушающие безопасность и регулярность процесса голосования:

Процесс голосования является одним из самых важных и точных этапов избирательного процесса. На этом этапе избиратели голосуют в избирательных участках, и обеспечение безопасности этого процесса определяет общую безопасность избирательного процесса в целом. Поэтому все избирательные и наказательные законы стремятся обеспечить этот процесс необходимыми гарантиями, которые гарантируют безопасность, надежность и регулярность избирательного процесса. Это достигается путем уголовного наказания различных действий, которые могут нарушить безопасность и регулярность хода избирательного процесса, в соответствии со следующим:

Во-первых: Преступление незаконного вторжения в избирательный участок:

Сохранение порядка и безопасности внутри избирательного участка лежит в обязанности ответственного за избирательный участок, который имеет право запрещать вход любому лицу с оружием, выгонять тех, кто мешает процессу голосования или пытается спровоцировать беспорядки. У него также есть право обратиться за помощью к служителям безопасности, ответственным за охрану избирательного участка. Однако эти лица могут войти в участок только по запросу ответственного за него лица. Для защиты избирательного зала избирательные законы устанавливают уголовное наказание для тех, кто входит туда с оружием или без права.

Согласно сирийскому избирательному закону, за нарушение данного правила предусмотрено тюремное заключение от одного года до трех лет и штраф от ста тысяч сирийских лир до двухсот тысяч сирийских лир. Это касается тех, кто вторгается или пытается вторгнуться на избирательный участок с применением силы, причем для уголовной ответственности за вторжение необходимо, чтобы оно было направлено на предотвращение избирателей от выбора кандидата. Наказание ужесточается, если нарушитель несет оружие, будь то открыто или скрыто (ст. 111) [7].

В соответствии с избирательным законом Ирака предусмотрено тюремное заключение не менее одного года для тех, кто входит в помещение, предназначенное для выборов, несущий огнестрельное или режущее оружие, нарушая положения избирательного закона (ст. 37) [8].

Египетский избирательный закон вводит наказание в виде тюремного заключения не менее трех лет и штрафа не менее пяти тысяч египетских фунтов и не более тридцати тысяч египетских фунтов для тех, кто умышленно разрушает что-либо из зданий, сооружений, транспортных средств или средств передвижения, используемых или предназначенных для использования в избирательном процессе или референдуме с целью препятствовать его ходу. Кроме того, ему приговаривается к возмещению стоимости уничтоженного или поврежденного имущества (ст. 62) [9].

Из этого становится ясным, что египетский законодатель упустил уголовное наказание за незаконное вторжение в штаб-квартиру избирательной комиссии, ограничившись лишь уголовной ответственностью за вандализм и разрушение зданий и сооружений, предназначенных для выборов.

Во-вторых – Преступление в виде применения силы или угроз в отношении членов избирательных комиссий:

Некоторые лица стремятся предотвратить или нарушить ход избирательного процесса, задерживая его или саботируя его путем нападения на тех, кто его организует, включая государственных служащих и обслуживающих общественные службы. Для обеспечения безопасности членов избирательных комиссий и гарантирования правильного хода и завершения процесса голосования особенно, а хода избирательного процесса в целом, избирательные законы устанавливают уголовную ответственность за нападение на членов этих комиссий.

Иракский избирательный закон вводит наказание в виде тюремного заключения не менее одного года для тех, кто оскорбляет, клеветает или нападает на избирательную ко-

миссию или ее членов во время избирательного процесса (ст. 37) [8].

Также египетский избирательный закон предусматривает тюремное заключение не более пяти лет для тех, кто использует силу или насилие в отношении председателя и членов верховной комиссии, председателя и членов генерального секретариата, председателя комиссии выборов провинции и ее членов из судебных органов, и председателя и членов общей комиссии, председателя подкомитета с намерением помешать ему выполнять порученную ему работу или заставить его выполнять ее определенным образом. Если преступник достигнет своей цели, наказанием будет тюремное заключение, а наказание будет тюремным заключением с отягчающими обстоятельствами, если преступник нанесет удары или нанесет раны, приводящие к постоянной инвалидности, и наказание будет пожизненным заключением, если избивание или ранение приведет к смерти (ст. 58) [9]. Любой, кто угрожает председателю и членам верховной комиссии, председателю и членам Генерального секретариата, председателю избирательной комиссии провинции и ее членам со стороны судебных властей или органов, председателю и членам генеральной комиссии или председателю подкомитета с целью воспрепятствовать выполнению им порученной работы, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет. Если угроза повлекла за собой выполнение работы противоречащим ей способом, наказанием является лишение свободы (ст. 59) [9]. Закон также наказывает тюремным заключением на срок до двух лет и штрафом в размере не менее двух тысяч фунтов и не более пяти тысяч фунтов или одним из этих двух наказаний любого, кто оскорбляет жестом или словом кого-либо из вышеупомянутых лиц, во время или в результате выполнения своей работы (ст. 60) [9], а Закон о органах власти рассматривает сотрудников органа, за исключением членов судебных органов и органов, которые считаются государственными служащими в сфере применения Уголовного кодекса (ст. 25) [10].

Из текста становится ясным, что законодательство Египта опережает законодательство Ирака в ужесточении наказания за преступление использования силы или угрозы против членов избирательных комиссий. Следует отметить, что закон о выборах Сирии № 5 от 2014 года не углубляется в уголовную ответственность за нападение на избирательных чиновников. Однако важно ужесточить наказание за такие преступления из-за их особенной политической природы. В этом контексте можно обратиться к общим положениям о наказании нападений на общественных служащих в Сирийском уголовном кодексе.

В-третьих - Преступление нарушения тайны голосования:

Существует тесная связь между тайной голосования и свободой избирателя, поскольку тайна голосования является эффективным средством защиты свободы избирателя, предотвращая доступ других к его выбору. Принцип тайны направлен на избавление избирателя от обещаний или обязательств, которые ему могут быть даны путем шантажа, и от удаления его от угрозы, которая может повлиять на него. Поэтому избирательные законы подчеркивают принцип тайны голосования, а большинство действий, нарушающих этот принцип, уголовно наказуемы для обеспечения безопасности и честности избирательного процесса.

Сирийский избирательный закон предусматривает тюремное заключение от одного года до трех лет и штраф от пятидесяти тысяч до ста тысяч сирийских лир для тех, кто нарушает тайну голосования. Наказание ужесточается до максимума, если нарушителем является лицо, обязанное быть членом избирательных комиссий или работниками, ответственными за них, или сотрудниками внутренних сил, ответственными за охрану избирательных урн (ст. 112) [7].

Также иракский избирательный закон предусматривает тюремное заключение не менее шести месяцев или штраф не менее пятисот тысяч динаров и не более миллиона динаров для тех, кто раскрывает тайну голосования избирателя без его согласия (ст. 37) [8].

Из этого становится ясным, что сирийский законодатель впереди иракского в ужесточении наказания за преступление нарушения тайны голосования, при этом стоит отметить молчание египетского избирательного закона и его отсутствие уголовной ответственности за нарушение тайны голосования.

Во-четвертых - Преступление нападения на избирательные урны и документы, связанные с избирательным процес-

Урна представляет собой высокую юридическую и моральную ценность, поскольку без нее невозможно провести выборы из-за ее юридической ценности, она является хранилищем, подтверждающим и воплощающим практический перевод воли избирателей. Что касается ее моральной ценности, то она проистекает из того факта, что избиратель помещает в урну свою избирательную карточку, выражая тем самым свою волю. Поэтому преступление нападения на избирательные урны считается одним из наиболее опасных преступлений, включая захват урны. Законодательство также обеспечивает защиту документов, связанных с избирательным процессом, от манипуляций, таких как подделка, кража, скрытие или уничтожение. Это включает таблицы и избирательные карточки, которые играют важную роль в избирательном процессе, и поэтому избирательное законодательство акцентирует необходимость уголовного наказания для избирательных документов, таких как таблицы и избирательные карточки и другие связанные с ними документы.

В Сирии избирательный закон предусматривает тюремное заключение от одного года до трех лет и штраф от пятидесяти тысяч до ста тысяч сирийских лир для тех, кто совершает нарушение целостности избирательных урн до подсчета голосов или их распределения, захватывает, уносит, уничтожает или пытается заменить бюллетени, или предпринимает любую попытку изменить результаты выборов или нарушить тайну голосования. Наказание ужесточается до максимума, если нарушителем является лицо, которое является членом избирательных комиссий или работниками, ответственными за них, или сотрудниками внутренних сил, ответственными за охрану избирательных урн (ст. 112) [7]. Также предусмотрено тюремное заключение от одного месяца до одного года и штраф от двадцати пяти тысяч до пятидесяти тысяч сирийских лир для каждого члена избирательных комиссий избирательных центров, ответственного за прием, подсчет или сортировку бюллетеней, который незаконным образом берет бюллетени, добавляет к ним, портит их или читает имя, не соответствующее зарегистрированному в них (ст. 110) [7]. Кроме того, устанавливается тюремное заключение от трех месяцев до одного года и штраф от пятидесяти тысяч до ста тысяч сирийских лир для каждого, кто собирает личные карточки, уносит, скрывает, уничтожает или портит любые бумаги, связанные с избирательным процессом, или изменяет результаты выборов любым другим способом, с целью изменить истину результатов выборов или провести повторные выборы (ст. 114) [7].

Закон об избирательных процедурах Ирака предусматривает наказание тюремным заключением продолжительностью не менее одного года для тех, кто манипулирует избирательными урнами, избирательными таблицами или любыми документами, связанными с избирательным процессом (ст. 36) [8]. Также наказываются тюремным заключением продолжительностью не менее одного года или штрафом не менее 1 000 000 (миллиона) динаров и не более 5 000 000 (пяти миллионов) динаров тот, кто завладел, скрыл, или украл избирательные бюллетени или таблицы избирателей или изменил их результаты любым способом (ст. 38) [8].

Египетский закон об избирательных процедурах также предусматривает наказание тюремным заключением продолжительностью не менее двух лет для тех, кто совершил хищение, утаивание или уничтожение базы данных избирателей или ее части, избирательной карточки или какого-либо другого документа, связанного с избирательным или референдумом, с целью исказить правду в этом результате или с целью, которая предполагает повторные выборы или их блокирование (ст. 63) [9]. Также наказываются тюремным заключением тот, кто умышленно, самостоятельно или через другого, добавляет свое имя или чужое имя в базу данных избирателей или удаляет его из нее в нарушение закона (ст. 64) [9]. Кроме того, устанавливается тюремное заключение для того, кто похищает урну с избирательными карточками или референдумом, уничтожает ее, изменяет или манипулирует ее бумагами (ст. 67) [9].

Заметим здесь, что египетский законодатель опережает своих сирийских и иракских коллег в ужесточении наказания за преступление нападения на избирательные урны и документы, связанные с избирательным процессом.

Заключение:

В данной статье было рассмотрено законодательство, применяемое для противодействия различным формам преступлений, связанных с процессом голосования, ко-

торые нарушают свободу, безопасность и регулярность процесса голосования во время избирательных процессов в Сирии, Египте и Ираке, и в результате анализа этих законодательных актов был сделан ряд выводов о том, что улучшит избирательный процесс в этих странах, и эти рекомендации являются:

- Разработка сирийского и египетского законодательства с ужесточением наказания за преступление голосования без права и расширением уголовной ответственности для партий, групп или организаций, совершающих преступления насилия, терроризма или клеветы.

- Разработка сирийского законодательства по ужесточению наказания за повторное голосование.

- Разработка сирийского и египетского законодательства с ужесточением наказания за преступление избирательного взяточничества.

- Необходимость введения уголовного наказания в египетском законодательстве за незаконное проникновение в помещение избирательной комиссии.

- Необходимость иракским и сирийским законодателям ужесточить наказание за преступление, связанное с применением силы или угроз в отношении членов избирательных комиссий.

- Необходимость того, чтобы сирийский законодатель криминализировал нападения на представителей избирательных комиссий и ужесточил наказание за них.

- Необходимость египетского законодателя ввести уголовную ответственность за действия, связанные с нарушением тайны голосования.

- Иракский законодатель должен ужесточить наказание за нарушение тайны голосования.

- Сирийские и иракские законодатели должны ужесточить наказание, связанное с нападением на урны для голосования и документы, связанные с избирательным процессом.

Пристатейный иблиографический список

1. As-Suswa A. A. Democratic Developments in Yemen. -М.: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2021. – 178 с.
2. Illegal voting // The New York State Senate. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/ELN/17-132>.
3. Double Voting // National Conference of State Legislatures. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/ELN/17-132>
4. Compulsory Voting // International IDEA. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.idea.int/data-tools/data/voter-turnout-database/compulsory-voting>.
5. Overview of Federal Criminal Laws Prohibiting Threats and Harassment of Election Workers // CRS Reports. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/LSB/LSB10781>.
6. Конституция Сирии (Сирийской Арабской Республики), изданная в 2012 году // Constitute project. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.constituteproject.org/constitution/Syria_2012.pdf?lang=ar.
7. Закон о Общих выборах – Закон 5 от 2014 г. // Сирийский парламент. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.gov.sy/arabic/eindex.php?node=5516&cat=327&nid=327&print=1>.
8. Закон о выборах в провинциальные и районные советы № 12 от 2018 г. // Иракский факт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.moj.gov.iq/upload/pdf/4494.pdf>.
9. Решение президента Арабской Республики Египет Законом № 45 от 2014 года о провозглашении закона, регулирующего осуществление политических прав // Кадая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://qadaya.net/?p=8755>
10. Закон № 198 от 2017 года о национальной избирательной комиссии Египта // elections.eg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elections.eg/images/pdfs/laws/NEAlaw2017-198.pdf>.

БАШИРИНА Евгения Николаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Института истории и государственного управления Уфимского университета науки и технологий

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВЫБОРАХ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается поэтапное развитие избирательного права, в части выборов главы Российской Федерации.

Проведен анализ избирательных норм в период с 1993 года по 2024 год, выделены аспекты в действовавших и действующих на сегодняшний день законодательных актах относительно требований к процедуре голосования.

Внесено предложение по совершенствованию российского избирательного законодательства.

Ключевые слова: Президент, государство, право, избирательное право, выборы, нормативно-правовые акты.

BASHIRINA Evgeniya Nikolaevna

Ph.D. in political science, associate professor of Economic and legal security sub-faculty of the Institute of history and public administration of the Ufa University of Science and Technology

SOME HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE LEGISLATION ON THE ELECTION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the gradual development of the electoral law, in terms of the election of the head of the Russian Federation.

The analysis of electoral norms in the period from 1993 to 2024 was carried out, aspects in the past and current legislative acts regarding the requirements for the voting procedure were highlighted.

A proposal has been made to improve Russian electoral legislation.

Keywords: the President, the state, law, electoral law, elections, normative legal acts.

Баширина Е. Н.

В 1993 году в Российской Федерации была принята Конституция¹, в которой прописывались требования к должности главы государства, все указанные в Конституции РФ требования, в дальнейшем, стали отправной точкой для совершенствования и поэтапного развития норм, которые регулировали, в частности, и процедуру проведения выборов высшего должностного лица в государстве.

Отметим, что в статье 81 Конституции РФ указывалось, что Президент РФ избирался сроком на 4 года на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, выборы назначались верхней палатой парламента – Советом Федерации Федерального Собрания РФ.

Процедура выдвижения кандидата на должность главы государства, регулировалась Федеральным законом от 17 мая 1995 года², закон устанавливал возможность выдвигать кандидатуру на должность Президента РФ, гражданам РФ, при условии создания инициативной группы не менее 100 человек, которая, в обязательном порядке, проходила регистрацию в Центральной избирательной комиссии РФ. В поддержку будущего кандидата на должность главы государства, в соответствии с действующим законодательством, нужно было собрать не менее 1 млн подписей, с учетом, что в одном субъекте РФ не более 7 % от общего числа собранных подписей.

Отметим, что вышеуказанная норма, в 2000 году была сокращена вдвое, из-за того, что выборы проводились досрочно, в связи с отставкой первого Президента РФ Б. Н. Ельцина.

В период с 14 января по 13 февраля 2000 года Центризбирком зарегистрировал 28 инициативных групп.

По итогам выборов 2000 года наблюдатели от ОБСЕ определили, что «выборы, в целом соответствуя обязательствам страны как участника ОБСЕ и Совета Европы, проявили некоторые слабости. Важнейшие среди них – давление на средства массовой информации и сокращение внушающего доверия плюрализма» [1].

В 2003 году избирательное законодательство РФ, дополнилось нормой о самовыдвижении на президентских выборах³. Самовыдвиженец – это кандидат на должность главы государства, который участвует в выборах самостоятельно, без поддержки политической партии. Воспользовались, этой нормой, больше всего кандидатов на президентских выборах в 2004 году, кроме Владимира Путина, баллотировались Сергей Глазьев и Ирина Хакамада.

В соответствии со статьей 36 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации», самовыдвиженцы обязаны представить в Центризбирком не менее 300 тыс. подписей. Кандидат от политических партий не менее 100 тыс. подписей, а кандидаты от парламентских партий от сбора подписей, в соответствии с действующим законодательством, освобождены.

Необходимо отметить, что число подписей достаточных для регистрации в качестве самовыдвиженца, с годами становится все меньше, например в 2012 году, самовыдвиженцы должны были представить в ЦИК не менее 2 млн подписей избирателей [2]. В этом же году вступили в силу поправки в

1 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Федеральный закон от 17 мая 1995 г. № 76-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (утратил силу). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Федеральный закон от 10 января 2003 № 19-ФЗ (ред. от 14.11.2023) «О выборах Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Конституцию РФ, согласно которым Президент избирается сроком на 6 лет⁴.

Конституционные поправки коснулись лишь срока пребывания в должности главы государства, однако интерес многих исследователей привлекает то обстоятельство, что в правовом статусе Президента РФ нарушен баланс между отсутствием четко сформулированных обязанностей и значительным объемом полномочий. По мнению авторов, подобный перекос делает практически неконтролируемую президентскую власть дестабилизирующим фактором в российском обществе, поскольку любая смена главы государства «воспринимается населением как некая революция» [3, с. 13].

Представляется важным определить четкий конституционно-правовой статус Президента РФ, это даст возможность преодолеть пробелы в праве, касающиеся как непосредственно президентских обязанностей, так и некоторых вопросов, относительно конституционно-правовой ответственности главы государства [4, с. 136].

Отметим также, что важнейшие положения о функциях и отношениях главы государства с другими ветвями власти распределены по разным нормативным актам. Такое регламентирование полномочий неудобно и действует не в полной мере. В соответствии с действующим российским законодательством, Президент РФ не входит ни в одну из ветвей власти, хотя данный принцип обеспечивает относительную самостоятельность и независимость лишь законодательной и судебной ветвей, а исполнительная ветвь власти находится, практически, под полным и непосредственным контролем главы государства.

Анализируя хронологию проведения президентских выборов в РФ, следует, также указать, еще на один аспект, который показывает тенденцию смягчения требований к процедуре избрания на должность главы государства. Речь идет о пороге явки – минимальный процент граждан РФ, которые должны были прийти и проголосовать на выборах.

В 2006 году в России порог явки был отменен, до этого года президентские выборы признавались состоявшимися при 50 %явке избирателей.

Зуга И. М. представитель от исполнительного органа государственной власти Омской области, в 2013 году, заявил, что «отмена порога явки привела к кризису доверия населения и власти в подготовке и проведении выборов» [5].

Считаю, что необходимо, на законодательном уровне, проработать вопрос о «явочном пороге», что позволит решить важные политические вопросы страны большинством населения [6, с. 218].

В 2022 году в ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», была введена норма, которая предусматривала возможность дистанционного электронного голосования (ДЭГ)⁵.

В своей статье Котикова Г. В., высказала мнение, что ДЭГ «позволяет повысить качество организации избирательного процесса и обеспечить рост явки избирателей» [7, с. 182].

Отметим, что введение норм о ДЭГах способствует привлечению к голосованию большого количества избирателей, в том числе категорию граждан в возрасте с 18 до 35 лет, которые являются менее активным электоратом.

На основании вышеизложенного, считаю необходимым вернуть, в российское законодательство норму, устанавливающую явочный порог избирателей на выборах любого уровня.

В 2024 году предстоят очередные президентские выборы, изменения в нормативных актах, которые регулируют процедуру голосования, внесены с учетом политической обстановки и коснулись следующих норм:

1) уточняется положения в федеральном законодательстве, касающиеся фото- и видеосъемки на избирательных участках, ее смогут проводить, только лица, имеющие на это право с учетом действующего законодательства;

2) определен порядок проведения голосования в воинских частях;

3) сформулированы нормы, касающиеся процедуры голосования в новых субъектах РФ.

Итак, важнейшими элементами избирательной системы, являются избирательное право и процесс. Особым политическим институтом, является избирательная система, которая представляет собой набор норм и правил, на основании которых складывается представление о легитимности власти. Посредством проведения выборов обеспечивается участие граждан в формировании государственных органов власти.

Избирательное право, в свою очередь, представляет собой совокупность нормативно-правовых актов, регулирующие процесс выборов. Избирательный процесс – это совокупность легитимных действий, которые должны привести к успешному выбору.

Качественные и признанные большинством выборы, являются показателем того, что общество сможет решать поставленные перед ней важные задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Preliminary statement on the presidential election in the Russian Federation, 26 March 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://osce.org> (дата обращения: 08.01.2024).
 2. Правила регистрации кандидатов – самовыдвиженцев на выборах Президента РФ. Досье. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/info> (дата обращения: 11.01.2024).
 3. Собянин С. С. Конституционная реформа не прихоть, а необходимость // Журнал российского права. - 2002. - № 12. - С. 13.
 4. Баширина Е. Н., Редников Д. В. Правовой институт конституционно-правовой ответственности президента РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - № 4-3 (55). - С. 136-139.
 5. Зуга И. М. Легитимные выборы: порог явки необходим? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 08.01.2024).
 6. Баширина Е. Н. Конституционная обязанность правового государства // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект / Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. - Уфа, 2018. - С. 218.
 7. Котикова Д. В. К проблеме правового регулирования дистанционного электронного голосования // Гражданин. Выборы. Власть. - 2020. - № 2 (16). - С. 182.
- 4 Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- 5 Федеральный закон от 14.03.2022 № 60-ФЗ (ред. от 29.05.2023) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

БУДЗИШВИЛИ Цира Зурабовна

соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ

Молодежный парламентаризм представляет собой систему представительства прав и законных интересов молодежи как особой социальной группы, основанной на создании и функционировании при органах государственной власти или в установленном ими порядке специальной общественной консультативно-совещательной структуры молодежи – молодежного парламента. В статье анализируется общеправовой принцип законности как принцип организации деятельности молодежного парламентаризма, получившего правовое оформление в нормативных правовых документах, регулирующих деятельность молодежных парламентов в субъектах Российской Федерации. Особенностью правовых принципов является то, что они носят общеобязательный характер, будучи закрепленными в соответствующих правовых нормах. Применяется комплексный подход к анализу закрепления общеправового принципа законности как принципа организации деятельности молодежных парламентов, так, например, при исследовании данного принципа был проведен сравнительно-правовой анализ. В статье дается определение понятия «принцип законности», рассматривается его место в системе принципов права, регулирующих деятельность молодежных парламентов. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что принцип законности, который является базовым для молодежных парламентов, имеет важное нормативно-организующее воздействие для организации деятельности молодежных парламентов в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: законность, принцип законности, принцип права, принцип парламентаризма, принцип молодежного парламентаризма, молодежь, молодежный парламента.

BUDZISHVILI Tsira Zurabovna

competitor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

ON QUESTION OF THE ROLE OF THE PRINCIPLE OF LEGALITY IN THE ACTIVITIES OF YOUTH PARLIAMENTS

Youth parliamentarism is a system of representation of the rights and legitimate interests of young people as a special social group, based on the creation and functioning of a special public consultative and advisory structure of young people - the youth parliament - under state authorities or in the order established by them. The article analyzes the general legal principle of legality as a principle of organization of youth parliamentarism activity, which has been legally formalized in the normative legal documents regulating the activity of youth parliaments in the regions of the Russian Federation. The peculiarity of legal principles is the fact that they are generally binding, being enshrined in the relevant legal norms. A comprehensive approach to the analysis of the consolidation of the general legal principle of legality as a principle of organization of youth parliaments' activity is applied, for example, in the study of this principle a comparative legal analysis was carried out. The article defines the concept of "the principle of legality" and examines its place in the system of legal principles that regulate the activity of youth parliaments. As a result of the study the conclusion is made that the principle of legality, which is basic for youth parliaments, has an important normative-organizing impact on the organization of youth parliaments in the regions of the Russian Federation.

Keywords: legality, the principle of legality, principle of law, principle of parliamentarism, principle of youth parliamentarism, youth, youth parliamentarism.

В справочной (специальной) литературе «законность» определяется как один из основополагающих принципов права, требующий соблюдения конституции и иных нормативных правовых актов государства, следования их предписаниям [1, с. 295-296]; состояние, положение, характеризующиеся соблюдением законов [35, с. 241]; неуклонное исполнение законов и соответствующих им иных правовых актов органами государства, должностными лицами, гражданами и общественными организациями. Законность представляет собой одну из сторон демократического государственного строя, выражает равенство всех перед законом с точки зрения одинакового подчинения закону любого участника общественных отношений [3, с. 306]; по сути соблюдение всеми субъектами права законов и подзаконных актов [38, с. 50].

Г. Ф. Игнатович отмечает, что «законность всегда была одной из ключевых проблем, требующих тщательного комплексного и систематизирующего изучения» [10, с. 83].

С. А. Минаева определяет законность как общеправовое понятие [18, с. 3], А. О. Омаров как политико-правовое явление [22, с. 3]. В. М. Карташов отмечает, что законность представляет собой одновременно и развивающееся явление, и процесс, «выражающие сущность нормативно-правовых актов в ходе их реализации» [13, с. 6].

Е. В. Батеева предлагает законность обуславливать двумя факторами, такими как: 1) политический режим данного общества и пониманием законодателями идей справедливости и 2) фактор связанный с пониманием идей справедливости законодателями, которые «заключаются в равенстве всех перед законом (правовое равенство) и взаимосвязи правовых норм с нравственными требованиями» [2, с. 6].

Принципы законности, по мнению А. Д. Таги-заде, «могут быть выведены на эмпирическом уровне из практического опыта, но они могут оказаться и результатом научного познания. Будучи закрепленными в юридических нормах, они приобретают

характер юридических принципов» [31, с. 80]. А.В. Малько среди основных принципов законности называет: единство законности; всеобщность законности; верховенство закона; недопустимость противопоставления законности и целесообразности; гарантированности прав и свобод человека и гражданина; связь законности и культуры, а также принцип презумпции невиновности [38, с. 50-51].

Т. В. Власова, анализируя принцип законности, обратила внимание на ряд проблем, связанные с ним, среди которых, например, в первую очередь то, что «законодатель распространяет действие принципа законности в основном только на деятельность государственных и иных уполномоченных органов, должностных лиц, но не граждан», а также спорное рассмотрение «принципа законности в связке с принципами, имеющими моральное содержание, например, в сочетании с принципом справедливости, как это сделано в Кодексе административного судопроизводства РФ, так как справедливость для сторон в административном деле имеет разное содержание, напротив законность должна иметь общее для любого случая понимание [4, с. 38].

М. Ю. Кузьмина подчеркивает, что законность как «доктринальная идея оказывает непосредственное и существенное влияние на содержание юридического права» [14, с. 11], а Д. В. Теткин, что она «есть не что иное, как качественная сторона правовой деятельности субъектов права и их поведения...» [32, с. 9].

Г. Р. Хабибуллина отмечает, что «в общенаучных методологических основах исследования по проблематике общеправовых принципов доминирует системный подход, который в сочетании с иной познавательной методологией позволяет рассматривать общие принципы права в различных аспектах и срезах, ...» [36, с. 265].

Исследуя молодежные парламенты в субъектах Российской Федерации необходимо уделить внимание общеправовым принципам организации ее деятельности, так как в целом принципы

права представляют собой основополагающие начала, основные исходные положения, которые определяют само содержание права на общественные отношения и выступают критерием ценности права [23, с. 39]. В этой связи рассмотрим один из общеправовых принципов права (то есть принцип действующий во всей системе права) законности как принцип организации деятельности молодежных парламентов в субъектах Российской Федерации.

В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. При этом в Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» закреплено, что Российская Федерация выступает за неукоснительное соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств. В. А. Карташкин считает, что «влияние законодательства государства на международно-правовую позицию является особенно существенным в правовом государстве, которое со всей ответственностью подходит к своим международным обязательствам и обычно сначала приводит свое законодательство в соответствие с тем или иным международным договором и только затем ратифицирует его» [12, с. 116].

В юридической литературе законность определяют как конституционный принцип функционирования государства [39, с. 11-13]; общеправовой [37, с. 113-115] (юридический) принцип права [21, с. 11]; принцип, метод и режим реализации норм права [20] и так далее.

Принцип законности рассматривается как общий принцип материальных отраслей права (например, конституционное [17, с. 234-235], административное [7, с. 15-17], уголовное [11, с. 8; 15, с. 7-9], финансовое [9, с. 154-158], информационное [26, с. 152]). Также как общий принцип процессуальных отраслей права (конституционный судебный процесс [16, с. 18-21], гражданский судебный процесс [5, с. 58-61; 29, с. 170-176], уголовный судебный процесс и др.). Так, например, статья 3 Уголовного кодекса Российской Федерации «принцип законности» согласно которой преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом Российской Федерации и применение уголовного закона по аналогии не допускается, статья 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «законность при производстве по уголовному делу, статья 9 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации «законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел», статья 6 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации «законность при рассмотрении дел арбитражным судом».

Также принцип законности находит свое отражение в качестве одного из принципов организации деятельности государственных органов, так, например, оперативной-розыскная деятельность в Российской Федерации основывается на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина¹, среди принципов на которых основывается деятельность государственной судебно-экспертной деятельности первым назван принцип законности².

Согласно части 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы³.

Следует отметить, что общеправовой принцип законности закрепленный в Конституции Российской Федерации также находит свое отражение в нормативных правовых актах в качестве одного из принципов организации деятельности

законодательных (представительных) органов власти. Например, деятельность Народного Собрания Республики Дагестан (статья 3 главы 1 Регламента Народного Собрания Республики Дагестан), Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики (пункт 1 статьи 3 главы 1 Регламента Народного Собрания (Парламента) Карачаево-Черкесской Республики), Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва (статья 2 раздела I Регламента Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва, Законодательного собрания Амурской области (статья 8 главы 1 раздела I Регламента Законодательного собрания Амурской области), Архангельского областного Собрания депутатов (статья 1.3 главы I раздела I Регламента Архангельского областного Собрания депутатов), Псковского областного Собрания депутатов (статья 3 раздела I Регламента Псковского областного Собрания депутатов), Законодательного Собрания Свердловской области (статья 2 раздела 1 Регламента Законодательного Собрания Свердловской области) основана в том числе на принципе законности. В Регламенте Государственного совета Республики Крым законность указывается в части 2 статьи 15 главы 2, помимо верховенства права, конституционности, коллегиальности и гласности, как принцип на которой осуществляет свою деятельность Президиум Государственного Совета Республики Крым.

В. И. Попов к числу правовых принципов коммуникаций государства и общества относит в том числе и такой принцип как законность, соблюдение которого «предполагает наличие таких юридических средств (правовых инструментов, правовых процедур), посредством которых происходит упорядочивание общественных отношений, в частности информационно-обменных процессов, что гарантирует субъектам правовой коммуникации законное и справедливое удовлетворение их интересов и потребностей» [25, с. 68].

Следует отметить, что многие институты гражданского общества в той или иной степени осуществляют взаимодействие с органами публичной власти в рамках различных правовых форм. При этом отличие институтов гражданского общества заключается в иной правовой природе, которая обусловлена их правовыми характеристиками. В частности, образование и деятельность институтов гражданского общества основывается на принципе добровольности и независимости от решений органов публичной власти [27, с. 154-155].

А. В. Тиховодова определяет современное гражданское общество как систему общественных отношений и институтов, выражающую разнообразные потребности, интересы и ценности членов общества, активно взаимодействующую с государством, корпоративными элитами и дающая возможность человеку реализовать его гражданские права [33, с. 88]. Гражданское общество фактически представляет собой социальную основу функционирования правового государства [8, с. 13].

И. В. Мухачев, А. С. Акритов отмечают, что «в правовой науке сегодня получил признание подход к гражданскому обществу как к комплексу общественных отношений, независимому от государства, но взаимодействующему с ним» [19, с. 202]. Гражданское общество и правовое государство не изолированные друг от друга части, а наоборот взаимобусловленные. Взаимодействие государства и гражданского является важным условием демократического развития, влияющим на государственное устройство, так как государство, реализующая организующую деятельность на все сферы общественной жизни, способствует социальному объединению общества [16, с. 39].

Государство представляет собой публичное пространство, в то время как гражданское общество воплощает некую деполитизированную сферу свободы, фундаментом которой является экономика свободного рынка и индивид как социальная и духовно-культурная единица [8, с. 15]. Применение права традиционно рассматривается как сложная функция в комплексе коммуникаций и взаимодействия по вектору «личность – группа – общество» [24, с. 20].

По мнению Ж. Т. Тумурова опыт молодежных парламентов показывает, что гражданское общество должно развиваться во взаимодействии с системой власти, путем применения подхода «снизу – вверх», чтобы инициатива на местах не оставалась незамеченной, а разнообразие потребностей молодежи должно получать адекватное отражение в законотворческой и правоприменительной деятельности [34, с. 129-130]. Таким образом, например, правотворческая деятельность требует фактического участия не только органов публичной власти и их должностных лиц, но и институтов гражданского общества в том числе молодежных парламентов, ряд из которых обладают правом законодательной инициативы (например, в 2017 году такое право появилось у молодежных парламентских структур Самарской, Волгоградской, Тамбовской, Магаданской и Калужской обла-

1 Федеральный закон от 18 августа 1995 № 144-ФЗ (в ред. от 28 июня 2022) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14 августа. – № 33. – №. 3349.

2 Федеральный закон от 31 мая 2001 № 73-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости Федерального Собрания – 11 июня 2001. – № 17.

3 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 (в ред. от 04 октября 2022) – Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru> – 06 октября 2022. – №001202210060013.

стей, Ставропольского края и Еврейской автономной области [29, с. 76]).

Принцип законности при осуществлении и организации деятельности является базовым и для молодежных парламентов субъектов Российской Федерации. Так, например, принцип законности находит свое отражение в:

- п. 3.1. «1. Общие положения» Положения о Молодежном парламенте при Народном Собрании Республики Дагестан;⁴
- часть 4 главы 1 «Общие положения» Положения о Молодежном парламенте Республики Крым при Государственном Совете Республики Крым;⁵
- часть 5 «1. Общие положения» Положения об Общественной палате (Молодежном парламенте) при Государственном Собрании Республики Мордовия;⁶
- часть 1.6 «1. Общие положения» Положения о Молодежном Хурале (парламенте) Республики Тыва;⁷
- часть 1.2. «1. Общие положения» Положения об общественной Молодежной палате при Государственном Совете Чувашской Республики;⁸
- статья 2 «Принципы деятельности Молодежного Парламента» Закона Алтайского края о Молодежном парламенте Алтайского края;⁹
- п. 2 статьи 1 «Общие положения» Закона Камчатского края о Молодежном парламенте Камчатского края;¹⁰
- части 1.3. «1. Общие положения» Положения о Молодежном парламенте Красноярского края при Законодательном Собрании Красноярского края;¹¹
- п. 2.3.1. части 2.3. «2. Цели, задачи и принципы работы ассамблеи» Положения и молодежной парламентской ассамблеи при Законодательном Собрании Приморского края;¹²
- части 1.6. «1. Общие положения» Положения о Палате молодых депутатов при Архангельском областном Собрании депутатов;¹³

4 Постановление Народного Собрания Республики Дагестан от 27 мая 2004 № 236-III НС (в ред. от 28 октября 2021) «О создании Молодежного парламента при Народном Собрании Республики Дагестан» // «Собрание законодательства Республики Дагестан». – 30 мая 2004 – № 5. – Ст. 421.

5 Постановление Государственного Совета Республики Крым от 19 сентября 2018 № 2083-1/18 (в ред. от 23 июля 2021) «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте Республики Крым при Государственном Совете Республики Крым» // «Крымские известия». – 25 сентября 2018. – № 171 (6561).

6 Постановление Государственного Собрания Республики Мордовия от 24 февраля 2012 № 89-V П (в ред. от 25 марта 2022) «Об Общественной молодежной палате (Молодежном парламенте) при Государственном Собрании Республики Мордовия» // «Известия Мордовии». – 01 марта 2012. – № 30.

7 Постановление Верховного Хурала (Парламента) Республики Тыва от 27 июня 2011 № 796 ВХ-1 (в ред. от 27 ноября 2019) «Об утверждении Положения о Молодежном Хурале (парламенте) Республики Тыва» – Официальный сайт Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khural.rtyva.ru>.

8 Постановление Государственного Совета Чувашской Республики от 15 марта 2012 № 71 (в ред. от 16 ноября 2021) «О Положении об общественной Молодежной палате при Государственном Совете Чувашской Республики» // «Республика». – 22 марта 2012. – № 11-13.

9 Закон Алтайского края от 05 марта 2021 № 19-ЗС (в ред. от 22 декабря 2021) «О Молодежном Парламенте Алтайского края». – Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.gov.ru> – 05 марта 2021.

10 Закон Камчатского края от 07 марта 2012 № 22 (в ред. от 22 ноября 2021) «О Молодежном парламенте Камчатского края» // «Официальные Ведомости». – 15 марта 2012. – № 83-86.

11 Постановление Законодательного Собрания Красноярского края от 30 октября 2008 № 7-2332п (в ред. от 23 декабря 2021) «О создании Молодежного парламента Красноярского края при Законодательном Собрании Красноярского края» // «Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края». – 08 декабря 2008. – № 62 (283).

12 Постановление Законодательного Собрания Приморского края от 30 сентября 2015 N 2102 (в ред. от 27 марта 2019) «О Положении о молодежной парламентской ассамблее при Законодательном Собрании Приморского края» // «Ведомости Законодательного Собрания Приморского края». – 01 октября 2015. – № 133. – №. 82-90.

13 Постановление Архангельского областного Собрания депутатов от 13 февраля 2019 N191 (в ред. от 24 марта 2021) «Об утверждении Положения о Палате молодых депутатов при Архангельском областном Собрании депутатов». – Официальный сайт Архан-

– части 4 главы «1 Общие положения» Положения молодежной палаты при Ивановской областной Думе;¹⁴

– части 1.4 «1. Общие положения» Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Кировской области;¹⁵

– п. 1.2. «1 Общие положения» Положения об общественной молодежной палаты при Мурманской областной Думе;¹⁶

– часть 3 «1 Общие положения» Положения о Молодежном парламенте Новосибирской области;¹⁷

– п. 2 статьи 1 «Общие положения» Положения об Общественном молодежном парламенте при Орловском областном Совете народных депутатов;¹⁸

– п. 3 статьи 2 «Цели, задачи и принципы деятельности Молодежного парламента» Положения о Молодежном парламенте Тамбовской области;¹⁹

– часть 3 «1 Общие положения» Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании города Севастополя;²⁰

– п. 1.3. «1 Общие положения» Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ямало-Ненецкого автономного округа²¹ и так далее.

На федеральном уровне в Российской Федерации осуществляют свою деятельность:

1) Палата молодых законодателей при Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и

2) Общественная молодежная палата (Молодежный парламент) при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Среди принципов на которых основывается деятельность вышеуказанных (постоянно действующего консультативного органа при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и совещательного и консультативного органа при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации) «законность» отмечена только у Молодежного парламента при Государственной Думе помимо других принципов, таких как приоритет прав и свобод человека и гражданина, коллегиальность, гласность и учет общественного мнения.

гельского областного Собрания депутатов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.aosd.ru

14 Постановление Ивановской областной Думы от 16 мая 2019 № 105 (в ред. от 26 сентября 2019) «О молодежной палате при Ивановской областной Думе» // «Постановление Ивановской областной Думы, иная официальная информация». – 27 июня 2019. – № 6 (478).

15 Постановление Законодательного Собрания Кировской области от 18 июля 2013 № 27/221 (в ред. от 27 января 2022) «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Кировской области» // «Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области». – 20 октября 2013. – № 5 (149). – Ст. 5324.

16 Постановление Мурманской областной Думы от 30 ноября 2017 № 905 (в ред. от 17 июня 2021) «О положении об общественной молодежной палате при Мурманской областной Думе» // «Ведомости Мурманской областной Думы». – 2017 – № 179.

17 Постановление Законодательного Собрания Новосибирской области от 19 ноября 2014 № 202 (в ред. от 24 февраля 2022) «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте Новосибирской области». – Официальный сайт Законодательного Собрания Новосибирской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://znsno.ru>.

18 Постановление Орловского областного Совета народных депутатов от 28 февраля 2013 № 17/423-ОС (в ред. от 29 октября 2021) «О Положении об Общественном молодежном парламенте при Орловском областном Совете народных депутатов». – Официальный сайт Орловского областного Совета народных депутатов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oreloblsovnet.ru>

19 Постановление Тамбовской областной Думы от 27 апреля 2007 № 558 (в ред. от 29 октября 2021) «О Молодежном парламенте Тамбовской области» // «Тамбовская жизнь». – 15 мая 2007. – № 174-181 (24035-24042).

20 Постановление Законодательного Собрания города Севастополя от 08 декабря 2015 № 505 (в ред. от 19 ноября 2019) «О Молодежном парламенте при Законодательном Собрании города Севастополя». – Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sevzakon.ru> – 14 декабря 2015.

21 Постановление Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 февраля 2016 № 257 (в ред. от 21 ноября 2022) «Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Ямало-Ненецкого автономного округа» // «Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа». – февраль 2016. – № 1-2.

Следует также отметить, что в документах, регулирующих деятельность молодежных парламентов, некоторых субъектов Российской Федерации также отсутствует закрепление «законности» как принципа, так, например, в части 4 Положения о Молодежном парламенте при Законодательном Собрании Нижегородской области указывается, что парламент действует на принципах гласности, коллегиальности, учета мнения заинтересованных лиц, а в части 4 Положения о Молодежном парламенте при Новгородской областной Думе среди принципов на которых основывается деятельность Молодежного парламента при Новгородской областной Думе перечислены такие принципы как коллегиальность, гласность, независимость и равенство его членов.

По мнению одних ученых, принципы отражают существенные черты правоотношений, а значит, существуют объективно; с другой стороны, принципы являются основанием для конкретных правовых норм как руководящие идеи; с третьей стороны, принципы формулируются в сфере правовой науки как обобщение нормативного материала [28, с. 37].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что общеправовой принцип законности имеет важное нормативно-организующее воздействие для организации деятельности молодежных парламентов в субъектах Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. – М.: Юстицинформ, 2015. – С. 295-296.
2. Батеева Е. В. Законность и конституционная юстиция в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 6.
3. Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. – М.: «Советская Энциклопедия», 1972. – Т. 9. – С. 306.
4. Власова Т. В. Принцип законности в контексте верховенства права // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11 (179). – С. 38.
5. Гагиева Н. Р. Принцип законности в гражданском процессуальном праве // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 58-61.
6. Гайнетдинова К. В., Нагорная М. С. Особенности реализации принципов гражданского общества в Российской Федерации и зарубежных странах // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. – 2022. – № 2 (37). Т. 2. – С. 39.
7. Гумеров Т. А. Административное право: краткий курс лекций. – Казань: Магариф – Вақыт, 2014. – С. 15-17.
8. Жинкин С. А., Высоцкая Л. П. О характеристиках гражданского общества в контексте реализации принципов правового государства в современной России // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7. № 4. – С. 12-16.
9. Земцова Л. Н. Финансово-правовой принцип законности банковской деятельности: актуальные задачи исследования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 154-158.
10. Ипнатович Г. Ф. Сущность конституционного принципа законности: правозаконность или конституционность // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2010. – № 4 (25). – С. 83.
11. Канубриков В. А. Принцип законности в уголовном праве России: теоретические и правоприменительные проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 8.
12. Карташкин В. А. Права человека и принципы международного права в XXI веке: монография. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. – С. 116.
13. Карташов В. М. Реализация законности в условиях построения в России социального государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 6.
14. Кузьмина М. Ю. Идея законности в западноевропейской и российской правовых культурах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 11.
15. Куприянов А. А. Реализация принципа законности в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 7-9.
16. Куртиян О. В. Особенности реализации принципа законности в деятельности Конституционного суда РФ // Вестник Челябинского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 18-21.
17. Малый Д. А. Законность как конституционный принцип // Международный научный журнал «Символ науки». – Саранск, 2015. – № 6. – С. 234-235.
18. Минаева С. А. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа по обеспечению законности в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 3.
19. Мухачев И. В., Акритов А. С. Молодежный парламентаризм – элемент гражданского общества в конституционном праве России // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2011. – № 76. – С. 202.
20. Общая теория права и государства: учеб. / Под ред. В. В. Лазарева. М., 2001.
21. Овод А. В. Принцип законности в публичном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – С. 11.
22. Омаров А. О. Роль прокуратуры в обеспечении конституционной законности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2005. – С. 3.
23. Основы государства и права: учебник / Отв. ред. А. В. Корнев. – Москва: Проспект, 2022. – С. 39.
24. Палий В. М. Применение права как условие и форма реализации принципов гражданского общества в Российской Федерации // Общество и право. – 2016. – С. 20.
25. Попов В. И. Право в обеспечении коммуникации государства и гражданского общества: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 208 с.
26. Принципы публичного права: монография / Под ред. Е. В. Титовой, Т. П. Подшивалова. – Москва: Проспект, 2019. – С. 152.
27. Постников А. Е., Бондарь Н. С., Помазанский А. Е. и др. Реформа организации публичной власти: основные направления реализации: монография / Отв. ред. А. Е. Постников, Л. В. Андрюченко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 200 с.
28. Сивицкий В. А., Ильин А. В. Принципы правового регулирования в структуре федерального закона: монография. – М.: Юстицинформ, 2011. – 232 с.
29. Сулейманова С. Р. Молодежные общественные объединения России и иных стран СНГ: монография. – Москва: Проспект, 2023. – 152 с.
30. Сулейманова К. М. Принцип законности в науке гражданского процесса // Юридическая наука. – 2016. – № 6. – С. 170-176.
31. Таги-заде А. Д. Принцип справедливости и законности в философии права // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. – № 6. – С. 80.
32. Теткин Д. В. Законность как реальное выражение права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 9.
33. Тихонова А. В. Специфика институтов взаимодействия гражданского общества и государства в современной России // Вестник ВГАВТ. – 2013. – Выпуск 34. – С. 88.
34. Тумуров Ж. Т. Функциональные характеристики молодежного парламентаризма в современной политической системе // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2015. – 129-130.
35. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альга-Принт», 2007. – VIII. – С. 241.
36. Хабибуллина Г. Р. Общеправовые принципы и конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации: монография. – Москва: Проспект, 2021. – С. 265.
37. Цатурян Т. М. Общеправовой принцип законности: понятие и сущность // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 2 – С. 113-115.
38. Юридический словарь-справочник для государственных и муниципальных служащих / Под ред. А. В. Малько, С. Е. Чаннова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2023. – С. 50-51.
39. Яшина И. А. Принцип законности в судебном процессе: конституционная интерпретация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – С. 11-13.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-131-133

ГАБИЕВА Сиясат Магомедовна

доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ГАДЖИЕВА Саида Ильясовна

магистрант кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимодействия Президента России с Конституционным Судом Российской Федерации. Обращается внимание на изменения, внесенные Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что взаимодействие Конституционного Суда РФ и Президента РФ направлено на достижение общих целей, связанных, в том числе, с защитой прав и свобод человека. Перечисляются формы такого взаимодействия. Подчеркивается важный статус Президента РФ в данном взаимодействии. Акцентируется внимание на перспективных направлениях данного взаимодействия. Предлагаются некоторые изменения, направленные на обеспечение независимости судей, гармонизацию отношений между Конституционным Судом и Президентом при реализации ими полномочий. Делаются выводы о необходимости совершенствования законодательства, методов и форм взаимодействия между КС РФ и Президентом РФ.

Ключевые слова: Конституция России, Конституционный Суд РФ, поправки к Конституции РФ, Президент РФ, государственные органы, взаимные полномочия.

GABIEVA Siyasat Magomedovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

GADZHIEVA Saida Ilyasovna

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University, Makhachkala

INTERACTION OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE PRESIDENT OF RUSSIA

The article discusses some aspects of interaction between the President of Russia and the Constitutional Court of the Russian Federation. Attention is drawn to the changes introduced by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020. The relevance of the topic of the article is due to the fact that the interaction of the Constitutional Court of the Russian Federation and the President of the Russian Federation is aimed at achieving common goals related, among other things, to the protection of rights and freedoms person. The forms of such interaction are listed. The important status of the President of the Russian Federation in this interaction is emphasized. Attention is focused on promising areas of this interaction. Some changes are proposed aimed at ensuring the independence of judges and harmonizing relations between the Constitutional Court and the President in the exercise of their powers. Conclusions are drawn about the need to improve legislation, methods and forms of interaction between the Constitutional Court and the President of the Russian Federation.

Keywords: The Constitution of Russia, the Constitutional Court of the Russian Federation, amendments to the Constitution of the Russian Federation, the President of the Russian Federation, state bodies, mutual powers.

Наличие независимой и сильной судебной власти является обязательным условием построения демократического и правового государства, условием формирования гражданского общества. В статье 118 Конституции России говорится, что «правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом». Конституционный Суд РФ гарантирует верховенство и прямое действие Конституции путем применения нормативного контроля, утверждая требования и обращения отдельных граждан, и путем толкования Конституции. Согласно статье 125 Конституции РФ «Конституционный Суд РФ является высшим судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации». В соответствии с частью 1 статьи 80 Конституции РФ Президент РФ «является главой государства». Президент РФ, согласно части 2 статьи

80 Конституции РФ, «обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти». В части 2 статьи 80 определено, что направлением деятельности КС РФ выступает его взаимодействие с Президентом России, а в части 3 ст. 80 – что Президент РФ «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства».

В связи с этим можно сказать, что Президент РФ взаимодействует также с Конституционным Судом. Следует согласиться с И. Ю. Остаповичем в том, что в России, согласно правовому положению КС РФ, являющемуся органом конституционного контроля, он вовлечен в процесс взаимодействия со всеми ветвями власти [8, с. 194]. Думается, правы А. Г. Гатауллин и А. И. Баянова, полагающие, что «взаимодей-

Габиева С. М.

Гаджиева С. И.

стве Конституционного Суда РФ с органами государственной власти подразумевает выявление и проведение анализа взаимных полномочий данных органов государственной власти» [3, с. 157].

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые аспекты взаимодействия Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) с Президентом России в рамках системы разделения властей.

Прежде всего, отметим, что Конституционный Суд – это орган судебной системы, который обеспечивает контроль над соответствием актов судов Конституции РФ и защиту интересов граждан и юридических лиц. Нормы, предусматривающие независимость и неприкосновенность судей, их соответствие российской Конституции и федеральному закону, включены в статьи 120, 122 Конституции РФ. Суд принимает решения самостоятельно, на основе принципов законности, равенства, справедливости, неприкосновенности и других базовых положений, которые раскрываются в Основном законе.

Стоит отметить, что регулирование деятельности КС РФ главным образом закреплено в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹, «О судебной системе Российской Федерации»², в Законе РФ «О статусе судей»³ и в Регламенте Конституционного Суда РФ. В статье 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» закреплены основные особенности КС РФ.

Однако указанные нормативные правовые акты вряд ли имеют возможность обеспечить полноценную независимость КС РФ от законодательной и исполнительной власти. Примером тому служат периодические изменения и дополнения со стороны законодателя и внесенные поправки в Конституцию РФ. Так, в 2020 году прошла масштабная реформа конституционного правосудия: были приняты изменения в Основной закон, а следом за ними – поправки в ФКЗ о Конституционном Суде. Одной из целей конституционной реформы 2020 г. стало уточнение роли президентского института в нашей стране.

Полагаем, что реформа усилила влияние Президента РФ на судебную власть, в том числе на Конституционный Суд РФ. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в полномочия КС РФ по инициативе Президента России внесены изменения, на основании которых его полномочия были расширены. В Конституцию, в статью 125, добавлена часть 5.1 – «Конституционный Суд Российской Федерации».

Другой формой такого взаимодействия является направление Президентом запроса на конституционность нормативного правового акта, проверка соответствия Конституции РФ не вступивших в законную силу международных договоров, толкование конституционных норм, заявление ходатайства по поводу разрешения связанного с компетенцией спора, споров между федеральными и региональными, а также между региональными органами власти, организация исполнения итоговых решений, вынесенных КС РФ с целью применения специальных юридических механизмов для их принудительной реализации.

1 О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 31 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 16 апр. 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 О статусе судей: закон Рос. Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1: в ред. от 10 июля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В связи с изменениями, внесёнными в Конституцию в 2020 г., Президент был наделен правом направлять запрос в КС РФ относительно проверки конституционности проектов законов, принятых до их подписания и региональных законов до их обнародования высшим должностным лицом региона, а также оценивать возможность исполнения решений иностранных и международных судов в случае их противоречия публичному порядку⁴. Ранее такая возможность отсутствовала. В соответствии с Конституцией РФ обратиться в КС РФ можно было лишь после того, как нормативный акт вступал в силу. К тому же теперь КС РФ вправе производить проверку указов Президента относительно законности и соответствия Основному закону. Согласно конституционной реформе 2020 года был усилен контроль над отрешением судей за совершение проступков, несовместимых с занимаемой должностью.

Однако, полагают ученые, несмотря на широкие полномочия, которые теперь имеются у Конституционного Суда РФ [9, с. 121], соблюдается главный ограничительный принцип – принцип связанной инициативы, в соответствии с которым КС РФ не имеет право на самостоятельное инициирование проверки актов или решений. Так же считают проф. К. В. Востриков и В. С. Бирюков, отмечающие, что в результате принятия конституционных поправок влияние Конституционного Суда было ограничено. В частности, разрешение вопросов предварительного контроля конституционности законопроектов, а также приостановление их принятия суд рассматривает лишь по представлению Президента [4, с. 39].

Среди основных направлений взаимодействия Президента с судебной властью следует назвать его участие в формировании судебных органов Российской Федерации, в назначении и освобождении от должности судей КС РФ. Участие в процедуре назначения на должность судей заключается в том, что Президент представляет их кандидатуры в Совет Федерации для назначения на должности. Такое назначение совершается в отношении Председателя КС РФ, его заместителя, судей. Среди поправок следует назвать ликвидацию двухпалатной системы КС России и сокращение общего числа судей, число которых, согласно ст. 125, после принятия поправок составило 11 вместо прежних 19 судей. Поправками 2020 г. это положение конкретизировано, и при этом акцентируется внимание на решении этого вопроса именно Президентом РФ.

Из сказанного становится ясно, как происходит взаимодействие Конституционного Суда РФ с Президентом РФ.

Однако существуют определенные проблемы во взаимодействии КС РФ с Президентом РФ. Существенной проблемой следует считать то, что самостоятельность и независимость судей условна, так как процедура отбора в судьи и назначения их на должность зависит от решения Президента РФ, тогда как в статье 10 Конституции РФ сказано, что «Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

Таким образом, теперь суды не имеют возможности самостоятельно избирать Председателя и его заместителей. Как представляется, такая ситуация не способствует самостоятельности судей. Если Президент не утверждает кандидатуры, он не обязан обосновывать свое решение. Думается, что в связи с этим ослабляются гарантии независимости судей. Решение о назначении судей осуществляется посредством непрозрачной процедуры, т.е. закрытой процедуры предварительного отбора кандидатур в судьи, поэтому могут при-

4 Бельмас В. Н., Божко Ю. Н. К вопросу об изменениях конституционного судебного процесса Российской Федерации в контексте реформы 2020 года // Матрица научного познания: научный электронный журнал. – 2021. – № 11-2. – С. 191. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://os-russia.com/mnp-2021-11-2-34?ysclid=lsda66iyqi629003159> (дата обращения: 03.01.2024).

ниматься произвольные решения, в том числе коррупционного характера [2, с. 279].

По справедливому высказыванию С. Л. Кабулова, «присущие главе государства полномочия в части назначения судей представляют собой не составляющую системы сдержек и противовесов, но не соотносящийся с современными требованиями институт, который существенно снижает независимость, самостоятельность судебных органов» [6, с. 31]. Думается, следует согласиться с Д. Н. Шадриним в том, что возникла необходимость в применении другого способа наделения судей полномочиями, к примеру, путем выборов [12, с. 232].

Проблемой следует считать то, что ликвидация двухпалатной системы КС России вместе с сокращением общего числа судей будут способствовать снижению реальной роли отдельного судьи КС и возрастанию нагрузки на каждого судью.

Нелогичным видится установление возможности лишать судей полномочий по представлению Президента РФ, а также требование для граждан перед подачей жалобы в КС исчерпывать все другие внутригосударственные средства судебной защиты [4, с. 98].

Взаимодействие Президента РФ с КС РФ также состоит в присвоении Президентом высшего квалификационного класса судье КС РФ, Почетных званий РФ; награждении судьи государственными наградами РФ, внесении представления в СФ РФ о досрочном прекращении полномочий Председателя КС РФ (ст. 89 Конституции РФ, ст. 13.1, 21, 23 ФКЗ о КС РФ).

В качестве формы взаимодействия КС РФ с Президентом выступает и то, что принятие присяги вновь избранным Президентом удостоверяется в присутствии судей КС РФ (ч. 2 ст. 82 Конституции РФ).

Взаимодействие с КС РФ выражается также в процедуре отрешения Президента РФ от должности, закрепленная в Конституции Российской Федерации. Участие в данной процедуре КС РФ гарантирует беспристрастность при решении возникающих в связи с этим вопросов [7, с. 32]. Статьей 93 Конституции РФ отрешение Президента от должности СФ РФ происходит в случае обвинения его ГД РФ в совершении тяжкого преступления или государственной измены. При этом взаимодействие с КС РФ выражается в том, что КС РФ и ВС РФ дают заключения относительно соблюдения порядка выдвижения обвинения. Однако ряд ученых критически относятся к процедуре взаимодействия с КС РФ при отрешении Президента от должности (А. А. Кондрашев, С. Л. Кабулов, Э. А. Асрян и др.). Так, по мнению Э. А. Асряна [1, с. 15], в Конституцию РФ необходимо внести поправку, в частности, за совершение каких преступлений Президент РФ может быть подвергнут ответственности. А. А. Кондрашев и С. Л. Кабулов считают, что основания отрешения Президента от должности нельзя ограничивать лишь совершением тяжких преступлений [7, с. 152], [6, с. 29]. Думается, данная точка зрения имеет право на существование.

В контексте настоящей статьи надо также отметить, что в Конституции России закреплены только базовые положения проведения процедуры отрешения Президента. Поэтому, как нам кажется, данную процедуру следует считать правовой фикцией, так как при отсутствии детального регулирования минимизируется её юридическая значимость.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Необходимо совершенствовать нормативную регламентацию задач и форм взаимодействия между КС РФ и Президентом РФ, что будет способствовать повышению эффективности подобного взаимодействия.

После принятия поправок в Конституцию в 2020 г. влияние Конституционного Суда было известным образом ограничено, у Президента РФ появилась возможность влияния на решения КС РФ.

Думается, что усиление влияния Президента России на государственные органы, в том числе КС РФ, связано, прежде всего, с изменившейся внешней и внутренней политической

ситуацией в стране, тогда как, подчеркивает Т. Н. Михеева, ответить на угрожающие вызовы государству может только Президент РФ [11, с. 277].

Полагаем, что сотрудничество КС РФ с Президентом РФ следует проводить в форме участия в рассмотрении и разрешении дел на заседаниях КС РФ о проверке конституционности законодательных актов, официального толкования Конституции РФ и т.д.

Считаем, что российское законодательство требует детальной проработки относительно привлечения Президента РФ к конституционно-правовой ответственности.

Для повышения статуса деятельности Конституционного Суда РФ необходимо внесение соответствующих изменений в законодательство, а именно в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», «О судебной системе в Российской Федерации».

Пристатейный библиографический список

1. Асрян Э. А. К вопросу о некоторых проблемах конституционно-правовой ответственности Президента Российской Федерации // Вопросы науки и образования. – 2021. – № 28 (153). – С. 11-15.
2. Байбакова М. Б. Проблемные аспекты самостоятельности судебной власти // Молодой ученый. – 2020. – № 19 (309). – С. 279-280.
3. Баянова А. И., Гатауллин А. Г. О формах взаимодействия между конституционным судом РФ и органами государственной власти // Трибуна ученого. – 2022. – № 6. – С. 156-159.
4. Востриков К. В., Бирюков С. В., Вэй Илин. Изменения в статусе института президента в современной России в контексте конституционной реформы 2020 года // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 10 (184). – С. 36-42.
5. Габиева С. М. Проблемы реализации Конституции Российской Федерации после поправок 2020 // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 7 (12). – С. 98-100.
6. Кабулов С. Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Президента Российской Федерации и судебной власти // Право и современные государства. – 2022. – № 2-3. – С. 28-34.
7. Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. – Москва: МГУ, 2011. – 472 с.
8. Остапович И. Ю. К вопросу о взаимодействии Конституционного Суда РФ с высшим органом законодательной власти России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8 (57). – С. 194-201.
9. Солодко Т. И., Потешкина Д. А., Мансурова К. А., Антонец С. В. Конституционная реформа в Российской Федерации 2020 года: новые полномочия Конституционного Суда РФ // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 3-3 (71). – С. 117-122.
10. Татаринов С. А. О формах взаимодействия между конституционным судом Российской Федерации и органами государственной власти Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 413. – С. 198-204.
11. Михеева Т. Н. Обновление Конституции России: что ожидать государству и обществу // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 277-284.
12. Шадрин Д. Н. Выборность судей как альтернатива их назначению // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 3. – С. 226-234.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-134-136

КИЧАЛЮК Ольга Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты

ПРОГРАММНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТЫ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются акты Президента Российской Федерации программно-политического содержания, их виды и значение в контексте осуществления интегративной функции главы государства. Анализируются вопросы, связанные с определением политико-юридического значения ежегодных посланий Президента Федеральному Собранию РФ, а также стратегии, доктрины, государственные программы и концепции, принимаемые в целях реализации национальных интересов Российской Федерации и утверждаемые указами главы государства.

Ключевые слова: Президент Российской Федерации, указ, послание, стратегия, доктрина, программа, программно-политические акты.

KICHALYUK Olga Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Constitutional and municipal law sub-faculty (branch) of the Don State Technical University in Shachty

PROGRAM AND POLITICAL ACTS AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF THE INTEGRATIVE FUNCTION OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the acts of the President of the Russian Federation of programmatic and political content, their types and significance in the context of the implementation of the integrative function of the head of state. The issues related to determining the political and legal significance of the annual presidential addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation, as well as strategies, doctrines, state programs and concepts adopted in order to realize the national interests of the Russian Federation and approved by decrees of the head of state are analyzed.

Keywords: President of the Russian Federation, decree, message, strategy, doctrine, program, program and political acts.

В современных реалиях российской государственности Президент РФ, конституционно не включенный в классическую триаду разделения властей, де-факто является стержнем и даже вершиной единой системы публичной власти, поэтому резонно говорить о президентской власти как о неотъемлемом консолидирующем элементе общего механизма публичной власти современной России. Институт публичной власти, конститутированный в результате внесения поправок в Основной закон в 2020 году, не имеет четкой нормативной регламентации, однако, благодаря научным изысканиям государствоведов, он обрел определенные характерные черты. К примеру, по мнению Н.С. Малютина, наиболее важными характеристиками публичной власти являются: осуществление власти в интересах всего народа, общедоступность, осуществление как народом непосредственно, так и через специально создаваемые органы народного представительства, а также ее открытость и нахождение под своеобразным общественным контролем [1].

Как отмечает В. Е. Чиркин, ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная именуется так, исходя, прежде всего, из функциональной составляющей их деятельности [2, с. 82]. Функциональное содержание президентской власти сложно и многогранно, поэтому отмечается наличие неопределенности в соотношении функций и полномочий Президента РФ, а также «отсутствие сложившейся доктринальной классификации функций президентской власти в Российской Федерации» [3, с. 30].

Не подвергая анализу все функции главы государства, рассмотрим одну, на наш взгляд, основополагающую из них – интегративную. В толковом словаре Ожегова «интегрировать» - означает объединять в одно целое [4]. Мы солидарны с позицией профессора Б. С. Эбзеева, который утверждает, что именно интегративная функция главы государства доминирует над всеми остальными [5]. Президент РФ, являясь главой государства, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти и определяет основные направления его внутренней и внешней политики. Президент Российской Федерации, говорит профессор В. И. Радченко, концентрирует интересы всего общества и

Кичалюк О. Н.

является его олицетворением [6, с. 114]. Одной из форм реализации интегративной функции главы государства является его программно-политическая деятельность, которая реализуется посредством принятия программно-доктринальных документов.

Актами программно-политического содержания являются: ежегодные послания Президента Федеральному Собранию РФ, а также стратегии, доктрины, государственные программы и концепции. А. В. Малько и Я. В. Гайворонская справедливо отмечают, что «все эти документы имеют ряд общих характеристик: абстрактность, программность, целеполагающий характер, научную обоснованность, отсутствие выраженного регулятивного характера» [7]. Тем не менее, их можно назвать (с учетом специфики) правовыми актами, хотя и нетипичными.

Институт ежегодного послания главы государства исследуется в конституционной доктрине на протяжении его существования с 1994 года. Нами отмечалось ранее, что «сходство посланий Российского президента с посланиями глав зарубежных государств заключается в том, что они не нуждаются в чем – либо одобрении, отличие – в большей ... политической окраске» [8]. Именно послания являются платформой для правотворческой и правоприменительной деятельности органов публичной власти, определяя их политику. Как верно отметили А. И. Умнова (Конюхова) и В. С. Саранцева, «в зависимости от политико-правовой ситуации цели, приоритеты и содержание данной политики корректируются и уточняются» [9, с. 78]. Кроме того, подчеркивает Р. М. Усманова, «политические документы действуют до тех пор, пока они подкреплены волей к исполнению издавшего их субъекта» [10]. Послание, резонно говорит М. Н. Козюк, «определяет важнейшие направления движения Российского государства и общества, имея в то же время некий субъективный характер, т.е. преломляясь через видение проблем высшего должностного лица – Президента страны» [11].

Содержание и форма послания не регламентируются отдельным правовым актом, поэтому глава государства самостоятельно определяет, о чем пойдет речь в очередном обращении к федеральному парламенту. Послания периода

1994–1999 годов были посвящены конкретным темам, получившим свое отражение в названиях документов. С 2003 года послания не имеют заголовков. С двухтысячных годов обращение Президента РФ к Федеральному Собранию РФ стало охватывать более широкий круг вопросов, включая основные направления развития страны.

До октября 2014 года глава государства выступал перед парламентариями с отдельным Бюджетным посланием, в котором формулировал приоритеты финансовой политики государства. С 2015 года тема основных принципов политики в финансовой сфере включается в ежегодное послание Федеральному Собранию РФ.

Напомним, что за всю историю функционирования российской президентской власти, послание не оглашалось дважды - в 2017 и 2022 годах. Обоснованием этих «пропусков», по словам Президента РФ В.В. Путина, явилось то, что «... динамика событий очень большая, ситуация развивается очень-очень динамично. Поэтому сложновато было зафиксировать в конкретный момент времени результаты и конкретные планы на ближайшее время»¹. Прецедент с «пропуском» ежегодного обращения главы государства к Федеральному Собранию РФ свидетельствует о нарушении конституционной нормы, предусматривающей обязанность главы государства выступать с посланием каждый календарный год. Согласно ст. 15 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 172), ежегодное послание «является основой для определения стратегических целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, определения направления достижения указанных целей, важнейших задач, подлежащих решению, а также для разработки других документов стратегического планирования» [12]. Поэтому было бы резонно внести поправку в ст. 84 Конституции РФ, исключив из пункта «е» слово «ежегодными», тем самым предоставив возможность главе государства выступать перед парламентариями по мере необходимости с учетом конкретной политической и социально-экономической ситуации в стране.

Как справедливо отмечает Е. В. Кудряшова, с принятием Федерального закона № 172-ФЗ наступил «новый этап в развитии государственного финансового планирования», которое «приобрело черты стратегического и интегрировалось в систему стратегического планирования на законодательном уровне» [13, с. 12]. Согласно ст. 11 ФЗ № 172, к документам стратегического планирования федерального уровня в рамках целеполагания, наряду с ежегодным посланием Президента РФ, относятся: стратегия социально-экономического развития РФ, стратегия национальной безопасности РФ, основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности, а также стратегия научно-технологического развития РФ. В соответствии с п. 4 ст. 3 ФЗ № 172, под целеполаганием понимается определение направлений, целей и приоритетов социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации утверждены Указом Президента РФ № 633 8 ноября 2021 г., в соответствии с которым, «Государственная политика в сфере стратегического планирования представляет собой систему мер, направленных на определение с учетом национальных интересов Российской Федерации долгосрочных целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, стратегических национальных приоритетов, путей и основных инструментов их достижения, на прогнозирование рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности, на совершенствование системы стратегического планирования» [14]. Реализуя интегративную функцию, общее руководство государственной политикой в рассматриваемой сфере осуществляет Президент РФ. При этом, цикл стратегического планирования определяется сроком полномочий Президента РФ. Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года сформулированы и утверждены Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 [15].

Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ № 400 2 июля 2021 г., является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу [16]. При этом ФЗ № 172 под долгосрочным подразумевает период, следующий за текущим годом, продолжительностью более шести лет. «Национальные интересы Российской Федерации – это объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии, а национальные приоритеты – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития» [16].

Стратегия экономической безопасности, утвержденная Указом Президента РФ № 208 13 мая 2017 г. рассчитана на период до 2030 года. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ № 645 26.19.2020, рассчитана на период до 2035 года. Указом Президента РФ № 490 от 10 октября 2019 г. «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Указом Президента РФ № 203 от 09.05.2017 утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Стратегия научно-технологического развития России, утвержденная Указом Президента РФ в 2016 году, включала два этапа. Первый этап был рассчитан на 2017–2019 годы, предполагал реализацию научно-технических проектов в рамках приоритетов научно-технологического развития, формирование целостной системы устойчивого воспроизводства и привлечения квалифицированных кадров, а также создание условий, необходимых для роста инвестиционной привлекательности научной, научно-технической и инновационной деятельности. С 2020 по 2025 годы (второй этап) в числе прочих стратегических целей планировалось увеличение объема экспорта технологий и высокотехнологичной продукции, в том числе посредством реализации Национальной технологической инициативы и поддержки национальных компаний при выходе на глобальный рынок. Однако, в условиях санкционного противостояния с консолидированным Западом, реализация поставленных задач сталкивается со значительными трудностями. Тем не менее, стратегия является основой для разработки отраслевых документов стратегического планирования в области научно-технологического развития страны, федеральных государственных программ, государственных программ субъектов РФ. Так, распоряжением Правительства РФ от 6 июня 2020 года № 1512-р была утверждена Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года; 20 мая 2023 г. распоряжением Правительства РФ № 1315-р утверждена Концепция технологического развития Российской Федерации до 2030 года [17].

Очевидно, что все перечисленные выше документы носят декларативный характер, поскольку реализация намеченных задач может быть осуществима посредством издания нормативных актов, обязательных к исполнению. Поэтому Правительство РФ инициировало принятие Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации» в целях обеспечения технологического суверенитета страны и создания условий для ускоренной разработки и внедрения технологических инноваций для решения социально-экономических задач, в том числе задач по повышению уровня жизни граждан Российской Федерации, и задач в области обеспечения безопасности и обороны государства, а также обеспечения конкурентоспособности отечественной высокотехнологичной продукции и эффективности ее производства за счет разработки и внедрения технологических инноваций. Законопроект прошел антикоррупционную экспертизу и находится на рассмотрении в нижней палате федерального парламента.

Доктрина по своему этимологическому значению весьма близка понятию «концепция». Однако в отличие от последней, доктрина, закрепляя официальные взгляды Президента РФ в определенной сфере государственной жизни, устанавливает ряд правил по их реализации [7].

¹ Путин заявил, что огласит послание Федеральному собранию в начале 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/16667329> (дата обращения: 30.01.2024).

Доктрина информационной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ 5 декабря 2016 года, являясь документом стратегического планирования, представляет собой систему официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в информационной сфере [18]. Данный документ - основа нормативно-правового регулирования информационной безопасности нашего государства. «Официальные взгляды» на информационную безопасность выразились в принятии Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Федерального закона от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации», других нормативных актов.

Программно-политические акты Президента РФ являются фундаментом национальных проектов и государственных программ. При главе государства создан Совет по стратегическому развитию и национальным проектам, обеспечивающий интегративную функцию Президента РФ по достижению национальных целей до 2030 года [19]. Как отметила И.Б. Кардашова, «путем разработки единой сбалансированной системы документов стратегического планирования, четко структурированной по стратегическим национальным приоритетам и целям социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности», система стратегического планирования совершенствуется [20]. При этом основная нагрузка по их реализации ложится на исполнительную власть федерального, регионального и местного уровней. Достижение намеченных целей требует финансирования из бюджетных средств в зависимости от статуса программы. Невозможно определить точное количество государственных программ, действующих в субъектах РФ и муниципальных образованиях. На федеральном уровне перечень программ утвержден распоряжением Правительства РФ № 3734-р от 21 декабря 2021 г. [21]. «Правительство Российской Федерации наделили полномочиями по обеспечению реализации национальных целей, нацпроектов, формированию госпрограмм и общенациональных планов действий и обеспечению их реализации» говорит Т. Д. Садовская [22]. Однако не решены остаются вопросы, касающиеся эффективности этих программ, несогласованности программ федерального и регионального уровней по основным параметрам [23]. Поэтому принятой главой государства Указ № 633 от 8 ноября 2021 г. «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» направлен на координирование деятельности всех субъектов, участвующих в обеспечении стратегических национальных интересов России.

Таким образом, программно-политические акты Президента РФ являются доктринальной основой нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с обеспечением национальных целей развития Российской Федерации, а также импульсом для слаженного функционирования всей системы публичной власти по решению приоритетных задач государственной политики в сфере стратегического планирования.

Пристатейный библиографический список

1. Малютин Н. С. Публичная власть Подготовлен для системы КонсультантПлюс // СПС КонсультантПлюс. 2024.
2. Чиркин В. Е. Законодательная власть М: Норма, 2008. 335 с.
3. Осетров С. А. Функции президентской власти в Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1. Том 4. С. 29-37.
4. Словарь русского языка Ожегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: slovarozhegova.ru/word.php?wordid=9988 (дата обращения 30.01.2024).
5. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. Москва: Проспект, 2014. С. 212-215.
6. Радченко В. И. Национальная идея и идеология государства в Конституции Российской Федерации // Вестник Саратов. гос. юрид.акад. 2015. № 2. С. 110-115.
7. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики

- // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 4-25.
8. Кичалюк О. Н. Акты Президента Российской Федерации программно – политического содержания: конституционно-правовая характеристика // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 2486-2490.
 9. Умнова (Конюхова) И. А., Саранцева В. С. Программно-доктринальные и стратегические акты Президента Российской Федерации в системе конституционно-правового регулирования обеспечения гражданского мира и безопасности // Образование и право. 2016. № 12. С. 77-84.
 10. Усманова Р. М. Политические традиции и политические нормы: их роль в публичном регулировании общественных отношений // Юридические исследования. 2012. № 2. С. 25-48. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-notabene.ru/lr/article_139.html (дата обращения 31.01.2024).
 11. Козюк М. Н. Проблемы городского развития и благоустройства в политико-правовых актах Президента России // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 9. С. 20-23.
 12. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3378.
 13. Кудряшова Е. В. Правовое регулирование стратегического планирования в сфере государственных финансов: монография / Отв. ред. И. И. Кучеров. М.: ИЗИСП при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2019. С. 12.
 14. Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 46. Ст. 7676.
 15. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.
 16. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.
 17. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс. 2024.
 18. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
 19. Положение о совете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/structure/regulation/1029> (дата обращения 29.01.2024).
 20. Кардашова И.Б. Стратегическое управление: реальность или миф // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 8-14.
 21. Распоряжение Правительства РФ от 21.12.2021 № 3734-р (ред. от 14.10.2023) «Об утверждении перечней государственных программ РФ в состав которых включены направления деятельности федеральных государственных органов и (или) иных главных распорядителей средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 52 (часть II). Ст. 9292.
 22. Садовская Т. Д. Национальные проекты: от управленческих решений до документа стратегического развития // Финансовое право. 2022. № 8. С. 11-16.
 23. Гумеров Р. Р., Гусева Н. В., Мартишина А. С. О согласовании параметров государственных программ Российской Федерации и государственных программ субъектов Российской Федерации // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2020. № 3. С. 137-147.

МАГОМЕДОВА Диана Салимхановна

аспирант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АБДУЛАЗИЗОВ Мурад Абдулазизович

аспирант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Наида Салимхановна

аспирант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА КАК КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Современное общество стремится к обеспечению принципа равенства перед законом как одной из важнейших конституционных ценностей. Данная статья исследует эволюцию принципа равенства в контексте законодательства о государственной службе. Она анализирует исторические корни и развитие этого принципа в рамках конституционных документов, а также его влияние на структуру и функционирование государственной службы.

Ключевые слова: развитие, принцип равенства, государственная служба, Конституция РФ, законодательство, право, закон.

MAGOMEDOVA Diana Salimkhanovna

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ABDULAZIZOV Murad Abdulazizovich

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

MAGOMEDOVA Naida Salimkhanovna

postgraduate student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

DEVELOPMENT OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY AS A CONSTITUTIONAL VALUE IN THE LEGISLATION ON PUBLIC SERVICE

Modern society strives to ensure the principle of equality before the law as one of the most important constitutional values. This article investigates the evolution of the principle of equality in the context of civil service legislation. It analyzes the historical roots and development of this principle within the framework of constitutional documents, as well as its impact on the structure and functioning of the civil service.

Keywords: development, principle of equality, civil service, Constitution of the Russian Federation, legislation, right, law.

Современный принцип равенства, заложенный в основу конституционного права Российской Федерации, представляет собой ключевой элемент правовой системы страны.

Примером реализации вышеуказанного принципа в практике является законодательство о трудовых отношениях, например, закон РФ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» обеспечивает равный доступ к пенсионным правам для мужчин и женщин, в то время как Трудовой кодекс РФ запрещает дискриминацию при приеме на работу.

Свое отражение принцип равенства также находит в сфере образования. Так, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», каждый гражданин имеет равный доступ к образовательным услугам, независимо от его социального статуса, места жительства или финансового положения.

Ярким примером реализации принципа равенства в нашей стране на современном этапе её развития является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ.

Однако, если обратиться к истории принцип равенства начал свое внедрение в законодательство о государственной службе с момента формирования современных государств. Изначально, государственная служба была доступна лишь ограниченному кругу лиц, часто определяемому аристокра-

тическим происхождением, имущественным статусом или родственными связями. С развитием демократических институтов и прав человека начался переход от привилегированного доступа к принципу равенства всех перед законом и государственной службой.

В XIX веке, особенно после революций различные общественные движения того времени, требовали равных прав для всех слоев населения, в последствии в законы начали многих стран начали вносить соответствующие изменения. Были приняты первые акты, которые заявляли, что должности должны заниматься на основе компетентности, а не по принципу наследования или благосклонности правителя. Примером такого рода законодательства может служить Гражданский служебный закон Великобритании 1855 года, который установил, что должности должны предоставляться на основе заслуг, определяемых экзаменами [1, с. 22].

Сравнивая изменения в законодательстве о государственной службе в разные эпохи, можно проследить, как расширялось понимание и применение принципа равенства.

19-й век: это было время начала формирования бюрократического аппарата в многих странах. Законы в этот период начали акцентировать важность образования и профессиональной подготовки для доступа к государственной службе.

Начало 20-го века: законодательство стало включать социальные гарантии, такие как защита от необоснованного увольнения, пенсионное обеспечение и равные возможности для продвижения.

После Второй мировой войны: принцип равенства стал проникать во все сферы жизни общества, в том числе и в государственную службу. Законодательство начало активно бороться с дискриминацией по расовым, гендерным и другим признакам.

Конец 20-го – начало 21-го века: сегодня законы стали еще более инклюзивными, учитывая потребности меньшинств и людей с ограниченными возможностями. Также были разработаны международные стандарты, например, конвенции ООН, которые влияют на национальное законодательство.

Сравнивая эти периоды, можно отметить, что если раньше законы о государственной службе фокусировались на формальном равенстве, то в современный период акцент сместился к реальному обеспечению равных возможностей и борьбе с невидимой дискриминацией. Так, в настоящее время в мире большое внимание уделяется созданию механизмов, которые способствуют реализации равенства в жизни, например, через введение антидискриминационных норм, требований к квотам и мерам позитивной дискриминации для уравнивания исторически сложившихся неравенств.

В последние десятилетия, особое внимание уделяется не только гендерному равенству, но и интеграции лиц с инвалидностью, а также обеспечению равных возможностей для представителей всех этнических и социальных групп. В этот период также заметно увеличение прозрачности процессов приема на государственную службу и продвижения по службе, что позволяет более эффективно контролировать соблюдение принципа равенства.

Появление интернета и цифровых технологий также существенно повлияло на законодательство о государственной службе, сделав процесс отбора более открытым и доступным для широких слоев населения. Электронное правительство и онлайн-платформы для подачи заявлений на государственную службу стали нормой во многих странах, что способствует уменьшению бюрократических барьеров и ускорению процессов отбора.

Исходя из вышеуказанной исторической справки следует, что в итоге, законодательство о государственной службе отразило глобальные тенденции и общественные изменения, приведя к созданию более справедливой и равноправной системы, которая постоянно развивается и адаптируется к новым вызовам и потребностям общества.

Возвращаясь к российскому законодательству о государственной службе, в частности к Федеральному закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации», можно с уверенностью сказать, что он реализует принципы равенства, закрепленные в Конституции РФ.

В соответствии с Конституцией, вышеназванный закон устанавливает правовые, организационные и финансово-экономические основы государственной гражданской службы РФ, а также процедуру проведения конкурсов на замещение должностей государственной службы, которая предоставляет возможность всем гражданам участвовать в конкурсе на равных условиях [2, с. 438].

Закон включает в себя различные главы, начиная с общих положений, которые определяют основные термины, предмет регулирования и принципы гражданской службы. Он также регламентирует должности гражданской службы,

их классификацию и реестры должностей, а также устанавливает правовое положение (статус) гражданского служащего, включая его основные права и обязанности, ограничения и запреты, связанные с гражданской службой.

Основным выражением принципа равенства в законе о государственной службе является отбор кандидатов исключительно на основе их квалификации и опыта, без учета гендерного, расового или религиозного фактора. В пункте 1 статьи 21 вышеназванного Федерального закона говорится: «На гражданскую службу вправе поступать граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет, владеющие государственным языком Российской Федерации и соответствующие квалификационным требованиям, установленным настоящим Федеральным законом» [3, с. 100].

Немало важным является возможность каждого государственного служащего пройти повышение квалификации, направленное на поддержание и повышение гражданским служащим профессионального уровня.

Хочется отметить, что принцип равенства, как конституционная ценность в государственной службе, реализуется через многоуровневый подход, включающий в себя различные механизмы. Основой для его реализации служит законодательная рамка, которая устанавливает четкие нормы и правила, обеспечивающие равные права и возможности для всех государственных служащих.

На практическом уровне, эти аспекты находят свое отражение в законах, регламентирующих процедуры отбора и найма на государственную службу. Например, при приеме на работу могут использоваться стандартизированные тесты и интервью, которые направлены на объективную оценку квалификации кандидатов, исключая личные предубеждения или предпочтения. Кроме того, важным аспектом является внедрение программ обучения и развития для всех служащих, что способствует повышению их квалификации и компетенций на равных условиях.

Таким образом, принцип равенства, закрепленный в Конституции РФ и подкрепленный конкретными законами, играет важную роль в обеспечении равных возможностей всех граждан в том числе при поступлении на государственную службу.

Современное законодательство о государственной службе направлено на обеспечение равного доступа к службе для всех граждан, обладающих соответствующей квалификацией. Этот важный принцип означает, что должности должны быть открыты для конкурса, и каждый кандидат должен рассматриваться на основе его или ее профессиональных навыков и заслуг. В контексте Российской Федерации этот принцип подтверждается Конституцией РФ, которая обеспечивает равенство перед законом и судом, а также статьей 23 Конституции, которая гарантирует равные права и свободы граждан [5].

Нельзя не отметить и судебную практику, которая служит важным механизмом для обеспечения соблюдения законов о равенстве в реальных ситуациях. Например, в России суды рассматривают дела о дискриминации на рабочем месте и принимают решения в соответствии с принципами равенства. Практика также подтверждает, что незаконное увольнение или дискриминация на основе пола, возраста или других характеристик запрещены законом и подлежат судебной защите.

Таким образом, современное законодательство о государственной службе и трудовых отношениях в России обеспечивает равенство граждан перед законом и судом, а су-

дебная практика подтверждает его реализацию в реальных ситуациях.

Несмотря на то, что законодательно принцип равенства может быть установлен, на практике его реализация сталкивается с рядом проблем:

1. Неявная дискриминация: выраженная в формальном соблюдении принципов равенства, при принятии решений по найму и продвижению по службе, в которой прослеживаются стереотипы и предрассудки, например, предположения о том, что некоторые должности лучше подходят либо мужчинам, либо женщинам.

2. Недостаточная прозрачность процедур: иногда процессы отбора и продвижения по службе недостаточно открыты, что создает почву для коррупции и фаворитизма, подрывая принцип равенства.

3. Отсутствие поддержки для меньшинств: даже при наличии антидискриминационных законов, люди из меньшинств могут сталкиваться с дополнительными барьерами, например, с недостаточной языковой поддержкой или доступом к информации.

4. Глобализация: Проблема глобализации повышает конкуренцию за места на государственной службе между кандидатами из разных стран и культур, что может привести к конфликту стандартов и ожиданий равенства.

Анализируя те некоторые выделенные выше проблемы, можно сделать вывод, что на сегодняшний день возникают сложности с оценкой квалификаций и опыта кандидатов, особенно если они получены в различных образовательных и профессиональных системах. Как результат, несоответствие между заявленными и реальными возможностями для кандидатов [4, с. 123].

Среди методических рекомендации по улучшению законодательства для обеспечения равенства хочется предложить:

Создание механизмов реализации и контроля: важно не только принимать законы, но и создавать эффективные механизмы для их реализации и контроля.

Тренинги и Образовательные Программы: Регулярные тренинги и образовательные программы для государственных служащих по вопросам разнообразия и инклюзии помогут повысить осведомленность и уменьшить неосознанную предвзятость в процессах найма и продвижения по службе.

Исследование показало, что принцип равенства в законодательстве о государственной службе претерпел значительные изменения на протяжении истории. Начиная с ограниченного доступа к государственной службе для определенных групп населения, современное законодательство стремится обеспечить равные возможности для всех. Однако, несмотря на значительный прогресс, существуют проблемы и вызовы, такие как неявная дискриминация и недостаточная прозрачность процессов найма и продвижения.

Проблемы в развитии принципа равенства как конституционной ценности в законодательстве о государственной службе в России и пути их решения включают:

Недостаточная реализация положений о равенстве на практике: несмотря на наличие законодательных норм, реальная практика государственной службы может отставать от идеалов равенства. Для улучшения ситуации требуется усиление контроля и надзора за соблюдением законов в данной сфере, а также повышение осведомленности сотрудников о правилах и нормах равенства.

Недостаточная прозрачность и открытость в процессе найма и продвижения: для решения этой проблемы можно

внедрить более строгие правила и процедуры по отбору и продвижению кандидатов, основанные на принципах объективности и равных возможностей.

Отсутствие комплексного подхода к реализации равенства: Развитие и реализация интегрированных стратегий и программ, направленных на продвижение равенства на всех уровнях государственной службы, могли бы способствовать более эффективному соблюдению этого принципа.

Ограниченная поддержка со стороны руководства: важно, чтобы руководители на всех уровнях активно поддерживали и продвигали принципы равенства, создавая соответствующую культуру и политику в организациях государственной службы.

Исследование подчеркивает, что принцип равенства является ключевым элементом современного законодательства о государственной службе, его реализация все еще сталкивается с рядом проблем. Отсутствие прозрачности, неявная дискриминация и недостаточная регуляция являются основными препятствиями на пути к полному равенству. Важно признать, что достижение равенства – это непрерывный процесс, требующий постоянного анализа, оценки и улучшения законодательных и административных механизмов. Содействие равенству на государственной службе не только способствует справедливости, но и обеспечивает эффективность и качество государственного управления.

Пристатейный библиографический список

1. Акимова Ю. А. Конституционная концепция гендерного равноправия // Государственная служба и кадры. - 2018. - № 2. - С. 22-24.
2. Андрюхина И. Ю., Карама Л. Л. Совершенствование подходов к организации кадрового обеспечения органов государственной власти и местного самоуправления // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 8 (171). - С. 438-440.
3. Афанасьева С.А. Право граждан на равный доступ к государственной службе в современной России // Образование и право. - 2018. - № 11. - С. 100-110.
4. Ковалев Н.С. Принцип равенства как общий и отраслевой принцип // Преступление, наказание, исправление // Рязань. - 2019. - С. 123-126.
5. Петранцов А. С. К вопросу о правовом регулировании и практической реализации принципа фактического гендерного равенства на государственной службе, в том числе службе в органах внутренних дел. // Вестник Воронежского института ФЦИН России. - 2023. - № 1. - С. 209.
6. Хамизова З. Х. Особенности определения государственной службы в современной России. Закон и право. - 2023. - № 10. - С. 116-120.

МАГОМЕДХАНОВА Зарифа Исламовна

преподаватель Юридического колледжа Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

КАТЕГОРИЯ «ПРОИСХОЖДЕНИЕ» В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ РОССИИ

Статья посвящена категории «происхождение» в конституционном праве. Закрепление в Конституции РФ данной категории свидетельствует о демократичности Российского государства и ценности института прав и свобод человека и гражданина. Автор исследует конституционно-правовое содержание «происхождения» в широком и узком смысле, как изменялись возможности человека и как устанавливались различия в зависимости от происхождения. Проведенный детальный исторический анализ позволил прийти к выводу о том, что в настоящее время понимается под «происхождением», и как расценивать категорию «равенство» независимо от происхождения.

Ключевые слова: происхождение, конституция, ценность, равенство, права человека.

MAGOMEDKHANOVA Zarifa Islamovna

lecturer of the Law College of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

THE CATEGORY OF "ORIGIN" IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

The article is devoted to the category of "origin" in constitutional law. The consolidation of this category in the Constitution of the Russian Federation testifies to the democracy of the Russian state and the value of the institution of human and civil rights and freedoms. The author explores the constitutional and legal content of "origin" in a broad and narrow sense, how human capabilities changed and how differences were established depending on origin. A detailed historical analysis made it possible to come to the conclusion about what is currently understood by "origin", and how to regard the category of equality regardless of origin.

Keywords: origin, constitution, value, equality, human rights.

Категория «происхождение» в конституционном праве России, при всей своей актуальности для понимания сущности и правовой природы, до настоящего времени продолжает оставаться недостаточно разработанной, вызывая неоднозначное толкование и дискуссии.

Анализ правовой природы данного явления предполагает исследование этимологии понятия «происхождение». Так, Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова определяет происхождение как «принадлежность по рождению к какому-либо сословию, нации, классу, и т.п.» [1].

В юридической науке термин «происхождение» имеет различные формы употребления. Принято говорить о происхождении государства, происхождении права, происхождении прав человека и т.ч.

В конституционно-правовой доктрине выделяется «происхождение» права, государства, человека. Происхождение в первом и во втором случае соединяет вопросы и причины зарождения данных институтов, тогда как происхождение применительно к человеку следует рассматривать в широком смысле как совокупность факторов, определяющих принадлежность к виду, месту в системе того или иного социума, к семье, сословию, к классу, в узком смысле – это принадлежность к определенным социальным группам, которые образуются по определенным принципам (этническим, классовым, демографическим, поселенческим).

Кроме того, в юридической науке категория «происхождение» облечена в правовую оболочку и получает закрепление в нормативно-правовых актах. Надо полагать, что данное обстоятельство предопределяет особую значимость, рассматриваемой нами категории.

Упоминание о категории «происхождение» находит свое отражение в Основном законе Российской Федерации. В тексте Конституции Российской Федерации 1993 года понятие «происхождение» встречается лишь однажды. Ст. 19 закрепляет, что «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Однако из конституционной нормы не ясно, что подразумевается под понятием «происхождение» применительно к правам человека и гражданина, и в целом, к принципу равенства.

Несомненно, идея прав человека имеет длительный путь становления и развития. Несмотря на то, что вопрос происхождения прав человека всегда привлекал к себе внимание, юридическое толкование данного правового явления применительно к современному статусу человека до сих пор отсутствует.

Попытки понять и объяснить категорию «происхождение» предпринимались представителями различных наук, в частности,

естественных, гуманитарных, технических, религиозных. Выдающийся отечественный историк философии права, профессор П. И. Новгородцев писал о происхождении применительно к идее равенства прав человека. В частности, он отмечает возникновение идеи равноправия в период античности: «Мысль, что нет ни раба, ни свободного, но что все люди по природе равны, мелькала уже и раньше в учениях греческих софистов. Новое государство, новая этика кладут эту идею в основу своих построений» [2].

Происхождение влияло на права как самого человека, так и его потомков. Исторический анализ показывает, что на всех стадиях развития рабовладельческого общества, полноправными считались только свободные люди, а рабы оставались всего лишь объектами прав. Подобная политика, к примеру, нашла свое отражение в Законах Хаммурапи. В самом Законе упомянуто о понятии «человек», под которым подразумевается – свободные люди. Раб по происхождению в Вавилоне человеком не считался т.е. с ним можно было обращаться как с собственностью. Кроме того, статус родителей передавался по наследству потомкам.

В феодальном обществе определяющим фактором жизни каждого человека служило его происхождение из того или иного сословия и принадлежность к нему. В целом, выделялось три основных сословия – феодалы, духовенство и крестьяне. Феодалы обладали абсолютной политической привилегией и считались господствующим классом в обществе, тогда как крестьяне служили бесправным сословием и были обязаны беспрекословно подчиняться феодалам. Надо заметить, что принадлежность тому или иному сословию передавалось по наследству и его практически было невозможно изменить т.е. происхождение в сословии феодалов или в сословии крестьянина предопределяло уже закрепленный правовой статус человека в феодальном обществе.

На Руси впервые категории населения были прописаны в Русской правде. Стратификация населения заключалась в сословиях, права и обязанности которых были неравны как по отношению друг к другу, так и к государству: выделялись высшие сословия и низшие сословия. Представители высшего сословия на Руси (князья, бояре, дружина, местная знать, посадники, тиуны и т.д.) обладали особыми привилегиями и властью. Например, основной полнотой власти, имущественными правами, материальной выгодой, правом на гражданское управление.

Представители низшего сословия (смерды, людые, сябры, холопы и т.д.) не имели никакой политической власти и не обладали правом на участие в принятии решений, касающихся государства, находились в зависимости от своих владельцев и следовали их указаниям, служили в качестве трудового и продовольственного ресурса. Таким образом, вышеизложенное показывает, что юридический статус человека на Руси основывался на происхождении, поскольку «особый» статус сословий передавалось по наследству от предков к потомкам.

В Российской Империи положение каждого человека также определялось его происхождением. Принадлежность к сословию привилегированному или податному определялась при рождении. Вплоть до 1917 года имели место быть следующие главные сословия: дворяне, духовенство, городские обыватели и крестьяне. Каждое из данных сословий имело различный правовой статус, в основном, который заключался в правах на государственную службу и чиновничество, в правах на участие в государственном управлении, правах на самоуправление, правах по суду и отбыванию наказания, правах на собственность и торгово-промышленную деятельность и, наконец, в правах на получение образования. Набор преимуществ, вольностей и обязательств передавался по наследству, либо же изменялось и приобреталось при жизни. К примеру, крестьянин, разбогатев и открыв собственное дело, мог вступить в купеческую гильдию, а перебравшись в город, записаться мещанином.

Российское государство после Великой Октябрьской революции 1917 года, преодолело рудименты феодальных отношений, с присущим им сословно-классовым разделением общества. Первым из таких актов Советской власти был Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов, принятый 23 ноября 1917 года. Все существовавшие вышеизложенные сословия в России упразднились, а равно привилегии и ограничения, как и все гражданские чины. Таким образом, результатом принятия данного Декрета послужило введение на территории Советской России принципа юридического равенства всех граждан.

В последующем развитие принципа равенства всех граждан независимо от происхождения прослеживается в конституциях советского периода. Так, Конституция РСФСР 1918 года в числе основных задач ставит полное устранение деления общества на классы (Глава 2, ст. 2). Целесообразно отметить, как связаны понятия «класс» и «происхождение». И класс, и происхождение служат отправной точкой для занятия той или иной позиции в обществе. Оба понятия образуют социальную группу: как «класс», так и «происхождение» предопределяют разнообразие юридического статуса человека.

В последующих Конституциях (Конституция РСФСР 1925 года – ст. 13, Конституция 1937 года – ст. 127) равенство признавалось независимо от национальности и пола. О понятии равенства независимо от происхождения не упоминалось. Однако в ст. 135 Конституции СССР 1936 года была введена формулировка «социальное происхождение».

Конституция СССР 1977 года, целью которой являлось построение бесклассового коммунистического общества, впервые зафиксировала принцип равенства прав независимо от происхождения (ст. 34), который получил свое дальнейшее закрепление в Конституции РСФСР 1978 года (ст.32) Данный принцип начал носить абсолютный характер.

Мы разделяем мнение Б.С. Эбзеева, считающего, что указанные конституции демонстрировали «отказ от наиболее одиозных проявлений пролетарско-классового подхода, выражавшегося в ограничениях политических и гражданских прав по классовому принципу...» [3].

Включение в ст. 19 Конституции РФ принципа равенства прав человека независимо от происхождения свидетельствует о том, что данный принцип присутствует в системе прав и свобод человека, и может быть применен к каждому праву и к каждой свободе в каждом конкретном случае. С носологической точки зрения это выражается в самом тексте Основного закона, когда идет речь о таких понятиях как «равные возможности», «равный доступ», «каждый имеет право», «каждому гарантируется», «наравне» и т.д.

Таким образом, принцип равенства прав независимо от происхождения выступает неким конституционным критерием, с помощью которого производится оценка законодательного регулирования всех прав и свобод человека и гражданина, в целом, всей системы прав и свобод.

Ряд авторов считают, что термин «происхождение» имеет под собой социальную основу. К примеру, В. Д. Зорькин пишет: «Конституционный принцип равенства всех перед законом должен пониматься прежде всего, как требование антидискриминационного характера, предполагающее недопустимость установления в законе какого-либо различия, исключения или предпочтения, основанного на признаках расы, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения...» [4].

Следует отметить, что в данном контексте термин «происхождение» рассматривается как социальная категория.

Вместе тем, законодательная регламентация категории «происхождение», закрепленная в Конституции РФ и ее реализации находят свое отражение в различных отраслевых законодательных актах. Например, ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2012

г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»: «Право на образование в Российской Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств».

Смысл указанной правовой нормы позволяет сделать вывод о том, что базовые положения Конституции РФ находят свое отражение в иных законодательных актах, определяющих равенство правового положения человека в тех или иных сферах общественных отношений независимо о происхождения.

Можно согласиться с мнением великого философа и мыслителя Ж.Ж. Руссо, который отмечал, что: «...именно потому, что порядок вещей всегда стремится нарушить равенство между людьми, сила законодательства всегда должна быть направлена на поддержание этого равенства» [5]. Полагаем, что категория «происхождение» служит неким вектором для реализации идеи равенства прав человека и показателем полного устранения деления общества на классы. Это выражается в том, что Конституция РФ как высший законодательный акт государства, гарантирует равенство всех граждан независимо от происхождения.

Термин «происхождение», закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации, носит императивный характер, означающий, что любой иной нормативный правовой акт не может содержать каких-либо исключений или изъятий из провозглашенного в ней принципа. Ибо данное обстоятельство может привести к нарушению равенства правовых возможностей в различных сферах жизнедеятельности, баланса конституционных ценностей и требований социальной справедливости.

Кроме того, происхождение, в конституционно-правовом аспекте носит всеобъемлющий характер. Отношения личности и государства должны исключать какую-то ни было дискриминацию человека либо гражданина в зависимости от его социального или иного происхождения, или принадлежности к той или иной социальной группе. Это означает, что государство гарантирует всем без исключения членам общества и социальным группам равные возможности в реализации ими своих конституционных прав и свобод.

Как известно демократический режим развития государства, действующий, на сегодняшний день, в большинстве стран мира, базируется на принципе признания прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью: являясь неотъемлемым атрибутом они выступают в качестве сердцевины идеологии и практики демократического переустройства общества.

Справедливо отмечает профессор Г. Н. Комкова: «...именно равенство прав и свобод выступает в качестве фундаментальной конституционной ценности, является определяющей для всего комплекса прав и свобод человека» [6]. Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что на становление, развитие и воплощение категории «равенство независимо от происхождения» явилось значимым фактором построения бесклассового общества, обеспечения и защиты прав и свобод человека на основе принципа равенства.

Пристатейный библиографический список

1. Ушакова Д. Н. Толковый словарь русского языка. 1935-1940 // Фундаментальная электронная библиотека. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 07.11.2023).
2. Барышев Н. А. Понятие конституционного принципа равенства перед законом и судом в РФ и его содержание // Журнал Экономика социум. – 2021. – № 6 (85). – С. 670-677.
3. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. – М., 2014. – С. 100.
4. Зорькин В. Д. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е издание, пересмотренное / ПОД ред. В. Д. Зорькина. – М.: НОРМА; Инфра-М, 2011. – С. 257.
5. Руссо Ж.-Ж. Общественный договор. 1762. Ливр II, глава XI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/Du_contrat_social/%C3%89dition_1762/Livre_II/Chapitre_11 (дата обращения: 11.01.2024).
6. Комкова Г. Н. Категория «ценность» в конституционном праве России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2012. – Т. 12. №2. – С. 97-99.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-142-145

МИЖАРЕВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры транспортной безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России

Мижарева Н. В.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В статье анализируются различные виды взаимодействия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований в сфере регионального законотворчества.

Данная концепция позволяет рассматривать основополагающие принципы функционирования государства в современной разноразмерной динамике правовых отношений взаимодействия субъектов публичной власти.

Предлагаемый анализ особенностей участия представительных органов муниципальных образований в законодательной деятельности субъектов Российской Федерации может быть во многом полезен для дальнейшей реформы местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, Конституция РФ [1], региональное законотворчество, законодательный процесс, социальное взаимодействие, публичная власть, общественные интересы, юридические процессы.

MIZHAREVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, lecturer of Transport safety sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

TO THE ISSUE OF THE CONCEPT OF INTERACTION BETWEEN SUBJECTS OF PUBLIC AUTHORITY

The article analyzes various types of interaction between the legislative (representative) bodies of state power of the subjects of the Russian Federation and representative bodies of municipalities in the sphere of regional lawmaking.

This concept allows considering the fundamental principles of state functioning in the modern multidirectional dynamics of legal relations of interaction between subjects of public authority.

The proposed analysis of the peculiarities of participation of representative bodies of municipal entities in the legislative activity of the constituent entities of the Russian Federation can be largely useful for further reform of local self-government in the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, Constitution of the RF, regional lawmaking, legislative process, interaction, social interaction, public authority, public interests, legal processes.

Понятие взаимодействия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ и представительных органов муниципальных образований невозможно раскрыть без представления о том, что формирует сущность и содержание данного явления.

Одним из ключевых понятий в данной конструкции выступает взаимодействие, которое относится к группе фундаментальных общеправовых категорий.

Взаимодействие в философском значении понимается как содействие, которое обогащает взаимодействующие стороны и создает возможность для их изменения и развития [2]. Вместе с тем, акцент в трактовке взаимодействия может быть перенесен с поддержки на системное взаимовлияние, и тогда оно рассматривается в качестве процесса взаимного влияния тел друг на друга, универсальной формы движения, развития, которое определяет существование и структурную организацию всякой материальной системы, причем во всякой целостной системе взаимодействие выступает как такое отношение, в котором причина и следствие постоянно меняются местами [3].

Сущность взаимодействия может усматриваться в воздействии, которое в отличие от взаимовлияния может иметь одностороннюю направленность, и в этом случае оно трактуется как понятие, обозначающее воздействия вещей друг на друга, предназначенное для отражения взаимосвязей между различными объектами, для характеристики форм человеческого бытия, человеческой деятельности и познания, в котором фиксируются прямые и обратные воздействия предметов друг на друга, обмен веществом, энергией и информацией между различными объектами, между ор-

ганизмами и средой, формы кооперации людей в различных ситуациях сотрудничества.

Таким образом, общими признаками взаимодействия, как полагает большинство исследователей, выступают целостность, одновременное существование субъектов, обоюдность связей, взаимный переход объектов, взаимообусловленность изменений сторон и внутренняя активность субъектов.

Одним из частных видов взаимодействия выступает социальное взаимодействие, понимание которого предопределяется философскими взглядами.

В социальной философии и общественных науках социальное взаимодействие предстает как способ социального бытия, который базируется на диалогических отношениях социальных субъектов и обеспечивает единство и гармонизацию социальных структур, имея конечной целью выработку стратегии единых действий отдельных личностей, социальных групп и общностей; социальное взаимодействие есть сопряжение действий субъектов, что выражается в самоактуализации участников социального процесса для реализации изменений в социуме, т.е. для перехода социального бытия в актуальное состояние.

С позиции взаимовлияния и воздействия социальное взаимодействие, как полагает Г. И. Козырев [4], предстает как процесс непосредственного или опосредованного влияния социальных объектов друг на друга; процесс обмена информацией, знаниями, опытом, материальными, духовными и иными ценностями; оно позволяет индивиду (группе) определять свою позицию относительно другого, свое место (статус) в социальной структуре, свои социальные роли, кото-

рые, в свою очередь, предписывают индивиду устанавливать образцы своего поведения и делают, тем самым, взаимодействие предсказуемым; сама социальная структура, социальные отношения и социальные институты являются результатом различных видов и форм социального взаимодействия.

В свою очередь, социальное взаимодействие может трансформироваться в правовое и, следовательно, данный вид взаимодействия выступает частным случаем социального взаимодействия, за которым стоят общественные отношения, урегулированные различными правовыми нормами.

По мнению В. Ю. Панченко [5], правовое взаимодействие есть особый вид коммуникации (способ осуществления общественных связей), представляющий собой взаимный обмен субъектов права юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, имеющий специфическую среду функционирования, объект и структуру и онтологически проявляющийся в двух основных типах – юридическом содействии и юридическом противодействии, которые в результате институционализации приобретают характер универсальных, равнозначных и взаимодополняющих средств обеспечения реализации права.

В соответствии с высказанным мнением Р. Н. Муллаширов [6], к особым признакам правового взаимодействия относят следующие: во-первых, социальное взаимодействие в правовом контексте – это способ, при котором реализуются общественные связи; во-вторых, это взаимообмен юридически значимой деятельностью (ее результатами), с помощью которого происходит взаимовлияние правовых субъектов на поведение, сознание и деятельность друг друга; в-третьих, правовое взаимодействие зависит от субъективных целей (потребностей, средств, интересов и т.д.) и внешних (объективных) условий и факторов; в-четвертых, взаимодействие всегда носит информационный характер, так как информация и коммуникация соотносятся как содержание и форма социального взаимодействия.

Дальнейшая характеристика правового взаимодействия определяется с учетом таких обстоятельств, как круг субъектов юридического общения (коммуникации), а также отраслевая принадлежность правовых норм, регламентирующих складывающиеся между ними общественные связи.

В частности, Я. А. Коновальчиков [7], полагает, что взаимодействие в конституционном праве (с учётом его особенностей) следует определить как конституционно-правовую деятельность, цель которой закрепляется в конституционно-правовых нормах, осуществляемую двумя и более субъектами, обладающими конституционной правосубъектностью, в определённых формах путём использования оптимальных правовых средств для получения определённого результата.

При анализе взаимодействия законодательных (представительных) органов государственной власти и представительных органов муниципальных образований выдвигаются различные подходы.

Прежде всего, в юридической литературе выдвигаются ключевые обстоятельства, определяющие необходимость правового взаимодействия всех органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Так, по мнению Н. В. Малявкиной [8], к ним относятся следующие параметры: во-первых, в конституции и законодательстве невозможно полностью разграничить полномочия между органами и должностными лицами, всегда остается определенная сфера неурегулированных отношений либо область совместного ведения, которая требует общих усилий и координации; во-вторых, разделение властей с точки зрения концепции государственного суверенитета является не абсолютным, но относительным и условным; в-третьих, постоянно меняющиеся стратегические и тактические задачи публичного управления требуют скорее интеграции деятельности всех органов власти, чем их обособления и размежевания.

Как полагает О. Л. Казанцева [9], в основе правового взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления находится их конституционно-правовая природа, которая имеет как общие, так и особые черты.

Соответственно среди общих черт О. Л. Казанцева выделяет принадлежность к публичной власти, механизму государства, единство базовых источников конституционно-правового регулирования, подчинение их организации и деятельности единым принципам, наличие установленной

нормами права государственно-правовой ответственности. К отличительным чертам она относит сочетание у органов местного самоуправления государственно-властной и общественной природы, в отличие от органов государственной власти субъектов Российской Федерации, имеющих исключительно государственную природу; самостоятельное осуществление органами местного самоуправления полномочий по вопросам местного значения, а также переданных им государственных полномочий соответствующего субъекта Российской Федерации, в то время как органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют государственные полномочия без права непосредственного самостоятельного решения вопросов местного значения; органы местного самоуправления не включены в систему органов государственной власти России, в отличие от органов государственной власти субъектов Российской Федерации, хотя и могут быть наделены отдельными государственными полномочиями и субъектов Российской Федерации, и Федерации в целом; отсутствие иерархической соподчиненности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, кроме случаев выполнения ими отдельных государственных полномочий.

Соглашаясь в целом с высказанными суждениями, необходимо подчеркнуть, что правовое взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления может приобретать дополнительные черты в зависимости от их принадлежности к определенному виду власти.

Так, тесному взаимодействию законодательных (представительных) органов и представительных органов муниципальных образований способствуют несколько объективных условий и обстоятельств.

Во-первых, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и представительные органы муниципальных образований принадлежат к единой системе публичной власти, под которой нормативно предлагается понимать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно-установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

На основании пункта 2 статьи 4 Конституции Российской Федерации Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Таким образом, Конституция России обладает высшей юридической силой и закрепляет основы конституционного строя России, государственное устройство, права и свободы человека и гражданина, образование представительных, исполнительных, судебных органов власти и систему местного самоуправления, а также конституционные поправки и пересмотр Конституции.

В доктринальном плане единая система публичной власти трактуется в контексте Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [10], как совокупность форм непосредственного публичного управления и согласованной Президентом Российской Федерации взаимодействующей системы органов единой системы публичной власти, связанных прочными правовыми связями и вступающими в различные властеотношения в интересах государства и населения соответствующих территорий, причем цель такой системы заключается в обеспечении эффективности реализации власти, построении экономически сильного правового государства с мощным внешнеполитическим имиджем и патриотичным, уважающим свою власть населением.

При этом сама публичная власть как базовая и объединяющая категория представляет собой институционализированную легальную социальную власть, реализующую

артикулированные общественные интересы определенного территориального сообщества и служащей цели сохранения и развития данного сообщества в качестве целостной системы в соответствии с господствующим в обществе мировоззрением.

Во-вторых, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и представительные органы муниципальных образований являются органами публичной власти, располагающими определенными общими признаками, к числу которых А. А. Югов [11], предлагает относить: правомерный характер осуществления официальной публичной власти; наличие специального аппарата; легитимный характер осуществляемой публично-властной деятельности; разработку и принятие кратологических норм (кратонорм); возможность применения разнообразных мер принуждения; обязательность властных решений, принятых в пределах принадлежащей им компетенции, для всех субъектов права на определенной территории; ответственность перед электоратом; собственную компетенцию; наличие экономических основ. В то же время Д. А. Кулагин [12], полагает, что общими признаками публичной власти выступают: легальность возникновения; легитимность осуществления; проникновение и распространение на все сферы общественной жизни; принцип территориальности; монополия на нормотворческую деятельность; институционализированность.

Соответственно, с учетом общих признаков, орган публичной власти рассматривается в качестве юридически оформленной, организационно обособленной части механизма публичной власти, наделенной публично-властными полномочиями и необходимыми материальными средствами для осуществления в пределах своей компетенции определенных задач и функций публичной власти, в том числе обладающей правом принятия правовых актов.

Следуя предложенному пониманию, законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации выступает в качестве нормативно (конституционно, законодательно) оформленной, организационно обособленной части единой системы публичной власти, наделенной публично-властными полномочиями и необходимыми материально-экономическими средствами и ресурсами для осуществления в пределах своей исключительной компетенции возложенных задач и функций для достижения публично значимых целей и публичных интересов. В то же время Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [13], характеризует высшее представительное учреждение субъекта Российской Федерации в качестве постоянно действующего высшего и единственного органа законодательной власти субъекта Российской Федерации.

В свою очередь, представительный орган местного самоуправления представляет собой избираемый в обязательном порядке населением муниципального образования, подотчетный ему и самостоятельно действующий коллегиальный орган, реализующий принцип народовластия в вопросах местного значения путем преимущественно нормотворческой, а также правоприменительной, контрольной и иной деятельности и наделенный в связи с этим соответствующими полномочиями, хотя Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [14], распространяет на него общее определение органов местного самоуправления (органы местного самоуправления – это избираемые непосредственно населением и (или) образуемые представительным органом муниципального образования органы, наделенные собственными полномочиями по решению вопросов местного значения).

В-третьих, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и представительные органы муниципальных образований относятся к группе органов публичной власти, которые реализуют в своей деятельности принцип народовластия.

В современной юридической науке народовластие отождествляется с демократией и понимается как комплексное

политико-правовое явление, основополагающее начало осуществления управления в современном демократическом государстве, сочетающее в себе политические, правовые, социальные и экономические характеристики. Вместе с тем широкое распространение получили и другие представления, где народовластие отождествляется с суверенитетом народа, его волеизъявлением, которое может быть выражено в релевантных формах, являющимся единственным базисом государства, от которого исходит мандат на устройство и любые формы государственной власти.

Если законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации отражают главным образом государственную власть как одну из форм народной (публичной) власти, то представительные органы муниципальных образований, как справедливо полагает В. И. Ерыгина [15], одновременно выражают ее государственно-общественную и общественную форму.

Таким образом, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации как субъекты представительной демократии располагают признаками, к которым В. Е. Чиркин [16], относит: способность по своему характеру и деятельности выражать народные интересы и одновременно интересы различных социальных слоев, решающее местоположение в системе государственных органов, решение вопросов на началах коллегиальности и равноправия, помощь и поддержку со стороны публичного территориального коллектива и других государственных органов.

Вместе с тем и в отношении представительных органов муниципальных образований следует отметить их способность выражать общие интересы локального публичного территориального коллектива, ведущее положение среди иных органов местного самоуправления, признание коллегиальных начал и допустимость внешней поддержки [17].

В-четвертых, несмотря на то, что законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и представительные органы муниципальных образований относятся к разным категориям публичных органов (государственных, муниципальных), они все же принадлежат к одному и тому же виду, поскольку являются по своей природе представительными [18].

Так, Современный толковый словарь русского языка под представительным понимает орган, состоящий из чьих-либо представителей, т.е. выборный по своему характеру; в Большом юридическом словаре представительная власть (понятие, близкое по смыслу и содержанию к представительным органам) трактуется как совокупность полномочий, делегированных народом (его частью) своим выборным представителям, объединенным в специальном коллегиальном учреждении (парламенте, муниципальном совете); в Федеральном энциклопедическом словаре представительство раскрывается как правоотношение, основанное на возможности выступать и действовать от чьего-то имени (лица, учреждения, партии, народа, государства).

В конституционно-правовой науке понятие представительного органа является производным от представительства как родового понятия и одновременно от публичного представительства. Если публичное представительство, как полагает Н. А. Филишова [19], представляет собой урегулированный нормами конституционного права способ формирования воли народа, иных коллективных субъектов посредством признания формируемого и действующего публичного органа (представительного органа) органом собственной и правомерной воли народа, иного коллективного субъекта, то само представительство трактуется как особый нормативно установленный признак отдельных выборных коллегиальных органов и должностных лиц государственной власти и местного самоуправления, обуславливающий право выступать и принимать общеобязательные решения от имени народа или населения муниципального образования.

Исходя из вышеизложенного, следует, что представительный орган – это обобщенное и исторически принятое наименование коллегиальных органов государственной власти и местного самоуправления, состоящих из депутатов (представителей), избираемых населением.

В-пятых, законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации и представительные органы муниципальных образований выделяются из системы органов публичной власти тем, что рас-

полагают уникальными признаками и чертами, к которым, по мнению А. Т. Карасева [20], относятся выборность и представительство интересов народа, коллегиальность по составу и порядку выработки и принятия решений, особый характер связи народных представителей с избирателями. Данный вывод подтверждается имеющейся правотворческой практикой [21].

Полагаем, что принятие специального закона о формах взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления является целесообразным для их устойчивого и стабильного развития.

Получат свое дальнейшее развитие и теоретико-методологические основы взаимодействия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации и представительных органов муниципальных образований.

Однако необходимо, на наш взгляд, обратить внимание на принципы автономности и информационной открытости в деятельности представительных органов публичной власти [22]. Так, автономность (независимость, самостоятельность) обеспечивается материальными и процессуальными гарантиями, их единичностью и верховенством, особым правовым статусом представителей (депутатов), порядком конституирования. В основе открытости органов представительной власти, в том числе информационной, находится их выборность, наличие различных видов представительства (например, политическое представительство), обратная связь с избирателями.

Подводя итог нашей «научной дискуссии» «К вопросу о понятии взаимодействия субъектов публичной власти», однозначно хочется поддержать научную позицию П. П. Ланга [23], который неоднократно отмечает, что современная теория права не стоит на месте, поскольку формирование общественных отношений, особенности экономического и правового развития страны ставят новые приоритеты и задачи перед всеми научными направлениями. Динамичное развитие правовых отношений, влияние международного права приводят к возникновению новых правовых явлений, к числу которых относятся особые производства.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Аверьянов А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
3. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя; Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1975. 496 с. С. 59.
4. Козырев Г. И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. 2005. № 8 (256). С.124-129.
5. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 54 с.
6. Муллаширов Р. Н. Социальное взаимодействие в подготовке будущих юристов: современные взгляды на содержание понятий // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 64-2. С. 109-110.
7. Коновальчиков Я. А. Понятие правового взаимодействия и его особенностей
8. в конституционном праве // Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С.90.
9. Малявкина Н. В. Правовое регулирование взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с органами местного самоуправления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2013. 23 с.
10. Казанцева О. Л. Взаимодействие органов государственной власти субъектов Российской Федерации

- и органов местного самоуправления в условиях государственно-правовой централизации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2011. 25 с.
11. Собрание законодательства Российской Федерации. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».
 12. Югов А. А. Органы публичной власти по законодательству России: электронная монография. Казань: Бук, 2021. 122 с.
 13. Кулагин Д. А. Эффективность конституционно-правового механизма осуществления публичной власти в России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 9.
 14. Федеральный Закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 октября 1999 г. № 42. Ст. 5005.
 15. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 октября 2003 г. № 40. Ст. 3822.
 16. Ерыгина В. И. Конституционно-правовой принцип народовластия и проблемы его реализации в законодательстве современной России // Юридическая техника. 2020. № 14. 406 с.
 17. Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. М.: «Юрист», 1998. 398 с. Филиппова Н. А. Представительство субъектов Российской Федерации: доктринальные основы и особенности конституционно правового регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 13.
 18. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18.10.1999 г. № 42. Ст. 5011. (дата обращения: 21.12.2023).
 19. Указ Президента Российской Федерации от 29 мая 1997 г. № 531 «О Совете по местному самоуправлению в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2.06.1997 г. № 22. Ст. 2571.
 20. Филиппова Н. А. Представительство субъектов Российской Федерации: доктринальные основы и особенности конституционно правового регулирования: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 13.
 21. Карасев А. Т. Представительная власть: вопросы теории // Социум и власть. 2011. № 4 (32). С. 82.
 22. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347691/ (дата обращения: 20.07.2023).
 23. Регламент Государственной Думы // Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/> (дата обращения: 28.09.2023).
 24. Ланг П. П. Особые производства в юридическом процессе: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2017. С. 3. 39 с.

ПИДУРОВ Темир Лачинович

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

РАМАЗАНОВА Эльвира Тажутдиновна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящая статья посвящена проблемам реализации избирательного права в Российской Федерации. В результате проведенного исследования авторами предложено рассматривать избирательное право в качестве совокупности правовых норм, закрепленных в нормативных правовых актах Российской Федерации, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере избирательного процесса, включающих в себя урегулирование деятельности субъектов избирательного процесса, установление их прав и обязанностей при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Также в статье рассмотрены некоторые проблемы реализации активного избирательного права гражданами с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: избирательное право, активное избирательное право, пассивное избирательное право, выборы, голосование.

PIDUROV Temir Lachinovich

is a magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

RAMAZANOVA Elvira Tazhutdinovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE ELECTORAL RIGHT IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the problems of the implementation of the electoral right in the Russian Federation. As a result of the conducted research, the authors proposed to consider electoral law as a set of legal norms enshrined in the normative legal acts of the Russian Federation regulating public relations developing in the field of the electoral process, including the regulation of the activities of the subjects of the electoral process, the establishment of their rights and obligations during elections to state authorities and local self-government bodies. The article also discusses some problems of the implementation of active suffrage by citizens with disabilities.

Keywords: suffrage, active suffrage, passive suffrage, elections, voting.

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации провозгласила РФ демократическим правовым государством, в котором вся полнота власти принадлежит ее многонациональному народу. В качестве высших форм непосредственного волеизъявления граждан – форм народовластия на конституционном уровне признаются референдум и свободные выборы, позволяющие обеспечить легитимность органов государственной власти.

Укрепление форм и принципов народовластия в России связано с проблемой реализации как активного, так и пассивного избирательного права при формировании органов государственной власти и органов местного самоуправления. Избирательное право граждан является одним из наиболее важных субъективных конституционных прав, так как непосредственно в части 2 статьи 32 Конституции РФ указанное право находится в системной взаимосвязи с Основами конституционного строя – статьями 1 и статьей 3.

Для формирования демократического государства в РФ необходимо немалое количество условий, одним из которых является нормативное обеспечение выборов как единственно возможного законного способа делегирования власти народа представительным органам государственной власти и органам местного самоуправления, что способствует повышению роли и значению избирательного права.

Публично-правовая значимость реализации избирательного права была отмечена главой государства Владимиром Путиным на встрече с членами избирательных комиссий, в ходе которой он подчеркнул, что право на участие в выборах и участии в управлении делами государства – не только неоспоримое право граждан, но и обеспечение реаль-

ного влияния граждан на определение приоритетов развития города, района, поселка и всей страны в целом.

Совершенствование деятельности избирательных комиссий, использование современных информационных технологий, рост правовой культуры, к сожалению, не привели должным образом к полноценной реализации конституционного права граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Избирательное право используется в нескольких значениях – объективном и субъективном смысле. Единого подхода к характеристике избирательного права в объективном смысле нет; думается, что под избирательным правом следует понимать совокупность правовых норм, закрепленных в нормативных правовых актах Российской Федерации, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в сфере избирательного процесса, включающие в себя урегулирование деятельности субъектов избирательного процесса, установление их прав и обязанностей при проведении выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В науке бытует мнение, что избирательное право – комплексный институт конституционного права, регулирующий общественные отношения, складывающиеся по поводу выборов в органы государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Считаю верной позицию, согласно которой избирательное право рассматривается в качестве подотрасли конституционного права; отсутствие в Основном законе государства главы об избирательной системе порождает споры о несформированности в окончательном

виде российской избирательной системы и позволяет говорить о невозможности осуществления кодификации избирательного законодательства.

По своей юридической природе субъективное избирательное право является конституционным, вследствие чего вопросы, связанные с ограничением или лишением такого права, обладают большой значимостью и находят свое конституционное закрепление. В соответствии с частью 3 статьи 32 Конституции РФ ограничивается избирательное право у лиц, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда [2, с. 117].

Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав граждан» обеспечивается реализация избирательного права всех категорий граждан; особое внимание уделяется реализации активного избирательного права гражданами с ограниченными возможностями здоровья, которые вследствие хронических заболеваний испытывают трудности при посещении избирательного участка или при ознакомлении с содержанием бюллетеней и информационными материалами.

Интеграция граждан с ограниченными возможностями здоровья способствует реализации народовластия в Российской Федерации. Внесенные в вышеупомянутый федеральный закон изменения касаются специфики правового положения избирателей – инвалидов, обусловленные ратификацией Конвенции о правах инвалидов, были внесены в 2011 году. Организацией Инклюзивная Европа при поддержке Совета Европы были разработаны рекомендации о порядке работы с гражданами, имеющими инвалидность [3, с. 234].

Говоря о практике реализации гарантий обеспечения активного избирательного права лиц с ограниченными возможностями здоровья, установленных законодательством, следует отметить, что немалое количество россиян с инвалидностью проголосовало на выборах Президента в 2018 году при содействии волонтеров. Реализации активного избирательного права гражданам с ограниченными возможностями здоровья способствовала комиссия Саратовской области совместно с организацией инвалидов «Ты не один», организовав работу волонтеров на избирательных участках Президента Российской Федерации [4]. Пресс – служба мэрии Нижнекамска сообщила, что на выборах Президента РФ на дому проголосовало 2600 инвалидов из 18 000. Накануне выборов Василий Лихачев, член Центральной избирательной комиссии, сообщил, что почти 90% избирательных участков Пензенской области расположены на первых этажах зданий, что является наилучшим показателем в России по обеспечению доступности голосования для маломобильных избирателей [5].

Исходя из вышесказанного, в работе по обеспечению реализации активного избирательного права граждан с ограниченными возможностями здоровья, следует активнее использовать механизм общественного контроля за соблюдением прав и свобод данной социальной незащищенной категории населения. Необходимо в полной мере задействовать институт общественных организаций, осуществляющих правовую защиту и реализацию интересов инвалидов, предусмотреть включение представителей такого рода организаций в качестве наблюдателей на избирательных участках, либо вне помещения для голосования.

Обстоятельный анализ проблем реализации активного избирательного права инвалидами в Российской Федерации проведен в научной работе К. Б. Богдана. В своем исследовании автор обращает внимание на такие проблемы, как:

- недостаточная оснащенность избирательных пунктов необходимыми материальными средствами, позволяющими инвалидам с различными нарушениями функций здоровья реализовать свое избирательное право;
- низкая степень информированности граждан, имеющих статус инвалидов, о своих правах и способах их реализации в период избирательного процесса;
- недостаточный уровень нормативно-правового регулирования указанной сферы правоотношений, обусловленный отсутствием законодательного акта, регламентирующего порядок обеспечения избирательных прав инвалидов. Как

справедливо отмечает автор, единственный документ, определяющий условия участия инвалидов в избирательном процессе, это Постановление ЦИК РФ от 29 июля 2020 года № 262/1933-7 «О рекомендациях по обеспечению избирательных прав граждан Российской Федерации, являющихся инвалидами, при проведении выборов в Российской Федерации» [6, с. 133-135]. Поскольку приведенный документ имеет рекомендательный характер, представляется целесообразным в целях обеспечения действия принципов верховенства закона и равноправия граждан внести соответствующие изменения в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан».

Спецификой института обеспечения активного избирательного права граждан с ограниченными возможностями здоровья является взаимодействие избирательных комиссий с публично-властными институтами – органами, которые обеспечивают социальную защиту населения. Объективно работа по оказанию помощи гражданам с ограниченными возможностями здоровья не может проводиться избирательными комиссиями самостоятельно вследствие недостатка информационных и материальных ресурсов. Существующий порядок правового регулирования данного взаимодействия также не позволяет решить элементарные задачи информирования. Необходимо в полной мере задействовать институт общественных организаций, осуществляющих правовую защиту и реализацию интересов инвалидов, предусмотреть включение представителей такого рода организаций в качестве наблюдателей на избирательных участках, либо вне помещения для голосования.

Пристатейный библиографический список

1. Первушева В. А. Проблема невостребованности избирательных прав молодыми российскими избирателями: причины, последствия, методики корректировки // Выборы: теория и практика. - 2023. - № 2 (60). - С. 77-80.
2. Киселев Н. А. Избирательные права граждан: понятие, принципы, гарантии // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. - 2018. - № 1. - С. 116-119.
3. Сенникова Д. В. Проблемы обеспечения активного избирательного права граждан с инвалидностью в субъектах Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. - 2020. - № 450. - С. 234-240.
4. Молодежная избирательная комиссия Саратовской области совместно с Саратовской организацией инвалидов «Ты не один» организуют работу волонтеров на избирательных участках на выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года // Сайт избирательной комиссии Саратовской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.saratov.izbirkom.ru/docs/3152/> (дата обращения: 10.11.2023).
5. Национальный общественный мониторинг «В Нижнекамске на дому проголосуют около 2600 инвалидов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nom24.ru/info/region_news/v-nizhnekamske-nadomu-progolosuyut-okolo-2600-invalidov/?sphrase_id=3137 (дата обращения: 10.11.2023).
6. Богдан К. Б. Проблемы реализации активного избирательного права инвалидами в Российской Федерации // Права человека: история, теория, практика: Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. - Курск, 2023. – С. 132-138.

РУЗАВИНА Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

МИГАЛЬ Анна Юрьевна

магистрант 3 курса Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Иркутск)

РОЛЬ ПРЕСС-СЛУЖБ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием доверия граждан к органам государственной власти при помощи пресс-служб. Отмечается, что защита информационного пространства и ограничение поступления недостоверной информации в сети Интернет является важной задачей государства, поскольку именно через деятельность пресс-служб население получает большее количество информации. Поэтому существует необходимость соблюдения правил эффективного общения всеми уполномоченными специалистами в условиях современности с целью налаживания именно доверительного отношения граждан к деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: пресс-службы, орган государственной власти, государство, доверие, государственное управление.

RUZAVINA Evgeniya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of General theoretical and state legal disciplines sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

MIGAL Anna Yurjevna

magister student of the 3rd course of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

THE ROLE OF PRESS SERVICES IN THE PROCESS OF BUILDING CITIZENS' TRUST IN PUBLIC AUTHORITIES

The article examines the problems associated with the formation of citizens' trust in public authorities with the help of press services. It is noted that the protection of the information space and the restriction of the receipt of false information on the Internet is an important task of the state, since it is through the activities of the press services that the population receives more information. Therefore, there is a need to comply with the rules of effective communication by all authorized specialists in modern conditions in order to establish a trusting attitude of citizens towards the activities of public authorities.

Keywords: press services, public authority, state, trust, public administration.

На сегодняшний день, можно смело утверждать, что Российская Федерация завершила сложный переход к демократизации общества и государства в целом, поскольку согласно ст. 1 Конституции Российской Федерации, «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления»¹. Помимо этого, каждый обладает конституционным и неотъемлемым правом на достоверную информацию о деятельности органов государственной власти, а также возможность ознакомления с материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы (ст. 24, 29 Конституции Российской Федерации).

В рамках развивающейся цифровизации общества, большая часть населения получает ту или иную информацию через средства массовой информации. Чаще всего подразделения по связям с общественностью в органах власти

представлены пресс-службой или даже единственным пресс-секретарем [5, с. 8]. Институт пресс-службы впервые появился в 90-е годы XX века.

Так, отдельные авторы «определяют пресс-службу как структуру, призванную информировать общественность через средства массовой информации» [2, с. 25]. Возникает вопрос, в чем же конкретно состоят полномочия данных органов? По мнению А. Тарасова, пресс-служба – «это совокупность взаимозависимых элементов, образующих единое целое, выполняющее анализ информационных потребностей и коммуникационных сетей, отбор необходимой и приоритетной информации, а также коммуникационных каналов ее распространения» [4, с. 23]. Однако данное определение содержит узкую трактовку значения таких служб и не отражает сути явления.

Шире мыслит В. Попов, который утверждает, что пресс-служба – «это структура, осуществляющая организацию и реализацию взаимодействия государственных органов со средствами массовой коммуникации и с институтами гражданского общества» [3, с. 260]. Так, представляется возможным выделить главную особенность их функции, которая и

Рузавина Е. Ю.

Мигаль А. Ю.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020 г.).

заключается в эффективном взаимодействии органов государственной власти с субъектами средств массовой информации.

Так, можно сделать предварительный вывод о том, что пресс-служба – это некоторое «подразделение органа государственной власти, специализирующееся на работе со средствами массовой информации и общественности в целях коммуникативно-информационного сопровождения деятельности такого органа» [6, с. 123].

Безусловно, роль пресс-служб в системе органов государственной власти в рамках повышения эффективности государственного управления сложно переоценить. По мнению В. А. Ачкасовой, «власть, имеющая коммуникативную природу, сама выступает источником и средством коммуникационного воздействия» [1, с. 159]. Кроме этого, во многие периоды развития общества, доверие граждан к органам государственной власти заключалось в признании их авторитета, однако сегодня использование термина «авторитет» в отношении властных институтов трансформировалось в понятия политической репутации и политического имиджа.

В современной юридической литературе под имиджем следует понимать «определенный образ органов государственной власти, который устойчив и воспроизводится в массовом сознании в виде совокупности свойств и черт, качеств представителей органов власти, взятых в единстве политических, мировоззренческих, нравственных, психологических, биографических и внешних качеств, определяемых предпочтениями населения» [1, с. 159]. Так же, стоит отметить, что в Российской Федерации, согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ)² по состоянию на 2021 г., оценка населением института правоохранительных органов демонстрирует положительную динамику:

– индекс одобрения правоохранительных органов вырос с 2010 г. на 36 пунктов (с –14 до +22);

– уровень доверия к полиции в регионах повысился с 2012 г. на 49 пунктов (с –26 до +23).

Также, по данным исследования, проведенного Всероссийским научно-исследовательским институтом Министерства внутренних дел России в 2020 г., наблюдается позитивный рост оценки защищенности населения на 12,7 пункта (с 38,4 до 51,1)³.

На основании представленных результатов, можно говорить о том, что уровень доверия граждан набирает обороты, однако, все равно существуют некоторые слои населения, негативно настроенные на систему государственных органов в целом. Так, в данном случае необходимо выстроить еще более доверительные отношения, а сотрудникам пресс-служб вести «диалог» с аудиторией, воспринимать просьбы и внимательно относиться к комментариям, а также по возможности помогать решать существующие трудности, чтобы заволаговать непоколебимый авторитет среди населения.

Кроме этого, органам государственной власти благодаря работе пресс-служб необходимо задействовать определенные инструменты для освещения информации для каждой возрастной группы населения, поскольку более молодое поколение отдает предпочтение поиску информации через социальные сети и интернет, а более возрастное общество привыкло смотреть телевизионные передачи и читать печатные средства массовой информации. Именно поэтому,

пресс-службам важно максимально полно, оперативно и подробно преподносить информацию, чтобы большее количество могло ознакомиться с ней.

Так, для улучшения качества работы пресс-служб по формированию доверия граждан к органам государственной власти, необходимо учитывать следующее:

1. Важно не манипулировать общественным сознанием, однобоко излагая информацию. Например, говорить только про положительные аспекты, исключая данные о негативных моментах. Так, необходимо излагать информацию, учитывая, как положительные, так и негативные аспекты, но стараться направлять общественное мнение в позитивное русло;

2. Нельзя забывать и о работе с целевой аудиторией. Необходимо провести ее сегментацию, выделить ключевое ядро, приносящее максимальную прибыль компании, если речь идет о коммерции;

3. Необходимо учитывать высокую степень регламентированности деятельности пресс-служб. Сотрудникам пресс-службы важно понимать, что, формируя информационную повестку дня, средства массовой информации накладывают свой отпечаток на развитие событий;

4. И, наконец, помимо эффективной работы пресс-служб, необходимо, чтобы и сами сотрудники государственных органов обладали такими качествами, как: профессионализм, правовое призвание, коммуникация, коммуникативные навыки и наличие высоких нравственных стандартов.

Подводя итог, можно сделать вывод, что пресс-службы органов государственной власти в повышении эффективности государственного управления играют одну из главных ролей, налаживая доверительные, прозрачные, открытые отношения между собой, что в итоге приводит к повышению авторитетности органов государственной власти в глазах общественности, а также повышает уровень информирования общества достоверными данными из прямого источника. Однако, данный механизм нельзя назвать совершенным в рамках существующих социально-экономических проблем. Так, безусловно, на негативное отношение граждан к органам государственной власти оказывают проблемы социального неравенства, качество и уровень жизни, проблема «кадрового голода» и многое другое. Однако, даже при такой обстановке, эффективность деятельности пресс-служб по повышению уровня доверия к государственным органам существует, но необходимо соблюдать все правила по предоставлению именно достоверной и полной информации.

Пристатейный библиографический список

1. Ачкасова В. А., Корнеева К. В. Репутация и имидж власти. Медиастратегии формирования // Управленческое консультирование. - 2017. - № 1. - С. 159-165.
2. Ворошилов В. В. Современная пресс-служба. - М.: КНОРУС, 2017. - 221 с.
3. Корконосенко С. Г. Основы журналистики. - М.: Аспект-Пресс, 2002. - 287 с.
4. Кривоносов А., Филатова О., Шишкина М. Основы теории связей с общественностью. - СПб.: Питер, 2010. - 384 с.
5. Милова О. А. PR-службы в органах государственной власти: цели, задачи, функции // Огарёв-Online. - 2018. - № 6 (111). - С. 8-14.
6. Муртазина Г. Ф. Власть и медиа: проблемы и возможности взаимодействия // Научное сообщество студентов. - 2020. - № 1. - С. 123-133.

2 Расширенная подборка данных ВЦИОМ: к тематическому выпуску «Доверие» [Электронный ресурс]. - 2021. - № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prof.wciom.ru/> (дата обращения: 01.07.2022).

3 Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2020 г. ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/publicopinion> (дата обращения: 01.12.2022).

АЙСАНОВ Адиль Серикович

старший научный сотрудник отдела изучения проблем нормативного, правового и аналитического обеспечения ФКУ «НЦ БДД МВД России»

МАЛИКОВ Шамиль Эмилевич

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АГРЕГАТОРОВ ЛЕГКОВОГО ТАКСИ В РОССИИ

Аварийность на дорогах является одним из наиболее обсуждаемых вопросов среди ученых теоретиков и практических работников. Дорожно-транспортные происшествия (далее ДТП) с участием автомобилей такси вызывают широкий резонанс среди населения. Актуальной остается проблема определения ответственности агрегаторов легкового такси, ввиду их некоторого двойственного положения в рамках правоотношения по перевозке пассажира и грузов. Данный участник подвержен двум параллельно существующим правоотношениям, возникающим непосредственно по исполнению договора перевозки, где услугу оказывает перевозчик в отношении пассажира или груза, а также при предоставлении прямых услуг агрегатора, действующего в отношении обеих сторон – как перевозчика, так и пассажира.

Ключевые слова: пассажирские перевозки, такси, агрегаторы, перевозчик, дорожно-транспортные происшествия, сфера услуг, безопасность.

AYSANOV Adil Serikovich

senior researcher of the Department for the Study of Problems of Regulatory, Legal and Analytical Support of the Federal State Budgetary Institution "NC BDD of the MIA of Russia"

MALIKOV Shamil Emilevich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SOME ASPECTS OF THE RESPONSIBILITY OF PASSENGER TAXI AGGREGATORS IN RUSSIA

Road accidents are one of the most discussed issues among theoretical scientists and practitioners. Road traffic accidents (hereinafter referred to as accidents) involving taxi cars cause a wide resonance among the population. The problem of determining the responsibility of passenger taxi aggregators remains relevant, due to their somewhat ambivalent position within the framework of the legal relationship for the carriage of passengers and goods. This participant is subject to two parallel legal relations arising directly from the execution of the contract of carriage, where the carrier provides the service in relation to the passenger or cargo, as well as when providing direct services to an aggregator acting in relation to both parties – both the carrier and the passenger.

Keywords: passenger transportation, taxi, aggregators, carrier, traffic accidents, service sector, safety.

Рынок легкового такси в России – это активно растущий и развивающийся сектор, подверженный как локальным событиям в регионах и стране, так и глобальным экономико-политическим изменениям. Оборот рынка такси в России в 2022 году составил 985,1 млрд рублей, что позволяет говорить о прямом вкладе в ВВП России и важности отрасли в целом. Согласно опросу ВЦИОМ 2022 года 66 % жителей России пользуются услугами такси, при этом пользуются услугами такси несколько раз в месяц более пятой части (21 %) от всех опрошенных лиц [1].

При развитой системе услуг такси нельзя отрицать существующие проблемы, связанные как с организационными вопросами, так и с обширными вопросами ответственности водителей такси, перевозчиков, агрегаторов [16].

Снижение аварийности на дорогах является важнейшей проблемой современной Российской Федерации, решение которой позволит сохранить жизнь и здоровье сотен тысяч человек. Однако искоренение проблем такого уровня предполагает комплекс мероприятий и требует огромных финансовых затрат [15].

Несмотря на выводы об относительной высокой безопасности использования такси и того положения, что это риск фатального последствия ДТП при совершении поездки в автомобиле такси более чем на 60 % ниже по сравнению с личным автомобилем [9], следует отметить стремительно ухудшающуюся ситуацию с аварийностью на дорогах общественного пользования с участием рассматриваемого вида

транспорта. Так, количество ДТП в период с 2018 по 2022 г. возросло почти наполовину (+48,9 %), число погибших – более чем на четверть (+26,7 %), число раненых – на 40,8 % [14]. Таким образом распространенность данного вида транспорта и растущие риски смертности на дорогах на сегодняшний день формирует повестку дня для законодателей и правоприменителей с обращением особо пристального внимания на ответственность участников данных отношений, среди которых выделяют следующих: пассажир, агрегатор такси, перевозчик и непосредственно водитель, предоставляющий услугу по перевозке пассажира. Примерная схема предоставления услуги по перевозке пассажира легковым такси представлена на Рис. 1.

«Агрегатор» представляет собой заимствованное иностранное слово (нем. aggregieren; фр. agréger соединять, сцеплять; лат. aggregāre присоединять), семантика которого сводится к такому общему знаменателю, как совокупность данных, собранных по определенному принципу в одном месте. В Толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина 1998 года глагол «агрегировать» указан как относящийся к сфере финансов и математики [12]. При этом в правовом поле интерес к термину «агрегатор» возник сравнительно недавно. Этот период сопоставим со временем появления и активного распространения программных продуктов и контента, систематизирующих совокупность данных, то есть в 2000-2010 гг. Таким образом, юридический интерес к данному институту возник при рассмотрении «агрегатора» через

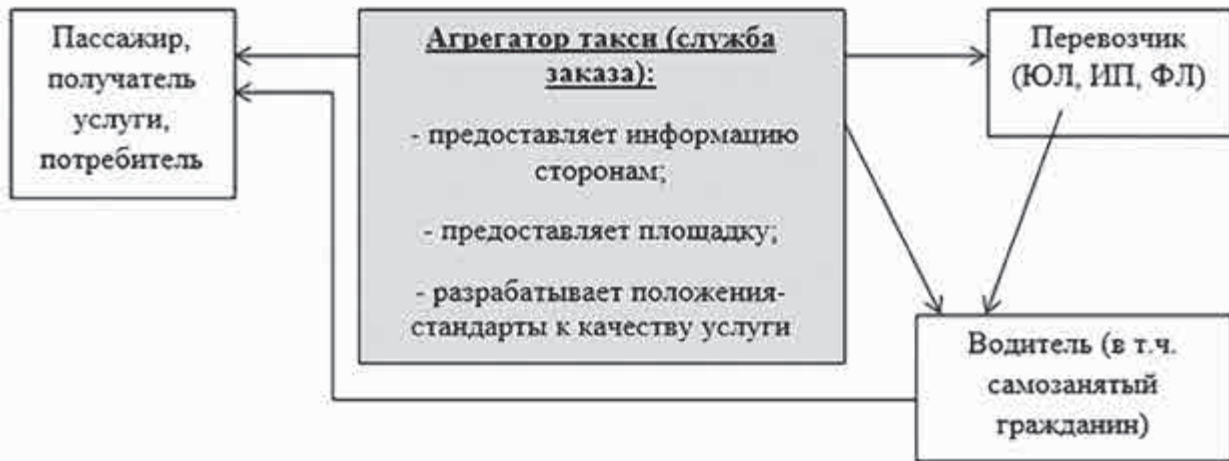

Рисунок 1. Схема взаимодействия агрегатора такси с перевозчиком, водителем и пассажиром

призму информационных технологий, баз данных, разнообразных электронных массивов данных.

Согласно Живому англо-русскому словарю по вычислительной технике, информационным технологиям и связи «агрегатор» имеет следующие признаки [3]:

– это организация, бренд, программный продукт – приложение, сайт и т.д.;

– основная задача – собрать, систематизировать информацию о товарах, услугах и их поставщиках и предоставить её через веб-сайт, иной программный продукт.

На сегодняшний день наиболее распространенными агрегаторами являются: новостные (медиа-агрегаторы), агрегаторы социальных сетей и контента, агрегаторы отзывов и рецензий, маркетплейсы, классифайды, прайс-агрегаторы и агрегаторы такси. Суть их работы в целом сходна – имеются создатели контента, услуги, продукта, а также его потребитель; агрегатор при этом выступает как аккумулирующий и систематизирующий субъект, предоставляющий площадку для «встречи» вышеназванных двух сторон.

Одним из наиболее динамично развивающихся агрегаторов является транспортный агрегатор, в частности агрегатор легковых такси. Таксопарки, действующие по всей стране, объединились в такие агрегаторы, как Uber в 2009 г., Яндекс-такси и Gett в 2011 г. Оказывающие услугу транспортные компании – перевозчики получали возможность найти пассажира и осуществить перевозку на заранее определенных условиях.

Права, обязанности и ответственность каждого участника рассматриваемых правоотношений урегулированы законодателем.

Однако актуальной остается проблема определения ответственности агрегаторов легкового такси, ввиду их некоторого двойственного положения в рамках правоотношения по перевозке пассажира и грузов. Данный участник подвержен двум параллельно существующим правоотношениям, возникающим непосредственно по исполнению договора перевозки, где услугу оказывает перевозчик в отношении пассажира или груза, а также при предоставлении прямых услуг агрегатора, действующего в отношении обеих сторон – как перевозчика, так и пассажира. Агрегатор в правоотношении со сторонами в случае со сферой легкового такси, равно как и в большинстве иных сфер, выступает как посредник, не оказывающий услугу перевозки, но предоставляющий информацию обеим сторонам, что в свою очередь оставляет открытыми и актуальными вопросы распределения ответственности агрегаторов легкового такси перед другими участниками правоотношений.

Наиболее приемлемым вариантом распределения ответственности является ее обозначение в рамках каждого

отдельного правоотношения – перевозчик несет ответственность перед пассажиром по договору перевозки, агрегатор несет ответственность перед сторонами за предоставленные сведения в той мере, насколько агрегатор может проверить их полноту и достоверность, за соответствие услуги по перевозке стандартизированному качеству (то есть агрегатор задает стандарт услуги в соответствии с действующим законодательством, которая воспринимается и перевозчиком, и пассажиром как основание для оказания услуги) и т.д. [6].

В этом случае, при буквальном рассмотрении правоотношений роль агрегатора сводится исключительно к информированию пассажира об услуге и предоставлении площадки для «встречи» пассажира и агрегатора. Однако такой подход, по мнению автора, на сегодняшний день, уже не является актуальным. Кроме этого, в частности, случившиеся в рамках данных правоотношений, зачастую приводили к возникновению конфликта сторон, а также к необходимости государства дать оценку правомерности действий агрегатора.

Стоит отметить сегодняшнюю активность законодателя в регулировании сферы перевозок пассажиров и грузов легковыми такси, что говорит об актуальности данного вопроса. Так, с 1 сентября 2023 г. в части, для которой не установлен другой срок вступления в силу, начал действовать Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [13]. В данном законе установлена субсидиарная, солидарная и полная ответственность служб заказа такси при возникновении вопросов обеспечения доступа к информации о заказе легкового такси.

Таким образом принятым Федеральным законом законодатель концептуально охватил большую часть проблемных вопросов, связанных с осуществлением деятельности по перевозке пассажиров легковым такси.

Вместе с тем, юристы ранее предлагали ввести субсидиарную ответственность агрегатора [5] или иные виды ответственности, в том числе, полную ответственность агрегатора в правоотношениях по перевозке такси пассажира/груза, считая, что агрегатор должен проявлять предусмотрительность в отношении всех перевозчиков, оказывающих услуги с помощью предоставляемой платформы.

Кроме этого предлагалось дополнить КоАП РФ ст.ст. 13.41 и 14.1.4 [4]. Ст. 13.41 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение порядка обработки информации о заказе легкового такси, в том числе за передачу заказа лицам, не получившим разрешений на осуществление деятельности

по перевозке такси. Ст. 14.1.4 – за осуществление деятельности службой заказа такси без подачи извещения о начале этой деятельности.

Однако, несмотря на усилия законодателя по урегулированию проблемных элементов, связанных с перевозками пассажиров и грузов такси, все еще существуют актуальные, требующие внимания вопросы ввиду сложности правоотношения, лежащего в основе. Это хорошо отслеживается на примерах из судебной практики, которые будут проанализированы далее.

В рамках гражданско-правовой ответственности важно **определение лица**, от имени которого заключается договор перевозки – такую позицию в Постановлении № 26 в 2018 году обозначил Верховный суд Российской Федерации на уровне Пленума [11]. Агрегаторы, реагируя на заказ пассажира, высылают сообщение или push-уведомление, в котором содержится информация о водителе, автомобиле, на котором будет осуществляться перевозка и т.д.

В этом случае говорить исключительно об информационной роли агрегатора с позиции пассажира (*а именно точка зрения пассажира становится решающей в определении ответственности агрегатора Верховным судом*) неверно – из совокупности действий становится понятно, что агрегатор имеет непосредственное отношение к сделке по перевозке пассажира (оператор / система совершает ряд действий, выражающих волю агрегатора на заключение сделки и на ряд действий после ее завершения (благодарит клиента, запрашивает обратную связь и т.д.)).

Также имеет значение любая косвенная информация, которая потенциально могла привести пассажира к мнению о конкретном лице, которое будет его контрагентом (рекламное сообщение, информация на сайтах, в социальных сетях). Таким образом, у клиента имеется представление о лице, гарантирующем осуществление поездки, исходя из совокупности данных, а непосредственно водитель или его работодатель воспринимается как лицо, привлеченное к исполнению обязательств по перевозке, то есть не как прямой контрагент. Такая правовая конструкция в рамках отношений перевозчик – агрегатор наиболее правильно может быть охарактеризована как агентские отношения (услуги по поиску пассажиров такси, принятию от них заказа и передаче его исполнителю услуги) [7] или в рамках определения агрегатора как должника по обязательству (по договору перевозки) в случае причинения вреда пассажиру.

В этом случае ответственность может быть применена в отношении агрегатора ввиду того, что пассажир изначально предполагал в качестве субъекта потенциальной ответственности вполне конкретное лицо по ряду обстоятельств (взаимодействие с диспетчером агрегатора, использование программного обеспечения под конкретным брендом, узнаваемость бренда, доверие к нему и т.д.).

Такой подход кажется автору логичным, так как агрегаторы такси на сегодняшний день – это всегда крупные компании (например, в отчете Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации за 2021 год называются всего 7 компаний – агрегаторов легковых такси, действующих на территории России – Яндекс.Такси + Uber, Gett, Maxim, InDriver, Ситимобил, Везет, DiDi[9]). Такие компании дорожат своей репутацией, имеют возможность в случае причинения вреда пассажиру возместить соответствующий вред и т.д. По этой причине пассажиры более склонны доверять именно широко узнаваемому бренду, обычно позиционирующему себя с точки зрения безопасности (в Яндекс такси, к примеру, имеется соответствующий тариф – «Безопасность +», а также вкладка «Безопасность» для экстренного вызова полиции и скорой помощи, а также для активации экстренного чата с технической поддержкой). Именно по этой причине, вероятно, до 2018 года существовал массовый общественный запрос на обозначение деликтной ответственности

агрегаторов в рамках гражданско-правовых отношений на нормативном уровне. Данный запрос был удовлетворен, однако остался нерешенным важный вопрос – как в таком случае быть с ответственностью за некачественно оказанную услугу, не приведшую к деликту? Например, если имеет место нарушение условий подачи такси, неправомерные действия водителя такси, не приведшие к причинению вреда пассажиру? На данный момент практика такова, что некачественно оказанная услуга вне деликта – это зона ответственности перевозчика.

Принятию Постановления № 26 в 2018 году предшествовал ряд дел, в частности, дело ООО «УБЕР ТЕКНОЛОДЖИ» [10]. В данном кейсе суд, рассматривая дело об административной ответственности агрегатора по ст. 14.7 КоАП («Обман потребителей»), подчеркнул, что ввиду совокупности обстоятельств у потребителя складывается впечатление, что услуги им оказывает именно компания Uber. При этом здесь в позиции суда четко прослеживается двойственность, так как, во-первых, абсолютно логично говорится о потенциальных ожиданиях клиента при заказе такси через Uber исходя из совокупности предшествующих действий со стороны агрегатора, но при этом косвенно, что услуги все-таки оказывает не Uber, а перевозчики, поэтому ответственность нужно четко разделять.

30 августа 2022 года Верховный Суд вынес Определение № 305-ЭС23-8620 по делу № А40-94657/2022 [8], в котором рассматривался важный вопрос о привлечении агрегатора к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.7 КоАП РФ и по ч. 1 ст. 14.8 КоАП РФ. Поводом для вынесения административным органом указанного постановления являлось отсутствие у предоставленного автомобиля разрешения на осуществление перевозок пассажиров и багажа на территории Краснодарского края, а также отсутствие информации о месте нахождения перевозчика в мобильном приложении «Яндекс.Такси».

Исходя из этого Определения, относящегося к более позднему анализируемому периоду, можно отметить сохранившуюся тенденцию рассматривать агрегатор такси, прежде всего, в рамках площадки, предоставляющей информацию о перевозчике. Именно поэтому ответственность агрегатора предусмотрена за введение потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств или качества услуги (ч. 2 ст. 14.7 КоАП РФ). Кроме того, по ч. 1 ст. 14.8 КоАП предусмотрена административная ответственность за нарушение права потребителя на получение необходимой и достоверной информации об услуге.

Таким образом, потребитель, ориентируясь на деловую репутацию агрегатора, ожидает оказания услуги надлежащего качества, отвечающую требованиям безопасности и соответствие нормативных требований всех перевозчиков и водителей. Исходя из этого, агрегатор обязан, по мнению правоприменителя, удостовериться в наличии всех разрешительных документов для осуществления поездки, так как этого от него по умолчанию ожидает потребитель, что на практике сделать довольно сложно, равно как и осуществлять ежедневный мониторинг состояния здоровья каждого водителя.

Вероятно, этот вопрос должен быть разрешен путем распределения и закрепления на уровне локальных договоров ответственности между агрегатором и перевозчиком (например, путем введения обязанности перевозчика предоставлять достоверную информацию о состоянии водителей, о наличии и актуальности разрешительных документов и т.д.). Агрегатор, в свою очередь, передаст эту информацию потребителю в соответствующей графе карточки заказа и может нести ответственность перед пассажиром, однако в случае недостоверности сведений будет правомерен действовать в порядке регресса в отношении перевозчика. Самый важный достигаемый эффект при этом – защита наиболее слабой в

экономическом плане стороны – потребителя, которому не нужно будет задаваться вопросом об ответственности в рамках возникшего правоотношения.

Таким образом, и гражданско-правовая и административная ответственность основаны на сегодняшний день на том, что агрегатор такси – это субъект, выполняющий в рамках правоотношений посредническую функцию, связанную, прежде всего, с предоставлением информации об услуге, предоставляющей площадку для ее получения. Однако и в рамках гражданского, и в рамках административного процесса правоприменитель отмечает важную особенность – потребитель ассоциирует именно с агрегаторами лицо, оказывающее услугу по перевозке. Потребитель ассоциируется на бренд агрегатора, получает подтверждение заказа, адресуется обратную связь по услуге, ждет обеспечения стандартов безопасности именно от агрегатора, поэтому нам кажется крайне важным взаимодействие по линии «агрегатор – перевозчик – водитель». Основная цель в данном правоотношении – это разработка максимально подробных инструкций и стандартов качества перевозки с обозначением объема ответственности перевозчика и водителя перед агрегатором за их неисполнение.

По итогам исследования рассмотрены некоторые вопросы ответственности агрегаторов легковых такси, а также отмечена заинтересованность законодателя в урегулировании ответственности последних и упорядочению отношений в данной сфере в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Анализ рынка такси в России в 2018-2022 гг., прогноз на 2023-2027 гг. в условиях санкций. Детализация по городам (Businesstat) // Магазин исследований. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://marketing.rbc.ru/research/28065/> (дата обращения: 17.11.2023).
2. Аналитический обзор опроса ВЦИОМ «Такси в России» // ВЦИОМ Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/taksi-v-rossii-mnenie-polzovatelei> (дата обращения: 17.11.2023).
3. Живой англо-русский словарь по вычислительной технике, информационным технологиям и связи под общей редакцией В. А. Дмитриева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mogerc.ru/dict/index.php> (дата обращения: 10.11.2023).
4. Законопроект № 864868-7 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в связи с совершенствованием государственного регулирования деятельности по перевозке легковыми такси и деятельности служб заказа легкового такси)» // СОЗД ГАС «Законотворчество». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/864868-7> (дата обращения: 08.11.2023).
5. Кирьяк С. Сервисы по заказу такси: за что и как они отвечают // Интернет-портал «Правовые новости» (Право.ру). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/auto/story/240799/> (дата обращения: 11.11.2023).
6. Кузнецова Н. Г. Правовое положение агрегатора информации о товарах (услугах, работах, цифровом контенте) и его преддоговорные обязанности // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 1-15.
7. Определение Верховного Суда РФ от 09.01.2018 № 5-КГ17-220 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации (Банк решений). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1618800 (дата обращения: 09.11.2023).
8. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС23-8620 по делу № А40-94657/2022 // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации (Банк решений). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=2281500 (дата обращения: 09.11.2023).
9. Отчет Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации за 2021 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/pdf/Taxi_14.04.pdf (дата обращения: 11.11.2023).
10. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40-146579/16 от 21.02.2017 // СПС «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=263068> (дата обращения: 11.11.2023).
11. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции», принято 26 июня 2018 года // Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/own/26967/> (дата обращения: 09.11.2023).
12. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. М: Русский язык, 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovorod.ru/dic-krysin/krys-a.htm> (дата обращения: 10.11.2023).
13. Федеральный закон от 29.12.2022 № 580-ФЗ «Об организации перевозок пассажиров и багажа легковым такси в Российской Федерации, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1. Ч. 1. 2023. Ст. 27.
14. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2023. 150 с.
15. Дашков Т. К., Мурсалимов А. Т. Отечественный и зарубежный опыт борьбы с аварийностью на дорогах // Обеспечение безопасности участников дорожного движения: к 100-летию Правил дорожного движения. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. Тюмень, 2020. С. 235.
16. Якимов А. Ю. Анализ определений понятий и терминов, касающихся различных субъектов и объектов, которые участвуют в дорожном движении // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1. С. 21-27.

БАГИШЕВ Олег Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования бизнеса и прикладной юриспруденции Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена анализу особенностей административно-правовой ответственности юридических лиц в сфере предпринимательской деятельности, с фокусом на антимонопольном законодательстве. Автор исследует актуальные проблемы, связанные с применением административно-правовой ответственности к юридическим лицам, особенно в контексте антимонопольного законодательства. Он рассматривает основные нормы и положения, регулирующие предпринимательскую деятельность и противодействие недобросовестной конкуренции на рынке.

Ключевые слова: административно-правовая ответственность, юридические лица, предпринимательство, антимонопольное законодательство, защита конкуренции.

BAGISHEV Oleg Alexeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal regulation of business and applied jurisprudence sub-faculty of the Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

FEATURES OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN BUSINESS ACTIVITIES

This article is devoted to the analysis of the features of administrative and legal liability of legal entities in the field of entrepreneurial activity, with a focus on antimonopoly legislation. The author explores current problems associated with the application of administrative and legal liability to legal entities, especially in the context of antimonopoly legislation. It examines the basic rules and regulations governing business activities and combating unfair competition in the market.

Keywords: administrative and legal liability, legal entities, entrepreneurship, antimonopoly legislation, protection of competition.

Багисhev О. А.

После распада Советского Союза экономическая система и социальная форма современной России претерпели коренные изменения, изменилась и правовая политика страны. Именно на этом фоне создавалось и развивалось антимонопольное законодательство. В 1991 году в России был принят первый антимонопольный закон «О защите конкуренции на товарном рынке и ограничении монополистической деятельности», который заложил прочную основу для развития антимонопольной правовой системы России. Впоследствии, в целях адаптации к изменениям внутренней и внешнеэкономической конъюнктуры и укрепления конкурентоспособности на международном рынке, в июне 2006 года в России был принят Закон «О защите конкуренции». С момента опубликования закон претерпел ряд изменений, кульминацией которых стало создание действующей антимонопольной системы в России.

Одной из важнейших особенностей российского антимонопольного законодательства является законодательная модель слияния антимонопольной и антинедобросовестной конкуренции. В дополнение к монополистической практике категорически запрещена недобросовестная конкуренция, включая коммерческую диффамацию, введение в заблуждение с целью введения потребителей в заблуждение, неправомерное сравнение, незаконное использование прав интеллектуальной собственности других лиц и нарушение чужой коммерческой тайны. Кроме того, Закон осуществляет надзор и регулирует действия государственных органов по ограничению конкуренции, регулирует деятельность по проведению торгов и отбору финансовых учреждений, регулирует предоставление preferentialного режима государством и органами местного самоуправления [2].

Важно отметить, что регулирование монопольных соглашений является важной составной частью материальной системы антимонопольного законодательства. Поскольку

антиконкурентный характер монопольных соглашений очевиден, ущерб рыночному экономическому порядку огромен. Таким образом, система антимонопольных соглашений, как правило, является наиболее подверженной критике и наиболее жестко санкционируемой частью антимонопольного законодательства различных стран. В связи с тем, что существуют очевидные различия между горизонтальными и вертикальными монопольными соглашениями по характеру и степени ограничения конкуренции, антимонопольное законодательство многих стран регулирует эти два вида монопольных соглашений раздельно. Как правило, антимонопольное законодательство строго регулирует горизонтальные монопольные соглашения, в то время как вертикальные монопольные соглашения относительно мягкие, за исключением тех, которые связаны с ценовыми ограничениями.

Статья 11 Закона РФ «О защите конкуренции» прямо запрещает предпринимателям заключать соглашения, постановления или согласованные действия, ограничивающие конкуренцию. Особые критерии определения того, будет ли запрещено антиконкурентное соглашение, являются изюминкой российского законодательства. Согласно закону, критерием для определения запрета антиконкурентного соглашения является то, приведет ли соглашение или может привести к последствиям ограничения конкуренции. Таким образом, рассматриваемые здесь последствия включают в себя не только содержательные, но и возможные последствия. По сути, это двухуровневый идентификационный стандарт, в котором критерий фактически установлен как форма превентивного регулирования, которая может более эффективно поддерживать порядок рыночной конкуренции за счет взаимодействия с традиционными постфактум средствами правовой защиты [1].

Помимо письменной формы договора, существуют также «согласованные действия», которые очень сложно иденти-

фицировать на практике. В законе «О защите конкуренции» принят принцип субъективной и объективной согласованности при определении согласованных действий:

- субъективно результаты действий должны быть в интересах оператора и известных заранее;

- объективно, в отличие от законодательства большинства стран, в России продолжительность поведения рассматривается как фактор, который должен учитываться при определении антиконкурентного соглашения – если поведение одного оператора приводит к изменению цены товара, цены сырья, цены товара на международном товарном рынке или существенного изменения спроса на товар в течение периода более одного года или менее одного года, но при наличии соответствующего рынка, не заставляя всех операторов соответствующего товарного рынка вносить такое изменение при одинаковых обстоятельствах, он отвечает объективным конститутивным элементам согласованных действий.

Однако из-за сложности определения субъективных условий, и в то же время, хотя объективный критерий, основанный на условии «год», может играть роль в облегчении правоприменения и имеет большое значение для выявления упрямых международных картелей, он допускает краткосрочные ценовые картели, поэтому эффективность выявления скоординированного поведения невысока, а жесткость закона также ослаблена.

В антимонопольном законодательстве большинства стран обладание доминирующим положением на рынке само по себе не является незаконным, но злоупотребление доминирующим положением на рынке запрещено.

Во-первых, необходимо определить доминирующее положение на рынке. В связи с этим российское законодательство устанавливает разные стандарты для разных отраслей. В случае производственно-сбытового предприятия, если рыночная доля предприятия превышает 50%, и в ходе судебного разбирательства по делу не было вынесено никакого решения или постановления о том, что оператор не занимает доминирующего положения на рынке; или, если рыночная доля предприятия составляет менее 50%, но антимонопольный орган определяет, что предприниматель занимает доминирующее положение, может быть установлено, что предприятие занимает доминирующее положение. В то же время, если суммарная рыночная доля менее чем 3 операторов превышает 50%, или суммарная рыночная доля менее 5 операторов превышает 70%, и доля любого из них превышает долю операторов, не входящих в сферу действия, если в течение более длительного периода времени (обычно более одного года) доля соответствующего рынка не изменяется или изменяется незначительно, новым конкурентам трудно выйти на рынок товара, а товар не может быть заменен другими товарами, каждое из многочисленных предприятий может считаться занимающим доминирующее положение на рынке. Критерии определения рыночного доминирования отдельных отраслей, таких как небанковские кредитно-финансовые учреждения и кредитные организации, отличаются от критериев для общепроизводственных и сбытовых предприятий и отдельно оговариваются государственными постановлениями, такими как «Условия определения рыночного доминирования финансовых организаций (за исключением кредитных организаций)» и «Условия определения рыночного доминирования кредитных организаций» [3].

Статья 10 Закона Российской Федерации «О защите конкуренции» предусматривает злоупотребление доминирующим положением на рынке, запрещая доминирующему оператору совершать действия (бездействие), которые вызывают или могут привести к запрету, ограничению или устранению конкуренции и (или) нанесению ущерба чужим интересам, в том числе [1]:

1) установление и поддержание монополично высоких или низких цен на товары;

2) повышение товарных цен путем изъятия товаров из обращения;

3) навязывание заказчику неблагоприятных для него или не связанных с предметом договора условий;

4) необоснованное сокращение или прекращение производства товара при условии, что на товар все еще существует рыночный спрос или цена товара все еще может гарантировать прибыль;

5) при наличии условий производства и поставки необоснованно отказываться или уклоняться от заключения договоров с некоторыми покупателями (заказчиками);

6) необоснованное установление разных цен на одни и те же товары (или услуги);

7) финансовые учреждения устанавливают необоснованно высокие или заниженные цены на финансовые услуги: устанавливают дискриминационные условия работы, препятствуют выходу на товарный рынок или выходу с него других хозяйствующих субъектов;

10) нарушение системы ценообразования, предусмотренной нормативными актами;

11) манипулирование ценами на оптовом и/или розничном рынке электроэнергии.

Стоит отметить, что антимонопольное законодательство России, не содержит всеобъемлющей оговорки о злоупотреблении доминирующим положением на рынке.

В целом по странам монопольные соглашения, особенно дела о горизонтальных монопольных соглашениях (картелях), являются наиболее многочисленными и вредными для рынка. Но дело номер один на российском рынке – это злоупотребление властью. Несмотря на то, что Россия пережила более 20 лет государственных и экономических преобразований, а вмешательство административной власти в экономику постепенно уменьшается, вред и негативное влияние этой монополии на рыночный порядок конкуренции по-прежнему очень велики.

Антимонопольное законодательство России с самого начала придает большое значение регулированию административных монополий, особенно в действующем Законе о защите конкуренции. Закон состоит из 10 глав, из которых третья, четвертая и пятая главы посвящены регулированию монополии на власть. Глава III прямо запрещает органам всех уровней, общественным организациям, выполняющим функции государственной службы, а также государственным внебюджетным фондам и Центральному банку Российской Федерации участвовать в действиях, ограничивающих конкуренцию. Глава IV устанавливает антимонопольные требования к проведению торгов, выбору финансовых учреждений и праву заключать договоры на активы, принадлежащие государству и местным органам власти. Глава V предусматривает предоставление льгот государству или органам местного самоуправления [1].

Критерии определения монополии власти в Законе «О защите конкуренции» включают в себя не только существенные ограничения конкуренции и ущемление интересов хозяйствующих субъектов, но и ситуации, когда существует «вероятный» риск устранения конкуренции, а монополия власти включает в себя как действия, так и бездействие. Таким образом, критерием монополии на власть является «действие или бездействие» плюс «вызванное или могущее послужить» в качестве условия объединения. Существенное значение «возможного» в составе «дуалистического и двухуровневого» стандарта заключается в том, что он устанавливает форму превентивной корректировки, отличную от традиционного облегчения «ex post facto».

Закон «О защите конкуренции» также включает внебюджетные государственные средства и Центральный банк Российской Федерации в сферу незаконных субъектов административных монополий, то есть органы исполнительной власти Российской Федерации, органы государственной

власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные органы или организации, выполняющие функции указанных органов, а также государственные внебюджетные фонды и Центральный банк Российской Федерации [1].

Кроме того, антимонопольное законодательство также предусматривает ряд специальных видов административных монополистических действий, в том числе:

1) недобросовестный режим, т.е. предоставление экономических преференций отдельным субъектам без уважительных причин;

2) смешение функций, т.е. интегрированы функции органов власти и функции хозяйствующих субъектов;

3) совместные акты административной монополии, т.е. подписание любой формы соглашения или согласованных действий между административными образованиями и между ними и хозяйствующими субъектами, которые приводят или могут привести к ограничению или устранению конкуренции или нанесению ущерба интересам хозяйствующих субъектов.

Контроль за системой концентрации предприятий является одним из важных содержательных элементов материальной системы антимонопольного законодательства и призван пресекать попытки усиления потенциального доминирования на рынке с целью поддержания разумной структуры рынка и предотвращения чрезмерной концентрации рыночных сил. С точки зрения формы контроля за концентрацией предприятий в антимонопольном законодательстве различных стран существует система предварительного декларирования и система надзора и пересмотра «ex-post». В настоящее время антимонопольное законодательство большинства стран сочетает в себе проверку деклараций «ex-ante» с надзором и контролем «ex-post», что позволяет антимонопольным правоохранительным органам одновременно и активно контролировать концентрацию предприятий [3].

Глава VII Закона РФ «О защите конкуренции» предусматривает государственный надзор за экономической концентрацией. Согласно Закону о защите конкуренции, экономическая концентрация относится к сделкам и действиям, которые оказывают влияние на рыночную конкуренцию. Под «экономической концентрацией» в законе понимается рыночная концентрация, которая может включать в себя концентрацию производства, концентрацию рынка услуг, концентрацию рынка сбыта, концентрацию финансового рынка и другие аспекты. Согласно Закону о защите конкуренции, в сферу корректировки «экономической концентрации» должны входить [1]:

– слияние хозяйствующих субъектов (в том числе финансовых учреждений);

– сделки с акциями (долями), активами и правами;

– другие действия, которые могут оказать решающее влияние на предпринимателя и т.д.

Согласно положениям Закона «О защите конкуренции», в случае слияния, если суммарная стоимость активов обеих сторон превышает 3 млрд рублей, или совокупная выручка от реализации за предыдущий календарный год превышает 6 млрд рублей, либо одна из сторон является зарегистрированной монополией, естественной монополией или доминирующим на рынке предприятием, необходимо заблаговременно сообщить об этом в антимонопольные органы. При создании предприятия или слиянии финансового учреждения, если общая стоимость активов на балансе и другие показатели превышают установленный лимит, также необходимо заранее отчитаться [1].

Помимо корпоративных действий, сделка с акциями, активами и правами некоторых предприятий также должна быть предварительно одобрена антимонопольными органами.

Статья 9 Закона «О защите конкуренции» содержит предельно подробные положения об органе группы, который детализирует положение связанных лиц с точки зрения доли участия, доли уставного капитала, выполнения функций управляющего органа, назначения членов совета директоров, физических лиц, их супругов и детей. В целях усиления надзора за экономической концентрацией группы Законом о защите конкуренции предусмотрена система отчетности «ex post facto» по сделке концентрации группы, с целью выявления реального владельца акций или активов и конечного бенефициара сделки. Специальные положения для концентрированной сделки группы заключаются в том, что если сделка удовлетворяет одновременно трем условиям, а именно [1]:

– сделка совершается между лицами, входящими в группу,

– общий список группы представлен в федеральный антимонопольный орган и зарегистрирован в течение одного месяца до совершения сделки,

– общий список группы не изменился до совершения сделки, группа должна подать заявление в антимонопольный орган в течение 45 дней после совершения сделки.

Глава VIII Закона «О защите конкуренции» предусматривает «ответственность за нарушения антимонопольного законодательства». Эта ответственность включает в себя как административную, так и гражданско-правовую и уголовную ответственность. Среди них административная ответственность может включать такие взыскания, как штрафы и дисквалификации. В то же время, согласно положениям Антимонопольного законодательства Российской Федерации, привлечение к ответственности лиц и организаций, причастных к монополистическим актам, не освобождает их от обязанности исполнять постановления и предписания антимонопольных органов, а также отчитываться перед антимонопольными органами для согласования или представления, а также не освобождает их от обязанности принимать иные практические меры, которые должны быть приняты в соответствии с положениями Антимонопольного закона [1].

В отличие от российской антимонопольной правовой системы, антимонопольное законодательство большинства стран предусматривает только гражданско-правовую и административную ответственность за монополистическое поведение, такое как монополистические соглашения, злоупотребление доминирующим положением на рынке и концентрация предприятий, но не предусматривает уголовную ответственность.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.
2. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / Под ред. А. Ю. Соколова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. - 352 с.
3. Братановский С. Н., Братановская М. С., Конджакулян К. М. Административное право: практикум. - М.: РУСАЙНС, 2021. - 134 с.

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, начальник отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, заслуженный юрист Республики Крым

РЫКЛИНА Анна Анатольевна

магистрант Крымского филиала Российского государственного университета правосудия

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ НАРУШЕНИЯ ПОРЯДКА ТРАНСПОРТИРОВКИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты транспортировки (перевозки) лекарственных препаратов. Исследуется национальная нормативно-правовая база, а также судебная практика и статистика в данной сфере. Детально анализируется административная ответственность за нарушение порядка перевозки лекарственных препаратов. Выявлена двойственность мнений по поводу вопроса обязательного лицензирования транспортных служб, перевозящих лекарственные средства. По результатам проведенного исследования сделаны выводы и предложения по решению обозначенных проблем, которые позволят усовершенствовать правоотношения в данной сфере.

Ключевые слова: лекарственные препараты, транспортировка лекарств, фармацевтическая перевозка, оборот лекарственных средств, административная ответственность.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Head of the Department for the Organization of scientific and editorial-publishing activities of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Honored Lawyer of the Republic of Crimea

RYKLINA Anna Anatoljevna

student of the Crimean branch of the Russian State University of Justice

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN THE FIELD OF VIOLATION OF THE ORDER OF TRANSPORTATION OF MEDICINES

The article discusses some aspects of the transportation (transportation) of medicines. The article examines the national regulatory framework, as well as judicial practice and statistics in this area. The administrative responsibility for violation of the order of transportation of medicines is analyzed in detail. The ambiguity of opinions on the issue of compulsory licensing of transport services transporting medicines has been revealed. Based on the results of the study, conclusions and proposals have been made to solve the identified problems that will improve legal relations in this area.

Keywords: medicines, transportation of medicines, pharmaceutical transportation, turnover of medicines, administrative responsibility.

Сегодня проблемные вопросы обеспечения порядка транспортировки лекарственных средств и привлечения к административной ответственности за его нарушения являются актуальными и требуют проведения научных исследований, опирающихся на наработки современных ученых [1], а также опыт правоприменительной практики в данной сфере.

Так, одной из ключевых проблем низкого качества лекарственных средств является нарушение порядка их транспортировки, призванного обеспечить их качество, безопасность и эффективность¹.

По нашему мнению, в действующем административно-деликтном законодательстве Российской Федерации вопросы административной ответственности за нарушение порядка транспортировки лекарственных средств недостаточно урегулированы, в силу чего, требуют значительной доработки и усовершенствования. В то же время и научного исследо-

вания, посвященного комплексному исследованию вопросов административной ответственности за нарушение порядка транспортировки лекарственных средств на сегодняшний день в Российской Федерации не проводилось, а те, что были проведены, касаются оборота лекарственных средств в пределах гражданско-правовых отношений. Таким образом, исследование административно-деликтных правоотношений в сфере нарушения порядка транспортировки лекарственных средств является важным и необходимым.

Вместе с тем, в рамках данного исследования, отметим, под фармацевтической транспортировкой понимается процесс перемещения лекарственных средств, которые можно перевозить из одного места в другое. Лекарственные препараты – хрупкий товар, поэтому их доставка требует особой осторожности. Во время транспортировки соблюдаются определенные стандарты для поддержания качества и количества медицинского груза, включая контроль времени транспортировки. Причем, это касается как безопасности

Евсикова Е. В.

Рыклина А. А.

¹ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // Российская газета. № 78. 14.04.2010.

упаковки, так и фармакологических свойств. Во время транспортировки лекарственные средства могут подвергаться воздействию ненадлежащих условий хранения, колебаний температуры или других факторов окружающей среды, которые могут повлиять на их качество. При неправильном и (или) недобросовестном регулировании поставок лекарства претерпевают угрозу целостности.

На данный момент основными нормативно-правовыми актами, которые регулируют перевозку лекарств, являются:

– Правила транспортировки лекарств на территории РФ, утвержденные приказом Министерства здравоохранения РФ от 31.08.2016 № 646н²;

– Правила перевозок препаратов в рамках Евразийского экономического союза, утвержденные Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 80³ (далее – Решение Совета ЕЭК от 03.11.2016 № 80).

При этом, перевозка лекарственных средств автомобильным транспортом требует соблюдения ряда условий:

– подвижной состав, используемый для доставки, должен иметь специальное оборудование для создания необходимых условий для перевозки данного класса грузов на большие расстояния;

– перевозка грузов осуществляется только чистым транспортом;

– лекарственные средства не могут перевозиться в транспортных средствах, которые не приспособлены для этих целей или которые одновременно используются для перевозки грузов другого назначения (продуктов питания, строительных материалов);

– перевозимые лекарства должны быть надежно защищены от непогоды, солнечного света, пыли, грязи и т.д.;

– упаковка лекарственных средств в производственную тару осуществляется перед отправкой от производителя. Соблюдение этого условия обеспечивает сохранность лекарственных средств;

– перевозка сухих сборов должна осуществляться исключительно в закрытых контейнерах;

– перевозка фитопрепаратов осуществляется при наличии на контейнере соответствующей маркировки с указанием группы лекарственных средств;

– в чистоте должны содержаться не только транспортные средства, используемые для перевозки лекарств. Места погрузки также должны соответствовать требованиям;

– необходимо поддерживать определенный уровень влажности внутри транспортного средства, осуществляющего транспортировку;

– коробки с лекарствами не следует ставить на землю, влажные полы или другие поверхности, которые не соответствуют требованиям чистоты;

2 Приказ Минздрава России от 31.08.2016 № 646н «Об утверждении Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов для медицинского применения» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2017 № 45112) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.01.2017

3 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 80 «Об утверждении Правил надлежащей дистрибуторской практики в рамках Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016.

– погрузка/разгрузка, осуществляемая в ночное время, должна происходить при наличии достаточного освещения.

Транспортировка лекарств – один из видов работ, которые составляют фармацевтическую деятельность, подлежащую лицензированию согласно Положению о лицензировании фармацевтической деятельности, утвержденному Постановлением Правительства РФ от 31.03.2022 № 547⁴.

Вместе с тем, по данному вопросу сложилась довольно противоречивая практика. Так, ООО осуществляло перевозку лекарств с помощью третьего лица – транспортно-экспедиторской компании, у которой не было лицензии на транспортировку лекарств⁵. Как указывает суд, согласно п. 6 Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарств⁶ требует от организаций оптовой торговли лекарств до заключения договора убедиться в правоспособности исполнителя (в том числе в наличии у него необходимой в соответствии с законодательством РФ лицензии) и возможности выполнить обязательства по договору. В связи с длительным характером деяние было квалифицировано по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ (осуществление предпринимательской деятельности без лицензии), но наказание назначено в виде предупреждения.

В другом случае Росздавнадзор на официальном сайте выложил информацию о том, что транспортной организации не требуется получать лицензию на осуществление фармацевтической деятельности для осуществления перевозки лекарств⁷.

Мы считаем, что нужно придерживаться первой позиции для обеспечения качества препаратов, поскольку в фармацевтическую деятельность, в том числе, входит перевозка лекарств, а сама деятельность подлежит обязательному лицензированию. Также в дефиниции к понятию «перевозка лекарственных средств» прямо упоминается необходимость обладания лицензией для транспортировки⁸.

Важно отметить, кто при этом несет ответственность. Согласно юридической литературы, штраф налагается на фармацевтическую компанию, даже при заключении договора на оказание услуг с другой организацией, специализирующейся на перевозках [2]. Это предусмотрено п. 6 Приказа Минздрава России от 31.08.2016 г № 646н, в котором закрепляется обязанность фармацевтической организации перед заключением договора аутсорсинга убедиться в правоспособ-

4 Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // Собрание законодательства РФ. 11.04.2022. № 15. ст. 2469.

5 Решение Арбитражного суда Свердловской области от 04.06.2021 по делу № А60-18195/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из системы КонсультантПлюс (дата обращения: 14.12.2023).

6 Приказ Минздрава России от 31.08.2016 № 646н «Об утверждении Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов для медицинского применения» // Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2017 № 45112.

7 Вопрос-ответ // Росздавнадзор: официальный сайт. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.roszdravnadzor.ru> (дата обращения: 29.05.2018).

8 «ОФС.1.1.0037. Общая фармакопейная статья. Перевозка лекарственных средств» (утв. и введена в действие Приказом Минздрава России от 20.07.2023 № 377) («Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание») [Электронный ресурс] // Доступ из системы КонсультантПлюс (дата обращения: 12.12.2023).

ности исполнителя, что в свою очередь означает проверку у него соответствующей лицензии⁹.

При этом, согласно под п. 130 п. 9.2 Решения Совета ЕЭК № 80 ответственность за перевозку препаратов лежит на дистрибьюторах¹⁰, т.е. организации по реализации дистрибуции, в том числе по транспортировке лекарств, которая имеет разрешительный документ. Мы считаем, что в таком случае необходимо нести наказание как фармацевтической организации, которая не приложила всех необходимых усилий для установления того, есть ли у другой организации лицензия на осуществление транспортировки лекарств, так и дистрибьюторской организации, которая неправомерно осуществляла такие перевозки.

Также, в рамках данного исследования, следует обратить внимание на назначение судом предупреждения, вместо штрафа, предусмотренного п. 4 ст. 14.1. КоАП РФ. Суд обосновывает это тем, что ООО является субъектом малого предпринимательства и впервые совершило правонарушение при отсутствии причинения вреда или угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей.

Считаем, что с назначенным наказанием нельзя согласиться, поскольку, во-первых, нарушение признано повторяющимся длительным и соответственно грубым, во-вторых, угроза жизни и здоровью людей была ввиду следующего. Официально понятие «угроза причинения вреда жизни и здоровью» в законодательстве не закреплено. Однако исходя из юридической литературы, под ним стоит подразумевать потенциальную или реальную опасность жизни и (или) здоровью [3].

Рассмотрим ещё один случай из судебной практики по ч. 4 ст. 14.1 КоАП РФ¹¹. Суд назначил штраф в размере 100 000 руб. медорганизации за грубое нарушение, выражающееся в отсутствии необходимого оборудования (не было операционного стола, стерилизатора, шкафа, анализатора крови и других необходимых вещей). Подчеркивается, что несмотря на то, что последствия не наступили, клиника пренебрежительно отнеслось к своим публично-правовым обязанностям. Судебная практика резюмирует, что состав ч.4 ст. 14.1. КоАП РФ является формальным, значит, достаточно угрозы причинения такого вреда. Наличие потенциальной угрозы жизни и здоровью граждан вследствие нарушений обязательных требований является достаточным основанием для привлечения субъектов правоотношений к ответственности, а также не позволяет заменить штраф предупреждением.

Исходя из этого, понятно, что судебная практика отличается своим многообразием и отсутствием единого порядка действий. В связи с этим считаем необходимым внести изме-

нения в виде примечания в статью 14.1 КоАП РФ в следующей редакции:

«4. Наличие грубого нарушения требований и условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией), по ч. 4 ст. 14.1 настоящего Кодекса является достаточным основанием для привлечения субъектов правоотношений к ответственности, а также не позволяет заменить штраф предупреждением.»

Таким образом, сфера административно-деликтных правоотношений в области оборота лекарственных средств довольно многогранна и обширна, поэтому требует проведения дальнейших исследований и разработок, а также усовершенствования и модернизации административно-деликтного законодательства в данной области.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В., Чуйко А. А. К вопросу о регистрации референтных лекарственных препаратов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 110-112.
2. Луговая Н. Н. На перевозку лекарств необходима фармацевтическая лицензия // Аптека: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2021. – № 9. – С. 30-34.
3. Кивич Ю. В. Меры административно-правового предупреждения правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, их место в механизме правоохраны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – С. 102-106.

9 Приказ Минздрава России от 31.08.2016 № 646н «Об утверждении Правил надлежащей практики хранения и перевозки лекарственных препаратов для медицинского применения» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2017 № 45112) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 09.01.2017.

10 Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 N 80 «Об утверждении Правил надлежащей дистрибьюторской практики в рамках Евразийского экономического союза» // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>, 21.11.2016

11 Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2019 № 19АП-9590/2018 по делу № А36-9505/2018 [Электронный ресурс] // Доступ из системы КонсультантПлюс (дата обращения: 14.12.2023).

ПОЛИКАРПОВ Денис Игоревич

старший преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России

ХАЛИТОВ Олег Фирузович

старший преподаватель кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России

НАУМОВ Сергей Иванович

старший преподаватель кафедры психологии и педагогики Нижегородской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗА НАРУШЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПИРОТЕХНИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ

В статье рассмотрены вопросы реализации административного законодательства в сфере применения пиротехнических изделий в рамках существующих региональных ограничений. Определены подходы к проявлению признаков «мелкого хулиганства» в событиях, сопровождающихся использованием (применением) гражданами и организациями пиротехнических изделий в период действия ограничений. Общественные отношения в данной области правовых знаний затрагивают не только состояние «нормальной» жизнедеятельности общества, но и пребывание в особых условиях, требующих спокойствия и исключения соотнесения пиротехнических изделий с применением вооружения. С момента проведения специальной военной операции (СВО) многие региональные власти и муниципалитеты отказываются от использования пиротехники в период массовых, общегосударственных и региональных мероприятий. К нарушителям указанных ограничений необходимо применять меры воздействия. При принятии решения о привлечении граждан к административной ответственности необходимо использовать юридический подход к определению критериев возникновения события административного правонарушения, предполагающий соотнесение квалифицирующих признаков с разделом кодифицированного акта, исходя из затрагиваемой сферы общественных интересов.

Ключевые слова: административное законодательство, использование пиротехнических изделий, признаки «мелкого хулиганства», региональные ограничения использования пиротехники.

POLIKARPOV Denis Igorevich

senior lecturer of Administrative law sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

KHALITOV Oleg Firuzovich

senior lecturer of Pedagogy and psychology in the activities of employees of the department of internal affairs sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

NAUMOV Sergey Ivanovich

senior lecturer of Psychology and pedagogy sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE LEGISLATION FOR VIOLATIONS OF THE USE OF PYROTECHNIC PRODUCTS

The article discusses the implementation of administrative legislation in the field of pyrotechnic products within the framework of existing regional restrictions. The approaches to the manifestation of signs of "petty hooliganism" in events accompanied by the use (application) of pyrotechnic products by citizens and organizations during the period of restrictions are determined. Public relations in this area of legal knowledge affect not only the state of "normal" life of society, but also staying in special conditions that require calmness and exclusion of correlation of pyrotechnic products with the use of weapons. Since the special military operation (SVO), many regional authorities and municipalities have refused to use pyrotechnics during mass, national and regional events. It is necessary to apply measures of influence to violators of these restrictions. When making a decision on bringing citizens to administrative responsibility, it is necessary to use a legal approach to determining the criteria for the occurrence of an administrative offense event, involving the correlation of qualifying features with a section of the codified act, based on the affected area of public interest.

Keywords: administrative legislation, the use of pyrotechnic products, signs of "petty hooliganism", regional restrictions on the use of pyrotechnics.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью формирования правового просвещения граждан, целью которого является соблюдение законодательства в сфере применения пиротехники. Общественные отношения в данной области правовых знаний затрагивают не только состояние «нормальной» жизнедеятельности общества, но и пребывание в особых условиях, требующих спокойствия и исключения соотнесения пиротехнических изделий с применением вооружения. Нравственный аспект данной стороны также является определяющим в необходимости акцентировать внимание общества не только на значимых событиях государства, памятных датах и традициях, но и способности

рефлектировать о сопричастности с трудностями, испытываемыми частью общества в связи с проведением боевых действий.

Практическая значимость отражает возможности применения регионального и федерального законодательства в сфере контроля за оборотом пиротехнических изделий. Квалификация деяний, связанных с использованием пиротехнических изделий, в ряде случаев, требует разъяснения о законности применяемых мер государственного реагирования.

Вопросами реализации административного федерального и регионального законодательства, в том числе за нарушения оборота пиротехнических изделий, задавались

российские ученые, применяя репрезентативные подходы к определению места административной ответственности в системе общественно-правовых отношений. Так, Т. Н. Назаренко и А. В. Руденко, применяя принцип «правовой определенности», постулируют прогностическую функцию права¹. В работах Я. В. Васильевой отражены возможности участия сотрудников полиции в реализации регионального законодательства по соблюдению тишины и покоя граждан от воздействия пиротехники [2]. Острые вопросы защиты прав и законных интересов граждан, а также меры уголовной ответственности за нарушения правил противопожарного режима поднимаются в работах В. М. Алиева [1].

В настоящей работе акцент сделан на использовании пиротехнических изделий. То есть на применении в ходе праздничных мероприятий, в обыденной жизни общества. Вопросы изготовления, реализации, хранения, пересылки требуют дополнительного исследования.

Российским законодательством установлена административная ответственность за нарушения правил производства, продажи, хранения, уничтожения, учёта, пересылки пиротехнических изделий 4 и 5 классов.² Данные составы могут являться «смежными» с уголовным законодательством в случаях причинения вреда здоровью или смерти.³

Пиротехническими изделиями согласно «Техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности пиротехнических изделий»», являются изделия, предназначенные для получения эффекта горения или взрыва пиротехнического состава компонентов, обладающие способностью к самостоятельному горению или горению с участием окружающей среды, генерирующие в процессе горения газообразные и конденсированные продукты, тепловую, световую и механическую энергию и создающие оптические, электрические, барические (воздействие давления) и иные специальные эффекты.

В зависимости от свойств пиротехнических составов и характера процессов, протекающих при их химических превращениях, пиротехнические изделия подразделяются на:

- пожароопасные,
- взрывоопасные.

По назначению пиротехнические изделия подразделяются на:

- бытового назначения
- технического назначения.⁴

Как указано выше, особому вниманию подлежит оборот изделий 4 и 5 классов. В зависимости от классов пиротехнические изделия по степени опасности подразделяются на:

I класс – пиротехнические изделия, у которых значение кинетической энергии движения составляет не более 0,5 Дж, отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 0,25 м от пиротехнических изделий не превышает 125 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 0,5 м;

II класс – пиротехнические изделия, у которых значение кинетической энергии движения составляет не более 5 Дж, отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 2,5 м от пиротехнических изделий не превышает 140 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 5 м;

III класс – пиротехнические изделия, у которых значение кинетической энергии при направленном движении составляет более 5 Дж, при ненаправленном движении – не более 20 Дж, отсутствуют ударная волна и разлетающиеся за пределы опасной зоны осколки, акустическое излучение на расстоянии 5 м от пиротехнических изделий не превышает 140 дБ и радиус опасной зоны по остальным факторам составляет не более 30 м для III класса и не более 20 м для подкласса IIIа;

IV класс – пиротехнические изделия, у которых отсутствует ударная волна, и радиус опасной зоны хотя бы по одному из остальных факторов составляет более 30 м;

V класс – прочие пиротехнические изделия, не вошедшие в I – IV классы.

Использование более мощных пиротехнических изделий регулируется лицензионным⁵ и разрешительным производствами. Также согласительные процедуры затрагивают безопасное (противопожарное) использование пиротехнических изделий при массовых мероприятиях (салют) и использовании (более 50 метров) воздушного пространства. За нарушение правил использования воздушного пространства предусмотрена административная и уголовная ответственность, предусмотренная ст. 11.4 КоАП РФ и ст. 271.1 УК РФ соответственно⁶.

Также необходимым условием применения пиротехнических изделий 4 и 5 классов является согласование с Госпожнадзором МЧС России. Должны быть реализованы дополнительные инженерно-технические мероприятия, при выполнении которых возможно проведение фейерверка с учетом требований инструкции на применяемые пиротехнические изделия. Они должны включать схему местности с нанесением на ней пунктов размещения фейерверочных изделий, предусматривать безопасные расстояния до зданий, сооружений с указанием границ безопасной зоны, а также места хранения пиротехнической продукции и ее утилизации.⁷

Кроме того, указом Президента от 17.12.2011 № 1661 ряд пиротехнических изделий отнесен к товарам «двойного» назначения для изготовления оружия, взрывных устройств.⁸

1 Назаренко Т. Н. Принцип «правовой определенности» и его применение судами общей юрисдикции Российской Федерации // Управление судебного департамента по Смоленской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usd.sml.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=9 (дата обращения: 15.01.2024).

2 Ст. 20.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

3 Ст. 218 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

4 Решение Комиссии Таможенного союза от 16.08.2011 № 770 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пиротехнических изделий» // Библиотека инженера по охране труда. – № 12. – 2011 (окончание).

5 Постановление Правительства РФ от 23 декабря 2021 г. № 2416 «Об утверждении Положения о лицензировании разработки, производства, испытания, хранения, реализации (в том числе распространения), утилизации пиротехнических изделий IV и V классов в соответствии с национальным стандартом, применения пиротехнических изделий IV и V классов в соответствии с техническим регламентом (за исключением указанной деятельности, осуществляемой воинскими частями и организациями Вооруженных Сил Российской Федерации и войск национальной гвардии Российской Федерации, в случае, если осуществление указанной деятельности предусмотрено их учредительными документами)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

6 П. 56 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.03.2010. № 138 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

7 Постановление Правительства РФ от 16.09.2020 № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

8 Указ Президента РФ от 17.12.2011 № 1661 «Об утверждении Списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный кон-

С момента проведения специальной военной операции (СВО) многие региональные власти и муниципалитеты отказываются от использования пиротехники в период массовых, общегосударственных и региональных мероприятий. Это связано, в первую очередь, с необходимостью сопричастности с событиями, происходящими в государстве, когда увеселительные мероприятия не отражают истинных чаяний большинства членов общества и устанавливают «негласное вето» на демонстрацию эпикурейского образа жизни во время тяжёлых испытаний частью населения России, отстаивающей мир в отдельных регионах Российской Федерации, подвергающийся преступным атакам мирных целей со стороны сопредельного государства. Во-вторых, целями данных мероприятий должна быть консолидация общества вокруг имеющихся целей. Современные условия экономики, простояющие санкционному давлению, полагают сбережение и эффективному использованию, перераспределение бюджетных средств. Расходование средств на пиротехнику в данных условиях полагается нерациональным.

Информация об обстрелах мирных населённых пунктов, предъявляет новые требования к безопасности не только военных, но и «гражданских» объектов. В этих условиях любой «хлопок» может быть расценен гражданами как последствия возможной атаки и вызвать определённые негативные (панические) настроения в обществе. Наиболее подвержены таким инсинуациям впечатлительные люди, в большинстве своём не имеющие военной подготовки. Обеспечение спокойствия граждан возлагается на все структуры государственной и региональной власти. В рамках предоставленных полномочий, регулирование использование пиротехнических изделий региональными властями возможно по территориальному и временному принципам⁹.

В качестве примера можно привести указ Губернатора Ростовской области от 22 ноября 2023 № 105¹⁰, который ввёл с 01.12.2023 г. по 01.03.2024 на территории Ростовской области ограничение на использование (применение) гражданами и организациями пиротехнических изделий, за исключением пиротехнических изделий, соответствующих I классу опасности по техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности пиротехнических изделий» (хлопушки, бенгальские огни, фонтаны холодного огня). При этом вопросы реализации данных изделий указом затронуты не были.

Возникает вопрос о привлечении нарушителей установленных ограничений, основанных на распоряжениях региональных властей. После вступления в силу указа Губернатора Ростовской области, ряд региональных средств массовой информации разместили заметки (посты) и сюжеты об ответственности за использование пиротехнических изделий в указанный период как «мелкое хулиганство» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, со ссылкой на разъяснения Управления ГО и ЧС города Ростова-на-Дону¹¹.

троль» // Собрание законодательства РФ. – 26.12.2011. – № 52. – Ст. 7563.

9 Пункт 3 Указа Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

10 Официальный портал Правительства Ростовской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.donland.ru/documents/18536/> (дата обращения: 23.01.2024).

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://don24.ru/rubric/obschestvo/shtrafy-arrest-i-ugolovnoe-delo-rostovchanam-napomnili-ob-otvetstvennosti-za-zapusk-fejerverkov.html> @ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bloknotrostov.ru/news/v-rostovskoy-oblasti-ispolzovanie-pirotekhniki-gro-1675778> @ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://161.ru/text/gorod/2023/12/11/73006448/> @ <https://www.rostov.kp.ru/online/news/5571013/> @ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rostov.tsargrad.tv/news/v-rostovskoj-oblasti-nachali-shtrafovat-za-zapusk-fejerverkov_925929 (дата обращения: 23.01.2024).

Зачастую необходимость срочного принятия мер показательного реагирования вступает в противоречия с принципами административного законодательства, как федерального, так и регионального. Комментирование тех или иных полномочий, возложенных на полицию иными ведомствами, может ввести в заблуждение граждан и негативно отразиться в противоречии ожидаемых и реально применяемых полицией мер.

Если применять подход к определению нарушения спокойствия граждан с точки зрения признаков «мелкого хулиганства», необходимо указать, что таковыми в соответствии со ст. 20.1 КоАП РФ являются:

явное неуважение к обществу, которое, исходя из практики, приобретает самостоятельный квалифицирующий признак;

адресная или высказанная в присутствии других граждан нецензурная брань;

назойливое приставание к гражданам, выраженное в хватании за конечности, элементы одежды, преграждении пути следования;

повреждение имущества из хулиганских побуждений.

Применительно к использованию пиротехники перечисленные признаки имеют опосредованное значение. Сама принадлежность состава хулиганства как нарушения, направленного против общественного порядка, возможно, указывает на принадлежность события к общественному месту, пренебрежение установленным в обществе правилам поведения и морали. В диспозиции статьи 20.1 КоАП РФ такое поведение очерчено образом не приемлющем вариативную интерпретацию.

Принадлежность к общественному месту составов главы 20 КоАП РФ является аксиомальным. Примером тому служат составы ст. 20.25 КоАП РФ «Уклонение от административного наказания», ст. 20.22 КоАП РФ «Нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ»¹².

Единственно возможным признаком использования пиротехники из хулиганских побуждений является явное неуважение к обществу и только при наступлении определённых (непреложных) условий.

Ответ на вопрос: «Является ли признаком мелкого хулиганства использование пиротехнических изделий в нарушение региональных запретов?» – лежит в плоскости защиты общественных интересов от воздействия негативных факторов на спокойствие граждан.

Критерий спокойствия мы не находим в определяющих состав признаков мелкого хулиганства. Единственно возможным признаком может выступать «явное неуважение к обществу». Такой подход выводит решение задачи: определить является ли такое поведение явным, то есть нацелено на противопоставление одного индивида другим членам общества, демонстрация превосходства в уничижительной форме, сопровождающейся воспроизводством громких звуков, задымления, световых эффектов. Применить критерий «явности» возможно с позиции демонстрации своей исключительности при действующих запретах. Попирая общественные устои, человек применяющий пиротехнику для развлечения, должен преследовать вызов негативной реакции на свои действия.

Таким образом, выражая мнение учёных В. В. Альхименко, Н. Г. Салищевой [6], А. А. Гришковец, В. П. Уманской [8] изучающих состояние баланса частных и публичных инте-

12 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС Гарант.

ресов, человек, применяющий пиротехнические изделия на территориях и в периодах действия региональных запретов на такое применение, не считается с мнением большинства проживающих на данной территории граждан, чем обеспечивает возрастание «социальной вредности» [3].

В этой связи необходимым условием такого противопоставления частных и публичных интересов является верифицируемая оценка мнения большинства граждан, для определения контекста деяния индивида. В ходе опроса общественного мнения на установление запретов на использование пиротехнических изделий на определённых территориях или в определённый временной промежуток, указывает на волю активного электората [4]. Следуя демократическим принципам, человек обязан подчиниться воли большинства граждан и отказаться от действий ей противоречащей.

Таким образом, чтобы квалифицировать использование пиротехнических изделий в описываемых условиях, необходимо, как минимум, провести опрос граждан, который бы продемонстрировал общее мнение о состоянии общественного порядка без использования пиротехники. Субъект, который игнорирует волю большинства жителей такого муниципального образования (субъекта), выказывает явное неуважение к обществу.

Вместе с тем, практика привлечения к административной ответственности за неправомерное использование пиротехнических изделий сложилась в сфере обеспечения противопожарного режима и сохранения тишины и покоя граждан.

До проведения специальной военной операции (СВО) по защите освобождённых территорий и в настоящее время сотрудниками противопожарной службы выявляются факты использования пиротехники в не отведённых для этого местах¹³. Правонарушители привлекаются по статье 20.4 КоАП РФ за нарушения требований пожарной безопасности.

В случае запуска фейерверков и петард в ночное время суток, сотрудниками органов внутренних дел реализуются положения регионального законодательства об административных правонарушениях в части соблюдения тишины и покоя граждан. В Ростовской области установлены ограничения на использование пиротехнических изделий, в том числе устройства фейерверков с 23.00 часов до 7.00 часов следующего дня (в выходные и праздничные нерабочие дни – с 23.00 часов до 8.00 часов следующего дня)¹⁴. В отсутствие соглашения между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Ростовской области о передаче Министерству внутренних дел Российской Федерации части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях¹⁵, сотрудниками полиции принимаются меры к пресечению данного правонарушения, сбору материала проверки, указывающего на событие правонарушения (показания, объяснения, рапорт, копии до-

кументов, фототаблица) и направляются в муниципальную административную комиссию для составления протокола об административном правонарушении и принятии мер к привлечению к административной ответственности в виде административного штрафа.

Сотрудники полиции лишены возможности эффективно воздействовать на лиц, допускающих запуск фейерверков, взрывы петард (от 2 класса и выше) в рамках действующего законодательства об административных правонарушениях. Зачастую, при выявлении фактов использования пиротехники в нарушение регионального законодательства, граждане обращаются именно в органы внутренних дел, которые реагируют на сообщения во взаимодействии с МЧС России и муниципалитетами.

Делая вывод, необходимо отметить, что при принятии решения о привлечении граждан к административной ответственности, необходимо использовать юридический подход к определению критериев возникновения события административного правонарушения, соотнести данное событие с признаками правонарушения, определив сферу затрагиваемых общественных интересов. На основании проведённого анализа необходимо давать квалификацию деянию, основываясь на принципах законности, взаимной ответственности государства и личности.

В целях противодействия незаконному использованию пиротехнических изделий следует обеспечить тесное взаимодействие с заинтересованными службами и ведомствами государственной и муниципальной власти, принимать системные меры к правовому просвещению населения в целях профилактики административных правонарушений.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев В. М. Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. – 2017. – № 20. – С. 26-31.
2. Васильева Я. В. Совершенствование законодательства субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях (по материалам Северо-Западного федерального округа). – М.: Юриспруденция, 2018. – 192 с.
3. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 420.
4. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / Под ред. А. И. Казаника, А. Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 2. – 528 с.
5. Липинский Д. А., Чукова Е. В. Процессуальное правонарушение: понятие и признаки // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 4. – С. 39-61.
6. Публичный интерес в административном праве / Под общ. ред.: докт. юрид. наук, проф. С. В. Запольского, канд. юрид. наук, проф. Н. Г. Салищевой, канд. юрид. наук, проф., засл. юриста РФ В. В. Альхименко. – М.: Инст. гос. и права РАН, Академический правовой институт, 2015. – С. 198.
7. Руденко А. В. Соблюдение правовой определенности в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в решениях Верховного Суда Российской Федерации // Lex russica. – 2018. – № 6. – С. 72-81.
8. Уманская В. П. Баланс публичных и частных интересов в административном праве // Власть Закона. – 2017. – № 1. – С. 69-79.

13 Постановление Правительства РО от 05.07.2012 № 602 «О реализации мер пожарной безопасности в Ростовской области» (вместе с «Положением об организации выполнения и осуществления мер пожарной безопасности для органов исполнительной власти Ростовской области, государственных организаций и земельных участков, находящихся в государственной собственности Ростовской области», «Положением об организации обучения населения Ростовской области мерам пожарной безопасности», «Положением о системах электрической защиты от пожароопасных режимов в электрических сетях жилых и общественных зданий») // опубликовано на Официальном интернет-портале правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.01.2024).

14 Областной закон Ростовской области от 25.10.2002 № 273-ЗС «Об административных правонарушениях» (принят ЗС РО 08.10.2002) // Наше время. – № 214 – 215. – 31.10.2002.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://дпд.мвд.рф/документы/соглашения-между-мвд-россии-и-органами-и>. (дата обращения: 25.01.2024).

ТАРАБОРИН Роман Сергеевич

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ТЕПЛЯКОВ Игорь Игоревич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ХВАСТУНОВ Константин Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

В представленном исследовании раскрываются нормативные и доктринальные характеристики прав военнослужащих как особой категории государственных служащих в Российской Федерации на современном этапе государственного строительства. Обобщаются взгляды современных исследователей публичного права на содержание категории «права военнослужащих», их виды и классификации. Приводится авторская классификация прав военнослужащих в Российской Федерации с разделением на общие и специальные права. В заключении отмечается, что в настоящее время в механизме правового регулирования данных прав военнослужащих содержатся определенные дефекты (например, связанные с обеспечением принципа справедливости при оплате труда военнослужащих, при назначении пенсии по выслуге лет, в реализации права на жилище и т.д.).

Ключевые слова: военнослужащие, права, обязанности, правовой статус, Вооруженные Силы Российской Федерации, законодательство, гарантии.

TARABORIN Roman Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Public law sub-faculty of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

TEPLYAKOV Igor Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public law sub-faculty of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

KHVASTUNOV Konstantin Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Public law sub-faculty of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

CHARACTERISTICS OF THE RIGHTS OF MILITARY PERSONNEL IN THE RUSSIAN FEDERATION AT THE PRESENT STAGE OF STATE CONSTRUCTION

The presented study reveals the normative and doctrinal characteristics of the rights of military personnel as a special category of civil servants in the Russian Federation at the present stage of state construction. The views of modern public law researchers on the content of the category "military rights", their types and classifications are summarized. The author's classification of the rights of military personnel in the Russian Federation is given, divided into general and special rights. In conclusion, it is noted that currently the mechanism for legal regulation of these rights of military personnel contains certain defects (for example, related to ensuring the principle of fairness in the payment of military personnel, in the assignment of long-service pensions, in the implementation of the right to housing, etc.).

Keywords: military personnel, rights, obligations, legal status, Armed Forces of the Russian Federation, legislation, guarantees.

Особенности правового статуса военнослужащих непосредственно затрагивают его существенные элементы, прежде всего – права и обязанности.

Вместе с тем, следует отметить, что комплексный характер правового статуса военнослужащего определяет сложную структуру его прав и свобод, требующих определенной классификации.

Современными исследователями отмечается, что права военнослужащих можно подразделить на общие и специальные

[1, с. 96], которые, в свою очередь, также подразделяются на несколько групп.

Прежде всего, следует дать характеристику общим правам военнослужащих, которые можно отнести к группе гражданских прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации. К таким правам следует отнести право на защиту свободы, чести и достоинства, на передвижение и выбор места жительства, свободу слова, право на участие в собраниях и иных публичных мероприятиях, свободу совести.

Тараборин Р. С.

Тепляков И. И.

Хвастунов К. В.

Анализируя данную группу прав, следует отметить, что для военнослужащих характерна определенная специфика их реализации.

В частности, федеральный закон «О статусе военнослужащих» закрепляет, что военнослужащие находятся под защитой государства. Посылаемость на жизнь и здоровье военнослужащих, а также иные действия, посягающие на их права, образуют специальные составы правонарушений, за которые устанавливается соответствующая ответственность. При этом, в случае задержания военнослужащего, незамедлительно должны быть уведомлены органы военного управления, следствия и прокуратуры.

При реализации свободы слова военнослужащие должны воздерживаться от распространения информации, позволяющей определить предназначение военнослужащих, о своей профессиональной деятельности и деятельности других военнослужащих, а также от разглашения государственной тайны и обсуждения или критики приказов командира.

В части реализации свободы совести военнослужащие имеют право участвовать в религиозных обрядах как частные лица. Религиозные убеждения не являются основанием освобождения от военной службы, а создание религиозных объединений в воинских подразделениях не допускается.

Таким образом, при реализации личных конституционных прав, военнослужащие терпят определенные ограничения. Они устанавливаются либо в целях защиты государственной и военной тайны, либо в целях соблюдения принципов организации Вооруженных Сил Российской Федерации и иных воинских формирований, поддержания в них надлежащего порядка и воинской дисциплины.

Следующую группу конституционных прав и свобод составляют социально-экономические. Ключевым среди них следует признать право военнослужащих на труд. Именно осуществление трудовой профессиональной деятельности по контракту о прохождении военной службы, согласно законодательству, предоставляет ряд гарантий¹:

- профессионального роста (назначение на высшие воинские должности);
 - социальные гарантии (увеличение размера социальных компенсаций с учетом продолжительности военной службы);
 - социальные гарантии супругам (преимущественное право на поступление на работу в государственные организации, зачет временного периода проживания с супругом в общий трудовой стаж в установленных законодательством случаях).
- Также именно из реализации права на труд выделяется ряд иных сопутствующих ему конституционных прав военнослужащих [2, с. 15]:
- право на денежное довольствие за реализацию функций в рамках профессиональной служебной деятельности;
 - право на социальное обеспечение, возникающее в рамках обстоятельств, обусловленных причинением вреда здоровью или жизни военнослужащего в следствие осуществления им профессиональной служебной деятельности;
 - право на пенсию по выслуге лет и иные виды пенсий, предусмотренные федеральным законодательством;
 - право на обеспечение жилыми помещениями, компенсацию за найм жилого помещения;
 - право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

В части реализации права на вознаграждение военнослужащих законодатель исходит из двух базовых принципов: с одной стороны, это принцип равной оплаты труда военнослужащих (занимающих равные воинские должности и равных по иным элементам правового статуса военнослужащих). С другой стороны – дифференцирования вознаграждения, исходя из следующих существенных факторов:

- должностное положение (рядовой/сержант/офицер и т.д.);
- служебный опыт (профессиональная квалификация и выслуга лет);
- специфика профессиональной деятельности (принадлежность к виду и роду войск, наличие военно-учетной специальности, допуска к государственной тайне и т.д.);
- ведомственная принадлежность (Министерство обороны, Росгвардия, ФСБ, СВР и т.д.);
- условия прохождения военной службы (совокупность физико-географических², социально-экономических, политиче-

ских факторов, определяющих степень опасности для жизни и здоровья военнослужащих).

Анализируя дефекты в правовом регулировании порядка определения денежного вознаграждения военнослужащих, И. В. Печенев отмечает следующее: «Ключевой проблемой реализации рассматриваемого права современные исследователи видят в «ведомственной привилегированности» в оплате труда военнослужащим по контракту» [2, с. 17]. В рамках законодательных положений данная своеобразная «привилегированность» распространялась на военнослужащих в составе Прокуратуры Российской Федерации и Следственного Комитета Российской Федерации. Вместе с тем, дифференциация по данному вопросу также фактически закрепляется и на уровне подзаконных актов. Например, на уровне правовых актов Правительства Российской Федерации фиксируется разграничение в размерах окладов военнослужащих в зависимости от федерального органа исполнительной власти, в котором осуществляется прохождение военной службы. В частности, размеры окладов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации уступают в размере аналогичным базовым выплатам в Федеральной службе охраны Российской Федерации, Службе внешней разведки Российской Федерации, Главном управлении специальных программ Президента Российской Федерации и Федеральной службе безопасности Российской Федерации. Таким образом, складывается ситуация, при которой характеристика специальных выплат, определяемых как «за особые условия военной службы», в виду наличия так называемой ведомственной специфики несения службы фактически нивелируется, так как расчёт размеров указанных выплат осуществляется на изначально дифференцированные оклады, являющиеся базой для расчета иных дополнительных выплат [3, с. 170].

Уже на протяжении достаточно длительного периода времени достаточно острую дискуссию порождает вопрос о правовом регулировании пенсионного обеспечения военнослужащих. Ключевой предпосылкой данной ситуации являлся нормативно установленный порядок расчета военной пенсии по выслуге лет накопительного характера. При этом указанный механизм не учитывал целый ряд надбавок, за исключением надбавок за выслугу лет и воинское звание, но которые составляли около 70 % размера итогового денежного довольствия военнослужащего [4, с. 180]. Таким образом, механизм исчисления пенсионного обеспечения для военнослужащих фактически определил для военных пенсионеров ухудшение условий в части денежных выплат, не только по сравнению с действующим составом военнослужащих, но и с лицами, получающими пенсию по выслуге лет после прохождения государственной гражданской службы, в виду того, что для последней категории государственных служащих при расчете пенсионного обеспечения учитываются, не только базовые, но и дополнительные виды выплат по денежному содержанию государственного гражданского служащего.

Действующий порядок определения размера пенсионного обеспечения военнослужащих определенным образом нивелировал разрыв в размере выплат между действующими и отставными военнослужащими, но не решил вышеуказанную проблему окончательно. Примечательно, что в действующем механизме определения размера пенсионного обеспечения военнослужащих продолжает действовать понижающий коэффициент, определяющий предел размера пенсионного обеспечения в размере не более 85% денежного содержания, действующего военнослужащего. Данный факт может являться отправной точкой для продолжения дискуссии о наличии дефекта дискриминации военных пенсионеров в сравнении с иными категориями граждан, получающих пенсию по выслуге лет, включая, как бывших государственных гражданских служащих, так и иных лиц со специальным правовым статусом, например, военные судьи в почетной отставке, так как для вышеперечисленных категорий лиц применение никаких понижающих коэффициентов не предусмотрено. Верным в данной ситуации представляется не устанавливать понижающий коэффициент,

рядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» // *Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации*. 1993. № 40. Ст. 3753.

1 Ст. 10 Федерального закона от 27.05.1998 (ред. от 25.12.2023) № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998. № 22. Ст. 2331.

2 Приложения № 1-3 к Постановлению Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 (ред. от 04.07.2023) № 941 «О по-

а обеспечить равный механизм расчета пенсии для бывших военнослужащих с возможностью установления не понижения, а наоборот, доплат специального характера (например, ведомственного).

Следующим существенным правом военнослужащего является право на жилище. В соответствии с требованиями законодательства военнослужащим, заключившим контракт на прохождение службы, и совместно проживающим с ним членам семьи в течение трех месяцев предоставляется служебное жилье. При этом военнослужащие, заключившие первый контракт после 1 января 1998 г., обеспечиваются служебным жильем на весь срок военной службы³. Помимо этого, военнослужащим по контракту могут быть предоставлены иные формы улучшения жилищных условий: предоставление жилищной субсидии, получение земельного участка для строительства индивидуально-жилого дома, иные формы улучшения жилищных условий в соответствии с законодательством.

С одной стороны, расширение форм улучшения жилищных условий должно содействовать эффективному праву реализации военнослужащих на жилище, с другой стороны, исследователями данного вопроса отмечаются определенные дефекты данной системы: «главным недостатком накопительно-ипотечной системы (НИС) является то, что государство свои обязательства перед военнослужащими в жилищной сфере из формы непосредственного предоставления квартиры перевело в денежную форму, и впервые проблема обеспечения военнослужащих жильем решается без учета интересов членов их семей» [5, с. 108].

Наконец, важное место в системе общих прав военнослужащих занимает право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Обязанность о сохранении здоровья военнослужащих возлагается на командиров. Они обязаны обеспечивать и контролировать соблюдение мер безопасности во время мероприятий по боевой подготовке, эксплуатации вооружения и военной техники, исполнении иных воинских обязанностей.

В свою очередь, военнослужащие имеют право на получение различных медицинских услуг на бесплатной основе в соответствующих военно-медицинских подразделениях и организациях, а при их отсутствии по месту службы – в гражданских государственных и муниципальных медицинских учреждениях. Также право на пользование услугами военно-медицинских организаций имеют члены семей офицеров (супруг, несовершеннолетние дети, дети, ставшие инвалидами в возрасте до 18 лет, дети в возрасте до 23 лет, обучающиеся в образовательных организациях по очной форме обучения)⁴. Следует отметить, что для военнослужащих предусмотрены специальные права в части медицинского обслуживания. Например, после выполнения задач, неблагоприятно отразившихся на состоянии здоровья, военнослужащий имеет право на бесплатную медико-психологическую реабилитацию, продолжительностью до 30 суток. Данный перечень прав в сфере медицинской помощи позволяет сделать вывод о закреплении в законодательстве специально режима охраны здоровья военнослужащих [6, с. 187].

Далее следует дать характеристику специальным правам военнослужащих. Они непосредственно следуют из особенностей правового статуса военнослужащих как лиц уполномоченных на оборону государства и общества, закрепляются в специальном блоке федеральных законов (о воинской обязанности и военной службе, о статусе военнослужащих) и подзаконных актах (общевойсковые уставы Вооруженных сил Российской Федерации).

В результате, в данной группе прав военнослужащих можно выделить должностные права для всех военнослужащих, основанные на их общем правовом статусе, но дифференцируемые по занимаемой должности (командира общего воинского подразделения (полка, батальона), подразделения разведки, связи, старшины, солдата и т.д.), которые закрепляются соответствующими подзаконными актами.

Вторую подгруппу составляют специальные права военнослужащих. Как правило, они носят временный характер и реализуются в экстраординарных обстоятельствах. Например, это права на предъявление требований, обязательных для исполнения, применение силы, оружия. Они закрепляются в ве-

домственных подзаконных актах, а в отдельных случаях – в федеральных законах⁵.

Итак, права и свободы военнослужащих составляют одну из основ их правового статуса. На основе анализа законодательства и доктринальных положений по исследуемому вопросу, права военнослужащих можно подразделить на две категории.

Первую категорию составляют общие конституционные (гражданские) права военнослужащих, гарантированные Конституцией Российской Федерации. Прежде всего к данной категории следует отнести группу личных конституционных прав, включая свободу передвижения, право на выбор места пребывания и жительства, право собираться мирно, без оружия и принимать участие в публичных мероприятиях, свободу совести, право на защиту чести и достоинства. Важное положение в данной группе также занимают социально-экономические права военнослужащих. Ключевыми среди них является право на труд и ряд иных сопутствующих ему конституционных прав военнослужащих:

- право на денежное довольствие за реализацию функций в рамках профессиональной служебной деятельности;
- право на социальное обеспечение, возникающее в рамках обстоятельств, обусловленных причинением вреда здоровью или жизни военнослужащего в следствие осуществления им профессиональной служебной деятельности;
- право на пенсию по выслуге лет и иные виды пенсий, предусмотренные федеральным законодательством;
- право на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Следует отметить, что в настоящее время в механизме правового регулирования данных прав военнослужащих содержатся определенные дефекты (например, связанные с обеспечением принципа справедливости при оплате труда военнослужащих, при назначении пенсии по выслуге лет, в реализации права на жилище и т.д.).

В специальной группе прав военнослужащих можно выделить должностные права, предоставляемые всем военнослужащим, основанные на их общем правовом статусе (закрепленном федеральным законодательством), но дифференцируемые по занимаемой должности и ведомственной принадлежности (закрепляются подзаконными актами, прежде всего – воинскими уставами).

Вторую подгруппу составляют специальные права военнослужащих, которые реализуются в экстраординарных обстоятельствах (на применение силы, оружия). Они закрепляются ведомственными актами, а также актами, устанавливающими особые правовые режимы (например, государственной границы).

Пристатейный библиографический список

1. Куценко А. А. Основы правового статуса военнослужащего // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 12. – С. 96-98.
2. Печенев И. В. О реализации конституционного принципа равенства в социально-экономических правах военнослужащих (обзор основных положений результатов авторского научного исследования) // Военное право. – 2012. – № 2. – С. 15-36.
3. Шурьгин В. И. Функции денежного довольствия военнослужащих органов государственной безопасности и факторы, его определяющие // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 2. – С. 169-171.
4. Карбина С. И. Сущность и специфика правового регулирования пенсионного обеспечения военнослужащих в Российской Федерации // Вестник магистратуры. – 2019. – № 4-2 (91). – С. 179-182.
5. Тишкин П. И. Реализация права военнослужащих на жилище // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 339. – С. 106-109.
6. Козырев Е. В. Регулирование прав военнослужащих на охрану здоровья и медицинскую помощь // Мировая наука. – 2020. – № 12 (45). – С. 186-189.

3 Ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 27.05.1998 (ред. от 25.12.2023) № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

4 Ст. 16 Федерального закона от 27.05.1998 (ред. от 25.12.2023) № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

5 Ст. 35-36 Закона Российской Федерации от 01.04.1993 (ред. от 29.05.2023) № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 17. Ст. 594.

ЕВСИКОВА Елена Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь, заслуженный юрист Республики Крым

БУЦ Сергей Борисович

преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УСМОТРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье сделана попытка проведения научного исследования теоретических аспектов и проблем правовой реализации правоотношений в сфере административного усмотрения в условиях цифровой трансформации. Авторами изучаются современные теоретические подходы ученых-административистов к пониманию категории «административное усмотрение» и раскрываются практические проблемы реализации административного усмотрения в условиях цифровизации. На основе проведенного анализа авторами выработаны предложения по усовершенствованию публичных правоотношений в сфере реализации административного усмотрения в условиях цифровизации.

Ключевые слова: административное усмотрение, пределы административного усмотрения, субъект публичной власти, цифровизация.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Honored lawyer of the Republic of Crimea

BUTS Sergey Borisovich

lecturer of Administrative and financial law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

ON THE ISSUE OF THE IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE DISCRETION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article attempts to conduct a scientific study of the theoretical aspects and problems of the legal implementation of legal relations in the field of administrative discretion in the context of digital transformation. The authors study modern theoretical approaches of administrative scientists to understanding the category of "administrative discretion" and reveal the practical problems of implementing administrative discretion in the context of digitalization. Based on the analysis, the authors have developed proposals for improving public legal relations in the field of administrative discretion in the context of digitalization.

Keywords: administrative discretion, limits of administrative discretion, subject of public authority, digitalization.

Евсикова Е. В.

Буц С. Б.

Вопросы теоретико-правового изучения и осмысления категории «административное усмотрение» сегодня, как никогда, актуальны и привлекают к себе внимание не только ученых-административистов, но и практиков.

Следует отметить, что в настоящее время не существует единого мнения относительно административного усмотрения. И возможно не будет, так как «усмотрение» предполагает наличие свободы выбора за должностным лицом или органом публичной власти при принятии определенного управленческого решения.

Усмотрение — это всегда проявление свободы. По мнению Шершеневича Г. Ф., усмотрение является в определенной степени «мерой свободы, предоставляемой субъекту для осуществления своего интереса» [1].

Вместе с тем Лазарев Б. М. и Тихомиров Ю. А. под усмотрением предлагают понимать определенную степень оперативной самостоятельности органа государства в принятии решения о том, вступать или не вступать в действие в том или ином случае, в выборе момента вступления в действие и наиболее целесообразного, по мнению органа, решения вопроса из нескольких допускаемых законом вариантов [2], [3].

Соловей Ю. П. под административным усмотрением понимает оценку фактических обстоятельств, основания (критерии) которой не закреплены в правовых нормах достаточно полно или конкретно, производимую органом государственного управления (должностным лицом) при выборе в пределах, допускаемых нормативными актами, оптимального варианта решения конкретного управленческого вопроса [4].

Вместе с тем административное усмотрение всегда характеризуется определенным выбором субъекта.

При этом административное усмотрение характеризует свободу выбора должностными лицами линии поведения в рамках, предоставленных им законом [5].

Кроме того, усмотрение напрямую зависит от уровня правосознания и правовой культуры того лица, которое связано с реализацией управленческих решений. А свобода выбора напрямую сопрягается с нерегулируемой правом областью социального управления — этикой. А именно, этикой поведения, этикой разработки и принятия управленческих решений. Это — моральная сфера, отчасти и косвенно испытывающая воздействие правового регулирования, поэтому единых форматов применения усмотрения в деятельности публичных органов власти и их должностных лиц нет [6].

Еще одним признаком административного усмотрения является его практическая целесообразность, что предполагает возможность принятия наиболее оптимального решения, в случаях, когда общественные отношения не урегулированы или законом предоставляются разные варианты решений, когда невозможно отразить и сформулировать в юридических нормах все многообразие общественных отношений, которые постоянно развиваются и изменяются.

При этом, субъект публичной власти всегда должен действовать в рамках своих полномочий, т.е. при разрешении конкретного дела исходить только из предусмотренных законом публичных полномочий и в рамках действующего законодательства принять или выбрать наиболее оптимальное для дан-

ной ситуации по его мнению решение, что предполагает такие особенности административного усмотрения, как: активное поведение субъекта публичной власти или его должностного лица (поскольку принятие определенного решения в конкретной ситуации предполагает совершение определенных действий активного характера субъектом публичной власти); административное усмотрение реализуется определенным кругом лиц (субъектами публичной власти и их должностными лицами), наделенными публичными полномочиями, которые обязаны действовать в рамках предоставленных им полномочий при реализации административного усмотрения; объем полномочий субъектов публичной власти ограничен законом (решение по конкретному делу путем административного усмотрения всегда ограничено рамками закона); административное усмотрение всегда осуществляется путем интеллектуальной волевой деятельности, которая предполагает выбор определенного варианта решения конкретной ситуации; свобода выбора варианта поведения при принятии решения субъектом публичной власти или его должностным лицом.

Так, Рудман М. Н., Валиева М. С. определяют административное усмотрение как способность субъекта публичной власти (государственных служащих и других лиц) осуществлять свои полномочия в рамках рассмотрения конкретного дела, используя аналитическую, интеллектуальную, правотворческую деятельность в пределах и способами, установленными законодательством, опираясь на принципы верховенства права, справедливости, благоразумия, оперативности, с последующим выбором оптимального решения в конкретном административном деле [7].

При этом важное значение имеет признак административного усмотрения как интеллектуальной деятельности по выбору определенного наиболее оптимального варианта поведения в пределах субъективного права.

В свою очередь, Соловей Ю. П. справедливо отмечает, что административное усмотрение характеризуется интеллектуальным аспектом, характеризующим информационную обусловленность решения, и волевым аспектом, характеризующим принятие решения или выбор варианта решения на основе внутренних побуждений и стремления к достижению конкретной цели [4].

Однако, в условиях цифровой трансформации, т.е. комплексного преобразования деятельности участников отрасли и органов исполнительной власти, связанное с переходом к новым бизнес-моделям, каналам коммуникаций, а также процессам и культуре, которые базируются на новых подходах к управлению данными с использованием цифровых технологий [8].

При этом анализ практики применения цифровых технологий в административном процессе позволяет констатировать изменение самой сущности правоприменительной деятельности: автоматизация процессов принятия властных решений меняет властное волеизъявление человека на машинное (искусственный интеллект) и порождает конкуренцию между технологизацией публичного управления и соблюдением принципов правового государства. Таким образом, социальная сущность публичного управления неизбежно ставит вопрос о пределах тотальной цифровизации управленческого процесса применительно к тем видам административного процесса, в которых затрагиваются права, свободы и законные интересы людей [9].

Как правило, административное усмотрение характеризуется человеческим фактором, поскольку принятие решения возлагается на должностные лица органов публичной власти.

Однако, в случае принятия решения «искусственным интеллектом» (машинной), т.е. при отсутствии интеллектуального и волевого аспекта административного усмотрения, морального и этического аспектов, т.е. человеческого фактора в рамках такой деятельности будет она оцениваться в качестве административного усмотрения или речь будет идти о новом виде усмотрения? Каковы будут пределы усмотрения в таком случае и как правильно их определить?

Как видится, эти вопросы стоят сегодня достаточно остро и нам нужно определиться с ответом на них, чтобы четко понимать возможно ли принятие решений в рамках административного усмотрения искусственным интеллектом, каковы пределы такой деятельности?

По нашему мнению, можно ответить, однозначно, нет, невозможно, поскольку в случае принятия решения искусственным интеллектом это уже не будет усмотрение, в силу отсутствия у искусственного интеллекта волевого компонента, морального и этического (даже при наличии признаков ин-

теллекта, хоть и искусственного), т.е. здесь уже никак не может быть свободы выбора.

При этом, с научной и практической точки зрения важно определить, как правильно формулировать в законе его пределы, и сформировать эффективный механизм контроля за применением административного усмотрения [5], поскольку административное усмотрение не должно отождествляться с произволом публичных органов и их должностных лиц. Оно должно иметь пределы, т.е. представлять собой свободу выбора органов публичной власти их должностных лиц в строго определенных законом рамках.

Поскольку, отсутствие определенных пределов (рамки или границ) создает повышенные риски нарушения предусмотренных законодательством прав, свобод, законных интересов физических и юридических лиц.

В противном случае решение, принятое за пределами компетенции, будет иметь характер произвола и бесконтрольности, что является нарушением принципов административного усмотрения. Отсутствие законодательных норм, которые бы регламентировали использование усмотрения, может привести к произвольному и ненадлежащему использованию полномочий государственными служащими. В то же время такая ситуация является предпосылкой злоупотребления административным усмотрением. Проявлениями злоупотребления могут быть недобросовестность, несоблюдение справедливости, игнорирование существенных фактических обстоятельств по делу, произвольное и неправильное использование предоставленной власти [7].

Таким образом, административное усмотрение представляет собой основанный на свободе выбора процесс умственной, интеллектуальной, волевой деятельности должностных лиц органов публичной власти в рамках предоставленных им законом полномочий, представляющую собой фактическую оценку обстоятельств, основания и критерии которой законом четко не определены, для выбора наиболее оптимального варианта решения конкретной управленческой ситуации (управленческого дела).

При этом, административное усмотрение, отличающееся интеллектуальным и волевым признаком ни в коем случае, не должно отдаваться «машине» или «искусственному интеллекту», которыми этими свойствами человеческой природы не обладает.

Пристатейный библиографический список

1. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М., 1995. – С. 35.
2. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления. – М.: Юрид. лит., 1972. – 280 с.
3. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972. – 288 с.
4. Соловей Ю. П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 1982. – 24 с.
5. Гирвиц А. В. Понятие, признаки и классификация административного усмотрения // Вестник Омской юридической академии. – 2014. – № 4 (25). – С. 32-35.
6. Щукина Т. В. Административное усмотрение и его проявление в административных процедурах: новые трансформации в условиях цифрового государства и информационного общества // Юридическая наука. – № 2. – С. 137-141.
7. Рудман М. Н., Валиева М. С. Проблемы определения пределов административного усмотрения государственных служащих // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 12-14 (39). – С. 135-138.
8. Евсикова Е. В. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // LegalTech: научные решения для профессиональной юридической деятельности: Сборник докладов IX Московского юридического форума в 4-х частях, Москва, 14-16 апреля 2022 года. Том Часть 2. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 50-52.
9. Крамер Урс, Мицкевич Людмила А., Васильева Анна Ф. 2019. «Электронные формы в административном процессе России и Германии». Вестник Санкт-Петербургского университета. Право 4: 756-780. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.410>.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-169-170

ЦЫГАНОВА Людмила Юрьевна

аспирант кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета, г. Иркутск

О ПРАВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется вопрос о наделении уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации правом обращаться с законодательной инициативой в законодательный орган «своего» субъекта Федерации. При проведении исследования использованы общенаучные, а также специально-юридические методы познания. Сделан вывод, что передача федеральным законодателем вопроса является ли уполномоченный по правам человека субъектом права законодательной инициативы в законодательном органе субъекта Федерации на уровень субъектового регулирования не является бесспорным решением. Поскольку совершенствование законодательства в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина является одним из направлений деятельности региональных уполномоченных по правам человека, вопрос о наделении их правом законодательной инициативы остается актуальным и требующим к себе внимания.

Ключевые слова: права и свободы, государственная правозащитная деятельность, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации, право законодательной инициативы, законодательный орган субъекта Российской Федерации

TSYGANOVA Lyudmila Yurjevna

postgraduate student, the Department of Constitutional and Administrative Law Baikal State University, Irkutsk

ON THE RIGHT OF LEGISLATIVE INITIATIVE OF THE HUMAN RIGHTS COMMISSIONERS IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the issue of granting human rights commissioners in the constituent entities of the Russian Federation the right to submit a legislative initiative to the legislative body of "their" constituent entity of the Federation. The research uses general scientific, as well as special legal methods of cognition. It is concluded that the transfer by the federal legislator of the question of whether the Commissioner for Human Rights is a subject of the right of legislative initiative in the legislative body of the subject of the Federation to the level of subject regulation is not an indisputable decision. Since the improvement of legislation in the field of protection of human and civil rights and freedoms is one of the activities of regional human rights commissioners, the issue of granting them the right to legislative initiative remains relevant and requires attention.

Keywords: protection of rights and freedoms, state human rights activities, the Commissioner for Human Rights in the subject of the Russian Federation, the right of legislative initiative, the legislative body of the subject of the Russian Federation.

Последние пять лет отмечены принятием федеральных законодательных актов, направленных на совершенствование организации и деятельности уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации (далее – уполномоченные), повышение эффективности их работы. Важнейшим из этих актов является закон об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации¹ (далее – Закон). Он впервые на федеральном уровне подробно установил единые основы для деятельности уполномоченных во всех субъектах Российской Федерации.

Вместе с тем Закон оставил региональному законодателю свободу усмотрения по целому ряду вопросов, что предполагает при определенной унификации и возможность сохранения специфики регионального регулирования.

Однако нельзя не отметить наличие в ряде случаев вопроса о том, насколько обоснована передача регулирования на региональный уровень.

Так, Закон не признает уполномоченных субъектами права законодательной инициативы в законодательном органе «своего» субъекта Федерации.

Право законодательной инициативы, в соответствии с Законом, может быть предоставлено уполномоченному конституцией (уставом) субъекта Федерации. Данная норма положительно соотносится с положениями иного федерального законодательного акта, устанавливающего на федеральном уровне перечень субъектов права законодательной инициативы в законодательном органе субъекта Федерации, с правом его дополнения региональным законодателем². Однако, тем не менее,

возникает вопрос об обоснованности передачи федеральным законодателем рассматриваемого регулирования на уровень субъекта Федерации.

Согласно статье 1 Закона уполномоченный способен в том числе восстановлению нарушенных прав, свобод человека и гражданина и совершенствованию законодательства «своего» субъекта Федерации в части защиты прав, свобод человека и гражданина.

Таким образом, такое направление деятельности региональных уполномоченных как способствовать совершенствованию законодательства закреплено нормативно. Непосредственно вопросы участия уполномоченных в этой деятельности регулируются статьей 13 Закона.

Наряду с уже рассмотренной нормой, передающей вопрос о наделении уполномоченного правом законодательной инициативы на региональный уровень, данная статья содержит и иное положение, в силу которого случае выявления в нормативных правовых актах субъекта Федерации недостатков, пробелов, которые, по мнению уполномоченного, влекут нарушение прав, свобод человека и гражданина, он вправе направить органам государственной власти субъекта Федерации, иным государственным органам субъекта Федерации, предложения по совершенствованию этих актов.

Таким образом, при отсутствии у уполномоченного права законодательной инициативы, его предложения по изменению законов и предложения по принятию новых законодательных актов должны пройти «сито», «фильтр» усмотрения того органа, субъекта законодательной инициативы, которому направлено соответствующее предложение. Как представляется, можно обозначить вопрос об обоснованности данного решения, поскольку законодательная процедура, сама по себе, предусматривает соответствующий порядок и необходимые «фильтры».

Цыганова Л. Ю.

1 Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2 Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ

В научной литературе ставился и ставится вопрос о наделении регионального уполномоченного правом законодательной инициативы.

Так, еще в 2006 году было отмечено, что это «всецело соответствует задачам его деятельности... Одной из таких задач является предупреждение возможных нарушений прав человека. Нередко проблема заключена в несовершенстве регионального законодательства» [1, с. 26]. Бесспорно, что по результатам рассмотрения обращений граждан, уполномоченным могут быть выявлены пробелы в правовом регулировании, нечеткие формулировки норм, влекущие их двоякое толкование, и просто противоречие нормы иным нормам более высокой юридической силы. Также, еще до принятия Закона в науке отмечалось, что решение о признании уполномоченных субъектами права законодательной инициативы «является объективной необходимостью, поскольку это позволит, во-первых, сократить путь следования предложений уполномоченных по совершенствованию законодательства; во-вторых, исключить из данного процесса посредников (так как определенное время омбудсмен тратит на убеждение субъектов законодательной инициативы внести изменения в закон, последние же могут и не поддержать эти предложения» [2, с. 41-42].

Принятие Закона не стало фактором, который разрешил вопрос. После принятия Закона вновь высказано мнение о необходимости его изменения и предоставления уполномоченным права законодательной инициативы на уровне федерального законодательного акта [3, с. 121].

По информации, изложенной в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации о деятельности за 2016 год, региональные уполномоченные предоставление им права законодательной инициативы обозначали как одну из возможных мер по регулированию их деятельности³.

Необходимо отметить, что по состоянию на 1 января 2017 года правом обращения с законодательной инициативой в законодательный орган субъекта Федерации обладали уполномоченные в 30 субъектах Российской Федерации [4, с. 12]. При проведении настоящего исследования автором с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс», официального интернет-портала правовой информации (pravo.gov.ru) был проведен мониторинг правового регулирования на предмет наделения уполномоченного конституцией (уставом) субъекта Федерации правом законодательной инициативы. Результаты этого мониторинга показали, что по состоянию на 1 февраля 2024 года такое право уполномоченному предоставлено в 33 субъектах Федерации. К примеру, к их числу относятся (назовем некоторые из них) Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Татарстан, Пермский край, Приморский край, Архангельская, Брянская, Волгоградская, Иркутская, Кемеровская, Кировская области, город Москва. Как следует из приведенных выше цифр, увеличение числа субъектов Федерации, в которых принято положительное решение, совсем не большое. Стоит отметить, что имеются субъекты Федерации, в которых рассматриваемое право было предоставлено уполномоченному, затем решение о его предоставлении было отменено (к примеру, такая ситуация в Саратовской области).

Уполномоченных в науке относят к субъектам правового мониторинга [5, с. 142]. При этом правовой мониторинг понимается «как методически обоснованная комплексная систематическая деятельность уполномоченных субъектов по наблюдению, анализу, оценке качества правовых норм и практики их применения на предмет достижения заложенных в них целей и планируемых результатов правового регулирования общественных отношений, а также по прогнозированию путей совершенствования нормотворческой и правоприменительной деятельности» [6, с. 9-10].

Обращение к одному из ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в Иркутской области и сайту законодательного органа Иркутской области позволяет привести следующую ситуацию, являющуюся, как представляется, фактически результатом такого мониторинга.

К Уполномоченному поступило обращение гражданина И., отца трех несовершеннолетних детей, с жалобой на невозможность реализовать право на региональную меру социальной поддержки. Он, как военнослужащий, проходил службу в Красноярском крае. В этот период в его семье воспитывалось

двое детей. Во время беременности жены третьим ребенком гражданину И. предложили продолжить службу в Иркутской области. Оставшись проживать в Красноярском крае, его семья при рождении третьего ребенка имела бы право на региональную меру социальной поддержки, переехав в г. Иркутск, граждане это право утратили, поскольку условием получения поддержки является факт проживания на территории Иркутской области не менее одного года до момента рождения третьего ребенка или последующих детей. Учитывая снижение показателей рождаемости в Иркутской области, Уполномоченным, наделенным Уставом области соответствующим правом, было принято решение обратиться в законодательный орган Иркутской области с законодательной инициативой о внесении в законодательный акт Иркутской области изменений, предусматривающих исключение названного условия как необходимого для предоставления меры социальной поддержки из положений закона⁴. Законопроект, внесенный Уполномоченным, получил поддержку, был принят в качестве закона, который действует в настоящее время⁵. Он дает возможность семьям в том числе, ожидающим рождения ребенка, приезжать в область на новую работу, для несения службы и просто жить.

Этот пример показывает, насколько взаимосвязаны два направления деятельности уполномоченного, рассмотрение жалобы и совершенствование законодательства. И как первое может стать импульсом для второго посредством реализации права законодательной инициативы в целях достижения социально значимого результата.

Наделение уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации правом законодательной инициативы в законодательном органе «своего» субъекта Федерации позволит им, как представляется, в полной мере реализовывать такое нормативно установленное для них направление деятельности как участие в совершенствовании законодательства, и соответственно, более эффективно осуществлять свою деятельность.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что вопрос о признании уполномоченных субъектами права законодательной инициативы в законодательном органе субъекта Федерации остается актуальным и имеет все основания оставаться в зоне внимания.

Пристатейный библиографический список

1. Буянкина Е. С. Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Челябинск, 2006. – 28 с.
2. Мархгейм М. В., Новикова А. Е. Формы и способы деятельности уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 5. – С. 38-42. – EDN KPAAGD.
3. Кулишенко Е. А. Конституционно-правовые трансформации института уполномоченного по правам человека в России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Белгород, 2021. – 181 с.
4. Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека - новый этап развития // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. – 2021. – № 10. – С. 9-16.
5. Зражевская Т. Д., Белоножкин В. И., Колобова Т. В. Методологические основы организации эффективной деятельности региональных уполномоченных по правам человека в современных условиях. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2020. – 208 с. – ISBN 978-5-392-31824-7. – EDN TZFYUC.
6. Иванова Л. А. Определение эффективности нормативных актов в процессе правового мониторинга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2011. – 25 с.

- 4 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Иркутской области за 2021 год // Уполномоченный по правам человека в Иркутской области: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upch38.ru/page/ombudsman_gubrics-258 (дата обращения: 08.12.2023). (с. 360-362).
- 5 Паспорт проекта закона № ПЗ-961 от 28 декабря 2021 года «О внесении изменений в Закон Иркутской области «О дополнительной мере социальной поддержки семей, имеющих детей, в Иркутской области» // Законодательное Собрание Иркутской области официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eparlament.irz.ru/Doc/law/876> (дата обращения: 09.12.2023).

3 Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 08.12.2023). (с. 213).

БЕКМАН Ольга Андреевна

преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ПИЛЮГИНА Юлия Геннадиевна

кандидат философских наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ И СТРУКТУРЫ ПРЕДМЕТА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

В статье рассмотрены отдельные аспекты административно-процессуальных отношений как предмета самостоятельной правовой отрасли - административно-процессуального права. Проанализировано соотношение материальных норм административного права и содержание предмета административно-процессуального права на основании чего доказано, что предмет административно-процессуального права является значительно более сложным структурным явлением. Сформулировано понятие предмета административно-процессуального права.

Ключевые слова: отрасль права, юридический процесс, административно-процессуальные отношения, процессуальная норма.

BEKMAN Olga Andreevna

lecturer of General legal disciplines sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

PILYUGINA Yuliya Gennadievna

Ph.D. in philosophical sciences, lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia.

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE CONTENT AND STRUCTURE OF THE SUBJECT OF ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW

The article examines certain aspects of administrative procedural relations as a subject of an independent legal branch - administrative procedural law. The relationship between the substantive norms of administrative law and the content of the subject of administrative procedural law has been analyzed, on the basis of which it has been proven that the subject of administrative procedural law is a much more complex structural phenomenon. The concept of the subject of administrative procedural law is formulated.

Keywords: branch of law, legal process, administrative procedural relations, procedural norm.

Традиционно сложилось, что административно-процессуальные нормы составляют отдельный правовой институт, входящий в систему административного права, предмет которого составляет совокупность правовых отношений в сфере публичного (государственного и общественного) управления или в сфере публичной деятельности.

Административное право характеризуется как одна из самых рельефных отраслей общественного права, охватывающая практически все сферы жизнедеятельности общества. В настоящее время к системе административного права относятся право, нормы и институты, регулирующие общественные отношения, возникающие:

- в процессе осуществления публичного (государственного и общественного) управления;
- при осуществлении делегированных полномочий в сфере государственного управления;
- при обеспечении внутриорганизационного развития управленческих систем;
- в связи с предоставлением административных услуг;
- в связи с рассмотрением и разрешением заявлений и жалоб физических и юридических лиц о реализации и защите их прав и законных интересов;
- в связи с привлечением лица к административной ответственности, что, кстати, в литературе юридически не оправданно определяется как осуществление правосудия в форме административного привлечения к ответственности в рамках административного судопроизводства в связи с обращением физических или юридических лиц в суд с иском о защите их прав, свобод и законных интересов и т.д.

Следовательно, если первые три вида правоотношений роднит их управленческая деятельность, в которой применяются идентичные формы и методы, то другие указанные виды правоотношений к управленческим можно отнести с определенной долей условности. Именно эти обстоятельства

ставят под сомнение утверждение, что административное право регулирует качественно однородные отношения общественной жизни. Однако существование на сегодняшний день этих правоотношений в составе административного права на теоретическом уровне особого значения может и не иметь. Зато на прикладном уровне для субъектов публичной администрации создаются условия для сохранения неограниченного административного усмотрения, что в свою очередь может превратиться в источник беззакония.

Разумеется, административное право и административный процесс имеют достаточно общих признаков:

- они возникают в результате управленческой деятельности по реализации публичных интересов;
- в них обязательно участвует субъект, наделенный государственно-властными полномочиями;
- для них характерны отношения властности и т.п.

В то же время они имеют значительное содержательное отличие.

Нормы административного права направлены на целенаправленное, организующее влияние в сфере исполнительно-распорядительной деятельности с целью планомерно и властно влиять на общественные системы. Нормы же административно-процессуального права направлены на обеспечение реализации прав и законных интересов физических или юридических лиц, рассмотрение и разрешение конкретных административных дел.

Авторы учебников и другой литературы административно-правового направления единодушно указывают на один из признаков административного процесса — это решение конкретного административного дела. На законодательном уровне понятие административного дела определяется применительно к административному судопроизводству. На наш взгляд, учитывая разнообразие сферы публичных отношений, такое определение административного дела бу-

дет неполным, ведь за признанием, решением и по имению своих прав, обязанностей и интересов граждане, физические или юридические лица обращаются не только в суд, но и в другие органы властных полномочий, в частности в органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и т.д. Поэтому, по нашему мнению, административное дело — это решение органами административной юрисдикции (в том числе и административными судами) вопроса о признании, реализации и защите прав, обязанностей, свобод и законных интересов физических или юридических лиц в публично-правовых отношениях, в которых хотя бы одной из сторон есть орган исполнительной власти, орган местного самоуправления, их должностное лицо или другие субъекты, которые на основе законодательства уполномочены рассматривать и решать поднятые по делу вопросы. В этой связи, по нашему убеждению, административное право должно регулировать отношения публичной администрации и публичные интересы, а административное процессуальное право — отношения признания и обеспечения реализации и защиты прав, свобод и законных интересов физических или юридических лиц, в том числе и государства.

Следовательно, речь идет о наличии наряду с устоявшимся административным правом отдельной самостоятельной отрасли — административно-процессуального права. Правда, ведущие специалисты признают совершенно безосновательными любые попытки обосновать самостоятельное существование административно-процессуального права, регулирующие такое корреспондирующее административное право явление как «административный процесс». С этим тезисом согласиться вряд ли можно. Во-первых, понятия «административный процесс» и «административное право» не идентичны. Административный процесс — как отмечалось ранее, — это урегулированная нормами административно-процессуального права система отношений по признанию, обеспечению и реализации и защите прав, свобод и законных интересов физических или юридических лиц в процессуальной форме, а административное право — это системное объединение юридических норм, которыми регулируются государственно-властные, организующие общественные отношения, возникающие в связи с реализацией исполнительно-распорядительных функций. Во-вторых, предположим, что такого целостного явления как административный процесс в реальности не существует, и мы можем говорить о различных его формах, образующих системное, объективное юридическое понятие независимо от научных взглядов (подходов) исследователей. В-третьих, административный процесс и административное процессуальное право могут не корреспондировать и не должны, по нашему мнению, корреспондировать административному праву по аналогии уголовного и гражданского процесса. В этом и проявляется особенность административно-процессуального права и его отличие от уголовного и гражданского аналогов, в том, что его нормами регулируется применение не только материальных норм административного права, но и других материальных отраслей права (трудового, гражданского, банковского, финансового, хозяйственного, земельного, лесного и др.). Наличие разнообразных производств как раз и отличает административный процесс от всех других. Признание административно-процессуального права как самостоятельной отрасли права в правовой системе сняло и дискуссионный вопрос о месте административной юстиции в системе юридических процессов. По нашему мнению, место административной юстиции как подотрасли права — именно в системе административно-процессуального права (заметим: не составляющая административного права) и не обязательно может корреспондировать ему, поскольку административная юстиция — это судебный контроль за деятельностью публичной администрации, а деятельность суда не рассматривается и не может рассматриваться как продолжение деятельности администрации).

Административно-процессуальное право, как системное объединение юридических норм и правовых институтов представляет собой сложное реально существующее юриди-

ческое образование, основными по задачам которого являются:

1) создание условий для реализации субъективных прав, свобод и интересов физическими или юридическими лицами, а также исполнение ими субъективных юридических обязанностей;

2) обеспечение защиты в процессуальной форме прав, свобод и интересов физических или юридических лиц путем:

а) управленческой (административной) деятельности через выполнение по задачам и функциям органами властных полномочий, их должностными лицами;

б) восстановление нарушенного права органами властных полномочий, их должностными лицами в судебном порядке по иску;

3) рассмотрение и разрешение правовых споров или споров о праве путем:

а) рассмотрения и разрешения индивидуальных административных дел органами властных полномочий, их должностными лицами в порядке подчиненности, подведомственности и компетентности, то есть в административном порядке;

б) рассмотрения и разрешения индивидуальных административных дел административными судами в порядке судебного иска по защите прав и интересов физических или юридических лиц в сфере государственного управления (публичных отношений).

Эти задачи административно-процессуального права, во-первых, определяют предмет правового регулирования публичных отношений; во-вторых, обуславливают существование двух форм (видов) процессуальной деятельности или двух форм производств и теоретически объединяют два разных по объему явления:

а) административную и управленческую форму процессуальной деятельности (производства);

б) судебную форму процессуальной деятельности (производства) одновременно и как форму контроля над деятельностью публичной администрации.

Общим в административной и судебной процессуальной форме можно, на наш взгляд считать сферу отношений — публичное (государственное и общественное) управление.

Таким образом проанализировав вышеизложенное, можно считать, что предмет административно-процессуального права составляет система общественных правоотношений, возникающих между органом властных полномочий, их должностными лицами, судом, с одной стороны, и физическими или юридическими лицами, с другой, по признанию, реализации и защите прав и законных интересов личности и государства в сфере публичных отношений и рассмотрения и разрешения административных дел в порядке, определенном административным процессуальным законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Панова И. В., Панов А. Б. Административно-процессуальное право: предмет и метод // Публичное право сегодня. — 2023. — № 4 (18). — С. 67-74.
2. Ткаченко В. И. Предмет административно-процессуального права: реалии и перспективы // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. — 2016. — № 1 (1). — С. 133-142.
3. Марифонов Р. Н. Современные подходы к определению содержания и структуры предмета административно-процессуального права // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). — 2018. — № 2 (62). — С. 48-54.

ВЛАСОВА Елена Львовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ» АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации – это законодательный акт, который устанавливает порядок рассмотрения и разрешения административных дел. Его принятие вызывает обсуждения и разные точки зрения об его эффективности и актуальности. В данной статье рассматриваются аргументы «за» и «против» данного кодекса.

Ключевые слова: административно-процессуальный кодекс Российской Федерации, правонарушения, совершенствование действующего законодательства.

VLASOVA Elena Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Administrative law and administrative activities of the department of internal affairs sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

ARGUMENTS FOR AND AGAINST THE ADMINISTRATIVE PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The Administrative Procedure Code of the Russian Federation is a legislative act that establishes the procedure for considering and resolving administrative cases. Its adoption generates debate and differing views on its effectiveness and relevance. This article examines the arguments for and against this code, while relying on doctrinal sources.

Keywords: administrative procedural code of the Russian Federation, offenses, improvement of current legislation.

Министерство юстиции России представило новую редакцию Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ), а также проект Положений о производстве по делам об административных правонарушениях (ППКоАП РФ). Необходимость реформирования процессуального механизма рассмотрения дел судами общей юрисдикции в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации, совершенствования порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях путем размещения процессуальных норм в едином кодифицированном законе, а также усиления судебного контроля за действиями органов административной юрисдикции были основными принципами, которыми руководствовались авторы при подготовке проекта.

Первая версия законопроекта подверглась резкой критике с момента ее публикации в январе 2023 года. По мнению уполномоченного по защите прав предпринимателей России Бориса Титова, новый законопроект об административных правонарушениях сохраняет характер карательных санкций и ставит под угрозу инвестиционный климат и развитие малого и среднего бизнеса. Штрафы для индивидуальных предпринимателей, юридических лиц и работников выросли в несколько раз, но наказания за незаконные действия должностных лиц остались на прежнем уровне и даже были снижены. По его мнению, законопроект также увеличивает размер штрафов не менее чем за 10 нарушений предпринимательской деятельности. Например, за нарушения нормативно-правовых актов по гигиене и эпидемиологии населения штрафы увеличиваются в 30 раз для индивидуальных предпринимателей, в 20 раз для работников и в 1,5 раза для юридических лиц. За несоблюдение законодательных норм проверяющими и надзорными органами штраф для индивидуальных предпринимателей увеличивается в 20 раз, а для наемных работников – в 5 раз. Титов считает, что принимать новую редакцию Кодекса об административных правонарушениях пока рано, а в Кодексе все еще есть избыточные и устаревшие положения. В этом контексте применение нового кодекса ляжет еще большим бременем на бизнес, который и без того находится под огромным административным давлением [4].

В качестве наиболее важных изменений, внесенных данным законом, хотелось бы отметить следующее.

Увеличены штрафы за обработку персональных данных без согласия субъекта. Согласно принятым изменениям, штрафы за обработку персональных данных субъекта персональных данных без его согласия, которые в соответствии с законом должны быть предоставлены в письменной форме (например, при обработке биометрических персональных данных, персональных данных особых категорий, обработки персональных данных работников, когда необходимо раскрытие данных третьему лицу), или обработки на основании такого письменного согласия, выданного с нарушением требований, связанных с объемом информации, подлежащей отражению в таком согласии, будет значительно увеличена.

В Законе в новой редакции штрафы за указанное нарушение составляют: для граждан – от 10 000 до 15 000 рублей; для должностных лиц – от 100 000 до 300 000 рублей; для юридических лиц – от 300 000 до 700 000 рублей.

За повторное нарушение штраф будет еще выше и составит: для граждан – от 15 000 до 30 000 рублей; для должностных лиц – от 300 000 до 500 000 рублей; для индивидуальных предпринимателей – от 500 000 до 1 000 000 рублей; для юридических лиц – от 1 000 000 до 1 500 000 рублей.

Не следует упускать из виду, что по сравнению с действующей редакцией ч. 2 и 2.1 ст. 13.11 НК РФ штрафы за указанные нарушения будут увеличены более чем в три раза.

Кроме того, НК РФ дополнит новой статьей 13.11.3, в которой указано, что загрузка и актуализация банками, многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг, иными организациями в случаях, определенных федеральными законами, биометрических персональных данных субъекта персональных данных в Единую биометрическую систему с нарушением установленных законом требований влечет наложение административного штрафа на:

- должностных лиц в размере от 100 000 до 300 000 рублей;
- юридическим лицам в размере от 500 000 до 1 000 000 рублей.

Напоминаем, что биометрические персональные данные, загруженные или предназначенные для загрузки в ЕБС, теперь попадают под особый правовой режим, который определяется специальным законом и рядом подзаконных актов, принятых в соответствии с ним.

Также следует отметить, что согласно законам о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, начиная с 2020 года, определенные лица имеют особые обязательства по загрузке и обновлению данных о гражданах в такие ЕБС.

Сегодня вектор государственной политики направлен на ужесточение ответственности за нарушение правил обработки персональных данных. Исследование, проведенное экспертами «Лаборатории Касперского», показывает, что в 2023 году количество заявок на защиту данных в крупных компаниях выросло в 1,5 раза, при этом более половины «утекших данных» становятся достоянием общественности в течение месяца после «утечки» [4].

Повышенные штрафы, а также «оборотные» штрафы (об их введении мы рассказывали ранее) призваны бороться с утечками и другими нарушениями персональных данных.

Важно отметить, что в некоторых случаях размер штрафа может быть выше предусмотренного Законом. Например, мы неоднократно слышали позицию представителей Роскомнадзора, озвученную в ходе их публичных выступлений, о том, что если несколько жалоб подано несколькими субъектами, то каждое такое нарушение будет рассматриваться отдельно, а значит, Роскомнадзор теоретически сможет наложить штраф за каждое нарушение. Это означает, что, если, например, пять субъектов персональных данных пожалуются на отсутствие письменного согласия, штраф (по логике Роскомнадзора) может составить до 3 500 000 рублей.

Субъектам хозяйствования следует иметь в виду, что в ходе обычной хозяйственной деятельности работодатель, являясь контролером персональных данных, почти всегда сталкивается с необходимостью получения письменного согласия работника, поскольку в большинстве случаев работодатель передает данные работника третьим лицам (банкам, страховым организациям, контрагентам и т.д.), и для такой передачи часто требуется письменное согласие работника. При этом не стоит забывать и о позиции Роскомнадзора относительно требований к письменному согласию работников (например, о том, что каждая отдельная цель обработки должна быть указана в отдельном согласии). С увеличением административных штрафов этот вопрос потребует большего внимания.

Следует также отметить, что с практической точки зрения можно было бы рассмотреть возможность получения письменных согласий работников через системы кадрового электронного документооборота с целью фиксации и отслеживания факта предоставления каждым работником своего согласия и выполнения требований Роскомнадзора в отношении объема информации, включаемой в такое письменное согласие.

В целом, новый проект КоАП РФ состоит из пяти разделов: общие положения; порядок рассмотрения дел об административных правонарушениях органами и их должностными лицами; рассмотрение (пересмотр) дел об административных правонарушениях в судах; исполнение решений административных органов; юридическая помощь по делам об административных правонарушениях.

В то же время идея отделить КоАП РФ от процессуального законодательства является успешной. Обращает на себя внимание подход законодателя к положениям о действии закона об административных правонарушениях в пространстве, изложенный в статье 1.2 проекта. Согласно этому документу, положения соответствующих субъектов о процедуре утрачивают силу и вступает в действие единый процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Добавление новых принципов правосудия по делам об административных правонарушениях и закрепление существующих принципов законности и презумпции невиновности позволит более эффективно использовать средства обжалования незаконных судебных и административных актов.

Принцип презумпции невиновности в отношении юридических лиц (пункт 5 статьи 1) приобретает в проекте Закона об административном судопроизводстве новое значение. Юридическое лицо признается виновным в совершении ад-

министративного правонарушения, если его должностные лица, работники и (или) представители совершили противоправные действия (бездействие) либо доказали вредные последствия этих действий (бездействия).

Использование слова «презумпция» подразумевает свободу действий в правоприменительной практике. Доказанность вины должностного лица, работника или представителя юридического лица, совершившего административное правонарушение, не является основанием для освобождения юридического лица, совершившего административное правонарушение, от административной ответственности. В данном случае мы имеем дело с исключением из принципа безнаказанности.

Она обращает внимание на то, что в отношении юридических лиц не установлена форма осуждения. В отношении юридических лиц достаточно установить факт того, что у них была возможность соблюсти правила и нормы, регулирующие административную ответственность, но они не приняли необходимых мер по их соблюдению. Непринятие допустимых и необходимых по закону усилий по выполнению возложенных на юридическое лицо обязанностей, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность юридического лица, и неиспользование предоставленных прав и возможностей для устранения причин административного правонарушения (статья 2.1 действующего КоАП РФ ч. 2.1, на которой основана статья 2.1.), заявляет о своем несогласии с определением понятия юридического правонарушения.

Такое толкование юридического преступления не вносит ясности в исследование его правовой природы и не содержит существенных критериев разграничения преступлений юридических и физических лиц. Слабость данной позиции заключается в том, что бездействие преподносится как признак вины, из чего можно сделать вывод, что авторы анализируемых форм отстаивают ответственность юридического лица за оправдание. Это противоречит общему принципу, согласно которому наличие вины признается необходимым элементом основания административной ответственности.

Согласно законопроекту, в процессуальном законодательстве об административных правонарушениях предлагается предусмотреть отдельное положение об участии адвокатов в производстве по делам об административных правонарушениях.

Так, согласно предлагаемой части 16 статьи 1 «Процессуальная форма реализации прав участников производства по делам об административных правонарушениях», право на принесение протеста на постановление, апелляционное определение или постановление по делу об административном правонарушении может быть реализовано лицом, привлекаемым к административной ответственности, потерпевшим, его законным представителем и его представителем, в том числе адвокатом. Они могут его исполнить.

Отметим, что издержки по делу об административном правонарушении состоят из суммы, затраченной на оплату услуг представителя, в том числе адвоката. В проекте также указано, что адвокат обязан защищать права и законные интересы лица или потерпевшего, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Полномочия адвоката должны быть подтверждены постановлением. В то же время, если лицо или потерпевший, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, заявят ходатайство о привлечении к участию в деле представителя, в том числе адвоката, то представитель может быть привлечен к участию в деле без предъявления доверенности или ордера уполномоченного лица.

Геннадий Шаров, вице-президент ФПАРФ, считает реформу по применению денежной компенсации за услуги представителя (адвоката) правильной и обоснованной. В частности, сумма, затраченная потерпевшим на оплату услуг законного представителя, и сумма, затраченная лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на оплату услуг законного представителя, признаются судебными издержками, подле-

жащими взысканию способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации [4].

Примечательно, что термин «адвокат» введен в пункт 3 статьи 2 «Представительство по делам об административных правонарушениях». Однако сама статья имеет неоднозначную структуру - «Для оказания юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по административному делу, в производстве по административному делу может участвовать адвокат; для оказания юридической помощи потерпевшему может участвовать представитель». Участие в производстве по административным делам в качестве адвоката или представителя допускается как для адвокатов, так и для иных лиц. В настоящее время предлагается предусмотреть, что «адвокаты обязаны защищать права и законные интересы лиц, участвующих в производстве по административным делам, и потерпевших» [4].

Предлагается изменить положение следующим образом: «Адвокаты и представители могут участвовать в производстве по административному делу с момента начала производства по административному делу». Такое предложение было внесено. В то же время адвокаты не упоминаются. Однако в тексте сказано «представители, в том числе адвокаты». Исходя из того, что, как неоднократно заявляли многие юристы, адвокаты допускаются с момента начала производства по делам об административных правонарушениях, это привело бы к двойному толкованию момента допуска адвокатов [4].

Определение момента возбуждения дела в проекте Положения также является неточным, поскольку Положение сформулировано и для административно-процессуальных гарантий (экстрадиция и задержание), а вынесение постановления о применении административно-процессуальных гарантий предусмотрено Положением. Кроме того, эксперты отметили, что, несмотря на поддержку инициативы Татьяной Москальковой, в ней, например, отсутствует положение о праве на получение юридической помощи от государства по аналогии со статьей 51 УПК РФ [4].

Право адвоката получать процессуальные документы и знакомиться с доказательствами (в настоящее время суды и органы полиции рассматривают защитника как «дополнительного» субъекта, не предусмотренного КоАП); сообщать адвокату по телефону о задержании лица; сообщать адвокату о возбуждении дела об административном правонарушении; сообщать адвокату о деле, по которому ведется производство об административном правонарушении; и отмечена обязанность должностных лиц уполномочивать представителей, в том числе адвокатов, без предъявления соответствующей доверенности уполномоченного лица или доверенности в отношении лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Статья 3 процессуально оформляет главу о доказательствах и доказывании в соответствии с «критическим» КоАП. В частности, она устанавливает такие требования, как относимость и допустимость доказательств, меняет само понятие доказательств на «информацию о фактах», а не на «фактические данные», и более подробно описывает оценку доказательств. Несомненно, все это можно считать положительными моментами, корректирующими процессуальные части кодекса для обеспечения защиты прав граждан и организаций, на которые возложена административная ответственность.

Новая норма статьи 4 о незамедлительном информировании о местонахождении задержанного не только его родственников, но и адвокатов по его просьбе, будет способствовать решению вопросов, связанных с ограничением права на защиту.

Ольга Рогачева отметила, что проект вносит изменения в статью 4 КоАП РФ, включая введение новой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В случае необходимости обязанность явки может быть возложена на законных представителей физических и юридических лиц, свидетелей и потерпевших, судами, прокурорами, и органами, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях. Нарушив-

шие обязанность по явке лица могут быть освобождены за залог. Также она отметила, что перечень процессуальных гарантий был расширен. Например, введено административное приостановление деятельности отдельных объектов и видов деятельности, а также приостановление операций по банковским счетам и другие меры [4].

Проект процессуального кодекса также предусматривает проведение административного расследования в любом деле, а не ограничивает его определенным кругом дел, как это делает действующая статья 28.7 КоАП РФ.

Проект процессуального кодекса КоАП РФ является масштабным и хорошо написанным документом, однако перед его окончательным принятием необходимо учесть вопрос о согласованности идей законодателя с практикой правоохранительных органов, особенно судов и полиции.

Проекты нового КоАП и закона об административных правонарушениях имеют очень большой объем. Объем этих двух проектов, включая части, касающиеся процессуального ведения дел в суде с участием присяжных и судей, превышает объем КоАП РСФСР 1985 года [1].

Это не столько критика проектов КоАП, сколько замечание о сложившейся практике законотворчества, поскольку список предлагаемых правовых текстов усложняет работу юристов, делает ее практически недоступной для граждан и маловероятно приведет к значимым улучшениям в борьбе с административными правонарушениями. Законодатели упустили один из ключевых принципов, которым необходимо руководствоваться при разработке нормативных актов - принцип законодательной экономии. Принцип законодательной экономии включает в себя, в частности, лаконичность и компактность изложения правовых норм и минимальное дублирование нормативного материала по одной и той же тематике.

Пристатейный библиографический список

1. Сорокин В. Д. Административно-процессуальное право: Учебник для юридических высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2008. С. 204. Впервые аналогичное определение было представлено в работе В. Д. Сорокина: Проблемы административного процесса. - М.: Юридическая литература, 1968. - С. 71 - 72.
2. Салищева Н. Г. Проблемные вопросы административного процесса // Административное право и административный процесс: актуальные проблемы / Отв. ред. Л. А. Попов и М. С. Студеникина. - М.: Юрист, 2004. - С. 221 - 232.
3. Салищев Н. Г. О некоторых теоретических вопросах административного процесса на современном этапе развития российской правовой системы // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФ В.Д. Сорокина: В 2 ч. Ч. 1. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2010. - С. 27-28.
4. Гришкoveц А. А. К вопросу о так называемом «административно-деликтном праве» // Вестник ВИПК МВД России. - 2020. - № 1 (53). - С. 54-61.

ДАДАЯН Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета

СТОРОЖЕВА Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Красноярского государственного аграрного университета

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗЫ ДАВНОСТИ ДОКУМЕНТОВ

Вопросы необходимости проведения экспертизы давности различных документов достаточно часто возникают в ходе рассмотрения экономических споров, вытекающих из гражданско-правовых договоров. Экспертиза давности изготовления документа может устранить сомнения в возрасте и подлинности документов. Отсюда, от определения давности изготовления документов при рассмотрении обособленных споров в деле о банкротстве зависит перспектива пополнения конкурсной массы должника.

Ключевые слова: фактические обстоятельства дела, экспертиза давности документов, конкурсный кредитор, недействительная сделка, должник, банкрот, экспертное заключение.

DADAYAN Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Krasnoyarsk State Agrarian University

STOROZHEVA Anna Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Krasnoyarsk State Agrarian University

ON THE ISSUE OF THE NEED FOR AN EXAMINATION OF THE PRESCRIPTION OF DOCUMENTS

Issues of the need to conduct an examination of the limitation of various documents quite often arise during the consideration of economic disputes arising from civil law contracts. An examination of how old a document was made can eliminate doubts about the age and authenticity of documents. Hence, the prospect of replenishing the debtor's bankruptcy estate depends on determining how long ago documents were produced when considering separate disputes in a bankruptcy case.

Keywords: factual circumstances of the case, examination of the limitation of documents, bankruptcy creditor, invalid transaction, debtor, bankrupt, expert opinion.

В процессе рассмотрения экономических споров, вытекающих из гражданско-правовых договоров весьма важным для истца (заявителя) является сбор доказательственной базы с целью установления фактических обстоятельств дела.

Приведем пример из судебной практики.

Конкурсному кредитору стало известно, что в реестр текущих требований (платежей) должника в составе 5 очереди было включено требование общества с ограниченной ответственностью, вытекающее из договоров на выполнение проектных работ.

Проанализировав указанные договоры на выполнение проектных работ, конкурсный кредитор усомнился в том, что работы по данным договорам на многомиллионные суммы были действительно выполнены, а результат работ в виде проектной документации был передан заказчику.

Поводом для сомнения послужили следующие обстоятельства: отсутствие в составе переданной конкурсному управляющему документации технической документации, являющейся результатами работ по оспариваемым договорам.

Согласно оспариваемым договорам, передача документации производится по накладной либо иными сопроводительными письмами в количестве 1 (одного) экземпляра на бумажном носителе и 1 (одного) экземпляра в электронном виде (в формате PDF).

Кроме того, исходя из условий договоров срок выполнения работ составил 320 календарных дней с момента подписания договора обеими сторонами и предоставления доступа на объект заказчика. Работы должны были быть выполнены как минимум к 06.07.2019. Доказательства согласования переноса сроков выполнения работ отсутствуют, так же, как и доказательства предъявления заказчику требований о передаче результата работ по истечении сроков выполнения работ, указанных в договоре. Тем более, что результат работ в виде проектной документации был крайне необходим заказчику с целью исполнения договорных обязательств по продаже

оборудования вместе с технической документацией третьему лицу.

Между тем акты сдачи-приемки результата работ датированы 16.12.2019 уже после возбуждения дела о банкротстве (определением арбитражного суда от 04.12.2019 возбуждено производство по делу № А33-36598/2019).

Как известно подписание акта выполненных работ после принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом, позволило исполнителю стать по отношению к заказчику (банкроту) кредитором по текущим обязательствам (5 очередь) и получить преимущественное право на удовлетворение своих требований перед требованиями конкурсных кредиторов.

Конкурсный кредитор (заявитель) обратился в арбитражный суд с заявлением о признании ряда сделок, заключенных должником с проектной организацией на выполнения проектных работ недействительными.

Заявитель, обращаясь в суд с требованием о признании сделок недействительными имел намерение доказать, что акты - приема выполненных проектных работ являются мнимыми. Мнимый характер заключается в отсутствие самого результата работ в виде выполненного проекта (готовой технической документации).

Наличие, подписанных актов приема-передачи выполненных работ не свидетельствует о том, что результат выполненных проектных работ имеется в действительности.

Конкурсный кредитор, полагает, что акты-приема выполненных работ подписаны заказчиком и исполнителем для вида. Участники оспариваемой сделки создали видимость встречного предоставления, со стороны ответчика отсутствовало намерение исполнить договор в части выполнения условий договора по подготовке технической документации и передаче результата заказчику, а у другой стороны в части оплаты выполненных работ.

Такая мнимая приемка результата работ ставит остальных конкурсных кредиторов в неравное с исполнителем по договору положение. А также направлена на искусственное

НОРМАТИВНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ (ССЫЛОЧНАЯ) ЛИТЕРАТУРА	
1.	СП 60.13330.2016 «Отопление, вентиляция и кондиционирование воздуха»;
2.	СП 131.13330.2018 «Строительная климатология»;
3.	СП 50.13330.2012 «Тепловая защита зданий» с изм. 1;
4.	СП 23-101-2004 «Проектирование тепловой защиты зданий»;
5.	СП 56.13330.2011 «Производственные здания» с изм. 1-3;
6.	СП 112.13330.2011. «Пожарная безопасность зданий и сооружений»;
7.	СП 7.13130.2013 «Отопление, вентиляция и кондиционирование. Требования пожарной безопасности» с изм. 1,2;
8.	СП 118.13330.2012* «Общественные здания и сооружения» с изм. 1-4;
9.	СП 51.13330.2011 «Защита от шума» с изм. 1;
10.	СН 2.2.4/2.1.8.562-96 «Шум на рабочих местах, в помещениях жилых, общественных зданий и на территории жилой застройки. Санитарные нормы»;
11.	СП 41-101-95 «Проектирование тепловых пунктов»;
12.	СП 61.13330.2012 «Тепловая изоляция оборудования и трубопроводов» с изм. 1;
13.	СП 41-103-2000 «Проектирование тепловой изоляции оборудования и трубопроводов»;
14.	СП 73.13330.2016 «Внутренние санитарно-технические системы зданий» с изм. 1;
15.	Федеральный закон №384-ФЗ от 30.12.2009 «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»;
16.	СТО НП «АВОК» 2.1-2008 «Здания жилые и общественные. Нормы воздухообмена»;
17.	ГОСТ 30494-2011 «Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях»;
18.	ГОСТ 12.1.005-88 «Общие санитарно-гигиенические требования к воздуху рабочей зоны»;
19.	СанПиН 2.2.4.548-96 «Гигиенические требования к микроклимату производственных помещений»;
20.	Постановление Правительства РФ №87 от 16 февраля 2008 г. С изм. на 21.12.20.

Рисунок 1

увеличение кредиторской задолженности с целью причинения вреда имущественным правам остальных кредиторов должника¹.

При рассмотрении дела выяснилось, что результат выполненных проектных работ имеется и на бумажном носителе, и в электронном виде (в формате PDF), но по какой-то причине не был передан руководителем должника (заказчиком) в составе передаваемой документации юридического лица - банкрота конкурсному управляющему.

Ответчик позиционирует, что представленная в материалы дела документация и есть результат выполненных работ в промежутке времени с августа 2018 года по декабрь 2019 года.

Конкурсный кредитор, проанализировав данные документы, усомнился в том, что именно они являются тем результатом проектных работ, о котором ведут речь его процессуальные оппоненты.

Поводом для сомнения относительно того, выполнялись или нет проектные работы в 2018, 2019 годах послужило следующее обстоятельство.

Так акт приема-передачи проектной документации датируется от 16.12.2019, а в нормативно-технической (ссылочной) литературе (Раздел 5, Том 5.4 (П24-000127-ИОС4.)) проектной документации, которую представил в материалы дела руководитель должника, имеет место быть ссылка на Постановление Правительства РФ № 87 от 16 февраля 2008 г. с изменениями на 21.12.20.

Скриншот стр. 18 Раздела 5,

Том 5.4 (П24-000127-ИОС4.) проектной документации (лист 18). (См. рисунок.)

Получается, что исполнитель не мог в процессе выполнения проектных работ в 2018, 2019 годах точно (дополнительно) знать о том, что в Постановление Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» будут внесены изменения. Причем указанные изменения будут действовать в редакции от 21.12.2020 (именно 21.12.2020 была принята одна из редакций данного Постановления).

Здесь возникает вполне очевидный вопрос, а достаточно ли указанного довода, чтобы поставить под сомнение выполненный результат работ и признать сделки недействительными. Полагаем, что довод о том, что работы выполнялись в заявленный период ответчиком (исполнителем по договору) можно смело поставить под сомнение.

Но этого доказательства будет явно недостаточно для признания сделок по выполнению проектных работ недействительными, если учитывать, что ответчик может представить какие-либо разумные и логичные пояснения относительно возникших сомнений по поводу времени изготовления проектной документации.

В той ситуации, если заявитель докажет, что результат работ по оспариваемому договору отсутствует, или результат работ появился уже после подписания акта-приема передачи результата работ, то сохраняется большая вероятность, что денежные средства, на которые претендует исполнитель (ответчик по оспариваемой сделке), останутся в конкурсной массе должника-банкрота.

Очевидно, что сама по себе информация, предоставленная в виде актов сдачи-приемки, содержит лишь перечень передаваемых документов, но не сам результат выполненных проектных работ в виде выполненного проекта.

О том, какие доказательства могут служить обстоятельствами, подтверждающими или опровергающими факт выполнения проектных работ по договору, неоднократно поднимался в научной литературе [1].

Полагаем, что экспертиза давности изготовления документа может устранить сомнения в «возрасте» и подлинности документов. Такая экспертиза подтвердит или опровергнет предположение конкурсного кредитора о том, что документ является подделкой или был изменен.

Таким образом, обнаруженное конкурсным кредитором несоответствие, позволило не только заявителю, но и суду усомниться в том, что проектные работы действительно выполнялись в заявленный период, а проведение экспертизы давности проектного документа позволит наряду с другими доказательствами установить объективные обстоятельства дела, а также выявить слабые места в позиции одной из сторон и использовать их для защиты интересов другой стороны.

Пристатейный библиографический список

1. Дадаян Е. В., Сторожева А. Н. К вопросу о достоверности доказательств, подтверждающих факт выполнения проектных работ // Актуальные вопросы российского судопроизводства: доказывание с использованием современных технологий. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. - Красноярск, 2022. - С. 42-45.

¹ Дело № А33-36598-17/2019// kad.arbitr.ru (дата обращения: 11.01.2024).

АРСЕНЬЕВА Галина Витальевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

ХРАМОВА Ирина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и правового регулирования инновационной деятельности Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева

УБЫТКИ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Статья посвящена исследованию правовых, доктринальных и правоприменительных аспектов правовой категории убытков как элемента структуры ответственности в хозяйственных обществах. Определены правовые регуляторы, выявлены проблемы дефинитивного толка, отраженные в практике правоприменения. Предложена авторская гипотеза внедрения термина «убытки» как элемента ответственности в хозяйственных обществах.

Ключевые слова: хозяйственные общества, ответственность, убытки, корпоративная ответственность, нормативные акты.

ARSENJEVA Galina Vitaljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

KHRAMOVA Irina Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and legal regulation of innovation activities sub-faculty of the V. N. Tatishchev Astrakhan State University

LOSSES AS AN ELEMENT OF THE STRUCTURE OF THE INSTITUTION OF RESPONSIBILITY IN BUSINESS COMPANIES

The article is devoted to the study of legal, doctrinal and law enforcement aspects of the legal category of losses as an element of the liability structure in business companies. Legal regulators are identified, problems of a definitive sense, reflected in the practice of law enforcement, are identified. The author's hypothesis for the introduction of the term "losses" as an element of responsibility in economic companies is proposed.

Keywords: economic companies, liability, losses, corporate liability, regulations.

Функционирование хозяйственных обществ в современном государстве тесно переплетено с различными аспектами ответственности. Категория ответственности выступает одним из основных атрибутов хозяйственного общества. Акцентируем внимание на двух видах ответственности, требующих разграничения:

- ответственность, которая реализуется в рамках корпоративных отношений;
- ответственность самого хозяйственного общества как юридического лица.

Большой научный интерес представляют вопросы, относящиеся к правовому регулированию ответственности в хозяйственных обществах. Конституция РФ [1] не содержит положений, непосредственно относящихся к деятельности отдельных видов юридических лиц, в том числе хозяйственных обществ. Однако в качестве общей нормы можно рассматривать часть 1 статьи 8, которая декларирует свободу экономической деятельности, поддержание здоровой конкуренции, беспрепятственное перемещение товаров, финансовых средств, услуг.

Основы ответственности в хозяйственных обществах закреплены на уровне отраслевых законов (кодексов). В рамках гражданского права устанавливаются общие правила гражданско-правовой ответственности. Вполне применимы к ответственности в хозяйственных обществах положения, изложенные в ст. 15 ГК РФ [2]. Рассматриваемая норма направлена на регламентацию возмещения убытков.

Часть 1 ст. 53.1 ГК РФ закрепляет возможность взыскивать убытки, которые понесло юридическое лицо, при этом убытки стали следствием вины лица, по поручению участников юридического лица или самого юридического лица, а

также в силу положений закона или положений учредительных документов уполномочено выступать от имени такого лица. Анализ нормы позволяет сформулировать и условия для привлечения к ответственности в рамках хозяйственного общества: разумность и недобросовестность.

Согласимся с мнением группы авторов (Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П.), что важнейшей функцией гражданско-правовой ответственности в хозяйственных обществах выступает охрана интересов (имеющих юридическое значение) самого общества, а также его членов. Такие интересы заключаются, прежде всего, в следующем:

- успешность деятельности коммерческого характера;
- недопущение возможных убытков [13, с. 270].

Административное право также представлено соответствующими положениями. Так, например, в качестве правового основания ответственности в хозяйственных обществах может выступать ст. 15.20 КоАП РФ [3]. Статья предусматривает ответственность за воспрепятствование в области осуществления прав, которые удостоверены ценными бумагами.

Трудовое право содержит нормы, которые применимы к ответственности в хозяйственных обществах. Например, ст. 192 ТК РФ [4] регламентирует наложение дисциплинарных взысканий.

К отношениям, связанным с ответственностью в хозяйственных обществах, могут применяться и положения уголовного законодательства. В современной юридической литературе акцентируется внимание на том, что к числу наиболее сложных межотраслевых проблем относится проблема взаимодействия гражданского права и уголовного права, в частности, при исследовании категории «ответственность» [12, с. 60].

В качестве примера приведем ст. 185.1 УК РФ [5]. Норма предусматривает ответственность за деяние, которое выражается в злостном уклонении от предоставления информации, относящейся к данным об эмитенте, а также его хозяйственной и финансовой деятельности, сделках, ценных бумагах, других операциях в области ценных бумаг.

Ответственность в хозяйственных обществах основывается и на положениях федеральных законов, например: ФЗ «Об акционерных обществах» [6]; ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7]. Так, ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» устанавливают ответственность членов наблюдательного совета (совета директоров) общества, также, как и единоличного исполнительного органа общества, членов коллегиального исполнительного общества, его управляющего.

В рассматриваемых нормах предусмотрена обязанность управляющих органов поступать в интересах общества, а именно, добросовестно, а также разумно. Акцентируем внимание, что главным общим интересом общества следует рассматривать долгосрочный успех коммерческого характера (прибыльность, стабильность, рентабельность).

Нормы содержат перечень лиц потенциально ответственных, в частности:

- члены наблюдательного совета (совет директоров);
- единоличный исполнительный орган (в данном случае имеются в виду генеральный директор, директор);
- временный единоличный исполнительный орган;
- члены коллегиального исполнительного органа (в данном случае имеются в виду дирекция, правление);
- управляющая организация, а также управляющий.

Положения, применимые к ответственности в хозяйственных обществах, содержатся и в других законах. Например, ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [8], в силу п. 2 ст. 10 ФЗ к ответственности привлекается руководитель должника, что вполне применимо к хозяйственным обществам.

В юридической литературе отмечается, что в полной мере сформировалась необходимость унификации гражданско-правового регулирования функционирования хозяйственных обществ. Многие авторы (например, Турбина И. А. [14, с. 98]) обосновывают потребность разработки единого законодательного акта, направленного на регламентацию хозяйственных обществ, в том числе проблем ответственности в них.

В современной юридической литературе обосновано мнение о необходимости дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в области хозяйственных обществ. Так, например, Абакумова Е. Б. [11, с. 71] считает, что существующее законодательство (в совокупности с новеллами) не в должной мере устраняют пробелы как в правовом регулировании функционирования хозяйственных обществ, так и ответственности в них. Свою точку зрения автор обосновывает такими фактами как наличие противоречивых решений суда, наличие большого количества (процент) кассационных, а также апелляционных рассмотренных дел, наличие многочисленных пояснений со стороны высших инстанций судебной системы, связанных с ответственностью в хозяйственных обществах.

Исследование правовых основ ответственности в хозяйственных обществах позволило сформулировать некоторые выводы:

- предусматривается нормами сразу нескольких отраслей права (в частности, гражданского права, трудового права, административного права, уголовного права);
- к ответственности в хозяйственных обществах, на основе действующего законодательства, могут привлекаться участники корпоративных отношений.

Ответственность в хозяйственных обществах возможна к реализации в случае, когда все элементы механизма находятся

в едином составе. Так, одним из центральных компонентов, без которого невозможна корпоративная ответственность, являются убытки. Следует отметить, что нулевые убытки в целом нивелируют саму ответственность во внутрикорпоративных отношениях хозяйственных обществ. Вопрос последствий совершенных правонарушений находится в центре гражданско-правового научного интереса. Наиболее сложной представляется конструкция последствий при совершении правонарушений, запускающих механизм корпоративной ответственности, в качестве основополагающего элемента которой и выступают убытки.

Указанный тезис находит свое подтверждение в логической цепочке: основание для реализации механизма ответственности в хозяйственных обществах является достижение компенсаторной функции причиненного вреда, который в корпоративных отношениях рационально представить именно убытками. Соответственно уровень и степень ответственности укладывается в объемы причиненных убытков.

Представляется, что функцией имущественной ответственности в корпоративных отношениях есть восстановительно-компенсационная, цель - выявление и стремление к балансу соразмерности нанесенного вреда и размеру ответственности.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П [9] функциональная особенность гражданско-правовой ответственности квалифицирована как штрафная, целью которой является предупреждение соответствующих правонарушений. Конституционным судом сформирована позиция, что требования справедливости и соразмерности возмещения размера причиненного ущерба применимы к гражданско-правовой ответственности, в той мере, в которой установлены штрафные санкции, как регуляторы превентивной функции.

При этом, можно выявить, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 53 [10], функция гражданско-правовой ответственности при привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является восстановительной для нарушенных прав кредиторов. В корпоративных правоотношениях аспект нанесения вреда, то есть причинения убытков имеет ключевое значение. Это дополнительно объясняется тем фактом, что само общество нерационально рассматривать в отрыве от его участников/акционеров.

При этом следует акцентировать внимание на том, что сама ответственность в хозяйственных обществах не имеет отдельных черт, не присущих всему институту гражданско-правовой ответственности. В тоже время аспектом обособления именно ответственности в хозяйственных обществах традиционно интересуются цивилисты, обособляя ее значением категории «убытки» в системе всего механизма.

Убытки являются объективным условием наступления ответственности в корпоративных отношениях. Это измеримый индикатор всего корпоративного правонарушения. Именно по этой причине значение убытков в системе ответственности в хозяйственных обществах сложно переоценить. Анализ норм гражданского законодательства позволяет сделать вывод о том, что дефиниция «убытки» представлена в ч. 2 ст. 15 ГК РФ, которая выражена тем, что убытки представляют собой расходы лица, права которого нарушены совершенным правонарушением, которое оно понесло или понесет с целью восстановления этого права, либо непосредственная утрата имущества, имущественных прав, недополученные доходы, которое это лицо могло получить.

Исходя из регламентированного ГК РФ термина, в рамках магистерского исследования представляется возможным сконструировать авторское определение убытков, как элемента структуры ответственности в хозяйственных обществах: это расходы субъекта корпоративных отношений, которые он несет или должен будет понести в результате совершен-

ного корпоративного правонарушения, либо утрата имущества (имущественных прав), а также недополученные доходы, которые субъект корпоративных отношений мог получить в результате нормальной жизни хозяйственного общества.

В контекст именно корпоративных отношений большое значение имеет возможность реальной оценки объемов убытков. В целом, в зависимости от потенциального «потерпевшего», то есть лица, понесшего убытки, должна быть представлена возможность оценки в фиксированных цифрах в материальном выражении размера убытков. При этом отсутствие точных доказанных цифр не представляет возможности нивелировать судебную защиту нарушенных прав. Суд в порядке производства по делу в состоянии принимать самостоятельное решение об объемах убытков. При этом сам факт наличия убытков должен быть доказанным.

Кроме того, важное значение имеет тот факт, что в конструкции механизма ответственности в хозяйственных обществах реально рассматриваются сделка или сделки, приведшие к неблагоприятным результатам.

В случае, когда затраченные возможности на реализацию сделки не принесли должной прибыли, однако, при исчислении полученного дохода и затраченных финансов на осуществление сделки не выходят в минусовые значения, механизм ответственности по представленным основаниям не запускается, то есть реальных убытков в данном случае нет, по этой причине и осуществить весь механизм ответственности в хозяйственных обществах невозможно. Представленный тезис вызывает вопросы, когда речь идет о потенциальных доходах, которые могли получить, к примеру, акционеры в качестве дивидендов. Прибыли в обществе в таком случае не будет, следовательно, и о возможности распределения доходов в пользу собственников речи быть не может. Таким образом, недополученные доходы, исходя из дефиниции убытков, которая установлена ГК РФ, также могут считаться убытками.

Тем не менее, именно корпоративные отношения, в рамках которых реализуется ответственность в хозяйственных обществах, и проявляют свою эксклюзивность.

Корпоративные отношения могут проявляться кризисом управленческого характера и его причины следует искать именно в осуществлении центральной политики общества. Единичные сделки, не принесшие ожидаемого положительного финансового эффекта, но и не вышедшие в минусовые показатели не могут в таком случае быть показателем корпоративного кризиса (конфликта), т.к. предпринимательская среда в целом связана с осуществлением деятельности в условиях постоянного риска.

Именно поэтому, когда не усматриваются иные составные элементы (противоправное поведение, выраженное, к примеру, несоблюдением процедур заключения сделок и т.д., причинно-следственные связи между действием, виной и результатами), реализовать механизм ответственности в хозяйственных обществах не представляется возможным. Указанные обстоятельства позволяют говорить о том, что убытки являются обязательным составным элементом ответственности в хозяйственных обществах. Представленные обстоятельства позволяют говорить о том, что именно в корпоративных отношениях проявляется эксклюзивность механизма ответственности именно в хозяйственных обществах.

В доктринальном смысле следует констатировать тот факт, что корпоративная ответственность в хозяйственных обществах представляет собой отдельный подвид ответственности, функционирующий в рамках института гражданско-правовой ответственности, имеющий свои особенности и основания для реализации. Вопрос потенциальной точности оценки убытков законодателем, как обязательный элемент запуска механизма ответственности не ставится, однако, доказанность наличия убытков – центральное основание реализовать ответственность в хозяйственных обществах.

Подводя итоги, следует представить авторское видение термина «убытки», как элемента структуры ответственности в хозяйственных обществах: это расходы субъекта корпоративных отношений, которые он несет или должен будет понести в результате совершенного корпоративного правонарушения, либо утрата имущества (имущественных прав), а также недополученные доходы, которые субъект корпоративных отношений мог получить в результате нормальной «жизни» хозяйственного общества.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 04.07.2020 г. № 144.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Российская газета от 18.12.1994 г. № 238-239.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 30.01.2024) // СЗ РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
5. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954
6. Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 1996 № 1. Ст. 1.
7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 13.01.2024)
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 3. Март. 2018.
11. Абакумова Е. Б. О принципе самостоятельности ответственности генерального директора хозяйственного общества // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3 (33). С. 71.
12. Долотов Р. О. Уголовная ответственность акционеров / участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний // Уголовное право. 2017. № 1. С. 60.
13. Лескова Ю. Г., Жукова Ю. Д., Павлова К. П. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственных обществ: тенденции развития российского законодательства и опыт зарубежных стран // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 40. С. 270.
14. Турбина И. А. Политика нормотворчества в гражданском законодательстве об ответственности исполнительных органов хозяйственных обществ // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 1 (68). С. 96-100.

ГОРШКОВ Дмитрий Александрович

Генеральный директор Юридической компании «Горшков и партнеры», соискатель кафедры предпринимательского права Российского государственного гуманитарного университета

ДОГОВОР УПРАВЛЕНИЯ ЗАЛОГОМ И ДОГОВОР ПОРУЧЕНИЯ

Сопоставление таких договорных конструкций, как договор управления залогом и договор поручения, не вызывает вопросов относительно целесообразности и практической значимости: пожалуй, соотношение этих договоров можно признать краеугольной проблемой теории института управления залогом, поскольку от решения поставленной задачи напрямую зависит установление правовой природы договора управления залогом. В работе рассмотрены основные проблемы соотношения данных видов договоров, признаки, отличающие их друг от друга, а также значение каждой из анализируемых договорных конструкций в гражданском обороте.

Ключевые слова: договор управления залогом, договор поручения, залогодержатель, представительство.

GORSHKOV Dmitry Alexandrovich

General Director of «Gorshkov and Partners» Law Firm, competitor of Business law sub-faculty of the Russian State University for the Humanities

PLEDGE MANAGEMENT AGREEMENT AND ASSIGNMENT AGREEMENT

The comparison of such contractual structures as the pledge management agreement and the assignment agreement does not raise questions about the expediency and practical significance: perhaps, the ratio of these agreements can be recognized as the cornerstone problem of the theory of the institute of pledge management, since the establishment of the legal nature of the pledge management agreement directly depends on the solution of the task. The paper deals with the main problems of the correlation of these types of contracts, the signs that distinguish them from each other, as well as the importance of each of the analyzed contractual structures in civil circulation.

Keywords: pledge management agreement, assignment agreement, pledgee, representative office.

На первый взгляд, договор управления залогом и договор поручения действительно немного похожи: оба являются консенсуальными, двусторонне обязывающими, возмездными (по общему правилу). Однако уже гражданско-правовая характеристика сопоставляемых договорных конструкций позволяет убедиться в их неидентичности: в отличие от договора поручения, договор управления залогом является также предпринимательским, срочным договором, рассчитанным на длящиеся отношения сторон, и предполагающим, как правило, множественность на стороне кредитора-залогодержателя, в целом не свойственную договору поручения. Конечно, на стороне поручителя может быть множественность лиц, однако это скорее исключение, чем правило.

Научные исследования, посвященные договору управления залогом, нередко апеллируют к конструкции договора поручения, что предопределено не только правилом п. 6 ст. 356 ГК РФ, но и особенностью модели представительства, заложенной в договоре управления залогом. Так, анализ его легальной дефиниции позволяет убедиться в его представительском характере, поскольку управляющий залогом действует от имени и в интересах всех кредиторов, являющихся стороной договора управления залогом. По этому поводу Л. Ю. Василевская отмечает следующее: «решая вопрос о возможности конструирования договора управления залогом по двум основным договорным моделям представительства (прямое или косвенное), законодатель избрал договор поручения (глава 49 ГК РФ), который, как известно, служит правовой формой прямого представительства (поверенный выступает от имени доверителя), и исключил договор комиссии (глава 51 ГК РФ), правовой режим которого свидетельствует о косвенном представительстве (комиссионер выступает от собственного имени)» [1].

Анализ правила п. 6 ст. 356 ГК РФ требует особой оценки. Так, в этом пункте ст. 356 ГК РФ законодатель дифференцирует договор управления залогом по договорным моделям, поскольку прямо пишет, что правила о поручении относятся исключительно к той договорной модели договора управления залогом, в которой управляющий залогом не

является одновременно кредитором-залогодержателем. Эта норма носит крайне дискуссионный характер и подвергается многочисленным, порой весьма противоречивым, интерпретациям в научном сообществе. К примеру, Л. Ю. Василевская, давая оценку этому правилу, пишет следующее: «договор управления залогом не является слепком, копией договора поручения: его конструирование по модели поручения (обратим на это особое внимание!) возможно только субсидиарно и только применительно к обязанностям управляющего залогом» [1]. В то же время именно правило п. 6 ст. 356 ГК РФ является одним из основных аргументов в пользу необходимости «проведения прямых параллелей между этой конструкцией и договором поручения» [2].

В научной литературе можно встретить критические замечания по поводу отсутствия четкой дифференциации двух договорных моделей договора управления залогом, которые отличаются по правовому статусу управляющего залогом. Так, Л. В. Щербачева по этому поводу справедливо отмечает, что несмотря на единство предметов этих двух договорных моделей, разница в их юридической природе все-таки присутствует: договор управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо, обладает характеристиками договора поручения, что следует из системного толкования п.п. 1, 3, и 6 ст. 356 ГК РФ [3]. Примечательно, что, передавая управляющему залогом права и обязанности залогодержателя, последний лишается правовой возможности самостоятельной реализации указанных прав и обязанностей. Аналогичное не свойственно правоотношениям, основанием возникновения которых выступает договор поручения: за доверителем сохраняются те права и обязанности, исполнение которых поручено поверенному.

Таким образом, можно сформулировать промежуточный вывод о том, что договор управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо, обладает некоторыми схожими признаками с договором поручения, что не свойственно в том же объеме модели договора управления залогом, управляющим по которому выступает кредитор-залогодержатель.

О предмете договора поручения можно судить по легальной дефиниции этой конструкции: «по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счет другой стороны (доверителя) определенные юридические действия». Следовательно, предметом договора поручения выступают определенные юридические действия. Из этого следует, как минимум, два взаимосвязанных вывода: во-первых, предмет договора поручения охватывает только юридические действия и не касается действий фактического характера¹; во-вторых, юридические действия, составляющие предмет поручения, определенно установлены договором. Последнее означает, что поверенному поручается совершение конкретных юридических действий, обусловленных не выполняемой им функцией, как это характерно для договора управления залогом, а конкретным поручением доверителя. При этом в судебной практике сложилась правовая позиция, согласно которой, договор следует квалифицировать именно в качестве поручения, если его содержание исчерпывается заключением гражданско-правовых договоров от имени доверителя и при этом не включает в себя совершение каких-либо фактических действий². По поводу предмета договора поручения А. В. Егоров обращает внимание на важность конкретизации юридических действий с учетом соответствующих положений гражданского законодательства о поручении (п. 1 ст. 971, п. 1 ст. 973 ГК РФ) [4]. Аналогичная конкретизация не свойственна для договора управления залогом: более того, смысл профессионального статуса управляющего залогом предполагает, что он осуществляет управление не по заданию заказчика (кредиторов-созалогодержателей), а руководствуясь собственным управленческим опытом и интересами кредиторов. Это предопределяет самостоятельность управляющего залогом в выборе конкретного перечня юридических и фактических действий, необходимых для осуществления управления.

Анализ судебно-арбитражной практики, складывающейся вокруг договора поручения, позволяет сделать вывод о ряде особенностей предмета этой конструкции. Прежде всего, следует подчеркнуть ограничительное толкование п. 1 ст. 971 ГК РФ: несмотря на то что в легальной дефиниции договора поручения упоминаются юридические действия как предмет этого договора, далее по тексту соответствующей главы ГК РФ речь идет исключительно о сделках, что позволяет сделать вывод о том, что предметом договора поручения выступают не любые юридические действия, а только те, которые могут быть квалифицированы в качестве сделок. Именно подобная логика легла в основу судебных актов, в которых определенные юридические действия, не являющиеся сделками, не были признаны допустимым предметом договора поручения, что впоследствии послужило основанием для перекалфикации соответствующих правоотношений сторон. Так, в числе таких юридических действий: расчеты за тепловую энергию³, внутрибанковские проводки⁴, перечис-

ление суммы задолженности платежным поручением⁵, размещение обыкновенных бездокументарных акций⁶, совершение действий по перечислению денежных средств⁷, передача имущества, направленная на восстановление нарушенного права лица⁸, действия по изъятию имущества из хозяйственного ведения⁹, действия по исполнению договора¹⁰. Думается, что последнее из перечисленных юридических действий, не могущих быть предметом договора поручения, заслуживает особого анализа: так, управляющий залогом, вступая в договорные отношения, обусловленные договором управления залогом, в некотором роде берет на себя обязательства по исполнению договоров залога, заключенных с каждым созалогодержателем. Таким образом, сказанное позволяет сделать однозначный вывод о том, что предмет договора управления залогом и договора поручения не позволяют сформулировать вывод об их тождестве: в отличие от договора управления залогом, предметом договора поручения выступают только конкретные юридические действия, сводимые, как правило, к заключению сделок.

Что касается предмета договора управления залогом, то несмотря на присутствующую неопределенность в этом вопросе, все-таки представление о нем может быть сформировано на основе анализа положений ст. 356 ГК РФ. Легальная дефиниция договора управления залогом позволяет сформулировать его предмет, под которым следует понимать действия управляющего залогом по управлению заложенным имуществом через призму реализации юридических и фактических действий, необходимых для осуществления функции управления в интересах кредиторов.

Таким образом, предметом договора управления залогом являются юридические и фактические действия, обусловленные функцией управления, а предметом договора поручения – только конкретизированные договором юридические действия, сводимые, как правило, к заключению сделок.

Вопрос о перечне существенных условий договора поручения относится к числу дискуссионных. Так, существует правовая неопределенность относительно того, является ли условие о размере и порядке выплаты вознаграждения, причитающегося поверенному, существенным условием договора поручения. Относительно возмездной/безвозмездной природы исследуемой договорной конструкции законодатель устанавливает диспозитивное правило о том, что вознаграждение может быть предусмотрено законом, иными правовыми актами или условиями договора. Примечательно, что закон предусматривает три случая, когда договор по-

и противоположная практика, например: Постановление ФАС Московского округа от 25 октября 2007 г. № КГ-А40/9295-07 по делу № А40-59636/06-73-1118 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).

- 1 См. об этом: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 05 августа 2005 г. № А58-2696/04-Ф02-3699/05-С2; Постановление ФАС Поволжского округа от 31 января 2011 г. по делу № А06-2296/2010; Постановление ФАС Поволжского округа от 26 августа 2008 г. по делу № А72-7894/2007; Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2010 г. № 15АП-2006/2010 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 2 Постановление ФАС Уральского округа от 24 июня 2013 г. № Ф09-4718/13 по делу № А60-38808/2012 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 3 См. об этом: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 19 января 2006 г. № А10-2661/05-Ф02-6864/05-С2 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 4 См. об этом: Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27 декабря 2006 г. по делу № А13-14089/2005-06; Постановление ФАС Московского округа от 20 февраля 2006 г. № КГ-А40/641-06 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.). Хотя на этот счет встречается
- 5 Определение ВАС РФ от 29 августа 2007 г. № 10448/07 по делу № А03-13185/06-35 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 6 Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 01 августа 2008 г. по делу № А28-7678/2007-201/17 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 7 Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 05 сентября 2006 г. № Ф04-5705/2006(26066-А45-16) по делу № А45-26336/05-1/698 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 8 Постановление ФАС Поволжского округа от 09 октября 2007 г. по делу № А65-3651/2007-СЗ-25 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 9 Постановление ФАС Северо-Западного округа от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14337/2005; Постановление от 16 октября 2006 г. по делу № А66-14336/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 10 Постановление ФАС Уральского округа от 23 ноября 2006 г. № Ф09-10649/06-С4 по делу № А71-2601/06-Г7; Постановление от 16 февраля 2006 г. № Ф09-597/06-С4 по делу № А50-32095/2005 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).

ручения является возмездным: за услуги морского брокера¹¹; за услуги брокера, осуществляющего деятельность на рынке ценных бумаг¹²; за услуги адвоката¹³. По поводу последнего имеется позиция, сформировавшаяся в судебно-арбитражной практике: условие выплаты вознаграждения является существенным условием договора поручения, если поверенным является адвокат¹⁴. Из этого следует вывод о том, что условие о размере и порядке выплаты вознаграждения поверенному не всегда может быть квалифицировано в качестве существенного. При этом судебно-арбитражной практике знакомо немало случаев, когда вознаграждение поверенного не было определено условиями договора поручения, невзирая на его возмездность¹⁵.

Не меньшую сложность вызывает квалификация в качестве существенного условия о сроке договора поручения. Так, этот вопрос неоднократно становился предметом судебного рассмотрения, в силу чего ответ на него сформировался в судебно-арбитражной практике: ни срок исполнения поручения, ни срок действия договора поручения не являются существенными условиями договора поручения¹⁶. Таким образом, существенным условием договора поручения выступает только его предмет, а существенными условиями договора управления залогом принято считать предмет и срок.

В отличие от договора поручения, договор управления залогом всегда является предпринимательским, поскольку в качестве управляющего залогом может выступать только лицо с особым предпринимательским статусом – индивидуальный предприниматель или юридическое лицо. Представляется, что договор управления залогом, управляющим по которому выступает третье лицо, обладает некоторыми схожими признаками именно с предпринимательским договором поручения.

Рассуждая об отличии договора управления залогом от договора поручения, нельзя не обратиться к анализу судебной практики, в которой был сформулирован вывод о критерии отграничения договора поручения от договора возмездного оказания услуг. С учетом определённой нами услуговой направленности договора управления залогом исследование этого вопроса имеет важное теоретико-прикладное значение для настоящего исследования.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа был сформулирован небезынтересный вывод о том,

что квалификация договора в качестве поручения либо в качестве возмездного оказания юридических услуг зависит от того, какой характер имели указания доверителя/заказчика. Если они имели определяющий характер, то возникшие между сторонами отношения следует квалифицировать как договор поручения. Если же они не обладали таким качеством, то договор следует расценивать, как возмездное оказание юридических услуг. По поводу этого договора суд дополнительно разъяснил: при исполнении договора возмездного оказания юридических услуг указания заказчика имеет второстепенное значение, поскольку исполнитель должен руководствоваться в первую очередь нормами материального и процессуального законодательства¹⁷.

В отличие от поверенного, связанного указаниями поручителя, управляющий залогом характеризуется наличием у него дискреционных полномочий. При этом важно отметить, что дискреционные полномочия управляющего залогом предполагают достаточно высокую степень свободы в выборе действий/бездействий. Под такими полномочиями можно понимать субъективное гражданское право управляющего залогом осуществлять управленческую деятельность, предусмотренную договором управления залогом, по собственному усмотрению. Вывод о наличии у управляющего залогом дискреционных полномочий не следует напрямую из положений ст. 356 ГК РФ, равно как и из этих правил не следует вывод об отсутствии таких полномочий. В отличие от договора поручения и аналогичных договорных конструкций, в корпусе норм, о которых есть специальная статья, посвященная обязанностям поверенного, идентичных правил в нормах договора управления залогом не имеется. В ст. 356 ГК РФ есть несколько взаимосвязанных правил об обязанностях управляющего залогом: он реализует все права и обязанности залогодержателя по договору залога; он осуществляет эти права и обязанности на наиболее выгодных для кредитора (кредиторов) условиях; определенные правомочия залогодержателя могут осуществляться управляющим залогом с предварительного согласия кредитора (кредиторов), если это условие предусмотрено договором управления залогом.

Из сказанного может быть сделан следующий общий вывод. Договор управления залогом и договор поручения отличаются по порядку оформления полномочий управляющего залогом/поверенного: в договоре управления залогом – достаточно заключения собственно договора, к которому применяются правила о доверенности; в договоре поручения – необходима выдача доверенности наряду с договором поручения, отсутствие которого не влияет на действительность сделки.

Пристатейный библиографический список

- 11 См. об этом: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2023 г.).
- 12 См. об этом: О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.08.2023 г.).
- 13 См. об этом: Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.06.2023 г.).
- 14 См. об этом: Определение ВАС РФ от 03 апреля 2008 г. № 3857/08; Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 26 сентября 2007 г. по делу № А29-8614/2006-2э; Определение Свердловского областного суда от 15 июня 2006 г. по делу № 33-4190/2006; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 февраля 2018 г. № Ф07-16769/2017 по делу № А56-86091/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 15 См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03 мая 2017 г. № Ф08-1346/2017 по делу № А32-7003/2016; Постановление ФАС Центрального округа от 09 марта 2010 г. № Ф10-2147/09(2) по делу № А54-2806/2008-С22 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 16 См. об этом: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 01 октября 2010 г. № 15АП-2006/2010 по делу № А53-22853/2009 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).
- 17 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 мая 2017 г. № Ф05-5734/2017 по делу № А40-174033/2016 // [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023 г.).

КОВАЛЕНКО Мария Андреевна

младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Правовое регулирование в условиях цифровизации» Волгоградского государственного университета

МЕДИЦИНСКИЙ РАБОТНИК КАК СУБЪЕКТ ОКАЗАНИЯ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ*

В статье анализируются вопросы, связанные с определением категорий медицинских работников, которые могут оказывать телемедицинскую помощь в рамках общего и экспериментального правового регулирования. Автор изучает проблемы разграничения ответственности лечащего врача и врача-консультанта. Рассматривается роль врача-консультанта при предоставлении им телемедицинских услуг. Также исследуется вопрос об обоснованности дифференциации полномочий врача при оказании телемедицинской помощи в зависимости от наличия очного посещения.

Ключевые слова: телемедицина, медицинский работник, лечащий врач, врач, врач-консультант, врач-специалист, дистанционная консультация, дистанционное наблюдение, лечение, экспериментальный правовой режим.

KOVALENKO Mariya Andreevna

junior researcher of the scientific research laboratory "Legal regulation in the context of digitalization" of the Volgograd State University

A HEALTH PROVIDER AS PERSON OF RENDERING TELEMEDICAL CARE: ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION

The article analyzes issues related to the definition of categories of medical professionals who can provide telemedicine care within the framework of general and experimental legal regulation. The author studies the problems of differentiating the responsibilities of the attending physician and the consultant physician. The role of a consultant physician in providing them with telemedicine services is considered. The issue of the validity of differentiating the powers of a doctor in providing telemedicine care, depending on the availability of face-to-face visits, is also being investigated.

Keywords: telemedicine, healthcare providers, attending medical doctor, doctor, consulting physician, medical specialist, telehealth visit, remotely observations, medical treatment, regulatory sandbox.

В законодательстве Российской Федерации была закреплена возможность оказания медицинской помощи пациенту с использованием телемедицинских технологий. Это было обусловлено необходимостью обеспечения гарантированности медицинских услуг лицам, проживающим в отдаленных населенных пунктах, повышения их качества, минимизации издержек. Цифровизация общественных отношений является общераспространенным вектором развития. Применение ее достижений в сфере охраны здоровья граждан стало закономерным следствием. Однако из-за особенностей медицинской деятельности, повышенной ценности соблюдения прав и свобод человека при ее осуществлении, использование телемедицинских технологий возможно только при наличии определенных ограничений. Это позволяет снизить риск наступления негативных последствий. Такие ограничения, в том числе, связаны с субъектом оказания телемедицинской помощи.

Важное практическое значение имеет разрешения вопроса о категориях медицинских работников, которые могут оказывать телемедицинскую помощь. Это касается установления правил о квалификации и стаже врача, возможности привлечения к предоставлению телемедицинских услуг среднего медицинского персонала (например, акушер, медицинская сестра, фельдшер), о предстоящем осуществлении лечения пациента данным врачом. Регламентация характеристик участников телемедицинской помощи со стороны медицинской организации является важной мерой для достижения баланса публичных и частных интересов, обеспечения гарантированности и качества медицинской помощи.

Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» оперирует понятиями «медицинский работник», «лечащий врач», «врач», «врач-специалист», «фельдшер», «акушер», «врач-терапевт». Именно лечащий врач ответственен за назначение лечения.

Пункт 4 статьи 8 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» устанавливает содержание понятия медицинской услуги. Медицинская услуга представляет собой медицинское вмешательство или комплекс таких вмешательств, имеющих своей целью профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию, которые обладают самостоятельным закончен-

ным значением. Также в пункте 8 указанной статьи приводится легальное определение понятия «лечение». Согласно нему лечение устанавливается медицинским работником для устранения или облегчения проявлений заболевания или заболеваний либо состояний пациента, восстановления или улучшения его здоровья, трудоспособности и качества жизни. Также медицинская услуга может включать диагностику и профилактику заболеваний, медицинскую реабилитацию. Содержание диагностики как разновидности медицинской услуги приводится в пункте 7 статьи 2 вышеуказанного Федерального закона. Под ней понимается распознавание состояний или установление факта наличия или отсутствия заболеваний. К способам осуществления относятся сбор и анализ жалоб пациента, данных анамнеза и осмотра, проведение лабораторных, инструментальных, патолого-анатомических и иных исследований. В свою очередь, диагностика осуществляется для последующего установления диагноза, определения стратегии лечения и контроля непосредственно за его эффективностью¹.

Также в данной статье содержится правовая дефиниция лечащего врача. В качестве признаков, выделяющих лечащего врача, указываются осуществляемые им действия: организация и оказание пациенту медицинской помощи в период наблюдения за ним и его лечения.

Кроме того, правовой статус лечащего врача регламентирован в статье 70 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Исходя из содержания данной статьи, лечащий врач обязан организовать обследование и лечение пациента, предоставить сведения о состоянии здоровья, установить диагноз. При осуществлении своих обязанностей лечащий врач должен действовать своевременно, квалифицированно, проводить всестороннее обследование пациента. Однако фельдшер и акушерка также могут оказывать непосредственную помощь пациенту при наличии определенных условий².

Вместе с тем в пункте 8 статьи 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» используется термин «медицинский работник» применительно к субъектам организации и осуществления лечения. Закономерно поставить вопрос о том, охватывается ли содержание данного термина только лечащим врачом, фельдшером и акушером. Указанная проблема является особо

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>. The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

1 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.
2 Там же.

актуальной при определении субъектов оказания телемедицинской помощи.

Статья 36.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» регламентирует специфику использования телемедицинских технологий при оказании медицинской помощи. В ней предусматривается, что лечащий врач может корректировать ранее назначенное лечение, назначить дистанционное наблюдение в ходе телемедицинской консультации. Однако для использования такой возможности необходимо соблюдение требования о том, что этот же лечащий врач должен установить диагноз и назначить лечение на очном приеме (осмотре, консультации).

Для детализации порядка предоставления медицинской помощи с использованием цифровых технологий был принят Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий». Указанный порядок предусматривает несколько форм использования цифровых технологий при осуществлении медицинской деятельности: дистанционное взаимодействие медицинских работников между собой и дистанционное взаимодействие медицинских работников с пациентами и (или) их законными представителями³. Применительно к каждому виду оказания телемедицинской помощи определяются их участники. Согласно п. 44 вышеприведенного Порядка участниками дистанционной консультации выступают пациент (его законный представитель) и медицинский работник (медицинские работники). Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий предусматривает еще одну фигуру медицинских работников – врач-консультант. Исходя из лингвистического толкования пунктов 47-49 вышеуказанного Порядка, врач-консультант и лечащий врач могут провести дистанционную консультацию пациенту (его законному представителю). Однако выбор субъекта оказания телемедицинской помощи влияет на характер такой консультации. Только лечащий врач, который на очном приеме (осмотре, консультации) установил диагноз и назначил лечение, вправе корректировать лечение, выдавать рецепты на лекарственные препараты в виде электронного документа, определять виды дополнительных обследований пациента. Особо акцентируется, что такая возможность допустима, если консультация и очный прием были осуществлены по одному обращению. Врач-консультант не может при оказании телемедицинской помощи осуществлять такие функции. Если пациент обратился к нему без предварительного очного приема, то он вправе проводить только диагностические мероприятия, выдать только медицинское заключение. Такое медицинское заключение может включать рекомендации о прохождении дополнительных обследований пациентом. Однако это возможно, если было принято решение о необходимости последующего посещения пациентом (законным представителем) врача очно.

Преимущественно врач-консультант участвует в телеконсультировании лечащего врача для содействия в лечении пациента. Царегородцев А. Л. указывает на широкую распространённость такой практики в субъектах Российской Федерации, расположенных на Севере [8, с. 310-315]. Дистанционное обращение к врачу-консультанту значимо в таких регионах России из-за географической отдаленности от крупных ведущих медицинских организаций, транспортных и временных издержек при очном обращении к нему. Например, в состав бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Окружная клиническая больница» включен телемедицинский центр. Согласно данным официального сайта лечащие врачи данной медицинской организации обращаются к врачам-консультантам из НЦССХ им. А. Н. Бакулева, НИИ нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко, Российской детской клинической больницы, Института хирургии им. А. В. Вишневского, НИИ глазных болезней им. Гельмгольца, Научного центра акушерства, гинекологии и перинатологии им. В. И. Кулакова и других. В год проводится около 4 000 консультаций с использованием телемедицинских технологий⁴.

3 Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (зарегистрирован 09.01.2018 № 49577) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201801100021>. Дата опубликования 10.01.2018.

4 Телемедицинский центр // Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: официальный сайт.

Следует отметить вопросы разграничения ответственности лечащего врача и врача-консультанта. В п. 9 Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30.11.2017 г. № 965н, определено, что врач-консультант несет ответственность только за рекомендации, которые нашли отражение в данном им медицинском заключении. В связи с этим, А. В. Попова выделяет в качестве проблемы правового регулирования телемедицинских технологий в России отсутствие ответственности лечащего врача при постановке диагноза в дистанционном формате [5, с. 58]. Думается, что отсутствие специального регулирования ответственности лечащего врача при оказании телемедицинских услуг не позволяет сделать вывод о том, что лечащий врач не несет какой-либо ответственности. Такая ответственность должна устанавливаться на основании общих положений об оказании медицинской помощи. Д. М. Мусафина-Бредихина констатирует, что привлеченный для содействия в лечении пациента лечащим врачом врач-специалист отвечает «только в пределах своей консультации, лечащий врач – за все» [3, с. 74].

Следовательно, лечащий врач является основным субъектом оказания медицинской помощи пациенту в традиционной форме. Данное толкование подтверждается тем, что в качестве участников дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациентов указан лечащий врач, а не медицинские работники в целом. Медицинский работник может быть субъектом дистанционного наблюдения только при критическом отклонении показателей состояния здоровья от предельных значений.

Исходя из осуществляемых лечащим врачом функций, возложенных на него федеральным законодательством, только он может дополнять назначенное пациенту лечение, дистанционно наблюдать за ним в рамках дистанционного взаимодействия. Это позволяет обеспечить комплексность, полноту и последовательность лечения, поскольку такой лечащий врач очно наблюдал и диагностировал пациента. Е. А. Смирнова, А. А. Шишанова также придерживаются позиции, что только лечащий врач, который проводил очный прием пациента в медицинской организации, может дистанционно наблюдать за ним и корректировать лечение [7, с. 93]. Таким образом, у пациента нет возможности после посещения лечащего врача очно, выбрать другого лечащего врача и дистанционно скорректировать у него назначенное первым лечащим врачом лечение. Однако существуют ситуации, в которых пациент желает пройти дистанционное лечение у другого врача.

В статье 36.2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» регламентируется возможность приостановления действия правила о том, что дистанционная корректировка лечения и наблюдение могут быть осуществимы только после очного приема у лечащего врача. Такое допустимо при установлении экспериментального правового режима.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 18.07.2023 г. № 1164 была утверждена программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан (далее по тексту также – Программа). В пп. «з» п. 4 данной Программы определяются условия, при которых возможны коррекция лечения или его назначение. К ним относятся предварительное очное установление диагноза лечащим врачом, наличие подтверждающего медицинского документа и необходимого объема медицинской информации о пациенте. Однако такие возможности могут быть реализованы, если врач работает в той же медицинской организации, в которой был осуществлен очный прием (осмотр, консультация)⁵.

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://okbhmao.ru/portfolio/spetsializirovannye-tsentry/telemeditsinskiy-tsentr/> (дата обращения: 28.01.2024).

5 Постановление Правительства Российской Федерации от 18.07.2023 № 1164 (ред. от 18.07.2023) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307200023>. Дата опубликования 20.07.2023.

Как усматривается из рассмотренных положений Программы и общего регулирования при проведении дистанционной консультации не в рамках экспериментального правового режима врач не может назначить лечение, если оно не было установлено на очном приеме. Однако в нормах общего регулирования предусматривается возможность коррекции лечения, которое было назначено по тому же обращению, что и стало основанием для проведения дистанционной консультации. В программе экспериментального правового режима предусматривается, что коррекция очно установленного лечения возможна при постановке диагноза по тому же заболеванию на очном приеме (осмотре, консультации). Полагаем, что термины «обращение» и «заболевание» не тождественные.

Стоит обратить внимание, что при описании порядка и условий проведения дистанционной консультации в условиях осуществления экспериментального правового режима используется дефиниция «врач». Понятие «лечащий врач» употребляется при описании условий предоставления консультаций с использованием цифровых технологий – предварительное очное установление диагноза и назначение лечения лечащим врачом. Также отсутствует такой субъект, как врач-консультант. Также дистанционное наблюдение может быть назначено не только лечащим врачом, но и другим работающим в медицинской организации, в которой был осуществлен очный прием пациента, врачом.

Таким образом, в рамках общего регулирования коррекция лечения, дистанционное наблюдение могут быть осуществлены лечащим врачом. Только при критическом изменении параметров состояния здоровья другие медицинские работники могут осуществлять дистанционное наблюдение. Врач не может назначить лечение в рамках консультации с использованием телемедицинских технологий, если оно не было установлено на очном приеме. Однако в условиях действия правовых норм общего регулирования возможно проведение дистанционной консультации врачом-консультантом, который составляет медицинское заключение без записи о коррекции лечения, формировании электронного рецепта, назначении дистанционного наблюдения. Между тем, неизвестно, возможна ли выдача медицинского заключения в рамках мероприятий по оказанию медицинской помощи без указания на допустимое лечение.

В рамках экспериментального правового режима субъектами со стороны медицинской организации являются лечащий врач или врач, который имеет не менее семи лет стажа работы по специальности, работающий в той же медицинской организации, в которую обращался очно пациент.

Стоит отметить, что сокращение выбора субъектов оказания телемедицинской помощи является ограничением права на выбор врача и медицинской организации. Указанное право закреплено в п. 1 ч. 4 ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁶. Однако право на выбор врача и медицинской организации в традиционной форме также имеет пределы реализации. А. В. Данилов, М. В. Гладышев, О. А. Бахметьева указывают, что право на выбор организации для получения первичной медико-санитарной помощи не является абсолютным, а исходит из необходимости соблюдения принципа территориально-участковой приближенности. Авторы указывают, что действие данного принципа обоснованно практической целесообразностью, поскольку данный вид медицинской помощи предполагает выезд участкового врача-терапевта на дом [2, с. 128]. Оказание медицинских услуг с использованием цифровых технологий возможно также при первичной медико-санитарной помощи. В такой ситуации затруднения, которые могут возникнуть из-за удаленности пациента и участкового врача-терапевта, могут быть преодолены. Е. С. Богомяткова, Е. А. Орех, М. Е. Глухова, анализируя распространение использования телемедицины в России на примере Санкт-Петербурга, указывают, что преимущественно обращаются за дистанционными консультациями к врачу, к которому обращались очно и которому доверяют [1, с. 38]. Таким образом, следует предположить, что пациент, по каким-либо причинам, оказавшийся в границах территории другой медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь, будет склонен к дистанционной консультации с участковым врачом-терапевтом, с которым он давно взаимодействует. Однако, как было выше указано в рамках оказания телемедицинской помощи на основании общего регулирования назначение лечения при отсутствии невозможно, только получение сведений рекомендательного характера. При использовании

телемедицинских технологий в условиях проведения экспериментального правового режима возможно назначение лечения, если пациент ранее очно обращался в медицинскую организацию по тому же заболеванию.

Е. И. Аксенова, С. Ю. Горбатов, анализируя опыт законодательной регламентации возможности оказания телемедицинской помощи в разных государствах, указывают, что в Германии был принят типовой профессиональный свод правил для врачей (МВО-А), который позволяет осуществлять дистанционное лечение пациента при отсутствии его очного обращения в медицинскую организацию. Критерием для реализации данного положения является медицинская целесообразность и эффективность такого лечения [6, с. 16].

Кроме того, в п.3 ч. 4 ст. 19 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено право пациента на получение консультаций врачей-специалистов. В части 2 статьи 70 данного Федерального закона закрепляется полномочие лечащего врача на приглашение врача-специалиста для консультации. Еще в 2013 году Д. В. Пивень, И. С. Кицул констатировали, что данное право редко используется пациентами, многие медицинские работники не осведомлены о нем. Также они указали на необоснованное ограничение правомочий лечащего врача. Лечащий врач может только пригласить врача-специалиста для консультации, однако не может направить к нему пациента для проведения консультации с применением цифровых технологий [4, с. 15]. Данный механизм не получил детализации при определении особенностей оказания телемедицинской помощи в актах общего регулирования и в программе экспериментального правового режима.

Думается, обоснованным является подход, закрепленный в законодательстве Германии. В рамках осуществления медицинской помощи встречаются случаи, когда назначение лечения возможно без проведения очного посещения. Однако решение вопроса о необходимости предварительного очного посещения врача ставится в зависимости от наличия оценочных категорий – эффективность и целесообразность. Это может привести к существенным ошибкам. Полагаем, важным является разработка стандартов оказания телемедицинской помощи с указанием типов заболеваний, обращений, по которым не будет применяться обязательное требование об очном посещении врача для установления диагноза.

Приставленный библиографический список

1. Богомяткова Е. С., Орех Е. А., Глухова М. Е. Телемедицина в российских мегаполисах: проблемы и перспективы // Социологический журнал. – 2023. – Том 29. – № 3.
2. Данилов А. В., Гладышев М. В., Бахметьева О. А. Право гражданина на выбор врача и медицинской организации // Прикладные информационные аспекты медицины. – 2018. – Т. 21. – № 1.
3. Муштафина-Бредихина Д. М. Правовой аспект ответственности врача за здоровье пациента // Неонатология: новости, мнения, обучения. – 2020. – Том 8. – № 4.
4. Пивень Д. В., Кицул И. С. О праве пациента на проведение консультаций врачами-специалистами по его требованию или по требованию его законных представителей // Менеджер здравоохранения. – 2013. – № 10.
5. Попова А. В. Телемедицина в России и за рубежом: к вопросу о правовом регулировании // Вестник МПГУ. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 1 (33).
6. Регулирование услуг телемедицины в различных странах мира: экспертный обзор [Электронный ресурс] / Е. И. Аксенова, С. Ю. Горбатова. – Электрон. текстовые дан. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023.
7. Смирнова Е. А., Шишанова А. А. Телемедицина в новых правовых реалиях // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2018. – № 3 (8).
8. Царегородцев А. Л. Эффективность использования телемедицины в Северных регионах Российской Федерации // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 3.

6 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.

ЛИТЯГИНА Алла Сергеевна

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

КОКОВА Лиана Руслановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Одна из основных тенденций современности – это активная и масштабная цифровизация глобального пространства в мире. С 2000-х гг. в Российской Федерации наблюдается активное внедрение информационно-коммуникационных технологий во всех сферах жизнедеятельности общества (экономике, здравоохранении, управлении, производстве). Некоторые сферы жизнедеятельности являются наиболее перспективными в части внедрения информационных технологий. К таким отраслям относятся образование, повышение профессиональной квалификации, финансирование, банковское дело, медицина, цифровые и информационные платформы. Научно-технический прогресс очень динамичен благодаря таким новым технологиям как нейросеть, искусственный интеллект, Интернет вещей, виртуальная реальность, кибербезопасность, обработка больших данных. Происходящие преобразования отразились и на такой области как трудовые отношения. В сложившихся обстоятельствах ставится вопрос правового регулирования трудовых отношений, которые меняются под воздействием процессов цифровизации. В сфере трудовых отношений сформировались новые форматы работы, так дистанционная форма работы стала актуальной в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции. Однако регулирования нового вида трудовых отношений не имеет нормативно-правового регламентирования, что создает ряд трудностей. Необходимо разработать и внедрить именно нормативно-правовые акты, регулирующие трудовые отношения в условиях масштабной цифровизации экономики. Документы стратегического и рекомендательного характера разработаны и применяются, однако они не выполняют функцию законодательного регулирования.

Ключевые слова: цифровизация, трудовые отношения, рынок труда, информационные технологии, экономика, дистанционная работа, стратегия, инновации.

LITYAGINA Alla Sergeevna

senior lecturer of Civil law and process sub-faculty of the Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

KOKOVA Liana Ruslanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

One of the main trends of our time is the active and large-scale digitalization of the global space in the world. Since the 2000s in the Russian Federation, there is an active implementation of information and communication technologies in all spheres of society (economics, healthcare, management, production). Some areas of life are the most promising in terms of the introduction of information technology. Such industries include education, professional development, finance, banking, medicine, digital and information platforms. Scientific and technological progress is very dynamic thanks to new technologies such as neural networks, artificial intelligence, Internet of things, virtual reality, cybersecurity, and big data processing. The ongoing transformations have also affected such an area as labor relations. In the current circumstances, the question of legal regulation of labor relations, which are changing under the influence of digitalization processes, becomes a question. In the field of labor relations, new work formats have emerged, and remote work has become relevant in the context of the new coronavirus pandemic. However, there is no legal regulation for the new type of labor relations, which creates a number of difficulties. It is necessary to develop and implement regulations governing labor relations in the context of large-scale digitalization of the economy. Documents of a strategic and advisory nature have been developed and applied, but they do not perform the function of legislative regulation.

Keywords: digitalization, labor relations, labor market, information technology, economics, remote work, strategy, innovation.

Рынок труда и область трудовых отношений подвергаются воздействию цифровых преобразований. Для российской системы законодательного регулирования сферы трудовых отношений данные нововведения являются в определенной степени экзотичными. К примеру роботизация, системы искусственного интеллекта не в полной мере регулируются нормативно-правовыми актами. Приняты определенные документы стратегического и рекомендательного характера, ряд государственных программ, которые направлены на развитие цифровизации в сфере трудовых отношений. К примеру, концепция «Работа 4.0», которая описывает изменения рынка труда под воздействием цифровизации до 2023 года. Среди ученых в области права наибольший интерес

вызывают вопросы законодательного регулирования трудовых отношений, занятости посредством использования Интернет-платформ. Данный вопрос вызывает споры по причине отсутствия нормативно-правового регулирования области трудовых отношений, выстроенных с использованием Интернет-платформ. При этом решение вопросов занятости с использованием платформ находится в области правоприменительной практики. Отсутствие правового регулирования данной формы занятости может стать причиной прекаризации труда, социальной незащищенностью работников, которые задействованы в такого рода деятельности. Кроме того, возможно возникновение кризисных ситуаций, нарушение социальной стабильности.

Литягина А. С.

Кокова Л. Р.

Сфера трудовых отношений подвержена преобразованиям, которые стимулируют динамичные процессы цифровизации экономики. Актуальной становится проблема соответствия изменений, происходящих в трудовой сфере и нормативно-правовых актов, происходящим социальным процессам. Наиболее обсуждаемыми являются такие вопросы как актуальность законодательного регулирования (успевает ли система нормативно-правового регулирования за происходящими изменениями); основные векторы развития в области правового регулирования труда. Основные направления и перспективы развития информационного общества и цифровой экономики определяют государственные программы, стратегии и законодательные акты, которые приняты в течение последних 10 лет.

Одним из таких стратегических документов является Государственная программа «Информационное общество (2011-2020)», которая была принята в 2010 году. В 2014, 2020 годах были внесены изменения, которые позволили сохранить актуальность данного документа [2].

Программа направлена на решение ряда задач и реализацию наиболее приоритетных направлений: повышение доступности и качества государственных услуг, повышение уровня цифровой грамотности населения, развитие экономики с применением информационных и инновационных технологий.

Возникает перечень вопросов, которые связаны с тем, что могут измениться условия труда, возникнуть новые риски для работников, которые реализуют свои профессиональные функции с применением цифровых технологий. Особенно вопросы правового регулирования важны для регулирования контроля реализации трудовой деятельности с применением в рабочей и учебной деятельности инструментов виртуальной и дополненной реальности; создание рабочих мест, где необходим контакт с технологиями искусственного интеллекта, которые имеют функции самообучения; мониторинг трудовых операций персонала с использованием цифровых инструментов; повышение уровня требований к системам защиты информации, в частности и персональных данных.

Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 является одним из политико-правовых документов, который определяет перспективы создания и развития нормативно-правовой базы цифровизации в том числе и в отрасли регулирования труда и трудовых отношений. Данная стратегия направлена на внедрение системного подхода к цифровизации всех отраслей экономического и социального взаимодействия. «Стратегия развития искусственного интеллекта» распространяется на все экономические отрасли, а не только на отрасли государственных информационных технологий. Другой документ, «Стратегия развития отрасли информационных технологий» распространяется исключительно на отдельную отрасль, а именно информационную. Но именно информационная отрасль в условиях масштабной цифровизации оказывает влияние на все процессы: экономические, политические, административные, государственные, социальные, образовательные [1], [3].

В документе обозначены направления развития отрасли информационных технологий, так это формирование полноценной отрасли экономики, которые создадут высокоэффективные рабочие места и будут производить высокотехнологичную продукцию, обладающую высокой конкурентоспособностью. Для повышения производительности труда необходимы разработка и внедрение качественных информационных технологий в различные экономические отрасли. Использование информационных технологий требует разработки эффективной системы информационной безопасности государства и общества.

Если рассматривать применение цифровых технологий в сфере труда, трудовых отношений, то ключевым направлением является развитие специального образования, популяризация определенных профессий.

Положения, которые представлены в стратегических документах наиболее конкретно и детально изложены в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации». Национальная программа состоит из 7 федеральных проектов, предусматривающих меры и мероприятия, свидетельствующие о планировании государством цифровую трансформацию сферы труда в перспективе. В рамках федерального проекта «Цифровые технологии» обосновывается необходимость формирования комфортных условий для создания стартапов, поддержку российских компаний на рынке ИТ-технологий. Разработка законодательной системы нормативно-правового регулирования цифровой экономики, которая снимает барьеры для развития, является основной целью реализации федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды». Закон, который регулирует вопросы электронного документооборота в сфере кадровой политики, был принят именно в рамках указанного федерального проекта. Важнейшее значение имеет ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Закон направлен на легализацию механизмов тестирования инно-

вационных ИТ-технологий. В современных условиях использование механизмов тестирования ограничено.

Федеральный проект «Информационная инфраструктура» предусматривает подключение к глобальной сети максимального количества пользователей, как отдельных физических лиц, так и сотрудников различных организаций.

Вопросы кадровой политики, пути решения представлены в федеральном проекте «Кадры для цифровой экономики». В рамках данного проекта представлены два направления развития кадровой политики в условиях цифровизации экономики: формирование системы образования, направленной на повышение цифровой грамотности населения и подготовку кадров высокой квалификации для работы в условиях цифровизации экономики.

Анализ ряда стратегических и нормативно-правовых актов в части регулирования трудовых отношений в современных условиях масштабной цифровизации позволяет определить тенденции в части регулирования труда в условиях цифровизации экономики.

Государственная политика в области трудовых отношений направлена на обеспечение благоприятных условия для разработки и внедрения в экономику России новых технологий, механизмов и инструментов, создание новых рабочих мест и подготовку кадров соответствующей квалификации, которые обладают необходимыми компетенциями.

В контексте создания широкоформатной нормативно-правовой базы цифровой сферы происходит формирование законодательной базы, которая отражает внедрение цифровых технологий в систему трудовых отношений. Следует отметить, что формирование нормативно-правового пространства цифрового сектора является сложным и многокомпонентным процессом, который включает разработку концептуальных норм и практических алгоритмов, позволяющих максимально эффективно реализовать процесс внедрения информационных технологий [5, с. 190].

Политико-правовые документы (национальные стратегии, национальные программы, федеральные проекты) являются основными векторами формирования и развития правового пространства регулирования цифрового сектора. Данные документы носят рекомендательный характер и являются фундаментом для разработки законодательных актов в дальнейшем. Законодательное оформление трудовых отношений в условиях цифровизации требует детальной и тщательной апробации на практике. Объявляется это тем, что последствия внедрения новых цифровых и информационных технологий в сферу труда непредсказуемы. Решение данных вопросов на законодательном уровне закреплен механизм экспериментальных правовых режимов. В программных документах содержатся положения, которые в обязательном порядке декларируют гуманизм, защиту прав человека, особенно защиту конституционного права на труд.

Внедрение инновационных и информационных технологий может привести к дегуманизации труда, т.е. работник потеряет часть своих функций и будет выступать в качестве вспомогательного компонента цифровой системы [4, с. 411].

В складывающихся условиях необходимо предоставление дополнительных гарантий и обеспечение максимальной защиты прав на осуществление трудовой деятельности. Цифровизация сферы трудовых отношений происходила ускорено и в сложных условиях пандемии COVID-19. Именно в этот период началось активное развитие дистанционного формата работы и данный вид занятости стал крайне распространенным. Необходимо формирование эффективной системы нормативно-правового регулирования трудовых отношений, особенно дистанционного формата работы.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации («вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»).
2. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р (ред. от 26.12.2013) «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)».
3. Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014-2020 годы и на перспективу до 2025 года».
4. Козлова А. Н., Черкашина Ю. К. Дистанционная работа: законодательное регулирование и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. - 2021. - № 15. - С. 407-417.
5. Рыбаков М. С. Правовое регулирование труда в условиях цифровой реальности: основные тенденции развития законодательства // Молодой ученый. - 2023. - № 1 (448). - С. 188-194.

МИТКЕВИЧ Виктория Николаевна

юрист ООО «Торговый дом «Время», г. Симферополь

АВРАМЧЕНКО Диана Сатан

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОКАЗАНИЯ ЭЗОТЕРИЧЕСКИХ УСЛУГ

Статья посвящена исследованию оказания эзотерических услуг с гражданско-правовой точки зрения. Изучено действующее законодательство (гл. 39 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)) и подзаконные акты в указанной сфере, а также точки зрения ученых-правоведов. Кроме того, проанализированы наиболее актуальные судебные решения по вопросам заключения и исполнения обязательств по договору об оказании эзотерических услуг. По результатам исследования сделан вывод о квалифицированном молчании законодателя касательно регулирования данного вида договора, а также о том, что согласно сложившейся правоприменительной практике, недостижение результата оказания эзотерических услуг не является основанием его недействительности и, как следствие, основанием для взыскания денежных средств с исполнителей данных услуг.

Ключевые слова: гражданское право, возмездное оказание услуг, Гражданский кодекс РФ, эзотерика, эзотерические услуги, судебная практика.

MITKEVICH Viktoriya Nikolaevna

Lawyer of LLC "Trading House "Vremya", Simferopol

AVRAMCHENKO Diana Satan

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol

THE CIVIL NATURE OF THE PROVISION OF ESOTERIC SERVICES

The article is devoted to the study of the provision of esoteric services from a civil law point of view. The current legislation (Chapter 39 of the Civil Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Civil Code of the Russian Federation) and by-laws in this area, as well as the points of view of legal scholars, have been studied. In addition, the most relevant court decisions on the conclusion and fulfillment of obligations under the contract for the provision of esoteric services are analyzed. According to the results of the study, it was concluded that the legislator's qualified silence regarding the regulation of this type of contract, as well as that, according to established law enforcement practice, failure to achieve the result of providing esoteric services is not the basis for its invalidity and, as a result, the basis for collecting funds from the performers of these services.

Keywords: civil law, paid provision of services, the Civil Code of the Russian Federation, esotericism, esoteric services, judicial practice.

На сегодняшний день российский законодатель не предусмотрел правовое регулирование института ответственности за оказание эзотерических услуг, в чем содержится определенная проблема, поскольку ввиду актуальности обращения граждан к эзотерическим услугам возникают спорные правовые ситуации, разрешение которых согласно действующему законодательству весьма затруднительно. Данная проблема продолжает оставаться актуальной по сегодняшний день, учёных-правоведов и практиков привлекает специфика законодательного регулирования отношений, которые возникают в связи с оказанием эзотерических услуг.

Существует несколько интерпретаций такого термина, как эзотеризм. Дифференцируются существующие научные концепции главным образом благодаря отраслевому разделению научных деятелей, занимающихся в своих трудах исследованием эзотерики. Именно межотраслевой анализ, приведённый в данной статье, позволяет наиболее полно и всесторонне раскрыть данную дефиницию.

Согласно теоретическому положению, представленному историком С. В. Пахомовым, эзотерика в первую очередь характеризуется как «комплекс специфических интерпретаций реальности». Также С. В. Пахомов отмечает тайный характер и обрядовость данного явления [4, с. 8].

Филологическая концепция Д. Н. Ушакова не даёт прямого определения эзотерики, но предписывает последней определённые черты, а именно: тайность, сокрытость. В качестве целевого назначения Д. Н. Ушаков предписывает эзотерике – служение тайнам того или иного общества или учения, доступность к знаниям которых строго ограничена [5].

Рассмотрим гражданско-правовую составляющую исходя из вышеуказанных понятий об эзотерике. Разумеется, оказание эзотерических услуг не позволяет назвать выполнением работ, потому что отсутствует овеществленный результат. Сущность оказания эзотерических услуг заключается в достижении определенного психологического результата: к примеру, при оказании услуги – гадания, лицо, обратившееся к данной услуге, ожидает получить результат в виде определенной информации о дальнейших сферах его жизни. Данный результат можно достичь посредством осуществления определенной деятельности (п.1 ст.779 ГК РФ¹). Сказанное обуславливает определение эзотерических услуг именно как возмездного оказания услуг (по гл. 39 ГК РФ), а не работ.

Среди философских воззрений наиболее конкретизированным с научной точки зрения, на наш взгляд, является позиция, озвученная в трудах В. П. Кохановского. Согласно данной философской концепции эзотеризм включает в себя исключительно те знания, которые отнести к научным не представляется возможным [3, с. 7].

Таким образом, обобщив все упомянутые концепции, можно сделать вывод о том, что эзотерика является ненаучным учением, главная ценность которого заключается в сакральности знаний о последнем и доступности данных знаний для строго определённого круга лиц. При этом эзотерику можно отнести к оказанию услуг, что регулируется в общем виде в гл. 39 ГК РФ.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

Следует отметить, что, обратившись к действующим актам, удалось обнаружить, что согласно п. 96.09 «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности», в качестве видов предпринимательской деятельности были закреплены услуги медиумов и астрологов². Исходя из информации, закреплённой в упомянутом классификаторе, можно сделать вывод о том, что законодатель признаёт осуществление ряда эзотерических услуг законным, однако не торопится с регулированием правового статуса последних. Указанное однозначно должно характеризоваться как квалифицированное молчание законодателя, которое в свою очередь могло бы привести к нарушению принципа единообразия судебной, а также в более широком смысле правоприменительной практики. Толкуя нормы гл. 39 ГК РФ, договор об оказании эзотерических услуг необходимо отнести к возмездному типу договора. Дискуссионным в таком случае остаётся фактор определения качества оказываемых услуг, данная неопределённость значительно затрудняет защиту нарушенных прав потребителя, как в административном, так и в судебном порядке.

Возникает закономерный вопрос: как определять эзотерические услуги в случае, если отсутствовала возмездность, например, если исполнитель отказывается брать плату с заказчика, осуществив свою деятельность бесплатно? На наш взгляд, данные случаи, с одной стороны, довольно-таки редки, поскольку даже при оказании эзотерических услуг посредством сети Интернет исполнители услуг берут плату; с другой стороны, даже если исполнитель не устанавливает плату за оказание эзотерической услуги (например, гадания на кофе либо посредством карт), это свидетельствует о том, что данная услуга не особо значима для исполнителя, а заказчик не ожидает получить содержательной, подробной информации.

Согласимся в контексте вышесказанного с мнением Д. О. Белтадзе и П. В. Шумова о том, что «Эзотерик проводит ритуал, и за это клиент вносит денежное вознаграждение. Главная проблема таких отношений – это сам факт наступления результата. Результат может наступить от проведенного ритуала либо случайно, по независящим от эзотерика обстоятельствам, а может вовсе не наступить. Наличие результата – это всегда его субъективное восприятие. Это создает большой риск стать жертвой шарлатана. На такой случай статья 159 УК РФ регулирует подобные отношения» [1, с. 18].

На данном этапе проводимого исследования вижу необходимым конкретизировать и разделить эзотерические услуги на две группы. В соответствии с принципом, описанным К. Марком, услуга выражает особую потребительскую стоимость. Потребительная стоимость – это все то, что удовлетворяет человеческие потребности. Приведённая причинно-следственная связь позволяет разделить эзотерические услуги на очевидно имеющие положительный эффект или хоть сколько-то осязаемый результат (к данной группе можно отнести медитации, йогу, образовательные услуги) и мнимые, то есть не несущие в себе никакой пользы для потребителя, а в некотором случае имеющие мошеннический характер (к данной группе следует отнести магические услуги, услуги гадания и др.).

На практике известно множество случаев, когда оказание эзотерических услуг не привело к ожидаемым результатам, к примеру, когда при гадании заказчик не получил необходимой информации касаясь запрашиваемого вопроса. Исполнители эзотерических услуг могут ограничиваться наиболее общими сведениями, не указывая конкретику по интересующему заказчика вопросу (к примеру, вопросы личной жизни, карьеры, материального благополучия, на которые не был получен исчерпывающий ответ). В случае некачественного оказания вышеуказанных услуг сторона, которая понесла экономические потери, оплатив ненадлежаще выполненные эзотерические услуги, при недостижении оговоренного ранее результата по вине услугодателя, вправе применять гражданско-правовые способы защиты нарушенного субъективного права, закреплённые в 12 статье ГК РФ.

Отсюда вытекает вопрос о том, как защищать нарушенные исполнителями эзотерических услуг права лиц, к ним обратившихся. На наш взгляд, есть несколько способов защиты, которые можно рассматривать с точки зрения гражданско-правовой ответственности услугодателя.

2 ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.01.2024).

Первым способом защиты нарушенного права является признание сделки недействительной, совершенной под влиянием обмана. В ситуации с эзотерическими услугами возникает вполне логичный вопрос: имеет ли значение для оспаривания сделки осмотрительность стороны, которая была подвергнута обману? Не совсем понятно, можно ли признавать сделку недействительной в связи с обманом, если разумное лицо на месте контрагента не поверило бы в ложь, а доверчивость контрагента оправдывается его глупостью [2, с. 793]. Поскольку не каждый человек понесет деньги к магам и колдунам, прекрасно понимаю, что их услуги ничего под собой не имеют и лучше потратить деньги более разумно, чем отдавать их этим спорным услугодателям. Вопрос противоречивый, так как не сложилась единая правоприменительная практика по указанному аспекту, но с точки зрения разумности и справедливости было бы логично защищать доверчивых контрагентов от вышеперечисленных злоумышленников. Также следует сказать, что данный способ является одним из самых надежных, ведь доказать обман в данном случае крайне просто.

Вторым способом гражданско-правовой защиты своего нарушенного права является признание сделки недействительной, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности.

Таким образом, оказание эзотерических услуг можно считать двусторонней сделкой, в рамках которой выделяются пороки, в частности, порок воли, порок содержания. Ее правовое регулирование осуществляется на основе общих положений гл. 39 ГК РФ.

Хотелось бы осветить, что в данной связи не требуется, на наш взгляд, предусматривать в рамках ГК РФ главу с конструкцией договора об оказании эзотерических услуг, несмотря на неоднозначность и сложность в защите нарушенных прав в рамках данного договора. Полагаем, что, предусмотрев такой вид договора об оказании возмездных услуг, нарушится принцип юридической экономии, поскольку необходимо в норме такой главы ГК РФ предусмотреть понятие договора об оказании эзотерических услуг, его подвиды, субъектов, существенные условия и т.д. В данном случае квалифицированное молчание законодателя наиболее оптимальное решение, поэтому такая конструкция была бы нецелесообразна, в настоящее время гл. 39 ГК РФ применительно к эзотерическим услугам вполне исчерпывающе применима. Более проблемным вопросом являются способы защиты нарушенных прав в рамках оказания эзотерических услуг, поскольку здесь отдельные правовые способы защиты не всегда соответствуют нарушенному праву. К тому же, при анализе судебной практики обнаружилось, что граждане выбирают различные способы защиты, поэтому здесь имеет место разнобразная судебная практика.

Изучив наиболее актуальную правоприменительную практику, приведем и проанализируем несколько судебных решений. Так, представляет практический интерес Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2018 № 305-КГ18-17421 по делу № А40-214746/2017³. Рассмотрев дело о пересмотре в кассационном порядке судебных актов по делу об оспаривании факта признания незаконной рекламы эзотерических услуг, пришло к выводу о том, что рекламирование услуги, положительный результат которой не может быть гарантирован заявителем, и который не зависит от заявителя, является недопустимым, поскольку содержит заведомо недостоверные сведения относительно качества и характеристик рекламируемой услуги. Таким образом можно сделать вывод о том, что ВС не признаёт ряд эзотерических услуг общественно полезными и отвечающим принципам, закреплённым законодательством РФ о рекламе.

Что касается исков по защите прав потребителей схожую позицию можно обнаружить в Определении Верховного Суда Республики Татарстан № 33-10314/12 от 08 октября 2012 г.⁴, согласно материалам дела: «Истиче как потребителя в нарушение ее прав, установленных статьями 8 и 10 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», не была предостав-

3 Определение Верховного Суда РФ от 06.11.2018 № 305-КГ18-17421 по делу № А40-214746/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-06112018-n-305-kg18-17421-po-delu-n-a40-2147462017/> (дата обращения: 14.01.2024).

4 Определение Верховного Суда Республики Татарстан № 33-10314/12 от 08 октября 2012 г. № 33-10314/12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=219 (дата обращения: 14.01.2024).

лена необходимая полная и достоверная информация о заказываемых Истицей услугах».

Кроме того, судом первой инстанции обоснованно указано на то, что услуги, оказание которых было согласовано между сторонами, не предполагают результата, лежащего в плоскости объективной реальности, вследствие чего определить предмет договора в данном случае не представляется возможным, начальный и конечный сроки оказания информационно-консультационных услуг в соглашении также не указаны».

Представленное Определение абсолютно соотносится с позицией ВС РФ в части отношения к эзотерическим услугам, результат которых «не лежит в плоскости объективной реальности» или простыми словами – не может быть ошутим.

Также аналогичную по своему смыслу позицию содержит Письмо Общественной палаты РФ от 05.12.2014 № 50П-2/2273⁵, согласно которому законопроект содержит ряд терминов – «провидец», «ясновидец», «маг», «колдун», которые не определены законодательством Российской Федерации, что может приводить к неоднозначному их толкованию. Уже сегодня на практике рекламодатели прибегают к замещению этих терминов – «эксперт», «аналитик», «целитель» – ввести ограничения на их употребление в рекламных сообщениях не представляется возможным. По мнению Общественной палаты Российской Федерации, запрет на использование вышеуказанных терминов в рекламе может привести к искажению информации. Эзотерические услуги начнут представлять под видом услуг психоаналитиков, психологов, гипноза».

Исходя из приведенного выше акта можно констатировать тот факт, что Общественная Палата РФ оценивает рекламу (а возможно и само оказание) некоторых эзотерических услуг как опасное для общества явление, влекущее за собой обман населения и неосновательное обогащение лиц, предоставляющих «магические» и тому подобные услуги. Стоит согласиться лишь отчасти, поскольку далеко не все лица, оказывающие эзотерические услуги, осуществляют данную деятельность с противоречивыми публичному порядку целями. При этом многие лица, относясь к эзотерике с позицией сомнения, могут все равно пользоваться услугами данных лиц из личного интереса.

Приведем также один пример из судебной практики, который, на наш взгляд, весьма показателен. Согласно материалам Определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 по делу № 88-9937/2022⁶ ФИО1 обратилась в суд с иском к ООО о защите прав потребителя, мотивированным тем, что между ними был заключен договор об оказании консультационных услуг, за которые истица оплатила ответчику 73 000 руб. Истица утверждала, что ответчик предоставил ей некачественные услуги, результат которых получен не был. Решением суда первой инстанции требования истицы удовлетворены, однако апелляционная инстанция отменила данное решение, оставив требования истицы без удовлетворения. Кассационная инстанция указала, что суды необоснованно оставили без внимания последовательные объяснения ФИО1, из которых следует, что она под псевдонимом, соответствующем ее девичьей фамилии, самостоятельно обратилась в ООО, сведения о котором нашла в печатном издании, за получением консультационных услуг в целях решения проблем в личной жизни. Целью заключения этого договора для ФИО1 являлось получение консультаций и совершение обрядов специалистом-эзотериком для решения проблем в личной жизни в отношении интересующего лица – «Абдурассула (Руслана)» путем проведения обряда и сеанса, что было получено. При этом в письменном договоре, заключенном между сторонами, отсутствовал ряд важнейших условий, которые позволяли бы признать неправомерность

оказания эзотерических услуг, в частности, не оговорено, что по результатам оказания услуг будет достигнут точный, определенный результат. Суд указал, что само по себе не достижение ожидаемого ФИО1 результата договора в виде решения проблем в ее личной жизни в отношении интересующего ее лица – «Абдурассула (Руслана)», не свидетельствует о ненадлежащем качестве оказанных ей консультационных эзотерических услуг и не является достаточным основанием для расторжения договора.

Тем самым, судебные акты нижестоящих суд – отменены, по делу принято новое решение, согласно которому в исковых требованиях гражданки было отказано.

Также стоит обратить внимание на уголовно-правовые возможности противодействия актам мошенничества в рамках оказания эзотерических услуг. В данной категории дел довольно трудноосуществимым на сегодняшний день представляется механизм доказывания наличия причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившими последствиями. Само по себе предоставление эзотерических услуг по действующему законодательству является вполне законным, ключевым фактором, позволяющим говорить о перспективе возбуждения уголовного дела по ст. 159 УК РФ является только наступление негативных последствий для клиента.

Подводя итог всему сказанному, в заключении отметим, что оказание эзотерических услуг можно считать двусторонней возмездной сделкой, в рамках которой выделяются пороки, в частности, порок воли, порок содержания. Ее правовое регулирование осуществляется на основе общих положений гл. 39 ГК РФ и предусматривать в ГК РФ отдельную главу, посвященную эзотерическим услугам, является нецелесообразным и несоответствующим принципам юридической техники. В отдельных аспектах оказание эзотерических услуг по своей природе схоже с оказанием юридических услуг, поскольку ожидается предоставление и разъяснение лицу определенной информации, знание которой поможет лицу в дальнейшем при осуществлении им какой-либо деятельности. Также отметим, что в настоящее время судебная практика по оказанию эзотерических услуг различна, пускай и немногочисленна – это обусловлено спецификой данного договора, а также отсутствием в законе прямого указания на единые способы защиты нарушенных прав. В целом можно говорить о том, что на современном этапе сложно доказать незаконность договора об оказании эзотерических услуг, поскольку недостижение предполагаемого результата не является основанием для расторжения такого договора и взыскания денежных средств, кроме того, предметом данного договора выступает само оказание эзотерических услуг в виде гадания, обрядов и прочего, а исполнитель услуги не несет ответственность за недостижение результата.

Постатейный библиографический список

1. Белтадзе Д. О., Шумов П. В. Проблемы регулирования отношений в сфере эзотерических услуг // Стратегическое развитие социально-экономических систем в регионе: инновационный подход: Материалы IV международной научно-практической конференции. Сборник статей и тезисов докладов, Владимир, 14 мая 2018 года. / Под общей редакцией О. Л. Гойхера, М. А. Баринова, С. С. Захарова. – Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2018. – С. 17-20.
 2. Карапетов А. Г. Комментарии к гражданскому законодательству Глосса. Сделки, представительство, исковая давность. – 1264 с.
 3. Кохановский В. П., Золотухина Е. В., Лешкевич Т. Г., Фатхи Т. Б. Философия для аспирантов: Учебное пособие. Изд. 2-е. – Ростов н/Д: «Фенкис», 2003. – 448 с.
 4. Пахомов С. В. К вопросу о демаркации понятия «Эзотеризм» // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. История. Психология. Философия: Сб. материалов Первой международной научной конференции (Киев, 2007) / Под. ред. С. В. Пахомова, Ю. Ю. Завгороднего, С. В. Капранова. – СПб.: РХГА, 2008. – С. 7-14.
 5. Толковый словарь русского языка (Под ред. Д. Н. Ушакова, 1935-1940).
- 5 Письмо Общественной палаты РФ от 05.12.2014 № 50П-2/2273 <Заключение по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 440359-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе» по вопросу ограничений распространения негативного влияния деятельности астрологов, гадалок, магов, спиритов, экстрасенсов и иных лиц, осуществляющих аналогичные действия под различными наименованиями (знахарь, колдун, ясновидец, провидец, эксперт, специалист, консультант и другие)»>. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=176336#cozhS1UEXL2IHNge1> (дата обращения: 15.01.2024).
- 6 Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.04.2022 по делу № 88-9937/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/opredelenie-88-9937_2022-ot-19.04.2022-vtorogo-kassatsionnogo-suda-obschey-yurisdiktii (дата обращения: 15.01.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-192-194

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат, ННО «Ленинградская областная коллегия адвокатов», филиал «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ПОЛНОМОЧИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ И БЛАГОПОЛУЧИЯ ЧЕЛОВЕКА НА ПОДАЧУ ИСКОВОГО ЗАЯВЛЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ПАЦИЕНТА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

В статье выделены цели обеспечения соблюдения законов о защите прав потребителей, указано предназначение законодательства о защите прав потребителей. Раскрыты причины и основания вмешательства государства в лице Роспотребнадзора для обеспечения защиты прав потребителей. Отмечены проблемы, которые не могут быть решены с помощью частного обеспечения прав потребителей, требующие участия соответствующих государственных органов. Проанализированы полномочия Роспотребнадзора по подаче в суд искового заявления. Рассмотрены возможные формы участия Роспотребнадзора в судебном процессе с клиникой пластической хирургии, особенности статуса Роспотребнадзора как участника дела. Сделан вывод, что цель участия Управления Роспотребнадзора в судебном процессе с клиникой пластической хирургии обусловлена предназначением данного органа в надзоре за исполнением законов.

Ключевые слова: Роспотребнадзор, медицинская клиника, пластическая хирургия, защита прав потребителей, иск, суд, судебный процесс, заключение.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer, NGO "Leningrad Regional Bar Association", branch "Law Firm "Pelevin and Partners"

THE POWERS OF THE FEDERAL SERVICE FOR SUPERVISION OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION AND HUMAN WELL-BEING TO FILE A CLAIM AND REPRESENT THE INTERESTS OF A PATIENT IN A LAWSUIT WITH A PLASTIC SURGERY CLINIC

The article highlights the objectives of ensuring compliance with consumer protection laws, indicates the purpose of consumer protection legislation. The reasons and grounds for state intervention in the person of Rospotrebnadzor to ensure consumer protection are disclosed. The problems that cannot be solved with the help of private provision of consumer rights, requiring the participation of relevant state bodies, are noted. The author analyzes the powers of Rospotrebnadzor to file a statement of claim in court. The possible forms of participation of Rospotrebnadzor in the trial with the clinic of plastic surgery, the features of the status of Rospotrebnadzor as a participant in the case are considered. It is concluded that the purpose of the participation of the Rospotrebnadzor Department in the trial with the plastic surgery clinic is due to the purpose of this body in supervising the execution of laws.

Keywords: Rospotrebnadzor, medical clinic, consumer protection, lawsuit, court, trial, conclusion.

Основными целями правоприменения являются предотвращение нарушений и наказание за них, а также предоставление потребителям, пострадавшим в результате нарушений, допущенных поставщиками, исполнителями (в том числе, медицинскими клиниками), возможности исправить допущенные ошибки (защита прав потребителей).

Обеспечение соблюдения законов о защите прав потребителей преследует две основные цели:

предотвращение нарушений и наказание за них – главным образом государственными органами, стремящимися убрать с рынка недобросовестную практику и продукты посредством запретов, штрафов, отзывов и т.д. Этот тип правоприменения защищает потребителей от мошенников и торговцев, злоупотребляющих своим положением, но также может защитить бизнес от недобросовестной конкуренции со стороны торговцев (исполнителей), которые не придерживаются правил;

защита прав потребителей – достигается главным образом за счет частного правоприменения и коллективных действий, в результате которых потребители, пострадавшие в результате нарушений, стремятся исправить допущенные ошибки, например, исправив недостатки оказанной услуги или вернув свои деньги.

Потребители и государственные органы также могут работать совместно, поскольку угроза судебных исков к

Ястремский И. А.

медицинским клиникам может удержать исполнителей от использования незаконной практики, в то время как государственные органы могут помочь потребителям получить компенсацию, требуя ее от исполнителей или собирая доказательства для своих расследований, которые впоследствии могут быть использованы потребителями для предъявления своих собственных частных претензий (исков).

Защита прав потребителей устраняет несоответствия, обнаруживаемые в отношениях между потребителем и поставщиком, которые включают:

- переговорную силу;
- знания;
- ресурсы.

Вмешательство государства в лице Роспотребнадзора направлено на обеспечение защиты прав потребителей по ряду причин, в том числе:

1. Экономическая эффективность как ключевое условие эффективной работы всех систем. Рынок должен находиться в идеальном равновесии, при котором спрос и предложение имеют равную мощность. Исполнители (медицинские клиники) должны:

- Участвовать в честной конкуренции;
- Ознакомлять потребителей с полной информацией о своих товарах и услугах;

– Соблюдать все законы, касающиеся стандартов безопасности и качества;

– Выплачивать денежную компенсацию потребителям, при возникновении проблем с товарами или услугами.

Что касается спроса, потребители будут действовать разумно и приобретать только продукцию требуемого качества по лучшей цене, тем самым отсеивая любых неконкурентоспособных поставщиков (исполнителей). Потребители должны быть хорошо информированы о товаре или услуге, прежде чем совершать покупку. Они должны быть осведомлены о доступных им средствах правовой защиты, чтобы они могли отстаивать эти права.

Вмешательство государства в лице Роспотребнадзора необходимо для обеспечения того, чтобы поставщики вели себя ответственно, и чтобы пострадавшие потребители имели доступ к средствам правовой защиты. Современный рынок – это не простой процесс частных экономических отношений между поставщиком и потребителем. Государство участвует в нем путем принятия и обеспечения исполнения закона о защите прав потребителей, направленного на обеспечение безопасного и упорядоченного рынка для потребителей.

2. Индивидуальные права: охрана прав потребителей обеспечивает защиту индивидуальных прав в стремлении к уважительному обращению и достоинству. Права потребителей являются частью спектра социальных прав, которыми люди вправе обладать в обществе. Эти права, часто имеющие желательный характер, закреплены в Конституции РФ.

Меры по защите прав потребителей направлены на достижение равенства и социальной справедливости главным образом за счет: а) достижения равенства интересов потребителей и производителей; б) облегчения проблем особо уязвимых групп населения на рынке, такие как дети, бедные, а также лица с особыми потребностями, такие как инвалиды.

Недостатки стандартных договоров, в том числе заключаемых между клиентами и медицинскими клиниками, следующие:

а) Потребитель обычно не будет знакомиться со стандартными условиями договора, которые представлены в медицинской клинике;

б) Объем и типографика полного текста общих условий не позволяют потребителю ознакомиться с мелким шрифтом;

в) Потребитель часто не понимает полного смысла текста условий договора;

г) Если потребитель понимает полное значение текста условий, он может полагать, что событие, упомянутое в разделе, не состоится, и исполнитель не будет ссылаться на условия в конкретных случаях;

д) У потребителя может сложиться ложное впечатление, что условия договора были официально одобрены или соответствуют закону;

е) Потребителю, как правило, не удастся изменить условия договора, а агент или сотрудник исполнителя не будет иметь на это полномочий.

Законодательство о защите прав потребителей, независимо от того, является ли оно частью частного или публичного права, предназначено для применения нижеуказанных принципов и руководствуется мерами, направленными на следующее:

– Налагать определенные права и обязанности на обе стороны и обеспечивать их принудительное исполнение;

– Уравнять по существу неравные отношения между более сильными и более слабыми сторонами, будь то между крупными и мелкими поставщиками (исполнителями) или поставщиками (исполнителями) и потребителями;

– Разрешить вмешательство государства для исправления сбоев рынка в общественных интересах и наказания за оскорбительное поведение;

– Обеспечить государственный контроль за поставщиками (исполнителями), посредством их регистрации и лицензирования, обеспечивая защиту потребителей от безответственных и недобросовестных поставщиков (исполнителей)

с сомнительной репутацией, а также от нежелательных товаров и услуг;

– Убедиться, что продукты и услуги, предлагаемые для продажи, соответствуют минимальным стандартам безопасности и качества;

– Обеспечить доступ к определенным основным товарам и услугам, необходимым для жизни.

В то время как частное право обеспечивает защиту потребителей, существуют проблемы, которые не могут быть решены с помощью частного обеспечения прав потребителей. Например, потребители не всегда способны самостоятельно отстаивать свои права и интересы в отношениях с медицинскими клиниками касательно проведенных пластических операций. Публичное право может использоваться, в частности, для: а) защиты потребителей и исправления недостатков в функционировании рынка с целью защиты честных поставщиков (исполнителей) от недобросовестных конкурентов; б) наказания поставщиков (исполнителей) за недобросовестную практику; в) создания механизмов для функционирования специальных органов по защите прав потребителей.

Публичное право возлагает обязанности, которые исполняются государством. Примерами таких законов являются законы, регулирующие конкуренцию, определенные аспекты безопасности продукции и ответственность, контроль цен, регистрации и лицензирования торговцев и профессионалов.

Следует отметить, что различие между частным и публичным правом не всегда четко прослеживается. Например, распространение небезопасных продуктов является нарушением как частного, так и публичного права, и у потребителя есть средства правовой защиты как в рамках гражданских исков, так и в рамках государственного принуждения.

«Традиционным» средством отстаивания прав является подача частным лицом иска в гражданские суды. Однако этот путь обычно создает значительные барьеры для потребителей ввиду потенциальной подверженности неблагоприятным издержкам в случае проигрыша потребителя, длительности процедуры, недоступности процесса и суда, сложности закона или юридической процедуры, возможной необходимости в экспертной юридической или иной консультации, проблем, связанных с исполнением судебного решения, и пр. Правовые системы большинства стран не смогли должным образом справиться с задачей правоприменения, и, следовательно, потребители не смогли добиться правосудия.

В России потребителям законом предоставляется всесторонняя защита в отношении качества и функциональности товаров и услуг. Все покупатели имеют право покупать товар, который не имеет дефектов и должен соответствовать договору. Если товар неисправен или не соответствует требованиям, все покупатели имеют право на возврат денег, ремонт или замену. На рынке должны продаваться только безопасные товары и услуги, а Закон о защите конкуренции запрещает обманные или вводящие в заблуждение действия компаний.

К сожалению, некоторые исполнители, в том числе и медицинские клиники, проводящие пластические операции, не соблюдают требования закона, нарушая тем самым права и интересы пациентов как потребителей. При этом далеко не всегда споры между потребителями и поставщиками (исполнителями), в том числе медицинскими клиниками удается урегулировать посредством переговоров и претензий. Поэтому потребители нередко вынуждены обращаться в суды для защиты своих нарушенных прав.

У граждан могут возникать сложности при составлении исков и формулировании исковых требований, с доказыванием и обоснованием в судах своих требований. При этом некоторые граждане испытывают затруднения в получении юридической помощи.

На практике справедливости не так легко добиться из-за дисбаланса позиций между потребителями и субъектами бизнеса. Для этого должна произойти перегруппировка прав и обязанностей таким образом, чтобы была достигнута сопоставимая переговорная сила между потребителями и

бизнесом. Эффективные институты защиты прав могут способствовать достижению целей компенсации, урегулирования споров, изменения поведения и разработки норм, а также обеспечить доверие потребителей и бизнеса на рынке. На это направлена и деятельность Роспотребнадзора.

Для защиты нарушенных прав потребителя территориальный орган Роспотребнадзора вправе обратиться в суд. Данный орган будет действовать безвозмездно, в силу имеющихся полномочий и возложенных на него законом функций и обязанностей. Целью участия в судебном процессе с клиникой пластической хирургии Управления Роспотребнадзора является именно защита прав и интересов граждан-потребителей.

Судебная практика – это неотъемлемая часть деятельности Роспотребнадзора, в полной мере используя свои полномочия в отношении судебной защиты потребителей. Участие Роспотребнадзора в судебном процессе существенно повышает шансы потребителей на удовлетворение имущественных исков [1].

Управление Роспотребнадзора в пределах своей компетенции вправе обращаться в суды с заявлениями в защиту прав потребителей, о признании действительными (исполнительными) противоправными и о прекращении этих действий.

В судебном процессе с клиникой пластической хирургии Управление Роспотребнадзора признается лицом, участвующим в деле, как лицо, обращающееся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения (ст. 34 ГПК РФ). Это позволяет реализовывать права лиц, участвующих в деле, установленные ст. 35 ГПК РФ.

При этом Роспотребнадзор обращается в суд с иском от своего имени, но в защиту прав потребителя (потребителей).

Управление Роспотребнадзора также может быть привлечено судом (по ходатайству лица, участвующего в деле) к участию в суде для дачи заключения по существу спора.

Заключение Роспотребнадзора должно быть мотивированным, основанным на нормах законодательства; оно включает выводы по результатам тщательного анализа всех обстоятельств и доказательств по делу, а также мнение о том, как надлежит разрешить иск (заявление). Заключение Управления Роспотребнадзора не является доказательством по делу.

Заключение органа Роспотребнадзора не выступает доказательством по делу, оно является лишь позицией уполномоченного органа по существу спора, подкрепляющая правовую позицию заявителя.

Представляется, что в судебном процессе с клиникой пластической хирургии Управление Роспотребнадзора выступает в суде как уполномоченный госорган, выполняющий возложенные на него задачи и функции.

Заданием представителя Управления Роспотребнадзора при рассмотрении дел является соблюдение прав и законных интересов граждан, вынесение судом законных и обоснованных решений. Управление Роспотребнадзора участвует в судебном процессе в защиту «чужих» интересов как орган государственной власти.

Представитель Управления Роспотребнадзора не имеет права заключать мировое соглашение, не находится в материально-правовой связи с лицом, которое представляет, и тому подобное. Представитель Управления Роспотребнадзора в суде действует от своего имени, а не от имени доверителя, выступая должностным лицом органа, защищающего интересы гражданина (граждан).

При участии в суде Роспотребнадзор не выступает как третье лицо. Роспотребнадзор участвует в судебном процессе с клиникой пластической хирургии не в целях защиты своих субъективных прав и интересов, а на основании закона для осуществления своих обязанностей по защите прав и интересов гражданина (граждан).

В отличие от истца, имеющего личную материально-правовую заинтересованность в исходе дела, таковая у Роспотребнадзора носит лишь процессуальный характер и состоит в стремлении получить положительное решение для гражданина (граждан), в интересах которого данный орган действует.

Роспотребнадзор не выступает участником спорных материально-правовых отношений, поскольку решение суда распространяется не на Роспотребнадзор, а на лицо, в интересах которого оно действует.

Роспотребнадзор не является и «стороной (истцом) в процессуальном понимании», поскольку данный статус не предусмотрен процессуальным законодательством и не соответствует сущности таких институтов, как истец, ответчик, стороны и т.п.

Решение по делу принимает суд, который вправе как согласиться с доводами Роспотребнадзора об обоснованности заявленных требований, так и не делать этого.

Поэтому, защищая в судебном процессе с клиникой пластической хирургии интересы гражданина, Управление Роспотребнадзора является равноправным участником процесса, осуществляя тем самым надзор за соблюдением законов.

Объем процессуальных полномочий Управления Роспотребнадзора должен быть общим и не может меняться в зависимости от формы его участия в деле, а также вида судопроизводства, в котором реализуется эта функция.

Позиция Управления Роспотребнадзора независимо от формы участия в судебном процессе с клиникой пластической хирургии должна быть основана на законе и полном, объективном знании обстоятельств дела. Представитель Управления Роспотребнадзора в ходе судебного разбирательства дает устные и письменные пояснения, представляет доказательства, активно участвует в их исследовании, заявляет ходатайства, представлять возражения относительно доводов иных лиц участвующих в деле.

Таким образом, цель участия Роспотребнадзора в судебном процессе с клиникой пластической хирургии обусловлена назначением данного госоргана, состоящем в надзоре за исполнением законов.

Пристатейный библиографический список

1. Пяташина М. А. Реализация полномочия Управления Роспотребнадзора по Республике Татарстан в сфере защиты прав потребителей // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Том № 13. № 3 (49). – С. 38-43.
2. Райлян А. А. Гражданско-правовая защита прав потребителя: вопросы теории и судебной практики // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 10. – С. 22-24.
3. Савельева Ю. А. Роль Роспотребнадзора в защите прав потребителей при продаже товаров // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 49. – С. 801-803.
4. Савина Н. С. Особенности правового регулирования института защиты прав граждан-потребителей в РФ // В сборнике: Лучшая научная статья 2020. Сборник статей XXXIX Международного научно-исследовательского конкурса. – 2020. – С. 67-71.
5. Шибаева Н. В. Практика государственной и общественной защиты прав потребителей в Российской Федерации // Юридический факт. – 2021. – № 132. – С. 3-7.
6. Широкобокова А. В. Субъекты, инициирующие возбуждение гражданского судопроизводства по защите прав потребителей // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2017. – № 4. – С. 31-36.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-195-196

ХАМИТОВА Гульнара Муллануровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры биомедицины, медицинского права и истории медицины Казанского государственного медицинского университета

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ И МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ПАЦИЕНТАМ

В статье освещаются вопросы, связанные с привлечением медицинских организаций и работников за причинение вреда пациенту при оказании медицинских услуг. Медицинскую деятельность стоит отнести к источнику повышенной опасности, а значит, возмещение вреда должно происходить вне зависимости от вины медицинской организации. Особое внимание уделяется механизмам возмещения вреда и его разновидностям, так как вред разделяется на моральный и имущественный, а его размеры зависят от разных факторов. Предлагается применять институт страхования профессиональной ответственности всех медицинских работников, восполнить ряд законодательных пробелов, а именно применить понятия «некачественная медицинская услуга» и установить для рассмотренных правоотношений специальный срок исковой давности.

Ключевые слова: ответственность, медицинская организация, медицинский работник, пациент.

KNAMITOVA Gulnara Mullanurovna

Ph.D. in Law, associate professor of Biomedetics, medical law and history of medicine sub-faculty of the Kazan State Medical University

CIVIL LEGAL LIABILITY OF MEDICAL WORKERS AND MEDICAL ORGANIZATIONS FOR HARM CAUSED BY PATIENTS

The article highlights issues related to the involvement of medical organizations and workers for harming a patient in the provision of medical services. Medical activity should be attributed to a source of increased danger, which means that compensation for harm should occur regardless of the fault of the medical organization. Special attention is paid to the mechanisms of compensation for harm and its varieties, since the harm is divided into moral and property, and its size depends on various factors. It is proposed to apply the institute of professional liability insurance for all medical workers, fill in a number of legislative gaps, namely, apply the concepts of «low-quality medical service» and establish a special statute of limitations for the legal relations considered.

Keywords: responsibility, medical organization, medical worker, patient.

Введение. На практике причинение вреда пациентам при оказании им медицинских услуг не является редкостью. Привлечение виновных лиц к гражданско-правовой ответственности в ситуациях подобного рода упрощается в связи с тем, что на первоначальном этапе между субъектами был заключен договор о возмездном оказании медицинских услуг, так как данный договор является необходимостью для защиты прав и законных интересов граждан, выступающих в качестве пациентов [5].

Методы. Методологическая основа исследования представлена широкой совокупностью методов исследования, среди которых: метод анализа, синтеза, формально-юридический, проблемно-теоретический и системный метод.

Результаты и обсуждение. В соответствии с общим правилом вред, который был причинен как здоровью, так и жизни гражданина в рамках исполнения обязательств, возникающих из договора, а также при исполнении обязательств иной юридической природы, должен возмещаться по правилам, содержащимся в главе 59 Гражданского кодекса РФ (далее-ГК РФ)¹. Данное правило применимо к эпизодам причинения вреда медицинскими организациями и медицинскими работниками, содержащейся в ст. 1068 ГК РФ. Надо отметить, что гражданин, либо юридическое лицо, будут возмещать вред, который был причинен его работником в рамках исполнения должностных, служебных или трудовых обязанностей. Определенное значение в указанном аспекте приобретает ч. 1 ст. 1081 ГК РФ, в данном пункте говорится, что субъект, осуществивший фактическое возмещение вреда, ранее причиненного другому субъекту, будет приобретать

так называемое «право регресса». Право на предъявление требования относительно обратного получения данной суммы, размер которой ограничен суммой возмещения ущерба. Одновременно с привлечением к ответственности в виде возмещения, лицо может привлекаться к уголовной или к административной ответственности [2].

На практике ответственность медицинской организации или медицинского учреждения наступает лишь в случаях, при которых одновременно соблюдены три условия [4]. I- вред пациенту был причинен в реальной действительности. II- имело место противоправные действия со стороны медицинской организации (равно как отдельных медицинских работников). III- имеется непосредственная причинная связь между указанными действиями и тем вредом, который был причинен пациенту в объективной действительности. В данных случаях объективной необходимостью является установление вины, существующей в форме неосторожности или умысла.

Тот факт, что вина по делам данной категории не в каждом случае может рассматриваться через призму одного из основных условий для наступления ответственности медицинского учреждения. Это следует из содержания ч. 1 ст. 1079 ГК РФ, при осуществлении субъектом деятельности, которая составляет для окружающих повышенную опасность, в случае причинения вреда он должен быть возмещен вне зависимости от того, какова степень вины данного субъекта [1].

Не все склонны утверждать, что медицинская деятельность должна быть отнесена к деятельности подобного рода, однако есть все основания с ними не согласиться и утверждать, что медицинская деятельность есть не что иное как деятельность, которая создает повышенную опасность в связи с тем, что многие инструменты, оборудование и лекарствен-

1 Гражданский кодекс РФ (II) от 26.11.2011 № 146-ФЗ (ред. 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 49. - Ст. 4552.

ные препараты представляют собой источник повышенной опасности.

Независимо от вины лица, которое выступает в качестве причинителя вреда, возмещается вред, который был причинен как жизни, так и здоровью пациенту, в связи с рецептурными, конструктивными недостатками медицинского товара или, например, определенной медицинской услуги. Это правило действует применительно в случае, когда медицинский работник или медицинское учреждение предоставило недостоверную информацию пациенту об определенном медицинском товаре или медицинской услуге, а такой вывод можно сделать из анализа нормы, содержащейся в ч. 1 ст. 1095 ГК РФ. Данное правило предусматривает наличие ряда исключений. Пример такого исключения может выступать традиционная для гражданского права непреодолимая сила, а также виновные действия самого пациента, если пациент неправильно эксплуатировал товар, зная о правилах его применения [6].

Рассматривая данные виды возмещений, отметим, что в рамках возмещения имущественного вреда возмещению подлежит утраченный заработок и иной доход, который потерпевший имел или мог иметь (1085 ГК РФ). Возмещению подлежат дополнительно понесенные расходы, приобретение лекарственных средств, услуги сиделки, траты на дополнительное лечение и питание. Однако рассчитывать на возмещение указанных затрат потерпевшее лицо может только тогда, если он действительно нуждается в данной помощи. Если пациент умирает, возмещению подлежат расходы на погребение, а правом на их компенсацию будет обладать лицо, которое произвело данные расходы. Компенсация морального вреда заключается в компенсации физических и нравственных страданий, которые были причинены пациенту вследствие действий или бездействия медицинского учреждения. Данный вывод следует из ст. 151 ГК РФ, которая содержит законодательное определение морального вреда². Именно судом определяется размер компенсации морального вреда, компенсация зависит от судебного усмотрения. Суды редко удовлетворяют иски в полном объеме, так как лица оценивают свои моральные страдания в миллионы рублей, не соответствует требованиям целесообразности и разумности.

В качестве примера приведем Решение № 2-1034/2020 от 20.05.2020 года по делу № 2-1034/2020. Истица обратилась в суд с требованием взыскать с Нефтеюганской окружной больницы компенсацию морального вреда в размере 800 т.р. Где в результате некачественных действий персонала медицинского учреждения, после трех дней нахождения в больнице сына перевели в реанимацию, где спустя 4 часа он умер. Рассмотрев материалы дела, суд пришел к выводу, что компенсация морального вреда в этом случае оценивается в 50 тыс. рублей. Данный пример подтверждает вывод, который был сделан в исследовании ранее³.

В целях оптимизации правового института возмещения вреда пациентам, необходимо уделять внимание страхованию профессиональной ответственности медицинских работников. Предлагается сделать страхование обязательным и распространить его на все категории работников, что позволит внедрить в данные правоотношения страховую организацию, для которой деятельность данного рода основная. Для указанной сферы необходимо восполнить законодательные пробелы, которые есть в законодательных актах. В Постановлении Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями

платных медицинских услуг»⁴. В п. 32 говорится о том, что вред, который был причинен жизни и здоровью пациента в результате некачественной медицинской услуги, подлежит возмещению в полном объеме. Однако в законодательстве понятия «некачественная медицинская услуга» нигде не содержится, это вызывает определенные затруднения на практике, на чем акцентирует внимание Е. В. Смирнова [3]. В связи с этим, законодательство в данной части подлежит уточнению.

Выводы. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что для данной категории дел установлен трехлетний срок исковой давности, что видится не совсем верным, так как для указанных правоотношений верно установить специальный срок исковой давности, так как последствия медицинских манипуляций могут проявиться намного позже.

Считаем возможным внести изменения в действующее законодательство в рассмотренной сфере. Так как были выявлены проблемные области, на которые стоит обратить внимание. В частности, предлагаю внести изменения в ст. 1079 ГК РФ и сформировать на территории РФ страхование профессиональной ответственности медицинских работников.

Заключение. Таким образом, медицинские организации и учреждения несут гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный пациентам. Одновременно с этим, законодательство в данной сфере не является совершенным и требует изменений.

Пристатейный библиографический список

1. Киченина В. С. Ответственность медицинского работника вследствие ненадлежащего оказания медицинской помощи, повлекшей причинение вреда жизни и здоровью гражданина // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала Российской таможенной академии им. В. Б. Бобкова. - 2018. - № 4 (68). - С. 75-77.
2. Слепенюк Ю. Н. Особенности ответственности медицинской организации за причинение вреда здоровью пациента // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2021. - № 2. - С.73-79.
3. Смирнова Е. В. О необходимости стандартизации и организации учета и контроля качества медицинской помощи при оказании платных медицинских услуг // Проблемы стандартизации в здравоохранении. - 2019. - № 5-6. - С. 3-16.
4. Старчиков М. Ю. Вред, причиненный жизни (здоровью) пациента вследствие медицинского вмешательства: законодательные проблемы и пути их устранения // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. В. Вернадского. - 2018. - № 4. - С. 232-239.
5. Старчиков М. Ю. О регрессной ответственности медицинских организаций и медицинских работников за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов // Гражданин и право. - 2018. - № 7. - С. 79-90.
6. Khabirov A. L. and Khamitova G. M. Some aspects of patient rights to receive information about their health status under the legislation of the Russian Federation // Revista Genero. - 2019. - № 8. - С. 314-321.

2 Гражданский кодекс РФ (ГК) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

3 Апелляционное определение Московского городского суда от 06.05.2013 года по делу № 11-17908. СПС Консультант плюс [Электронный ресурс].

4 Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 41. - Ст. 5628.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-197-199

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич

адвокат областной коллегии адвокатов, филиала «Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЗНАЧЕНИЕ МЕДИАЦИИ В КОНФЛИКТЕ ПАЦИЕНТА С КЛИНИКОЙ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ

Статья посвящена медиации как неюрисдикционному альтернативному способу урегулирования конфликтов, возникающих между пациентом и клиникой пластической хирургии, выделяются основные особенности и возможности данного способа при урегулировании правового конфликта, возникшего при оказании медицинских услуг. Автор исследует специфику медиации при ее применении к конфликтам в области оказания услуг пластической хирургии, ее особенности и значение для разрешения конфликтов в указанной сфере.

Ключевые слова: медиация, юрисдикционный и неюрисдикционный способы разрешения конфликтов, конфликты при оказании медицинских услуг, конфликт между пациентом и клиникой пластической хирургии, разрешение конфликта.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich

Lawyer of the regional bar association, branch of the Law Firm "Pelevin and Partners"

Ястремский И. А.

LEGAL BASIS AND IMPORTANCE OF MEDIATION IN A CONFLICT BETWEEN A PATIENT AND A PLASTIC SURGERY CLINIC

The article concerns with mediation as non-jurisdictional alternative way of solving conflicts, arising between patients and clinics of plastic surgery, the author stretches the main peculiarities and possibilities of this remedy aimed at solving the conflict that arose when rendering the medical service. The author investigates specificity of mediation when it is applied to the conflicts arising when rendering the services of plastic surgery and the main peculiarities and meaning when solving conflicts in this sphere.

Keywords: mediation, jurisdictional and non-jurisdictional ways of conflicts solving, conflicts out of medical services rendering, conflicts between patient and clinic of plastic surgery, solving of conflicts.

Конфликты в сфере оказания медицинских услуг и особенно в такой отрасли как пластическая хирургия и эстетическая медицина, с неизбежностью возникают в практике каждого врача и клиники (медицинской организации), ввиду того, что почти любое вмешательство на медицинском уровне всегда влечет за собой лишь прогнозируемой, но не обязательно достижимый и представляемый пациентом результат. Зачастую во многих ситуациях на 100 % выполнить все требования пациента крайне сложно, и от квалификации хирурга это не зависит. Усиление степени разногласий по вопросам оказания услуг между пациентом и клиникой еще более заметно, когда встает вопрос об оценке эстетики и практической подверженности конечного результата применения того или иного средства или производства хирургического вмешательства. При этом каждый пациент делает свой выбор на свое восприятие и порой оно оказывается весьма специфичным. В 2018 г. Минздрав России утвердил порядок оказания медицинской помощи по пластической хирургии своим приказом от 31.05.2018г. № 298н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи по профилю Пластическая хирургия» (Зарегистрирован Минюстом России 22 июня 2018 г. Регистрационный № 51410)¹, Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 июля 2020 года № 482н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач-пластический хирург»², что в целом далеко не гарантирует высокий эффект от самой пластической хирургии в каждом конкретном случае.

Тем не менее, за период с 2015 по 2022 годы количество операций в сфере эстетической медицины постоянно увеличивается, в среднем на 2-3 % в год. По данным Международного общества эстетической пластической хирургии, в 2019 году Россия занимала четвертую строку в списке стран по количеству операций, проводя 483 тыс., опережая Индию (395 тыс.), Турцию (352 тыс.), Германию (336 тыс.), Италию (314 тыс.)³.

Для разрешения возникающих конфликтных ситуаций законодательство предлагает ряд средств и способов, как формализованных (юрисдикционных, применяемых через судебную систему), так и не формализованных (неюрисдикционных, или их иногда называют досудебными), применяемых в качестве альтернативах и не имеющих столь жесткой регламентации, как судебная процедура. Внесудебные альтернативные способы могут быть условно подразделены, на те, что реализуются сторонами сутобо самостоятельно и не требуют вмешательства суда или каким образом не связаны с судебной процедурой (переговоры, направление одной их сторон предложения о досудебном урегулировании конфликта, медиация с участием независимого медиатора) и способы, к которым стороны могут прибегнуть в ходе рассмотрения дела и определенную роль в их реализации сыграет суд, в частности, заключение мирового соглашения. Судебные примирительные процедуры, применяемые в гражданском и арбитражном судопроизводстве широко исследованы в литературе и судебной практике⁴, равно как имеются и общетеоретические исследования альтернативных способов разрешения конфликтов, в особенности медиации как примирительной

1 Приказ Минздрава России от 31.05.2018 № 298н (ред. от 14.08.2018) «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.06.2018 № 51410) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения 22.06.2018 г.).

2 Приказ Минтруда России от 31.07.2020 № 482н «Об утверждении профессионального стандарта «Врач - пластический хирург» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.08.2020 № 59280) // Официальный интернет-портал правовой информа-

ции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.08.2020 г.).

3 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4917043> (дата обращения: 01.10.2023 г.)

4 См., например, Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации. Научно-практическое пособие / Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2018. // СПС «Консультант Плюс».

процедуры [1], [2, с. 19 - 52], [3], [4], [8], [10]. Между тем, каким образом оптимально применять те или иные процедуры альтернативного внесудебного характера, в частности медиацию, а различных сферах оказания услуг остается малоисследованным в узкоспециальной литературе. Так, в области пластической хирургии зачастую возникает спор по критериям эстетики или качества произведенного результата. И каким образом можно разрешить такой спор между пациентом и клиникой, вопрос весьма затруднительный. Одним из вариантов является создание различного рода частных этических и комитетов при сообществах пластических реконструктивных и эстетических хирургов⁵. Проблема также осложняется также в целом отсутствием в правовой системе России устоявшейся и нормативно развитой традиции применения альтернативных способов разрешения споров. Длительное отсутствие общей парадигмы и практики ее реализации порождает также и невозможность ее быстрого развития и дифференциации в отдельных частных случаях, в частности в области медицины или пластической хирургии.

Примирительные процедуры в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации⁶ (далее – ГПК РФ) регламентируются статьями 39, 101, 148, 150, 169, 173, 220.

Широкая правовая основа для применения медиации в рамках российской правовой системы появилась с момента принятия и вступления в силу Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁷. Экономическое и юридическое обоснование применения медиации связаны с дальнейшей дифференциацией способов разрешения правовых споров, обусловленных, в том числе целями повышения качества правосудия и обеспечения должного уровня правовой защиты участников правовых конфликтов. Медиация, равно как и переговоры, которые ей всегда предшествуют, являются одним из логических способов продолжения диалога между сторонами правоотношения, который перерастает или уже перерос в правовой конфликт, и требует своего разрешения. Между тем данный способ разрешения конфликта формируется по-иному и представляет собой особую процедуру, которая выходит за рамки традиционного правового конфликта, разрешаемого юрисдикционным путем. Такая процедура возможна лишь как альтернатива, так как для ее применения и практической реализации необходим ряд условий, обусловленных самой ее природой и применяемыми средствами. Правая природа медиации, хоть она и является нетрадиционным, альтернативным и выходящим за пределы юрисдикционных средств разрешения конфликтов между сторонами правоотношения, обусловлена признаками и свойствами, которые формируются с учетом положений действующего процессуального законодательства и закона о медиации. Рассмотрим основные свойства медиации и то, каким образом они могут быть использованы применительно к разрешению конфликта.

1. Медиация выведена за рамки принудительного юрисдикционного воздействия на стороны конфликта, момент подчинения требованиям суда как арбитра в споре, процедурно-процессуальные аспекты предоставления доказательств и доказывания уходят далеко на второй план и замещаются диспозитивным регулированием правоотношений сторон в рамках разрешения возникшего между ними спора. В условиях конфликта, возникшего на почве оказания клиникой медицинских услуг, такое начало может сыграть вполне действенную роль для разрешения конфликта особенно в случае, когда спор и его изначальный объект, а именно – чаще всего он связан с качеством и результатом оказания услуг, понимаемым в каждом случае достаточно субъективно, находятся в плоскости оценочных категорий, применение которых не связано с возможностью реализовать стороной тот или иной стандарт доказывания как критерий своей правоты.

2. Медиация может быть достаточно эффективно применена на той стадии, когда конфликт между сторонами, то есть возникшее у пациента состояние неудовлетворенности оказанной им услугой, еще находится на той стадии развития, когда у клиента есть претензия, но она не переросла в конфликт с об-

ращением к юрисдикционным органам или такой конфликт уже возник, но пациент еще не обратился в суд, и клиника готова идти на встречный диалог для его оптимального и более быстрого разрешения. Аналогично возможности для медиации как альтернативного способа разрешения конфликта, в значительной степени могут быть реализованы и уже в ходе глубокого развития конфликта между сторонами, при котором они придут к выводу о невозможности его оптимального разрешения в суд по тем или иным причинам. Как таковых причин может быть достаточно много, в частности, например, когда пациент понимает, что уровень понесенных им финансовых и временных затрат не сопоставим с тем результатом, который вероятнее всего может быть достигнут, если спор будет продолжаться в суде, или, например, клиника также понимает, что предмет спора находится в оценочной плоскости и результат его разрешения, вероятнее всего будет далеко к не пользу клиники.

3. Медиация, в отличие от судебной юрисдикционной процедуры, предполагает привлечение посредника, роль которого в значительной степени отличается от роли суда как наделенного законом властью арбитра при разрешении спора. При медиации в конфликте сторон медиатор не выносит решения, а лишь помогает сторонам в разрешении конфликта путем взаимных переговоров, в которых помощь, помогать в подборе специалистов, которые дадут оценку тем или иным обстоятельствам, стороны могут попытаться найти с помощью медиатора приемлемый с точки зрения личного восприятия ситуации вариант разрешения конфликта с минимальными потерями. Судья в ходе судебного спора принимает обязательное для сторон решение, которое далеко не всегда учит все материально-правовые, финансовые и морально-психологические нюансы ситуации, и позволит им найти максимально полный, и быстро реализуемый вариант. Судья и арбитра в ходе медиации нейтральны, но нейтралитет их имеет разные границы, так арбитр в ходе медиации может оказывать консультационную или иным фактам, объектам или явлениям.

4. Медиация представляет собой определенным образом организованные переговоры с участием организующей примирительной роли посредника, в ходе которых задача медиатора – найти приемлемые точки соприкосновения интересов сторон, в них участвующих. Медиатор как посредник независим в оценке обстоятельств и при этом должен обладать достаточными познаниями той сфере, в которой разрешается конфликт. При этом эти знания не должны быть по своему характеру какими-то специальными или узкопрофессиональными, а позволять лишь объективно и независимо оценить имеющиеся истоки и причины конфликта и суть спора.

5. Способ разрешения конфликта посредством участия медиатора в значительной степени отличается от судебного-юрисдикционного. Если в ходе судебной процедуры суд применяет право в том понимании и в тех границах, которые он осознает, как профессиональный правоприменительный орган, то в рамках медиации урегулирование спора происходит путем нахождения соприкосновения интересов сторон и их взаимного соглашения. Разрешение конфликта предполагает определенную высокую степень сотрудничества, которое направлено на эффективное решение конфликта. При этом каждая из сторон, конечно же, взвешивает свои возможности и потенциальный эффект того или иного варианта разрешения конфликта в условиях сложившихся обстоятельств. Интересы пациента и клиники конечно же существенным образом расходятся и применение медиации в большей степени позволяет выявить основные возможные точки соприкосновения таких интересов, которые зачастую могут быть поняты неправильно или односторонне ввиду ряда субъективных и объективных факторов. Для пациента при обращении к медиации, основной упор делается на привлечение его внимания к объективной оценке результатов оказания услуг или медицинской помощи, вместо субъективного анализа, особенно в случаях вмешательства эстетической медицины, то есть проведения каких-либо корректирующих воздействий на внешность, когда ожидаемый эффект и подлежит визуальной оценке.

6. Решение конфликта посредством медиации как судебной альтернативы происходит самими спорящими сторонами на их добровольной основе, то есть медиатор не может принять за стороны решение, иначе он превратится в арбитра. Стороны должны сами контролировать ход развития конфликта и ход его разрешения, что в целом, конечно же, в определенной степени более предсказуемо, нежели при судебном, то есть юрисдикционном разрешении конфликта. Стороны конфликта в случае оказания услуг пластической хирургии и эстетической медицины почти в каждом случае находятся в том положении, которое

5 См., например, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spras.ru/pacientam/eticheskij-komitet/> (дата обращения: 01.10.2023 г.).

6 См.: СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.

7 См.: Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162. Далее по тексту Закон о медиации.

не дает им возможность полностью почувствовать себя абсолютно правым и твердо уверенным в своей правоте, поэтому прибегнув к помощи посредника, возникает шанс урегулировать конфликт в более прозрачном для себя варианте решения вопроса. Степень эффективности разрешения конфликта конечно же, во многом будет зависеть и от качеств медиатора, и от желаний сторон его разрешить.

7. Итоговый результат разрешения конфликта посредством медиации также в значительной степени отличается от судебного рассмотрения, так как не предполагает проигрыш одной из сторон, а достижение компромисса.

С учетом изложенного, рассмотрим каким образом, можно применить медиативный способ разрешения конфликтов между пациентом и клиникой. При этом нужно учитывать, что применительно к правовым конфликтам в сфере медицины, особенно в сфере пластической хирургии и эстетической медицины характерен ряд особенностей, которые должны быть учтены при их разрешении неприменимым путем.

1. При заключении договора оказания медицинских услуг его стороны, - пациент и клиника, - должны стремиться максимально, по возможности, наиболее полно, предусмотреть и описать все нюансы взаимодействий в случае возникновения конфликта;

2. Взаимоотношения пациента и клиники – это взаимоотношения потребителям и организации, профессионально оказывающей услуги, поэтому к ним применяется законодательство о защите прав потребителей⁸. Но при этом в литературе еще до сих пор поднимают вопрос о правовом статусе таких услуг: являются ли пластическая и эстетическая хирургия разновидностями медицинских услуг?⁹ Так, согласно статье 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰ к медицинским услугам относятся лишь вмешательства, направленные на профилактику, диагностику и лечение заболеваний или медицинскую реабилитацию, тем не менее, это не исключает применение к соответствующему договору законодательства об оказании услуг в области пластической хирургии как медицинской услуге, так как пластическая операция является медицинским вмешательством в организм человека, хотя при этом не реализуется лечебная функция. В литературе обосновано и раскрыто со ссылкой на судебную практику положение о том, что «правовое регулирование оказания услуг эстетической медицины тождественно правовому регулированию оказанию медицинской услуги» [5].

3. Медицинская помощь всегда связана с рисками, если польза от вмешательства перевешивает риски, то клиника пойдет на выполнение заказа, если же риски перевешивают, то для пациента следует отказ во вмешательстве хирурга, это учитывает любая профессиональная клиника и это же должно быть учтено при разборе конфликта.

4. При выборе клиники пациент всегда выбирает хирурга, с которым будет происходить в самом прямом смысле тесное взаимодействие, аналогично и хирург выбирает пациента, пожелания и надежды которого он должен понимать и трезво оценить. Это такая область медицины, где фактически нет диагноза, то есть вмешательство происходит в организм без признаков болезни, то есть своего рода эстетическая хирургическая помощь. Поэтому если хирург не понимает, каким образом он улучшит психологическую ситуацию, то, конечно, клиника не берется за оказание услуги.

5. В литературе при анализе медико-правовых аспектов оказания помощи отмечается, что «в механизме оказания медицинской помощи много нюансов и особенностей» [7]. С одной стороны, клиника не располагает абсолютно полной свободой в методике лечения и выборе средств лечения, и с другой стороны, при этом не конкретизировано, какими критериями должен обладать необходимый риск, для того чтобы рассматривать его как основание для освобождения клиники от ответственности.

С учетом приведенных особенностей конфликтов, возникающих при оказании услуг в сфере пластической хирургии можно выделить основное значение, которое с наибольшей сте-

пенью вероятности должна сыграть медиация при разрешении указанных конфликтов:

1) медиативный подход позволит обеспечить контролируемость пациентом и клиникой результатов урегулирования спора, для пациента возникает более четкий и прозрачный порядок прохождения и проверки его аргументов, на которые он получит реакцию клиники, а клиника сможет доводить до пациента свою аргументированную позицию через посредника и получать ответную реакцию;

2) стороны смогут добиться конфиденциальности процедуры, границы которой они сами для себя определяют и зачастую являются в этом весьма заинтересованными;

3) медиация в конфликте позволит достигнуть оптимального уровня экономии на издержках в отличие от судебного рассмотрения;

5) медиативный подход к разрешению конфликта позволит достигнуть гибкость при принятии решений, быстрое изменение своей позиции в ходе переговоров и получение более адекватной и независимой оценки спора и перспектив его развития, даже в случае перехода в фазу судебного разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Аллавердова О. В., Иванова Е. Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2007. № 2-2. С. 73-77.
2. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.; Берлин: Инфотропик-Медиа, 2011. 304 с.
3. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / Отв. ред. С. К. Загайнова, В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. (Серия «Библиотека медиатора». Кн. 1.).
4. Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сб. статей / Под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012.
5. Пронин И. А. Гражданско-правовое регулирование в сфере эстетической медицины: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. СПб, 2012. 26 с. // Библиотека диссертаций и авторефератов dslib.net: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/civil-pravo/grazhdansko-pravovoe-regulirovanie-v-sfere-jesteticheskoj-mediciny.html> (дата обращения: 02.10.2023).
6. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации. Научно-практическое пособие / Ответственный редактор доктор юридических наук, профессор Ю. Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2018. // СПС «Консультант Плюс».
7. Ткачева Н. Н. Повышение юридической грамотности в процессе оказания медицинской помощи как гарантия защиты прав субъектов медицинских правоотношений // Медицинское право. 2022. № 3. – Электронный ресурс СПС Консультант Плюс.
8. Шамликашвили Ц. А., Кабанова Е. В., Тюльканов С. Л. Альтернативные способы разрешения споров и медиация в современном российском законодательстве. Современное право. 2015. № 5 // СПС «Консультант Плюс».
9. Шолом Е. А. Договор возмездного оказания косметологических услуг: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/197419265.pdf> (дата обращения: 02.10.2023).
10. Хохлов В. А. Правовая квалификация отношений медиации // СПС Консультант-Плюс.

8 См. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // СПС «Консультант Плюс».

9 Старчиков М. Ю. Проблемные вопросы правового статуса косметологии и пластической хирургии: положения законодательства, комментарии юриста и судебная практика. // СПС «Консультант Плюс».

10 Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

МИТКЕВИЧ Виктория Николаевна

юрист ООО «Торговый дом «Время», г. Симферополь

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ УЧАСТНИКОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА КАК НЕУВАЖЕНИЕ К СУДУ*

В статье проводится анализ института наложения судебных штрафов на участников арбитражного процесса за неуважение к суду. Изучены нормы процессуального законодательства, регламентирующие привлечение к ответственности лиц, проявивших неуважение и допустивших умаление авторитета судебной власти. Исследован вопрос квалификации неправомерных действий, ответственность за которое предусматривается нормами процессуального законодательства, как неуважение к суду. На основании анализа практики арбитражных судов сформулированы существующие проблемы и предложены возможные методы их разрешения.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебная власть, судебный штраф, неуважение к суду, злоупотребление процессуальным правом.

MITKEVICH Viktoriya Nikolaevna

Lawyer of LLC "Trading House "Vremya", Simferopol

Миткевич В. Н.

ON THE QUESTION OF THE QUALIFICATION OF THE ACTIONS OF THE PARTICIPANTS IN THE ARBITRATION PROCESS AS CONTEMPT OF COURT**

The article analyzes the institution of imposing judicial fines on participants in the arbitration process for contempt of court. The norms of procedural legislation regulating the prosecution of persons who showed disrespect and allowed the diminution of the authority of the judiciary have been studied. The article examines the issue of qualification of illegal actions, responsibility for which is provided for by the norms of procedural legislation, as contempt of court. Based on the analysis of the practice of arbitration courts, the existing problems are formulated and possible methods of their resolution are proposed.

Keywords: arbitration process, judicial authority, judicial fine, contempt of court, abuse of procedural law.

Осуществление судебной защиты нарушенных прав является одной из важнейших правовых гарантий, предоставляемых гражданам, юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Для субъектов, осуществляющих предпринимательскую либо иную экономическую деятельность, предусматривается защита нарушенных прав в арбитражном судопроизводстве. Это обусловлено спецификой споров, возникающих из экономических правоотношений. Как отмечал Можиян С. А., «порядок в судебном заседании является необходимым условием надлежащего отправления правосудия и демонстрацией уважения к судебной власти» [2, с. 26].

Для обеспечения наиболее эффективного рассмотрения дела у лиц, участвующих в деле, должно быть сформировано отношение к суду как к органу, имеющему авторитет. Такое отношение проявляется в соответствующем поведении. В правовой доктрине проявление уважения к суду и иным участникам рассматривается как одна из процессуальных обязанностей [1, с. 21]. Арбитражным процессуальным кодексом допускается участие в судебном процессе только лиц, имеющих высшее юридическое образование. Это обусловлено сложностью правовых вопросов, возникающих при спорах между субъектами предпринимательства. Предпо-

лагается, что лица, получившие высшее юридическое образование, обладают более высоким уровнем правовой культуры и уважения к судебной власти. Несмотря на значимость уважительного отношения к судебной власти имеют место случаи, когда юристы допускают действия, умаляющие авторитет суда. В таких случаях на участника процесса может быть наложен штраф за неуважение к суду. При этом легальное определение категории «неуважение к суду» и перечень действий, которые можно охарактеризовать таким образом, отсутствует. Квалификация поведения участников процесса как неуважение к суду осуществляется на основании субъективного убеждения судьи. Значимость уважения к суду для достижения целей арбитражного судопроизводства и отсутствие единого подхода в вопросе определения наличия признаков неуважения к суду обуславливают актуальность настоящего исследования.

Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – АПК РФ) устанавливается, что в случае проявления неуважения к суду участником процесса на него может быть возложен судебный штраф. При этом такая санкция может быть применена только если в поведении участника отсутствуют признаки уголовно наказуемого деяния¹. Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на то, что предоставленные арбитражному суду полномочия по оценке действий лиц, присутствующих в судебном заседании, как носящих характер правонаруше-

* Научный руководитель: Алавердян Егине Григоровна, преподаватель кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь.

** Scientific supervisor: EGINE GRIGOROVNA Alaverdyan, lecturer of Civil and arbitration proceedings sub-faculty of the Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol.

1 См.: ч. 5 ст. 119 «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3012.

ния и влекущих наложение судебного штрафа за проявление неуважения к суду, вытекают из принципа судейского руководства процессом и не предполагают возможности их произвольной реализации².

Законодатель не дает разъяснений того, что представляет собой неуважение к суду, в каких формах оно может проявляться и какие действия могут быть направлены на умаление авторитета судебной власти и демонстрацию пренебрежения к ней. Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум), разъясняя нормы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, указал, что под неуважением к суду можно понимать действия, свидетельствующие о пренебрежении участника процесса к правилам поведения в суде. К таким действиям, в частности, Пленум относит заявление одного и того же ходатайства несколько раз, если суд уже вынес в отношении него определение; использование в тексте поданного документа неприличных выражений³. Исходя из позиции Пленума, неуважение к суду в арбитражном судопроизводстве представляется возможным трактовать аналогичным образом. Кроме того, в доктрине ранее отмечалось, что «АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ сочетают общее указание на «неуважение к суду»» [3, с. 147].

Важно отметить, что какие-либо критерии неуважительного поведения не сформулированы. Так, суд самостоятельно определяет степень неуважения со стороны участника процесса⁴. Это, с одной стороны, представляется обоснованным, так как действия, умаляющие авторитет судебной власти могут иметь различную форму и степень, поэтому их невозможно зафиксировать в едином акте, из-за чего судам необходимо давать оценку поведению участников процесса в каждой конкретной ситуации. С другой стороны, это создает правовую неопределенность, так как зачастую судебные органы квалифицируют как неуважение к суду действия, ответственность за которые предусматривается иными статьями АПК РФ.

Применительно к административному судопроизводству Пленум указал, что недопустимо квалифицировать как неуважение к суду действия, ответственность за которые установлена иными нормами. Например, это непредставление истребуемых судом доказательств или неявка лица, явка которого была признана судом обязательной⁵. Однако в арбитражном процессе такие деяния расцениваются как неуважение к суду. Так, АПК РФ предусматривается ответствен-

ность и за неисполнение обязанности представить истребуемое доказательство⁶, и за неявку лица в заседание, если явка была признана обязательной⁷. Однако если лица допускают подобные деяния, суды могут признавать это неуважением к суду и назначать штрафы. В качестве примера рассмотрим следующие судебные акты.

В одном из дел штраф за неуважение к суду был возложен на привлеченное третье лицо, явка которого была признана обязательной. По причине его неявки судебное заседание постоянно откладывалось. Суд указал, что поведение третьего лица привело к затягиванию судебного процесса и созданию препятствий для рассмотрения дела и принятия судебного акта по существу спора. Вышестоящими инстанциями было подтверждено наличие неуважения к суду в действиях участника процесса, определение о наложении судебного штрафа было оставлено без изменений⁸.

В ином деле суд наложил судебный штраф на третье лицо за непредоставление им документов, указанных в определениях. Так, суд неоднократно предлагал ему представить отзыв на исковое заявление и информацию по исполнительной документации. После неисполнения этих действий суд обязал третье лицо представить сведения, необходимые для разрешения спора. При этом в тексте определений суд разъяснял последствия неисполнения требований суда. Однако ни одно из определений третьим лицом исполнено не было. Бездействие третьего лица привело к необходимости неоднократно откладывать судебные заседания, что привело к затягиванию судебного процесса. Суды расценили это как неисполнение требований суда, свидетельствующее о неуважении к суду⁹.

Исполнение требований суда явиться в судебное заседание или представить необходимые для разрешения спора сведения, безусловно, являются значимыми и обязательными для всех участников процесса. Однако квалификация неисполнения таких требований как неуважение к суду представляется не вполне корректной, так как ответственность за это предусматривается специальными нормами АПК РФ. Назначение штрафа за неуважение к суду в таких случаях приводит к неверной квалификации деяния и создает условия для конкуренции правовых норм. Для разрешения этой проблемы представляется необходимым закрепить в ч. 5 ст. 119 АПК РФ положение о том, что в качестве неуважения к суду не могут расцениваться действия, ответственность за которые предусматривается иными статьями настоящего кодекса.

2 Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 № 2290-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Андрея Павловича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 119 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=731617#zWvRwoUufD2VE1JM> (дата обращения: 12.01.2024).

3 См.: п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». № 8. Август. 2017.

4 Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2014 № 1170-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малюгина Максима Александровича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 119 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudrf.cntd.ru/document/420207376> (дата обращения: 12.01.2024).

5 См.: абз. 2 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.06.2017 № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». - № 8. Август. - 2017.

6 См.: ч. 9 ст. 66 «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3012.

7 См.: ч. 4 ст. 166 «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3012.

8 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.09.2023 по делу № А40-203876/2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a378cd29-ade0-4d7d-8bbf-c40fb0bb963c/1930739e-3e7b-4bdeb21d-def01d38edff/A40-203876-2022_20230911_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.01.2024).

9 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.07.2023 № Ф10-1684/2023 по делу № А68-11809/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/94a04625-5f41-45e4-be31-073b23c5574a/76c15717-fccb-4980-ab39-476b8efab2a1/A68-11809-2021_20230703_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.01.2024).

Неоднозначная позиция у судебных органов относительно признания неуважением к суду заявление стороной отвода судь. Даже если заявление об отводе не содержит уничижительных выражений в отношении судьи, оно может быть признано проявлением неуважения и основанием для возложения судебного штрафа. Однако не всегда вышестоящие инстанции признают заявление об отводе неуважением к суду. Например, в одном из дел арбитражный суд округа отменил определение о наложении судебного штрафа за неуважение к суду по причине неоднократного заявления об отводе.

Суд первой инстанции квалифицировал действия стороны, как неуважение к суду и наложил судебный штраф. Судом было уточнено, что такие действия затягивают судебный процесс, подрывают авторитет судьи и затрудняют установления правосудия. Суд апелляционной инстанции согласился с доводами суда первой инстанции и оставил все без изменений. Суд кассационной инстанции, наоборот, отменил акты предыдущих судов. Обосновывая свое решение тем, что ходатайства об отводе были вызваны отказом в удовлетворении заявленных ранее ходатайств о перерыве в судебном заседании, об отложении судебного заседания и не содержали уничижительных высказываний в адрес суда. Выводы судов фактически основаны на субъективной оценке поведения заявителей при осуществлении ими процессуальных прав. Несмотря на то, что определение степени уважительности участника процесса к суду находится в компетенции суда в силу присущих ему дискреционных полномочий и устанавливается с учетом степени недобросовестности и неправомерности действий участника арбитражного процесса в данном обособленном споре у судов отсутствовали основания для принятия к участникам процесса столь жестких мер¹⁰.

В ином деле при аналогичных обстоятельствах суд округа оценил многократное заявление отводов, как неуважительное поведение. В силу отсутствия законных оснований для отвода судьи оценили поведение участников как злоупотребление правом и сочли признание факта неуважения к суду правомерным¹¹.

Проанализированные правовые позиции арбитражных судов свидетельствуют о неопределенности вопроса о наличии проявлений неуважения к суду при неоднократных представлениях сторонами заявлений об отводе судьи. В таких случаях судьи могут указывать на злоупотребление процессуальными правами и назначать судебный штраф за неуважение к суду. При этом в АПК РФ предусматривается ответственность за злоупотребление правом, которое привело к срыву заседания, затягиванию процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию судебного акта. За это арбитражный суд вправе отнести на лицо, злоупотребившее

правом, все судебные расходы¹². Из этого следует, что злоупотребление процессуальными правами и неуважение к суду являются различными категориями и не тождественны друг другу. В связи с отсутствием правовой определенности в данном вопросе правоприменители расценивают как неуважение к суду иные процессуальные нарушения.

Обобщая вышеизложенное, уважение к суду участников арбитражного процесса является одной из предпосылок эффективности рассмотрения дела и обеспечения судебной защиты. В законодательстве отсутствуют четкие критерии для квалификации действий сторон как неуважение к суду, поэтому в каждой ситуации судьи субъективно их оценивают с точки зрения уважения к авторитету судебной власти. При этом зачастую в качестве неуважения к суду квалифицируются иные деяния, ответственность за которые закрепляется в АПК РФ. Это, например, неявка в заседание лица, чья явка признана судом обязательной; непредоставление информации или документов, истребуемых определением суда или злоупотребление процессуальными правами. Для разрешения данной проблемы представляется необходимым закрепить в ч. 5 ст. 119 АПК РФ положение о том, что неуважением к суду не могут признаваться деяния, ответственность за которые предусматривается иными статьями. Эта мера будет способствовать формированию единообразной судебной практики, установлению правовой определенности при рассмотрении судом вопросов наложения процессуальных санкций.

Проблема уважения к суду будет оставаться значимой для доктрины и практики ввиду распространенности возникновения ситуаций, при которых на участников возлагаются судебные штрафы за неуважение к судебной власти и неоднозначности вопроса, какие деяния можно квалифицировать как проявление неуважения. Это обуславливает дальнейшую актуальность исследования данной темы.

Пристатейный библиографический список

1. Грибов Н. Д. Процессуальные обязанности сторон в цивилистическом процессе // Администратор суда. - 2021. - № 1.
2. Можилан С. А. Институт частного определения в арбитражном процессе // Арбитражные споры. - 2022. - № 1
3. Шарипова А. Р. Сравнительный анализ институтов денежного взыскания и судебного штрафа в уголовном, арбитражном, гражданском и административном процессе // Актуальные проблемы российского права. - 2022. - № 1.

10 Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14.04.2023 № Ф02-508/2023 по делу № А58-3383/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/9c38c807-9dc6-43d9-a589-adff026814e0/88edb095-b880-4350-954e-ff451178047c/A58-3383-2016_20230414_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.01.2024).

11 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.03.2023 № Ф01-72/2023 по делу № А43-34833/2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6f149395-162d-46b3-8841-c7d278a3cc19/2abec2a6-44cd-43b9-a436-bc3d055a72fc/A43-34833-2018_20230320_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 13.01.2024).

12 Ч. 2 ст. 111 «Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ// «Собрание законодательства РФ». - 29.07.2002. - № 30. - Ст. 3012.

ПРОВАТКИНА Валерия Евгеньевна

студент Юридической Школы Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток

ВОЛОШИНА Татьяна Владимировна

студент Юридической Школы Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток

КОРКИН Максим Сергеевич

студент Юридической Школы Дальневосточного Федерального университета, г. Владивосток

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье анализируются проблемы формирования правовой культуры в Российской Федерации. Отмечается, что высокий уровень правовой культуры служит основой гражданского общества. Выделяются основные причины низкого уровня правовой культуры. Авторы анализируют текущее состояние правовой системы, выявляют причины недостаточного уровня правовой культуры в обществе и предлагают пути и меры для ее улучшения. Акцент делается на необходимости повышения правовой грамотности граждан и развития правосознания, что способствует укреплению правового государства и гражданского общества в целом.

Ключевые слова: правосознание, деформация, правовой нигилизм, правовое воспитание, правовая культура.

PROVATKINA Valeriya Evgenjevna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VOLOSHINA Tatyana Vladimirovna

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

KORKIN Maxim Sergeevich

student of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

PROBLEMS OF FORMATION OF LEGAL CULTURE IN MODERN RUSSIA

The article analyzes the problems of formation of legal culture in the Russian Federation. It is noted that a high level of legal culture serves as the basis of civil society. The main reasons for the low level of legal culture are highlighted. The authors analyze the current state of the legal system, identify the causes of the insufficient level of legal culture in society and propose ways and measures to improve it. The emphasis is on the need to improve the legal literacy of citizens and the development of legal awareness, which contributes to the strengthening of the rule of law and civil society as a whole.

Keywords: legal awareness, deformation, legal nihilism, legal education, legal culture.

Проблема низкой правовой культуры привлекает внимание юристов уже с начала 21 века. Это вызвано различными предпосылками: во-первых, естественным развитием – эволюция общества определённо требует развития правового института; во-вторых, существует тесная взаимосвязь государства и права – низкий уровень правовой культуры общества служит препятствием для развития демократического общества. Правовое государство является не только абсолютной целью, но и представляет собой средство, с помощью которого могут решаться различные насущные вопросы, остро стоящие перед обществом.

Понятие правовая культура не столь новое, но учёные по сей день не находят единой точки зрения для точного определения. Так И. И. Балакеев в своих трудах представлял правовую культуру как совокупность взаимосвязанных элементов, олицетворяющих правовые понятия и явления материальной и духовной жизни, которые находятся в состоянии непрерывного совершенствования и символизируют дальнейший прогресс в развитии правовой системы и цивилизации конкретного общества [1, с. 26]. С. А. Комаров, полагал, что правовая культура – это совокупность представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов, должностных лиц [2, с. 506]. Как представляется, удачным определением, которое охватывает максимально широко всевозможные аспекты содержания «правовая культура», является определение, данное Б. С. Ерасовым. Ученый определяет ее как особую форму и сферу деятельности, которая соответствует принятым нормам поведения; указывает на общий уровень развития общества; является специфической системой не только норм и ценностей, но и вкладываемых обществом смыслов, что позволяет отличать одно

общество от другого, а также способствует его интеграции и придает ему самобытность; является духовным измерением любой деятельности, «в которой формируются мотивы, принципы, правила, цели и смыслы деятельности».

Исходя из перечисленных точек зрения, правовую культуру можно определять как развивающуюся систему правовых ценностей (правосознание, правовая наука, законодательство, правопорядок, правовая деятельность), созданных и создаваемых в ходе развития общества и впитавших в себя передовые достижения юридической культуры человечества, основной целью которой является активное воздействие на формирование правовых установок, развитие у членов общества понимания необходимости определённого правового поведения.

Правовая культура имеет весомое значение в жизни общества – она предопределяет для каждой личности формы правового поведения, а для общества – систему правовых ценностей, правовых идеалов, которые в свою очередь создают условия для обеспечения единства и взаимодействия правовых институтов и учреждений. Одной из ключевых составляющих правового государства являются стойкие демократические культурные ценности. А высоко развитая правовая культура как раз и служит основой для демократического общества и является мерилем зрелости правовой системы в целом. Она показывает вовлечённость людей в жизнь общества и их участие в политической жизни государства. Привычка соблюдать нормы права формируется на основе гражданского сознания, она складывается в результате многократного повторения образцов должного поведения, усвоения в процессе индивидуального опыта общих правил, превращения универсальных норм в повседневную практику людей [3, с. 365-368].

Знание основ права и усвоение его главных ценностей – важнейшая черта личности культурного человека. Само знание права формируется либо в результате непосредственного изучения соответствующих нормативных положений, либо в результате опосредованного знакомства с ними. Правовые представления и отношение к праву формируются в первую очередь под воздействием моральных норм, политических и иных взглядов [4, с. 142]. Именно здесь и формируется правосознание, которое позволяет провести анализ и выявить уровень правовой развитости отдельных лиц общества. Главной в формировании правосознания граждан является деятельность государственных органов. Поэтому, когда государство создаёт большое количество баз для развития правовой культуры как молодых людей, так и всего населения в целом, то здесь государство с одной стороны даёт возможность познавать право, а с другой стороны формирует около себя третью сторону, которая будет помогать в формировании правовой культуры и целостного демократического общества. Трактовать это можно так: человек с высоким уровнем правовой культуры не станет устраивать беспорядки и необоснованные возмущения [5, с. 122].

Применительно к российской правовой действительности вопросы правовой культуры индивида, общества являются приоритетными особенно сегодня, когда народ сделал поистине исторический выбор по вопросам поправок в Конституцию Российской Федерации 1993 года. Несмотря на пройденный исторический путь многонациональным народом России, на геополитическое значение Российской Федерации и её вклад мировую историю, мировую культуру, и наконец, мировую правовую систему, именно сегодня в российском обществе можно наблюдать определённый кризис правовой культуры.

Недостаточный уровень правовой культуры в РФ, а вместе с этим достаточно высокий уровень правового нигилизма можно связать со следующей особенностью: вследствие развала Советского Союза, произошли огромные изменения во всех сферах общественной жизни, многие из которых негативно сказались не только на материальном благосостоянии граждан РФ и граждан других стран ранее входивших в СССР, но и, прежде всего, на доверии к государству, как социальному защитнику интересов своих граждан, оплоту социальной справедливости. В связи с этим, большой процент населения граждан нашей страны и граждан бывших республик, входящих в состав СССР, относящихся к старшему поколению, не могут полностью принять всех этих кардинальных перемен, многие из них до сих пор, относятся к ним с большим недоверием и, в первую очередь к большему числу законодательной базы, подчас, плохо составленным нормативным правовым актам с точки зрения юридической техники, что затрудняет их понимание большинством россиян, что не может не сказаться на росте правового нигилизма.

Рассматривая формирование правовой культуры в России на современном этапе, стоит отметить, что существуют проблемы, которые препятствуют её полноценному становлению. К таким можно отнести:

недостаточная правовая информированность населения, должностных лиц, невысокий уровень их правовой культуры во многих случаях служат причиной грубых нарушений закона, ущемления прав и свобод граждан. Правовая информированность создаёт условия для добросовестного исполнения юридических обязанностей, воплощения законодательных актов в практические дела и поступки людей, способствует полному использованию демократических прав и свобод личности, а также выступает действенным инструментом реализации творческой роли права.

– наличие огромного количества неструктурированного правового материала, большое количество мнений и источников, из-за чего сложно усвоить даже малую часть базового материала, что отпугивает граждан.

– распространение недостоверной правовой информации в сети Интернет, вследствие чего у граждан формируются ложные убеждения о правовой системе и формирование правовой культуры не имеет должного эффекта. Для устранения этой причины необходимо критически мыслить, оценивать точность материалов, сравнивать различные источники информации в сети, пользоваться информацией, которая содержится на проверенных сайтах (сайты государственных органов, обращение к действующим редакциям нормативно-правовых актов и т. д.).

– распространение беззакония, правового нигилизма, из-за чего общество перестаёт реагировать на правонарушение так как для них это становится обыденностью. Большое негативное влияние направлено на молодёжь, у которой ещё до конца не сформирована правовая культура и они довольно быстро усваивают то, что им преподносят, чаще всего без осмысления правовой действительности.

– такая причина как правовая безграмотность населения и пассивное отношение молодежи в участии политической, общественной и социальной жизни, является одной из актуальной в современное время. Особое внимание вызывает пассивная или даже негативная позиция молодежи. Уровень правовой культуры молодежи является одним из показателей развития общества. Поэтому, чтобы добиться высокого уровня соблюдения права в стране необходимо формировать развитие высокого уровня правосознания молодежи, и в целом правовой культуры всего общества, необходимо развивать правовое воспитание и повышать качество правового обучения.

– наличие неограниченного количества свободного времени, которое приводит к пустому времяпрепровождению, вовлечению в преступные группировки, увлечению азартными играми и т. п. Такие незаконные формы проведения досуга должны стать предметом санкций со стороны учреждений нормативного принуждения. Причем в этом процессе должны участвовать не только различные подразделения государственного аппарата, но и семья, школа, добровольные общественные организации.

Для повышения правовой культуры необходимо изучение механизма функционирования систем правового воспитания и правового формирования. Под правовым формированием понимается совокупность взаимосвязанных процессов развития правовой культуры под влиянием различных факторов. Основополагающим элементом воздействия на становление личности и ее развитие должно выступать правовое воспитание, которое должно быть построено как многоуровневое и непрерывное. Его нужно начинать еще в школе и продолжать в течение всей жизни. [6, с. 266–270]

В завершении хотелось бы отметить, что уровень правовой культуры – это один из наиболее точных и реальных показателей развития как отдельного взятого индивида, так и государства в целом. К сожалению, в российском обществе проблема низкого уровня правовой культуры достаточно остро стоит в наши дни, имеются как объективные, так и субъективные причины. В связи с этим, одной из приоритетных задач дальнейшего становления государственно-правового развития должна стать кампания по увеличению темпов качественного развития правовой культуры российского общества. И если эта цель будет достигнута, то Российская Федерация, российское общество выйдет на принципиально новый уровень своего исторического и культурного развития, на основе приверженности правовым ценностям и принципам построения гражданского общества.

Пристатейный библиографический список

1. Балаклея И. И. Правовая культура в условиях модернизации России: реалии, тенденции и перспективы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2012. – 26 с.
2. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 506 с.
3. Костина К. А. Правовое воспитание в России и его значение в формировании правовой культуры // Вестник ТГУ. – 2013. – Выпуск 5. – С. 266-270.
4. Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности // Отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Наука, 1988. – 142 с.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. – М.: Юристъ, 2011. – 528 с.
6. Каландаришвили З. Н., Хаванова Т. В. Характерные особенности формирования правовой культуры на современном этапе развития российского общества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 2. – С. 365-368.

СИБИЛЕВ Илья Андреевич

аспирант 2 года Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ «ПРАВОВОГО СТАТУСА» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье рассматриваются некоторые вопросы правового статуса систем на базе искусственного интеллекта. Исследуются три основных причины невозможности признания за системами искусственного интеллекта статуса субъекта права. Проводится анализ потенциальных позитивных и негативных последствий наделения искусственного интеллекта определенным правовым статусом, а также предлагаются варианты проработки указанных проблемных направлений в условиях действующего законодательства.

Ключевые слова: правосубъектность, искусственный интеллект, правовой статус, гражданско-правовая ответственность, правовое регулирование.

SIBILEV Ilya Andreevich

postgraduate student of the 2nd course of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Сибилев И. А.

SOME ISSUES RELATING TO THE «LEGAL STATUS» OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

The article discusses some issues of the legal status of artificial intelligence-based systems. Three main reasons of impossibility to consider the artificial intelligence systems as a subject of law are investigated. The paper analyzes the potential positive and negative consequences of granting artificial intelligence a certain legal status, and offers options for working out these issues in the current legislation.

Keywords: legal personality, artificial intelligence, legal status, civil liability, legal regulation.

На современном этапе развития человеческого общества одним из важнейших факторов прогресса является почти повсеместная цифровизация, иначе говоря внедрение современных технологий в различные сферы жизни и производства.

Важной вехой в процессе цифровизации стал рост популярности технологий на основе искусственного интеллекта, которые благодаря техническому прогрессу стали показывать поразительные результаты. Искусственный интеллект становится все более распространенным, а влияние, оказываемое им на общество, заставляет нас обращать внимание на возможные негативные последствия такого распространения. Вопросы, связанные с правовым режимом результатов деятельности искусственного интеллекта, все чаще оказываются в поле зрения ученых и законодателей.

В законодательных актах Российской Федерации в настоящее время содержится несколько определений искусственного интеллекта (Федеральный закон № 123-ФЗ, ст. 2 пп. 2-3; Указ Президента РФ от 10.10.2019, ст. 5, пп. «а»), которые включают следующие его характеристики:

- комплекс технологических решений;
- способность воспроизвести мыслительные функции человека с сопоставимыми результатами;
- возможность осуществлять самостоятельный поиск решений и работать без заранее заданного алгоритма;
- наличие программного обеспечения, включая машинное обучение;
- организационно-техническая реализация на базе информационно-коммуникационной инфраструктуры [1].

На сегодняшний день в науке отсутствует единое устоявшееся определение «искусственного интеллекта». Однако, из различных предлагаемых понятий мы можем вывести неко-

торые общие признаки, к которым относятся: автономность, адаптация, самостоятельность при принятии решений, самообучение. Здесь также необходимо отметить, что приводимые признаки необходимо воспринимать с определенной степенью условности, поскольку на современном этапе развития искусственный интеллект полноценно не достиг уровня, целиком соотносимого с человеческим интеллектом.

С развитием и распространением технологий на базе искусственного интеллекта, они все чаще выполняют задачи, которые ранее считались исключительно прерогативой человека, что наталкивает на мысли о необходимости пересмотра традиционных правовых норм. Однако, даже самый развитый и современный искусственный интеллект как определенная аналитическая модель пока лишен соответствующих человеку биологических, духовно-нравственных и этических свойств.

Основываясь на этой особенности, мы можем сделать вполне обоснованный вывод о потенциальной опасности такой технологии. Лишенный понятий о морали и нравственности алгоритм, принимающий решения исключительно основываясь на когнитивных функциях может быть исключительно эффективен в решении поставленных задач и чрезвычайно опасен одновременно.

Одной из самых противоречивых и дискуссионных тем в настоящее время является вопрос о возможной правосубъектности систем искусственного интеллекта. Кажется, что, если сама суть технологии стремится к тому, чтобы полноценно симитировать принцип работы человеческого интеллекта, воспроизвести его суть, логичным и закономерным шагом будет необходимость соответствующей правовой регламентации такой технологии. Для решения проблемы необходим контроль, и в качестве одного из способов такого

контроля предлагается закрепить за системами искусственного интеллекта определенный правовой статус.

Термин «правосубъектность» обычно применим к физическим лицам и юридическим лицам, за которыми законодатель признает способность иметь права и обязанности. В случае с технологиями на базе искусственного интеллекта возникает вопрос: если искусственный интеллект уже во многих аспектах превосходит интеллект естественный, нет ли необходимости признать правоспособность алгоритма или программного комплекса?

Один из аргументов за предоставление ИИ некоторой формы правосубъектности основывается на его способности к самостоятельному принятию решений без непосредственного человеческого вмешательства. Таким системам дается только базовый набор «инструментов», а непосредственные алгоритмы для решения поставленных задач ими разрабатываются самостоятельно, посредством совмещения технологий больших данных и глубокого обучения. Такие системы могут управлять автомобилем, проводить сложные операции на фондовом рынке или создавать произведения искусства.

Вопрос о возможной правосубъектности систем на базе искусственного интеллекта вызывает дискуссии как среди отечественных, так и зарубежных ученых. С учетом резкого роста эффективности, распространенности внедрения данных технологий и приближением их в деятельности к точке неотличимости от человека, уже всерьез рассматриваются идеи о возможном наделении искусственного интеллекта статусом, сравнимым с физическим лицом.

В зависимости от действующего правового регулирования, в разных странах рассматриваются несколько вариантов правового статуса систем искусственного интеллекта. Отечественная доктрина тоже содержит несколько концепций, предусматривающих, например: приравнивание статуса искусственного интеллекта к правому регулированию физического, юридического лица или статусу животного. Некоторые зарубежные страны уже предпринимают шаги для определения статуса систем на базе искусственного интеллекта в рамках своего законодательства. В 2020-2021 Европейский союз рассмотрел возможность создания специальной категории «электронных лиц» для сложных автономных систем [4]. Однако, многие рассматриваемые и предлагаемые законодательные инициативы в этой области кажутся преждевременными.

Представляется, что несмотря на возможные негативные последствия, на сегодняшний день необходимость закрепления за искусственным интеллектом определенного правового статуса отсутствует по следующим причинам:

1. Искусственный интеллект — это не самостоятельная единица, а запрограммированный алгоритм с высокой долей автономности.

На современном этапе развития технологий искусственного интеллекта, даже самые совершенные и «самостоятельные» модели – это технически и структурно очень сложная, но заранее запрограммированная когнитивная модель. Как и в случае с мыслительными процессами в голове человека, сложная задача препарируется на огромное количество мелких простых процессов каждый из которых искусственный интеллект обрабатывает. Да, искусственный интеллект способен к самообучению, но его потенциал ограничен изначально заложенными разработчиками паттернами анализа – исходным кодом алгоритма. Алгоритмы автономны лишь

технически, в их деятельности отсутствует волевой компонент, и они подчиняются тем целям, которые мы перед ними ставим.

В свою очередь это означает что, например, написав картину, художник имеет цель не только сотворить оригинальный и самобытный объект, но и имеет интерес в получении известности, узнаваемости, монетизации собственного творчества. Искусственному интеллекту подобные мотивы чужды, и даже симулировав их аппаратно, его действия будут направлены на исполнение воли разработчика.

Именно по этой причине признание какой-либо правосубъектности невозможно. Существующие законы человеческого общества критически зависят от волевого компонента – без цели, мотива и умысла теряется суть правоотношения. А в рассматриваемом случае искусственный интеллект пока не способен самостоятельно синтезировать морально-этические установки – их подобие, механика, имитация, просто закладывается в алгоритм. Иными словами, алгоритму безразличны нормы морали и права, они реализуют свою функцию согласно поставленной разработчиком задаче, безотносительно к каким-либо иным переменным. И чем большее распространение получают указанные технологии, тем больше людей будет пытаться переложить ответственность за свои действия на несовершенство программы. Отсюда вытекает вторая рассматриваемая проблема.

2. Механизм разграничения ответственности

Важно отметить, что предоставление каких-либо прав искусственному интеллекту также подразумевает возложение ответственности за его действия. В случаях совершения ошибок или наступления неблагоприятных последствий, возникает вопрос о том, кто должен нести ответственность: разработчик системы? Пользователь? Сам искусственный интеллект?

Определяя правовой статус искусственного интеллекта как самостоятельного (квазисамостоятельного) субъекта правоотношения, в соответствии с основами действующей правовой системы мы должны также наделить его определенной ответственностью.

Во-первых, подобная ситуация создает широкий простор для возможного злоупотребления правом. Владелец или пользователь системы искусственного интеллекта получает опцию переложить ответственность за неправомерные действия на искусственный интеллект, получив определенные преимущества и избежав санкций.

Во-вторых, теряется сама суть ответственности, которая подразумевает применение к нарушителю каких-либо имущественных мер. У нейросети есть подобие человеческого мышления, но нет недвижимости, имущества, денег, искусственный интеллект нельзя лишить свободы. И что не менее важно – полностью отсутствует возможность реализации какого-либо раскаяния, исправления правонарушителя.

Таким образом, наделив искусственный интеллект правовым статусом, мы получаем субъекта с реально очень ограниченным и неравноценным кругом прав и обязанностей, который к тому же никак не обременен понятиями об этике, нравственности, морали.

В подобной ситуации кажется целесообразным и логичным решением внедрить в систему на аппаратном уровне перечень ограничений, имитирующих отсутствующие у алгоритма свойства. Но кто будет решать, какие нормы морали и этики получит искусственный интеллект? Также, не будем забывать, что в различных жизненных ситуациях нормы мо-

рали могут идти в разрез с нормами права, что заводит нас в определенный тупик. Безусловно, определенная стандартизация при интеграции систем на базе искусственного интеллекта в общественные отношения необходима, но представляется что на текущем этапе развития указанных технологий разработать единую и полноценно функционирующую основу для такой стандартизации не представляется возможным.

С другой стороны, мы уже имеем возможность наблюдать работу некоторых технических стандартов, обеспечивающих невозможность применения технических средств для совершения правонарушений (например, двухфакторная аутентификация при совершении платежей или голосовые помощники, отвечающие на звонки мошенников) [2]. Представляется, что в недалеком будущем, разработка определенных технических стандартов для возможной интеграции систем на базе искусственного интеллекта также станет возможной, однако данная мера, все равно не позволяет нам говорить о какой-либо правосубъектности искусственного интеллекта.

Таким образом, следует согласиться с мнением ряда отечественных исследователей, предполагающих что вопросы имплементации систем искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни в значительной степени связаны не только и не столько с вопросами права, сколько с вопросами стандартизации в данной сфере и развития технического регулирования с целью установления рамок для умного программного обеспечения, чтобы оно не могло принимать решения, выходящие за рамки норм морали и права [5].

3. Необходимость коренной переработки действующего законодательства

Из всего вышеизложенного частично вытекает и третья рассматриваемая проблема, заключающаяся в необходимости перестройки всей правовой системы. Наделив искусственный интеллект в его нынешнем состоянии каким-либо правовым статусом, мы безусловно получим определенные плюсы с точки зрения, например, права интеллектуальной собственности, поскольку, получив статус субъекта правоотношения, искусственный интеллект сможет стать автором создаваемых им произведений, которые получат правовую охрану, а вопрос критериев охраноспособности произведений не может быть оторван от определения субъекта права [3]. Можно привести еще несколько примеров возможного положительного эффекта от надления искусственного интеллекта правосубъектностью, однако нельзя отрицать тот факт, что действующая система права в таком случае окажется полностью дисфункциональной. Нормы о праве собственности, вещном праве, авторском праве, ответственности за причинение вреда и многие другие придется во многом переосмыслить и перерабатывать, с учетом специфичности искусственного интеллекта как потенциального субъекта права.

Для реализации подобного сценария потребуется огромное количество времени и материальных ресурсов, а перспективность достигнутых результатов даже сейчас вызывает вопросы с учетом сказанного выше. Более того, существуют вполне обоснованные риски того, что в результате реформирования отдельных правовых институтов, будут разрушены уже существующие и эффективно функционирующие правовые конструкции. Таким образом, даже с точки зрения юридической техники, признание за искусственным интеллектом правосубъектности представляет собой авантюрный процесс, польза от которого трудно

прогнозируема и весьма иллюзорна, а вот риски наоборот существенны.

Подводя некоторые итоги необходимо обратить внимание на тот факт, что, хотя человеческое общество только начинает понимать потенциал и последствия развития систем искусственного интеллекта, очевидно одно: для гарантий равномерного и безопасного развития общества при внедрении новых технологий, необходима глобальная дискуссия всех участников этого процесса по основным вопросам. Исследование правосубъектности искусственного интеллекта является одной из актуальных задач указанного процесса в современном правовом пространстве. Необходимость разработать эффективное правовое регулирование, учитывая развитие и потенциал искусственного интеллекта определенно существует.

С учетом динамики развития систем на базе искусственного интеллекта, различные варианты надления их правоспособностью возможны только после преодоления критически важных технологических барьеров. На данном же этапе это скорее исследования сугубо теоретические и перспективные. Они безусловно могут включать теоретическое моделирование новых форм правоспособности для систем искусственного интеллекта, развитие специальных законов и нормативных актов, а также принятие международных соглашений и немаловажно, чтобы разработка указанных положений проходила с учетом конструктивного диалога всех заинтересованных участников рынка – от IT-специалистов до государственных органов управления.

Пристатейный библиографический список

1. Гуляева П. С. Квазиправосубъектность искусственно-интеллекта: теоретико-правовые аспекты // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2022. № 2 (46). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvazipravosubektnost-iskusstvennogo-intellekta-teoretiko-pravovye-aspekty> (дата обращения: 05.01.2024).
2. Гурко А. В. К вопросу о возможности правовой охраны результатов «интеллектуальной» деятельности систем искусственного интеллекта. Экономика. Право. Общество. 2022. № 7 (1). С. 71-75. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21686/2411-118X-2022-1-71-75>.
3. Калыгин В. О. Определение субъекта прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием искусственного интеллекта и его влияние на развитие гражданского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 4. С. 24-50.
4. Марченко А. Ю. Правовое регулирование технологий ИИ в европейском союзе: текущее состояние и перспективы его развития // Юридическая наука. 2021. № 7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-tehnologii-ii-v-evropeyskom-soyuze-tekushee-sostoyanie-i-perspektivy-ego-razvitiya> (дата обращения: 07.01.2024).
5. Харитоновна Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник пермского университета. Юридические науки. 2021. № 53. С. 448-475.

ХАВЗИЕВ Адель Айратович

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Университета управления «ТИСБИ», г. Казань

ФОРМЫ ЗАЩИТЫ НАРУШЕННЫХ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Актуальность выбранной темы заключается в том, что защита прав потребителей является неотъемлемой потребностью современного общества. Формы защиты нарушенных прав потребителей – это порядок или разновидность юридической деятельности по защите прав потребителей в ситуациях, когда потребитель самостоятельно пытается пресечь нарушенные свои права с помощью устной и (или) письменной претензий, путем обращения в контролирующие органы и (или) в суд, а также на сайт портала по защите прав потребителя. Автор рассматривает общественные отношения, связанные с юрисдикционной (судебный и административный порядок) и неюрисдикционной (самозащита) формами защиты прав потребителей. В этой связи анализируются проблемы, возникающие с необходимостью создания правовых механизмов при самозащите гражданина – потребителя как экономически более слабой стороны. Цель исследования – выявление форм защиты прав потребителей, применяемых на практике; их классификация. По теме исследования применены аналитический и системный методы при изучении нормативных правовых актов в области защиты прав потребителей, а также судебных дел, опубликованных на официальных сайтах: ГАРАНТ.РУ, судов общей юрисдикции, картотеки арбитражных дел. На предмет наличия необходимой информации для потребителей применены сравнительно-правовые методы при оценке официальных сайтов органов власти Республики Татарстан, Республики Башкортостан и города Москвы. Правоприменительная практика позволила определить классификацию применяемых форм защиты прав потребителей. К неюрисдикционной форме можно отнести 3 механизма защиты прав потребителей – заявление устной претензии, подача письменной претензии, обращение на сайт портала по защите прав потребителя. К юрисдикционной форме можно отнести 2 механизма защиты прав потребителей – обращение в контролирующие органы и обращение в суд.

Ключевые слова: потребители, нарушение прав потребителей, защита прав потребителей, формы защиты прав потребителей, процедуры защиты прав потребителей, продавец, покупатель, интернет-портал потребителей.

KHAVZIEV Adel Ayratovich

postgraduate student of Civil and business law sub-faculty of the University of Management "TISBI", Kazan

FORMS OF PROTECTION OF VIOLATED CONSUMER RIGHTS

The relevance of the chosen topic lies in the fact that consumer protection is an integral need of modern society. Forms of protection of violated consumer rights are a procedure or type of legal activity to protect consumer rights in situations where the consumer independently tries to suppress his violated rights through oral and (or) written claims, by contacting regulatory authorities and (or) the court, and also on the website of the consumer rights protection portal. The author examines social relations associated with jurisdictional (judicial and administrative procedures) and non-jurisdictional (self-defense) forms of consumer protection. In this regard, the problems arising with the need to create legal mechanisms for the self-defense of a citizen-consumer as an economically weaker party are analyzed. The purpose of the study is to identify forms of consumer protection used in practice; their classification. On the topic of the research, analytical and systematic methods were applied in the study of regulatory legal acts in the field of consumer rights protection, as well as court cases published on official websites: GARANT.RU, courts of general jurisdiction, files of arbitration cases. Comparative legal methods were used to assess the availability of necessary information for consumers when assessing the official websites of authorities of the Republic of Tatarstan, the Republic of Bashkortostan and the city of Moscow. Law enforcement practice has made it possible to determine the classification of applied forms of consumer protection. The non-jurisdictional form includes 3 mechanisms for protecting consumer rights - filing an oral complaint, filing a written complaint, or accessing the website of the consumer rights protection portal. The jurisdictional form includes 2 mechanisms for protecting consumer rights - appealing to regulatory authorities and going to court.

Keywords: consumers, violation of consumer rights, protection of consumer rights, forms of consumer protection, procedures for protecting consumer rights, seller, buyer, consumer Internet portal.

Введение

Некоторые ученые считают, что «Потребитель представляет собой физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя или плательщика налога на профессиональный доход (самозанятого лица), имеющее намерение либо заказывающее, приобретающее или использующее товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и других нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» [5]. Итак, потребитель (права потребителя) выступает в качестве объекта правовой защиты, так как обусловлен его статусом слабой стороны перед профессионалом.

«Рыночная модель экономики предполагает свободное перемещение товаров и услуг, но безграничная экономиче-

ская свобода предоставляет широкие возможности для нарушения прав слабой стороны этих отношений, поэтому необходимым представляется предоставление широких прав и возможностей для их защиты наиболее уязвимой стороне этих отношений – потребителям товаров и услуг» [2]. Для беспрепятственного осуществления гражданских прав необходимы механизмы защиты гражданских прав от нарушений.

Отношения в области защиты прав потребителей регулируются основными нормативными правовыми актами: Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Законом РФ «О защите прав потребителей». Следовательно, защита гражданских прав и соответственно защита прав потребителей возникает при совершенным правонару-

шении. В целом под механизмом защиты гражданских прав необходимо понимать совокупность связанных между собой форм, способов и средств защиты.

В ГК РФ не содержится легального понятия, как защита гражданских прав, поэтому данный институт вызывал интерес ряда ученых. Согласно с мнением профессора Алексея Яновича Курбатова, который отмечает, что «каждый способ защиты реализуется в определенном порядке, который и именуется формой защиты. Право на защиту может реализовываться как через специально уполномоченные государственные органы, так и самостоятельными действиями управомоченного лица. В зависимости от этого выделяют два вида форм защиты: 1) неюрисдикционную, когда право на защиту реализуется самостоятельными действиями управомоченного лица (самозащита прав, применение мер оперативного воздействия, досудебное урегулирование споров, неприменение норм при реализации права); 2) юрисдикционную, когда право на защиту реализуется через государственные и иные уполномоченные государством органы осуществлять защиту прав (третейские суды, нотариат)» [4]. В рамках юрисдикционной формы защиты гражданских прав выделяют (ст. 11 ГК РФ): общий (судебный) порядок защиты нарушенных прав; специальный (административный) порядок защиты нарушенных прав. Защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных законом: см. ст. 15 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Форму защиты похоже классифицируют и профессора А. П. Сергеев и Ю. К. Толстой [11].

Результаты исследования

Как показывает анализ практики, при нарушении прав потребителей в основном избирается судебный порядок защиты нарушенных прав. Вместе с тем надо отметить, что действующие нормативные правовые акты не предоставляют потребителю возможность выбора всех механизмов защиты нарушенных прав в рамках порядка самозащиты.

Представим порядок действий при нарушении прав потребителей с учетом юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты прав. Алгоритм действий зависит от вида правонарушения и готовности второй стороной разрешить конфликт в досудебном порядке. Потребитель вправе действовать следующим образом:

1. Заявить устную претензию (неюрисдикционная форма защиты прав). В настоящее время легального определения для данного понятия гражданское законодательство не устанавливает. Между тем имеется правоприменительная практика, где изложено право потребителя на предъявление устной претензии. Например, претензии по качеству товара и требованию о возврате денежных средств может быть предъявлено покупателем в письменной или устной форме. Покупатель приобрел в магазине товар (автомобильные запчасти) и в тот же день обнаружил его недостаток. В тот же день он обнаружил дефект. Затем он вернулся в магазин, чтобы вернуть бракованные детали и уплаченную сумму. Продавец отказался выполнить эти требования, что привело к судебному разбирательству. В ходе судебного разбирательства магазин не смог доказать, что покупатель не предъявлял устного требования именно в день совершения покупки. В то же время продавец посчитал, что потребитель не обязан проверять товар при отсутствии письменной претензии от него. Судьи отметили, что претензии по качеству товара и требования о возврате денег могут быть переданы в устной форме от покупателя продавцу. Таким образом, если

эти требования не соблюдены, даже при отсутствии письменного заявления покупателя, магазин не имеет никаких прав. «Такая ситуация сложилась и на нее распространяются положения статей 13, 15 и 18 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», мировой судья признал иск обоснованным и подлежащим удовлетворению. Суд апелляционной инстанции поддержал выводы суда первой инстанции, признав их мотивированными и обоснованными по праву. Согласно части 1 статьи 55 ГПК РФ доказательствами по делу являются полученные сведения из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов»¹.

Действительно, Закон РФ «О защите прав потребителей» не требует от потребителей точного изложения своих требований в письменной форме, поэтому судьи учитывают, как предъявленные требования, так и устные обращения граждан.

2. Предъявить письменную претензию (неюрисдикционная форма защиты прав). Если вторая сторона отказывается удовлетворить устные требования, потребитель составляет письменное обращение, отражая суть претензии и свои требования. Следует уточнять в претензии, чего именно вы хотите: вернуть деньги, обменять товар, починить его по страховке, получить компенсацию, снизить цену [10]. Если вторая сторона отказывается его принимать, потребитель отправляет заказным письмом с уведомлением о вручении на юридический адрес компании. Следует отметить, что Закон «О защите прав потребителей» (№ 2300-1 от 7 февраля 1992 г.)² не требует соблюдения порядка обращения за разрешением споров. Однако такой порядок может быть установлен специальными нормативными актами (подача претензии) для некоторых споров, например: оказание услуг связи (Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», ст. 55, п. 4); изменение или расторжение существующих договоров (ст. 452, п. 2 ГК РФ); качество туристских товаров (Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», ст. 10); в области страховой защиты, ОСАГО (Федеральный закон от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», ст. 16.1).

Претензия, отвечающая признакам юридически значимого сообщения, должна быть предъявлена в письменной форме, что с необходимой степенью определенности следует из требований материального (п.п. 1, 2 ст. 450.1, п. 2 ст. 452, п. 1 ст. 797 ГК РФ³) и процессуального (абз. 7 ст. 132 ГПК РФ⁴) закона. Общий порядок предъявления претензии должен соответствовать требованиям ст. 165.1 ГК РФ (юридически значимые сообщения) с учетом разъяснений, содержащихся в п. п. 63–67 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых по-

1 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 05.02.2020 № 88-1790/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ГАРАНТ.РУ: <https://base.garant.ru/312596219/> (дата обращения: 24.06.2023).

2 О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3, 15 янв. – Ст. 140.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32, 5 дек. – Ст. 3301.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46, 18 нояб. – Ст. 4532.

ложений разд. I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁵.

3. Обратиться в контролирующие органы (юрисдикционная форма защиты прав). Согласно ст. 42.3 Закона о защите прав потребителей от 7 февраля 1992 г. № 2300-1, потребитель может в письменной или электронной форме обратиться в орган государственного надзора, иные уполномоченные федеральные органы исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо орган местного самоуправления. В частности, потребитель на территории Республики Татарстан может обратиться в Управление Роспотребнадзора по Республике Татарстан или в Государственную инспекцию Республики Татарстан по обеспечению государственного контроля за производством, оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции и защите прав потребителей – если покупателю продали товар, оказали услугу низкого качества, принудили к покупке ненужного товара.

Например, в 2022 г. «в Управление Роспотребнадзора по Республике Татарстан поступило 1713 письменных обращений граждан в сфере оказания финансовых услуг, что на 14,3% больше значения 2021 г. (2021 г. – 1499). Из общего количества поступивших обращений 89,4 % связаны с нарушением прав потребителей при заключении/исполнении кредитных договоров; 7,2 % – с деятельностью страховых организаций 3,4 % – микрофинансовых услуг (АППГ – 87,4%; 6,3% и 6,3 % соответственно)» [9]. Государственной инспекцией Республики Татарстан по обеспечению государственного контроля за производством, оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции и защите прав потребителей за 2022 г. «рассмотрено 2447 обращений граждан (в том числе 781 письменное обращение), из них 78,5% – в сфере торговли; 9,8% – бытовых услуг; 2,3% – услуг общественного питания; 0,3 – услуг связи; 9,1% – прочие услуги (услуги ЖКХ, транспортные, образовательные, медицинские и др.)» [7].

4. Обращение в суд (юрисдикционная форма защиты прав). Если потребителю отказали в удовлетворении законных требований, он вправе напрямую обратиться с иском заявлением в суд, который рассмотрит обстоятельства дела и вынесет решение. Анализ положений норм ст. 11 ГПК РФ, ст. 29, ст. 207 АПК РФ⁶, ч. 1 ст. 30.1, ст. 25.2 КоАП РФ⁷ позволяет сделать вывод, что споры, связанные с защитой прав потребителя в части оспаривания решений административного органа по вопросу о привлечении (отказа в привлечении) лица к административной ответственности либо заявлений соответствующего органа о привлечении лица к административной ответственности, относятся к компетенции арбитражного суда. Это связано с тем, что подведомственность таких споров не зависит от статуса потерпевшего. Приведем пример из судебной практики. «Физическое лицо, обратившееся в управление Роспотребнадзора с указанием на нарушение банком его прав и на наличие в действиях юридического лица событий административных правонарушений, наделено в силу ст.

25.2 КоАП РФ правами потерпевшего, в том числе в соответствии с ч. 1 ст. 30.12 КоАП РФ и ч. 2 ст. 207 АПК РФ правом обжалования состоявшихся по делу решений, независимо от наличия (отсутствия) статуса индивидуального предпринимателя и экономической основы характера данного спора. Судом установлено, что заявитель обжалует определение, которым отказано в возбуждении административного дела в отношении банка по ст. 14.8 КоАП РФ, в правоотношениях с которым он является потребителем, а в административном деле – потерпевшим, его заявление подлежит рассмотрению в арбитражном суде»⁸.

В противном случае дела о защите прав потребителей рассматриваются в суде общей юрисдикции. Соответствующие разъяснения сводятся к п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 [8], согласно которым дела по искам о защите прав потребителей в соответствии со ст. 17 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей», ст. 5 и п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ находятся в компетенции суда общей юрисдикции. Анализируя судебную практику, можно заметить, что судебные органы чаще всего выносят решения об удовлетворении требований потребителей. Связано это с тем, что данный субъект является наиболее слабой стороной в договорных отношениях с экономической и профессиональной точки зрения, а также в связи с тем, что продавец недобросовестно уклоняется от выполнения своих обязанностей [6].

5. Рассмотрим еще один возможный механизм защиты нарушенных прав гражданина – потребителя в условиях цифровизации экономики, это обращение его на сайт портала по защите прав потребителя (неюрисдикционная форма защиты прав). В условиях цифровизации экономики республиканскими (функциональными) органами исполнительной власти созданы порталы по защите прав потребителей, миссия которых заключается в том, чтобы вооружить потребителя грамотными инструкциями и готовыми шаблонами документов, чтобы он самостоятельно, с минимальными затратами времени и сил, мог отстоять свои права. В целом, порядок формирования такого сайта действующим законодательством не прописан. При этом деятельность по ведению Торгового реестра регламентируется Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ⁹, приказом Минпромторга РФ от 16 июля 2010 г. № 602¹⁰. «Формы Торгового реестра, порядок его формирования и порядок предоставления информации, содержащейся в Торговом реестре, утверждает федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренней торговли – Минпромторг России (п. 2 ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 381-ФЗ). Торговый реестр субъекта РФ, в который вносят информацию о юридических лицах и индивидуальных пред-

5 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 // Рос. газета. – 2015. – № 140, 30 июня.

6 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Рос. газета. – 2002. – № 137, 27 июля.

7 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Рос. газета. – 2001. – № 256, 31 дек.

8 Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 03.09.2020 № А65-15253/2020 // Картоотека арбитражных дел: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/f3c9cf7a-b910-483d-ba5a-9eb3819b5a08/97f14331-6120-45f8-9a50-5732d096a515/A65-15253-2020_20200903_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.06.2022).

9 Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Фед. закон от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 1. – Ст. 2.

10 Об утверждении Формы торгового реестра, Порядка формирования торгового реестра и Порядка предоставления информации, содержащейся в торговом реестре: приказа Минпромторга РФ от 16 июля 2010 г. № 602 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 40.

принимателях, осуществляющих торговую деятельность или поставки товаров (за исключением производителей товаров) на территории соответствующего субъекта РФ, формируется органом государственной власти субъекта РФ» [1].

Однако, в ряде регионов утверждаются соответствующие программы. В частности, Портал Республики Татарстан по защите прав потребителей [7] создан Государственной инспекцией Республики Татарстан по обеспечению государственного контроля за производством, оборотом и качеством этилового спирта, алкогольной продукции и защите прав потребителей в рамках реализации долгосрочной целевой программы «Развитие комплексной системы защиты прав потребителей в Республике Татарстан на 2013 – 2015 годы», утвержденной постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 29 сентября 2012 г. № 814. С 1 апреля 2014 г. вступила в действие Подпрограмма-6 «Развитие комплексной системы защиты прав потребителей в Республике Татарстан на 2014 – 2025 годы», утвержденная постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 16 октября 2013 г. № 764 «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Татарстан на

2014 – 2025 годы»». Целью Подпрограммы-6 является создание в Республике Татарстан условий для эффективной защиты, установленных законодательством Российской Федерации прав потребителей, развитие потребительского рынка товаров, работ и услуг.

Портал потребителя города Москвы [3], который открылся в сети Интернет в конце 2022 г., создан Департаментом информационных технологий города Москвы в рамках программы, утвержденной мэром Москвы С. С. Собяниным и Управлением Роспотребнадзора по г. Москве.

Интернет-портал по защите прав потребителей Республики Башкортостан [8] создан Министерством торговли и услуг Республики Башкортостан в 2012 году, который является информационной площадкой, где собран полезный контент, определяющий и поясняющий права потребителей, а также обязанности людей и компаний, реализующих товары или предоставляющих услуги.

Анализ сайтов Порталов потребителя города Москвы, Республик Татарстан и Башкортостан приведен в таблице 1.

Оценка сайтов Правительств Республики Татарстан и Республики Башкортостан показала не высокий результат, ко-

Таблица 1. Оценка сайтов по защите прав потребителей трех регионов России

Наименование критерия оценки	Интернет-портал по защите прав потребителей					
	Республики Татарстан		Республики Башкортостан		города Москвы	
	есть (1)	нет (0)	есть (1)	нет (0)	есть (1)	нет (0)
Наличие информации об истории Портала	1		1		1	
Наличие «Реестра нарушителей»	1			0		0
Наличие рубрики «Банк судебных решений»	1		1			0
Наличие вкладки «Обучение»	1			0	1	
Наличие сайта для слабовидящих	1		1			0
Наличие мобильной версии сайта	1		1		1	
Наличие поисковой системы	1		1		1	
Наличие «Контакты и реквизиты»	1		1		1	
Количество языков (наличие английского)	1			0		0
Доступность обновления (актуальность) информации на сайте	1		1		1	
Наличие рубрики «Составить претензию»	1		1		1	
Наличие рубрики «Анализ работы с обращениями граждан»	1		1			0
Наличие вкладки «Олимпиада»	1			0		0
Наличие на сайте материалов СМИ	1		1			0
Наличие вкладки «Горячая линия»	1		1		1	
Дизайн сайта	1		1		1	
Наличие официальной символики	1		1		1	
Возможность выхода сайта в социальные сети		0	1			0
Наличие рубрики «Новости»		0	1			0
Наличие рубрики «Мероприятия»		0	1			0
Наличие информации об Уполномоченном по правам потребителей в регионе		0	1		1	
Наличие «электронного помощника»		0		0	1	
Наличие рубрики «Составить исковое заявление»		0		0	1	
<i>Итого</i>	<i>17</i>	<i>6</i>	<i>17</i>	<i>6</i>	<i>13</i>	<i>10</i>

Примечание. Таблица составлена автором.

торый составил 74% от общего количества критериев оценки. Оценка сайта Правительства города Москвы составила 57%. В целом сайты можно использовать. К положительным моментам можно отнести удобную структуру пользовательского интерфейса. Сайт содержит сервисы, облегчающие доступ и поиск информации для потребителей. На порталах потребителя имеется удобный конструктор основных видов документов: претензий и судебных исков. Однако рубрика «Составить исковое заявление» отсутствует на сайтах Республик Татарстана и Башкортостана. На порталах есть специальные разделы, в которых описываются наиболее типичные ситуации, возникающие при покупке товаров или заказе услуг, а также способы разрешения споров с продавцом, производителем, исполнителем. Однако, в содержании информации, размещенной на официальных сайтах Правительств Республики Башкортостан и города Москвы отсутствует реестр нарушителей прав потребителей.

Заключение

Анализ нормативных правовых актов, определяющих формы защиты прав потребителей, и практики ее применения, а также выявление современных возможностей защиты прав потребителей в условиях цифровизации экономики позволило определить классификацию применяемых форм защиты прав потребителей. К неюрисдикционной форме в порядке самозащиты можно отнести 3 механизма защиты прав потребителей – заявление устной претензии, подача письменной претензии, обращение на сайт портала по защите прав потребителя. К юрисдикционной форме в административном и судебном порядке можно отнести соответственно 2 механизма защиты прав потребителей – обращение в контролирующие органы и обращение в суд. В Законе РФ «О защите прав потребителей» следует предусмотреть неюрисдикционную форму защиты прав потребителей в порядке самозащиты в виде трех механизмов защиты прав потребителей – заявление устной претензии, подача письменной претензии, обращение на сайт портала по защите прав потребителя. Была проведена оценка сайтов Правительств Республики Татарстан, Республики Башкортостан и города Москвы, которые содержат сервисы, разделы для облегчения доступа и поиска необходимой информации для потребителей. В целях достижения высоких результатов по содержанию сайтов в п. 2 ст. 42.1 Закона о защите прав потребителей, считаем целесообразным включить формирование интернет-портала по защите прав потребителей в полномочия высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области защиты прав потребителей.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов В. Н., Гаврилова А. М., Безбородкина Е. А. Правовое регулирование розничной купли-продажи в Instagram // *Власть закона*. – 2022. – № 1 (49). – С. 136-146.
2. Гайнулова Ю. М. Защита прав потребителей в условиях санкций и контрсанкций. К вопросу о нарушении норм о публичном договоре (426 ГК РФ) // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. – 2022. – № 6 (70). – С. 52-55.
3. Для чего нужен Портал потребителя города Москвы // *Портал потребителя города Москвы: сайт*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://prav.mos.ru/articles/cff4d002-6476-4ad1-a411-973c38f3f6a9> (дата обращения: 17.05.2023).

4. Курбатов А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. – М.: Юстициформ, 2013. – 172 с.
5. Лунева Е. В., Толстова И. А., Викторов В. Ю., Матвеев П. А. Потребитель и его права как объект правовой защиты при продаже товаров // *Право и практика*. – 2023. – № 3. – С. 117–122.
6. Николаева Е. В. Недобросовестность продавца при исполнении договора розничной купли-продажи // *ExLegis: правовые исследования*. – 2019. – № 2. – С. 45-48.
7. О Госалкогольинспекции Республики Татарстан // *Портал Республики Татарстан по защите прав потребителей: сайт*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tatzpp.ru/view/about/> (дата обращения: 17.05.2023).
8. О проекте. Министерство торговли и услуг Республики Башкортостан // *Интернет-портал по защите прав потребителей Республики Башкортостан: сайт*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://portalzpp02.ru/about/pages/about-project/> (дата обращения: 17.05.2023).
9. Об итогах деятельности Управления Роспотребнадзора по Республике Татарстан в сфере оказания финансовых услуг за 2022 год // *Управление Роспотребнадзора по Республике Татарстан: сайт*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://16.rospotrebnadzor.ru/674/-/asset_publisher/zT0X/content/об-итогах-деятельности-управления-роspotrebnadzora-по-республике-татарстан-в-сфере-оказания-финансовых-услуг-за-2022-год (дата обращения: 17.05.2023).
10. Рудых С. Д., Суханова Д. А. Самозащита как один из способов защиты прав потребителей // *Вопросы российской юстиции*. – 2023. – № 23. – С. 191-198.
11. Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право: учебник: в 3 т. – М.: Проспект, 2005. – Т. 1. – 765 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-213-215

ХАКИМОВА Алсу Фаритовна

руководитель Экспертно-аналитического департамента Управления проектной деятельности ЦИК ВПП «ЕДИНАЯ РОССИЯ», аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ПО СОГЛАШЕНИЮ О ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ

В статье раскрываются проблемные вопросы наступления гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение соглашения о государственно-частном партнерстве, предусмотренные законом меры ответственности соотносятся с правовой природой соглашения о государственно-частном партнерстве. Анализируются риски наступления преддоговорной ответственности за нарушение порядка переговоров между потенциальными партнерами. Основные идеи и выводы в работе направлены на достижение баланса прав и обязанностей, рисков и ответственности сторон соглашения о государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, соглашение о государственно-частном партнерстве, гражданско-правовая ответственность, преддоговорная ответственность, замена партнера.

KHAKIMOVA Alsu Faritovna

Head of the Expert and Analytical Department of the Project Activities Directorate of the Central Executive Committee of the RPP "UNITED RUSSIA", postgraduate student of Civil and entrepreneurial law sub-faculty of the V. G. Timiryasov Kazan Innovative University

ISSUES OF LIABILITY OF THE PARTIES UNDER A PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AGREEMENT

The article reveals problematic issues of the onset of civil liability for non-fulfillment or improper execution of a public-private partnership agreement; the liability measures provided for by law are correlated with the legal nature of the public-private partnership agreement. The risks of pre-contractual liability for violation of the procedure for negotiations between potential partners are analyzed. The main ideas and conclusions in the work are aimed at achieving a balance of rights and obligations, risks and responsibilities of the parties to the public-private partnership agreement.

Keywords: public-private partnership, public-private partnership agreement, civil liability, pre-contractual liability, replacement of partner.

Хакимова А. Ф.

Правовое регулирование вопросов заключения, изменения и прекращения соглашения о государственно-частном партнерстве (далее – соглашение о ГЧП) в значительной мере тяготеет к административно-правовому методу, преимущественно отдавая приоритет подробной регламентации порядка подачи документов и рассмотрения проекта по государственно-частному партнерству, принятия решения о реализации проекта, конкурсному отбору частного партнера. При этом вопросы исполнения соглашения и ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора практически не получили достаточного внимания со стороны законодателя.

Последние изменения в специальный закон (Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Федеральный закон) дополняют действующий внушительно большой список документов и порядок рассмотрения предложений от частных инвесторов предоставленным заявителем (частным партнером) безотзывной банковской гарантии, а также новым порядком проведения конкурса в электронной форме с использованием электронных площадок. По сути законодатель применяет привычный для него публично-правовой инструментарий выбора контрагента и «защиты» бюджетного финансирования, используемый при государственном заказе, не учитывая специфику института государственно-частного партнерства и правовую природу соглашения о ГЧП.

Основными принципами государственно-частного партнерства и признаком соглашения о ГЧП является соблюдение баланса публичного, частного и общественного интересов, а именно равнозначное распределение прав и обязанностей, рисков и ответственности сторон при достижении общественно-значимой цели соглашения. Преодолев длительный и сложный порядок заключения соглашения о ГЧП, Федеральный закон практически не обременил стороны требованиями по исполне-

нию существенных условий соглашения, а равно условиями несения ответственности за его неисполнение. Федеральный закон отсылает нас к гражданско-правовым мерам ответственности, урегулированным Гражданским кодексом РФ. «В целом, применение судами норм гражданского законодательства к отношениям государственно-частного партнерства представляется достаточно эффективным и оправданным, поскольку именно в рамках гражданского права наиболее полно урегулированы различные вопросы любого договорного взаимодействия сторон» [1].

Согласно пункту 1 статьи 394 Гражданского кодекса Российской Федерации, «договором может быть предусмотрено взыскание только неустойки, но не убытков, либо убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки, либо могут быть взысканы, либо неустойка, либо убытки»².

При заявлении требования о возмещении убытков кредитор требует доказать как наличие убытков и определить их размер с разумной степенью достоверности, так и причинную связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства и убытками (абз. 1 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса РФ об ответственности за нарушение обязательств»³). При этом важным аспектом обоснования таких требований становится наличие вины. Как известно, при осуществлении предпринимательской деятельности с учетом предпринимательского риска организации несут ответственность без наличия вины, за исключением обстоятельств непреодолимой силы. Что означает, что частный партнер будет нести ответственность независимо от степени виновности действий (бездействий), в то время как публичный партнер может быть освобожден от ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, он принял все меры для надлежащего исполнения обязательства.

1 Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (ч. 1). – Ст. 4350.

2 Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; Ч. 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301 @ Собр. законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3 Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 5. – 2016.

В таком случае не соблюдается баланс прав и обязанностей и распределения рисков между сторонами, присущий для соглашения о ГЧП. Ввиду чего требуется оговорка в специальном Законе, уравнивающая основания имущественной ответственности партнеров. Учитывая, что государственно-частные партнерства – это достаточно сложные, длительные, инфраструктурные и социально-значимые проекты, при реализации которых возможно наступление независимых от сторон обстоятельств (это может быть не только обстоятельства непреодолимой силы), то возложение ответственности за нарушение условий договора следовало бы обосновать наличием вины.

Интересным в данном случае представляются рассуждения В. Ф. Попондопуло и Н. А. Шевелевой о том, что «норма об обязанности исполнить такое обязательство в натуре максимально соответствовало бы сути соглашений о государственно-частном партнерстве, оформляющих долгосрочные инфраструктурные проекты, имеющие высокую социальную и общественную значимость»⁴. Д. А. Жмулина усиливает этот тезис: «учитывая, что вопросы гражданско-правовой ответственности специально не урегулированы в Федеральном законе № 224-ФЗ, хотя требуются, исходя из особенностей ГЧП-правоотношений, необходимо дополнение закона положением о том, что возмещение сторонами соглашения о ГЧП убытков и уплата неустойки в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства по соглашению, не освобождает сторону соглашения от исполнения этого обязательства в натуре» [2].

Действительно, пункт 1 статьи 396 Гражданского кодекса Российской Федерации прямо указывает на тот факт, что взыскание убытков может не прекращать первоначальное обязательство. В этом случае законом или договором может быть установлено, что первоначальное обязательство продолжает существовать, поскольку должник не освобождается от исполнения обязательства в натуре. Верховный Суд Российской Федерации при этом обращает внимание, что «разрешая вопрос о допустимости понуждения должника исполнить обязанность в натуре, суд учитывает существо соответствующего обязательства. Не может быть отказано в удовлетворении иска об исполнении обязательства в натуре в случае, когда надлежащая защита нарушенного гражданского права истца возможна только путем понуждения ответчика к исполнению в натуре и не будет обеспечена взысканием с ответчика убытков за неисполнение обязательства, например, обязанностей по представлению информации, которая имеется только у ответчика, либо по изготовлению документации, которую правомочен составить только ответчик»⁵. Принимая во внимание, что в основе государственно-частного партнерства лежит общественный интерес, который не может быть удовлетворен лишь возмещением убытков, то исполнение обязательств по соглашению в натуре соответствует существу договора.

Судебная практика имеет прецеденты принуждения к исполнению в натуре обязательств в рамках государственно-частного партнерства (к примеру, определение Верховного Суда РФ от 8 октября 2018 г. № 303-ЭС18-14850, решение Арбитражного суда Свердловской области от 27.03.2023 по делу № А60-59035/2022).

Специфической для государственно-частного партнерства мерой ответственности в силу Федерального закона является механизм замены частного партнера на любой стадии исполнения соглашения о ГЧП. Аналогичная норма закреплена ранее в отношении концессионных соглашений. В качестве меры ответственности мы ее рассматриваем потому, что замена частного партнера производится в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения частным партнером своих обязательств перед публичным партнером и (или) финансирующим лицом⁶.

Как указывает А. В. Белицкая, «механизм замены частного партнера при осуществлении проекта государственно-частного партнерства является важным аспектом обеспечения конкуренции, так как открываются широкие возможности для злоупотреблений с обеих сторон» [3]. Это высказывание актуально для случаев необоснованной замены частного партнера, когда добросовестный партнер, понеся расходы по исполнению соглашения, может быть заменен в одностороннем порядке ввиду совершения, по мнению публичной стороны, действий по неисполнению условий договора. Учитывая, что законом не определено,

какие действия подпадают под «неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора» и кем будет определяться их достаточность для произведения замены стороны, на наш взгляд, требуется указание на существенность таких нарушений.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение условий может быть существенным в том случае, когда оно наносит такой ущерб, что сторона в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора (статья 450 Гражданского кодекса Российской Федерации). С учетом принципа стабильности экономического оборота, нарушение договора должно быть достаточно существенным для того, чтобы лишить виновную сторону возможности участвовать в соглашении в дальнейшем.

А допускаемая законодательством замена частного партнера на любой стадии исполнения соглашения может полностью изменить либо парализовать проект ГЧП. Даже в случае проведения нового конкурсного отбора партнера, процедуры могут затянуться настолько, что восстановить проект станет невозможным.

Замена может быть осуществлена «на основании решения органа государственной власти или главы муниципального образования, принявших решение о реализации проекта, и с учетом мнения в письменной форме финансирующего лица (в случае, если заключено прямое соглашение) при условии, что неисполнение или ненадлежащее исполнение частным партнером обязательств по соглашению повлекло за собой нарушение существенных условий соглашения и (или) причинение вреда жизни или здоровью людей либо имеется угроза причинения такого вреда и (или) возбуждено производство по делу о банкротстве в отношении частного партнера»⁷.

Учитывая, что как утверждалось выше, нарушение условий договора должно быть существенным для того, чтобы начать процесс замены частного партнера (иное означало бы, что любое незначительное нарушение является основанием для прекращения правоотношений с частным партнером, а значит, нарушало бы общеправовой принцип пропорциональности), то публичный партнер обладает правом на определение нового частного партнера без конкурса во всех случаях.

Вопрос о возможности произвести замену публичного партнера практически не поднимается в доктрине и не усматривается в законодательстве.

В комментарии к Федеральному закону № 224-ФЗ под редакцией Т. А. Батровой, И. О. Антропцевой, Н. И. Воробьева, Е. А. Шапкиной и др., описывается вероятный случай, когда обязательства, которые «взял на себя публичный партнер по соглашению о ГЧП, перестанут входить в его компетенцию. Такая ситуация, по мнению авторов, будет подпадать под описание «существенное изменение обстоятельств» и потребует внесения частным партнером предложения публичному партнеру об изменении существенных условий соглашения»⁸.

Представляется, что в указанном случае все же потребуются замена публичной стороны согласно нормативно-правовому акту, которым были перераспределены полномочия между различными органами власти и определен новый публичный партнер по соглашению о ГЧП. При этом в качестве меры ответственности публичного партнера за неисполнение соглашения о ГЧП его замена не допускается.

Таким образом, механизм замены частного партнера вносит дисбаланс между частными и публичными интересами, а также рисками понести существенные убытки и потерять проект. Поиск сбалансированного решения между гражданско-правовой свободой изменения договора сторонами и стабильности гражданско-правовых отношений с учетом особой природы сложного инфраструктурного соглашения о ГЧП наводит нас на мысль об отказе от столь необоснованной и «шаткой» конструкции замены частного партнера. Если нарушение договора столь существенно, то, как нам видится, разумным станет решение о расторжении соглашения и реализации нового проекта (с новым партнером) взамен прекращенного.

Наряду с договорным видом гражданско-правовой ответственности, все большее внимание ученых приковано к относительно новому виду преддоговорной ответственности, связанной с добросовестным ведением переговоров при заключении согла-

4 Белов С. А., Гриценко Е. В., Жмулина Д. А. и др. Публично-частное партнерство в России и зарубежных странах: правовые аспекты / Под ред. В. Ф. Попондопуло, Н. А. Шевелевой. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. 64.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5. – 2016.

6 Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

7 Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

8 Комментарий к Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / Под ред.: Батровой Т. А., Антропцевой И. О., Воробьева Н. И., Шапкина Е. А. [и др.]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ. 2016.

шения. Особый интерес и споры вызвало Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395, в котором суд указал, какие действия при ведении переговоров можно считать недобросовестными.

В качестве одного из таких случаев Верховный Суд Российской Федерации называет «пункт 2 статьи 434.1 Гражданского кодекса, который прямо называет вступление в переговоры о заключении договора или их продолжение при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной. Недобросовестным признается поведение, когда лицо вступает или продолжает переговоры, хотя оно знает или должно знать, что оно уже не будет заключать договор, по крайней мере, с этим контрагентом. В такой ситуации подлежит установлению, когда готовность лица заключить договор стала носить притворный характер и, если контрагент не был сразу же уведомлен о прекращении намерения заключить договор, стало ли это причиной его дополнительных расходов, которые он не понес бы в случае своевременного уведомления»⁹.

Примеряя данный подход к правилам ведения переговоров по заключению соглашения о ГЧП, необходимо отметить, что стадия ведения переговоров является важнейшим подготовительным этапом внесения предложения о проекте в порядке «частной инициативы». Ее определяющее значение складывается сразу в нескольких аспектах: в определении существенных условий будущего соглашения, установление критериев эффективности проекта и подготовки надлежащего пакета документов. От результата переговоров в конечном счете зависит решение о реализации проекта, которое принимает публичный партнер на основании установленных Федеральном законе условий. Несоблюдение любого одного законного требования к проекту влечет отказ в реализации, фактически ставит «крест» на проекте, разработка которого зачастую сильно затратна и длительна для частного партнера.

Как заявлено в законе, целью переговоров является «определение взаимных интересов и возможностей партнеров и соотвествующей корректировке предложения и условий проекта». Согласно Приказу Минэкономразвития России от 20 ноября 2015 года № 864 (далее – Приказ), которым утверждается «процедура проведения предварительных переговоров, связанных с разработкой предложения о реализации проекта государственно-частного партнерства», «целью проведения предварительных переговоров является получение инициатором проекта необходимой информации для разработки предложения о реализации проекта и принятия решения о последующем направлении такого предложения о реализации проекта публичному партнеру»¹⁰.

Однако, по сути, Приказ устанавливает требования к инвестору для получения права вступления в эти переговоры. Сам порядок их проведения в этом акте не содержится, за исключением утвержденной формы протокола, которая готовится по итогам переговоров. Для получения права на вступление в переговоры инвестор должен подтвердить соответствие установленным требованиям к частному партнеру и направить перечень вопросов, которые в точности воспроизводят основания для отказа в реализации проекта.

Это: «1) соответствие разрабатываемого предложения о реализации проекта принципам государственно-частного партнерства, муниципально-частного партнерства; 2) соответствие разрабатываемого предложения установленной Правительством Российской Федерации форме такого предложения о реализации проекта; 3) соответствие разрабатываемого предложения требованиям к сведениям, содержащимся в предложении о реализации проекта; 4) возможность эксплуатации, и (или) технического использования, и (или) передачи в частную собственность объекта соглашения в соответствии с законодательством; 5) допустимость заключения соглашения в отношении указанного в разрабатываемом предложении объекта соглашения или наличие в отношении этого объекта уже заключенных соглашений; 6) наличие средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на реализацию проекта в соответствии с законодательством в случае, если для реализации проекта требуется выделение средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации; 7) наличие у публичного партнера права собственности на указанный в разрабатываемом предложении о реализа-

ции проекта объект; 8) наличие прав третьих лиц на указанный в разрабатываемом предложении объект; 9) необходимость реконструкции или создания указанного в разрабатываемом предложении о реализации проекта объекта»¹¹.

Включение в повестку предварительных переговоров иных вопросов не допускается под страхом недопуска к переговорам. Полагаем, что дополнительно потребуется приложить как само разрабатываемое предложение о проекте ГЧП, так и все подтверждающие статус инвестора документы. Поскольку несоблюдение всех указанных требований влечет отказ в переговорах.

Таким образом, предварительные переговоры сводятся к проведению согласования проекта, где обязанности разъяснить и предоставить всю необходимую информацию публичной стороной не предусматривается, а значит, сводится к формальному административному барьеру к внесению «частной инициативы». К примеру, частное лицо должно направить потенциальному публичному партнеру документы, подтверждающие наличие необходимых лицензий на осуществление отдельных видов деятельности, свидетельств о допуске саморегулируемых организаций к выполнению предусмотренных соглашением работ и иных необходимых для реализации соглашения разрешений. Если публичный партнер решит, что каких-либо документов не хватает, то он вправе отказать в участии в переговорах. Готовясь к переговорам с целью уточнить ряд существенных условий будущего соглашения (которое может и не состояться), инвестор может предполагать какие виды работ ему предстоит выполнить. А в результате разработки и согласования предложения, переговоров проект может поменяться, предварительное получение разрешений и лицензий будет достаточно бесперспективно и иррационально для частного инвестора.

Достаточно странным представляется возможность оценить частному лицу «наличие средств из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации на реализацию проекта». Это требование выглядит как заведомо невыполнимое, хотя является основанием для отказа в рассмотрении проекта.

Из приведенных норм Федерального закона и Приказа сложно сделать вывод о заинтересованности в проведении переговоров и последующем заключении соглашения о ГЧП публичной стороны. Напротив, с учетом права публичного партнера после одобрения проекта ГЧП, предложенного частной стороной, провести конкурс и заключить соглашение для реализации такого проекта с иным юридическим лицом выглядит как весомое основание для признания действий недобросовестными и возникновения предположительной ответственности согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, в вопросах исполнения соглашения о ГЧП и ответственности за его неисполнение просматривается нарушение сущностного принципа государственно-частного партнерства – справедливого распределения рисков и обязательств между сторонами соглашения. С учетом этого требуется отказ от механизма замены частного партнера, установление ответственности частного партнера при наличии вины, а также доработка порядка ведения переговоров.

Пристатейный библиографический список

1. Скворцов О. Ю., Деркач Н. Г., Голубева В. М., Нам К. И., Чумаченко В. А. Практика разрешения споров в сфере государственно-частного партнерства как фактор формирования конкурентной среды (мониторинг судебной практики) // Конкурентное право. – 2022. – № 4. – С. 37-40 @ 2023. – № 1. – С. 33-37.
2. Жмулина Д. А. Ответственность сторон соглашения о публично-частном партнерстве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2014. – № 4. – С. 45-53.
3. Белицкая А. В. Использование инструментов государственно-частного партнерства для монополизации российской экономики: правовой аспект. – С. 41-46.

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018.

¹⁰ Приказ Минэкономразвития России от 20 ноября 2015 г. № 864 «Об утверждении порядка проведения предварительных переговоров, связанных с разработкой предложения о реализации проекта государственно-частного партнерства, проекта муниципально-частного партнерства, между публичным партнером и инициатором проекта» (зарегистрировано в Минюсте России 25 декабря 2015 г. № 40294).

¹¹ Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

ЯКИМУШКИНА Мария Андреевна

аспирант кафедры гражданского права Российского государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина, соискатель на учёную степень кандидата юридических наук

ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ СДЕЛКИ В ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ДОГОВОРНОГО ПРАВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются некоторые историко-правовые аспекты формирования правовых основ институтов договорных отношений современной России. Анализируются различные точки зрения на процессы формирования таких отношений как зарубежных, так и отечественных цивилистов. В статье также предлагаются концепции, что содержательным аспектом правовой сделки является частное волеизъявление, порождающее правовое последствие, желаемое существующим правопорядком.

Ключевые слова: договор, сделка, обязательства, юридический факт, волеизъявление, недействительная сделка.

YAKIMUSHKINA Mariya Andreevna

postgraduate student of Civil law sub-faculty of the I. M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas, candidate for the degree of Ph.D.

Якимущкина М. А.

FORMATION OF TRANSACTION INSTITUTES IN WESTERN CIVILISTICS AND THEIR INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF CONTRACT LAW OF MODERN RUSSIAN LEGISLATION

The article deals with some historical and legal aspects of the formation of legal foundations of the institutions of contractual relations of modern Russia. Different points of view on the processes of formation of such relations of both foreign and domestic civilists are analyzed. The article also proposes the concepts that the substantive aspect of a legal transaction is a private expression of will that generates a legal consequence desired by the existing legal order.

Keywords: contract, transaction, obligations, legal fact, will, invalid transaction.

История развития человечества – это история формирования различных моделей имущественных отношений. Сделки в этой системе занимают едва ли не главное место. Попытки урегулировать противоречия, связанные с формированием понятия сделки и возникающие при их заключении вопросами, по мнению ряда исследователей, предпринимались еще в Древнем Вавилоне, где законы Хаммурапи регулировали сделки самого разного свойства (купля-продажа, кредит, наследование и т.д.), уже в данном источнике мы найдем указания и на порядок их заключения. В частности, сделки с недвижимостью должны были заключаться в специальной форме и скрепляться особыми печатями. Факт их заключения должен был быть подтвержден присутствующими свидетелями и т.д. [1].

Системная проработка сущностной концепции сделки была осуществлена римскими юристами. Именно они сформировали основу теоретико-прикладной модели договорных отношений, характерных для современного гражданского права. По мнению Е. В. Косачева в европейском гражданском законодательстве даже XIX века, мы не нашли бы сделки, которая была бы не известна римскому законодательству [2].

Развитие римского гражданского законодательства исследователи связывают с формированием качественно новой системы отношений – товарно-денежной, стремительно развивающейся в условиях имперского строя государства. Сделка в этих условиях становилась универсальным средством упорядочивания отношений договорного и обязательственного свойства [3]. Развитие соответствующих правовых древнеримских институтов обеспечивали устойчивое развитие и экономический рост Империи. По мнению исследователей, становление правовых основ договорных отношений в Риме произошло в период принципата, а именно, во II веке н.э. [4], хотя сделка как вид договорных отношений впервые упоминается гораздо раньше, а именно в законах XII таблиц, созданных в V веке до н.э., и их появление чаще всего связывается исследователями с развитием частной собственности на землю. Меняющиеся политико-экономические условия функционирования римского государства предопределяют разработку его первого кодифицированного юридического документа – кодекса Юстиниана. По мнению И. Б. Новицкого, ближе всего к современному пониманию «сделки» в данном кодексе подходит определение договорного отношения «negotium contrahere» [5]. Анализ содержа-

ния рассматриваемого Кодекса Юстиниана позволяет сделать вывод о том, что взаимные обязательства договаривающихся сторон могут возникать лишь при наличии их согласованной воли (субъективный момент) и соответствующих данной воле экономических интересов (объективный момент). Кроме того, С. А. Муромцев отмечает и наличие в качестве обязательных элементов договорных отношений еще и цели, содержание и соглашение сторон [6]. Можно отметить и сформированную в данном юридическом документе систему договорных отношений, не характерную для ранних этапов развития изучаемых институтов. Так, исследователи, в частности, выделяют сформированную систему вербальных, реальных, консенсуальных и материальных договоров [7].

Следует отметить при этом, что в изученных источниках римского права, мы не встретим определение сделки частного-правового свойства. Хотя, как отмечает Д. А. Столяров, представления современных ученых-цивилистов о сделке своими корнями уходит в римское право, которое определяло ее как частноправовой акт, порождающий или меняющий правоотношения между заинтересованными сторонами [8, с. 237].

Римские юристы, стремясь придать теории сделки окончательный вид, очевидно осознавали и всю сложность решаемой задачи. В частности, в Дигестах Юстиниана (VI в.н.э.) можно найти положение о том, что «...в гражданском праве любое определение чревато опасностью, ибо мало случаев, когда оно не может быть опрокинуто» (Omnis definitio in iure civili periculosa est: parum est enim ut non subverti possit – Д.50.17.202) [9, с. 187].

Как представляется, правовая природа и сущностные характеристики сделки в римском праве были проработаны на достаточно высоком концептуальном уровне, определившем во многом развитие этого института.

Развитие римских концепций сделки, воспринятых европейскими государствами, позволяет сделать вывод о том, что данный вид правоотношений позволил скрепить их участников взаимных обязательств и согласованных волеизъявлений. Римское право исключало из разрядов договорных отношений частноправового свойства те, которые не отражали волю их участников. Известный исследователь этого периода развития права Д. А. Столяров отмечает, что истинная воля, волеизъявление и действие в договорных отношениях, регулируемых римским правом, должны полностью совпадать [8, с. 238].

При этом, как уже отмечалось, исследователи фиксировали, что в римском праве мы не встретим в законченном виде общетеоретических концептуальных основ рассматриваемой системы отношений. В частности, это отмечает профессор В. С. Мельников, говоря о том, что римское право ограничивалось закреплением лишь частных положений о сделке, характерных для современного понимания сути этого вида договоров [10].

Таким образом, можно констатировать, что сделка в римском праве проявляла себя лишь в отдельных видах договорных отношений.

В частности, древнеримский юрист Гай делил договоры (контракты) на четыре группы: вербальные, реальные, консенсуальные и материальные [7]. С. А. Муромцев отмечает, что существовала и иная классификация контрактов, связанная с возложением обязательств на участников договорных отношений. Это предполагало их деление на односторонние, двусторонние и в пользу третьих лиц. Элементами этих отношений были характеристики, отражающие их субъективный состав, объективные характеристики условий соглашения, а также его цель и содержание [6].

Влияние римских правовых концепций сделки отчетливо прослеживается в содержательных подходах, характерных для гражданского европейского континентального законодательства XVIII-XIX веков. Первые гражданские кодексы Франции, Австрии, Пруссии содержали системообразующие характеристики изучаемых отношений, хотя и не фиксировали само понятие сделки. В данных документах можно найти такие содержательные характеристики сделки как «волеизъявление», «воля», «выражение воли». То есть фиксируется особая значимость данных характеристик для формирования правовых результатов определенного свойства. Первый кодифицированный гражданский акт Германии – Германское гражданское уложение 1896 года не содержит, как уже отмечалось, определение сделки, хотя оно содержалось в подготовительных документах (мотивах и протоколах) соответствующих законодательных комиссий, имеющих нормативное значение для немецкой правовой системы. Авторы концепции отмечали, что содержательным аспектом правовой сделки является частное волеизъявление, порождающее правовое последствие, желаемое существующим правопорядком. Следовательно, сущностной характеристикой правовой сделки по мнению авторов этих документов, является проявляемая сторонами воля, которая формирует соответствующий правовой документ, одобряемый законодателем [11].

Исследователи германской цивилистической школы особое внимание обращали на модели соединения феноменов «воля» и «правовые последствия». Вернер Флюме, в частности, говорит о тождественности этих понятий [12].

Теоретической основой сделки в германской правовой школе цивилистики XIX века стали концепции Бернхарда Виндшейна - «теория воли», Отто Бэра - «теория изъявления воли» [13] и теория волеизъявления и сделки [14].

Хотя, как уже отмечалось, влияние содержательных подходов к пониманию сущности сделки, характерных для римского права можно проследить не только в концепциях континентальной правовой семьи, но и соответствующих юридических документах. Мы не встретили понятия сделки в первых гражданских кодексах Франции, Австрии. Не найдем мы его и в Прусском уложении 1794 года. Вместе с тем, для данных актов характерным является употребление таких словосочетаний как «выражение воли», «волеизъявление», характерные для древнеримской концепции данной модели правоотношений, предметом которых выступает вещь или действия. Хотя, как отмечалось, в Германском гражданском уложении 1896 года не имеется легального определения сделки, но в его Общей части целая глава посвящена ей.

По мнению Р. Л. Фомина первое легальное определение сделки в истории европейской континентальной правовой семьи мы найдем в Гражданском уложении Саксонии 1863 года. Формализация данного понятия была связана с доктринальными концепциями таких европейских цивилистов, как Ф. Савельни и Э. Центельмана [9, с. 188].

Изучение современной литературы позволяет сделать вывод о том, что разработанная теоретическая база учения о сделках, во многом оказалась невостребованной советской правовой цивилистической школой, реализующей определенные политические установки в развитии договорных отношений [15].

По мнению В. А. Белова, в советской школе гражданского права едва ли не единственным последовательным сторонником классического понимания теории сделки был И. Б. Новицкий. В частности, отмечается, что ещё в 1954 году И. Б. Новицкий говорил о серьезном внутреннем противоречии между

суждениями ученых о том, что сделка есть акт правомерного поведения и стремлением оправдать нормативную фиксацию сделки недействительной [16].

Подводя итог изложенному, отмечаем, что: особое место в развитии современной теории договорных отношений в России принадлежит германскому праву, которое в свою очередь, восприняло разработку теории договорных отношений права древнеримского; советское гражданское право не уделяло достаточного внимания проблемам концептуального изучения теории сделок в силу ряда причин экономического и политического свойства.

В целом изучение историко-правовых основ отдельных гражданско-правовых институтов формирует концептуальное и системное видение правовых феноменов современности, определяет комплексы причин, детерминирующих появление и изменение нормативно-правовых актов, регулирующих эти отношения.

Пристатейный библиографический список

1. Маразюев А. В. Признание сделки недействительной как способ защиты права в историческом аспекте // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение (сб. трудов конф.). – СПб., 2015. – С. 169.
2. Косычева Е. В. Гражданско-правовые сделки: генезис, сущность, значение // Вестник Российского университета кооперации. Сер.: Юридические науки. – 2015. – № 2 (20). – С. 92.
3. Мельников В. С. Теоретические проблемы правового регулирования сделок (по современному гражданскому законодательству РФ): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2003. – С. 15-25.
4. Пермякова Е. В. Конструкции действительности и недействительности сделок в классической юриспруденции Западного Рима // Актуальные проблемы эволюции цивилистических учений в Европе и России XIX-XX вв.: Матер. межвуз. науч.-практ. конф. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2016. – С. 176.
5. Новицкий И. Б. Римское право: учебник для академического бакалавриата. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – С. 123.
6. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима: лекции. – М.: Статут, 2013. – С. 316.
7. Гай. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. – М.: Юрист, 1997. – С. 205.
8. Столяров Д. А. Проблемы разграничения ничтожных и оспоримых сделок в гражданском праве (от римского правового опыта к современной цивилистике) // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции: Матер. Всеросс. межвуз. науч.-практ. конф. (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов). – М.: Международный юридический институт, 2017. – С. 237.
9. Фомин Р. А. К вопросу об истоках современной дефиниции и правовой сущности сделки в гражданском праве // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 4. – С. 187.
10. Мельников В. С., Мельникова Ю. В. Историческая ретроспектива развития понятия о сделке // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 1-7. – С. 71-78.
11. Шапп Я. Основы гражданского права Германии / Пер. и предисл. К. Арсланова. – М.: Бек, 1996. – С. 160-161.
12. Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. – Berlin/ Heidelberg: Springer Verlag, 1992. – Bd. 2: Das Rechtsgeschäft. – X, S.25 - 987 s.
13. Дормидонтов Г. Ф. Система римского права: Общая часть. – Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1910. – С. 21.
14. Шапп Я. Система германского гражданского права. – М.: Междунар. отношения, 2006. – С. 199.
15. Гатин А. М. Гражданское право. – М.: Дашков и К, 2009. – 232 с.
16. Белов В. А. Учение о сделке в российской доктрине гражданского права (литературный обзор). – М.: Статут, 2008. – С. 135.

БУРХАНОВА Софья Давуровна

председатель СНО Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

МОГИЛЕВА Александра Вячеславовна

специалист кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

СЫРЬЕВ Богдан Олегович

заместитель председателя СНО Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ И СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

В статье анализируется проблема подсудности, которая приобретает особый характер, реформа законодательства в части упразднения этого понятия и замены его на «компетентность или подсудность» не решает проблему правового регулирования. Такая подмена понятий не более, чем «изменение ради изменений», и не влияет на качество практики правоприменительных органов, поэтому, осмысленный и разумный подход со стороны государства к решению этой проблемы способен регулировать более серьезные вопросы, связанные как с организацией судов, так и с процессом судопроизводства.

Ключевые слова: компетенция суда, арбитражная юрисдикция, суды общей юрисдикции, вопрос подсудности, способы определения судебной компетенции.

BURKHANOVA Sofya Davurovna

Chairman of the SSS of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk

MOGILEVA Alexandra Vyacheslavovna

specialist of Civil law sub-faculty of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice, Irkutsk, Russia

SYRYEV Bogdan Olegovich

Deputy Chairman of the SSS of the East Siberian branch of the Russian State University of Justice Russia, Irkutsk

TOPICAL ISSUES OF THE DIVISION OF COMPETENCE BETWEEN ARBITRATION COURTS AND COURTS OF GENERAL JURISDICTION

The article analyzes the problem of jurisdiction, which acquires a special character, the reform of legislation in terms of eliminating this concept and replacing it with "competence or jurisdiction" does not solve the problem of legal regulation. Such a substitution of concepts is nothing more than "change for the sake of change" and does not affect the quality of law enforcement practice, therefore, a meaningful and reasonable approach on the part of the state to solving this problem is able to regulate more serious issues related to both the organization of courts and the judicial process.

Keywords: competence of the court, arbitration jurisdiction, courts of general jurisdiction, the issue of jurisdiction, methods of determining judicial competence.

Существующие на данный момент структуры подчиненности в сфере гражданского и арбитражного процессуально-го права затрудняют работу правоприменителя вместо улучшения качества правового регулирования и соразмерного разграничения компетенции судов [1].

Кроме того, отсутствие четких и понятных правил выбора суда только усугубляет ситуацию. В итоге, лица, желающие обратиться в суд, часто сталкиваются с неопределенностью и неуверенностью в том, какой суд будет рассматривать их дело, что затрудняет доступ к справедливости и оказывает отрицательное влияние на доверие граждан к судебной системе. При ознакомлении с нормами о подсудности, содержащимися в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее АПК РФ), Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Налоговом кодексе Российской Федерации и других федеральных законах, возникают определенные сложности. Иногда суды различных инстанций допускают ошибки при определении подсудности, что негативно сказывается как на лице, обращающемся в суд, так и на авторитете суда.

Истец (заявитель) сталкивается с нарушением своих прав из-за ошибки суда в определении своей подсудности, либо необоснованно отказывая в принятии его заявления, либо принимая и рассматривая заявление не в рамках своей компетенции.

Два примера, характерные для современной судебной практики, могут быть использованы для иллюстрации вышеизложенного. Так, гражданин Б. подал иск в отношении ОАО о взыскании денежных средств за неисполнение договора об использовании товарного знака и полезной модели, но

в принятии заявления ему было отказано ссылаясь на то, что данный спор должен быть рассмотрен арбитражным судом, суд отказал Б. в принятии и рассмотрении его дела, ссылаясь на неподведомственность арбитражному суду. Б. потратил два с половиной года, чтобы через Президиум Верховного Суда Российской Федерации добиться отмены определения решения, который изначально отказал ему в принятии искового заявления. При этом конституционное право лица на судебную защиту было нарушено.

Анализ судебной практики демонстрирует плачевную ситуацию, что иск, связанный с отказом в государственной регистрации изменений в наименовании организации, был принят и рассмотрен арбитражным судом, однако антимонопольная служба отменила эти судебные акты, указав на нарушение требований о подсудности. Ошибка в рассмотрении дел, не связанных с предпринимательской и экономической деятельностью, является распространенной и объясняется нечеткостью критериев определения компетенции между судами [2].

В 2019 году в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены изменения, затрагивающие судебную защиту гражданских прав. В соответствии с п. 1 ст. 11 ГК РФ «Защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд (далее - суд) в соответствии с их компетенцией»¹. В предыдущей редакции данное положение содержало тер-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

мин «подведомственность дел, установленной процессуальным законодательством».

Также Федеральным законом от 18.07.2019 года № 177-ФЗ было внесено изменение в п. 5.1 ст. 1252 ГК РФ – слова «подведомствен арбитражному суду» законодатель исключил и заменил следующим образом: «подлежит рассмотрению в арбитражном суде»². То есть мы понимаем, что институт подведомственности как в материальном, так и в процессуальном праве утратил свое значение. В условиях развивающейся правовой действительности формирование предметов ведения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, объединенных конституционной компетенцией Верховного Суда РФ, должно напрямую осуществляться посредством института подсудности с использованием его отличительных черт [3].

Показательным нововведением в процессуальном законодательстве стало изменение ст. 33 ГПК РФ. Законодатель дополнил данное положение п. 2.1, в соответствии с которым: «Если при рассмотрении дела в суде выяснилось, что оно подлежит рассмотрению арбитражным судом, суд передает дело в арбитражный суд, к подсудности которого оно отнесено законом»³. То есть мы понимаем, что суд, который ошибочно принял дело к производству, обязан передать соответствующее дело по подсудности. Таким образом, «установление подобной нормы свидетельствует о том, что подобные случаи возникают столь часто, что появилась необходимость сформулировать в законе соответствующую конструкцию, подлежащую многократному применению» [4].

В соответствии с Федеральным законом № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ Верховному суду республики, краю, областному суду, суду города федерального значения, суду автономной области или суду автономного округа того же субъекта Российской Федерации теперь принадлежит координационная функция, то есть если дело рассматривается в арбитражном суде и выясняется, что данное дело подлежит рассмотрению судом общей юрисдикции, то, опираясь на п. 4 ст. 39 АПК РФ «арбитражный суд передает дело в Верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области или суд автономного округа того же субъекта Российской Федерации для направления его в суд общей юрисдикции, к подсудности которого оно отнесено законом»⁵.

Таким образом, законодатель упраздняет институт подведомственности и усложняет институт подсудности путем постепенного укрепления единства судебной системы.

Благодаря закреплению критериев подсудности дел судам в законодательстве, большинство авторов учебной, монографической и другой процессуальной литературы отмечают их полезность. Обычно указывается на два критерия, а именно субъектный состав и характер спорного правоотношения [5]. Если законодатель придерживался этих критериев в процессе правового регулирования института подсудности, ни суды, ни лица, желающие обратиться в суд, не испытывали бы особых проблем. Это было очевидно на практике советских судов, которые были единственными органами правосудия в то время. Органы государственного и ведомственного арбитража не являлись органами правосудия, так как имели двойственную природу. Они были частично частью государственного управления и выполняли управленческие функции, но, получив право от государства рассматривать хозяйственные споры, они также осуществляли квазисудебные функции. Товарищеские и третейские суды, упомянутые в ГПК РСФСР 1964 года, также имели право рассматривать

отдельные споры о праве, но они не входили в судебную систему, так как были общественными организациями. Кроме того, количество дел, которые они рассматривали, было незначительным.

В связи с вышесказанным представляется необходимым утвердить в АПК РФ лишь один критерий – состав участников спорного экономического (предпринимательского) правоотношения. Эти участники могут включать в себя различные организации, органы государственной власти и предпринимателей (включая иностранных), но не включают физических лиц.

Необходимо передать суть текста, но изменить формулировку, чтобы повысить уникальность. Вот возможная перефразировка: Все дела, включая экономические споры, должны быть рассмотрены судами общей юрисдикции, а законодатель справедливо внедрил изменения, заменив подведомственность на компетентность судов [6].

Однако, несмотря на их логическую обоснованность и потенциальную эффективность, практическая реализация таких мер может столкнуться с рядом сложностей и препятствий. В долгосрочной перспективе, возможным решением проблемы подсудности и других юридических вопросов судопроизводства и судопроизводства может стать создание единого суда путем объединения арбитражных судов с судами общей юрисдикции и разработки единого ГПК РФ. Такие предложения были высказаны неоднократно многими теоретиками [7]. Однако, реализация этих идей может столкнуться с некоторыми трудностями и препятствиями. Тем не менее, законодатель предпочитает применять другие методы юридического регулирования, о которых упоминалось ранее, что не только не решает имеющиеся проблемы в российской системе правосудия, но и порождает множество новых проблем.

Таким образом, проблема подведомственности приобретает особый характер, реформа законодательства в части упразднения этого понятия и замены его на «компетентность или подсудность» не решает проблему правового регулирования. Такая подмена понятий не более, чем «изменение ради изменений» и не влияет на качество практики правоприменительных органов, поэтому, осмысленный и разумный подход со стороны государства к решению этой проблемы способен регулировать более серьезные вопросы, связанные как с организацией судов, так и с процессом судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Бичурин Д. Н. Институт подсудности в судебной деятельности // E-Scio. – 2021. – № 1 (52). – С. 61-65.
 2. Васильев Д. П. Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции // Вестник СГЮА. – 2018. – № 2 (121). – С. 164-170.
 3. Марудина И. Э. Разграничение категорий подсудности, подсудность гражданских дел и компетенции судов в контексте реализации права на доступ к правосудию. – Текст непосредственный // Защита прав человека: теория и региональная практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 07-08 октября 2021 года. – Абакан: Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. – 2021. – С. 125-126.
 4. Лошкарев А. В., Михайлова А. Д. Проблемы определения родовой и территориальной подсудности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3 (68). – С. 103-105.
 5. Гранкин К. Ф. Разграничение компетенции в гражданских делах // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 44-47.
 6. Вилляк О. И. О проблеме разграничения подведомственности дел об оспаривании постановлений, действий (бездействия) должностных лиц службы судебных приставов между судами общей юрисдикции и арбитражными судами // Исполнительное право. – 2013. – № 1. – С. 12-19.
 7. Рожкова М. А. К вопросу о содержании понятий «компетентный суд» и «подведомственность дела» // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 21-24.
- 2 О внесении изменений в статью 11 части первой и статью 1252 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 18.07.2019 г. № 177-ФЗ // Российская газета. – 2019. – 22 июля.
- 3 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 25.12.2023 г.) // Российская газета. – 2002. – 20 ноября.
- 4 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ // Российская газета. – 2018. – 4 декабря.
- 5 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024 г.) // Российская газета. – 2002. – 27 июля.

ВАЛИЕВА Аделина Витальевна

студент Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

ХАСАНШИНА Флуса Гатовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процессуального права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ОБЪЕКТОВ, ВОЗНИКШИХ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена судебной защите объектов, возникающих в цифровом пространстве, анализируется законодательство по исследуемому вопросу. Авторы отмечают неоднозначность судебного регулирования (а именно вопросы компетенции арбитражных судов РФ) в отношении предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающей и действующей в информационной среде Интернета.

Ключевые слова: интернет-пространство, судебная защита, компетенция, иностранный элемент, подсудность, арбитражный процесс.

VALIEVA Adelina Vitaljevna

student of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

KHASANSHINA Flusa Gatovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil procedural law sub-faculty of the Kazan branch of the Russian State University of Justice

JUDICIAL PROTECTION OF OBJECTS THAT HAVE ARISEN IN THE DIGITAL SPACE

The article is devoted to the judicial protection of objects arising in the digital space; the legislation on the issue under study is analyzed. The authors note the ambiguity of judicial regulation (namely, the issues of competence of the arbitration courts of the Russian Federation) in relation to entrepreneurial and other economic activities arising and operating in the information environment of the Internet.

Keywords: Internet space, judicial protection, competence, foreign element, jurisdiction, arbitration process.

Возникновение Интернета способствовало созданию нового экономического «поля», и, вместе с тем, нового правового явления, в рамках которого начинает действовать электронная коммерческая деятельность. Возникающая оборотоспособность гражданских объектов при реализации электронной (цифровой) коммерческой деятельности создает новые вызовы для действующего законодательства в вопросах правового регулирования цифровой новации.

На сегодняшний день сеть Интернет представляется одним из современных средств коммуникации, а также цифровым пространством, в пределах которого возможна реализация широкого спектра общественных отношений (экономических, торговых, социальных, образовательных).

Гетьман-Павлова И. В. выделяет особую природу сети Интернет, в силу которой: «Любое правоотношение в Интернете изначально, по определению, имеет трансграничный характер в связи с глобальным и трансграничным характером самой сети-Интернет. Даже если правоотношение целиком и полностью происходит в пространстве RU, это отношение реализуется посредством всемирной информационной сети и тем самым автоматически имеет в своем составе иностранный элемент»¹.

¹ Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для магистров. – Москва: Издательство Юрайт, 2013 – С. 198.

Исходя из вышеизложенного, можно судить о том, что предпринимательские и иные экономические правоотношения, возникшие в Интернете, обладают составом отношений, осложненных иностранным элементом и подпадающие под регулирование раздела 5 АПК².

В связи с выявленной спецификой сети Интернет видится необходимым рассмотреть вопросы компетенции и подсудности, касающиеся правоотношений, осложненных иностранным элементом.

Как следует из содержания ч. 1 ст. 247 АПК РФ, к рассматриваемым арбитражными судами РФ дел с участием иностранных лиц относятся следующие правоотношения:

1. Возникающие из тесной связи с территорией РФ субъектов и объектов судебного спора (нахождение или проживание ответчика, или его имущество; обращение, выпуск ценных бумаг и др.);

2. Возникающие в силу исполнения договора (место исполнения связано с территорией РФ).

Анализируя вышеуказанную норму, необходимо выделить, что «международная компетенция» арбитражных судов РФ сосредоточена на тесной территориальной связи

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023, с изм. от 22.06.2023). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 18.03.2023.

(например, нахождение вещественного предмета спора или место исполнения договорных обязательств).

Однако, в соответствии с ч. 3 ст. 247 АПК РФ, законодатель также выделяет автономию воли субъектов, в силу которой стороны соглашения «могут наделить» компетенцией арбитражные суды РФ в отношении конкретно их спорных правоотношений (договорная подсудность).

Несмотря на вышеуказанное, считаем необходимым отметить неоднозначность судебного регулирования (а именно вопросы компетенции арбитражных судов РФ) в отношении предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающей и действующей в информационной среде Интернет.

Так, коммерческий договор, заключенный в Интернет-пространстве, может предполагать исполнение как в реальном мире на определенной территории, так и в цифровом пространстве. Например, заключенный в сети Интернет договор об оказании услуг, предметом которого выступает веб-дизайн определенного сайта в интернете, вопрос компетенции и подсудности данного дела остается открытым. Как ранее отмечалось, принцип определения «относимости» конкретного спора к конкретному суду формируется на основе тесной территориальной связи. Однако, правоотношения, возникшие в виртуальном пространстве, а также предполагающие исполнение договорных обязательств в той же цифровой среде, не имеют физической связи с определенной территорией, что уже лишает правовых оснований ссылаться на принцип «территориальности», заложенный в фундаментальные основы компетенции и подсудности.

Однако, следует учитывать, что субъекты предпринимательской или иной экономической деятельности (будь это заказчик или исполнитель и др.) в любом случае имеют физическую привязку к территории, будь это место жительства физического лица или место нахождения юридического лица.

Помимо действующих и применяемых в международной практике таких коллизионных привязок как: «личный закон», «закон места нахождения», «закон места заключения» и «закон места причинения», И. В. Гетьман-Павлова доктринально выделяет также специальную коллизионную привязку: «Место нахождения сервера – это место расположения коммуникационной системы (оборудования и программного обеспечения). Место расположения оборудования квалифицируется как место нахождения сервера, если оборудование или расположенное на нем программное обеспечение находятся во владении определенного лица и с их помощью совершаются действия, имеющие решающее значение для Интернет-отношения. Привязка «место нахождения веб-сервера» может быть использована при идентификации лица, являющегося стороной Интернет-отношения»³.

Таким образом, представляется возможным выделить 2 противоположных друг другу подхода:

1. Особая природа сети Интернет побуждает законодателя к внедрению необходимых поправок в действующее законодательство.

2. Действующее национальное законодательство применимо и «устойчиво» к цифровым новациям.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2024) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».
2. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 959 с.

³ Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для магистров. – Москва: Издательство Юрайт, 2013. – С. 203.

ИБРАГИМОВ Абдулатип Мурадович

магистрант Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ТРЕТЕЙСКИХ СУДАХ

Современные тенденции указывают на возрастающий интерес к нестандартным способам решения юридических споров. Третейский суд стоит во главе этих методов благодаря своим преимуществам перед традиционными судебными процессами: процедурная простота, сокращенные расходы, быстрота рассмотрения дел и гарантированная приватность. Это подчеркивает важность понимания особенностей третейского разбирательства и его роли в решении споров.

Ключевые слова: третейский суд, компетенция, подведомственность, полномочия, третейское соглашение, права и обязанности, арбитрабельность.

IBRAGIMOV Abdulatip Muradovich

magister student of the Dagestan State University, Makhachkala

THE CONCEPT AND MEANING OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN ARBITRATION COURTS

Current trends indicate an increasing interest in non-standard ways of resolving legal disputes. The arbitration court stands at the head of these methods due to its advantages over traditional litigation: procedural simplicity, reduced costs, speed of consideration of cases and guaranteed privacy. This underlines the importance of understanding the specifics of arbitration and its role in dispute resolution.

Keywords: arbitration court; competence; jurisdiction; powers; arbitration agreement; rights and obligations, arbitrability.

В настоящее время в современной России состояние института третейского судопроизводства определяется по пространности обращений граждан и юридических лиц к третейским судьям, по развитости законодательства о третейских судах и по другим критериям.

Если разбирательство гражданско-правовых исков в судах общей юрисдикции это известная большому кругу лиц процедура, которая определена Гражданским процессуальным кодексом РФ, то процедура разбирательства споров третейскими судьями известна лишь узкому кругу лиц, столкнувшихся непосредственно с альтернативой разрешения своего спора третейским судьей или судьей суда общей юрисдикции.

Что же понимается под терминами «третейский суд» и «третейское судопроизводство»?

Понимание терминов «третейский суд» и «третейское разбирательство» исторически формировалось в трех значениях.

Во-первых, термином «третейский суд» обозначалась иная форма обеспечения прав граждан, которая не включает процесс обращения к официальным правосудным учреждениям государства [3].

Во-вторых, под третейским судом подразумевался орган, организующий третейское разбирательство гражданско-правового спора [6].

В-третьих, термином «третейский суд» обозначался специфический набор судей третейского органа, который был определен для разбирательства вопроса, предоставленного для их рассмотрения.

В современное время термин «третейский суд» также употребляется в указанных выше значениях, но с некоторыми поправками, вносимыми в законодательство о третейских судах и третейском разбирательстве.

Федеральным законом об арбитраже (третейском разбирательстве) от 2015 года (далее – Закон о третейском разбирательстве) регулируется порядок образования и деятельности

третейских судов и постоянно действующих арбитражных учреждений на территории Российской Федерации.

Термин «арбитраж» в Законе о третейском разбирательстве используется наряду с термином «третейское разбирательство» как равнозначные понятия. В ранее действовавшем Федеральном законе «О третейских судах в Российской Федерации» 2002 года для обозначения процесса разрешения спора в третейском суде и принятия решения третейским судом использовался только термин «третейское разбирательство».

По нашему мнению, совместное использование терминологии «третейское разбирательство» и «арбитраж» вносит некую путаницу в восприятии процесса третейского разбирательства несудебным органом, так как применение слова «арбитраж» большинством воспринимается как наименование процесса, происходящего в арбитражных судах в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ, а не в качестве обозначения процесса третейского разбирательства в третейских судах.

Поэтому полагаем, что использование для обозначения процесса третейского разбирательства слова «арбитраж» при наличии существующей в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» системы арбитражных судов, порядок судопроизводства в которых осуществляется в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ, является не совсем корректным без внесения соответствующих изменений в наименование действующих государственных арбитражных судов.

Употребляемый в литературе термин «третейское судопроизводство» наряду с термином «третейское разбирательство» фактически равнозначны по своему содержанию. Тем не менее, в целях отделения понятий судопроизводства в третейских судах и государственных судах, законодателем используется термин «третейское разбирательство». Ранее для отделения указанных понятий также применялись раз-

личные термины. К примеру, процесс в судах именовался «судиться», а в третейских суда – «рядиться».

Кроме того, термин «судопроизводство» используется в ст. 118 Конституции РФ применительно к деятельности органов судебной власти.

Также в соответствии с Федеральным конституционным законом от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» третейские суды не входят в судебную систему, не являются элементами российской судебной системы, то есть не могут осуществлять правосудие, под которым понимается осуществление судебной власти посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства.

Поэтому употребление термина «третейское судопроизводство» допустимо только в юридической литературе, но не в официальных документах.

Третейские суды, не будучи официальными органами власти, функционируют как частные институты. Их существование и структура определяются не государством, а самими участниками, которые вступают в правовые взаимоотношения. При этом роль государства заключается в разработке основных нормативов, регулирующих их рамки и принципы работы.

Несмотря на свою негосударственную природу, третейские суды выполняют защитную функцию в отношении прав, которые были нарушены или оспорены, путем урегулирования конфликтов, которые передаются для их оценки. Третейское судопроизводство, таким образом, вносит свой вклад в поддержание законности в стране, что отражает его роль в системе государственного управления [2].

В статье 2 Закона о третейском разбирательстве даны основные понятия, используемые в нём.

Так, в указанном законе под арбитражем (третейском разбирательстве) понимается процесс разрешения спора третейским судом и принятия решения третейским судом (арбитражного решения).

Законодательные рамки устанавливают лишь базовое определение процедуры арбитража, которая включает в себя урегулирование разногласий и вынесение арбитражного вердикта. В отличие от детализированного процессуального порядка, характерного для разбирательств в общих и арбитражных судах, касающихся гражданско-правовых вопросов, механизмы работы третейского суда остаются недостаточно конкретизированными.

Также дано понятие арбитра (третейского судьи), являющегося физическим лицом, избранным сторонами или избранным (назначенным) в согласованном сторонами или установленном федеральным законом порядке для разрешения спора третейским судом.

В соответствии с указанным законом третейским судом называется единоличный арбитр или коллегия арбитров. Данное понятие касается состава третейского суда независимо от того, выбран ли он для разрешения конкретного дела или в качестве постоянно действующего третейского суда, администрируемого постоянно действующим арбитражным учреждением.

Отдельно выделено понятие третейского суда, образованного для рассмотрения конкретного спора, так называемые суды *ad hoc* (*Ad hoc* – латинская фраза, означающая «специально для этого», «по особому случаю»).

В Законе о третейском разбирательстве для обозначения организации, администрирующей арбитражное разбира-

тельство, используется термин «арбитражное учреждение» либо «постоянно действующее арбитражное учреждение».

Под администрированием арбитража понимается выполнение постоянно действующим арбитражным учреждением функций по организационному обеспечению арбитража, в том числе по обеспечению процедур выбора, назначения или отвода арбитров, ведению делопроизводства, организации сбора и распределения арбитражных сборов, за исключением непосредственно функций третейского суда по разрешению спора.

Таким примером осуществления функций администрирования арбитража может служить Торгово-промышленная палата, при которой созданы Международный коммерческий арбитражный суд и Морская арбитражная комиссия, а также и другие организации, которые создали при себе третейские суды.

Государство и общество заинтересовано в развитии параллельных альтернативных способов негосударственных систем разрешения споров и конфликтов. В литературе различные методы разрешения конфликтов, не связанные с государственной судебной системой, известны под общим названием ADR (*Alternative Dispute Resolution*). Эти процессы предлагают альтернативный подход к решению юридических разногласий, в отличие от традиционного обращения в государственные суды.

Методами альтернативного решения споров являются медиация, примирение, претензии, переговоры, арбитраж (третейское разбирательство), хотя используются и другие методы. Но самым распространенным альтернативным методом разрешения споров является третейское разбирательство.

Сегодняшняя ситуация выделяет важность третейских судов как инструмента для облегчения бремени, возлагаемого на официальные судебные учреждения. Система государственного правосудия, несмотря на свое непрерывное расширение и высокие затраты на содержание, испытывает трудности в управлении растущим потоком дел, включая административные споры. Поэтому активное внедрение и укрепление третейского разбирательства в области гражданских и коммерческих споров выступает как эффективное средство для децентрализации процесса разрешения споров и сокращения давления на традиционные суды.

Арбитражные суды занимаются разрешением конфликтов, возникающих из отношений, регулируемых гражданским правом, и осуществляют вынесение вердиктов после их рассмотрения. Правила процедуры, которыми они руководствуются при вынесении судебных решений по таким делам, определяются как законодательством, так и договорённостями между участниками арбитражного процесса. Наличие чётко установленной процедуры является обязательным условием для функционирования арбитражных судов, так как без неё они не в состоянии проводить свою работу.

В процессе рассмотрения дел в арбитражных судах, в отличие от строго регламентированных государственных судов, преобладают более гибкие и демократические принципы. Стороны могут самостоятельно выбирать правила, по которым будет идти процесс, хотя их выбор ограничивается обязательными нормами, прописанными в законодательстве о третейских судах. Действия, предпринимаемые в ходе таких процессов, всегда имеют процедурный характер и выполняются в соответствии с установленными процедурами.

Согласно статье 19 Закона о третейском разбирательстве стороны могут по своему усмотрению договориться

о процедуре арбитража (третейского разбирательства), а при отсутствии такой договоренности третейский суд с соблюдением положений указанного закона может осуществлять арбитраж таким образом, какой он посчитает надлежащим, в том числе в отношении определения допустимости, относимости и значения любого доказательства. Аналогичное положение содержится в статье 19 Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1.

Третейский суд руководствуется принципом диспозитивности, что дает участникам конфликта право самостоятельно решать, по каким процессуальным нормам будет проходить разбирательство. Это согласование может быть достигнуто как в преддверии возможных разногласий, так и уже после того, как спор возник.

В основном при рассмотрении спора постоянно действующим третейским судом стороны принимают правила рассмотрения дела, принятые арбитражным учреждением (регламенты).

Стороны могут договориться о применении определенного регламента с некоторыми поправками по отдельным процессуальным вопросам. Либо договориться о применении определенного регламента кого-либо иного арбитражного учреждения [4].

При рассмотрении спора третейским судом, выбранным для разрешения конкретного спора, стороны вообще не связаны какими-либо арбитражными регламентами, а могут самостоятельно разработать правила ведения дела либо следовать известным им регламентам определенных арбитражных учреждений.

Даже если стороны не определятся с правилами рассмотрения дела, то третейский суд осуществит третейское разбирательство таким образом, какой он посчитает надлежащим.

Хотя в Законе о третейском разбирательстве прямо не указано, но под «надлежащим разбирательстве» следует понимать такое ведение третейского разбирательства, которое бы отвечало общим принципам независимости и беспристрастности арбитров, диспозитивности, состязательности сторон и равного отношения к сторонам, а также способствовало бы наиболее эффективному, экономичному и быстрому рассмотрению дела.

Из вышеуказанного следует, что третейский суд имеет достаточную степень свободы при решении вопроса о способах и формах ведения арбитража.

Таким образом, под третейским разбирательством понимается процесс, основанный на совокупности норм и правил, установленных как законодательством, так и соглашением сторон и направленных на рассмотрение и разрешение гражданско-правового спора третейским судом.

Определяя роль и значение третейских судов необходимо отметить, что государство, принимая новые законодательные акты и корректируя старые, проявляет заинтересованность в развитии и совершенствовании системы третейских судов.

Как отмечалось ранее, исторически сложилось так, что в России третейскому разбирательству уделялось внимание в разной степени в зависимости от политики государства. Поэтому на фоне постоянно изменяющейся политики и экономики в России не создано стабильного устоявшегося института третейского судопроизводства. В качестве исключения можно назвать Международный коммерческий арбитражный суд и Морскую арбитражную комиссию, созданные при Торгово-промышленной палате.

Тем не менее, на современном этапе развития государства и общества назрела необходимость активизации альтернативных способов разрешения имущественных и иных споров между сторонами гражданско-правовых отношений. В такой ситуации, являясь одним из эффективных и популярных альтернативных способов разрешения споров, третейское разбирательство приобретает в настоящее время особое значение для нормализации и улучшения взаимоотношений в сфере гражданского оборота, развития и сохранения позитивного делового отношения спорящих между собой сторон, восстановления доверия граждан к самому процессу регулирования спорных вопросов посредством третейского разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Габазов Т. С., Бунтышева А. У. Институт третейского судопроизводства в гражданском процессуальном законодательстве // Высокие технологии и инновации в науке: Сборник избранных статей Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 28 марта 2021 года. – Санкт-Петербург: Частное научно-образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Гуманитарный национальный исследовательский институт «НАЦ-РАЗВИТИЕ», 2021. – С. 145.
2. Зайцев А. И. «Хрестоматия альтернативного разрешения споров» – новый шаг в развитии методики преподавания АРС-дисциплин в России (рецензия на издание) // Третейский суд. – 2009. – № 4 (64). – С. 170-172.
3. Курочкин С. А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. – М.: Волтерс Клавер, 2007. – 272 с.
4. Полонский Б. Я. Третейские суды. – Специально для системы ГАРАНТ, 2020 г.
5. Стребков М. И. Общая характеристика третейского судопроизводства в России и некоторые проблемы его правового регулирования и статуса // Право и управление. – 2023. – № 1. – С. 56.
6. Упоров Д. А. Третейское разбирательство гражданских дел в России: проблемы и перспективы: учебное пособие. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2017. – 51 с.

ЧУРАКОВА Екатерина Николаевна

старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета

ИРИНИНА Яна Олеговна

магистрант Самарского государственного экономического университета

ОСОБЕННОСТИ ЮРИСДИКЦИОННОГО ПРОЦЕССА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В данной статье проводится теоретико-правовой анализ тематики юрисдикционного процесса, выявляются его характерные черты, преимущества и недостатки, а также рассматривается вопрос о его особенностях на современном этапе развития информационных технологий. Учеными предлагается собственное видение необходимости использования продуктов цифровизации в процессе юридической деятельности, а также выявляются пробелы в национальном законодательстве в разрезе режима использования информационных технологий в юрисдикционной сфере.

Ключевые слова: юрисдикционный процесс, информационные технологии, судебная система, юрисдикция, юридическая процедура, юридический процесс, правосудие, система права, теория права

CHURAKOVA Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer of Civil and arbitration process sub-faculty of the Samara State University of Economics

IRININA Yana Olegovna

magister student of the Samara State University of Economics

FEATURES OF THE JURISDICTIONAL PROCESS AT THE CURRENT STAGE OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

This article provides a theoretical and legal analysis of the topics of the jurisdictional process, identifies its characteristic features, advantages and disadvantages, and also considers the question of its features at the current stage of information technology development. Scientists propose their own vision of the need to use digitalization products in the process of legal activity, and also identify gaps in national legislation in the context of the regime of using information technologies in the jurisdictional sphere.

Keywords: jurisdictional process, information technology, judicial system, jurisdiction, legal procedure, legal process, justice, legal system, theory of law.

Сегодняшний день обозначен в мире как постоянно меняющийся. Изменения, происходящие вокруг нас, характерны для многих сфер юриспруденции, одной из которых является сфера юрисдикции, под которой принято понимать компетенцию конкретного государственного или судебного органа совершать определенные действия, необходимые для разрешения задач, которые перед ними стоят.

С развитием человечества шло развитие и сферы информационных отношений между различными субъектами общества, так, закономерно предположить, начали возникать и информационные технологии, благодаря которым происходил процесс поиска информации, сбора информации, обработки информации, хранения информации, предоставления информации, распространения информации.

Причем если говорить обо всех вышеупомянутых процессах, то они вполне цикличны и взаимодополняемы, что сказывается на практической деятельности.

Сам термин «информационные технологии» базируется на понятии «технология», под которым принято понимать совокупность методов и способов сбора материала или сырья в производственном цикле.

Понятно, что в данном случае «технология» рассматривается как исконно материализованная категория, но, тем не менее, исходя из трактовки её многими учеными, можно сделать вывод о ней, как о науке.

Исходя из рассмотренного выше термина «технология», можно сконструировать понятие «информационная технология», под которой, в таком случае, понимают систему методов и средств обращения с информацией, а именно,

процессов сбора, накопления, хранения, поиска, обработки, анализа, выдачи и представления.

В некоторых научных трудах под информационной технологией также понимают систему научных, технологических и иных дисциплин, которые изучают методы организации процессов, протекающих в обществе.

Сущность информационных технологий заключается в том, что они обеспечивают эффективное использование информационных ресурсов субъектами общественных отношений различного типа.

В современной науке принято также выделять принципы использования информационных технологий, под которыми стоит рассматривать базовые модели построения системы использования информационных технологий при различных общественных отношениях и государственной деятельности.

Первым принципом является принцип адаптивного управления информационными технологиями, который представляет собой адаптацию конкретной технологии под воздействием различных факторов.

Вторым принципом стоит рассмотреть принцип оперативного управления, которое должно осуществляться в реальном времени. Причем данный принцип как никогда актуален для современного мира.

Третьим принципом является принцип сквозного управления, под которым понимают информационную поддержку полного цикла управления.

Далее хотелось бы рассмотреть свойства информационных технологий, под которыми понимают качества и характеристики их выделения в системы иных категорий.

На сегодняшний день выделяют следующие свойства: открытость, эффективность реализации, надежность, завершенность, ясность, доступность, прозрачность, ресурсоёмкость, расширяемость, конкретность, полнота.

Структурой информационных технологий стоит рассматривать следующие части: содержательную часть, форму восприятия, форму представления, материальный носитель.

Причем каждый из элементов занимает важное место в системе обособления информационных технологий.

Форма восприятия определяет способ конечного использования. Она предполагает выделение конечного формата использования информации.

Сегодня выделяют следующие формы: текстовую, аудиоинформацию, фотоинформацию, видеоинформацию.

Форма представления отождествляется с формой восприятия.

Содержательная часть предопределяет процесс восприятия информации той или иной формы конкретным субъектом общественных отношений.

Цель информационной технологии - производство информации для ее анализа человеком и принятия на его основе решения по выполнению какого-либо действия. Аналогичная цель информационной технологий прослеживается и в юрисдикционной сфере.

Хотя до сих пор термин «юрисдикционный процесс» до конца не изучен и не принят всеми исследователями в области теории права, он продолжает существовать и исследоваться в рамках отраслевых наук. К примеру, в рамках гражданского, арбитражного, административного процесса и так далее.

Теория юрисдикционного процесса развивалась в трудах И. В. Михайловского, Н. Н. Розина, В. А. Рязановского, И. Я. Фойницкого. Тезис о его единстве был предложен П. Е. Недбайло, Н. В. Витруком, В. М. Горшеневым и др. еще в семидесятые годы прошлого столетия. Однако ни теорию «судебного права», ни теорию «общего юрисдикционного процесса» так и нельзя признать состоявшимися, поскольку, как уже отмечалось, идеи правовой государственности не могли быть востребованы в условиях их забвения на уровне правовой идеологии и практики правового регулирования.

На сегодняшний день вопросами изучения юрисдикционного процесса занимаются Д. О. Ефременко [1], З. Д. Хабиева [2], Б. Б. Бидова [3], А. А. Павлушина [4], И. В. Гавриленко [4], М. В. Максютин [5] и другие ученые. В своих трудах ученые затрагивают вопросы сущности и особенностей юрисдикционного процесса в рамках теории права и правоприменительной деятельности. Так, раскрыв его главное предназначение, которое видится в том, что он обусловлен конкретной природой правовых отношений, которые возникают исходя из конфликтных ситуаций в социальной сфере, мы можем сделать вывод о том, что юрисдикционный процесс на прямую связан с судопроизводством, выступающим формой его выражения. Важно также понимать, что он представляет собой вид юридического процесса по рассмотрению и разрешению правовых споров на основе правил, установленных нормами права. Таким образом, стоит констатировать факт того, что юрисдикционный процесс представляет собой комплексную систему правовых процедур и процессуальных действий, которые регулируют саму сущность и функционирование юрисдикции. Он является неотъемлемой частью правовой системы государства и играет важную роль в обеспечении правопорядка и справедливости.

Хочется заметить, что цель юрисдикционного процесса заключается в том, что, благодаря ему происходит достижение справедливости и защита прав субъектов конкретных правоотношений.

Он зиждется на основе принципов справедливости, равенства сторон правоотношения, независимости судебных органов, обязательности исполнения решений суда и всестороннего рассмотрения деталей конкретного дела.

Стоит выделить этапы современного юрисдикционного процесса.

В начале происходит инициация процедуры юрисдикционного процесса путем подачи, к примеру, искового заявления. Далее, происходит подготовка к судебному разбирательству. Третьим этапом выделяют судебное разбирательство. Заключительным этапом типичного юрисдикционного процесса является вынесение судебной инстанцией, рассматривающей спор, решения, что в последствии является основанием для реализации судебного предписания государственными и иными органами в части соблюдения искомых требований, поданных изначально.

Причем порядок реализации юрисдикционного процесса определяется исходя из национального законодательства, зависит от конкретного правового поля государства, в рамках которого происходит рассмотрения ситуации.

В целом, порядок реализации предусматривает следование участников правоотношения конкретным судебными процедурам, соблюдению законодательства и проведению слушаний по делу. Важно и то, что увенчиваться юрисдикционный процесс может на стадиях апелляционного и кассационного рассмотрения дела в судах вышестоящих инстанций при выявлении необходимости обжалования решения нижестоящего суда.

Особенностями юрисдикционного процесса на территории России следует выделить следующие.

Во-первых, юрисдикционный процесс направлен на разрешение конкретных конфликтов между субъектами правоотношений в определенной области права.

Во-вторых, он может характеризоваться множественностью субъектов правоотношений.

В-третьих, юрисдикционный процесс состоит из определенных юридических производств.

В-четвертых, он выступает средством реализации охранительной функции различных сфер права, к примеру, административного или гражданского.

В-пятых, для юрисдикционного процесса нашего государства характерно то, что он регламентирует правоприменительную деятельность юрисдикционного характера.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что юрисдикционный процесс является важной частью правовой системы России.

Перейдем к вопросу рассмотрения современных информационных технологий в юрисдикционном процессе.

Так, анализируя тематику применения информационных технологий в юрисдикционном процессе, стоит заметить, что она является одной из самых актуальных по ряду объективных причин. Хотелось бы отдельно их выделить:

- информатизация юрисдикционного процесса предполагает повышение эффективности реализации судебной деятельности на территории любого государства;

- информатизация способствует прозрачности судебных действий и минимизации коррупционных рисков в системе правосудия при юрисдикционном процессе;

- информатизация способствует развитию качества правосудия;

- информатизация способствует ускорению судопроизводства;

- информатизация способствует снижению стоимости судебных процедур и судебных издержек;

- информатизация способствует повышению уровня прозрачности судебной системы.

Стоит выделить два основных подхода, согласно которым происходит информатизация юрисдикционного процесса:

- подход, при котором происходит оптимизация судебного производства;

- подход, в рамках которого происходит трансформация имеющихся процессуальных процедур.

Первый подход характерен для зарубежных государств, к примеру, в Великобритании уже с 2016 года внедряются и

адаптируются цифровые инфраструктуры делопроизводства, что значительным образом способствует сокращению бумажного документооборота.

В России лидером по развитию системы электронного документооборота является система арбитражных судов, в которую уже интегрируется, к примеру, технология блокчейн, способствующая апробации информационных систем со статусом шифрования и хранения данных, распределяемым по множеству ЭВМ, объединенных в общую сеть.

Одним из примеров успешной цифровой трансформации системы арбитражных судов является возможность у субъектов подачи исковых заявлений и размещения документов в электронных формах через специализированный сервис «Мой арбитр», способствующий упрощению системы судопроизводства и позволяющий значительным образом сократить участниками процесса временные затраты. В системе также есть возможность узнавать о назначенных судах, их решениях и режиме ведения дел.

Важно заметить, что одним из нововведений является также то, что субъекты процессуальных отношений могут знакомиться с материалами дел в онлайн формате, что также сокращает материальные и временные издержки.

Если мы будем рассматривать зарубежные страны, то стоит заметить, что в некоторых из них также активно внедряется и функционирует система электронной подачи документов.

Так, в Австрии существует система elodgment, благодаря которой судебный документооборот каждые полгода подвергается полной оптимизации.

В Венгрии существует электронная платформа, которая позволяет пользователям знакомиться с материалами по делу, а также получать уведомления о наиболее важных процессуальных действиях в онлайн режиме.

В Канаде налоговый суд сам рекомендует сторонам процесса подавать документы с помощью электронной системы, расположенной на официальной странице суда в сети Интернет.

С 2019 года в Канаде активно функционирует система DHW, так называемое цифровое пространство для слушаний, благодаря которому происходит процесс обеспечения сторонам доступа электронным копиям материалов дела в режиме реального времени.

Одной из самых распространенных технологий в судебной системе России, так и ряда зарубежных стран является технология видеоконференцсвязи (далее ВКС), которая с 2019 года имеет аналог с реальным эффектом присутствия при подключении в процесс- видеоконференцсвязь.

В современном мире к странам, которые активно используют ВКС, относят Италию, Венгрию, Ирландию, Сингапур, Арабские Эмираты и так далее.

Интересным фактом является то, что в 2020 году, согласно данным информационного портала «Право.ру» к системе веб видеоконференций было подключено 90 арбитражных судов, проведено 19 200 заседаний, подано около 60 000 ходатайств о проведении онлайн-заседаний для удобства сторон, что говорит о востребованности данной технологии на территории России в сфере разрешения предпринимательских споров.

Одним из самых распространенных трендов в 2023 году стал искусственный интеллект, который также активно внедряется и используется в юрисдикционном процессе. Его отдельными технологиями в судебной системе являются системы обработки и оптимизации судебных приказов.

Странами, которые успешно их апробировали, являются:

- США;
- Китай;
- Великобритания.

Так, на территории данных государств функционируют системы, обеспечивающие электронный процесс обработки судебных приказов.

Если рассматривать полноценный процесс реализации и применения технологий обработки судебных приказов, он есть в Германии и Венгрии.

Ключевой технологией в судебной системе стоит выделить систему электронного протоколирования судебных слушаний, предназначенную для того, чтобы суды более оперативно рассматривали дела, в последующем выносили решения и размещали их в онлайн-пространстве.

На территории нашего государства существует также Государственная автоматизированная система Российской Федерации «ГАС.Правосудие», под которой понимают территориально распределенную автоматизированную информационную систему, предназначенную для формирования единого цифрового пространства судов общей юрисдикции.

Данная система обеспечивает информационную технологическую поддержку системы судопроизводства, основываясь на принципе учета баланса интересов и государства, и граждан.

Рассмотрим информационные сервисы правосудия в судах общей юрисдикции.

Так, существуют:

- системы административного управления;
- банки судебных решений;
- система ведомственной статистики;
- программы для видеоконференцсвязи;
- электронный документооборот;
- информационно-справочные системы;
- программы по информатизации коллективного пользования корпоративными системами учета данных.

Примерами зарубежных технологий также можно выделить следующие:

- «умные суды» Китая, которые, как отмечает в своей статье по цифровизации Губайдуллина Э. Х., предполагают процесс полного рассмотрения дела в онлайн формате [7];
- в Эстонии практикуются системы рассмотрения споров по мелким правонарушениям;
- в Нидерландах существует онлайн система рассмотрения бракоразводных споров;
- в Дубае активно функционирует система трансграничного исполнения судебных решений в сфере финансовой деятельности;

– США являются лидерами в плане использования электронных систем вызова ответчика в суд, автоматизированной программы вынесения приговоров;

- в Великобритании существует система TRT, благодаря которой у людей есть возможность онлайн обжалования штрафных санкций, назначенных за нарушение правил дорожного движения в некоторых частях города и за городом.

При втором подходе происходит трансформация имеющихся процессуальных процедур. В данном случае хочется заметить неразрывную связь юрисдикционного процесса с иными институтами юридической деятельности, к примеру, с нотариатом и институтом адвокатуры, которые также модернизируются под призмой использования информационных технологий.

Например, обратимся к основным тенденциям цифровизации адвокатуры и адвокатской деятельности.

Одним из нововведений в системе адвокатской деятельности является автоматизированная система «Адвокатура», с помощью которой происходит онлайн назначение адвокатов в уголовном судопроизводстве, созданная для преодоления сразу комплекса проблем:

- повторного участия одного и того же адвоката в делах по назначению;
- злоупотребления некоторыми адвокатами своих прав в ходе судебных процессов.

Одной из самых интересных, на наш взгляд, технологий является технология комплексной информационной системы адвокатуры, созданной для упрощения взаимодействия адвокатского сообщества с судебной системой, осуществления подачи различных документов в электронной форме, а

также формирования адвокатских запросов онлайн-способами. Все вышеупомянутые моменты актуальны и информация о них располагается на сайте Палаты адвокатов Самарской области [8].

Благодаря данной системе существенно упрощается процесс ведения адвокатской деятельности, бухгалтерской отчетности и общения с доверителями в рамках конкретных дел.

Далее хотелось бы рассмотреть технологию Big Data, которая также применяется многими адвокатскими образованиями в процессе профессиональной деятельности и способствует развитию процесса обработки больших объемов данных, оптимизации общей системы документооборота.

Следующая технология также значительно упрощает жизнь многих адвокатов, это технология информационных ресурсов и интернет-порталов.

Буквально в каждом регионе у палат адвокатов сейчас существует своя информационная интернет-страница, на которой располагается вся актуальная информация об адвокатской деятельности на территории конкретного субъекта.

К примеру, в Самаре существует официальный сайт палаты адвокатов Самарской области, на котором любой адвокат своевременно может узнать актуальные новости самарской адвокатуры, ознакомиться с адвокатскими реестрами, будущие соискатели на статус адвоката могут записаться в школу молодого адвоката и так далее.

Рассмотрим цифровизацию системы нотариата. Так, одной из тенденций цифровизации нотариальной деятельности можно назвать информатизацию системы документооборота, которая прослеживается в том, что материально-техническая деятельность нотариальных палат стала упрощена благодаря тому, что внедряются следующие нововведения:

- единая биометрическая система;
- электронный документооборот;
- система государственных услуг;
- единая информационная система нотариата.

Последняя технология признана одной из самых эффективных, под ней принято понимать единую информационную систему, в рамках которой субъекты могут вести общение в правовых рамках по поводу комплексной автоматизации процессов сбора информации, сбора сведений о нотариальной деятельности и обеспечения всевозможных видов информационного обмена данными, которые требуются субъектам конкретных правоотношений.

Безусловно, важным моментом является то, что у каждого нотариуса есть своя квалифицированная электронная подпись (далее ЭП), которая служит аналогом реальной и значительным образом упрощает процесс ведения документооборота.

Также, стоит заметить, что ЭП обеспечивает процесс экономии многих издержек и ресурсов, к примеру, она позволяет создавать электронные правовые документы в разы быстрее, чем физическая.

Далее нам стоит рассмотреть преимущества цифровизации юрисдикционного процесса.

Одним из важнейших преимуществ стоит выделить автоматизацию многих юрисдикционных операций, что способствует упрощению процедур хранения, обработки, пользования и поиска большого объема информации и данных, что в свою очередь, позволяет значительно сократить временные и иные материально-технические издержки. Информационные технологии способствуют развитию системы электронных средств связи и обмена информацией, что в свою очередь, способствует более быстрой и эффективной коммуникации между субъектами юридического сообщества.

Следующим достоинством стоит упомянуть возможность проведения онлайн заседаний, что способствует участникам дела находиться в разных местах, экономить время и материальные ресурсы на транспортные издержки, облегчает доступ участников дела к участию в удаленных регионах

нашей страны, уменьшает нагрузку на юрисдикционную систему и позволяет нашему государству следовать последним трендам цифровизации.

Третьим преимуществом следует выделить то, что информационные технологии способствуют созданию оптимизированной системы юрисдикционного электронного документооборота. В данном случае стоит заметить, что важным видом технологий являются программные комплексы для электронного документооборота. Эти комплексы позволяют перейти от бумажного документооборота к цифровым форматам, что значительно ускоряет и упрощает процесс передачи и обработки документов. Благодаря электронному документообороту становится возможным удаленное ведение дела: участники процесса могут обмениваться документами и информацией онлайн, без необходимости присутствовать в судебных зданиях.

Исходя из всего вышесказанного, стоит сделать единый вывод о том, что цифровизация и информационные технологии способствуют благоприятной трансформации юрисдикционного процесса, совершенствуя и видоизменяя его в части практических направлений деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Ефременко Д. О. Юрисдикционный процесс: понятие, природа // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurisdiktsionnyy-protsess-ponyatie-priroda> (дата обращения: 13.09.2023).
2. Хабиева З. Д. Доктринальное осмысление правоприменения как основы юрисдикционного процесса // Аграрное и земельное право. 2022. № 6 (210). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrinalnoe-osmyslenie-pravoprimeneniya-kak-osnovy-yurisdiktsionnogo-protssessa> (дата обращения: 13.09.2023).
3. Бидова Б. Б., Ганаева Е. Э. Особенности и классификация юридического процесса // Право и государство: теория и практика. 2022. № 8 (212). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-klassifikatsiya-yuridicheskogo-protssessa> (дата обращения: 13.09.2023).
4. Павлушина А. А., Гавриленко И. В. Информационные технологии в юрисдикционных процедурах // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-yurisdiktsionnyh-protsedurah> (дата обращения: 13.09.2023).
5. Максютин М. В. Юрисдикционный процесс (Вопросы общей теории): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Москва, 2002. 198 с. РГБ ОД, 61:03-12/920-9.
6. Щербачева Л. В. Введение искусственного интеллекта в судебную систему // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudebnuyu-sistemu> (дата обращения: 14.09.2023).
7. Губайдуллина Э. Х., Гаврилов И. А. Искусственный интеллект в цивилистическом судопроизводстве Китая // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Москва, 07 апреля 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 59-63.
8. Палата адвокатов Самарской области (официальный сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://paso.ru>.

АЙДИЕВ Магомед Магомедтагирович

магистрант кафедры гражданского процесса Юридического Института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИНСТИТУТА ЗАОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В настоящей статье анализируется один из спорных институтов гражданского процессуального права – институт заочного производства. Изучив, осмыслив и оценив данный институт, мы раскроем его содержание, суть, его основу, изучим его с точки зрения научной литературы, мнения ученых, а также приведем плюсы и минусы использования заочного производства. Уделим внимание проблемам заочного производства и способам его реформирования. Кроме того, приведем примеры из судебной практики, трудности, с которыми сталкиваются стороны при вынесении заочного решения суда.

Ключевые слова: заочное производство, упрощенное производство, гражданское судопроизводство.

AIDIEV Magomed Magomedtagirovich

magister student of Civil process sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ON THE QUESTION OF THE ESSENCE OF THE INSTITUTION OF ABSENTEE PROCEEDINGS IN THE CIVIL PROCEDURAL LAW OF RUSSIA

This article analyzes one of the controversial institutions of civil procedural law - the institution of absentee proceedings. Having studied, comprehended and evaluated this institution, we will reveal its content, essence, its basis, study it from the point of view of scientific literature, the opinions of scientists, and also give the pros and cons of using correspondence proceedings. Let us pay attention to the problems of absentee proceedings and ways of reforming them. In addition, we will give examples from judicial practice, the difficulties faced by the parties when making a court decision in absentia.

Keywords: absentee proceedings, simplified proceedings, civil proceedings.

Предметом нашего исследования является один из спорных институтов в гражданском процессуальном праве – институт заочного производства, который многие считают заменой общему исковому производству.

Согласно информации, предоставленной Судебным Департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, в начале 2023 года вынесением заочного решения завершилось 4,2%. При этом ответчиками в последующем отменено 23 685 заочных решений (4,3 процента от вынесенного числа заочных решений) [1].

Чтобы иметь полное представление об институте заочного производства нужно полностью изучить данную тему.

Многие ученые не относят заочное производство к самостоятельному виду гражданского судопроизводства. Так, по мнению П. В. Крашенинникова, «...заочное производство не является самостоятельным, потому что не имеет сущность материального правоотношения, характером и основаниями требований, которые рассматривает суд. Оно представляет собой один из видов единого искового производства, которое заканчивается принятием заочного решения. После вступления в законную силу данный акт ничем не будет отличаться от обычного судебного решения, в том числе и порядком исполнения...» [2].

Не можем не согласиться с мнением о том, что заочное производство нельзя считать отдельным видом гражданского судопроизводства, поскольку является производной от общего искового судопроизводства, предусмотрен в первую очередь для обеспечения гарантии защиты прав и законных интересов истца, но в то же время дает возможность ответчику отменить принятое заочное решение, которые было принято в его отсутствие посредством заявления в суд об его отмене.

По мнению Г. А. Жилина, заочное производство не может рассматриваться в качестве самостоятельного вида граждан-

ского судопроизводства, а является разновидностью искового производства, направленного на более эффективную защиту прав истца при уклонении ответчика от явки в суд и исполнения своих процессуальных обязанностей по доказыванию возражений против иска...» [3].

Многие специалисты по гражданскому процессу считают, что заочное производство является быстрым способом решения правовых конфликтов. Так, например, И. В. Решетникова считает «что этот институт относится к исторически сложившимся формам ускорения правосудия, не лишаящим судебную деятельность ее первоосновных признаков...» [4].

Другие же напротив считают, что заочное производство не является более простой формой искового производства, так как дело рассматривается по правилам общей исковой процессуальной формы с некоторыми особенностями обжалования, а именно законодателем предусмотрено две формы обжалования заочного решения суда: посредством направления в суд заявления об отмене заочного решения и общий порядок апелляционного обжалования.

Изучаемый нами институт, как и любой другой в гражданском процессуальном праве имеет свои плюсы и минусы. Прежде всего он направлен на защиту прав и законных интересов как истца, так и ответчика. Проявляется это в том, что имеется гарантия восстановления прав истца в случае, если ответчик отказывается от явки на судебное заседание, не имея на то уважительных причин. В свою очередь ответчик попросту мог извещаться не по адресу своего фактического нахождения и знать о судебном деле в отношении него не мог. В большинстве случаев ответчик узнает о принятом заочном решении после возбуждения исполнительного производства в отношении него, когда судебные приставы-исполнители начинают удерживать с его банковской карты

денежные средства, наложении запретов на регистрационные действия, запрета выезда из страны и т.д. После чего необходимо написать заявление об отмене заочного решения с ходатайством о восстановлении срока на его подачу. В своем ходатайстве ответчик должен доказать суду, что о дате и времени рассмотрения судебного дела он не знал, извещался не по адресу своего фактического нахождения. На практике в качестве доказательств ответчик представляет акт о непроживании по месту регистрации. Суд, оценивая объяснения, представленные доказательства удовлетворяет представленное заявление, либо отказывает в его удовлетворении и разъясняет о праве ответчика обратиться с частной жалобой на вынесенное определение. В большинстве случаев ответчик намеренно избегает судебные заседания в целях растягивания времени для вынесения судебного решения. По нашему мнению, институт заочного производства необходимо реформировать, он подходит не для всех категорий дел. Например, данный институт не подходит для вынесения решений по делам о сносе самовольной постройки. Данная категория дел является наиболее резонансной, ведь объектом самовольного строительства нередко оказывается единственное жильё ответчика. Ещё одна категория дел, рассмотрение которой посредством заочного производства можно исключить – это по делам о выселении. Это одна из сложных и спорных категорий дел, ведь кроме утраты своего жилья человек может получить серьезный моральный ущерб.

Напротив же, его использование необходимо при рассмотрении дел о взыскании задолженности с ответчика. Е. В. Кудрявцева полагает, что «...заочное производство возможно только при разрешении дел, обладающих исковым характером...». Действительно, в порядке заочного производства могут быть рассмотрены только дела искового характера.

Однако в первую очередь суд старается вынести заочное решение под страхом его отмены в суде апелляционной инстанции и в случае принесения ответчиком весомых доказательств, возражений, отменяет заочное решение и рассматривает дело по существу в порядке искового производства. На практике встречаются случаи, когда судья навязывает своё желание истцу вынести заочное решение, уговаривает его, приносит доводы о том, якобы ответчик надлежаще не извещен, следовательно у апелляционной инстанции имеются все основания для отмены заочного решения. На самом деле это не так, извещение ответчика по месту его регистрации является надлежащим. Делают они это в первую очередь для того, чтобы побыстрее рассмотреть дело как можно быстрее с наименьшим риском для себя.

Заочное решение может выноситься судом при наличии следующих условий: во-первых, необходимо согласие истца на принятие такого акта, во-вторых, ответчик не является на судебные заседания и не сообщает о причинах своей неявки, в-третьих, ответчик не просил о рассмотрении дела в его отсутствие. Только при совокупности вышеназванных условий суд может вынести заочное решение. Зачастую вследствие своей правовой неграмотности люди соглашаются на предложение судей вынести заочное решение, тем самым затягивая отправку правосудия.

Говоря о данном институте, необходимо затронуть и его минусы. Одним из главных минусов заочного производства является то, что заочное решение суда можно легко отменить даже спустя пару лет со дня его вынесения. Ответчику необходимо представить документы, доказывающие неполучение им копии решения суда. Вторым минусом считаем более длительный срок вступления в законную силу заочно-

го решения суда, по сравнению с решением суда. Этот срок составляет 10 дней и исчисляется следующим образом: три дня для направления копии решения ответчику, семь дней на подачу заявления об отмене заочного решения, месяц для обжалования заочного решения суда.

Также в юридической литературе имеется мнение, что исследуемый нами институт предназначен для «ускоренного производства». С таким определением мы не согласны, поскольку во многих случаях заочное рассмотрение дела приводит к судебной волоките, суд переносит судебное заседание много раз, после вынесения заочного решения ответчик представляет заявление об отмене заочного решения, зачастую с ходатайством о восстановлении сроков на его подачу, назначается отдельное судебное заседание для рассмотрения вопроса о восстановлении процессуального срока для его принятия. При отказе в его принятии ответчик имеет право обратиться с апелляционной жалобой. Весь этот процесс может затянуться на 2-3 месяца и это при условии, что ответчик напишет заявление об отмене заочного решения в течение 7 дней со дня его получения. Но как нами уже было обозначено выше, зачастую он узнает о вынесенном решении только при возбуждении в отношении него исполнительного производства. Так, Г. Л. Осокина считает, что «...институт заочного производства не столько ускоряет, сколько замедляет защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций. Упрощение и ускорение не характерны для заочного производства по российскому гражданскому процессуальному закону...» [5].

Ещё одной спецификой является то, что данный вид судебного постановления характерен только для гражданского судопроизводства. Введение его в арбитражное судопроизводство обсуждается в научных кругах уже долгое время, однако имеются сомнения в его необходимости эффективности.

Таким образом, в концепции гражданского процессуального права бытуют различные мнения относительно правовой природы заочного порядка рассмотрения дел. Все эти мнения дивергируют, ведь каждый автор имеет свое понимание «ускоренного производства» и «упрощенного производства».

Пристатейный библиографический список

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdcp.ru/index.php?id=79&item=7071>.
2. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. - М.: Статут, 2012.
3. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. - М.: Проспект, 2010. - С. 520.
4. Решетникова И. В. Заочное производство // Гражданский процесс / Под ред. В. В. Яркова. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - С. 408.
5. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Особенная часть. - М.: Норма, 2007. - С. 319-320.

ЧУРАКОВА Екатерина Николаевна

старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета

НИКОНОРОВА Альбина Андреевна

магистрант Самарского государственного экономического университета

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

В данной статье проводится теоретико-правовой анализ тематики цифровизации в сфере реализации процедур банкротства. Исследователь обозначает ключевые векторы информатизации банкротного направления юридической деятельности. Автор отмечает их преимущества и недостатки. Полагает, что в качестве важных новелл в сфере информатизации процедуры банкротства стоит выделять Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (далее ЕФРСБ), информационные программы Bankro.TECH, «помощник арбитражного управляющего», «Спарк-Интерфакс» и другие. Исследователь полагает, что для того, чтобы вывести наше государство на принципиально новый уровень в области цифровизации процедуры банкротства, нам стоит чаще проводить ретроспективный анализ в части изучения имеющихся информационных технологий, а также обращаться к опыту зарубежных государств в части оптимизации процедуры в рамках их национального законодательства.

Ключевые слова: трансформация, банкротство, арбитражный процесс, процедура банкротства, информатизация, юридическая деятельность.

CHURAKOVA Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer of Civil and arbitration process sub-faculty of the Samara State University of Economics

NIKONOROVA Albina Andreevna

magister student of the Samara State University of Economics

DIGITALIZATION IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

This article presents a theoretical and legal analysis of the topic of digitalization in the field of bankruptcy procedures. The researcher identifies the key vectors of informatization of the sphere of legal activity of a bankrupt. The author notes their advantages and disadvantages. He believes that as important innovations in the field of informatization of bankruptcy procedures, it is worth highlighting the Unified Federal Register of Bankruptcy Information (hereinafter - the Unified State Register of Legal Entities), information programs Bankro.TECH, Assistant to the Arbitration Manager, Spark-Interfax and others. The researcher believes that in order to bring our state to a fundamentally new level in the field of digitalization of bankruptcy procedures, we should more often conduct a retrospective analysis in terms of studying available information technologies, as well as refer to the experience of foreign countries in terms of optimizing the procedure within their national legislation.

Keywords: transformation, bankruptcy, arbitration process, bankruptcy procedure, informatization, legal activity.

В современных реалиях трудно выделить область общественных отношений, которая не подвергалась бы цифровизации. Одной из ярко выраженных сфер информатизации правовых отношений можно считать современную сферу банкротства.

Изучением вопросов цифровизации процедур банкротства занимаются многие ученые, в число которых входят В. И. Маляр [1], А. В. Лошкарёв [2], А. Р. Гареев [3], Н. И. Юсупова [4], В. Ю. Солдатенков [5], Э. Х. Губайдуллина [6], Воробьева А. А. [2] и так далее.

Обратимся к теоретическому обоснованию цифровых процессов и интеграции их в банкротное направление юридической деятельности.

Цифровизацию стоит рассматривать в широком и узком толковании, где в первом случае, как пишет Агеева Г. Е. [7], под ней рассматривают концепцию экономической деятельности, правовой реальности, основанной на цифровых технологиях, которые постоянно внедряются в разные сферы жизни и производства, улучшая тем самым процессы, изначально заложенные в механизмы работы в рамках какой-либо определенной сферы.

При узком толковании цифровизация представляет собой бытовую трансформацию, которая признана усовершенствовать различные механизмы действительности, пре-

имущественно существующие в сфере информационных технологий в области экономики, электротехники, механики и робототехники.

Логично также то, что в рамках цифровизации, стоит рассмотреть сущность такого понятия, как информационная технология, под которой стоит понимать совокупность средств и методов сбора, обработки и передачи данных, предназначенных для получения информации нового качества о состоянии объекта, процесса или явления, зачастую, информационного продукта.

Под банкротством или же несостоятельностью стоит понимать признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по взятым денежным обязательствам.

В качестве должника может выступать:

- физическое лицо;
- самозанятый;
- индивидуальный предприниматель;
- юридическое лицо.

Банкротство состоит из нескольких ключевых процедур, а именно, наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства. Причем, все вы-

шеупомянутые стадии играют важную роль в процессе признания судом лица банкротом.

Процедуры банкротства характерны для арбитражного процесса, который представляет собой регулируемую нормами арбитражного процессуального права системой последовательно осуществляемых действий, которые совершаются арбитражным судом и другими участниками арбитражного процесса в связи с разрешением конкретного дела в порядке, предусмотренным законодательством.

Цель арбитражного судопроизводства состоит в защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих какую-либо экономическую деятельность, а также законных интересов и прав Российской Федерации, субъектов России и муниципальных образований, связанных с экономической деятельностью.

Цифровизация играет важную роль для института банкротства, она предполагает процесс внедрения и дальнейшего использования различных технологий в производственных процессах.

Рассмотрим подробнее ключевые особенности цифровизации процедуры банкротства.

С недавних времен многие системы внутреннего документооборота различных организаций переходят на цифровой формат, что выражается в том, что многие заявления и иные документы подаются в электронном виде через онлайн-площадки.

К примеру, рассматривая процесс инициации процедуры банкротства, стоит заметить, что с недавнего времени в рамках него возможна электронная подача документов. Так, согласно ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее АПК РФ) кредитор или должник имеет право направить в арбитражный суд заявление о признании должника банкротом в электронном формате. Данная процедура реализуется через сайт Мой.арбитр, в пределах которого находится вкладка «Электронная подача документов», где располагается графа «заявления и жалобы». Данный механизм значительным образом облегчает жизнь всех сторон данных процессуальных отношений, в том числе, и суда.

Важной новеллой в плане информатизации процедуры банкротства стоит выделить то, что на сегодняшний день в информационном пространстве активно ведется и заполняется Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (далее ЕФРСБ), который имеет свой сайт, в пределах которого располагается информация об отчетах арбитражных управляющих, юридических, физических и иных лицах, в отношении которых введена процедура банкротства.

Таким образом, стоит особенно заметить, что ЕФРСБ — это удобный интерфейс, содержащий сведения о банкротных делах, поступающие от арбитражных управляющих, саморегулируемых организаций, организаторов торгов, с электронных торговых площадок и так далее.

В данном случае стоит также выделить программные продукты, позволяющие оптимизировать реализацию процедуры банкротства. К таким программам относятся:

- Bankro.ТЕСН [9];
- «Помощник арбитражного управляющего» [10];
- «Спарк-Интерфакс» [11] и так далее.

Рассмотрим первую программу, которая представляет собой единую систему по ведению процедуры банкротства.

Bankro.ТЕСН позволяет автоматизировать документооборот в системе банкротных дел, а также проводить электронные собрания и комитеты кредиторов, структурируя

ключевую информацию по делам, обеспечивая системное хранение данных о включенных в реестр кредиторов.

Важно также и то, что благодаря данной программе можно получить в машиночитаемом формате рассортированные и подготовленные данные из всех официальных (публичных) и многих частных источников.

Нововведением стоит выделить используемые электронные формы ведения реестра требований кредиторов.

Хорошим примером также является цифровизация процедуры торгов имущества должника.

Так, с 2015 года на территории нашего государства активно реализуется программа цифровых торгов, которая предполагает продажу имущества должника через торги в электронном формате. Параллельно с данным новшеством адаптируется и цифровой способ проведения собрания кредиторов, проводимый с использованием заочного формата голосования в соответствии с законодательством о банкротстве. Одним из программных продуктов для проведения электронных собраний кредиторов является ресурс sobkred.ru.

В целом, торги являются одной из первых процедур, требующих полной оптимизации и интеграции в них информационных технологий. Так, история развития механизма электронных торгов начинается с конца 20 века, на сегодняшний день насчитывается более 50 действующих онлайн-площадок торговли. Примером большой и оптимизированной площадки электронных торгов служит B2B-Center11, включающая в себя более 30 отраслевых электронных площадок, предназначенных для реализации процедуры в крупных промышленных секторах различных сегментов нашего государства.

Также примером электронной площадки для торгов является электронная торговая площадка Фабрикант, на сайте которой расположена всевозможная информация о торгах, витринах, услугах, тарифах, клиентах площадки. Таким образом, фабрикант - та площадка, в рамках которой проходят все возможные виды торгов, к которым относятся:

- корпоративные закупки;
- муниципальные и государственные закупки;
- коммерческие закупки;
- закупки по капитальному ремонту;
- торги по банкротству;
- корпоративные продажи и так далее.

Многофункциональность площадки не может не удивлять. Она значительным образом упрощает жизнь всех сторон процедуры банкротства.

Рассмотрим тенденции цифровизации процедуры банкротства.

Первой тенденцией стоит выделить повсеместную цифровизацию системы документооборота, к данному нововведению относится то, что многие документы на сегодняшний день хранятся, к примеру, на сайте Арбитражного суда Самарской области, на иных информационных порталах, на которых располагаются необходимые для процедуры банкротства документы, а также сюда следует отнести момент использования электронной цифровой подписи.

Второй тенденцией стоит выделить возможность создания единого портала оценки деятельности арбитражных управляющих. Данная инициатива обсуждается достаточно давно в кругах юристов, предполагает более качественный процесс реализации деятельности всех лиц, участвующих в процедуре, она исключила бы коррупционные проявления.

Важно также выделить тенденцию на использование в работе различными юристами по банкротному направлению искусственного интеллекта, который призван обеспечить процесс обработки данных и принятия решений различного уровня. Здесь же стоит выделить технологию Big data, о которой более подробно в статье по цифровизации пишет Э. Х. Губайдуллина [6].

Таким образом, мы можем резюмировать то, что цифровизация процедуры банкротства упрощает процесс обработки документов и различных видов информации, а также повышает уровень прозрачности и доступности информации, способствует повышению качества и надежности хранения данных. Последний момент реализуется посредством различных электронных баз данных, которые улучшают коммуникацию между участниками процедуры и снижают риски коррупции и недобросовестного поведения участников процедуры.

Исходя из всего ранее сказанного, стоит сделать вывод о том, что на сегодняшний день цифровизация процедуры банкротства находится на стадии постоянной модернизации и совершенствования, цифровые инструменты позволяют обеспечить прозрачность, доступность и полную отчетность процедуры банкротства на всех её стадиях.

Таким образом, использование цифрового формата в юридической сфере повышает эффективность реализации различных процедур и создает гарантии защиты прав и интересов различных субъектов процессуальной деятельности.

Для того, чтобы вывести наше государство на принципиально новый уровень в области цифровизации процедуры банкротства, нам стоит чаще проводить ретроспективный анализ в части изучения имеющихся информационных технологий и обращаться к опыту зарубежных государств в части оптимизации процедуры в рамках их национального законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Маляр В. И., Аксенова Е. А. Воздействие цифровых технологий на процесс автоматизации по делам несостоятельности (банкротства) // Стратегии бизнеса. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozdeystvietsifrovyyh-tehnologiy-na-protsess-avtomatizatsii-podelam-nesostoyatelnosti-bankrotstva> (дата обращения: 16.10.2023).
2. Лошкарев А. В., Божко А. П. Влияние цифровых технологий на оптимизацию производств по делам о несостоятельности (банкротстве) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. - № 10-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovyyh-tehnologiy-na-otpimizatsiyu-proizvodstv-po-delam-nesostoyatelnosti-bankrotstve> (дата обращения: 16.10.2023).
3. Гареев А. Р. Практика применения инновационных информационных технологий для повышения эффективности института банкротства // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). - 2013. - № 13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktika-primeneniya-innovatsionnyh-informatsionnyh-tehnologiy-dlya-povysheniya-effektivnosti-instituta-bankrotstva> (дата обращения: 16.10.2023).

4. Юсупова Н. И., Волик Е. О. Мониторинг банкротств с использованием методов интеллектуального анализа данных // Вестник УГАТУ = Vestnik UGATU. - 2008. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-bankrotstv-s-ispolzovaniem-metodov-intellektualnogo-analiza-dannyh> (дата обращения: 16.10.2023).
5. Солдатенков В. Ю. Современные информационные технологии как императив эффективного антикризисного управления // СРРМ. - 2017. - № 1 (100). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-informatsionnye-tehnologii-kak-imperativ-effektivnogo-antikrizisnogo-upravleniya> (дата обращения: 16.10.2023).
6. Губайдуллина Э. Х. Проблемы и перспективы правового регулирования использования Больших данных в Российской Федерации / Э. Х. Губайдуллина // Вопросы экономики и права. - 2021. - № 154. - С. 14-17.
7. Ageeva G. E. Digitalization of the Openness Principle of Civil Proceedings: Enunciation Issues // Current Achievements, Challenges and Digital Chances of Knowledge Based Economy: Part of the Lecture Notes in Networks and Systems book series (LNNS, volume 133). - P. 707-712.
8. Воробьева А. А. Электронные доказательства как современный способ взаимодействия участников судебного процесса в арбитражном судопроизводстве / А. А. Воробьева, Ю. В. Чертыковцев // Вопросы экономики и права. – 2023. – № 180. – С. 62-65.
9. Единая система по ведению процедур банкротства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bankro.tech/>.
10. Программа «Помощник арбитражного управляющего». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russianit.ru/products/pau/>.
11. Программа по проверки контрагентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spark-interfax.ru/>.
12. Площадка по проведению электронных торгов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.b2b-center.ru/app/>.

МАГОМЕДОВ Расул Магомедкамилович

магистрант 2-го курса очной формы обучения, Профиль подготовки: «Проблемы Гражданского и арбитражного процессуального права» кафедры гражданского процесса Юридического Института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СУДЕБНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

В статье рассматривается история развития судебной доказательств в судопроизводстве РФ.

Для достижения данной цели были поставлены и изучены следующие задачи:

- рассмотреть понятие, признаки и значение судебных доказательств;
- определить классификацию судебных доказательств;
- исследовать способы выявления и собирания доказательств в гражданском судопроизводстве;
- проанализировать оценку доказательств в гражданском судопроизводстве;
- проанализировать тенденции и перспективы развития института доказательств по гражданским делам в России.

Ключевые слова: доказывание, законодательство, гражданский процесс, судопроизводство, процессуальные нормы.

MAGOMEDOV Rasul Magomedkamilovich

magister student of the 2nd course full-time education, training profile: «Problems of civil and arbitration procedural law» of Civil process sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF JUDICIAL EVIDENCE IN THE JUDICIAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the history of the development of judicial evidence in the judicial proceedings of the Russian Federation.

To achieve this goal, the following tasks were set and studied:

- to consider the concept, signs and meaning of judicial evidence;
- to determine the classification of judicial evidence;
- to explore ways to identify and collect evidence in civil proceedings;
- analyze the evaluation of evidence in civil proceedings;
- to analyze the trends and prospects for the development of the institute of evidence in civil cases in Russia.

Keywords: evidence, legislation, civil procedure, legal proceedings, procedural norms.

Процесс доказывания в суде всегда играл важную роль для разрешения гражданских дел и его значение подчеркивали еще в глубокой древности. Как правило, с помощью процесса доказывания решаются такие вопросы как установление существования или отсутствия фактов, имеющих значение для дела, и их юридическая оценка.

Интерес к институту доказывания во все времена обуславливался, прежде всего, практической значимостью его для общества. Доказыванию отведено особое место в судопроизводстве, поскольку ни одно гражданское дело не разрешимо без доказательств. Неудивительно, что история в классической периодичности, демонстрирует постоянный интерес научного сообщества к исследованиям вопроса эволюции института доказывания, определению его понятия. Эпоха нормативного действия первого правового источника на территории российского государства — Русской Правды показывает, что в это время не существовало ни понятия доказательств, ни самого процесса доказывания. Истец, он же заявитель, учинивший судебную тяжбу, согласно нормам этого памятника права, представлял, как указывает известный дореволюционный процессуалист С. В. Пахман: «лишь явные, очевидные признаки нарушенного права, например, телесные повреждения, украденную вещь» [2].

Доверие к показаниям истца в этот период объясняется целым рядом причин, среди которых: первоначальная чистота нравственности, господство взаимного доверия как преобладающей черты родовой жизни; суровое наказание общества за ложное обвинение, высокий уровень гласности и публичность расправы, учиняемой судом. Доказывание в древнерусском праве не предназначалось для доказательства существования факта, но оно должно было заставить судью доверять тяжущемуся и его свидетелям. Как отмечает, Ф. М.

Дмитриев, процесс доказывания приобретает значение только под влиянием государства. Происходит это из-за того, что государство в период своего укрепления стало интересоваться методикой разрешения споров в суде.

Правовые памятники поздней династии Рюриковичей 1497 и 1550 гг., а также Соборное уложение царя Алексея Михайловича Романова 1649 г. нормативно закрепляли общее правило по представлению доказательств. Доказывание и опровержение иска лежало на самих тяжущихся сторонах. Исход дела зависел от тех доказательств, которые смогли добыть и представить суду стороны. Вплоть до начала правления Екатерины Второй главными доказательствами являлись показания свидетелей. Структура доказывания по гражданским делам представляла собой как обычные способы доказывания (признание иска, свидетельские показания, присяга на кресте, доказательства письменные), так и экстраординарные (судебный поединок, очная ставка, пытка, обыск). Как отмечает профессор Ф. М. Дмитриев, последние применялись относительно редко [1, с. 89].

В эпоху становления абсолютизма получил развитие следственный процесс, сформировавший систему формальных доказательств и положивший начало упорядочиванию обращения с доказыванием и доказательствами. Указ Петра Великого от 21.02.1697 г. «Об отмене в судебных делах очных ставок, о свидетелях, о наказании, лжесвидетельстве и пошлинных деньгах», разделил доказательства на четыре категории: присягу, письменные доносы, показания свидетеля и исповедь (признание). Признание было самым веским доказательством, которое должно было быть сделано перед судом и истцами.

Во времена Екатерины Второй институт доказывания по гражданским делам использовал разные возможности

установления истины, среди которых известны свидетельские показания, письменные доказательства, целование креста, жребий. Правила судопроизводства первой половины девятнадцатого столетия, были установлены частью второй десятого тома Свода законов Российской империи. После судебной реформы Александра Второго 1864 года институт доказывания по гражданским делам приобрел понятие бремени доказывания. Согласно Уставу гражданского судопроизводства, основное бремя доказывания лежит на стороне, предъявившей иск. Суд не собирал доказательств, основывая свое решение на представленных тяжущимися доказательствах

Октябрьская революция 1917 года во многом покончила с имперской теорией доказывания по гражданским делам, поскольку молодая советская власть запустила новый круг развития процессуального права, в духе европейских процессуальных кодексов, перелицованных на идеалы марксизма. ГПК РСФСР 1923 г. ввел понятия источника доказательства и вида доказательства. В кодексе говорится, что народный суд не ограничивается формальными доказательствами и, в зависимости от обстоятельств дела, разрешает определенные доказательства или требует, чтобы они были представлены третьими лицами, для которых такое требование является обязательным. Присяга (понимается как клятва) в качестве доказательства дисквалифицируется из судопроизводства.

После распада СССР и последующих реформ в России, система судебных доказательств прошла серьезные изменения. Новые законы и нормативные акты были приняты с целью улучшить процесс судопроизводства и обеспечить защиту прав и свобод граждан.

Одним из важных изменений стало введение презумпции невиновности, что означает, что каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в суде. Это принципиальное положение применяется во всех уголовных и гражданских делах и способствует укреплению принципа справедливости.

Также было внедрено понятие доказательственного стандарта. В зависимости от типа дела применяется разный уровень доказательства: убедительные, явные и исчерпывающие. Это сделано для того, чтобы суды могли принимать уверенные решения на основе объективной информации.

Важным шагом в развитии системы судебных доказательств стало введение новых методов и средств получения доказательств. Теперь в судебном процессе применяются новые информационные технологии, такие как видео- и аудиозаписи, фото- и видеоматериалы, компьютерная графика и прочее. Это позволяет более точно и надежно устанавливать факты и определять их значение для дела.

Кроме того, в систему судебных доказательств было внесено понятие судебной экспертизы. Судебные эксперты – это специалисты, назначенные судом, которые проводят проведение независимой экспертизы для получения научных, технических или специализированных знаний. Экспертиза может быть назначена по требованию сторон или по решению сторон, это позволяет суду получить профессиональную оценку доказательств.

Несмотря на все положительные изменения в системе судебных доказательств, она все еще считается недостаточно совершенной. В качестве недоработок можно отметить низкую квалификацию некоторых судей и экспертов, а также влияние на процесс судопроизводства со стороны некомпетентных сторонних лиц или органов.

Дальнейшее развитие института доказывания привело к тому, что академическая среда ведущих отечественных процессуалистов XX–XXI веков условно разделила его последующее становление на два этапа.

Первый этап — исследования, основанные на теории и опыте советской и ранней постсоветской школы процессуального права, рубежом которой служит принятие Ар-

битражного процессуального кодекса РФ и Гражданского процессуального кодекса в 2002 году. Второй этап — современные исследования, основанные на теории и практике, после принятия АПК РФ и ГПК РФ. На первом этапе сформулированы подходы к институту доказывания, в форме двух концепций. К первой из них относят А. Ф. Клейнмана, М. А. Гурвича, С. В. Курылева, В. Н. Щеглова. Согласно их позиции, доказывание — это процессуальный порядок действий сторон, заключающийся в предъявлении доказательств, отрицании доказательств оппонента, предъявлении заявлений и ходатайств, участия в изучении доказательств.

По мнению авторов, цель доказывания — убедить суд в правомерности заявленных требований и возражений. Вторая концепция разработана К. С. Юдельсоном, П. П. Гуревым, М. К. Треушниковым. Они понимают доказывание как судебную доказательную деятельность лиц, участвующих в деле, и суда при сборе, исследовании, рассмотрении и оценке доказательств. Согласно им, целью судебного доказывания является установление предусмотренными законом процессуальными средствами объективной достоверности наличия или отсутствия фактов, необходимых для разрешения спора между сторонами. Второй этап истории развития института доказывания демонстрирует более согласительный подход к его пониманию. Так, определяющим в доказывании стали действия сторон, цель судебного доказывания заключается, по мнению М. А. Фокиной, В. В. Яркова, Спесивова В. В., в установлении фактов и подкреплении выводов фактами и другими обстоятельствами, имеющими значение для надлежащего рассмотрения и разрешения дела.

Таким образом, институт доказывания получил широкое развитие в отечественной процессуальной науке. Академическая среда определилась с основными категориями и терминами, которыми с таким же успехом стала оперировать и практика. Можно смело констатировать, что общие подходы к доказыванию развиты и служат на благо обществу, несут общественным отношениям так необходимую им правовую определенность.

В заключение можно отметить, что история развития системы судебных доказательств в судопроизводстве РФ является многогранным и сложным процессом. От первых попыток правовых реформ в России до современной судебной системы был пройден длительный путь. Важные реформы и изменения законодательства способствовали укреплению принципов справедливости, доказательственной нагрузки и непосредственного участия сторон в процессе подачи и рассмотрения доказательств. Тем не менее, дальнейшее совершенствование системы требует постоянного внимания и анализа не только в рамках национального судебного процесса, но и с учётом международных стандартов и практики. Развитие судебных доказательств и их эффективное использование в судебном процессе играют фундаментальную роль в обеспечении справедливости и защите прав и интересов граждан, а также в укреплении доверия к юстиции и правовому государству.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процесс: учебник / Под редакцией Л. В. Тумановой. - Москва: Проспект, 2019. - 411 с.
2. Нахова Е. А. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. - 2020. - № 2 (60). - С. 150-161. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://elibrary.ru/keyword_items.asp?id=2680812 (дата обращения: 25.03.2022).
3. Елисеев Н. Г. Основные понятия доказательственного права // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 1 - С. 45-48.
4. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X в. – 1917 г.) / сост. В. А. Томсинов. - М., 2000. - С. 4.

ЧУРАКОВА Екатерина Николаевна

старший преподаватель кафедры гражданского и арбитражного процесса Самарского государственного экономического университета

СКОРОХОДОВ Алексей Андреевич

магистрант Самарского государственного экономического университета, старший юристконсульт отделения исковой работы правового отдела ГУ МВД России по Самарской области

ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье приводится аналитическое исследование перспектив и возможностей развития российской судебной системы в разрезе информационно-технологического аспекта. Автором проведен краткий анализ существующих информационных систем, используемых в российском судебном процессе, также применены эмпирические методы познания для раскрытия перспективности актуального применения информационно-технологических систем в судебной системе Российской Федерации с точки зрения судебного представителя.

Ключевые слова: информационные технологии, доступность правосудия, информация, сеть Интернет, судебная система, видеоконференц-связь.

CHURAKOVA Ekaterina Nikolaevna

senior lecturer of Civil and arbitration process sub-faculty of the Samara State University of Economics

SKOROKHODOV Alexey Andreevich

magister student of the Samara State University of Economics, senior legal adviser of the Department of Claim Work of the Legal Department of the MIA of Russia in the Samara region

PROSPECTS OF TECHNOLOGICAL ACTUALIZATION OF THE JUDICIAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article provides an analytical study of the prospects and opportunities for the development of the Russian judicial system in the context of the information technology aspect. The author conducted a brief analysis of the existing information systems used in the Russian judicial process, and applied empirical methods of cognition to reveal the prospects of the actual application of information technology systems in the judicial system of the Russian Federation from the point of view of a judicial representative.

Keywords: information technology, accessibility of justice, information, Internet, judicial system, videoconferencing.

Выбранная тема следующим, доступность правосудия является приоритетной задачей судебной системы, она обеспечивается в первую очередь разнообразием способов обращения в судебные органы. Актуальной необходимостью является внедрение полноценных систем удаленного доступа лиц к правосудию, на всех ее стадиях, без потери доступности для тех, лиц, что не желают использовать цифровые системы по личным причинам.

В разрезе современной цифровизации всех сфер жизни первоочередной задачей всех государственных органов и в том числе судебных, является актуальность технологий, применяемых в процессе осуществления правосудия. Развитие в данной сфере происходит постоянно, но с учетом обширности системы и особенностей государственной деятельности, оно происходит достаточно медленно.

Разнообразие направлений развития также создает определенные сложности в выборе способов технологической актуализации судебной системы, поскольку невозможно одновременно быстро внедрить их все, в том числе ввиду ограниченности бюджетных ассигнований, выделяемых на эти цели.

Целью настоящего исследования является краткий анализ существующих информационных систем в сфере судебных органов, формирование предположений относительно перспективных возможностей технологической актуализации судебной системы Российской Федерации.

Существующая перегруженность судов, а также переход как граждан, так и организаций в сферу удаленной жизнедеятельности (через сеть «Интернет») влечет за собой огромный спрос на перевод деятельности государственных органов, в том числе судебных, в цифровую сферу.

Цифровизация судебной системы Российской Федерации получила большой толчок в развитии на фоне пандемии COVID-19, что подтверждалось председателем Верховного Суда РФ Вячеславом Лебедевым: «Пандемия коронавируса оказала существенное влияние на деятельность судебной системы по всему миру, заставив ее адаптироваться к новым условиям» [3].

Для цифровизации судебной системы судебным департаментом постоянно вводятся новые сервисы и системы, так уже реализуются системы подачи документов в электронном виде, в формате видеоконференции, удаленного уведомления о датах судебных заседаний.

Так, в России действует автоматизированная система ГАС «Правосудие», она как позволяет получать актуальную информацию о судебных органах, их правовом обеспечении, подсудно-

сти и иных, так и сведения о рассматриваемых делах, позволяет подавать процессуальные документы посредством сети «Интернет». Она формирует единую сеть всех судов общей юрисдикции России и аппарата Судебного департамента [5].

Наиважнейшим и первым этапом цифровизации судебной системы Российской Федерации является переход к электронному документообороту, как в рамках функционирования самих судов, так и обеспечения удаленного доступа лиц к судебным актам, это подразумевает создание хранилищ судебных актов в электронной форме, такой подход закреплен Федеральным законом от 23.06.2016 № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти», а также в ст. 214 ГПК РФ.

Не менее важным этапом является формирование системы уведомления лиц о датах судебных заседаний удаленно. В этом направлении делаются огромные шаги, так активно внедряется и уже функционирует система рассылки судебных уведомлений через электронный сервис Госуслуг, что должно снизить нагрузку на судебный аппарат. Активное использование электронного извещения пока наблюдается только в г. Москве. Данный вопрос обсуждался на совещании по вопросам расширения доступа граждан к правосудию с использованием цифровых технологий, прошедшем 21.07.2023, по результатам которого резюмировалось: «типовые технические процедуры судопроизводства, имеющие высокий потенциал для формализации, реализованы на базе разработанной в Московской области специальной системы автоматизации судопроизводства «Юнисервис», интегрированной с программными изделиями ГАС «Правосудие», широко и успешно используемой в Московском областном суде, а также во всех городских (районных) судах Московской области» [10].

В настоящее время подача документов в суды общей юрисдикции происходит посредством портала ГАС «Правосудие» после подписания его усиленной квалифицированной электронной подписью [6, 7, 8], что создает препятствия для использования ресурса большинством граждан, которые не обладают таковой.

Да, с точки зрения идентификации лица, подписавшего документ этот способ является наиболее приемлемым, однако усматривается и более простой способ, к примеру подписание документа усиленной неквалифицированной электронной подписью, как это происходит через «Личный кабинет налогоплательщика - физического лица» [8]. В то же время, иденти-

фицировать обычную подпись на бумажном документе не представляется возможным, и возникает противоречие в судебном процессе, которое заключается в том, что подать бумажный документ в суд посредством обычной почты намного проще и не требует дополнительных действий. Также усматривается возможность подачи документов просто через «Единый портал государственных и муниципальных услуг» который сам по себе подразумевает ограниченный доступ и достаточную идентификацию лица, подавшего документ.

К примеру, из Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных приказом Минцифры России от 17.04.2023 № 382 следует, что доставка по почтовому адресу пользователя услугами почтовой связи простых и заказных почтовых отправлений, пересылаемых в электронной форме, осуществляется при условии подтверждения пользователем услугами почтовой связи в системе Госуслуг согласия на получение заказных почтовых отправлений, пересылаемых в форме электронного документа, по почтовому адресу пользователя услугами почтовой связи, указанному в информационном сообщении организации федеральной почтовой связи [9].

В случае отсутствия такого согласия, организация федеральной почтовой связи осуществляет распечатывание на бумажном носителе простых и заказных почтовых отправлений, пересылаемых в форме электронного документа, а также их доставку (вручение) (пункт 59 Правил).

Огромным шагом в современном судебном извещении лиц стало введение 28.04.2023 п. 7 ст. 113 ГПК РФ, предусматривающего направление судебного извещения в электронном виде посредством единого портала Госуслуг.

Имеется реальная возможность автоматизировать систему извещения лиц в судебном процессе, посредством либо новой, отдельной системы, либо существующих. К примеру, возможно использовать систему «Мой Арбитр», обязав всех участников процесса проходить регистрацию и при принятии искового заявления извещение может незамедлительно направляться лицу, зарегистрированному в системе, аналогично обстоит дело с порталом государственных услуг [12].

Таким образом, является возможным и необходимым упрощение порядка приема документов судом в электронном виде.

Упрощение способов подачи электронных документов в суд однозначно повысит доступность правосудия и ускорит рассмотрение дел, поскольку документы чаще будут подаваться лицами заблаговременно. С этой точки зрения в настоящий момент наиболее развитой является система «Мой Арбитр», которая позволяет как подавать документы в электронном виде, так и знакомиться со всеми документами, поступившими в суд, в том числе с судебными актами в наиболее короткие сроки.

Весьма перспективной возможностью является ознакомление со всеми материалами дела в электронном виде через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», однако данная возможность реализована только в системе арбитражных судов России и только по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства. Эта система упрощает и ускоряет подготовку к делу сторон, повышает качество таковой и снижает сроки рассмотрения дела, что положительно скажется как на доступности правосудия, так и на снижении нагрузки на судебную систему в перспективе.

Существующая на данный момент система ознакомления с судебными актами судов общей юрисдикции является неудобной и требует доработки, так как получить надлежащим образом заверенную копию судебного акта в электронном виде (как это реализовано в системе Мой Арбитр) можно только по заявлению. Это усложняет не только доступ к документу, но также создает необходимость ждать судебный акт по почте или получить его нарочно, что влечет временные затраты для сторон и не позволяет в короткие сроки подать жалобу на него, соответственно растягивается процесс. Даже с учетом создания системы идентификации лиц (открытие доступа только идентифицированным сторонам при помощи усиленной квалифицированной электронной подписи, либо посредством единого портала государственных услуг) открывающиеся перспективы являются заманчивыми.

Диссонанс в функционале электронных сервисов арбитражных судов и судов общей юрисдикции постепенно сокращается и будет устраняться в дальнейшем. Для этого необходимо устранить различия в их процессуальном регулировании. После этого суды общей юрисдикции будут просто вынуждены перейти на практику электронного документооборота [13]. Согласно Федеральному конституционному закону от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» эта задача вверена Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации, однако процесс идет медленно [11].

Трудно представить, но даже с учетом современного уровня технологий в России имеют место суды, не имеющие технического оснащения, необходимого для осуществления большинства внедряемых систем, в том числе ВКС. На практике суды, перед удовлетворением ходатайства об участии посредством ВКС, всегда проверяют наличие технической возможности как у себя, так и у суда, через который она будет организовываться (вторая сторона) [1, 2, 4]. Данная проблема может решаться только постепенно с учетом бюджетных ассигнований, выделенных на эти цели.

Пристатейный библиографический список

1. Кассационные определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 марта 2022 г. № 88а-4134/2022 // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.2023). – Текст: электронный.
2. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19 апреля 2022 г. № 88а-6648/2022 // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.2023). – Текст: электронный.
3. Лебедев сообщила, что в период пандемии судебная система перешла на цифровые технологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/18066395> (дата обращения: 17.10.23).
4. Определение ВС РФ от 15 февраля 2022 г. № 74-КГ21-8-К9 // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.2023). – Текст: электронный.
5. Портал технической поддержки Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://techportal.sudrf.ru/?id=234> (дата обращения: 17.10.23).
6. Положение о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденное Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2017 // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.2023). – Текст: электронный.
7. Положение о порядке размещения текстов судебных актов на официальных сайтах Верховного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденное Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2017 // Доступ из справ. -правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.2023). – Текст: электронный.
8. Положение по созданию и сопровождению официальных Интернет-сайтов судов общей юрисдикции Российской Федерации (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 24.11.2004) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/m10/news/tax_doc_news/5846491/
9. Правила оказания услуг почтовой связи, утвержденных приказом Минцифры России от 17.04.2023 № 382 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/m10/news/tax_doc_news/5846491/
10. Состоялось совещание по вопросам расширения доступа граждан к правосудию с использованием цифровых технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/press_center/news/32662/ (дата обращения: 17.10.23).
11. Зеленцов А. Б., Натрошвили Г. И. Цифровое обеспечение административного правосудия в условиях построения «электронного государства»: некоторые теоретические вопросы // Административное право и процесс. 2020. № 12.
12. Шикина Д. В., Шумов П. В. Некоторые проблемы надлежащего извещения лиц, участвующих в арбитражном судопроизводстве // Дневник науки. 2020. № 6 (42). С. 62.
13. Шатковская Т. В., Гончаров Е. И. Электронный документооборот в судебной системе Российской Федерации. Проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-238-240

КУДРЯВЦЕВА Лариса Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар

КОНДРА Алиса Васильевна

студент 3-го курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар

СЕДОВА Анастасия Александровна

студент 3-го курса Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА В РОССИИ

Данная работа посвящена правовому регулированию института суррогатного материнства в Российской Федерации. Авторы рассматривают воздействие норм семейного права на общественные отношения, связанные с суррогатным материнством. Помимо этого, в работе использованы нормативные акты Правительства и Министерства здравоохранения. В статье затрагиваются актуальные на данный момент пробелы в законодательстве, приводится судебная практика. Рассматриваются такие важные аспекты как субъекты правоотношений и их правовой статус. Посредством анализа нормативно-правовой базы авторами выделяются проблемы, существующие на данный момент. Вместе с тем в статье предложены пути их решения с помощью изменения законодательства.

Ключевые слова: суррогатное материнство, вспомогательные репродуктивные технологии, семейное право, гражданское право, здравоохранение.

KUDRYAVTSEVA Larisa Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of International private and business law sub-faculty of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar

KONDRA Alisa Vasiljevna

student of the 3rd course of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar

SEDOVA Anastasiya Alexandrovna

student of the 3rd course of the Faculty of Law of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF SURROGACY IN RUSSIA

This work is devoted to the legal regulation of the institution of surrogacy in the Russian Federation. The authors consider the impact of family law norms on social relations related to surrogacy. In addition, the work used regulations of the Government and the Ministry of Health. The article touches on currently relevant gaps in legislation and provides judicial practice. Such important aspects as subjects of legal relations and their legal status are considered. By analyzing the regulatory framework, the authors highlight the problems that currently exist. At the same time, the article suggests ways to solve them by changing legislation.

Keywords: surrogacy, assisted reproductive technologies, family law, civil law, healthcare.

В соответствии с Основным законом Российской Федерации (статье 7)¹ Россия признается социальным государством, в котором обеспечивается поддержка семьи. В связи с этим Российская Федерация активно проводит внутреннюю государственную политику в отношении упомянутого института, предоставляя гражданам как можно больше возможностей для реализации прав и интересов, создавая благоприятные условия для создания семьи. Вследствие государственной политики было легализовано суррогатное материнство. На сегодняшний день оно является одним из видов вспомогательных репродуктивных технологий. По различным причинам актуальность проблемы невозможности выносить и родить ребенка с каждым годом усугубляется, однако благодаря научно-техническому прогрессу лица, которые желают, но не могут иметь ребенка, в силах справиться с возникшей проблемой посредством заключения договора о суррогатном материнстве. Легализация суррогатного материнства на территории российского государства позволила многим людям удовлетворить базовую потребность по продолжению рода. Однако на данный момент часть действующего российского законодательства, направленная на регулирование суррогатного материнства, не в полной мере охватывает связанные с ним правовые отношения. Это создает опасность нарушения права для каждого субъекта правоотношений в сфере суррогатного материнства со стороны другого субъекта, а самое главное – ребенок находится в наиболее уязвимом положении.

Из легального определения² следует, что, прежде всего, суррогатное материнство является соглашением между субъектами

данных правоотношений. Договор о суррогатном материнстве регулируется гражданско-правовыми нормами, однако в юридической литературе ведутся споры об отрасли права, которой должны регулироваться рассматриваемые соглашения. Сторонники применения норм гражданского права аргументируют свою позицию прежде всего тем, что в соответствии со статьей 2 СК РФ³ нормы семейного права регулируют правовые отношения между членами семьи (либо иными видами, указанными в законе), а договор суррогатного материнства влечет возникновение правоотношений между лицами, которые желают воспользоваться услугами, предоставляемыми суррогатной матерью, и самой суррогатной матерью. Однако приверженцы наличия у договора суррогатного материнства именно семейно-правового характера в пользу своей позиции приводят тот факт, что подобные правовые отношения касаются института семьи и на данный момент доминирующее влияние в качестве прямого указателя на рассматриваемые правоотношения оказывает именно семейное право. В юридической литературе есть точка зрения среди таких ученых, что основой договора суррогатного материнства является не удовлетворение материальной потребности, а реализация базовой потребности по продолжению рода, которая невыполнима у конкретной женщины в связи с не зависящими от нее причинами. Одним из аргументов также является схожесть договора суррогатного материнства с возмездным оказанием услуг. Но нельзя не брать во внимание тот факт, что суррогатное материнство в России осуществляется в двух формах в зависимости от получаемого или не получаемого вознаграждения суррогатной матерью: на возмездной и безвозмездной основе, а правовое регулирование одного института различными нормами права не представляется целесообразным. Оптимальным вариантом развития института суррогатного материнства является межотраслевой характер, ко-

1 Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2020).

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // «Российская газета». – № 263. – 23.11.2011.

3 Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996.

торый позволит регулировать суррогатное материнство посредством норм как гражданского, так и семейного права.

В условиях нынешнего развития российского законодательства правового регулирования суррогатного материнства основывается на следующих нормативно-правовых актах: Семейный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года, Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» № 143-ФЗ от 15 ноября 1997 года⁴, Приказ Министерства здравоохранения РФ № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях их применению» от 31 июля 2020 года⁵.

Суррогатное материнство упоминается в Семейном кодексе Российской Федерации. Указанный закон регулирует защиту суррогатной матери, дает данному субъекту правоотношений исключительное право на согласие, чтобы лица, которые воспользовались ее услугами, могли зарегистрироваться в книге записей рождения лиц новорожденного (ст. 51 СК РФ), а также в вопросах, оспаривания материнства и отцовства со стороны лиц, воспользовавшихся услугой, действует запрет на данные действия (ст. 52 СК РФ). Необходимость на получение согласия от суррогатной матери при подаче заявления о рождении ребенка, к тому же, устанавливается пунктом 5 статьи 16 в вышеупомянутом Федеральном законе № 143, что подкрепляет правовое положение суррогатных матерей. Подобные правовые нормы обуславливаются тем, что у суррогатной матери может возникнуть психологическая связь с ребенком, в результате чего их разлука может быть травмой и для суррогатной матери, и для ребенка. Однако мы придерживаемся позиции А. А. Савицкой и Л. В. Кудрявцевой [1] о том, что следует внести корректировки в рассматриваемые правовые положения посредством дополнения п. 2 ст. 51 СК РФ, в связи с которой бы возникала необходимость наличие согласия суррогатной матери на передачу, которое осуществлялось посредством подписания соответствующего документа еще до зачатия, с условием того, что документ приобретает юридическую силу сразу после подписания, а не после его подтверждения в момент рождения ребенка. Подобное нововведение позволит оградить как суррогатную мать, так и лиц, пользующихся данными услугами, от потенциального отказа от другой стороны договора.

Недостаточное правовое регулирование, выражающееся в отсутствии правовых положений, регламентирующих гражданско-правовую ответственность в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения договора одной из сторон, приводит к тому, что субъекты правовых отношений, которые возникают на основе договора о суррогатном материнстве, находятся в уязвимом положении. Особенно это касается генетических родителей, поскольку законодатель дает суррогатной матери права, рассмотренные выше, в соответствии с которыми она может не отдавать ребенка и расторгнуть договор в одностороннем порядке, за что для нее не наступит никаких юридических последствий. В целях защиты лиц, пользующихся услугами суррогатной матери, есть необходимость также ввести гражданско-правовую ответственность, которая будет являться потенциальным последствием для каждой из сторон при отказе от исполнения договора одной из сторон. Данные нововведения возможны, поскольку, как отмечают Л. В. Кудрявцева, С. А. Куемжиева и Л. В. Масленникова в своей работе [2], нарушение предписаний семейного законодательства может повлечь за собой различные виды ответственности помимо семейно-правовой, в том числе гражданско-правовую. Она может проявляться как возмещение убытков в связи с неисполнением договора и возмещение морального вреда, а также другие формы могут прописываться в самом соглашении, если они не противоречат закону.

Одним из способов защиты прав суррогатной матери является обязанность лиц, обращающихся за ее услугами, проинформировать ее о своем заболевании, упомянутом в законе, таким как ВИЧ или гепатит В и С. Также получить полное информированное согласие от суррогатной матери перед переносом эмбриона в соответствии с Приказом Минздрава РФ № 803н. Вместе с тем в данном нормативно-правовом акте прописано, что врач-инфекционист соответствующего медицинского учреждения должен проконсультировать суррогатную мать в подобном случае и предупредить о потенциальных рисках для ее здоровья.

По нашему мнению, правовое регулирование семейным законодательством является неполным и требует закрепления

большого количества правовых положений, регулирующих суррогатное материнство, поскольку многие его аспекты, имеющие семейно-правовой характер, не урегулированы. Например, остается не решенным вопрос о тайне суррогатного материнства. Если в статье 139 СК РФ устанавливается законодательный запрет на разглашение сведений об усыновлении, имеется ли необходимость в подобном средстве в отношении суррогатного материнства. Важно учитывать, что нарушение тайны о суррогатном материнстве, как и нарушение тайны об усыновлении, может повлечь за собой последствия негативного характера в качестве психологического потрясения ребенка, которое ни в коем случае нельзя допускать. Подобный факт является достаточно весомым для того, чтобы законодатель включил в семейный кодекс концепцию «тайны о суррогатном материнстве». Однако в соответствии с данными предложениями возникает вопрос и о том, должно ли быть привлечено к уголовной ответственности лицо, нарушившее тайну суррогатного материнства, обладает ли нарушение тайны суррогатного материнства такой же общественной опасностью, как тайна усыновления, или имеет более легкую степень. Данные вопросы непосредственно затрагивают права и интересы ребенка, в связи с чем имеют важное значение при законотворчестве, затрагивающем институт суррогатного материнства.

На наш взгляд, особое внимание необходимо уделить определению критериев, кто может являться суррогатной матерью и лицами, пользующимися услугами суррогатного материнства. Подобные меры направлены прежде всего на усиление безопасности для субъектов правоотношений. Например, женщина из-за усиленного альтруизма или желания получить выгоду, не зная, что вынашивание и роды по состоянию ее здоровья пагубно повлияют на нее, нацелена оказать услуги суррогатного материнства, не подозревая о последствиях. В целях недопущения подобных случаев Министерство здравоохранения РФ издает приказ от 30 августа 2012 № 107н⁶, который закрепляет требования, необходимые для того, чтобы женщина могла стать суррогатной матерью. Прежде, чем провести анализ Приказа Министерства здравоохранения РФ № 107н, необходимо указать, что на данный момент он утратил юридическую силу в соответствии с Постановлением Правительства РФ⁷. Однако данный нормативно-правовой акт имеет ценность в исследовании тенденции развития суррогатного материнства в России. Требованиями к суррогатным матерям в соответствии со статьей 78 указанного выше документа относились:

- возраст (он должен быть в рамках от 20 до 35 лет, данный период жизни женщины является наиболее оптимальным для деторождения);

- наличие не менее одного собственного здорового ребенка; данным фактом должна быть обусловлена способность женщины, к которой будет пересажен эмбрион, к вынашиванию и деторождению, результат которых будет успешным;

- подтверждение удовлетворительного состояния здоровья посредством получения медицинского заключения, которое может подтвердить, что на момент обследования нет никаких видимых признаков того, что суррогатное материнство может нанести вред женщине или формирующемуся плоду;

- дача согласия на медицинское вмешательство (законодательным установлено, что согласие должно быть в письменной форме, а женщина должна быть полностью информирована о дальнейшей деятельности);

- получение согласия от супруга женщины, которая желает стать суррогатной матерью (если таковой имеется), указанное правовое положение позволяет защищать права и интересы не только лиц, непосредственно участвующих в процессе суррогатного материнства, но и лиц, которых затрагивают данные правовые отношения.

Критерии, наличие которых необходимо для того, чтобы стать суррогатной матерью, защищали саму женщину от негативных воздействия и потенциальных проблем в связи исполнением обязательств. Возникающих на основе заключенного договора суррогатного материнства. Однако актуальным является вопрос о том, как на данный момент регламентируются требования к сур-

6 Приказ министерства здравоохранения от 30 августа 2012 года № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 № 27010). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

7 Постановление Правительства РФ от 17 июня 2020 года № 868 «О признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации и об отмене некоторых актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю при осуществлении государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru.

4 Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // «Российская газета». – № 224. – 20.11.1997.

5 Приказ министерства здравоохранения РФ от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ 19.10.2020 № 60457). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

рогатным матерям, учитывая тот факт, что Приказ Министерства здравоохранения № 107 утратил свою силу. Неопределенность этого аспекта допускает потенциальные проблемы правового регулирования рассматриваемого нами института и различного рода столкновения интересов субъектов правоотношения на практике.

Мы считаем важным осветить тот момент, что требования также устанавливаются и для другой стороны договора – лиц, желающих воспользоваться услугами суррогатного материнства. В соответствии с семейным законодательством (ст. 51 СК РФ) анализируемый в данной статье договор могут заключать: лица, состоящие в браке (то есть мужчина и женщина, поскольку в соответствии с Основным законом РФ браком признается союз только мужчины и женщины) или одинокая женщина.

Тем не менее интересной представляется судебная практика по делу № 2-639/2019⁸, рассматриваемому в Санкт-петербургском Дзержинском районном суде. Заявителями являются мужчина и женщина, которые воспользовались рассматриваемой услугой. Суррогатная мать благополучно выносила ребенка и родила его. Однако, когда истцы обратились в Отдел регистрации актов гражданского состояния о рождении с целью государственной регистрации как родителями новорожденного, им было отказано. Стоит отметить, что были представлены все документы, подтверждающие, что данные лица заключали договор суррогатного материнства, а также в соответствии со ст. 51 СК РФ нотариально заверенное согласие суррогатной матери на их запись в качестве родителей. Однако мужчине и женщине органом государственной власти было отказано, поскольку данные лица не состояли в браке, что противоречит пункту 4 статьи 51 СК РФ и пункту 5 статьи 16 N143 (на данные правовые нормы при отказе орган государственной власти и ссылался). Наиболее интересным является решение суда. Разрешено было дело в пользу истцов, а в решении указано, что в соответствии с частью 3 статьи 19 Основного закона Российской Федерации представители мужского и женского пола имеют равные права, а также возможности для их реализации. Не исключением и является право мужчины и женщины, не состоящих в браке, на рождение ребенка и создание семьи. Особое внимание стоит обратить на тот факт, что одинокой женщине на законодательном уровне разрешено пользоваться услугами, рассматриваемыми в данной статье, а об одиноких мужчинах законодатель не упоминает, в связи с чем можно сделать вывод, что прямого запрета на данные действия нет. Также суд ссылается на правовые нормы, регламентирующие права ребенка, поскольку в данных правоотношениях он является наиболее уязвимым лицом. По данной причине суд обращает внимание на нормы семейного законодательства, в соответствии с которым ребенок регистрируется сразу же после рождения, к тому же, имеет право знать своих родителей и право на их заботу (в соответствии со статьей 54 СК РФ). Таким образом, рассматриваемое дело было разрешено в пользу истцов и суд обязал Отдел регистрации актов гражданского состояния зарегистрировать истцов как родителей новорожденного.

Не совсем точно законодательство отвечает на вопрос о том, может ли одинокий мужчина прибегнуть к заключению договора о суррогатном материнстве. В нормативно-правовых актах, закрепляющих перечень лиц, пользующихся услугами суррогатного материнства, одинокие мужчины отсутствуют, в связи с чем возникают соответствующие вопросы. Ответ на них можно найти в судебной практике 2021 года⁹. Как известно из содержания документа, гражданин Т. в 2019 году воспользовался услугами суррогатного материнства и вследствие этого был зарегистрирован в качестве отца. Также стоит упомянуть, что в свидетельстве о рождении в графе «мать» был прочерк. В том же году гражданин Т. вступил в брак. После этого гражданин Т. обратился в территориальный орган пенсионного фонда РФ с заявлением о выдаче государственного сертификата на материнский (семейный) капитал, ему было отказано, поскольку он не относится к кругу лиц, установленному законом¹⁰. В связи с описанными сведениями суд

разобрал данный вопрос и пришел к выводу о том, что противоречие статьи 3 Федерального закона статьям 7, 19, 38, 39 и 55 Конституции РФ ставит отцов детей, рожденных суррогатной матерью, в неравное положение с мужчинами, являющимися единственными усыновителями детей, которые наделены подобным правом. Таким образом, из данного правового акта ясно то, что, во-первых, на практике одинокие мужчины так же, могут заключать договор о суррогатном материнстве, и, во-вторых, выявляется пробел в правовом регулировании рассматриваемого нами правового института - отсутствие указания отцов детей, рожденных суррогатной матерью, как лиц, имеющих право на дополнительные меры государственной поддержки. В связи с этим представляется целесообразным внести изменения в статью 3 ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» № 256-ФЗ, добавив в перечень лиц, имеющих право на меры государственной поддержки, отцов двух и более детей, рожденных суррогатной матерью.

Возвращаясь к вопросу о требованиях к лицам, пользующимся услугами суррогатного материнства, необходимо отметить, что женщины (одинокие или состоящие в браке), желающие заключить рассматриваемый договор, должны иметь медицинские показания. Они закрепляются в Приказе Министерства здравоохранения РФ №803н, к таковым относятся: отсутствие матки, патология эндометрия, первичный выкидыш, не связанный с генетической патологией и другие.

Обязательным условием является гражданство лиц, пользующихся услугами суррогатного материнства. Так, в статье 51 СК РФ закрепляется, что на заключение данного договора имеют право только лица, находящиеся в браке, если у одного из них или обоих есть гражданство Российской Федерации, либо одинокая женщина, также являющаяся гражданкой Российской Федерации. Подобное требование появилось относительно недавно, оно проявляется в законодательном закреплении необходимости иметь гражданство Российской Федерации, которая защищает как суррогатную мать от нарушения ее прав, так и ребенка.

В связи с недостаточным правовым регулированием субъектов правовых отношений, которые возникают на основании рассматриваемого нами в данной статье договора о суррогатном материнстве, находясь в уязвимом положении по отношению друг к другу. Как было выявлено в процессе анализа законодательства, их права не в полной мере защищены от посягательства другой стороны соглашения. При подведении итогов необходимо обратить внимание и на то, что нерешенным вопросом также остается характер правовой природы договора о суррогатном материнстве и должен ли он регулироваться гражданско-правовыми или семейно-правовыми нормами. Также недостаточно точно регламентирован вопрос о лицах, которые могут пользоваться услугами суррогатного материнства, а именно лица, не состоящие в браке, и одинокие мужчины, поскольку несмотря на отсутствие упоминания их как возможных субъектов правовых отношений, связанных с суррогатным материнством, судебная практика демонстрирует, что подобные случаи возможны. В связи с этим представляется целесообразным внести лиц, не состоящих в браке, и одиноких мужчин в правовые положения, регламентирующие лиц, у которых есть возможность воспользоваться услугами суррогатного материнства. В целях сохранения психологического благополучия ребенка, появившегося в результате суррогатного материнства, также необходимо внести концепцию о тайне суррогатного материнства в Семейный кодекс РФ. Представляется целесообразным внести в нормативно-правовые акты, регламентирующие круг лиц, имеющих право пользования услугами суррогатного материнства, таких категорий как одинокие мужчины, имеющие российское гражданство, и лица, не состоящие в браке, одно из которых является гражданином РФ. Но особое внимание при законотворчестве в сфере суррогатного материнства стоит обратить на тот факт, что центровое место в данных правовых отношениях занимает именно ребенок, который может попасть в беспомощное состояние в связи с чем правовое регулирование договора о суррогатном материнстве должно исходить прежде всего из его интересов и благополучия.

Пристатейный библиографический список

1. Савицкая А. А., Кудрявцева Л. В. Актуальные проблемы правового регулирования суррогатного материнства // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. – 2019. – С. 1394-1398.
2. Кудрявцева Л. В., Куемжиева С. А., Масленникова Л. В. Актуальные проблемы семейного права: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ, 2020. – 101 с.

8 Решение Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербург от 25.02.2019 № 2-639/2019 // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/>

9 Постановление Конституционного суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Канаковского городского суда Тверской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 30.06.2021.

10 Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // «Российская газета». – № 297. – 31.12.2006.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-241-243

ГОРЕЛОВ Роман Олегович

аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения Российского государственного университета правосудия

Горелов Р. О.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СРОЧНЫХ ТРУДОВЫХ ДОГОВОРОВ

В статье раскрывается понятие, сущность срочного трудового договора, трудовые гарантии работника, осуществляющего деятельность по срочному трудовому договору. Выясняется, что такие договоры могут снижать защищенность работника тем, что позволяют недобросовестному работодателю увольнять работника по истечению срока договора, а также многократно продлевать срочный трудовой договор на более длительные периоды или с большим количеством продлений, чем разрешено применимым законодательством. Рассматривается зарубежный опыт правового регулирования данного вопроса. Анализируются проблемы правового регулирования заключения и прекращения трудового договора в Российской Федерации, а также судебная практика по данной категории споров. Вносятся предложения, направленные на совершенствование трудового законодательства, обеспечение единообразия судебной практики и, в конечном счете, защиты прав и законных интересов работников, осуществляющих трудовую деятельность по срочному трудовому договору.

Ключевые слова: срочный трудовой договор, работник, работодатель, срок, заключение, перезаключение, злоупотребление, суд.

GORELOV Roman Olegovich

postgraduate student of Labor law and social security law sub-faculty of the Russian State University of Justice

THE PROBLEMS OF CONCLUDING FIXED-TERM EMPLOYMENT CONTRACTS

The article reveals the concept, the essence of a fixed-term employment contract, and the labor guarantees of an employee engaged in activities under a fixed-term employment contract. It turns out that such contracts can reduce the employee's security by allowing an unscrupulous employer to dismiss an employee after the expiration of the contract, as well as repeatedly extend a fixed-term employment contract for longer periods or with more extensions than permitted by applicable law. The foreign experience of legal regulation of this issue is considered. The problems of legal regulation of the conclusion and termination of an employment contract in the Russian Federation, as well as judicial practice in this category of disputes, are analyzed. Proposals are being made aimed at improving labor legislation, ensuring uniformity of judicial practice and, ultimately, protecting the rights and legitimate interests of employees engaged in work under a fixed-term employment contract.

Keywords: fixed-term employment contract, employee, employer, term, conclusion, renegotiation, abuse, court.

Срочные трудовые договоры используются для того, чтобы работники организации работали в течение определенного периода времени или над определенным проектом.

Срочная занятость является законным и универсальным вариантом договора, используемым на различных рабочих местах по целому ряду причин. Срочная занятость может использоваться для замещения работника, находящегося в отпуске по уходу за ребенком, для конкретных проектных работ (выходящих за пределы уставной деятельности организации). Срочная занятость позволяет работодателям удовлетворять временные потребности в рабочей силе, возникающие в постоянно меняющейся деловой среде.

Работники, осуществляющие трудовую деятельность по срочному трудовому договору, имеют те же права, что и работники, осуществляющие трудовую деятельность по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок. Работник, работающий по срочному договору, имеет в том числе право на:

- равную заработную плату и условия труда,
- право на оплачиваемые отпуска и пособия по временной нетрудоспособности,
- на пенсионное обеспечение,
- и другие социально-трудовые гарантии.

Работники, работающие по срочному договору, защищены законодательством и должны рассматриваться так же, как и работники, осуществляющие деятельность по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок, за исключением особенностей связанных со срочностью трудовых отношений.

К сожалению, на практике достаточно часто со стороны работодателей может иметь место дискриминация работников, в зависимости от вида трудового договора, например, в некоторых случаях, работодатели предоставляют работникам, осуществляющим деятельность по срочному трудовому договору, более высокую заработную плату чем работникам, осуществляющим трудовую деятельность по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок с целью принудить работника изменить вид трудового договора на срочный¹.

Основной подход в части срочных трудовых отношений заключается в том, что их заключение допускается, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопре-

1 Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.03.2023 № 88-7811/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

деленный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения.

При этом в современном законодательстве Российской Федерации имеются исключения, предусмотренные частью второй статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации, а именно допускается заключение срочного трудового договора с учетом, в том числе особенностей личности работника без учета предстоящей работы и условий ее выполнения. К случаям, относящимся к личности работника, можно отнести заключение срочного трудового договора с поступающими на работу пенсионерами по возрасту; с лицами, получающими образование по очной форме обучения; с лицами, поступающими на работу по совместительству.

На мой взгляд, такой подход противоречит статье 19 Конституции Российской Федерации, поскольку ставит работника в неравное положение с другими лицами, претендующими на аналогичную работу, что в том числе отмечалось в Особом мнении Судьи Конституционного Суда Российской Федерации О. С. Хохряковой (положение абзаца 3 части 2 статьи 59 ТК РФ ставит пенсионеров в худшее положение по сравнению с другими гражданами, ограничивает равенство возможностей для этой категории лиц при реализации ими своих способностей к труду, а потому допустимость такого ограничения должна оцениваться с точки зрения требований как статьи 37 (часть 1) Конституции Российской Федерации, так и ее статей 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3)².

Таким образом, за исключением отдельных положений общее правило заключается в том, что срочные трудовые договоры не могут заключаться для осуществления постоянной работы, связанной с нормальной и постоянной деятельностью работодателя. Указанный подход, в том числе нашел свое отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П, которое исключило правовую неопределенность в части применения абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации (указанный абзац Трудового кодекса Российской Федерации не предполагает заключения с работником срочного трудового договора в целях обеспечения исполнения обязательств работодателя по заключенным им гражданско-правовым договорам об оказании услуг, относящихся к его уставной деятельности³).

То есть срочные трудовые договоры должны заключаться по объективным основаниям, за исключением отдельных особенностей, установленных в законодательстве Российской Федерации. Ограничение возможных оснований необходимо, учитывая частые злоупотребления работодателями при заключении срочных договоров, в том числе, считаю, что должны быть исключены особенности, связанные с личностью работника.

Срочные трудовые договоры могут снижать защищенность работника тем, что позволяют недобросовестному работодателю увольнять сотрудников по истечении срока договоров без формального нарушения трудового законодательства, но фактически – по своему желанию. Как правило, увольнение осуществляется путем отказа работодателя в перезаключении или пролонгации срочного трудового до-

говора, даже если ранее им уже неоднократно совершались такие действия и трудовой договор, исходя из принципов, отраженных в законодательстве и в разъяснениях высших судебных инстанций, должен считаться заключенным на неопределенный срок. Следует отметить, что за исключением отдельных случаев (например, продление срочного трудового с беременной женщиной в случае, предусмотренном ч. 2 статьи 261 ТК РФ) законодательство Российской Федерации не предусматривает возможности пролонгации срочного трудового договора, хотя такие действия работодателей в некоторых случаях признаются судом законными⁴.

В большинстве зарубежных стран злоупотребления, связанные с такой договорной практикой, могут иметь место, когда они используются для деятельности, характер которой не является временным, или когда они продлеваются на более длительные периоды или с большим количеством продлений, чем разрешено законом.

Такие случаи уже существовали в конце 1990-х годов, когда на европейском уровне были приняты некоторые положения для решения данной проблемы. В целях повышения качества срочных работ и для предотвращения злоупотреблений, возникающих в результате использования последовательных срочных трудовых договоров, межпрофессиональные организации европейских социальных партнеров заключили Европейское рамочное соглашение о срочных договорах от 18 марта 1999 года (ETUC и др., 1999), позднее перенесенное в Директиву 1999/70/ЕС⁵.

Согласно п. 7А Постановления Великобритании 2002 года № 2034 «О работниках, работающих по срочному трудовому договору (предотвращение неблагоприятного обращения)», сотрудники со срочным договором, которые непрерывно работали в течение четырех и более лет по ряду последовательных срочных договоров, будут автоматически рассматриваться как постоянные сотрудники (то есть нанятые по бессрочному договору), за исключением случаев, когда дальнейшее использование срочного договора не может быть объективно оправдано⁶.

В Норвегии максимальный срок занятости по срочным трудовым договорам у одного работодателя, независимо от количества их перезаключений, составляет четыре года [2].

Положения Трудового кодекса Польши определяют следующие ограничения при оформлении срочных трудовых договоров одними и теми же сторонами. Первое ограничение относится к продолжительности трудовой деятельности, которая не может суммарно превышать 33 месяцев, причем это ограничение может быть использовано единовременно или по частям. Другое ограничение касается количества срочных договоров, при этом таких договоров может быть максимум три.

Продолжительность интервалов между последующими срочными трудовыми договорами не имеет значения для определения того, были ли соблюдены ограничения. Даже

2 Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2007 № 378-О-П. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102063711&backlink=1&nd=102116361&rdk=>.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202005210030>.

4 Апелляционное определение Московского городского суда от 02.07.2019 по делу № 33-29160/2019 @ @ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.07.2017 № 33-12722/2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

5 Council Directive 1999/70/EC of 28 June 1999 concerning the framework agreement on fixed-term work concluded by ETUC, UNICE and CEEP // Official Journal of the European Communities. – 1999. – Vol. 10. 7. – Art. L 175/43.

6 The Fixed-term Employees (Prevention of Less Favourable Treatment) Regulations 2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2002/2034>.

если интервалы длятся более 1 месяца, будет приниматься во внимание продолжительность работы по каждому договору и общее количество таких договоров.

В результате превышения вышеуказанных пределов работник считается принятым на работу по постоянному трудовому договору. Если превышен лимит продолжительности трудового договора, последствия наступают по окончании 33 месяцев; если превышен лимит общего количества договоров, последствия наступают, после заключения сторонами четвертого срочного договора. Нарушение любого из ограничений влечет признание этого трудового постоянным.

Данные правила не распространяются на срочные договоры, заключенные с определенной целью, а именно: для замены работника во время его отсутствия на работе по уважительной причине, для выполнения случайной или сезонной работы, для выполнения обязанностей в течение срока полномочий, если работодатель укажет объективные причины, приписываемые работодателю. Оценка того, заключен ли срочный трудовой договор по объективным причинам, относимым на счет работодателя, должна производиться индивидуально с учетом обстоятельств конкретного случая⁷.

Правовое регулирование срочного трудового договора в Российской Федерации не лишено недостатков. При этом судебная практика по многим вопросам, связанным со срочными трудовыми отношениями, не является единообразной ввиду сложности данного вопроса и отсутствия в некоторых случаях четкого правового регулирования, как например, в некоторых европейских странах.

Существует также проблема многократного перезаключения срочных трудовых договоров или их пролонгации.

На мой взгляд, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в Постановлении от 17.03.2004 № 2⁸ с учетом неоднородности судебной практики, требуют актуализации, в том числе в части добавления понятия «многократность», «непродолжительный срок», и какие обстоятельства дела должны учитываться судом. Единообразии судебной практики в отношении конкретного трудового спора при действующих разъяснениях Верховного Суда РФ может быть невысоким [3].

Изучение судебной практики по данному вопросу демонстрирует, что даже случаи неоднократного перезаключения срочных договоров, оформленных на короткий срок, очень редко приводят к выводу суда о неопределенном сроке договора⁹. В случаях признания его таковым¹⁰, суды стремятся обосновать свое решение не только фактом многократного перезаключения, но и дополнительными обстоятельствами из конкретного дела.

Чаще всего суды указывают на заключение договора на определенный срок с нарушением ч. 5 ст. 58 ТК РФ. Таким образом, сама по себе многократность почти никогда не признается судами самостоятельным основанием квалификации

трудоустройства в качестве заключенного на неопределенный срок [1, с. 20-23].

Ввиду неоднозначности судебной практики о признании условия о сроке трудового договора недействительным в случаях многократного перезаключения, полагаю, следует использовать вышеуказанный опыт зарубежных стран и нормативно закрепить правило об утрате силы условия о сроке трудового договора при превышении максимального количества перезаключений и/или суммарного срока договора, если между схожими срочными договорами не было перерыва или он был очень коротким.

Для этого предлагается установить положение о том, что, если трудовой договор с работодателем перезаключается в течение шести месяцев или менее с момента прекращения предыдущего срочного трудового договора или общий срок договоров составляет более трех лет, договор считается заключенным на неопределенный срок. При перезаключении договора три и более раз, договор считается оформленным на неопределенный срок.

Также ВС РФ целесообразно разъяснить содержание понятий многократности, непродолжительного срока, а также какие обстоятельства дела должны учитываться судом при принятии решения.

Данные меры предотвратят неоднократное необоснованное заключение срочных договоров и соответствующее ущемление трудовых прав работников. Четкие формулировки нормативных актов должны быть введены с целью воспрепятствовать работодателям повторно нанимать работников по последовательным срочным трудовым договорам.

Пристатейный библиографический список

1. Лютов Н. Л. Срочный трудовой договор как инструмент неустойчивой занятости: многократное перезаключение и возможность заключения с научно-педагогическими работниками // Трудовое право в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 20-23.
2. Международная организация труда. Правовое регулирование трудовых отношений в Европе и Центральной Азии: руководство к Рекомендации № 198. – Женева: МВТ, 2014.
3. Бобков В. Н., Войтковская И. В., Головина С. Ю. и др. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости: монография / Под ред. Н. Л. Лютова, Н. В. Черных. – Москва: Проспект, 2022.

7 The Labour Code z dnia 23 grudnia 1997 r. (Dz.U. tłum. gb 1998 Nr 21, poz. 94). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supertrans2014.files.wordpress.com/2014/06/the-labour-code.pdf>.

8 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

9 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 № 78-КГ23-19-К3 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

10 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2023 № 88-20549/2023 по делу № 2-171/2023 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Консультант Плюс».

КУЧИНА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА КАДРОВ*

В статье исследуется вопрос о сферах и уровнях образования, способного за счет инвестиций, прежде всего, со стороны государства наиболее быстро помочь в решении проблемы дефицита кадров. Автор обосновывает необходимость обновления федерального проекта «Содействие занятости» с точки зрения расширения участвующих в ней граждан, а также защиты государственных инвестиций. Также автор считает целесообразным повышение статуса профессиональных стандартов и среднего профессионального образования в целях снижения избыточного образования работников.

Ключевые слова: человек труда, Трудовой кодекс, образование, дефицит кадров, инвестиции, квалификационные требования, государственная политика, избыточное образование, содействие занятости

KUCHINA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Labour Law sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

ON THE ISSUE OF INCREASING THE EFFICIENCY OF INVESTING IN WORKING PERSON EDUCATION IN CONDITIONS OF PERSONNEL SHORTAGE**

The article examines the issue of areas and levels of education that can most effectively help solve the problem of personnel shortages, primarily through investment from the state. The author substantiates the need to update the federal project "Promotion of Employment" from the point of view of expanding the citizens participating in it, as well as protecting public investments. The author also considers it appropriate to increase the status of professional standards and secondary vocational education in order to reduce the overeducation of workers.

Keywords: working person, Labor Code, education, personnel shortage, investment, qualification requirements, public policy, overeducation, promotion of employment.

Кучина Ю. А.

Поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., направленные на создание условий устойчивого экономического роста, повышения благосостояния российских граждан, вернули в конституционный оборот термин «человек труда», активно используемый в советский период, когда «социалистический строй впервые в истории ликвидировал главную причину социальной несправедливости — эксплуатацию человека человеком, неравенство по отношению к средствам производства. Человек труда, создающий все богатства общества, стал их непосредственным хозяином» [1, с. 43].

Достойный уважения согласно ст. 75.1 Конституции РФ человек труда одновременно рассматривается и как экономическая категория; для его дальнейшего развития «необходимы значительные затраты и различные виды ресурсов как со стороны самого человека, так и со стороны общества (государственных учреждений, семьи и т.д.), так как в современных условиях человек труда является главной ценностью и главным фактором экономического роста» [2, с. 328]. Человек труда выступает как интеллектуальный капитал, являющийся частью человеческого капитала. Поскольку человеческий капитал понимается как «сформированный и освоенный в результате инвестиций государства, организаций, частных лиц запас знаний, умений, навыков, интеллектуальных и физических способностей, которые могут использоваться или используются в целях получения или увеличения дохода общества, предприятия, работника» [3, с. 46], постольку направления инвестирования в него достаточно разнообразны. Центральным же становится инвестирование в образование человека труда, поскольку в условиях современных вызовов «высокое качество человеческого потенциала, способность обеспечить технологическое лидерство, эффективность го-

сударственного управления и перевод экономики на новую технологическую основу»¹ невозможны без формирования у граждан соответствующих знаний, умений и навыков, реализация которых, прежде всего, происходит в рамках трудовых отношений.

В соответствии с Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» предоставление гражданам широких возможностей для получения среднего и высшего профессионального образования, профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями рынка труда рассматривает в качестве инструмента достижения целей государственной политики в сфере сохранения народа России и развития человеческого потенциала, устранение диспропорций на рынке труда, дефицита инженерных и рабочих кадров, повышение уровня профессиональной подготовки специалистов позволяет обеспечивать экономическую безопасность РФ, а подготовка научных и научно-педагогических кадров, высококвалифицированных специалистов по приоритетным направлениям научно-технологического развития Российской Федерации должна способствовать научно-технологическому развитию нашей страны. Соответственно, государственная политика в сфере образования должна способствовать достижению данных национальных приоритетов, в том числе за счет выбора объектов инвестиционных вложений и их защиты. Данные вопросы должны волновать не только государство как «инвестора последней инстанции»², но и частных инвесторов, к которым в первую очередь можно отнести

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0504/23.

** The reported study was funded by V. F. Yakovlev Ural State Law University according to the project of the scientific school № 0504/23.

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
2. Максим Решетников: Роль государства как «инвестора последней инстанции» будет усиливаться. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_rol_gosudarstva_kak_investora_posledney_instancii_budet_usilivatsya.html (дата обращения: 26.01.2024).

работодателей, работников и родителей несовершеннолетних граждан, стоящих перед выбором профессионального пути.

В первую очередь образовательных инвестиций требуют сферы, столкнувшиеся с дефицитом кадров: пандемия COVID-19 обнажила проблемы в медицине и общем образовании, ускоренная цифровизация требует большого количества IT-специалистов, санкционное давление и специальная военная операция показали нехватку кадров в оборонной промышленности, в организациях, на которые возлагаются повышенные надежды в рамках импортозамещения. Представляется, что в данном случае основную инвестиционную нагрузку должно нести государство, создавая значительно больше бюджетных мест для получения молодежью образования для начала трудовой деятельности в данных сферах, а также, по возможности, расширяя доступ к бесплатному профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию взрослым людям.

В 2021 г. был утвержден федеральный проект «Содействие занятости», действующий в рамках национального проекта «Демография». Постановление Правительства РФ от 27 мая 2021 г. № 800 «О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года»³, а также Постановление Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 369 «О предоставлении грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям на реализацию мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография»⁴ предусматривали условия обучения и категории граждан, имеющих на него право. Следует отметить, что за три года существования проекта субъекты, для которых проводилось обучение, постоянно расширялись, но объединяло их одно – трудовая деятельность данных граждан потенциально или реально была затруднена или в силу возраста, или семейного положения, или отсутствия работы, или нахождения под риском увольнения, или участия в конфликте на Украине.

Учитывая, что в рамках проекта «Содействие занятости» обучение было организовано, в том числе, по востребованным обществу профессиям, где очевиден дефицит кадров (примерами могут стать соцработник, тьютор, библиотекарь, паспортист, воспитатель, спасатель и т.д.), следует поддержать идею Минтруда РФ о продолжении реализации данного проекта и его расширению за счет предоставления права пройти профессиональное обучение или получить дополнительное профессиональное образование любому желающему, обратившемуся в органы службы занятости в целях поиска работы, если речь идет о приоритетных направлениях подготовки, специальностях, профессиях, утверждаемых Правительством Российской Федерации⁵.

Однако предложенный Минтрудом проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» не решает проблему защиты вложенных государством инвестиций, которые могут составлять несколько десятков тысяч рублей на одного обучающегося. Планируется, что для вступления в правоотношения по обучению должен быть заключен один из договоров – трехсторонний договор между участником мероприятий по обучению, организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и работодателем; трехсторонний договор между участником мероприятий по обучению, организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и государственным учреждением службы занятости или двусторонний договор между участником мероприятий по обучению и работодателем, являющимся организацией, осуществляющей образовательную деятельность, типовые формы которых будут утверждены Федеральными службой по труду и занятости. До 2024 г. заключаются трехсторонний договор между организацией, осуществляющей образовательную деятельность, участником мероприятий по обучению и работодателем, предусматривающий обязательства, связанные с трудоустройством участника мероприятий

по обучению, или двусторонний договор между организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и участником мероприятий по обучению, предусматривающий обязательства участника мероприятий по обучению после приобретения соответствующих навыков и знаний зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, крестьянского (фермерского) хозяйства или начать применять специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход»⁶.

Если взять в качестве примера договор об обучении по дополнительной профессиональной программе, заключаемый федеральным оператором, проводящим обучение по проекту «Содействие занятости», Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», то в нем предусмотрена обязанность слушателя трудоустроиться в организацию работодателя (филиал, представительство) на условиях трудового договора после получения документа об образовании по результатам обучения в Академии, но не позднее 15 декабря текущего года, а обязанность трудоустроиться принадлежала работодателю⁷. Полагаю, что сам факт трудоустройства не решает проблему защиты интересов инвестора-государства, поскольку, как минимум, нормативно не определено, сколько должны продлиться трудовые отношения. В данном случае более удачным представляется вариант Государственной программы г. Москвы «Развитие образования города Москвы («Столичное образование»)»⁸. В частности, в 2023 г. юридические лица и индивидуальные предприниматели могли возместить до 95 % затрат на обучение граждан по программам среднего профессионального образования и (или) дополнительного профессионального образования, но не более 120 000 рублей на одного обучающегося в расчете за один календарный год обучения и до 10 млн. рублей по всем договорам об образовании. Субсидирование возможно при соблюдении ряда условий, например, таких, как регистрация работодателя в качестве налогоплательщика в г. Москве и осуществление деятельности на территории данного города; выплата сотрудникам в течение предшествующего года заработной платы не ниже минимальной заработной платы, установленной московским трехсторонним соглашением, организация обучения только российских граждан по программам, направление подготовки по которым соответствует Приказу Департамента предпринимательства и инновационного развития г. Москвы от 28 марта 2023 г. № П-18-12-65/23 «О Перечне направлений подготовки по профессиям, специальностям рабочих и должностям служащих, программам дополнительного профессионального образования на 2023 год для предоставления юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям субсидий из бюджета города Москвы в целях возмещения части затрат, связанных с получением обучающимися среднего профессионального образования и (или) дополнительного профессионального образования за 2022 и 2023 годы»⁹. Главный же защитный механизм интересов инвестора – заключение с обучающимся договора, согласно которому не позднее трех месяцев после завершения обучения он должен не просто продолжить или начать трудовую деятельность по основному месту работы у претендента на территории г. Москвы, а осуществлять ее не менее 12 месяцев¹⁰, т.е. московское законодательство закрепило срок «отработки» после

6 Пункт 17 Постановления Правительства РФ от 27 мая 2021 г. № 800 «О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 4049.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya_browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPr:JRXIUfOewruKXh5L_S4QCcl539DoUISHQ09Pn-3K9FimNvv_Vgp-fb_t6khhDvtr2B9Lba_eoH1K4sUrPTGnsPlAW1ccp4jRPn6SAYmSlYzoYxqYQG_tzbnhOoMpZuuty1fvt-0aefQ%3D%3D%3Fsign%3DxIPxSgRrD5PbciiMTng6TsGWNJLJ3NE2sFwdSR8i9M%3D&name=Двусторонний%20договор%20ДПП%20Инструктор%20з. docx&nosw=1 (дата обращения: 23.01.2024).

8 Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2011. № 56.

9 Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/dpir/documents/prikazy-i-rasporiazheniia-departamenta/view/28428220/> (дата обращения: 22.01.2024).

10 Приказ Департамента от 28 марта 2023 г. № П-18-12-64/23 «О проведении отбора в 2023 году юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, претендующих на предоставление субсидий из бюджета города Москвы в целях возмещения части затрат, связанных с получением обучающимися среднего профессионального образования и (или) дополнительного профессионального образования» // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/dpir/documents/prikazy-i-rasporiazheniia-departamenta/view/284281220/> (дата обращения: 22.01.2024).

3 СЗ РФ. 2021. № 23. Ст. 4049.

4 СЗ РФ. 2021. № 13 (часть I). Ст. 2230.

5 Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС Гарант.

окончания обучения. Полагаю, что такой подход следует взять на вооружение и федеральному законодательству, причем возможно его дополнить и правом взыскания государством в судебном порядке стоимости обучения при нарушении гражданином данных условия по аналогии со ст. 249 ТК РФ, предусматривающей порядок возмещения работодателем затрат, связанных с обучением работника.

Помочь в решении проблемы дефицита кадров должно и развитие среднего профессионального образования, повышение его престижности, переориентация на него молодежи, тем более что по прогнозам к 2030 г. более 40 % новых рабочих мест будут требовать «средних навыков», т.е. компетенции работника должны быть больше, чем после школы, но меньше, чем после университета¹¹. В России на сегодняшний день наблюдается тенденция к «избыточному образованию», поскольку нередко уровень образования работника явно превышает потребности той работы, которую он выполняет» [4, с. 8]. Так, по итоговым данным за 2021 год 32,4 % россиян в возрасте от 25 до 64 лет имеют высшее образование, из них в возрасте от 25 лет до 34 лет им обладает 39,5 % [5, с. 21]; по данным аналитической службы аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza доля работников с высшим образованием за последние 20 лет выросла в 1,5 раза, в то время как количество граждан со средним профессиональным образованием не изменилось¹².

На самом деле от большего количества граждан с высшим образованием государство, конечно, выигрывает, но только если качественно по своей сути и его обладатели в полном объеме обеспечены работой, выполнение которой возможно только при наличии данного уровня знаний, умений и навыков. Тем не менее, специалисты отмечают, что в России «нередко наблюдается отсутствие взаимосвязи между полученным уровнем образования и профессиональными требованиями к выпускнику, реализация выпускников на рынке труда происходит в сегментах, не связанных с приобретенной специальностью и нередко определяемых не уровнем образования, а реальными возможностями трудоустройства» [6, с. 26] и в этом нередко виноваты работодатели, устанавливая завышенные требования к уровню образования работников, тем самым стимулируя их получать образование «для корочки».

Трудовой кодекс РФ данную проблему решать почти не помогает. Согласно ст. 64 Трудового кодекса РФ запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора, т.е. отказ, не связанный с деловыми качествами работника. Квалификационные требования по определенной трудовой функции (к которым в том числе относится и уровень образования, а также его профиль) работодатель обязан соблюдать, если в соответствии с федеральными законами с выполнением работ по определенным должностям, профессиям, специальностям связано предоставление компенсаций и льгот либо наличие ограничений (в этом случае работодатель ориентируется на квалификационные справочники или профессиональные стандарты, ст. 57 ТК РФ), а также если в федеральных законах, иных нормативных правовых актах РФ установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции (в данном случае в части квалификационных требований будут обязательны профессиональные стандарты, ст. 195.3 ТК РФ). В остальных же случаях работодатель свободен в определении профиля и уровня образования работников. В итоге кандидат, не оправдавший образовательные ожидания работодателя (хотя, по сути, планируемая к выполнению трудовая функция не требует тех знаний, умений и навыков, которые имеет работник с высшим образованием), получает отказ в приеме на работу, обжалует его в судебном порядке и проигрывает, поскольку формально трудовое законодательство работодателем нарушено не было. Возможна и противоположная ситуация – работник имеет требуемый работодателем уровень образования, однако в процессе трудовой деятельности он понимает, что его трудовой потенциал до конца не раскрыт, имеющиеся знания, умения, навыки используются не в полном объеме. В итоге обе ситуации приводят к снижению удовлетворенности трудом, падению качества трудовой жизни. Думается, что проблема избыточного образования может быть решена, в том числе, и за счет усиления правоприменительного эффекта ч.2 ст. 195.3 Трудового кодекса

РФ, предусматривающей, что именно профессиональные стандарты (т.е. документы, утверждаемые Минтрудом РФ) должны являться основой для определения квалификации, необходимой работнику, с учетом особенностей выполняемых работниками трудовых функций, обусловленных применяемыми технологиями и принятой организацией производства и труда, а не фантазии работодателя на этот счет.

Актуализация же среднего профессионального образования возможна за счет усиления его практической составляющей, чему будет способствовать активное вовлечение работодателей, на рабочих местах которых будет возможно приобретение обучающимися опыта, так необходимого для начала самостоятельной трудовой деятельности и дальнейшего трудоустройства. Для этого требуется нормативное развитие института наставничества и стажировки. В апреле 2023 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 333871-8 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (об особенностях регулирования труда при выполнении работ, связанных с практической подготовкой и прохождением стажировки)»¹³, но в январе 2024 г. он был отклонен, поскольку предполагал терминологическое обогащение Трудового кодекса без учета законодательства об образовании, а также не содержал новаторских идей, поскольку сводился исключительно к возможности заключения срочного трудового договора на период стажировки, что в настоящее время и так предусмотрено ст. 59 Трудового кодекса РФ. Анонсированный же в Год педагога и наставника Министерством просвещения РФ проект федерального закона о наставничестве до сих пор не внесен в Государственную Думу, и пока лишь обещаны корректировки трудового законодательства с целью сделать стимулирующие выплаты за наставничество отдельной категорией¹⁴.

Таким образом, в условиях дефицита кадров их скорейшее появление связано, в том числе, с инвестиционной активностью государства, частных инвесторов в сфере образования. Государство должно оказывать помощь гражданам, желающим начать профессиональную деятельность в сферах, востребованных обществом, как за счет разработки различных вариантов финансирования обучения на федеральном и региональном уровнях, так и за счет активной корреляции уровня образования и выполняемых трудовых функций, в том числе, усиливая заинтересованность граждан в получении среднего профессионального образования. Вместе с тем государственным органам необходимо продумать и способы защиты инвестиций с тем, чтобы обучившиеся граждане действительно способствовали своей трудовой деятельностью в решении проблемы дефицита кадров.

Пристатейный библиографический список

1. Масленникова С. В. Идеология конституционных поправок 2020 г. в сфере социального и экономического развития // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 5. С. 24-47.
2. Гапликов С. А., Кураков А. Л. Человек труда как экономическая категория // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 328-333.
3. Добрынин А. И., Дятлов С. А., Цыренова Е. Д. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования. СПб.: Наука, 1999. 309 с.
4. Никандров Н. Д. Избыточное образование: воспоминания из истории и размышления о современности // Мир образования- образование в мире. 2020. № 2 (78). С.7-21
5. Варламова Т. А., Гохберг Л. М., Озерова О. К. и др. Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Нац. иссл.-ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 132 с. 350 экз. – ISBN 978-5-7598-3004-7 (в обл.).
6. Голиусова Ю. В., Иващенко Н. В. Избыточное образование в России: социально-экономические последствия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 18. С.25-31

11 Arlene S. Hirsch How HR Can Develop a New Generation of Blue-Collar Employees. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.shrm.org/topics-tools/news/talent-acquisition/how-hr-can-develop-new-generation-blue-collar-employees> (дата обращения: 22.01.2024).

12 В России доля работников с высшим образованием выросла в полтора раза за 20 лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/15645827?ysclid=l7ot2n1gju700421491&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 25.01.2024).

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/333871-8#bh_note (дата обращения: 24.01.2024).

14 Кабинет разработает поправки в ТК для выделения выплаты за наставничество. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231227/nastavnik-1918582096.html> (дата обращения: 24.01.2024).

ЛИНЕЦ Александр Александрович

доктор юридических наук, доцент кафедры трудового права Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ РЕАЛИЗАЦИИ РАБОТОДАТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ

Осуществление работодательской власти тесно сопряжено с ведением предпринимательской деятельности. Одним из важнейших аспектов трудовых отношений является невозможность перенесения бремени предпринимательского риска на работников. Впрочем, «нахождение» во власти работодателя в значительной степени обуславливает зависимость положения работника от выбора работодателем правовых конструкций реализации своей власти. В настоящей статье аргументируется, что такой выбор зачастую приводит к ухудшению положения работника, причем не столько с точки зрения «буквы» закона, сколько исходя из принципов и целей трудового законодательства. Отсюда вытекает необходимость телеологического толкования возможности применения работодателем отдельных правовых конструкций. Более того, возникает т.н. «конкуренция» отдельных правовых конструкций, разрешение которой происходит преимущественно с участием правоприменительных органов.

Ключевые слова: правовые конструкции, предпринимательский риск, работодательская власть.

LINETS Alexander Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Labor law sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

LEGAL CONSTRUCTIONS OF THE IMPLEMENTATION OF THE EMPLOYER POWER

The exercise of employer power is closely linked to the conduct of entrepreneurial activity. One of the most important aspects of labor relations is the inability to transfer the burden of entrepreneurial risk to employees. However, "being" in the power of the employer largely determines the dependence of the employee's position on the employer's choice of legal structures for the implementation of the employer's authority. This article argues that such a choice often leads to a deterioration in the position of an employee, not so much from the point of view of the "letter" of the law, but based on the principles and objectives of labor legislation. This implies the need for a teleological interpretation of the possibility of applying certain legal structures by the employer. Moreover, there is a so-called "competition" of certain legal structures, the resolution of which takes place mainly with the participation of law enforcement bodies (as in the case of termination of an employment contract under paragraph 2 of part 1 of Article 81 and under paragraph 7 of Part 1 of Article 77 of the Labor Code of the Russian Federation).

Keywords: legal structures, entrepreneurial risk, employer power.

Кардинальные социально-экономические и технологические изменения обуславливают повышение конкуренции на международных и национальных рынках и под их влиянием происходит трансформация отношений, складывающихся по применению труда. При этом волатильность рыночной конъюнктуры приводит работодателей к необходимости адаптироваться под эти изменения. Так, работодатели должны обладать гибкостью, которая может заключаться в определении структуры локальной организации труда¹ или изменении численности работников организации. Локальная организация труда обуславливает выбор потребителя труда в пользу тех правовых конструкций, которые допускает законодатель для реализации той или иной формы взаимодействия по применению труда (как трудовых отношений, так и гражданско-правовых). В контексте такого выбора особое место занимает правовое регулирование гибкости трудовых отношений и эластичности трудовой функции с учетом ее определенности. Именно эти параметры формируют интерес к выбору трудовых отношений как формы взаимодей-

ствия по применению труда – широкая возможность по дискреции в реализации работодательской власти и в «наполняемости» предмета трудового договора (выполнения трудовой функции). Причем, с одной стороны, гибкость трудовых отношений осуществляется посредством предоставления на выбор работодателю наиболее подходящих с точки зрения экономической эффективности правовых конструкций (в конкурентоспособности национальных работодателей государство имеет значительный интерес, из чего вытекает экономическое назначение трудового права). С другой стороны, социальное назначение трудового права диктует необходимость обеспечения реализации той или иной правовой конструкции исключительно в зависимости от целей ее законодательного закрепления, ограничивая работодателей в выборе альтернативных правовых конструкций, предполагающих ухудшение положения работника. В связи с этим, актуальными являются вопросы максимального раскрытия потенциала трудовых отношений при выборе той или иной трудово-правовой конструкции с учетом интересов их субъектов, а также интересов государства.

Так, в интересах работодателя осуществлять максимальную свободу по реализации своей власти, то есть использовать наиболее эффективных правовых конструкций, а в интересах работника – неухудшение своего положения по сравнению с установленным в законодательстве и в рамках социально-партнерского регулирования. В интересах государства же обеспечивать телеологическое применение той или иной правовой конструкции, закрепленной в трудовом законодательстве, причем как с учетом «общих» целей, задач и принципов правового регулирования в рассматриваемой сфере, так и с учетом целей принятия отдельных трудопра-

1 Локальная организация труда – это системно-структурированное взаимодействие потребителя и исполнителей по поводу применения труда (совокупно обеспечивающих выполнение определенной экономической деятельности), реализуемое в различных правовых формах через соответствующие данным формам правовые средства (в рамках трудовых отношений: трудовой договор и др.; в рамках гражданско-правовых отношений: договор о предоставлении труда работников (персонала); договор возмездного оказания услуг, договор подряда и др.) (см. подробнее: Линец А. А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2022. С. 51).

новых норм. С учетом этого сторонам трудовых отношений и государству необходимо достичь согласования интересов в контексте выбора альтернативных правовых конструкций и реализации работодательской власти. Важно отметить, что развитие правового регулирования в сфере труда должно быть основано на такой ключевой категории, как справедливость [1].

Вообще, гибкость реализации работодательской власти при осуществлении экономической деятельности может выражаться через несколько аспектов [2]:

прекращение трудовых отношений в связи с экономическими причинами и взаимосвязанной с этим возможности заключать трудовые договоры исходя из «сложности» их расторжения;

использование различных форм взаимодействия с исполнителями труда («типичные работники»; дистанционные работники; работники, направленные частным агентством занятости; исполнители труда по гражданско-правовым договорам и др.), что, по сути, формирует структуру локальной организации труда и определяет комплекс правовых конструкций в рамках той или иной формы, которые доступны потребителю и исполнителю труда для опосредования их взаимодействия;

реализацию гибкости трудовых отношений (например, поручение дополнительных обязанностей или отдельной трудовой функции посредством соглашения; изменение условий трудового договора по соглашению сторон (ст. 72 Трудового кодекса РФ² (далее - ТК РФ)) или изменение определенных сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда (ст. 74 ТК РФ); отпуск без сохранения заработной платы; неполное рабочее время; простой);

реализацию гибкости (эластичности) трудовой функции.

Так, прекращение трудовых отношений в связи с экономическими причинами и использование различных форм взаимодействия с исполнителями труда можно отнести к количественной гибкости локальной организации труда, а последние два – к качественной. Все четыре аспекта взаимосвязаны и с учетом реализации частных интересов субъектов в сфере труда и публичного интереса могут влиять на выбор работодателя в пользу того или иного аспекта, считающегося наиболее приемлемым. С точки зрения количественной гибкости организации труда это означает «направление» законодателем потребителей труда к выбору трудовых отношений как формы взаимодействия по применению труда, а с точки зрения качественной – «направление» их к выбору тех альтернативных правовых конструкций, которые согласуются с целями и задачами трудового права. Стоит отметить, что для Российской Федерации характерно «направление» именно в пользу поддержания трудовых отношений как в контексте развития трудового регулирования нетипичных форм занятости, так и четкого определения правового статуса исполнителей. Последнее реализуется в том числе с учетом возможности переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые согласно ст. 19.1 ТК РФ, тем самым защищая интересы исполнителей труда. Трудовые конструкции, по сути, способствуют «конкурентоспособности» трудовых отношений как формы взаимодействия по применению труда.

Поскольку в современных условиях работодатели находятся в быстроизменяющейся среде [3] и должны быть способны поддерживать свою конкурентоспособность, следовательно, им необходимо обладать некоторыми характеристиками, в том числе высокой степенью адаптивности и

быстрого реагирования на данные изменения. В силу этого происходит трансформация процесса управления наемным трудом и его «пересечение» с несением бремени предпринимательского риска. Не стоит забывать о том, что работодатель осуществляет предпринимательскую деятельность на свой риск и в силу этого несет ответственность за ее результаты. Показательным с точки зрения недопущения перенесения предпринимательского риска на работников является Постановление Конституционного Суда РФ (далее - КС РФ) от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева»³. Так, КС РФ рассмотрел конституционность законодательных норм, допускающих ситуацию, в которой работодатели, по сути, увязывали срок заключения гражданско-правовых договоров, направленных на осуществление их предпринимательской деятельности, со сроком заключения трудовых договоров работников, непосредственно осуществляющих свои трудовые функции в рамках исполнения вышеуказанных договоров. Другими словами, вступая в договорные отношения с контрагентом, работодатели «переносили» характеристики таких отношений на работников, в первую очередь это касается их срочности.

КС РФ указал, что работодатель является самостоятельным участником гражданского оборота, который осуществляет экономическую деятельность и несет ответственность за заключение, изменение и прекращение гражданско-правовых договоров с контрагентами. В связи с этим именно работодатель несет бремя рисков осуществляемой предпринимательской деятельности, а не работник, который не является участником экономической деятельности работодателя, поскольку он лишь выполняет трудовую функцию, определенную трудовым договором. Обратная бы ситуация повлекла за собой ухудшение положения работника, нарушение баланса прав и свобод работника и работодателя, а также ошибочное определение самой природы трудовых отношений. Таким образом, КС РФ отметил невозможность переложения бремени предпринимательского риска на работников. В случае, если договор оказания услуг между работодателем и контрагентом прекращен по истечению срока договора, а следующий договор оказания услуг еще не заключен (то есть между прекращением и заключением договоров существует определенный промежуток времени), то работнику объявляется простой по вине работодателя. Если же отсутствует возможность заключения нового гражданско-правового договора с контрагентом – расторжение трудового договора с работником по инициативе работодателя по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (сокращение численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя) с учетом всех сопутствующих гарантий. В данном случае, по сути, существовала конкуренция альтернативных правовых конструкций: заключение трудового договора на определенный срок и его прекращение в связи с истечением данного срока; направление работника в простой по вине работодателя (в случае временного отсутствия работы) или сокращения численности или штата работников (в случае постоянного). Безусловно, правоприменительная практика не могла не отреагировать путем «направления» работодателя на использование правовых конструкций, дающих работникам больше гарантий. Впрочем, ключевым должно являться целевое назначение той или иной конструкции.

Так, другим примером «конкуренции» правовых конструкций можно назвать прекращение трудовых отношений

2 Трудовой кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 (с послед. изм.).

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. А. Сысоева» // СПС «КонсультантПлюс».

в связи с неудовлетворительным результатом испытания (ст. 71 ТК РФ) и расторжение трудового договора по дисциплинарным основаниям (пп. 5-10 ч. 1 ст. 81 ТК РФ). Такой вопрос рассматривался, например, в определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 по делу № 88-30187/2022⁴. Согласно обстоятельствам данного дела работнику в трудовом договоре был установлен испытательный срок в 3 месяца. В течение данного периода согласно служебным запискам администратора работник допускал дисциплинарные нарушения: принимал пищу на рабочем месте, пререкался с вышестоящим руководством, отвлекался на чтение планшета, крутил самодельные сигареты, отказывался выполнять поручения. На основании этого работнику было направлено уведомление о расторжении трудового договора в соответствии со ст. 71 ТК РФ, а через три дня с момента получения данного уведомления был своевременно издан соответствующий приказ. Работник оспорил данное расторжение трудового договора в суде. Суд первой инстанции встал на сторону работодателя, но суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что была нарушена процедура признания работника не выдержавшим испытание. Дело в том, что в уведомлении о расторжении трудового договора и в приказе об увольнении отсутствовало указание на причины, послужившие основанием для расторжения, не конкретизированы должностные обязанности, которые не исполнил работник, а также не зафиксированы фактические обстоятельства, которые привели работодателя к выводу о том, что работник не прошел проверку соответствия поручаемой работе. Следует отметить, что изложенные в служебных записках нарушения не были соотнесены с должностной инструкцией и не была проведена оценка того, насколько они повлияли на выполнение обязанностей. Таким образом, в данном случае конструкция установления испытания и расторжения трудового договора в связи с его неудовлетворительным результатом была использована некорректно и «маскировала» расторжение трудового договора в связи с дисциплинарными проступками (неоднократным неисполнением работником трудовых обязанностей) по инициативе работодателя с комплексом предусмотренных для работника гарантий (в первую очередь процедурных).

Правовые конструкции должны использоваться согласно своим целям. Так, условие об испытании работника устанавливается в трудовом договоре в целях проверки его соответствия поручаемой работе (ст. 70 ТК РФ). Это обуславливает наличие «простой» процедуры расторжения трудового договора при неудовлетворительном результате испытания: соблюдение срока испытания; предупреждение работника о расторжении в письменной форме не позднее чем за три дня с указанием причин, послуживших основанием для признания этого работника не выдержавшим испытание. Таким образом, прохождение испытания является вопросом, по сути, оценки работодателем практического применения деловых качеств работника к конкретной работе («соответствие поручаемой работе»). Привлечение же к дисциплинарной ответственности имеет целью поддержание трудовой дисциплины путем демонстрации негативных стимулов нарушения дисциплины труда как совершившему дисциплинарный проступок работнику (так, в судебной практике отмечается, что целью привлечения работника к дисциплинарной ответственности является не только право работодателя указать работнику на ненадлежащее исполнение им трудовых обязанностей, но и предоставить недисциплинированному работнику возможность и время исправиться⁵), так и дру-

гим работникам, а в некоторых установленных законодательством случаях – расторжение трудового договора (когда значимость нарушения имеет существенное значение, что по усмотрению работодателя (так как является правом, а не обязанностью) исключает применение иного воздействия, не связанного с расторжением).

Согласно ст. 192 ТК РФ привлечение к дисциплинарной ответственности работника осуществляется за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей по его вине. Оно основано на общих принципах юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности (в частности, таких как справедливость, соразмерность, законность). Установлена в связи с этим и сложная процедура привлечения к дисциплинарной ответственности в корне отличающаяся от описанной выше в связи с неудовлетворительными результатами испытания. Нарушение установленной процедуры повлечет неправомерность привлечения в дисциплинарной ответственности: обнаружение и фиксация проступка; затребование от работника письменного объяснения; соблюдение сроков применения дисциплинарного взыскания; оценка объективных обстоятельств проступка, учет тяжести деяния; применение только одного дисциплинарного взыскания за один дисциплинарный проступок; применение ограниченного перечня дисциплинарных взысканий; издание приказа о привлечении работника к дисциплинарной ответственности и ознакомление с ним работника под роспись.

Таким образом, правовые конструкции расторжения трудового договора при неудовлетворительном результате испытания и по дисциплинарному основанию имеют различные цели и процедуру, а потому должны использоваться сообразно своим целям, а не применяться на усмотрение работодателя. Так, расторжение трудового договора в связи с тем, что работник не прошел проверку соответствия поручаемой работе, должно осуществляться согласно ст. 71 ТК РФ, а расторжение при нарушении дисциплины труда – согласно процедуре привлечения к дисциплинарной ответственности, чтобы не лишать работника защитной процедуры, закрепленной в трудовом законодательстве (как отмечает КС РФ, ч. 1 ст. 193 ТК РФ носит гарантийный характер и имеет целью предоставить лицу, привлекаемому к дисциплинарной ответственности, возможность изложить свою позицию относительно вменяемого ему дисциплинарного проступка, привести мотивы и обстоятельства его совершения⁶). Например, в вышеуказанном определении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 по делу № 88-30187/2022 объяснительные записки администратора о совершении работником нарушений фактически заменили процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности, что нарушило его права и лишило возможности получения гарантий. При этом важно отметить, что наличие дисциплинарных взысканий может являться критерием неуспешного прохождения испытания. Но, во-первых, это должно быть закреплено в локальном нормативном акте о порядке прохождения испытания (принятие которого значительно снижает правовые риски), а во-вторых, дисциплинарные взыскания должны быть наложены правомерно и с соблюдением процедуры. Таким образом, можно сделать вывод, что конкуренция альтернативных правовых конструкций должна быть четко ограничена в тех случаях, когда одна из конструкций дает больше гарантий работникам согласно целям ее применения. Впрочем, именно эта цель должна главенствовать в определении

4 Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21.11.2022 по делу № 88-30187/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2022 № 88-6922/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

6 Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1121-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хохлова Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав абзацами вторым - четвертым части второй статьи 21, частью первой статьи 192 и частью первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ее использования в тех или иных обстоятельствах. Другими словами, должно соблюдаться не правило наиболее благоприятного положения работника, а целевое соответствие применения правовой конструкции. При этом ухудшение же положения должно использоваться как один из критериев неправильного выбора работодателем правовой конструкции.

Другим примером выбора альтернативных правовых конструкций является «конкуренция» негативных стимулов в виде привлечения работника к дисциплинарной ответственности и невыплаты премии за нарушение трудовой дисциплины. Данная конкуренция конструкций привела к признанию в Постановлении Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П⁷ ч. 2 ст. 135 ТК РФ противоречащей Конституции Российской Федерации⁸ (чч. 1 и 2 ст. 19, ч. 3 ст. 37, ч. 3 ст. 55, ч. 5 ст. 75 и ст. 75.1). Так, КС РФ рассмотрел конституционность данной статьи Трудового кодекса РФ на элемент возможности произвольного установления работодателем в локальных нормативных актах правил исчисления стимулирующих выплат, входящих в состав заработной платы и возможности уменьшения размера заработной платы работника, имеющего неснятое или непогашенное дисциплинарное взыскание.

Данная проблематика обусловлена тем, что трудовым законодательством не допускается имущественное воздействие на работника в контексте привлечения его к дисциплинарной ответственности, в том числе в виде штрафа и иных материальных мер (в силу ст. 192 ТК РФ). Как уже отмечалось, правовые конструкции, используемые работодателем в тех или иных ситуациях, имеют целевое назначение и в данном случае последствия этого выбора в виде негативного стимулирования, по сути, привели к применению имущественного воздействия на работника, привлеченного к дисциплинарной ответственности, нарушая принцип недопущения применения иного дисциплинарного взыскания, не предусмотренного трудовым законодательством. При неназначении или снижении размера стимулирующих выплат работнику, имеющему дисциплинарное взыскание, работодателю необходимо учитывать соразмерность между тяжестью совершенного проступка и его экономическими, организационными и иными последствиями для реализации деятельности работодателя. Кроме того, особое внимание в данном постановлении КС РФ уделяет периоду, на который снижается размер стимулирующих выплат или вовсе не выплачивается. Так, совершенный работником дисциплинарный проступок может оказывать негативное влияние на деятельность работодателя только в тот период времени, когда он совершен, а не на весь период привлечения к дисциплинарной ответственности (до истечения срока или досрочного снятия).

Как отмечает КС РФ, ч. 2 ст. 135 ТК РФ и подзаконное регулирование не содержат четкого ответа на вопрос о допустимости возможности и субстанциональных и процедурных пределов невыплаты или снижения размеров стимулирующих выплат (премий) при наличии у работника неснятого или непогашенного дисциплинарного взыскания. Это приводит к использованию путем закрепления в локальных нормативных актах и коллективных договорах такого негативного стимула как невыплата стимулирующей части оплаты труда при совершении работником дисциплинарного проступка, что находит поддержку в том числе в правоприменительной

практике. Однако, такая ситуация нарушает принципы справедливости, равенства, соразмерности и права работника на справедливую заработную плату. Более того, в таком случае нивелируется значение других факторов материального стимулирования труда, таких как: выполнение показателей (условий), установленных для приобретения права на их получение, а также количества и качества фактически затраченного им труда. Конституционная значимость рассматриваемой проблематики обусловлена тем, что это приводит к нарушению не только общих принципов юридической, в том числе и дисциплинарной, ответственности (справедливости, равенства) и принципов института оплаты труда (в том числе обеспечение равной оплаты за труд равной ценности, запрет какой бы то ни было дискриминации при установлении и изменении условий оплаты труда), но и конституционных предписаний об уважении человека труда и самого труда, а также конституционно одобряемых целей возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим важно подчеркнуть необходимость разграничения привлечения работника к дисциплинарной ответственности и увязывания с дисциплинарными проступками выплаты стимулирующей (премиальной) части оплаты труда.

Следует сделать вывод о том, что прослеживается тенденция в правоприменительной практике по оценке конкуренции конструкций реализации работодателем власти. Так, суды часто исходят из целей применения правовых конструкций, процедуры и гарантий, предоставляемых работникам.

Таким образом, «нахождение» во власти работодателя в значительной степени обуславливает зависимость положения работника от выбора работодателем правовых конструкций реализации своей власти. На основании рассмотрения конкуренции альтернативных правовых конструкций (заключение трудового договора на определенный срок и расторжение по истечению данного срока / отправление работника в простой либо расторжение трудового договора в связи с сокращением численности или штата работников; расторжение трудового договора в связи с неудовлетворительными результатами испытания / расторжение трудового договора по инициативе работодателя по дисциплинарным основаниям; невыплата работнику стимулирующей части оплаты труда (премии) в связи с наличием непогашенного или неснятого дисциплинарного взыскания / привлечение к дисциплинарной ответственности), следует отметить, что такой выбор зачастую приводит к ухудшению положения работника, причем не столько с точки зрения «буквы» закона, сколько исходя из принципов и целей трудового законодательства. Отсюда вытекает необходимость телеологического толкования возможности применения работодателем отдельных правовых конструкций.

Пристатейный библиографический список

1. Куренной А. М. Право и справедливость в российской системе регулирования трудовых отношений // Трудовое право в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 5-9.
2. Линец А. А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе: дис. ... докт. юрид. наук. Москва, 2022. 509 с.
3. Лушников А. М., Лушникова М. В. Современное российское трудовое право: глобальные вызовы в контексте риска и неопределенности // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. С. 2-5.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2023 № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской» // СПС «КонсультантПлюс».

8 Конституция Российской Федерации / Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета от 25 декабря 1993 года № 237 (с поправками).

ФИЛЮЩЕНКО Людмила Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента РФ Б. Н. Ельцина

ПРОФИЛИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ РАБОТНИКОВ

Цель исследования заключается в выявлении содержания понятия «профилирование лица, ищущего работу», и возможности его использования для оценки лиц, состоящих в трудовых правоотношениях. Уделено внимание анализу формулировок закона, существующей практике сбора персональных данных граждан. Отмечается, что осуществляется сбор и использование в процессе оценки граждан избыточных персональных данных, не предусмотренных законом. На основе собранных с нарушением законодательства персональных данных принимаются юридически значимые решения. Профилирование как технология, помогающая решать вопросы управления персоналом, применима, однако полагаться на решения искусственного интеллекта опасно, так как есть риск ошибочных решений. Следует запретить работодателям принимать юридически значимые решения, опираясь исключительно на автоматизированную обработку персональных данных. При формировании цифрового профиля работника полагаем необходимым ограничить возможности работодателя, пресекать незаконный сбор информации.

Ключевые слова: оценка, профиль, персональные данные, избыточные сведения, частная жизнь, искусственный интеллект.

FILUSHCHENKO Lyudmila Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal regulation of economic activity sub-faculty of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University

PROFILING AS A TOOL FOR EVALUATING EMPLOYEES

The purpose of the study is to identify the content of the concept of “job seeker profiling” and the possibility of using it to evaluate persons in employment relationships. Attention is paid to the analysis of the wording of the law, the existing practice of collecting personal data of citizens. It is noted that excessive personal data not provided for by law is being collected and used in the process of evaluating citizens. Legally significant decisions are made on the basis of personal data collected in violation of the law. Profiling as a technology that helps solve personnel management issues is applicable, but relying on artificial intelligence solutions is dangerous, since there is a risk of erroneous decisions. Employers should be prohibited from making legally significant decisions based solely on automated processing of personal data. When forming a digital profile of an employee, we consider it necessary to limit the possibilities of the employer, to prevent illegal collection of information.

Keywords: assessment, profile, personal data, redundant information, private life, artificial intelligence.

Принятый 12.12.2023 года Федеральный закон РФ № 565 «О занятости населения в Российской Федерации» преподнес нам некоторые новеллы, в частности, новый термин «профилирование граждан, ищущих работу, безработных граждан»¹. Европейское законодательство давно говорит о профилировании граждан. Так, Общий регламент Европейского союза о защите персональных данных 2016/679 от 27 апреля 2016 года дает определение «формирование профиля»: любая форма автоматической обработки персональных данных, состоящая из использования персональных данных в целях оценки индивидуальных аспектов физического лица, в частности для анализа или определения аспектов, относящихся к производственным показателям лица, экономической ситуации, здоровью, индивидуальным предпочтениям, интересам, надежности, месторасположению или перемещению (статья 4 GDPR)².

В Методических рекомендациях по интеграции с REST API Цифрового профиля, утвержденных 29 декабря 2021 года Министерством цифрового развития, связи и коммуникаций РФ, цифровой профиль понимают как все цифровые

записи о гражданине в государственных информационных системах (ГИС), при этом инфраструктура цифрового профиля выполнена на базе единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА)³. Определение четкостью не отличаются, но общим для них является использование цифровых технологий, автоматизированной обработки данных. Упомянутый Федеральный закон № 565 вносит свою лепту в этот процесс, предусмотрев профилирование претендентов на работу. Представляет интерес выяснение необходимости введения нового термина, определение его содержательного наполнения, а также уточнение сферы применения и целесообразность распространения профилирования на лиц, уже состоящих в трудовых отношениях (работников).

В пункте 7 части 1 статьи 2 рассматриваемого закона дано следующее определение: профилирование граждан, ищущих работу, безработных граждан – распределение граждан, ищущих работу, безработных граждан на группы с учетом сферы их предыдущей профессиональной деятельности, опыта работы, социально-демографических и других характеристик в целях предоставления им мер государственной поддержки в сфере занятости населения. Профилирование предполагает получение информации, которая служит основой для составления индивидуального плана содействия занятости, где определяется подходящая работа, профильная группа гражданина, перечень мер государственной

1 Федеральный закон РФ № 565 «О занятости населения в Российской Федерации» от 12.12.2023 года № 565 / Гарант: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/408175315/> (дата обращения: 29.01.2024).

2 Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза о защите персональных данных 2016/679 от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных / Гарант: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71936226/> (дата обращения: 29.01.2024).

3 Методические рекомендации по интеграции с REST API Цифрового профиля / Министерство цифрового развития, связи и коммуникаций: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://digital.gov.ru/ru/documents/7166/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения: 29.01.2024).

поддержки с учетом профильной группы, сроки предоставления мер и проч. Перечня данных, предоставляемых при формировании профиля лица, ищущего работу, в законе не приводится. Определенные выводы можно сделать из анализа статей 2, 22, 26, 27, 68 анализируемого закона: учет сферы предыдущей профессиональной деятельности, опыта работы, образование (вид, уровень), профессия, специальность, направление подготовки, квалификация, социально-демографические и другие характеристики в целях предоставления мер государственной поддержки (например, ограничение трудоспособности).

Гражданин обязан пройти профилирование не позднее одного рабочего дня со дня получения предложения службы занятости. Профильная группа гражданина определяется по результатам проведения органами службы занятости в отношении этого гражданина профилирования (часть 2 статьи 26 ФЗ РФ). Четкого определения профильных групп не сформулировано, но, по-видимому, это отнесение к какой-либо категории – инвалидов; граждан, завершивших прохождение военной службы по мобилизации или военной службы по контракту; лиц предпенсионного возраста; родителей, опекунов (попечителей), воспитывающих детей-инвалидов, и других.

Профилирование ищущих работу граждан является обязательным. В соответствии с профильной группой формируется индивидуальный план содействия занятости. План согласовывается с гражданином, который должен явиться для формирования и согласования плана содействия занятости в установленный органом службы занятости срок. Непрохождение профилирования, неявка без уважительных причин или отказ от согласования плана содействия занятости является основанием для отказа в признании гражданина безработным либо основанием для снятия с учета в качестве безработного (статья 68 ФЗ РФ № 565).

Через портал «Работа в России» службы занятости взаимодействуют с другими государственными органами, муниципальными органами, их организациями, получают соответствующую информацию о занятости по гражданско-правовым договорам или трудовым договорам, об образовании, квалификации, опыте работы гражданина, социальном положении, состоянии здоровья и проч. Профилирование рассматривают как инструмент в кадровой работе, позволяющий аккумулировать необходимую информацию, быстро обрабатывать и принимать необходимые решения. Автоматизированная обработка данных облегчает работу кадровых служб. К сожалению, в практике наблюдается противоречащий законодательству о персональных данных сбор информации о гражданах по социальным сетям, камерам видеонаблюдения и прочим источникам. На этой основе формируется цифровой образ конкретного гражданина и делается вывод о том, не является ли он проблемным, нежелательным для работы у данного работодателя, и прогнозируется будущее поведение потенциального работника. Федеральный закон РФ от 12.12.2023 г. № 565 попытался ввести в законодательное русло практику сбора персональных данных. Информация в профиле гражданина близка по содержанию к понятию «деловые качества», однако неопределенность последнего приводит к тому, что в него включаются и морально-нравственные качества, «надежность», лояльность работника, оцениваемые компьютерной программой, что вряд ли правильно. Стоит подчеркнуть, что при размещении информации на единой цифровой платформе или иных информационных ресурсах при указании вакансий рабочих мест, должностей работодателям запрещается указывать сведения дискриминационного характера (пункт 3 статьи 53 Федерального закона № 565). Запрет адресован ко всем информационным системам, а не только к portalу «Работа в России», т. к. частные агентства занятости допускали требования дискриминационного характера к лицам, ищущим работу.

В трудовых правоотношениях применение профилирования работников у конкретных работодателей расширяется, хотя термин «профилирование» в ТК РФ отсутствует. Например, для профессорско-преподавательского состава

образовательных организаций профилирование применяется давно, в профиле отражаются образование, ученая степень и стаж работы, повышение квалификации, сфера научных интересов. Опираясь на автоматизированную обработку персональных данных сотрудников, формируется рейтинг, где учитывается индекс цитирования, публикации монографий, учебных пособий и проч. Профилирование работников применяется и в других сферах [3, с. 77-83]. Однако отсутствие правовой регламентации отдельных элементов в отношениях по трудоустройству и трудовых отношениях работодатели восприняли как открывшиеся возможности и развернули активную деятельность, заполняя нишу. Нельзя не согласиться с мнением ученых о том, что по вопросам, неурегулированным законодателем, решения будут приняты работодателями и естественно в своих интересах [4, с. 87-88]. Работодателями придумано и оправдание, что цель сбора информации заключается в обеспечении карьерного роста сотрудников компании, более эффективной работы команды⁴. Вроде бы благая идея (развитие персонала является задачей кадровых служб), но с ее осуществлением есть проблемы. С точки зрения законодательства дело обстоит не очень хорошо. Осуществляется сбор излишней информации, что по сути является вмешательством в личную жизнь работника. Для сбора используются социальные сети, почтовая служба, мессенджеры, телефония, системы видеонаблюдения, GPS и интернет-трафик. Это избыточная информация, которая не отвечает целям обработки персональных данных работника, продекларированным в статье 86 ТК РФ. Для работодателя подобная информация не должна иметь значения. Ещё хуже, что выводы из анализа собранной информации делает искусственный интеллект, и он решает, подсказывает, когда и что надо изучить работнику, что почитать и чем ему заняться. Специальные компьютерные программы, системы искусственного интеллекта для оценки работников разработаны и используются российскими компаниями (МТС, Альфа-банк, РЖД, X5 Retail Group и другие)⁵. Вполне осознавая незаконность действий, работодатели пытаются оправдаться тем, что не вникают в суть сообщений в чате или в электронной почте. Однако наивно думать, что можно сделать выводы о предпочтениях, интересах, настроении человека, его «надежности», не вникая в содержание текста. Оказывается, искусственный интеллект руководит человеком, определяет нужно ли ему пройти дополнительное обучение, в каком направлении развиваться, чему обучаться. Манипулирование человеком искусственным интеллектом представляется опасным – эти вопросы должен решать человек. Не удивительно, что сами создатели искусственного интеллекта высказывают опасения о будущем. Глава одного из ведущих разработчиков чипов Arm Holdings Рене Хаас заявил в интервью Bloomberg, что его самый большой страх, касающийся развития искусственного интеллекта, в том, что он получит контроль над человеком. Он призвал найти способ «отключить систему». Люди вскоре могут потерять контроль над искусственным интеллектом, учитывая темпы его развития⁶. Разработчикам соответствующих программ необходимо учитывать существующие нормы законодательства. Все чаще звучат предложения запретить использование систем искусственного интеллекта, применяющих технологии распознавания эмоций, психического здоровья⁷. Конкуренция за рабочие места между людьми и

4 Как бизнесу помогает цифровой профиль сотрудника / (Mirapolis: сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mirapolis.ru/blog/cizrovoy-profil-sotrudnika/> (дата обращения: 19.12.2023).

5 Как устроен цифровой профиль в современных HR-системах на примере нашей Humen Capital Management System / (TalentTech: сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/companies/talenttech/articles/566726/> (дата обращения: 19.12.2023).

6 Разработчик чипов предупредил о «восстании машин» / (В фокусе: сайт). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vfokuse.mail.ru/article/razrabotchik-chipov-predupredil-o-vostanii-mashin-58956172/> (дата обращения: 11.12.2023).

7 Филипова И. А. Рост техносферы: влияние на труд и его регулирование / Цифровые технологии и право: сборник трудов

Год	Рассмотрено дел	Удовлетворено	Отказано	Прекращено	Взысканная сумма (тыс. руб.)	Средняя сумма (тыс. руб.)
2019	23	14	9	8	1229	87
2020	20	8	12	0	558	70
2021	37	22	15	3	796	36
2022	32	16	16	2	8	0

роботами ставит вопрос о корректировке статьи 196 ТК РФ: необходимо сформулировать обязанность работников повышать квалификацию (получать дополнительную профессиональную подготовку) регулярно, с периодичностью 3 года, может и чаще, а не только в тех случаях, когда это прямо предусмотрено законодательством и является условием выполнения определенного вида деятельности.

Цифровое профилирование позволяет сделать открытой занятость граждан (работу по трудовому договору или занятие предпринимательской деятельностью). Тем самым перекрываются лазейки для незаконных действий граждан, которые стремятся получить пособия, компенсации и другие выгоды. Для кадровых служб несомненным плюсом является ускорение процессов принятия решений, облегчение работы. Однако по-прежнему остаются риски утраты данных и сбор избыточной информации. В статье 86 ТК РФ законодатель не посчитал нужным перечислить персональные данные, обрабатываемые работодателем. На нечеткость формулировок этих норм кодекса обращалось внимание [1, с. 7]. Считаем необходимым определить данные, которые формируют профиль работника, обозначив хотя бы примерным перечнем. В частности, профиль работника пополняется данными о повышении квалификации, дополнительном профессиональном образовании, аттестации, присвоении разряда, класса, категории, установлении ограничений по работе в соответствии с медицинским заключением. Возможности тотального контроля работодателя за сотрудниками быть не должно. К сожалению, работодатели нарушают закон, а работники могут и не знать, что за ними, что называется, следят, и согласие их не спрашивают. На основе полученных данных искусственный интеллект делает далеко идущие выводы, влекущие правовые последствия. Такой опыт есть за рубежом, например, компания «Амазон», опираясь на выводы искусственного интеллекта, основанные на данных сенсоров и систем слежения, уволила сотрудников [5, с. 162–182]. Негативный опыт применения искусственного интеллекта проявился и в том, что сотрудников-мужчин в штате компании стало гораздо больше, чем женщин, т. к. при приеме на работу он отдавал предпочтение кандидатам-мужчинам [2, с. 39]. Никто не гарантирует, что подобные решения не принимаются российскими работодателями. Бесконтрольный сбор персональных данных необходимо пресечь, поскольку под угрозой не только трудовые права, но и частная (личная) жизнь работников.

Нарушение прав работников работодателями при обработке персональных данных все чаще является предметом рассмотрения в суде, о чем свидетельствует судебная статистика. Трудовые споры, связанные с защитой персональных данных работников, представлены в таблице⁸.

В перспективе количество дел по поводу защиты персональных данных будет только увеличиваться. Так, с 23 декабря 2023 года в судебном порядке рассматриваются дела по поводу таких нарушений, как размещение и обновление биометрических данных без согласия граждан или с наруше-

нием правил его оформления⁹. Ужесточены нормы об ответственности за подобные нарушения.

Профилирование можно рассматривать как технологию, помогающую решать вопросы управления персоналом. Однако было бы неправильно полагаться на решения искусственного интеллекта. Принимать решения в отношении человека должен только человек. На наш взгляд, следует законодательно запретить работодателям принимать юридически значимые решения, опираясь исключительно на автоматизированную обработку персональных данных, т. к. здесь кроется опасность принятия ошибочных решений. Профсоюзами ряда стран формулируется требование зафиксировать право работников на принятие решений, влекущих риски, только человеком, что считаем совершенно обоснованным. При формировании цифрового профиля работника полагаем необходимым ограничить возможности работодателя, пресекать незаконный сбор информации, нарушающий нормы трудового законодательства и законодательства о персональных данных. Сферу применения рассматриваемого термина можно расширить, внося дополнения в статью 64 ТК РФ о формировании профиля как лиц, ищущих работу, так и работников, но в тех пределах, что очерчены законом. Если для ищущих работу граждан профилирование является обязательным, то применительно к работникам оно может применяться по усмотрению работодателя. Необходимо как можно быстрее принять законодательные решения по рассматриваемым проблемам, чтобы не допускать ущемления прав работников.

Пристатейный библиографический список

1. Абаев Ф. А. Правовое регулирование отношений по защите персональных данных в трудовом праве: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 2014. – 27 с.
2. Городнова Н. В. Применение искусственного интеллекта в цифровой экономике: монография. – М.: Первое экономическое издательство. 2021. – 154 с.
3. Петракова Е. Е. Исследование практики применения кадрового профайлинга на предприятии // Вестник Коми Республиканской Академии государственной службы и управления. Теория и практика управления. 2021. – № 4. – С. 76–82.
4. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права. – Нижний Новгород, 2021. – 106 с.
5. Филипова И. А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 162–182.

международной научно-практической конференции 23 сентября 2022 г. Казань, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitaltechnologiesandlaw.org/media> (дата обращения: 08.01.2024).

8 Судебная статистика РФ: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.api-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/2> (дата обращения: 19.12.2023).

9 Федеральный закон РФ от 12 декабря 2023 года № 589 «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях» / Гарант: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408074919/> (дата обращения: 29.01.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-254-256

ДАВУДОВА Саида Ямудиновна

доцент кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

РАГИМХАНОВА Камилла Тагировна

старший преподаватель кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КВАНТОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследованы основы правового регламентирования квантовых технологий. В отличие от многих других областей науки, научные основы правового регламентирования квантовых технологий еще не до конца определены.

Определены особенности регулирования квантовых технологий и коммуникаций в Российской Федерации и зарубежных странах. Рассмотрено регламентирование квантовых технологий в законодательстве и предложены направления развития их правового регулирования. Проведенное исследование показало, что квантовая технология как объект права нуждается в регламентировании основ регулирования правовой сущности, учитывающей особенности, закрепляющей определение нормативно-правовых режимов квантовых технологий. Подобная регламентация касается как общих, так и особых или специальных квантовых технологий.

Ключевые слова: квантовые технологии, квантовые коммуникации, объекты права, технологии, научные технологии.

DAVUDOVA Saida Yamudinovna

associate professor of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

RAGIMHANOVA Kamilla Tagirovna

lecturer of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan state University, Makhachkala

LEGAL REGULATION OF QUANTUM TECHNOLOGIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the basics of legal regulation of quantum technologies. Unlike many other fields of science, the scientific foundations of the legal regulation of quantum technologies have not yet been fully defined.

The features of the regulation of quantum technologies and communications in the Russian Federation and foreign countries are determined. The regulation of quantum technologies in legislation is considered and directions for the development of their legal regulation are proposed. The conducted research has shown that quantum technology as an object of law needs to regulate the basics of regulating the legal essence, taking into account the features that consolidate the definition of regulatory regimes of quantum technologies. Such regulation applies to both general and special or special quantum technologies.

Keywords: quantum technologies; quantum communications; objects of law; technologies; scientific technologies.

В последние десятилетия квантовая технология утвердилась как новая область исследований, которая, опираясь на результаты исследований в области физики, математики и информатики, привела к появлению множества новых идей и концепций для технических приложений.

Открытия квантовой физики являются основой квантовой технологии. Эти идеи включают в себя все теории и формальные теоретические концепции, а также их интерпретации, сформулированные для описания атомных и субатомных систем, которые составляют основу физики твердого тела и физики атомов и молекул, а также, среди прочего, теоретической химии.

Без квантовой физики многие открытия и изобретения прошлого столетия были бы невозможны, поскольку принципы квантовой механики играют в них ключевую роль.

Среди них лазеры, атомные часы и российское спутниковое позиционирование – системы навигации (ГЛОНАСС) и, в частности, вся область электроники, включая компьютеры, Интернет и мобильную связь. Эти технологии также называют квантовыми технологиями первого поколения.

В последние годы стало ясно, что использование дальнейших квантовомеханических эффектов, выходящих далеко за рамки используемых до сих пор принципов, открыло возможности для множества новых технических приложений.

Первые технические применения второго поколения квантовых технологий сейчас разрабатываются на основе результатов фундаментальных исследований. Эта новая квантовая технология находится в центре внимания на сегодняшний день.

Одним из примеров применения является надежная передача информации, которая имеет первостепенное значение в нашем российском обществе.

Шифрование данных с использованием квантовой криптографии может повысить безопасность передачи данных, выведя ее на совершенно новый уровень.

В апреле 2004 года первый банковский перевод с использованием протокола с квантовой криптографией был осуществлен в Вене. Швейцария впервые применила квантовую криптографию на выборах в Национальный совет в 2007 году для защиты сетей для подсчета голосов от возможной фальсификации [1].

Также в настоящее время используются квантовые датчики, способные обеспечивать более точные измерения гравитации в магнитном поле и вращении Земли.

Приложения квантовой технологии возможно использовать в поисках сырья, например, повышение уровня моря из-за изменения климата можно было бы отслеживать с большой точностью с помощью квантовых датчиков. Пере-

числя эти примеры применения, становится ясно, что в настоящее время обсуждение в основном ведется вокруг возможностей применения.

В отличие от многих других областей науки, научные основы правового регламентирования квантовых технологий еще не до конца определены.

Так, в отличие от России политика ЕС о правовом регулировании квантовых коммуникаций основывается на документе «Quantum Manifesto», который в 2016 году был принят европейскими экспертами в области науки, промышленности и государственного управления. «Quantum Manifesto» предполагал, что развитие квантовых технологий в Европе создаст возможности для новой промышленной экосистемы, основанной на знаниях, что повлияет на долгосрочные экономические, научные и общественные перспективы ЕС. Стандарты квантового права ЕС были предложены государствам по Программе Восточного партнерства, а также для координации законодательства стран-участниц с европейскими нормами защиты данных, правового использования безопасного и открытого глобального Интернета, присоединения партнеров ЕС к международно-правовым стандартам по 5G и Интернету вещей. При этом общая основа, регулирующая отношения между ЕС и его партнерами, обеспечивается соответствующими двусторонними соглашениями.

Кроме того, сотрудничество осуществляется как на двустороннем уровне, так и на региональном уровне в зависимости от характера действий. Сотрудничество также поддерживается через соответствующие диалоги, как на двустороннем уровне, так и на многостороннем уровне через тематические платформы и группы.

Так, внедрение Европейской квантовой флагманской инициативы способствовало подписанию более 20 стран Европы, согласно которой государства-подписанты будут совместно рассматривать вопросы разработки и функционирования квантовой коммуникационной инфраструктуры, что позволит осуществлять передачу и хранение информации и данных, обеспечение на самом высоком уровне коммуникационных активов по всему ЕС.

Ожидается, что инициатива будет способствовать развитию квантовых технологий и их использованию для укрепления кибербезопасности и конкурентоспособности европейской промышленности.

Представители крупных европейских компаний, производящих продукцию и системы квантовых технологий, поддержали программу QCI для Европы, поскольку видят в ней потенциальные выгоды для технологического и экономического роста и противодействия имеющимся киберугрозам.

За последние несколько лет в Канаде, США, Корее, России и Японии был создан ряд центров квантовых технологий для фундаментальных исследований и технических приложений.

Инновационный потенциал квантовых технологий также все больше привлекает интерес частного предпринимательства.

Германия имеет значительный опыт научной работы в области квантовой физики. На основе этих традиционных структур в последние годы в разных регионах Германии возникли исследовательские группы с различными координаторами.

В качестве первого шага на пути к более тесному сотрудничеству были созданы совместные институты, инициативы передового опыта и соглашения о сотрудничестве, в том числе Центр интегрированной квантовой науки и техноло-

гий (IQST) в Штутгарте и Ульме, Ганноверский технологический институт (НПТес) и Центр по оптическим квантовым технологиям в Гамбурге. Поддержка и расширение этих региональных исследовательских усилий и превращение их в исследовательские центры с устойчивыми структурами международного значения является важнейшей задачей на будущее.

Появление квантовых компьютеров, как и любая технология или архитектура, также порождает нормативные вопросы, касающиеся способности фиксировать сложные социальные процессы цифровыми средствами.

В то же время, существующая реальность квантовых технологий сосредоточена на таких направлениях, как влияние квантовых вычислений на практику права, на юридический процесс и на предположения о законодательном регламентировании.

Считаем, что необходимо рассмотреть возможность включения в законодательное поле квантово-безопасных требований конфиденциальности связи, долгосрочной безопасности данных, защиты критической инфраструктуры и дальнейшей разработки квантовых стандартов криптографии.

В первую очередь, рассмотрим возможности дальнейшей разработки квантовых стандартов криптографии, усиления сотрудничества и интеграция квантовых коммуникаций в действующие положения правовых актов и нормы права.

Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в РФ до 2030 года направлена на всесторонне поддержание разработки новых законов для квантовой криптографии, которые должны постоянно уравниваться с правами на конфиденциальность и возможными рисками кибербезопасности и обеспечить глобальную технологическую конкурентоспособность. Цель Концепции – определение основных подходов к развитию системы нормативного регулирования в РФ отрасли квантовых коммуникаций для обеспечения глобальной технологической конкурентоспособности.

По мнению экспертов, у России есть «окно возможностей», чтобы способствовать развитию конкурентоспособной квантовой отрасли, необходимой для обеспечения длительной стабильности и безопасности, сотрудничать с промышленностью, чтобы раскрыть квантовый потенциал и реализовать экономические и общественные перспективы [2].

Важным инструментом для внедрения квантовых коммуникаций, является необходимость разработки законодательных стандартов по включению квантовой криптографии, регулировании экспорта технологий двойного использования, уменьшению ограничений и т.д.

Исследования в области новых квантовых технологий, как правило, являются фундаментальными исследованиями, хотя отдельные приложения появляются или уже разработаны в лабораторных масштабах. Тем не менее, Россия не должна отказываться от исследований и разработок в области квантовых технологий не только из-за их долгосрочного технологического потенциала, но и из-за их влияния на смежные, не менее важные области, такие как информационные и коммуникационные технологии.

Более того, в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет важно инициировать и поддерживать обмен знаниями и сотрудничество между научными исследованиями и промышленностью. Более тесное сотрудничество во многих дисциплинах, особенно между инженерными группами, могло бы открыть новые перспективы для развития технологий и производства.

Поощрение такого более тесного сотрудничества и поддержка обмена знаниями между наукой и бизнесом является еще одной целью развития правового регулирования квантовых технологий.

Рассматривая возникающие вопросы относительно нормативного правового регулирования квантовых технологий в Российской Федерации важно отметить, что становление и развитие квантовых коммуникаций и технологий признается одним из направлений, ориентированных на развитие научных технологий в Российской Федерации, определенных в положениях, поименованных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400).

Законодатель отмечает, что квантовых технологии закономерно отнести к сфере регулирования технологий, попадающий под понятие «информационные технологии» [3]. Е. В. Холодная отмечает, что «основное отличие квантовых технологий от иных информационных технологий, в их физической (природной) сущности, основанной на законах и явлениях квантовой механики (квантовых эффектах)».

В России квантовые технологии принято подразделять на такие виды как:

- квантовые вычисления;
- квантовые сенсоры;
- квантовые коммуникации [4].

При этом в Национальном стандарте Российской Федерации ГОСТ Р 57257-2016/ISO/TS 8000412:2016 определяется, что квантовые вычисления – это самостоятельный класс вычислительных устройств, использующий для решения задач принципы квантовой механики, т.е. представление и обработку данных с использованием квантовых явлений.

При этом технологии квантовой сенсорики исходя из понятия, закрепленного в п. 23 ст. 2 федерального закона «Об обеспечении единства измерений» можно отнести к единицам измерения как – «технические системы и устройства с измерительными функциями».

Исходя из действующего определения информационно-телекоммуникационной сети, закрепленных в п.4 ст. 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» – «технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники», одним из векторов формирования квантовых коммуникаций может быть названо создание квантовой информационной телекоммуникационной сети.

Эксперты отмечают, что правовое регулирование развития квантовых технологий в настоящий момент в России не получило широкого рассмотрения и регулирует лишь отдельные вопросы. Исходя из изложенного обосновывается необходимость инициирования формирования правовых моделей распространения квантовых технологий. Подобная разработка обеспечит принятие необходимых мер по созданию управления вероятностью наступления угрозы для безопасности имеющейся инфраструктуры связи и коммуникаций.

В 2020 году получил утверждение паспорт Дорожной карты развития высокотехнологичной области «Квантовые коммуникации» на период до 2024 года. Нормы, указанного паспорта подтверждают важность и роль развития нормативных основ, направленных на внедрение, а также применения квантовых технологий и коммуникаций в области государственного управления.

Еще одним документом, направленным на регламентирование правоотношений в области квантовых технологий и коммуникаций может быть названо закрепление существующих принципов нормативного регулирования отношений в области правоотношений, касающихся связи, закрепленных в Федеральном законе «О связи», а равно как принципов нормативного регулирования защиты информации, поименованных в положениях ст. 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Отметим, что в области квантовых технологий непосредственным объектом правового регулирования может признаваться сама технология, а равно как и сфера ее использования по назначению.

Проведенное исследование показало, что квантовая технология как объект права нуждается в регламентировании основ регулирования правовой сущности, учитывающей особенности, закрепляющей определение нормативно-правовых режимов квантовых технологий. Подобная регламентация касается как общих, так и особых/специальных квантовых технологий.

Исходя из изложенного может быть рекомендовано применять данные направления в ходе разработки и последующего утверждения нормативной базы, ориентированной на формирование квантовых технологий и коммуникаций.

Правовое регулирование области квантовых технологий в настоящее время не в полной мере отвечает развитию общественных отношений и существенно препятствует развитию рассматриваемой отрасли. Указанное определяет необходимость регулирования законодателем таких направлений как:

- правового регулирования основания и последующего внедрения квантовых технологий. К их числу могут быть включены составляющие авторского права, а также режима деятельности;
- нормативного регулирования использования квантовых технологий в многообразных областях деятельности, в том числе социальной сферы, культурного развития, а также финансового-экономической отрасли и др.).

Пристатейный библиографический список

1. Карасев О. И. и др. Концепция «больших вызовов» в системе прогнозирования развития науки, технологий и инноваций // Экономический анализ: теория и практика. – 2019. – Т. 18. – № 7. – С. 1196-1212.
2. Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2022. – № 4 (92). – С. 38-45.
3. Наумов В. Б., Станковский Г. В. Правовые аспекты квантовых коммуникаций: новые горизонты // Проблемы в российском законодательстве. – 2019. – № 4. – С. 235 @@ Федотов Н. Н. Форензика – компьютерная криминалистика [Текст] / Н. Н. Федотов. – М.: Юридический мир, 2007. – 432 с.
4. Головкин Р. Б., Зыбин Д. Г., Калач А. В. Право квантовых технологий // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2021. – № 1. – С. 134-140.

РАГИМХАНОВА Камилла Тагировна

преподаватель кафедры информационного права и информатики Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ЮРИДИЧЕСКИХ СВОЙСТВ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном обществе роль информации возрастает практически во всех областях жизнедеятельности. Причиной тому является тот факт, что информационный сектор преуспевает в развитии даже больше, чем, к примеру, развитие сектора сельского хозяйства или же экономики. Поэтому, можно с уверенностью назвать XXI век - веком информации, а современное общество - информационным. Информационное общество развивается стремительными темпами, а это развитие, в свою очередь, сказывается на общественных отношениях, складывающихся между членами общества.

Ключевые слова: информационная открытость, свойства, прозрачность, информация, правовое регулирование.

RAGIMKHANOVA Kamilla Tagirovna

senior lecturer of Information law and informatics sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

FEATURES OF THE CONCEPT OF LEGAL INFORMATION AND ITS LEGAL PROPERTIES

The relevance of the research topic is due to the fact that in modern society the role of information is increasing in almost all areas of life. The reason for this is the fact that the information sector is succeeding in development even more than, for example, the development of the agricultural sector or the economy. Therefore, it is safe to call the XXI century the information century, and modern society the information one. The information society is developing at a rapid pace, and this development, in turn, affects the social relations that develop between members of society.

Keywords: information openness, properties, transparency, information, legal regulation.

На сегодняшний день особое значение в рамках системы конституционных гарантий занимает право на доступ к информации. Указанное право вытекает главным образом из положений ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ), которая провозглашает свободу мысли и слова.

Наблюдается стремительное направление государства на развитие цифрового общества. Связано это с тем, что цифровизация общества существенно облегчила жизнедеятельность, а также автоматизировала деятельность, осуществляемую человеком, заменив его искусственным интеллектом.

Появление правовых норм в области защиты информации дает возможность реализовать общепризнанные мировым сообществом нормы и принципы в области защиты информации, применение которых гарантирует субъекту неприкосновенность к его частной жизни без его согласия.

Провозглашение рассматриваемой гарантии на конституционном уровне дает основания для вывода о том, что законодатель признает свободу слова в качестве важнейшего института правового статуса личности. При этом без данной конституционной гарантии государство не может считаться демократическим и правовым.

Понятие информации всегда являлось противоречивым, по причине того, что достаточно много версий было представлено по поводу его конкретного значения. На сегодняшний день понятие информации не обрело конкретный смысл, даже несмотря на то, что это понятие является центральным в ряде естественнонаучных отраслей знания [1].

Информация — это ресурс, который обладает в силу своей правовой природы рядом юридических свойств. Их, как правило, немного, но все они отражают всю составляющую информации и характеризуют ее с юридической точки зрения.

С основными видами информации можно ознакомиться в такой науке, как информатика, которая изучает информацию во всех ее проявлениях. Для информатики очень важно классифицировать информацию по таким видам, как графическая, текстовая, видеоинформация, звуковая, числовая и т.д. каждый из перечисленных видов информации индивидуален и зависит от способа ее передачи, хранения.

Чтобы информация являлась достоверной, полной и точной, а также своевременно поступала и обновлялась. Система правовой информации состоит из множества критериев: по форме носителя, по источнику выражения, по форме допуска и т.д.

То есть в отличие от нормативной информации, этот вид информации является значимым и распространяется только на индивидуально определенные лица, которым эта информация адресована. И, как правило, ненормативная информация применяется только однократно, в отличие от нормативной информации.

Как выяснилось, понятие правовой информации одно, но ее критерии позволяют расширить ее понятие и применять его в различных сферах общественной жизни.

Отсутствие четкого определения и единого понимания затрудняет определение задач правоохранительных органов и выработку единой стратегии борьбы. Однако, важно понимать, что это является серьезной проблемой, которая требует комплексного подхода и совместных усилий со стороны государственных и правоохранительных органов [2].

Еще одна система правовой информации систематизирована по форме допуска: общедоступная информация и конфиденциальная. Общедоступная информация является открытой информацией, то есть может находиться в общем пользовании и общем доступе. Данный вид информации доступен каждому заинтересованному лицу, например, это лю-

бые данные, полученные их распространителем из открытых внешних источников; или любая информация, распространяемая средствами массовой информации (ТВ, радио и т.д.)

Общедоступная информация является открытой информацией, то есть может находиться в общем пользовании и общем доступе. Данный вид информации доступен каждому заинтересованному лицу, например, это любые данные, полученные их распространителем из открытых внешних источников; или любая информация, распространяемая средствами массовой информации (ТВ, радио и т.д.).

Современное государство, а, следовательно, и общество, в целом развиваются в информационной среде. Значительную роль в современном информационном обществе играет информация. Но, понятие информации несмотря на его развитие и различные трактовки, вне зависимости от разных подходов и от степени научных исследований, по сей день не имеет четкого закрепленного значения. Информация имеет ряд свойств, характеризующих ее принадлежность и значение, к таким относятся: свойство физической неотчуждаемости; свойство распространяемости и свойство обособляемости.

Благодаря информационной прозрачности, то есть качеству информации обеспечивается открытость и доступность органов государственной власти для подотчетности гражданскому обществу. Иными словами, открытость и гласность обязывает предоставлять обществу соответствующую действительности информацию, тем самым устанавливается постоянная и качественная связь между гражданами и органами власти [3].

Следует отметить, если информационные отношения характеризуются в большей мере дозволениями, то речь идет об информации открытого доступа. Общедоступная информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении установленных федеральными законами ограничений в отношении распространения такой информации.

Ограничение информации особенно актуально в современное время, когда происходит активная цифровизация всех сфер общественных отношений. Пробелы в правовой регламентации вызывают сложности при квалификации тех или иных деяний, связанных с нарушением ограничений, установленных применительно к свободе слова (при этом особый интерес вызывает именно это).

Следует отметить, что на сегодняшний день сеть Интернет сложно признать саморегулируемой, поскольку она охватывает важные сферы общественных отношений и нуждается в контроле со стороны государства. В противном случае отсутствие правового регулирования на уровне законодательных актов может повлечь множество нарушений прав и законных интересов граждан.

В данной связи с целью уменьшения информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных, создается автоматизированная информационная система «Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных». Основанием для включения в реестр нарушителей является вступивший в законную силу судебный акт.

Однако камнем преткновения реализации ст. 15.5 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» является то, что на практике она применяется достаточно редко. Зачастую, в условиях широкой распространенности сети Интернет, достаточно трудно выявить субъекта, который распространяет информацию, обрабаты-

ваемую с нарушением законодательства. Как следствие, подобные инциденты остаются безнаказанными, а в ряде случаев даже необнаруженными.

Общепринятое название данного вида информации является «режим ограниченного доступа к информации», но помимо этого понятия законодатель учитывает и приравнивает к нему такие понятия, как «тайна», «конфиденциальность», «секретная информация» и т.д.

На основе проведения анализа всех правовых актов можно сделать вывод: правовая основа доступа к информации в РФ имеет четкое закрепление и постоянное функционирование. Законодательство раскрывает сущность информационного обеспечения и открытости. Каждый орган власти обязан улучшать условия предоставления информации, которая запрашивается гражданами, даже если она имеет ограниченный доступ, то предоставлять ту часть данной информации, которая является общедоступной.

Пристатейный библиографический список

1. Беляева О. В. Свобода информации, право на информацию и право на защиту от информации // Современное общество и право. – 2021. – № 2 (51). – С. 39-44.
2. Бутова А. С. Государственная информационная политика РФ на современном этапе // Наука в современном мире: сборник статей международной научной конференции / Под ред. В. В. Растоскуева. О. Е. Грибовой, И. В. Некрасовой. - 2016. - С. 114.
3. Дзюба О. Н., Новицкая Е. А. Пропаганда, свобода слова и ее ограничения, право граждан на информированность // Финансовая экономика. - 2022. - № 12. - С. 205-208.
4. Егоров П. А. Вопросы цифровизации. Защита персональных данных в современных реалиях // XXXV international Plekhanov readings: Юбилейный сборник статей аспирантов и молодых ученых на английском языке, Moscow, 25 марта 2022 года. - Moscow: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2022. - Р. 33-37.
5. Канишевский Н. А. Право на информацию, право на доступ к информации: проблемы соотношения понятий / Н. А. Канишевский // Актуальные вопросы развития современной цифровой среды: сборник статей по материалам научно-технической конференции молодых ученых. - Москва, 2021. - С. 321-329.

ГАВРИЛЬЧЕНКО Карина Руслановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЕНИСЮК Евгения Ивановна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ПРОЦЕДУРА ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ*

Высокое значение в рамках системы налогообложения имеет административный порядок защиты прав налогоплательщиков, поскольку, в соответствии с частью 2 статьи 138 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), данный порядок является первым этапом, предшествующим обращению налогоплательщика в судебные органы. Актуальность данной тематики проистекает из того, что эффективность функционирования механизма административного порядка защиты прав налогоплательщиков сказывается на общей системе гарантирования их прав. Административный порядок представляет собой неотъемлемый компонент всей системы, являясь первичным звеном. Во-первых, он представляет собой ключевой механизм защиты прав налогоплательщика, и, во-вторых, выступает в роли своеобразного «фильтра», разгружающего судебные инстанции от избыточной нагрузки, что, безусловно, имеет высокое значение в современных условиях.

Ключевые слова: финансовое право, налоговое право, налоги, права налогоплательщиков, защита прав налогоплательщиков, административный порядок защиты прав.

GAVRILCHENKO Karina Ruslanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DENISYUK Evgeniya Ivanovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

THE PROCEDURE FOR PROTECTING THE RIGHTS OF TAXPAYERS IN AN ADMINISTRATIVE MANNER

The administrative procedure for the protection of taxpayers' rights is of high importance within the framework of the taxation system, since, in accordance with part 2 of Article 138 of the Tax Code of the Russian Federation (Tax Code of the Russian Federation), this procedure is the first stage preceding the taxpayer's appeal to the judicial authorities. The relevance of this topic stems from the fact that the effectiveness of the mechanism of the administrative procedure for the protection of taxpayers' rights affects the general system of guaranteeing their rights. The administrative order is an integral component of the entire system, being the primary link. Firstly, it represents a key mechanism for protecting the rights of the taxpayer, and, secondly, it acts as a kind of "filter" that unloads judicial authorities from excessive workload, which, of course, is of high importance in modern conditions.

Keywords: financial law, tax law, taxes, taxpayers' rights, protection of taxpayers' rights, administrative procedure for the protection of rights.

Защита прав налогоплательщиков в административном порядке осуществляется в соответствии с нормами, установленными главами 19 и 20 Налогового кодекса Российской Федерации. Очевидно, что в рамках российского правового строя, ориентированного на утверждение страны в качестве правового государства, законодатель решительно должен был предусмотреть возможность оспаривания решений, принятых налоговыми органами, а также противозаконного бездействия налоговых органов или их представителей [1].

В соответствии с положениями статьи 137 Налогового кодекса Российской Федерации каждое субъектное лицо имеет законное право на обжалование актов налоговых органов, имеющих ненормативный характер, а также на действия или бездействие их должностных лиц, в случае, если, по убеждению данного субъекта, такие акты, действия или бездействие нарушают его права. Применительно к лексическому содержанию термина «обжалование» следует отметить, что данная процедура осуществляется через обращение к соответствующему компетентному государственному органу с соответствующей жалобой.

В соответствии с п. 1 ст. 138 НК РФ акты налоговых органов, действия (или бездействие) их должностных лиц могут быть обжалованы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд. Подача жалобы в вышестоящий налоговый орган (вышестоящему должностному лицу) не исключает права на одновременную или последующую подачу жалобы в суд.

Таким образом, налогоплательщику предоставлено право выбора наиболее удобного варианта для защиты нарушенных прав [2].

В свете изложенного Марзоева И. О. отмечает, что практически незначительное число налогоплательщиков воспринимают право на обжалование актов налоговых органов, действий (или

бездействия) их должностных лиц в вышестоящий налоговый орган или к вышестоящему должностному лицу, предпочитая непосредственно подавать иски в суды соответствующей юрисдикции [3].

Тем не менее, выдающиеся советские ученые, такие как В. П. Грибанов [4] и С. Н. Братусь, настаивают на крайне негативной оценке данного метода разрешения нарушений прав, а именно административного порядка обжалования. Согласно высказыванию С. Н. Братусь, «Большая часть трудностей была бы преодолена, если бы граждане, вместо обращения в различные административные инстанции... по поводу безответственности тех или иных организаций предпочитали подавать иски в суд, который разрешал бы споры в строгом соответствии с законом».

Наши взгляды отчетливо не совпадают с предложенной точкой зрения, поскольку в Российской Федерации, а также в ряде зарубежных государств, существует значимый и, можно сказать, детерминирующий фактор – необходимость наличия процедуры досудебного обжалования в административном порядке, вызванная ограниченностью ресурсов судебных органов. Принимая во внимание тезис С. Н. Братусь, следует отметить, что реализация идеи о рассмотрении всех споров исключительно в рамках судебного процесса сталкивается с ограниченностью временных и кадровых ресурсов судебной системы Российской Федерации.

Данный факт также обосновывается тем, что в рамках судебного разбирательства материалы рассмотрения спора в административном порядке представляют собой обоснованные (либо необоснованные) позиции сторон, которые в свою очередь направляются в судебные органы при переходе рассмотрения спора от административного порядка к судебному, что также, очевидно, способствует ускорению судебного процесса [5].

В ходе тщательного анализа существующей судебной и юридической практики становится ясным, что при разрешении споров, связанных с налоговой сферой, в рамках административных процедур в большинстве случаев апелляции со стороны налогоплательщиков остаются неудовлетворенными. В контрасте с этим, при обращении налогоплательщиков в суд в целях защиты

* Научный руководитель: Пономарев Олег Владимирович, старший преподаватель кафедры конституционного административного права Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ)

нарушенных прав, их требования, практически всегда, находят положительное решение от суда [6].

Порядок подачи жалобы в вышестоящий налоговый орган определяется в соответствии с положениями ст. 139 НК РФ.

Так, в соответствии со ст. 139 НК РФ жалоба (апелляционная жалоба) подается в вышестоящий налоговый орган через налоговый орган, акты ненормативного характера, действия или бездействия должностных лиц которого обжалуются. В свою очередь, налоговый орган обязан в течение 3-х дней со дня поступления такой жалобы направить ее со всеми материалами в вышестоящий налоговый орган.

Проводя параллель с судебным вариантом рассмотрения спора между лицом и налоговым органом, стоит отметить, что по аналогии в рамках административного порядка также присутствуют основания оставления жалобы без рассмотрения. Такими основаниями в соответствии со ст. 139.3 НК РФ являются:

1) Жалоба не подписана, либо подписана лицом, не уполномоченным на подписание данной жалобы (не представлены уполномочивающие документы в качестве приложения к жалобе);

2) Жалоба подана после истечения срока подачи жалобы, установленного НК РФ, при этом жалоба не содержит ходатайства о его восстановлении или в восстановлении пропущенного срока на подачу жалобы отказано;

В данном случае важно отметить, что в правоприменительной практике зачастую возникает вопрос, связанных именно с определением момента, с которого определяется срок. Так, например, в рамках гражданского судопроизводства срок начинает течь с момента, когда лицо узнало, либо должно было узнать о том, что его право нарушено, а также с момента, когда лицо узнало, кто является надлежащим ответчиком по делу [7].

3) До принятия решения по жалобе от лица, ее подавшего, поступило заявление об отзыве жалобы полностью или в части;

4) Ранее подана жалоба по тем же основаниям;

5) До принятия решения по жалобе налоговый орган сообщил об устранении нарушения прав лица, подавшего жалобу, в порядке, установленном п. 1.1 ст. 139 НК РФ.

То есть в случае, когда лицом была направлена жалоба в отношении акта, действий или бездействия должностных лиц налогового органа, и при этом налоговый орган самостоятельно устранил возникшие нарушения прав и иных законных интересов такого лица, жалоба остается без рассмотрения.

6) До принятия решения по жалобе налоговый спор о том же предмете и по тем же основаниям был разрешен судом.

7) До принятия решения по жалобе организация, подавшая жалобу, исключена из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа или ликвидирована либо получены сведения о смерти или об объявлении умершим физического лица, подавшего жалобу.

В данном случае важно отметить, что оставление жалобы без рассмотрения в таком случае подразумевает, что возникающее правоотношение не допускает правопреемства.

В соответствии с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, понятием правопреемства является переход в полном объеме или частично прав и обязанностей от одного субъекта к другому в определенных предусмотренных законом ситуациях.

Если в рамках конкретного правоотношения предполагается, например, воздействие на права или обязанности наследника умершего лица, налоговый орган не вправе отклонить рассмотрение жалобы в связи с возникновением обстоятельств, предусмотренных пунктом 8 подпункта 1 статьи 139 Налогового кодекса Российской Федерации.

Тем не менее, наиболее часто в практике возникают ситуации, связанные с исключением юридического лица (организации) из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) [8].

Вышестоящий налоговый орган рассматривает жалобу (апелляционную жалобу), документы, подтверждающие доводы лица, подавшего жалобу (апелляционную жалобу), дополнительные документы, представленные в ходе рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы), а также материалы, представленные нижестоящим налоговым органом, без участия лица за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 140 НК РФ. Например, возможно рассмотрение жалобы с использованием системы ВКС, что безусловно также направлено на защиту прав и законных интересов заявителя.

По итогам рассмотрения жалобы (апелляционной жалобы) вышестоящий налоговый орган:

1) оставляет жалобу (апелляционную жалобу) без удовлетворения;

2) отменяет акт налогового органа ненормативного характера;

3) отменяет решение налогового органа полностью или в части;

4) отменяет решение налогового органа полностью и принимает по делу новое решение;

5) признает действия или бездействие должностных лиц налоговых органов незаконными и выносит решение по существу.

К примеру, вышестоящий орган налогового управления, проведя анализ исходя из рассмотрения апелляционной жалобы по решению, принятому в соответствии со статьей 101 Налогового кодекса Российской Федерации (НК РФ), и выявив нарушение существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки, имеет право отменить данное решение. При этом вышестоящий орган имеет полномочия рассмотреть представленные материалы, включая документы, подтверждающие аргументы лица, подавшего апелляционную жалобу, а также дополнительные документы, представленные в процессе рассмотрения апелляционной жалобы. В рамках данной процедуры вышестоящий орган также учитывает материалы, представленные налоговым контролем в соответствии со статьей 101 НК РФ, и принимает соответствующее решение в соответствии с пунктом 3 статьи 140 НК РФ.

Таким образом, процесс защиты прав налогоплательщика в административном порядке предполагает подачу жалобы на ненормативные акты, а также на действия или бездействие должностных лиц налоговых органов, которые, по мнению заявителя, нарушают его права и законные интересы. Очевидно, что процент удовлетворенных жалоб будет существенно ниже, чем ожидаемый налогоплательщиками и заявителями. Этот факт часто объясняется обнаружением множества нарушений со стороны налогоплательщиков в ходе процедуры, которая исключает субъективное воздействие со стороны сотрудников налогового органа, поскольку многие процессы автоматизированы и работают в полностью автоматическом режиме (например, подчеты, формирование отчетности и справок). Для иллюстрации можно привести приложение «Мой налог», где справки формируются мгновенно даже при внесении изменений в профильные данные [9].

Однако наиболее надежный способ защиты интересов налогоплательщиков является обращение в судебные органы с целью рассмотрения возникшего спора.

Пристатейный библиографический список

1. Сидорова А. В. Налоговые споры: понятие и признаки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2015. - № 4 (32). - С. 76 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nalogovyespory-ponyatie-i-priznaki> (дата обращения: 17.12.2023).
2. Смолина О. Состязательность и непосредственность при доказывании в досудебном порядке / О. Смолина // Налоговый вестник. - 2016. - № 6. - С. 89. 37. @@ Смолина О. С. Цель доказывания по налоговым спорам в арбитражном процессе / О. Смолина // Труды Института государства и права РАН. - 2017. - № 1 (59). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsel-dokazyvaniyapo-nalogovym-sporam-v-arbitrazhnom-protse> (дата обращения: 17.12.2023).
3. Марзоева И. О. Административный порядок обжалования актов налоговых органов, действий (бездействий) должностных лиц налоговых органов. Тип: Статья Автор: Марзоева И. О. - Москва: Издательство: Юрист, 2008. - С. 19-23.
4. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. - 1967. - № 1. - С. 49-56.
5. Султанов А. Р. Обжалование и законный интерес в процедуре оспаривания нормативных актов / А. Р. Султанов // Российский судья. - 2017. - № 10. - С. 49-54.
6. Толчеев Н. К. Судебное оспаривание актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Судья. - 2018. - № 1. - С. 38-42.
7. Торбунова В. В. Механизм досудебного урегулирования налоговых споров // Юридический факт. - 2017. - № 8 (8). - С. 6-8.
8. Файрузова Ю. М., Н. Н. Бойко Понятие и сущность налогового спора // Современные научные исследования и разработки. - 2017. - № 9 (17). - С. 480-481.
9. Хаванова И. А. Особенности производства по налоговым спорам в арбитражных судах – актуальные вопросы теории и практики // Налоговый журнал. - 2010. - № 5. - С. 10-17.

ГЕРАЩЕНКО Александра Сергеевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ЧЕРНОВА Альбина Николаевна

студент Юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ОЧАКОВСКИЙ Виктор Александрович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

К ВОПРОСУ О ПЛАТЕ ЗА ФАКТИЧЕСКИ НЕВЫПОЛНЕННЫЕ РАБОТЫ ПО ГОСКОНТРАКТУ

В данной научной статье рассматривается проблема фактически невыполненных работ по государственным контрактам в Российской Федерации. Статья анализирует правовой стержень регулирования данной проблемы, включая положения Федерального закона № 44-ФЗ, а также административные и уголовные ответственности, которые могут применяться в случае нарушения контрактных обязательств. Также рассматривается текущий статус законопроекта, предлагающего уполномочить органы муниципального финансового контроля составлять протоколы в случае муниципальных контрактов. Особое внимание уделяется этапу приемки выполненных работ и возможным административным последствиям для поставщиков при несоответствии условиям контракта. Поднимается проблема эффективности регулирования муниципальных контрактов, выделяя необходимость усовершенствования законодательства в данной области. Анализ статей 285.1 и 285.2 Уголовного кодекса РФ подчеркивает их значимость в предотвращении злоупотреблений с бюджетными средствами, подрывающими финансовую устойчивость государства. Автор выделяет общественные и личные интересы, нарушение которых может быть следствием несоблюдения контрактных обязательств. Фактически невыполненные работы по государственным контрактам рассматриваются как источник серьезных проблем для бюджетной системы, подчеркивая актуальность вопроса.

Ключевые слова: невыполненные работы, государственный контракт, муниципальный контракт, финансовый контроль, законодательство, государственные и муниципальные нужды.

GERASHCHENKO Alexandra Sergeevna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

CHERNOVA Albina Nikolaevna

student of the Faculty of Law of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

OCHAKOVSKIY Viktor Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty of the I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

ON THE ISSUE OF PAYMENT FOR ACTUALLY UNCOMPLETED WORK ACCORDING TO THE STATE CONTRACT

This scientific article examines the problem of actually unfulfilled work under government contracts in the Russian Federation. The article analyzes the legal core of regulation of this problem, including the provisions of Federal Law No. 44-FZ, as well as administrative and criminal liability that may be applied in case of violation of contractual obligations. The current status of the bill proposing to authorize municipal financial control bodies to draw up protocols in the case of municipal contracts is also considered. Particular attention is paid to the stage of acceptance of completed work and the possible administrative consequences for suppliers in case of non-compliance with the terms of the contract. The problem of the effectiveness of regulation of municipal contracts is raised, highlighting the need to improve legislation in this area. An analysis of articles 285.1 and 285.2 of the Criminal Code of the Russian Federation emphasizes their importance in preventing abuse of budget funds that undermine the financial stability of the state. The author identifies public and personal interests, the violation of which may be a consequence of non-compliance with contractual obligations. In fact, unfulfilled work under government contracts is seen as a source of serious problems for the budgetary system, highlighting the urgency of the issue.

Keywords: unfulfilled work, state contract, municipal contract, financial control, legislation, state and municipal needs.

Регулирование правоотношений в сфере исполнения контрактов на выполнение подрядных работ для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации строится на основе законодательных актов, включая Конституцию Российской Федерации [1], Гражданский кодекс РФ [2], Бюджетный кодекс РФ [3] и Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4]. В качестве одной из основных задач органов местного самоуправления выступает повышение качества и уровня жизни местного населения [5].

Согласно Федеральному закону № 44-ФЗ, одним из этапов исполнения контракта является приемка поставленного товара, выполненной работы или оказанной услуги. Поставщик (подрядчик, исполнитель) обязан предоставлять информацию о ходе исполнения своих обязательств и обеспечить приемку товара или работы в соответствии с контрактом. В случае приемки не выполненных работ, заказчику может быть применена административная ответственность.

Важно отметить, что система муниципального заказа — один из важнейших способов регулирования экономических процессов на уровне муниципалитета [6].

В свою очередь, если обратиться к законодательству, то можно отметить следующее. Частью 10 статьи 7.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [7]

предусмотрена административная ответственность за приемку товара, работы или услуги в случае несоответствия условиям контракта, если это привело к дополнительным расходам бюджета. Как указано в статье, органы прокуратуры могут возбудить дело о любом административном правонарушении в пределах своих полномочий.

Однако существует сложность в регулировании муниципальных контрактов, оплата выполнения которых осуществляется за счет средств местного бюджета. Законопроект № 685434-7, внесенный в Госдуму в мае 2019 года, предлагал уполномочить должностных лиц органов муниципального финансового контроля составлять протоколы по делам данной категории. Однако до настоящего времени данный законопроект не был принят в окончательной редакции.

Далее необходимо заметить, что исследование о плате за фактически невыполненные работы по государственным контрактам остается актуальным и значимым в современном обществе, вышеуказанное обусловлено несколькими ключевыми факторами. На основе изложенных далее принципов строится правовое регулирование по данному вопросу [8].

Во-первых, экономические последствия невыполнения государственных контрактов могут быть значительными и оказать серьезное воздействие на бюджетную стабильность страны, на наш взгляд, вышеуказанные ситуации могут вызвать серьезные

потери и ущерб финансовой системе, как в рамках бюджетного, так и внебюджетного финансирования. Стратегическими задачами экономического развития Российской Федерации являются вхождение в число лидеров по объему валового внутреннего продукта [9].

Во-вторых, невыполнение контрактов порождает сомнения в честности и эффективности государственного управления. Это может вызвать доверие общества к власти и государственным институтам, и создать впечатление о коррупции и неэффективности.

В-третьих, вопросы платы за невыполненные работы связаны с вопросами законности и справедливости. Соблюдение законов и контрактных обязательств играет важную роль в обеспечении справедливости в обществе. Нарушение контрактов может повлечь юридические последствия для всех сторон.

В-четвертых, в некоторых случаях невыполнение контрактов может быть связано с коррупцией и злоупотреблением властью. Исследование этой проблематики может способствовать выявлению и предотвращению коррупционных практик.

В-пятых, разработка механизмов и инструментов для учета и платы за невыполненные работы способствует повышению эффективности государственного управления и обеспечению более прозрачного и ответственного управления бюджетными средствами.

Исходя из вышеуказанных факторов, исследование этой темы остается важным и актуальным, и его результаты могут способствовать более эффективному управлению государственными ресурсами и обеспечению законности и справедливости в обществе.

Касаясь уголовной ответственности, стоит обратить внимание на статьи 285.1 и 285.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, которые предусматривают уголовную ответственность за преступления против государственной власти и интересов государственной службы. Преступления, описанные в данных статьях, создают условия для совершения хищений, экономических и других преступлений.

Преступления, описанные в статьях 285.1 и 285.2 Уголовного кодекса [10], представляют серьезную угрозу для нормального функционирования государственной и местной власти. Они также подрывают финансовую устойчивость, как в случае бюджетного (ст. 285.1), так и внебюджетного (ст. 285.2) финансирования. Ненадлежащее использование бюджетных (внебюджетных) средств создает благоприятные условия для совершения хищений, экономических и других преступлений.

Изложенное подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования методики расследования злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд [11].

Далее разберёмся со следующим вопросом, который связан с эффективной бюджетной политикой, что включает в себя ряд вопросов, связанных с целями, которые должны быть достигнуты [12].

Дело в том, что основной объект нарушения – это общественные отношения, которые обеспечивают правильное распределение финансовых ресурсов должностными лицами, получающими бюджетные средства. Значит отсюда виднеется следующее: такие средства должны использоваться в строгом соответствии с их назначением. Дополнительно нарушаются интересы физических и юридических лиц, которые должны получать эти средства.

Если говорить о предмете уголовного преступления, то туда входят являются бюджетные средства, которые рассматриваются как специально выделенные средства в рамках соответствующего бюджета, бюджетной росписи, уведомлений о бюджетных ассигнованиях, смет доходов и расходов, и других документов, которые закрепляют юридическую основу для получения этих средств, следовательно, они могут быть предназначены для поддержки разных областей, таких как промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь, а также для обеспечения охраны окружающей среды и управления природными ресурсами.

Фактически невыполненные работы по государственным контрактам создают серьезные проблемы для бюджетной системы Российской Федерации и могут повлечь за собой административные и уголовные санкции. Кроме того, актуальным и дискуссионным остается существование такого пробела в праве [13]. Регулирование муниципальных контрактов требует дополнительных усовершенствований, включая принятие законопроекта, который позволил бы уполномочить органы муниципального финансового контроля составлять протоколы в случае нарушений.

С учетом общественной опасности подобных преступлений необходимо обеспечить более эффективное пресечение нарушений в сфере исполнения контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Таким образом, в заключении стоит отметить, что существует проблема фактически невыполненных работ по государственным контрактам в России и пути ее решения. Важно понимать, что проблемы включают в себя невыполнение контрактных обязательств, что может привести к дополнительным расходам бюджета, и отсутствие четкой процедуры контроля при муниципальных контрактах. Так, в экономическом понимании муниципальная собственность является совокупностью экономических отношений [14]. Для решения проблемы предлагается усовершенствование контрактной системы, включая более строгие требования к поставщикам и подрядчикам, а также ужесточение уголовной ответственности за нарушения в сфере государственных закупок. Законодатели также должны продвигать законопроект, позволяющий органам муниципального финансового контроля составлять протоколы в случае нарушений муниципальных контрактов. Важно понимать, что образование и информирование всех участников процесса также играют важную роль, снижая риск нарушений и упрощая процедуры контроля. Значит органы прокуратуры должны активно контролировать соблюдение законодательства в сфере контрактов и государственных закупок и готовы возбуждать дела о нарушениях, ведь эффективное регулирование и контроль в сфере исполнения контрактов содействуют более эффективному использованию бюджетных средств и предотвращению нарушений.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (в ред. от 04.07.2020) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. – № 237 (первоначальный текст).
2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ Принята Государственной Думой 21 октября 1994 г. (в ред. от 01.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 01.09.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г. – № 31. – Ст. 3823.
4. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 15.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 апреля 2013 г. – № 14. – Ст. 1652.
5. Мироненко Н. Н., Павлов Н. В. Особенности осуществления управления муниципальной собственностью // Эпомен. – 2022. – № 69. – С. 212-219.
6. Никулина С. А., Юшко А. В. К вопросу о правовом регулировании муниципального заказа // Эпомен. – 2019. – № 25. – С. 212-221.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. – № 1 (часть I). – Ст. 1.
8. Архиреева А. С., Репях А. Бюджет муниципального образования: проблемы и пути увеличения его доходной части и предупреждение налоговых правонарушений // Эпомен. – 2021. – № 55. – С. 290-295.
9. Архиреева А. С., Костенко Б. Ю. Финансовая безопасность и основные направления ее обеспечения // Эпомен. – 2019. – № 34. – С. 26-32.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 12.10.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. – № 25. – Ст. 2954.
11. Очаковский В. А., Усенко А. С. Криминалистическая характеристика злоупотреблений в сфере государственных закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд // Вестник краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 3 (61). – С. 82-89.
12. Лейба И. П., Павлов Н. В., Очаковский В. А. Бюджет муниципального образования как ключевой элемент экономических основ местного самоуправления (муниципально-правовой аспект) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 7. – С. 94-97.
13. Архиреева А. С., Едиджи Ф. А. Проблемы развития финансового контроля // Эпомен. – 2020. – № 36. – С. 17-24.
14. Абрамов Н. В., Юшко А. В. Экономическая основа местного самоуправления эпомен. – 2019. – № 23. – С. 20-28.

ДЗУЦЕВА Мадина Феликсовна

ассистент кафедры финансового и административного права Юридического факультета имени К. Л. Хетагурова Северо-Осетинского государственного университета

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ НА ФИНАНСОВУЮ СИСТЕМУ РОССИИ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ

В статье анализируется экономический эффект от введенных в отношении РФ санкций, а также их промежуточные итоги. Раскрывается природа санкционного давления, его механизм, анализируется целесообразность введения санкций в современном мире. Дается оценка действиям экономического блока Правительства по реагированию на санкции. Рассматриваются барьеры и препятствия восстановительного роста российской экономики, в числе которых названы: ограничение доступа России к рынку технологий, трудности адаптации к новым условиям малого и среднего бизнеса, зависимость от Китая. Формулируются стратегии адаптации к новым экономическим условиям и минимизации негативных последствий.

Ключевые слова: санкционное давление, адаптационная политика, экономическая система, восстановительный рост, экономический эффект.

DZUTSEVA Madina Feliksovna

assistant of Financial and administrative law sub-faculty of the Faculty of Law of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University

THE IMPACT OF INTERNATIONAL SANCTIONS ON THE RUSSIAN FINANCIAL SYSTEM AND ADAPTATION STRATEGIES

The article analyzes the economic effect of the sanctions imposed on the Russian Federation, as well as their interim results. The nature of sanctions pressure, its mechanism are revealed, and the expediency of imposing sanctions in the modern world is analyzed. The assessment of the Government's economic bloc's response to sanctions is given. The barriers and obstacles to the recovery growth of the Russian economy are considered, among which are: limited access of Russia to the technology market, difficulties in adapting to new conditions for small and medium-sized businesses, dependence on China. Strategies for adapting to new economic conditions and minimizing negative consequences are formulated.

Keywords: sanctions pressure, adaptation policy, economic system, recovery growth, economic effect.

Введение

Количество санкций, введенных в отношении РФ, стало беспрецедентным за всю историю нашей страны. Несмотря на то, что самые сильные ограничения были введены в 2022 г., санкционное давление западных стран началось ещё с 2014 г. – поводом к этому послужило включение территории Крыма в состав России. Экономические санкции преследовали и продолжают преследовать своей целью изменение политического курса руководства РФ и, прежде всего, её внешней политики. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что экономические санкции являются инструментом политического давления и борьбы. Вопрос относительно эффективности экономических санкций остаётся дискуссионным по сей день. Безусловно, опираясь на статистику, мы можем сказать о том, что негативный эффект для экономической системы страны присутствует. Вместе с тем, стоит отметить, что санкции, то есть искусственное ограничение финансовых операций, замедление или ограничение торговли дают возможность экономике раскрыть собственный внутренний потенциал и тем самым обрести экономический суверенитет. Понятно, что абсолютного экономического суверенитета не существует, поскольку экономики всех стран современного мира взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга. Однако, как показывает практика, достижение относительного экономического суверенитета – необходимость не только для финансового процветания государства, но и условие политической независимости.

Методы исследования

Результаты настоящего исследования получены в результате анализа нескольких источников: публикации в научных журналах, материалы средств массовой информации, статистические данные государственных органов (министерства экономического развития, министерства финансов). При подготовке статьи использовались общенаучные (анализ, синтез) и частнонаучные методы исследования (метод научных абстракций, системный, исторический и логический).

Результаты исследования

Для того, чтобы проанализировать влияние международных санкций на экономику страны и разработать стратегии адаптации, необходимо определиться с понятием санкционного давления (санкционной политики) и кратко рассмотреть его историю.

Рассмотрим несколько определений санкций. По мнению Т.В. Гудушаури, «санкции включают запрет на въезд в определенные страны, замораживание активов и запрет на экспорт определенных товаров. Они также могут включать запрет на кредитование, запрет на продажу оружия и технологий, а так-

же другие меры, которые ограничивают экономические и политические связи с Россией». Г. Хафбауэр рассматривает санкции как «официальное, на уровне правительств, прекращение или угроза прекращения торговых и финансовых операций со страной-адресатом (частично или полностью) в целях достижения позитивных изменений в её политическом поведении». Проанализировав данные определения, мы можем прийти к выводу о том, что санкции – это финансово-экономический инструмент, который призван повлиять на политику того или иного государства, с целью добиться от страны-адресата выгодного политического курса.

Впервые прецедент санкционного давления на другие страны был создан США после Первой Мировой войны и был связан с президентом Вудро Вильсоном, который решил расширить инструментарий ненасильственных способов разрешения противоречий. Особенно активно санкционная политика стала применяться в 1990-х гг., после того, как двухполярный мир перестал существовать и на планете установилась гегемония США.

Тем не менее, среди учёных-экономистов отсутствует единое мнение относительно производимого эффекта от экономических санкций. Как уже отмечалось, последствия санкций можно разделить на отрицательные и положительные для страны-адресата. В связи с этим, оценку воздействия санкций на экономику страны можно дать только после достаточно продолжительного временного промежутка (от нескольких лет до нескольких десятилетий).

Однако, одно можно сказать уже точно: введенные в отношении нашей страны санкции имеют не только официально закреплённый характер, но и несут в себе латентный, не менее негативный потенциал, заключающийся в отказе от бизнес-сотрудничества, снижения инвестиционной активности, сворачивание межгосударственных контактов.

Все санкции, введенные в отношении нашей страны, можно разделить на секторальные и индивидуальные. Если индивидуальные санкции имеют больше политический эффект, то секторальные санкции закрывают доступ России к рынку капитала, технологий, рабочей силы.

Санкционная политика в отношении России выстроена таким образом, что негативные последствия имеют мультипликативный, отложенный эффект, поэтому ещё пока слишком рано говорить о том, что Россия справилась с санкциями. Тем не менее, действия властей в нынешней ситуации уже можно оценивать с положительной стороны – несмотря на ряд ошибок, вызванных в том числе шоковым эффектом, правительство сумело достаточно быстро адаптировать экономику под новые условия.

Преодоление шоковых эффектов стало возможным благодаря наличию финансовой «подушки безопасности» и грамот-

ных действий Центрального банка. Основная отрасль экономики России – энергетическая, успешно пережила 2022 г. за счёт высоких цен на энергоресурсы и отложенных санкционных решений (которые пришлись на конец 2022-2023 г.). Тем не менее, эффект от данного вида санкций нашей стране ещё предстоит ощутить, когда цены на нефть пойдут вниз, а санкции в этой части заработают в полную силу [6, с. 7].

Большое значение для внутреннего рынка имеет уход из страны большого количества поставщиков, что вынудило резко нарастить внутреннее производство. Это в некоторых секторах экономики производство не удовлетворяет внутренний спрос, что является ещё одной приоритетной задачей Правительства страны.

Между тем, санкционное давление, безусловно, имеет свои негативные последствия, в том числе долгосрочные. Так, серьёзной проблемой является ограничение доступа России к рынку технологий. Перестройка научно-технической базы и создание собственного рынка займёт продолжительное время. Этот процесс осложняется «утечкой мозгов». Отъезд российских учёных за 2022-2023 гг. носил массовый характер. Вместе с тем, привлекательность России для иммиграции иностранных специалистов в нынешних условиях резко снижается. Всё это диктует необходимость усиления работы Правительства в этом направлении, ускоренного создания условий для подготовки и удержания учёных внутри страны. Но даже по самым оптимистичным прогнозам, этот процесс может занять от 5 до 7 лет.

Серьёзные трудности испытывает российский бизнес, особенно малый и средний. Это связано с несколькими факторами [5, с. 174].

Во-первых, опасность создаёт снижение внутреннего спроса. Это связано с падением реальных доходов населения, возрастающей инфляцией. Инфляция возникает, том числе, из-за роста закредтованности населения, в том числе необеспеченного. Центральный Банк РФ уже предпринимает меры для смягчения этой ситуации. Тем не менее, решение проблемы лежит в оздоровлении экономики, поиске новых рынков сбыта продукции и улучшении её качества. Рассчитывать в этом вопросе стоит только на внутренние ресурсы [3, с. 20].

Во-вторых, трудности связаны с локализацией производства в РФ. Сырьё и оборудование значительно подорожали, а их ввоз сопровождается рядом логистических трудностей. В некоторых отраслях уже начался процесс переноса производства в другие страны, прежде всего в Китай. Пока этот процесс не носит массового характера и ситуацию возможно исправить [7, с. 235].

В-третьих, наблюдаются серьёзные трудности, связанные с рабочей силой. Промышленные предприятия испытывают острую нехватку рабочих, об этом заявляют более 43% организаций. Компаниям приходится повышать заработную плату, чтобы сделать условия трудоустройства более привлекательными, однако, если это не сопровождается ростом реальной прибыли, то предприятиям приходится нести издержки. Очевидно, что такая ситуация не может долго продолжаться и требуется предпринимать серьёзные меры для её разрешения. Однако, на данном этапе решение этого вопроса так или иначе упирается в повышение производства и, как следствие увеличение реальных доходов предприятия, что, в свою очередь, возможно только при грамотном менеджменте [2, с. 96].

Четвёртая проблема вытекает из предыдущего пункта и связана с недостаточностью качественных управленческих кадров. Реформы образования, начатые в 1990-х гг. принесли неоднозначный результат. Присоединение к Болонской системе, повлекло за собой как ряд преимуществ, так и ряд недостатков, которые связаны, прежде всего, с отказом от фундаментального образования и заимствования явно не лучших практик из западной модели образования. Также серьёзно пострадала практическая составляющая обучения [1, с. 56].

Также серьёзную тревогу вызывает всё возрастающая зависимость от Китая. Очень наглядно это можно проследить на рынке автопрома, электроники (планшеты, смартфоны, ноутбуки и пр.), промышленного оборудования и др. На сегодняшний день складывается ситуация, при которой Россия продаёт Китаю дешёвое сырьё, а взамен получает дорогую продукцию. Конечно, Правительству необходимо обратить внимание на данную ситуацию и не допустить превращения России в сырьевой придаток Китая¹.

Очень важно сформулировать стратегии адаптации, которые помогут России минимизировать негативные эффекты от санкционного давления и построить суверенную экономиче-

скую систему. Таким образом, можно сформулировать несколько рекомендаций:

1. Интенсификация инвестиционных и иных бизнес-контактов с западными контрагентами, которые видят перспективы развития бизнеса в России. Контакты на уровне бизнеса могут помочь избежать катастрофических последствий и найти не только новые рынки сбыта, но и высококвалифицированных специалистов, технологии и др. Экономическая наука различает экстенсивный и интенсивный путь экономического развития. На наш взгляд, необходимы не просто контакты с внешним миром, расширение рынков сбыта, а качественные бизнес-контакты, которые помогут модернизировать технологическую основу производства.

2. Создание комфортного инвестиционного климата, снижение административной нагрузки на бизнес, формирование ответственной бизнес-культуры в стране. Снижение административной нагрузки на бизнес помогает освободить время для проработки стратегии развития бизнеса, привлечения инвестиций, сосредоточиться на производственных процессах. Формирование ответственной бизнес-культуры предполагает взаимную ответственность государства и бизнеса: государство помогает бизнесу развиваться, защищает его правовыми средствами, а бизнес отличает государство той же монетой – увеличением прибыли и соответственно, ростом налоговой выручки.

3. Реформирование системы образования. Человеческий капитал играет едва ли не ключевую роль во всех экономических процессах, следовательно, чем качественнее будет вестись подготовка специалистов, тем лучше это отразится на экономике. В теории экономической науки существует понятие факторов производства: одним из факторов производства является труд. От того, насколько качественно будет выполняться работы и оказываться услуги, а также от того, насколько интенсивно в производственный процесс внедряются достижения науки (инновации), зависит качество выпускаемого продукта, а, следовательно, и то, будет он конкурентноспособен на рынке или нет.

Выводы

Таким образом, санкции – это финансово-экономический инструмент, который призван повлиять на политику того или иного государства, с целью добиться от страны-адресата выгодного политического курса. Влияние западных экономических санкций на российскую экономику ещё предстоит оценить в долгосрочной перспективе. Стратегия адаптации сводится к интенсификации инвестиционных и иных бизнес-контактов с западными контрагентами, созданию комфортного инвестиционного климата, реформированию системы образования.

Приставленный библиографический список

1. Смородинская Н. В., Катуков Д. Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – № 6. – С. 52-67.
2. Масальский М. Г. Экономические санкции. Влияние экономических санкций на Российскую Федерацию // Экономика и социум. 2022. – № 4-3 (95). – С. 95-97.
3. Смирнов Е. Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 4. – С. 4-31.
4. Сагина О. А., Лазарев Б. А. Адаптация экономики России в условиях санкций // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/49ECVN223.pdf>.
5. Сухарев О. С. Политика замещения импорта в условиях санкций / О. С. Сухарев // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17-2. – С. 172-176.
6. Шагеева Г. Р., Галияхметова Р. Р. Влияние санкций против России на мировую экономику // Universum: экономика и юриспруденция. – 2022. – № 5 (92). – С. 5-7.
7. Шогенова Д. Х. Угрозы экономической безопасности России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 4-2. – С. 234-238.

1 Адаптация экономики России в условиях санкций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/49ECVN223.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

ДРЕВАЛЬ Людмила Николаевна

доктор юридических наук, профессор, профессор Высшей школы публичного права Юридического института Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

ГЛУШИН Дмитрий Ярославович

студент Юридического института Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

КАНАКАЕВА Карина Владимировна

студент Юридического института Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск

НЕБАНКОВСКИЕ КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предпринята попытка определить место и роль небанковских кредитных организаций в современной банковской системе Российской Федерации, а также особенности финансовой правосубъектности отдельных их видов.

На основе анализа действующего законодательства, статистических данных, практики применения выявляются некоторые проблемы правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений, формулируются выводы, направленные на совершенствование банковского законодательства и практической деятельности.

Ключевые слова: банковская система, небанковская кредитная организация, кредитование, платёжная система, платёжная организация, государство, центральный контрагент, банковское законодательство.

DREVAL Lyudmila Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor, professor of the Higher School of Public Law of the Institute of Law of the Pacific National University, Khabarovsk

GLUSHIN Dmitriy Yaroslavovich

student of the Institute of Law of the Pacific National University, Khabarovsk

KANAKAEVA Karina Vladimirovna

student of the Institute of Law of the Pacific National University, Khabarovsk

NON-BANK CREDIT ORGANIZATIONS IN THE BANKING SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article attempts to determine the place and role of non-bank credit organizations in the modern banking system of the Russian Federation, as well as the features of the financial legal personality of their individual types.

Based on the analysis of current legislation, statistical data, and application practices, some problems of legal regulation in the field of public relations under consideration are identified, conclusions are formulated aimed at improving banking legislation and practical activities.

Keywords: a banking system, a non-bank credit organization, lending, a payment system, a payment organization, the government, the central counterparty, the banking legislation.

Современная банковская система Российской Федерации представлена двумя уровнями. И если один из них, первый, представлен Центральным банком Российской Федерации (Банком России), то второй состоит из разнообразных кредитных организаций, а также представительств иностранных банков.

Банковская система реально влияет на развитие экономики и рост валового продукта нашего государства, поскольку кредитные организации финансируют ряд проектов, которые касаются развития и поддержки малого и среднего бизнеса, сельскохозяйственных организаций, финансирования социальных программ и др.

За весь период своего существования, являясь довольно динамичным элементом, банковская система постоянно менялась, и подверженным трансформациям в большей степени являлся ее второй уровень.

Как известно, современную структуру банковская система нашего государства имела не всегда. Ранее ее представля-

ли три крупнейших банка с государственной формой собственности (Госбанком СССР, Стройбанком СССР, Внешторгбанком СССР). Они были мощными монополизированными структурами, имевшими сеть филиалов по всей стране.

Позднее их количество увеличилось до шести (Госбанк СССР, Агропромбанк СССР, Промстройбанк СССР, Жилсоцбанк СССР, Сберегательный банк СССР, Внешэкономбанк СССР). Они мало чем отличались от прежних структур.

С социалистических времен банковская система Российской Федерации претерпела серьезную реорганизацию. Большие изменения начали происходить в связи с переходом нашего государства к рыночной экономике (начало 90-х гг.

Древаль Л. Н.

Глушин Д. Я.

Канакаева К. В.

прошлого века). В ее реформировании ученые выделили несколько стадий. Первоначальная была связана с появлением большого количества коммерческих банков, которые образовывались в различных организационно-правовых формах, со статусом юридического лица. К концу прошлого столетия их насчитывалось около двух тысяч. Следующий период был связан не только с деятельностью банков, но и с созданием иных кредитных организаций.

После событий в августе 1998 года банковская система пережила кризис, поэтому Российское Правительство решало вопрос о ее реструктуризации, «спасая» только некоторые банки. Однако, тогда, хотя кризис и затронул основы существующей банковской системы, но не нарушил ее в целом.

Сегодня можно говорить о разнообразии кредитных организаций, которые осуществляют свою деятельность в виде хозяйственных обществ.

Дефиницию «кредитная организация» законодатель трактует в широком смысле. В соответствии со ст. 1 ФЗ № 395-1 «О банках и банковской деятельности» кредитной организацией признается юридическое лицо, которое является субъектом предпринимательства и на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации имеет право осуществлять банковские операции (предоставлять кредиты, заключать договоры банковского вклада и счета) и банковские сделки. Из этого следует, что этим понятием охватываются, как банки, так и небанковские кредитные организации. Особенность последних заключается в том, что они могут осуществлять банковские операции, сочетание которых определяется лицензией, выданной Банком России. Все банковские операции (в совокупности, одновременно), как это разрешено банкам они осуществлять не могут.

Небанковские кредитные организации (далее НКО) как элемент второго уровня банковской системы, наряду с банками, играют немаловажную роль в развитии экономики России. На наш взгляд, они заняли одно из главных мест в накоплении и мобилизации денежных ресурсов предпринимателей, населения и других субъектов. В связи с этим появилась необходимость в определении их места и роли в современной банковской системе и в экономике.

Обратим внимание, что после распада СССР в Россию пришла западная модель банковской системы, где, наравне с коммерческими банками, стали осуществлять свою деятельность НКО. Тенденция к их росту наметилась после принятия Федерального закона РФ от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», когда в практику вошли платёжные небанковские кредитные организации (далее ПНКО).

На основании анализа действующего законодательства можно выделить 4 вида НКО, в числе которых: 1) небанковская кредитная организация, имеющая право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций; 2) расчетная небанковская кредитная организация; 3) небанковская кредитная организация, осуществляющая депозитно-кредитные операции; 4) небанковская кредитная организация – Центральный контрагент.

По официальным данным Банка России на сегодняшний день в нашей стране зарегистрировано 37 НКО /1/.

Как свидетельствует практика, несмотря на большое количество банков, граждане предпочитают пользоваться услугами НКО. Для них как клиентов организаций привлекательны платежи без применения наличных денег, быстрое

получение кредитов на небольшие суммы и в короткие сроки с предоставлением минимального пакета документов.

Расчетные небанковские кредитные организации (РНКО) в Российской Федерации имеют лицензию на осуществление банковских операций и предлагают следующие услуги (в соответствии с Приложением № 38 к Инструкции ЦБ РФ № 135):

– Открытие банковских счетов для юридических лиц. РНКО могут предоставлять возможность открытия счетов для юридических лиц, позволяя им вести банковские операции.

– Осуществление переводов денежных средств. РНКО могут проводить переводы денежных средств по поручению юридических лиц, включая банки-корреспонденты.

– Перевод денежных средств без открытия счета. РНКО могут осуществлять переводы денежных средств без требования открытия банковского счета.

Электронные деньги. РНКО имеют право осуществлять операции с электронными деньгами, что предоставляет клиентам возможность проведения электронных платежей.

Валютно-обменные операции. РНКО вправе совершать операции обмена валюты в наличной и безналичной форме.

Инкассация и кассовое обслуживание клиентов. РНКО могут осуществлять услуги инкассации и кассового обслуживания своих клиентов.

Одной из крупнейших и наиболее известных РНКО в России является НКО АО НРД («Национальный расчетный депозитарий»). Эта организация выполняет функции Центрального депозитария России, является дочерней структурой Московской биржи и предоставляет расчетно-депозитарные услуги.

НКО АО «НРД» является одной из ведущих кредитных организаций в России по размеру активов. Ее активы составляют около 300 млрд. рублей, а капитал превышает 15 млрд. рублей. НКО АО «НРД» также имеет значительный объем ценных бумаг на своих счетах депо, общей стоимостью в триллион рублей.

Суммарный годовой оборот денежных средств по торговым банковским счетам участников биржевых торгов и обороты по корреспондентскому счету НКО АО «НРД» в Банке России измеряются сотнями трлн. рублей. Эти большие значения говорят о значимости и важности роли, которую НКО АО «НРД» играет в банковской системе России.

Благодаря своей деятельности и предоставляемым услугам, НКО АО «НРД» активно участвует в финансовых операциях и обеспечивает эффективное функционирование рынков ценных бумаг в России.

Платежные НКО (ПНКО) получают лицензию на осуществление банковских операций в соответствии с Приложением № 40 к Инструкции № 135-И.

Главной задачей таких организаций является осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов, включая электронные денежные средства. ПНКО предоставляют услуги по кассовому обслуживанию юридических и физических лиц, а также по инкассации. При необходимости они могут открывать банковские счета, включая счета в банках-корреспондентах. Они также имеют возможность осуществлять переводы денежных средств по поручению клиентов, которые напрямую связаны с принятыми поручениями о переводе денежных средств без открытия счета.

Таким образом, Платежные НКО играют важную роль в финансовой системе, предоставляя широкий спектр услуг и

обеспечивая удобство и эффективность переводов денежных средств без необходимости открывать банковский счет.

Платежные НКО имеют право выпускать только предоплаченные банковские карты. В банковской системе РФ количество таких организаций ограничено.

Как вы упомянули, одной из известных Платежных НКО на российском рынке была «ПэйПал РУ», дочерняя компания международного платежного сервиса PayPal. Однако в марте 2022 года ее деятельность на территории России была временно приостановлена, и на данный момент PayPal больше не предоставляет свои банковские услуги в России.

Касательно небанковских депозитно-кредитных организаций (НДКО), до недавнего времени в РФ действительно зарегистрирована была только одна – НДКО «Лэнд Кредит». Она возникла в декабре 2019 года в результате преобразования «Лэнд-Банка» [2].

НДКО в соответствии с Приложением № 39 к Инструкции № 135-И обязаны соблюдать все требования по уровню авторизованного капитала, ликвидности, управлению рисками, противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма, а также иным нормативным требованиям, установленным Центральным банком.

Таким образом, НКО, которые получили лицензию на осуществление банковских операций, имеют ограниченные возможности в сравнении с обычными банками, но они все же могут предоставлять определенные банковские услуги.

НДКО не разрешается открывать и вести банковские счета, не разрешается осуществлять расчеты по поручению клиентов, заниматься инкассацией, осуществлять переводы без открытия банковских счетов. Можно предположить, что они не получили широкого распространения из-за установленных ограничений в части расчетов. Например, лицензия НДКО «Лэнд Кредит» позволяла организации проводить только 2 операции: привлекать срочные депозиты от юридических лиц и размещать эти средства. 12 августа 2022 года у НДКО «Лэнд Кредит» лицензия была аннулирована в связи с добровольным решением кредитной организации о ликвидации [2].

Небанковская кредитная организация – Центральный контрагент осуществляет функции в соответствии с Федеральным законом № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте». Допустимые сочетания банковских операций для этого юридического лица установлены Банком России Приложением 41 к Инструкции № 135-И. В настоящее время можно выделить три организации такого рода: НКО-ЦК «СПБ Клиринг», НКО ЦК РДК и НКО НКЦ (АО).

НКО НКЦ (АО) заслуживает особенного внимания, поскольку выполняет одновременно функции клиринговой организации и центрального контрагента на финансовом рынке, принимая на себя риски по заключаемым участниками в ходе биржевых торгов сделкам и выступая посредником между сторонами (продавцом для каждого покупателя и покупателем для каждого продавца), которые заменяют свои договорные отношения друг с другом соответствующими договорными обязательствами с НКЦ. Из этого следует, что главная функция НКЦ – это обеспечение поддержания стабильности на обслуживаемых сегментах финансового рынка, которая обеспечивается посредством превенции рисков в отношении участников торгов, поскольку они возлагаются на высоко-капитализированного центрального контрагента.

Небанковские кредитные организации должны гарантировать выполнение своих обязательств перед клиентами

уставным капиталом и иным имуществом. Согласно действующему законодательству их минимальный размер на день подачи ходатайства таких организаций о государственной регистрации и для выдачи лицензии на осуществление банковских операций должен составлять: 90 млн. руб. – для вновь регистрируемой небанковской кредитной организации; 300 млн. руб. – для вновь регистрируемой небанковской кредитной организации – центрального контрагента [1].

Несмотря на прогресс в развитии НКО, у населения все-таки наблюдается низкий уровень доверия к ним, поскольку граждане недостаточно осведомлены о деятельности таких организаций, а также установленного в отношении них со стороны Банка России контроля, поэтому государством должна проводиться просветительская работа, в том числе о комплексной стратегии развития и деятельности небанковских кредитных организаций. В дополнение к этому необходимой должна стать информация о деятельности таких организаций, о позитивном опыте по работе с клиентами, в том числе по предоставлению им ряда преференций.

Поэтому, считаем, что создавшееся положение поможет исправить внесение изменений в ФЗ № 395-1 «О банках и банковской деятельности» в ст. 1 термина «платежная организация», а также отдельного раздела, детально регулирующего деятельность небанковских кредитных организаций, в том числе содержащего нормы института партнерства и сотрудничества с банковским бизнесом, что позволит привлечь большее количество клиентов (как субъектов предпринимательской и некоммерческой деятельности и граждан), повысить скорость обслуживания, создать условия для удобства в использовании инвестиций в российскую экономику.

Пристатейный библиографический список

1. Банк России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 16.11.2023).
2. Миронова С. М., Кожемякин Д. В. Роль банков при применении экспериментальных налоговых режимов // Банковское право. – 2022. – № 5.

КЕРЕФОВА Бэлла Руслановна

ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

СУРКИС Илья Витальевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

В данной статье сделан акцент на том, что за последнее десятилетие общество стремительно развивалось, новые информационные технологии внедрялись во все сферы жизни, а их активное использование привело к улучшению продукции во всех секторах экономики. Отмечается, что в сегодняшней реальности экономические субъекты вынуждены искать альтернативные способы деятельности и новые способы сохранения средств, которые менее подвержены изменениям на финансовых рынках. Авторы делают вывод о том, что цифровизация российской экономики на сегодняшний день обусловила появление инновационного цифрового финансового продукта, а именно цифровых финансовых активов. Более того, планируемое в дальнейшем развитие основных направлений экономической деятельности в цифровом русле показывает важность углубленного исследования как самой природы ЦФА, так и их правовых основ.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровая валюта, цифровые финансовые технологии.

KEREOFVA Bella Ruslanovna

assistant of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SURKIS Ilya Vitaljevich

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

LEGAL REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

This article focuses on the fact that over the past decade, society has developed rapidly, new information technologies have been introduced into all spheres of life, and their active use has led to improved products in all sectors of the economy. In today's reality, economic agents are forced to look for alternative ways of doing business and new means of preserving funds that are less susceptible to changes in financial markets. The digitalization of the Russian economy today has led to the emergence of an innovative digital financial product, namely digital financial assets (hereinafter referred to as DFAs). Moreover, the planned further development of the main areas of economic activity in a digital direction shows the importance of an in-depth study of both the very nature of DFAs and their legal foundations.

Keywords: digital financial assets, digital currency, digital financial technologies.

Переход в цифровую среду приводит к фундаментальным изменениям в том, как функционировала сама экономическая система. Изменениям подвергаются как схема ее управления, так и самый базис функционирования, путем возникновения инновационных и новых по своей сути бизнес-моделей.

В целях развития экономики неоспоримым является необходимость трансформации финансовых рынков. Этот факт обуславливается тем, что по своей сути указанные рынки являются источником инновационных технологий в финансовой сфере и главным двигателем всей экономики в целом. Так, на сегодняшний день роль финансового сектора экономики направлена на управление доходами и расходами потребителей финансовых услуг и обеспечения инвестирования в реальных секторах экономики. Помимо этого, финансовыми институтами на необходимом уровне также должно осуществляться управление финансовыми рисками.

Центральный банк России является основным регулятором изменений на финансовых рынках. Он задает основные направления развития финансового сектора в краткосрочной перспективе. Реализация этих направлений ставит перед собой целый ряд задач, начиная от качества предоставляемых финансовых услуг, заканчивая обеспечением конкурентной

способности инновационных технологических решений и укреплению кибербезопасности.

В рамках цифровизации для финансовых институтов наиболее важным является обеспечение внедрения такого инновационного продукта или технологии, которые позволят осуществлять финансовые операции и обеспечивать стабильность сбережений потребителей с учетом новых технологий. Такой инновационный продукт на сегодняшний день и представлен цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА), которые можно определить как сборное понятие всех известных на сегодняшний день дефиниций (смарт-коин, токен, цифровая валюта и др.).

И сейчас существует множество подходов к интерпретации их природы, как в научных работах отечественных исследователей, так и в работах зарубежных ученых. В первую очередь следует остановиться на опыте зарубежных стран в определении понятия ЦФА. Необходимо сразу отметить, что в международном праве криптовалюта или ЦФА нигде не признаны в качестве аналога национальной валюты.

Большинство зарубежных стран идет путем определения ЦФА как отдельного объекта гражданских правовых отношений, к которому применяется отдельный специальный режим его обращения. В целях регулирования гражданского правового оборота ЦФА создаются отдельные независимые

лицензионные биржи, предусматриваются специальные формы отчетности, налоговые и фискальные меры для лиц, которые являются пользователями ЦФА. Например, некоторые страны ЕС внедрили правовые нормы, признающие квазивалютные средства ЦФА и установили НДС по операциям с ними.

Несмотря на значительное уделение внимания развитию ЦФА в развитых странах, ряд развивающихся стран, особенно Африканского континента и Юго-Восточной Азии, пошли по противоположному пути полного запрета на использование ЦФА и даже непосредственно электронных денег. Исключением из такого ряда Азиатским стран является Китай, который уделяет достаточно большое внимание развитию ЦФА, что обусловлено масштабами развития его экономики на сегодняшний день [6].

Следует отметить, что в странах ЕС в своем большинстве на сегодняшний день уже сформированы правовые основы регулирования системы ЦФА, разработаны и утверждены системы лицензирования и сертификации выпуска ЦФА [7]. При этом функции общего контроля, а также контроля лицензионной деятельности субъектов системы ЦФА переданы уже существующим финансовым институтам – налоговым органам и государственным банкам.

Что касается стран СНГ, то следует отметить достаточно прогрессивный и своевременный подход в регулировании ЦФА в соседних с РФ странах, которые уже на протяжении более пяти лет внедряют мероприятия по правовому регулированию использования криптовалют, в частности биткоинов.

Следует заметить, что при этом в законодательстве соседних стран дано понятие цифровой валюты, и при этом отсутствует понятие ЦФА как таковое. Например, Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики» закрепляет исключительно понятие «криптовалюта» [8].

Законодательство Франции представляет собой своеобразную дорожную карту принятия нормативных правовых актов с целью дальнейшего регулирования гражданского правового оборота криптовалюты. При этом сделан акцент на внедрении нового для законодательства Франции понятия крипто-активов.

Что касается законодательства англоязычных стран, то тут можно отметить подход к определению ЦФА путем описания их составных частей. К примеру, закон штата Алабамы House Bill № 138 Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act от 07.02.2017 определяет ЦФА как запись по цифровому счету, в отношении которой отдельное физическое лицо имеет законное право [9].

Интересным является подход в определении ЦФА со стороны Мальты. Законодательство данной страны определяет «ЦФА как любую электронную систему записи, используемую для обмена, учета и хранения стоимости, которая не может быть классифицирована как электронные деньги, финансовые инструменты или виртуальные токены». Как видно в данном случае использован интересный подход в определении понятия ЦФА – определение конкретизируется списком того, чем ЦФА не являются.

Предусматривается существование обменных платформ, на которых может быть совершен обмен любых объектов за исключением, четко оговоренных в законодательства. Владелец такой платформы должен зарегистрировать ее в специальном реестре и соблюдать требования, установленные законом.

Национальным законодательством определяется порядок правового контроля ЦФА. Они включают в себя подробные процедуры регистрации указанных обменных платформ, порядок осуществления контрольных функций в отношении таких платформ и их ответственность при нарушении законодательства. Национальные академические исследования по данному вопросу сконцентрированы почти исключительно на криптовалютах и регулировании биткоина, и лишь в нескольких случаях вскользь упоминается концепция ЦФА.

Так, И. С. Денисов определяет ЦФА как «информационный ресурс, производственный от права на ценность, который обращается в распределенном реестре в виде уникального идентификатора» [3]. Н. И. Романов и Н. В. Романова отмечают, что «ЦФА представляют собой активы, которые оказывают воздействие на деятельность предприятий и его финансовые результаты» [5]. К. А. Кошелев указывает, что «ЦФА – сложносоставная категория, которая состоит из трех компонентов – активы, финансовые активы и цифровые технологии» [1].

На основании представленных определений можно подытожить, что в определении ЦФА присутствуют два основных направления.

Первое определяет ЦФА с учетом технических характеристик данного понятия и определяет его как «ресурсы, полученные на основе обращающихся ценных прав с распределенной регистрацией в виде уникальных идентификаторов» [3].

Второй подход рассматривает ЦФА с правовой точки зрения, как и закреплено в Федеральном законе РФ от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ)» [4], вступившем в силу в силу с 1 января 2021 года:

ЦФА – это:

- цифровые права, включая денежные требования;
- возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам;
- права участия в капитале непубличного акционерного общества;
- права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА.

При этом следует отметить, что к ЦФА относится исключительно право на участие в капитале частного АО, а не любой другой организации. Возникает небольшая коллизия в отношении компаний, созданных согласно законодательству иных стран, потому что статус данных компаний не всегда может соответствовать определяемому по законодательству РФ хозяйственным обществам. Таким образом можно сделать вывод, что права на участие в капитале иного вида АО, на равно как и ООО и других коммерческих организаций не может рассматриваться как ЦФА.

На основании указанного определения ЦФА можно определить их основные особенности как объекта гражданских прав:

- цифровая форма;
- возникновение обусловлено фактом регистрации в специальном реестре;
- обращение в рамках информационной системы.

Любое лицо, имеющее право на осуществление предпринимательской деятельности в соответствии с действующим законодательством РФ, может осуществить выпуск ЦФА.

Решение о выпуске ЦФА определяет, кто будет выпускать ЦФА и содержание прав, содержащихся в ЦФА.

В связи с этим установлены строгие требования к решению о выдаче ЦФА, которые должны включать следующее:

- информация о компании, которая выпускает ЦФА;
- информация о компании, которая является оператором ИС ЦФА;
- информация относительно того, какой объем прав соответствует выпущенные ЦФА или права какого вида могут быть реализованы лицом, владеющим ЦФА,
- сколько ЦФА и какого вида выпускаются;
- обстоятельства признания выпуска ЦФА состоявшимся;

– стоимость ЦФА или информация как данная стоимость может быть определена, или информация относительно количества ЦФА другого вида должно быть предоставлено при приобретении ЦФА;

– день, с которого возможно осуществлять заключение договоров;

– порядок расчетов за приобретенные ЦФА;

– определение порядка волеизъявления сторон, с которым может быть связано начало обязательств по заключению договоров о передаче ЦФА;

– при наличии залога ЦФА указание на существенные условия указанного залога с описанием предмета и его условий;

– если ЦФА выпускаются в обеспечение ЦБ, то должно быть указание на разновидность ЦБ, а также на существенные условия прав в отношении данных ЦБ.

Что касается распределения ЦФА, важно, чтобы права на ЦФА были закреплены за конкретными лицами.

Выпуск ЦФА должны быть отражен в соответствующем реестре выпуска ЦФА, ведение которого и регистрацию в котором осуществляется согласно установленным правилам ИС, в которой они выпущены.

Порядок записей ЦФА в ИС может быть следующим:

- запись вносится в ИС по указанию собственника ЦФА;
- запись вносится в ИС по указанию иного лица, которое имеет право давать такое указание;
- запись вносится по смарт-контакту (порядка волеизъявления сторон, с которым связано начало обязательств по заключению договоров о передаче ЦФА, без предоставления дополнительного уведомления о согласии).

Следует отметить, что ЦФА — это «новое дыхание жизни» в цифровой экономике, и их главное преимущество заключается в возможности осуществления быстрых, безопасных и удобных расчетах.

На основании вышеизложенного в рамках предложений по совершенствованию действующего законодательства можно отметить следующее:

- необходимость дальнейшего развития законодательства в части определения ряда понятий, связанных со статусом и функциями, условиями использования ЦФА, в частности, понятия «цифровые носители»;
- необходимость детальной проработки вопросов относительно места ЦФА в правовой системе;
- рассмотрение необходимости гармонизации применения ЦФА в российской и зарубежной практике.

Важным результатом является двойственность в определении ЦФА, характеризующаяся функциональным назначением, с одной стороны, и функциональным методом, с другой.

Исследование сочетания основных элементов, определяющих статус ЦФА в рамках функционирования информационных систем, официально действующих в России, показывает, что подход к определению предмета операций, осуществляемых в системе, в разных системах различен. В российской информационной системе возможен только выпуск прав, удостоверяющих денежные требования, и их обращение среди различных прав, что в наибольшей степени определяет статус ЦФА. Одновременно с совершенствованием законодательства необходимо сделать акцент на том, что российская информационная система требует соблюдения законодательных положений о распространении цифрового авторского права вместе с ЦФА и другими цифровыми правами.

Пристатейный библиографический список

1. Кошелев К. А. Тенденции развития рынка цифровых финансовых активов в контексте цифровой трансформации мировой экономики // *Финансы: теория и практика*. – 2022. – № 26 (4). – С. 80-94.
2. Кочергин Д. А., Покровская Н. В. Международный опыт налогообложения криптоактивов // *Экономический журнал ВШЭ*. – 2020. – № 1 – С. 8-12.
3. Денисов И. С., Капичникова Е. Ю., Юракова А. Ю. Правовое регулирование цифровых финансовых активов в России // *Экономика. Право. Общество*. – 2019. – № 4. – С. 66-71.
4. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31.07.2020 года № 259-ФЗ // «Консультант-Плюс».
5. Романов Н. И, Романова Н. В. Цифровые финансовые активы и государство: контроль и безопасность // *От научных идей к стратегии бизнес-развития: сборник статей-презентаций студенческих научно-исследовательских работ по проблеме «Национальная безопасность как основа конкурентоспособности и экономического роста страны»*. – Москва: Научный консультант, 2019. – Т. 1. – С. 186-191.
6. Rohr, Jonathan and Wright, Aaron, Blockchain-Based Token Sales, Initial Coin Offerings, and the Democratization of Public Capital Markets (October 4, 2017). *Cardozo Legal Studies Research Paper No. 527*; University of Tennessee Legal Studies Research Paper No. 338. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3048104>, (дата обращения 06.12.2023).
7. The Virtual Financial Assets Act. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lp&itemid=29079&l=1> (дата обращения: 28.06.2023).
8. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 06.12.2023).
9. House Bill 138 Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act / LegiScan. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legiscan.com/AL/text/HB138/2017> (дата обращения: 06.12.2023).

ОВЧИННИКОВА Лариса Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права Юридического Факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования цифровизации экономики, анализ существующих и разработка новых законодательных актов для обеспечения защиты прав и интересов граждан, бизнеса и государства в условиях цифровой среды, разработка эффективных правовых механизмов для регулирования цифровой экономики. Рассмотрены проблемные стороны правового регулирования, связанные с учетом специфики отношений в цифровой экономике при разработке правовых норм, в поиске оптимального баланса между нормативным правовым регулированием и саморегулированием в цифровой экономике, взаимосвязи между внутригосударственным и международным правом в контексте цифровой экономики и предложены пути их решения.

Ключевые слова: цифровизация, экономика, цифровые технологии, правовое регулирование, правовые механизмы, законодательный акт, искусственный интеллект.

Овчинникова Л. И.

OVCHINNIKOVA Larisa Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International and public law sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF THE DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

The article deals with topical issues of legal regulation of the digitalization of the economy, the analysis of existing and the development of new legislative acts to ensure the protection of the rights and interests of citizens, business and the state in a digital environment, the development of effective legal mechanisms for regulating the digital economy. The problematic aspects of legal regulation related to the specifics of relations in the digital economy in the development of legal norms, in the search for an optimal balance between regulatory legal regulation and self-regulation in the digital economy, the relationship between domestic and international law in the context of the digital economy are considered and ways to solve them are proposed.

Keywords: digitalization, economics, digital technologies, legal regulation, legal mechanisms, legislative act, artificial intelligence.

В современном мире цифровизация проникла во все сферы экономики и общественной жизни, и каждый из нас ежедневно сталкивается с цифровыми технологиями. Мы привыкли отправлять электронные документы через государственные сервисы, покупать товары в онлайн-магазинах, получать образование дистанционно и обращаться к врачам для онлайн-консультаций. Однако за всей этой повседневностью скрывается фундаментальная основа правового регулирования цифровизации. Вопросы нормативно-правового регулирования цифровой экономики сегодня являются очень актуальными и широко обсуждаются. Взаимосвязь между правом и процессом цифровизации приводит к взаимному влиянию этих явлений друг на друга и вызывает ряд вопросов, требующих разрешения. Кроме того, она приводит к изменению роли субъектов права и возникновению новых форм ответственности. Для более глубокого понимания российского законодательства в области правового регулирования цифровизации экономики проводятся всесторонние исследования. Они основаны на общенаучных и специальных юридических методах, таких как метод толкования права, формально-юридический метод, метод систематизации и группировки данных, а также на других методах познания. Целью таких исследований является разработка эффективных правовых механизмов для регулирования цифровой экономики. Это включает в себя разработку законодательных актов, которые обеспечат защиту прав и интересов граждан, бизнеса и государства в условиях цифровой среды. Кроме того, такие исследования помогают выявить проблемы и

противоречия в существующем законодательстве, а также предложить пути их решения. Развитие автоматизации и искусственного интеллекта может привести к изменению роли человека в производственном процессе и возникновению новых форм занятости. Таким образом, правовое регулирование цифровизации экономики является неотъемлемой частью жизни современного общества. Исследования в этой области помогают разрабатывать эффективные правовые механизмы, которые обеспечат устойчивое развитие цифровой экономики и защиту интересов всех участников этого процесса. В статье будут рассмотрены причины цифровизации экономической сферы, роль и направления её правового регулирования, риски и возможности развития права в цифровой среде.

Четвертая промышленная революция представляет собой переломный момент в развитии человечества, объединяя достижения всех предыдущих промышленных революций и воплощая в реальность фантастические мечты писателей. Этот процесс приводит к повышению уровня жизни и радикальным изменениям в различных сферах, включая экономику, общество и политику. С самого начала экономического развития тяжелый физический труд постепенно уступал место машинам. Однако, сегодня четвёртая промышленная революция идет дальше, заменяя не только физический, но и умственный труд человека, включая управленческие функции. Роботы с искусственным интеллектом становятся незаменимыми в производстве и сфере услуг. Это приводит к серьезным изменениям в мировом сообществе, влияет на

страны и группы стран, а также оказывает воздействие на социальные, экономические и политические сферы. Каждая страна, ее народ и власть, сталкиваются со значительными изменениями и вызовами. Взаимоотношения между ними переосмысливаются, а социальная и предпринимательская жизнь претерпевают трансформацию. Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе, подчеркивает, что четвертая промышленная революция отличается от предыдущих революций своим охватом всех сфер жизни человека благодаря цифровым технологиям. Эти технологии размывают границы между материальным, цифровым и биологическим мирами, а также привносят кибер-физические системы и персонализированное производство в промышленность. По этой причине общество крайне нуждается в урегулировании правовых взаимоотношений в сфере цифровых технологий.

На данный момент в России активно ведется работа по разработке и внедрению законодательных инициатив, направленных на создание благоприятной правовой среды для развития цифровизации в стране. Основная цель заключается в формировании правовой системы, которая будет регулировать цифровую экономику и обеспечивать ее устойчивое развитие. Реализация этой задачи осуществляется в рамках Федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды»¹. Этот проект имеет стратегическое значение и направлен на создание необходимых правовых инструментов для развития цифровой экономики в России. При обращении к паспорту проекта можно узнать, что окончательный вариант концепции правового регулирования цифровой экономики должен опубликоваться к концу 2024 г.

В настоящее время, в эпоху всеобъемлющей цифровизации, возникает множество сложных вопросов, которые требуют немедленных ответов со стороны правовой системы. Право и цифровизация становятся все более взаимосвязанными, проникая друг в друга и придавая новые формы и значения. Бурное развитие и широкое внедрение новых цифровых технологий приводят к расширению предмета правового регулирования, а это, в свою очередь, требует обновления и модернизации существующих норм и законов. В связи с этим принято выделять два основных направления правовой модернизации в контексте цифровой экономики: во-первых, совершенствование действующего законодательства; во-вторых, формирование новых законодательных актов (нового правового поля).

Проведем анализ действующего законодательства. В нынешнее время в российском законодательстве замечены изменения в сфере гражданского права по вопросу цифровых правомочий населения. Относительно недавно появился новый объект гражданских прав в Российской Федерации – «цифровые права». Они были закреплены Федеральным законом от 18 марта 2019 года 34-ФЗ², который внес изменения в Гражданский кодекс страны. Существенные перемены в за-

конодательстве привели к созданию отдельной статьи, посвященной цифровым правам – статья 1411 ГК РФ³.

Цифровые права представляют собой комплекс прав, которые гарантируются гражданам и организациям в сфере цифровых технологий и интернета. Они охватывают широкий спектр вопросов, связанных с использованием и защитой информации в цифровой среде.

В настоящее время одной из актуальных задач российского государства является создание правовых условий для развития электронного гражданского документооборота. Для успешного выполнения этой задачи необходимо разработать правовые нормы, определяющие понятие электронного документа и регулирующие использование электронных форм сделок, смарт-контрактов, процедур хранения электронных документов и других аспектов. На данный момент наблюдаются определенные проблемы, связанные с применением смарт-контрактов в гражданском обороте. Л. Г. Ефимова, эксперт в области юридических наук, указывает на различные варианты использования смарт-контрактов, выходящих за рамки традиционных гражданско-правовых договоров. Это означает, что Гражданский кодекс РФ требует дополнений, чтобы учесть эти новые возможности, например, в отношении исполнения аккредитивов. Таким образом, совершенствование гражданского законодательства связано с необходимостью правового регулирования гражданских правоотношений, осуществляемых с использованием цифровых механизмов. Из этого следует возникновение новых объектов гражданского права, которые требуют адаптации существующих норм и создания новых правовых инструментов.

Существуют различные области, в которых применяется правовое регулирование цифровизации экономики уже сейчас: распространение механизмов биометрической идентификации, применение цифровых технологий в сфере документооборота и т.д.

Стоит заметить, что на данный момент введено свыше десятка законов, которые регулируют правовые отношения в сфере цифровой экономики. Все законы делятся на уровни: федеральный, региональный, отраслевой и муниципальный. Обратимся к собранию законодательства Российской Федерации 2017 г. № 20. Ст. 2901⁴.

Итак, на федеральном уровне можно выделить:

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 гг.».

3. Поручения Президента РФ от 31 декабря 2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту».

На региональном уровне:

Планирование в области цифровой трансформации экономики, государственного управления субъекта Федерации

Отраслевой уровень:

3 ГК РФ Статья 141.1. Цифровые права. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/8568bf88dfcd96ec39cede2444c36c998fbde3/ (дата обращения: 08.02.2024).

4 Собрание законодательства Российской Федерации 2017 г., № 20. Ст. 2901. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.szrf.ru/> (дата обращения: 08.02.2024).

1 Министерство экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html (дата обращения: 08.02.2024).

2 Федеральный закон № 34 от 18.03.2019 года «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44088> (дата обращения: 08.02.2024).

1. Распоряжения Правительства РФ.

2. Ведомственные программы цифровой трансформации.

Однако справедливо заметить, что на муниципальном уровне правовое регулирование цифровизации почти не развито.

Если федеральные законы устанавливают правовую основу для информатизации, то документы на отраслевом и региональном уровнях определяют направления цифровой трансформации, используемые инструменты и особенности процесса в различных секторах экономики. Однако муниципальное правовое регулирование пока еще недостаточно развито, и муниципальные образования в значительной степени основывают свою работу на региональных стратегиях. Я считаю, что этому уровню следует уделить больше внимания, поскольку каждое муниципальное образование имеет свои особенности в экономическом и пространственном развитии, и они должны разрабатывать собственные пути реализации цифровизации, соответствующие задачам, поставленным регионом. Таким образом, можно выделить два основных аспекта в развитии правовой системы в области цифровизации экономики. Во-первых, необходимо формирование общей системы нормативно-правового регулирования цифровизации экономики. Это включает в себя разработку законов и нормативных актов, которые определяют основные принципы и правила внедрения цифровых технологий в различные сферы экономики. Такая система правового регулирования обеспечит единообразие и стабильность в процессе цифровой трансформации. Во-вторых, необходимо развитие регионального и отраслевого законодательства. Каждый регион и каждая отрасль имеют свои особенности и потребности в цифровизации. Поэтому важно, чтобы законодательные акты на региональном и отраслевом уровнях учитывали специфику местного бизнеса, инфраструктуру и потребности населения. Такая дифференциация законодательства позволит эффективнее решать задачи цифровизации и достигать конкретных целей в каждом регионе. Кроме того, важно отметить, что цифровая трансформация требует не только правового регулирования, но и активного вовлечения всех заинтересованных сторон. Государство, бизнес-общество, научные и образовательные учреждения, гражданское общество – все они должны работать вместе, чтобы обеспечить успешную реализацию цифровых инициатив. Только совместные усилия и согласованная работа позволяют достичь максимальных результатов в цифровой сфере.

Для оценки рисков правового регулирования в цифровой среде стоит выделить технологии, используемых в государственном секторе:

1. Интернет-технологии.
2. Искусственный интеллект.
3. Big Data и др.

Несовершенство правового регулирования, осуществляющегося на основе вышеприведенных инструментов, и дефекты в законодательстве могут привести к серьезным проблемам и издержкам. Первая проблема, которую необходимо решить, связана с определением оптимального соотношения между правом и другими социальными регуляторами в цифровой экономике. Какие принципы и нормы должны быть установлены для эффективного упорядочения отношений в этой сфере? Это важный вопрос, который требует дальнейшего изучения и разработки. Вторая проблема связана с учетом специфики отношений в цифровой экономике при разработке правовых норм. Цифровая экономика имеет свои особенности, такие как быстрота передачи информации, глобальный

охват и возможность автоматизации процессов. Правовое регулирование должно учитывать эти факторы и адаптироваться к ним. Третья проблема заключается в поиске оптимального баланса между нормативным правовым регулированием и саморегулированием в цифровой экономике. Саморегулирующиеся организации и стандарты могут играть важную роль в установлении правил и норм поведения в этой области. Однако, необходимо найти баланс между государственным регулированием и саморегулированием, чтобы обеспечить эффективное функционирование цифровой экономики. Четвертая проблема связана с взаимосвязью между внутригосударственным и международным правом в контексте цифровой экономики. Цифровая экономика является наднациональным явлением, и ее регулирование требует сотрудничества и согласования между различными странами. Необходимо определить, какие нормы международного права применяются в этой области и как они взаимодействуют с национальными законодательствами. Пятая проблема, которую следует рассмотреть, связана с технико-юридическими аспектами регулирования отношений в цифровой экономике. Каким образом можно эффективно регулировать такие сложные и быстро развивающиеся отношения? Необходимо исследовать новые технологии и методы, которые могут помочь в создании эффективной правовой системы для цифровой экономики. Шестая проблема связана с реформированием института государственного принуждения и юридической ответственности. С ростом числа правонарушений в информационной среде становится необходимым пересмотреть существующие механизмы наказания и ответственности. Возникает вопрос о том, какие меры следует предпринять для предотвращения и наказания правонарушений в цифровой экономике.

Цифровая экономика представляет собой сложную и быстро развивающуюся область, требующую должного правового обеспечения. Решение проблем, связанных с определением оптимального соотношения права и других социальных регуляторов, учетом специфики отношений, поиском баланса между нормативным и саморегулированием, взаимосвязью между внутригосударственным и международным правом, технико-юридическими аспектами, реформированием института государственного принуждения и юридической ответственности – все перечисленное является важными задачами для обеспечения эффективного функционирования цифровой экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.szrf.ru/>
2. Гаджиева Х. В., Омарова З. Н. Вопросы правового регулирования цифровой трансформации финансовой системы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2021. – № 1. – С. 91-93.
3. Ефимова Л. Г. Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. № 8. – С. 52-62.
4. Яковлева-Чернышева А. Ю., Дружинина А. В. Правовое регулирование процессов цифровизации в России: гражданско-правовой аспект // Юридические исследования. – 2021. – № 8. – С. 51-62.

ШКИЛЬ Владислав Викторович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

САВИН Данил Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГОРНОСТАЛЬ Стас Витальевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЧЕРНЕНКО Вячеслав Олегович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АНАЛИЗ ВОЗДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВЫХ ПУЗЫРЕЙ НА ЭКОНОМИКУ

Данный обзор посвящен всестороннему анализу феномена финансовых пузырей, их происхождению, механизмам развития и последствиям для экономики. В работе рассматриваются различные типы финансовых пузырей, включая спекулятивные, рациональные и комиссионные, а также их характерные черты и причины возникновения. Авторы предоставляют исторические примеры финансовых пузырей, анализируя их динамику и последствия для экономики. Особое внимание уделяется российскому и мировому опыту, показывая, как финансовые пузыри могут воздействовать на различные аспекты экономической системы.

Ключевые слова: финансовый пузырь, экономический кризис, спекуляция, рыночная стоимость, инфляция, финансовая стабильность, механизмы развития, исторические примеры, воздействие на экономику, предотвращение рисков.

SHKIL Vladislav Viktorovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SAVIN Danil Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GORNOSTAL Stas Vitalievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

CHERNENKO Vyacheslav Olegovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ANALYSIS OF THE IMPACT OF FINANCIAL BUBBLES ON THE ECONOMY

This review is dedicated to a comprehensive analysis of the financial bubble phenomenon, its origins, development mechanisms, and consequences for the economy. The paper examines various types of financial bubbles, including speculative, rational, and commission-based, as well as their characteristic features and causes. Authors provide historical examples of financial bubbles, analyzing their dynamics and implications for the economy. Special attention is given to Russian and global experiences, demonstrating how financial bubbles can impact different aspects of the economic system.

Keywords: financial bubble, economic crisis, speculation, market value, inflation, financial stability, development mechanisms, historical examples, impact on the economy, risk prevention.

Финансовые пузыри — это сложное и многогранное явление, играющее значимую роль в экономической жизни общества. Эти временные и иллюзорные периоды роста цен на активы, как правило, основаны не на реальных экономических показателях, а на иррациональных ожиданиях и массовом ажиотаже. Они могут охватывать различные секторы экономики, от фондового рынка до рынка недвижимости, и иметь серьезные последствия как для отдельных инвесторов, так и для экономики в целом. Важность понимания природы финансовых пузырей трудно переоценить, поскольку они могут стать источником серьезных экономических дисбалансов и кризисов.

В данной статье мы подробно рассмотрим, что собой представляют финансовые пузыри, каковы их основные характеристики и типология, а также какие социально-экономические последствия они могут повлечь за собой. Также мы обсудим меры, которые могут быть предприняты для предотвращения их возникновения, а также для минимизации ущерба от их «лопаяния». Особое внимание будет уделено анализу исторических примеров и психологическим аспектам, лежащим в основе массового влечения к участию в финансовых пузырях. Все это поможет создать полную картину

данного явления и понять, как можно снизить риски, связанные с его проявлением в экономике.

Финансовые пузыри не являются новым явлением в экономике. История знает множество примеров, когда нерациональный ажиотаж вокруг определенного актива приводил к его стремительному росту и последующему краху. Важно отметить, что за каждым финансовым пузырем стоит человеческий фактор — массовый энтузиазм, жадность и страх. Инвесторы начинают вести себя иррационально, игнорируя объективные экономические показатели и руководствуясь «стадным инстинктом». Это создает иллюзию бесконечного роста, втягивая все больше людей в спекулятивные операции.

Финансовая пузырьковая экономика, также известная как рыночная, ценовая, финансовая или спекулятивная, представляет собой феномен, при котором происходят масштабные торговые операции с товарами или ценными бумагами по стоимости, существенно отличающейся от их реальной рыночной ценности. Обычно подобные ситуации складываются на фоне повышенного спроса на определенный продукт и сопутствующего роста его стоимости на рынке, либо из-за недостоверности предоставленной статистической информации.

Со временем рыночная стоимость товара или ценной бумаги приходит в соответствие с их реальной стоимостью, что часто сопровождается паникой среди инвесторов, активизацией продаж и дополнительным снижением цен. Этот процесс, в свою очередь, приводит к «схлопыванию» финансового пузыря, нанося урон не только владельцам активов, но и всем причастным к данной ситуации лицам. В некоторых случаях проблема может распространиться на целую отрасль или даже на всю финансовую систему страны [1].

Экономическое воздействие финансового пузыря крайне негативно. Обрушение цен ведет к нерациональному распределению ресурсов, уничтожению значительных объемов капитала и экономическому упадку. Определить момент возникновения финансового пузыря крайне сложно, и он становится очевидным, как правило, только в момент его схлопывания, что характеризуется резким падением цен. Изменение стоимости активов носит хаотический характер и не всегда коррелирует с изменениями в спросе и предложении [3].

Современные экономисты классифицируют финансовые пузыри на несколько типов:

Спекулятивные (или традиционные), когда инвестор приобретает актив, ожидая роста его стоимости для последующей выгодной перепродажи, при этом его ожидания не базируются на объективных аналитических данных, а опираются скорее на мгновенные колебания рынка.

Рациональные, которые характеризуются тем, что их можно измерить в денежном выражении, исходя из разницы между рыночной стоимостью актива и его справедливой ценой, основанной на объективных фундаментальных показателях.

Комиссионные, обусловленные информационным разрывом между клиентами и портфельными управляющими, что дает последним возможность проводить большое количество сделок с целью увеличения своего комиссионного вознаграждения.

Исторический пример такого феномена можно наблюдать в период с 1619 по 1623 годы в Священной Римской империи, когда для финансирования войны за гегемонию в Европе была развернута кампания по увеличению денежной массы. Тридцатилетняя война требовала значительных средств для закупки оружия и обмундирования, что привело к чеканке большого количества монет с добавлением в них меди и, как следствие, к обесцениванию денежной массы. Дешевые монеты впоследствии обменивались на полноценные в других странах, что привело к распространению галопирующей инфляции среди различных слоев населения.

Финансовые пузыри оказывают существенное воздействие на экономику в целом. Когда пузырь «лопается», это может привести к массовым банкротствам, потере рабочих мест и экономическому спаду. Особенно уязвимыми оказываются малые инвесторы и обычные граждане, которые могут потерять свои сбережения. Кроме того, долгосрочные последствия могут включать в себя утрату доверия к финансовым институтам и рынкам, что подрывает основы рыночной экономики.

Для предотвращения формирования и смягчения последствий финансовых пузырей необходимы соответствующие меры регулирования и контроля. Регулирующие органы должны внимательно следить за рынками, выявлять признаки формирования пузырей и принимать меры по их предотвращению. Важную роль играет также финансовая грамотность населения — люди должны быть осведомлены о рисках, связанных с инвестициями, и уметь критически оценивать ситуацию на рынке.

В 1711 году великий граф Оксфордский, Роберт Харли, поднял на новую высоту английскую экономику, создав «Компанию Южных Морей». Этот шаг был предпринят не случайно: Харли стремился снизить огромный государствен-

ный долг, накопленный Англией в результате продолжительных военных действий с Испанией. Он предложил уникальный механизм: долговые обязательства государства были трансформированы в акции его компании, а взамен правительство предоставило ей монопольные права на торговлю с южноамериканскими территориями. В результате этих манипуляций курс акций Компании Южных Морей взлетел до небес, хотя сама торговля так и не принесла ожидаемой прибыли из-за тщательного контроля испанского флота над портами Южной Америки.

Позже, в XX веке, аналогичный экономический феномен затронул рынок недвижимости. Так, в 1920-е годы Флорида стала объектом повышенного интереса со стороны инвесторов, что вызвало всплеск цен на землю и жилье. В 1926 году этот «пузырь» лопнул, сделав недвижимость в регионе доступной лишь для исключительно богатых людей.

Не можем не упомянуть и ипотечный кризис в США 2007–2008 годов, когда банки начали активно предоставлять кредиты даже тем, кто не мог похвастаться стабильным доходом. Результат не заставил себя ждать: количество неплательщиков по кредитам выросло, долги продавались и перепродавались, что в итоге привело к банкротству Lehman Brothers и вызвало панику в финансовой сфере и на ипотечном рынке. Данный кризис имел глобальные последствия, поскольку доллар является мировой валютой, и распространился по всему миру.

И, разумеется, не стоит забывать о «пузыре» криптовалюты биткоин, который образовался в период с 2016 по 2017 годы, когда стоимость биткоина стремительно росла, чтобы затем, в 2018 году, обрушиться в пять раз.

Выдающийся американский экономист Роберт Джеймс Шиллер выделил несколько ключевых факторов, способствующих формированию финансовых «пузырей»: увеличение денежной массы в обращении, доступность кредитных средств, активное развитие информационных технологий, приток инвестиций в результате политических и культурных изменений, расширение доступа на международные рынки и изменения в демографической структуре населения.

Марк Фабер, известный швейцарский инвестор и финансовый аналитик, также уделяет внимание этой проблематике, предоставляя свой взгляд на механизмы образования экономических «пузырей». В его понимании процесс начинается с информирования населения о выгодных способах вложения капитала, что порождает спекуляции. Далее банки начинают активно выдавать займы под низкие проценты, что приводит к резкому увеличению объема кредитования. Следствием этого становится стремительный рост строительства жилых домов и инфраструктурных объектов, в то время как СМИ рисуют обществу картину светлого будущего.

Акции, казалось бы, предвестник постоянного процветания и обогащения. Люди, полные оптимизма, начинают активно интересоваться биржевой торговлей, даже те, кто ранее был весьма далек от этого мира.

Огромное количество финансовых операций проводится с использованием заемных средств, создавая тем самым предпосылки для формирования финансового «пузыря». До его неизбежного лопания определенной категории лиц удастся извлечь значительную выгоду. Однако это счастье длится недолго. С насыщением рынка активами, наиболее предусмотрительные инвесторы начинают постепенно избавляться от своих активов. Эти крупные сделки быстро набирают массовый характер, вызывая обвал цен на акции, валюту и недвижимость [2].

Развитие финансового «пузыря» сопровождается увеличением денежных потоков в сфере инвестиций. Но этот период быстротечен, и наибольшую выгоду получают те, кто вложил средства на начальной стадии его формирования. Подавляющее большинство инвесторов, вложившие деньги

на этапе роста «пузыря» и заплатившие завышенную цену, понесут убытки.

Экономика, в свою очередь, лишится части денежных потоков, что повлечет за собой снижение инвестиционной активности и покупательской способности населения. Последствия схлопывания финансового «пузыря» могут затронуть и мировую экономику, сократив объемы экспорта и импорта. Эксперты отмечают сложность в распознавании экономического «пузыря». Однако наличие ряда признаков, таких как быстрый рост цен и увеличение объема кредитования, может указывать на его формирование. Расчет фундаментальной стоимости актива также является непростой задачей, и прогнозы в этой области не всегда оказываются точными.

Для лучшего понимания ситуации на рынке следует обратить внимание на следующие характерные признаки экономического «пузыря»:

1. Внезапное и резкое повышение стоимости актива.
2. Значительный разрыв между реальной стоимостью актива и его рыночной ценой.
3. Ослабление кредитной политики, сочетающееся с увеличением доли заемных средств в структуре приобретения актива.

Несмотря на кажущуюся простоту и доступность торговли на бирже, этот процесс таит в себе множество подводных камней и потенциальных рисков, игнорирование которых может привести к серьезным финансовым потерям.

Тюльпаномания в Голландии (1634–1637 гг.) Этот пример часто считается одним из первых и наиболее ярких финансовых пузырей в истории. В середине XVII века в Нидерландах наблюдался беспрецедентный рост цен на луковицы тюльпанов, которые стали объектом широкомасштабной спекуляции. Цены достигли такого уровня, что стоимость одной луковицы могла сравниться с ценой роскошного дома в Амстердаме. В основе этого явления лежало ограниченное предложение тюльпанов и массовое увлечение этими цветами. Люди были уверены, что цены будут расти вечно, и готовы были вкладывать в тюльпаны все свои сбережения. Однако, как только рынок достиг своего пика, спрос резко упал, что привело к обвалу цен и обширному финансовому кризису.

Пузырь доткомов (конец 1990-х – начало 2000-х). Этот пример ближе к нашему времени и связан с ростом интернет-компаний. В конце 1990-х годов инвесторы стали активно вкладывать деньги в стартапы, связанные с интернетом несмотря на то, что многие из них не приносили прибыли и не имели четкой бизнес-модели. Уверенность в том, что интернет изменит мир, привела к резкому увеличению стоимости акций этих компаний.

Пузырь лопнул в начале 2000-х, когда стало очевидно, что ожидания инвесторов были завышены. Акции интернет-компаний обрушились, что привело к массовым убыткам и банкротствам. Этот кризис подчеркнул важность тщательного анализа и критического подхода к инвестициям, а также показал, как массовый энтузиазм может привести к нерациональным решениям на финансовых рынках.

Японский экономический пузырь (1980-е годы). В 1980-х годах Япония переживала период экономического бума, который вошел в историю как один из самых ярких примеров финансового пузыря. Экономика страны росла стремительными темпами, цены на недвижимость и акции достигли небывалых высот. Основой для такого роста послужили низкие процентные ставки, агрессивное кредитование и неоправданный оптимизм в отношении будущего экономики страны. Когда пузырь лопнул в начале 1990-х годов, это привело к глубокому и продолжительному экономическому спаду, который получил название «потерянное десятилетие». Цены на активы рухнули, многие компании обанкротились, а эко-

номика страны оказалась в состоянии стагнации на долгие годы.

Пузырь на рынке жилья в США (2000-е годы). Этот пузырь был связан с бумом на рынке жилья в Соединенных Штатах, который достиг своего пика в середине 2000-х годов. Цены на дома росли настолько быстро, что многие считали их инвестицией, обещающей быстрые и большие доходы. Банки предлагали ипотечные кредиты даже тем, кто не имел достаточного дохода или кредитной истории для их обслуживания. Когда цены на жилье начали падать, это привело к волне дефолтов по ипотечным кредитам, что, в свою очередь, спровоцировало глобальный финансовый кризис 2008 года. Банки оказались на грани банкротства, миллионы людей потеряли свои дома, а мировая экономика оказалась в глубокой рецессии.

Феномен финансовых пузырей олицетворяет собой одну из наиболее сложных и двусмысленных сторон рыночной экономики. С одной стороны, они являются свидетельством динамизма и жизнеспособности финансовых рынков, а с другой – отражают их уязвимость и предрасположенность к спекуляциям и дисбалансам. Финансовые пузыри, будь то спекулятивные, рациональные или комиссионные, могут создавать иллюзию процветания и экономического роста, но в долгосрочной перспективе они несут в себе потенциал для серьезных потрясений и кризисов. История показывает, что последствия их схлопывания могут быть разрушительными, затрагивая не только инвесторов и отрасли, но и всю экономику в целом.

Проблема прогнозирования и предотвращения финансовых пузырей остается актуальной и сложной задачей для экономистов, политиков и регулирующих органов. Необходим баланс между стимулированием экономической активности и предотвращением чрезмерных спекуляций, между обеспечением свободы рынка и введением необходимых регуляторных мер.

Пристатейный библиографический список

1. Шиллер Р. Дж. Иррациональный экстаз: Какие силы стоят за финансовыми пузырями. - Москва: Альпина Паблишер, 2015.
2. Грэхем Б., Додд Д. Анализ ценных бумаг. - Москва: Вильямс, 2007.
3. Минский Х. Стабильность и нестабильность в финансовой системе. - Москва: Издательство Института Гайдара, 2016.
4. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. - Москва: Эксмо, 2017.
5. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма: открытое общество в опасности. - Москва: Инфра-М, 1998.
6. Рубини Н., Миом С. Экономика кризиса: хроника глобального обвала. - Москва: Эксмо, 2009.

ГЛЫЗИН Алексей Владиславович

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЖОВАНИК Ксения Матвеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БУРДЮКОВА Анна Андреевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

АБРАМОВА София Михайловна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВНЕДРЕНИЯ ЕДИНОГО НАЛОГОВОГО СЧЕТА КАК СПОСОБ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В данной статье представлено аналитическое исследование, посвященное изучению актуальной темы оптимизации процесса налогообложения в Российской Федерации с особым вниманием к вопросам внедрения и применения единого налогового счета. В работе рассматриваются ключевые аспекты текущей системы налогообложения, выделяются области, требующие доработки и усовершенствования, и предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: налогообложение, единый налоговый счет, оптимизация налоговых процессов, налоговая система РФ, справедливость в налогообложении, прозрачность налоговых отношений, упрощение процедур уплаты налогов, автоматизация налоговых расчетов, юридическая определенность, фискальная политика, финансовый мониторинг, социальная справедливость, эффективность налоговой системы, взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов.

GLYZIN Alexey Vladislavovich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ZHOVANIK Kseniya Matveevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BURDYUKOVA Anna Andreevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

ABRAMOVA Sofia Mikhaylovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INTRODUCTION OF A SINGLE TAX ACCOUNT AS A WAY TO OPTIMIZE THE TAX PROCESS

This document represents an analytical study dedicated to the exploration of the timely subject of tax process optimization in the Russian Federation, with a special focus on the issues of implementing and applying a unified tax account. The paper examines the key aspects of the current tax system, identifies areas in need of refinement and improvement, and suggests solutions to the identified problems.

Keywords: taxation, unified tax account, tax process optimization, Russian tax system, fairness in taxation, transparency of tax relations, simplification of tax payment procedures, automation of tax calculations, legal certainty, fiscal policy, financial monitoring, social justice, efficiency of the tax system, interaction between taxpayers and tax authorities.

Современный мир переживает период глубоких трансформаций, затрагивающих самые разные сферы общественной жизни. Эти изменения во многом обусловлены стремительным развитием технологий, которые в корне меняют привычные подходы к управлению, экономике, образованию и многим другим областям. Важнейшей задачей в этих условиях становится не просто адаптация к новым реалиям, но и активное внедрение инновационных решений для повышения эффективности и конкурентоспособности на всех уровнях.

Одной из ключевых сфер, где необходимость в обновлении особенно ощутима, является налоговая система. Налоги – неотъемлемая часть экономической жизни страны, и их своевременная и точная уплата является залогом стабильности и благосостояния государства. В то же время, сложность и многоуровневость налоговых процессов часто приводят к избыточной бюрократии, ошибкам и неэффективности. В этой связи поиск путей оптимизации и упрощения налоговых процедур становится приоритетной задачей.

В декабре 2021 года был представлен законопроект № 46702–8, который предложил революционные изменения в налоговом законодательстве Российской Федерации. Суть этих изменений заключается во введении Единого Налогового Счета и Единого Налогового Платежа – концепций, которые, по мнению разработчиков, должны существенно упростить процесс уплаты налогов и сделать его более прозрачным и понятным для всех участников.

Однако, как это часто бывает с нововведениями, вокруг законопроекта возникло множество дискуссий и споров. С одной стороны, предлагаемые изменения видятся логичным и необходимым шагом на пути к совершенствованию налоговой системы. С другой – есть риски и неопределенности, связанные с переходом на новую модель, которые вызывают опасения и сомнения у различных групп налогоплательщиков.

В этом контексте становится очевидной актуальность и важность нашего исследования, целью которого является анализ предлагаемых изменений, выявление их потенциальных преимуществ и рисков, а также оценка влияния на раз-

личные категории налогоплательщиков. Такое исследование позволит не только глубже понять суть происходящих трансформаций, но и способствовать выработке рекомендаций по оптимизации процесса внедрения новых механизмов налоговых платежей.

Процесс наращивания вычислительных мощностей различных технических средств, а также их все более интенсивная интеграция в различные аспекты жизни общества открывает новые горизонты для оптимизации и упрощения выполнения отдельных задач и операций.

24 декабря 2021 года был представлен к рассмотрению законопроект № 46702–8, озаглавленный «О внесении изменений в первую и вторую части Налогового кодекса Российской Федерации», направленный на совершенствование процедур уплаты налогов. Основной задачей данного законопроекта является введение концепции Единого Налогового Счета (ЕНС), предназначенного для упрощения механизма перечисления налоговых платежей через осуществление единой налоговой уплаты, именуемой в документе как ЕНП. Данные нововведения реагируют на насущную потребность в цифровизации экономической и правовой сфер деятельности государства, что позволяет говорить о значимости и актуальности этого процесса [5].

Законопроект вводит в оборот понятие «единого налогового платежа» (ЕНП), определяемого как денежные средства, перечисляемые различными категориями плательщиков в бюджетную систему страны через счета Федерального казначейства, а также денежные средства, взимаемые в порядке, установленном налоговым кодексом РФ. Также законопроектом предусмотрены механизмы признания в качестве ЕНП различных форм платежей и расчетов, включая зачеты и возмещения налогов, что расширяет поле применения данного инструмента. Концепция Единого Налогового Счета представляет собой инновационный инструмент учета налоговых обязательств, предполагающий новый порядок взаимодействия налогоплательщиков и государства.

Тем не менее, данное нововведение порождает ряд вопросов и неопределенностей, поскольку на момент нашего рассмотрения еще не совсем ясно, каким образом система будет функционировать на практике. Существует мнение, что введение Единого Налогового Счета упростит и оптимизирует налоговые процессы, однако среди предпринимателей и юридических лиц есть опасения, что это может привести к замешательству и путанице в платежах.

Для подготовки данного текста были использованы научные источники, а также текст законопроекта № 46702–8 и соответствующие ему разъяснения. В рамках данного исследования использовались разнообразные методы, в том числе экспертные оценки и аналитический обзор научной литературы.

Законопроект предлагает радикальные изменения в существующую систему ведения налоговых платежей. Сегодня налогоплательщики обязаны формировать множество платежных поручений, что сопряжено с необходимостью указания большого количества реквизитов. Вместо этого предлагается внедрить систему ЕНС, уникальный счет для каждого налогоплательщика в Федеральном казначействе. Таким образом, налогоплательщики смогут осуществлять платежи, указывая лишь сумму и ИНН.

Эта инновация позволит автоматизировать учет налоговых платежей на основе данных, уже имеющихся в налоговых органах. ЕНП будет автоматически зачисляться в счет уплаты налоговых обязательств, что сделает процесс более простым и прозрачным. Этот подход к налогообложению является принципиально новым не только для российского законодательства, но и для законодательств других стран. А. М. Макаров, председатель соответствующего комитета Госдумы, отмечает, что, хотя аналогичные проекты существуют

в 22 странах мира, ни один из них не обладает таким технологическим уровнем и широтой охвата.

Законопроект № 46702–8 кардинально меняет механизмы перечисления налогов и их администрирования. Вводит единый счет, на который налогоплательщики будут перечислять средства. Эти средства затем будут самостоятельно распределяться между различными налоговыми обязательствами. Помимо этого, новая система предполагает возможность формирования положительного остатка на счете налогоплательщика, который может быть возвращен или зачтен в счет будущих платежей. Таким образом, процесс уплаты налогов становится более гибким и удобным для налогоплательщиков [3].

Законопроект предполагает, что итоговая сумма обязательств налогоплательщика будет фиксироваться на его ЕНС в национальной валюте, исходя из предоставленных деклараций и расчетов. Это даст возможность упорядочить и упростить весь процесс учета налоговых платежей.

В свете текущих обновлений концепция Единого Налогового Счета (ЕНС) предлагает инновационный подход к управлению финансовыми отношениями между налогоплательщиками и государством. Суть этого подхода заключается в создании условий для формирования положительного баланса на счете плательщика, что возможно в случае, если общая сумма внесенных и признанных в виде Единого Налогового Платежа (ЕНП) денежных средств превышает сумму налоговых обязательств.

При наличии положительного остатка на счете плательщик вправе запросить его возврат в течение 24 часов, либо же воспользоваться этими средствами для погашения предыдущих платежей или для уплаты налоговых обязательств другого лица, что упрощается благодаря минимальному набору требуемых реквизитов, в том числе ИНН.

Фиксация итоговой обязанности происходит на ЕНС налогоплательщика в национальной валюте, исходя из данных налоговых деклараций и других документов, представленных в налоговую службу, но не ранее момента наступления обязанности по уплате налогов.

В контексте вышеописанных нововведений законопроект не устанавливает прямых рамок для авансового погашения налоговой задолженности, однако предоставляет возможность для ее реализации, например, через увеличение суммы налогового платежа.

Неотъемлемой частью успешной реализации концепции ЕНС является повышение функциональности налоговых органов, включая предоставление налогоплательщикам доступа к детальной информации об их начислениях и погашениях налогов онлайн, а также интеграция с IT-платформами.

Тем не менее, вопросы технической реализации данного законопроекта остаются открытыми и требуют значительных инвестиций как в оборудование, так и в разработку специализированного программного обеспечения, с учетом увеличения необходимой вычислительной мощности.

Основной задачей и вызовом при этом является определение точных сроков для возникновения обязательств по уплате налогов и начисления штрафов. Законопроект № 46702–8 оставляет этот момент неопределенным, что создает определенную неопределенность в отношении периода образования задолженности, а также вопросы по возврату средств налогоплательщику при наличии положительного баланса. Таким образом, необходима дополнительная проработка и уточнение данных аспектов в рамках законодательной инициативы, чтобы обеспечить ее эффективность и удобство для всех участников налоговых отношений.

Основываясь на требованиях подачи налоговой отчетности до 20-го числа месяца, следующего за отчетным, а также установления единого дня погашения долгов, который приходится на 25-е число каждого месяца, существует возможность выделить временной промежуток для формирования

отрицательного баланса по задолженности с 20-го числа месяца, в котором необходимо погасить долг. В ситуациях, когда происходит повторное неисполнение обязательств по налоговым платежам, итоговая сумма долга может быть определена путем простого сложения предыдущей задолженности и долга за текущий отчетный период [2]. Положительный баланс следует формировать незамедлительно после проведения платежа налоговым органом с использованием ЕНС. Данный платеж должен производиться в автоматизированной манере для предотвращения переплаты. После автоматического зачисления суммы платежа, оставшийся положительный баланс становится основанием для возврата средств налогоплательщику по его запросу. Такой подход гарантирует максимальное удобство для плательщика налогов. Кроме того, отсутствие четкого порядка определения момента возникновения задолженности может привести, например, к юридической неопределенности при расчете штрафов.

В текущей редакции пункта 1 статьи 75 НК РФ в проекте закона № 46702–8 отсутствует четкое указание на то, будет ли производиться расчет штрафов для каждого конкретного вида налога или для общей суммы задолженности. Вероятно, формулировка, касающаяся расчета штрафов, нуждается в пересмотре, поскольку общий принцип работы единого налогового счета предполагает наложение штрафов на общую сумму долга. В такой ситуации налогоплательщики могут столкнуться с вопросами, так как система не сможет точно указать, по какому именно налогу был произведен платеж или начислены штрафы/пени. Проект закона требует дополнительной доработки с точки зрения принципов оптимальности, выполнения фискальных функций налогов, создания условий для финансового роста, обеспечения социальной справедливости и учета других социальных, финансовых и правовых факторов. В рамках рассматриваемого проекта закона наиболее обоснованным кажется решение о расчете штрафов отдельно по каждому виду налогов, не исключая при этом возможности установления общего порядка расчета штрафов для различных налоговых режимов. Единый налоговый счет является новаторским инструментом, который коренным образом изменит порядок исполнения налоговых обязательств, его несомненным достоинством является упрощение и ускорение процессов в сфере налогообложения. Несмотря на установленные сроки предоставления налоговой отчетности и погашения задолженности, существует необходимость в более четком определении периодов для формирования отрицательного сальдо по задолженности. Это позволит налогоплательщикам более эффективно планировать свои финансовые обязательства и избегать возможных штрафов за просрочку платежей [6].

Автоматизация платежей и расчетов является ключевым элементом для обеспечения эффективности и прозрачности налоговых операций. Однако необходимо тщательно следить за тем, чтобы система была настроена корректно и исключала возможность ошибок, которые могут привести к переплатам или недоплатам.

Отсутствие четкости в вопросах определения моментов возникновения задолженности и расчета штрафов может привести к юридической неопределенности и, как следствие, к увеличению количества споров между налогоплательщиками и налоговыми органами. Важно обеспечить максимальную прозрачность и понимание всех аспектов налогообложения для обеих сторон.

Необходимо рассмотреть возможность введения более гибкого и индивидуального подхода к вопросу наложения штрафов, учитывая различные виды налогов и особенности налоговых режимов. Это позволит сделать систему более справедливой и сбалансированной. Важным аспектом является также обеспечение социальной и финансовой справедливости в процессе налогообложения. Законодательство должно способствовать созданию равных условий для всех

налогоплательщиков и предотвращению возможности уклонения от уплаты налогов.

Внедрение единого налогового счета в практику налоговых отношений Российской Федерации представляет собой значимый и перспективный шаг на пути к оптимизации системы налогообложения. Этот процесс требует тщательной проработки, адаптации законодательства и постоянного мониторинга его эффективности. Особое внимание следует уделить вопросам юридической определенности, автоматизации расчетов и индивидуальному подходу к налогообложению различных категорий плательщиков. Только комплексный и взвешенный подход позволит достичь желаемых результатов: упростить процесс уплаты налогов, минимизировать риски ошибок и злоупотреблений, обеспечить прозрачность и справедливость налоговых отношений, что в итоге способствует созданию благоприятного экономического климата и укреплению доверия со стороны бизнеса и граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Проект федерального закона № 46702-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (в части совершенствования порядка уплаты налогов). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8>.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8>.
3. О проекте федерального закона № 46702–8 [Видеозапись]: Рассмотрение законопроекта Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации в первом чтении 15.02.2022 / А. М. Макаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8>.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СПС КонсультантПлюс.
5. Заключение на проект федерального закона № 46702–8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», внесенный Правительством Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/46702-8>.
6. Иванова С. В. Модернизация налоговой системы РФ: преимущества и риски введения единого налогового счета. – Москва: Экономика, 2022. – 156 с.
7. Кузнецова О. П. Анализ изменений в налоговом законодательстве: переход на единый налоговый счет // Журнал «Налоги и финансовое право». – 2023. – № 4. – С. 45-53.
- 8.

КЕРЕФОВА Бэлла Руслановна

ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

РОМАНОВА Наталья Евгеньевна

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

СУРКИС Илья Витальевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ВЛИЯНИЕ РОСТА НАЛОГОВ И ШТРАФОВ НА УРОВЕНЬ КОРРУПЦИИ

В статье рассматривается влияние роста налогов и штрафов на уровень коррупции в Российской Федерации. Исследование проводится с целью выявления возможной взаимосвязи между увеличением налоговой и штрафной нагрузки, с одной стороны, и увеличением коррупционных действий, с другой. Авторами производится анализ факторов, которые могут способствовать увеличению коррупции в контексте роста налогов и штрафов, таких как увеличение бюрократии, сложность государственных процедур налогообложения и отсутствие достаточной прозрачности в налоговой системе. В заключении исследования предлагаются рекомендации для снижения негативного влияния роста налогов и штрафов на уровень коррупции в России.

Ключевые слова: коррупция, налоговая система, бюджет, штрафы, злоупотребление должностными полномочиями, антикоррупционная политика.

KEREOFVA Bella Ruslanovna

assistant of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ROMANOVA Nataliya Evgenjevna

student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

SURKIS Ilya Vitaljevich

student of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

IMPACT OF RISING TAXES AND FINES ON THE LEVEL OF CORRUPTION

This article examines the impact of rising taxes and fines on the level of corruption in the Russian Federation. The study is conducted to identify a possible relationship between an increase in tax and fine burden on the one hand and an increase in corrupt practices on the other. The article analyzes factors that may contribute to increased corruption in the context of rising taxes and fines, such as increased bureaucracy, the complexity of government tax procedures and the lack of sufficient transparency in the tax system. In conclusion, the study offers recommendations to reduce the negative impact of rising taxes and fines on the level of corruption in Russia.

Keywords: corruption, tax system, budget, fines, abuse of power, anti-corruption policy.

Коррупция является одной из главных проблем, которая замедляет развитие Российской Федерации. Она оказывает негативное воздействие не только на экономику, но и на правовую систему и социальную сферу жизни людей, а также способствует дестабилизации общества, недоверию граждан к власти, препятствует развитию легальной предпринимательской деятельности и здоровой конкуренции. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ, коррупция – это злоупотребление служебным положением и полномочиями, получение и дача взятки, коммерческий подкуп или другое незаконное использование человеком своего служебного положения вопреки интересам государства и общества в целях получения личной выгоды [12]. Обратимся к мнениям научных исследователей. Максимов В. К. определяет коррупцию, как девиантное поведение публичных должностных лиц, которое выражается в незаконном и нелегитимном использовании имеющихся у них полномочий, а также ресурсов общества, доступ к которым им доступен в связи с занимаемой должностью [4].

Согласно мнению Валиевой О. В., одним из факторов, способствующих увеличению уровня коррупции, является

рост налогов и штрафов. При исследовании автор проводил опрос среди филиалов крупных международных компаний Сибирского Федерального округа, который показал, что существует линейная зависимость между ростом налогов и штрафов и уровнем коррупции. Любое повышение ставки налога или размера штрафов влечет за собой появление новых преступных схем уклонения от их уплаты и, соответственно, рост коррупционной составляющей РФ [1].

Для подтверждения данной точки зрения необходимо определить сущность налогов и штрафов. Согласно ч. 1 ст. 8 Налогового кодекса РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ, налог определяется как безвозмездный обязательных платежей, который взимается индивидуально с физических и юридических лиц в виде отчуждения денежных средств, принадлежащих им на праве собственности, в целях финансового обеспечения деятельности государства [7]. Штрафом является мера наказания в виде денежного взыскания за совершенное противоправное общественно-опасное деяние. Сущностью налогов и сборов является властное указание государств о безвозвратной передаче в свое распоряжение денежных средств, указанные правоотношения не являются равными.

В монографии Мохорова Д. А. «Социальные регуляторы противодействия коррупции, экстремизму и терроризму», авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к противодействию коррупции, включающего не только экономические меры, но и социальные, правовые и другие [5].

В современном мире коррупция представляет собой системную проблему, деструктивно влияющую на различные сферы жизнедеятельности общества. Она подрывает основы государственного управления, препятствует экономическому развитию и снижает качество жизни людей. Борьба с коррупцией требует комплексных мер, включающих использование новейших технологий, в том числе цифровых [6].

Юрист Сергей Ефимов заявил, что повышение штрафов не приведет к улучшению безопасности дорожного движения. Высокие штрафы уже действуют, но не приносят ожидаемых результатов. Повышение штрафов может увеличить количество коррупционных преступлений, связанный с представителями ГИБДД [9].

В условиях современного экономического положения: повышение инфляции, увеличение налогового бремени и ужесточение штрафных санкций, увеличивается вероятность возникновения коррупционных схем, потому что участники рынка и обычные граждане стремятся минимизировать свои расходы и избежать финансовых потерь. Один из аспектов описываемой проблемы – неэффективность системы контроля и надзора, что создает условия для незаконных действий и злоупотреблений. Чем больше появляется обязательств по уплате различных штрафов и налогов, тем больше люди стремятся снизить сумму выплаты, прибегая к даче взяток и подкупу должностных лиц. Поэтому можно сделать вывод, что рост налогов и штрафов приводит к увеличению уровня коррупции.

Влияние налогов и штрафов на уровень коррупции является многоаспектной проблемой, не имеющей однозначного ответа. С одной стороны, ужесточение фискальной политики может потенциально снижать стимулы к коррупционному поведению. С другой стороны, чрезмерное давление на бизнес и граждан может иметь обратный эффект, стимулируя уход в тень и создавая новые возможности для коррупционных схем.

Результаты исследования показали, что рост налогов и штрафов оказывает значительное влияние на уровень коррупции в стране. Согласно современному законодательству РФ, повышение налоговых ставок и введение новых штрафных санкций стимулируют распространение коррупционных практик среди представителей бизнеса, государственных служащих и обычных граждан.

Во-первых, увеличение штрафов и налоговых ставок может создать дополнительные финансовые издержки для физических и юридических лиц. В условиях современной инфляции и дестабилизации экономики, люди ищут способы сокрытия своих доходов, снижения налогооблагаемой базы или избегания оплаты штрафов. Это приводит к возникновению преступных практик, таких как легализация доходов, полученных преступным путем, так называемое, «отмывание денег», подделка документации, подкуп полномочных лиц и т.п. Дело ООО «Антарес» из Республики Кабардино-Балкария является одним из примеров, демонстрирующих исследуемую проблему. Марят Даова, руководитель организации, подделывала налоговые декларации, в которых значительно снижала объемы произведенной алкогольной продукции, убыток был оценен размеров 1 миллиард рублей [10].

Во-вторых, рост налогов и штрафов может привести к усилению бюрократической нагрузки на предпринимателей и обычных граждан. Трудоёмкие процедуры и требования налоговых органов могут способствовать увеличению взяточничества и созданию коррупционных схем. В качестве примера можно привести дело о получении взятки суммой 5 миллионов рублей. Мария Урникис, исполняющая обязан-

ности руководителя отдела выездных проверок ФНС по Балашихе (Московская область), вымогала денежные средства у генерального директора нефтеперерабатывающей фирмы, аргументируя тем, что в ходе выездной проверки было выявлено большое количество нарушений, и утверждала, что она готова улучшить полученные результаты. Сотрудницу приговорили к штрафу в размере 6 миллионов рублей и запрету на работу в государственных органах в течение двух лет [3].

Согласно заключению комитета Государственной Думы, за 2022 год федеральный бюджет Российской Федерации недополучил 2,5 трлн. рублей. Согласно данным Банка России, инфляция за 2022 год составила 11,94 %. Одновременно с этим с 2021 года люди, получающие более 5 миллионов рублей в год, должны платить подоходный налог в размере 15 % с доходов, которые выходят за пределы 5 миллионов, с 1 января 2023 года была отменена скидка в размере 30 % на оплату штрафов через интернет-портал Госуслуги, с 1 июля 2023 года были введены акцизы на сахаросодержащие напитки, бензин и топливо, сигареты и вейпы, а также в настоящее время планируется повышение налогов на добычу газа, нефти и угля. Также, большое влияние на современную экономическую ситуацию влияет геополитическое положение Российской Федерации, в условиях большого количества наложенных санкций, предприятия вынуждены тратить большие средства для обеспечения деятельности своих производств, например, на параллельный импорт через страны-посредники.

Государство увеличивает размер налогов и штрафов по следующим причинам: необходимость наполнения бюджета из-за растущих потребностей общества и государства, регулирование рыночной деятельности (например, снижение потребления некоторых товаров и услуг), борьба с теневой экономикой (увеличение размеров штрафов может быть направлено на усиление контроля за налоговыми и экономическими преступлениями) и т.д. Согласно мнению Никитина К., психолога, значительное влияние на вышеописанную проблему оказывает менталитет граждан Российской Федерации [8]. Во-первых, следует учитывать окружающие примеры: «все так делают», то есть люди подчеркивают невозможность конкуренции в честной работе с теми, кто уклоняется от уплаты налогов. Во-вторых, люди повсеместно слышат о различных способах сокрытия доходов и в умах населения бытует мнение о неизбежности таких расходов и их большом масштабе. Исходя из этого, целью налогового администрирования является создание условий, при которых корыстные желания получателей скрытых платежей уменьшатся, потому что бизнесу неоткуда будет взять деньги на подкуп и взятки.

Рост налогового бремени и штрафных санкций стимулирует бизнес на поиск способов для их обхода, а также подпитывает коррупцию. Уровень коррупции напрямую коррелирует с количеством дорожно-транспортных происшествий: чем выше коррумпированность системы, тем больше человеческой жизни уносит ДТП. По данным опросов, россияне считают ГИБДД самой коррумпированной госструктурой. Пока у нарушителей остается возможность «договориться» с сотрудником полиции, никакие системы контроля в области безопасности дорожного движения не будут эффективными.

Вместо ужесточения налоговой политики и штрафных санкций, необходимо сконцентрироваться на снижении коррупции так как позволит не только оздоровить бизнес-среду, но и значительно сократить количество ДТП, а также повысить уровень безопасности на дорогах.

Борьба с коррупцией должна стать приоритетным направлением государственной политики. Только при условии искоренения этой системной проблемы можно добиться устойчивого развития экономики и общества.

Повышение ответственности сотрудников правоохранительных органов, ужесточение контроля за их деятельностью,

а также создание независимых антикоррупционных механизмов – вот лишь некоторые меры, которые необходимо предпринять для решения этой проблемы.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что из-за сложившейся экономической ситуации, увеличения уровня инфляции, физические лица и предприниматели будут стремиться сократить число обязательных платежей, в том числе с помощью взяток, подкупа должностных лиц, сокрытия доходов. Чем больше появляется обязательств по уплате различных штрафов и налогов, тем больше люди стремятся снизить сумму выплат, прибегая к коррупционным преступлениям. Поэтому можно сделать вывод, что существует прямо пропорциональная связь между ростом налогов и штрафов и ростом уровня коррупции.

Рост налогов и штрафов может привести к увеличению уровня коррупции. Увеличение налоговых обязательств и размеров штрафов создает дополнительные стимулы для участия в коррупционных схемах и нечестных практиках, так как предприниматели и граждане могут искать способы уклонения от уплаты налогов и минимизации возможных штрафов. Бюрократическая избыточность, сложность налоговых процедур, увеличение инфляции и снижение уровня доходов, недостаточная прозрачность в системе также могут способствовать увеличению коррупции в сфере налогообложения. Для решения данной проблемы следует акцентировать внимание на упрощении процедур налогообложения, увеличении прозрачности и эффективности этой сферы, а также мониторинге за исполнением законодательства в данной сфере. Сокращение административных барьеров и предоставление доступа к информации также способствуют снижению вероятности коррупционных действий в этой сфере.

Статистические данные подтверждают связь между ростом налогов и штрафов и уровнем коррупции в России. Исследования показывают, что в периоды повышения налоговых ставок или введения новых штрафных санкции наблюдается рост случаев коррупции и злоупотребления должностными полномочиями.

Для снижения коррупционных схем в области налогообложения можно использовать различные методы для решения описываемой проблемы [2]:

1. Увеличение прозрачности работы ФНС играет важную роль в этом процессе. Использование современных информационных технологий помогает упростить взаимодействие людей с контролирующими органами, а также предоставление отчетности о деятельности федеральных органов и их служащих способствует общественному контролю. Это затрудняет совершение противоправных действий должностных лиц и делает налоговый контроль более доступным и прозрачным.

2. Введение новых методов предотвращения налоговых правонарушений: организация консультаций; проведение проверок на месте у компаний, чья деятельность вызывает подозрения, например, предоставляет «нулевую» отчетность; дополнительная проверка деятельности юридических лиц, работающих менее года. Данные меры могут быть направлены на предотвращение возникновения риска совершения административных правонарушений и уголовных преступлений в области налогообложения. Невзирая на то, что сумма неуплаты в описываемых случаях обычно небольшая, количество подобных случаев довольно велико.

3. В целях обеспечения независимости мнения сотрудников относительно проверяемых субъектов предлагается рассмотреть ограничение времени, в течение которого один сотрудник проверяет конкретное предприятие. Также следует запретить проведение проверок в регионах, где работают или проживают люди, связанные с сотрудниками проверяющих органов, чтобы снизить риск возникновения коррупционных связей.

4. Создание единой базы субъектов, совершивших налоговые противоправные деяния, в том числе с использованием коррупции, и ведение единого учета. Анализ динамики таких действий необходим для оценки эффективности мер по борьбе с коррупцией в налоговой деятельности.

Указанные меры могут способствовать снижению уровня коррупции в Российской Федерации. Отсюда следует, что уровень налогов и штрафов, а также его влияние на коррупцию требуют внимательного рассмотрения и проработки со стороны государственных органов с целью снижения негативных последствий для экономики и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Валиева О. Рост налогов и штрафов способствует коррупции // Научно-образовательный портал IQ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177665373.html> (дата обращения: 26.11.2023).
2. Гнатышина Е. И. Основные направления противодействия коррупции в современном мире // Вестник российского университета кооперации. – 2023. – № 2. – С. 9-13.
3. Игнатова П. И., Кузякин Ю. П. Способы противодействия коррупции при осуществлении взаимодействия с налогоплательщиками // Аспект. – 2021. – № 16. – С. 3-7.
4. Максимов В. К. Понятие коррупции в международном и российском праве // Право и безопасность. – 2002. – № 2-3. – С. 38-42.
5. Морохов Д. А., Демидов В. П., Демидов А. Ю., Мохорова А. Ю., Клиницкий А. И., Даньшина Н. А. и Долженкова Е. Социальные регуляторы противодействия коррупции, экстремизму и терроризму / Монография. Изд-во: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» (Санкт-Петербург). – 2023, 136 с.
6. Мохоров Д. А., Долженкова Е., Минкина М. В. Противодействие коррупции в условиях цифровизации государственных институтов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 95-98.
7. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. – Ст. 8 с изм. и доп., в ред. от 01.10.2023.
8. Никитин К. Почему мы не хотим платить налоги // НБР. – 2015. – № 8. – С. 11-17.
9. Новиков С. Эксперты: повышение штрафов за нарушение ПДД приведет к усилению коррупции // Московская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mskgazeta.ru/obshchestvo/eksperty-povyshenie-shtrafov-za-narushenie-pdd-privedet-k-usileniyu-korrupcii.html> (дата обращения: 26.11.2023).
10. Постановление шестнадцатого апелляционного суда от 15.10.2021 № А20-2322/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/gAmBTDbbEkJw/> (дата обращения 26.11.2023).
11. Федеральный закон Российской Федерации «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. – с изм. и доп., в ред. от 15.09.2023.
12. Яшина Г. Почему повышение налогов в России приведет к падению экономики и коррупции // Капитал Страны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kapital-rus.ru/articles/article/pochemu_povyshenie_nalogov_v_rossii_privedet_k_padeniyu_ekonomiki_i_korrupcii/?ysclid=lpqgaf2ol824447879 (дата обращения: 26.11.2023).

Джунусова Джамия Нурашевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоведения Института экономики и права Астраханского государственного технического университета

Джунусова Д. Н.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Земли, используемые в целях ведения сельского хозяйства, по праву признаются ключевым ресурсом, основой обеспечения продовольственной безопасности страны и ее экономического благополучия. Поэтому одним из главных вопросов, который должен постоянно находиться в центре внимания государства, является вопрос о необходимости рационального использования земель сельскохозяйственного назначения, сохранения плодородия почв и предотвращения сокращения площадей земель указанной категории.

В статье приводятся данные, характеризующие количественное и качественное состояние земель сельскохозяйственного назначения в составе земельного фонда страны, анализируется действующее законодательство, предусматривающее ответственность за неиспользование или ненадлежащее использование таких земель.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, плодородие почв, деградация земель, признаки неиспользования земель, юридическая ответственность.

Dzhunusova Dzhamilya Nurashvna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Institute of Economics and Law of the Astrakhan State Technical University

ON THE ISSUE OF LIABILITY FOR NON-USE OR IMPROPER USE OF AGRICULTURAL LAND

The lands used for agricultural purposes are rightfully recognized as a key resource, the basis for ensuring the country's food security and its economic well-being. Therefore, one of the main issues that should constantly be in the focus of the state's attention is the need for the rational use of agricultural land, the preservation of soil fertility and the prevention of a reduction in the area of land of this category.

The article provides data characterizing the quantitative and qualitative condition of agricultural lands as part of the country's land fund, analyzes the current legislation providing for liability for non-use or improper use of such lands.

Keywords: agricultural lands, soil fertility, land degradation, signs of non-use of land, legal liability.

Земельные ресурсы, принадлежащие тому или иному государству, являются его уникальным национальным богатством, в использовании которого необходимы четкая регламентация и порядок. Это особенно важно в отношении такой категории земель как земли сельскохозяйственного назначения, обладающих уникальным, эмерджентным свойством – плодородием, – и потому имеющих приоритет в использовании, требующих установления особого правового режима, направленного на защиту их почв от негативного природно-антропогенного воздействия, недопущение выведения этих земель из хозяйственного использования и оборота.

По состоянию на 1 января 2023 г. площадь земель сельскохозяйственного назначения в составе земельного фонда Российской Федерации составила 379 134,7 тыс. га (22,1%). При этом на протяжении длительного периода времени наблюдается сокращение общей площади данной категории земель. Так, только за последние 5 лет площадь земель сельскохозяйственного назначения уменьшилась на 3 375,1 тыс. га¹. Причины такой негативной динамики различны: перевод в земли других категорий, преимущественно для несельскохозяйственных нужд; прекращение деятельности сельхозпредприятий и

крестьянских (фермерских) хозяйств по различным основаниям, в том числе в связи с банкротством, недостаточностью ресурсов и средств, необходимых для ведения производства; добровольный отказ правообладателей от прав на земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения и т.п.

Кроме того, ухудшаются качественные показатели этой категории земель вследствие их неиспользования или ненадлежащего использования. Согласно данным Россельхознадзора, исполняющего полномочия по осуществлению государственного земельного надзора за соблюдением обязательных требований земельного законодательства в отношении земель сельскохозяйственного назначения, оборот которых регулируется Федеральным законом «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», виноградопригодных земель, именно эти деяния в 2022 году, как и в предыдущих периодах, являются основными нарушениями в сфере землепользования.

Ухудшение качества земель сельскохозяйственного назначения в результате совершения таких правонарушений, по мнению специалистов, приводит к ее деградации, которая может проявляться в различных формах. Так, неиспользование земельного участка даже в течение одного полевого сезона приводит к его зарастанию сорной растительностью и мелколесьем, что отрицательно сказывается на балансе питательных веществ в почве, условиях почвообработки, а также создает очаги распространения болезней и вредителей растений. Из-за способности семян сорняков распространяться на большие расстояния происходит засорение ими соседних возделыва-

1 Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru/activity/gosudarstvennoe-upravlenie-v-sfere-ispolzovaniya-i-okhrany-zemel/gosudarstvennyy-natsionalny-doklad-o-sostoyanii-i-ispolzovanii-zemel-rossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 25.01.2024).

емых сельхозплощадей. На неиспользуемых землях из-за отсутствия их механической обработки почва уплотняется, что впоследствии затрудняет вовлечение их в севооборот и требует дополнительных затрат на проведение мелиоративных мероприятий². Кроме того, на заросших сорной и древесно-кустарниковой растительностью территориях учащаются случаи пожаров, что в дальнейшем, при посеве сельхозкультур на выгоревшую почву, приводит к понижению их урожайности на 20 – 30%.

Негативные последствия ненадлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения проявляются в развитии деградационных процессов, снижающих запас питательных веществ в почве (плодородие), продуктивность сельхозугодий, а также наносящих экологический вред. В числе причин снижения уровня плодородия специалисты называют также технологическую или эксплуатационную деградацию почв. Чаще всего это связано с нарушением земель (при недропользовании, наземном, гидротехническом строительстве и т.п.), бессистемным использованием удобрений, химических мелиорантов и средств защиты растений, агроистощением.

Анализ положений ГК РФ, ЗК РФ, Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101-ФЗ), КоАП РФ, устанавливающих санкции за неиспользование или ненадлежащее использование земель сельскохозяйственного назначения собственниками, арендаторами земельных участков, землепользователями и землевладельцами, показывает, что термином «ненадлежащее использование земельного участка» охватываются такие деяния виновных лиц, как:

- 1) использование земельного участка не по целевому назначению или использование его такими способами, которые приводят к существенному снижению плодородия либо причинению вреда окружающей среде;
- 2) порча земель;
- 3) невыполнении обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв;
- 4) невыполнении обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению;
- 5) возведение или создание на участке самовольной постройки и невыполнение обязанностей по ее сносу или приведению в соответствии с установленными требованиями.

Кроме того, отравление, загрязнение или иная порча земли, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде, признаны уголовно наказуемыми деяниями, за совершение которых статьей 254 УК РФ³ предусмотрена уголовная ответственность с максимальным наказанием в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Установление фактов неиспользования или ненадлежащего использования земель сельхозназначения осуществляется Россельхознадзором и его территориальными органами в ходе проведения плановых и внеплановых контрольно-надзорных мероприятий с учетом специальных признаков, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 18 сен-

тября 2020 г. № 1482 (далее – Постановление № 1482)⁴. В соответствии с данным Постановлением признаками неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению являются:

1) не менее 50% площади земельного участка (а в отношении участка, отнесенного в установленном порядке к особо ценным продуктивным сельхозугодьям, – не менее 20% его площади):

– заросли сорными растениями (по перечню, предусмотренному приложением к Постановлению № 1482) и/или древесно-кустарниковой растительностью (кроме поле- и лесозащитных насаждений, плодовых и ягодных насаждений); и/или

– имеют дерн, характеризующийся переплетением корней, побегов, корневищ многолетних сорных растений, глубина которого достигает 15 и более сантиметров (кроме дерна на земельных участках, предназначенных и используемых для выпаса сельскохозяйственных животных); и/или

– подвержены деградации;

2) при этом на остальной площади участка не ведется сельскохозяйственная деятельность либо она ведется менее чем на четверти его площади. Признаками использования участков из земель сельскохозяйственного назначения с нарушением законодательства РФ являются:

1) наличие на земельном участке постройки, имеющей признаки самовольной;

2) загрязнение земельного участка химическими веществами, в том числе радиоактивными, отходами производства, отнесенными в соответствии с законодательством РФ к I и II классу опасности;

3) захламливание не менее 20% площади земельного участка иными предметами, не связанными с ведением сельского хозяйства;

4) наличие на земельном участке, на котором осуществлена высадка сельскохозяйственных культур, сильного зарастания сорными растениями по перечню, предусмотренному приложением к Постановлению Правительства № 1482:

– малолетние сорняки – более 250 шт. на кв. м;

– многолетние, карантинные сорняки – более 8 шт. на кв. м.

Также в документе указаны условия, при которых признаки неиспользования сельхозземель по целевому назначению или использования с нарушением законодательства РФ не учитываются, даже если они были выявлены.

Приведем наиболее характерные примеры рассматриваемых нами правонарушений.

Так, надзорным органом были проведены плановые (рейдовые) обследования двух земельных участков сельскохозяйственного назначения с разрешенным использованием – для сельскохозяйственного производства, принадлежащих гражданину М. на праве собственности. В ходе проверок было установлено, что один из земельных участков используется в качестве сельскохозяйственного угодья на площади 22 910 кв. м, а на площади 52 988 кв. м обнаружено невыполнение установленных требований и обязательных мероприятий, а именно зарастание земельного участка древесно-кустарниковой и травянистой растительностью, что влечет за собой снижение почвенного плодородия, деградацию почв, и приводит к угрозе возникновения пожароопасной обста-

2 Чем опасно зарастание земельных участков сорной растительностью? – Россельхознадзор. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://referent61.ru/press-tsentr/novosti/chem-opasno-zarastanie-zemelnykh-uchastkov-sornoj-rastitelnosti/> (дата обращения: 25.01.2024).

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4 Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1482 «О признаках неиспользования земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения по целевому назначению или использования с нарушением законодательства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 39. – Ст. 6059.

новки; подобное нарушение установлено и в отношении части другого земельного участка общей площадью 74 078 кв. м. и используемого в качестве сельхозугодья только на площади 1 829 кв. м.

На основании постановления надзорного органа гражданин М. был признан виновным в совершении административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч. 2 ст. 8.7 КоАП РФ⁵, ему назначено наказание в виде штрафа.

В соответствии с постановлением мирового судьи, гражданин М. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 25 ст. 19.5 КоАП РФ (за невыполнение в установленный срок предписания территориального органа Россельхознадзора).

В дальнейшем надзорный орган обратился в суд с иском к М., просил обязать ответчика в течение 7 месяцев с момента вступления в законную силу решения суда устранить зарастание сельхозугодий травянистой и древесно-кустарниковой растительностью и в течение этого же срока предоставить документы об устранении указанных нарушений.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Судом апелляционной инстанции указанное решение оставлено без изменения. В кассационной жалобе представитель гражданина М. просил судебные акты отменить. Однако судебная коллегия оснований для отмены или изменения обжалуемых судебных постановлений не нашла⁶.

В другом деле между Обществом и Учреждением был заключен госконтракт на выполнение работ по ремонту автомобильной дороги. При исполнении госконтракта Общество заключило с гражданином, являющимся собственником земельного участка, договор аренды части земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения с видом разрешенного использования – для производственной деятельности. Пунктом договора предусмотрено, что арендуемая часть земельного участка используется для осуществления хозяйственной деятельности арендатора – Общества.

При обследовании земельного участка, проведенного территориальным органом Россельхознадзора в рамках выездного государственного земельного контроля (надзора), на обследуемом земельном участке установлен факт размещения отходов производства и потребления: асфальтовой крошки, лома бетонных изделий и строительного мусора. Указанные обстоятельства свидетельствуют о нарушении Обществом требований статей 1, 7, 42, 77, 78, 79 ЗК РФ, статьи 3, пункта 4 статьи 6 Закона № 101-ФЗ, в связи с чем Общество привлечено к административной ответственности по части 1 статьи 8.8 КоАП РФ с назначением наказания в виде 100 тыс. рублей штрафа⁷.

Следует отметить наличие в КоАП РФ достаточно строгих санкций за совершение правонарушений, объективная сторона которых выражается в противоправных деяниях в виде неиспользования или ненадлежащего использования земель сельскохозяйственного назначения.

На усиление административной ответственности направлены положения частей 25 и 26 статьи 19.5 КоАП РФ, регламентирующей применение административного наказания за невыполнение в срок законного предписания надзор-

ного органа. Так, невыполнение в установленный срок предписаний органов госземнадзора об устранении нарушений земельного законодательства влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 10 000 до 20 000 руб., на должностных лиц – от 30 000 до 50 000 руб. или дисквалификацию на срок до трех лет, на юридических лиц – от 100 000 до 200 000 руб. Повторное в течение года невыполнение предписания надзорного органа влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 30 000 до 50 000 руб., на должностных лиц – от 70 000 до 100 000 руб. или дисквалификацию на срок до трех лет, на юридических лиц – от 200 000 до 300 000 руб.

В 2022 году за нарушения обязательных требований земельного законодательства РФ и неустранение нарушений Россельхознадзором наложены административные штрафы на сумму более 122 млн рублей, взысканы с учетом прошлых периодов свыше 128 млн рублей.

По смыслу ст. 77 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» причинение вреда окружающей среде, выражающегося в негативном изменении окружающей среды в результате ее загрязнения, истощения, порчи, уничтожения, нерационального использования природных ресурсов, деградации и разрушения естественных экологических систем, служит основанием для привлечения лица к гражданско-правовой ответственности, которая носит имущественный (компенсационный) характер. При этом лицо, виновное в причинении вреда окружающей среде, должно возместить его в полном объеме. Об аналогичной обязанности граждан и юридических лиц за причинение вреда в результате совершения ими земельных правонарушений, гласит и ч. 1 ст. 76 ЗК РФ.

При этом, как указал Верховный Суд РФ в своем Обзоре судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды⁸, определение способа возмещения вреда – в натуре или в денежном выражении – зависит, прежде всего, от возможности его возмещения в натуре, оперативности принимаемых мер, их эффективности для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. В отсутствие таких обстоятельств суд вправе избрать способ защиты в виде компенсации вреда в денежном выражении (взыскание убытков). Размер ущерба, причиненного почвам земель сельскохозяйственного назначения, определяется в соответствии с Методикой, утвержденной Приказом Минприроды России от 08.07.2010 № 238⁹.

Крайними мерами, которые могут применяться за неиспользование или ненадлежащее использование земельных участков сельхозназначения, является их принудительное изъятие у собственников в соответствии с положениями ст.ст. 284, 285 ГК РФ, ст. 6 Закона № 101-ФЗ, которое отсутствует как вид юридической ответственности в зарубежном законодательстве [1, с. 60], а также принудительное прекращение прав на земельные участки лиц, не являющихся их собственниками (ст.ст. 45-47 ЗК РФ). В качестве общих оснований для применения таких санкций к правообладателям земельных участков сельхозназначения в указанных Законах названы два правонарушения:

5 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СПС «Консультант Плюс».

6 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2023 № 88-14694/2023 // СПС «Консультант Плюс».

7 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30.06.2023 № Ф08-5041/2023 по делу № А63-6193/2022 // СПС «Консультант Плюс».

8 Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 10.

9 Приказ Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 40.

неиспользование участка по целевому назначению в течение трех лет¹⁰, если более длительный срок не установлен законом;

использование участка с нарушением требований законодательства РФ, в частности, если участок используется не по целевому назначению, или его использование приводит к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения¹¹ либо причинению вреда окружающей среде¹², или на участке возведена или создана самовольная постройка и лицом, ее осуществившим, не выполнены предусмотренные законом обязанности по ее сносу или приведению в соответствие с установленными требованиями.

В дополнение к этому подп. 2 п. 1 ст. 6 Закона № 101-ФЗ уточнен срок использования участка с нарушением требований законодательства РФ – не менее трех лет подряд с даты выявления в рамках государственного земельного надзора данного нарушения, а подп. 4 п. 1 ст. 6 установлен еще один случай для изъятия земельного участка – это его неиспользование по целевому назначению по истечении одного года с даты приобретения по результатам публичных торгов на основании решения суда об изъятии земельного участка сельскохозяйственного назначения. Такое обязательство собственника – приступить к использованию земельного участка по целевому назначению в течение одного года с момента возникновения права собственности на него – предусмотрено в п. 15 ст. 6 Закона № 101-ФЗ. В целях проверки соблюдения указанного требования по истечении одного года проводится контрольное мероприятие (п. 16 ст. 6 Закона № 101-ФЗ).

Следует также отметить, что после выявления в рамках государственного земельного надзора нарушения, которое может стать основанием для изъятия земельного участка сельскохозяйственного назначения, и выдачи его правообладателю предписания о необходимости устранить нарушение в срок, устанавливаемый надзорным органом (п. 5 ст. 71 ЗК РФ), собственник такого участка не вправе передавать его в залог, совершать сделки, направленные на переход, прекращение права собственности на такой земельный участок, за исключением перехода права в порядке универсального правопреемства, а также иные действия, направленные на прекращение права собственности на такой земельный участок (п. 5 ст. 8 Закона № 101-ФЗ).

В последнее время земельно-надзорные органы стали чаще использовать меры по лишению прав на земельные участки, их изъятию за нарушения обязательных требований земельного законодательства РФ. Так, в 2022 году Россельхознадзором в органы государственной власти субъектов РФ были направлены материалы для инициирования процедуры изъятия земельных участков у недобросовестных собственников на площади 6,7 тыс. га. До уполномоченных органов региональной и местной власти также была доведена информация о необходимости расторжения договоров арен-

ды в связи с ненадлежащим использованием земель арендаторами на общей площади более 39,1 тыс. га¹³.

Порядок изъятия и последующей продажи с публичных торгов неиспользуемых или используемых с нарушением требований законодательства РФ земельных участков сельскохозяйственного назначения предусмотрен пунктами 4-14 статьи 6 Закона № 101-ФЗ. С учетом того, что максимальное время на проведение этих процедур может достигать более 10 месяцев, представляется интересной позиция Е. А. Поздняковой, предлагающей в дополнение к имеющемуся сегодня механизму привлечения к ответственности за неиспользование или использование с нарушением законодательства РФ земельных участков сельскохозяйственного назначения применить в качестве одного из управленческих решений, предшествующих процедуре изъятия и смене собственников земельных участков, принудительную сдачу их в аренду [2, с. 240].

В заключение хотелось бы отметить, что существенного увеличения площади используемых земель сельскохозяйственного назначения, указанного в качестве одной из государственных задач в Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года¹⁴, можно достичь только при условии эффективной реализации всех функций государственного управления в сфере землепользования, в том числе государственного земельного надзора в отношении использования земель сельскохозяйственного назначения, результатом которого должно являться установление наличия (либо отсутствия нарушений) и пресечения таких нарушений путем применения мер ответственности, предусмотренных законодательством РФ. Активный ввод земель сельскохозяйственного назначения в хозяйственный оборот, в конечном итоге, даст новый импульс развитию села, будет способствовать созданию новых рабочих мест его жителям, позволит значительно нарастить производство агропродукции и приведет к увеличению поступления налогов в бюджет.

Пристатейный библиографический список

1. Елисеева И. А. Правовое регулирование использования и охраны сельскохозяйственных земель в Российской Федерации и зарубежных государствах: сравнительно-правовой анализ // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 55-62.
2. Позднякова Е. А. Управление неиспользуемыми или используемыми с нарушением законодательства Российской Федерации земельными участками сельскохозяйственного назначения: сравнительно-правовой аспект // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 478. – С. 236-243.

10 В указанный период не включается время, в течение которого участок из земель сельскохозяйственного назначения не мог быть использован по целевому назначению из-за стихийных бедствий или ввиду иных обстоятельств, исключающих такое использование, срок же его освоения включается.

11 Критерии существенного снижения плодородия земель сельскохозяйственного назначения установлены Постановлением Правительства РФ от 22.07.2011 № 612 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (2). – Ст. 4655.

12 Размер причиненного вреда окружающей среде определяется на основе Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды».

13 Россельхознадзор | Итоги 2022: Земельный надзор, вовлечение неиспользуемых участков в оборот, ликвидация свалок. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsvps.gov.ru/news/itogi-2022-zemelnij-nadzor-vovlechenie-neispolzuemyh-uchastkov-v-oborot-likvidacija-svalok/> (дата обращения: 25.01.2024).

14 Распоряжение Правительства РФ от 08.09.2022 № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 38. – Ст. 6481.

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ УЧАСТНИКОВ СВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе рассматриваются вопросы законодательного закрепления вопросов, связанных с социальным обслуживанием участников боевых действий, специальной военной операции, ветеранов. Кадровые военные, призывники по частичной военной мобилизации и добровольцы, участвующие в СВО имеют определенный ряд преференций. Такие возможности доступны не только в период прохождения службы, но и после нее. Однако, для военнослужащих имеется отдельное законодательство, на основании которого они проходят службу и льготы также уже установлены в указанных нормах. Стоит обратить внимание, что последние социально-экономические тенденции привнесли в законодательство о социальном обслуживании достаточно много изменений, которые, в свою очередь, коснулись и иных категорий, участвующих в военной операции. В работе делается попытка анализа существующих норм и возможность их применения к отдельным категориям участников СВО.

Ключевые слова: право социального обеспечения, социальное обслуживание, участники боевых действий, ветераны, гражданское законодательство.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF SOCIAL SERVICES FOR THE PARTICIPANTS OF THE SMO OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper considers the issues of legislative consolidation of issues related to social services for participants in hostilities, special military operations, and veterans. Military personnel, conscripts for partial military mobilization and volunteers participating in the military have a certain number of preferences. Such opportunities are available not only during the service period, but also after it. However, there is a separate legislation for the military, on the basis of which they serve and benefits are also already established in these norms. It is worth noting that recent socio-economic changes have brought quite a lot of changes to the legislation on social services, which, in turn, affected other categories involved in the military operation. The paper attempts to analyze the existing norms and the possibility of their application to certain categories of participants in the SMO.

Keywords: the right of social security, social services, combatants, veterans, civil legislation.

Социальное обслуживание в государстве играет ключевую роль в обеспечении социальной защиты населения, особенно уязвимых категорий граждан. Эта сфера деятельности имеет долгую историю развития, начиная с первых форм благотворительности и милосердия до современных систем социального обеспечения и поддержки.

В процессе становления социального обслуживания можно выделить несколько ключевых этапов. Первоначально социальное обслуживание было организовано на добровольной основе и осуществлялось благотворительными организациями, церковью и частными лицами. Однако с развитием индустриального общества и увеличением социальных проблем возникла необходимость в создании государственных структур, ответственных за социальную защиту населения [1].

Второй этап развития социального обслуживания связан с формированием системы социального обеспечения, которая предполагает предоставление гражданам определенных социальных льгот, пособий и услуг. Государство начало активно вмешиваться в регулирование социальной сферы, создавая специализированные учреждения и программы поддержки для различных категорий населения [2].

Следующий этап развития социального обслуживания связан с переходом к комплексному подходу к социальной защите населения. В рамках данной концепции предусматривается не только предоставление материальной помощи, но и оказание психологической поддержки, реабилитации, социокультурной адаптации и других видов услуг, направленных на улучшение качества жизни граждан [3].

Для дальнейшего развития социального обслуживания в государстве необходимо уделить особое внимание совершенствованию законодательства в области социальной защиты, повышению качества предоставляемых услуг, расширению сети специализированных учреждений и центров помощи, а также активному использованию инновационных технологий с учетом

появления новой категории граждан, особо нуждающейся в подобной помощи.

Социальное обслуживание участников СВО в Российской Федерации является одним из важных аспектов поддержки ветеранов и участников военных конфликтов. Эта категория граждан имеет особый статус и заслуги перед Отечеством, поэтому их социальная защита и поддержка должны быть приоритетными для государства.

Федеральным законом № 225 от 13.06.2023 года установлено, что участники специальной военной операции имеют право на получение бесплатной юридической помощи. Данной нормой внесены изменения в Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», дополнив имеющийся перечень лиц, имеющих право на такую помощь [4]. Значит, указанные лица могут обратиться к юристам по перечню определенных организаций, оказывающих такую помощь и получить ее на льготном основании.

Указом Президента РФ от 21.09.2022 года все мобилизованные граждане приравнены к кадровым военнослужащим, которые заключили контракт, а значит получают бессрочные льготы в виде права на бесплатный проезд в общественном транспорте, путевки на санаторно-курортное лечение, обеспечиваются лекарствами, страхуются государством. Однако, одной из актуальных проблем, с которой сталкиваются участники СВО, является недостаточная доступность социальных услуг и медицинской помощи. Многие ветераны испытывают затруднения с получением качественного медицинского обслуживания, реабилитации после травм и психологической поддержки. Это связано как с недостаточным финансированием социальных программ, так и с нехваткой специализированных учреждений для ветеранов.

Еще одной проблемой является социальная изоляция и одиночество участников СВО. Многие из них сталкиваются с трудностями в повседневной жизни, испытывая сложности в

общении с окружающими и вхождении в социум. Это может привести к ухудшению психологического состояния и ухудшению качества жизни участников СВО.

Для решения данных проблем необходим комплексный подход к социальному обслуживанию участников СВО. Важно обеспечить им доступ к качественным медицинским услугам, психологической поддержке, а также создать условия для социальной адаптации и включения в общество. Необходимо развивать специализированные центры помощи ветеранам, проводить обучающие программы и тренинги по повышению квалификации, а также организовывать социокультурные мероприятия для участников СВО и индивидуальную работу с ними. Это отражается в послании Президента Федеральному собранию, в котором говорится о необходимости создания специального государственного фонда и оказания адресной помощи семьям и ветеранам СВО. Такой фонд должен координировать оказание психологической поддержки, медицинской и социальной помощи, оказывать содействие в решении вопросов лечения и реабилитации, содействовать в получении образования, трудоустройства и др. Стоит отметить, что отдельные государственные структуры уже самостоятельно оказывают необходимую поддержку участникам операции. Например, профессорско-преподавательский состав Академии ФСИН России, имеющий психологическое образование в качестве волонтеров работают с ранеными, находящимися на лечении в госпитале в г. Рязани.

Важным шагом на пути к повышению эффективности социального обслуживания участников СВО является сотрудничество государства, работодателей, общественных организаций, благотворительных фондов и бизнес-структур. Только совместные усилия всех заинтересованных сторон позволят создать эффективную систему поддержки для ветеранов и участников военных конфликтов.

Так, со стороны государства продлены сроки подачи налоговых деклараций и выписок средств по имеющимся счетам для мобилизованных лиц. Таким лицам и членам их семей не начисляются пени за просрочку оплаты услуг ЖКХ.

Со стороны работодателей действует правило сохранения рабочего места мобилизованного. Трудовой договор не прекращается, а приостанавливается, при этом, если участник имеет профессиональный стаж, такой как медицинский или педагогический, то он учитывается для начисления страховой пенсии, а время участия в СВО рассчитывается в двойном размере.

В соответствии с законодательством, после демобилизации участники СВО получают статус ветерана боевых действий и на них полностью распространяется законодательство «О ветеранах».

Существует еще одна не совсем учтенная категория лиц, которая находится в приграничных к зоне СВО территориях. Это солдаты – срочники, призванные на службу при достижении определенного возраста. На сегодняшний день такая категория граждан, хотя и выполняет определенные задачи в Брянской, Белгородской и Курской областях, но не имеет никаких льгот. При этом солдаты участвуют в охране конституционных прав граждан, поддержанию правопорядка на приграничной с СВО территории. Их силы применяются для охраны и обороны важных государственных объектов на территориях субъектов России.

В июне 2023 года Министерство обороны выступило с законодательной инициативой по расширению закона «О ветеранах», но до сегодняшнего дня законопроект не принят. Стоит учесть, что многие из указанной категории солдат не имеют образования и после окончания срочной службы хотели бы поступить в образовательные организации разного уровня. Для этого необходимо предоставить возможность бесплатного льготного поступления при предъявлении документа о прохождении службы на приграничных территориях. Кроме того, время нахождения в таких районах рассчитывать также как двойное и зачислять его для начисления страховой пенсии [5].

Еще одной категорией, которую нужно отнести к участникам СВО, являются бригады скорой медицинской помощи и водители этих машин, которые выезжают по вызовам в зоны бомбардировок и чрезвычайных ситуаций. И, если, медицинским сотрудникам таких бригад существуют и делаются соответствующие выплаты, то как раз водителям скорых никаких льгот не предусмотрено. Об этом задавались вопросы главе государства на форуме в Санкт-Петербурге.

Сегодня социальное обслуживание в государстве находится на стадии инновационного развития. С появлением новых технологий и цифровых решений возможности оказания социальной помощи значительно расширились. Важным направлением стало создание электронных сервисов для доступа

к социальным услугам, онлайн-консультирование, а также использование искусственного интеллекта для оптимизации процессов социального обслуживания. Вопросы цифровизации гражданского общества по организации цифровой социальной экосреды все же решены не во всех регионах.

В настоящее время во многих странах существуют специальные программы и механизмы социального обслуживания для участников боевых действий. Они предоставляют различные виды поддержки, такие как медицинская помощь, психологическая реабилитация, обучение и трудоустройство, жилищное обеспечение, спортивное обеспечение и другие социальные услуги.

Однако, несмотря на существующие программы, система социального обслуживания участников боевых действий требует постоянного совершенствования и развития. Важно учитывать изменяющиеся потребности и вызовы, с которыми сталкиваются участники боевых действий, а также обеспечивать доступность и качество предоставляемых услуг.

Одним из ключевых направлений развития системы социального обслуживания участников боевых действий является повышение эффективности координации между различными службами и организациями, работающими в этой сфере. Недопустимо направлять обратившихся граждан, служивших в зоне СВО, ветеранов боевых действий для решения социальных вопросов из ведомства в ведомство. Такие вопросы должны решаться либо в режиме одного окна, либо на цифровой платформе в личном кабинете участника. Это позволит избежать дублирования и пробелов в оказании помощи, а также обеспечить комплексный подход к решению проблем участников боевых действий.

Кроме того, важно уделять особое внимание профессиональной подготовке специалистов, работающих в системе социального обслуживания участников и ветеранов боевых действий. Они должны иметь не только соответствующие знания и навыки, но и эмпатию и понимание специфики ситуации участников боевых действий.

Таким образом, социальное обслуживание участников СВО и ветеранов боевых действий в Российской Федерации требует комплексного подхода, финансовой поддержки и сотрудничества различных структур. Важно не только решать текущие проблемы, но и создавать условия для достойной жизни и социальной интеграции участников СВО, которые внесли значительный вклад в защиту Родины. Постоянное совершенствование программ и услуг, а также повышение квалификации специалистов помогут обеспечить эффективную поддержку и помощь участникам и ветеранам боевых действий в их интеграции в общество после прохождения службы.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьев О. Г., Ананьева Е. О. Роль Петра I в решении социальных проблем населения страны: связь исторического прошлого в отношениях между государством и религиозными объединениями в пенитенциарной деятельности//Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 75-77.
2. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. О законодательном регулировании государственных выплат как поддержки семей, имеющих детей//Закон и право. 2021. № 11. С. 54-56.
3. Шмаева Т. А., Ананьева Е. О. Право инвалидов в российской федерации на социальное обслуживание: анализ действующего законодательства//Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2019. № 15. С. 48-56.
4. Ананьева Е.О. Формирование доступной системы правового информирования и оказания правовой помощи различным категориям граждан РФ//Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2018. № 11. С. 54-61.
5. Срочникам, воюющим в приграничных областях России, присвоят статус ветерана боевых действий. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eanews.ru/news/srochnikam-voyuyushchim-v-prigranichnykh-oblastyakh-rossii-prosvoyat-status-veterana-boyevykh-deystviy_14-06-2023 (дата обращения: 5.02.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-289-290

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Института права Самарского государственного экономического университета

БАТАЛОВ Рамиль Евгеньевич

аспирант Института права Самарского государственного экономического университета

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА В ХОДЕ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ

Несмотря на то, что в последние годы нормы законодательства о банкротстве претерпели значительные изменения, оно по-прежнему является недостаточно эффективным механизмом. Обусловлено это тем, что процесс оспаривания сделок должника осложнен некоторыми проблемами теоретического и правоприменительного характера. Например, весьма существенной является проблема, связанная с установлением неравноценности при оспаривании подозрительных сделок должника, а также отсутствие понятных критериев определения такой неравноценности, отсутствие границ допустимой неравноценности. Кроме того, сложность вызывает определение аффилированности и заинтересованности контрагента по оспариваемой сделке, поскольку законодатель использовал для этого весьма сложный механизм.

Ключевые слова: банкротство, сделки должника, сделки с предпочтением, подозрительные сделки, оспаривание сделок должника.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty of the Law Institute of the Samara State Economic University

BATALOV Ramil Evgenjevich

postgraduate student of the Institute of Law of the Samara State Economic University

CHALLENGING THE DEBTOR'S TRANSACTIONS IN THE COURSE OF EXTERNAL MANAGEMENT

Despite the fact that the norms of bankruptcy legislation have undergone significant changes in recent years, it is still an insufficiently effective mechanism. This is due to the fact that the process of challenging the debtor's transactions is complicated by some problems of a theoretical and law enforcement nature. For example, a very significant problem is the establishment of inequality in challenging suspicious transactions of the debtor, as well as the lack of clear criteria for determining such inequality, the absence of boundaries of permissible inequality. In addition, it is difficult to determine the affiliation and interest of the counterparty in the disputed transaction, since the legislator used a very complex mechanism for this.

Keywords: bankruptcy, debtor's transactions, preference transactions, suspicious transactions, contesting debtor's transactions.

Регулированию института оспаривания сделок в ходе процедур несостоятельности (банкротства) посвящены нормы, содержащиеся в Гражданском кодексе РФ¹, а также в главе III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»². Порядок применения указанных норм предусматривается Постановлением Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»³, а также многочисленных судебных актах.

Статья 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указывает на условия оспаривания подозрительных сделок должника. При рассмотрении таких споров, во-первых, судам надлежит учитывать период их совершения. А именно такие сделки должны иметь место в течение года до или после подачи заявления о признании должника несостоятельным. Во-вторых, должно быть встречное исполнение такой сделки со стороны контрагента. Причем такое исполнение должно носить неравноценный характер, равно как цена и иные условия сделки должны отличаться от аналогичного условия в худшую для должника сторону, то есть наносить последнему ущерб. Неравноценным будет, в частности, передачу должником имущества, если его стоимость значительно превышает размер задолженности. Если же должник, заключая сделку и перечисляя денежные средства, уже имел признаки недостаточности средств, а сделка была безвозмездной, то это дает основания

предположить о намерении причинить вред своим кредиторам. Вместе с тем закон не поясняет, в каких случаях стоимость имущества или обязательств является существенной, а в каких нет. Ответ на этот вопрос попыталась сформулировать судебная практика. Например, обратившись к п. 93 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», мы видим, что факт причинения явного ущерба может подтверждаться, к примеру, такими обстоятельствами как: заключение сделки на заведомо и существенно невыгодных условиях (то есть если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости того, что получил контрагент)⁴.

С учетом именно данного определения критерия существенного отличия исполнения заключенной должником сделки и формируется судебная практика⁵. Подобное

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 22.01.2024).

5 См., например: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 12.09.2018 № Ф06-36729/2018 по делу № А55-22185/2015, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.08.2018 № Ф06-9750/2016 по делу № А65-27171/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=APV&n=169106&cacheid=B01166064275DE7CBEC0956E8447D85B&mode=spl&trnd=SCSogw#FpImexTOMVrD67Szl>.

1 Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

2 Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

3 Вестник ВАС РФ. - 2011. - № 3.

толкование существенного отличия встречного исполнения по сделке (в два и более раза), формирующееся в судебной практике, представляется ошибочным, так как даже если встречное исполнение по сделке в полтора, а не в два раза ниже размера стоимости имущества выбывшего из владения должника, данный критерий не должен являться основанием для отказа в удовлетворении исков [2].

В связи с чем, представляется вполне обоснованным и необходимым установление в ст. 61.2 Закона о банкротстве более четких критериев неравноценности сделок.

Часть 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве посвящена оспариванию сделок должника, которые совершены в целях причинения им имущественного вреда кредиторам в трёхлетний период, до принятия судом заявления о банкротстве. При этом подозрительные сделки могут быть оспорены только в том случае, если они будут соответствовать всем признакам, указанным в данной норме: кроме срока сделки, учитываются признаки несостоятельности, возможная осведомлённость контрагента [1].

Однако, арбитражному управляющему всегда сложно доказать незаконность по причине отсутствия у него всех необходимых документов.

В результате чего возникают ситуации, когда, например, должник в течении трех лет предшествовавших принятию судом заявления о признании его банкротом, безвозмездно перечислял денежные средства на счета третьих лиц, или совершал иные сделки по безвозмездной реализации своего имущества, но при этом, на момент перечисления денежных средств у должника еще отсутствовали признаки неплатежеспособности и недостаточности имущества, указанные в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». При формальном применении части второй статьи 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» такая сделка не может быть оспорена на основании данной нормы.

В силу чего, суды зачастую при отсутствии возражений со стороны ответчиков, отказывали в удовлетворении исков о признании сделок недействительными, ссылаясь на недоказанность всей совокупности оснований для оспаривания сделок.

Однако, в последнее время наметилась положительная тенденция в рассмотрении подобных споров. В частности, мнению судов бремя доказывания возмездного характера сделок должно быть возложено на ответчиков. При этом суды освобождают арбитражного управляющего должника, как сторону оспаривающую сделку, от бремени доказывания отрицательного факта. По мнению судов, таким образом, должен обеспечиваться баланс процессуальных прав и гарантий сторон арбитражного процесса. Вместе с тем необходимость стороны по сделке доказать свою добросовестность необходимо закрепить нормативно в ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Говоря о правоприменительной практике, стоит отметить наметившийся в последнее время тренд, связанный с расширительным толкованием правовых норм, содержащихся во второй части статьи 61.2 Закона о банкротстве. В качестве примера можно привести определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2019 № 305-ЭС17-11710(4) по делу № А40-177466/2013. Как следует из содержания данного судебного акта, положения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве свидетельствуют о том, что, даже в случае, когда не найдут подтверждения, то есть не будут доказаны признаки неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент заключения сделки (а это выступает одним из основных элементов презумпции цели причинения вреда), нет никаких препятствий для того, чтобы оспорить такую сделку как подозрительную. Иными словами, допускается доказывание намерений причинить вред имущественным правам креди-

торов и при помощи иных средств, в том числе на общих основаниях (статьи 9 и 65 АПК РФ).

Подобное толкование п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве расширяет возможности арбитражного управляющего должника по оспариванию подозрительных сделок. Вместе с тем, не лишним представляется закрепление данного положения в тексте второго предложения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Статья 61.3 посвящена оспариванию сделок с предпочтением заключенных должником накануне банкротства. Но виды сделок, подпадающие под эту статью, остаются неизвестными, что не дает возможность в полной мере применить положения данной нормы.

Следовательно, необходимо установить очередность удовлетворения требований кредиторов по условиям п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Одной из новелл в судебной практике можно назвать возможность обращения в суд с заявлением о признании должника банкротом, при котором обязательство по возврату денежных средств возникло на основании сделки, признанной недействительной в рамках дела о банкротстве. В частности, определением Верховного суда от 3 августа 2020 г. № 307-ЭС20-2237 отменены судебные акты нижестоящих судов⁶, согласно сути которых заявить о несостоятельности можно в рамках требований, определяющих наличие признаков такого. Высшая инстанция данное предположение отменяет, считая ошибочным, так как принудительное взыскание активов в конкурсную массу возможно как в общих рамках процессуального права, так и путем возбуждения дела о банкротстве.

Данная правовая позиция, изложена в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 марта 2018 г. Что касается денежных обязательств, то их перечень не является исчерпывающим. Часть обязательств при определении признаков, не учитываются.

Реституционное требование о возврате в конкурсную массу активов, полученных по сделкам с предпочтением, ни общегражданское, ни специальное законодательство, в качестве исключения не относят [3].

При этом стороны обязательства, основывая свои требования на ст. 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», лишаются возможности предъявлять суду требования об исполнении обязательства в натуре. Это обусловлено тем, что порядок исполнения судебного акта о применении последствий недействительности такой сделки регулируется положениями ст. 61.6 Закона о банкротстве. Кредитор вправе требовать восстановления требования к должнику только после того, как сам возвратит в конкурсную массу все полученное с предпочтением.

Пристатейный библиографический список

1. Подольский Ю. Д. «Обособленные споры в банкротстве: Монография». – М.: Статут, 2020 – С. 114.
2. Середа И. М. Середа А. Г. «Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»: Монография». – М.: Статут, 2020. – С. 38.
3. Цинделиани И. А., Кирьянова Н. Н. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации: практическое пособие / Под ред. И. А. Цинделиани. – Москва: Проспект, 2018. – С. 118.
6. Определение Верховного суда от 3 августа 2020 г. № 307-ЭС20-2237 // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 14.01.2024).

АНАНЬЕВА Екатерина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ИВЛИЕВ Павел Валентинович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ФАКТОР СОКРАЩЕНИЯ РЕЦИДИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

В данной статье рассматривается объективная необходимость снижения уровня рецидивов среди осужденных в современной России. Одним из эффективных подходов является повышение правового сознания отдельных лиц в системе уголовного правосудия. В настоящем исследовании представлен комплекс различных стратегий повышения правового сознания осужденных, исследуются их возможности по снижению рецидивизма. В случае эффективного применения названных в статье механизмов, связанных с повышением правосознания у осужденных, уровень рецидивов может существенно сократиться.

Ключевые слова: рецидив, осужденные, система уголовного правосудия, уголовно-исполнительная система, правосознание, обучающие программы, Федеральная служба исполнения наказаний, юридическая помощь, правовые возможности, ресоциализация.

ANANJEVA Ekaterina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

IVLIEV Pavel Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

THE ROLE OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN MODERN RUSSIA AS A FACTOR IN REDUCING THE RECIDIVISM OF CONVICTS

This article examines the objective need to reduce the level of recidivism among convicts in modern Russia. One effective approach is to increase the legal awareness of individuals in the criminal justice system. This study presents a set of different strategies to increase the legal consciousness of convicts and explores their potential for reducing recidivism. In the case of effective use of the mechanisms mentioned in the article associated with increasing legal awareness among convicts, the rate of recidivism can be significantly reduced.

Keywords: recidivism, convicts, criminal justice system, penal system, legal awareness, training programs, Federal Penitentiary Service, legal assistance, legal opportunities, resocialization.

Ананьева Е. О.

Ивлиев П. В.

Снижение уровня рецидивов среди лиц, отбывших наказания в исправительных учреждениях, всегда являлось важной задачей как для государства в целом, так и для уголовно-исполнительной системы в частности. Необходимо отметить, что на сегодняшний день вопрос рецидивов стоит очень остро. Это в первую очередь связано с тем, что процесс ресоциализации в современном мире является гораздо более сложным явлением, чем это было в прошлом веке. Получение современных профессиональных компетенций для осужденных, особенно для тех, кто отбывал длительные сроки лишения свободы, является более чем туманными и трудно реализуемыми. Вопрос профессионализации осужденных, безусловно, имеет очень важное значение в области сокращения числа рецидивов, но вопрос, достаточно низкого уровня правосознания в среде осужденных также сильно влияет на статистику совершения рецидивов и естественно в негативном смысле. Для более полного понимания темы настоящего исследования необходимо раскрыть сущность термина правосознания. Так, в научной литературе многие исследователи характеризуют понятие правосознания как сложное явление, структура которого включает следующие элементы: правовую психологию и правовую идеологию [1]. Именно интеграция в сознание осужденных вышеперечисленных элементов, по нашему мнению, неизбежно будет способствовать росту правосознания у лиц, отбывающих длительные наказания к лишению свободы, и как следствие уменьшение рецидивного поведения.

Необходимо отметить, что воспитательный процесс далеко не всегда является высокоэффективным. Именно поэтому существует острая необходимость поиска и внедрения разного рода форм и способов воспитательного воздействия с целью формирования у лиц, подвергшихся уголовному преследова-

нию, правоупотребительного поведения. Для борьбы с рецидивами необходимо сначала разобраться с причинами такого поведения.

Первой такой причиной можно смело назвать проявление несогласия. Это часто встречается в среде осужденных лиц, которые недавно завершили процесс отбывания наказания в исправительных учреждениях. Это как раз-таки во многом связано с тем, что процессы ресоциализации интеграции в гражданское общество сильно затруднены для исследуемой нами категории лиц. Это вызвано такими причинами как отсутствие необходимых профессиональных и коммуникативных компетенций у самих осужденных, которые необходимы в современном и постоянно меняющемся обществе, а также не желанием самого общества взаимодействовать с представителями криминальной субкультуры.

Второй причиной является тревога за свою безопасность. При чем это может быть связано как с угрозой своего существования в силу отсутствия необходимых навыков, которые требуются в современном обществе, так и в силу конфликтов с иными представителями криминальной субкультуры, с которыми приходилось взаимодействовать в исправительных учреждениях или на свободе непосредственно.

Третьей такой причиной является невозможность для многих осужденных получить желаемое посредством правоупотребительного поведения.

Четвертой причиной можно назвать банальное незнание законодательства, что в свою очередь приводит к рецидивному поведению.

Конечно же это не весь список причин появления рецидивного поведения у осужденных, но тем не менее именно они являются наиболее часто встречаемыми.

Для того чтобы непосредственно сформировать высокий уровень правосознания у осужденных, необходимо разработать и внедрить целый комплекс механизмов, способствующих данному сложному, но крайне востребованному процессу. Для формирования полноценного соответствующего современной действительности правового сознания осужденных необходимо провести соответствующую работу. Она осуществляется через различные государственные программы и службы, а также сотрудничество с другими организациями и общественными структурами [3].

Содержательной частью данного комплекса можно смело назвать создание соответствующих образовательных и обучающих программ, специально разработанных для осужденных. Это может существенно повысить их правовую грамотность. Данные программы должны охватывать фундаментальные правовые концепции, права обвиняемых, уголовные процедуры и ресурсы, доступные для юридической помощи. Предоставляя доступ к юридическому образованию, осужденные могут лучше понимать свои права и обязанности, что дает им возможность принимать обоснованные решения и эффективно взаимодействовать с правовой системой. Другими словами целью будет являться формирование новых моделей поведения у осужденных через процесс обучения. Безусловно, такая мера не является новой, и в правовой среде данные идеи высказывались, но для их внедрения на практике, необходимо создавать соответствующие условия и осуществлять полномасштабное финансирование для их реализации. Практика показывает, что у государства на сегодняшний день не хватает необходимых специалистов в этой области и иных ресурсов для полноценной реализации в жизни комплекса программ, способствующих увеличению юридической грамотности осужденных и как следствие формирования полноценного соответствующего реалиям современной действительности уровня правосознания. Но, тем не менее, необходимо отметить, что определенные условия в рамках реализации вышеназванной цели можно попытаться качественно реализовать даже с минимальным количеством ресурсов.

Так, например, во-первых, можно назвать создание клиник юридической помощи при исправительных учреждениях, что может способствовать повышению правовой грамотности осужденных. Эти клиники будут предоставлять бесплатную юридическую помощь, рекомендации и советы осужденным, помогая им понять свою правовую ситуацию и возможные варианты действий. Сотрудничая с юридическими школами или благотворительными организациями, эти клиники могут предложить осужденным ценные ресурсы, способствуя их пониманию юридических процессов и поощряя активное участие в защите собственных интересов и реализации прав.

Во-вторых, можно повсеместно использовать программы взаимного обучения. Речь идет о том, что осужденные, обладающие юридическими знаниями или соответствующим опытом, могут быть обучены информировать своих сокамерников о законных правах, процедурах и доступных услугах поддержки. Программы взаимного обучения создают благоприятную и дружественную среду обучения, побуждая осужденных участвовать в содержательных дискуссиях и получать практическое понимание своих законных прав и обязанностей. Данная мера, конечно же, не будет являться глобальной с точки зрения формирования фундаментальных основ правосознания у осужденных, но, тем не менее, по мере возможного ее надо использовать.

В-третьих, можно использовать сотрудничество с практикующими юристами. Регулярное взаимодействие и сотрудничество между осужденными и юристами могут оказать сильное влияние на формирование правосознания у осужденных. Такие инициативы, как гостевые лекции, семинары, вебинары, а также программы наставничества, могут быть организованы для облегчения прямого взаимодействия с юристами, судьями и другими экспертами в области правоведения. Такое взаимодействие может помочь развеять заблуждения, прояснить сомнения и дать ценную информацию о правовой системе, что в конечном итоге повысит правовую осведомленность осужденных.

В-четвертых, необходимо широко использовать цифровые ресурсы и новые технологии. Так, например, применяя возможности новых информационных технологий, можно создать цифровые ресурсы, такие как онлайн-базы юридических данных, видеоуроки и интерактивные цифровые платформы, чтобы обеспечить легкий доступ к юридической информации для осужденных. Эти ресурсы должны быть разработаны в удобной и понятной форме, позволяющей осужденным самостоятель-

но изучать необходимую информацию и обогащать себя в целях формирования правосознания соответствующего реалиям современной действительности. Кроме того, предоставление доступа к веб-сайтам, форумам и линиям помощи по юридической помощи может быть чрезвычайно ценным для осужденных, обращающихся за юридической помощью во время и после заключения.

Успешное применение данных мер позволит радикально увеличить правосознание в среде осужденных. Но также необходимо минимизировать причины возникновения рецидивов, которые были рассмотрены выше. Все это в комплексе позволит совершенствовать пенитенциарную систему и обеспечит сокращение числа преступлений лицами, отбывшими наказание в исправительных учреждениях.

Также необходимо отметить, что очень важным фактором в укреплении правового поведения осужденных надо рассматривать аспекты и особенности формирования группового правосознания осужденных. Так, например, познакомившись с системой уголовного правосудия, эти люди часто и очень остро осознают недостатки и пробелы в существующей нормативно-правовой базе. Эта повышенная осведомленность мотивирует их выступать за изменения, которые могут улучшить усилия по реабилитации, снизить уровень рецидивизма и повысить общую справедливость системы.

Групповое правосознание также играет решающую роль в борьбе со стигматизацией лиц с уголовным прошлым. Коллективно отстаивая свои права и интересы, делаясь опытом и выступая за справедливое обращение, лица, подвергшиеся уголовному преследованию стремятся изменить общественное восприятие и способствовать своей успешной реинтеграции в гражданское общество. Эти коллективные усилия направлены на противодействие дискриминационной практике, облегчение возможностей трудоустройства и обеспечение равного доступа к жилью, образованию и другим важным ресурсам.

Необходимо отметить, что для формирования у осужденных высокой нравственности и правосознания необходимо ограничить в процессе перевоспитания и исправления группового сознания и что самое главное неформальных криминальных норм поведения. А в свою очередь для реализации этого потребуются изучить причины возникновения и механизмы функционирования криминального поведения.

Также необходимо отметить, что полномасштабная, комплексная работа с осужденными является важнейшей предпосылкой снижения рецидивного поведения в последующем. Она направлена на изменение негативных установок и поведенческих привычек, развитие социально-адаптивных навыков и формирование положительных ценностей [2].

Подводя итог всему вышесказанному необходимо отметить, что повышение правосознания осужденных является важнейшим шагом на пути их успешной реинтеграции в гражданское общество. Позволяя им понимать свои права, ориентироваться в юридических процессах и принимать обоснованные решения, государство сможет предоставить возможность осужденным активно участвовать в собственной реабилитации, ресоциализации и вносить позитивный вклад в жизнь общества и государства. Именно посредством тех мер, которые описаны выше, можно будет значительно и эффективно совершенствовать федеральную службу исполнения наказаний, а также систему уголовного правосудия, которые ценят расширение правовых возможностей всех людей, включая осужденных.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьева М. О. Правосознание: понятие, структура, виды, деформации // Вестник научной мысли. – 2022. – № 4. – С. 226-230.
2. Самойлова А. А., Ивлиев П. В. К вопросу о воспитательной работе с осужденными в учреждениях УИС // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 352-354.
3. Ивлиев П. В., Аханьев О. Г. Социальные гарантии сотрудников уголовно-исполнительной системы: отдельные аспекты медицинского обеспечения // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 6 (181). – С. 397-399.

АНТОНОВ Александр Юрьевич

преподаватель Барнаульского юридического института МВД России

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ, ПРОХОДЯЩИМИ СЛУЖБУ В МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЯХ ООН

Применение оружия в миротворческой деятельности ООН традиционно рассматривалось как крайняя мера допустимой самообороны. Вместе с тем Совет Безопасности ООН регулярно развертывает миротворческие миссии с мандатами по защите гражданского населения, в том числе, с применением силы. Такие мандаты могут быть интерпретированы как разрешение миротворцам применять оружие в качестве ответа на различные угрозы гражданскому населению. Настоящая статья посвящена анализу взаимосвязи между мандатами миссий по поддержанию мира и уголовным правом в контексте законности защиты гражданского населения. Практическая значимость исследования заключается в том, что рассмотренный материал может быть использован для дальнейших исследований в области уголовного права. Актуальность темы исследования определяется важностью совершенствования правовой базы для применения силы сотрудниками ООН в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей. Ввиду вышесказанного автором рассматриваются возможные перспективы данного направления, широко обсуждаемого в научных кругах.

Ключевые слова: уголовное право, международное сотрудничество, правоохранительные органы, Интерпол, ООН.

ANTONOV Alexander Yurjevich

lecturer of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

THE PRACTICE OF USING WEAPONS BY THE UN PERSONNEL SERVING IN THE PEACEKEEPING MISSIONS

The use of weapons in UN peacekeeping has traditionally being viewed as an extreme measure of acceptable self-defense. At the same time, the UN Security Council regularly deploys peacekeeping missions with mandates to protect civilians, which includes using force. Such mandates could be interpreted to allow peacekeepers to use weapons in response to various threats to civilians. This article examines the relationship between peacekeeping mandates and criminal law in the context of the legality of the protection of civilians. Practical significance of the study manifests itself in the fact that the material can be used for further research in the field of criminal law. The relevance of the research topic is determined by the importance of improving the legal framework for the use of force by UN staff in cases of extreme necessity and to the extent required for the performance of their duties.

Keywords: criminal law, international cooperation, law enforcement agencies, Interpol, UN.

Антонов А. Ю.

Вооруженные конфликты неизбежно приводят к жертвам среди гражданского населения, которое страдает от насилия с применением огнестрельного оружия, убийств, изнасилований. Гражданские лица часто подвергаются насильственному перемещению, что влечет за собой нарушение их прав, потерю средств к существованию, голод и болезни [1]. В 1999 году Совет Безопасности ООН рассмотрел вопрос о защите гражданских лиц (Protection of Civilians, сокращенно PoC) [2], была принята резолюция 1270, в которой была юридически закреплена возможность санкционировать защиту гражданских лиц в рамках миротворческих мандатов. Начиная с 1999 года о защите гражданских лиц как о главном приоритете стали говорить не только в ООН, но и в других международных организациях. В настоящее время, защита гражданских лиц представляет собой многогранную концепцию, имеющую особую роль в миротворческой деятельности ООН, и тесно переплетающуюся с деятельностью по поддержанию мира и с применением силы. Под защитой гражданского населения принято понимать комплексные и скоординированные действия всех гражданских и силовых компонентов миссии по предотвращению, сдерживанию или реагированию на угрозы физического насилия в отношении гражданских лиц в пределах возможностей миссии и районов развертывания путем использования всех необходимых средств, вплоть до (летальной) силы [3].

Мандат миротворческой миссии ООН, как правило, позволяет использовать все необходимые средства для защиты гражданского населения, результативность такого подхода

нередко ставится под сомнение [4]. На протяжении многих лет неправительственные организации документально фиксировали неэффективность защиты гражданского населения. По данным органа внутреннего надзора ООН, при попытке применить оружие, миротворцы зачастую достигают противоположного эффекта. Одной из инициатив стал пересмотр порога допустимого применения силы в целях защиты гражданского населения. Мандаты миротворческих миссий, ранее включавшие положения о применении оружия только в случае «непосредственной угрозы» физического насилия, с 2014 года были пересмотрены [5], а из формулировки было убрано слово «непосредственная». Так, например, мандаты миссии в Мали уполномочивали миротворцев «защищать гражданское население от непосредственной угрозы насилия», в более поздних версиях приняли вид «защищать гражданское население от различных угроз» [6]. Такие изменения были обусловлены не только поддержанием мира, но и восстановлением государственной власти и обеспечением благосостояния гражданских лиц. Неизбежно возникают вопросы, касающиеся правовых основ применения силы для защиты гражданского населения, например: насколько правомерно будет применение оружия сотрудниками миротворческой миссии ООН против повстанцев, вошедших в деревню и открывших огонь, но быстро отступивших? Будет ли оправдано применение оружия, если доподлинно известно, что повстанцы вернутся, или для ответного огня ситуация должна соответствовать еще ряду условий? Отдельным пунктом идут возможные упреждающие удары по враждебным субъектам,

если ранее был опыт нападения со стороны повстанцев. Насколько достоверной должна быть информация о возможной угрозе? Не до конца понятно, как должна выглядеть ликвидация миротворцем потенциального террориста смертника в лагере для внутренне перемещенных лиц. Оправдано ли производство предупредительных выстрелов, или можно сразу стрелять на поражение? Вопросы определения границ допустимой самообороны до сих пор активно прорабатываются в большинстве стран-участниц Организации Объединенных Наций, осуществляющих отбор в органы внутренних дел [7], [8], [9].

В 1958 году в рамках первой миротворческой миссии ООН поднимался вопрос о том, что широкое право на самооборону способно стереть различие между поддержанием мира и боевыми операциями [10]. За исключением короткой операции ООН в Конго в середине 20 века, миротворческие миссии ООН строго придерживались принципа неприменения силы. Самооборона приравнивалась к личным полномочиям солдат реагировать на угрозу на тактическом уровне. Со временем концепция самообороны видоизменилась, в 1964 году она включала в себя: защиту постов, помещений и транспортных средств Организации Объединенных Наций при вооруженном нападении; поддержку другого персонала при вооруженном нападении. Войскам ООН было разрешено применять оружие в ответ на попытки силой помешать выполнению ими своих обязанностей в соответствии с приказами командиров. В резолюции, санкционировавшей миссию в Ливане в 1980 году, была одобрена концепция самообороны, выходящей за рамки индивидуальной защиты и распространяющейся также на защиту мандата миссии. Тем не менее, поскольку поддержание мира было в первую очередь оборонительной и ответной мерой, правовые основы применения оружия вызвали широкое обсуждение в научных кругах.

Ситуация продолжала меняться в 1990-х годах, когда миротворцы столкнулись с вооруженным сопротивлением в бывшей Югославии и в ряде африканских государств, в частности, в Сомали, Руанде, Сьерра-Леоне, Либерии и Демократической Республике Конго. Совбез ООН постепенно расширил традиционные представления о самообороне, подчеркивая полномочия миротворцев по защите персонала и имущества миссий, а также по обеспечению свободы передвижения. В лексикон вошли такие устойчивые выражения как «принуждение к миру», «агрессивное» миротворчество [11]. Норма самообороны, занимающая центральное место в доктрине применения силы ООН, до сих пор является не до конца проработанной концепцией в международном и уголовном праве. Для того, чтобы проиллюстрировать работу закона, регулирующего применение силы миротворцами в соответствии с мандатами ООН, рассмотрим примеры, в которых будет отражена неизбежная угроза жизни или здоровью, за которой следует применение потенциально смертельной силы.

Независимо от того, требует ли мандат «непосредственности» физического насилия в отношении гражданских лиц, или угрозы сформулированы иным образом, сотрудники миротворческих миссий уполномочены применять оружие для защиты гражданских лиц, если существует непосредственная угроза жизни или здоровью. Например, если миротворцы ООН, патрулируя территорию вокруг лагеря беженцев, сталкиваются с членом вооруженной группы, или гражданским лицом, угрожающим оружием другому гражданскому лицу, то возникают правовые основы для применения силы. Если применение специальных средств будет недостаточным для предотвращения угрозы и приведет к неоправданному риску, сотрудники миротворческих миссий могут применить огнестрельное оружие для защиты гражданского населения. Силы ООН в Демократической Республике Конго, действующие в настоящее время в провинции Касаи, где вооруженного конфликта не было с 2019 года, вынуждены применять оружие для борьбы с вооруженной группой Камуина Нсапу, или с войсками конголезской армии. Схожая ситуация прослеживается в Центральноафриканской Республике (ЦАР), Мали и Южном Судане, где участники миротворческих мис-

сий действуют в условиях глеющего вооруженного конфликта [12].

Подводя итог вышесказанному, становится возможным сделать вывод о том, что мандат Совбеза ООН обеспечивает правовую основу для применения оружия сотрудниками, принимающими участие в миротворческих миссиях. Однако, любая сила, используемая миротворцами, в том числе в целях самообороны и защиты гражданских лиц, должна быть адекватна угрозе. Пределы допустимой самообороны, как и критерий «непосредственности» физического насилия являются центральными в уголовном праве и требуют дальнейшего рассмотрения в рамках отдельного исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Коновалова С. В. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции // *Glossa: Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. – 2016. – С. 101-108.
2. Smith M. et al. The Protection of Civilians in UN Peacekeeping Operations: Recent Developments. // *Security Challenges*. – 2011. – № 4 – С. 27-38.
3. Тишков С. А., Лабин Д. К. Институционализация полицейского миротворчества ООН // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2019. – № 64. – С. 107-128.
4. Конышев В. Н., Кубышкин А. И., Сергунин А. А. Защита гражданского населения в миротворческой деятельности ООН: проблемы и перспективы // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. – 2015. – № 26. – С. 53-66.
5. Badalic V. The war against vague threats: The redefinitions of imminent threat and anticipatory use of force // *Security Dialogue*. – 2021. – № 52 – С. 174-191.
6. Sharland L. MINUSMA and protection of civilians: Implications for future peacekeeping missions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://theglobalobservatory.org/2023/07/minusma-and-protection-of-civilians-implications-for-future-peacekeeping-missions.html> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Антонов А. Ю. О зарубежном опыте отбора кадров для органов внутренних дел на примере Франции // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. – 2021. – № 21-1. – С. 185-186.
8. Антонов А. Ю. О зарубежном опыте отбора кадров для органов внутренних дел на примере Малайзии // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. – 2022. – № 22-1. – С. 80-81.
9. Антонов А. Ю. О зарубежном опыте отбора кадров для органов внутренних дел на примере Ирана // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями*. – 2023. – № 23-1. – С. 101-102.
10. Pommier B. The use of force to protect civilians and humanitarian action: the case of Lybia and beyond // *International review of the Red Cross*. – 2011. – № 93. – С. 1063-1083.
11. Tardy T. Robust Peacekeeping: a False Good Idea? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.com/resrep08089.10.html> (дата обращения: 16.01.2024).
12. Ruberia C. Peacekeeping in South Sudan: it's a race against the time for the UN. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theconversation.com/peacekeeping-in-south-sudan-its-a-race-against-time-for-the-un-182442.html> (дата обращения: 16.01.2024).

БУШУЕВ Игорь Венальевич

начальник кафедры общеправовых дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

ИВАНЧЕНКО Екатерина Владимировна

преподаватель кафедры административной деятельности Краснодарского университета МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Исследование посвящено проблемным вопросам квалификации преступлений в уголовном праве. Правильная квалификации преступлений имеет большое значение для усиления законности, охраны правопорядка, обеспечения прав и законных интересов граждан. В ней дается не только юридическая, но и социально-нравственная оценка совершенного лицом деяния. В статье рассмотрены вопросы правильной квалификации преступления при конкуренции уголовно-правовых норм и вопросы квалификации при совокупности преступлений.

Ключевые слова: квалификация, конкуренция, совокупность, преступление, деяние, уголовно-правовая норма.

BUSHUEV Igor Venaljevich

Head of General legal disciplines sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

IVANCHENKO Ekaterina Vladimirovna

lecturer of Administrative activities sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

QUALIFICATION OF CRIMES AND ITS SIGNIFICANCE IN CRIMINAL LAW

The study is devoted to problematic issues of qualification of crimes in criminal law. Correct classification of crimes is of great importance for strengthening the rule of law, maintaining law and order, ensuring the rights and legitimate interests of citizens. It provides not only a legal, but also a social and moral assessment of the act committed by a person. The article discusses the issues of correct qualification of a crime in the context of competition of criminal law norms and the issues of qualification in a combination of crimes.

Keywords: qualification, competition, totality, crime, act, criminal law.

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации¹ устанавливает законодательные границы криминализации общественно-опасных деяний, то есть, содержит в себе исчерпывающий перечень общественно-опасных деяний, которые признаются преступлениями, что в свою очередь обеспечивает реальные основания для соблюдения законности и прав человека и гражданина. Кроме того, в Особенной части законодатель дифференцирует уголовную ответственность за конкретные преступления с учетом их тяжести, то есть характера и степени общественной опасности. Это создает эффективную возможность для осуществления целенаправленной уголовной политики и проведения ее в строгих рамках действующего законодательства. Объявляя конкретные деяния преступными и наказуемыми, законодатель тем самым ставит своей целью сформировать у людей непримиримое отношение к преступным проявлениям, осознание необходимости борьбы с такими проявлениями, то есть выполняет превентивную функцию. Общепревентивная функция норм Особенной части УК заключается также в том, чтобы под угрозой наказания заставить членов общества воздержаться от совершения преступлений.

По нашему мнению, в современных реалиях нашей жизни, развитии общества и социальном становлении, содержание Особенной части и ее изучение имеют важное значение для обеспечения общественного порядка в обществе, защиты личности, объединений граждан и государства от преступных посягательств, а также для обеспечения осуществления правосудия.

В реализации этих важных общественных задач значение Особенной части состоит в том, что:

– привлечение лица к уголовной ответственности возможно только при условии, что в действиях (бездействии)

этого лица имеются все признаки полного и определенного состава преступления;

– установление соответствия признаков состава преступления, предусмотренного Особенной частью, признакам совершенного лицом преступления является важнейшей задачей всех правоприменителей закона – работников правоохранительных и судебно-следственных органов.

Таким образом, очевидно, что изучение Особенной части имеет решающее значение для обоснованного привлечения лица к уголовной ответственности, а именно для того, чтобы ни один человек не избежал ответственности за совершенное преступление, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности.

В связи с изложенным выше в настоящем исследовании мы хотим более подробно рассмотреть актуальную, на наш взгляд проблему уголовного права – проблему правильной квалификации деяний (действия или бездействия), содержащих признаки состава какого-либо преступления. Ведь большое значение для выполнения задач, стоящих перед уголовным правом, имеет точное и правильное применение положений Особенной части, в частности уголовно-правовых норм (статей), что достигается правильной, полной, всесторонней и обоснованной квалификацией преступлений.

При решении вопроса о причастности лица к совершению какого-либо преступления и его виновности в инкриминируемом деянии органы предварительного расследования, прокурор и суд должны определить именно ту статью Особенной части, которая предусматривает все признаки, характерные для совершенного данным лицом деяния (действия или бездействия). Поэтому вполне очевидно, что в каждом конкретном случае всегда возникает потребность в квалификации преступления. При этом по личным наблюдениям авторов, прошедших службу в органах предварительного расследования, за частую, мнения по квалификации того или иного деяния у сотрудников дознания или предвари-

¹ Далее – Особенная часть.

тельного следствия входят в разрез с мнением прокурора, который проверяет законность и обоснованность вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и в дальнейшем контролирует ход предварительного расследования. Нередко квалификация преступления меняется в ходе расследования уголовного дела, и может быть изменена уже на завершающем этапе расследования, что во многом зависит от собранных материалов уголовного дела и проведенного расследования. Тут можно привести пример из личной практики, когда уголовное дело возбуждено по ч. 2 ст. 158 УК, по факту тайного хищения партии смартфонов сотрудником магазина электроники, и в процессе расследования на завершающем этапе переклассифицировано на ч. 2 ст. 160 УК, по факту присвоения и растраты имущества вверенного виновному, поскольку в ходе расследования установлено, что он являлся материально-ответственным лицом.

При квалификации деяния по конкретной статье Особенной части следует иметь в виду, что именно диспозиции статей устанавливают юридические признаки, то есть в совокупности характеризуют определенное общественно-опасное деяние как преступно-наказуемое, или, если сказать иными словами, описывают конкретный состав преступления. Но не все диспозиции дают исчерпывающий перечень всех признаков состава преступления. Некоторые из них помещены в нормах Общей части УК, так как имеют непосредственное отношение если не ко всем, то к большинству составов преступлений, изложенных в Особенной части (возраст, вменяемость, стадии и т.п.).

Состав преступления является законодательной моделью квалификации преступления. Квалифицируя преступление, лицо производящее сбор первоначального материала или рассматривающее вопрос о возбуждении уголовного дела, а так же прокурор при проверке уголовного дела перед направлением его в суд и непосредственно судья при рассмотрении уголовного дела в суде, всегда устанавливают соответствие совершенного лицом общественно-опасного деяния составу преступления, описанному непосредственно в Особенной части. Хотелось бы так же отметить, что при этом выявляется сущность квалификации, ведь в квалификации дается не только юридическая, но и социально-нравственная оценка совершенного лицом деяния.

В уголовном праве слово «квалифицировать» – значит: подобрать ту правовую норму, которая предусматривает данное деяние; подвести это деяние под общее правило (правовую норму); дать этому деянию юридическую оценку; указать соответствующую уголовно-правовую норму Особенной части. Таким образом, мы можем дать следующее определение: квалификация – это установление и юридическое закрепление точного соответствия признаков совершенного лицом общественно-опасного деяния (действия или бездействия) всем признакам состава преступления, предусмотренного конкретной нормой Особенной части.

К примеру, если будет по делу установлено, что: лицо совершило посягательство на собственность, посягательство заключалось в открытом ненасилственном завладении чужим для него имуществом, которое принадлежит другому лицу, этими действиями виновного был причинен имущественный вред, лицо совершило деяние с прямым умыслом из корыстных побуждений, лицо, совершившее действие является вменяемым и достигло 14-летнего возраста, то совершенное им будет признано открытым хищением чужого имущества и квалифицировано по ч. ст. 161 УК.

Из приведенного можно заключить, что: во-первых, квалификация означает установление признаков того или иного состава преступления в деянии лица; во-вторых, результаты деятельности органов предварительного следствия, прокуратуры и суда по квалификации преступления официально закрепляется в соответствующем юридическом акте (постановлении, обвинительном акте или заключении, приговоре

суда), где речь идет о соответствии признаков совершенного деяния конкретному составу преступления.

Очевидно, что эти оба аспекта тесно связаны между собой, поскольку перед тем, как дать юридическую оценку деянию лица, необходимо провести точную работу по установлению уголовной ответственности. При этом еще раз обращаем внимание на то, что при квалификации должен быть указан не только номер статьи Особенной части, но и номер части этой статьи, квалифицирующий признак, если в этой части их несколько. Ибо, как свидетельствует практика обучения, многие курсанты и слушатели, особенно на начальном этапе обучения, считают, что достаточно указать номер статьи УК и все. А это значит, что они полностью не знают содержания конкретной статьи.

Правильная квалификации преступления требует соблюдения ряда условий: во-первых, для правильного применения конкретной нормы Особенной части предстоит выяснить ее социально-политическую сущность; во-вторых, решающее значение при этом имеет родовый объект посягательства. Именно он указывает, каким общественным отношениям, социальным благам наносится вред этим деянием, указывает на сущность опасности деяния.

Таким образом, для правильной квалификации необходимо, прежде всего, выяснить, в каком разделе Особенной части находится норма, предусматривающая ответственность за совершенное общественно-опасное деяние (действие или бездействие), определить непосредственный объект, а также предмет преступления. Признаки совершенного деяния должны точно соответствовать признакам преступления, которое описано в применяемой норме Особенной части, которая применяется (способ, орудие, последствия и т.п.).

Суть третьего условия состоит в том, чтобы установить соответствие всех без исключения (а не частично) признаков совершенного деяния, всем признакам, указанным в конкретной норме Особенной части. Это требование особенно важно потому, что в деянии могут устанавливаться признаки, предусмотренные не одной, а несколькими статьями УК.

Приведем небольшой пример. Так, при наличии в действии лица признаков причинения вреда здоровью, можно говорить о применении ряда норм УК, в которых описаны признаки причинения телесных повреждений (ст. 111-118 УК). Однако телесные повреждения потерпевшему могут быть причинены и при совершении других преступлений (ст. 161-163, 131, 209 и т.п.). Поэтому для правильной квалификации необходимо точно и полно устанавливать все признаки состава преступления.

Попробуем рассмотреть два вида конкуренции уголовно-правовых норм. При отграничении преступлений и определении нормы для квалификации имеют место случаи, когда одно то же деяние предусмотрено в разных пунктах или частях одной той же статьи. В таких случаях имеет место конкуренция между основными и так называемыми квалифицированными видами состава. К примеру: ч. 1 ст. 158 УК предусматривает основной состав кражи, то есть хищение чужого имущества, совершенное тайным способом, а ч. 2 ст. 158 УК – уже квалифицированную кражу: группой лиц по предварительному сговору; с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище и т.д. В этом случае ч. 2 ст. 158 УК играет роль специальной нормы в отношении ч. 1 ст. 158 УК, потому что она охватывает лишь некоторые виды этого преступления и соответственно применяется она. То есть мы видим, что любой квалифицированный вид состава преступления имеет приоритет перед основным составом.

Согласно ст. 63 УК при назначении наказания судом должны учитываться перечисленные в настоящей статье отягчающие обстоятельства. В случаях же, когда в статьях Особенной части отягчающие обстоятельства становятся квалифицированными признаками, то в соответствии с ч. 2 ст. 63

УК, не могут еще раз учитываться при назначении наказания как отягчающее обстоятельство.

Отличие отягчающих наказание обстоятельств (ст. 63 УК) и квалифицирующих признаков, как предусмотрено в статьях Особенной части заключается в том, что отягчающие обстоятельства прежде всего являются основанием для повышенной ответственности в пределах санкции, а квалифицирующие признаки влияют на саму квалификацию. К примеру: п. а ч. 1 ст. 63 УК – рецидив преступлений, а в ч. 2 ст. 264.1 – управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей.

Другой вид конкуренции норм является более сложным для применения, поскольку в отличие от рассмотренного выше применяется тогда, когда одно и то же действие подпадает под признаки двух или более статей Особенной части. То есть, в одной из норм деяния описаны более обобщенно, в другой – выделены его индивидуальные признаки. В этих случаях речь идет о конкуренции общей и специальной нормы. В соответствии с теорией и практикой существует правило, согласно которому в этих случаях следует применять специальную норму в силу того, что она более конкретно индивидуализирует признаки совершенного деяния и его общественную опасность.

К примеру: ст. 317 УК предусматривает ответственность за посягательство на жизнь работника правоохранительного органа в связи с исполнением им служебных обязанностей и является специальной нормой. В то же время п. б ч. 2 ст. 105 УК предусматривает ответственность за умышленное убийство, совершенное в связи с исполнением потерпевшим своих служебных обязанностей, то есть является общей нормой. Встает вопрос – как быть? Как квалифицировать действия виновного лица в случае совершения им убийства работника полиции, когда он задерживал преступника? Ведь очевидно, что это убийство подпадает под признаки как одной, так и другой статьи. Но в силу того, что норма ст. 317 УК является специальной в отношении общей нормы, обладает большей силой, и определяет конкретные особенности совершенного, то квалифицировать приведенные выше примеры мы будем естественно по ст. 317 УК.

Теперь обратимся к вопросу квалификации по совокупности преступлений.

В ряде случаев имеет место, когда деяние содержит признаки двух или более составов преступлений, то есть оно предусмотрено разными статьями или частями статей УК. При этом под разными составами преступлений понимаются основные составы преступлений или составы преступлений с отягчающими или смягчающими обстоятельствами, что предусмотрено в отдельных статьях или в их частях (пунктах), в которых установлены самостоятельные санкции. К примеру. Виновное лицо в разное время совершило простое хулиганство (ч. 1 ст. 213 УК) и квалифицированное (ч. 2, ч. 3 ст. 213 УК), то имеет место реальная совокупность и его деяния следует квалифицировать по совокупности преступлений УК.

Совокупность исключается, если совершенное преступление содержит признаки, предусмотренные несколькими пунктами одной статьи, имеющими одну общую санкцию. Иными словами, при осуждении, например по нескольким пунктам ч. 2 ст. 105 УК, наказание по каждому пункту настоящей статьи отдельно не назначается. Однако при его назначении необходимо учитывать наличие в действиях виновного нескольких квалифицированных признаков умышленного убийства как обстоятельств, влияющих на степень тяжести совершенного преступления.

Следует иметь в виду, что необходимым признаком совокупности является отсутствие осуждения лица за совершенные им двух и более преступлений, предусмотренных разными статьями или разными частями одной статьи Особенной части (ч. 1 ст. 17 УК).

Обобщая положения Общей части УК, мы видим, что совокупность преступлений бывает следующих видов: реальная; идеальная; реально-идеальная. Каждое преступление, которое входит в совокупность, требует самостоятельной квалификации по соответствующей статье УК. Это правило является безусловным для реальной совокупности. Относительно идеальной совокупности, когда совершенное действие одновременно охватывается признаками двух и более самостоятельных статей Особенной части (приводили пример убийства работника правоохранительного органа) – то есть при наличии конкуренции общей и специальной норм, применяется специальная норма.

Таким образом, следует отметить, что правильная квалификация преступлений имеет большое значение для усиления законности, охраны правопорядка, обеспечения прав и законных интересов граждан. В ней дается не только юридическая, но и социально-нравственная оценка совершенного лицом деяния. А потому совершенное преступление должно быть квалифицировано в соответствии с законом, предусматривающим ответственность именно за это действие, любые отступления от этого требования недопустимы в силу того, что неправильная квалификация приводит к неправильному представлению о характере степени общественной угрозы совершенного действия.

Пристатейный библиографический список

1. Жежелевская О. Ю. К вопросу о понятии юридической квалификации // Юридическая наука. – 2017. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-opyatyatii-yuridicheskoy-kvalifikatsii> (дата обращения: 29.11.2023).
2. Житков А. А. Актуальные вопросы правового регулирования квалификации деяния при соучастии в преступлении // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (К 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил): Сборник материалов международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Вологда, 11 ноября 2016 года / Под общей редакцией П. В. Голодова. Том Часть 1. – Вологда: Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. – С. 106-110.
3. Веремеенко И. В. Некоторые вопросы квалификации преступлений при посредственном исполнении // Борьба с преступностью: теория и практика: Материалы II Международной научно-практической конференции, Могилев, 27 февраля 2014 года. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2014. – С. 17-18.

ВАНЯШИН Илья Сергеевич

преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России

МГЕРЯН Давид Мгерович

преподаватель кафедры физической подготовки Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Вопрос необходимости комплексной и системной разработки вопросов уголовно-правовых основ института необходимой обороны, а также в усовершенствовании положений уголовного законодательства в наше время стоит достаточно остро. Данная научная статья посвящена анализу проблемы определения пределов необходимой обороны. В статье раскрывается понятие необходимой обороны, ее условия и пределы. Проанализировав социально-правовую природу института необходимой обороны, включающей рассмотрение теоретико-методологических основ его исследования, характеристику тенденций и закономерностей развития указанного института в разных политических и социально-экономических условиях, сделан вывод о необходимости минимизации судебных и следственных ошибок, связанных с реализацией гражданами своего права на необходимую оборону от общественно опасных посягательств.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, право на оборону, посягательство, институт уголовного права, защита личности.

VANYASHIN Ilya Sergeevich

lecturer of Fire and physical training sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

MGERYAN David Mgerovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

The question of the need for a comprehensive and systematic development of the criminal legal foundations of the institution of necessary defense, as well as in improving the provisions of criminal legislation, is quite acute in our time. This scientific article is devoted to the analysis of the problem of determining the limits of necessary defense. The article reveals the concept of necessary defense, its conditions and limits. Having analyzed the socio-legal nature of the institution of necessary defense, including consideration of the theoretical and methodological foundations of its research, characterization of trends and patterns of development of this institution in different political and socio-economic conditions, it was concluded that it is necessary to minimize judicial and investigative errors associated with the exercise by citizens of their rights for the necessary defense against socially dangerous attacks.

Keywords: necessary defense, limits of necessary defense, right to defense, encroachment, institution of criminal law, personal protection.

В настоящее время на наш взгляд назрела необходимость в комплексной и системной разработке вопросов уголовно-правовых основ института необходимой обороны, а также в усовершенствовании положений уголовного законодательства в этой сфере. Право на необходимую оборону – это самостоятельное, неотъемлемое право любого человека на самозащиту. Оно является естественным правом человека, ничем не ограниченным. Иными словами, формально закон дает нам право защищать жизнь и здоровье любыми доступными методами, но при этом существует оговорка, что нельзя превышать пределы необходимой обороны, то есть причинять преступнику вред явно не соответствующий характеру и степени опасности преступного посягательства. При этом пределы необходимой обороны нигде расширенно не прописаны и трактуются субъективно в каждом конкретном случае.

Право на необходимую оборону закреплено в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации. По смыслу статьи, необходимой обороной признаются действия, совершенные с целью защиты прав и интересов защищаемого лица или другого лица, а также общественных интересов и интересов государства от общественно опасного посягательства путем нанесения посягающему вреда, необходимого и достаточно в данной обстановке для немедленного предотвращения или прекращения посягательства, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны. В отличие от права на оборону и защиту по европейским

понятиям, законодательство нашей страны не позволяет, к примеру, выстрелить, имеющимся у него на законных основаниях оружием, в нарушителя границ земельного участка, обороняющегося только лишь за нарушение этих границ.

Мы хотим отметить, что граждане должны знать, что следить за соблюдением прав на самооборону должны не только органы государственной власти, но и сами граждане. Поскольку, исследуя институт необходимой обороны, нужно особо подчеркнуть, что необходимая оборона является именно правом каждого человека, а отнюдь не обязанностью. Тут все зависит от личного самосознания и подготовленности жертвы к нападению. Причем речь идет не столько о физической подготовленности, сколько о моральной стороне вопроса. В виктимологии известны случаи, когда жертва преступления просто не в состоянии сопротивляться и давать отпор преступникам в силу особенностей своего психического состояния или развития.

Не всегда в истории существования данного института преобладала точка зрения, что необходимая оборона является именно правом каждого человека, а отнюдь не обязанностью. Например, по египетским законам необходимая оборона рассматривалась не только как право, но и как обязанность человека по отношению к третьим лицам. Эти законы карали смертной казнью того, кто видел, что совершается убийство, и не защитил жертву, имея такую возможность [2]. Не в такой категоричной форме, но взгляд на необходимую оборону как обязанность имел место и в уголовно-правовой

науке недавнего прошлого. В частности, Дурманов Н. В. отмечал, что, по сути, оборона для личности является не только правом, но, по общему правилу, и моральным долгом гражданина [3, с. 10]. По мнению Якубовича М. И., осуществление этого права было не только моральной обязанностью, но и общественной обязанностью [4, с. 13]. То есть мы видим, что в то время понимание права на необходимую оборону обуславливалось в первую очередь социально-политической обстановкой, коммунистической моралью, приоритетом интересов государства и общества над интересами и правами личности во всех республиках, входивших в состав СССР.

На сегодняшний день институт необходимой обороны регулируется прежде всего нормами конституционного, уголовного и административного права. Однако, ни в одной из указанных ветвей права четко не определены ее пределы. Мы считаем, что для более правильного понимания пределов необходимой обороны каждый случай признания действий обороняющегося правомерными либо же наоборот неправомерными должен придаваться гласности с подробнейшим описанием произошедшего. То есть до обывателя должны быть четко и понятно доведены все обстоятельства посягательства (нападения) и все подробности действий обороняющегося по возможности с привидением доказательств либо видеосъемки произошедшего (при ее наличии). Поскольку, проанализировав сложившуюся судебную практику по уголовным делам, нами сделан вывод, что в преобладающем большинстве случаев действия обороняющихся не признаются правомерными и они осуждаются по статьям по причинению вреда здоровью либо убийствам, но с формулировкой «при превышении пределов необходимой обороны».

Но право на необходимую оборону возникает и тогда, когда угрозы для жизни нет, но есть угрозы для здоровья, главное, чтобы защита была соразмерна нападению, то есть адекватная. Классический пример человека ударили кулаком, в свою очередь он ответил нападающему тоже ударом кулака, при этом законодатель учитывает, что нападение может быть неожиданным, когда человек не можете правильно оценить степень и опасность нападения, или говоря по-другому, эффект неожиданности назовём это так, значит человек действует в состоянии необходимой обороны. Например, сильно пьяный подросток начинает хулиганить и нападает сзади на борца тяжеловеса, который в свою очередь обороняясь бросает его через себя, и он головой бьется о землю насмерть. Казалось бы совершенно тяжкое преступление, с одной стороны спортсмен тяжеловес, с другой маленький безобидный подросток, которых если поставить друг против друга, то исход очевиден, но тяжеловеса в данном случае это было неожиданно и он был волен защищаться со всей своей силы, то есть применимо к статье 37 УК - не является превышением пределов необходимой обороны если нападение было по сути неожиданным для человека и он объективно не мог оценить степень и характер опасности нападения. Или, иными словами, есть такой термин как мнимое нападение, когда с точки зрения нападающих мнимое нападение также порождает право на необходимую оборону. Еще один пример - друзья решили разыграть своего приятеля предпринимателя взяли игрушечные пистолеты ножи подкараулили его в темном подъезде и с криком «смерть буржуям» напали на него, то есть имитировали нападение как мы понимаем, а он шел из гаража и нес в одной руке металлическую монтировку и, отмахиваясь, нанес по одному удару по головам «нападавших», от которых те скончались не приходя в сознание. Итог - два трупа, тем не менее, у этого человека было право необходимой обороны.

Если нет прямых доказательств, того что на вас нападали и вашей жизни и здоровью была угроза, то будьте готовы, что вас будут обвинять в умышленном причинении вреда здоровью (статьи 115, 112 или 111 УК РФ, в зависимости от тяжести причиненного вреда) или умышленном убийстве (статья 105

УК РФ), либо в убийстве при превышении пределов необходимой обороны, по статье 108 УК РФ, либо в причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 114 УК РФ). Одно дело, когда при самообороне на улице использовался газовый баллончик или газовый пистолет, а также электрошокер, от указанных средств довольно редко бывают серьезные травмы, хотя бывают и исключения. И совсем другое дело, когда используется нож или травматический пистолет, таким оружием можно причинить серьезные травмы, а вполне возможно убить человека. Естественно такое положение дел начисто отбивает охоту у граждан отстаивать свои интересы и оборонять кого-либо кроме самих себя и то только в том случае, если не будет другого выхода.

Проанализировав социально-правовую природу института необходимой обороны, включающей рассмотрение теоретико-методологических основ его исследования, характеристику тенденций и закономерностей развития указанного института в разных политических и социально-экономических условиях как в нашем государстве, так и за рубежом, а также правовое обеспечение института необходимой обороны на современном этапе, мы приходим к выводам, что право на необходимую оборону является абсолютным, неотъемлемым правом человека – каждое лицо имеет право принять меры для обороны от общественно опасного посягательства независимо от того, имеет ли она возможность избежать посягательства или обратиться за помощью в правоохранительные органы, представители власти, или других лиц. Масштабы реализации права на необходимую оборону зависят от того, насколько население почувствует свою правовую защищенность и понимает пределы необходимой обороны, а значит, от продуманной и четкой работы системы правосудия. То есть необходимо достичь такого уровня правового обеспечения института необходимой обороны, чтобы каждому было понятно, что действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и правомерны, и общественно полезны.

Пристатейный библиографический список

1. Шавгулидзе Т. Г. Необходимая оборона. – Тбилиси, 1966. – 354 с.
2. Кобец П. Н. Институт необходимой обороны – один из первых уголовно-правовых институтов // Символ науки. – 2015. – № 4.
3. Дурманов Н. Д. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. – М., 1961. – 50 с.
4. Якубович М. И. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния: учебное пособие. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – 64 с.
5. Юшков Ю. Н. Институт необходимой обороны и его роль в борьбе с преступностью в современных условиях // Государство и право. – 1992. – № 4. – С. 60-64.

ДАНИЛОВА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Рязанского филиала Московского университета МВД РФ имени В. Я. Кикотя

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедр уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ СБЫТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ДИСТАНЦИОННЫМ СПОСОБОМ

Авторы продолжают тематику по разрешению спорных, неоднозначных вопросов квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Суды, при разрешении уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, в основном, правильно применяют нормы УК РФ. Вместе с тем, в судебной практике при рассмотрении подобных дел допускаются ошибки. Допускаются факты ошибочного осуждения лиц из-за неправильного толкования судами понятий изготовления, переработки и производства наркотических средств и психотропных веществ. Имеют место сложности в юридической оценке действий лиц, выполняющих доставку наркотических средств или психотропных веществ без цели сбыта, а также пересылку или сбыт указанных средств и веществ.

Ключевые слова: квалификация, правоприменение, юридические признаки, элементы состав преступления, незаконный оборот наркотических средств.

DANILOVA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty of the Ryazan branch of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SULEYMANOV Talyat Alievich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS RELATED TO THE ILLEGAL SALE OF NARCOTIC DRUGS BY REMOTE MEANS

The authors tried to draw attention to the complex issues of qualification of acts related to illicit drug trafficking. Courts, when resolving criminal cases related to illicit drug trafficking, generally correctly apply the norms of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, mistakes are made in judicial practice when considering such cases. The facts of erroneous conviction of persons due to the incorrect interpretation by the courts of the concepts of manufacture, processing and production of narcotic drugs and psychotropic substances are allowed. There are difficulties in the legal assessment of the actions of persons carrying out the delivery of narcotic drugs or psychotropic substances without the purpose of sale, as well as the transfer or sale of these drugs and substances.

Keywords: qualification, law enforcement, legal signs, corpus delicti, illicit drug trafficking.

Противостояние незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов остается перманентной проблемой общественной безопасности. Тенденция незаконного распространения наркотиков среди населения страны, особенно в детской и молодежной среде приобретает угрожающий характер. Увеличивается доля высококонцентрированных и синтетических наркотических средств и психотропных веществ в их незаконном обороте. В сферу сбыта наркотиков активно вовлекаются несовершеннолетние, женщины, безработные [1, с. 67].

Сбыт наркотических средств дистанционно, с использованием цифровых и информационных технологий, предполагает тот факт, что исполнители зачастую совершают не одно преступление, а несколько. С точки зрения уголовного закона совершение лицом двух и более преступлений, предусмотренных различными статьями или частями одной статьи, ни за одно, из которых оно не было привлечено к уголовной ответственности, признается совокупностью преступлений. Совокупность преступлений состоит в том, что виновный совершает два и более различных преступлений. При совокупности преступлений лицо подлежит уголовной ответственности за каждое совершенное преступление. Уголовно-правовое значение совокупности преступлений заключается в том, что законодатель оценивает совершение двух и более преступлений более общественно-опасным поведением виновного, чем совершение единичного преступления, соответственно, совокупность преступлений должна влечь назначение более строго вида и размера наказания.

Для совокупности преступлений необходимы следующие правовые признаки:

- виновный совершает два и более преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ;
- за каждое совершенное общественно-опасное деяние предусматривается отдельная уголовная ответственность;

– ни за одно из совершенных преступлений лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности;

– ранее лицо не должно было быть привлечено к уголовной ответственности ни за одно из совершенных этих деяний.

Совокупность преступлений может иметь место и при совершении тождественных преступлений, предусмотренных одной статьей УК РФ, если между этими деяниями имеется разрыв во времени. С учетом сказанного, применительно к нашему вопросу деяния лица, связанные с приобретением и хранением наркотического средства, которые охватывались единым умыслом, подлежат квалификации как единичное преступление. Нет необходимости квалифицировать как самостоятельные деяния приобретение и хранение, потому что эти два деяния охватываются одним умыслом. Совокупность преступлений будет отсутствовать и в том случае, если для производства наркотического средства требуется совершить ряд последовательных действий, например: изготовить, просушить, расфасовать и хранить, все перечисленные деяния образуют признак производство наркотического средства, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ [2, с. 1080].

Следующий аспект касается определения массы наркотического средства. Дело в том, что в действительности довольно редко случаи, когда наркотическое средство изъято в чистом виде, без примесей, без водного раствора и т.д. Чаще всего наркотическое средство бывает разбавлено раствором для инъекций, нейтральным веществом или каким-либо наполнителем. А для квалификации деяния с учетом размера наркотического средства необходимо установить его «чистую» массу. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ (п. 4) [3] приводится два способа определения: если одно наркотическое средство растворено в нейтральной жидкости или наполнителе, то необходимо определить массу наркотического средства без учета наполнителя. Если в нейтральной жидкости или в наполнителе содержится два и более вида

наркотического средства, то его масса будет определяться уже с учетом веса всей жидкости или наполнителя. Это положение объясняется тем, что раствор или смесь наркотического средства пригодны без какой-либо дополнительной обработки для немедицинского употребления и оказывает на потребителя состояние наркотического опьянения. Если смесь наркотического средства в существующем виде не может быть использована для потребления из-за имеющихся примесей, то масса наркотического средства должна определяться по сухому остатку. При смешивании наркотического средства и психотропного вещества, размер наркотического средства или психотропного вещества определяют в зависимости от того, какое из этих веществ является наиболее опасным для здоровья человека [4]. Если в ходе осмотра, обыска изымаются остатки или отходы производства наркотического средства, то требуется в ходе производства экспертизы устанавливать массу наркотического средства в сухом остатке, без примесей. Ошибка в установлении размера наркотического средства может повлечь ошибку в квалификации деяния виновного.

В следственной и судебной практике возникают трудности в связи с разграничением смежных понятий «производство наркотического средства» и «изготовление наркотического средства». Общий смысл понятия «производство» означает, что продукция изготавливается серийно, для сбыта, не для личного потребления. Пункт 4 отмеченного Постановления гласит, что указанные действия совершаются умышленно, наркотическое средство при этом может быть растительного или синтетического происхождения. Понятие «производство» означает наличие у виновного лица химического оборудования, помещения, коммуникаций, в результате чего может быть получена расфасованная партия наркотического средства готовая к употреблению. Понятие «незаконное изготовление» означает совершение действий, в результате которых из растений, лекарств, химических веществ получается наркотическое средство готовое для употребления (п. 9 Постановления). При изготовлении происходит качественное улучшение химической структуры наркотического средства. Действия виновного, связанные с сборанием, высушиванием, измельчением наркотикосодержащих растений не образует признаков изготовления, так как не происходит изменение химической структуры наркотического средства [5, с. 55]. Разграничить по смыслу приведенные понятия крайне сложно, так как нет четких критериев отличия между производством и изготовлением. Более того изготовление и производство чего-либо могут иметь и общие признаки. Анализ конструкции состава производства наркотического средства позволяет выявить один из основных признаков разграничения между производством и изготовлением: производство наркотического средства всегда осуществляется с целью сбыта, изготовление наркотического вещества предполагает его использование для личного потребления. Судебная и следственная практика для разграничения признака «производства» и «изготовления» идет по пути выяснения следующих обстоятельств: какое наркотическое средство получено, его наименование, способ получения, какие инструменты и оборудование необходимо для получения данного вещества, объем полученной продукции. Согласно Постановлению ПВС РФ № 14 момент окончания изготовления связан с получением минимального количества наркотического средства, необходимого для личного потребления, а производство оценивается завершенным с момента совершения деяний, ориентированных на серийное (партия) получение продукции для сбыта. Фактически полученный объем наркотического средства по окончании производства значения для квалификации не имеет, здесь важно то, что действия и умысел виновного были направлены на получение партии наркотического средства для сбыта. Для квалификации признака «изготовления» наркотического средства требуется получения любого вида наркотического средства как минимум в значительном размере, либо в крупном или особо крупном размере (по ч. 2, ч. 3 ст. 228 УК РФ), при этом отсутствует цель деяния – сбыт наркотического средства. В случае, если виновный изготавливает наркотическое средство без цели сбыта в меньшем объеме, чем значительный, то предусматривается ответственность согласно административному законодательству [6, с. 176].

Для правильного определения момента окончания, приготовления к производству и покушения на производ-

ство наркотического средства необходимо проанализировать действия виновного, образующих объективную сторону преступления, установить, что действия лица были пресечены по независящим от него обстоятельствам.

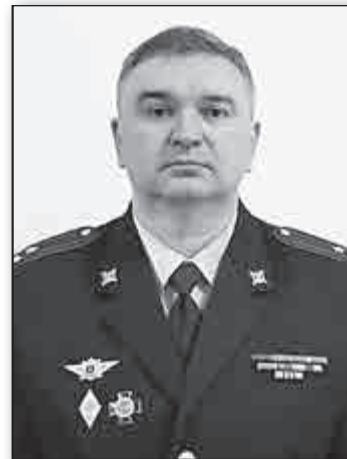
Помимо изготовления и производства наркотического средства, действующий уголовный закон устанавливает запрет на культивирование наркотикосодержащих растений. Под культивированием понимаются действия виновного, направленные на создание необходимых условий для выращивания наркотикосодержащих растений, их посев и выращивание, повышение урожайности растений. Посев наркотикосодержащих растений может быть осуществлен в жилом помещении, на придомовом участке, на даче, в поле, лесу и т.д. Возможно также искусственное выращивание растений методом гидропонии, то есть без почвы. Уголовная ответственность за культивирование наркотикосодержащих растений наступает при получении наркотического средства в размере, относящимся к крупному или особо крупному признаку. Посев и выращивание растений образует продолжаемое преступление, так как процесс выращивания растений занимает продолжительный период времени. Преступление признается оконченным с момента созревания урожая или с момента пресечения деятельности виновного на этапе выращивания. Место, где культивируется наркотикосодержащее растение, значение для уголовно-правовой оценки не имеет. Культивирование охватывает два этапа роста растения: посев и выращивание. Сбор растения или урожая растений понятием культивирование не охватывается. Цель – выращивание наркотикосодержащего растения, имеет значение для квалификации признака личного потребления или для сбыта (231 УК РФ). Культивирование растений, содержащих наркотические средства, для хозяйственных, кулинарных потребностей значения не имеет, тем не менее действия виновного влекут уголовную ответственность по ст. 231 УК РФ. Если после культивирования растений, содержащих наркотическое средство, виновный осуществил дальнейшую переработку наркотического средства, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 231 или 228 (228.1) УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Шелкошвейн Е. В., Шелкошвейн Ю. С. Незаконный оборот наркотиков как угроза национальной безопасности // Legal Bulletin. - 2018. - № 3 (3-4). - С. 66-70.
2. Ролик А. И. Преступление, предусмотренное ст. 228 1 УК РФ: спорные вопросы характеристики // Lex Russica. - 2014. - № 9. - С. 1079-1092.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».
4. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012. № 1002. «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».
5. Власов П. Е. Актуальные проблемы квалификации и расследования незаконного оборота наркотических средств. - М., 2023. - С. 55.
6. Щетинина Н. В. Некоторые вопросы уголовно-правовой оценки наказуемого по статье 228 УК РФ незаконного оборота наркотических средств // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2022. - № 2 (34). - С. 175-180.

ДВОРЯНОВ Илья Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного полицейского сотрудничества и борьбы с преступностью по каналам Интерпола Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

Дворянов И. Б.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННОЙ ПЕРЕДЕЛКИ ГРАЖДАНСКОГО ОРУЖИЯ

В статье проводится анализ деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с незаконным изготовлением огнестрельного оружия, в том числе путем переделки гражданского оружия. Приводится авторское определение переделанного гражданского оружия. Дается описание уголовно-правовой характеристики незаконной переделки гражданского оружия, сделан вывод о необходимости установления повышенной ответственности за незаконную переделку гражданского оружия.

Ключевые слова: переделанное гражданское оружие, уголовно-правовая характеристика незаконной переделки гражданского оружия, установление повышенной ответственности за незаконную переделку гражданского оружия.

DVORYANOV Ilya Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of International police cooperation and combating crime through Interpol channels sub-faculty of the All-Russian Institute for Advanced Training of the MIA of Russia

CRIMINAL LEGAL CHARACTERISTICS OF ILLEGAL CONVERSION OF CIVILIAN WEAPONS.

The article analyzes the activities of law enforcement agencies in the fight against the illegal manufacture of firearms, including through the conversion of civilian weapons. The author's definition of converted civilian weapons is given. A description of the criminal legal characteristics of the illegal conversion of civilian weapons is given, it was concluded that it is necessary to establish increased liability for the illegal conversion of civilian weapons.

Key words: converted civilian weapons, criminal law characteristics of the illegal conversion of civilian weapons, establishment of increased liability for the illegal conversion of civilian weapons.

Анализ следственной практики показывает, что меры, принятые государственными и правоохранительными органами, направленные на усиление контроля над оборотом оружия за последние десятилетия, оказались недостаточными.

На сегодняшний день количество зарегистрированных преступлений по фактам незаконного изготовления оружия (ст. 223 УК РФ) по данным ГИАЦ МВД России остается стабильно высоким. Так, в 2019 г. зарегистрировано 4981 преступление, в 2020 г. – 4776, в 2021 г. – 4126, в 2022 г. – 4125 и за 11 месяцев 2023 г. – 3380 преступлений данного вида, из которых около 40 % на остаются нераскрытыми [1].

Кроме того, незаконное изготовление оружия, в том числе путем переделки гражданского оружия является, в большинстве случаев, не только частью механизма подготовки к совершению других тяжких и особо тяжких преступлений, но и становится бизнесом, источником извлечения крупных доходов.

Так, например, по данным правоохранительных органов только за последние несколько лет в разных регионах страны пресечена деятельность ряда подпольных мастерских по незаконному изготовлению оружия путем переделки гражданского оружия [6], [7], [8].

По мнению Н. Ф. Кузнецовой, незаконное изготовление оружия более опасно, чем деяния, предусмотренные ст. 222 УК РФ, поскольку именно с изготовления оружия начинается его незаконный оборот. Неслучайно ответственность за незаконное изготовление оружия была выделена в УК РФ в самостоятельный состав преступления (ст. 223) [3, с. 244].

На наш взгляд, указанные обстоятельства говорят о необходимости ужесточения уголовной политики в отношении незаконной переделки гражданского оружия.

С целью правильной квалификации общественно-опасных деяний, связанных с незаконной переделкой гражданского оружия, уяснения признаков предмета преступления и его отличие от других сходных предметов, на наш взгляд, необходимо описать уголовно-правовую характеристику незаконной переделки гражданского оружия.

Следует отметить, что под дефиницией переделанное гражданское оружие мы понимаем огнестрельное оружие, которое умышленно, самодельным способом с использованием различного оборудования было переделано из гражданского оружия, изготовленного промышленным способом, утратило ранее присущие ему некоторые признаки и приобрело новые, с целью дальнейшего незаконного хранения, продажи или использования в иной преступной деятельности [2].

Непосредственным объектом незаконной переделки гражданского оружия выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность населения от незаконных действий, предусмотренных ст. 223 УК РФ.

К предмету преступления, в соответствии с ч. 1-3 ст. 223 УК РФ относятся огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, а по ч. 4 ст. 223 УК РФ - огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, патроны к огнестрельному оружию ограниченного поражения либо газовому оружию.

Объективная сторона незаконной переделки гражданского оружия заключается в совершении одного или нескольких действий:

1) незаконное изготовление огнестрельного оружия и его основных частей, в том числе путем переделки каких-либо иных предметов, без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства огнестрельного оружия;

2) незаконная переделка, как разновидность изготовления огнестрельного оружия и его основных частей – изменение в нарушение установленного порядка тактико-технических характеристик и свойств оружия, при котором независимо от результатов такого изменения их поражающие свойства сохраняются (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств») [5].

Традиционно преступление, предусмотренное ст. 223 УК РФ, считается оконченным с момента создания предмета вооружения в законченном виде (при изготовлении) либо восстановлении его утраченных поражающих свойств (при ремонте). Мы присоединяемся к мнению большинства авторов и полагаем, что, когда речь идет о незаконной переделке гражданского оружия, преступление будет оконченным с момента его создания в готовом виде и при условии пригодности переделанного гражданского оружия для стрельбы.

Субъектом незаконной переделки гражданского оружия – является физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Как показывает проведенный нами анализ следственной и судебной практики, большая часть осужденных за совершение незаконной переделки гражданского оружия, совершили его в возрасте 26-40 лет – 58,0 %; в возрасте 40-60 лет – 25,1 %; в возрасте 21-25 – 10,2 %; свыше 60 лет – 3,5 %; и только 3,2 % совершили его в возрасте до 20 лет. Это объясняется тем, что для фактического осуществления незаконной переделки гражданского оружия, необходимы не только теоретические знания, но и практические навыки в обращении с различными станками и оборудованием.

Субъективная сторона преступления представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям. С субъективной стороны незаконная переделка гражданского оружия характеризуется умышленной виной в форме прямого умысла. Это означает, что виновный отдает себе отчет, что все производимые им действия по переделке гражданского оружия незаконны, и он желает их совершить.

Так, например, гражданин С. в ноябре 2017 года путем замены ствола и патронника

осуществил незаконную переделку гражданского оружия – сигнального пистолета заводского изготовления модели «MP-371» под стрельбу патроном калибра 9мм, в результате которой указанный пистолет стал относиться к переделанному гладкоствольному короткоствольному ручному однозарядному огнестрельному оружию, пригодному для стрельбы патронами калибра 9 мм (9x18) [4].

В примечании к ст. 223 УК РФ устанавливается, что лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье.

На наш взгляд, добровольной сдачу оружия правоохранительным органам можно считать только в том случае, когда она осуществляется без воздействия внешних обстоятельств, а происходит по волеизъявлению субъекта в обстановке, которая позволяла бы ему такого поступка не совершать.

Таким образом, квалификация незаконной переделки гражданского оружия должна строиться на основе подробного анализа всех элементов состава данного преступления при четком представлении об особенностях его предмета.

В заключении следует отметить, в современных реалиях противодействия незаконному изготовлению оружия, в том числе путем переделки гражданского оружия, в Российской Федерации необходимо установить повышенную ответственность за незаконную переделку гражданского оружия.

Безусловно, что ряд положений, обозначенных в данной статье, являются дискуссионными и требуют своей дальнейшей научной разработки.

Пристатейный библиографический список

1. Сайт МВД России. Состояние преступности - 2019, 2020, 2021, 2022 и 2023 год. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/45293174/> (дата обращения: 30.11.2023).
2. Дворянов И. Б. Методика расследования незаконной переделки гражданского оружия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. – М., 2019. – 245 с.
3. Новое уголовное право России. Учебное пособие / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой. – М., 1996.
4. Материалы архивного уголовного дела № 1-337/2018 Ленинского районного суда г. Ставрополя.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», п. 11. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://base.garant.ru/1352597/> (дата обращения: 30.11.2023).
6. Статья сайта «Известия» «ФСБ ликвидировала 42 подпольные мастерские по изготовлению оружия и боеприпасов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1592520/2023-10-20/fsb-likvidirovala-42-podpolnye-masterskie-po-izgotovleniu-oruzhiia-i-boeprilasov> (дата обращения: 30.11.2023).
7. Статья сайта «Независимое Телевидение Севастополя» «ФСБ пресекла незаконное изготовление оружия и боеприпасов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nts-tv.com/news/fsb-presekla-nezakonnoe-izgotovlenie-oruzhiya-i-bo-26657> (дата обращения: 30.11.2023).
8. Статья сайта RG.ru «ФСБ задержала в Калининграде «черных оружейников». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/24/reg-szfo/fsb-zaderzhala-v-kaliningrade-chernyh-oruzhejnikov.html> (дата обращения: 30.11.2023).

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

О КРУПНОМ РАЗМЕРЕ УЩЕРБА, КАК ПРИЗНАКЕ СОСТАВА УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

В статье авторами актуализируется вопрос о целесообразности изменения расчета крупного размера ущерба, причиненного имуществу в результате его уничтожения или повреждения по неосторожности, поскольку такой признак исчисляется по правилам в твердой денежной сумме, установленной более двадцати лет назад. Приводятся данные социально-экономического развития России за эти годы, учет которых, по мнению авторов, несомненно, важен при криминализации деяния, предусмотренного ст. 168 УК РФ. Кроме этого, представлен сравнительно-правовой анализ по уголовной ответственности за аналогичные преступные посягательства в уголовном законодательстве других государств. По итогам предлагается вариант для определения крупного размера для состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, чужое имущество, уничтожение или повреждение, неосторожность, крупный размер.

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

ABOUT THE LARGE AMOUNT OF DAMAGE, AS A SIGN OF THE COMPOSITION OF THE DESTRUCTION OR DAMAGE TO SOMEONE ELSE'S PROPERTY BY NEGLIGENCE

In the article, the authors actualize the question of the expediency of changing the calculation of the large amount caused to property as a result of its destruction or damage by negligence, since such a sign is calculated according to the rules in a fixed amount of money established more than twenty years ago. The data on the socio-economic development of Russia over these years are presented, the consideration of which, according to the authors, is undoubtedly important in criminalizing the act provided for in Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, a comparative legal analysis of criminal liability for similar criminal offences in the criminal legislation of other States is presented. As a result, an option is proposed to determine the large size of the corpus delicti provided for in Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: crime, other people's property, destruction or damage, negligence, large size.

Общественная опасность уничтожения или повреждения чужого имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ) определяется как экономическими, так и социально-политическими факторами.

В п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечается, что с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются и такие, как защита всех форм собственности от противоправных посягательств.

В п. 41 Стратегии указано, что обеспечению государственной и общественной безопасности способствует реализация мер, направленных на усиление роли государства как гаранта безопасности личности и прав собственности.

Уголовное законодательство выступает наиболее эффективным механизмом защиты нарушенных прав и свобод от преступного посягательства.

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается, что к основным вызовам и угрозам экономической безопасности относятся наряду с перечисленными в п. 12 и высокий уровень криминализации в экономической сфере.

Соответственно в современных социально-экономических и политических условиях актуально рассмотрение вопроса об изменении размера крупного ущерба применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ.

Долгушина Л. В.

Ступина С. А.

Таблица 1. Сведения о количестве осужденных и уголовной ответственности (ст. 168 УК РФ)

Год	Осуждено	Оправдано	Лишение свободы	Условное лишение свободы	Ограничение свободы	Штраф	Исправительные работы	Обязательные работы	Принудительные меры к неплательщикам
2022	155	2	7	13	19	25	11	67	9
2021	143	0	7	5	10	39	24	47	2
2020	141	0	6	7	9	20	31	58	0
2019	129	1	5	5	14	23	22	52	7
2018	114	0	3	2	10	21	18	56	7
2017	123	1	6	10	8	23	22	45	2
2016	116	0	7	5	12	16	20	37	0

Заметим, что в целом вопросы квалификации уничтожения или повреждения чужого имущества актуализируются в последнее время в части как криминализации, так и декриминализации отдельных признаков состава этого преступления [1, 2].

Размер крупного ущерба, необходимый для квалификации содеянного по ст. 168 УК РФ, определяется в настоящее время в соответствии с установленным критерием в примечании 4 к ст. 158 УК РФ, согласно которому крупным размером в статьях настоящей главы, за исключением частей шестой и седьмой статьи 159, статей 159.1 и 159.5, признается стоимость имущества, превышающая двести пятьдесят тысяч рублей, а особо крупным - один миллион рублей.

Указанная сумма установлена Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», т.е. двадцать лет назад.

Обращение к официальным данным судебной статистики свидетельствуют о том, что за первое полугодие 2023 г. по ст. 168 УК РФ осуждено по основной статье – 76 чел. (осуждено по дополнительной квалификации 7 чел. по 7 составам преступлений).

Указанные данные соответственно по годам, по которым имеются официальные данные, следующие: в 2022 г. – 155 (18 и 18); в 2021 г. – 143 (18 и 19); в 2020 г. – 141 (19 и 19); в 2019 г. – 129 (17 и 17); в 2018 г. – 114 (35 и 35); в 2017 г. – 123 (26 и 26); в 2016 г. – 116 (31 и 31); в 2015 г. – 112 (23 и 23); в 2014 г. – 188 (38 и 38); в 2013 г. – 153 (31 и 31); в 2012 г. – 176 (35 и 35); в 2011 г. – 161 (27 и 27); в 2010 г. – 116 (36 и 37); 2009 г. – 110 (39).

Также часть указанных данных с конкретизацией по видам наказаний и иных мер уголовно-правового характера, назначенных по вступившим в силу приговорам суда лица, осужденным по ст. 168 УК РФ представлены в таблице 1.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики по денежным доходам населения номинальный среднедушевой денежный доход населения, определяемый как абсолютный показатель, отражающий фактически сложившийся в отчетном периоде размер денежных доходов/заработной платы. (в месяц), руб. в 2003 г. составлял 5170 руб., в 2022 г. – 44937 руб.

Медианное значение среднедушевого денежного дохода (медиана), определяемое как уровень дохода, для которого одна половина населения имеет значение среднедушевых денежных доходов ниже медианы, другая половина – выше медианы (в месяц), руб. в 2013 г. составлял 19036, в 2022 г. – 34806.

По данным Росстата инфляция в России по итогам 2023 г. составила 7,42 %, а в 2003 она оценивалась в 11,99 %.

Индекс потребительских цен (базовая инфляция) в % в декабре 2003 г. к предыдущему месяцу составлял 101,10.

В декабре 2023 г. соответственно – 100,73.

Согласно инфляционным показателям в Российской Федерации, опубликованным на сайте Росстата, индекс потребительских цен по состоянию на 2021 год по сравнению с 2003 годом возрос в 3,5 раза. Учитывая изложенное, сумма крупного ущерба в 250 000 рублей может не соответствовать современным экономическим реалиям.

Имеет смысл обратиться к уголовному законодательству дружественных России государств.

В Уголовном кодексе Республике Беларусь¹ (далее – УК РБ) глава 24 «Преступления против собственности» начинается с норм, включающих гипотезы, определяющие хищение и его размеры для нужд указанной главы, которые привязаны к размеру кратному установленной в Республике базовой величине.

Так, например, крупным размером признается размер (ущерб) на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления.

Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества в Республике Беларусь установлена в ст. 219 главы 24 УК РБ, согласно которой для признания преступления окончательным необходимо установить, что было совершено общественно опасное деяние в форме уничтожения либо повреждения чужого имущества по неосторожности и оно повлекло причинение ущерба в особо крупном размере.

Базовая величина в Республике Беларусь устанавливается на один год. 27 декабря 2023 г. принято постановление Совета Министров Республики Беларусь № 944 «Об установлении размера базовой величины», согласно которому она определена в размере 40 BYN.

Соответственно на 1 января 2024 г. этот ущерб должен превышать сумму 10 000 белорусских рублей.

На эту дату по официальному курсу Центрального Банка РФ это примерно 280000 российских рублей, что уже больше, чем установлено в УК РФ.

1 Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2023 г.) // СПС «Континент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://continent-online.com> (дата обращения: 20.01.2024).

Кроме этого, следует учесть и отдельные показатели по доходам населения в Республике Беларусь.

Например, на декабрь 2022 г. согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь денежные доходы населения в расчете на душу населения в месяц 1027,1 белорусских рублей.

В 2022 г. базовая величина согласно 31 декабря 2021 г. Постановления Совета Министров Республики Беларусь № 792 «Об установлении размера базовой величины» составляла 32 BYN.

Таким образом, в 2022 г. для квалификации содеянного по ст. 219 УК РБ необходимо было установить, что причинен ущерб свыше 8000 белорусских рублей, т.е. примерно в 8 раз выше, чем среднедушевой доход населения в этом году.

Среднедушевой доход россиян по итогам 2022 года составил 45,2 тысячи рублей, свидетельствуют данные Росстата.

Соответственно в России установленная для крупного размера сумма в 250000 руб. в 2022 г. примерно в 5,5 раз превышала показатель среднедушевого дохода населения.

В ч. 1 ст. 204 Уголовного кодекса Республики Казахстан² (далее – УК РК), устанавливающей ответственность за неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества, предусмотрены последствия в виде причинения крупного ущерба, который определяется в соответствии со ст. 3 УК РК «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе» для ст. 204 УК РК как стоимость имущества или размер ущерба, в одну тысячу раз превышающие месячный расчетный показатель (пп. 38 ч. 1 ст. 3 УК РК).

Законом Республики Казахстан «О республиканском бюджете на 2024-2026 годы» от 5 декабря 2023 года № 43-VIII утвержден месячный расчетный показатель в размере 3 692 тенге, который по курсу ЦБ РФ примерно составляет 740 рублей и, следовательно, крупный размер для ст. 204 УК РК в российских рублях должен превышать 700 000.

При этом, например, согласно данным Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан среднедушевые номинальные денежные доходы населения по оценке в I квартале 2023 г. составили 168097 тенге, что по курсу ЦБ РФ в этом периоде составляло около 30 000 руб.

Таким образом, очевидно, что оценка крупного размера для состава уничтожения или повреждения чужого имущества по неосторожности по УК РК существенно выше, чем в российском уголовном законодательстве.

Отдельно заметим, что по УК РК по ст. 3 размеры для ущерба определены дифференцировано в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного.

Заметим, что средняя сумма материального ущерба по возбуждаемым органами дознания государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы уголовным делам по ст. 168 УК РФ составляет, как правило, более 500 000 рублей, т.е. на практике используется совершенно справедливый оценочный критерий соотношения причиненного ущерба действительному социально-экономическому уровню дохода населения.

С учетом вышеизложенного, исходя из современных показателей социально-экономической составляющей уровня

жизни населения в Российской Федерации, необходимости учета степени и характера общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 168 УК РФ, целесообразно рассмотрение вопроса об изменении размера крупного ущерба, как обязательного признака объективной стороны уничтожения или повреждения чужого имущества по неосторожности.

Таким образом, актуально рассмотрение вопроса по внесению изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части изменения размера крупного ущерба, необходимого для квалификации преступления по статье 168 УК РФ.

Предлагаем возможным рассмотреть и такой вариант, как изменение способа определения размеров применительно к составам преступлений, предусмотренным главой 21 УК РФ «Преступления против собственности».

В частности, например, по нашему мнению, обоснованно, определить размер крупного ущерба как размер (ущерб) в пятьдесят и более раз превышающий федеральный прожиточный минимум на душу населения в России, установленный на день совершения преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Таланов Н. А., Зорина Е. А., Вахмистрова С. И., Кожевникова Н. А. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 7 (108). – С. 68-74.
2. Елисеев С. А., Черноусова А. В. Спорные вопросы квалификации причинения имущественного ущерба по ст. 168 УК РФ // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 1 (80). – С. 84-89.

² Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.) // СПС «Континент». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://continent-online.com> (дата обращения: 20.01.2024). (Далее – УК РК).

ЕФРЕМОВА Ольга Сергеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России

О НЕКОТОРЫХ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

В научной статье рассматриваются некоторые современные тенденции преступности в сфере информационных технологий, а также компьютерной информации. Проанализированы официальные статистические данные по указанным видам преступности за последние три года. На основе проведенного анализа статистических данных выявлены качественные и количественные показатели изучаемого вида преступности. Рассмотрены научные подходы ученых-криминологов к понятиям «киберпреступность» и «кибертерроризм». Раскрыта классификация мер предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Изучено содержание наиболее эффективных и современных предупредительных мер. Проведен анализ содержания ряда нормативных правовых актов в сфере предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также полномочий некоторых государственных органов в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: преступность, компьютерные преступления, интернет, киберпреступность, кибертерроризм, предупреждение, меры.

EFREMOVA Olga Sergeevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the St. Petersburg University of the FPS of Russia

ON SOME CURRENT TRENDS IN CRIMES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AND THEIR PREVENTION

The scientific article examines some current trends in crime in the field of information technology, as well as computer information. The official statistical data on these types of crime over the past three years have been analyzed. Based on the analysis of statistical data, qualitative and quantitative indicators of the type of crime under study have been identified. The scientific approaches of criminologists are considered to the concepts of «cybercrime» and «cyberterrorism». The classification of measures to prevent crimes committed using information and telecommunication technologies is disclosed. The content of the most effective and modern preventive measures has been studied. The analysis of the content of a number of normative legal acts in the field of preventing crimes committed using information and telecommunication technologies, as well as the powers of some state bodies in this area, is carried out.

Keywords: crime, computer crimes, Internet, cybercrime, cyberterrorism, prevention, measures.

Ефремова О. С.

Стремительное развитие информационных технологий влечет за собой не только положительные, но и негативные тенденции. В криминологической литературе отмечается, что развитие информационно-телекоммуникационных технологий является одной из причин все большего распространения так называемых компьютерных преступлений [4, с. 370].

Повышенная общественная опасность анализируемого вида преступлений выражается в создании и реализации угрозы безопасности информации и в том числе конфиденциального характера, объектам государственной критической инфраструктуры, финансовым средствам и личной жизни граждан.

Согласно официальным статистическим данным МВД России за период с января по ноябрь 2023 года на территории Российской Федерации было зарегистрировано 1 804 800 преступлений, из которых 614 782 совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, то есть 34 % от всех совершенных в 2023 году преступлений.

Таким образом, каждое третье зарегистрированное преступление за отчетный период относится к исследуемому виду преступности, что, несомненно, актуализирует необходимость поиска мер по его предупреждению и научной проработки указанного вопроса.

Удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в общем объеме преступности за 2021-2023 (январь-ноябрь) представлен в таблице 1.

Указанные цифры официальной статистики позволяют нам выявить и отметить ряд тенденций в сфере изучаемого вида преступности. Во-первых, об увеличении количества зарегистрированных преступлений данного вида в 2023 году на 30,8 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 года. Во-вторых, об увеличении удельного веса преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий в общем

количестве зарегистрированных преступлений с показателя каждое четвертое совершенное преступление до показателя каждое третье совершенное преступление.

Рассматривая качественные характеристики преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий необходимо отметить, что:

большинство из них совершается с использованием сети «Интернет» – 77,6 % от общего количества совершенных преступлений;

половина из всех совершенных преступлений рассматриваемого вида являются тяжкими и особо тяжкими – 50,9 %;

ежегодно возрастает количество совершенных преступлений указанного вида с использованием пластиковых (расчетных) карт – 19,9 % в общем количестве совершенных преступлений (рост за отчетный период на 5,1 %);

отмечается значительное увеличение преступлений рассматриваемого вида с использованием средств мобильной связи – 44,8 % из всех совершенных преступлений изучаемого вида (44,9 % прирост в отчетном периоде).

В научной криминологической литературе преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, охватываются понятиями «компьютерное преступление», «киберпреступление», «кибертерроризм», «техностронная преступность» [2, с. 28].

Авторами в целях научной проработки данного вопроса и исследования указанного вида преступности формулируются дефиниции вышеуказанных понятий, раскрываются особенности преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, их причины и условия, личность преступника, а также предлагается комплекс мер по их предупреждению.

По мнению А. И. Фоменко, А. А. Арзуманяна, Е. В. Собакаревой современная киберпреступность является международной угрозой требующей соответствующей реакции государственных органов. В сфере киберпреступности в последнее

Таблица 1. Удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в общем объеме преступности за 2021-2023 (январь-ноябрь)

Отчетный период	2021	2022	2023
Всего зарегистрировано преступлений	1 853 100	1 823 300	1 804 800
Преступлений, совершенных с использованием информационно телекоммуникационных технологий	494 126	470 143	614 782
Процентное соотношение от общего числа совершенных преступлений	26,7	25,8 %	34 %

время увеличивается количество таких явлений как треш-стримы и киберсталкинг [7, с. 142].

Данное умозаключение относится и к другому упомянутому нами термину «кибертерроризм». Проваткина В. Е. и Квасникова Т. В. отмечая повышенную общественную опасность кибертерроризма указывают, что данное преступление направлено на сайты государственных органов, системы государственных предприятий, в том числе оборонно-промышленного комплекса, взлом баз данных, в том числе содержащих конфиденциальную и секретную информацию. Тем самым главными целями кибертерроризма выступают дестабилизация деятельности отдельного государства, а также нанесение как можно большего ущерба всем сферам жизнедеятельности [5, с. 228].

В сфере предупреждения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (киберпреступлений), по нашему мнению, важен комплексный подход, включающий в себя три основных составляющие: пресечение, предотвращение и профилактику.

Важное место в указанном процессе отводится разрабатываемой и реализуемой государственной политике в указанной области общественных отношений, а также своевременному реагированию государственных органов на изменяющуюся обстановку в сфере киберпреступности.

Шхагапсоев З. Л. отмечает ключевую роль органов внутренних дел в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (ИТ-преступлений). Автор говорит о необходимости разработки на государственном уровне специальной программы, предусматривающей систематическое информирование населения о правилах работы с цифровыми устройствами [8, с. 132].

В структуре МВД РФ функции по предупреждению преступлений рассматриваемого вида возлагаются на Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (УБК МВД России).

В сфере предупреждения преступлений изучаемого вида УБК МВД осуществляется апробация в оперативно-служебной деятельности новых технологий, аппаратных и программных средств, методик и разработок.

В связи с тем, что, по нашему мнению, тенденция на увеличение преступлений, совершаемых в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, может сохраниться, киберпреступники быстро и эффективно адаптируются к развитию и обновлению современных высоких технологий в предупреждении преступлений изучаемого вида необходима выработка современных мер и в том числе использование современных программных и аппаратных средств.

Одно из ведущих мест в указанном направлении, по нашему мнению, должно отводиться Федеральной службе по техническому и экспортному контролю (далее – ФСТЭК). ФСТЭК является органом государственной власти, который занимается регулированием отношений в области технической защиты информации. ФСТЭК разработан ряд документов, способных оказать общее профилактическое воздействие в сфере предупреждения изучаемого вида преступности. Среди них можно упомянуть Приказ ФСТЭК от 25 декабря 2017 г. № 239 «Об утверждении требований по обеспечению безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» и ряд других аналогичных документов указанного ведомства.

В сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, важное место отведено реализации ряда стратегических и директивных документов и нормативных правовых актов.

К их числу можно отнести Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

Указанные нормативные документы направлены на общую профилактику преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Среди ряда эффективных и действенных мер противодействия изучаемому виду преступности, по нашему мнению, особо следует заострить внимание на следующих:

1) создание и функционирование кибердружин (народных дружин);

2) лицензирование деятельности физических и юридических в высокотехнологичных сферах [3, с. 20];

3) наличие в штатной структуре организаций высококвалифицированных специалистов в сфере ИТ (специалисты по технической защите информации, специалисты в сфере информационной безопасности), которые осуществляют деятельность посредством специализированных защищенных каналов связи и оказывают поддержку в предотвращении, профилактике, раскрытии и расследовании киберпреступлений [1, с. 374].

Тутузбаев Г. А. в сфере предупреждения преступлений изучаемого вида предлагает установить тесную связь и взаимодействие в рассматриваемой сфере правоохранительных органов, государственных, общественных и коммерческих структур [6, с. 170].

Таким образом, проведенный в статье анализ современных тенденций преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий позволил нам сделать вывод о высокой актуальности их предупреждения. В сфере предупреждения указанных видов преступлений необходимы комплексный подход, своевременная выработка и реализации новых и современных предупредительных мер, участие государственных органов в выработке эффективной политики противодействия киберпреступлениям и кибертерроризму.

Пристатейный библиографический список

- Абаев Н. Б. Новые тенденции в противодействии кибертерроризму // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 374-375.
- Балашов А. А. Виды киберпреступлений и их опасность. В сборнике: Информационные технологии как основа эффективного инновационного развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2024. – С. 28-31.
- Евдокимов К. Н. Противодействие компьютерной преступности: теория, законодательство, практика: автореферат дис. ... доктора юридических наук. – Москва, 2022. – 73 с.
- Киселев А. С., Горбунова К. А. Особенности криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации // Актуальные проблемы государства и права. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 370-378. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2023-7-3-370-378>.
- Проваткина В. Е., Квасникова Т. В. Современные тенденции в противодействии кибертерроризму // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 7-2 (82). – С. 226-230.
- Тутузбаев Г. А. Преступления в сфере информационных технологий и сфере компьютерной информации // Охрана, безопасность, связь. – 2023. – № 8-2. – С. 150-179.
- Фоменко А. И., Арзумян А. А., Собакарева Е. В. Об использовании зарубежного опыта противодействия киберпреступности в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2024. – № 1 (164). – С. 141-143.
- Шхагапсоев З. Л. К вопросу о роли органов внутренних дел в предупреждении преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий (ИТ-преступлений) // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 131-134.

КАПИЦА Вячеслав Станиславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

КАПИЦА Татьяна Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

БУШКОВ Денис Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, г. Краснодар

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматривается обусловленность изменений и дополнений в уголовном законодательстве РФ с учетом современных условий и вызовов. Обосновываются тенденции уголовной политики и практики по противодействию преступным посягательствам против общественной безопасности, общественного порядка и государственной власти. Содержание работы представляет из себя анализ изменений норм, предусматривающих уголовную ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, терроризм, диверсию. На основании проведенного исследования, авторами формулируются некоторые предложения по дополнению уголовного законодательства РФ.

Ключевые слова: уголовно-правовая политика, обусловленность уголовного закона, противодействие терроризму, диверсия, заведомо ложная информация, содержащая данные об использовании Вооруженных сил Российской Федерации.

KAPITSA Vyacheslav Stanislavovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

KAPITSA Tatyana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

BUSHKOV Denis Valerjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Caucasian branch of the Russian State University of Justice, Krasnodar

THE CONDITIONALITY OF CHANGES IN THE CRIMINAL LAW AS A TOOL FOR COUNTERING CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY, PUBLIC ORDER, AND STATE POWER

The article examines the conditionality of changes and additions to the criminal legislation of the Russian Federation, taking into account modern conditions and challenges. The trends in criminal policy and practice to counter criminal attacks against public safety, public order and state power are substantiated. The content of the work is an analysis of changes in the norms providing for criminal liability for public dissemination, under the guise of reliable messages, of knowingly false information containing data on the use of the Armed Forces of the Russian Federation, terrorism, and sabotage. Based on the research, the authors formulate some proposals to supplement the criminal legislation of the Russian Federation.

Keywords: criminal legal policy, conditionality of the criminal law, countering terrorism, sabotage, deliberately false information containing data on the use of the Armed Forces of the Russian Federation.

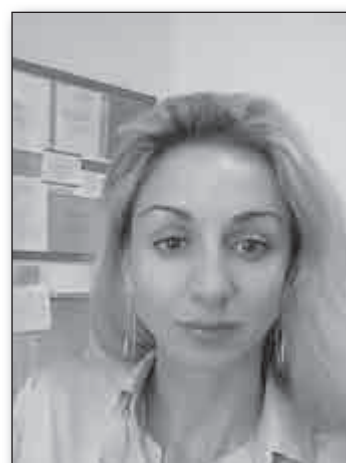
В условиях быстрого развития технологий, геополитических изменений и экономических трансформаций, уголовно-правовая политика должна поддерживать порядок в обществе, адаптируясь к новым формам преступлений. Способность реагировать на киберугрозы, терроризм, коррупцию и другие вызовы становится ключевым элементом обеспечения стабильности внутри страны.

В современном мире, где динамичные изменения происходят с поразительной скоростью, неотъемлемым свойством уголовной политики является ее способность адаптироваться к новым реалиям.

В настоящее время государство вынуждено адаптироваться к особенностям геополитической ситуации, при реализации уголовно – правовой политики, в том числе учи-

Капица В. А.

Капица Т. А.

Бушков Д. В.

тывая фактор Специальной военной операции на Украине (далее - СВО). Введение новых составов преступлений, связанных в том числе с военными действиями, является ответом на изменяющиеся условия, социальные потребности и потребности национальной безопасности.

Важным аспектом уголовно-правовой политики является также служение национальным интересам. В условиях геополитических напряжений, создающих ощутимые угрозы обществу и безопасности государства, политика должна обеспечивать защиту суверенитета, территориальной целостности и других важных национальных интересов. Ужесточение ответственности за военные преступления и деяния, связанные с национальной безопасностью, является неотъемлемой частью этой политики.

Гибкость уголовно-правовой политики, необходимость реагировать на вызовы времени и в то же время поддерживать порядок в обществе, служить национальным интересам, является основой устойчивости государства. Она обеспечивает баланс между соблюдением законов, защитой общества от преступности и поддержанием национальной безопасности. В этом контексте, современная уголовно-правовая политика становится ключевым инструментом формирования правового государства, способного эффективно справляться с вызовами современности и обеспечивать благополучие своих граждан.

В последнее время проявляется тенденция к ускорению динамики развития уголовного закона и совершенствования правоприменительной практики в обеспечение защиты общества и государства от вышеуказанных угроз.

Обусловленность таких процессов не вызывает сомнения, ввиду того, что за последнее время существенно возросло число преступлений, направленных на дестабилизацию внутригосударственных процессов.

В 2022-2023 гг. в Уголовной Кодекс Российской Федерации внесены изменения, направленные на борьбу с рассматриваемыми деструктивными деяниями.

Так, Федеральным законом от 04.03.2022 № 32-ФЗ в Уголовный Кодекс Российской Федерации была введена статья 207.3 устанавливающая ответственность за «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности либо об исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно содержащей данные об оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации».

Необходимость введения данной нормы с последующими дополнениями очевидна. Только за 6 месяцев 2022г. по ч. 1 ст. 207.3 осуждено восемь лиц, по ч. 2 осуждено 6 лиц [1]. Несмотря на то, что статистические данные за 2023 год в настоящий момент не опубликованы, по результатам 2023 года, прогнозируется существенный рост количества рассматриваемых преступлений. Федеральным законом от 25.12.2023 № 641-ФЗ норма была дополнена ответственностью за распространение ложной информации о добровольческих формированиях, организациях и физлицах, которые оказывают содействие нацгвардии, и за их дискредитацию. В силу широкого распространения волонтерской и иной деятельности, направленной на содействие армии и вооруженным формированиям, обусловлена необходимость уголовно – правовой защиты участников этой деятельности.

Очевидным остается тот факт, что преступление, предусмотренное ст. 207.3 посягает на общественную безопасность и создает угрозу дестабилизации общественного порядка,

подрывая доверие граждан к Вооруженным Силам Российской Федерации и создает деструктивный фон деятельности государства и общества. Совершение такого рода преступлений может приводить и к более тяжелым последствиям. На наш взгляд, введение данной нормы является социально обусловленной мерой противодействия такого рода преступной деятельности.

Еще одним обусловленным дополнением уголовного законодательства является введение Федеральным законом от 28.04.2023 № 157-ФЗ некоторых изменений касательно преступлений против общественной безопасности и государственной власти.

Так, в частности был увеличен срок максимального наказания за совершение террористического акта, предусмотренного ст. 205 УК РФ с пятнадцати до двадцати лет лишения свободы. Дискуссия о необходимости ужесточения наказания за терроризм ведется достаточно продолжительное время. Ряд ученых высказывается за увеличение сроков лишения свободы и применения дополнительных наказаний за преступления террористического характера. В работе «Совершенствование уголовной ответственности за преступления террористической направленности», авторы справедливо отмечают, что «С учетом степени общественной опасности преступлений террористической направленности необходимо повысить меру уголовной ответственности за них и ввести дополнительные виды наказания за лишением свободы на определенный срок, пожизненному заключению либо смертной казни» [2]. В свою очередь Е. А. Капитанова в статье «Уголовная ответственность за терроризм» излагает схожую позицию. Не смотря на специфику рассматриваемого автором террористического акта, вывод примерно схож: «В связи с этим в рамках повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с терроризмом автор статьи считает крайне необходимым урегулировать вопрос о привлечении к повышенной уголовной ответственности за совершение теракта, сопряженного с посягательством на объекты транспортной инфраструктуры» [3].

Бесспорным является то, что назрела необходимость совершенствования уголовно – правовых мер противодействия террористическим проявлениям. В этом вопросе законодатель, в определенной части, реализовал запрос на ужесточение уголовной политики. Обусловленность увеличения наказания за рассматриваемые преступления объясняется повышенной общественной опасностью самого преступления. Террористический акт является умышленным преступлением. Лица, совершающие это деяние, всегда рассчитывают на большое количество жертв и причинение значительного ущерба, не считаясь с чувством сострадания и очевидно тяжелыми последствиями в результате совершения преступления. Соответственно являясь особо опасными преступниками такие лица должны быть подвергнуты более тяжелому наказанию и максимально продолжительному периоду изоляции от общества.

Судебная практика пошла тем же путем. Одним из наиболее резонансных приговоров по делу о терроризме последнего времени стал приговор Второго Западного окружного военного суда в отношении Д. Треповой. По совокупности совершенных деяний террористка была проговорена к лишению свободы, сроком 27 лет, с отбыванием в колонии общего режима. К слову сказать, данный приговор является беспрецедентным в современной истории России. Данный приговор отражает ужесточение уголовной политики Российской Федерации в отношении лиц, совершающих преступления террористического характера. Такие меры, на наш взгляд выглядят вполне обосновано, исходя из общественной опасности совершенного преступления, с учетом сложившейся внешне и внутригосударственной обстановки.

В контексте сложившейся ситуации заметно растет и количество преступлений против государственной власти.

В частности, прослеживается рост преступлений, предусмотренных ст.ст. 275,276,280,280.1,280.2,281 УК РФ и других смежных составов. Этим объясняется и совершенствование уголовно – правовых мер, направленных на противодействие таким преступным посягательствам. Так, Федеральным законом от 28.04.2023 № 157-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены дополнения в санкцию ст. 275 УК РФ в виде увеличения срока лишения свободы за совершенную государственную измену вплоть до пожизненного лишения свободы.

Кроме прочего, указанный Федеральный закон вносит изменения в редакцию ст. 281 УК РФ. Данная норма предусматривает наказание за диверсию. Изменения коснулись срока лишения свободы за совершение рассматриваемого преступления. В новой редакции нормы, максимальный срок лишения свободы за диверсию предусмотрен в виде двадцати лет лишения свободы, что существенно выше, чем до внесенных изменений. Ранее, максимальный срок лишения свободы по данной норме составлял пятнадцать лет лишения свободы.

Кроме указанного изменения законодатель, так же дополнил диспозицию первой части статьи, добавив ущерб в виде «вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации». Дополнения так же внесены и в квалифицированные составы ст. 281 УК РФ. Так, ч. 2. была дополнена п. «в» - «сопряженные с посягательством на объекты федерального органа исполнительной власти в области обороны, Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов государственной власти, привлекаемых для выполнения отдельных задач в области обороны, а также на объекты топливно-энергетического комплекса и организаций оборонно-промышленного комплекса». Часть третья в свою очередь дополнена п. «а», «б». Нововведением стало добавление в ч. 3 п. «а» - Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они:

а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов.

Безусловно, изменения в представленной норме отвечают современным вызовам и сложившейся обстановке. Только за последние несколько месяцев, правоохранными органами были задержаны несколько десятков лиц, совершивших или готовящихся к совершению диверсии.

Однако, сожаление вызывает факт отсутствия в ст. 281 УК РФ ответственности за организацию диверсии. Персонализация ответственности за организацию диверсии в полной мере отвечает принципам российского уголовного законодательства, имея ввиду принцип справедливости. В данном контексте считаем целесообразным дополнения действующей нормы персонализированной ответственностью за организацию диверсии и установление наиболее тяжкого наказания лицам, осуществляющим такую деструктивную деятельность, вплоть до пожизненного лишения свободы.

УК РСФСР 1960 года, рассматривал диверсию как особо опасное преступление против государственной власти, в ст. 68 УК РСФСР за диверсию было предусмотрено максимальное наказание в виде смертной казни. Рассматриваемая норма устанавливала диверсию как средство «ослабления Советского государства», что выглядит вполне оправданным исходя из общественной опасности данного преступления. В своей сути цели диверсии не изменились и сегодня. По этому поводу М. Д. Давитадзе пишет: «диверсия по своей сути, осо-

бенно в мирное время, если она осуществляется завуалировано (под прикрытием благих намерений) с далеко идущим разрушительным планом против интересов страны, представляет гораздо более существенную опасность против основ конституционного строя и безопасности государства, чем те же террористические акты или же действия, указанные в ч. 1 ст. 281 УК РФ» [4]. С этим мнением стоит согласиться, особенно с учетом сегодняшней сложившейся ситуации.

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 281 следующим содержанием: «Организация указанных действий, а равно координация действий лиц, совершающих указанные действия, либо руководство такими действиями, разработка планов и создание условий для совершения указанных действий – наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы или пожизненным лишением свободы».

В целом, подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить обусловленность ужесточения наказания, целесообразность уголовно – правовых мер противодействия, своевременность и необходимость способов борьбы с преступлениями против общественной безопасности, общественного порядка и государственной власти, в силу внешних и внутренних угроз современного времени.

Пристатейный библиографический список

1. Агентство правовой информации// Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (Дата обращения 02.02.2024 г.)
2. Кокоева Л. Т., Колиева А. Э., Гармышев Я. В. Совершенствование уголовной ответственности за преступления террористической направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 1. С. 128. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-prestupleniya-terroristicheskoy-napravlenosti> (дата обращения: 02.02.2024).
3. Капитонова Е. А. Уголовная ответственность за терроризм // Lex Russica. 2016. № 7 (116). С. 82. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-terrorizm> (дата обращения: 02.02.2024).
4. Давитадзе М. Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 171. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-diversiyu> (дата обращения: 05.02.2024).

КОЧКУРОВА Юлия Юрьевна

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Статья посвящена анализу проблем, связанных с назначением и исполнением уголовного наказания в виде принудительных работ в Российской Федерации. Авторы рассматривают ключевые аспекты, связанные с правовым регулированием и практическим применением данного вида наказания, начиная с его законодательного закрепления в Уголовном кодексе РФ в 2011 году и заканчивая текущими проблемами в области образования осуждённых к принудительным работам. В статье подробно анализируются вопросы, связанные с несовершенством нормативной базы, которая регулирует процесс назначения, исполнения и отбывания принудительных работ, а также предлагаются конкретные пути улучшения существующего законодательства для устранения обнаруженных проблем и противоречий. Авторы делают акцент на необходимости согласования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства с фундаментальными нормативными актами и на важности внедрения предложенных изменений для повышения эффективности работы исправительных центров.

Ключевые слова: принудительные работы, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ, исправительные центры, образование осуждённых, нормативное регулирование, уголовное наказание, исполнение наказаний, нормативные пробелы, законодательные изменения.

KOCHKUROVA Yuliya Yurjevna

postgraduate student of Criminal law disciplines sub-faculty of the I. N. Ulyanov Chuvash State University

PROBLEMS OF APPOINTMENT AND IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR

The article is devoted to the analysis of problems related to the appointment and implementation of criminal punishment in the form of forced labor in the Russian Federation. The authors consider key aspects related to the legal regulation and practical application of this type of punishment, starting from its legislative consolidation in the Criminal Code of the Russian Federation in 2011 and ending with current problems in the field of educating convicts for forced labor. The article provides a detailed analysis of issues related to the imperfection of the regulatory framework that regulates the process of appointing, executing, and serving forced labor, as well as specific ways to improve existing legislation to eliminate the identified problems and contradictions. The authors emphasize the need to harmonize criminal and criminal-executive legislation with fundamental normative acts and the importance of implementing the proposed changes to increase the efficiency of correctional facilities.

Keywords: forced labor, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Executive Code of the Russian Federation, correctional facilities, education of convicts, regulatory regulation, criminal punishment, execution of punishments, regulatory gaps, legislative changes.

Процессы гуманизации, повсеместно проникающие во все сферы публичных правоотношений, закономерно вызывают широкомасштабные реформы в различных сегментах национального правового регулирования, включая уголовное процессуальное, уголовное, уголовно-исполнительное и другие правовые области. В частности, произошло глубокое изменение в системе уголовных наказаний, особенно в отношении расширения системы наказаний, не связанных с лишением свободы, благодаря введению новелл в виде обязательных и принудительных работ, ограничения свободы и ареста в разное время. Это также включало четкое определение и юридическое регулирование процедур применения этих мер.

Введение принудительных работ как формы уголовного наказания было официально закреплено в статье 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] в 2011 году, тогда как исправительный центр, задачей которого является исполнение этого вида наказания, был законодательно установлен в статье 16 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) [2] еще в 2001 году, с указанием на то, что они будут отвечать за исполнение наказания в виде ограничения свободы.

Между 2001 и 2011 годами произошли значительные изменения, в сущности, и юридическом статусе ограничения свободы, что привело к перераспределению обязанностей по их исполнению между уголовно-исполнительными инспекциями, в то время как исправительные центры должны были

заниматься принудительными работами, хотя на практике это начало реализовываться только в 2017 году.

Значимость принудительных работ в качестве уголовного наказания подтверждается Концепцией развития системы исполнения уголовных наказаний в Российской Федерации до 2030 года, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 29 апреля 2021 года № 1138-р [9]. В этом документе указывается на важность увеличения количества и совершенствования сети исправительных центров (далее - ИЦ) как одного из ключевых заданий перед уголовно-исполнительной системой. К началу введения судебной практики назначения принудительных работ в России функционировало лишь два ИЦ, тогда как по данным на 1 ноября 2022 года, согласно статистике Федеральной службы исполнения наказаний, число ИЦ возросло до 43, а количество отдельных участков, действующих в рамках ИЦ (УФИЦ), достигло 252. По состоянию на момент написания настоящего исследования общее количество ИЦ и УФИЦ составляет 388 [13].

Увеличение числа ИЦ и УФИЦ и рост числа осужденных, отбывающих в них наказание, стали предметом научного интереса. Исследователи анализируют историю, теоретические основы, правовую регуляцию и организацию процесса назначения и исполнения принудительных работ. В частности, вопросы привлечения к общественно полезному труду, проблемы изъятия у осужденных запрещенных предметов, а также профилактику криминальной субкультуры в ИЦ становятся предметом научных изысканий.

Принудительные работы как форма наказания обязывают осужденного к труду, ограничивая его свободу передвижения, но при этом способствуют экономической выгоде как для самого осужденного, так и для государства. Такое наказание не только обеспечивает возможность поддержания социально значимых связей для осужденных, но и способствует их более легкой адаптации и возвращению в общество после отбытия наказания. В процессе исполнения принудительных работ применяются различные методы исправления осужденных, предусмотренные статьёй 9 УИК РФ.

Важное внимание уделяется вовлечению заключенных в деятельность, приносящую пользу обществу, при этом в исправительных центрах и учреждениях федеральной исполнительной службы строго соблюдаются установленные режимы. Проводится педагогическая и социальная работа с заключенными, которые имеют возможность обучаться и приобретать новые профессиональные навыки.

Однако, анализируя нормативные документы, касающиеся принудительных работ, обнаруживаются юридические несоответствия и пробелы. В. Ф. Лапшин указывает на недочеты в законодательной системе, касающейся принудительного труда, и выдвигает идею о том, что вместо введения дополнительных форм уголовных санкций следует уделить внимание облегчению условий выполнения наказаний, связанных с ограничением свободы [11].

Проблемы возникали из-за несоответствия между возрастными границами, установленными для назначения принудительных работ, и возрастом, дающим право на пенсию по старости согласно федеральному законодательству [12]. Предложено было устранить эти несоответствия, делая основным критерием возраст, установленный законом о страховых пенсиях, что было реализовано через соответствующие законодательные изменения.

Наконец, устранение давнего несоответствия в УК РФ было достигнуто благодаря принятию нового федерального закона, что является значимым шагом в усовершенствовании правового регулирования в этой области. В дополнение, предстоящие изменения, касающиеся исполнения и отбывания принудительных работ, вступят в силу, улучшая процесс исполнения наказаний.

Пример актуального ответа законодательной власти на юридические противоречия, касающиеся назначения, выполнения и прохождения принудительных работ, является принятие Федерального закона № 497-ФЗ от 5 декабря 2022 года, [6] который вносит поправки в Федеральный закон «Об общественном контроле за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания и поддержке лиц, находящихся в таких местах». В числе тех, кто может получать предложения, заявления и жалобы от осужденных, указаны общественные наблюдательные комиссии, действующие в рамках статьи 23 УИК РФ и Федерального закона № 76-ФЗ от 10 июня 2008 года, регулирующего общественный контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания [7].

С 2017 по 2022 год в РФ существовали расхождения между законодательством о общественном контроле в исправительных центрах, которые были устранены в 2023 году внесением соответствующих центров в список ФЗ № 76. Однако в правовой системе остаются пробелы, затрудняющие интерпретацию и применение законов, особенно в отношении специфических категорий осужденных, таких как беременные женщины и инвалиды. Предусмотрены меры для облегчения процессов досрочного освобождения или получения отсрочки наказания для таких категорий, подчеркивая важность оперативности процедур для предотвращения задержек и препятствий в исполнении наказаний.

Теперь обратим внимание на анализ нормативно-правовых документов подзаконного характера. Основываясь на ПВР ИЦ, которые были введены в действие распоряжением Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 года № 110 [10], устанавливается набор объектов и материалов, приобретенные, хранящиеся и использование которых лицами, отбывающими наказание в виде принудительных работ, является недопустимым (Приложение № 1 к ПВР ИЦ).

Список недозволённых к использованию объектов включает, в том числе, объекты, продукцию и материалы, исключённые из общедоступного использования. В статье 2 части 1 Гражданского кодекса РФ [3] (далее - ГК РФ) лишь кратко упомянут термин «общедоступное использование», что не позволяет сформировать полное понимание его сущности и тех элементов, которые подлежат исключению.

Фактически, ГК РФ не содержит исчерпывающего списка объектов, продукции и материалов, исключённых из общедоступного использования. Однако они получают свою детализацию в Указе Президента РФ от 22 февраля 1992 года №179 [8].

Исходя из этих данных, трудно представить, что подобные объекты могут быть найдены у лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ. В качестве примера объектов, исключённых из общедоступного использования и потенциально находящихся у осужденного, можно привести поддельную продукцию, хотя для этого необходимо подтверждение нелегального происхождения товара. Считаем, что данный аспект Приложения № 1 к ПО ИЦ требует дополнительной детализации, возможно, через специальный документ, разработанный на уровне территориального подразделения системы исполнения наказаний.

Среди объектов, использование которых запрещено согласно ПВР ИЦ, указаны все типы алкогольных напитков, дрожжи; при этом часть 2 статьи 60.15 Уголовно-исполнительного кодекса РФ классифицирует употребление алкогольных напитков как грубое нарушение режима и условий отбывания принудительных работ.

Проанализируем изменения в регулировании, касающиеся норм и правил, связанных с алкогольной продукцией согласно Федеральному закону от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и ограничении потребления алкоголя» [5]. В этом законе в статье 2 определены категории алкогольной продукции, включая различные виды винодельческих изделий, пиво и продукты на его основе, сидр, пуаре и медовуху. Отталкиваясь от определений данного закона, становится очевидно, что только употребление спиртных напитков, таких как водка и коньяк, может рассматриваться как серьёзное нарушение по части 2 статьи 60.15 УИК РФ, тогда как потребление вина, шампанского или пива не влечёт за собой подобных последствий. В связи с этим предложено пересмотреть формулировку пункта «а» части 2 статьи 60.15 УИК РФ, чтобы она отражала употребление любой алкогольной продукции.

Кроме того, в контексте правил, регулирующих жизнь в исправительных учреждениях, обнаруживается несоответствие между упомянутым федеральным законом и Правилами внутреннего распорядка исправительных центров, утверждёнными приказом Минюста России, особенно в части, касающейся алкогольных напитков. Несмотря на то, что в новой редакции ПВР ИЦ 2022 года была возможность привести терминологию в соответствие с действующим законодательством, это не было сделано.

Отдельное внимание заслуживает пункт, касающийся татуировочного оборудования, который, по-прежнему остаётся в списке запрещённых предметов несмотря на то, что сам акт нанесения татуировок не рассматривается как нарушение в контексте принудительных работ, в отличие от ситуации с лицами, лишёнными свободы.

Дополнительно стоит упомянуть о правах осужденных к принудительным работам, особенно в части предоставления возможности обращения с различными запросами и жалобами в органы, осуществляющие контроль за исполнением наказаний. При этом осуждённые имеют право направлять свои обращения самостоятельно, что противоречит логике, согласно которой такие обращения должны проходить через администрацию исправительных центров, учитывая, что эти учреждения признаны местами принудительного содержания.

В заключение, анализ нормативной базы и практики её применения в области регулирования жизнедеятельности в исправительных центрах выявляет необходимость дальней-

шего совершенствования законодательства, чтобы обеспечить его соответствие современным требованиям и общепринятым стандартам.

Для усовершенствования законодательной базы в области исполнения уголовных наказаний, предлагается внести ряд изменений и дополнений в УИК РФ, а также в ПВР ИЦ. Эти изменения направлены на обеспечение более четкого и прозрачного механизма взаимодействия осужденных к принудительным работам с различными институциями и лицами, а также на улучшение условий содержания осужденных.

Во-первых, предлагается дополнить четвертую часть статьи 15 УИК РФ новым пунктом, который будет регламентировать процесс подачи и рассмотрения обращений, заявлений и жалоб осужденных, исполняющих наказание в виде принудительных работ. Это изменение предполагает создание четкого порядка отправки таких обращений через администрацию исправительных центров, обеспечивая тем самым право осужденных на обжалование условий содержания и порядка исполнения наказания.

Во-вторых, необходимо расширить положения статьи 23 УИК РФ, включив в нее раздел, посвященный детальному описанию процедур организации и проведения встреч осужденных с членами общественных наблюдательных комиссий. Это позволит укрепить контроль за соблюдением прав осужденных и улучшить условия их содержания за счет регулярной внешней проверки.

В-третьих, предлагается ввести в ПВР ИЦ специальный раздел, который будет полностью посвящен порядку подачи и рассмотрения претензий, заявлений, ходатайств и жалоб осужденных к принудительным работам. Этот раздел будет дополнением к статье 15 УИК РФ и направлен на обеспечение осужденных дополнительными гарантиями защиты их прав и законных интересов.

Согласно пункту 122 ПВР ИЦ, предусмотрена возможность введения особых условий в исправительных центрах. Однако УИК РФ и ПВР ИЦ не содержат четких критериев и порядка применения таких мер. Поэтому предлагается дополнить ПВР ИЦ разделом, описывающим эти аспекты.

Кроме того, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» упоминает в статье 80 о правах осужденных к принудительным работам на получение образования дистанционно [4]. Тем не менее, существующие нормативные документы лишь повторяют это положение, не внося ясности в процесс. Следовательно, требуется более детализованное регулирование этого вопроса.

Изложенное демонстрирует, что несмотря на принятие нововведений в законодательстве, регулирование принудительных работ остаётся недостаточно разработанным и требует дальнейшей доработки. В статье определены ключевые проблемные моменты в процессе назначения, исполнения и отбывания данного вида наказания и предложены способы нормативного урегулирования для их устранения. Внедрение предложенных изменений позволит согласовать уголовное и уголовно-исполнительное законодательство с фундаментальными нормативными актами, а также устранить пробелы и противоречия, мешающие эффективной работе исправительных центров.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 01.02.2024).
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 01.02.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2023) // Доступ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/)

4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 01.02.2024).
5. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // Доступ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/) (дата обращения: 01.02.2024).
6. Федеральный закон от 05.12.2022 № 497-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.06.2023) // Доступ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/) (дата обращения: 01.02.2024).
7. Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.06.2023) // Доступ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/) (дата обращения: 01.02.2024).
8. Указ Президента РФ от 22.02.1992 № 179 (ред. от 17.03.2020) «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/) (дата обращения: 01.02.2024).
9. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р (ред. от 27.05.2023) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] // Доступ: СПС «Консультант Плюс Проф» (дата обращения: 01.02.2024).
10. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69157) // Доступ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/) (дата обращения: 01.02.2024).
11. Лапшин В. Ф. Принудительные работы как вид «внесистемного» уголовного наказания // Журнал российского права. 2021. № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-kak-vid-vnesistemnogo-ugolovnogo-nakazaniya> (дата обращения: 01.02.2024).
12. Некрасов А. П., Устинов А. А. Некоторые вопросы правовой регламентации содержания осужденных к принудительным работам // Вестник ВУиТ. 2021. № 2 (98). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-pravovoy-reglamentatsii-soderzhaniya-osuzhdennykh-k-prinuditelnyum-rabotam> (дата обращения: 01.02.2024).
13. Федеральная служба исполнения наказания. Исправительные центры // Доступ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://](https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/) (дата обращения: 01.02.2024).

КРЫЛОВА Наталия Алексеевна

старший юрисконсульт Правового отдела Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному Федеральному округу
подполковник внутренней службы, адъюнкт 3 курса, кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России

ПОНЯТИЕ СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И НЕОБХОДИМОСТЬ СОБЛЮДЕНИЯ УСТАНОВЛЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ, ДЛЯ ПРИДАНИЯ ИМ ДОКАЗАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ПОДДЕЛКОЙ ДОКУМЕНТОВ ПО СТ. 327 УК РФ

В статье исследуется стадия сбора доказательств, у которой одним из важнейших интегративных свойств является полезный результат, посредством которого достигается доказывание. Автор приходит к выводу, что в основе целеполагания сбора доказательств по уголовному делу лежит разработка и реализация последовательного осуществления целенаправленных действий, которые обеспечивают получение необходимых и ожидаемых результатов, надлежащим образом зафиксированных и способствующих разрешению уголовного дела по существу. Автором делается также вывод о том, что сбор доказательств основан на обнаружении, поиске, восприятии и закреплении информации (фиксации), изъятии и сохранении любых сведений, которые могут служить доказательством в уголовном деле, в случае соблюдения установленных требований, касающихся их надлежащей фиксации, а также прохождения ими стадии проверки и оценки. Только после этого такие доказательства могут быть положены в основу судебного правомерного решения.

Ключевые слова: сбор доказательств, целеполагание сбора доказательств, поиск, восприятие, надлежащая фиксация, доказывание, уголовное дело, проверка доказательства, оценка доказательства.

KRYLOVA Nataliya Alexeevna

Senior legal adviser of the Legal Department of the Transport Department of the MIA of Russia for the North-Western Federal District, lieutenant colonel of the internal service, adjunct of the 3rd course of Criminal process sub-faculty of the St. Petersburg University of the MIA of Russia

THE CONCEPT OF COLLECTING EVIDENCE AND THE NEED TO COMPLY WITH ESTABLISHED REQUIREMENTS IN ORDER TO GIVE IT EVIDENTIARY VALUE IN CRIMINAL CASES INVOLVING FORGERY OF DOCUMENTS UNDER ART. 327 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the stage of collecting evidence, in which one of the most important integrative properties is the useful result through which proof is achieved. The author comes to the conclusion that the basis for goal-setting for collecting evidence in a criminal case is the development and implementation of consistent, targeted actions that ensure the receipt of the necessary and expected results, properly recorded and contributing to the resolution of the criminal case on the merits. The author also concludes that the collection of evidence is based on the discovery, search, perception and consolidation of information (recording), seizure and preservation of any information that can serve as evidence in a criminal case, if the established requirements regarding their proper recording are met, as well as passing through the verification and evaluation stage. Only after this can such evidence be used as the basis for a legal decision.

Keywords: collection of evidence, goal setting for collecting evidence, search, perception, proper recording, proof, criminal case, verification of evidence, evaluation of evidence.

Доказывание по уголовным делам, в том числе по делам о преступлениях, связанных с подделкой, сбытом и использованием поддельных документов (например, ст. 327 УК РФ [2]), по своей сути это процесс познания. Процессуальное доказывание по своему гносеологическому [5, с. 5] характеру обусловлено необходимостью выявления и исследования по оставленным следам обстоятельств преступления ранее неизвестных по уголовному делу.

В научной литературе значительное число ученых отождествляет понятие доказывание с процессуальным познанием, при этом указывая, что доказывание является не только сбором, проверкой и оценкой фактических данных, но и обоснование выводов, к которым приходят осуществляющие процессуальное доказывание лица [8, с. 102-162.].

Данная точка зрения нашла свое отражение в позиции законодателя, которым в ст. 85 УПК РФ [1] доказывание определяется как деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств, которые являются стадиями процесса доказывания.

Таким образом, являясь познавательным процессом, доказывание в своей основе имеет определенную систему, позволяющую при помощи эмпирического, рационального, логического, а также непосредственного и опосредствованного познания не только выявить доказательства имеющие значения для уголовного дела, но и сделать соответствующие

выводы в обоснование своей позиции. Являясь сложной системой, проходящей несколько этапов своего развития, доказывание имеет протяженную во времени процессуальную деятельность его субъектов.

В соответствии с уголовным процессом стадия собирания доказательств является необходимым этапом доказывания.

Собирание доказательств в уголовно-процессуальной литературе определяется, как правило, через познавательно-практическую деятельность [14, с. 55-59] и рассматривается, как главный элемент в структуре доказывания [9, с. 101-108], как элемент деятельности направленный на доказывание обвинения [12, с. 50].

Ряд ученых со ссылкой на ст. 86 УПК [1] определяют стадию собирания доказательств, как следственные действия производимые субъектом доказывания [16, с. 74-83; 14, с. 16-21; 7, с. 31-35], либо как регламентированные уголовно-процессуальным законом действия, которые применяются для получения необходимых и достаточных доказательств [11, с. 22-26].

Признавая научный вклад данных ученых в развитие понятия «собирание доказательств», представляется, что в их определениях отсутствует целеполагание стадии сбора доказательств.

И хотя понятие цель [19] используется в философском, или социальном значении, она свойственна всем наукам, в том числе и правовым. Одним из важнейших интегративных

свойств собирания доказательств является полезный результат, посредством которого достигается доказывание. В связи с этим, представляется, что в основе целеполагания сбора доказательств по уголовному делу лежит разработка и реализация последовательного осуществления целенаправленных действий, которые обеспечивают получение необходимых и ожидаемых результатов, надлежащим образом зафиксированных и способствующих разрешению уголовного дела по существу.

Исходя из обозначенного, по мнению автора настоящей статьи, сбор доказательств является важной стадией процесса доказывания, посредством которой происходит получение объективных следов преступления, а также их надлежащее документирование для дальнейшего использования в судебном следствии. Одним из важнейших интегративных свойств, такой организационной системы, какой выступает сбор доказательств, является полезный результат, по поводу которого возникает комплекс следственных мероприятий, позволяющих в дальнейшем сформировать доказательную базу по совершенному преступлению.

Общая направленность хода расследования определяется постановкой задач с целью собирания доказательств по конкретному преступлению, в том числе, связанному с подделкой документов, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст. 327 УК РФ. Данные задачи должны быть поставлены таким образом, чтобы учитывать реальные возможности ее достижения, учитывать закономерности, связанные с формированием следов в реальном мире и условия, позволяющие наиболее верным способом произвести их восприятие и фиксацию.

При сборе доказательственной базы, для привлечения к ответственности виновных лиц, в соответствии со ст. 327 УК РФ, необходимы специальные знания и навыки, которыми обладают эксперты, осуществляющие помощь в проведении следственных действий и помогающие обеспечить надежность и достоверность собранных доказательств.

Правильная организация экспертного сопровождения в большой степени способствует качеству и полноте доказательственной базы по уголовным делам, связанным с подделкой документов, обеспечивая достоверность значимых для уголовного дела сведений. Судебная экспертиза спорных документов проводится с целью сбора фактических данных, которые имеют значение для дела и позволяют в значительном числе случаев установить обстоятельства, влияющие не только на ход расследования и конечное решение по делу, но и на принятия решения о возбуждении уголовного дела, в частности по ст. 327 УК РФ.

При этом с учетом предмета доказывания по уголовным делам предусматривающим ответственность по ст. 327 УК РФ, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ [3] до возбуждения уголовного дела правоохранительные органы имеют право, для выявления факта подделки, назначить экспертизу. В связи с этим, назначение судебной экспертизы может быть произведено на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, поскольку возникает необходимость проведения экспертного исследования [18].

Положение, предусмотренное ч. 1 ст. 144 УПК РФ, носит положительный характер, особенно при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 327 УК РФ, поскольку позволяет уже на данном этапе производить сбор доказательств, которые в дальнейшем при расследовании преступления могут быть включены в доказательственную базу. К тому же проведение экспертизы на этапе возбуждения уголовного дела, позволяет не подвергать исследованию один и того же объект повторно.

Кроме того, экспертное заключение, в котором изложены результаты исследования, может стать доказательством по делу. От других видов доказательств заключение эксперта по спорным документам отличается тем, что именно в ходе самой экспертизы выявляется новая информация необходимая для определения фактических данных, которые имеют значение для дела.

Эксперт не может знать заранее об итоговых результатах исследования. Именно новая информация, полученная в результате исследования, которая излагается в заключении эксперта, проводящего, например, технико-криминалистическую экспертизу документов, придает такому заключению статус источника доказательства. Однако такое заключение становится доказательством и включается в доказательственную базу только после проведения его оценки, как доказательства следователем или судом.

Стоит отметить, что все же базовым способом сбора доказательств является производство следственных и иных процессуальных действий, которые проводятся лишь после возбуждения уголовного дела.

В процессе сбора доказательств субъекты доказывания должны соблюдать все процессуальные требования и нормы, чтобы представленные доказательства были законными и достоверными. Это важно для защиты прав и интересов всех сторон, участвующих в процессе.

Кроме того, сбор доказательств может включать различные методы и техники, такие как допросы свидетелей, экспертизы, анализ материалов, могут быть использованы и проанализированы видеонаблюдения и аудиозаписи, которые могут значительно облегчить процесс фиксации и воспроизведения событий.

Для сбора доказательств по уголовным делам, предусмотренным ст. 327 УК РФ, существенное значение приобретает допрос подозреваемых (обвиняемых). Для фиксации допроса подозреваемых (обвиняемых) на вербальном уровне, как правило, используется протоколирование; звукозапись; видео-аудиозапись.

В результате обыска по делам, связанным с подделкой документов, могут быть обнаружены поддельные документы, печати, штампы, бланки, устройства, используемые для производства поддельных документов, расходные материалы. Помимо этого, может быть обнаружена компьютерная техника, съемные диски, CD-ROM, внешние магнитные носители информации и т.п., которые были использованы для подделки документов (например, файлы, содержащие изображение документов и бланков, а также программы, позволяющие воспроизвести отпечатки печатей и штампов для поддельных документов).

В настоящее время развитие компьютерной техники и специализированного программного обеспечения позволяет проводить анализ цифровых следов, таких, как данные с компьютеров или мобильных устройств, что может быть полезно при расследовании преступлений в сфере подделки документов и т.д. При этом необходимо произвести действия связанные с сохранностью обнаруженных доказательств.

Все эти действия направлены на получение информации, которая может подтвердить или опровергнуть предполагаемые факты или обстоятельства дела. Важно, чтобы сбор доказательств осуществлялся беспристрастно и объективно, чтобы исключить возможность ошибочного или предвзятого решения.

Сбор доказательств включает действия субъектов в рамках установленных законодателем полномочий, которые направлены на поиск, обнаружение, изъятие, получение, закрепление (фиксацию) доказательств.

Как указывает О. Н. Шекшуева, способы сбора и проверки доказательств, представляют собой систему техник поиска, обнаружения, закрепления и изучения фактических данных. Главными элементами способов сбора и проверки доказательств являются методы получения необходимой информации и ее передачи участникам доказывания [17, с. 98].

Стоит указать, что обнаруженные сведения о подделке документов, которые подлежат закреплению в источниках доказательств. Только после их закрепления в соответствующей уголовно-процессуальной форме, такие сведения становятся доказательством.

Поэтому процесс фиксации включает не только саму фиксацию фактических данных, но и действия по их обнаружению. Такие действия должны быть отражены в соответствующей процессуальной форме, с указанием оснований и характера действий, а также порядка и условий их осуществления.

При фиксации полученных данных в процессе сбора доказательств, фиксируются не только сами фактические данные, а также время, место и должностное лицо, представившее такие данные.

Так, например, в протоколе осмотра места происшествия, играющим значительную роль в соблюдении процессуальных требований, установленных законом, подробно описываются действия следователя и все обнаруженные следы, с учетом последовательности совершенных действий, касающихся осмотра, а также время и место проведения осмотра.

Сущность фиксации доказательств выражена через установленную законом процессуальную форму удостоверения фактических данных, как необходимое условие их использования в качестве доказательств.

При этом собранные и зафиксированные надлежащим образом доказательства для придания им доказательного

значения по уголовным делам должны пройти стадии проверки и оценки доказательств.

С этой целью субъекты доказывания при осуществлении проверки доказательств должны производить осмотр вещественных доказательств, сопоставить проверяемые данные с другими доказательствами по делу. Помимо этого, проверки подлежат показания допрошенных лиц на предмет их правильного понимания и воспроизведения ситуации, а также правильность фиксации таких показаний в соответствующем протоколе. Также производится сопоставление собранных данных с показаниями допрошенных лиц.

Проверяемое доказательство сопоставляется с установленными законодателем правилами его оформления, на предмет наличия в соответствующих протоколах всех необходимых подписей. При нарушении данных требований суд может признать такие доказательства недопустимыми.

Проверка доказательств, в том числе по делам, возбужденным по ст. 327 УК РФ, осуществляется с применением следующих способов:

А). Путем анализа содержания доказательства.

Б). Сопоставление доказательства подлежащего проверки с другими, которые имеются в данном уголовном деле.

В). Проверка исправности материальных (цифровых) носителей информации, входящих в доказательную базу.

Г). Проверка надежности свидетельских показаний и их достоверности.

В процессе проверки доказательств, проводится исследование достоверности, правильности сбора и качества самих доказательств. Кроме того, результатом этой проверки является накопление надлежащей информации о фактах, которые подтверждают обстоятельства, требующие доказывания в уголовном деле по ст. 327 УК РФ.

После сбора и проверки доказательств, следует стадия их оценки, которая является основанием для вынесения решения по рассматриваемому делу.

Как отмечается в научной литературе по уголовному процессу, оценка доказательств, в контексте в ст. 17 и ст. 88 УПК РФ, рассматривается, как мыслительная деятельность субъекта доказывания, осуществляемая в логических формах [4, с. 30-34; 15, с. 264].

Некоторыми учеными делаются уточнения при рассмотрении данного понятия, с указанием на то, что данная деятельность своим назначением имеет «определение относимости, допустимости, достоверности, достаточности доказательств» [10, с. 59-62.].

Как верно отмечает А. Р. Белкин в отношении оценки доказательств, она позволяет сформировать суждение об их ценности для конкретного уголовного дела, и об их значения для процесса доказывания [6, с. 185.].

Таким образом, важность стадии оценки доказательств состоит, прежде всего, в том, что она позволяет определить на основании анализа значение доказательства для процесса доказывания, а также его процессуальную состоятельность. Помимо этого у субъекта доказывания на данной стадии формируется собственное убеждение в обоснованности своей позиции.

При оценке доказательств по уголовному делу, возбужденному по ст. 327 УК РФ, подлежит оценке значение конкретного доказательства и их совокупности для процесса доказывания.

Таким образом, для придания доказательствам, собранным на стадии сбора доказательств, необходимо соблюдения установленных требований не только касающихся их надлежащей фиксации, но и прохождения ими стадии проверки и оценки. Только после этого такие доказательства могут быть положены в основу судебного правомерного решения.

Выводы.

1. Одним из важнейших интегративных свойств собирания доказательств является полезный результат, посредством которого достигается доказывание. В основе целеполагания сбора доказательств по уголовному делу лежит разработка и реализация последовательного осуществления целенаправленных действий, которые обеспечивают получение необходимых и ожидаемых результатов, надлежащим образом зафиксированных и способствующих разрешению уголовного дела по существу.

2. Сбор доказательств является важной стадией процесса доказывания, посредством которой происходит получение объективных следов преступления, а также их надлежащее документирование для дальнейшего использования в судебном следствии.

3. Сбор доказательств основан на обнаружении, поиске, восприятии и закреплении информации (фиксации), изъятии и сохранении любых сведений, которые могут служить доказательством в уголовном деле, в случае соблюдения установленных требований касающихся их надлежащей фиксации, а также прохождения ими стадии проверки и оценки. Только после этого такие доказательства могут быть положены в основу судебного правомерного решения.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 04.03.2013, № 9, ст. 875.
4. Александров Р. А., Гусаров Д. А. К вопросу о мощнике судьи как о полноправном участнике уголовного судопроизводства и его процессуальных функциях // Российский судья. 2019. № 4. С. 30-34
5. Алексеев П. В. Панин А. В. Теория познания и диалектика. М., 1991. 382 с.
6. Белкин А. Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособ. М.: НОРМА, 1999. 418 с.
7. Борков В. Н. Квалификация фальсификации преступления // Законность. 2020. № 2. С. 31-35.
8. Боруленков Ю. П. Теоретические основы процессуального познания: Моногр. Владимир, 2006. 257 с.
9. Булатова С. В. Криминалистическая деятельность защитника в процессе собирания доказательств // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 6. С. 101-108.
10. Власов А. Г. Условия оглашения в суде показаний потерпевших и свидетелей // Законность. 2019. № 11. С. 59-62.
11. Емузов А. С. К вопросу о средствах процессуального доказывания // Право в Вооруженных Силах. 2005. № 5. С. 22-26.
12. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: Учеб.-практ. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. 245 с.
13. Лазарева В. А., Шейфер С. А. О понятии доказательства в связи с особенностями дознания, проводимого в сокращенной форме // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 16-21.
14. Леонтьев А. В. Построение состязательного уголовного процесса должно основываться на новом понятии доказывания // Законодательство и экономика. 2014. № 1. С. 55-59.
15. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства: Материалы круглого стола (19 декабря 2017 г.) / М. В. Беляев, С. В. Бурмагин, А. А. Василенко и др.; отв. ред. В. В. Ершов. М.: РГУП, 2018. 264 с.
16. Россинский С. Б. Еще раз о понятии и сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия не закончена... // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 1. С. 74-83.
17. Шекшуева О.Н. Некоторые аспекты теории доказательств в уголовном процессе: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: ЦОКП МВД России, 2001. С. 98.
18. Малютин М. А. Специальные знания как признак экспертизы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnyeznaniya-kak-priznak-ekspertizy> (дата обращения: 02.02.2024 г.)
19. Слинкова О. К., Скачков Р. А. Анализ научных подходов к определению сущности целеполагания и его роль в процессе управления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-nauchnyh-podhodov-k-opredeleniyu-suschnosti-tselepolaganiya-i-ego-rol-v-protse-sspravleniya>. (дата обращения: 02.02.2024).

ЛАТЫПОВА Динара Мансуровна

кандидат юридических наук, доцент ВАК, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Самарского юридического института ФСИН России

КОРОЛЕВА Ксения Алексеевна

курсант 4 курса Самарского юридического института ФСИН России

МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ВООРУЖЕННОГО НАСИЛИЯ, СОВЕРШЕННОГО В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье рассмотрены криминологические аспекты вооруженного насилия, совершенного в образовательных учреждениях. Рассматривается такой вид преступной деятельности как «скулшутинг». В статье исследуются причины совершения вооруженного насилия в школах. Рассмотрен вопрос происхождения и направления развития данного негативного явления. Также анализируются факторы, на которые следует обратить внимание в отношении обучаемых, проявляющих различные формы агрессии. На основе проведенного анализа предлагаются меры предупреждения совершения насильственных вооруженных посягательств на обучаемых в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: вооруженное посягательство, насилие, образовательные учреждения, предупреждение, скулшутинг.

LATYPOVA Dinara Mansurovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Higher Attestation Commission, associate professor of Criminal and penal enforcement law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

KOROLEVA Kseniya Alexeevna

cadet of the 4th course of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

MEASURES TO PREVENT ARMED VIOLENCE COMMITTED IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The article examines the criminological aspects of armed violence committed in educational institutions. Such type of criminal activity as "schoolshooting" is considered. The article examines the causes of armed violence in schools. The question of the origin and direction of development of this negative phenomenon is considered. The factors that should be considered in relation to trainees who exhibit various forms of aggression are also analyzed. Based on the analysis, measures are proposed to prevent the commission of violent armed attacks on students in educational institutions.

Keywords: armed assault, violence, educational institutions, prevention, schoolshooting.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что насилие в условиях современных реалий совершается не только в криминогенно опасных районах, но и в местах, в которых насилие должно быть исключено ввиду нахождения в них лиц, получающих образование. Периодически средства массовой информации освещают случаи вооруженного нападения на школьников и студентов образовательных учреждений. Нередки ситуации, когда в числе нападающих выступают обучаемые, либо лица, ранее посещавшие данные образовательные учреждения. К числу тяжких последствий таких нападений относятся причинение смерти, вреда здоровью различной степени тяжести лицам, находящимся в образовательных учреждениях в момент нападения. К сожалению, вооруженные нападения на образовательные учреждения влекут массовые жертвы.

Массовая стрельба в образовательных учреждениях (таких как детский сад, школа, университет) в средствах массовой информации получила название «скулшутинг».

Стрельба в школе становится все более распространенным явлением, что вызывает большой общественный резонанс. Анализ статистических данных свидетельствует о росте данного негативного явления. Многочисленные исследования и опросы граждан указывают, что катализатором для совершения новых вооруженных нападений в образовательных учреждениях становятся многочисленные статьи о стрелках, видео и рассказы о произошедших перестрелках в средствах массовой информации и в Интернете [1].

Одним из резонансных является событие, произошедшее в Ижевске в сентябре 2022 года, когда один из выпускников школы проник в образовательное учреждение и открыл стрельбу. В результате многие пострадали, в том числе дети. Впоследствии было выяснено, что нападавший имеет заболевание – шизофрению. На оружии, который использовал

«ижевский стрелок» были самодельные плетенные брелки. На одном из них были вплетены имена «Эрик» и «Дилан», а на втором - «Колумбайн». Эти имена связаны с событиями, произошедшими 20 апреля 1999 года в средней школе «Колумбайн» в Литтлтоне, штат Колорадо.

Понятие «скулшутинг» имеет истоки из этого события. 18-летний Эрик Харрис и 17-летний Дилан Клиболд открыли стрельбу в школе, в результате чего погибло 12 человек, 21 были ранены, после нападения они совершили акт суицида. Жертв могло быть больше, если бы заложенные ими и впоследствии обнаруженные взрывные устройства взорвались, однако трагедии удалось избежать. Это был один из самых массовых трагических случаев «скулшутинга» в истории Америки.

Произошедшее событие вызвало общенациональные дебаты о том, каким образом необходимо бороться с вооруженным насилием в школах [2]. Позже в социальных сетях в среде подростков стала развиваться интернет-субкультура, так называемых «колумбайнеров». Участники данного движения поддерживали Харриса и Клиболда на форумах, рисовали фан-арты, писали различные истории и создавали различные видеоролики, тем самым создавая контент для колумбайн-сообществ.

Свое распространение колумбайнеры получили и в России. Подобное движение долгое время существовало в социальной сети «ВКонтакте», но впоследствии с принятием закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» ситуация изменилась. Лица виновные в создании сообществ и сайтов, на которых содержится информация, направленная на склонение или вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, опасных для их жизни и (или) здоровья иных лиц привлекаются к ответственности [3].

Зарубежные исследователи до сих пор изучают личностные стрелков, отмечают, чтобы остановить перестрелки, необходимо понять, что лежит в основе таких жестоких преступлений.

К причинам вооруженных нападений на учебные заведения относятся следующие аспекты.

Многие из тех, кто совершал «скулшутинг» ранее были жертвами издевательств в школах со стороны других обучающихся, поэтому они и совершали нападения, выражая свой гнев и разочарование на школьников и студентов того учебного заведения, где они сами обучались и подвергались унижениям и издевательствам.

Одной из причин называют подражание и поиск славы, внимания окружающих. Нападающие подражают и имитируют действия преступников, получивших широкую огласку в средствах массовой информации.

Причиной «скулшутинга» многие исследователи называют психические заболевания имеющиеся у нападающих. Большинство из преступников, совершающих вооруженные нападения на образовательные учреждения, имели психические заболевания или имели отклонения в психическом развитии.

Массовая пропаганда насилия в средствах массовой информации и сфере развлечений. На сегодняшний день в фильмах, видеоиграх, музыке, комиксах и других формах развлечения открыто демонстрируется насилие, что несомненно негативно сказывается на развитии детей.

К причинам совершения вооруженного нападения также относится слабый контроль над получением доступа к оружию. Возможность беспрепятственного приобретения оружия и недостаточный надзор в данной сфере правоотношений приводит к негативным последствиям. На этом фоне со стороны ученых неоднократно высказывались предложения об ужесточении требований к получению разрешений на приобретение оружия и усилении мер безопасности в школах [4].

Исследования, проводимые по данной теме, показали мнения опрошенных о причинах «скулшутинга». К ним относятся психические расстройства (17,3 %); воспитание (15,4 %); вседозволенность - беззаконие и бездуховность (9,6 %); влияние интернета (9,2 %); система образования (8,9 %); жесткость и насилие в обществе (7,1 %); безразличие родителей (6,3 %); компьютерные игры (5,1 %); буллинг / унижение (4,9 %); влияние СМИ (4,7 %).

Одним из важных аспектов обозначенной темы является вопрос обеспечения безопасности обучаемых и знание ими алгоритма действий при подобной чрезвычайной ситуации. Большинство опрошенных не знают, что необходимо предпринимать в случае нападения на их образовательное учреждение.

В теории выделяют признаки, которые могут сигнализировать о возможной угрозе вооруженного нападения.

Потенциально склонный к насилию учащийся обычно проявляет более одного из следующих видов поведения: трудности с приемом пищи или сном; жестокое обращение с животными; влечение к жестоким развлечениям; уход от социального взаимодействия; проявление интереса к элементам, содержащим насилие в работах или в интересующих его произведениях искусства; проявление нетерпимости или предубеждение в отношении определенных групп людей; злоупотребление наркотиками или алкоголем; членство в банде.

В случае выявления у обучающегося подобных признаков, необходимо обратить более пристальное внимание на его поведение, в том числе работникам образовательных учреждений.

К факторам, на которые следует обратить внимание в отношении обучаемых, проявляющих различные формы агрессии следует отнести:

- отношения в семье, выявление семей, склонных к насилию (психологическому, физическому);
- недостаток общения со сверстниками, который может вызвать серьезные психологические проблемы;
- неконструктивные отношения со сверстниками (ссоры, давление, порча личных вещей, издевательства).

Стоит избегать ситуаций, в которых обучаемые могут быть подвергнуты издевательствам и унижениям со стороны

одноклассников в коллективе. Лица, осуществляющие обучение и воспитание в образовательном учреждении, должны создавать условия, при которых подростки могут показать свою полезность коллективу.

Меры, направленные на предотвращение «скулшутинга» не должны быть односторонними. Обучающиеся должны придерживаться следующих правил:

- проявлять внимание к лицам, с которыми они проходят обучение в образовательной организации;
- если обучаемому необходима психологическая помощь, он должен не бояться обратиться к специалисту, получение профессиональной помощи в настоящее время не вызывает затруднений;
- в любой конфликтной или сложной ситуации (с одноклассниками, учителями, родителями) необходим поиск компромисса.

Подводя итог, важно отметить, что «скулшутинг», является результатом психологической деформации личности.

Клинический психолог Питер Лангман отмечает: «мы не можем предугадать конкретный случай скулшутинга, но мы можем бороться с этим явлением эффективно, устраняя причины, которые порождают это зло, с помощью профилактики и обеспечения мер безопасности. Главное - работать над формированием личности детей и подростков без назидания и нравоучения, а вступая в человеческие отношения, лично. Воспитывать детей так, чтобы они не становились ни объектом, ни субъектом насилия» [5].

Таким образом, выделяем меры, направленные на предотвращение проявления вооруженного нападения на образовательные учреждения:

- усиление контроля над процессом выдачи разрешения на получение оружия и предотвращение приобретения его лицами, имеющими различные формы психических отклонений;
- усиление внимания над психологическим состоянием обучаемых со стороны лиц, осуществляющих процесс обучения, родителями. Недопустимым представляется поверхностное и невнимательное отношение к подросткам, проявляющим различные формы агрессивного поведения либо наоборот замкнутого и отстраненного;
- усиление внимания к работе психологов образовательных учреждений, недопустимым представляется поверхностное и формальное отношение к выполнению своих обязанностей указанными лицами. Внимательное отношение к проблемам подростков, оказание им помощи в преодолении конфликтных ситуаций не только со сверстниками, но и с другими субъектами взаимодействия;
- усиление внимания к вопросам охраны образовательных учреждений, недопустимость проявления халатного отношения к обеспечению безопасности лиц, находящихся в образовательном учреждении;
- усиление контроля со стороны родителей в отношении компьютерных игр и времени, которое подростки проводят в социальных сетях, предпочтительными представляются активные формы проявления досуга подростков.

Пристатейный библиографический список

1. Интернет-источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://promrating.ru/issledovaniya/rossiya/issledovanie-bolee-70-rossiyan-uvereni-chto-detine-podgotovleni-k-napadeniyu-na-obrazovatelnie-uchrejdeniya/>
2. Интернет-источник // Columbine High School shootings. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/event/Columbine-High-School-shootings>.
3. Интернет-источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-pochemu-proishodyat-massovye-rastrely-v-shkolah-i-kak-ih>.
4. Интернет-источник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/social/2022/09/28/pochemu-ucheniki-napadayut-na-shkoly-i-kak-zashhitit-sebya-pri-strelbe.html>.
5. Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка // Питер Лангман. – Москва: ЭКСМО, 2022. – 304 с.

ЛИТРА Елена Николаевна

старший преподаватель, аспирант кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета

Литра Е. Н.

СОЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЛИ

Статья содержит результаты исследования современных негативных явлений и процессов, существующих в сфере землепользования, обусловленных усилением интенсификации промышленного производства. Автор отмечает, что деятельность, связанная с использованием земель, характеризуется определенным типом длящегося несоблюдения обязательных экологических требований и норм, касающихся размещения отходов, обращения опасных веществ, рационального использования особо ценных продуктивных земель. Для таких действий (бездействия) актуальна их масштабность, а не характер. Размер ущерба и вред от содеянного выражают необратимые потери не только для природы, но и для определенных видов экономических отношений, влекущие их прекращение. В статье уточнены существующие и выявлены новые социально-криминологические предпосылки для криминализации деяний, посягающих на отношения в сфере обеспечения качества и рационального использования земли в уголовном законе.

Ключевые слова: экологические преступления, порча земли, загрязнение почвы, охрана качества земли, нерациональное землепользование, особо ценные земли, управление земельными ресурсами.

LITRA Elena Nikolaevna

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Kuban State Agrarian University

SOCIO-CRIMINOLOGICAL PREREQUISITES FOR THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF RELATIONS IN THE FIELD OF QUALITY ASSURANCE AND RATIONAL USE OF LAND

The article contains the results of a study of modern negative phenomena and processes existing in the field of land use due to increased intensification of industrial production. The author notes that activities related to land use are characterized by a certain type of continuous non-compliance with mandatory environmental requirements and norms related to waste disposal, handling of hazardous substances, and rational use of especially valuable productive lands. For such actions (inaction) their scale is relevant, not their nature. The amount of damage and harm from what they have done express irreversible losses not only for nature, but also for certain types of economic relations, entailing their termination. The article clarifies the existing and identifies new socio-criminological prerequisites for the criminalization of acts encroaching on relations in the field of quality assurance and rational use of land in the criminal law.

Keywords: environmental crimes, land damage, soil pollution, protection of land quality, irrational land use, especially valuable lands, land management.

Крайне опасный и непрерывно идущий процесс разрушения почвенного покрова земли носит глобальный характер. Основными проблемами сохранности качества земли до недавнего времени называлась продовольственная безопасность и утрата почвой плодородных свойств. Сегодня к ним прибавились новые, более серьезные угрозы и вызовы, связанные с тяжелой адаптацией социума к климатическим изменениям, сохранением количества экосистемных услуг и биологического разнообразия, воспроизводством и поддержанием природного капитала земель, ростом производительных сил, урбанизацией городов, миграцией населения и международными конфликтами за «чистый» земельный ресурс.

Безусловно, объективно существующее состояние общественных отношений в сфере экологии, обуславливающее необходимость их уголовно-правовой охраны, внешне отражается в государственной политике. В России угроза экологической безопасности официально признана частью национальной безопасности¹. Президент России В. В. Путин

отметил обязательность внедрения полноценной системы экологического мониторинга по контролю за состоянием всех элементов окружающей среды². Можно с уверенностью говорить об очевидной смене традиционной парадигмы восприятия земли как источника продовольствия, ограниченного сельскохозяйственным производством, на модель ее восприятия как части экосистемы, обеспечивающей баланс существования нашей цивилизации на планете Земля.

Вместе с тем ежегодно во всем мире наблюдается рост интенсификации аграрного производства, ущерб от которого для окружающей среды еще в 1980 г. признан ООН одним из опаснейших. Ежегодно более 1 млн т пестицидов и агрохимикатов загрязняют окружающую среду. Установлено, что за всю историю человечества почти 2 млрд га (больше всей суммарной площади мирового земледелия) продуктивных

¹ О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176

// Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.
² Ежегодное Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 15.01.2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 30.12.2023).

земель превращены человеком в антропогенные пустыни и неудобья³.

О крайне значительных масштабах экологического вреда порчи земли свидетельствуют внушительные цифры прямых последствий сельскохозяйственного землепользования. Общая площадь нарушенных земель в стране уже превысила 1 млн га. Активными процессами опустынивания охвачены еще более 100 млн га земли на территориях 27 субъектов РФ. По состоянию на 1 января 2022 г. 44,93 млн га, или 11,8 % общей площади сельскохозяйственной земли, из-за малой продуктивности не используется. Выведено из оборота 32,68 млн га, что составляет 16,5 % общей площади сельскохозяйственных угодий. Площадь неиспользуемой пашни составляет 19,31 млн га, или 16,6 % общей площади⁴. По различным официальным источникам, с 1992 г. уменьшение объема полезного земельного ресурса составляет 30 – 50 млн га пашни.

Причины такого масштаба экологических последствий для земли заключаются в нарушении основ ее использования в хозяйственной деятельности, обусловленной излишней интенсификацией производства, произвольным изменением агроландшафта, загрязнением почвы. Это приводит к изменению естественного баланса экосистем, проявляется в обширных деструктивных и постоянных процессах антропогенной эволюции почвы, необратимом изменении жизненно важных для человека и биоты экологических параметров. В связи с высоким уровнем интенсификации аграрного производства такие изменения на первый взгляд слабо заметны. Мнение о неисчерпаемости земельного ресурса прочно укоренилось в сознании землепользователей.

По прогнозам ученых, при сохранении существующих нерациональных методов и приемов землепользования в ближайшие 5 лет посевные площади сократятся еще на 9–12 млн га, что сопряжено с критическим ухудшением нормальной работы всех элементов экосистемы. Столь внушительные цифры нарушенных земель свидетельствуют о крайне значительных масштабах последствий посягательств на сохранность экологических свойств земли. Размер такой противоправной деятельности не может не сказаться на социально-экономической ситуации в стране. Более 10 % сельских территорий (17 000 деревень) не имеют постоянного населения, наблюдается отрицательная динамика ежегодного роста депрессивности села, массовый отток сельского населения в крупные агломерации, опустынивание сельских территорий [5, с. 88].

Сфера землепользования характеризуется высоким уровнем латентной преступности. При этом современные приемы и методы агропроизводства оказывают кратное негативное воздействие на землю, свидетельствующее о масштабности данного явления. Исследования показывают, что полученный 30 % прирост урожая зерновых за последние 30 – 40 лет сопровождался 4-кратным увеличением энергетических затрат, 5 – 6-кратным увеличением количества вносимых удобрений и максимальным ростом дестабилизации агроэкосистемы [2, с. 8-12].

Распространенность и масштаб нарушений в сфере охраны качества земли ведут к росту объемов произведенной

сельскохозяйственной продукции, не отвечающей требованиям безопасности. Из-за высокой степени загрязнения почв земель сельскохозяйственного назначения пестицидами и агрохимикатами снижается качество зерна, наблюдается «водянистость» мяса⁵. Почти 10 % сырья ежегодно не проходит экспортный контроль по критериям безопасности.

Таким образом, социально-криминологическими предпосылками, обуславливающими общественную потребность в пересмотре подходов уголовно-правового воздействия на отношения в сфере обеспечения качества и рационального использования земли, являются:

1) достижение критических показателей качества плодородных земель, ограниченность продуктивного земельного ресурса и стремительное сокращение его площадей как в России, так и во всем мире;

2) массовое неисполнение обязательных требований, касающихся рационального землепользования, неэффективность существующих административных и гражданско-правовых мер в сфере охраны качества земли, слабая превентивная и охранительная роль ст. 254 УК РФ;

3) экспортно-ориентированный характер развития российской аграрной экономики, преследующий цели наращивания производства продукции и максимальной прибыли в ущерб качеству земли;

4) угроза экологической и продовольственной безопасности, обусловленная значительной концентрацией земель в руках крупных агрохолдингов, монополизацией земельного рынка;

5) масштабное уничтожение гумусированной части почвенного профиля вследствие необоснованного перераспределения продуктивных земель для развития промышленности, транспорта, связи и расширения границ крупных городских агломераций.

Отсюда вытекает необходимость:

– обеспечения гарантий и приоритета общегосударственных, общественных, национальных интересов над частными интересами в сфере охраны качества и рационального использования земли;

– создания препятствий для нарушения иных природоохранных норм при ведении сельскохозяйственного производства;

– изменения массового общественного сознания и потребительского мировоззрения в сторону бережного отношения к земле как к важнейшему стратегическому ресурсу государства и основе жизнедеятельности человека;

– обеспечения гарантий производства безопасной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

Как показывает судебная практика не меньшую общественную опасность для нормализации отношений в сфере землепользования представляет захламенение и загрязнение земли опасными отходами производства и потребления. Количество стихийных свалок ежегодно увеличивается (в 2018 г. выявлено 1 643 свалки, в 2019 г. – 1 462, в 2020 г. – 14 628, в

3 Land as a resource – Problem definition and possible areas for EU action (BIO by Deloitte; 2015). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://circabc.europa.eu> (дата обращения: 20.11.2023).

4 Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2021 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosreestr.gov.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

5 Россельхознадзор забраковал 21 тонну зерна в Изобильненском районе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stavropolye.tv> (дата обращения: 10.12.2023) @@ Россельхознадзор забраковал 80 % зерна, хранящегося на кубанских элеваторах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedpress.ru/news> (дата обращения: 10.12.2023) @@ Россельхознадзор Кубани забраковал 127 тыс. тонн опасных хлебопродуктов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://krasnodarmedia.su> (дата обращения: 10.12.2023).

2021 г. – 15 392), что сопровождается ростом возбужденных по фактам загрязнения почвы уголовных дел.

По экспертным оценкам, в России за последние 50 лет объем отходов, загрязняющих землю, вырос более чем в 2,5 раза – с 40 млрд до 100 млрд т. Специалисты фиксируют ежегодное увеличение количества несанкционированных свалок (в 2018 г. – 1 643, в 2019 г. – 1 462, в 2020 г. – 14 628, в 2021 г. – 15 392). Сегодня общая площадь захламленных земель в России составляет уже более 4 млн га.

Создание безопасной системы переработки отходов в стране – одна из первоочередных задач, обозначенных Президентом РФ В. В. Путиным⁶. Однако «мусорная реформа» пока ещё не принесла ожидаемых результатов. Согласно отчету Счетной палаты РФ, ситуация с переработкой отходов складывается крайне неблагоприятно. Так, в 2020 г. переработано только 7 % отходов, более 90 % по-прежнему направлялись на свалки и полигоны ТБО, а меры по сокращению объемов образования отходов не принимались⁷. В 2021 г. около 92 % всех отходов производства и потребления захоронено в землю, без переработки. Как отмечают эксперты, из-за темпов прироста отходов (1 – 2 % в год) ситуация с официальными полигонами близка к критической. В 17 субъектах РФ мощности полигонов были полностью исчерпаны до 2022 г., а в 32 субъектах будут исчерпаны до 2024 г. Средства на создание новых полигонов в большинстве регионов отсутствуют. Кроме того, эксперты при Минприроды России отмечают большую вероятность недостижения показателей государственной программы «Комплексная система обращения с ТКО» к моменту ее завершения в 2030 г.⁸, что позволяет прогнозировать масштабность несанкционированного размещения отходов и скрытый рост посягательств на сохранность качества земли. Результаты обобщения судебной практики за последние 10 лет показывают, что доля дел о загрязнении почвы вследствие нарушения правил обращения с отходами на несанкционированных свалках в общей структуре уголовных дел, касающихся порчи земли, составляет 26 %.

Загрязнение почв опасными веществами, содержащимися в отходах промышленности, в числе которых тяжелые металлы, мышьяк, фтор и нефтепродукты, стало устойчивым и массовым явлением общественной жизни. В правовое поле введен термин «нефтезагрязнение». Экологическая ситуация в крупных городах, таких как Свирск Иркутской области, Норильск, Владикавказ и ряд других промышленных центров, десятки лет остается на критическом уровне. Согласно данным мониторинга 2021 г., последние 10 лет не наблюдается снижение степени загрязнения земли⁹, чем обусловлено выбытие загрязненной земли из хозяйственного оборота. Так, в период с 2010 по 2020 г. к числу загрязненных отнесено 127,6

тыс. га земель промышленности и иного назначения. Только в 2020 г. площадь нарушенных земель составила 1084,6 тыс. га, что на 7,7 тыс. га больше, чем в 2019 г.¹⁰

По оценкам экспертов, суммарная площадь зон с неблагоприятной экологической ситуацией в России составляет более 15 % территории, что в 17 раз превышает площадь земель особо охраняемых природных территорий [1, с. 12]. До сих пор встречаются вопиющие случаи преступного загрязнения земли. Так, в 2020 г. в зону экологического бедствия от последствий криминальной деятельности превратился г. Усоль-Сибирский¹¹. Территория признана зоной экологического бедствия с режимом ЧС, по размеру ущерба сравнимого с катастрофой на Чернобыльской АЭС 1986 г. Реальная угроза для здоровья населения и окружающей среды существует в радиусе 20 км².

Таким образом, выявленные негативные процессы и явления в сфере землепользования, характеризуются высокой степенью общественной опасности и представляют исключительную вредоносность для социума. Сегодня степень масштабности последствий, распространенности и массовости посягательств на отношения в сфере обеспечения качества и рационального использования земли, достигшая крайней точки, требует пересмотра ныне действующих и применения новых методов уголовно-правового воздействия. Для криминализации деяний в указанной сфере имеются все необходимые социально-криминологические предпосылки, обусловленные существенным размером негативных экологических последствий, масштабностью и угрозами экологической, экономической и продовольственной безопасности, определяемыми государственными документами стратегического планирования.

Пристатейный библиографический список

1. Жевлаков Э. Н. Уголовное природоохранительное право России. – М.: Проспект, 2021. – 376 с.
2. Кулик К. Н. Современное состояние защитных лесонасаждений в Российской Федерации и их роль в смягчении последствий засух и опустынивания земель // Научно-аграрный журнал. – 2022. – № 3 (119). – С. 8-12.
3. Артемова Е. И., Барсукова Г. Н., Литра Е. Н. и др. Литра Е. Н. Управление ресурсным потенциалом сельских территорий Краснодарского края: монография. – Краснодар: КубГАУ, 2023.

6 Ежегодное Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 20.02.2019 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 20.11.2023).

7 Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ выполнения мероприятий, обеспечивающих экологическую безопасность Российской Федерации, в части ликвидации объектов накопленного вреда и формирования комплексной системы обращения с твердыми коммунальными отходами». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru> (дата обращения: 06.12.2023).

8 Аналитическая справка об исполнении государственных программ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://static.tochno.st> (дата обращения: 09.01.2024).

9 Загрязнение почв Российской Федерации токсикантами промышленного происхождения в 2021 году: ежегодник. – Обнинск: НПО «Тайфун», 2022.

10 Государственный доклад о состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2021 году. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mnr.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

11 Определение Арбитражного суда Иркутской области по делу № А19-7887/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 22.01.2024).

МАСЛИЕНКО Мария Александровна

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОРУЖИЯ, БОЕПРИПАСОВ, ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ И ВЗРЫВНЫХ УСТРОЙСТВ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с применением мер противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств на приграничных территориях Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции. Задача по пресечению и предупреждению преступлений данной категории, стоящая перед государством, является одной из наиболее приоритетной с учетом сложившейся внешнеполитической обстановки. Автором сформулированы предложения по организации государственного противодействия таким общественно-опасным деяниям.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия и боеприпасов, специальная военная операция, противодействие, обеспечение общественной безопасности.

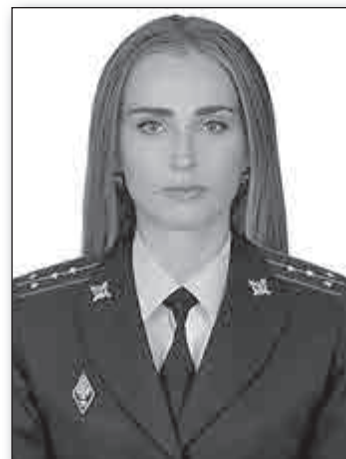
MASLIENKO Mariya Alexandrovna

lecturer of Criminal law disciplines sub-faculty of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia

ILLICIT TRAFFICKING IN WEAPONS, AMMUNITION, EXPLOSIVES AND EXPLOSIVE DEVICES IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION

The article deals with topical issues related to the application of measures to counteract the illicit trafficking of weapons, ammunition, explosives and explosive devices in the border areas of the Russian Federation in the conditions of a special military operation. The task of suppression and prevention of crimes of this category, facing the state, is one of the most priority in view of the current foreign policy situation. The author formulates proposals for the organization of state counteraction to such socially dangerous acts.

Keywords: illegal trafficking in weapons and ammunition, special military operation, counteraction, ensuring public safety.

Маслиенко М. А.

Жизнь человека, его здоровье, личная безопасность выступают важными общественными отношениями, на обеспечение защиты которых направлена деятельность государства. Общественно-опасные посяательства на данные «ценности» осуществляется различными способами, наиболее опасные из которых – совершение преступлений с использованием оружия.

Настоящая геополитическая обстановка обострила и выявила латентность данных преступлений на фоне проведения специальной военной операции.

В Российской Федерации сложилась многоуровневая система законодательства, регулирующая порядок обращения с предметами, ограниченными в гражданском обороте. Согласно положениям Федерального закона «Об оружии»¹ к таким предметам относят оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства в связи с их высокой опасностью не только для личности, но и общественной безопасности.

В результате незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств нарушаются нормы не только отечественного законодательства, но и международного права. Это характеризует данные общественно-опасные деяния, как трансграничные, в связи с этим их предупреждение носит международный характер [1].

¹ Об оружии: [Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/ (дата обращения: 20.12.2023).

В целях недопущения нарушения установленных ограничений и правил оборота указанных предметов, правоохранительными органами эффективно осуществляются комплекс профилактических мероприятий.

20 марта 2023 года на расширенном заседании коллегии МВД России В. А. Колокольцев отметил, что на фоне многократно возросших рисков незаконного оборота оружия, в результате совместной работы ФСБ и Росгвардии при комплексных проверках изъято более 30 тысяч единиц оружия и порядка 200 тысяч боеприпасов [2].

В результате поставки оружия, осуществляемое более 50 странами, поддерживающих украинский режим, отмечается неконтролируемое распространение данных предметов, ограниченных в гражданском обороте, в том числе и на территории Белгородской области.

По статистическим сведениям ГИАЦ МВД России в 2022 году на всей территории Российской Федерации было зарегистрировано 22 206 преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, из них 162 - на территории Белгородской области, что свидетельствует о росте числа таких преступлений на 216,7 % [3].

К примеру, Я.Ю.В. в нарушение исполнения приказа командира подразделения отряда «Зимаргл», в целях обеспечения сохранности имущества, находящегося в грузовых автомобилях марки «Камаз» и «Зил», совместно со своим знакомым Л.Н.А., принял решение продать грузовые автомобили марки «Камаз» и «Зил», в которых обнаружили 4178

патронов различного калибра пригодные к стрельбе, а также пригодные для производства взрыва взрывчатые вещества и взрывные устройства в количестве 129 единиц.

Судом деяния Я.Ю.В. и Л.Н.А. были квалифицированы по п. «а» ч. 3 ст. 222 УК РФ, а также по п. «а» ч. 3 ст. 222.1 УК РФ².

Проблемным до настоящего времени остается вопрос правовой оценки действий лиц, которые в случае обнаружения или передачи им предметов, запрещенных в обороте, присваивают их себе, не подразумевая, что своими умышленными действиями совершают преступление.

Так, примером могут послужить действия П.В.В., который в первой декаде мая 2022 года после проведения ремонтных работ автомобиля военнослужащих, обнаружил в помещении своего гаража ручную осколочную гранату Ф-1 со взрывателем, которую стал незаконно хранить до ее изъятия сотрудниками правоохранительных органов 5 августа 2022 года.

Осознавая общественную опасность своих действий, не имея разрешения на право хранения взрывчатых веществ, взрывных устройств, П.В.В. незаконно приобрел ручную осколочную гранату Ф-1 путем присвоения найденного, при этом ошибочно полагая, что его действия не образуют признаков состава преступления и в дальнейшем у него имеется возможность добровольно выдать запрещенные к обороту предметы³.

На сегодняшний день в целях соблюдения правил оборота предметов, ограниченных в гражданском обороте, сотрудниками органов внутренних дел совместно с иными правоохранительными органами реализуются следующие профилактические мероприятия:

– контроль за пересечением государственной границы на пограничных пунктах пропуска и тщательность личного досмотра граждан, ручной клади и транспортных средств;

– в рамках установленного бессрочного повышенного уровня террористической опасности («желтый») на территории приграничных регионов, ведется работа по учету лиц, пребывающих с территории Украины и иных стран СНГ;

– проведение оперативно-профилактических мероприятий службами (УУП и ГИБДД) органов внутренних дел по установлению фактов наличия у граждан незарегистрированного огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств;

– осуществление деятельности, направленной на выявление действующих националистических формирований, запрещенных на территории Российской Федерации;

– осуществление мониторинга киберпространства, с целью документирования фактов распространения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств посредством сети Интернет;

– определение критериев оценки информации о способах и методах самодельного изготовления или переделки оружия на предмет отнесения его к запрещенному⁴.

2 Приговор Белгородского районного суда Белгородской области № 1-83/2023 (1-427/2022) – Текст: непосредственный.

3 Приговор Белгородского районного суда Белгородской области № 1-77/2023 (1-421/2022) – Текст: непосредственный.

4 Приказ МВД России № 443, ФСБ России № 277, Росгвардии № 220 от 23.06.2023 «Об утверждении Критериев оценки информации о способах, методах самодельного изготовления взрывчатых веществ и взрывных устройств, незаконного изготовления или переделки оружия, основных частей огнестрельного оружия, а равно незаконного изготовления боеприпасов, за исключением информации о способах, методах самостоятельного снаряжения

Анализируя вышеуказанные факты, представляется эффективной с точки зрения противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в условиях проведения специальной военной операции реализация следующих мероприятий:

– проведение комплексных оперативно-профилактических мероприятий «Арсенал», «Оружие» при взаимодействии структурных подразделений МВД России, ФСБ России и Росгвардии;

– проведение просветительской работы с населением приграничных территориальных образований о наказуемости деяний, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также возможности освобождения от уголовной ответственности в случае добровольной выдачи данных предметов (в соответствии с примечанием к ст. 222 УК РФ);

– осуществление международного взаимодействия в целях установления возможных каналов сбыта оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также комплементации зарубежного опыта в сфере противодействия незаконному обороту предметов, ограниченных в гражданском обороте.

Таким образом, масштабность, динамичность и хаотичность оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств в особенности с февраля 2022 года в рамках проведения специальной военной операции требует разработки качественно новых механизмов борьбы с преступностью.

Пристатейный библиографический список

1. Шепель Н. В., Титова К. А. Некоторые проблемы законодательного регулирования запрета на незаконный оборот оружия и боеприпасов, в том числе возникающие при производстве баллистических экспертиз и исследований // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (73). – С. 57.
2. Курилова Е. Н., Маслиенко М. А. Меры государственного противодействия незаконному обороту оружия и взрывных устройств // Вестник экономики, права и социологии. – 2023. – № 3. – С. 85.
3. Расширенное заседание коллегии МВД. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения: 20.12.2023).

патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, необходимой для принятия Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации и Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

МЕДВЕДЕВА Инна Николаевна

научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

Медведева И. Н.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ГРУЗИИ

В статье представлены актуальные статистические данные о количестве пенитенциарных учреждений Грузии, их наполняемости, распределении осужденных по полу, возрасту и видам пенитенциарных учреждений. Проведенный автором анализ законодательства показал, что в Грузии, как и большинстве европейских стран, персонал пенитенциарных учреждений, в зависимости от выполняемых задач (вооруженная охрана учреждений, перевозка осужденных, оперативно-розыскная работа, бухгалтерия и т.д.), может состоять из сотрудников и гражданских служащих. Исполнение меры пресечения в виде заключения под стражу и лишение свободы регламентируется Кодексом Грузии о заключении под стражу, а в отношении несовершеннолетних правонарушителей еще и Кодексом о правосудии в отношении несовершеннолетних. В Грузии заключение под стражу и лишение свободы исполняется в 17 пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: Грузия, исполнение наказаний, обвиняемые, осужденные, правовое регулирование.

MEDVEDEVA Inna Nikolaevna

researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE PECULIARITIES OF THE EXECUTION OF DETENTION AND IMPRISONMENT IN GEORGIA

The article presents current statistical data on the number of penitentiary institutions in Georgia and the number of accused and convicted persons in prison, their distribution by gender, age and type of penitentiary institution. The analysis of legislation carried out by the author showed that in Georgia, like most European countries, the staff of penitentiary institutions, depending on the tasks performed (armed security of institutions, transportation of convicts, operational search work, accounting, etc.), may consist of employees and civil servants. The implementation of preventive measures in the form of detention and deprivation of liberty is regulated by the Code of Georgia on Detention, and in relation to juvenile offenders, also by the Code on Juvenile Justice. In Georgia, detention and deprivation of liberty are carried out in 17 penitentiary institutions.

Keywords: Georgia, execution of sentences, accused, convicted, legal regulation.

Специальная пенитенциарная служба Грузии (далее – Служба) и подчиненные ей пенитенциарные учреждения, являются государственными учреждениями, подведомственными Министерству юстиции, созданными для исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу и лишения свободы. Службу возглавляет Генеральный директор, который назначается и освобождается от должности Министром юстиции.

По данным Национального статистического бюро Грузии в стране функционирует 17 пенитенциарных учреждений, в которых на конец ноября 2023 г. содержалось 8107 чел. (7806 мужчин, 279 женщин и 22 несовершеннолетних) [2].

Порядок исполнения меры пресечения в виде заключения под стражу и лишение свободы на территории Грузии установлен Кодексом Грузии о заключении под стражу от 09.03.2010 № 2696-Іс (далее – Кодекс), состоящем из XXII глав и 127 статей [1].

Как и в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и других пенитенциарных ведомствах европейских стран, персонал исправительных учреждений Грузии может замещать должности как в специальных, так и гражданских подразделениях. Сотрудникам специальных подразделений, проходящим службу на офицерских и рядовых

должностях, присваивается воинское звание или государственное специальное звание. Данное положение закреплено в ст. 3 Закона Грузии «О Специальной пенитенциарной службе» 01.05.2015 № 3524-Іс [2].

Мера пресечения в виде заключения под стражу и лишение свободы в Грузии, как следует из ч. 5 ст. 8 Кодекса, исполняется в учреждениях содержания под стражей, учреждениях лишения свободы, лечебных учреждениях и учреждениях смешанного типа. Последний вид учреждения может быть создан при наличии такой необходимости Министром юстиции Грузии.

Учреждения для содержания под стражей являются особо охраняемыми учреждениями закрытого типа, в которых обвиняемые содержатся в запираемых помещениях – камерах. Как правило, в учреждениях для содержания под стражей содержатся только обвиняемые. Однако данное правило не распространяется на учреждение смешанного типа, в пределах которого могут отдельно содержаться обвиняемые и осужденные (ст. 9 Кодекса).

В соответствии с ч. 2 ст. 10 Кодекса осужденные отбывают лишение свободы в: 1) учреждении лишения свободы по подготовке к освобождению; 2) учреждении лишения свободы низкого риска; 3) учреждении лишения свободы полуот-

Таблица 1. Сведения о фактической наполняемости исправительных учреждений Грузии в ноябре 2023 г.

Виды исправительных учреждений	Количество осужденных
Низкого риска	231
Полуоткрытого типа	5288
Закрытого типа	2036
Особого риска	172
Для несовершеннолетних	22
Для женщин	277
по подготовке к освобождению	81

крытого типа; 4) учреждении лишения свободы закрытого типа; 5) учреждении лишения свободы особого риска; 6) реабилитационном учреждении для несовершеннолетних; 7) женском специальном учреждении.

Приведем в таблице официальные данные Национального статистического бюро Грузии о фактической наполняемости различных видов пенитенциарных учреждений страны в ноябре 2023 г.

Общим для всех видов пенитенциарных учреждений Грузии является наличие защитной ограды и вооруженной охраны, а также осуществление постоянного контроля за осужденными визуально и с помощью технических средств наблюдения (аудио- и видеозаписи), осуществляемого и в жилых помещениях.

В учреждениях лишения свободы по подготовке к освобождению (ст. 10.1 Кодекса) и учреждениях лишения свободы низкого риска (ст. 10.2 Кодекса) осужденные проживают в общих жилых помещениях, и им разрешается свободное передвижение по территории учреждения. Отличительной чертой учреждения лишения свободы по подготовке к освобождению является наличие у осужденного возможности временно покинуть пенитенциарное учреждение с разрешения Генерального директора Службы.

Осужденные, отбывающие лишение свободы, в учреждениях полуоткрытого типа размещаются в единых помещениях, им также разрешается свободное передвижение по территории исправительного учреждения (ст. 11 Кодекса).

Наиболее строгими по условиям содержания являются учреждения закрытого типа (ст. 12 Кодекса) и учреждения лишения свободы с особым риском (ст. 12.1 Кодекса), в которых осужденные размещаются в помещениях камерного типа, помимо этого они лишены возможности открытого передвижения по территории исправительного учреждения.

Женские специальные учреждения (ст. 12.3 Кодекса) предназначены для содержания осужденных женщин, в том числе и несовершеннолетних. По режиму содержания женские специальные учреждения приравниваются к учреждениям лишения свободы полуоткрытого типа.

В Грузии административное и уголовное производство в отношении несовершеннолетних или с участием несовершеннолетних осуществляется в особом порядке, что обусловлено требованиями Кодекса о правосудии в отношении несовершеннолетних 12.06.2015 № 3708-Пс (далее – Ювенальный кодекс) [1]. В частности, согласно ст. 79 Ювенального кодекса обвиняемые и осужденные, не достигшие совершеннолетия, содержатся в пенитенциарных учреждениях отдельно от несовершеннолетних обвиняемых и осужденных. Данное правило распространяется и на условия размещения при транспор-

тировке несовершеннолетних обвиняемых и осужденных. Совершеннолетние и несовершеннолетние обвиняемые и осужденные могут находиться совместно лишь на спортивных, реабилитационных и образовательных мероприятиях.

Более того, законом предусмотрено дальнейшее разделение несовершеннолетних осужденных по возрастным группам, в зависимости от тяжести совершенного преступления, физического и умственного развития, а также других характеристик. Кроме того, администрация пенитенциарного учреждения обязана создавать улучшенные бытовые условия и питание для данной категории осужденных, реализовывать программы по реабилитации и образованию несовершеннолетних осужденных (получение обязательного начального и базового образования, профессиональное обучение и т.д.).

Так же несовершеннолетние осужденные могут выезжать за пределы пенитенциарного учреждения трижды в год общей продолжительностью до 15 дней. Данное право возникает после фактического отбытия несовершеннолетним осужденным определенного срока наказания в виде лишения свободы – одной трети за совершение менее тяжкого преступления; не менее половины за совершение тяжкого преступления; не менее двух третей за совершение особо тяжкого преступления. Положения Ювенальный кодекс распространяются и в отношении несовершеннолетних осужденных женского пола, отбывающих лишение свободы в женских специальных учреждениях.

Пристатейный библиографический список

1. Законодательный вестник Грузии 27.01.2024 // Сайт печатного органа Министерства юстиции Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.matsne.gov.ge/ru> (дата обращения: 17.01.2024).
2. Geostat official website. Criminal Justice Statistics. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.geostat.ge/en/modules/categories/132/criminal-justice-statistics>(дата обращения: 17.01.2024).

ПЕРМЯКОВ Максим Владимирович

кандидат юридических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

КОТОВ Василий Васильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

КИЛИН Александр Григорьевич

старший преподаватель кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В статье раскрыты основные тенденции использования такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативное внедрение в борьбе с организованными видами преступных проявлений. Авторами проанализированы различные ситуации организационного плана при подготовке, проведении и завершении оперативных комбинаций, направленных на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, совершаемых криминальным элементом, обладающим признаком организованности. В настоящее время в нашей стране насущной остается задача борьбы с преступностью. Практике известны преступления, которые успешно раскрыть и расследовать можно только с применением оперативно-розыскной деятельности. Статья 1 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 08.12.2011) «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее - Закон об ОРД) определяет оперативно-розыскную деятельность (ОРД) как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Законом об ОРД, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств. Так же затронуты проблемные аспекты, связанные с профессиональным осуществлением оперативно-розыскной деятельности на современном этапе развития общества и государства.

Ключевые слова: правоохранительные органы, оперативно-розыскное мероприятие, санкционирование, преступная группировка, силовая структура, внедряемый, преступление, прикрытие, криминальный круг, междоусобица, оперативная комбинация, двурушничество, ответственность, злодеяние.

PERMYAKOV Maxim Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of the First President of Russia B. N. Yeltsin Ural Federal University, V. F. Yakovlev Ural State Law University

KOTOV Vasilij Vasiljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

KILIN Alexander Grigorjevich

senior lecturer of Criminalistics sub-faculty of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

OPERATIONAL IMPLEMENTATION IN THE FIGHT AGAINST ORGANIZED CRIME

The article reveals the main trends in the use of such an operational investigative measure as operational implementation in the fight against organized types of criminal manifestations. The authors analyzed various situations of the organizational plan in the preparation, conduct and completion of operational combinations aimed at identifying, preventing and solving crimes committed by a criminal element with a sign of organization. Currently, the task of fighting crime remains urgent in our country. In practice, crimes are known that can be successfully solved and investigated only with the use of operational investigative activities. Article 1 of Federal Law No. 144-FZ dated 08/12/1995 (ed. dated 08.12.2011) "On Operational investigative activities" (hereinafter - the Law on ORDO) defines operational investigative activities (ORDO) as a type of activity carried out publicly and secretly by operational units of state bodies authorized to do so by the Law on ORDO, within their powers by carrying out operational investigative measures in order to protect life, health, human and civil rights and freedoms, property, ensuring the security of society and the state from criminal encroachments. The problematic aspects related to the professional implementation of operational investigative activities at the present stage of development of society and the state are also touched upon.

Keywords: law enforcement agencies, operational search activity, authorization, criminal group, power structure, implemented, crime, cover-up, criminal circle, internecine strife, operational combination, double-dealing, responsibility, atrocity.

Борьба с организованной преступностью является одной из самых сложных задач правоохранительных органов. Преступные группировки совершенствуются вместе со временем, а доказать виновность лидеров этих ОПГ с каждым разом становится все сложнее и сложнее. Банальные оперативно-розыскные мероприятия против этих лидеров бессильны, поэтому, сотрудники полиции используют такое оперативно-розыскное мероприятие как оперативное внедрение.

Оперативное внедрение – это оперативно-розыскное мероприятие ведомственного санкционирования, осуществляющееся путем введения сотрудника в организованную преступную группировку [3]. Уже на этом этапе появляются первые проблемы. Серьезные преступные группировки, перед тем как начать работать с определенным человеком, прежде наводят о них справки, не хуже, чем оперативные работники государственных силовых структур. Есть ряд примеров, когда подобные операции, про-

Пермяков М. В.

Котов В. В.

Килин А. Г.

валивались еще на стадии подвода человека к преступной группировке. Поэтому прежде, чем внедрить сотрудника в преступную группировку, следует подготовить ему легенду, на которую наткнутся криминальные элементы, проверяя этого человека. Сам же внедряемый тоже должен прекрасно знать свою легенду, чтобы придерживаться ее все время работы по полученному заданию.

Сразу после того, как разрабатываемые согласились работать с сотрудником, некоторые преступные группы практикуют и устраивают проверки. Проверка зависит от уровня преступной группировки и ее профилизации, если это серьезная преступная группировка, занимающаяся грабежами, убийствами, рэкетом или прочими серьезными преступлениями, то и проверки у них соответствующие. Иногда доходит до того, что новых членов (кандидатов-соискателей) преступной группировки просят убить какого-то человека и фиксируют этот процесс на видеокамеру, так сказать «замазать кровью». Таким образом претендента на вступление в преступную организацию привязывают и в случае чего, шантажируют этим видео. Такие проверки очень опасны, даже опытные сотрудники-специалисты, понимая, что за это может наступить уголовная ответственность, отказываются от их прохождения, и операция (мероприятие) срывается. К сожалению, с этим ничего не поделаешь, убийство является одним из самых тяжелых преступлений, и за него придется отвечать любому, даже сотруднику правоохранительных структур, работающих по легенде под прикрытием.

После того, как легенда сотрудника проверена и он прошел проверку, если таковая была, начинается его работа, цель которой заключается в сборе наиболее полной и достоверной информации по преступлениям, подготавливаемым, совершаемым или совершенным преступной группировкой, и своевременно передавать сведения коллегам. В этом есть тоже определенная сложность. Серьезные группировки всегда отслеживают своих участников, особенно вновь прибывших. Отслеживают они, как правило, телефонные звонки, сообщения в мессенджерах, встречи, любые контакты, поэтому внедренным сотрудникам приходится действовать очень аккуратно, чтобы не выдать себя. Поэтому людей, которых внедряют в подобные образования, перед внедрением очень тщательно готовят. Их учат всему: уходить от слежки, самим вести эту слежку, рассказывают, как пользоваться современными устройствами, чтобы не обнаружить свои звонки. Так же эти люди обладают профессиональными навыками огневой и специальной подготовки, потому что при работе под прикрытием, ситуации могут произойти разные, в том числе и не штатные.

Чем заканчиваются такие операции и какие они бывают? Операции, в которых применяют оперативное внедрение, бывают долгосрочные и краткосрочные. Как правило они заканчиваются тем, что сотрудники правоохранительных органов при силовой поддержке спецподразделений и по наводке внедренного сотрудника, осуществляют задержание всей группировки, происходит это чаще всего с поличным, на месте очередного предотвращенного или уже совершенного преступления, либо в местах их собраний и дислокации, в криминальных кругах данные расположения называют «малиной» или «базой».

Но бывает и другой исход таких операций, это как правило долгосрочные операции. Внедренные сотрудники, выходят на определенные руководящие должности в группировке, устраивают раздор с другими преступными образованиями, по принципу «разделяй и властвуй», но это все определяется в изначальном задании внедряемого лица, корректируется куратором в ходе осуществления мероприятия и реализуется в соответствии с поставленными целями во благо общества и государства, в рамках предусмотренных действующим законодательством. Как показывает история, в таких случаях начинается криминальная междоусобица по переделу сфер влияния между заинтересованными и вовлеченными в оперативную комбинацию преступными группировками, победителем остается, как правило, сильнейший или никто. Но для того, чтобы все это не превратилось в кровопролитную войну, в которой могут погибнуть гражданские люди, сотрудники силовых структур очень тщательно контролируют подобные распри и огромную роль здесь играют именно внедренные сотрудники, они, пользуясь доверием лидеров группировок, задают нужные векторы работы, как профессиональные стратеги, корректируя и обеспечивая максимальный контроль над ситуацией посредством своевременного информирования рабочей группы кураторов-координаторов.

Возможен и третий вариант, когда внедренные сотрудники, становятся руководителями преступных группировок. Хорошо это или плохо, вопрос сложный.

Но при внедрении сотрудника в преступную организацию, есть еще одна немаловажная проблема, о которой нельзя не

сказать в этой статье. Оперативная практика знает случаи, когда внедренный в банду сотрудник, был перевербован криминалитетом и вел двойную игру, данное явление в оперативно-розыском пространстве называется «двурушничество». Судьба у таких сотрудников складывается по-разному. В одних случаях их приговаривают криминалитет по своим не писанным законам субкультуры, в других они привлекаются к предусмотренной законом ответственности пропорционально совершенным ими злодеяниям и тогда наказание они отбывают вместе с остальными членами группировки.

Говоря о методе оперативного внедрения, нельзя не обратить внимание на то, как складываются судьбы внедренных сотрудников. Здесь вариантов бывает несколько. Если это было краткосрочное внедрение, то оперативники накрывают всю преступную группировку, тогда для внедренного оперативника это остается просто фрагментом в биографии, мстить после ареста, как правило некому. Но инциденты случаются, не всегда такие операции проходят бесследно для сотрудников.

Как же отбираются сотрудники для внедрения? Не каждый может им стать. Существуют специализированные учебные заведения в силовых ведомствах, где специально готовят кадры для такой работы. Но не все оперативные подразделения обладают такими специалистами. В данном случае, по указанию руководителя осуществляется отбор сотрудников, которые обладают необходимыми деловыми, психологическими и профессиональными качествами и больше всего подходят на эту роль. Как правило они молодые, не женатые, ведь семья в данном случае, будет проблемой. Ко всему этому они должны быть профессионалы своего дела, хорошая физическая подготовка, должный уровень стрельбы и необходимые знания для данной работы.

Однако, внедряемыми могут быть не только сотрудники правоохранительных органов. Встречаются случаи, когда оперативные работники осуществляют ввод в преступную группировку своего кофидента и уже он, под чутким присмотром сотрудников, внедряется в преступную группировку. С такими людьми несколько проще, им не нужно подготавливать легенду, с их биографией и так все в порядке, однако доверия к ним, всяко меньше, чем к профессиональным сотрудникам.

Так же, считаем, необходимым обратить внимание в этой статье на еще один вариант оперативного внедрения. В целях получения новых подробностей по уголовным делам, к задержанным, содержащимся в СИЗО, отправляют под видом таких же арестованных сотрудников правоохранительных структур. В данных условиях их главной задачей является внедриться в доверие к подсудственному и узнать у него информацию, которая так необходима следствию для правильного и полноценного разрешения материалов уголовного дела.

Подводя итог вышесказанному, определим, что оперативное внедрение одно из наиболее эффективных, но сложных в организационном, и опасных мероприятий оперативно-розыскной деятельности, направленных на декриминализацию общества и борьбу с организованной преступностью. При оперативном внедрении встречается ряд проблем, которых, к сожалению, не удается избежать и исправить данный аспект крайне затруднительно. А именно: прохождение проверки, когда внедряемый сотрудник не может совершить тяжкое преступление по указанию руководителя преступной группировки, и непосредственно мстить членов группировки, которые остались на свободе. С последней проблемой правоохранительные органы справляются путем использования средств оперативных подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, вплоть до перевода сотрудника в другой регион или вообще в другую часть страны, где преступникам будет сложнее его найти, но и это, как показывает практика, не всегда приводит к желаемому результату. Но в конце концов, это выбор каждого, призвание, работа, рискуя жизнью, обеспечивать безопасность государства, общества и простых граждан, выполняя свой долг несмотря на все тяготы и лишения!

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ.
3. Пермяков М. В., Гаскаров И. Ф., Котов В. В. Некоторые вопросы оперативного внедрения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2022. - №12. - С. 201-204.

ПИСАРЕВСКАЯ Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации за последние пять лет, анализируется, сколько преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, было зарегистрировано, сколько лиц, совершивших преступления в возрасте 14-17 лет, было выявлено. Особое внимание в статье уделено региональным отличиям в зарегистрированных показателях преступности несовершеннолетних. Автор обращает внимание на наиболее криминогенные субъекты Российской Федерации в этой сфере, анализируется информация о противодействии преступности несовершеннолетних в этих регионах, делается вывод о необходимости глубокого и детального анализа детерминант преступности несовершеннолетних с учетом региональной специфики в целях повышения эффективности профилактической деятельности.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетние, тенденции преступности, региональные отличия, противодействие преступности.

PISAREVSKAYA Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg

COMBATING JUVENILE DELINQUENCY: A REGIONAL PERSPECTIVE

The article discusses the trends in juvenile crime in the Russian Federation over the past five years, analyzed, how many crimes, committed by minors and their complicity, were registered, how many minors aged 14-17, were identified. Special attention in the article is paid to regional differences in the registered indicators of juvenile crime. The author draws attention to the most criminal regions of the Russian Federation in this area, gives information on combating juvenile delinquency in these regions, conclusion is made on the need for in-depth and detailed analysis of the determinants of juvenile crime, taking into account regional specificities, in order to improve the effectiveness of preventive activities.

Keywords: crime, minors, trends in crime, regional differences, combating crime.

Писаревская Е. А.

Зарегистрированная преступность несовершеннолетних в нашем государстве в последние годы демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. Анализ данных о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии убедительно это демонстрирует. Так, если в 2019 году в России была зарегистрирована 41 548 подобных преступлений (-4,6 % к предыдущему году), в 2020 году уже 37 771 (-9,1 %), в 2021 году – 31 865 (-15,6 %), в 2022 году – 30 469 (-4,4 %), в январе-ноябре 2023 года – 24 186 (-9,6 % к аналогичному периоду прошлого года). Соответственно, из года в год уменьшался удельный вес анализируемой категории преступлений от общего числа расследованных. Так, если в 2019 году он составил 3,9 %, то в 2020 году 3,7 %, далее тенденция по уменьшению удельного веса была продолжена, будучи сведена к следующим значениям: 2021 год – 3,1 %, 2022 год – 2,9 %, январь-ноябрь 2023 года – 2,6 %¹.

Демонстрируемое статистикой значительное снижение такого индикатора состояния общества как преступность несовершеннолетних объясняется криминологами далеко не всегда успешной деятельностью правоохранительных и профилактических органов и учреждений. Криминологи отмечают, что, во-первых, возрастает латентность преступности несовершеннолетних, в том числе, связанная «с уходом» несовершеннолетних в Интернет, и это действительно можно назвать общемировой тенденцией, во-вторых, отсутствует реальная социально-экономическая и нравственно-культурная база для снижения преступности несовершеннолетних, несмотря на то, что статистика успешно такое снижение демонстрирует, в-третьих, в обществе устоялась идеология потребления, что, в свою очередь, обуславливает совершение преступлений по корыстным мотивам и эту идеологию сложно переломить, в-четвертых, регистрируется значительное количество несовершеннолетних, совершивших

тяжкие преступления (признаем, что латентным остаются преимущественно преступления небольшой и средней тяжести), в-пятых, удельный вес рецидивной преступности несовершеннолетних в России остается значительным [1, с. 254-255], [2, с. 4], [3, с. 9].

Вместе с тем, необходимо отметить, что даже такая «условно благоприятная статистическая картина» характерна далеко не для всех регионов нашей страны.

Так, при среднем показателе 2019 года – 3,9 %, данный показатель в регионах антилидерах в этом году варьировался от 8,3 % в Республике Карелия до 5,8 % в Амурской области. В 2020 году Республика Карелия сохранила свои позиции с показателем 7,8 %, а замыкала антирейтинг Кемеровская область - Кузбасс с показателем 5,4 %. В 2021 году первую позицию в антирейтинге разделили Магаданская область и Республика Карелия с показателем 6,7 %, замыкала антирейтинг Кемеровская область – Кузбасс с показателем 4,7 %. В 2022 году ситуация изменилась несильно, Республика Карелия осталась лидером с показателем 8,1 %, Кемеровская область - Кузбасс «упрочила» свои позиции в антирейтинге с показателем 4,8 %, а замыкала список регионов с наибольшим удельным весом преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, Республика Коми с показателем 4,6 %. В январе-ноябре 2023 года лидирующие позиции заняла Новгородская область с показателем 6,0 %, а замыкал список Хабаровский край с показателем 3,9 %.

При этом наибольшей криминогенностью по данному показателю отличались следующие субъекты: Новгородская область, в которой рассматриваемый показатель колебался в пределах 7,2-5,5 %, Республика Тыва с показателем в рамках периода 8,1–4,7 %, а также Республика Карелия с показателем 8,3-5,0 %. Данные регионы входили в антирейтинг на протяжении всего рассматриваемого периода.

Если обратиться к анализу такого статистического показателя как количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, то мы увидим, что здесь также демонстрируется «зеркальная» тенденция к снижению, с каждым годом правоохранительными органами выявляется все меньше и меньше таких лиц в Российской Федерации в целом. Так, если в 2019 году было выявлено 37 953 подобных лиц (темп снижения к пре-

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года, за январь-декабрь 2020 года, за январь-декабрь 2021 года, за январь-декабрь 2022 года, за январь-ноябрь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 23.01.2024).

дыдущему году составил -7,1 %), то в 2020 году этот показатель снизился до 33 575 (-11,5 % к предыдущему году), в 2021 году он составил 29 126 (-13,3 %), в 2022 году – 26 305 (-9,7 %), в январе-ноябре 2023 года – 19 884 (-15,0 %).

Удельный вес несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, также неуклонно снижался: в 2019 году он составлял 4,3 %, в 2020 году – 3,9 %, в 2021 году – 3,4 %, в 2022 году – 3,2 %, в январе-ноябре 2023 года – 2,9 %².

Отметим, что это также средние показатели по стране, которые также не всегда соответствовали региональным показателям. Так, анализ статистики МВД России показал, что в 2019 году удельный вес несовершеннолетних от общего числа лиц, выявленных в Республике Тыва, составлял 9,1 % при общероссийском показателе 4,3 %, список неблагополучных в этом отношении регионов в 2019 году замыкала Челябинская область с показателем 6,0 %. В 2020 году первые позиции в антирейтинге занимали Новгородская область с показателем 7,1 % и Республика Тыва с показателем 7,0 %, рейтинг замыкала все та же Челябинская область с показателем удельного веса 5,7 %. В 2021 году антирейтинг возглавили Еврейская АО с показателем 6,4 % и Магаданская область с показателем 6,3 %, замыкала этот список регионов с высокими показателями преступности несовершеннолетних Кемеровская область-Кузбасс с удельным весом 5,0 %. В 2022 году в антилидеры вновь вышли Новгородская область с показателем 6,2 % и Республика Тыва с показателем 6,1 %, замыкала список Республика Карелия с показателем 4,9 %. В январе-ноябре 2023 году антилидеры сохранили свои позиции, анализируемый показатель по Республике Тыва и Новгородской области составил равное значение 6,6 %, замыкала список Республика Марий Эл с показателем 4,3 %.

В анализируемый период пять субъектов РФ находились в списке регионов с самым высоким удельным весом несовершеннолетних в общем числе выявленных лиц и никогда не покидали его. Это: Республика Тыва с показателем, колебавшимся в пределах 5,6 - 9,1 %, Забайкальский край с показателем 5,0-6,7 %, Иркутская область с показателем 4,8-6,3 %, Новосибирская область - 4,6-6,4 %, Республика Карелия – 4,4-7,2 %. Новгородская область не входила в этот перечень один год из пяти.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить регионы нашего государства, в которых преступность несовершеннолетних характеризуется значительным удельным весом на фоне благоприятной тенденции к ее сокращению в целом. К таким регионам можно отнести Новгородскую область, Республику Тыва, Республику Карелия, Забайкальский край, Иркутскую и Новосибирскую области. Проанализируем профилактическую практику некоторых из обозначенных регионов.

Обратившись к отчету начальника УМВД по Новгородской области за 2022 год мы можем увидеть информацию о том, что «число противоправных деяний, совершенных подростками по сравнению с аналогичным периодом 2021 года сократилось на 12 %, а по тяжким и особо тяжким составам на 34,3 %»³, никого анализа касательно значительного удельного веса преступности несовершеннолетних и принимаемых в связи с этим мер в отчете не содержится. Отсутствует данная информация и в соответствующей аналитической справке⁴.

В информационно-аналитической записке об итогах оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Тыва за 2022 год приводится довольно много информации о состоянии преступности несовершеннолетних в регионе, в частности, озвучивается информация о том, что «в регионе отмечается рост преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 15,8 %, а также числа несовершеннолетних лиц, преступивших закон, на 14,5 %, а также указывается, что «Республика Тыва вошла в число регионов с наибольшим удельным весом преступлений (от чис-

ла расследованных), совершенных несовершеннолетними – 5,5 % и по несовершеннолетним лицам, совершившим преступления – 6,1 %», «в структуре преступности несовершеннолетних увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений (+5,9 %; с 85 до 90), краж (+28,2 %; с 78 до 100), разбойных нападений (+133,3 %; с 6 до 14), причинений среднего и легкого вреда здоровью (+433,3 %; с 3 до 16), угонов транспортных средств (+30,8 %; с 13 до 17)»⁵.

При этом в записке указывается, что в 2022 году МВД совместно с различными ведомствами был проведен целый ряд оперативно-профилактических мероприятий, при этом непонятно, с чем связаны такие значительные показатели преступности несовершеннолетних. Получается, что, с одной стороны, все субъекты профилактики много и эффективно работают, проводят соответствующие мероприятия, с другой стороны, преступность несовершеннолетних в регионе продолжает расти. На наш взгляд, этому есть очевидное объяснение – социально-экономическая и нравственно-культурная база преступности несовершеннолетних в регионе не устранены.

Так, по данным проекта «Если быть точным» самая сложная ситуация с преступностью в 2022 году в России была в Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкальском крае и Туве. Все эти субъекты относятся к наименее благополучным с 2014 года, когда этот проект впервые занялся аналитикой. Субъекты объединяют низкая урбанизация, низкий уровень жизни и сильный миграционный отток населения, в них, прежде всего в Забайкальском крае, наблюдается «более интенсивное присутствие бывших заключенных»⁶.

В информационно-аналитической записки о результатах деятельности ОВД Республика Карелия за 2022 год указывается, что в настоящее время требуется активация усилий всех субъектов профилактики преступности несовершеннолетних в связи с повышенной криминальной активностью последних, а также отмечается, что «основной массив преступлений, совершаемых ими преступлений, составляют кражи (78,2 %, 448), более половины из которых (67,4 %, 302) совершены на объектах торговли (+64,1 %)»⁷. В записке приводится некоторая аналитика детерминант преступности несовершеннолетних, к которым, в частности, отнесены, отсутствие досуговой занятости несовершеннолетних во внеурочное время, проблемные вопросы, возникающие при помещении подростков в ЦВСНП.

Таким образом, полагаем, что противодействие преступности несовершеннолетних необходимо выстраивать с учетом региональной специфики, а для того, чтобы повысить эффективность профилактической деятельности, необходимо четко обозначить наиболее важные детерминанты данного вида преступности, на которые в первую очередь субъектам профилактики необходимо направить свои усилия.

Пристатейный библиографический список

1. Писаревская Е. А. К вопросу о количественных и качественных показателях преступности в современной России // Вестник Томского государственного университета. - 2022. - № 479. - С. 252-257.
2. Прокументов Л. М., Ольховик Н. В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. - Томск, 2011. - 154 с.
3. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 1. - С. 5-14.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 года, за январь-декабрь 2020 года, за январь-декабрь 2021 года, за январь-декабрь 2022 года, за январь-ноябрь 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 23.01.2024).
3. Отчет начальника Управления МВД РФ по Новгородской области генерал-майора полиции А. Г. Коновалова перед депутатами Новгородской областной Думы об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел области за 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://53.мвд.рф/document/37886734> (дата обращения: 23.01.2024).
4. Информационно-аналитическая записка УМВД России по Новгородской области о продленной работе за 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://53.мвд.рф/document/36377575> (дата обращения: 23.01.2024).
5. Информационно – аналитическая записка об итогах оперативно-служебной деятельности МВД по Республики Тыва за 2022 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://17.мвд.рф/slujba/Otcheti_dolznoznih_lic/writings/otchet-za-2023-god/informacionno-analiticheskaja-zapiska-ob-i (дата обращения: 23.01.2024).
6. Не все улицы одинаковы безопасны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6162051> (дата обращения: 23.01.2024).
7. Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности ОВД Республика Карелия за 2022 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://10.мвд.рф/activity/direction/mvd> (дата обращения: 23.01.2023).

ТАИЛОВА Айша Габибовна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

РАСУЛОВА Самира Фириддун кызы

магистр 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

АБАКАРОВА Бика Гаджишамхаловна

преподаватель 1 категории Юридического колледжа при Северо-Кавказском институте Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), филиал в г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАЛОЛЕТНЕГО ИЛИ ИНОГО ЛИЦА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В БЕСПОМОЩНОМ СОСТОЯНИИ

В данной статье мы рассмотрим проблемы, связанные с квалификацией убийства малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, и отграничение этой категории преступлений от смежных составов.

Квалификация убийства малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, является сложным и ответственным процессом. Определение мотива, психологического состояния и возраста осуществившего преступление, играют важную роль в правильной квалификации. Проблемы, связанные с этими аспектами, требуют детального анализа и разработки соответствующих правовых норм и практики.

Квалификация убийства малолетнего или иного лица, которое находится в беспомощном состоянии, отграничивается от смежных составов преступлений, таких как убийство, убийство с особой жестокостью, убийство на почве ненависти или сопряжённое с изнасилованием. Проблемы квалификации могут возникать в случаях, когда убийство осуществляется в отношении лиц, несостоятельных в дееспособности или находящихся в других беспомощных состояниях, например, из-за психических или физических ограничений.

Ключевые слова: убийство, малолетний, лицо, находящееся в беспомощном состоянии, умысел, осознание факта, отграничение, смежные составы.

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice, (RLA of the Ministry of Justice of Russia) branch in Makhachkala

RASULOVA Samira Firiddun kyzy

magister student of the 2nd course of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice, (RLA of the Ministry of Justice of Russia) branch in Makhachkala

ABAKAROVA Bika Gadzhishamhalovna

lecturer of the 1st category of the Law College of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice, (RLA of the Ministry of Justice of Russia) branch in Makhachkala

FEATURES OF THE QUALIFICATION OF THE MURDER OF A MINOR OR OTHER PERSON IN A HELPLESS STATE

In this article we will consider the problems associated with the qualification of the murder of a minor or other person in a helpless state, and the delimitation of this category of crimes from related offenses.

Qualifying the murder of a minor or another person in a helpless state is a complex and responsible process. Determining the motive, psychological state and age of the perpetrator plays an important role in correct qualification. Problems associated with these aspects require detailed analysis and development of appropriate legal norms and practices.

The qualification of killing a minor or another person who is in a helpless state is distinguished from related crimes, such as murder, murder with extreme cruelty, murder motivated by hatred or involving rape. Qualification issues may arise in cases where the killing is carried out against persons who lack legal capacity or are otherwise helpless, such as due to mental or physical limitations.

Keywords: murder, minor, person in a helpless state, intent, awareness of the fact, delimitation, related elements.

Убийство – один из самых тяжких видов преступлений, который наносит непоправимый вред не только самому убитому, но и его близким. Особенно трагичными являются случаи убийства малолетних или лиц, находящихся в беспомощном состоянии, таких как инвалиды или пожилые люди, либо лица, страдающие психическими расстройствами. Но вопросы, связанные с квалификацией таких преступлений, часто вызывают сложности и неоднозначность в судебной практике.

Убийство в уголовном праве – это незаконное умышленное причинение смерти другому человеку. Убийство является одним из самых тяжело караемых преступлений. Для

признания деяния убийством, обычно требуется наличие следующих элементов.

Прямой умысел – преступник сознательно стремится причинить смерть другому человеку или осознает высокую вероятность такого исхода в результате своих действий. В судебной практике, при квалификации убийств, определение вида умысла преступления играет большую роль, особенно при разграничении смежных составов. Так, например, по одному из уголовных дел возник вопрос квалификации.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах: 06 января 2023 года в 21 час 20 минут, Ш. А. Юзбеков, находясь в помещении строительного объекта, располо-

женного по адресу: Республика Дагестан, город Каспийск, улица Кавказская, дом 31, корпус «д», действуя умышленно в результате внезапно возникшей ссоры с Абдурахмановым Магомедом Казбековичем, переросшей в драку, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя возможное наступление общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого вреда здоровью и желая их наступления, используя в качестве оружия нож, изготовленный промышленным способом по типу ножей хозяйственно-бытового назначения, не относящегося к категории холодного оружия, держа в правой руке, нанес М. К. Абдурахманову удар в область грудной клетки, причинив тем самым последнему телесное повреждение в виде ранения в область грудной клетки, в результате чего последний получил колото-резанное ранение левой половины грудной клетки с наличием крови в плевральной полости слева, которое по признаку опасности для жизни, квалифицируются как тяжкий вред здоровью.

Таким образом, Юзбеков Шагидин Айдунбекович своими действиями, выразившимися в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия, совершил преступление, предусмотренное пунктом «з» части 2 статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Подсудимый Ш. А. Юзбеков в судебном заседании вину в предъявленном обвинении признал полностью и показал, что 06 января 2023 года в вечернее время, он находился в помещении строительного объекта, расположенного по адресу: г. Каспийск, ул. Кавказская, дом 31, корпус «Д», где распивал спиртные напитки, водку и пиво, вместе со своими коллегами по объекту, а именно Магомедом и их знакомым по имени Алимагомед. Потом Алимагомед и Магомед решили поехать в кафе и уехали, а он остался. Через некоторое время Алимагомед и Магомед вернулись в нетрезвом состоянии и продолжили пить пиво. Спустя время к нему подошел Магомед и стал с ним ругаться, оскорблять и бить кулаками по лицу. Тогда он взял небольшой кухонный нож, и из-за обиды, что не может с ним справиться, нанес Магомеду ножом один удар. Потом он вместе с Алимагомедом стали пытаться оказать Магомеду первую медицинскую помощь, и он сказал Алимагомеду, чтобы он вызвал скорую медицинскую помощь, а сам закрывал рану полотенцем. По приезду кареты скорой помощи врачи забрали Магомеда в больницу. Потом подъехали сотрудники полиции, которым он все рассказал, сознался в содеянном.

Вина подсудимого Ш. А. Юзбекова в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, помимо признания им своей вины, полностью подтверждается материалами дела: показаниями потерпевшего, свидетеля, а также другими доказательствами, собранными по делу и представленными стороной обвинения, проверенные и исследованные в судебном заседании. По словам подсудимого убивать он не хотел. В судебном решении было указано на то, что действия подсудимым были совершены с косвенным умыслом и соответственно не могут быть квалифицированы как покушение на убийство [4].

Физическое действие – преступник должен физически причинить смерть другому человеку. Такое действие может быть осуществлено разными способами, включая применение оружия, удушение, побои и т.д.

Прямая причинная связь – действия преступника должны быть причиной смерти пострадавшего. Другими словами, смерть должна была вызвана прямым результатом преступных действий преступника.

Уголовное наказание за убийство может быть разным в разных странах. В большинстве случаев оно включает лишение свободы на длительный срок или даже пожизненное заключение. В некоторых странах убийство сопровождается

смертной казнью, что свидетельствует о повышенной степени её опасности.

Объектом преступного посягательства в данной категории преступлений является жизнь человека. В современном обществе защита жизни человека является одной из главных задач государства. Уголовно-правовая охрана жизни – это система норм и мер, направленных на предотвращение и пресечение посягательств на жизнь, а также на защиту прав и свобод личности. Уголовный кодекс Российской Федерации гарантирует каждому право на жизнь. Статья 2 УК РФ определяет, что защита права на жизнь является одной из главных задач уголовного права.

Таким образом, уголовно-правовая охрана жизни человека является неотъемлемой частью правовой системы государства. Право на жизнь каждого человека защищается законом, а преступления против жизни подлежат строгому уголовно-правовому преследованию.

Убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, является особым видом преступления против жизни и достоинства человека. Этот вид убийства характеризуется тем, что жертва находится в состоянии, когда её невозможно защитить или она не в состоянии сопротивляться нападающему, в результате чего происходит лишение жизни.

При убийстве малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, жертва может быть ребенком, пожилым человеком, инвалидом, лицом, находящимся в коматозном состоянии или имеющим иные физические или психические ограничения, препятствующие защите. Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве», квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ следует умышленное причинение смерти потерпевшему, который не способен в силу физического или психического состояния защитить себя или оказать активное сопротивление виновному [1].

Для верной квалификации особое значение имеет установление того факта, что виновный осознавал беспомощность потерпевшего. Термин «заведомость» подразумевает достоверное знание о каком-либо факторе. Отсутствие легального толкования указанного понятия вызывает проблему при применении уголовной нормы.

По мнению И. Р. Кузнецовой, беспомощность подразумевает понимание потерпевшим совершения в его отношении нападения, но невозможности оказать сопротивление преступному деянию. В случае если лицо этого не осознает, то и сопротивляться оно не способно [3, с. 39-41]. К ним относятся малолетних, престарелых, тяжелобольных и лиц, страдающих психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее.

Вопрос о том, необходимо ли считать престарелый возраст критерием беспомощности, а также то, с какого возраста человек может быть отнесен к указанной категории, в настоящее время является дискуссионным. В большинстве случаев совершение преступления в отношении престарелых лиц рассматривается, как совершенное в отношении беспомощного. В науке выдвигаются предложения, согласно которым престарелым рекомендуется считать лицо, достигшее 65 лет у мужчин и 60 лет у женщин. В ряде случаев, для признания престарелого лица беспомощным, указывается необходимость достижения им 80 лет.

Лица, страдающие психическими расстройствами и не способные адекватно реагировать на происходящее, в частности здраво оценивать действия другого лица, считаются беспомощными. К ним можно отнести людей, страдающих различной степенью дебильности, идиотией и др. Однако в данном случае наличие психического расстройства должно быть подтверждено заключением врача, а вывод о способности потерпевшего осознавать происходящее делает суд.

Характеристики убийства малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, могут включать: Жертва находится в беспомощном состоянии: это означает, что она не способна защитить себя физически или интеллектуально, и ей требуется помощь других людей для выполнения основных функций жизни.

Убийство такого рода осуществляется с преднамеренным умыслом и осознанием фатализма его последствий, убийство подразумевает лишение жертвы жизни, что является самым тяжким преступлением среди нарушений права на жизнь.

Осложняющие обстоятельства: некоторые юрисдикции устанавливают дополнительные условия, которые делают убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, ещё более тяжким преступлением. Например, это может быть совершено сексуальной или физической издевательствами или сопровождаться другими формами насилия.

Убийство малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, является одним из наиболее жестоких преступлений. Общество, с помощью закона и правосудия, должно защищать и обеспечивать безопасность этой уязвимой группы людей.

Понятие «малолетний» обычно относится к человеку, который еще не достиг возраста четырнадцати лет. Точная возрастная граница для считания лица малолетним может различаться в разных странах и юрисдикциях. Например, в большинстве стран мира это возраст до 18 лет, однако в некоторых странах может быть немного меньше (например, 16 лет). В уголовном праве России относится к ребёнку, который еще не достиг возраста четырнадцатилетнего возраста.

Понятие «лицо, находящееся в беспомощном состоянии» обычно означает человека, который из-за своих физических или психических особенностей не способен самостоятельно обеспечить себе достойные условия жизни и нуждается в постоянной опеке или помощи других людей. Это может включать детей с особыми потребностями, пожилых людей с ограниченной мобильностью, лиц с инвалидностью или людей, находящихся в критическом здоровье.

Беспомощное состояние может иметь различные значения в разных контекстах. В некоторых случаях оно может указывать на физическую слабость или недееспособность человека, когда он неспособен оказывать сопротивление или самостоятельно выполнять базовые задачи. Такое состояние может быть вызвано болезнями, травмами или другими факторами, которые ограничивают физическую способность человека.

Однако, «беспомощное состояние» может также относиться к психологическому или эмоциональному состоянию человека, когда он чувствует себя незащищенным, бесполезным или неспособным справиться с трудностями. Такое состояние может быть вызвано ситуацией, в которой человек испытывает потерю контроля или влияния на свою жизнь, либо вызвано психическим заболеванием, стрессом или травмой. Именно этот аспект беспомощного состояния часто вызывает неопределенность и неоднозначность в его понимании. Так как эмоциональное состояние исключительно индивидуально и зависит от множества факторов, каждый человек может воспринимать и выражать свою беспомощность по-разному. Описанная неоднозначность часто требует более детального и контекстуального объяснения, чтобы полностью понять, что означает беспомощное состояние для данной конкретной ситуации или человека.

Преступление, совершаемое против малолетних или лиц, находящихся в беспомощном состоянии, имеет несколько специфических особенностей и требует особого подхода к квалификации.

Во-первых, такие преступления являются особенно жестокими и вызывают особый общественный резонанс.

Во-вторых, малолетние или беспомощные лица не могут защитить себя от насилия, поэтому должна существовать соответствующая уголовная защита.

Одной из основных проблем квалификации убийства малолетнего или беспомощного лица является определение мотива преступления. Очень часто убийства такого рода совершаются из низменных побуждений, таким как возмездие, желание унижить или подчинить другим. В таких случаях возникает вопрос о квалификации – является ли это преднамеренным убийством с учетом подозреваемого мотива или убийством по неосторожности.

Также проблемой является определение психологического состояния субъекта преступления. В некоторых случаях лицо, совершившее убийство малолетнего или инвалида, может быть недееспособным или иметь психическое расстройство. В таких ситуациях требуется проведение психиатрической экспертизы, чтобы определить степень вменяемости и установить квалификацию преступления. Требуется так же установить, есть ли факты, свидетельствующие о том, что виновный понимал свои действия и был способен осознанно совершить преступление. Это может включать анализ психического состояния виновного и демонстрацию его способности контролировать свои действия.

Так например, 29.04.2022, примерно в 08 часов 20 минут, в здании реабилитационного центра «НАФС» по адресу: Республика Дагестан, г. Каспийск, ул. Р. Алилова, (8 Марта) 92 «а», реабилитант Ахмедов Амур Сулейманович, 13.08.1989 года рождения (он же Алибеков Казбек Алибекович), с целью причинения смерти нанес удар посадочной частью грифа гантели в височную область спавшего на полу реабилитанта Латокова Заурбека Владимировича, 25.03.1991 года рождения.

В результате чего З. В. Латокову причинены повреждения: открытая черепно-мозговая травма; ушиб головного мозга тяжелой степени; контузионно-геморрагические очаги ушиба височной доли справа с кровоизлиянием под мягкие мозговые оболочки; вдавленный перелом височной кости справа с переходом на основание черепа; перелом скулового отростка справа; ушибленная рана правой ушной раковины, которые по признаку опасности для жизни квалифицируются как тяжкий вред.

А. С. Ахмедов не смог довести свой преступный умысел до конца ввиду своевременной госпитализации и оказания З. В. Латокову медицинской помощи.

Таким образом, Ахмедов Амур Сулейманович, 13.08.1989 года рождения совершил запрещенное уголовным законом общественно-опасное деяние, предусмотренное ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 105 УК РФ, а именно покушение на убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам.

В ходе судебного заседания А. С. Ахмедов пояснил, что, находясь на лечении в реабилитационном центре «НАФС», он спустился в банное помещение, взял оттуда гантелю и нанес ей множество ударов по голове человеку, который лежал рядом с ним в реабилитационном центре, но он остался жив. Удары человеку он нанес с целью его убить, потому что ему необходимо было попасть в тюрьму.

Факт совершения А. С. Ахмедовым опасного деяния, запрещенного уголовным законом, попадающего под признаки преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 – ч. 1 ст. 105 УК РФ, подтверждается собранными по делу доказательствами, исследованными и оцененными в ходе судебного заседания.

В ходе проведенной судебно-психиатрической экспертизы заключением комиссии экспертов № 35 от 09.03.2023 установлено, что А. С. Ахмедов страдает хроническим психическим расстройством в форме «Параноидной психоза», на что указывают материалы уголовного дела и анамнестические данные о манифестации заболевания психо-

тическими расстройствами в форме аффективно-бредовых переживаний, по поводу чего изменил свои паспортные данные, с последующим присоединением псевдогаллюцинаторных обманов восприятия, а также о достаточно быстро формирующемся у него личностном дефекте с эмоциональной холодностью и отсутствием критики к содеянному и своему поведению.

При таких обстоятельствах суд считает необходимым согласиться с заключением судебно-психиатрической комиссии экспертов и сделать вывод, что А. С. Ахмедов общественно опасное деяние совершил в состоянии невменяемости, что согласно ст. 21 УК РФ является основанием для освобождения последнего от уголовной ответственности и применения к нему принудительных мер медицинского характера [5].

Квалификация убийства малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, является сложным и ответственным процессом. Определение мотива, психологического состояния и возраста осуществившего преступление, играют важную роль в правильной квалификации. Проблемы, связанные с этими аспектами, требуют детального анализа и разработки соответствующих правовых норм и практики.

Квалификация убийства малолетнего или иного лица, которое находится в беспомощном состоянии, отграничивается от смежных составов преступлений, таких как убийство, убийство с особой жестокостью, убийство на почве ненависти или сопряжённое с изнасилованием. Проблемы квалификации могут возникать в случаях, когда убийство осуществляется в отношении лиц, несостоятельными в дееспособности или находящимися в других беспомощных состояниях, например, из-за психических или физических ограничений.

Квалификация убийства зависит от различных факторов, включая намерение виновного, орудие, использованное при совершении преступления, и последствия убийства. Например, добавление смежного состава, такого как убийство с особой жестокостью, может быть уместно, если имеются дополнительные факты, доказывающие умышленное причинение жертве избыточной жестокости.

Отграничение убийства малолетнего или другого лица, находящегося в беспомощном состоянии, от смежных составов – это вопрос, связанный с юридическими определениями и классификацией преступлений.

Убийство малолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии, может быть классифицировано как преступление активного характера. Это значит, что убийство будет рассматриваться как целенаправленное причинение смерти, при котором преступник осознанно и умышленно действует с целью лишить жизни другого человека.

С другой стороны, существуют и смежные составы преступлений, которые могут быть связаны с убийством малолетнего или лица в беспомощном состоянии, но которые включают иные умышленные действия или околопреступное поведение. Например, это может быть причинение тяжкого вреда здоровью, незаконное лишение свободы, и т.д. Но в случае причинения смерти, будет установлено убийство и действие виновного следует квалифицировать по части 2 статьи 105 УК РФ.

Отграничение убийства малолетнего от убийства матерью новорожденного ребенка заключается в следующем:

Возраст жертвы: убийство малолетнего означает, что жертва на момент совершения преступления является несовершеннолетним. Такое убийство считается особенно тяжким, поскольку малолетний лишен возможности самостоятельно защитить себя. В случае убийства матерью новорожденного ребенка, жертва, несмотря на свой маленький возраст, не является малолетним, так как убийство совершается его матерью и его принято признавать малолетним.

Родственные отношения: убийство малолетнего может быть совершено кем угодно, а не только его матерью. Это

может быть любой человек, который несет ответственность за совершение данного преступления. В случае убийства матерью новорожденного ребенка, ответственность ложится только на саму мать.

Мотивы: мотивы убийства малолетнего и убийства матерью новорожденного ребенка могут быть разными. В случае убийства малолетнего мотивы могут быть связаны с желанием лишить жизни или отвлечь внимание от своих преступных действий. В случае убийства матерью новорожденного ребенка, мотивы могут быть связаны с отрицанием родительских обязанностей, наличием психических расстройств или нежеланием брать на себя ответственность за ребенка.

Точная квалификация убийства малолетнего или беспомощного лица всегда зависит от конкретных фактов дела и соответствующих законов страны. Решение о квалификации совершаемых преступлений принимают компетентные органы правосудия после рассмотрения всех доказательств и представленных обстоятельств.

Квалификация преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, нередко вызывает дискуссии, так как ситуации, возникающие в судебной практике, не поддаются к сведению в определенные рамки [2, с. 40]. Кроме того, наличие в законодательстве пробелов требует выделения понятий «малолетний» и «беспомощный», а также говорит о необходимости внесения в него изменений. Это позволит снизить количество совершаемых преступлений по данному составу.

Таким образом, квалификация убийства малолетнего или иного лица, находящегося в беспомощном состоянии, является сложной и относительно новой проблемой в уголовном праве. Определение этой категории преступления и отграничение ее от смежных составов требует детального анализа, учета обстоятельств дела, а также специальных законодательных норм. Правильное определение квалификации поможет вынести справедливое решение и применить соответствующую меру наказания преступнику.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 (в ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) // Российская газета. – 1999. – 9 февраля. – № 24.
2. Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья. – М.: Зерцало-М, 2014. – С. 40.
3. Кузнецова И. Р. Проблемные вопросы квалификации убийства малолетнего или иного лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии // Научная перспектива в образовании и развитие творческого потенциала современной системы знаний. – 2020. – С. 39-41.
4. Дело № 1-166/2023/УИД 05RS0021-01-2023-000647-39 // Каспийский городской суд Республики Дагестан.
5. Дело №1-206/2023 УИД 05RS0021-01-2023-001137-24 // Каспийский городской суд Республики Дагестан.

ТАШЕВА Гюльнара Равильевна

преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) Краснодарского университета МВД России

Ташева Г. Р.

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Статья посвящена обзору и анализу проблем противодействия киберпреступлениям в условиях цифровизации экономики. Цифровизация экономических процессов имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Одной из отрицательных тенденций является рост количества преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Это в свою очередь приводит к новым проблемам: сложности в части нормативно-правового регулирования; проблема определения уголовной ответственности за совершенные противоправные действия.

В конце 20 века началась активная реализация концепции цифровой экономики. Классическая модель функционирования экономики подверглась революционным изменениям, и появились совершенно новые формы функционирования экономических субъектов. Бизнес-сфера подверглась фактически фундаментальным изменениям, особенно в части совершения экономических операций. Переход экономических отношений в новые условия привел к значительному ослаблению управленческого воздействия государства. Таким образом, контрольная функция государственных органов немного ослабла.

Развитие и внедрение цифровых технологий в экономику – это тенденция, наблюдаемая во всем мире. В тройку лидеров с наиболее развитой цифровой экономикой входят Южная Корея, Сингапур и Гонконг, Российская Федерация далека от лидирующих позиций (данные The Boston Consulting Group). Но в России данное направление определено как один из наиболее приоритетных векторов развития.

Ключевые слова: цифровизация экономики, киберпреступления, информационные технологии, инновации, банковский сектор, информационная грамотность, базы данных.

TASHEVA Gulnara Raviljevna

lecturer of State and civil law disciplines sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Training (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

PROBLEMS OF COMBATING CYBERCRIME IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF THE ECONOMY

The article is devoted to a review and analysis of the problems of combating cybercrime in the context of digitalization of the economy. Digitalization of economic processes has both positive and negative consequences. One of the negative trends is the increase in the number of crimes committed using information technology. This in turn leads to new problems: difficulties in terms of legal regulation; the problem of determining criminal liability for committed illegal actions.

At the end of the 20th century, the active implementation of the concept of the digital economy began. The classical model of economic functioning has undergone revolutionary changes, and completely new forms of functioning of economic entities have emerged. The business sphere has actually undergone fundamental changes, especially in terms of economic transactions. The transition of economic relations to new conditions led to a significant weakening of the administrative influence of the state. Thus, the control function of government bodies has weakened slightly.

The development and implementation of digital technologies in the economy is a trend observed throughout the world. The top three with the most developed digital economy include South Korea, Singapore and Hong Kong; the Russian Federation is far from the leading position (data from The Boston Consulting Group). But in Russia this direction is defined as one of the highest priority vectors.

Keywords: digitalization of the economy, cybercrime, information technology, innovation, banking sector, information literacy, databases.

В учебной литературе отмечено, что киберпреступность не только является угрозой только для информационного пространства, но и имеет отношение к нарушению государственного порядка и целостности. Следует отметить, что в силу масштабной цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества киберпреступность затрагивает военно-промышленный комплекс, образование, здравоохранение и социальную сферу. Особое внимание следует уделить преступлениям в сфере экономики, количество которых возрастает с каждым годом. Отдельно необходимо рассматривать преступления, совершенные в сфере цифровой экономики.

С 2017 года в Российской Федерации в уголовной статистике в категории преступлений экономического характера отдельно ведется учет преступлений, которые совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий. За 2022 год зафиксировано около 510 тысяч киберпреступлений. Данная цифра не отражает реальной ситуации, так как киберпреступления имеют высокую латентность. Причиной которой является низкий уровень правовой и информационной грамотности лиц, которые пострадали от противоправных действий. Указанную точку зрения высказали 121 эксперт из 130, которых опросили в ходе проведения исследования [5, с. 85].

Киберпреступления в целом фиксировать сложно, так как преступления совершаются с использованием современных технических средств, электронной информации, которые постоянно эволюционируют. И эти технические достижения и инновации активно используют преступники, подвержены постоянной трансформации объекты, на которые направлены преступные действия.

Вопрос правового регулирования остается одним из самых острых, так как нет четкого определения статей Уголовного Кодекса, относящихся к сфере регулирования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий.

Среди специалистов сложились различные мнения относительно закрепления фактов использования информационных ресурсов. Большинство экспертов все-таки отмечают в основном статьи именно Особенной части УК РФ, в которой указан прямо элемент использования телекоммуникационных, компьютерных технологий, электронных средств платежа. В частности, специалисты отметили следующие статьи: ст. 159, ст. 159.6, ст. 171.2, ст. 171.3, ст. 187 УК РФ. Специалисты также отметили и такие статьи: ст. 159, 172.1, 172.2, 174, 180, 183, 185.6 УК РФ, но они упоминались реже [1].

Преступные деяния информационного характера, которые предусмотрены гл. 21 и 22 УК РФ сложно классифицировать, так

как они в большинстве случаев являются составной частью иных преступных действий. Классификация именно по признакам родового, видового и непосредственного объектов может быть неправильной.

Изучение 150 обвинительных приговоров по уголовным делам о преступных действиях, которые совершены в области цифровой экономики подтверждают, что киберпреступления являются одной из составляющих иных преступлений, в частности это деяния, обозначенные в ст. ст. 272-274 УК РФ. Это статьи, которые регламентируют преступные действия в области компьютерной информации.

Активное внедрение информационных и инновационных технологий привело к обострению определенного перечня проблем, особенно в области охраны персональной информации, коммерческой, банковской и корпоративной тайны. Проблемы касаются именно информации конфиденциального характера. Инсайдерская информация, которая имеет специальный правовой режим, также относится к данной категории. Законодатель, если предоставляет подобного рода информации уголовно-правовую защиту, то он прямо предполагает наличие возможности криминального использования с помощью применения информационных технологий, к примеру это ее распространение, передача посредством глобальной сети (ст. 1853 УК РФ). Либо презюмирует данную возможность, прибегая к менее казуистичному способу изложения диспозиции нормы (ст. 1856 УК РФ) [1].

Для криминальных образований интересной может быть информация, которая находится в открытом доступе. К примеру, для осуществления рейдерских захватов могут быть использованы сведения из различных реестров. Криминальные структуры активно используют определенные механизмы маркетинговых действий в глобальной сети. В открытом доступе размещаются отчеты и исследования текущего состояния социального коммерческого поиска, стратегии созданий коллабораций, маркетинговые исследования.

Преступления, совершаемые в финансово-кредитном секторе, занимают наибольшую долю в структуре экономических преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Это связано с тем, что темпы цифровизации наиболее высокие именно в банковском секторе. Банковский сектор отличается высоким уровнем рисков совершения киберпреступлений. Сотрудники правоохранительных органов и специалисты в области цифровизации отмечают, что самым уязвимым объектом являются денежные средства физических и юридических лиц, которые размещаются на счетах банка. Между существенным изменением характера, методов совершения преступных действий существует прямая корреляционная связь с уровнем информационной безопасности субъектов экономических взаимоотношений [2, с. 230].

Работа над эффективностью информационной безопасности банковского сектора ведется постоянно, но имеются недостатки в части неправомерного доступа к базе клиентов, явлениями кардинга, фишинга и активным применением при совершении действий средств сотовой связи, платежных терминалов. Наиболее уязвимыми являются некрупные организации, индивидуальные предприниматели. Объясняется такая ситуация отсутствием возможности приобретения дорогого оборудования и программных продуктов, которые могут эффективнее защитить от кибератак.

Цифровизация привела и к изменению самой структуры и модели взаимодействия преступных групп. По мнению зарубежных исследователей среди таких групп отсутствует признак сплоченности. На смену традиционных форм взаимодействия приходит эфемерная форма взаимодействия, так называемые макросети. Участниками таких формирований являются посетители чатов, форумов, закрытых сообществ в сети. Однако получить доступ в данные группы требует того, чтобы заслужить определенное доверие, наличия соответствующего статуса и репутации. Вопрос является ли данная форма взаимодействия менее устойчивой в сравнении с традиционным форматом общения остается еще открытым. Спорный вопрос и определения момента, когда такие отношения экономической сфере переходят в уголовно-правовые и уголовно-процессуальные.

Уровень риска стать жертвой мошенников, которые используют анонимные прокси-серверы, сайты-двойники и для совершения своих преступных действий, высок. Высока вероятность совершения сделки без товара, такая сделка признается ничтожной. Совершение данной сделки может привести к по-

следствиям уголовно-правового характера, кроме последствий гражданско-правового характера [6].

Значительно усложнился процесс определения правового статуса и добросовестности субъектов, которые вовлечены в процесс, по причине транснационального формата электронного обмена информацией.

В Российской Федерации и за рубежом по этой причине активно идет обсуждение вопроса о привлечении к юридической, в частности к уголовной ответственности интернет-провайдеров. Некоторые специалисты высказывают мнение о необходимости использования поощрительных механизмов в отношении лиц, которые сотрудничают с правоохранительными органами.

Противодействие киберпреступлениям в экономической сфере усложняется еще одним характерным признаком – это повышенный уровень виктимности. Чувствовать себя в полной безопасности очень сложно в условиях широкого использования электронных гаджетов, электронных платежных систем и онлайн-сервисов [4, с. 60].

Атрибутом жизни современного общества является получение СМС-сообщений, которые содержат мошеннические уловки. В обществе иногда недостаточно серьезно воспринимается опасность такого рода сообщений. И по этой причине наблюдается высокая латентность, которая требует определенной работы разъяснительного характера с населением рамках профилактических мероприятий. Проведение данной работы должно находиться в зоне ответственности структур, которые предоставляют данные услуги. Так именно сотрудник банка должен разъяснить клиенту о возможных мошеннических действиях в отношении него, как клиента банк. Профилактическая работа позволит значительно снизить уровень киберпреступности в экономической среде.

Методы управления рисками цифровой безопасности должны использоваться как основа виктимологической профилактики на уровне соответствующих организаций.

Проблемы противодействия киберпреступности в экономическом секторе общие как в России, так и за рубежом. Это позволяет констатировать, что необходимо аккумулировать методы, механизмы и инструменты по противодействию преступным действиям [2, с. 90].

Ведущими средствами противодействия киберпреступности в экономическом секторе являются: техническое и программное совершенствование компьютерных систем, комплексных судебных программ; интеграция мероприятий по обеспечению информационной безопасности, применения новые разработки в сфере технических средств охраны; формирование и дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, которая соответствует уровню современных киберугроз; соблюдение баланса между защитой информации, ее распространением и контролем.

Реализация описанных выше мероприятий позволит решить определенные проблемы в сфере противодействия киберпреступности в условиях цифровизации экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023).
2. Алейников Д. П. Основные проблемы противодействия киберпреступности в эпоху цифровой трансформации // Образование и право. - 2022. - № 6. - С. 229-231.
3. Жиронкин Д. С. Влияние цифровой экономики на киберпреступность // Молодой ученый. - 2019. - № 30 (268). - С. 88-92.
4. Карцля А. А., Макаренко Г. И. Правовые аспекты современной кибербезопасности и противодействия киберпреступности // Вопросы кибербезопасности. - 2023. - № 1 (53). - С. 58-74.
5. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. - 2022. - № 1 (11). - С. 83-88.
6. Танасейчук Я. В. Мошенничество с использованием пластиковых карт // Право: современные тенденции: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2018 г.). - Краснодар: Новация, 2018.

КОЛОТИЛИНА Анастасия Александровна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО СУДЕБНЫМИ ПРИСТАВАМИ-ИСПОЛНИТЕЛЯМИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации взяточничества, совершаемого судебными приставами-исполнителями. В теории уголовного права и уголовной практике при квалификации взяточничества, совершаемого судебными приставами-исполнителями, учитываются такие квалифицирующие признаки как: получение взятки за незаконные действия; вымогательство взятки; посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий (бездействия).

Ключевые слова: должностное преступление, должностное лицо, коррупция, взятка, взяточничество, вопросы квалификации.

KOLOTILINA Anastasiya Alexandrovna

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

ISSUES OF QUALIFICATION OF BRIBERY COMMITTED BY BAILIFFS

The article addresses problematic issues of the qualification of bribery committed by bailiffs. In the theory of criminal law and criminal practice, the qualification of bribery committed by bailiffs takes into account such qualifying features as: receiving a bribe for illegal actions; extortion of bribes; mediation in bribery for the commission of knowingly illegal actions (inaction).

Keywords: malfeasance, official, corruption, bribe, bribery, qualification issues.

Согласно действующему российскому уголовному законодательству, «взяточничество» включает в себя четыре самостоятельных состава преступлений: получение взятки (ст. 290 УК РФ), дачу взятки (ст. 291 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Ежегодно в России выявляются факты должностных преступлений, предусмотренных ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ. Так, в 2015 г. было зафиксировано 66 возбужденных уголовных дел в отношении работников территориальных органов ФССП России, в 2016 г. – 75, в 2017 г. – 62, в 2018 г. – 53, в 2019 г. – 67, в 2020 г. – 34, в 2021 г. – 32¹.

Вейберт С. И. отмечает, что «начинать процесс квалификации применительно к преступлениям, предусмотренных ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ стоит с использования комплекса негласных оперативно-розыскных мероприятий. Содержание второго этапа представляет собой поиск уголовно-правовой нормы. Третий этап процесса квалификации – установление соответствия между фактическими признаками общественно-опасного деяния и признаками избранного состава преступления» [2; с. 38-39]. Само по себе выявление посягательства и лица, его совершившее, еще не создает надежной предпосылки для привлечения виновного к ответственности. Ставшие известными на оперативном уровне фактические обстоятельства, свидетельствует о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, «... должны быть установлены и доказаны» [1, с. 13].

Примечательно, что постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении судебных приставов-исполнителей, в чьих действиях усматривались признаки преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, вынесенные следователями территориальных отделов следственного

управления Следственного комитета Российской Федерации, свидетельствуют, что зачастую следователи выносят данные постановления, в связи с отсутствием состава преступления в действиях судебного пристава-исполнителя, поскольку факт передачи денег не был задокументирован в ходе оперативно-розыскных мероприятий, либо же должным образом установлен и доказан в ходе проведения процессуальной проверки.

В контексте тематики заявленной статьи представляется необходимым выявить проблемные вопросы квалификации взяточничества, совершаемого судебными приставами-исполнителями:

Квалифицирующий признак – получение взятки за незаконные действия.

Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» – под незаконными действиями (бездействием), за совершение которых должностное лицо получило взятку (ч. 3 ст. 290 УК РФ), следует понимать действия (бездействие), которые: совершены должностным лицом с использованием служебных полномочий, однако в отсутствие предусмотренных законом оснований или условий для их реализации; относятся к полномочиям другого должностного лица; совершаются должностным лицом единолично, однако могли быть осуществлены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом или органом; состоят в неисполнении служебных обязанностей; никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать².

В соответствии с п.22 указанного постановления – совершение должностным лицом за взятку действий (бездей-

1 См.: Отчеты и доклады о деятельности ФССП России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9 (дата обращения: 22.01.2024).

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2023).

стве), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 290 УК РФ. В таких случаях содеянное взяткополучателем подлежит квалификации по совокупности преступлений как получение взятки за незаконные действия по службе и по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Как отмечает профессор Б. В. Здравомыслов: «если за взятку должностное лицо совершает преступное деяние, то в подобных случаях содеянное квалифицируется по совокупности преступлений» [6, с. 416].

Судебный пристав-исполнитель А. С., осведомленная о наличии исполнительных производств в отношении должника Г., предложила знакомому И. выступить посредником в получении взятки в размере 20 000 руб. за выполнение действий по окончанию исполнительных производств при наличии у должника Г. имущества. Знакомый И. выразил согласие и довел предложение А. С. до должника Г., на что последний дал свое согласие.

А. С., находясь в служебном кабинете вынесла постановления об окончании исполнительных производств в отношении должника Г., указав при этом в автоматизированной информационной системе ФССП сведения об отсутствии имущества. Автоматизированной информационной системой ФССП сгенерированы постановления о снятии временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации и постановление об отмене постановления об обращении взыскания на денежные средства.

С целью подтверждения своих действия перед должником Г., пристав-исполнитель изготовила справку об отсутствии исполнительных производств в отношении должника Г. После получения должником Г. указанной справки, последним передана взятка в размере 20 000 руб. И. для последующей передачи приставу-исполнителю А. С. Калужским районным судом Калужской области А. С. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ.

На наш взгляд, действия судебного пристава-исполнителя А. С. в данном случае были квалифицированы по совокупности статей, поскольку кроме очевидного факта передачи взятки, в настоящем примере А. С. совершает действия в виде незаконного вынесения постановлений об окончании и возвращении исполнительного документа взыскателю, что в свою очередь повлекло автоматическое сгенерирование постановления о снятии временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации и постановления об отмене постановления об обращении взыскания на денежные средства³.

Квалифицирующий признак – вымогательство взятки.

Наиболее актуальным вопросом при квалификации взяточничества является проблема разграничения получения взятки при вымогательстве (п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ) и мошенничества (ст. 159 УК РФ).

В п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что под вы-

могательством взятки следует понимать не только требование должностного лица дать взятку, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать указанные предметы с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов⁴.

Как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки [7].

Как отмечает С. И. Вейберг: «существом квалифицирующего признака «вымогательство», применительно к составу преступления, предусмотренного ст. 290 УК РФ, является получение взятки под воздействием ущемления законных прав и интересов гражданина либо под угрозой причинения ущерба его законным интересам действиями, которые обусловлены должностным положением взяткополучателя [2, с. 100].

25.06.2018 Дубненский городской суд Московской области переквалифицировал действия начальника отдела – старшего судебного пристава Дубненского городского отдела судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов Ю. Д. с п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Приговором суда установлено, что Ю. Д. вынесено постановление о возбуждении исполнительного производства в отношении К. В. В. о взыскании денежных средств в размере 3 789 750 руб. в пользу взыскателя ООО «Ю». После чего вынесено постановление о взыскании с должника К. В. В. исполнительского сбора, так как последний, исполнительный документ в пятидневный срок, не исполнил.

В ходе исполнительного производства судебным приставом-исполнителем наложен арест на два земельных участка должника К. В. В., которые были переданы на торги. Из-за отсутствия покупателя спроса взыскателю было предложено оставить нерезализованное в принудительном порядке имущество за собой, на что взыскатель согласился.

Ю. Д. сообщил взыскателю, что для получения вышеуказанных земельных участков, принадлежащих К. В. В., необходимо внести на депозитный счет разницу между суммой двух земельных участков и суммой долга К. В. В., при этом от суммы долга удержится якобы исполнительный сбор равный 7%, а остальные денежные средства будут перечислены по исполнительному производству. Ю. Д. пояснил, что за благодарность в размере 100 000 рублей сможет отменить постановление пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора.

После потупившего предложения взыскатель обратился в ОЭБ и ПК МВД России, где, действуя в рамках оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», передал Ю. Д. обговоренные денежные средства. В ходе данного оперативного мероприятия Ю. Д. задержан сотрудниками полиции.

3 Приговор Калужского районного суда Калужской области по уголовному делу № 1-295/2019 от 18 марта 2019 г. / Калужский районный суд Калужской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kaluga--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sv_num=1&name_op=doc&number=8404318&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.01.2024).

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.12.2023).

Судом установлено, что постановление о взыскании исполнительского сбора не подлежит исполнению иными лицами, в том числе взыскателем. Исполнительский сбор в сумме 273 тысячи рублей ни Ю. Д., ни иное должностное лицо взыскать не могли⁵.

Квалифицирующий признак – посредничество во взяточничестве за совершение заведомо незаконных действий (бездействия).

Для вменения квалифицирующего признака по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ необходимо установить два обстоятельства: наличие служебного положения и его использование. Отметим, что тот факт, что посредник является должностным лицом и занимает определенное служебное положение, не может служить основанием для вменения данного квалифицирующего признака, если служебное положение использовано не было [3, с. 90-91].

При квалификации действий по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ субъект должен осознавать, что передает взятку должностному лицу именно за совершение последним незаконных действий. Если виновный не знает, каким путем (законным или незаконным) будет решаться поставленный перед взяткополучателем вопрос, то квалификация посредничества во взяточничестве по данному признаку исключается и ответственность наступает по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ [4, с. 57].

Как отмечает П. Яни: «под незаконными действиями (бездействием) должностного лица, за которые оно получает взятку, понимаются неправомерные действия, которые не следовали из его служебных полномочий или совершались вопреки интересам службы, а также действия, содержащие в себе признаки преступления либо иного правонарушения. Заведомость означает совершенно достоверное, а не предположительное знание о факте» [5, с. 4].

П. С., ранее состоявший в должности судебного пристава-исполнителя, в интересах обратившегося к нему И., совершил посредничество в даче взятки начальнику отдела судебных приставов Управления Федеральной службы судебных приставов по Московской области, с которым лично знаком, за совершение им заведомо незаконных действий, выразившихся в снятии с должника по исполнительному производству ограничения на выезд из Российской Федерации, а также способствовал вышеуказанным лицам в достижении преступного соглашения между ними.

Приговором Егорьевского городского суда Московской области П. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 291.1 УК РФ. Данный пример свидетельствует о том, что П. С., будучи ранее занимающий должность судебного пристава исполнителя лично знал руководителя отдела и понимал, что снятие с должника по исполнительному производству ограничения на выезд из Российской Федерации без имеющихся

на то оснований, является незаконным действием, в связи с чем квалификация преступления является верной⁶.

Таким образом, при рассмотрении вопросов квалификации взяточничества автором выявлены проблемные аспекты, порождающие трудности правоприменителя квалифицировать тот или иной акт преступного деяния, совершенного судебным приставом-исполнителем.

Пристатейный библиографический список

1. Борков В. Н. Получение взятки: вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002. – 284 с.
2. Вейберт С. И. Взятничество: проблемы квалификации и назначения наказания: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2007. – 195 с.
3. Квалификация взяточничества: (ст.ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ): учебное пособие / М. А. Любавина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юрид. ин-т (фил.) Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2018. – 155 с.
4. Бабаева Э. У., Багмет А. М., Бычков В. В., Кручинина Н. В. Расследование взяточничества: учебно-методическое пособие. – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2014. – 171 с.
5. Яни П. С. Уголовная ответственность за взяточничество: Лекция. – Москва: ИПК РК Генер. прокуратуры РФ, 2001. – 41 с.
6. Уголовное право РФ. Особенная часть. Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 2001. – 550 с.
7. Яни П. С. Взятка или мошенничество? // Законность. – 2012. – № 6. – С. 29-34; № 7. – С. 27-32; № 8. – С. 23-26.

5 Приговор Дубненского городского суда Московской области по уголовному делу № 1-21/2018 от 25 июня 2018 г. / Дубненский городской суд Московской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dubna--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=248653438&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 24.01.2024).

6 Приговор Егорьевского городского суда Московской области по уголовному делу № 1-465/2019 от 11 сентября 2019 г. / Егорьевский городской суд Московской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://egorievsk--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=239441219&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.01.2024).

КУЛИКОВА Маргарита Андреевна

адъюнкт Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСТЯЗАНИЕ

В настоящей статье рассматривается вопрос о наличии или отсутствии критериев, позволяющих сделать вывод о социальной обусловленности ответственности за истязание. Обращается внимание на наличие проблем законодательного и правоприменительного характера в связи со ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются общепризнанные научные критерии криминализации деяния. На основе исследования автором аргументируется социальная обусловленность уголовной ответственности за истязание. Делается вывод об обоснованности криминализации истязания в ст. 117 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: насилие, истязание, физические или психические страдания, социальная обусловленность, общественная опасность.

KULIKOVA Margarita Andreevna

adjunct of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical and Scientific Personnel of the V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR TORTURE

This article examines the question of the presence or absence of criteria that allow us to conclude that responsibility for torture is socially conditioned. Attention is drawn to the existence of legislative and law enforcement problems in connection with Article 117 of the Criminal Code of the Russian Federation. The generally recognized scientific criteria for criminalization of an act are analyzed. Based on the research, the author argues for the social conditionality of criminal liability for torture. The conclusion is made about the validity of criminalization of torture in art. 117 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: violence, torture, physical or mental suffering, social conditioning, social danger.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. На основании упомянутых конституционных положений законодатель в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) устанавливает первоочередной задачей охрану прав и свобод человека и гражданина и вполне закономерно начинает Особенную часть УК РФ с Раздела VII. Преступления против личности и его Главы 16. Преступления против жизни и здоровья, в которой, в частности, содержится ст. 117 УК РФ.

В ч. 1 ст. 117 УК РФ предусмотрена ответственность за истязание, т.е. за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев или иными насильственными действиями, если эти действия не повлекли последствий, указанных в ст. 111 и ст. 112 УК РФ. По поводу данной статьи в научной литературе по уголовному праву неоднократно имели место дискуссии о социальной обоснованности признания подобных действий преступлением при наличии уголовной ответственности за побои и телесные повреждения различной степени тяжести [1, с. 18]. Законодатель также обращал внимание на редакцию данной статьи, дополняя ее и исключая некоторые признаки. Наконец, Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 14.07.2022 № 307-ФЗ в ст. 117 УК РФ редакция статьи вновь подверглась изменению: п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ был изложен в новой редакции, а именно - вместо квалифицирующего признака «с применением пытки» был включен признак «с особой жестокостью, издевательствами или мучениями для потерпевшего».

Данные изменения еще раз подтвердили наличие проблем законодательного и правоприменительного характера в

связи с данной нормой. В первую очередь это вновь касается социальной обусловленности уголовной ответственности за данное деяние. При этом необходимо отметить, что социальная обусловленность уголовной ответственности представляет собой совокупность характеристик, наличие которых является основанием, определяющим объективную необходимость и общественную потребность криминализации деяния, т.е. его преступным и уголовно наказуемым [2, с. 211, 217].

Вместе с тем фундаментальному вопросу определения критериев криминализации деяния посвящено множество работ с различными точками зрения. Так или иначе, в теории уголовного права общепризнанно, что одним из определяющих критериев криминализации является общественная опасность деяния [3, с. 190-202], означающая свойство деяния причинять существенный вред охраняемым общественным отношениям или создавать угрозу причинения такого вреда [4, с. 50].

Прежде всего, как отмечается в уголовно-правовой литературе, общественная опасность преступления находится в прямой зависимости от объекта посягательства, т.е. общественных отношений, которым в результате совершения преступления непосредственно причиняется вред или создается реальная угроза его причинения [4, с. 118]. Из расположения в уголовном законе ст. 117 следует, что истязание причиняет вред общественным отношениям, складывающимся по поводу охраны здоровья.

Определений здоровья в доктрине уголовного права насчитывается достаточное количество. Но обращаясь к нормативно-правовым актам в сфере медицины, например, в преамбуле Устава (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения (1946), мы видим следующее понятие здоровья: «состояние полного физического, душевного и соци-

ального благополучия...»¹. Из данного определения следует, что здоровье охватывает сразу несколько составляющих позиций человека. Соответственно, опасность посягательства на здоровье заключается в том, что, во-первых, причиненный вред физического характера заключается в нарушении анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей организма. Это, в свою очередь, может обусловить временную потерю здоровья, а в худшем случае его полную утрату и, соответственно, признание человека временно или постоянно нетрудоспособным для жизнедеятельности. Во-вторых, посягательство на здоровье человека может оказать серьезное воздействие на его душевное состояние, в результате которого у последнего могут протекать те или иные негативные психологические процессы (переживание, стрессовое состояние и др.). Впоследствии же такие процессы могут повлечь возникновение различных, представляющих более серьезную опасность для здоровья заболеваний, травм и т.д. И наконец, посягательство на здоровье человека может оказать существенное влияние на его социальную составляющую, в результате которого, например, возможно изменение его социального статуса и роли в обществе, социальных связей, социально-экономических ресурсов и т.д.

При этом с уголовно-правовой точки зрения необходимо отметить, что уголовным законом охраняется такое здоровье, которое имелось у человека до причинения ему вреда в результате совершения преступления. Как писал С. В. Расторопов, «уголовный закон охраняет фактическое состояние здоровья лица в данный момент» [5, с. 138].

Суммируя имеющиеся в науке позиции ученых, под здоровьем следует понимать нормальное функционирование органов и тканей человека. Поскольку истязание, согласно диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ, заключается в причинении физических или психических страданий, следует признать, что рассматриваемое деяние нарушает имеющееся у потерпевшего до совершения преступления состояние полноценного физического, душевного и социального благополучия. Следовательно, общественная опасность истязания заключается в том, что оно непосредственным образом посягает на представляющее для государства одну из важнейших ценностей – здоровье человека. При этом анализ судебно-следственной практики свидетельствует о том, такое преступление, как истязание, нередко создает условия для совершения других, более опасных преступлений, например, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), убийства (ст. 105 УК РФ), доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) и т.д.

Кроме того, необходимо отметить, что на общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ, указывает и способ его совершения, который связан с причинением потерпевшему не просто боли, а страданий, физических или психических (например, относительно длительное нанесение большого количества телесных повреждений, прижигание, таскание за волосы, лишение пищи, воды и т.д.).

Следующим критерием криминализации деяния в науке уголовного права определяют относительную распространенность деяния [3, с. 190-202].

Официальные статистические данные, полученные за последние пять лет позволяют говорить о снижении зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 117 УК РФ (общее снижение на 47%, т.к. в 2019 году количество подобных преступлений составило 4867, а в 2022 году – 2291. При этом процент выявленных лиц, совершивших данное преступление также сократился: в 2019 году процент выявленных лиц, совершивших преступление, составил 89, а в 2022 году – 79².

Однако данные показатели не исключают, что факты применения жестокого обращения, а именно истязания, по-прежнему характерны для российской действительности, поскольку одним из обстоятельств, которое необходимо учитывать при анализе, является неточное соответствие статистических данных объективной реальности. Подобный вывод стал возможен в связи со значительной латентностью деяний данного вида.

Как отмечают в науке уголовного права, преступление, предусмотренное ст. 117 УК РФ, в большинстве случаев характерно в семейно-бытовой сфере [6, с. 15]. Следовательно, потерпевшими данного преступления в основном являются члены семьи виновного или его близкие лица. Согласно приведенным в научной литературе данным, в большинстве случаев ими выступают женщины, дети, пожилые люди и инвалиды [7, с. 16]. Полагаем, что указанный фактор непосредственным образом влияет на латентность подобных деяний, так как она обусловлена субъективными или объективными причинами, связанными с поведением потерпевшего, выражающимся, например, в нежелании предавать гласности события преступления, в страхе мести со стороны виновного лица и т.д.

Тем не менее, необходимо отметить, что причины латентности истязания связаны и с деятельностью самих правоохранительных органов, выраженной в нежелании регистрировать заявления об истязании, ложном понимании интересов службы, обусловленным стремлением не портить ведомственную статистику и др. Однако нередко непринятие решений по заявлению потерпевшего об истязании приводит к причинению более тяжкого вреда его здоровью либо смерти³.

В доктрине уголовного права считается, что если возможно противодействовать вредным для общества деяниям не уголовно-правовыми мерами, то нужно прибегать к иным, более мягким [8, с. 30]. По-нашему мнению, использование иных, более мягких мер, а именно административно-правовых, для противодействия истязанию не представляется возможным и эффективным, что соответствует критерию криминализации деяния, выражающемуся в его противоправности. Считаем, что установление административной ответственности за истязание является недостаточным, так как данное деяние посягает на объект, представляющей наибольшую значимость для государства и обладает высокой общественной опасностью. Отсутствие более строгой ответственности за истязание может побуждать преступников к совершению не только новых правонарушений данного вида,

2 Статистика по данным ГИАЦ МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 25.11.2023).

3 Дело № 1-786/2020. Советский районный суд г. Владикавказа (Республика Северная Осетия-Алания) // Архив судебных дел и решений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://actofact.ru/case-15RS0011-1-786-2020-2020-07-09-2-0/> (дата обращения: 01.11.2023).

1 Устав (Конституция) Всемирной Организации Здравоохранения (Нью-Йорк, 22 июля 1946 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2540328/> (дата обращения: 25.11.2023).

но и к совершению более опасных. В свою очередь, как известно, сам факт существования уголовно-правового запрета воздействует на отдельных лиц, склонных к совершению преступлений, и удерживает их от совершения преступных действий [9, с. 19, 20].

Кроме того, по-нашему мнению, отсутствие за истязание уголовной ответственности может породить в обществе атмосферу безнаказанности насилия и жестокого обращения, а соответственно дезорганизовать общество и воспрепятствовать развитию цивилизационного государства в целом.

Следующим критерием криминализации деяния, как отмечается в юридической литературе, является непротиворечивость Конституции РФ [3, с. 190-202]. Как указывалось ранее, ценность человека, его прав, в частности право на охрану здоровья, определяется Конституцией РФ. Кроме того, одним из важных конституционных положений также является положение о том, что никто не должен подвергаться насилию, пыткам и другим формам жестокого обращения или наказания (ст. 21). Отметим, что данные конституционные положения соответствуют принципам и нормам международно-правовых актов в области защиты прав человека, которые имеют важное значение и, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, являются составной частью правовой системы Российской Федерации. К числу таких международно-правовых документов можно отнести: Всеобщую декларацию прав человека (1948), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966), Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. и др. [10, с. 89-96].

Таким образом, из вышеизложенного следует, что криминализация истязания не только не противоречит нормам Конституции РФ, но и реализована во исполнении ее норм.

И наконец, критерием криминализации деяния также является возможность доказывания совершения данного преступления в рамках Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3, с. 190-202]. Изучение правоприменительной практики свидетельствует о том, что доказывание истязания возможно, несмотря на имеющиеся трудности в установлении отдельных признаков объективной стороны преступления. В данном случае важно оговориться, что трудность в первую очередь состоит в установлении последствий рассматриваемого преступления, а именно правильном понимании содержания таких последствий как причинение страданий. Согласно действующему законодательству, такая компетенция принадлежит правоприменителям, которые, не имея четких разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ, могут по-разному интерпретировать содержание подобных последствий и допустить точность при квалификации деяния.

Вместе с тем доказывание совершения преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ, возможно путем производства таких следственных действий, как допрос потерпевшего, освидетельствование (в определенных случаях назначение судебно-медицинской экспертизы), допрос свидетелей (например, соседей, членов семьи и др.), а также иных следственных и процессуальных действий.

Таким образом, проанализировав критерии криминализации деяния, мы приходим к выводу о социальной обусловленности уголовной ответственности за истязание и обоснованности криминализации данного деяния в ст. 117 УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 15-18.
2. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология. Общая часть: Учебник. – Томск: ООО «ДиВо», 2007. – 230 с.
3. Основания уголовно-правового запрета: Криминализация и декриминализация / [В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин и др.; Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев]. – М.: Наука, 1982. – 303 с.
4. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. д.ю.н., проф. Н. Г. Кадникова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – 436 с.
5. Расторопов С. В. Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств: монография - 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 426 с.
6. Галюкова М. И. Криминологическая характеристика побоев и истязания в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. – 2008. – № 14. – С. 15-17.
7. Соляник В. В. Домашнее насилие в России: общая характеристика // The Scientific Heritage. – 2021. – № 65-4 (65). – С. 16-18.
8. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А.В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2006. – 540 с.
9. Уголовное право. Общая часть: учебник / [А. А. Абдульманов и др.]; под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н. Г. Кадникова. – М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. – 524 с.
10. Кадников Н. Г. К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. № 6. – С. 89-96.

ЛАВРУШКО Елена Александровна

соискатель ученой степени кандидата юридических наук Оренбургского государственного университета

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается взаимосвязь принципов уголовно-процессуального законодательства и норм, регулирующих вопросы соблюдения конфиденциальности и обеспечения неприкосновенности личной тайны в уголовном процессе. Институт тайны в уголовном процессе на современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства ряда постсоветских государств претерпевает задержку в развитии и совершенствовании. Данная проблема на сегодняшний день может привести к существенному нарушению прав и свобод человека и гражданина, которые провозглашены Конституцией и рядом других нормативно-правовых актов. Дифференциация норм-принципов в соответствии с различными сферами жизнедеятельности, как мы считаем, способствовала бы конкретизации и достижению более эффективной защиты интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. Кроме принципов уголовного процесса на обеспечение конфиденциальности существенное влияние оказывает запрет на разглашение материалов уголовного дела участниками уголовного процесса.

Ключевые слова: конфиденциальность, неприкосновенность, тайна, источники, информация, принципы, частные интересы.

LAVRUSHKO Elena Alexandrovna

competitor of the academic degree of Ph.D. in Law of the Orenburg State University

LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF CRIMINAL PROCEDURE IN THE CONTEXT OF ENSURING ITS CONFIDENTIALITY

The article examines the relationship between the principles of the criminal-procedure legislation governing confidentiality and ensuring the inviolability of personal secrets in criminal proceedings. The institution of secrecy in criminal proceedings at the present stage of the development of criminal procedure legislation in a number of post-Soviet states is undergoing a delay in development and improvement. This problem today can lead to a significant violation of human, civil rights, and freedoms, which are proclaimed by the Constitution and a number of other normative legal acts. Differentiation of norms and principles in accordance with different spheres of life, as we believe, would contribute to the concretization and achievement of more effective protection of the interests of persons involved in criminal proceedings. In addition to the principles of criminal procedure, the prohibition on disclosure of criminal case materials by participants in criminal proceedings has a significant impact on ensuring confidentiality.

Keywords: confidentiality, inviolability, secrecy, sources, information, principles, private interests.

Приоритетным направлением каждого правового государства является защита законных прав человека. Концепция правовой политики государства провозглашает высшими ценностями человека и гражданина, его жизнь, права и свободы. Как мы знаем, Конституция, являющаяся основным законом государства, так и другие нормативно-правовые акты (далее – НПА) закрепляют не только обязанности человека и гражданина, но также и его права. Нарушение прав человека и гражданина в процессе предварительного расследования является существенным нарушением, в первую очередь Конституции Российской Федерации, а также норм иных НПА Российской Федерации [1]. Отражение обеспечения конституционных прав человека и гражданина в принципах и иных нормах уголовно-процессуального законодательства доказывает значимость межотраслевых связей конституционного и уголовно-процессуального права.

Путем данного взаимодействия нормы-принципы уголовно-процессуального законодательства «дублируют» положения Конституции, тем самым образуя базу (фундамент) уголовного процесса в целом, в том числе и норм, регулирующих обеспечение конфиденциальности и неприкосновенности частой жизни участников уголовного процесса.

Обеспечение неприкосновенности частной жизни является неотъемлемой частью в процессе реализации конституционных прав человека и гражданина.

Целью уголовно-процессуального законодательства, как в Российской Федерации, так и в большинстве постсоветских государств, кроме определения порядка осуществления уголовного преследования лиц, совершивших преступные деяния, является также защита законных прав участников уголовного процесса. Одним из таких прав является право на неприкосновенность личности и частной жизни. Но каким образом определяется предмет частной жизни граждан? В контексте данного понятия следует выделить институт тайны в уголовном процессе, который таким образом не обозначен в уголовно-процессуальном законодательстве.

Цель данного научного исследования заключается в необходимости выявления актуальных проблем уголовного процесса и выработки соответствующих практикоориентированных рекомендаций для внесения поправок в действующее законодательство на примере Российской Федерации и Республики Казахстан по вопросам соблюдения принципов уголовного процесса с целью обеспечения конфиденциальности тайной информации его участников. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием четкого механизма и законодательно закрепленных инструментов обеспечения конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни участников уголовного процесса.

Также вопросы обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе вызывают интерес у ученых-процессуалистов в связи с диспозитивным характером ст. 161 Уго-

ловно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее – УПК РФ), который выражается в возможности самостоятельно определять органом уголовного преследования случаи, когда разглашение конфиденциальной информации становится возможной.

В процессе исследования проблем конфиденциальности в уголовном процессе с целью проведения сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства рассмотрены нормы УПК Российской Федерации и Республики Казахстан.

Анализируя нормы Конституции, а также уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан можно проследить совокупность идентичных по смыслу и содержанию правовых норм, регулирующих вопросы соблюдения прав человека и гражданина, а также обеспечения конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе. Принципы уголовного процесса, направленные на обеспечение неприкосновенности частной жизни участников уголовного процесса способствуют конкретизации и подкреплению ст. 161 УПК РФ, которая имеет своей целью обеспечить конфиденциальность материалам уголовного дела и соответственно неприкосновенность частной жизни участникам уголовного процесса. Единственным инструментом обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе является наличие принципов – исходных и фундаментальных начал уголовного процесса, а также ст. 161 УПК РФ, которая накладывает запрет на разглашение данных предварительного расследования, которые могут выражаться в форме «тайны» личной жизни участников уголовного процесса, их переписки, телефонных переговоров и т.д. В качестве карательного инструмента выступает ст. 310 УК РФ, которая возлагает ответственность за разглашение конфиденциальной информации. Однако очевидным остается факт отсутствия нормативно регламентированной структуры, а также установленного механизма защиты конфиденциальной информации.

По нашему мнению, выработке данного механизма способствовало бы выделение отдельной главы в УПК РФ, посвященной обеспечению конфиденциальности в уголовном процессе. Кроме этого, на наш взгляд, придание императивного характера ст. 161 УПК РФ способствовало бы минимизации коррупционных рисков в уголовном процессе и существенных нарушений конституционных прав человека и гражданина. Наиболее верным способом императивность статьи выражалась бы в запрете самостоятельно принимать решение органу уголовного преследования по поводу возможности либо ее отсутствия разглашать данные уголовного процесса.

С точки зрения А. Е. Маслова, «под тайной предварительного расследования понимается охраняемая уголовно-процессуальным и уголовным законом информация (сведения), отражающие интересы расследования по уголовному делу, конфиденциальность которых определяется следователем (дознавателем) либо прокурором и защищается в целях устранения реальной или потенциальной опасности причинения ущерба указанным интересам» [5. с. 24-34]. Нельзя не согласиться с тем что, как на законодательном уровне, так и в теории права институт тайны в уголовном процессе, во-первых, не исследован полностью, и во-вторых, не получил полного законодательного закрепления, что тем самым несет риски существенных нарушений прав участников уголовного процесса. По нашему мнению, как принципы уголовного процесса, так и нормы, закрепляющие порядок защиты

конфиденциальной информации в уголовном процессе уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, требуют дальнейшего рассмотрения и изучения на предмет их полноты и ясности.

Как в теории, так и на практике имеется немалое количество проблем, связанных с обеспечением конфиденциальности и тайны в уголовном процессе. Институт тайны в уголовном процессе целесообразно воспринимать как социально-правовой институт, поскольку должен быть неразрывно связан с нормативным регулированием и призван защищать права человека и гражданина. Однако на практике не совсем реализован механизм нормативного закрепления и регулирования в области защиты тайны и конфиденциальной информации.

Если рассматривать нормы уголовно-процессуального законодательства России и Казахстана в сравнении, можно сделать вывод, что законодательством обоих государств предусмотрена норма права, указывающая на недопустимость разглашения данных предварительного расследования.

Кроме этого, в УПК Республики Казахстан можно усмотреть статью 47, которая именуется «Сохранение конфиденциальности», ссылаясь на вышеуказанную норму и разъясняет не совсем четкий порядок признания информации конфиденциальной [3].

Как мы считаем, важно учесть, что обеспечение конфиденциальности в уголовном процессе, а также институт тайны в целом следует рассматривать в единстве и в контексте с принципами уголовно-процессуального законодательства. Единство данных норм способствует, на наш взгляд, их взаимной конкретизации и более четкому уяснению участниками уголовного процесса, ведь основной целью норм-принципов в уголовном процессе является нормативное подкрепление, конкретизация, а также выделение основных начал и задач уголовно-процессуального законодательства.

Определение понятию «принципа уголовного процесса» в практическом и теоретическом аспектах четко дается в теории уголовно-процессуального права. Таким образом, под принципами в уголовном процессе понимаются фундаментальные начала уголовного процесса, определяющие систему и содержание его стадий, институтов и норм, обеспечивающих общие условия реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса и решение стоящих перед ним задач.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что принципы в уголовном процессе играют весьма важную роль, причем на любой стадии уголовного производства. Но каким образом принципы уголовного процесса взаимосвязаны с институтом тайны и обеспечением конфиденциальности в уголовном процессе?

Если проанализировать принципы уголовно-процессуального законодательства нескольких государств на примере Республики Казахстан и Российской Федерации, можно сделать вывод, что прямое и непосредственное отношение к обеспечению конфиденциальности в уголовном процессе имеют следующие нормы-принципы:

1. Анализ норм УПК РФ показал следующее:

1) в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством России: принцип законности при производстве по уголовному делу, определенный в ст. 7 УПК РФ и который в соответствии со своим назначением и масштабом распространения на остальные нормы уголовно-процессуального законодательства, можно считать, что является универсальной нормой в уголовном процессе;

2) принцип уважения чести и достоинства личности, закрепленный в ст. 9 УПК РФ, имеет непосредственную связь с обеспечением конфиденциальности и защитой института тайны в уголовном процессе, в том числе и личной, поскольку нарушение запрета разглашения конфиденциальной информации несет в себе не только нарушение прав и законных интересов граждан, но и унижение их чести и достоинства. Соответственно, взаимосвязь данного принципа и нормы, запрещающей разглашение конфиденциальной информации, по нашему мнению, очевидна.

3) принцип тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, закрепленный в ст. 13 УПК РФ определяет важность и необходимость охраны государством и его компетентными органами прав человека на личную жизнь, которая может отражаться в переписках, телефонных переговорах и ином виде, в пределах, установленных законодательством. Таким образом, данная норма-принцип не только отражает сущность института тайны и обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе, но и устанавливает запрет на ограничение прав человека и гражданина на личную тайну и личную жизнь.

2. Анализ норм уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан показал следующее:

1) идентично уголовно-процессуальному законодательству РФ, УПК РК содержит норму-принцип законности, который нашел свое отражение в ст. 10 УПК РК. Данный принцип призывает участников уголовного процесса, а также компетентные органы государственной власти в лице органов уголовного преследования, правосудия и надзорных органов принимать решения, осуществлять определенные процессуальные действия на основании и в силу установленных государством правовых норм: норм Конституции, норм материального и процессуального права, и т.д.

2) принцип уважения чести и достоинства личности, закрепленный ст. 13 УПК РК, равнозначно, как и в УПК РФ определяет, что действия, направленные на унижение чести и достоинства человека и гражданина, а равно неправомерный сбор, использование и распространение сведений о его частной жизни, личной тайны запрещены действующим законодательством.

3) принцип охраны прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам, определенный ст. 15 УПК РК наделяет орган уголовного преследования обязанностью по своевременному принятию мер, направленных на защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, в том числе их личных прав. Таким образом, норма-принцип определяет следующее: в случае, если в процессе уголовного производства его участникам и их правам будет причинен вред, в том числе моральный, он должен будет возмещен в установленном законодательством порядке.

4) принцип неприкосновенности частной жизни, предусмотренный ст. 16 УПК РК с указанием на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений дополняет и конкретизирует принцип неприкосновенности личности по линии обеспечения защиты личной жизни человека и гражданина. Данные принципы оказывают существенное влияние на защиту и охрану личной конфиденциальной информации в уголовном процессе.

По мнению ученых-процессуалистов, проводящих научные исследования в области института тайны в уголовном процессе, существенным пробелом уголовно-процессуального законодательства, как Российской Федерации, так и Республики Казахстан является отсутствие нормы-принципа,

затрагивающего семейную тайну, трудовую, а также коммерческую. По нашему мнению, дополнительное указание на данные сферы жизнедеятельности современного общества смогло бы конкретизировать и дополнительно защитить такие социально важные институты, как институт семьи, предпринимательства, а также институт тайны трудовых отношений и заработной платы, которые зачастую служат доказательствами по делу и даже составляют доказательственную базу.

Информация личного характера все чаще приносит пользу при расследовании и раскрытии уголовных дел, однако ее распространение третьим лицам, не имеющим отношения к уголовному делу, либо собирающих и использующих такую информацию в корыстных целях способно привести к существенным нарушениям конституционных прав человека и гражданина. Соответственно защита таких прав является первостепенной целью общественных и правовых отношений.

Кроме этого, нельзя не обратить внимание и не связать с темой исследования принцип гласности в уголовном процессе. Но стоит не забывать также и о возможностях закрытого уголовного процесса. И это, по сути, тоже можно назвать способом обеспечения конфиденциальности и тайны в уголовном процессе, однако нецелесообразное и необоснованное его применение может привести к существенному нарушению принципа гласности. По мнению И. Петрухина, «закрытое судебное разбирательство является исключением из принципа гласности и допускается, если этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц» (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). И. Петрухин назвал эту меру «...не вполне продуманной, поскольку таких лиц много, при том их число можно искусственно преувеличить и почти все уголовное судопроизводство в России станет закрытым» [6. с. 80].

Определенным инструментом, который способствует обеспечению конфиденциальности в уголовном процессе на сегодняшний день является недопустимость разглашения данных материалов уголовного дела. Однако, как мы считаем, данная мера не полностью проработана законодателем, поскольку, например, в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации носит диспозитивный характер и требует дальнейшего исследования. Следует согласиться с А.С. Борисовым, который отмечает, что «...правовой режим обеспечения недопустимости разглашения данных предварительного расследования необходимо понимать как метод правового регулирования общественных отношений» [4. с. 103-107].

Право самостоятельно принимать решения о признании сведений конфиденциальными, которым наделены сотрудники органа уголовного преследования в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, по нашему мнению, способно порождать возможные коррупционные риски и факты злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками органа уголовного преследования. Весьма целесообразным решением данной проблемы явилось бы включение в действующий УПК РФ нормы о необходимости санкционирования надзорным органом – органом прокуратуры процедуры разглашения тайны в уголовном процессе. Таким образом, если следователь или дознаватель усмотрел возможность или даже необходимость разглашения какой бы ни было тайны в уголовном процессе, он должен согласовать данное действие с

надзорным органом, то есть данное решение должно быть коллегиальным, поскольку неправильное решение может значительно ограничить граждан в их законных правах и интересах.

Подводя итоги исследования стоит выделить следующие существенные проблемы современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан в области обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе, в том числе посредством реализации его принципов:

1. Нормы, касающиеся обеспечения конфиденциальности в уголовном процессе носят разрозненный характер, при этом отсутствует глава в уголовно-процессуальном законодательстве, которая бы не только давала определение понятию «конфиденциальность», но и определяла бы его сущность, механизм и инструменты защиты конфиденциальной информации. По нашему мнению, целесообразно было бы выделение отдельной главы в УПК РФ и УПК РК, посвященной вопросам обеспечения конфиденциальности, неприкосновенности частной жизни.

2. В УПК РФ отсутствуют нормы-принципы, определяющие в соответствии с различными сферами жизнедеятельности, необходимость обеспечения конфиденциальности в сфере семейно-бытовых, трудовых, политических отношений и т.д. Решением данной проблемы послужило бы разделение принципов в соответствии с вышеуказанными сферами жизнедеятельности.

3. Проблемой УПК РФ является наличие диспозитивной нормы, которая позволяет органу уголовного преследования самостоятельно принимать решения по поводу разглашения данных досудебного расследования, что, по нашему мнению, может провоцировать возникновение коррупционных рисков, рисков злоупотребления должностных полномочий, а также существенных нарушений прав не только участников уголовного процесса, но и третьих лиц. Придание императивного характера ст. 161 УПК РФ, а именно ч. 1 данной статьи способствовало бы более эффективной защите персональных данных граждан, материалов уголовного дела, личной тайны и иной конфиденциальной информации. Кроме этого, данная мера послужила бы в качестве сдерживающего коррупционные риски инструмента в уголовном процессе.

Решение вышеуказанных проблем современного уголовно-процессуального законодательства на законодательном уровне, способствовало бы, как мы считаем, не только более эффективному обеспечению конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе, но и минимизации рисков возникновения фактов злоупотребления должностными полномочиями и совершения коррупционных преступлений сотрудниками органов уголовного преследования.

В заключение следует отметить, что, во-первых, принципы уголовного процесса играют важную, основополагающую роль в реализации запрета разглашения материалов уголовного дела с целью обеспечения конфиденциальности, а во-вторых, совокупность принципов уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Казахстан не полностью отражает потребности современного общества в защите личных, семейных и трудовых прав граждан. Тенденцией современного законодательства многих постсоветских государств является его гуманизация. Однако обеспечение защиты прав граждан остается проблемой, причем, не только с практической стороны, но также и с научной, теоретической. Стоит также отметить важность

и необходимость защиты конфиденциальной информации в уголовном процессе, поскольку данный фактор не только способен нарушить права, свободы и законные интересы человека и гражданина, но и подорвать авторитет органов уголовного преследования, поскольку доверие граждан к правоохранительным органам формируется в результате их эффективной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 04.10.2022 № 8-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 41. - Ст. 6933.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 год). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.Zan.gov.kz (Дата обращения: 30.12.2003 г.).
4. Борисов А. С. К вопросу об отдельных проблемах обеспечения тайны предварительного расследования // Вестник Российского университета кооперации. - 2018. - № 1 (31). - С. 103-107.
5. Маслов А. Е. Тайна предварительного расследования в нормах УПК РФ // Судебная власть и уголовный процесс. - 2019. - № 2. - С. 24-34.
6. Петрухин И. Защита лиц, содействующих правосудию // Уголовное право. - 1999. - № 1. - С. 80.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-347-350

ЛАРИОНОВ Павел Алексеевич

LL.M (Criminal Law), University of Illinois Urbana-Champaign, магистр уголовного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева

ЭВОЛЮТИВНОЕ ТОЛКОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Автор аргументирует наличие в отечественной правовой системе нового юридического явления – эволютивной интерпретации уголовного закона. С опорой на общенаучное представление об эволюции в его приложении к правовой действительности выделяются четыре признака эволютивного толкования, разграничивающие его с уже знакомыми правовыми явлениями. Помимо этого, автором приводятся конкретные практические примеры эволютивной интерпретации норм действующего уголовного закона, а также формулируются риски эволютивного толкования в разрезе принципа *nullum crimen sine lege*. На примере иностранного и международно-правового опыта исследуется возможность правомерного применения эволютивного толкования с указанием на необходимость дальнейших научных изысканий в этой области.

Ключевые слова: уголовное право, эволютивное толкование, интерпретация, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, уголовная политика.

LARIONOV Pavel Alexeevich

LL.M (Criminal Law), University of Illinois Urbana-Champaign, master of Law of the V. F. Yakovlev Ural State Law University

EVOLUTIVE INTERPRETATION OF CRIMINAL LAW: PROBLEM FORMULATION

The author argues for the existence of a new legal phenomenon in the domestic legal system – the evolutionary interpretation of criminal law. Based on a general scientific understanding of evolution as applied to legal reality, four characteristics of evolutionary interpretation are distinguished, differentiating it from already familiar legal phenomena. In addition, the author provides specific practical examples of evolutionary interpretation of norms in the current criminal law and formulates the risks of evolutionary interpretation in the context of the *nullum crimen sine lege* principle. By examining foreign and international legal experiences, the possibility of legitimate application of evolutionary interpretation is explored, pointing to the need for further scientific research in this area.

Keywords: criminal law, evolutive interpretation, interpretation, Constitutional Court of the Russian Federation, Supreme Court of the Russian Federation, criminal policy.

Ежедневное увеличение числа общественных отношений, появление новых социальных, политических и экономических явлений, требующих правовой охраны, предъявляет высокие требования к современной уголовной юстиции. Скорость, с которой прогрессирует общество, легко отследить на примере динамики изменения уголовного закона. Если в первые десять лет действия УК РФ (1997-2006) он был изменен лишь 43 федеральными законами, то только за последние два года (2022-2023) в него вносили изменения 30 актами. При этом по состоянию на 31.12.2023 года парламентом принято 306 федеральных законов, корректирующих положения УК РФ, что в среднем эквивалентно 11 изменяющим законам в год. Сравнение первоначальной (от 13.06.1996) и действующей редакции (от 25.12.2023) УК РФ обнаруживает 498 отличий, что почти в полтора раза превышает совокупное количество статей в оригинальном тексте.

В то же время сегодня очевидно, что модификация уголовного закона происходит не только законодательным путем. Практика Конституционного Суда Российской Федерации, придающая конституционно-правовое истолкование нормам уголовного закона, содержит 3057 решений за все время деятельности этого органа государственной власти. Примечательно, что бесспорным нормативным характером обладает как минимум 38 из этих решений, принятых в форме Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации. В то же время сам Конституционный Суд РФ указал на нормативный характер не только Постановлений, но и Определений Суда, которые «подлежат применению в

Ларионов П. А.

единстве с постановлениями»¹. Исходя из этого, перечень внезаконодательно модифицирующих уголовный закон актов сегодня достоверно неопределим, что в некоторой степени коллидирует с требованием правовой определенности уголовно-правовых запретов, установленным самим же Конституционным Судом Российской Федерации².

Однако приведенные открытые и имплицитные способы модификации уголовного закона также не являются исчерпывающими. Одной из новелл «скрытой» модификации УК РФ последнего времени является эволютивное толкование, до недавнего времени знакомое отечественной правовой системе исключительно по практике Европейского Суда по правам человека. Несмотря на, казалось бы, узость сферы применения данного правового явления, эволютивность, как существительное, производное от термина «эволюция», – это общенаучный феномен, предполагающий «процесс постепен-

1 Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.07.2016 № 1435-О-Р «По ходатайству гражданина Мошкина Михаила Игоревича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2016 года № 186-О» / Официальный интернет-портал правовой информации. – 22.07.2016.

2 Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.05.2003 № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П. Н. Белецкого, Г. А. Никовой, Р. В. Рукавишниковой, В. Л. Соколовского и Н. И. Таланова» / Российская газета, 2003. – 3 июня. - № 105.

ного развития чего-либо» [14, с. 745-746], качественный переход между состояниями одного и того же объекта.

Займствуя из практики Европейского Суда по правам человека идею о законе как «живом документе, который необходимо толковать с учетом реалий сегодняшнего дня»³, очевидно, что эволютивность присуща праву в целом. Несмотря на априорную «международность» данного термина, его нередко можно встретить в отечественной [11] и зарубежной доктрине [21] применительно и к внутригосударственному праву. В этой части абсолютно неверным видится вывод Ю. А. Гавриловой о том, что эволютивное толкование «не вписывается в российскую правовую реальность и не согласуется с национальной правовой идентичностью» [4, с. 55]. Как будет показано далее, этот вид интерпретации не просто «вписывается», но и уже более 20 лет применяется в повседневной юридической практике. Нормативные предписания, очевидно, не создаются как средство фиксации дозволенного и табуированного поведения в момент их принятия. Наоборот, сущность правового регулирования проявляется в его динамике, приводящей к сохранению юридической силы и валидности законодательных правил перспективно. Уголовное, как и любое другое законодательство, при этом, всегда будет отставать от темпов общественно-политического роста, играя роль реакционного, а не предупредительного механизма. Одной из причин тому служит сложная конституционная и политическая процедура дополнения УК РФ при неизменности сиюминутных требований распространения уголовно-правовой охраны на вновь возникшие отношения. В этой связи российская правовая система избрала иной путь приведения уголовной юстиции в соответствие с быстро меняющимся миром.

Эволютивное толкование в его приложении к правовой действительности можно определить через четыре признака. Первый из них – признак «отправной точки» – наличие в судебной практике устоявшегося понимания толкуемой уголовно-правовой нормы. Второй признак – итоговый результат – новое, изменившееся по сравнению с первоначальным, толкование нормы, как правило, расширяющее сферу ее применения сообразно теории восходящей прогрессии требований социально приемлемого поведения П. А. Сорокина и Л. И. Петражицкого [16]. Ограничивает эволютивное толкование третий признак, позволяющий относить к ней лишь ту интерпретацию, которая инициирована в связи с конкретными социально-экономическими событиями или проводимой государством политикой в конкретной сфере (признак «триггерной точки»). Подобный критерий исключит из сферы эволютивной интерпретации любые не связанные с неправовыми факторами изменения толкования норм как то, к примеру, приведение УК РФ в соответствие с правовой позицией КС РФ после конституционно-правового истолкования. Четвертый признак, объясняющий сам факт возникновения эволютивной интерпретации как явления уголовной политики, сводится к неизменности текста толкуемой нормы в момент ее правоприменительной «эволюции». Сущность последней сводится как раз к автономному приращению нормой нового смысла, а не внешнему воздействию законодательного пера, корректирующего уголовно-правовой запрет. О теоретическом обосновании описанной модернизации крупными мазками еще в середине XX века писал М. Д. Шаргородский, утверждавший, что «суд должен стремиться установить не волю закона, что пропагандирует нормативная теория права, не волю законодателя времени издания закона, что никогда не может привести к правильному решению конкретного вопроса, а то, что фактически всегда имело и имеет место: закон толкуется и должен толковаться в соответствии с волей законодателя времени применения закона» [18, с. 18]. Именно в упрощенной процедуре имплементации нового смысла в

уголовную юстицию и усматривается приоритет эволютивного толкования над законодательной деятельностью – временные и политические затраты парламента, о которых шла речь выше, попросту неприменимы к судебной деятельности. Об использовании толкования в этой роли писали М. А. Куликов [8, с. 111] и В. В. Сорокин [15, с. 66].

Эволютивное толкование в мировой и отечественной практике явление не новое. Оно берет свое начало еще с работ древних экзегетов времен рубежа эпох (I в. до н.э. – I в. н.э.). В те времена богословы интерпретировали священное писание так, чтобы в конкретный момент оно соответствовало церковной доктрине и было «достойным Бога» [2]. Очевидно, что полярность мнений на этапе формирования религиозных максим была крайне высокой, что порождало вариативные смыслы Божьих законов при их априорной неизменности.

Современная отечественная уголовная юстиция также знакома с эволютивным толкованием. В конце XX в. – начале XXI в. признаки состава ст. 171 УК РФ во многом раскрывались через соответствующие разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.1997 № 8⁴. Согласно позиции высшей судебной инстанции того времени, составы ст. 171 УК РФ и ст. 198 УК РФ не соотносятся друг с другом как часть и целое, а потому в случае осуществления незаконной предпринимательской деятельности, дополнительное вменение состава уклонения от уплаты налогов происходило автоматически. В то же время, в 2004 году Верховный Суд Российской Федерации свою позицию скорректировал – новое постановление Пленума ВС РФ от 18.11.2004 № 23⁵ закрепляет прямо противоположную точку зрения, указывая, что состав ст. 171 УК РФ полностью охватывает признаки состава ст. 198 УК РФ, а потому уклонения от уплаты налогов «поглощается» незаконным предпринимательством. Признак неизменности уголовного закона в приведенном примере также соблюден – как положения ст. 17 УК РФ, закрепляющие правила квалификации преступлений по совокупности, так и составы ст. 171, 198 УК РФ не претерпели изменений, способных повлиять на вектор правоприменительной практики в обсуждаемом аспекте.

Главным критерием признания приведенного примера эволютивной интерпретацией является источник или «триггер» перехода между двумя противоположными смыслами. Его мы легко обнаруживаем в программных выступлениях представителей государственной власти времени имплементации нового толкования. В частности, во вступительном слове Президента Российской Федерации на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей звучали следующие строки: «*надо двигаться в направлении дальнейшего совершенствования налоговой системы, в создании максимально комфортных условий и процедур налогообложения*» [3]. В заключительном выступлении на той же встрече прозвучали более конкретные политические заявления: «*Вы знаете, что Правительство продекларировало необходимость дальнейшего снижения налоговой нагрузки и стабилизации налогового законодательства – об этом здесь сегодня также говорилось. Думаю, что так оно и должно произойти в ближайшее время*» [5]. Прочитанные выступления наряду с рядом конкретных предложений, высказанных в исследуемый период, обрамляют происходившую в то время «налоговую реформу» [10] и «курс на снижение налоговой нагрузки» [7] на предпринимателей с це-

4 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.1997 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов» / Российская газета, 1997. – 19 июля. – № 138.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.11.2004 № 23 (ред. от 07.07.2015) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» / Российская газета, 2004. – 7 декабря. – № 271.

3 Case of Tyrer v. The United Kingdom (Application no. 5856/72), 25.04.1978.

лю улучшение отечественного бизнес-климата. Отражение подобной государственной политики и на сфере уголовного судопроизводства не просто ожидаемо, но и необходимо для достижения целей всестороннего административного способствования развитию частной собственности.

Несмотря на кажущийся позитивный эффект, описанный в приведенном примере, сущность эволютивной интерпретации остается крайне спорной в соотношении с базовыми уголовно-правовыми принципами. Центральным остается вопрос о самой возможности использования эволютивного толкования в правовой системе, где декларируется запрет аналогии в уголовном праве, иначе именуемый запретом создания уголовно-правовых запретов *ex post facto*. В этой части возможные возражения относительно принципиальной применимости и роли эволютивного толкования в уголовном праве полностью коррелируют с возражениями из международно-правовой доктрины, осмысляющей деятельность Европейского Суда по правам человека. Как и в сфере уголовного права, эксперты международно-правовой области пытаются ответить на вопросы о правомерности привнесения в юридические нормы новых обязательств и запретов интерпретационным путем [9, с. 97-99]. Даже невооруженным юридическим образованием взглядом сам феномен эволютивного толкования видится крайне опасным, особенно для сферы уголовной юстиции – в позитивистской парадигме сама идея «изменяющегося» толкованием уголовного закона видится абсурдной.

Для законности в уголовно-правовой сфере бесконтрольное эволютивное толкование пагубно вдвойне. Опасность его в первую очередь связывается с близостью данного правового явления к аналогии закона, напроць запрещенной применительно к субстантивным уголовно-правовым нормам. Руководствуясь благой целью предупреждения преступлений, расширяя нормативные запреты, отечественный правоприменитель может перейти едва заметную черту, начав привлекать к уголовной ответственности уже не на основании буквы закона, а руководствуясь «его духом». Не зря Г. Вуд отмечал, что «невозможно представить более опасной аксиомы, чем возведение в большую степень значимости толкование духа закона, а не его буквы» [25, с. 675]. Того же мнения придерживается и А. А. Клишас, который утверждает, что недостатком эволютивного толкования является его «изменяющийся [результат – П. А.], с необходимой степенью очевидности не следующий из соответствующих нормативных положений» [1]. С этим тезисом соглашается П. С. Яни, который указывает на методологическую порочность толкования духа закона и допускает лишь его учет в процессе правоприменения [19, с. 56].

С такой практикой, как и с самим феноменом эволютивной интерпретации, резко коллидирует латинская максима *nullum crimen sine lege scripta, stricta et certa*, которая в отечественной правовой системе представлена уже процитированным принципом правовой определенности, а потому на первый взгляд эволютивному толкованию в уголовном судопроизводстве места нет. Любую эволютивную интерпретацию в уголовном праве, таким образом, следует рассматривать с презумпции незаконности, которая может быть опровергнута лишь при условии исчерпывающей судебной аргументации.

В то же время, как было продемонстрировано на практическом примере, отечественное правоприменение идет по совершенно иному пути. Частое использование судами в ходе уголовного судопроизводства эволютивной интерпретации обусловлено утилитарно – стремясь претворить в жизнь ту самую цель предупреждения конкретных преступлений, либо искоренения преступности вообще, правоприменитель может считать себя не связанным формулировкой уголовно-правовой нормы и распространить ее действие на ситуации, юридически ей не охваченные. Однако такое широкое судебское усмотрение А. С. Автономовым законо-

мерно приравнивается к судебскому произволу как крайней и неправомерной степени дискреции [6, с. 81]. Сущностно противопоставляя расширительное толкование и аналогию закона, Ф. К. фон Савиньи отмечал, что интерпретация вообще «должна не восполнять пробел в праве, а исправлять неправильно выбранное выражение закона по его настоящей мысли. А при аналогии мы предполагаем, что у нас вообще нет настоящей мысли, какого-либо путеводного закона, и пытаемся устранить это отсутствие посредством органического единства права» [13, с. 434]. Соглашаясь с немецким философом, главную опасность эволютивного толкования в современных реалиях мы видим именно в непрекращающейся конъюнктурной модификации уголовного закона под нужды общественно-политической обстановки в обход законотворческой процедуры, если фактически внесенные толкованием изменения могут быть приравнены к аналогии. Подобный феномен, именуемый Б. В. Волженкиным «ползучей (скрытой) аналогией» [17, с. 323], а в странах общего права – *purposivism* [24, с. 737] или *purposive construction* [20, с. 86], недопустим в российской правовой системе, в отличие от систем США и Великобритании. Конституционно-правовое устройство современной России исключает всякую возможность судебных инстанций по выработке законодательных положений, основанных на собственных представлениях о справедливости.

В то же время, практика международных уголовных судов и зарубежных стран демонстрирует, что эволютивное толкование, строго ограниченное и обузданное правоприменителем и не подменяющее аналогию, может служить крайне полезным инструментом адаптации уголовного закона к новым реалиям. Так, например, эволютивное толкование неоднократно применялось в практике Международного трибунала по бывшей Югославии, в докладе о деятельности которого отмечается, что в подавляющем большинстве случаев судьи отказывались от буквального толкования положений международного уголовного права и прибегали к «телеологическому толкованию в его динамическом (эволютивном) аспекте» [23].

Зарубежная практика также знает примеры допустимого эволютивного толкования уголовно-правовых запретов. Одним из классических примеров служит дело *United States v. X-Citement Video, Inc.*, 513 U.S. 64 (1994). Помня, что в американской уголовно-правовой системе существует объективное вменение, центральным вопросом указанного дела явилось толкование положений 18 U.S.C. § 2252(a) в части охвата умыслом виновного факта вовлечения в изготовление перевозимых порнографических материалов несовершеннолетнего. Дословно норма § 2252(a) звучит следующим образом: «Коммерческая перевозка через границу штата или государственную границу США с использованием любых средств, в том числе почтовой или компьютерной связи, изображения, если: А) при их изготовлении в совершение действий сексуального характера вовлечен несовершеннолетний; и В) перевозимые материалы содержат указанные изображения». Толкуя процитированный уголовно-правовой запрет, Апелляционный суд Девятого округа США указал, что использованный в тексте термин «умышленно» распространяется лишь на «соседний с ним глагол «перевозить», а следовательно, в части возраста лиц, участвовавших в изготовлении перевозимых изображений, в федеральном законодательстве США установлены объективные основания уголовной ответственности. Верховный Суд США не согласился с указанным подходом, отменив решения нижестоящих инстанций. По мнению Верховного Суда, буквальное толкование процитированной нормы привело бы к возможности «осуждения, к примеру курьера службы доставки в случае, если бы он знал, что доставляет материалы подобного рода⁶, но не знал бы, что они содержат изображения не-

6 Само по себе распространение порнографической продукции легально на территории США.

совершеннолетнего» [12]. В итоге суд распространил требование доказывания умысла и на признак возраста участников процесса изготовления, то есть прибегнул к ограничительно-му толкованию нормы, сузив возможность ее применения. Эволютивность подхода Верховного Суда США, по мнению П. Хэннинга, усматривается в соответствии его «заслуживающему в последнее время все большее внимание вопросу ограничения объективного вменения в контексте принципа надлежащего судебного разбирательства» [22, с. 1167]. Переводя на более понятный отечественному юристу язык, суды США, руководствуясь современными соображениями о конституционных принципах, начали по-иному смотреть на уголовно-правовые запреты и толковать их, в случае указания на необходимость доказывания умысла хотя бы для части признаков, с позиции субъективно-объективного вменения.

Анализ приведенных практических примеров эволютивной интерпретации оставляет нерешенным вопрос о том, существуют ли условия, в которых последняя может допускаться в отечественной уголовной юстиции и, если да, каковы эти условия и как правоприменителю устанавливать их наличие в конкретном деле. Представляется, что ответ на этот вопрос и предложение конкретных практических решений находится в плоскости перспективных научных изысканий. Целью же настоящего исследования была демонстрация наличия эволютивной интерпретации в сфере российской уголовной юстиции, а также рисков, с ней связанных.

Пристатейный библиографический список

1. Андрей Клишас: Приоритет Конституции не помешает соблюдению всех обязательств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/02/10/andrej-klisshas-prioritet-konstitucii-ne-pomeshaet-sobliudeniuu-vseh-obiazatelstv.html> (дата обращения: 27.12.2023).
2. Верклер Г.А. Герменевтика: Принципы и процесс толкования Библии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reformed.org.ua/2/210/3/Virkler> (дата обращения: 27.12.2023).
3. Вступительное слово на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 16 ноября 2004 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22686> (дата обращения: 27.12.2023).
4. Гаврилова Ю.А. Об эволютивном толковании в российском праве // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. № 1. – С. 50-55.
5. Заключительное слово на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 16 ноября 2004 года. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22687> (дата обращения: 27.12.2023).
6. Залоило М. В., Ибрагимов Ю. Э. Современные проблемы толкования права // Журнал российского права. – 2016. – № 8 (236). – С. 78-95. (С. 81).
7. «Затемненный» налогами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2004/01/15/nalogi.html> (дата обращения: 27.12.2023).
8. Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями и средствами в процессе толкования права: понятие, содержание, технологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 4 (51). – С. 109-125. (С. 111).
9. Оганесян Т. Д. Европейский Суд по правам человека «в поисках утраченного времени»: эволютивное толкование // Международное правосудие. – 2021. – № 3 (39). – С. 75-104. (С. 97-99).
10. Президент подписал пакет законов о внесении изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/41/events/31473> (дата обращения: 27.12.2023).
11. Пушкина А.А. Ценностное толкование: роль Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2022. – № 5. – С. 56-69.
12. Решение по делу United States v. X-Citement Video. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/513/64/> (дата обращения: 27.12.2023).
13. Савиньи Ф. К. фон Система современного римского права: В 8 т. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М.: Статут, 2011. – 510 с. (С. 434).
14. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4. С-Я. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – С. 745–746.
15. Сорокин В.В. Толкование права в интерпретации постмодернизма // Юрислингвистика. – 2022. – № 26. – С. 65-68. (С. 66).
16. Сорокин П. А. Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л. И. Петражицкого // Новые идеи в правоведении. Эволюция преступлений и наказаний. – 1914. – № 3. – С. 144-145.
17. Уголовное право России: Общая часть: Учебник / Под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета – С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. – 1064 с. (С. 323).
18. Шаргородский М. Д. Закон и суд. – СПб.: Ученые записки ЛГУ, 1956. – 232 с. (С. 18).
19. Яни П. С. Толкование уголовного закона // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2012. – №4. – С. 55-75. (С. 56).
20. Barak A. Purposive Interpretation in Law. – Princeton: Princeton University Press, 2005. – 448 p. (P. 86).
21. Eskridge W. N. Dynamic Statutory Interpretation // University of Pennsylvania Law Review. – 1987. – № 6(135). – P. 1479–1555.
22. Henning P. J. Foreword: Statutory Interpretation and the Federalization of Criminal Law // The Journal of Criminal Law and Criminology. – 1996. – Vol. 86. № 4. – P. 1167-1199. (P. 1167).
23. Pazartzis F, Ulfstein G, Merkouris P. Interim Report on the Content and Evolution of the Rules of Interpretation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ila.vettoreweb.com> (дата обращения: 27.12.2023).
24. Posner R. Pragmatism versus Purposivism in First Amendment Analysis // Stanford Law Review. – 2002. – Vol. 54. No. 4. – P. 737-752. (P. 737).
25. Wood G.S. The Creation of the American Republic, 1776-1787. – Williamsburg: University of North Carolina Press, 1998. – 680 p. (P. 675).

ЛУЩАЕВА Мария Дмитриевна

магистрант 2 курса Юридического института Сибирского федерального университета, г. Красноярск

ПРИГОВОРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДОВ И ТРИБУНАЛОВ КАК ФОРМАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

В статье анализируется возможность отнесения приговоров международных судов и трибуналов к формальным источникам российского уголовного права. Автор отмечает, что все приговоры можно поделить на три группы: 1) Приговор Нюрнбергского трибунала и Приговор Токийского трибунала; 2) приговоры судов *ad hoc* (приговоры Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде); 3) приговоры Международного уголовного суда. Каждую группу необходимо рассматривать отдельно, поскольку она имеет свои особенности, и, как следствие – ответ на поставленный вопрос будет разным.

Ключевые слова: источники уголовного права, приговоры, Нюрнбергский трибунал, Токийский трибунал, суды *ad hoc*, Международный уголовный суд.

LUSHCHAEVA Mariya Dmitrievna

magister student of the 2nd course of the Institute of Law of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk

JUDGMENTS OF INTERNATIONAL COURTS AND TRIBUNALS AS FORMAL SOURCES OF RUSSIAN CRIMINAL LAW

The article analyzes the possibility of attributing judgments of international courts and tribunals to formal sources of Russian criminal law. The author notes that all judgments can be divided into three groups: 1) the Judgment of the Nuremberg Tribunal and the Judgment of the Tokyo Tribunal; 2) judgments of *ad hoc* courts (Judgments of the Tribunals for the Former Yugoslavia and Rwanda); 3) judgments of the International Criminal Court. Each group must be considered separately, as it has its own characteristics, and, as a result, the answer to the issue will be different.

Keywords: sources of criminal law, judgments, the Nuremberg Tribunal, the Tokyo Tribunal, *ad hoc* courts, the International Criminal Court.

Под формальным источником понимается внешняя форма выражения права, признаваемая в том или ином государстве. Подобное определение предлагается и другими авторами [1, с. 34], [2, с. 5]. Долгое время считалось, что Уголовный закон является единственным формальным источником уголовного права [3, с. 164]. В настоящее время большинство ученых придерживаются позиции множественности источников, в числе которых разные авторы называют: Конституцию РФ, Федеральные законы (например, Уголовный кодекс РСФСР 1960 года), нормативно-правовые акты иных отраслей права, международные договоры РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права, Постановления Конституционного Суда РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ и некоторые другие [4, с. 14-18], [2, с. 5-6]. Относительно решений международных судов и трибуналов в доктрине высказываются разные позиции о возможности признания таких судебных актов источником российского уголовного права. Чаще всего авторы относили к источникам только Постановления Европейского суда по правам человека, однако выхода Российской Федерации из Совета Европы в марте 2022 года данная позиция утратила актуальность¹. В свою очередь, работ, посвященных приговорам международных судов и трибуналов в рассматриваемом контексте, не так много [4, с. 183-286], [5, с. 12-16]. С 2014 года акцент в ис-

следовании этого вопроса был смещен в сторону приговоров, поскольку в УК РФ появилась ст. 354.1 УК РФ, содержащая непосредственное упоминание в диспозиции одного из них. Однако статус и значение решений международных судов для российского уголовного права будет разным в зависимости от вида судебного решения и международного органа, принявшего его.

Все приговоры можно разделить на три группы:

1) Приговор Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Нюрнбергский трибунал) и Приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока (далее – Токийский трибунал);

2) приговоры судов *ad hoc* (приговоры Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде);

3) приговоры Международного уголовного суда (далее – МУС). Рассмотрим каждую группу подробнее.

В 2014 году в УК РФ появилась уникальная по своей конструкции бланкетная диспозиция ч. 1 ст. 354.1 «Реабилитация нацизма», отсылающая не к нормативному акту иной отраслевой принадлежности, а к судебному решению – Приговору Нюрнбергского трибунала. На сегодняшний день она является единственным случаем постоянного бланкетного признака, поскольку данный Приговор, в отличие от нормативно-правового акта, не может быть изменен [6, с. 184]. Такое решение, с одной стороны, обеспечивает стабильность уголовного законодательства. С другой стороны, в Приговоре не были отражены все преступления нацистов и их союзников, поскольку о некоторых из них стало известно позже (например, геноцид народов СССР) [7, с. 53]. Следовательно, данная статья не охватывает эти преступления. О. Н. Ведерникова прямо отмечает, что путем внесения ст. 354.1 в УК РФ «конкретного решения международного судебного органа, а именно Приговора Нюрнбергского трибунала, впервые

1 Федеральный закон «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» от 28.02.2023 № 43-ФЗ // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024) @@ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 11.06.2022 № 180-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

официально признано источником российского уголовного права, имеющим преюдициальное значение для российских судов» [5, с. 14].

Интересным видится то, что указанная статья содержит отсылку только к Приговору Нюрнбергского трибунала и не упоминает Приговор Токийского трибунала. В 2016 году Законодательным Собранием Камчатского края было предложено внести соответствующие изменения в ст. 354.1 УК РФ, путем включения в нее отсылки к двум судебным актам. В пояснительной записке к законопроекту были изложены следующие аргументы: 1) в трибунале были представлены 11 государств, в том числе СССР; 2) данный Приговор признал, что внешняя и внутренняя политика Японии была направлена на подготовку и развязыванием агрессивных войн, в том числе, против СССР с целью захвата его территорий; 3) как и на Нюрнбергском процессе, все пункты обвинения были разделены на три категории; 4) положения обоих Уставов (как Нюрнбергского, так и Токийского) стали составной частью общего международного права; а также некоторые другие². По мнению составителей пояснительной записки, Приговор Токийского трибунала имеет такое же историческое значение для РФ, как и Нюрнбергского. Эта инициатива получила поддержку Верховного Суда РФ, однако Правительство РФ в поддержке отказало в связи с отсутствием распространенности таких деяний и, как следствие, отсутствием их негативного влияния. Впоследствии данный законопроект был отклонен Государственной Думой РФ уже в первом чтении. Несмотря на это, актуальность указанного предложения отмечается рядом исследователей [8, с. 160]. На наш взгляд, вызывает сомнения наличие основания криминализации такого деяния, т.е. того, «что создает действительную общественную потребность в уголовно-правовой новелле, внутренняя необходимость возникновения правовой нормы» [9, с. 204-205]. В любом случае до внесения изменений в УК РФ Приговор Токийского трибунала не является источником российского уголовного права в формальном смысле.

Иной правовой статус имеют приговоры международных трибуналов *ad hoc*. Отсылки ни к одному из них национальное российское законодательство не содержит. К. В. Ображиев, рассматривая приговоры трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, приходит к выводу, что они не являются источниками российского уголовного права, «поскольку содержащиеся в них правовые позиции не имеют общеобязательного, а значит, и нормативного характера» [4, с. 284]. Иными словами, они не имеют прецедентного характера. Г. Л. Москалев также отмечает, что их решения не имеют обязательного характера для РФ, а у противоположной доктринальной позиции (о том, что такие решения имеют прецедентный характер и обязательную силу, и российский правоприменитель обязан руководствоваться ими [10, с. 10]) отсутствует нормативное обоснование [11, с. 31].

При этом решения таких трибуналов потенциально могут содержать общепризнанные принципы и нормы международного права, которые в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, являются частью российской правовой системы. Однако важно отметить, что такие понятия как «часть правовой системы» и «источник права» не синонимичны [12, с. 793]. Понятие «часть правовой системы» шире, так как в нее входят, например, ратифицированные, но не имплементированные (однако требующие имплементации) международные договоры, которые не являются самостоятельными источниками уголовного права [12, с. 795].

2 Пояснительная записка к законопроекту № 40241-7 «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

В п. 5 Постановления Пленума Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) указано, что: «Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы»³. В связи с этим возникает вопрос, что понимается под «иными документами»: включаются ли туда, например, решения Международного суда ООН (далее – МС ООН) или приговоры трибуналов *ad hoc*.

Прежде чем перейти к данному вопросу, необходимо уточнить, что принято понимать под общепризнанными принципами и нормами международного права. Несмотря на то, что определения этих понятий даны в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5⁴, термин «общепризнанность» раскрывается только в доктрине, причем отсутствует единство мнений по поводу того, должно ли такое признание исходить от всех или почти от всех государств. На наш взгляд, второй вариант видится наиболее реальным, поскольку точное количество государств тоже вызывает дискуссии. Такой же позиции придерживаются большинство ученых [13, с. 35-36], [14 с. 72]. Общепризнанные принципы и нормы имеют две формы выражения: договор или обычай [15, с. 7]. В данном случае нас интересует именно вторая форма, однако с учетом разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, такой обычай должен быть закреплен в международном документе.

В соответствии со ст. 92 Устава ООН Международный Суд – это главный судебный орган ООН, действующий в соответствии с прилагаемым Статутом, который основан на Статуте Постоянной Палаты Международного Правосудия и образует неотъемлемую часть Устава⁵. Все члены ООН являются *ipso facto* участниками Статута Международного Суда (ч. 1 ст. 93 Устава ООН), его решения обязательны для сторон (ч. 1 ст. 94 Устава ООН)⁶. В самом Статуте Международного Суда ООН закреплена его компетенция: к ведению Суда относятся все дела, которые будут переданы ему сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом ООН или действующими договорами и конвенциями (ст. 36)⁷. Таким образом, решения Международного Суда ООН могут подтверждать общепризнанность принципов и норм международного права.

В свою очередь, оба трибунала *ad hoc* (Трибуналы по бывшей Югославии и Руанде) были учреждены резолюциями Совета Безопасности ООН, в отличие от Нюрнбергского и Токийского трибуналов, созданными на основании международных соглашений. Напомним, что Резолюции Совета Безопасности ООН принимаются не менее чем 9 из 15 голосов,

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 (ред. от 03.03.2015) «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 (ред. от 05.03.2013) «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

5 Устав организации Объединенных Наций от 26.06.1945 г. (с изменениями от 16.09.2005 г.) // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

6 Там же.

7 Там же.

при условии, что все 5 постоянных членов Совета Безопасности ООН проголосовали «за». Кроме того, сама природа трибуналов *ad hoc* свидетельствует о распространении их действия исключительно на конкретный случай. Таким образом, едва ли можно говорить про общепризнанность норм, содержащихся в приговорах этих трибуналов.

Что касается приговоров МУС, то в силу ст. 105 Римского Статута 1998 года они являются обязательными для государств-участников⁸. В 2000 году Россия одной из первых подписала Римский Статут, но не ратифицировала его. Однако в 2016 году РФ отозвала свою подпись и отказалась от участия в нем⁹. Следовательно, на РФ не распространяется юрисдикция данного международного органа. Некоторые авторы рассматривают вопрос о роли данного международного договора на протяжении 16 лет, до тех пор, пока РФ не заявила о намерении не стать участником Римского статута МУС. Так, в силу статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы такой договор его объекта и цели, если оно подписало договор под условием ратификации¹⁰. Однако ученые приходят к выводу, что за нарушение данного обязательства последовала бы только морально-политическая ответственность [16, с. 101]. Более того, и многие другие участники мирового сообщества либо не подписали Римский Статут (Китай, Турция, Индия), либо подписали, но не ратифицировали его (Израиль, Тайланд), либо отозвали свои подписи (США, которые впоследствии заключили ряд двусторонних договоров об иммунитете), либо вышли из Римского статута (ЮАР, Республика Бурунди, Республика Гамбия). В доктрине отмечают, что такая позиция государств имеет не только субъективные, но и объективные причины (фокус внимания МУС на африканских государствах, отсутствие баланса между результатами деятельности и расходами, ситуации в Ливии и Дарфуре) [17, с. 129-130]. Следовательно, нельзя говорить об универсальности положений Римского Статута, а также об общепризнанности норм, содержащихся в приговорах МУС. Таким образом, приговоры МУС не будут ни источниками российского уголовного права, ни частью российской правовой системы.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что только Приговор Нюрнбергского трибунала является формальным источником российского уголовного права. В свою очередь, Приговор Токийского трибунала, решения трибуналов *ad hoc* и приговоры МУС не представляется возможным отнести к источникам отечественного уголовного права в формально-юридическом смысле.

Пристатейный библиографический список

- Ображиев К. В. Формальные (юридические) источники права: проблемы теоретического определения // Российский юридический журнал. – 2010. – № 4. – С. 28-35.
- Бибик О. Н. Источники уголовного права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Омск, 2005. – 19 с.
- Римский Статут Международного уголовного суда от 17.07.1998 г. // Гарант: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).
- Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда» // Гарант: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 15.01.2024).
- Венская конвенция о праве международных договоров от 23.05.1969 [Электронный ресурс]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 15.01.2024).
- Курс советского уголовного права. Часть Общая: в 6 томах / Под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. – Москва: Наука, 1970. – Т. 1. – 311 с.
- Ображиев К. В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2015. – 587 с.
- Ведерникова О. Н. Приговор Нюрнбергского трибунала как источник российского уголовного права // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2020. – № 4 (26). – С. 12-16.
- Москалев Г. Л. Значение Приговора Нюрнбергского трибунала для уголовно-правовой охраны исторической правды // Нюрнбергский процесс: история и современность: сборник материалов научно-практической конференции, Ялта, 24–26 ноября 2021 года. Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2021. – С. 182-186.
- Москалев Г. Л. Криминализация отрицания геноцида народов СССР как посягательства на историческую правду // Право и политика. – 2023. – № 7. – С. 51-58.
- Тиссен О. Н. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: теория и практика ее применения // Нюрнберг: суд народов и мировой правопорядок: сб. науч. докладов и выступлений Международ. науч.-практ. конф. Института государства и права РАН. Под ред. А. Н. Савенкова. – Москва: Юнити-Дана, 2020. – С. 155-167.
- Кудрявцев В. Н., Дагель П. С., Злобин Г. А. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – Москва: Наука, 1982. – 303 с.
- Мартirosян А. С. Геноцид в решениях современных международных трибуналов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Краснодар, 2014. – 26 с.
- Москалев Г. Л. Уголовная ответственность за геноцид (ст. 357 УК РФ). – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017. – 187 с.
- Луцаева М. Д. Международный договор как часть российской правовой системы и источник российского уголовного права // Проспект Свободный – 2023: Материалы XIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Красноярск, 24–29 апреля 2023 года. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2023. – С. 793-796.
- Ромашов Ю. С. Об условиях формирования общепризнанных норм // Московский журнал международного права. – 1999. – № 2. – С. 32-40.
- Толстик В. А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 67-77.
- Талалаев А. Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Конституции Российской Федерации // Журнал международного права. – 1994. – № 4. – С. 3-15.
- Синякин И. И., Копылова Е. А. Римский Статут Международного уголовного суда и правовой статус Российской Федерации // Московский журнал международного права. – 2017. – № 4. – С. 96-106.
- Скурагова А. Ю. Россия и Римский статут Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. – 2016. – № 4. – С. 125-137.

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Павловна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета

БОГДАНОВ Максим Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского Университета ФСИН России

БОРИСЕНКО Ирина Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности, уголовного права и процесса Псковского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, УПОЛНОМОЧЕННЫХ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, уполномоченных на осуществление уголовно-процессуальной деятельности (судьи, прокурора, следователя, руководителя следственного органа), и вносятся предложения по совершенствованию уголовно процессуального законодательства, касающиеся: приведения в соответствие положений части 5 ст. 448 УПК РФ о мотивированности процессуального решения с требованиями нормы принципа (статья 7 УПК РФ), регламентирующей законность в уголовном судопроизводстве; дополнения части 4 статьи 7 УПК РФ и включения в перечень субъектов, чьи процессуальные решения должны быть «законными, обоснованными и мотивированными», руководителя следственного органа; распространения требований главы 52 УПК РФ на должностных лиц органов дознания.

Ключевые слова: судья, прокурор, следователь, особый порядок привлечения к уголовной ответственности.

ALEXANDROVA Olga Pavlovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Law enforcement, criminal law and process sub-faculty of the Pskov State University

BOGDANOV Maxim Nikolayevich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Pskov branch of the St. Petersburg University of the FPS of Russia

BORISENKO Irina Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Law enforcement, criminal law and process sub-faculty of the Pskov State University

SOME ISSUES OF BRINGING TO CRIMINAL LIABILITY PERSONS AUTHORIZED TO CARRY OUT CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

In this article some questions of bringing to criminal liability of persons authorized to carry out criminal procedural activity (judge, prosecutor, investigator, head of investigative body) are considered and proposals are made to improve the criminal procedural legislation concerning: bringing the provisions of part 5 of article 448 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation on motivation of procedural decision in accordance with the requirements of the norm of principle (article 7 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation), regulating legality in criminal proceedings; e.g., the special procedure of bringing to criminal liability of persons authorized to carry out criminal procedural activity (judge, prosecutor, investigator, head of investigative body).

Keywords: judge, prosecutor, investigator, special procedure of bringing to criminal responsibility.

Лица, уполномоченные на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по осуществлению правосудия или уголовного преследования, включены в перечень тех субъектов, в отношении которых установлен особый (усложненный) порядок уголовного судопроизводства с необходимыми дополнительными гарантиями от произвольного и необоснованного уголовного преследования, предусмотренными главой УПК РФ¹. К ним относятся судьи, прокуроры и следователи, Председатель Следственного комитета РФ и руководители следственных органов (далее – специальные субъекты).

Отметим, что под уголовно-процессуальным статусом лица, уполномоченного на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по осуществлению правосудия или уголовного преследования, нами понимается урегулированная нормами уголовно-процессуального законодательства и обусловленная должностным положением совокупность полномочий (прав и обязанностей), которые обеспечены силой государственного принуждения, реализуются в уголовно-процессуальных правоотношениях в пределах компетенции, установленной УПК РФ, и обуславливают установление дополнительных гарантий неприкосновенности такого лица, выражающихся в особом (усложненном) порядке его привлечения к уголовной ответственности.

Служебный иммунитет гарантирует специальным субъектам возможность реализации ими своих профессиональных функций посредством усложненной процедуры привлечения к уголовной ответственности. Вместе с тем, нормы гл. 52 УПК РФ продолжают вызывать дискуссионные вопросы.

Некоторые авторы отмечают, что особый порядок привлечения к уголовной ответственности отдельной категории лиц нарушает принцип равенства всех перед законом, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ, и приводит на практике к тому, что привлечь специальных субъектов к уголовной ответственности становится практически невозможно по причине установленных законодательством «привилегий» [3, с. 37], отрицательным образом влияет на коррупционную ситуацию в стране [9, с. 10, 11] и негативно воспринимается обществом [8, с. 25].

Другие авторы полагают, что специальные субъекты, то есть субъекты, обладающие особым правовым статусом, в случае осуществления в отношении них уголовного судопроизводства, вовсе не освобождаются от уголовной ответственности, а особенная процедура привлечения указанных лиц к уголовной ответственности лишь гарантирует их неприкосновенность [2], [8], [9], возможность беспрепятственно реализовывать свои социально-значимые полномочия, поскольку, как отмечает Н. А. Колоколов, «специальные субъекты легко могут стать жертвами провокаций, организуемых компетентными спецслужбами» [4].

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ.

Отметим, что законодательное отражение и теоретическое обоснование введения в УПК РФ главы 52, а также практика ее реализации сегодня сталкиваются с определенными вопросами. В частности, уголовное судопроизводство в отношении таких специальных субъектов, как судьи, прокуроры, следователи, не является распространенным явлением современной правовой действительности. Существующие случаи, скорее, можно назвать исключениями, которые привлекают к себе острое внимание общественности.

Анализ статистических данных за период с 2019 по 2022 годы показал, что на общем фоне осужденных процент лиц, которые до осуждения были уполномочены на осуществление уголовно процессуальной деятельности по осуществлению правосудия или уголовного преследования, совсем незначительный: судей – 0,002 %, следователей и прокуроров – 0,018 %. Обозначенными выше субъектами в основном, совершались тяжкие преступления, связанные с посягательствами на собственность (статьи 158-168 УК РФ), с посягательствами на государственную власть, интересы госслужбы (статьи 285-293 УК РФ), а также мошенничество (статьи 159, 159.6 УК РФ), получение взятки (статья 290 УК РФ), преступления против правосудия (статьи 294-316 УК РФ) [1].

Сам факт совершения преступлений лицами, уполномоченными на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по осуществлению правосудия или уголовного преследования, следует рассматривать как негативное явление правовой действительности.

Очевидно, что в ситуации, когда в отношении специального субъекта возникло обоснованное подозрение в совершении уголовно наказуемого деяния, должна незамедлительно последовать реакция уполномоченного органа, направленная на его привлечение к уголовной ответственности.

Однако в настоящий момент не все вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, уполномоченных на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по осуществлению правосудия или уголовного преследования, разрешены в удовлетворяющей науку и практику степени.

Так, положения части 5 статьи 448 УПК РФ, согласно которым «Решение Конституционного Суда Российской Федерации, а также соответствующей квалификационной коллегии судей о даче либо об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении судьи или привлечение его в качестве обвиняемого должно быть мотивированным», представляются спорными, несправедливыми и не корреспондируются с требованиями нормы принципа (ст. 7 УПК РФ), регламентирующей законность в уголовном судопроизводстве.

Во-первых, законодатель применительно к уголовно процессуальному решению использует только термин «мотивированности», хотя принцип законности гласит, что подобные решения должны быть «законными, обоснованными и мотивированными».

Во-вторых, законодатель говорит о «мотивированности» решения «о даче либо об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого» только в отношении судьи, не распространяя указанное требование на других специальных субъектов, уполномоченных на осуществление уголовно процессуальной деятельности, на которых возложена обязанность уголовного преследования.

С учетом изложенного, представляется необходимым руководствоваться требованиями нормы принципа о том, что все уголовно процессуальные решения должны быть «законными, обоснованными и мотивированными», а, следовательно, представляется целесообразным исключить из части 5 статьи 448 УПК РФ первый абзац, касающийся мотивированности решения «о даче либо об отказе в даче согласия на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого» только в отношении судьи.

Кроме того, анализ положений УПК РФ позволил сделать вывод о том, что законодатель, формулируя норму принцип о законности в ч. 4 ст. 7 УПК РФ, указал, что «законными, обоснованными и мотивированными» должны быть решения суда, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя и необоснованно не включил в обозначенный перечень такого участника уголовного процесса, как руководитель следственного органа. Представляется, что указанный пробел необходимо устранить.

Анализ положений уголовно процессуального законодательства позволил сделать вывод, что законодатель необоснованно не включил в перечень субъектов, уполномоченных на осуществление уголовно процессуальной деятельности, в отношении которых установлен особый порядок привлечения к уголовной ответственности, предусмотренный главой 52 УПК РФ, таких должностных лиц, как дознаватель, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания.

Дознаватель также как и следователь осуществляет расследование преступлений, обладая аналогичным объемом уголовно процессуальных полномочий.

Начальник подразделения дознания и начальник органа дознания, аналогично руководителю следственного органа, осуществляют ведомственный уголовно процессуальный контроль за деятельностью подчиненных должностных лиц, а также вправе самостоятельно производить расследование преступлений.

Однако, если в отношении следователя и руководителя следственного органа законодатель установил особый (усложненный) порядок привлечения к уголовной ответственности, то в отношении дознавателя, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания – нет, что представляется необоснованным и позволяет внести предложение о дополнении положений главы 52 УПК РФ указанием на данных лиц, распространив тем самым на них дополнительные гарантии защиты от незаконного и необоснованного уголовного преследования.

Обозначенные выше предложения о внесении изменений в законодательство, как представляется, могут оказать содействие в совершенствовании института привлечения к уголовной ответственности лиц, уполномоченных на осуществление правосудия и уголовного преследования.

Пристатейный библиографический список

1. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019-2022 гг. // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>.
2. Завгороднева Е. В. Некоторые проблемные вопросы реализации положений главы 52 УПК РФ // Российский судья. – 2022. – № 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Зубакин В. Ю. Уголовно-правовые иммунитеты как элемент проявления неравенства перед законом в системе уголовной ответственности // Российский следователь. – 2006. – № 10. – С. 19-21.
4. Колоколов Н. А. Превратности разбирательств в отношении судей, обвиняемых в превышении своих должностных полномочий (ч. 2 ст. 286 УК РФ) // Администратор суда. – 2022. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
5. Коновалова Л. Г. Иммунитет депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 15-24.
6. Мерецкий Н. Е., Алехин Д. В. Правовое регулирование участия отдельных категорий лиц в уголовном процессе // Российский следователь. – 2011. – № 15. – С. 24-27.
7. Овчинников О. А., Тришкин С. В. Правовые и социальные аспекты, оказывающие влияние на коррупционную ситуацию в России // Административное право и процесс. – 2012. – № 5. – С. 7-11.
8. Романенко Н. В. О конфликте конституционных и уголовно-процессуальных интересов при уголовном преследовании судьи // Российский судья. – 2021. – № 9. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
9. Стельмах В. Ю. Некоторые процессуальные аспекты лишения иммунитета от уголовного преследования // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-356-359

КОСАРЕВ Сергей Юрьевич

доктор юридических наук, профессор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

КОЧЕМИРОВСКИЙ Владимир Алексеевич

кандидат химических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МЕНЬШИКОВ Павел Валентинович

ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

МОХОРОВ Дмитрий Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент, Директор Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ СОВРЕМЕННЫМИ МЕТОДАМИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В настоящей статье рассматриваются научно-практические исследования и лабораторное моделирование в области документоскопии посредством применения аппаратного спектрального и хроматомасспектрометрического комплекса с функцией цифровой обработки многомерных массивов данных. Внедрение цифровых процессов и инновационных технических разработок в формирование доказательственной базы посредством научных достижений в области судебно-экспертной деятельности и использовании ее результатов при постановлении процессуальных решений. Авторы делают вывод том, что впервые в мировой практике разработаны методы комплексной обработки многомерных цифровых массивов спектральных и хроматографических данных результатов анализа красителей пишущих и штемпельных составов, тонеров печатающих устройств, позволяющих установить давность рукописного, печатного и штемпельного реквизита на документе, а также оценить возраст бумаги, на которой выполнен документ, что позволяет оцифровать доказательства и избежать процессуальной ошибки.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная экспертиза, экспертология, документоскопия, правоприменение.

KOSAREV Sergey Yurjevich

Ph.D. in Law, professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

KOCHEMIROVSKY Vladimir Alexeevich

Ph.D. in chemical sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MENSHIKOV Pavel Valentinovich

assistant of the Higher School of Law and Forensic Engineering of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

MOKHOROV Dmitriy Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the Higher School of Jurisprudence and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

DIGITALIZATION OF THE EVIDENCE BASE BY MODERN METHODS OF FORENSIC EXAMINATION

This article discusses scientific and practical research and laboratory modeling in the field of documentoscopy through the use of a hardware spectral and chromatography-spectrometric complex with the function of digital processing of multidimensional data sets. The introduction of digital processes and innovative technical developments in the formation of an evidence base through scientific achievements in the field of forensic activity and the use of its results in making procedural decisions. The authors conclude that for the first time in world practice, methods have been developed for complex processing of multidimensional digital arrays of spectral and chromatographic data from the analysis of writing and stamping dyes, toners of printing devices, which make it possible to establish the age of handwritten, printed and stamped details on a document, as well as to estimate the age of the paper, on which the document is made, which allows you to digitize evidence and avoid procedural errors.

Keywords: criminal procedure, forensic examination, expertology, documentoscopy, law enforcement.

Введение.

Современное судопроизводство, особенно в области уголовно-правовой направленности, вступило в эру цифровизации, что подтверждается не только применением информационно-правовых систем, таких как «Гарант», «Консультант», «Кодекс», значительно облегчивших процессуальную работу при поиске, исследовании и анализе нормативно-правовых актов, но и профессиональных юридических систем ГАС «Правосудие», «Мой арбитр» и другие. Мы можем говорить

и о различных специализированных программах учета, поиска и хранения информации, взаимодействия подразделений, ведомственных структур и т.д. Весь перечисленный комплекс технолого-цифрового обеспечения деятельности системы уголовного расследования и судопроизводства значительно облегчил работу дознавателя, следователя, адвоката, прокурора и судьи, однако принятие процессуальных решений все равно остается за субъектами процессуальных отношений даже при попытках внедрения в их деятельность

элементов искусственного интеллекта. Ни для кого не секрет, что человеческий фактор при разрешении криминалистических и процессуальных вопросов занимает значительное место, и уход от бесконтрольного субъективизма позволит избежать принятия решений, являющихся судебной (процессуальной) ошибкой. Значительное количество ошибок возникает, когда процессуальное лицо делает выводы на основе экспертного заключения или заключения специалиста, носящего вероятностный вывод или осуществленного при отсутствии надлежащих программно-аппаратных средств и научно обоснованных методик.

Методология и аппаратно-программные средства. Определение даты выполнения реквизита, содержащего краситель фталоцианиновой или триарилметановой группы в большинстве экспертных заключений, производимых государственными и частными экспертными организациями, не дает категоричного вывода о сроках написания исследуемого документа, поскольку при производстве большинства экспертиз применяются устаревшие (но еще действующие) методики. Методика определения времени выполнения реквизитов рукописных и машинопечатных документов по относительным интенсивностям характеристических пиков в спектрах комбинационного рассеяния пишущих составов и оттисков печатей¹ была предметом научных дискуссий и апробирована в процессе производства судебных и промышленных экспертиз, а также нашла свое отражение в международных научных статьях [2], [4], [8], [5], научных изданиях (монография) [3], учебных пособиях [1], [2]. Определение даты выполнения реквизита, содержащего краситель фталоцианиновой или триарилметановой группы, согласно данной методике,² выполняется с помощью метода спектроскопии комбинационного рассеяния на рамановском спектрометре (для примера, Senterra фирмы Bruker, оснащенный модулем конфокального микроскопа Olympus BX-52³).

Исследование.

Условия получения спектров:

- используемые длины волн лазерного излучения 532 и 785 нм;
- диапазон измерения спектров от 440 до 1735 см⁻¹;
- мощность лазерного излучения 0,2 и 25 мВт, соответственно длине волны;
- время интегрирования – 10 секунд.

Измерение производится с участка штриха с наиболее плотной окраской.

Общая методологическая схема содержит следующие стадии:

«А. Измерение рамановских спектров (спектров комбинационного рассеяния) исследуемых реквизитов. Пики в области 1340 см⁻¹ и в области 1266 см⁻¹ характерны для материалов письма, содержащих в своем составе фталоцианиновые спирто- и водорастворимые красители. Пики в области 730 см⁻¹ и в области 1585 см⁻¹ характерны для материалов письма, содержащих в своем составе триарилметановые красители. Пики в области 1340 см⁻¹ и в области 680 см⁻¹ характерны для материалов письма, содержащих в своем составе фталоцианиновый пигмент. Б. Расчет отношений характеристических пиков рамановских спектров исследуемых реквизитов. В.

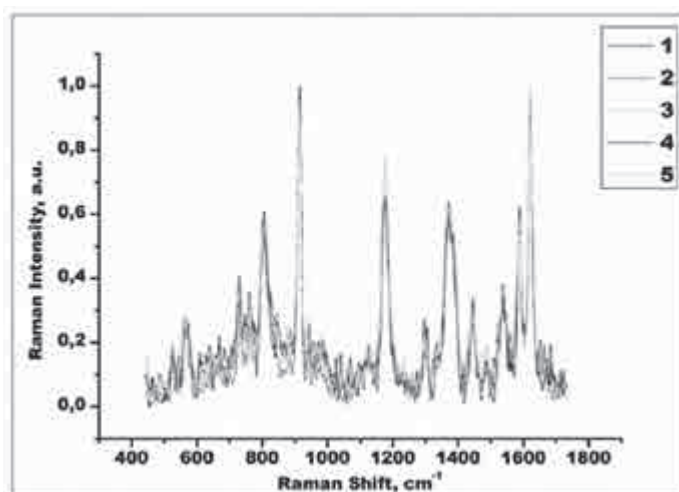

Рисунок 1. Данные образцы сравнения выбираются на основании того, что содержат точные данные о дате выполнения документа

Определение сроков нанесения исследуемых реквизитов на документ по результатам сравнительного исследования содержания материалов письма исследуемых реквизитов (документов) и образцов сравнения» [1], [2].

Примеры образцов исследованных методом спектроскопии КРС, выполнены пишущим составом, содержащим красители триарилметановой группы (рис. 1).

Образцы подписи, выполненные различными пишущими составами, содержащими краситель спирторастворимый голубой фталоцианиновый (рис. 2). Вышеуказанные реквизиты не могут выступать в качестве образцов сравнения для исследуемых образцов ввиду различия в составе. Образец подписи, нанесенный пишущим составом, содержащим красители триарилметановой группы (рис.3). Из-за низкого значения отношения сигнал/шум и увеличенного уровня сигнала люминесценции, не может быть использована в качестве образца сравнения для исследуемых образцов. Образцы подписи, выполненные пишущими составами, содержащими красители триарилметановой группы (рис. 4), использованные в качестве образцов сравнения для проведения дальнейших расчетов.

Соотношения интенсивностей пиков для исследуемых реквизитов и образцов сравнения приведены в табл. 1-2. Все исследуемые реквизиты демонстрируют значительную дисперсию сигнала. Нижняя граница дисперсии имеет близкие значения для всех реквизитов и связана с наличием зон сильной деградации красителя, появление которых обусловлено:

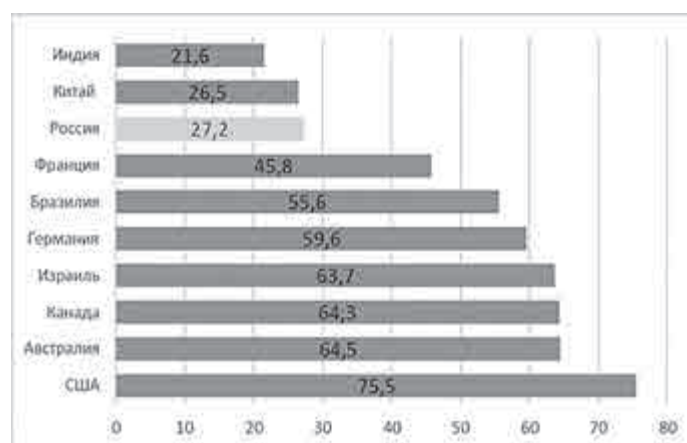

Рисунок 2

1 Свидетельство об аттестации методики измерений № 88-16207-008-RA.RU.310657-2020.

2 Методика определения времени выполнения реквизитов рукописных и машинопечатных документов по относительным интенсивностям характеристических пиков в спектрах комбинационного рассеяния пишущих составов и оттисков печатей. Свидетельство об аттестации методики измерений № 88-16207-008- RA.RU.310657-2020.

3 Прибор прошел метрологическую поверку в установленном Федеральным законом № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» порядке.

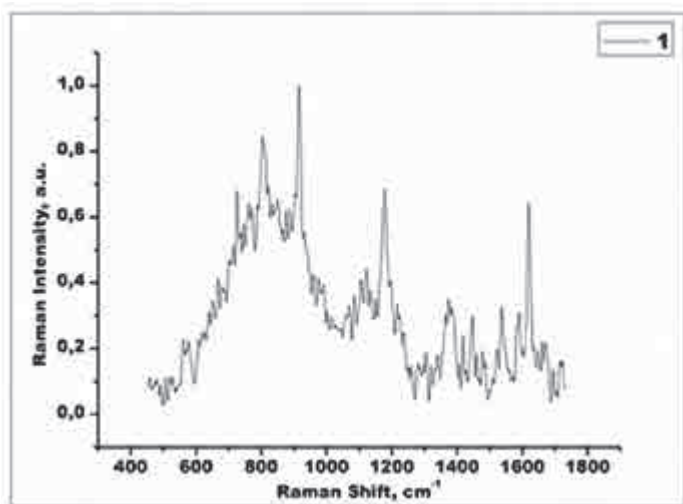

Рисунок 3

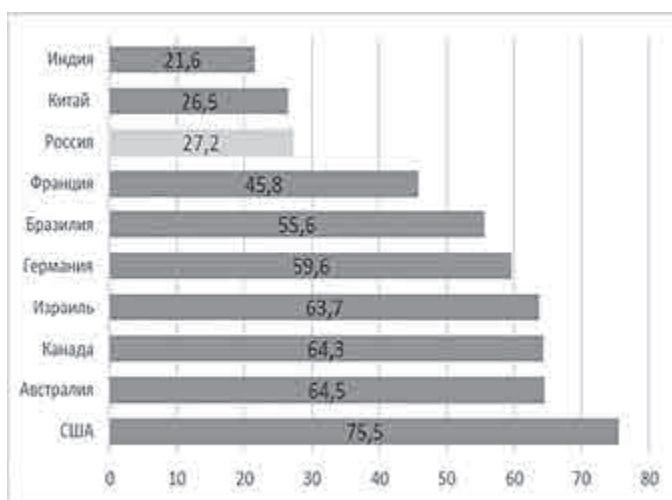

Рисунок 4

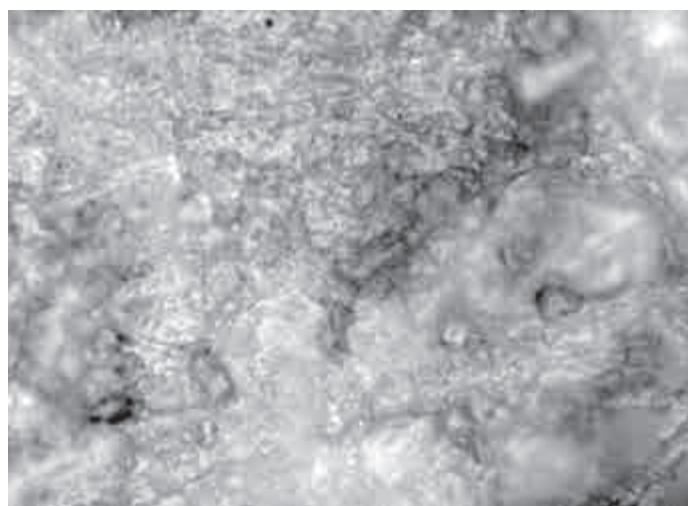
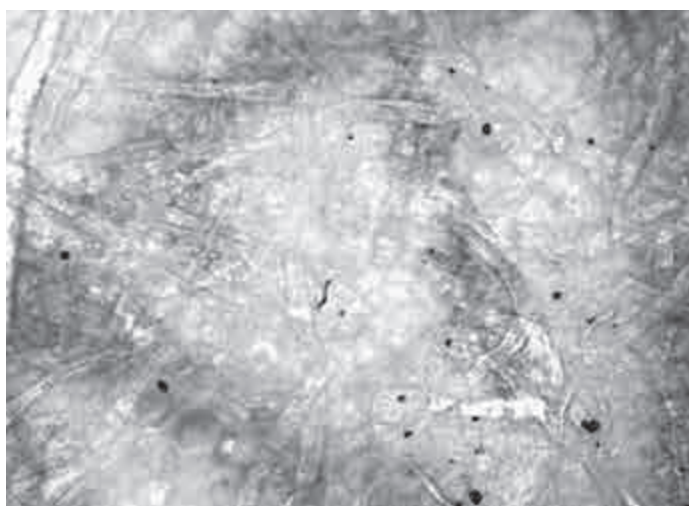

Рисунок 5

Таблица 1. Соотношения интенсивностей пиков для реквизитов на исследуемом документе

Исследуемые образцы			
Материалы письма, содержащие в своем составе красители триарилметановой группы			
Документ	Реквизит	Отношение интенсивности пиков	Результат относительного определения временного интервала нанесения реквизита на документ (разница в «возрасте» в месяцах)
Представленные на исследование	1	0,435-0,831	0
	2	0,439-0,776	- 6
	3	0,427-0,821	-1
	4	0,426-0,754	-9
	5	0,424 -0,749	-9

– длительными сроками хранения документа (до 10 и более лет), что близко к пределу обнаружения методики;

– многочисленными следами механических и эксплуатационных воздействий, имеющихся на листе.

Аналогичную картину демонстрируют образцы сравнения. Среди предоставленных в распоряжение эксперта образцов сравнения выбрать линейку образцов, отвечающих проверяемому периоду, имеющих удовлетворительное качество сигнала и неоспоримую датировку не представляется возможным. Также стоит учитывать, что на листах, где имеется типографская защитная сетка в виде узоров оранжевого цвета (рис.

5), поверх которых нанесены рукописные реквизиты может вносить систематическую ошибку в результаты измерений.

Сравнение результатов измерений спектров образцов сравнения из рис. 4-5 показывает, что образцы пишущих составов демонстрируют значительную дисперсию сигнала и наличие систематических ошибок, приводящих к отклонениям расчетов более, чем на 6 месяцев от калибровочных данных по абсолютной датировке.

Одновременно с этим, образцы сравнения показывают удовлетворительную сходимость результатов при относительной датировке с погрешностью, предусмотренной мето-

Таблица 2. Соотношения интенсивностей пиков для реквизитов на образцах сравнения

Образцы сравнения			
Материалы письма, содержащие в своем составе красители триарилметановой группы			
Документ	Реквизит	Отношение интенсивности пиков	Результат относительного определения временного интервала нанесения реквизита на документ (разница в «возрасте» в месяцах)
Представленные на исследование	1	0,370 – 1,078	Определить срок не представляется возможным
	2	0,446-0,784	0
	3	0,615-0,696	-11
	4	0,620- 0,662	-22

дикой⁴. Результаты определения относительной датировки образцов сравнения и исследуемых документов приведены в табл. 1 – 2. За начало отсчета выбраны реквизиты, имеющие наибольший измеренный «возраст» выполнения. Знак «-» перед численным значением означает уменьшение «возраста» реквизита.

Обсуждение.

Исключение систематической ошибки измерений (ГОСТ Р ИСО 5725-1-2002) на основании данных измерения образцов сравнения показывает уравнение регрессии отклонения фактических дат от расчетных $Y = 1,1X + 0,86$, что показывает возможное систематическое отклонение дат, от рассчитанных по калибровочным зависимостям предложенной методики в пределах 3%.

Определить срок выполнения рукописных надписей на документах методом абсолютного датирования не представляется возможным (табл. 1 – 2).

По результатам определения относительной датировки исследованных реквизитов и образцов сравнения можно заключить, что рукописная подпись на образцах выполнены позднее иных фрагментов текста, на срок до 9 (± 1) месяцев.

Получение достоверных данных средствами и методами судебно-экспертных исследований позволяет эксперту формировать категоричные выводы на поставленные субъектами процессуальных отношений вопросы в рамках расследуемого (рассматриваемого) дела.

Выводы.

Заключение эксперта как одно из доказательств по делу оценивается уполномоченным лицом в совокупности с другими доказательствами с точки зрения их относимости и допустимости. На основе научно разработанных современных методик и применения аппаратно-программных средств заключение судебной экспертизы позволяет формировать достоверные и категоричные доказательства. Сегодня впервые в мировой практике разработаны методы комплексной обработки многомерных цифровых массивов спектральных и хроматографических данных результатов анализа красителей пишущих и штемпельных составов, тонеров печатающих устройств, позволяющих установить давность рукописного, печатного и штемпельного реквизита на документе, а также оценить возраст бумаги, на которой выполнен документ, что позволяет оцифровать доказательства и избежать процессуальной ошибки.

Пристатейный библиографический список

1. Кочемировский В. А., Мохоров Д. А. и др. Физико-химические основы материаловедения для судебных экспертов: учебное пособие / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021.
2. Кочемировский В. А., Мохоров Д. А. и др. Физико-химические основы материаловедения для судебных экспертов: учебное пособие, изд. 2, дополненное и переработанное / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт. – Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023.
3. Мохоров Д. А., Кочемировский В. А. Датировка документа. – СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2023.
4. Gorshkova K. O., Rossinskaya E. R., Kirillova N. P., Fogel A. A., Kochemirovskaya S. V., Kochemirovsky V. A. Investigation of the new possibility of mathematical processing of raman spectra for dating documents // Science and Justice. – 2020. – Т. 60. – № 5. – Pp. 451-465.
5. Ershova O., Kochemirovskaya S. V., Cieřla Rafał, Kirillova N. P., Mokhorov D. A., Kochemirovsky V. A. Physicochemical analysis of the age of handwritten inscriptions on documents: trends and prospects // Expert Systems with Applications. – 205 (2022). – 117683.
6. Kochemirovsky Vladimir, Barova Valeria, Denisova Yulia, Ischuk Diana, Fogel Alena, Kochemirovskaya Svetlana, Anisimov Dmitriy, Mokhorov Dmitriy, Novomlinsky Maxim. Influence of the humidity factor on artificial ink aging and document dating // Forensic chemistry. – 2023. – Available at SSRN 4446135.
7. Mokhorov Dmitriy, Anisimov Dmitriy, Kochemirovsky Vladimir. Examination of the prescription of a document as a way to identify malfeasance // Reliability: Theory & Applications (2023). – Special Issue № 5 (75). – Volume 18, November 2023. – Pp. 619-631. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.24412/1932-2321-2023-575-619-631>.
8. Sirro Sergey, Ershova Ksenia, Kochemirovsky Vladimir, Fiks Julia, Kondrakhina Polina, Ermakov Sergey S., Mokhorov Dmitriy. Recognition of fake paintings of the 20th-century Russian avant-garde using the physicochemical analysis of zinc white // Forensic Chemistry. – 2021. – Т. 26. – P. 100-367.

4 Методика определения времени выполнения реквизитов рукописных и машинопечатных документов по относительным интенсивностям характеристических пиков в спектрах комбинационного рассеяния пишущих составов и отгисков печатей. Свидетельство об аттестации методики измерений № 88-16207-008- RA.RU.310657-2020.

КУДРЯШОВА Светлана Дмитриевна

помощник Химкинского городского прокурора Московской области, прокуратура Московской области

ИНСТИТУТ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РАЙОННЫХ СУДАХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Автор анализирует имеющуюся практику рассмотрения уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей. На основе практики выделяются проблемы, возникающие при рассмотрении уголовных дел. В частности, выделяются причины оправдательных вердиктов, которые являются предметом рассмотрения в апелляции. Анализ практики показал, что неполнота следствия влечет за собой последствия в виде оправдательных вердиктов при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных. Следователи не всегда выполняют все необходимые следственные действия перед направлением уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения. Предметом анализа стали некорректные формулировки судом вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Автор выявляет причины подобных судебных ошибок, а также пытается предложить практические рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: суд присяжных, вопросный лист, формулирование вопросов перед присяжными заседателями, коллегия присяжных заседателей в районном суде, голосование присяжных

KUDRYASHOVA Svetlana Dmitrievna

assistant to the Khimki City Prosecutor of the Moscow Region, Prosecutor's Office of the Moscow region

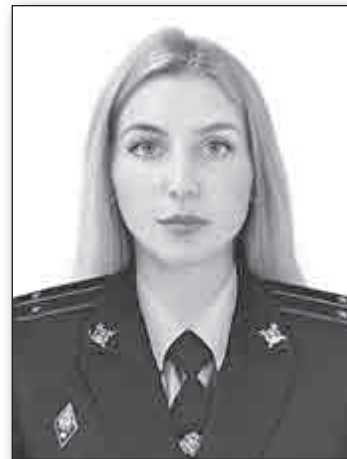
TRIAL BY JURY IN DISTRICT COURTS: PRACTICAL PROBLEMS

The author analyzes the current practice of considering criminal cases trial by jury. There are problems basing on practice criminal cases. In particular, there are reasons of appeal. Analysis showed that the incompleteness of the investigation entails consequences in the form of acquittals when considering the consideration of the case with the participation of the jury. Investigators not always do all investigative actions before managing the prosecutor's affairs for conducting accusatory supervision. The subject of the analysis was incorrect words of questions list that must be resolved by jury. Author identifies the causes of such judicial errors, and also tries to offer practical recommendations for their elimination.

Keywords: trial by jury, question list, formulation of questions list, jury in the district court, poll of the jury.

В настоящее время не утасают дискуссии о целесообразности института суда присяжных заседателей в российском уголовном судопроизводстве. За 2021 год присяжные оправдали одну треть обвиняемых по уголовным делам. С участием присяжных заседателей рассмотрено 1019 уголовных дел в отношении 1150 лиц, из которых осуждено 68 %, оправдано 32 % обвиняемых¹. Эти данные неоднозначно трактуются как среди населения, так и среди правоприменителей. Высокий уровень вынесения оправдательных приговоров наводит на мысли о незаконном возбуждении уголовных дел. Однако это не так, о чем свидетельствует количество отмен оправдательных приговоров в апелляционной инстанции. Возникает вопрос качества работы органов предварительного следствия при расследовании уголовных дел, правильного формулирования судом вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями. Безусловно, с расширением компетенции суда присяжных заседателей и введении впервые суда присяжных в судах районного уровня возникло много проблем. Судебная практика последних нескольких лет говорит о неготовности районов к рассмотрению уголовных дел данной формой судопроизводства. Во-первых, имеет место проблема низкой явки кандидатов в присяжные заседатели, тем

¹ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30777/ (дата обращения: 14.12.2023).

Кудряшова С. Д.

самым нарушается принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства. В одном из городских судов Московской области коллегия присяжных заседателей не смогли собрать 6 раз, что существенно затягивало сроки рассмотрения уголовного дела². С учетом того, что в районных судах присяжные впервые появились не так давно, сторона обвинения и сторона защиты, ранее не имевшие опыта участия в рассмотрении уголовных дел данной формой судопроизводства, не замечают ошибки суда при формулировании вопросного листа и не всегда своевременно подают на него свои возражения и замечания. В соответствии со ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее -УПК РФ) коллегия присяжных заседателей отвечает на три вопроса: доказано ли, что деяние имело место, доказано ли, что это деяние совершил подсудимый, виновен ли подсудимый в совершении этого деяния. Первые три вопроса понятны и ясны, а третий зачастую по-разному трактуется, поскольку вина в данном случае рассматривается в юридическом смысле и не всегда понята присяжным заседателям. Вопрос о виновности можно понимать и в обыденном значении, и в морально-нравственном. Именно с этой сложностью сталкиваются правоприменители. Позже подробнее остановимся на проблеме, когда при

² Архив суда Московской области, 2020.

ясных ответах коллегии присяжных заседателей о доказанности события преступления и о том, что указанные в вопросе № 1 совершил подсудимый, коллегия присяжных отвечает отрицательно на вопрос о виновности лица.

Важным моментом, на который стоит обратить внимание органов предварительного расследования, является качество следствия по таким делам. Судебная практика показывает, что недостатки, которые не устранены на этапе предварительного расследования, в судебном заседании могут существенно повлиять на исход уголовного дела. Нередки случаи, когда в материалах рассматриваемого уголовного дела встречаются явные противоречия, которые следственным путем не устранены. В Ломоносовском суде Ленинградской области коллегия присяжных заседателей вынесла оправдательный вердикт в отношении мужчины, который обвинялся в убийстве. Перед присяжными заседателями поставлен следующий вопрос. «Доказано ли, что П., находясь по адресу ... во время ссоры нанес три удара О., один из которых в затылочную часть головы, другие два в область от чего спины..., после чего О. скончалась...?» Присяжные заседатели ответили «Нет, не доказано». Таким образом, в отношении П., которому предъявлялось обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, вынесен оправдательный вердикт. Присяжные оправдали П. в связи с тем, что события преступления не были установлены³. Устранить подобные противоречия в материалах дела можно на стадии предварительного следствия двумя способами: оценка достоверности доказательств и подкрепление их дополнительными доказательствами, что позволило бы исключить сомнения в тех или иных фактических обстоятельствах. Это обеспечило бы логическую согласованность событий. В одном из районов г. Перми. в вопросах перед присяжными заседателями председательствующим допущена путаница в лицах, нанесших удары потерпевшему, этой ситуацией воспользовалась сторона защиты, коллегией присяжных заседателей вынесен оправдательный вердикт. При рассмотрении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, по обвинению В. присяжные вынесли оправдательный вердикт. Согласно материалам уголовного дела, В., Н. и Г. будучи давними приятелями, распивали алкогольные напитки в полузаброшенном жилом помещении, позже в ходе возникшего конфликта В. нанесла удары Н., требуя вернуть денежные средства, по словам которой Н. ранее занимал их и обещал вернуть. На следующий день потерпевший Н. упоминал о головных болях, продолжая употреблять алкогольные напитки, согласно судебно-медицинской экспертизе смерть потерпевшего наступила от полученной черепно-мозговой травмы. Свидетели дали показания, что удары Н. наносила только В. Сторона защиты указала на то, что на обуви подсудимой отсутствуют следы крови потерпевшего, хотя следы крови от ударов на голове и лице имелись. Кроме того, позиция стороны защиты в судебном заседании озвучила возможную версию о причастности к совершению преступления другого лица, неоднократно упомянув, что Н. и Г. длительное время были в конфликтных ситуациях и в день нанесения телесных повреждений потерпевшему Г. еще долго распивали алкогольные напитки с Н. и Г. является последним, кто видел потерпевшего живым⁴. При данных обстоятельствах, коллегия присяжных заседателей единогласно

ответили на три вопроса отрицательно, вынесен оправдательный вердикт, сторона обвинения направила апелляционное представление. В связи с тем, что уголовных дел, направляемых в суд для рассмотрения судом присяжных, с каждым годом становится больше, наблюдается рост количества допускаемых нарушений. В частности, ошибки следствия, которые влияют на судебные ошибки – такие, как неполнота и односторонность судебного следствия. В одном из районных судов г. Москвы при рассмотрении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, перед присяжными были поставлены следующие вопросы. «Доказано ли, что П., поругавшись с А. и С., вышел на балкон в квартире по адресу... нанес телесные повреждения, С., пытаясь остановить приятелей и оттащить их, схватил за руку А., последний оттолкнул С., а С. оттолкнул А., который ударился головой, после чего П. продолжил наносить удары, от которых А. скончался? Адвокат подсудимого ходатайствовал о постановке дополнительных вопросов, которые уточняли изначальные вопросы, изменили направление дела и придали другой исход. Защитник поставил вопрос о том, установлено ли, что А. скончался именно от наносимых ударов подсудимому П., поскольку в результате действий С. потерпевший ударился головой⁵. Отмеченные обстоятельства указывают на неполноту судебного следствия. В данном случае перед экспертом необходимо было поставить уточняющие вопросы или проведение повторной экспертизы, стороне обвинения удалось бы опровергнуть иные версии произошедшего. Факты, которые не были предметом рассмотрения в судебном заседании, приводят в замешательство и запутывают присяжных заседателей. Перед направлением уголовного дела прокурору следственным органам необходимо провести все возможные следственные действия, в рамках которых устранить имеющиеся по делу противоречия, а также исключить неоднозначные версии произошедшего. Так, устраняются противоречия посредством проведения очных ставок, установлением и допросами дополнительных свидетелей, допросом эксперта по имеющимся в деле противоречиям, назначением дополнительных судебных экспертиз. В противном случае дела, в которых не установлен предмет доказывания по делу, в частности, время, место, способ, категорически запрещено направлять для рассмотрения в суд до тех пор, пока не будут выяснены и установлены обстоятельства, подкрепленные доказательствами. Практической рекомендацией стороне обвинения, в том числе органам предварительного расследования – строго руководствоваться при составлении обвинительного заключения нормам уголовно-процессуального законодательства. В силу ст. 220 УПК РФ обвинительное заключение должно содержать конкретные данные. Особое внимание уделяется обвинительному заключению, поскольку оно дублирует предъявленное обвинение подсудимому. Важно логично и последовательно излагать обвинение, так как судьи в целях экономии времени часто копируют из обвинительного заключения предложения в полном объеме в вопросы, подлежащие разрешению коллегии присяжных заседателей. Следует помнить, что коллегия присяжных заседателей – это особая форма судопроизводства, люди со своими взглядами на жизненные ситуации, зачастую присяжные, видя подсудимого начинают сопереживать и жалеть, что впоследствии влечет оправдательный вердикт вне зависимости от ясности и понятности формулировки вопросов, стоящих перед ними.

3 Архив Ломоносовского городского суда Ленинградской области, 2021.

4 Архив суда г. Перми, 2022.

5 Архив суда г. Москвы, 2022.

Закон не предъявляет требований к вердикту об обоснованности, мотивированности вердикта. Вопрос о мотивированности вердикта подлежит дальнейшему научному обсуждению. На решение коллегии присяжных заседателей влияет множество факторов. В частности, образ и личность подсудимого, его поведение в судебном заседании, убедительность государственного обвинителя при изложении обвинения. Широкий общественный резонанс вызывают дела, в которых в средствах массовой информации публикуются доказательства совершения подсудимым вменяемого деяния, а в большинстве случаев даже обвиняемый сознается в содеянном, однако присяжные выносят оправдательный вердикт. В практике встречаются противоположные случаи, когда ясно и логично сформулированы вопросы, однако присяжные принимают решения о невиновности лица, что не поддается логическому обоснованию. В одном из городских судов Ростовской области присяжные оправдали подсудимого, написавшего чистосердечное признание в убийстве. Перед коллегией присяжных заседателей поставлен вопрос «Доказано ли, что в период времени...на местности... у подъезда № 2 дома № 7 по улице...города...Ростовской области С. нанесено не менее 3 ударов ножом, в результате причинены телесные повреждения в виде ссадины на кожных покровах живота, колото-резаной раны на кожных покровах груди слева, колото-резаной раны на кожных покровах в левой подключичной области слева переходящей в раневую канал, проникающий во второе межреберье в левую плевральную полость... в результате смерть С. наступила ... время... от массивной кровопотери, развившейся в результате проникающего колото-резаного ранения груди слева с повреждением аорты. Присяжные дали ответ «Да, доказано». «Если на первый вопрос ответ утвердительный, то доказано ли, что указанное деяние совершил подсудимый П. при следующих обстоятельствах: в период времени... находясь на местности... у подъезда № 2 дома № 7 по улице...города... Ростовской области в ходе конфликта, возникшего на почве личных неприязненных отношений, нанес имевшимся у него ножом не менее 3 ударов С., причинив ему телесные повреждения, указанные в вопросе №1. В результате действий П. смерть С. наступила от кровопотери в результате проникающего колото-резаного ранения груди слева с повреждением аорты. На данный вопрос коллегия присяжных также проголосовала «Да, доказано». Однако несмотря на тот факт, что присяжные на первые два вопроса ответили утвердительно, на вопрос «Если на вопрос № 2 дан ответ положительно утвердительный, то виновен ли П. в совершении описанного в нем деяния?» ответ был «Нет, не виновен, единодушно». Присяжные вынесли оправдательный вердикт⁶. В первую очередь подобные решения присяжных о невиновности лица вызывают у общества негодование и сомнение в объективности и справедливости суда присяжных в России. Вероятно, присяжные заседатели не получили адекватного представления произошедшего, не достаточно разобрались в том, что случилось на самом деле. Причины таких вердиктов до конца не ясны. Однако многочисленные социальные опросы присяжных показали, что на их решение повлияли следующие факторы – образ подсудимого, признательные показания в судебном заседании, его последнее слово и раскаяние. Ошибкам в вопросном листе способствует некорректно составленное обвинение, что говорит об отсутствии ведомственного контроля со стороны следственных органов. Стороне обвинения в су-

дебном заседании следует следить не только за ошибками в формулировании вопросного листа, но и за незаконными действиями, которые могут повлиять на присяжных. При рассмотрении дела по ч. 1 ст. 105 УК РФ в отношении З. суд разрешил присяжным пользоваться фотографиями протокола осмотра места происшествия, трупа и телесных повреждений. Апелляционная инстанция усмотрела это как незаконное воздействие на коллегию присяжных заседателей, поскольку данное действие существенно влияет на ответы при постановке основных вопросов⁷. Таким образом, перед нами стоят две проблемы – неправильно сформулированные вопросные листы и нелогичные ответы присяжных о невиновности лица при наличии доказательств и признательных показаний. Решить первую проблему можно, улучшив качество предварительного следствия, ведомственного надзора со стороны руководства следственного органа. Три вопроса, поставленные перед коллегией присяжных заседателей, можно свести к упрощенной формуле – кто, когда и что совершил. Помимо того, следственным органам перед направлением прокурору уголовного дела для утверждения обвинительного заключения следует проверять уголовное дело по таблице, в которой материалы уголовного дела будут соответствовать нормам уголовно-процессуального законодательства. По уголовным делам, по которым заявление ходатайство о рассмотрении уголовных дел присяжными заседателями, при подготовке к судебному заседанию целесообразно рассмотреть доказательства в пользу обвинения и защиты, которые необходимо заблаговременно подумать, как представить присяжным в доступными для их понимания. Это поможет упорядочить мыслительный процесс присяжных, переосмыслить всю информацию, представленную государственным обвинителем и защитником, что способствует логичному и обоснованному решению коллегии присяжных заседателей. Избежать вынесение оправдательных вердиктов при наличии доказательств можно, изменив формат вопросного листа, составив сравнительную таблицу для коллегии присяжных заседателей путем сопоставления фактов обвинения и защиты. Подобная форма вопросного листа предусмотрена законодательством Испании, где присяжных отвечают на вопросы о доказанности фактов обвинения и защиты, после ответа на которые выносятся вердикт. Суд присяжных – непредсказуемый механизм вынесения вердиктов, невозможно заранее предположить, какое решение вынесет коллегия присяжных. Однако на сегодня институт присяжных остается одной из правовых гарантий, предоставляющий подсудимому право на объективное судебное разбирательство не профессиональными судьями, а простыми гражданами. В целях улучшения качества рассмотрения уголовных дел данной формой судопроизводства правоприменителям необходимо совершенствовать данный механизм судопроизводства, устраняя имеющиеся ошибки правоприменительной практики.

6 Архив Волгодонского городского суда Ростовской области, 2022.

7 Обзор апелляционной практики судебной коллегии по уголовным делам Калужского областного суда, 2020.

ШАПОВАЛОВА Татьяна Ивановна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

«ЗА» И «ПРОТИВ» ПРИМЕНЕНИЯ ГИПНОЗА В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассмотрены отдельные спорные вопросы допроса под гипнозом. Так же, как и любое явление, гипноз, может быть, как положительно оценен, так и отрицательно. Допрос с помощью гипноза в рамках уголовного процесса России не имеет своей правовой регуляции, однако это не значит, что от него надо категорически отказаться. Зарубежный опыт применения данного метода показал его эффективность в некоторых случаях. Противники применения данного метода акцентируют свое внимание на нарушении прав участников, подвергшихся гипнозу, что не допустимо с точки зрения УПК РФ. Интерес представляет возможность нахождения «золотой середины» применения данного метода.

Ключевые слова: гипноз, доказательство, допрос, метод, потерпевший, подозреваемый, право, свидетель, специалист.

SHAPOVALOVA Tatyana Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

Шапвалова Т. И.

THE PROS AND CONS OF USING HYPNOSIS IN THE PROCESS OF PROVING IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses some controversial issues of interrogation under hypnosis. Just like any phenomenon, hypnosis can be both positively and negatively evaluated. Interrogation by hypnosis in the framework of the Russian criminal process does not have its own legal regulation, but this does not mean that it should be categorically abandoned. The foreign experience of using this method has shown its effectiveness in some cases. Opponents of the use of this method focus on the violation of the rights of participants subjected to hypnosis, which is unacceptable from the point of view of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The possibility of finding the "golden mean" of using this method is of interest.

Keywords: hypnosis, proof, interrogation, method, victim, suspect, law, witness, specialist.

Во все времена человек очень настороженно относится к тому, что не может объяснить или понять. К числу таких явлений относится гипноз. Большинство людей боится гипноза, так как в этом состоянии человек себя не контролирует и им может управлять по своему усмотрению другое лицо.

Гипноз представляет собой состояние сна или уже суженное сознание реальности с повышенной чувствительностью к внешнему внушению [1].

Н. Н. Китаев в своей лекции «Гипноз и преступления» говорит о том, что «гипноз представляет собой ситуацию своеобразной «переорганизации сознания», когда функционирующий его центр «перемещается» в сознание другого человека и управляется усилиями последнего» [2, с. 30].

Справедливости ради необходимо отметить, что судебная практика знает случаи успешного применения сеансов гипноза. Чаще всего такие примеры мы сможем найти в зарубежной практике, где гипноз применяется достаточно активно.

Существует два мнения об использовании гипноза во время допроса. Сторонники гипноза считают, то гипноз не аморален и этически приемлем как тактический прием, с помощью гипноза за короткий промежуток времени возможно эффективно получить сведения о расследуемом преступлении. Противники же считают, что гипноз не гуманен и оказывает психическое влияние на допрашиваемого.

Рассуждая на тему применения гипноза, специалисты, допускающие его применение, сходятся на том, что гипноз возможно применять в случаях, когда допрашиваемый не

может вспомнить обстоятельства произошедшего события, по предмету которого он допрашивается. В этом случае гипноз дает возможность получить необходимые для уголовного дела сведения.

В настоящее время действующий УПК РФ никоим образом не регулирует применение гипноза при допросе, поэтому результаты допроса под гипнозом не имеют никакого доказательственного значения. Как и информация, полученная анонимно, сведения, полученные под гипнозом, несут ориентирующий характер.

Отечественной научной правовой литературой чаще всего гипноз относится к числу антинаучных и недопустимых методов. Зачастую в советской литературе гипноз описывали как негативный метод, оказывающий плохое влияние на человеческий организм.

Однако многолетняя практика и тщательное исследование гипноза советскими, российскими и зарубежными учеными привела к выводу, что гипнотический метод, в подавляющем большинстве случаев, не только безвреден для человеческого организма, но и положительно воздействует на человека, помогая мобилизовать как психические, так и физические резервы человека.

Важно, что в процессе сеанса гипноза специалист-гипнолог обладает лишь той информацией, которая необходима для психоэмоциональной релаксации допрашиваемого, и не может задавать наводящих вопросов допрашиваемому. Специалист не может внушать допрашиваемому версии произошедшего события.

В зарубежной практике прием применения гипноза в ходе допроса довольно распространен. Так, в США разработана общая модель применения гипноза в ходе расследования преступлений. Модель состоит из элементов:

- определение целесообразности проведения гипноза в отношении допрашиваемого;
- проведение интервью под гипнозом, включающем этапы подготовки и проведения допроса без использования гипноза и под гипнозом.

Что касается Российской Федерации то возможности применения психологических методов активизации памяти начали активно разрабатывать с 1992 г. Этим вопросом занимались ученые-правоведы и специалисты-психологи ВНИИ МВД России.

Н. Н. Китаев в своей статье «Гипноз и раскрытие преступлений: возможность и законность применения» [4] указал, что в НИИ МВД РФ с 1992 г. даже существовал отдел, где проходило изучение нетрадиционных психологических приемов раскрытия преступлений. Возглавлял отдел кандидат медицинских наук А. И. Скрыпников, активно пропагандировавший гипнорепродукционный опрос как метод повышения эффективности работы органов МВД [5, с. 203-212].

Гипнорепродукция основана на активации сферы образной и вербальной памяти, составляющей основу самосознания и информационных взаимодействий человека с окружающей действительностью.

Игнорирование богатых возможностей гипнорепродукции реакций и состояний человека применительно к практике криминалистики объясняется тем, что не только следственные работники, но и судебные медики еще не имеют полного представления о возможностях данного метода, а потому и не выступают заказчиками таких неординарных работ [3].

Наряду с этим сторонниками данного метода все же были разработаны основополагающие правила, без которых в принципе было бы невозможно применение гипноза в ходе расследования преступлений:

- сведения, полученные в ходе проведения допроса, должны подтверждаться доказательствами по уголовному делу;
- гипноз используют лишь в случаях, когда традиционные методы допроса вообще не приносят никаких результатов;
- необходимо учитывать противопоказания к проведению гипноза, то есть в случаях, когда гипноз несет в себе объективные или субъективные негативные факторы в отношении допрашиваемого.

К объективным можно отнести само воздействие на психику допрашиваемого, к субъективным – влияние на показания допрашиваемого посредством получения им ранее сведений о событии преступления от других участников судопроизводства, через СМИ.

Возможность применения гипноза в следственных действиях пока носит теоретический характер, однако в настоящее время проводятся научные исследования, развиваются технологии, что дает надежду на решение данного вопроса. Полностью категорически отказаться от данного метода, по нашему мнению, было бы не верно.

Хотя и крайне редко, но данный метод может помочь в раскрытии преступлений, когда, казалось бы, нет никакой зацепки. Показательным примером этого является уголовное дело, раскрытое управлением СК по Пермскому краю.

Руководитель Следственного управления (СУ) СК при прокуратуре РФ по Пермскому краю генерал-майор юстиции Марина Заббарова на своей пресс-конференции 09.09.2008 г. рассказала о новых методиках, которые следователи используют в своей работе. Так в расследовании дела Геращенко, обвиняемого в совершении 29 эпизодов преступной деятельности, в частности убийств сотрудников милиции, которые продолжались в течение 10 лет, был использован гипнорепродукционный метод. С тремя свидетелями работал профессор, который воссоздавал в их памяти четкую картину того дня, когда они подверглись нападению преступника, но остались в живых. В результате через 3 дня граждане могли описать нападавшего, и художник создавал его портрет. Так была получено изображение преступника, которое один в один совпало с портретом человека, за которым уже велось наружное наблюдение [6].

Если уж мы решаем привлечь специалиста-гипнолога к расследованию, то в первую очередь, необходимо получить письменное согласие лица на введение его в гипнотическое состояние. При этом требуется точно знать: имеются ли у допрашиваемого физические или психологические противопоказания к гипнозу или нет.

Анализ исследований, проводимых в данной сфере, дает возможность сделать следующие выводы. При использовании метода гипноза для получения интересующей следствие информации, необходимо соблюдать следующие условия:

- допрашиваемый должен добровольно согласиться на проведение в отношении него сеанса гипноза, данный факт должен быть подтвержден документально;
- предварительно специалистом-психологом либо психиатром должна быть проведена обязательная подробная ознакомительная беседа с допрашиваемым с целью изучения его психофизиологического состояния;
- необходимо обязательно удостовериться в психологическом благополучии допрашиваемого после проведения сеанса гипноза;
- сеансы гипноза должны проводиться только высококвалифицированными психологами или психиатрами, имеющими специальную подготовку в практическом применении гипнотического производства;
- независимость специалиста-гипнолога;
- информирование специалиста-гипнолога только теми сведениями, которые необходимы для проведения гипноза;
- осуществление видео либо аудиозаписи сеанса.

Важно понимать, что гипноз является средством для восстановления памяти допрашиваемого, а не гарантией достоверности полученных сведений при помощи гипноза.

Итак, с точки зрения закона можно констатировать, что информация, которая получена под гипнозом, не может иметь доказательственного значения. При этом нельзя отрицать того факта, что в ходе опроса под гипнозом, и тому есть масса примеров, можно получить сведения, которые будут очень важны для раскрытия преступлений. Такую информацию можно использовать при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий, принятии решений о проведении различных следственных действий.

Гипноз применяют в 32 странах мира в разных ситуациях, в том числе и при расследовании. Почему гипноз не применяется в России? Потому что он считается не до конца изученным, нетрадиционным. Наши ученые-криминалисты не уверены в безвредности его воздействия на человека. Вследствие этого считается негуманным применять гипноз к подозреваемым. Но и в тех странах, где гипноз разрешен при

расследовании, он применяется только в отношении свидетелей [7].

Необходимо отметить, что получение под гипнозом значимой информации от потерпевших и свидетелей в меньшей степени вызывает споры, нежели те же действия в отношении подозреваемых и обвиняемых.

Для подозреваемого и обвиняемого дача показаний – это право, они могут вовсе не давать показаний или давать ложные показания, так реализуется их право на защиту. Ту информацию, которую подозреваемый или обвиняемый может сообщить под гипнозом, вполне возможно он не собирался раскрывать в ходе расследования. Более того, ст. 51 Конституции РФ, говорит о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников, а ст. 302 УПК РФ запрещает и карает как преступление, принуждение к даче показаний путем угроз и иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание.

Но все же из любого правила есть исключение и получение информации от подозреваемого или обвиняемого под гипнозом теоретически может быть осуществлено, если будут соблюдены некие условия, например,

1. следователем, дознавателем должны быть исчерпаны все иные допустимые законные методы получения информации значимой для расследования;

2. сам подозреваемый или обвиняемый должен хотеть вспомнить все то, что забыл;

3. подозреваемый или обвиняемый должен лично в письменной форме обратиться к следователю или дознавателю с просьбой о проведении активизации его памяти при помощи метода гипноза.

Таким образом, в настоящее время мы можем констатировать, что мнения ученых по данному вопросу очень сильно разнятся и вряд ли в скором времени им удастся прийти к какому-либо консенсусу.

По мнению Лунёва Р. С. на данный момент следует говорить не о допросе, а об опросе под гипнозом, который может реализовываться при соблюдении рекомендаций, указанных в специальной литературе, в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Полученная в ходе такого опроса информация не имеет доказательственного значения, но может использоваться в оперативных целях [7].

В то же время профессор А. Р. Ратинов говорит о том, что «снижая или выключая волевой контроль со стороны участвующих лиц, следователь всегда рискует толкнуть их на объективно неправильный образ действий, который в силу увлеченности или предубеждения может представляться ему соответствующим истине, не являясь в действительности таковым. Именно поэтому должна быть решительно отвергнута идея о возможности применения гипноза в процессе расследования» [8, с. 214].

Пристатейный библиографический список

1. Рящев А. Е. Следственный гипноз. Состояние, проблемы и перспективы // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2014. – № 3. – С. 169-174.
2. Китаев Н. Н. Гипноз и преступления / Н. Н. Китаев; Н. Н. Китаев; Федер. агентство по образованию, Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 60 с.

3. Гримак Л. П. Гипноз и преступность. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/psihologiya/25477-87-leonid-grimak-gipnoz-i-prestupnost.html> (дата доступа: 12.01.2024).
4. Китаев Н. Н. Гипноз и раскрытие преступлений: возможность и законность применения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://jurid-psy.livejournal.com/5348.html> (дата доступа: 12.01.2024).
5. Скрыпников А. И. Получение информации посредством опросов под гипнозом // Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве: Науч.-метод. пособие / [Дворкин А. И. и др.]; под ред. к. ю. н. Дворкина А. И. – Москва: Экзамен, 2004. – 414 с.
6. Главное дело Марины Заббаровской // Пермский край. Редакция «ФедералПресс» / Экспертный канал «УралПолит.Ru» 10.09.2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedpress.ru/news/russia/policy/477768> (дата доступа: 12.01.2024).
7. Лунев Р. С. Применение нетрадиционных методов воздействия на подсудимого в российском судопроизводстве (на примере использования гипноза) // Советник юриста. – 2013. – № 9. – С. 3-13. – EDN SGZXCZ.
8. Судебная психология для следователей. – М.: Юрлитинформ, 2001. – 352 с.

АННАГИ Абдул оглы Мамедли

докторант Центра судебной экспертизы Министерства юстиции Азербайджанской Республики

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СЛЕДСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аргументы сторонников использования института следственного согласия в досудебном производстве в Азербайджанской Республике заключаются в том, что эта система обеспечивает быстрое и решительное наказание правонарушителей, предотвращает длительное задержание обвиняемых или подозреваемых лиц и делает важный вклад в способность прокурора уделять время ключевым делам. С другой стороны, критические аспекты следственного согласия выражаются в том, что материальная истина не раскрывается в полной мере, общественная безопасность может оказаться под угрозой из-за смягчения наказания лицам, совершившим особо тяжкое преступление. В данной статье мы рассуждаем о перспективах применения следственного санкционирования в уголовном процессе Азербайджана на основе действующих законодательных норм.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, суд, уголовный процесс, обвинение, обвиняемый.

ANNAGI Abdul Mammadli ogly

doctoral student of the Forensic science center of the Ministry of Justice of the Republic of Azerbaijan

LEGAL BASIS OF THE INVESTIGATIVE ASSENT IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

The arguments of supporters of the use of the institution of investigative assent in pre-trial proceedings in the Republic of Azerbaijan are that this system ensures quick and decisive punishment of lawbreakers, prevents the detention of accused or suspected persons for a long time and makes an important contribution to the ability of the prosecutor to devote time to pivotal cases.

On the other hand, the critical aspects of the investigative assent is expressed by the fact that the material truth is not fully revealed, the public safety can be endangered due to the reduction of the punishment of the persons who have committed an especially serious crime and the early release of the criminal. In this article, we debate on the prospects of the application of the Investigative Assent in the Azerbaijan Criminal Procedure based upon the current legislative norms.

Keywords: investigative assent, court, criminal procedure, prosecution, accused.

One of the important guarantees of justice in the Anglo-Saxonian legal system and one of the main legal institutions that meet public demand, the admission of guilt received in various forms in the criminal procedures of the most European countries in the process of convergence of legal systems as a result of globalization. One of them is the institution of investigative assent. The essence of an investigative assent is a mutual agreement between the main participants of the prosecution and defense - the suspect, the accused and the prosecutor regarding responsibility for the crime committed. Although at first glance one can come to the conclusion that a investigative assent is the same concept as an admission of guilt, a more detailed analysis confirms that this approach does not fully and comprehensively reflect the essence of this institution.

Whilst after the French bourgeois revolution the concept of the confession of guilt as the "king of evidence" was finally abandoned in the continental justice system, the usefulness of this type of evidence and its importance in the administration of justice led to its return to the justice system of the continental European legal system and in accordance with the basic principles of justice created the basis for enshrining this institution in legislation.

Studying the prospects for the use of investigative assent in the criminal procedure of the Republic of Azerbaijan could be important from the point of view of increasing the efficiency and effectiveness of the fight against corruption crimes, organized

crime and crimes committed in the economic sphere, thereby saving the state budget. Despite frequent criticism, investigate assents are now common practice in the American judicial system. The main goal of the investigative assent is to get an effective and fair result in a short period of time [2, p. 1-2]. Thus, they are asking to provide a significant benefit to both the state and the accused. It is claimed that the system of criminal justice in the United States will collapse if there is no system of investigative assents. The Institute of investigative assent is considered the most effective method of conducting activities in the criminal justice system [6].

In addition to the significant economy of resources in the criminal prosecution and trial, the investigative assent allows the parties to complete the criminal process through mutual concessions and make an immediate decision. The accusation obtained as a result of bargaining or negotiations between the accused and the prosecutor allows the parties to avoid delays and uncertainties during the trial and appeal proceedings, to quickly and decisively punish violators of the law with a sentence adapted to the circumstances of the case. They say that it is important to increase the efficiency of the courts, to allocate the time of the prosecutor's office to more important crimes, to assign a more adequate punishment to the suspect, to direct resources to issues that require more attention. One of the most important elements of the process is the prevention of arrest and custody of the accused for a long time [5, p. 6].

The fact that the investive assent has such an effective result, especially in terms of reducing the burden on judicial and prosecutorial bodies, significantly increases the interest of all countries experiencing this problem in their criminal justice systems. Moreover, although debates about the value of this institution continue even in the country of its origin, the ongoing practice of investigative assents in other countries suggests that it will play an important role in the protection of all rights.

The problems facing the judicial system in Azerbaijan have been expressed in different ways by people from different parts of life, such as politicians, academics, judges, prosecutors, lawyers, law enforcement officials and citizens interested in justice services.

The first official attempt at investigative assent was made in the National Action Plan for 2012-2015 on Promotion of Open Government and "Fighting Against Corruption" Decree of the President of the Republic of Azerbaijan dated 2012 on approving the National Action Plan for 2012-2015.

Later, in the Decree of the President of the Republic of Azerbaijan of 2016 on the approval of the "National Action Plan for the Development of Open Government for 2016-2018" it was also stated that "The rules for the application of criminal legal measures against legal entities and within the framework of the preliminary investigation for corruption crimes are determined in the form of "preparing proposals for the use of the institution of "investigative assent".

Although the Investigative Assent is not directly applied in the criminal legislation of Azerbaijan, several analogues of this assent can be listed. For example, voluntary admission of guilt, active assistance in solving the crime, exposing its other participants, searching and finding property obtained as a result of the crime, providing assistance to the victim immediately after the commission of the crime, voluntary payment of material and moral harm caused to the victim as a result of the crime can be noted in cases of taking other actions aimed at reducing damage.

Article 59 of the Criminal Code of Azerbaijan considers these cases as mitigating circumstances. In the decision of the Plenum of the Constitutional Court of the Azerbaijan Republic from 2012 "On the interpretation of certain provisions of Articles 59.1.9 and 60 of the Criminal Code of the Azerbaijan Republic", the provision "voluntary statement and confession of guilt was declared" [3].

The resolution states that, without any coercion to appear and admit guilt, the guilty person must voluntarily appear before the bodies carrying out investigative, investigative and operational-search activities, or other government bodies that have committed or were preparing a crime or his participation in this crime includes providing honest information to these authorities. Also, active assistance in the investigation of a crime is expressed in the fact that a person, in connection with a crime committed, gives correct testimony during the investigation about all the circumstances known to him, in identifying the participants in the crime, as well as in detecting objects or tools and means obtained by criminal means, as well as providing assistance to investigative authorities in detecting traces of a crime.

According to the Article 60.1 of the Criminal Code "Imposition of punishment in the presence of mitigating circumstances", "the crime was committed under the influence of illegal or immoral actions of the victim or in a state of strong mental excitement

(affect) that arose suddenly as a result of these actions, the person voluntarily admitted his guilt, actively contributed solving a crime, exposing other participants, searching and finding property obtained as a result of a crime, reducing harm that may be caused to the life and health of the victim by providing medical or other assistance immediately after the commission of a crime reconciliation with the victim or his legal heir, who is his close relative, voluntary full compensation or elimination of damage caused as a result of the crime", and in the absence of aggravating circumstances, the term or amount of punishment is determined in accordance with the relevant Special Part of this Code, cannot exceed three quarters the maximum limit of a more serious type of punishment provided for in the article. It is clear from this that according to Article 60.1 of the Criminal Code "in the presence of all the circumstances provided for by any of Articles 59.1.8, 59.1.10—59.1.13 of this Code, and in the absence of aggravating circumstances, the duration or amount of the punishment should be no more than three-quarters of the limit of the more severe type of punishment, provided for by the relevant article of the Special Part of the Code.

Meanwhile, according to Article 62.1 of the Criminal Code, "depending on the purpose and motive of the crime, the role of the perpetrator in the crime, exceptional circumstances related to his behavior during the commission of the crime." and after it, as well as other circumstances that significantly reduce the social danger of the crime, and also if it was committed with the participation, when the participant in the crime actively contributes to the disclosure of this crime - a punishment less than the lower limit specified in Part. The corresponding article of the Special Part may be assigned of this Code, or the court may impose a more lenient punishment than that specified in this article, or not impose a mandatory additional punishment."

It is clear from the legal nature of a investigative assent that for those to exist, the prosecutor must have discretionary powers. Articles 39 and 40 of the Criminal Procedure Code of Azerbaijan also provide for cases that allow not to carry out criminal prosecution. In cases provided for in Articles 72-74 of the Criminal Code, i.e. 1. When a person who has committed a crime that does not pose a great public danger voluntarily comes forward and admits his guilt, actively helps solve the crime, pays for the harm caused as a result of the crime or eliminates the damage in another way; 2. When a person who has committed a crime that does not cause great public danger reconciles with the victim and compensates for the harm caused to him or eliminates the harm caused; 3. If it is established that an act committed as a result of a change in circumstances or the person who committed this act does not pose a public danger, criminal prosecution cannot be initiated or terminated by decision of the investigator agreed with the prosecutor. In particular, Article 297 of the Criminal Code gives the prosecutor discretionary powers in committing crimes that do not pose a great public threat.

To solve a crime means to establish the identity of the perpetrator, the victim and, if any, witnesses, as well as to establish the type of crime, its nature, the weapon of the crime, the time the crime was committed, and the place where the crime was committed, and the act constituting a crime, establishing the content of the crime and the causal relationship between them [1, p.367].

The crime investigation moves from "unknown" to "known". Investigating authorities are trying to establish all the

details of the incident based upon the limited information they have. They are trying to understand an event that they did not see or experience based upon the evidence they receive.

While in Anglo-Saxonian legal culture the goal is to resolve a dispute as quickly as possible at the least a cost, in the legal system of continental Europe, which is also the case in our country, the discovery of material truth is more important than the resolution of the conflict. For this reason, it is considered necessary to pay special attention to how to combine these two different paradigms when it comes to including this application in the Criminal Law of Azerbaijan.

To ensure the expected contribution, the most important condition of an evidentiary investigative transaction is a thorough investigation. In practice, unfinished investigations are considered a serious problem in the criminal process of Azerbaijan. It is therefore felt that regulation and training would be more appropriate to ensure investigations are carried out to the fullest extent possible.

The criminal procedural legislation of the modern Republic of Azerbaijan directly reflects that admission of guilt does not have any special advantage in the system of evidence. However, in national criminal legislation one can trace the legal basis for the institution of investigative assent, which exists in most European countries. The establishment of this institution in the national legislative system is included in the action plans.

We can study the grounds for the use of investigative assents in the Court of Azerbaijan in the Criminal Code, the Criminal Procedure Code, including the Law "On Operational-Investigative Activities" [4].

The main advantage of a investigative assent for both the prosecution and the defense is that there is no risk of losing the case completely. These assents can also be a way for courts to conserve limited resources on cases that need them most. Prosecutors benefit from investigative assents because they allow them to increase their conviction rates. Some prosecutors also use these to entice defendants to testify against other defendants. By wisely using investigative assent, prosecutors can obtain certain sentences for criminals who may be acquitted on technical grounds. Although prosecutors cannot negotiate every case (as this may cause public backlash), they can save time and resources for cases that require more attention and use investigative assents in cases with less public danger or characterized by weak evidence or other difficulties they can.

An investigative assent may have the following consequences:

1. The powers of prosecutors should be expanded to reduce criminal cases.
2. When criminal proceedings are brought, a "greater judgment of public interest or justifiability" will be required.
3. Proposed charges may be withdrawn after evaluation of success.
4. The powers of prosecutors will be expanded at the preliminary investigation stage.
5. The prosecutor will be able to make a deal with the suspect or accused before filing charges.
6. A criminal case can be resolved more quickly if both parties to the investigative assent agree on the punishment.
7. The investigative file will not cover particularly serious crimes.

8. The degree of mitigation of the charge will be reflected in the criminal law, and the final decision will necessarily remain with the court.

9. The conditions for returning the indictment will be expanded and simplified.

10. Judges return the indictment for retrial if they consider that the indictment was not fully drawn up during the investigation and the preliminary investigation was incomplete.

11. The scope of cases on special charges will be expanded.

If we look at the application of investigative assent in comparative law, it becomes clear that the application of this institution in criminal procedure has a different essence and gives different results for each legal system. Thus, the use of investigative assent in the Criminal Procedure of Azerbaijan may prove more useful in the fight against corruption, including crimes committed by organized gangs.

Bibliography

1. Aydin Murat. Elements and Return of the Indictment // Journal of the Faculty of Law of Gazi University. – 2006. – № 10 (1-2). – P. 367-398.
2. Balo Y.S., Cetinturk E. Prosecutor for the implementation of the criminal laws of the United States of America.
3. Decision of the Plenum of the Constitutional Court of the Azerbaijan Republic "On the interpretation of certain provisions of Articles 59.1.9 and 60 of the Criminal Code of the Azerbaijan Republic", 2012, paragraph 2.
4. John F. Meyer's Benefits in Investigative Assents // Encyclopedia of Crime and Punishment Publications, 2002.
5. Shahin Jumhur. Reconciliation in Criminal Justice - A Gift to Suleiman Arslan // Journal of the Faculty of Law of Seljuk University. – 1998. – P. 6.
6. Siegel Larry J. Courts and Criminal Justice in America, Annotated Instructor's Edition, Prentice Hall, USA – 2010.

АНАНЬЕВ Олег Геннадьевич

старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы Академии ФСИН России

КАШИНЦЕВА Ирина Львовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, заместитель директора Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В статье анализируются нормы уголовно-исполнительного и законодательства об образовании в Российской Федерации по вопросам прав осужденных на получение средне-специального и высшего образования в образовательных учреждениях нашего государства. Обучение является основным средством исправления осужденных. В рамках исправительных учреждений для спецконтингента сотрудниками и вольнонаемным персоналом организовывается профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования. Однако многие осужденные в течение периода отбывания наказания, которые могут быть достаточно длительными в соответствии с приговорами суда, желают получить образование по предлагаемым программам с использованием дистанционных образовательных технологий. Вопрос организации такого обучения и соблюдения прав человека и гражданина на получение высшего образования является достаточно серьезным в современный период времени и может повлиять на исправление осужденного и возвращение человека в гражданское общество.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, организация обучения, учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, осужденные, сотрудники.

ANANJEV Oleg Gennadjevich

senior lecturer of Social psychology and social work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia

KASHINTSEVA Irina Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Foreign languages sub-faculty, Deputy Director of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the FPS of Russia

ORGANIZATION OF TRAINING FOR THOSE SENTENCED TO IMPRISONMENT IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS.

The article analyzes the rules of penal and education law enforcement in the Russian Federation on the rights of convicts to get vocational and higher education in educational institutions of our state. Education is the main way to reform convicts. Within correctional institutions employees organize vocational training and vocational education for prisoners. However, many convicts while serving their sentences, which can be rather long, wish to get education in the proposed programs by means of distance learning. The issue of organizing such training and respecting human and civil rights to higher education is quite serious nowadays and can affect the reformation of a convicted person and the return of a person to the society.

Keywords: penal law, organization of training, institutions of imprisonment, convicts, employees.

Право на получение образования является одним из основных прав гражданина, закрепленных во многих документах, таких как Конституция, федеральные законы. Это право гарантирует каждому человеку доступ к качественному образованию без дискриминации. Образование играет ключевую роль в развитии личности, обеспечении равенства возможностей и повышении уровня жизни. Право на образование означает не только доступ к школьному и высшему образованию, но и возможность получения профессионального обучения, обучения взрослых и других форм образования.

Государство обязано создавать условия для реализации права граждан на образование, в том числе разработкой образовательных программ, строительством учебных заведений, обеспечением квалифицированных педагогов и доступом к образовательным ресурсам. Особое внимание следует уделять обеспечению равного доступа к образованию для всех слоев населения, включая лиц с ограниченными возможностями, осужденных и других уязвимых категорий граждан. Для этого необходимо принимать специальные меры по устранению барьеров, которые могут мешать людям получить образование.

Право гражданина на образование не только является фундаментальным правом, но и является ключевым элементом развития общества и экономики. Поэтому важно продолжать работу по содействию реализации этого права и созданию равных возможностей для всех граждан.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в закрепленной в нем норме говорит о том, что формирование у лиц, отбывающих уголовные наказания, уважительного отношения к личности и гражданскому обществу; стимулирование правоупотребительного поведения на основе норм и правил, а также развитие чувства уважения к традициям человеческого общества и труда станет основой исправления таких граждан. При этом нормами законодательства закреплен перечень основных средств исправления

осужденных, в который входят режим отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы, воспитательная работа, привлечение указанных граждан к труду, получение образования (основного общего, профессионального), к средствам исправления осужденных законодатель также относит общественное воздействие [1]. Законодатель установил основные средства исправления для лиц, принудительно водворенных для отбытия наказаний в учреждения уголовно-исполнительной системы в соответствии с приговором суда. Для возвращения таких граждан обратно в гражданское общество необходимо провести определенную работу, которая будет включать в себя комплекс мероприятий и изменение средств исправления. Классический перечень уже изначально закреплен нормами уголовно-исполнительного законодательства. Однако существуют различные подходы к этому вопросу.

Организация обучения осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях играет важную роль в их реабилитации и социальной реинтеграции. Образование и профессиональное обучение помогают осужденным развить навыки, которые могут быть полезными при возвращении в общество после отбывания наказания. Они также способствуют снижению рецидива и повышению шансов на успешную адаптацию.

В исправительных учреждениях обучение осужденных может быть организовано различными способами. Это могут быть классы внутри учреждения, проводимые квалифицированными преподавателями, или же дистанционное обучение через специальные программы. Кроме того, существуют проекты, в рамках которых осужденные могут получить профессиональное обучение и сертификацию в определенной области [2].

Следовательно, организация профессионального обучения и получения осужденными среднего профессионального образования строится по признакам первоочередного обу-

чения лиц, не имеющих профессии, по которой они могли бы работать на предприятиях исправительных учреждений и после отбытия наказания.

Важно отметить, что обучение осужденных должно быть адаптировано к их потребностям и возможностям. Некоторые из них могли иметь недостаточный доступ к образованию до того, как попали в тюрьму, поэтому им может потребоваться дополнительная поддержка и индивидуальный подход.

Помимо образовательных программ, также важно предоставлять осужденным возможность профессионального обучения и трудоустройства. Приобретение новых навыков и профессиональная подготовка могут помочь им успешно встать на ноги после освобождения.

На 1 января 2023 года, по данным ФСИН России, при исправительных учреждениях действуют 285 общеобразовательных организаций, 442 учебно-консультационных пункта, 254 профессиональных образовательных учреждения ФСИН России и 179 филиалов [3]. В качестве примера востребованности получения образования стоит привести опыт профессионального образовательного учреждения №66, охватившего деятельность трех исправительных учреждений Подмосковья. В 2022/23 учебном году более 100 человек, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, прошли обучение и получили дипломы о присвоении профессий в области легкой промышленности [4].

Надо отметить, что спецконтингент не ограничивается получением среднего специального образования, предусмотренного ведомственными нормативными правовыми актами для лиц, не имеющих образования и отбывающих наказание в виде лишения свободы. Такие граждане интересуются и получением высшего образования.

На период 2019/20 учебного года поступили в институты по направлениям «Экономика», «Менеджмент», «Управление малым бизнесом», «Финансы и кредит», а также «Юриспруденция», «Социология», «Психология», «Специалист по рекламе» и «Банковское дело» более тысячи осужденных. Указанные граждане имеют право учиться в высших учебных заведениях заочно и дистанционно за счет собственных средств.

В соответствии с п.9 ст.80 Закона «Об образовании» лицам, осужденным к лишению свободы, принудительным работам, разрешено получение высшего образования в заочной форме обучения.

Однако современные реалии требуют при направлении документов с заявлением о поступлении в ВУЗ предоставить результаты ЕГЭ. Находящимся в изоляции гражданам необходимо решить и такие вопросы. В данном случае оказание содействия в организации и проведении испытаний проводится на базе исправительного учреждения его руководством и представителями вуза, которые приезжают в исправительное учреждение по заявке сами и проводят внутренние экзамены, либо высылают комплект заданий. Осужденные-абитуриенты выполняют присланные задания под контролем администрации. Таким образом, решение соответствующих проблем может затянуться только из-за существующих правил внутреннего распорядка. Поскольку вся корреспонденция проходит цензуру, стоит учитывать такое время и в краткие сроки выполнять соответствующие задания.

В колониях с постоянным доступом в Интернет курсы организуются удаленно. Большинство этих исправительных учреждений расположены в Москве, но есть и в других регионах России. Заключенных регулярно приводят в комнату с компьютером, знакомят с загруженными материалами, и они выполняют задания. Затем сотрудники колонии отправляют выполненные задания в университет по электронной почте или посредством Почты России [5].

Бюджетные места в ВУЗах так же предусмотрены для осужденных, как и для обычных студентов. В ряде регионов сотрудничество в области образования налажено между территориальными органами Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации и образовательными организациями высшего образования. Федеральная служба исполнения наказаний Российской Федерации стремится к тому, чтобы в вузах страны было как можно больше свободных мест для осужденных. Мониторинг показателей образовательного уровня лиц, совершивших повторные преступления на момент осуждения, показывает, что осужденные

с высшим образованием меньше совершают повторные преступления (только 3,7% имели высшее и 0,7% - неоконченное высшее образование) [6].

Таким образом, стоит сделать следующие выводы. Получение образования имеет значительное влияние на исправление личности осужденного и может способствовать успешной реабилитации. Вот несколько результатов того, как образование может повлиять на личность осужденного:

1. Повышение самооценки и самоуважения. Образование может помочь осужденному поверить в себя, развить уверенность и уважение к себе. Это может способствовать формированию позитивного самовосприятия и укреплению моральных ценностей.

2. Развитие критического мышления. Развитие критического мышления и аналитических способностей помогает осужденным принимать взвешенные решения, анализировать свои поступки и поведение.

3. Получение новых навыков и знаний. Обучение предоставляет возможность осужденным приобретать новые знания и навыки, которые могут быть полезны как в профессиональной сфере, так и в повседневной жизни после освобождения.

4. Снижение вероятности рецидива. Исследования показывают, что осужденные, получившие образование во время отбывания наказания, имеют меньшую вероятность совершения повторных преступлений после освобождения. Образование дает им возможность адаптироваться к обществу, находить работу и принимать правильные решения.

5. Помощь в переориентации ценностей. Образование может помочь осужденным пересмотреть свои ценности, увидеть свои ошибки и стремиться к позитивным изменениям в своей жизни.

В целом, образование играет ключевую роль в процессе реабилитации осужденных, помогая им изменить свое мировоззрение, развить новые навыки и получить перспективы для будущего. Поэтому важно поддерживать программы образования для заключенных и создавать условия для их обучения и развития.

Пристатейный библиографический список

1. Воспитательная работа с осужденными: учебное пособие Ананьев О. Г., Ананьева Е. О., Кириллова Т. В., Коришева С. Е., Кузнецов М. И., Лузин С. А., Скопина И. Е., Федина А. М., Холопова Е. Ю. / Под ред. Кирилловой Т. В. - Рязань, 2021. - 206 с.
2. Приказ Министерства юстиции РФ от 24.03.2020 N 59 «Об утверждении Порядка организации профессионального обучения и среднего профессионального образования лиц, осужденных к лишению свободы и отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) / ГАРАНТ – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/73868126/> (дата обращения 4.02.2024).
3. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения 4.02.2024).
4. Более ста осужденных, отбывающих наказание в ИУ Московской области, получили профессии в сфере легкой промышленности / 07.02.2023 / Подмосковье – БезФормата. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://podmoskovye.bezformata.com/listnews/osuzhdennih-otbivayushih-nakazanie-v-iu/114101871/> (дата обращения 4.02.2024).
5. Ананьева Е. О., Ивлиев П. В. Цифровизация отдельных направлений в деятельности УИС // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 2 (177). – С. 304-306.
6. Кряжева С. Г., Москвитина М. М., Новиков А. В. Актуальное состояние рецидива преступности среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях строгого режима // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. № 1А-2А. – С. 388-397. DOI: 10.34670/AR.2023.25.62.051.

ВИДОВА Татьяна Александровна

кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин Московского университета имени С. Ю. Витте, филиал в г. Рязань

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России, профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин Московского университета имени С. Ю. Витте, филиал в г. Рязань

МИТЯЕВА Юлия Владимировна

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московского университета имени С. Ю. Витте, филиал в г. Рязань

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА УСЛОВНОГО ОСУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье исследуется становление института условного осуждения в дореволюционный период, а также его дальнейшее развитие в российском законодательстве. Проанализированы точки зрения ученых в области уголовного и уголовно-исполнительного права, относящиеся к институту условного осуждения. Особое внимание уделяется особенностям правового регулирования вопросов применения условного осуждения к несовершеннолетним.

Ключевые слова: институт условного осуждения, осужденный несовершеннолетний, условно осужденный, исторический период, юридическая природа.

VIDOVA Tatyana Alexandrovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor, Deputy Head of Civil law disciplines sub-faculty of the S. Yu. Witte Moscow University, Ryazan branch

GOLOVASTOVA Yuliya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminal executive law and organization of educational work sub-faculty of the Academy of the FPS of Russia, professor of Criminal law and humanitarian disciplines sub-faculty of the S. Yu. Witte Moscow University, Ryazan branch

MITYAEVA Yuliya Vladimirovna

Ph.D. in political science, associate professor, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the S. Yu. Witte Moscow University, Ryazan branch

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF CONDITIONAL SENTENCE IN RELATION TO MINORS IN DOMESTIC LEGISLATION

The article examines the formation of the institution of conditional sentence in the pre-revolutionary period, as well as its further development in Russian legislation. The points of view of scientists in the field of criminal and penal enforcement law related to the institution of conditional sentence are analyzed. Special attention is paid to the peculiarities of the legal regulation of the application of conditional sentence to minors.

Keywords: institution of conditional sentence, convicted minor, conditional sentence, historical period, legal nature.

В уголовном законодательстве Российской империи институт условного осуждения как таковой, а соответственно и условного осуждения несовершеннолетних, отсутствовал.

Появление связанных с условным осуждением идей состоялось в конце девятнадцатого столетия. Они возникли в силу того, что соответствующий институт получил распространение в таких государствах, как Германия, Соединенные Штаты, Бельгия, Франция [1, с. 1-15]. При этом исходно соответствующие идеи не были приняты отечественными специалистами.

В научных публикациях изложено мнение, согласно которому отправной точкой развития указанного института в России является 1889 г. – год проведения первого съезда Международного союза криминалистов. Обсуждение инсти-

тута условного осуждения активизировалось после проведения указанного съезда.

Полемика по данному вопросу характерна для периода подготовки к проведению четвертого Международного тюремного конгресса пенитенциарной комиссии. Соответствующий конгресс состоялся в 1890 г. в Санкт-Петербурге.

Указанный вопрос обсуждался в рамках съездов международного права, проводившихся в 1889, 1890, 1902 гг. (Брюссель, Берн, Санкт-Петербург). В рамках дискуссии высказывались мнения как в пользу, так и против введения института условного осуждения.

Видова Т. А.

Головастова Ю. А.

Митяева Ю. В.

Организация русской группы Международного союза криминалистов была осуществлена в 1898 г. в рамках проведенного в 1899 г. в Санкт-Петербурге первого Съезда Союза криминалистов состоялось обсуждение различных аспектов, связанных с последствиями применения условного осуждения, сущностью данного института, организацией испытательного срока, существующими в мире формами выражения условного осуждения, порядком и условиями его применения.

На съезде была отмечена нецелесообразность заключения, являющегося краткосрочным. Данное мнение было аргументировано тем, что подобное заключение ведет к окончательной деформации заключенных, и не влияет на них благотворно, результаты подобной меры не соответствуют задачам противодействия преступности [3, с. 33-37].

При этом отмечалась обоснованность применения в отношении преступников, являющихся случайными, условного осуждения. В качестве преступников указанной категории рассматривались преступники, которые при обычных условиях жизни не будут совершать новые преступления. Условное осуждение, по замечанию А. А. Жиленко, ориентировано на то, чтобы исключить вредное действие тюремного заключения на совершивших преступление впервые, т.е. случайных, преступников, исходя из надежды, что они вернуться к честной жизни [5, с. 121-125].

А. А. Пионтковским отмечалась необходимость ввести условное осуждение, которое данный исследователь рассматривал как необходимое и целесообразное средство, подлежащее применению в отношении случайных преступников. Данная мера характеризовалась автором как условие эффективной организации противодействия преступности, как средство, позволяющее усовершенствовать карательный механизм [7, с. 348-349].

В то же время существовало и достаточно значительное число исследователей, полагающих, что введение условного осуждения является нецелесообразным. Подобное мнение было поддержано Г. Г. Евангуловым, В. В. Пржевальским, М. М. Боровтиновым, Н. Д. Сергеевским, И. Г. Щегловитовым, Л. И. Петражицким.

Так, оценивая введение условного осуждения негативно, И. П. Щегловитов отмечал невозможность, нежелательность его введения в силу того, что вследствие его применения уголовная репрессия ослабевает. Данный исследователь также ссылаясь на то, что возможность ввести указанную меру исключается в силу низкого уровня раскрываемости преступлений [6, с. 184-188].

В качестве условной безнаказанности условное осуждение было охарактеризовано Л. И. Петражицким [3, с. 35]. Условное осуждение Н. Д. Сергеевским рассматривалось в качестве предоставления возможности совершения безнаказанно одного преступного деяния на протяжении определенного периода времени [4, с. 79].

На несвоевременность введения соответствующего института указывал Н. С. Таганцев. Он отмечал на сложности с наблюдением в отношении условно осужденных, на необходимость избыточного доверия судам со стороны народа и власти при введении указанного института, и отмечал целесообразность условного помилования, существовавшего в некоторых европейских государствах и применявшегося в случаях, являвшихся исключительными [9, с. 1392-1404].

На съезде некоторые участники отмечали нецелесообразность применения в отношении не достигших совершеннолетия лиц условного осуждения, ссылаясь на то, что

соответствующая мера будет рассматриваться указанными лицами, не обладающими жизненным опытом, в виде ухода от ответственности, а не в виде предоставленной возможности изменить собственное поведение.

Соответственно, оценки введения анализируемого института были многообразными. В то же время на Съезде было принято решение о необходимости оперативно ввести соответствующий институт.

Новое Уголовное уложение разрабатывалось с учетом сформулированных на Первом съезде русской группы Международного союза рекомендаций.

Особое Совецание при Государственном Совете, которое было учреждено в 1898 г. для того, чтобы предварительно рассмотреть проект Уложения, детально анализировало связанный с возможностью введения условного осуждения вопрос. Особое Совецание исследовало присущие условному осуждению позитивные и негативные аспекты. При этом было отмечено несоответствие условного осуждения предусматриваемому равенству перед законом принципу. Также было указано, что его введение может привести к отсутствию в обществе убежденности, что наказание должно следовать за нарушением закона.

Однако в 1903 г. Отдел уголовных вопросов Особой комиссии был наделен полномочиями по разработке проекта связанного с условным осуждением закона. Отдел отметил, что в гуманистическом и бытовом отношении введение соответствующего института является целесообразным. В то же время для того, чтобы исключить злоупотребление соответствующей мерой со стороны судов, было принято решение об установлении на уровне закона условий условного осуждения.

Данные условия состояли в следующем. Условное осуждение могло применяться в отношении преступлений, совершение которых наказывалось арестом сроком до полугода либо выплатой пени до пятисот рублей, тюремным заключением либо заключением в крепости на срок до года.

При этом осужденный должен был заслуживать подобного снисхождения в силу того, что возместил ущерб потерпевшему, в силу предшествующего поведения, являвшегося безупречным, в силу состояния, возраста и прочих обстоятельств.

Отмечалась целесообразность внесения залога, который должен был предоставляться для обеспечения должного поведения осужденного.

Были определены преступления, в отношении которых возможность условного осуждения исключалась (к примеру, преступления по службе, посягательства на порядок управления и др.) [3, с. 36].

Отдел Особой комиссии разработал проект закона, в котором использовалось понятие отсрочки наказания вместо понятия условного осуждения.

Комиссия по судебным реформам получила соответствующий проект [2, с. 36]. После рассмотрения лишь в 1909 г. Государственная Дума утвердила данный проект. Однако его введение в действие не состоялось.

Специалисты отмечали, что принятие его не состоялось в силу того, что ситуация в политической, социально-экономической сферах в стране обострилась, а также в силу таких событий, как Первая мировая война и две революции [10, с. 35].

Понимание целесообразности введения указанного института в отечественное уголовное законодательство сформировалось в конце девятнадцатого – начале двадцатого сто-

летия в российской доктрине уголовного права. В научном обороте стали активно использоваться понятия условного помилования, условного осуждения, условного применения наказания, Отсрочки исполнения приговора. Подобные изменения были обусловлены тем, что существовало стремление найти альтернативы лишению свободы в случае совершения преступлений, тяжесть которых является небольшой, и в силу того, что существовало желание гуманизировать уголовное законодательство [8, с. 25-26].

Применительно к преступности несовершеннолетних следует отметить, что в начале прошлого века были приняты определенные практические меры. Так, в 1910 г. началось функционирование судов по делам несовершеннолетних в Санкт-Петербурге. В дальнейшем соответствующие суды начали функционировать и в некоторых иных городах. В публикациях специалистов по ювенальной юстиции соответствующего периода (М. Н. Гернета, С. В. Познышева, П. И. Люблинского) была представлена высокая оценка осуществляемой данными судами деятельности.

Революционные события 1917 г. обусловили существенные изменения в различных сферах общественной жизни. Ранее действовавшее законодательство более не применялось, перестали функционировать правовые институты предшествующего периода. Новые власти стремились к определению собственных подходов к противодействию преступности. К числу подобных подходов относилось и условное осуждение.

Вопросы, связанные с преступностью несовершеннолетних, были предметом повышенного внимания, что было обусловлено многократным ростом данной преступности в силу революционных и военных событий.

Противодействие указанной преступности основывалось в первую очередь на мерах педагогического характера и мерах профилактики, что было указано в принятом СНК 14.01.1918 г. Декрете, связанном с комиссиями для несовершеннолетних. Соответствующий подход в существенной степени определил последующий вектор развития, относящегося к ответственности несовершеннолетних законодательства.

Впервые введение соответствующего института состоялось в России с принятием 07.03.2018 г. Декрета № 2 о суде. Условное осуждение было отнесено к разновидностям наказания, являющегося более мягким.

В ст. 29 было указано наличие права у народных заседателей на то, чтобы, руководствуясь собственным убеждением, уменьшать наказание, предусмотренное в уголовном законе, вплоть до условного осуждения. В принятом ВЦИК 30.11.1918 г. Декрете «О народном суде РСФСР» условное осуждение было определено в виде особой формы смягчения наказания.

регулируя При этом следует отметить отсутствие нормативного ания оснований, наличие которых обуславливало применение условного осуждения. Была предусмотрена лишь необходимость для суда мотивировать смягчение приговора.

Утверждение Руководящих начал по уголовному праву, состоявшееся 12.12.1919 г., сопровождалось введением основ нормативной регламентации условного осуждения.

В них предусматривалась возможность не приводить в исполнение обвинительный приговор до совершения осужденным лицом деяния, однородного либо тождественного совершенному.

В дальнейшем соответствующие положения были восприняты в законодательстве, при этом условия, основания применения условного осуждения были определены более детально.

04.03.1920 г. состоялось принятие СНК постановления, относившегося к делам несовершеннолетних, которые обвиняются в совершении действий общественно-опасного характера. Комиссии о несовершеннолетних должны были рассматривать дела несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, совершивших указанные действия. Предусматривалось направление подобных лиц комиссиями в учреждения лечебно-воспитательного профиля. Также была определена в качестве основной медико-воспитательной задачи задача лечения, обучения, воспитания несовершеннолетних, являющихся морально-дефективными. Соответствующую задачу должны были решать наркоматы здравоохранения и просвещения. Передача дела в народный суд комиссией предусматривалась на случай выявления комиссией отсутствия возможности применять связанные с медико-педагогическим воздействием меры в отношении несовершеннолетних.

После того, как в 1922 г. был принят УК РСФСР, ответственность была предусмотрена в отношении как подростков 14-16 лет, применительно к которым возможность реализации медико-педагогических отсутствует, так и всех несовершеннолетних возрастом 16-18 лет.

В ряде случаев условное осуждение применялось судами и к несовершеннолетним, дела в отношении которых комиссии передавали в суд.

В этой связи следует отметить, что условное осуждение должно было более часто применяться к несовершеннолетним, характеризовавшимся меньшей общественной опасностью и привлекавшимся к уголовной ответственности впервые.

Принятие ВЦИК и СНК декрета, которым в УК РСФСР 1922 г. вносились дополнения, изменения, состоялось 11.08.1924 г. Данный декрет значительно изменил связанную с условным осуждением норму. Так, состоялось внесение примечания к ст. 36, предусмотревшего, что условное осуждение вместо наказания лишением свободы в отношении лиц возрастом до 18 лет, в отношении которых необходимость изоляции отсутствует, может применяться вне зависимости от иных предусмотренных ст. 36 условий. Соответственно, возможности применения в отношении несовершеннолетних условного осуждения стали более широкими.

Убежденность суда в отсутствии необходимости изоляции несовершеннолетнего выступала фактически в качестве единственного основания условного осуждения. Предусматривалось назначение в отношении несовершеннолетних подобного осуждения и в ситуациях повторного совершения преступления, когда суд полагал, что пребывание совершившего преступление несовершеннолетнего в местах заключения нежелательно [11; с. 11.].

31.10.1924 г. состоялось принятие Основных начал уголовного законодательства СССР и республик, в которых анализируемый институт получил последующее развитие. Была предусмотрена возможность применения условного осуждения как к осужденным к лишению свободы, так и к тем, кто был осужден к исправительным работам. В качестве основания для назначения соответствующей меры предусматривалась наличие у суда убежденности, что назначение принудительных работ, изоляции лица в силу степени его общественной опасности не требуется¹.

1 Постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 года. Основные начала уголовного законодательства СССР и Союзных республик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2237.htm.

В Основных началах было предусмотрено такое понятие, как испытательный срок. Соответствующий срок назначался в случае условного осуждения на период до 10 лет. Если осужденный условно совершал преступление, тяжесть которого являлась той же или большей, то происходило прерывание испытательного срока. В подобных ситуациях мера наказания, которая была отсрочена, вне зависимости от назначенной по новому делу меры наказания приводилась в исполнение. Анализ Основных начал позволяет отметить, что суду следовало принимать во внимание степень присущей осужденному общественной опасности при решении связанного с условным осуждением вопроса. При этом нормы о необходимости учета общественной опасности содеянного не имелись.

С начала 1927 г. начал действовать УК РСФСР в редакции 1926 г. Данный уголовный закон исключил применение в отношении малолетних возрастом до 14 лет имеющих судебно-исполнительный характер мер социальной защиты. Применительно к указанным лицам предусматривались лишь медико-педагогические меры.

В указанном уголовном законе предусматривались последствия, возникающие, если условно осужденный на протяжении испытательного срока не совершал новое преступление, являющееся не менее тяжким. Данные последствия состояли в утрате силы вынесенного судом приговора, в признании в качестве не судившегося условно осужденного лица. Интерес в отношении условного осуждения у судов снизился, и вместо данного осуждения стали применяться не связанные с лишением свободы исправительные работы (в соответствующий период в стране сформировались предпосылки для того, чтобы исполнять соответствующий вид наказания, т.к. ситуация в экономике улучшилась, безработица была ликвидирована).

07.04.1935 г. состоялось принятие союзными ВЦИК и СНК постановления, определяющее меры противодействия преступности несовершеннолетних. Принятие данного постановления было обусловлено тенденцией к ужесточению внутренней политики. Постановление предусматривало ликвидацию комиссий, введение с 12 лет уголовной ответственности для лиц, совершивших попытку убийства либо убийство, кражу, причинение увечий, телесных повреждений, применение насилия. В отношении виновных в совершении данных деяний лиц, не достигших совершеннолетия, предусматривалось привлечение к уголовному суду и применение всех относящихся к уголовному наказанию мер².

Для судов предусматривалась необходимость при применении условного осуждения исключить появление чувства безнаказанности за содеянное у несовершеннолетних. В этой связи суды были обязаны информировать указанных лиц о том, что они будут нести наказание за первое преступление, если будет совершено новое преступление, и о сущности испытательного срока.

Принятие Основ уголовного законодательства ССР и союзных республик состоялось 28.12.1958 г. С принятием Основ решение значительного числа относящихся к ответственности несовершеннолетних вопросов существенным образом изменилось.

Возраст наступления уголовной ответственности указанных лиц был повышен. В ст. 10 было предусмотрено, что уголовная ответственность наступает для лиц, которые совершили преступления в возрасте от 16 лет. При этом для лиц возрастом 14-16 лет предусматривалась ответственность только за совершение посягательств в виде совершения с умыслом действий, вследствие которых может произойти крушение поезда, убийств, повреждения либо уничтожения с умыслом имущества, являющегося государственным, общественным либо личным с причинением тяжких последствий, телесных повреждений, которые были нанесены с умыслом и привели к расстройству здоровья, хулиганств, являющихся злостными, изнасилований, краж, разбойных нападений. Также состоялось расширение возможностей по применению воспитательных мер и ограничение сферы применения уголовного наказания в отношении лиц указанной категории.

Полемика по вопросам уголовной ответственности несовершеннолетних активизировалась в начале шестидесятых годов. При этом вопросы, связанные с применением условного осуждения в отношении несовершеннолетних, не были в достаточной мере отражены в научных публикациях.

Принятие УК РСФСР состоялось 27.10.1960 г. В данном уголовном законе ст. 44 регулировала условное осуждение. Предусматривался испытательный срок на период 1-5 лет, для суда было предусмотрено право предусматривать для организации либо трудового коллектива проводить по согласию осужденного его воспитание. Была предусмотрена возможность на основе заявленного общественной организацией ходатайства сокращать испытательный срок, когда половина срока, предусмотренного судом в приговоре, завершится.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 04 марта 1961 года «О судебной практике по применению условного осуждения»³, судебная практика показала, что условное осуждение, регулируемое в соответствии с законодательством, с учетом конкретных жизненных обстоятельств дела и личности виновного, оправдывает себя и оказывает большое воспитательное и предупредительное воздействие.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР» в УК 1960 г. была введена статья 242 под наименованием «Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду». Правовые условия его применения остались такими же, как это было предусмотрено в статье 232 Основ уголовного законодательства.

Законом Российской Федерации от 12.06.1992 № 2988-1 «О внесении изменений и дополнений в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» устанавливалось, что в случае, когда условно осужденный к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, условно освобожденный из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду или осужденный к исправительным работам, будет признан в установленном порядке инвалидом первой или

2 Постановление ЦИК и СНК СССР от 07.04.1935 №3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/350407.htm>.

3 Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.03.1961 «О судебной практике по применению условного осуждения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/1305202/>.

второй группы, судья досрочно освобождает его от дальнейшего отбывания наказания.

С начала 90-х годов российское уголовное законодательство вступило в новый этап своего развития.

В УК РФ 1996 года условное осуждение не входит в систему наказаний, хотя и помещено в гл. 10 «Назначение наказания», вместо гл. 12 «Освобождение от отбывания наказания». Такого рода непоследовательность не отражает истинной природы условного осуждения. Заметим, что в юридической литературе условному осуждению обычно отводится место в разделе (главе), посвященном освобождению от наказания, как виду условного освобождения от наказания.

Понимание юридической природы условного осуждения как одного из видов условного освобождения от уголовного наказания подчеркивает, что главным и специфическим фактором воспитательного воздействия в данном случае является оказание доверия подсудимому, в нашем случае несовершеннолетнему. Предоставление ему возможности «искупить свою вину» без применения установленных в законе за совершенное им преступление мер уголовного наказания.

На основании изложенного, позволим себе сформулировать ряд выводов. Во-первых, ученые в области уголовного права «создавали» институт условного осуждения, учитывая европейские тенденции введения этой меры в уголовное законодательство; во-вторых условное осуждение признавалось мерой, применяемой к лицам, впервые совершившим преступление, не представляющее большой общественной опасности; в-третьих, введение судов для несовершеннолетних и применение к ним отсрочки постановления обвинительного приговора рассматривалась как воспитательная мера, снижающая карательный потенциал. Следует также отметить, что те недостатки, которые присущи правовой природе рассматриваемого института, такие как: расплывчатость регламентации правового положения условно осужденных, регулирование принципиальных вопросов не только законом, но и подзаконными, ведомственными актами, наличие пробелов, довольно многочисленны. Проблема правовой природы института условного осуждения многогранна и неоднозначна, но очень важна. Действительно, условному осуждению присущи черты освобождения от отбывания наказания. В связи с чем, при определении правовой природы условного осуждения необходимо исходить не только из факта освобождения осужденного от назначенного по приговору наказания в виде лишения свободы, но из характера принуждения, карательных элементов, которым подвергается условно осужденный.

Пристатейный библиографический список

1. Валиев А. Х. Условное осуждение несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. - Уфа, 2004. - 186 с.
2. Видова Т. А., Головастова Ю. А. Третьюионская политическая система в России: политические предпосылки и исторические последствия // Евразийский юридический журнал. - 2019. - № 6 (133). - С. 99-102.
3. Костина С. М. Роль Русской группы Международного союза криминалистов в истории становления института условного осуждения в дореволюционной России // Право: история, теория, практика: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2011 г.). — Санкт-Петербург, 2011. - С. 33-37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/39/903/> (дата обращения: 03.10.2023).

4. Мананников Д. Ю. О становлении института условного осуждения в уголовном праве// Гражданин и право. - 2007. - № 11. - С. 77-89.
5. Медведев В. Г. История Развития института условного осуждения в уголовном законодательстве России // Вестник науки ТГУ. - № 2 (2). - 2008. - С. 121-125.
6. Некрасов А. П., Борисов А. В. Сравнительно-правовой анализ развития отечественного уголовного закона, регламентирующего применение к несовершеннолетним условного осуждения в историческом периоде // Пробелы в российском законодательстве. - 2011. - № 6. - С. 184-188. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovoy-analiz-razvitiya-otechestvennogo-ugolovnogo-zakona-reglamentiruyuschego-primeneniye-k-nesovershennoletnim> (дата обращения: 21.11.2023).
7. Пионтковский А. А. Об условном осуждении или системе испытания // Журнал Министерства юстиции. - 1898. - № 5.
8. Рябко Д. А. История становления института условного осуждения в XX веке дореволюционной России // История государства и права. - 2007. - № 1. - С. 25-26.
9. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая: Лекции. - СПб., 1902. - Т. 2.
10. Тарасов А. Н. Условное осуждение по законодательству России. - СПб., 2004. - 221 с.
11. Филенко Е. А. Проблемы применения условного осуждения к несовершеннолетним. Магистерская дис. ... на соискание степени магистра по направлению подготовки 40.04.01. Юриспруденция. Томский государственной ун-т, 2017 г. - 80 с.

БУБНОВА Юлия Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы

КАЛЯШИН Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

К ВОПРОСУ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ И РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВИЛ НОШЕНИЯ ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЫ СОТРУДНИКАМИ ИЗ ЧИСЛА ЖЕНСКОГО ПОЛА В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В данной статье рассматриваются вопросы, раскрывающие возможности женщин принимать активное участие в политической и общественной жизни общества и государства, осуществлять государственную службу. Особое значение в работе уделено вопросам правового регулирования внешнего вида сотрудников из числа женского пола, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе. Ввиду отсутствия правовой формулировки данной дефиниции, автором статьи даны рекомендации по внесению изменений и уточнений по отдельным вопросам, характеризующим понятие внешнего вида, как одного из основополагающих факторов, влияющих на процесс формирования имиджа уголовно-исполнительной системы и ее сотрудников.

Ключевые слова: государственная служба, уголовно-исполнительная система, женщины-сотрудники, внешний вид, имидж, служебное поведение.

BUBNOVA Yuliya Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the Vladimir Law Institute of the FPS, colonel of internal service

KALYASHIN Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the Vladimir branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

ON THE ISSUE OF SERVICE AND THE IMPLEMENTATION OF THE RULES FOR WEARING UNIFORMS BY FEMALE EMPLOYEES IN THE PENAL SYSTEM

This article examines the issues that reveal the possibilities of women to take an active part in the political and public life of society and the state, to carry out public service. Particular importance is given to the issues of legal regulation of the appearance of female employees serving in the penal enforcement system. In view of the lack of a legal formulation of this definition, the author of the article gives recommendations on making changes and clarifications on certain issues characterizing the concept of appearance as one of the fundamental factors influencing the process of forming the image of the penal enforcement system and its employees.

Keywords: civil service, penal enforcement system, female employees, appearance, image, official behavior.

На протяжении многих десятилетий, вопросы, раскрывающие равноправие мужчин и женщин, возможность принимать активное участие во всех сферах жизнедеятельности страны заслуживают пристального внимания со стороны социологов, политиков, психологов, видных ученых России и зарубежных стран. Вопросы гражданского и политического равноправия закреплены ряде документов международного уровня. Конституция нашей страны гарантирует не только равные права, свободы и возможности для их реализации, но и провозглашает равный доступ к государственной службе, о чем также говорится и в федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Порядок прохождения службы в правоохранительных органах и вооруженных силах имеют глубокие исторические корни. Еще в IV веке до н. э. в Афинах, Спарте, а позже в вооруженных формированиях Александра Македонского женщины принимали активное участие в военных походах [2, с. 58].

Пенитенциарная система не является исключением, что подтверждается историческими фактами из государственного архива Российской Федерации. Так, например, к началу Великой отечественной войны в 1939 году в органах НКВД работало 194919 женщин, причем 1/3 из них (29,9%) занима-

ли должности оперативных сотрудников, помощников оперуполномоченных, сотрудников спецотделов. К окончанию войны количество женщин – сотрудников сократилась, но не на много, общая численность составляла 24,9% от общей численности кадров [3]. Коллегией НКВД даже было сформулировано предложение о создании «женской милиции», там, где это возможно. На современном этапе развития нашего общества необходимо отметить, что количество женщин, сотрудников различных правоохранительных структур по-прежнему составляет около 1/3 от общего числа служащих.

Возможность привлечения женщин для прохождения службы в различных правоохранительных структурах позволяет частично решить вопрос с нехваткой кадров и в то же время путем перераспределения нагрузки эффективнее выполнять основные функции.

Таким образом, данные обстоятельства требуют особого подхода к вопросам правового регулирования порядка прохождения службы сотрудниками из числа женского пола.

В рамках нашего исследования хотелось бы затронуть вопросы правового регулирования внешнего вида сотрудников из числа женского пола, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе. Требования, предъявляемые к правилам ношения форменной одежды, и внешнего вида во-

еннослужащих, которое подлежит проверке при переходе на летнюю или зимнюю форму одежды, организации своевременной выдачи обмундирования, его подгонке и ремонту содержатся в ряде нормативных актов,¹ однако, что вкладывать в само понятие внешнего вида - раскрыто не в полном объеме. Неурегулированность отдельных вопросов требует не только внесения корректировки в отдельные правовые акты, но и в правовое сознание, правовую культуру сотрудников.

Развитие и совершенствование уголовно-исполнительной системы требует сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, совершенствования мотивационных аспектов в целях укрепления кадрового потенциала, а также формирования и укрепления в обществе стабильно положительного мнения о работе пенитенциарной системы. Выполнение поставленных приоритетных задач напрямую зависит от качества проводимой воспитательной работы не только в целом с работниками уголовно-исполнительной системы, но и каждым сотрудником в рамках индивидуальной наставнической работы.

В соответствии с Кодексом этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы, утвержденного Приказом ФСИН РФ от 11.01.2012 № 5 «...внешний вид должен соответствовать общепринятому деловому стилю, который отличают официальность, сдержанность, традиционность, аккуратность». Характеристики внешнего вида, кроме одежды, обуви могут включать в себя такие показатели как чистота кожи, прическа, ухоженность рук и ногтей и др. Именно внешний вид на 60 % формирует первое впечатление о человеке [1]. Однако понятие - соответствие деловому стилю во многом можно охарактеризовать как субъективное, отражающее индивидуальное мнение, которое формируется в соответствии с воспитанием, вкусом, учетом последних тенденций моды, что может повлечь за собой разногласия и возникновение конфликтных ситуаций.

В начале хотелось бы затронуть вопросы форменной одежды. Так, например, в соответствии с разделом 4 п. 11 Приказа ФСИН России от 14.09.2021 № 784 четко определен перечень форменной одежды сотрудников УИС (женщины), который включает в себя платье и юбки, однако указания на их длину в документе отсутствует. Считаем целесообразным рекомендовать **длину юбки в пределах** выше или ниже колена на ладонь, что примерно составляет 10 см. Представленный перечень одежды включает в себя и обувь (сапоги, туфли), так же без указания наличия каблука, его высоты и формы. Считаем целесообразным, в исключительных случаях учитывая анатомические физиологические и возрастные изменения разрешить ношение обуви, внешний вид которой должен быть максимально приближен к форменным стандартам. Возможно, было правильно указать, что каблук должен быть прямой формы, высотой от 5 до 9 см. Ношение обуви без каблука на плоской подошве, либо спортивного стиля не допускается.

Вопросы, затрагивающие характеристику прически для военнослужащих, тоже имеют свои ограничения в раскрытии. Согласно п. 344 общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации «...прическа военнослужащего...должна быть аккуратной, отвечать требованиям гигиены и не мешать

использованию средств индивидуальной защиты и ношению снаряжения». Необходимо отметить, что на уровне имеющихся стандартов, как для военнослужащих, так и для сотрудников правоохранительных органов нет специально определенных правил личной гигиены, в том числе для женщин.

Прическа для женщины — это очень важный элемент ее образа, однако, было бы уместно запретить носить длинные волосы в распущенном виде. Допустимая длина - до плеч, т.е. не должна закрывать погоны и иные знаки различия. Цвет волос должен быть максимально приближен к естественным оттенкам. Исключить в прическах небрежно спадающие локоны, пышные варианты укладки, слишком длинную челку, ажурные, растрепанные плетения, брейды и канекалоны.

Особое внимание необходимо уделять к внешнему виду рук, а именно маникюру сотрудниц. Длина ногтей на руках не должна превышать 3-4 мм от свободного края. Допустимая цветовая гамма должна включать в себя пастельные, светлые тона и нейтральные оттенки.

Так же считаем недопустимым в процессе ношении форменной одежды и выполнении служебных обязанностей наличие излишних аксессуаров и украшений, привлекающих к себе внимание, таких как часы, кольца, серьги крупных размеров, браслеты. Допустимыми ювелирными украшениями могут быть лаконичные обручальные кольца, и серьги длиной не более 1 см. от мочки уха. Характеристики внешнего вида сотрудников из числа женского пола, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе могут включать в себя требования, предъявляемые к макияжу, использованию парфюмерии, наращиванию ресниц и волос. По-прежнему не урегулированным остается вопрос о разрешении ношения сумок или портфелей. Поскольку статья 16 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ запрещает смешение предметов формы одежды с гражданской, военной, специальной или маскировочной одеждой, то данный вопрос требует дополнительного изучения.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что с одной стороны, каждый человек по своей сути, внешности, образу мышления индивидуален, поэтому принудить придерживаться строгих правил в выборе прически, макияжа, маникюра на законодательном уровне не представляется возможным. В то же время сотрудникам из числа женского пола, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе необходимо помнить о том, что каждая из них является представителем правоохранительных органов, а значит носителем информации о корпоративной культуре. Всем своим внешним видом и служебным поведением сотрудники призваны осуществлять деловые взаимоотношения, сотрудничество, конструктивное решение возникающих разногласий.

Внешний вид сотрудника, а особенно при выполнении им своих профессиональных обязанностей должен формировать уважительное отношение граждан к пенитенциарной системе, максимально соответствовать общепринятому деловому стилю, являться примером и образцом для подражания.

Пристатейный библиографический список:

1. Бодалев А. А. Личность и общение: Избранные труды. — М.: Педагогика, 1983. — 272 с.
2. Раковская О. А. Особенности становления профессиональной карьеры женщин // Гендерные аспекты социальной трансформации: сб. науч. ст. — М., 1996. — С. 58-59.
3. ГАРФ. — Ф. Р-9401. — Оп. 8. — Д. 47. — Л. 1-4. Копия.

¹ «Об утверждении Правил ношения сотрудниками уголовно-исполнительной системы Российской Федерации форменной одежды, ведомственных знаков отличия, знаков различия» Приказ ФСИН России от 14.09.2021 № 784. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pravo.gov.ru>, 18.10.2021.

ЕВСТРОПОВ Дмитрий Анатольевич

кандидат технических наук, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ УСТРОЙСТВ БЕЗОПАСНОСТИ НА ДИНАМИКУ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

В статье изучается роль электронных устройств безопасности на динамику изменения краж автомобилей и квартирных краж со взломом, рассматривается одна из гипотез, объясняющая «общую динамику падения преступности». Анализ и проверка гипотезы требуется для общего понимания влияния различных факторов на динамику снижения уровня преступности, так и для извлечения уроков для будущей практики и политики в отношении предупреждения определенного вида правонарушений. В работе анализируются результаты с 1992 по 2022 г. на основе имеющихся в литературе данных, указывающих на характер и изменение взаимосвязи между устройствами безопасности и статистикой зарегистрированных краж. Работа представляет собой попытку исследовать и проанализировать одну из возможных гипотез, объясняющих общую тенденцию снижения уровня преступности. Цель не ограничивается лишь выявлением влияния описанных устройств, но и пониманием их воздействия на общий образ жизни и безопасность общества в целом.

Ключевые слова: падение преступности, кража со взломом, гипотеза безопасности, обзор преступности.

EVSTROPOV Dmitriy Anatoljevich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Traceology and ballistics sub-faculty of the Educational and Scientific Complex of Expert and Forensic Activities of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE INFLUENCE OF ELECTRONIC SECURITY DEVICES ON THE DYNAMICS OF CHANGES IN CRIMES AGAINST PROPERTY

Abstract: the article studies the role of electronic security devices on the dynamics of changes in car thefts and burglaries, and considers one of the hypotheses explaining the “general dynamics of the decline in crime.” Analysis and testing of the hypothesis is required for a general understanding of the influence of various factors on the dynamics of crime reduction, and for drawing lessons for future practice and policy in relation to the prevention of certain types of offenses. The paper analyzes the results from 1992 to 2022 based on data available in the literature indicating the nature and changes in the relationship between security devices and reported theft statistics. The work is an attempt to explore and analyze one of the possible hypotheses that explain the general trend of decreasing crime rates. The goal is not only to identify the impact of the described devices, but also to understand their impact on the overall lifestyle and safety of society as a whole.

Keywords: crime decline, burglary, security hypothesis, crime review.

Историческая справка: в начале 1990-х годов повсеместное падение уровня преступности стало неожиданностью для криминологии и проблемой для тех, кто заинтересован в понимании тенденций ее развития и разработке профилактических мер по предупреждению. На сегодняшний день в академических исследованиях имеется не менее семнадцати объяснений [1,2].

Рассматриваемая в работе гипотеза — «гипотеза безопасности»: ее смысл заключается в постулате о том, что снижение уровня преступности является функцией сокращения возможностей, которые в значительной степени вызваны повышением качества устройств используемых для защиты объектов гражданской структуры. Эта идея впервые была предложена Кларком и Ньюманом. Гипотеза опирается на теоретические рамки возможностей для совершения преступления, основанная на рациональном выборе и рутинной деятельности. Гипотеза предполагает, что привнесение

в повседневную жизнь более продуманных, ненавязчивых и общественно приемлемых устройств и систем безопасности приведет к наблюдаемому снижению уровня преступности. В зависимости от вида этих устройств и степени их внедрение в повседневную жизнь снижение уровня преступности может колебаться от незначительного уровня до весьма существенного.

Связь между преступлением и возможностями для его совершения, а также роль устройств безопасности на динамику сокращения в целом изучается давно. К примеру: до 1990-х годов для опломбирования вагонов железнодорожного транспорта в Российской Федерации использовали закрутки, в последующем их сменили запорно-пломбировочные устройства. Количество совершаемых краж снизилось в несколько раз. В настоящее время рассматривается вопрос об использовании для опломбирования подобного рода объектов электронных пломб (умных устройств - E-Seal), сигнали-

Рисунок 1 Динамика краж и угонов транспортных средств, раскрытываемость преступлений.

зирующих оператору о попытках срыва пломбы и отслеживающих ее состояние и местоположение на всем протяжении маршрута.

По словам опрошенных правонарушителей, действительно, меры усиление безопасности являются наиболее распространенной причиной не совершать преступление т.к. вида перед собой сложное препятствие, он больше не предполагает, что может легко совершить преступление, а риск его задержания низкий.

Одно из преимуществ гипотезы безопасности по сравнению с другими заключается в том, что она не предполагает, что вся преступность снизилась. Определенные меры в отношении улучшения протоколов безопасности по-разному влияют на модели преступления. Можно ожидать роста преступности там, где появляются новые возможности для совершения преступлений. Новые разработки могут непреднамеренно создавать возможности для совершения преступлений иным способом, ранее не известным правоохранительным органам, сдерживание которых не было заложено с самого начала, особенно в отношении «желанных» товаров, это имеет место в случае киберпреступности. Например:

1. Преступные группировки прибегают к 3D-печати для копирования устройств безопасности с целью «незаметного» хищения грузов, создают точные копии или имитируют защитные элементы хорошо известных пломбировочных устройств, замков, ключей и используют их, чтобы скрыть следы и любые признаки кражи, такие как взломанное пломбировочное устройство. Программный комплекс, поставляемый в комплекте с принтером для 3D печати, избавляет от необходимости разбираться в компьютерном проектировании и при сканировании автоматически указывает размеры любого элемента с высокой точностью,

создавая технические спецификации в системах автоматизированного проектирования, необходимые для получения почти идеальной копии;

2. E-Seal контролируют только состояние контейнера и подключенных датчиков. Состояние внутри контейнера пломбировочное устройство не контролирует. Таким образом целостность контейнера может быть нарушена без ущерба для целостности E-Seal. Даже когда датчики прикреплены, пломба регистрирует события, которые могут отражать или не отражать то, что действительно происходит с контейнером. «Ложноположительные» показания датчиков представляют собой особую проблему, но не следует упускать из виду возможность того, что датчики можно обойти более или менее изощренными способами;

3. E-Seal не предоставляет подробную информацию о содержимом контейнера. Оно только создает видимость того, что стороной, ответственной за запечатывание контейнера, указаны верные сведения о его содержимом и назначении. Если данная E-Seal один или два раза удалялась в процессе перевозки, то отгрузочные документы, загруженные в его память, отражают только информацию о состоянии груза и содержимого контейнера. В худшем случае в грузе, опломбированном такой пломбой, могут находиться незаконные грузы. Устройство может фактически облегчить перевозку (наркотиков, взрывчатых веществ, химикатов и т.д.), а не предотвратить ее. Отсутствие декларирования или неправильное декларирование товаров является распространенным явлением в международных перевозках, а катастрофические последствия некоторых инцидентов, таких как неправильно указанное наименование товара в контейнере, усугубляют риск этих ситуаций, и ложное чувство безопасности, вызванное наличием E-Seal на контейнере, может сыграть отрицательную роль.

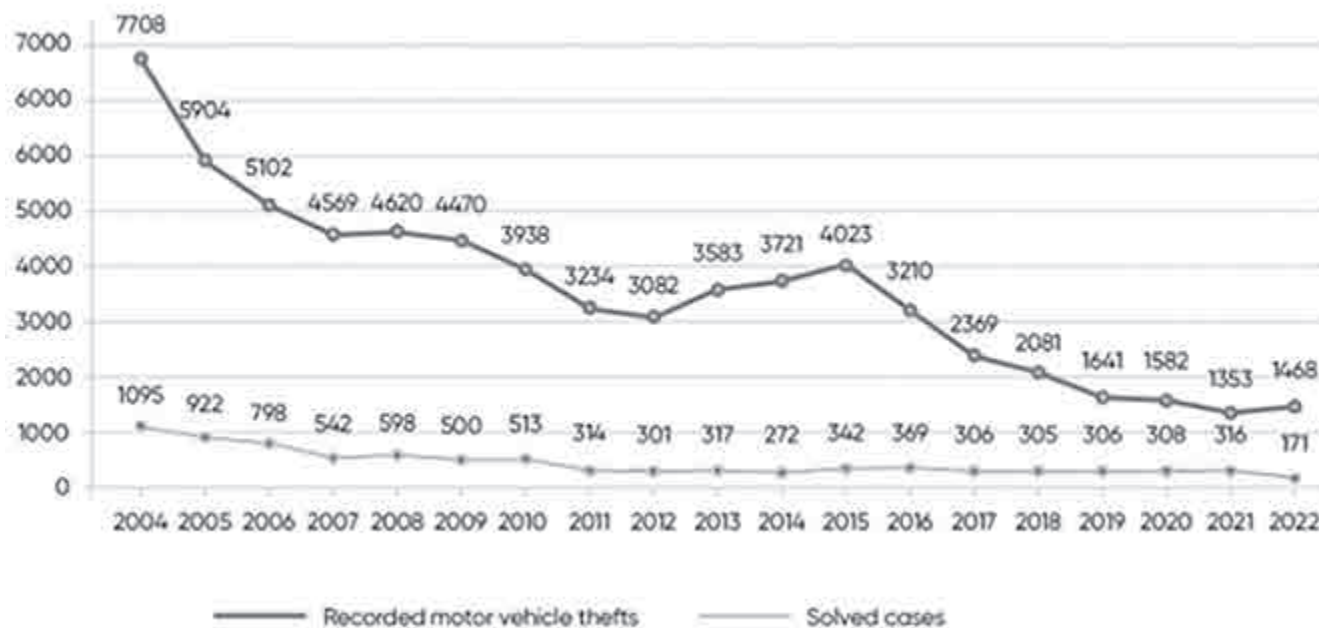

Рисунок 2. Количество угонов автотранспортных средств в Болгарии 2004-2022 год (Recorded motor vehicle thefts) и раскрываемость преступлений (Solved cases).

Инновации в области технологий и усовершенствование систем безопасности не всегда обеспечивают полное устранение преступлений, а иногда даже могут создавать новые возможности для совершения преступлений. Например, развитие цифровых технологий привело к эскалации киберпреступности: появились новые виды мошенничества, кражи личной информации и других преступлений, которые ранее были недоступны или малоизвестны.

Применение новых технологий без должной осведомленности и контроля также может стать нежелательным фактором в создании уязвимостей. Некорректное использование электронных устройств безопасности или недостаточная защита данных может привести к обратным результатам, стимулированию новых видов преступлений и угроз безопасности.

Таким образом, в сочетании с общим снижением преступности, вызванным мерами, способствующими повышению безопасности, гипотеза предполагает рост некоторых конкретных преступлений, где потенциально созданы или появляются новые возможности.

Разнообразие и вездесущность улучшений создают огромные проблемы для проверки гипотезы на практике. Разберемся на примере автомобильных преступлений. Рекордное число краж и угонов автомобилей в РФ наблюдалось в 2004 году - более 125 тысяч случаев. С тех пор количество преступлений в этой сфере снизилось в 5,6 раза, а общая раскрываемость выросла более чем вдвое - с 33 % до 68 % (рис. 1)¹.

Автомобильная преступность снижается, и появляются все больше эмпирических данных (относящихся к устройствам, установленным на самом автомобиле), что центральные дверные замки, сигнализация и электронные иммобилайзеры являются особенно важными факторами,

влияющими на снижение количества краж из автомобилей и из них.

Указанные системы способствуют увеличению защиты автомобилей и создают дополнительные препятствия. Применение этих технологий повышает безопасность автомобиля и часто отпугивает потенциальных преступников, так как сделать несанкционированный доступ к таким автомобилям становится гораздо сложнее:

- центральные дверные замки позволяют блокировать все двери автомобиля одновременно;
- сигнализация: предупреждают владельцев об попытках взлома или несанкционированном доступе к автомобилю. Они обычно включают в себя звуковые сигналы, световые индикаторы и в некоторых случаях отправку уведомлений на мобильные устройства;
- электронные иммобилайзеры: предотвращают запуск двигателя без наличия правильного ключа или сигнала.

В Болгарии наблюдается стабильное снижение угонов автомобилей на протяжении последних двух десятилетий с небольшим пиком в период с 2013 по 2015 год (рис.2). Пандемия COVID-19 2020-2021 годов способствовала дополнительному снижению угонов автомобилей из-за ограничений на передвижение граждан. С начала 2022 года наблюдается ориентировочный рост краж, из-за снятия ограничений, связанных с COVID².

Отмечается, что снижению способствовали многочисленные факторы, в том числе увеличение доходов владельцев, новые технологические достижения в области безопасности транспортных средств, а также административные меры.

Следует признать, что это не исчерпывающий перечень причин, из-за которых снизилось количество автомобильных преступлений. Например, широкое использование на до-

1 Количество угонов в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/02/06/kolichestvo-ugonov-v-rossii-snizhaetsia-a-kolichestvo-ih-raskrytij-rastet.html> (дата обращения: 7.01.2023).

2 Trends and dynamics of vehicle theft in Bulgaria. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://csd.bg/blog/blogpost/2023/02/14/trends-and-dynamics-of-vehicle-theft-in-bulgaria/> (дата обращения: 7.01.2023).

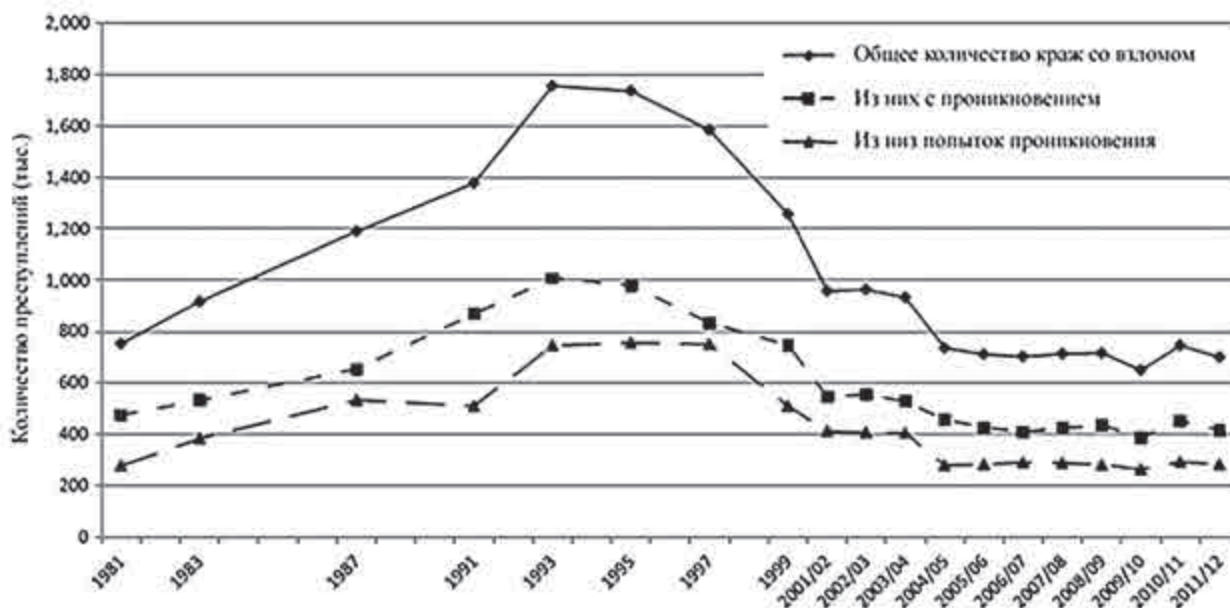

Рисунок 3. Тенденции квартирных краж со взломом с 1981 по 2011/12 гг. Данные управления национальной статистики *Crime Statistics, Focus on Property Crime*.

рогах камер, позволяют раскрывать подобные преступления по оперативным данным, что оказывает серьезный сдерживающий эффект для потенциального преступника. А после появления ЭПТС в России преступникам стало сложнее давать новую жизнь украденным автомобилям, подделывая документы на них. Изготовить электронную фальшивку значительно сложнее, чем бумажную, поскольку наличие электронного следа существенно увеличивает риски.

Описанные меры и технологии действительно влияют на уменьшение преступности и повышение безопасности в автомобильной отрасли. Однако, как мы видим, уменьшение краж не может быть приписано исключительно одному фактору или технологии. Успешные стратегии в безопасности основаны на комплексном подходе, включающем в себя несколько мер и технологий для достижения наилучших результатов.

Предыдущее исследование, касающееся долгосрочных тенденций в области краж со взломом и безопасности домов, было проведено в Нидерландах. Они установили, что встроенная система безопасности в новых домах снижает риск кражи со взломом на 26 % за год. Это будет способствовать общему снижению числа краж со взломом в этой стране на 5 % в случае введения правительством постановления о применении электронных устройств безопасности на домах. Рост доступности бытовых устройств безопасности в сочетании с повышением их эффективности дает убедительное объяснение снижения числа краж с середины 1990-х годов.

На рис. 3 показана динамика квартирных краж со взломом с января 1981 г. по март 2012 г [3]. Произошло резкое снижение: количество зарегистрированных инцидентов сократилось на 64 %, а процент ограблений домохозяйств снизился с 7 до 2,1 на 100 домохозяйств в период с 1993 по 2011/12 гг. Вероятность ограбления домовладений в три раза ниже, чем в 1993 году, когда количество краж со взломом достигло своего пика. Самое резкое падение краж со взломом было между 1997 и 2001/02 гг., на 39,5 %, в среднем на 10 % в год в течение этого короткого периода. Несмотря на некоторые

колебания от года к году, основная тенденция к уменьшению оставалась довольно стабильной с 2004/05 года.

В целом цифры показывают, что как кражи со взломом, так и попытки проникновения резко сократились, хотя снижение числа краж со взломом началось первым. Попытки не прекращались до 1997 года. Временной интервал между началом попытками кражи со взломом и падением указывает на то, что количество краж уменьшилось из-за защитных характеристик цели, а не из-за решения правонарушителей не нападать на собственность.

Таким образом, до 1990 годов попыткам преступления в основном препятствовало наличие, таких устройств как замки. В период с 1992 по 1996 год к ним добавились охранная сигнализация, врезные замки, оконные замки. В период с 1998 по 2007/08 гг. были добавлены элементы дифференцированно освещения по таймеру или датчику. В период с 2008/09 по 2011/12 годы в список добавлены камеры видеонаблюдения.

Современными инновациями в отношении защиты собственности от незаконного проникновения являются электронные замки, в том числе с функциями передачи данных в облачное хранилище и мобильный телефон владельца, данные устройства на рынке появились относительно недавно и пока не ясно как их внедрение скажется на тенденции развития краж, но очевидно, что новые возможности для совершения преступлений созданы. В России некоторые из описанных электронных устройств появились сравнительно недавно и в отношении изделий, реализуемых на их территории отсутствует обширное и подробное описание устройства и принципа функционирования в противовес, например, механическим замкам, устройство, принцип действия и методика трасологической экспертизы которых известна.

Согласно данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации. На территории РФ наблюдается устойчивая тенденция, направленная сторону уменьшения количества краж (предварительное следствие, по которым обязательно) совершенных с незаконным проникновением в жилище, квартиры, а также краж автомобилей. За последние 5 лет их

Таблица 1. Сведения о преступлениях, против собственности на территории РФ предварительное следствие по которым обязательно*.

Год	Кража с незаконным проникновением в жилище	Кража с незаконным проникновением в квартиры	Кража автомобилей
2018	65115	52090	16776
2019	56965	45325	14290
2020	44373	35067	9528
2021	36210	29403	6978
2022	34120	27195	5006

* по информации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации»

количество сократилось в 1,9 раза, 1,92 раза, а в 3,35 раза соответственно (см. таблицу 1).

Анализ показывает, что, начиная с обычных устройств и заканчивая более сложными электронными системами защиты, последовательное улучшение мер безопасности сопровождается уменьшением числа преступлений. Периодическое добавление новых элементов безопасности, таких как охранная сигнализация, врезные замки, оконные замки, системы освещения по таймеру или датчику, и впоследствии видеонаблюдение, показало, что каждое новое улучшение способствует снижению числа краж.

Видимый эффект после внедрения новых систем подчеркивает важность превентивных мер для предотвращения преступлений и подтверждает гипотезу.

Выводы

Анализ зарубежных литературных источников и сведений о преступлениях, против собственности на территории РФ подтверждает теорию о снижении уровня преступности благодаря ограничению возможностей для их совершения за счет улучшения систем безопасности. Внедрение новых технологий и совершенствование мер безопасности играют ключевую роль в предотвращении преступлений. Совершенствование законодательства и внедрение электронных систем приводит к снижению числа преступлений, что подтверждает эффективность комплексного подхода и подтверждается статистикой.

Развитие и внедрение новых технологий играют важную роль в предотвращении преступлений. Новые системы, включая электронные замки, видеонаблюдение, биометрическую идентификацию, системы удаленного контроля доступа, значительно повышают уровень защиты. Однако их развитие также влечет за собой дополнительные вызовы. Системы могут стать объектом целенаправленных атак со стороны преступников, стремящихся обойти, взломать новые меры защиты или получить персональные данные. Это подчеркивает необходимость постоянного мониторинга для противодействия новым угрозам.

Важно продолжать развивать и внедрять новые технологии и меры безопасности, но также важно уделять внимание обучению общества культуре использования и поддержания этих систем, а также внимательно следить за эволюцией угроз для эффективного предотвращения преступлений. Это постоянный процесс, требующий внимания и усилий в области мониторинга угроз и разработки методов защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Зарубин Д. А. Территориальные особенности состояния преступности против собственности // Выпуск 4. – 2020. – №. 1. – С. 18.
2. Евтушенко И. И. Состояние и анализ преступлений против собственности в Республике Крым (за период с 2015 по 2020 годы) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3-1. – С. 170-180.
3. Количество угонов в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/02/06/kolichestvo-ugonov-v-rossii-snizhaetsia-a-kolichestvo-ih-raskrytirastet.html> (дата обращения: 7.01.2023).
4. Trends and Dynamics of Vehicle Theft in Bulgaria. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://csd.bg/blog/blogpost/2023/02/14/trends-and-dynamics-of-vehicle-theft-in-bulgaria/> (дата обращения: 7.01.2023).
5. Tseloni A. et al. Domestic burglary drop and the security hypothesis // Crime Science. – 2017. – Т. 6. № 1. – С. 1-16.

КАБАКОВА Екатерина Сергеевна

преподаватель кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железногорск

ОБНАРУЖЕНИЕ СЛЕДОВ ВЗРЫВА НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье анализируются вопросы, связанные с образованием и обнаружением на месте преступления, связанного со взрывом, следов применения взрывчатых веществ и взрывных устройств. Взрывы являются одними из наиболее опасных и разрушительных происшествий, которые могут возникнуть в нашем мире. Подобные события могут иметь серьезные последствия для здоровья и безопасности людей, а также для окружающей среды. В таких случаях ключевым моментом является обнаружение следов взрыва, чтобы выяснить причины, способы организации деяния и обеспечить общественную безопасность. В данной статье авторы рассматривают некоторые из основных методов обнаружения следов взрыва.

Ключевые слова: след взрыва, взрыв, взрывчатое вещество, взрывное устройство, обнаружение следов взрыва, место происшествия, взрывотехническая экспертиза.

KABAKOVA Ekaterina Sergeevna

lecturer of Forensic examination sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Zheleznogorsk

DOLGUSHINA Liubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic examination sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Zheleznogorsk

DETECTION OF TRACES OF AN EXPLOSION AT THE SCENE

The article analyzes issues related to the formation and detection of traces of the use of explosives and explosive devices at the scene of an explosion-related crime. Explosions are among the most dangerous and destructive incidents that can occur in our world. Such events can have serious consequences for human health and safety, as well as for the environment. In such cases, the key point is to detect traces of an explosion in order to find out the causes, ways to organize the act and ensure public safety. In this article, the authors consider some of the main methods for detecting traces of an explosion.

Keywords: explosion trace, explosion, explosive substance, explosive device, detection of explosion traces, scene of the incident, explosive expertise.

Согласно анализу состояния преступности в Российской Федерации, наблюдается устойчивая тенденция увеличения противоправных действий, связанных с применением взрывных устройств (ВУ) и взрывных веществ (ВВ). Множество таких преступлений классифицируются как серьезные и особо тяжкие, так как они уносят человеческие жизни и причиняют разрушения, наносящие значительный экономический ущерб. Не редко эти проявления обладают террористической направленностью. Поэтому скорость и эффективность расследования таких преступлений, выявление и наказание преступников и их соучастников становятся приоритетными задачами правоохранительных органов. Особое внимание следует уделить правильному использованию криминалистических методов при проведении следственных действий.

Каждое из преступных деяний сопровождается разными следами, которые могут быть использованы для того, чтобы установить и расследовать его. Среди специалистов, которые занимались криминалистическими следами, следует упомянуть Б. И. Шевченко, Р. С. Белкина, А. И. Винберга, И. Ф. Крылова, Н. А. Селиванова, В. И. Попова, Г. Л. Грановского, И. М. Лузгина, Д. А. Турчина, а также некоторых других. Они продемонстрировали, каково отображение преступного деяния и каким образом оно осуществляется и подлежит фиксации в окружающей обстановке, которое имеет вид следов того, что произошло, каким образом осуществляется сбор и исследование этой информации.

Криминалистика различает следы преступного деяния материальной и нематериальной категории. Материальными называют следы, которые имеют вид изменений в деталях обстановки вещного типа, которые становятся следствием воздействия различного типа. Они часто являются максимально объективными с точки зрения информационного содержания, касающегося происшедшего. Поэтому их чаще используют в рамках расследования информации, касающейся преступного деяния. Рассмотрение данных следов может осуществляться с расширенной точки зрения, в качестве изменения материального характера. Более узко – это следы отображения. Идеальными следами преступного деяния являются данные, важные с криминалистической точки зрения, в человеческом сознании.

Изучение следов после взрыва является важной частью расследования и предоставляет начальную информацию, которая является ориентиром для дальнейших исследований. Эта информация включает данные о типе взрывчатого вещества (ВВ), его количестве, а также о характеристиках взрывного устройства (ВУ), таких как конструкция, основные компоненты и метод изготовления [1].

Роль взрывного устройства в рамках совершения деяния преступной категории может быть различной. Это объясняет также значительное разнообразие следов материального и идеального характера. Так как правоохранительным органам очень важно установить, каковы особенности производства,

Кабакова Е. С.

Долгушина Л. В.

хранения и использования устройств для совершения взрыва, необходимо осуществить классифицирование следов в соответствии с условиями и временем, когда они были образованы:

– следы, появившиеся по причине изготовления, переработки, хранения, ношения веществ взрывчатой категории, а также специализированных устройств, осуществляемого вне закона.

– следы, появление которых связано с процессом подготовки устройства для взрыва, к взрыву.

– следы, появление которых связано с использованием устройства для взрыва, а также веществ взрывчатой категории, в рамках совершения преступного деяния.

В зависимости от свойств вещества, площадь, занимаемая следами взрыва, может быть различной. Как правило, следы взрывчатых материалов сохраняются на месте взрыва, в эпицентре событий, и их количество достаточно для проведения экспертизы. Эти следы обычно стабильны и не представляют особых затруднений при обнаружении и изъятии. Тем не менее, при исследовании места взрыва можно столкнуться с определенными сложностями, такими как возгорание и его тушение, природные обстоятельства и вмешательство сторонних лиц. В результате таких факторов может произойти искажение или полная потеря следов взрыва [2].

Обычно такое исследование проводится в рамках процесса взрывотехнической экспертизы. Но составление заключения в таких случаях занимает много времени, что мешает быстрому расследованию и оперативному прекращению деятельности преступников. В связи с этим, кажется важным получить предварительную информацию от специалистов уже на месте происшествия или обнаружения взрывного устройства.

Взрывотехническая экспертиза позволяет установить наличие взрывчатого вещества и взрывного устройства в обнаруженном предмете, а также определить наличие следов взрыва и фрагментов взорванного взрывного устройства, включая микрочастицы и микроследы взорванного заряда взрывчатого вещества среди изъятых на месте происшествия объектов.

Кроме того, эксперты могут установить вид, способ изготовления, наименование и марку взрывчатого вещества, его применение и источник происхождения, а также конструкцию и принцип действия взрывного устройства. Они могут определить основные функциональные элементы и поражающее действие, а также узнать, относится ли оно к штатным боеприпасам или самодельным устройствам, пиротехническим изделиям или имитационным средствам. Эксперты также обладают специальными навыками и знаниями в области изготовления взрывчатого вещества и взрывного устройства, а также способностью определить местоположение и ориентацию взрывного устройства в пространстве, возможность его внезапного срабатывания и потенциальные причины неработоспособности [3].

Взрывы химических веществ всегда следуют определенным закономерностям, при этом каждый из них обладает своими уникальными характеристиками [4]. Идентификация этих характеристик является ключевым шагом к определению природы взрыва, его эпицентра, а также обнаружению и изъятию остатков взрывного устройства. В свою очередь, подробное изложение практических рекомендаций по проведению этих процессов играет важную роль в успешном расследовании и предупреждении подобных событий.

Рассмотрим некоторые методы обнаружения следов взрыва:

Первым методом, который мы рассмотрим, является визуальное обнаружение следов взрыва. Очень часто, после взрыва, остаются явные видимые следы, такие как поврежденные или разрушенные строения, осколки и обломки, огневые следы, следы дыма и пожара, радиальные, расходящиеся полосы, расположенные вертикально и горизонтально, наблюдается большое количество компактно расположенных элементов взрывного устройства. Эти очевидные признаки взрыва могут быть обнаружены с помощью человеческого глаза и служат важной отправной точкой для дальнейшего расследования.

Другим важным методом является использование инструментов и оборудования, специально разработанных для обнаружения следов взрыва. Например, при помощи газоанализаторов можно обнаружить наличие определенных хи-

мических веществ, которые используются в промышленных и военных взрывных устройствах. Приборы для обнаружения металла также могут использоваться для поиска обломков и осколков, которые могут являться следами взрыва.

Для более точного и детального анализа следов взрыва применяются лабораторные методы. Это включает в себя химический анализ образцов, взятых с места взрыва, чтобы определить тип взрывного вещества и его свойства. Для определения типа взрывчатых веществ и взрывных устройств применяется метод сравнения их внешнего вида, размеров, конструкции, состава заряда, материала, маркировки и поражающих свойств с неизвестными образцами и промышленными изделиями, содержащими взрывчатые вещества той же группы. Это осуществляется при помощи сравнительных образцов и/или автоматизированных информационно-поисковых систем, содержащих данные о свойствах взрывчатых веществ и взрывных устройств. Также специалисты могут использовать микроскопы и другие аналитические инструменты для изучения микроследов взрыва, таких как следы взрывчатых веществ на одежде или теле жертвы.

Наряду с вышеперечисленными методами, последние достижения в технологии позволяют использовать современные методы обнаружения следов взрыва. Например, тепловизоры могут быть использованы для обнаружения тепловых следов взрыва, таких как оставшиеся горячие точки на объектах. Также существуют специализированные программы и алгоритмы, которые могут анализировать данные с камер видеонаблюдения и обнаруживать странные или подозрительные действия, связанные с подготовкой или размещением взрывных устройств. Определение механизмов неизвестных объектов, которые могут представлять угрозу в виде взрывных устройств, осуществляется посредством применения рентгеновских аппаратов, таких как «Особняк-4», «Инспектор» и прочие аналогичных установок. В процессе осмотра определяется наличие и расположение инициаторов, зарядов взрывчатых веществ, а также конфигурация внутренней составляющей данных предметов.

В завершение, следует отметить, что методы обнаружения следов взрыва являются жизненно важными инструментами для защиты общественной безопасности и расследования причин взрывов. Точность и надежность этих методов помогают правоохранительным органам и специалистам проводить эффективные расследования и предотвращать подобные происшествия в будущем [5]. Определение мощности взрывного устройства основано на анализе следов его взрыва, проявленных в виде воронки в грунте, повреждениях и разрушениях зданий, сооружений и предметов вблизи места происшествия. Для этой задачи применяются методы, которые позволяют оценить воздействие взрыва как через контактное, так и через неконтактное взаимодействие с окружающими объектами.

Пристатейный библиографический список

1. Шумаев Д. Г. Алгоритм изъятия трасологических следов взрыва // Юристы-Правоведь. – 2019. – № 2 (89). – С. 237-241.
2. Самойлов А. Ю. Особенности фиксации и изъятия материальных объектов и следов с учетом их природы и видов // Правовое государство: проблемы понимания и реализации: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2015.
3. Михайлов М. А. Расследование криминальных взрывов (Рекомендации по организации первоначального этапа расследования). – Симферополь, 1997. – 37 с.
4. Шхагапсоев З. Л., Гаужаева В. А. Задачи предварительного исследования следов взрыва на месте происшествия // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 283-285.
5. Техническое обеспечение расследование поджогов, совершенных с применением инициаторов горения / И. Д. Чешко [и др.]; под ред. д. в. н., проф. В. С. Артамонова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000.

КУЗЬМИЧЁВ Юрий Владимирович

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

МИХАЙЛЕНКО Светлана Владимировна

старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

КОВАЛЬЧУК Валентина Александровна

адъюнкт адъюнктуры Ростовского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДТП, ПОВЛЕКШИХ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Представленная статья посвящена вопросам, касающимся некоторых особенностей и сложностей расследования преступлений по факту дорожно-транспортного происшествия, повлекшего по неосторожности смерть несовершеннолетнего лица. Коллективом авторов представлены статистические данные, указывающие на неукоснительную актуальность данного вопроса, поскольку стремительный рост увеличения дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних лиц указывает на большое количество находящихся в производствах у следователей уголовных дел.

Кроме того, авторами комплексно проанализированы проблемы, касающиеся расследования данной категории преступлений, обусловлены наиболее распространенные детерминанты совершения представленных правонарушений, а также предложены некоторые рекомендации по оптимизации расследования дорожно-транспортных происшествий, результатом которых стала смерть несовершеннолетнего.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, несовершеннолетние, дети, смерть по неосторожности.

KUZMICHEV Yuri Vladimirovich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MIKHAYLENKO Svetlana Vladimirovna

senior researcher of the Research Department of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

KOVALCHUK Valentina Alexandrovna

adjunct of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF ACCIDENTS THAT CAUSED NEGLIGENT DEATH OF MINORS

The presented article is devoted to issues concerning some of the features and difficulties of investigating crimes after a traffic accident that caused the death of a minor by negligence. The team of authors presents statistical data indicating the strict relevance of this issue, since the rapid increase in the number of road accidents involving minors indicates a large number of criminal cases under investigation.

In addition, the authors comprehensively analyzed the problems related to the investigation of this category of crimes, determined the most common determinants of the commission of the offenses presented, and also proposed some recommendations for optimizing the investigation of road accidents, the result of which was the death of a minor.

Keywords: traffic accident, minors, children, death by negligence.

На сегодняшний день одним из актуальных детерминантов детской смертности в Российской Федерации является дорожно-транспортные происшествия с участием несовершеннолетних лиц. По официальным данным, представленным Научным центром безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по итогам 2023 года на территории России было совершено на 4,9 % больше (96,7 тыс.), чем за аналогичный рассматриваемый период, при этом погибших составило на 1,3 % (10,3 тыс.). Что касается детей, то за 2023 г. было зарегистрировано около 15 тыс. дорожно-транспортных происшествий с участием несовершеннолетних, в авариях погибло 607 (+ 11 %) несовершеннолетних [1]. Стабильно высокий уровень смертности несовершеннолетних ввиду наезда на пешеходов, аварий и иных дорожно-транспортных происшествий (далее - ДТП) с участием детей, говорит о весьма актуальном характере рассматриваемой темы.

Проблемы детской смертности, причинами которой, в частности являются различные ДТП, изучались и разрабатывались многими юридическими исследователями. Так, по мнению С. Н. Мешалкина, целесообразно выделять четыре

основополагающих детерминанта дорожно-транспортных происшествий, жертвами которых становятся дети:

- Нарушений правил дорожного движения водителями;
- Неудовлетворительное состояние улиц и домов;
- Нарушение правил дорожного движения пешеходами;
- Механическая неисправность транспортных средств [2, с. 61].

Стоит заметить, что представленные причины во многом обуславливаются не равнозначным влиянием на уровень смертности несовершеннолетних участников ДТП. Так, наиболее актуальной причиной смертности несовершеннолетних, попавших в ДТП, является непосредственно нарушение правил дорожного движения водителями или пешеходами.

Снова обращая внимание на стремительно высокие темпы развития случаев совершения дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации, не следует забывать о таком же количестве возбужденных уголовных дел, находящихся в производстве следователей, каждое из которых обуславливается ввиду специфичности и индивидуальности

события преступления сложностью расследования. Поэтому в рамках данного исследования мы постараемся провести комплексный анализ особенностей расследования дорожно-транспортных происшествий, повлекших по неосторожности смерть несовершеннолетних.

По установленным закономерностям некоторых ученых в дорожно-транспортных происшествиях больше всего страдают дети в возрасте от 7 до 10 лет, объясняя это началом активной социальной самостоятельной деятельности дети появляются вблизи с проезжей частью, становлением участниками дорожно-транспортной дисциплины. Кроме того, ввиду психологического возраста, отсутствия жизненного опыта дети часто не могут объективно оценивать и воспринимать складывающуюся дорожную ситуацию, а также уровень опасности. Как правило, поведение несовершеннолетних участников дорожной дисциплины охарактеризовывается как непредсказуемое, представляющее потенциальную опасность, поскольку могут резко выбежать на проезжую часть, изменить направление следования или остановиться.

Одной из отличительных особенностей категории уголовных дел по факту дорожно-транспортных происшествий, повлекших по неосторожности смерть несовершеннолетнего, является ранний момент возникновения опасности для движения транспортных средств. Поэтому для водителей транспортных средств является первостепенной задачей, определить правильно момент наступления опасности. Так, например, при наличии знака «Дети» опасность для водителя наступает непосредственно с момента видимости около данного дорожного знака несовершеннолетних или иной объект, препятствующий видимости.

Правоприменители нередко акцентируют внимание на еще одной особенности расследования данной категории преступлений – это сложность установления водителем, являющимся управляющим транспортным средством, момента возникновения непосредственно опасных обстоятельств, в случае которых он обязан предпринять все соответствующие и возможные меры к их устранению, пример, начать оказывать воздействие на педаль тормоза. Данная обязанность обусловлена многими факторами, одними из которых является возраст пешехода.

Известно, что дети обладают элементарными знаниями дорожно-транспортной дисциплины в возрасте до 8 лет, однако ввиду различных субъективных и объективных факторов не могут применять их, следовать им. Вследствие чего теряют ориентированность в складывающихся различных дорожно-транспортных ситуациях. По данным причинам, как было уже замечено, поведение детей нередко становится непредсказуемым, противоправным, порождающим различного рода сложности, влекущее тяжкие последствия.

Безусловно, представленная психофизиологическая особенность несовершеннолетних общеизвестна и возлагает на водителей особых предпринимчивых мер предосторожности при вступлении в дорожно-транспортные отношения.

Как было отмечено, немаловажной проблемой также является установление достоверного возраста несовершеннолетних, который зачастую водители преувеличивают, оценивая ситуацию на дороге. Кроме того, водители нередко указывают на весьма осознанное и оценивающее поведение несовершеннолетних, что, разумеется, не создает определенной опасности для движения. В данном случае, соглашаясь с мнением С. В. Владимирова, крайне важно при наличии возможности производить фотосъемку одежды, в которой находился ребенок на момент дорожно-транспортного происшествия [3, с. 158].

На этапе расследования данной категории уголовного дела крайне важно следователю изучить личность ребенка. Объясняется это тем, что водитель, видя на проезжей части человека, оценивает его потенциальное поведение исходя не из его личностных характеристик, а из внешне-

го возраста. Поэтому следователю на первоначальных этапах расследования преступления следует изучить личность несовершеннолетнего, выявить определенные склонности к противоправной деятельности, психологические отклонения в развитии, что, возможно, укажет на потенциал ребенка к умышленному причинению себе вреда, посредством создания критической дорожно-транспортной ситуации, повлекшей смерть.

Наиболее острым стоит на практике вопрос, касающийся производства при расследовании дорожно-транспортных происшествий, повлекших смерть по неосторожности, производства следственных экспериментов. Сложность проведения данного следственного действия является невозможность назначения автотехнической или иной экспертизы, что позволило бы прийти к обоснованному решению по данному уголовному делу. Быстрая смена обстоятельств, скоротечность событий при ДТП нередко приводит водителей в замешательство, а также преднамеренное искажение данных, порождает сложность с установлением скорости и расследования своего транспортного средства.

Известно, что первостепенным условием производства следственного эксперимента является наиболее приближенные условия к реальной ситуации, то зачастую, ссылаясь на невозможность воссоздания обстоятельств события происшествия, следователи пренебрегают им, ввиду чего утрачиваются объективные сведения о возможности предотвращения аварии, возможности заблаговременно установления опасности на дороге для водителя и др.

Кроме того, нередко встречаются случаи, препятствующие расследованию преступления, когда лицо, виновное в совершении дорожно-транспортного происшествия, повлекшее смерть несовершеннолетнего, скрывается с места происшествия. В данном случае крайне важно первоначально провести осмотр места происшествия и установить время смерти несовершеннолетнего. А также в кратчайшие сроки собрать необходимую информацию и изъять сведения с внешних носителей информации, в целях установления личности преступника.

Таким образом, расследование дорожно-транспортных происшествий, результатом которых стало причинение смерти по неосторожности несовершеннолетнему лицу, обуславливается рядом особенностей и сложностей. Наряду с общепринятыми правилами расследования данной категории преступлений также следует учитывать индивидуальные, усложняющее предварительное расследование особенности, связанные с наличием несовершеннолетнего потерпевшего.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт научного центра безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://нцибдд.мвд.рф/news/item/43162565/> (дата обращения: 20.01.2024).
2. Мешалкин С. Н. Проблемы борьбы с преступностью в сфере безопасности дорожного движения // Охрана труда и социальное страхование. – 2009. – № 8. – С. 60-62.
3. Владимиров С. В. Расследование наезда транспортного средства на пешехода: дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2011. – 213 с.

ЛОНЦАКОВА Анжелла Рашитовна

кандидат юридических наук, доцент, Академия управления МВД России

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье обосновано мнение о том, что одной из основных задач криминалистической науки является криминалистическое обеспечение предупреждения преступлений. Однако анализ эмпирического материала свидетельствует о недостаточной роли криминалистики в обеспечении предупреждения преступлений. По результатам исследования выявлено, что исследование системообразующих факторов, определяющих особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, способствует становлению и развитию междисциплинарной теории предупреждения преступлений. Системообразующие факторы, определяющие особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, анализируются в диалектическом единстве. Ключевым в исследуемом аспекте является анализ перехода (перестройки) проблемной ситуации относительно тех её свойств, которые определены, как противоположные. Необходимо учитывать, что противоположности могут находиться в различных отношениях, что позволяет с помощью криминалистических инструментов выявить и зафиксировать значимые прогнозные компоненты при их преобразовании.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, криминалистическая виктимология, криминалистическая превенция, личность потерпевшего, личность преступника, ситуации, способствующие (благоприятствующие) совершению преступлений, обстановка преступления, причины преступления, детерминанты преступности.

LONSHCHAKOVA Anzhella Rashitovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Academy of Management of the MIA of Russia

SYSTEM-FORMING FACTORS DETERMINING THE FEATURES OF CRIMINALISTIC CRIME PREVENTION

The article substantiates the opinion that one of the main tasks of forensic science is the criminalistic provision of crime prevention. However, the analysis of empirical material indicates the insufficient role of criminology in ensuring crime prevention. According to the results of the study, it was revealed that the study of the system-forming factors that determine the features of criminalistic crime prevention contributes to the formation and development of an interdisciplinary theory of crime prevention. The system-forming factors determining the features of criminalistic provision of crime prevention are analyzed in dialectical unity. The key aspect under study is the analysis of the transition (restructuring) of a problematic situation with respect to those of its properties that are defined as opposite. It should be borne in mind that opposites can be in different relationships, which allows using forensic tools to identify and fix significant predictive components during their transformation.

Keywords: criminalistic support, criminalistic victimology, criminalistic prevention, the identity of the victim, the identity of the criminal, situations that contribute (favor) the commission of crimes, the crime situation, the causes of crime, the determinants of crime.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400¹, сбережение народа России, общественная безопасность выделены как приоритетные направления.

Достижение цели сбережения народа России, обеспечения общественной безопасности осуществляется путём формирования и реализации государственной политики, направленной на создание условий для эффективного предупреждения преступлений (правонарушений) (далее – преступлений).

В настоящее время в Российской Федерации действует более двух десятков нормативных правовых актов, которыми предупреждение преступлений провозглашается в качестве одной из важных задач государственных органов, однако, как свидетельствуют статистические данные о состоянии преступности², качественная и структурированная система предупреждения преступлений в России ещё не создана. Нет эффективного механизма этой деятельности в структуре уго-

ловно-процессуальной, судебно-экспертной, оперативно-розыскной деятельности. Не обоснована роль криминалистики в обеспечении предупреждения преступлений³.

Изучив теоретическую базу исследуемого вопроса: нормативные правовые акты, комментарии к ним, диссертации, монографии, учебные пособия, научные статьи и др., мы пришли к выводу, что фундаментальные концептуальные положения были разработаны и отражены в работах советских

1 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.01.2024).

2 Статистические данные: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года: Министерство внутренних дел Российской Федерации: ФКУ «Главный информационно-аналитический Центр». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф> (дата обращения: 23.01.2024).

3 Данный тезис базируется на основе анализа эмпирического материала по состоянию на январь 2024 года. На сегодняшний день, в ходе исследования собирается и интерпретируется обширный эмпирический материал: изучено более 780 архивных дел оперативного учёта и уголовных дел, рассмотренных районными и городскими судами г. Москвы, Республики Башкортостан, Оренбургской, Челябинской областей в 1998–2023 годах, возбуждённых по ст. ст. 105, 110, 110.1, 110.2, 111, 113, 115, 116, 117, 119, 131, 132, 134, 137, 157, 158, 159, 161, 164.1, 205.1, 205.2, 207, 213, 228, 238, 282, 282.2, 293, 316, 318 Уголовного Кодекса Российской Федерации, материалы психофизиологических исследований и судебных экспертиз, по специально разработанным анкетам опрошенно более трёхсот лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и расследующих преступления, экспертов-криминалистов, адвокатов, судей, психологов, психиатров, адвокатов, осуждённых, отбывающих наказание в ФГУ ИК–13 ФСИН РФ по Республике Башкортостан. Проведено интервьюирование сотрудников и руководителей оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России.

и российских учёных⁴. Однако, теоретическая база криминалистического обеспечения предупреждения преступлений в Российской Федерации, в условиях цифровой трансформации общества, находится в стадии формирования.

В данной статье мы тезисно обозначили значимые факторы в системе детерминант для целей формирования теории криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, выделяя следующие значимые элементы:

1. Личность жертвы преступления (далее – личность потерпевшего)⁵.

2. Теоретические и практические компоненты, реализуемые в изучении личности преступника.

3. Ситуации, способствующие (благоприятствующие) совершению преступлений и факторы, определяющие особенности их возникновения.

4. Обстановка преступления.

Остановимся тезисно на отдельных наиболее значимых особенностях.

1. Личность потерпевшего, пределы её исследования и реализации в криминалистических целях реализован в науке криминалистическая виктимология [1].

Объективные факторы в реализации теории криминалистической виктимологии в обеспечении предупреждения преступлений объединены в две большие группы: уголовная политика в реализации раскрытия, расследования преступлений и наказании преступников; обеспечение предупреждения преступных посягательств, безопасности граждан. Основные теоретические положения криминалистической виктимологии представлены в идеях:

– о «переориентации всей правоохранительной системы на выполнение функции предупреждения преступлений и правонарушений» и роли криминалистической виктимологии в обеспечении предупреждения преступлений [11, с. 5], [12];

– об использовании «виктимологического анализа преступления для решения общих и частных задач расследования, виктимологическом анализе как тактическом приёме» [1, с. 5];

– о руководящих принципах, имеющих концептуальное значение в области предупреждения преступлений и про-

4 Теоретическую базу для изучения криминалистической деятельности в сфере предупреждения преступлений создали основоположники криминалистики: Т. В. Аверьянова, Ф. Г. Аминев, О. Я. Баев, М. О. Баев, Р. С. Белкин, В. М. Быков, Л. Я. Драпкин, И. Е. Быховский, М. А. Васильева, А. Н. Васильев, В. Б. Вехов, А. И. Винберг, Л. В. Виноцкий, А. Ф. Вольнский, Ю. В. Гаврилин, Ю. П. Гармаев, Ф. В. Глазырин, Г. Ф. Горский, Г. Г. Доспулов, А. А. Закатов, Г. А. Зорин, В. Ф. Зудин, С. С. Епифанов, И. И. Иванов, Л. Л. Каневский, В. Н. Карагодин, Л. М. Карнеева, В. И. Комиссаров, Ю. Г. Корухов, В. П. Лавров, А. Ф. Лубин, И. М. Лузгин, А. А. Леви, Н. П. Майлис, М. Ш. Махтаев, И. А. Макаренко, А. С. Подшибякин, О. В. Полстовалов, В. А. Образцов, А. Р. Ратинов, С. Я. Розенблит, Е. Р. Россинская, Н. И. Порубов, Н. А. Селиванов, В. В. Трухачев, А. Н. Халиков, С. И. Цветков, Н. П. Яблоков, И. Н. Якимов и другие учёные. Теоретическую базу для изучения оперативно-розыскной деятельности в сфере предупреждения преступлений создали основоположники и исследователи теории оперативно-розыскной деятельности: А. Ю. Арефьев, В. М. Атажитов, Ю. С. Блинов, В. Г. Бобров, С. С. Галахов, К. К. Горянов, А. И. Гуров, И. А. Климов, И. П. Козаченко, А. Г. Лекарь, В. С. Овчинский, С. С. Овчинский, В. Н. Омелин, Н. В. Павличенко, А. В. Парфенов, В. Г. Самойлов, Г. К. Сенилов, А. Ю. Шумилов, М. А. Шматов и другие учёные. Наряду с этим, теоретическую основу исследования составили труды выдающихся специалистов-учёных государственного-правовых, уголовного права, административного права, гражданского права, криминологии, уголовного процесса, юридической психологии, судебной психологии, судебной психиатрии, иных отраслей знания. Среди них Ю. М. Антонян, О. В. Баулин, Л. И. Беляева, И. А. Бикнин, П. Н. Бирюков, В. В. Вандышев, Б. Я. Гаврилов, Л. Д. Гаухман, З. Д. Еникеев, И. И. Иванов, С. Д. Князев, А. В. Кудрявцев, В. Н. Кудрявцев, Н. А. Лопашенко, В. В. Лунаев, В. А. Мещеряков, А. С. Овчинский, А. В. Победкин, О. С. Рогачева, С. Б. Россинский, Ю. Н. Стариков, М. С. Строгович, О. Н. Шеменова, С. А. Шейфер и другие учёные.

5 Речь идёт о преступных посягательствах, в которых действие (бездействие) преступника детерминировано психологией поведения самих потерпевших.

блемах практики криминалистической превенции [5, с. 299-362];

– о возможности предупреждения (предотвращения, пресечения) противоправного (преступного) поведения с использованием программных средств, в том числе программных средств мобильных устройств, в следственной, судебно-экспертной, оперативно-розыскной деятельности [2, с. 21], [9];

– об выявлении, исследовании, использовании информации о психологии поведения потерпевших и особенностей производства вербальных следственных действий с их участием в целях обеспечения достоверности показаний потерпевших, обеспечения их безопасности при производстве следственных действий с их участием, о систематизации значимой информации о жертве преступления, системе учёта жертв преступлений [6, с. 43-63, 116-118];

– об исследовании безработицы, бедности, нищеты, низкого уровня образования в Российской Федерации как факторов виктимизации граждан, об исследовании объективных и субъективных факторов, определяющих особенности виктимности граждан в целях формирования у них иммунитета к преступлениям [10, с. 5-11];

– о выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, о выявлении связи «жертва – преступник» в механизме преступления; ключевым вопросом является именно их доказывание процессуальными средствами [3, с. 151-183], [4, с. 62, 154], [16, с. 245];

– о классификации потерпевших с целью виктимологических исследований; важности сравнительных междисциплинарных исследований, виктимологических исследований в зарубежных странах [14, с. 5-10];

– об обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства [8];

– об обязательной предупредительной работе с потенциальными жертвами правоохранительными органами, об участии общественности в «выявлении, изучении и устранении причин преступности в стадии предварительного расследования» [3, с. 151-183.];

– о мерах реабилитационного характера («механизмы возмещения вреда, причинённого преступлением») [8, с. 245] и др.

2. Второй элемент – теоретические и практические компоненты, реализуемые в изучении личности преступника в системе детерминант преступления.

О личности преступника, его особенностях, психологии поведения, акцентуациях характера, дефектах психики, противодействии раскрытию, расследованию, предупреждению преступлений и другой важной информации освещено в научной литературе с различных сторон [6, с. 43-63, 81-110, 141-150], [7, с. 327-330], [8, с. 79-83].

Полагаем, что в аспекте исследуемого вопроса, необходимо особо выделить четыре наиболее информативных признака (компонента).

2.1. Сведения о личности преступника с ранних этапов социализации. По результатам изучения уголовных дел, единственным документом, в котором содержалась подробная информация о личности обследуемого (подозреваемого, обвиняемого), в том числе, с ранних этапов социализации, это заключение комплексных психолого-психиатрических экспертиз (во всех без исключения заключениях).

2.2. Сведения о психологии поведения преступника с учётом акцентуаций характера [6, с. 43-63, 81-110, 141-150], [7, с. 327-330], [8, с. 79-83].

2.3. Сведения о мотивах преступлений, в том числе, бессознательных [13, с. 277-278].

2.4. Сведения о степени дезадаптации личности преступника (психологической, психиатрической, социально-психологической, социально-педагогической и др.).

По результатам нашего исследования, мы отмечаем, что степень дезадаптации личности преступника коррелирует с дезадаптацией жертв преступлений. То есть, данный признак соотносится и взаимообусловлен с личностными качествами жертв преступлений.

3. Третий элемент – это ситуации, способствующие (благоприятствующие) совершению преступлений и факторы, определяющие особенности их возникновения.

По результатам нашего исследования, ситуации, способствующие (благоприятствующие) совершению пре-

ступлений и факторы, определяющие особенности их возникновения, обусловлены психологией поведения жертвы преступления и психологией поведения преступника [6, с. 43-63, 116-118].

4. Четвертым элементом является обстановка преступления. В исследуемом аспекте, уместно отметить, что обстановка преступления является одной из ключевых в системе информационной составляющей и в структуре криминалистической характеристики преступлений.

Исследование обстановки преступлений выполняет ряд основных функций (описательно-объяснительную, интегративную, методологическую, практическую) с возможностью их реализации (нейтрализации) в механизме преступления в связи «действие – противодействие, раскрытие, расследование – предупреждение, пресечение, профилактика». Ключевой в исследуемом аспекте является анализ перехода (перестройки) проблемной ситуации относительно тех её свойств, которые определены, как противоположные. Необходимо учитывать, что противоположности могут находиться в различных отношениях, что позволяет с помощью криминалистических инструментов выявить и зафиксировать значимые прогнозные компоненты при их трансформации.

4.1. Описательно-объяснительная функция исследования обстановки преступления в исследуемом аспекте реализуется через рассмотрение сущности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, его содержания, структуры, значения в общей теории криминалистики, в криминалистической технике, в криминалистической тактике, в методике раскрытия, расследования, предупреждения преступлений, в судебно-экспертных теориях, в теориях оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и других теориях.

Описательно-объяснительная функция невозможна без профессионального включённого наблюдения в процесс исследования обстановки преступления в целях выявления и использования криминалистически значимой информации всеми субъектами его реализующими, без анализа их взаимодействия (в том числе межведомственного), без баланса теоретических положений и практики обеспечения в целях объективного раскрытия сущности изучаемого явления (преступного явления, его причин и условий, ему способствующих).

Ключевым аспектом описательно-объяснительной функции является доказывание связей между процессами, явлениями, фактами, закономерностями в их причинно-обуславливающей детерминации в целях полного, объективного раскрытия сущности изучаемого явления (преступного явления, причин и условий, ему способствующих).

4.2. Интегративная и синтезирующая функция исследования обстановки преступления строится на основе систематизации и классификации обширного эмпирического материала, упорядочивания, хранения, извлечения значимой информации. Ключевым является построение информационной базы, принципиально базирующейся на законах диалектики, раскрывая их парные категории: сущность и явление, содержание и форма, необходимость и случайность, возможность и действительность и др.

Эта важнейшая по своему значению задача может выполняться при её теоретическом обосновании и разработки её функционала.

4.3. Методологическая функция исследования обстановки преступления строится на основе совокупной методологической базы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений.

Одним из наиболее перспективных в изучаемом аспекте видится квалифицированное наблюдение в целях знакового моделирования в решении задач выявления и документирования криминалистически значимой информации с использованием программного обеспечения, например, программно-алгоритмических (программно-аналитических)⁶;

возможности оперативного предупреждения (пресечения) противоправного (преступного) поведения с использованием программного обеспечения и других средств [2, с. 21], [9].

4.4. Практическая функция: профессиональное междисциплинарное исследование обстановки способствует развитию криминалистики как науки и учебной дисциплины (её реализации в научном и дидактическом аспекте). Здесь актуален вопрос о пересмотре устоявшихся стереотипов о функциональной необходимости выявления, документирования, хранения и использования информации о причинах и условиях преступлений в ходе обследования обстановки преступления.

По результатам нашего исследования, мы отмечаем, что данный вопрос реализуется формально.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, важно отметить, что исследование системообразующих факторов, определяющих особенности криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, является одной из ключевых в развитии междисциплинарной теории предупреждения преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Бурданова В. С., Быков В. М. Виктимологические аспекты криминалистики: учебное пособие. – Ташкент, 1981. – 80 с.
2. Гаврилин Ю. В. Расследование преступлений, посягающих на информационную безопасность в сфере экономики: теоретические, организационно-тактические и методические основы: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2009. – 404 с.
3. Горский Г. Ф. Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного исследования: дис. ... к.ю.н. – Воронеж, 1965. – 334 с.
4. Зудин В. Ф. Социальная профилактика преступлений: криминологические и криминалистические проблемы. – Саратов, 1983. – 188 с.
5. Иванов И. И. Криминалистическая превенция (комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив): дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2004. – 418 с.
6. Лонцакова А. Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях. – М., 2022. – 168 с.
7. Лонцакова А. Р. Теория криминалистики и теория оперативно-розыскной деятельности: объединяй, создай, защищай, предупреждай // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2 (141). – С. 327-330.
8. Лонцакова А. Р. Следственные действия с участием лиц, подлежащих государственной защите: учебно-практическое пособие. – М., 2022. – 176 с.
9. Лонцакова А. Р., Харисова З. И. Программа для ЭВМ «Программно-аналитический комплекс «Киберпреступность». Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2020661720, 30.09.2020.
10. Махтаев М. Ш., Яблоков Н. П. Криминалистическая профилактика: история становления, современные проблемы. – М., 2016. – 288 с.
11. Овчинский В. С. Технологии будущего против криминала. – М., 2017. – 288 с.
12. Овчинский В. С. Генеративные модели искусственного интеллекта – опасные враги или помощники следователей и полицейских? // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 11 (186). – С. 3-6.
13. Тальнева З. З., Лонцакова А. Р. Профилактическая деятельность органа дознания, дознавателя, следователя на стадии предварительного расследования по уголовным делам // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 5 (144). – С. 277-278.
14. Франк Л. В. Виктимология и виктимность: учебное пособие. – Душанбе, 1972. – 111 с.

⁶ Так, например, к.т.н. З. И. Харисовой совместно с к.ю.н., доцентом А. Р. Лонцаковой разработана программа для ЭВМ «Программно-аналитический комплекс «Киберпреступность» (свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2020661720 от 30 сентября 2020 года). Программа представляет собой файл, не требующий предварительной установки на персональном компьютере, являясь исполняемым файлом формата Excel, позволяет осуществить запуск подпрограммы с алгоритмом реше-

ния смоделированной ситуации, связанной с киберинцидентом (преступлением в сфере компьютерной информации). Программно-аналитический комплекс «Киберпреступность» – это инструмент выявления и анализа преступлений, совершенных в сфере информационных технологий с учётом наиболее распространённых особенностей преступных деяний, а также средство определения порядка последовательной проверки сообщений об инцидентах информационной безопасности, алгоритма исследования связи жертва преступления, личность преступника.

РЫЖКОВА Инна Александровна

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Москва

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРИНЦИПА УВАЖЕНИЯ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Применяемые следователем в своей профессиональной деятельности тактико-психологические приемы основываются на его знаниях из различных областей, включая не только психологию, педагогику, но и политологию, религиоведение и многие другие. Однако, обладая разносторонними знаниями, не каждый субъект поисково-познавательной деятельности сможет спрогнозировать поведение участников уголовного судопроизводства, будучи осведомленным об их психологических особенностях. В статье рассмотрены психологические тактические приемы, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности в зависимости от личностного статуса участника следственного действия и предложена их классификация. Автором описаны тактические приемы в зависимости от религиозности или веры участника следственного действия; идеологии; модели (устройства) семьи и типов семейных взаимоотношений; этнического статуса; сексуальной ориентации и гендерной идентичности и других статусов участника следственного действия.

Ключевые слова: механизм реализации, принцип уважения чести и достоинства личности, обеспечение прав личности, психологические тактические приемы, личностный статус участника следственного действия.

RYZHKOVA Inna Alexandrovna

competitor for the degree of candidate of legal sciences, Moscow

TACTICAL TECHNIQUES AIMED AT IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF RESPECT FOR THE HONOR AND DIGNITY OF THE INDIVIDUAL DURING INVESTIGATIVE ACTIONS

The tactical and psychological techniques used by the investigator in his professional activities are based on his knowledge from various fields, including not only psychology, pedagogy, but also political science, religious studies and many others. However, having versatile knowledge, not every subject of search and cognitive activity will be able to predict the behavior of participants in criminal proceedings, being aware of their psychological characteristics. The article examines psychological tactics aimed at ensuring the principle of respect for the honor and dignity of the individual depending on the personal status of the participant in the investigative action and proposes their classification. The author describes tactical techniques depending on the religiosity or faith of the participant in the investigative action; ideology; family models (structure) and types of family relationships; ethnic status; sexual orientation and gender identity and other statuses of a participant in the investigative action.

Keywords: implementation mechanism, the principle of respect for the honor and dignity of the individual, ensuring individual rights, psychological tactics, personal status of the participant in the investigative action.

Криминалистическая тактика постоянно развивается, дополняется, совершенствуется. Обобщение научных знаний, следственной и судебной практики необходимо в целях использования практическими работниками правоохранительных органов. Определений криминалистической тактики множество, не углубляясь в полемику, отметим, что большинство ученых-криминалистов криминалистическую тактику считают системой наиболее рациональных положений, приемов и рекомендаций и относят как к производству отдельных следственных действий, так и к предварительному и судебному следствию в целом [17].

Важное значение для правоприменительной деятельности имеет разработка тактико-криминалистических стандартов с четким описанием действий всех участников уголовного судопроизводства.

Криминалистическая тактика помимо тактических рекомендаций и тактических приемов, включает в себя сочетания данных приемов, рекомендаций и правил, следуя которым достигается успешный результат расследования. Определяя тактический прием, А. С. Князьков называет его как «рекомендованный криминалистической наукой рациональный, законный и этический способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступления» [8]. Ранее, А. Н. Васильев тактический прием назвал «методом действия в расследовании для достижения цели, рассчитанный на оптимальный эффект при относительно минимальной затрате времени и сил» [6]. Р. С. Белкин к тактическим приемам относил и уголовно-процессуальные правила [3, с. 110].

По нашему мнению, рекомендательный характер тактического приема объясняет его отличие от правила, регламен-

тируемого строгими рамками законодателя. Тактический прием самостоятельно избирается следователем.

Учитывая различные основания для классификации тактических приемов и, невозможность перечислить все тактические приемы, необходимо выделить их признаки. И. М. Комаров предъявляет к тактическому приему требования: допустимости; научной обоснованности; целесообразности; альтернативности; этичности [10]. А. Г. Филиппов добавляет к ним – экономичность и доступность [18, с. 197-198]. Нам близка точка зрения М. П. Малютина, который считает, что главным в решении применения конкретного тактического приема должен выступать признак допустимости, в который включаются три основных свойства: правомерность, научная обоснованность и этичность [12, с. 184].

Следственная этика проведения следственных действий выражается в уважении к убеждениям допрашиваемого и оказании допустимого психологического воздействия.

В. Д. Зеленский, Д. А. Влезько, М. В. Головин, С. И. Грицаев выделяют тактические приемы эмоционально-психологического воздействия и приемы логического действия [15, с. 275]. И. М. Комаров выделяет тактические приемы, основанные на педагогике [10]. Л. В. Бертовский уделяет особое внимание проведению следственных действий с участием лиц преклонного возраста и долгожителей, с учетом исследований геронтологов и нейробиологов [4, с. 1100-1121].

По своему назначению тактические приемы разделяют по цели: направленные на получение доказательственной информации, и те, которые имеют своей целью создание условий для реализации первых [9]. В. И. Комиссаров насчитал 17 классификаций тактических приемов [11].

Считаем не менее важной классификацию тактических приемов по направленности. Придерживаясь определения

тактического приема, данного В. А. Образцовым, как адекватного способа воздействия на объект, способствующего эффективному собиранию и использованию информации [13], предлагаем классификацию психологических тактических приемов, направленных на *обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от личностного статуса участника следственного действия* и иные приемы, направленные на формирование эмоционального комфорта участников судопроизводства (направленные на припоминание свидетелем обстоятельств, подлежащих установлению, направленные на охрану жизни и здоровья участника следственного действия, вмешательство авторитетного третьего лица и др.). В. И. Комисаров такие приемы называет «сквозными» [11].

Тактические приемы производства следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от религиозности или веры участника следственного действия.

При необходимости производства следственных действий на религиозных объектах обязательна тщательная подготовка. Возьмем за пример стандартную кражу ценностей из храма – Православной церкви.

В рамках расследования в храмах могут проводиться следственные действия: обыск, выемка, осмотр места происшествия, проверка показаний на месте, следственный эксперимент и др., эффективность которых зависит от знаний следователя в области религиоведения, специальных терминов (алтарь, аналое, трапезная, и др.).

Правила в храмах разных религий схожи, но перед производством обыска, выемки, осмотра места происшествия, проверки показаний на месте, следственного эксперимента необходимо изучить основы священных писаний: Библии, Корана, Веды, Торы и другие, проконсультироваться со специалистом в области религиоведения о порядке проведения следственного действия, с целью исключения возможного нарушения принципа чести и достоинства церковных служащих и верующих.

Перед входом в любой храм следует поставить на беззвучный режим мобильные телефоны, избегать раций, говорить негромко. Если следственное действие не является безотлагательным – стоит ознакомиться с графиком молитв или религиозных обрядов, церемоний.

В качестве специалиста можно пригласить искусствоведа или антиквара, если речь идет о похищении церковных ценностей.

Подбирая участников следственного действия, следовательно необходимо объяснить им правила поведения и ответственность за оскорбление религиозных чувств или осквернение предметов культа, которые караются по закону.

Кроме того, при подготовке нужно ознакомиться с архитектурой религиозного строения, названиями религиозной утвари, иерархией служителей религиозных конфессий.

При производстве следственных действий нужно учитывать, что применение служебно-розыскной собаки в храмах не всегда уместно. Так, в православной церкви не допускается нахождение животных в храме. В костеле животные могут находиться. В мусульманской религии, у шиитов, например, собака – нечистое существо, а у суннитов нет. В иудаизме в священных книгах упоминания о собаках негативны. Буддийские монахи кормят собак в своих храмах¹.

При производстве поисковых следственных действий в **православной церкви**, следовательно необходимо согласовать действия с настоятелем храма или епархиальным архиереем, до некоторых предметов религиозного культа нельзя дотрагиваться (пюпитр, звезда, дарохранильница, сосуд для хранения Святого Мира и др.). Женщина не может проходить в алтарную часть храма. Никто кроме священнослужителя не может обходить вокруг Святого Престола и прикасаться к нему. Данные действия считаются грубейшим осквернением². Вещественные доказательства следует изымать с разрешения служителя церкви³.

При производстве следственных действий в **католическом христианском храме** (костеле) правила схожи, но есть

отличия, так следственные действия согласовывают с настоятелем, без обращения в вышестоящие церковные инстанции; в храме могут находиться граждане любой веры, головной убор и мужчины и женщины могут носить по желанию; нет запретов относительно прикосаний к святыням и вхождения в алтарную часть.

При производстве следственных действий в **мусульманском храме (мечети)** следует учитывать, что находиться в мечети можно только без обуви; женщины должны быть одеты в максимально закрывающую одежду свободного кроя и не могут прикасаться к мужчинам-мусульманам и их одежде⁴. Как и в других храмах, следует уточнить часы молитв перед проведением следственных действий. В мечети есть священное место – михраб.

В **синагоге** волосы замужней женщины должны быть покрыты головным убором, руки прикрыты, юбка ниже колена. Мужчины находятся в синагоге с покрытой головой. Правила поведения в синагоге не строгие, но нельзя прикасаться к лицу противоположного пола; стараться не поворачиваться спиной к Стене Плача в Иерусалиме, нужно отточить часы молитв перед проведением следственных действий. В мечети есть священное место – михраб.

При входе в **буддийские храмы** необходимо разуться и снять головной убор, одежда должна прикрывать ноги и плечи; проявляя уважение к монахам, при их входе необходимо встать и не прикасаться ни к ним, ни к статуе Будды; пользоваться нужно только правой рукой, и не указывать пальцем.

Внимания заслуживает вопрос использования фотосъемки в храмах. Стоит получить разрешение на съемку внутри храма, даже в свободное от богослужений время.

Несомненно, следственно-оперативная группа может при выполнении служебной задачи, ворваться в храм и не соблюдать правила храма, но чаще всего такой необходимости нет, а применения тактические приемы, следователь быстрее и эффективнее решит основные задачи расследования. Мы не рассматриваем ситуации, где речь идет об экстремизме, терроризме, преступлениях против личности или половой свободы, в данном случае правила относительно служебных собак, одежды, этикета не применимы.

Подготовка к допросу священнослужителей заключается в ознакомлении со священными книгами, правилами хранения культового имущества, с искусствоведческой литературой, наименованием похищенных предметов; постановке вопросов; приглашении специалистов-искусствоведов или антикваров.

При изучении заявленной темы, у нас возник вопрос: почему УПК РФ освобождает от допроса священнослужителя, узнавшим об обстоятельствах из *исповеди*? В исламе есть понятие покаяния (ат-тауба) – это отказ от неповиновения Аллаху и возврат к покорности Ему⁶. В буддизме также покаяние является обязательным элементом религиозной жизни адептов многих религий⁷. Статья 3 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на свободу вероисповедания. Считаем необходимым устранить эту неточность в п. 4 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, где в предложении «не подлежит ... допросу в качестве свидетелей священнослужитель – об обстоятельствах, ставших ему известными из исповеди», заменить словосочетание: «ставших ему известными из исповеди» на «ставших ему известными при отправлении религиозного культа».

Следует учитывать, что для эффективности и бесконфликтности допроса священнослужителя, с целью обеспечения принципа уважения чести и достоинства его личности, необходимо обращаться к церковному священнослужителю: «отец»; к имаму – «сайд» или «хаджи». Более информативным будет производство допроса следователем мужского пола, старше священнослужителя по возрасту. Учитывая образованность священнослужителей, стоит проконсультироваться со специалистом в области религиоведения; допрос должен проходить без посторонних лиц, в удобное для священнослужителя время.

Тактические приемы производства следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от идеологии участ-

1 Собаки и церковь: отношение к собакам в мировых религиях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://priut-kozhuovo.com/help/article> (дата обращения: 21.11.2023).

2 Этикет поведения в православном или католическом храме, синагоге или мечети. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://horoscopes.ru/poseshchenie-sinagogi-zhenshchinami-etiket> (дата обращения: 21.11.2023).

3 Там же.

4 Там же.

5 Там же.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/> (дата обращения: 21.11.2023).

7 Ленков П. Д. Покаяние и исповедь в позднем даосизме школы Цюаньчжэнь, а также опыт сопоставления практики покаяния в даосизме, буддизме и христианстве // История религии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iceni.com/unlock.htm> (дата обращения: 21.11.2023).

ника следственного действия. Не углубляясь в дискуссии относительно понятия идеологии, отметим, что сущность ее заключается в выражении интересов определенной социальной группы, то есть это идея, на основе которой человек определяет общество и осознает самого себя в этом обществе. Идеология отражает отношение личности к социально-политической жизни: анархизм, монархизм, консерватизм, коммунизм, либерализм, социал-демократия, фашизм, национализм, шовинизм, феминизм и др.

Проводя следственные действия с ярким сторонником идеологии, партийцем, необходимо заранее изучить основные идеи и ценности идеологии, носителем которой является допрашиваемый. Если следователь не разделяет взгляды, то должен избегать прямого столкновения.

Тактические приемы производства следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от модели (устройства) семьи участника следственного действия.

Знания в области семейной психологии, могут помочь следователю грамотно провести следственные действия. Основные типы семей: патриархальная, матриархальная и партнерская семья.

При производстве следственных действий по месту жительства патриархальной семьи, лучше, чтобы их проводил следователь мужского пола. При допросе несовершеннолетних более информативным допрос будет в присутствии матери, так как отец, обладающий авторитетным мнением, может повлиять на достоверность некоторых данных. Если при подготовке к проведению следственных действий следователю заранее не удастся навести справки относительно семейного положения участника, необходимо выяснить это в ходе следственного действия. Распознав типы взаимоотношений в семье, следователь может использовать данную информацию.

Тактические приемы при производстве следственных действий, направленных на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от среды обитания (город или село) участника следственного действия.

Социокультурные установки сельского жителя отличаются от городского. Сельские семьи часто патриархальны, традиционны, часто семьи большие, включающие несколько поколений. Дети, выросшие в сельской семье, часто уважительно относятся к родителям и старшему поколению. Проводя следственные действия с участниками уголовного судопроизводства важно учитывать, что, сельские жители зачастую юридически неграмотны, более доверчивы и религиозны, им стоит более тщательно разъяснить смысл и порядок того или иного следственного действия.

Тактические приемы при производстве следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от этнического статуса участника следственного действия.

Этнический статус важен для самоопределения человека. В России проживает множество этнических групп, дискриминация под запретом. Не всегда следователь и иные участники судопроизводства являются представителями одной и той же этнической группы.

При подготовке к проведению следственного действия следователь должен изучить особенности этноса, идеалы и ценности.

Ондар Д. С. в своем исследовании описывает этнические факторы, позволяющие сузить поиск преступников [16] и приводит пример: у тувинцев существует запрет на кражу священного животного, отмеченное особым знаком; на хищение из жилищ шаманов и старейшин. Опираясь на эти данные, можно выдвинуть версию, что хищение совершено представителем иной этнической группы.

Выбирая тактический прием при производстве следственного действия в отношении народов, проживающих в Республиках Северного Кавказа следует учитывать, что представители данных этнических групп не идентичны ни в своих традициях, ни в религиях. Во избежание конфликтных ситуаций необходимо выяснить национальность и народность участников. В Дагестане, например свыше 30 коренных национальностей и более 110 народностей, со своими языками, диалектами, культурой и традициями [19].

Проводя следственные действия в отношении цыган, нужно учитывать, что этот народ состоит из многочисленных этнических меньшинств, они могут быть православными или мусульманами, могут верить в духов природы.

Щепетильным на фоне обозначенной политики России, направленной на сохранение традиционных ценностей, яв-

ляется вопрос о гендерной принадлежности личности. *Тактические приемы при производстве следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от сексуальной ориентации и гендерной идентичности участника следственного действия.*

Гендерная идентичность может быть отличной от того пола, с каким человек родился. Трансгендер – гендерная идентичность, отличающаяся от гендерной принадлежности, которая была присвоена человеку при рождении. Сексуальная ориентация описывает схему эмоционального и сексуального влечения к мужчинам, женщинам, к обоим полам или ни к кому из них⁸. Несмотря на провозглашение гендерного равенства, дискриминация по гендерной идентичности и сексуальной ориентации широко распространена во всем мире⁹. В России запрещены пропаганда гомосексуализма среди несовершеннолетних, но «нет законов, наказывающих сексуальные меньшинства за их ориентацию»¹⁰.

30 ноября 2023 года Верховный суд удовлетворил иск Минюста о признании ЛГБТ (аббревиатура для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей) экстремистским движением и запрете его деятельности в России¹¹. Данное решение явилось логическим продолжением политики российского государства. В Указе Президента РФ от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹² обозначено, что основой нашего общества являются традиционные ценности – «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России»¹³.

С целью обеспечения принципа уважения чести и достоинства личности в отношении трансгендеров или лиц нетрадиционной сексуальной ориентации при производстве следственных действий необходимо, учитывая их гендерную идентичность, относиться уважительно, не оскорблять и не унижать. Сложность представляют следственные действия, связанные с обнажением трансгендеров или лиц нетрадиционной сексуальной ориентации.

Поддерживая политику государства относительно запрета пропаганды нетрадиционных отношений, считаем необходимым разработку антидискриминационного законодательства вне зависимости от сексуальной ориентации и гендерной идентичности, в соответствии с нормами международного права и нормами статьи 19 Конституции РФ.

Сложным является вопрос тактических приемов производства освидетельствования и личного обыска, сопровождающиеся обнажением участников судопроизводства с нетрадиционными сексуальными ориентациями и гендерной идентичностью. Думается, что при заявлении участником уголовного судопроизводства о своей нетрадиционной сексуальной ориентации и гендерной идентичности до произ-

8 Дискриминация по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности в Европе, Совет Европы, июнь 2011 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/t/Commissioner/Source/LGBT> (дата обращения: 06.01.2024).

9 Томас Хаммарберг, Комиссар Совета Европы по правам человека гендерные вопросы. Совет Европы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int> (дата обращения: 21.01.2024).

10 Выступление Президента России В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vesti.ru/theme/3718> (дата обращения: 30.11.2023).

11 Верховный суд признал движение ЛГБТ экстремистским. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/> (дата обращения: 30.11.2023).

12 Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

13 Айсель Герейханова. Главное из Указа Путина по сохранению традиционных ценностей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/> (дата обращения: 30.11.2023).

водства следственных действий, связанных с его обнажением, следователем может быть предложено производство данного следственного действия в отсутствии понятых при видеофиксации или проведением освидетельствования врачом. Нормы ч. 4 ст. 179 УПК РФ регламентируют производство освидетельствования, связанное с обнажением лица, врачом без присутствия понятых. Подобные нормы можно внести в статью 184 УПК РФ, регламентирующую производство «личного обыска, дополнив положением о том, что «При личном обыске лица другого пола следователь не присутствует, если личный обыск сопровождается обнажением данного лица. В этом случае освидетельствование производится врачом».

Тактические приемы допроса указанных лиц схожи с тактическими приемами допроса жертв гендерных преступлений. Рекомендуется поручать расследование таких уголовных дел следователю-женщине, либо мужчине, старшему по возрасту. С целью преодоления нежелания давать показания из-за боязни морального осуждения и стыда, С. И. Грицаев, рекомендует применять установление психологического контакта; устранение эмоционального барьера, снятие эмоциональной напряженности, проявляя сдержанность в моральной оценке поведения [7, с. 52].

Тактические приемы при производстве следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от возраста участника следственного действия.

Проблемы получения информации в уголовном процессе от лиц, имеющих определенные когнитивные ограничения возникают при допросах детей, лиц пожилого возраста или страдающих психическими и физическими заболеваниями, находящихся в стрессовых ситуациях и др. [5, с. 125]. При выборе тактических приемов ведения допросов следователь должен учитывать особенности пожилых людей, они подвержены влиянию СМИ, более впечатлительны, могут иметь опыт общения с сотрудниками правоохранительных органов. При подготовке к следственному действию, не лишним будет собрать информацию о прошлом пожилого человека, его интересах, детях, здоровье, определиться с временем и местом допроса.

Важной рекомендацией по тактике допроса рассматриваемой категории граждан является проведение следственных действий в ближайшие дни после совершения преступления, так как они могут забыть важные моменты.

Тактические приемы при производстве следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от образования участника следственного действия.

Участнику с высшим юридическим образованием вряд ли нужно объяснять юридические термины, но иным участникам нужно подробно, бытовыми словами объяснить суть следственного действия [1]. К малограмотным лицам применимы тактические приемы проведения следственных действий в отношении несовершеннолетних или лиц пожилого возраста.

Тактические приемы при производстве следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от типа субкультуры участника следственного действия.

Субкультура – это изолированная часть людей, ценности и убеждения которых отличаются от принятых в обществе [2]. Основаниями для объединения людей в различные субкультуры могут иметь религия, политика и др. С целью налаживания эмоциональной связи с участниками уголовно-процессуальных отношений необходимо поинтересоваться относятся ли они к таковым и найти информацию о субкультуре.

Тюремная субкультура – разновидность криминальной субкультуры, сформированной в местах лишения свободы [14]. Представители криминальных субкультур чаще противодействуют правоохранительным органам. Очевидными причинами такого поведения являются психологические проблемы, полученные во время отбывания наказания, отсутствие следственного механизма реабилитации осужденных, подавление воли в местах лишения свободы, утрата социальных связей [20].

Представители данной субкультуры хорошо знают нормы уголовного и уголовно-процессуального кодекса. При подготовке к производству следственных действий обычно следователь получает сведения о судимости, запрашивает приговор, характеристики из исправительного учреждения.

Применяя тактические приемы при производстве следственных действий, направленные на обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности, в зависимости от личного статуса участника следственного действия, следует исходить из правила: человек может выражать себя как хочет,

принадлежать любой из социальных групп, обладать любым личностным и социальным статусом, если не нарушает личные границы других людей.

Пристатейный библиографический список

1. Аксенова Л. Ю., Анешева А. Т. Тактические приемы производства допроса // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 80-84.
2. Антипова Н. Е. Субкультура: понятие и причины возникновения // Молодой ученый. – 2023. – № 26 (473). – С. 42-43.
3. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М.: ВШ МВД СССР, 1970. – С. 81.
4. Бертовский Л. В. Особенности допроса лиц старших возрастных групп // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2020. – Т. 24. – № 4. – С. 1100-1121.
5. Бертовский Л. В. К вопросу о получении вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / под ред. Х. П. Пашаева. – Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ. – 2019. – С. 125.
6. Васильев А. Н. Основы следственной тактики: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., – 1960. – С. 31.
7. Грицаев С. И., Влезько Д. А., Шевель Д. В. Использование психологических знаний в расследовании преступлений: учеб. пособие. – Краснодар: КубГАУ. – 2013. – С. 250.
8. Князьков А. С. Признаки тактического приема и критерии допустимости его применения // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 94-102.
9. Князьков А. С. Концептуальные положения тактического приема. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. – 190 с.
10. Комаров И. М. Криминалистика. Том 4. – Криминалистическая тактика. 2019. – С. 179
11. Комиссаров В. И. Криминалистическая тактика: история, современное состояние и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 40.
12. Малютин М. П. Тактические приемы в расследовании преступлений. – Москва: Юрлитинформ, 2009. – С. 184.
13. Образцов В. А. Тактический прием как средство познания // Криминалистика: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Образцова. – М.: Юрист, 2002. – С. 345.
14. Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 418.
15. Основные положения следственной тактики / В. Д. Зеленский, Д. А. Влезько, М. В. Головин, С. И. Грицаев, отв. редактор В. Д. Зеленский. – Краснодар: КубГАУ, 2011. – С. 275.
16. Ондар Д. С. Первоначальный этап расследования краж из жилища в сельской местности в условиях компактного проживания этнической группы (по материалам Республики Тыва): Автореф. дис. к.ю.н. – Ростов, 2019. – С. 26.
17. Садыков А. У., Пахомов С. В. Соотношение понятий криминалистической тактики и их методологическое значение // Общество и право. – 2012. – № 1 (38). – С. 227-234.
18. Филиппов А. Г. Общие положения криминалистической тактики и порядок производства следственных действий // Криминалистика: Учебник / Под ред. А. Г. Филиппова. – М., 2004. – С. 197-198.
19. Шахбанова М. М. Межнациональные взаимодействия в Республике Дагестан и их последствия для развития этнической идентичности (на примере малочисленных народов) // ИАЭЖ. – 2012. – № 2 (30).
20. Шестак В. А., Дуничкина А. П. Тюремная субкультура как культурологический феномен в России // Образование и право. – 2019. – №6.

САМОЙЛОВ Александр Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей установления пространственных и временных связей при осмотре места происшествия. Анализируются факторы, которые влияют на установление связей между объектами и событиями, а также различные аспекты процесса осмотра, такие как сбор и фиксация доказательств, определение последовательности действий, а также учет временных и пространственных характеристик места происшествия. Осмотр места происшествия является одним из ключевых этапов расследования преступлений, и от правильности установления пространственных и временных связей зависит успешность всего процесса расследования. В статье рассматривается важность учета пространственно-временных связей при осмотре.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, пространственные связи, временные связи, расследование преступлений.

SAMOYLOV Alexander Yurjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF ESTABLISHING SPATIAL AND TEMPORAL CONNECTIONS DURING THE INSPECTION OF THE SCENE

The article is devoted to the study of the peculiarities of establishing spatial and temporal connections during the inspection of the scene of an accident. The factors that influence the establishment of links between objects and events, as well as various aspects of the inspection process, such as collecting and recording evidence, determining the sequence of actions, as well as taking into account the temporal and spatial characteristics of the scene, are analyzed. Inspection of the scene is one of the key stages in the investigation of crimes, and the success of the entire investigation process depends on the correctness of establishing spatial and temporal links. The article discusses the importance of taking into account spatial and temporal relationships during the examination.

Keywords: inspection of the scene, spatial connections, temporal connections, investigation of crimes.

Самойлов А. Ю.

В процессе расследования преступления, изучение места происшествия и обнаружение корреляционных связей между действиями участников преступного события и изменениями в окружающей обстановке играет существенную роль, поскольку это часто помогает обнаружить причинно-следственные и временные связи механизмом совершения преступления и обстоятельствами, подлежащими доказыванию.

Установление этих связей может включать анализ времени и места преступного события, а также действий и взаимодействий лиц его совершивших. Это может помочь следователям понять, как произошло преступление, кто был вовлечен и какие могут быть доказательства. Кроме того, выявление этих связей может помочь в выявлении возможных подозреваемых, определении возможных мотивов и целей преступления, а также в разработке плана расследования.

Пространственная взаимосвязь характеризует расположение предметов, следов и прочих объектов на месте преступления, отражает их взаимодействие с расследуемым событием. Эта взаимосвязь определяется особенностями следственной ситуации и обстановкой на месте происшествия и предоставляет следователю значительную помощь в определении границ исследования. Находящиеся в пространстве объекты (объекты со следами передачи денег и т.п.) могут быть связаны с действиями преступника или потерпевшего, но могут находиться с ними в состоянии сосуществования. Тем не менее и такая связь помогает следователю отыскивать следы преступников, решать вопрос об относимости к расследуемому событию следов и предметов.

Пространственная связь показывает существующую в данный момент связь между материальными объектами в рамках определенного пространства: любой отдельно рассматриваемый элемент обстановки места происшествия вне связи с другими теряет свое доказательственное значение. Так, перевод денежных средств со счета на счет свидетельствуют лишь о произведенной банковской операции. Принадлежность этих счетов дает следователю наглядное представление об адресатах перевода денежных средств, что в последующем позволяет установить получателя средств и др. Проиллюстрируем сказанное примером. Гражданин М. вымогал денежные средства у гр. А., последний осуществил онлайн перевод требуемой суммы на счет указанные гр. М. В дальнейшем было установлено, что указанный счет принадлежит брату гражданина М [3].

Как известно, все явления, в том числе и преступные, обладают свойством длительности. Фактор времени, предопределяя развитие причинно-следственных отношений и отношений сосуществования, выражается в последовательной смене процессов и явлений. Вот почему так важно в ходе осмотра при расследовании преступлений установить временные связи.

Временная связь отражает последовательность и длительность процессов, происходящих на месте происшествия. Она также показывает взаимосвязь между различными действиями и событиями, связанными с расследуемым преступлением. Временная взаимосвязь помогает следователю определить, какие действия произошли раньше, какие позже, и как они связаны друг с другом. Задача следователя

при определении временной взаимосвязи на месте происшествия состоит в установлении начала и конца расследуемого инцидента и временного промежутка между его совершением и обнаружением следов преступления. Также необходимо определить отдельные моменты преступления и порядок возникновения следов, оставленных участниками преступного события. Временная связь может быть действительной и случайной [1]. Например, следы протекторов автомашины, обнаруженные на месте происшествия, могли быть оставлены до совершения преступления, в момент его совершения и вскоре после него. Те события, которые не совпадают со временем совершения преступления в данной материальной обстановке, а предшествовали ему либо следовали за ним, оказываются связанными с местом происшествия случайной связью. Однако иногда кажущиеся на первый взгляд случайные связи могут иметь значение для расследования.

Временные связи можно выявить путем изучения материальной (следы, предметы) и словесной (показания потерпевших, очевидцев и др.) информации. Если события, произошедшие во время совершения преступления, имеют причинно-следственную связь, то между ними существует временное соотношение. Поэтому, обнаружив на месте преступления следствие, нужно искать его причину среди предыдущих обстоятельств (при опосредованном взаимодействии) или среди одновременных (при непосредственном взаимодействии). События, которые не происходят во время преступления, следует исключить как не относящиеся к нему, поскольку события, не связанные между собой во времени, не могут быть связаны причинно.

Преступление и связанные с ним обстоятельства можно рассматривать как систему действий преступника (или жертвы) в определенном порядке и в течение определенного времени. Место происшествия, с одной стороны, является пространственной категорией, а с другой - местом совершения расследуемого преступления (или обнаружения его результатов), в рамках которого преступление произошло. Изменения, вызванные преступлением, содержат информацию как о самом преступлении, так и об его участниках. Поэтому в процессе осмотра важно выявлять не только причинно-следственные, но и пространственно-временные взаимосвязи между действиями участников происшествия и изменениями в материальной обстановке в этот период времени. Определение указанных взаимосвязей в процессе осмотра места преступления является одной из задач логико-познавательной деятельности следователя.

Сведения, полученные в ходе осмотра места происшествия, позволяют следователю, благодаря вероятно-статистическим связям с другими элементами криминалистической характеристики, выдвинуть версии о преступнике и дальнейшем его поведении. Параллельно производству осмотра на месте происшествия можно организовать задержание преступника по «горячим следам», основываясь на данных осмотра и данных, полученных из первичных источников (заявление, показания потерпевших и очевидцев, результаты оперативно-розыскной деятельности и т.д.). В случае малого количества доказательств вины вымогателя задержание преступника лучше проводить в рамках тактической операции, что позволит восполнить пробел необходимых данных.

Установление пространственных связей подразумевает определение взаиморасположения объектов на месте происшествия, что позволяет воссоздать картину событий и выявить следы преступника или орудия преступления. В ходе осмотра важно зафиксировать все обнаруженные объекты, их расположение относительно друг друга и следы, оставленные на них.

Временные связи устанавливаются путем определения последовательности событий и составления хронологии происшествия. Это позволяет определить, когда произошло преступление, какие действия были совершены преступни-

ком и потерпевшим, а также выявить возможные временные промежутки для проведения дополнительных следственных действий.

При установлении пространственных и временных связей важно использовать научно обоснованные методы и подходы, такие как криминалистическая техника, трасология, дактилоскопия и другие. Это позволит получить максимально точные и объективные данные, которые могут быть использованы в суде. Установление пространственных и временных связей является важным этапом осмотра места происшествия, который позволяет установить обстоятельства преступления и собрать необходимые доказательства для успешного расследования. Использование научно обоснованных методов и подходов поможет получить наиболее точные и надежные данные для использования в ходе следствия и судебного разбирательства.

Осмотр места происшествия в ходе предварительной проверки материалов целесообразно производить тогда, когда на месте совершения преступления могут быть обнаружены следы преступления (поврежденное имущество, орудия и предмет преступного посягательства, следы насилия и т.д.), либо, когда для принятия окончательного решения имеет значение обстановка места происшествия [2].

Таким образом, осмотр места происшествия является важным следственным мероприятием, позволяющим установить пространственные и временные связи в ходе расследования преступлений. Важно учитывать особенности проведения осмотра, такие как сохранение следов, использование специальных инструментов и криминалистической техники, а также соблюдение законодательства. От правильного проведения осмотра зависит возможность выявления важных деталей и доказательств, которые могут стать ключевыми в расследовании преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Боброва Л. Д., Лысова А. А. Использование А. А. специальных познаний при проведении отдельных следственных действий // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник материалов 4-й Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 05 ноября 2014 года. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2014. – С. 349-355. – EDN UDTJBH.
2. Головин М. В., Шпак Н. М. Алгоритмизация следственных действий на первоначальном этапе расследования вымогательства // Научный журнал КубГАУ. - 2016. - № 123. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmizatsiya-sledstvennyh-deystviy-na-pervonachalnom-etape-rassledovaniya-vymogatelstva> (дата обращения: 11.01.2024).
3. Дело № 1-71/2018 // Арх. Курчатовского районного суда г. Челябинска. Оп. 2. 210 л.

ШАГИЕВА Гульнара Рифовна

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЮСУПОВА Светлана Инвировна

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ФОТОГРАФИЯ

В статье рассматривается отрасль криминалистической техники - криминалистическая фотография, которая помогает раскрывать преступления и является неотъемлемой частью расследования. Место происшествия документируется с применением приемов и методов криминалистической фотографии. Все, что найдено на месте преступления, может быть использовано в качестве вещественного доказательства, если оно имеет отношение к делу, поэтому документирование места преступления и вещественных доказательств в их истинной форме является ключевым для расследования. Криминалистическая фотография является формой документации, которая необходима для сохранения качества обнаруженных вещественных доказательств.

Ключевые слова: криминалистическая фотосъемка, цифровая фотография, фотодокументирование, цифровая камера, брекетинг, экспозиция.

SHAGIEVA Gulnara Rifovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

YUSUPOVA Svetlana Invirovna

lecturer of the Cycle of Professional Service and Physical Training of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia

FORENSIC PHOTOGRAPHY

The article examines the branch of forensic technology-forensic photography, which helps to solve crimes and is an integral part of the investigation. The scene of the incident is documented using techniques and methods of forensic photography. Anything found at the crime scene can be used as physical evidence if it is relevant to the case, therefore documenting the crime scene and physical evidence in their true form is key to the investigation. Forensic photography is a form of documentation that is necessary to preserve the quality of the discovered physical evidence.

Keywords: forensic photography, digital photography, photographic documentation, digital camera, bracketing, exposure.

Криминалистическая фотография – это объективная и точная съемка места происшествия или объекта, представляющего интерес для следствия. Фотография - ценный инструмент для фиксации места происшествия.

Целью криминалистической фотосъемки является правдивая фиксация места преступления или происшествия.

Все места преступлений начинаются с фотосъемки, которая выполняется практически в приоритетном порядке. Фотосъемка места происшествия позволяет получить правдивую и точную информацию о месте преступления и материальных доказательствах, которые там присутствовали. Фотографии сделанные на месте происшествия четко и точно передают информацию, потому что они останавливают время, фиксируют улики, изображения с места преступления часто используются в качестве основы для принятия решения по делу.

Не будет преувеличением сказать, что цифровая фотография произвела революцию в фотографии и сделала ее мейнстримом в руках простых людей. С появлением мобильных телефонов, дешевых фотоаппаратов и компьютеров в домах запечатление воспоминаний больше не является сложной задачей. Для большинства людей фотография – это хобби. Таким образом, результат их работы зависит от их ожиданий.

Фотографии создаются с помощью камеры, которая использует объектив для фокусировки видимых длин волн

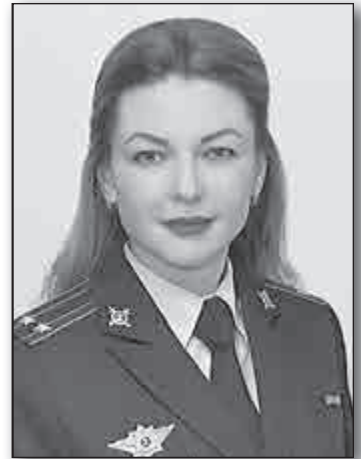
света сцены, чтобы воспроизвести то, что увидел бы человеческий глаз. Процесс создания фотографии называется фотографией.

Криминалистическая фотография, называемая криминалистической визуализацией или фотографией места преступления – это искусство создания точного воспроизведения места преступления или несчастного случая в интересах следствия.

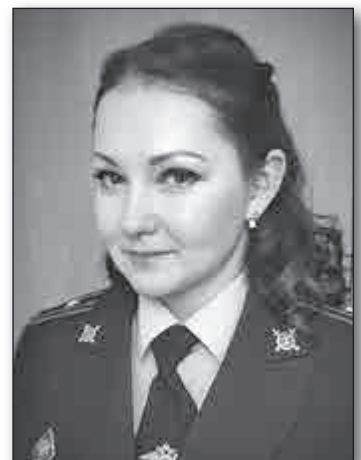
Криминалистическая фотография необходимая и основная часть расследований на месте преступлений и несчастных случаев, а также на многих этапах исследования улик и документирования в криминалистических лабораториях. Она используется для сбора и регистрации соответствующей информации, для поддержания цепочки доказательств и для передачи всех видов информации сторонам в системе уголовного правосудия.

Необходимо отметить, что из-за недостатка знаний очень часто фотосъемка мест преступлений и других событий проводится неправильно, и конечные результаты оказываются бесполезными. Фотодокументирование мест преступлений является основной задачей криминалистической фотографии. Фотография является ценным инструментом для фиксации места преступления и запечатления различных вещественных доказательств и предъявления в суде.

Для каждого экспертно-криминалистического подразделения МВД России важно иметь необходимое базовое

Шагиева Г. Р.

Юсупова С. Ш.

фотографическое оборудование и специалиста, обладающего необходимыми техническими навыками и знаниями. Для достижения указанных целей необходимо выполнить следующие условия:

1. Необходимое фотографическое оборудование.
2. Базовые знания о фотографическом оборудовании и их использовании.
3. Использование программного обеспечения для фотосъемки.
4. Принципы осмотра места происшествия и криминалистической фотографии.

Несмотря на то, что эта область криминалистики в значительной степени опирается на цифровые технологии обработки изображений, она не является новой дисциплиной. Его происхождение восходит к Бельгии в 1843-44 годах и Дании в 1851 году, где заключенных фотографировали в целях документирования.

Основным требованием к комплекту фотографа-криминалиста является цифровая камера высокого разрешения для съемки всех деталей места преступления.

Камера с большим количеством пикселей обычно дает хорошую фотографию, чем камера с меньшим количеством пикселей, но в пределах определенного диапазона это изменение невозможно оценить невооруженным глазом. Не надо судить о камере исключительно по количеству мегапикселей. Физический размер и качество датчика изображения вместе с соответствующей оптикой играют гораздо большую роль в качестве изображения, чем сами мегапиксели, поэтому не стоит заблуждаться в том, что мегапиксели позволяют получить более качественные фотографии.

В комплект должен входить обычный объектив для съемки обзорных изображений и широкоугольный объектив для съемки небольших суженных участков, объектив для съемки крупным планом вместе с аксессуарами необходим для документирования очень маленьких объектов-доказательств, различные фильтры и др.

Для получения качественных фотографии важно иметь базовое представление об экспозиции, глубине резкости и кадрировании снимка. Необходимо использовать знания по основам фотографии, чтобы сделать правильно сфокусированную, экспонированную и оформленную фотографию на месте происшествия.

Брекетинг экспозиции — это метод, который можно использовать для получения правильно экспонированных фотографий. Для правильной съемки сцены следует соответствующим образом использовать вспышку. Большинство специалистов могут и не рассматривать возможность использования вспышки при съемке при дневном свете, но она может пригодиться при съемке объектов с подсветкой или предметов, обнаруженных в темных затененных областях. Осветительные приборы необходимы для фиксации места происшествия и вещественных доказательств.

Большинство камер на месте преступления являются цифровыми с различными объективами, возможностями освещения и возможностью хранения изображений. Процесс фотографирования места преступления начинается с общего ракурса и заканчивается конкретной съемкой крупным планом каждого вещественного доказательства. Общие фотографии показывают окружение. Фотографии места преступления среднего размера делаются для того, чтобы показать связь места происшествия с отдельными вещественными доказательствами. Наконец, на фотографиях крупным планом фиксируются вещественные доказательства. В некоторых случаях фотография становится вещественным доказательством, поскольку она фиксирует детали вещественного доказательства настолько, что криминалистическая лаборатория может использовать фотографию вместо фактического вещественного доказательства.

При фотографировании найденных улик следует сделать базовый набор фотографий каждого предмета, с указанием масштаба и цветового кода и без него, общие фотографии, показывающие его связь с местом происшествия, и один снимок расположения улик после того, как предмет был перемещен или извлечен. Использование правильной

перспективы и ракурса также важно для правильной записи сцены.

Криминалистическая фотография дает не только общий обзор места преступления и соответствующих улики, но и дополнительную информацию о непосредственном окружении, например погода и время дня или ночи. Неразличимые улики снимаются с использованием специализированных методов, таких как УФ, ИК-фильтры и флуоресцентные фильтры и др.

Не существует установленного периода времени, необходимого для фотографического документирования места происшествия. Затраченное время зависит от масштабов и сложности происшествия и места его совершения. Фотосъемка места преступления не должна быть сосредоточена только на очевидном. Цель фотографирования — задокументировать место преступления и показать, связано ли оно с преступлением.

Метод цифровой фотографии как компьютерная сферическая панорама, включает в себя соединение компьютерных 3D технологий и цифровой фотографии, позволяет создавать и наблюдать фотоснимки с мест происшествий в объемном изображении, которая создает эффект присутствия и перемещения по изображенной местности. Этот вид фотографии позволяет воссоздавать обстановку места происшествия в конкретный временной период [1].

Специалист должен уметь оценивать условия на месте происшествия и использовать надлежащую технику при съемке фотографий. Еще одна область, на которую следует обратить внимание — это использование макрообъективов для макросъемки. Техника и настройки отличаются от обычной фотосъемки. Глубина резкости важна при съемке крупным планом, потому что, если не использовать правильную настройку диафрагмы, фотография может получиться недостаточно четкой.

Фотограф-криминалист должен досконально знать все фотографические принципы и способы их использования. Он должен уметь делать четкие, сфокусированные и точные изображения с минимальным правом на ошибку, обладать практическими знаниями.

Криминалистическая фотография является важным разделом криминалистической техники, поэтому разработка стандартных операционных процедур для криминалистической фотографии и оснащение всех экспертно-криминалистических подразделений необходимым фотооборудованием и наличие квалифицированного специалиста позволяет запечатлеть на снимках самые разнообразные объекты при осмотре места происшествия, в ходе опознания лиц и предметов, в процессе [2] проверки показаний на месте и при выполнении других следственных действий помогает существенно дополнить словесные описания объектов в протоколах, сделать наглядными ход и результаты проводимых следственных, оперативно-розыскных и экспертных действий по отысканию, фиксации и исследованию вещественных доказательств [2].

Пристатейный библиографический список

1. Барова Ю. Д. Некоторые проблемы криминалистической фотографии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=4159222&ysclid=lrjohn8ebk688176316> (дата обращения: 27.01.2024).
2. Определение и система криминалистической фотографии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://student-servis.ru/spravochnik/opredelenie-i-sistema-kriminalisticheskoy-fotografii/> (дата обращения: 27.01.2024).

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна

кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСМОТРОМ МЕСТА ВЗРЫВА

В статье анализируются вопросы, связанные с расследованием происшествий, связанных со взрывами, приведены основные проблемы, связанные с нахождением, исследованием, а также закреплением информации в виде доказательств на месте взрыва. При организации и планировании расследования криминальных взрывов необходимо учитывать их особенности, обусловленные не только повышенной опасностью, возникающей в связи с угрозой повторного взрыва, но и условиями, которые в значительной мере определяют возможность обнаружения следов и соответствуют требованиям информативности. В рамках данной статьи особое внимание уделяется осмотру места взрыва на открытых участках местности.

Ключевые слова: след взрыва, взрыв, взрывчатое вещество, взрывное устройство, обнаружение следов взрыва, место происшествия, взрывотехническая экспертиза.

DOLGUSHINA Liubov Viktorovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic examination sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Zheleznogorsk

FORENSIC FEATURES OF THE INITIAL INVESTIGATIVE ACTIONS RELATED TO THE INSPECTION OF THE EXPLOSION SITE

The article analyzes issues related to the investigation of incidents related to explosions, presents the main problems associated with finding, investigating, as well as fixing information in the form of evidence at the explosion site. When organizing and planning the investigation of criminal explosions, it is necessary to take into account their characteristics caused not only by the increased danger arising from the threat of a repeated explosion, but also by conditions that significantly determine the possibility of detecting traces and meet the requirements of informativity. Within the framework of this article, special attention is paid to the inspection of the explosion site in open areas of the area.

Keywords: explosion trace, explosion, explosive substance, explosive device, detection of explosion traces, scene of the incident, explosive expertise.

Долгушина Л. В.

За последние несколько лет проблема, которая имеет отношение к борьбе с преступлениями, для которых используются взрывные устройства, становится особенно важной. Взрывные устройства используются для того, чтобы совершать убийства, для хулиганства и нанесения телесных повреждений, поврежденный или уничтожения имущества. Одной из основных причин, способствующих увеличению совершения преступлений с помощью взрывных устройств, является доступность взрывчатых веществ и взрывных устройств значительному перечню лиц.

Исследование места взрыва связано с рядом отличительных характеристик, которые имеют отношение к нахождению, фиксации, получением значительного количества доказательств вещественной категории. Это значительно отличает данные преступные деяния от других групп дел.

Проблемы, связанные с нахождением, исследованием, а также закреплением информации в виде доказательств, возникают по следующим причинам:

– Нехватка информации исходной категории, в особенности это касается субъекта преступного деяния. Взрыв приводит к тому, что следы злоумышленника уничтожаются, часто их практически невозможно найти дальше. Благодаря изучению материальных особенностей места взрыва, можно получить сведения, касающиеся взрыва, используемого устройства.

– Уровень разрушений объектов, которые находятся в окружении, находящийся в зависимости от того, каковы особенности взрыва, причины его появления с технической точки зрения.

– Спасательные и восстановительные манипуляции, неотложная помощь жертвам, которые были проведены до момента приезда следственно-оперативной группы.

На успешность осмотра места взрыва оказывает воздействие тот факт, насколько качественно следователь понимает, каковы задачи такого осмотра, а также от того, имеются ли у него требуемые знания в сфере взрывов.

В качестве основных задач, которые решаются в рамках осмотра, следует указать:

- установление взрыва, особенностей и причин взрыва.
- исключение опасности взрыва.

– установление личности потерпевших, предоставление помощи нуждающимся.

– установление времени, а также других параметров совершения преступного деяния.

– установление сведений, касающихся личности лица, которое совершило преступное деяние, а также его мотив.

Отправляясь на место происшествия, следователь должен быть полностью ответственным за то, чтобы правильно провести осмотр, который также должен быть полным. Он осуществляет выбор тех, кто должен принять участие в процессе. Поэтому ему требуется пригласить нужных специалистов, имеющих соответствующий опыт в данном вопросе.

Специалист по взрывотехнике позволяет установить:

– присутствие на месте, где произошел взрыв, устройств, которые не разобрались, также и замаскированных, оголенных проводов, поврежденных газовых систем.

– отсутствие или наличие строений, которые могут обрушиться.

Также усилия данного специалиста будут направлены на установление характеристик взрыва, его очага, вид устройства, вещества взрывной категории, отличительные характеристики его функционирования.

Другие специалисты привлекаются, исходя из особенностей происшествия. Если имеются пострадавшие, то потребуются привлечение сотрудников скорой помощи, если есть погибшие – должны прибыть судмедэксперты. Благодаря усилиям судмедэксперта, можно осуществить фиксацию наступления смерти, наличия телесных повреждений, которые появились из-за устройства. Если взрыв идет вместе с возгоранием, должен приехать сотрудник соответствующей лаборатории, возможно привлечения эксперта, который является специалистом в сфере проведения пожарно-технической экспертизы. Сотрудники, которые занимаются пожарным делом исследуют место возгорания, особенности горения, распространения пламени.

На месте, где произошел взрыв, следователь должен понять, что его указания, касающиеся обеспечения безопасности места, где имело место происшествие, выполняются. Также требуется помочь пострадавшим, устранить опасные последствия

взрыва, среди которых можно упомянуть эвакуацию людей. После этого следователем осуществляется опрос сотрудников полиции, которые присутствуют на месте совершения преступного деяния. Также опросу подлежат свидетели обстоятельств взрыва, устанавливается количество жертв, куда их отвозят. Осуществляется обход территории, которая расположена близко, прочесывается местность. Помимо этого, следователю требуется осуществить надзор за изъятием осколков устройства из ран пострадавших и их одежды, которая также может содержать следы, оставшиеся после взрыва.

Следующим этапом становится исследовательский. Его начинают с комплексного осмотра. Одновременно с этим проводится фото и видеосъемка. В качестве важной задачи следует упомянуть установление границ, в рамках которых произошел взрыв, в них должны быть включены следы воздействия на окружающие объекты, а также прочие объекты, важные с точки зрения понимания о взрыве.

Если местность открытая, то для определения границ осмотра, устанавливается радиус разлета осколков или деталей конструкции устройства. Помимо этого, здесь все зависит еще и от материала, из которого было изготовлено взрывное устройство, взрывчатого вещества как по составу, так и по используемому количеству. Среди следов, которые описывают осколочное действие первичной категории, необходимо упомянуть трассы и кратеры на объектах высокого уровня прочности, царпины, пробойны. На дальность разлета осколков оказывает воздействие конструкция устройства, вид вещества взрывчатой категории, а также условий, в которых осуществлялся взрыв. Кроме того, при наличии во взрывных устройствах различных металлических добавок в виде болтов, гвоздей, шариков и т.п. дальность разлета увеличивается.

Затем приходит черед составления плана в масштабе по отношению к пространству, подлежащему осмотру. Здесь указывается, где находятся объекты, которые были найдены во взрывном очаге. Указываются и направление съемки, а также место, откуда она производилась. После этого принимается решение о необходимости дополнительной помощи, средств, осуществляется распределение обязанностей между лицами, которые принимают участие в осмотре.

Наступает черед осмотра в деталях. Он направлен на то, чтобы пристально изучить все объекты, которые находятся на месте взрыва, найти следы, доказательства вещественной категории. В рамках расследования взрывов данная работа требует значительного количества усилий и времени. Ведь на месте происшествия значительные количества обломков и мусора, которые приходится передвигать для того, чтобы найти следы устройства для взрыва, вещества взрывчатой категории, а также иные доказательства.

Открытая местность может подвергаться осмотру с окраины, это значит, что ищутся следы прибытия или ухода преступника с места совершения преступного деяния, максимально удаленных следов взрывного происхождения. Это делается тогда, когда на месте происшествия слишком много людей, которые могут уничтожить следы и доказательства.

Такая методика используется также тогда, когда взрыв и возгорание идут вместе, в этом случае огонь уничтожает улики. Также бывают ситуации, когда возникают проблемы с установлением центра, откуда произошел взрыв.

Этот метод осмотра используется в случаях, когда взрыв сопровождается пожаром, который полностью разрушает место происшествия, а также в ситуациях, когда разрушения настолько значительные, что становится сложно определить точку взрыва. В случае наличия большого участка и пространственных помещений, таких как производственные цеха, склады, хранилища или ангары, может быть применен линейно-фронтальный подход. Он заключается в разбиении всей области происхождения на отдельные квадраты или участки, которые следователь осматривает последовательно или одновременно вместе с несколькими другими следователями, двигаясь в одном направлении [1].

Независимо от местоположения (на открытой местности или в помещении), при осмотре места взрыва рекомендуется начинать с центра и продолжать осмотр в направлении периферии, используя эксцентрический подход. Методы и техники осмотра определяются конкретными условиями на месте происшествия, что позволяет следователю определить правильное место начала осмотра и его проведение. В протоколе и на схеме должны быть отражены измерения формы и размеров воронок (глубины, отверстий, трещин), если они есть на месте взрыва. Также следует указать тип грунта (песок, глина, чернозем и т. д.) или другого материала, на котором произошел взрыв.

Детальное исследование грунта вокруг воронки является следующим шагом. Особое внимание уделяется гребню, поверхности и дну воронки. Здесь могут быть найдены следы грунта, подвергшегося окопчению, остатки взрывчатых веществ и взрывных устройств, а также следы оплавления на различных предметах.

Все эти следы и предметы фиксируются с помощью фото- и видеосъемки, а также подробно описываются в протоколе происшествия. В протоколе указываются форма, размеры, материал и местоположение найденных предметов. Большое внимание уделяется детальной фото- и видеосъемке.

Для проведения дальнейших экспертных исследований в случае, если взрыв произошел на грунте, необходимо взять пробы грунта, снега или воды на гребне воронки и ее дне из очага взрыва. Каждая проба должна иметь вес не менее 1 кг [2]. Пробы упаковываются отдельно в полиэтиленовые пакеты, на которых указывается порядковый номер, место изъятия образца и время. Кроме того, в тех местах, где отсутствуют остатки взрывчатых веществ (например, за преградой или из-под камня), берется контрольный образец грунта, воды или растительности.

При ситовом просеивании грунта можно обнаружить мелкие осколки взрывчатых веществ или частицы взрывных устройств. Для поиска металлических остатков взрывных устройств рекомендуется использовать сильный магнит или металлоискатель. Затем следователь проводит детальный осмотр всех зон, которые были подвержены взрыву. В зависимости от расстояния от эпицентра проводится тщательный осмотр поверхности грунта с целью обнаружения необычных предметов для данной области. Ближе к эпицентру взрыва могут быть найдены следы и предметы, связанные с действием взрывчатых и термических веществ, а также остатки деталей взрывных устройств, включая упаковку [1].

Далее производится осмотр всех отдаленных зон, на которых могут быть обнаружены следы фугасного действия взрыва.

После завершения детального осмотра места взрыва участники данного следственного действия переходят к заключительному этапу, на котором подводится итог всей работе.

Цель этого этапа – фиксация результатов осмотра, следов и предметов, изымаемых с места взрыва. Наиболее важным и ответственным моментом в фиксации результатов осмотра места взрыва является составление протокола осмотра места происшествия.

К протоколу осмотра целесообразно прилагать фотоснимки, план-схемы с указанием положения трупа и оторванных частей его тела, всех замеров разлета осколков оболочки и взрывателя. Они помогут восстановить обстоятельства происшедшего, определить мощность ВУ. На план-схеме отмечаются также место и направление фотосъемки или видеозаписи. На этом же этапе изымаются следы и вещественные доказательства [3].

Таким образом, обнаружение и исследование следов взрыва является одним из ключевых действий расследования происшествий связанных со взрывами, позволяющим получить первичную исходную информацию для дальнейшего расследования, носящую ориентирующий характер о виде используемого взрывчатого вещества, его количественных характеристиках, существенных параметрах устройства, его конструктивных особенностей, включая основные элементы и способ изготовления [4]. Исследование места взрыва связано, в первую очередь, с нахождением и получением доказательств. Основные проблемы при расследовании преступлений, связанных со взрывами на открытой местности, возникают из-за нехватки информации, полученной при осмотре места происшествия и уничтожения следов на месте взрыва.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюков В. В. Криминалистическое оружиеведение. – Луганск: СПД Резников В. С., 2013. – 256 с. – ISBN 978-617-509-301-6.
2. Коткин П. Н. Тактика неотложных действий на месте взрыва, связанного с применением взрывного устройства // Эксперт-криминалист. – 2006. – № 2. – С. 10-16.
3. Антонов В. П., Белозерова И. И., Бертовский Л. В., Боринская С. А. Криминалистика: учебник для бакалавров / Ред. Л. В. Бертовский; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва: Проспект, 2018. – 961 с.
4. Шхагапсоев З. Л., Гаужаева В. А. Задачи предварительного исследования следов взрыва на месте происшествия // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 283-285.

АЛЫШЕВ Сергей Сергеевич

доцент кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России, г. Ставрополь

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье рассматривается личность преступника как основание криминологической теории с учетом системы социально значимых свойств лица, совершившего преступление, отражающих возможности его исправления уголовно-правовыми средствами, анализируются официальная статистика и подходы правоведов. Посредством использования различных методов научного поиска отдельные положения, сложившиеся в теории науки, подвергнуты анализу в целях конкретизации сущностного содержания рассматриваемого явления. Проведен содержательный обзор различных направлений понимания личности преступника и их учёт в практическом и нормативно-правовом аспектах предупреждения преступности.

Ключевые слова: преступление, преступник, характеристика личности, личность преступника, предупреждение преступности.

ALYSHEV Sergey Sergeevich

associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Stavropol

THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL AS THE BASIS OF CRIMINOLOGICAL THEORY

The article examines the personality of the criminal as the basis of criminological theory, taking into account the system of socially significant properties of the person who committed the crime, reflecting the possibility of his correction by criminal legal means, analyzes official statistics and the approaches of legal scholars. Through the use of various methods of scientific research, individual provisions established in the theory of science are analyzed in order to concretize the essential content of the phenomenon under consideration. A substantial review of various areas of understanding the personality of a criminal and their consideration in the practical and legal aspects of crime prevention was carried out.

Keywords: crime, criminal, personality characteristics, criminal identity, crime prevention.

Алышев С. С.

Понятие «личности преступника» занимает одно из основных мест в криминологической науке. С этим трудно поспорить, так как значимость изучения личности преступника, ее свойств, напрямую связана с деятельностью правоохранительных органов по профилактике, выявлению, предупреждению, предотвращению и раскрытию преступлений. Правоохранительным органам необходимы знания и информация о лице, совершающем или совершившем противоправное деяние.

Личность преступника является базисным понятием, однако в научных кругах ведутся дискуссии о научной состоятельности данного термина, так как возникает спорный вопрос о возможности дать определение личности преступника наиболее полную и точную характеристику, отличающего его от правосознательного и законопослушного гражданина.

В то же время, по мнению исследователя П. С. Дагеля, под личностью преступника понимается «совокупность социально-политических, психологических и физических признаков лица, совершившего преступление, имеющих уголовно-правовое значение» [1].

По мнению В. Н. Кудрявцева существуют основные элементы, которые позволяют дать всестороннюю характеристику личности преступника. К таким элементам относятся социально-демографическая и правовая характеристика, нравственно-психологическая характеристика, а также социальное поведение. Данная классификация наиболее полно отражает общие и специальные свойства присущие личности, совершившей противоправное деяние, однако в криминологии есть и другие критерии для характеристики личности преступника - биофизические признаки, куль-

турно-образовательные признаки, а также психологические признаки [2].

Рассмотренные признаки не имеют криминологического значения, если рассматривать их отдельно от преступного деяния, так как вышеуказанные признаки личности зависят от ее направленности отрицательной или положительной, так как та или иная направленность личности может изменить социально положительный признак в антисоциальный.

Из этого стоит сделать вывод, что личность преступника следует понимать, как систему признаков, свойств, качеств, а также иных показателей, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершающее преступления, в том числе различные стороны проявления его антиобщественного поведения облегчают и обуславливают совершение преступлений и произвести детерминацию конкретных преступлений.

Каждый указанный элемент структуры личности преступника, требует отдельного исследования для составления более полной характеристики личности преступника. Чтобы дать характеристику личности преступника, требуется охарактеризовать и раскрыть категории преступников. Так в Москве мы можем выделить самые распространенные преступления: общеуголовные преступления, основную часть составляют кражи (40,2 %), преступления в сфере мошенничества (28,3 %), а также стоит выделить преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (8,7 %).

Уровень уличной преступности характерно высок, это отражают статистические данные общеуголовных преступлений, именно эта группа преступлений формирует социальный портрет личности преступника в мегаполисе.

Говоря о социально-демографических признаках личности преступника, то это пол, возраст, уровень образования, место жительства и т.д. Мужчины и составляют 85 % от общего числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Данные показатели являются устойчивыми и в менее значительной степени подвержены статистическим изменениям.

Возрастные группы лиц, совершивших преступления в мегаполисе, разделились следующим образом: 30–49 лет (52 %), 18–24 лет (19 %), 25–29 лет (18 %), 50 лет и старше (9 %), 14–17 лет (2 %). Из вышеуказанных данных мы можем сделать вывод, что наибольшее количество преступлений совершают лица в возрасте от 30 до 49 лет.

По уровню образования лица, совершившие преступления в России разделяются на лиц, имеющих среднее полное, либо среднее профессионально образование (76 %), лиц, имеющих высшее образование (23 %) и лица имеющих начальное образование (1 %).

Наибольшее количество преступлений на территории России совершаются гражданами Российской Федерации, что составляет 82 % и преступления, совершенные иностранными гражданами и лицами без гражданства, составляет 18 %.

Рассмотрим социальный портрет личности преступника, исходя из социального положения. Наибольшее количество преступлений совершаются лицами без постоянных источников дохода (65 %), наемными рабочими имеющих постоянную работу было совершено преступлений (18 %), служащие, не являющиеся работниками органов власти (13 %), учащиеся и студенты (3 %) и иные социальные группы (1 %).

Приведенные выше статистические данные дают общую социально-демографическую характеристику личности преступника. Так данная характеристика больше связана с уличной общеуголовной преступностью и отражает такие тенденции городов-мегаполисов, как появление социальной дистанции. В городах-мегаполисах объективно затруднено установление тесных и устойчивых связей между людьми, ввиду постоянной внутренней миграции горожан, появление спальных районов с многоквартирной застройкой и плохой инфраструктурой. Люди, живущие в одном подъезде многоквартирного дома, практически не пересекаются со своими соседями, проживающими на других этажах. Социальная дистанция способствует совершению преступлений, так как преступнику легче совершить преступление в отношении неизвестного лица, чем ранее или хорошо знакомого.

Итак, была дана общая социально-демографическая характеристика личности преступника, однако, хотелось обратить особое внимание на социально-демографическую характеристику личности преступника, совершающего противоправные деяние в сфере мошенничества, а также краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.

Согласно данным ГИАЦ МВД России, начиная с 2015 г. отмечается рост мошенничества различных видов, так согласно данным за январь–март 2020 г. уровень мошенничества вырос на 48,5 %, а уровень кибер-преступности – на 83,9 %. Стремительный рост мошенничества и кибер-преступности в России, по моему мнению, связан с изменением характеристики личности преступника, так как ее роль является первопричиной в механизме совершения интеллектуального преступления.

Изучив данные правовой статистики за 2016–2019 гг., отметим, что преступления, предусмотренные ст. 159–159.6 УК РФ совершаются преимущественно мужчинами (64 %), однако женщины совершают преступления, связанные с мошенничеством в два раза чаще чем, все остальные преступления. На мой взгляд, это связано с присущей спецификой данных преступлений и механизмом поведения личности преступника. Гендерная предрасположенность имеет существенное значение при характеристике личности преступника-мо-

шенника, так мужчины и женщины играют разные социальные роли, некоторые из которых в значительной степени облегчают совершения преступления, путем злоупотребления доверием.

Можно заметить, что отличительной особенностью личности преступника в сфере мошенничества и IT – является наличие высшего или среднего специального образования. Таким образом, лица, привлекаемые к уголовной ответственности за рассматриваемые нами преступления, в 50 % случаях имели высшее или среднее специальное образование, в то же время этот рассматриваемый ранее нами показатель образования по всем преступлениям составил 23 %. Это связано с тщательной интеллектуальной подготовкой и используемыми средствами для достижения преступных целей. Нередко лица, совершающие данный вид преступления, благодаря своим интеллектуальным способностям, имеют более высокий социальный статус в сравнении с преступниками, совершающими общеуголовные преступления. Уровень интеллектуального развития личности преступника позволяет занимать значимые и основные роли в преступных организациях. Рассматриваемые нами преступные личности склонны к самообразованию, что позволяет им быть на шаг впереди правоохранительных органов. Таким образом, достижения науки и техники, как компьютеры, смартфоны, телефоны стали отличным средством для осуществления преступлений, связанных с мошенничеством.

Большую часть мошенников составляют граждане Российской Федерации (98 %), что характеризует низкий уровень совершения мошенничества иностранными гражданами и лицами без гражданства. Не выделяясь из общей статистики (50 %) преступников в сфере мошенничества не имеют постоянного источника доходов.

Преступникам-мошенникам свойственна не только тщательная подготовка к совершению преступления, но и меры к его сокрытию. Данный вид преступления сложен поиском лиц его совершивших, так как потерпевший только спустя значительное время понимает, что пострадал от преступных действий, ввиду чего снижается эффективность проведение оперативно розыскных и следственных мероприятий [3].

Социально-демографическая характеристика личности, совершающей преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, также заслуживает внимания. Мегаполисы являются крупными транспортными узлами, как для наземного, водного транспорта, но в большей степени они открыты для воздушного транспорта, что позволяет разнообразить способы осуществления наркотрафика.

Подводя итог можно сказать, что социально-демографическая характеристика личности преступника, имеет общие тенденции к изменениям, как и в провинциальных городах, однако существуют различия, связанные с увеличивающейся социальной дистанцией среди граждан, вызванная ростом спальных районов, большую часть из которых составляют многоквартирные дома высокой этажности, повышенная частота межгрупповых, межличностных контактов при преобладании ролевого общения и, как следствие этого, анонимность общения между людьми, что приводит к увеличению уличной преступности.

Пристатейный библиографический список

1. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учебное пособие. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1970. - 132 с.
2. Криминология: учебник для аспирантов / Под ред. И. М. Мацкевича. - М.: Норма: ИНФРАМ, 2017. - 368 с.
3. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева. 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. - 800 с.

ЛИТВИНОВ Роман Викторович

преподаватель кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

ТИЩЕНКО Алина Вячеславовна

студент Факультета высшего образования Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье раскрывается понятие «женская преступность». Авторы обращают внимание на важность понимания механизмов преступного поведения женщин. Авторами освещены ключевые характеристики личности женщины-преступника, для её изучения и выявления факторов, способствующих совершению преступлений. Кроме того, указаны виды преступлений, совершаемых исключительно женщинами. Раскрыты отличия женской и мужской преступности. А также приведены способы реабилитации для женщин, совершивших преступления, и меры для снижения количества преступлений, совершаемых женщинами.

Ключевые слова: женская преступность, личность, преступления, факторы, реабилитация, уменьшение количества преступлений.

LITVINOV Roman Viktorovich

lecturer of Forensic examination sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

TISHCHENKO Alina Vyacheslavovna

student of the Faculty of Higher Education of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FEMALE CRIME

The article reveals the concept of "female crime". The authors draw attention to the importance of understanding the mechanisms of criminal behavior of women. The authors highlight the key characteristics of the personality of a female criminal, in order to study it and identify factors contributing to the commission of crimes. In addition, the types of crimes committed exclusively by women are indicated. The differences between female and male crime are revealed. It also provides rehabilitation methods for women who have committed crimes and measures to reduce the number of crimes committed by women.

Keywords: female crime, personality, crimes, factors, rehabilitation, reduction of the number of crimes.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в современном обществе преступность является одной из наиболее острых проблем. Однако, при обсуждении преступлений, женской преступности уделяется меньше внимания, чем мужской. Такой подход ограничивает понимание причин и последствий женской преступности, и может привести к недостаточным мерам по ее предотвращению и реабилитации.

Изучение криминологической характеристики женской преступности позволяет более полно понять мотивы и факторы, которые побуждают женщин к совершению преступлений. Знание этих факторов необходимо не только для более эффективного контроля и предотвращения преступлений, но и для разработки специализированных программ реабилитации и ресоциализации женщин-преступниц.

Исследования в данной области помогут сформировать более эффективные стратегии превенции и реабилитации, а также могут способствовать созданию более справедливого общества, в котором все преступления будут рассматриваться с учетом различий между мужской и женской преступностью.

История женской преступности на протяжении долгого времени была слабо изучена и описана, так как на протяжении многих веков женщины были лишены прав и возможностей участвовать в политической и экономической жизни общества. В связи с этим, женщины, совершавшие преступления, рассматривались скорее, как исключения из правил, а не как факторы, влияющие на общественную жизнь и динамику преступности в целом.

Однако, существует некоторое количество исследований, которые позволяют охарактеризовать женскую пре-

ступность на протяжении разных исторических периодов. В средние века и в период Ренессанса, женщины, как правило, совершали преступления, связанные с магией, ересью или сексуальностью. В те времена дам, обвиняемых в совершении преступлений, часто подвергали пыткам и казнили путем сожжения.

В 18 – 19 веках в Европе они, как правило, привлекались к уголовной ответственности за кражи и мошенничества. В те времена женщины, совершающих преступления, часто отправляли на каторгу или принудительные работы, где их подвергали суровому наказанию и жестокому обращению.

В 20 веке в связи с изменением социально-экономической структуры общества и более активной ролью женщин в экономической и политической жизни, стало происходить увеличение количества женских преступлений. Вместе с тем, появились и более лояльные подходы к их преступности, направленные на реабилитацию и перевоспитание, а не на суровое наказание.

Стереотипизация женщин-преступниц не только негативна, но и ошибочна. Женщины могут совершать преступления по тем же причинам, что и мужчины, и необходимо избегать обобщений.

Однако, если говорить в целом, то можно выделить несколько факторов, которые чаще всего заставляют женщин совершать преступления:

1. Эмоциональная неустойчивость. Женщины могут быть более склонными к проявлению эмоциональных перепадов, что может привести к более резким и необдуманным действиям.

2. Плохое детство. Дети, выросшие в дисфункциональных семьях, где присутствует насилие, алкоголизм, наркомания или другие формы нарушения правил и законов, могут иметь повышенную склонность к нарушению законов в дальнейшем. Это связано с тем, что такие дети могут вырасти с низкой самооценкой, чувством неполноценности, неуверенностью и часто испытывать трудности во взаимоотношениях с другими людьми. Также некоторые из детей могут стать жертвами насилия (сексуального насилия), что может привести к появлению психологических проблем в будущем, таких как посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия и тревожность. Это, в свою очередь, может повлиять на их поведение и привести к совершению преступлений.

3. Финансовые трудности. Низкий уровень доходов, отсутствие работы, невозможность обеспечить себе и своей семье необходимое приводят к тому, что женщины могут совершать кражи, мошенничества и другие преступления, связанные с экономической выгодой. Женщины из более низких социальных слоев могут оказаться в более рискованных ситуациях, которые могут привести к совершению преступлений.

4. История насилия. Женщины, которые становятся жертвами насилия, могут прибегнуть к насилию в качестве самозащиты.

5. Зависимость от наркотиков и алкоголя. Это может быть связано с тем, что употребление психотропных веществ может влиять на мозговую деятельность и поведение, приводя к неадекватным реакциям и повышенной агрессивности. Кроме того, женщины, употребляющие наркотики или алкоголь, могут оказаться в экономической или социальной незащищенности, что может привести к совершению преступлений, связанных с выживанием.

6. Социальное окружение: женщины, которые находятся в неблагоприятной среде, могут подвергаться влиянию со стороны своих близких или общественной группы, что может привести к совершению преступлений.

Однако, следует отметить, что каждый случай уникален, и нельзя делать общие выводы о всех женщинах-преступницах.

Убийства и покушения на убийство являются одними из самых тяжких и опасных видов преступлений. Однако, по статистике, женщины реже совершают убийства, чем мужчины. Обычно, если женщины и совершают убийства, то это связано с домашним насилием, защитой своей жизни и здоровья или совершением по наитию в крайне возбужденном эмоциональном состоянии (аффект).

Сексуальные посягательства, такие как изнасилование, совращение несовершеннолетних и другие виды преступлений, связанных с половой неприкосновенностью, также являются редкими среди женщин. Это может быть связано с более высокой степенью эмпатии у женщин, а также с более низким уровнем агрессивности.

Женщины также реже совершают преступления в общественных местах, такие как грабежи, разбои и другие виды насильственных преступлений. Это может быть связано с более высокой степенью социализации и ограниченной физической силой у женщин.

Кроме того, редкими для женщин являются и преступления в экономической сфере, такие как финансовые махинации, коррупция и другие виды преступлений, связанных с финансами.

Одно из основных преступлений, которое совершают женщины чаще, чем мужчины, это кражи. Женщины, как

правило, совершают кражи мелких вещей, таких как продукты питания, косметические средства, одежда и другие предметы бытового использования. Это связано, в первую очередь, с экономической нестабильностью и низким уровнем доходов, а также kleптоманией, целью которой является не получение личной выгоды, а удовлетворение психологической потребности.

В настоящее время растет число преступлений, связанных с мошенничеством. Обладая обаянием, смекалкой, хитростью им проще расположить к себе жертву.

Преступления, связанные с наркотиками, также являются распространенным явлением среди женщин. Они могут заниматься торговлей, участвовать в производстве и сбыте наркотических средств. Это часто связано с финансовыми трудностями, влиянием со стороны партнера-наркомана.

Еще одним преступлением, которое совершают женщины, является проституция. Женщины могут заниматься проституцией, что часто приводит к сопутствующим видам преступлений, таким как торговля наркотиками, кражи, насилие и т.д.

Согласно данным Генпрокуратуры РФ удельный вес женщин среди лиц, совершающих отдельные виды преступлений, такой: мошенничество – 41 %; убийство – 12 %; грабеж – 8 %; причинение тяжких телесных повреждений – 7 %; разбой – 6 %; неосторожные преступления – 5 % (автотранспортные – 2 %).

Кроме того, существуют и сугубо «женские» виды преступлений, например, убийство своего новорожденного ребенка.

Совершение женщинами убийств новорожденных детей – это очень сложная и многогранная проблема, которая имеет множество причин и факторов.

По оценке министра здравоохранения и социального развития РФ Михаила Зурабова в России ежегодно делается 1,6 – 1,7 миллионов аборт. Россия на первом месте в мире по числу аборт: здесь, даже по официальной статистике, абортom заканчиваются 57 % всех беременностей [1, с. 148].

Одной из главных причин является социально-экономический контекст, в котором находится женщина. Например, некоторые женщины могут совершать убийства новорожденных, потому что не имеют достаточной поддержки со стороны семьи или общества, чтобы справиться с трудностями материнства.

Также у некоторых могут быть психологические проблемы, такие как послеродовая депрессия, тревожность, посттравматическое стрессовое расстройство или психические заболевания, которые могут привести к совершению убийств младенцев.

По данным МВД РФ, в 2020 году в России был зафиксирован 51 случай, когда матери расправлялись со своими новорожденными детьми, в 2021-м – 45. Однако если сравнивать Россию с другими странами, то гораздо более опасная ситуация по уровню детоубийств в странах Африки, Азии и Латинской Америки. Вооруженные конфликты, политическая нестабильность, сложная экономическая ситуация, насилие и отсутствие доступа к медицинской помощи приводят к увеличению числа детоубийств.

Кроме того, женщины нередко совершают преступления уже находясь в исправительных учреждениях, часто они имеют насильственный характер. Это может быть связано с различными факторами, такими как психические расстройства, проблемы с адаптацией в тюремной среде, конфликты

с другими заключенными и персоналом тюрьмы, а также необходимость защиты себя.

Среди наиболее распространенных насильственных преступлений, совершаемых женщинами в тюрьме, можно выделить побои, истязания, насилие на сексуальной почве, причинение вреда здоровью и убийства. Эти преступления часто имеют спонтанный характер и могут быть вызваны эмоциональным стрессом.

Кроме того, наблюдается рост преступлений корыстно-насильственной направленности, таких как грабеж, разбой и вымогательство. Эти преступления связаны с желанием получить деньги или другие ценности за счет других заключенных или персонала тюрьмы. Часто такие преступления совершаются в группах или бандах.

Отличие женской и мужской преступности связано с различиями в социальных, культурных и психологических факторах, влияющих на поведение мужчин и женщин.

Во-первых, женщины чаще совершают преступления, связанные с экономической выгодой, такие как мошенничество, кражи и т.д. Многим женщинам-преступникам присущ эгоцентризм, в связи с чем ценности других людей и общества в целом, кроме собственных, не имеют значения. Отсутствуют нравственные ориентиры. Мужчины, с другой стороны, чаще совершают преступления, связанные с физической силой и агрессией (убийства, грабежи, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, преступления, совершаемые с применением оружия и т.д.)

Во-вторых, мужчины обычно более склонны к риску и более агрессивны, чем женщины, что может приводить к совершению более опасных преступлений.

В-третьих, социальные и культурные факторы также играют важную роль в формировании женской и мужской преступности. Например, женщины могут становиться преступницами из-за экономической нестабильности, недостатка образования, насилия в отношении них и других социальных проблем. Мужчины могут быть подвержены влиянию культурной маскулинности, жестокими условиями труда, бедностью, проблемами с образованием и т.д.

Несмотря на эти различия, важно помнить, что преступление остается преступлением независимо от пола. Общество должно бороться с преступностью в целом, независимо от того, кто совершил преступление.

Для уменьшения количества преступлений среди женщин можно предпринять следующие меры:

– Образование и профессиональное обучение: предоставление доступа к высшему образованию и профессиональному обучению помогает женщинам получить квалификацию и навыки, что способствует их успешной карьере и финансовой независимости;

– Помощь в трудоустройстве после освобождения из мест лишения свободы;

– Экономическая поддержка: реализация программ экономической поддержки, особенно для женщин с низким доходом или в трудных жизненных обстоятельствах, может снизить экономическую мотивацию для совершения преступлений;

– Профилактические программы: разработка и реализация профилактических программ, направленных на поддержку женщин (например, тренинги для молодых мам);

– Поддержка для жертв насилия: наличие специализированных служб и учреждений для помощи жертвам насилия (психологическая поддержка и место для временного

пребывания поможет женщине уйти из места, где ее подвергают насилию);

– Гендерная политика: развитие и внедрение гендерного равноправия способствует борьбе с дискриминацией, что, в свою очередь, может уменьшить количество преступлений среди женщин;

– Образование и информирование: создание образовательных программ и информационных кампаний о правах и обязанностях женщин в обществе и в системе уголовной юстиции может способствовать повышению осведомленности и содействовать предотвращению преступлений;

– Сотрудничество: важно сотрудничество между правоохранительными органами, общественными организациями и гражданским обществом для разработки и реализации комплексных стратегий по предотвращению женской преступности.

Комбинирование этих мер и ресурсов может способствовать снижению уровня преступности среди женщин и созданию более справедливого и равноправного общества для всех его членов.

Пристатейный библиографический список

1. Вотинова А. С., Омигов В. И. Криминологическая характеристика женской преступности // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia Historica Jenium*. – 2011. – № 1 (7). – С. 147-153.
2. Противодействие преступности. Особенная часть / Рецензенты: доктор юридических наук, профессор А. В. Грошев; доктор юридических наук, профессор П. Н. Панченко. Том 2. – Чебоксары: без издательства, 2015. – 616 с.
3. Крымкин В. В. Женщина-преступница // *Мировой судья*. – 2008. – № 12. – С. 4-8.
4. Марлухина Е. О. Криминология: учебное пособие. – Москва: Дашков и К°, 2007. – 372 с.
5. Лавриненко А. А. Преступность «с женским лицом»: печальная статистика или закономерности развития? // *Общество и право*. – 2008. – № 3 (21). – С. 201-203.

НУРУТДИНОВ Ильнур Ильдусович

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, подполковник полиции

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

ВАЛЕЕВА Гульшат Шакуровна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ЩЕРБАКОВ Александр Владимирович

преподаватель кафедры огневой подготовки Воронежского института МВД России, капитан полиции

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРИЧИН ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В настоящей статье произведен анализ термина «девиантное поведение», приведены подходы различных авторов к классификации причин девиантного поведения у несовершеннолетних, а также особенности применения данного термина в отношении несовершеннолетних. В ходе анализа научной литературы авторы выделяют причины формирования девиантного поведения и предлагают пути совершенствования системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Авторы отмечают, что профилактика девиантного поведения в первую очередь должна осуществляться на докриминальном уровне девиантности, когда ребенок еще не является преступником, а его социальные отклонения проявляются на уровне мелких правонарушений.

Ключевые слова: девиантное поведение, преступность несовершеннолетних, профилактика преступности, отклоняющееся поведение, сотрудник полиции.

NURUTDINOV Ilnur Ildusovich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor, senior lecturer of Criminal law sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

VALEEVA Gulshat Shakurovna

lecturer of Vocational training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

SHCHERBAKOV Alexander Vladimirovich

lecturer of Fire Training sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, captain of police

DEVIAANT BEHAVIOR OF MINORS: CLASSIFICATION, CAUSES

This article analyzes the term “deviant behavior”, presents the approaches of various authors to classify the causes of deviant behavior in minors, as well as the features of the use of this term in relation to minors. During the analysis of scientific literature, the authors identify the causes of the formation of deviant behavior and suggest ways to improve the system of prevention of deviant behavior of minors. The authors note that the prevention of deviant behavior should primarily be carried out at the pre-criminal level of deviance, when the child is not yet a criminal, and his social deviations manifest themselves at the level of minor offenses.

Keywords: deviant behavior, juvenile delinquency, crime prevention, deviant behavior, police officer.

Впервые термин «девиантное поведение» ввел в научный оборот Э. Дюркгейм – создатель теории аномии (состояния разрушенности общества, выражающегося в правовом нигилизме и инфантилизме). В дальнейшем данный термин использовался в трудах таких авторов, как А. Адлер, Е. А. Байер, Э. А. Ферри, Е. В. Змановская, В. П. Кащенко, Ю. А. Клейберг и др.

Несмотря на большой интерес среди авторов к проблеме девиантного поведения, на сегодняшний день нет единого понимания данного термина. В настоящем исследовании авторы отталкиваются от определения, предложенного О. В. Бессчетновой, согласно которому «девиантное поведение — это поведение, отклоняющееся от общепринятых, наиболее распространенных и устоявшихся норм в определённых сообществах в определённый период их развития» [1].

Под деятельностью по профилактике девиантного поведения в настоящем исследовании понимается система общих и специальных мероприятий на различных уровнях социальной организации: общегосударственном, правовом,

общественном, экономическом, медико-санитарном, педагогическом, социально-психологическом [2].

В статье 1 Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года, ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. В Уголовном кодексе Российской Федерации содержится иной подход к определению «несовершеннолетний» согласно которому, несовершеннолетним признается лицо, достигшее на момент совершения преступления возраста 14 лет.

По мнению ряда авторов термин «девиантное поведение» не может применяться к детям младше 9 лет [5], однако, практика работы Центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД показывает, что в Центр поступают дети от 7 лет. Что соответствует положениям ст. 2.2 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила).

Произведя анализ научной литературы, нормативно-правовых актов, а так же практики субъектов профилактики преступности несовершеннолетних, в рамках настоящего исследования в качестве основного определения категории «несовершеннолетний» мы опираемся на положения Минимальных стандартных правил ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, принятых 29 ноября 1985 г. согласно которым термин девиантное поведение применим к детям в возрасте от 7 лет.

Рассмотрев терминологический аппарат исследования, приступим к описанию классификаций девиантного поведения несовершеннолетних.

В 1981 г. В. В. Ковалев предложил типологизировать девиантное поведение в зависимости от формы отклонения, в результате чего автор выделил три типа девиаций: социально-психологические, клинично-психопатологические и личностно-динамические. В. Н. Иванов, в свою очередь, предлагает классифицировать девиантное поведение в зависимости от степени опасности для человека и общества. Автор выделяет два уровня девиации: докриминогенный и криминогенный.

В отличие от вышеупомянутых исследователей, которые классифицировали только негативные девиации, отечественный социолог Ю. А. Клейберг определяет три основных типа отклонений: позитивные, негативные и социально-нейтральные. Аналогичного мнения придерживается и А. В. Кочеров [3].

Основываясь на концепции вышеупомянутых авторов, можно сделать вывод, о том, что к отклоняющемуся поведению относятся не только отклонения, наносящие вред обществу и индивиду, но и так же любые другие поведенческие проявления индивида, которые отличаются от устоявшихся норм.

Наиболее подробную классификацию девиантного поведения предложила Н. В. Майсак, которая в основу классификации положила поведенческие проявления индивидов и представила их в виде «матрицы социальных девиаций». Критериями матрицы стали характер направленности и степень одобряемости обществом девиантных проявлений [4].

Для классификации видов девиантного поведения, в первую очередь необходимо определиться с тем, какие нормы нарушаются таким противоправным поведением. Условием классификации девиантного поведения могут быть причины совершения противоправных деяний. В этой связи выделяются следующие причины формирования девиантного поведения у несовершеннолетних:

1. Биологические причины заключаются в наличии у несовершеннолетнего физиологических или анатомических особенностей организма, являющиеся препятствием для его социальной адаптации. Как правило подобные нежелательные особенности передаются по наследству. Примерами подобных несовершенств является отставание в умственном развитии, различные физические дефекты восприятия (слуха, нарушения нервной системы, дефекты речи, непривлекательность внешности и т.п.)

2. Экономические и социальные причины включают кризис семьи, достигнутый в результате безработицы, отсутствия возможности получения достойного заработка легальным путем, социальное неравенство возникающее как следствие нестабильности российского общества, усилившуюся в условиях экономического кризиса.

3. Морально-этические причины проявляются, в отсутствии должного отношения общества к совершению преступлений несовершеннолетними делинквентами, нейтральное отношение к противоправным деяниям и отсутствием морально-нравственных принципов у ряда отдельных индивидов, разрушении ценностей, падении нравов. Пропаганда в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационных сетях правового нигилизма и правового инфантилизма.

4. Социально-педагогические причины. Ведущую роль в формировании поведения несовершеннолетнего занимает семья, школа и неформальные группы сверстников. Если окружение несовершеннолетнего будет антисоциальное и девиантное, то и на правосознании несовершеннолетнего оно скажется.

5. Возрастные кризисы идентичности, социально-психологические причины формирования девиантного поведения.

При рассмотрении причин формирования девиантного поведения у подростков необходимо особое внимание уделить акцентуациям характера как крайним вариантам проявления нормы. Речь идет о негативных чертах характера, которые преобладают чрезмерно. Группу повышенного риска, как правило, составляют именно такие дети. Помимо мер воспитательного характера, к таким детям необходимо применять меры социально-медицинской реабилитации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что к психологическим и социальным причинам формирования устойчивого противоправного поведения, относятся:

– невозможность несовершеннолетнего достичь необходимых целей легальным путем;

– отсутствие навыков межличностных коммуникации, либо их нарушение;

– несоциализированность, что выражается в остром восприятии социальных ограничений;

– вовлечение взрослыми в преступную среду несовершеннолетнего, где несовершеннолетний подражает негативному примеру взрослого, участие в противоправных действиях со сверстниками, демонстрирующими пренебрежение к обществу и закону.

– проблемы воспитания, в частности отчуждение родителей от ребенка, пример аморального поведения в лице родителя, конфликтные отношения в семье и между родителями, маргинальное поведение родителей, отсутствие здорового морального климата в семье, низкий культурный уровень родителей; неполная семья, отсутствие внимания и должного контроля со стороны родителей и прочее.

При этом профилактика девиантного поведения должна осуществляться в первую очередь на докриминольном уровне девиантности, когда ребенок еще не является преступником, а его социальные отклонения проявляются на уровне мелких правонарушений, прогулов занятий в школе, несоблюдении норм морали, употреблении алкоголя, либо иных веществ, негативно влияющих на здоровье, нарушение правил поведения в общественных местах и др.

Пристатейный библиографический список

- Бессчетнова О. В. Формирование безопасного поведения у студентов к действиям в опасных ситуациях // Безопасность жизнедеятельности: наука, образование, практика: матер. VI Межрегиональной науч.-практич. конф. с междунар. участием, 28 ноября 2015 г., г. Южно-Сахалинск: сб. науч. ст. / Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Сахалинский гос. ун-т»; ред. кол.: И. Г. Минервин, В. В. Моисеев; сост.: С. В. Абрамова, Е. Н. Бояров. - Южно-Сахалинск: СахГУ, 2016. - С. 29-30.
- Желнин Э. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник науки. - 2021. - № 8 (41). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-deviantnogo-povedeniya-nesovershennoletnih> (дата обращения: 07.10.2023).
- Кочеров А. В. Девиантное поведение как психологический феномен // Вестник науки. - 2020. - № 2 (23). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/deviantnoe-povedenie-kak-psihologicheskij-fenomen-1> (дата обращения: 07.10.2023).
- Майсак Н. В. Проблема систематизации девиантного поведения // Астраханский медицинский журнал. - 2011. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sistematisatsii-deviantnogo-povedeniya> (дата обращения: 15.01.2024).
- Типунова А. А. Понятие «несовершеннолетний» в уголовном праве России // Мировая наука. - 2018. - № 6 (15). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-nesovershennoletniy-v-ugolovnom-prave-rossii> (дата обращения: 25.10.2023).

СТУПИНА Светлана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России, г. Железнодорожск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИНФОРМАЦИОННОГО ФОНА СОЦИУМА (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

В статье проведен анализ некоторых показателей состояния как всей преступности в России, так и, в частности, преступности в сфере незаконного оборота наркотиков. Исследованы отдельные данные, полученные о состоянии наркоситуации в Красноярском крае по результатам социологического опроса в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации. Рассмотрены составляющие наркобезопасности социума в регионе, связанные с информационной средой. По итогам сформулирован вывод о повышении эффективности профилактических мероприятий антинаркотической направленности информационного характера.

Ключевые слова: преступность, незаконный оборот наркотиков, наркоситуация, наркобезопасность, мониторинг, информационная безопасность.

Ступина С. А.

STUPINA Svetlana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty of the Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SOME ISSUES OF DRUG SAFETY THROUGH THE PRISM OF THE INFORMATION BACKGROUND OF SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE KRASNOYARSK TERRITORY)

The article analyzes some indicators of the state of both the entire crime in Russia and, in particular, crime in the field of drug trafficking. The individual data obtained on the state of the drug situation in the Krasnoyarsk Territory based on the results of a sociological survey as part of the annual monitoring of the drug situation are studied. The components of drug safety of society in the region related to the information environment are considered. As a result, a conclusion was formulated on increasing the effectiveness of preventive measures of an anti-drug orientation of an informational nature.

Keywords: crime, drug trafficking, drug situation, drug safety, monitoring, information security.

Говоря об информационном фоне социума и наркобезопасности полагаем обоснованным привести данные о состоянии преступности как в целом в России, так и, в частности, в Красноярском крае, которые размещены в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и оценены нами, как весьма достоверные, поскольку апеллируют к официальным данным государственных органов РФ.

Указанное позволит дать наиболее яркий анализ современного информационного фона как в части освещения состояния и уровня преступности, так мер по ее профилактике и борьбе с ней.

По итогам 2023 г. количественные показатели преступности в Российской Федерации характеризуются тем, что зарегистрировано 133,0 преступления на 10 тыс. жителей, что на 1 % меньше, чем в предыдущем 2022 г.¹

Вместе с тем, на 9,7 % выросло количество тяжких и особо тяжких преступлений и составило в 2023 г. 40,2. на 10 тыс. жителей.

Красноярский край находится на 65 месте – в регионе субъектов РФ по уровню преступности. В Красноярском крае

по сравнению с 2022 годом уровень преступности вырос почти на 10 % (+ 4,5 тысячи). При этом в Красноярске зарегистрировано 25412 преступлений (+ 16,4 %), 176,0 преступления на 10 тыс. жителей, что на 9,9 % больше, чем в 2022 г.

Обращает на себя пристальное внимание тот факт, что в Красноярском крае в 2023 г. на 16,8 % выросло количество тяжких и особо тяжких преступлений и составило в 2023 г. 49,6 на 10 тыс. жителей края.

В целом, рейтинг субъектов РФ, в которых по итогам 2023 г. выросло количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений, следующий.

1. Ямало-Ненецкий автономный округ – 38,4 % (59,0 на 10 тыс.).
2. Калининградская область – 36 % (29,1 на 10 тыс.).
3. Тульская область – 29,4 % (37,1 на 10 тыс.).
4. Белгородская область – 29,3 % (37,1 на 10 тыс.).
5. Республика Марий Эл – 25,6 % (38,9 на 10 тыс.).
6. Псковская область – 23 % (49,2 на 10 тыс.).
7. Брянская область – 19,2 % (31,4 на 10 тыс.).
8. Костромская область – 18,1 (49,5 на 10 тыс.).
9. Липецкая область – 17,7 % (35,4 на 10 тыс.).
10. Красноярский край – 16,8 % (49,6 на 10 тыс.).

Из представленного следует, что в Красноярском крае по итогам 2023 г. выросли как количественные, так и качественные показатели преступности. Край входит в десятку субъектов РФ, в которых отмечен рост тяжких и особо тяжких преступлений, среди которых Красноярский край на 2 месте

¹ Исследование подготовлено экспертами Центра экономических исследований «РИА Рейтинг» медиагруппы «Россия сегодня» по данным МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20240122/prestupnost-1922027026.html?in=t> (дата обращения: 22.01.2024).

после Ямало-Ненецкого автономного округа (59,0 на 10 тыс.) по удельному весу таких преступлений.

Прирост тяжких и особо тяжких преступлений в Красноярском крае по итогам 2023 г. обусловлен и ростом выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества².

В рамках межведомственного взаимодействия в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств продолжена активная работа по выявлению преступлений в сфере оборота наркотических средств, выявлено 4131 преступление, из незаконного оборота изъято свыше 500 кг наркотических веществ³.

По данным на 6 декабря 2023 г. в Красноярском крае сотрудники полиции изъяли более 420 кг запрещённых веществ и выявили 3519 наркопреступлений, из которых около 80 % – тяжкие и особо тяжкие.

Отметим, что в соответствии с данными о состоянии преступности в январе-ноябре 2023 г [1] в РФ выявлено 179,8 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,6 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом сотрудниками органов внутренних дел выявлено 174,9 тыс. преступлений (+8,6 %). По сравнению с январем – ноябрем 2022 года на 15,2 % возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Также увеличился их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с 62,2 % в январе – ноябре 2022 года до 66,0 %.

Кроме этого, в январе - ноябре 2023 года в России зарегистрировано 2121 преступление террористического характера (+0,6 %), из общего числа которых 902 (+15,8 %) преступления совершены в 2023 году, в том числе: пресечено на стадии приготовления и покушения – 173 (+61,7 %).

Отметим, по данным МВД, Красноярский край занимает 12 место в России и второе по Сибирскому федеральному округу по числу зарегистрированных наркопреступлений на данный момент.

По данным ГУ МВД Красноярского края, за 2023 год было расследовано 1727 наркопреступлений, задержано 1585 лиц причастных к незаконному обороту наркотиков. Сотрудники полиции перекрыли 9 каналов поступления запрещённых веществ в край, в том числе из Москвы, Челябинска, Новосибирска и Тувы⁴.

В современных реалиях существования российского общества, определяемых трансформацией всех его составляющих институтов и возникновением новых идеологем развития, что напрямую связано с проведением Россией специальной военной операции, как никогда актуализировались те направления предупреждения, противодействия и борьбы

с преступность, которые напрямую связаны с обеспечением национальной безопасности.

Со стороны недружественных государств, из структур, органов и их представителей усилилось негативное воздействие на российское общество с целью его подрыва изнутри.

Одним из таких средств является незаконный оборот наркотиков.

Распространение использования в немедицинских целях наркотических средств и психотропных веществ выступает платформой для последующих противоправных действий по раскачиванию отдельных слоев общества, особенно молодежи, ее политизации в антироссийском ракурсе, а также использовании для совершения экстремистских, а также наиболее радикальных – террористических преступлений. При этом лиц, включенных в незаконный оборот наркотиков также в последующем привлекают и к непосредственному совершению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Основанием для всестороннего понимания процесса наркотизации в России, выступает ежегодно проводимый мониторинг наркоситуации по утвержденной протоколом заседания Государственного антинаркотического комитета от 26.06.2021 г. № 48 (ред. от 26.12.2022) Методике и порядком осуществления мониторинга, а также критериям оценки развития наркоситуации в Российской Федерации и ее субъектах в соответствии с требованиями Положения о государственной системе мониторинга наркоситуации в Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 20.06.2011 № 485.

Достоверность полученных результатов определяется использованием такого эффективного инструмента, как проведение в рамках ежегодного мониторинга социологического исследования по репрезентативной выборке, целью которого является выявление уровня наркотизации общества и отношения населения к проблемам наркомании [2].

Рассмотрим отдельные показатели наркоситуации по результатам социологического исследования, проведенного в Красноярском крае в 2023 г. в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации, которые могут быть полезными для разработки профилактических мероприятий антинаркотической направленности в регионе, который второй по площади субъект Российской Федерации, занимает 2366,8 тыс. кв. км (или 13, 86 % территории страны).

Акцентируем внимание на тех показателях, которые важны именно в свете обеспечения наркобезопасности социума.

При опросе 2023 г. несколько увеличилась потенциальная опасность и возможность кооптации наркораспространителями новых наркопотребителей. Данный факт может оказывать существенное влияние на ухудшение наркобезопасности. Почти каждому пятому респонденту (23,3 %, по итогам опроса в 2022 г. положительно ответивших на вопрос о предложении пробы наркотиков было 22,6 %, а в 2013 г. – 20,8 %) поступало предложение попробовать наркотики.

Таким образом, за десять лет на 2,5 % увеличилось количество лиц среди опрошенных, кому поступают предложения употребления в немедицинских целях наркотиков.

К этому следует учесть и процент опрошенных, которые уклонились от ответа на данный вопрос (2,2 %, в 2013 г – 3,1 % [3]), поскольку, как показывают исследования прошлых лет, данную категорию респондентов составляют и те, кто опасается за результаты своих ответов, и при этом имеют опыт употребления наркотиков. Соответственно, можно даже го-

2 В Красноярском крае уровень преступности вырос на 10 %. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: WWW.KRSK.KP.RU: <https://www.krsk.kp.ru/online/news/5636912/> (дата обращения: 22.01.2024).

3 О состоянии преступности в крае в 2023 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/mass-media/news?item=92710175 (дата обращения: 22.01.2024).

4 За 2023 год полицейские изъяли более 420 кг наркотиков в Красноярском крае. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://krsk.aif.ru/society/za_2023_god_policeyskie_izyali_bolee_420_kg_narkotikov_v_krasnoyarskom_krae (дата обращения: 22.01.2024).

ворить о том, что четверть респондентов так или иначе была включена в сферу деятельности наркораспространителей [4].

Среди всех опрошенных в Красноярском крае в рамках ежегодного мониторинга наркоситуации 69,3 % считают, что наркомания является серьезнейшей проблемой в РФ. При этом такое мнение у так считающих респондентов сформировалось на основе сведений из средств массовой информации, в том числе и из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Особенно подвержены такому восприятию информации из СМИ женщины.

Особое внимание следует уделить положительным ответам респондентов о том, что проблема наркомании как наиболее серьезная в РФ воспринимается ими, исходя из личного опыта (5,4 %) и из опыта друзей и знакомых (25,5 %).

Последние данные могут свидетельствовать, что почти каждый третий из респондентов лично знает наркопотребителей, либо знаком с кругом близких и друзей таких лиц.

С использованием матрицы смежности и алгоритмов поиска в глубину или поиска в ширину, мы можем попытаться вычислить действительное количество лиц, имеющих опыт потребления наркотиков в немедицинских целях, в группе размером N.

Обращаясь к ответам респондентов о распространённости проблемы наркомании именно в Красноярском крае, отметим, что в 2023 г. 21,5 % ответили, что она широко распространена, 38,4 % – распространена, но не больше, чем везде, 2,4 % – совсем не распространена, а 24,6 % опрошенных затруднились с ответом на этот вопрос.

Десять лет назад в 2013 г. респондентов, считающих, что в крае наркомания очень распространена было 22,5 %, уверенных в том, что проблема есть, но не более, чем везде – 57,3 %, думающих, что наркомании в регионе не распространена – 4,1 %, затруднившихся с ответом – 16,2 % [3].

Соответственно видно, что за прошедшее десятилетие почти в два раза снизилось количество лиц, игнорирующих проблему наркомании, как имеющую распространение в Красноярском крае, и увеличилось количество респондентов, которые не могут объективно оценить рассматриваемую проблематику.

Приведенные данные могут быть полезны в контексте того, что проблеме наркомании и наркобезопасности следует уделять пристальное внимание в регионе, особенно с учетом роста выявляемых такого рода тяжких и особо тяжких преступлений, а также в целом роста удельного веса тяжких преступлений в структуре преступности в Красноярском крае в 2023.

Вместе с тем, необходим тщательный контент-анализ информации в СМИ и сети Интернет по освещению проблемы немедицинского потребления наркотиков, а также опасности указанного.

В наше время информационного прогресса и развития технологий, широкое и постоянное освещение информации стало неотъемлемой частью нашей жизни. Однако, как и все, даже такое полезное и важное явление имеет свои негативные стороны.

Со способностью быстро и легко получать информацию приходит и угроза ее избытка. В поисках новостей и знаний люди нередко забывают о том, что внимание ограничено. Это может привести к поверхностному восприятию информации и неправильной ее оценки.

Кроме того, большое количество недостоверной либо неграмотной информации способны исказить реальность и нарушить ее критическое осмысление.

При освещении информации в рамках обеспечения наркобезопасности социума наиболее оптимальным является поиск баланса между широким и постоянным освещением информации и ее умалчиванием. Следует помнить о важности достоверности и проверяемости информации перед ее передачей или использованием.

Пристатейный библиографический список

1. Состояние преступности в России за январь-ноябрь 2023 г. / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» Министерства внутренних дел Российской Федерации, - М., 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/42989123/> (дата обращения: 22.01.2024).
2. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае / В. Е. Шинкевич, Е. Н. Бен, Н. В. Маслодудова [и др.]. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – 208 с.
3. Невирко Д. Д. Особенности наркоситуации в субъектах Сибирского федерального округа и основные направления антинаркотической профилактической деятельности в современных условиях (по результатам социологических исследований) / Д. Д. Невирко, П. В. Тепляшин, С. А. Ступина // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2014. – № 4 (17). – С. 96-105.
4. Состояние наркоситуации в Красноярском крае по результатам социологических исследований в формате ежегодного мониторинга в 2022 году / Шинкевич В. Е., Бен Е. Н., Молоков В. В., Мамай Е. А., Калининченко Я. Н., Ступина С. А. Отчет о НИР. Министерство внутренних дел РФ. 2023.

ТАИЛОВА Айша Габиповна

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

АБДУЛСАМЕДОВ Абдулахад Тажетдинович

магистрант 2 курса Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

УБИЙСТВО ПО НАЙМУ: ПРИЧИНЫ, МОТИВЫ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ

Наёмные убийства представляют серьезную угрозу для общественной безопасности и правопорядка. Они являются одним из наиболее жестоких и недемократичных проявлений насилия в обществе. В данной научной статье исследуется криминологическая составляющая и практика предупреждения наёмных убийств. Авторы анализируют основные подходы и методы, используемые правоохранительными органами и специализированными службами для предотвращения и пресечения таких преступлений. Наёмные убийства в России имеют свою специфику. Заказчики наёмных убийств часто используют двойных агентов, чтобы сокрыть свою причастность к преступлению, исполнители наёмных убийств обычно находятся в тени и трудно выявляются правоохранительными органами.

Исследование показало, что существует несколько основных причин, по которым наёмные убийства имеют распространение на территории России. Влияние поведения жертвы наёмного убийства на само преступление и его дальнейшие последствия является весьма существенным. Для более эффективной борьбы с наёмным убийством необходимо развивать сотрудничество с негосударственными организациями, осуществляющими работу по предупреждению насилия и преступности.

Ключевые слова: наёмные убийства, мотивация, причины, жертва, поведение, предупреждение, сотрудничество.

TAILOVA Aisha Gabibovna

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

ABDULSAMEDOV Abdulakhad Tazhitdinovich

magister student of the 2nd course of the North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MURDER FOR HIRE: CAUSES, MOTIVES AND MAIN DIRECTIONS FOR PREVENTION

Hired murders pose a serious threat to public safety and law and order. They are one of the most brutal and undemocratic manifestations of violence in society. This scientific article examines the criminological component and practice of preventing hired murders. The authors analyze the main approaches and methods used by law enforcement agencies and specialized services to prevent and suppress such crimes. Hired murders in Russia have their own specifics. Those who order murders for hire often use double agents to hide their involvement in the crime; the perpetrators of hired murders are usually in the shadows and difficult to identify by law enforcement agencies.

The study showed that there are several main reasons why contract killings are widespread in Russia. The influence of the behavior of the murder victim on the crime itself and its further consequences is very significant. To more effectively combat assassination, it is necessary to develop cooperation with non-governmental organizations working to prevent violence and crime.

Keywords: hired murders, motivation, reasons, victim, behavior, prevention, cooperation.

Убийств, совершенных по найму, можно вывести в ряд основных угроз национальной безопасности и нарушающих основное конституционное право человека на жизнь в РФ. Современное состояние наёмных убийств является проблемой не только для России, но и для многих других стран. Наёмные убийства в России имеют свою историю и особенности, которые стало необходимо изучать и анализировать с целью разработки соответствующих мер по их предупреждению и пресечению.

В современной России наёмные убийства являются одним из самых распространенных и жестоких видов преступлений. Наиболее часто их заказывают люди, связанные с криминальными структурами, бандитскими группировками или политическими амбициями. Однако иногда среди за-

казчиков наёмных убийств можно найти и обычных граждан, пытающихся решить свои проблемы путем насилия.

Наёмные убийства в России имеют свою специфику. Чаще всего они осуществляются с использованием огнестрельного оружия, что делает их особенно опасными. Кроме того, заказчики наёмных убийств часто используют двойных агентов, чтобы сокрыть свою причастность к преступлению. Исполнители наёмных убийств обычно находятся в тени и трудно выявляются правоохранительными органами.

В 2019 году Национальное международное исследовательское бюро по изучению преступности (NIRB) провело исследование, в котором было оценено, что в России ежегодно совершается около 2000–3000 заказных убийств.

Таилова А. Г.

Абдулсамедов А. Т.

В число громких дел 2023 года вошли: заказное убийство украинского депутата Ильи Кивы, расправа над военкором Владленом Татарским, убийство сына рок-музыканта Стаса Намина и двух россиянок в Турции.

Согласно последним доступным данным, в 2020 году было совершено около 650 заказных убийств в России. Это число отражает достаточно печальную статистику [1].

Существует несколько основных причин, по которым наемные убийства так распространены в России. Во-первых, коррупция в правоохранительных органах, судебной системе и политической среде создают благоприятную среду для таких преступлений. Заказчики и исполнители наемных убийств могут легко оказаться ненаказуемыми, если у них достаточно ресурсов для подкупа необходимых лиц.

Во-вторых, непризнание права и неполноценность судебной системы также способствуют росту наемных убийств. Часто заказчики и исполнители этих преступлений уверены, что им ничего не будет, ибо они рассчитывают на то, что дело будет замято или судебное разбирательство будет проходить долго и тяжело.

Наконец, низкий уровень жизни и социальная несправедливость в стране играют свою роль в распространении наемных убийств. Люди, не имеющие возможности разрешить свои проблемы законным путем, обращаются к насилию, что становится для них выходом из ситуации.

Убийство по найму (убийство, за которое кто-то платит другому лицу, чтобы убить третью сторону) является одной из наиболее жестоких и коварных форм преступления, связанного с потерей человеческой жизни. Основная цель такого убийства - устранить конкретного человека или группу людей, обычно по заказу заказчика. Причины для найма убийцы могут быть различными, включая возмездие, оборону интересов, реванш, ревность или даже политические мотивы.

Такие убийства обычно планируются и проводятся в тайне, чтобы убийство выглядело как случайность или как преступление, не связанное с заказчиком. Наемные убийцы используют различные методы для совершения убийства, включая оружие, отравление, физическую силу или даже дорожно-транспортные средства. Заказчики обычно очень осторожны и предпринимают меры для сохранения анонимности. Они могут использовать посредников или связь через различные анонимные каналы связи, чтобы не оставлять следов и минимизировать риск пойманному выдать информацию о заказчике.

Убийство по найму является серьезным преступлением и считается одним из наиболее тяжких видов убийств. Законодательство большинства стран предусматривает строгие наказания для таких преступлений, включая пожизненное лишение свободы или смертную казнь в некоторых юрисдикциях. Такие преступления также противоречат базовым принципам права и нормам общества, которые признают право каждого человека на жизнь и осуждают насилие. Кроме того, такие убийства часто порождают цепную реакцию насилия и приводят к дальнейшим потерям жизни и страданиям.

Анализ полученных данных о лицах, совершающих наёмное убийство свидетельствует, что наблюдается значительная дифференциация в социально-демографической характеристике указанных групп и сходство в нравственно-психологической их характеристике. Личность наёмного убийцы может быть крайне сложной и многогранной, так как она зависит от множества факторов, таких как мотивация, опыт, образ жизни и внутренние убеждения.

Во-первых, наёмный убийца обычно имеет высокий уровень профессионализма и навыки в области убийств. Они могут обладать военным опытом или проходить специальную подготовку, чтобы стать эффективными и незаметными в своих операциях. Они знают, как использовать различное оружие и располагают навыками наблюдения и скрытности, чтобы избежать обнаружения.

Во-вторых, мотивация наёмного убийцы может быть разной. Некоторые могут работать исключительно ради финансовой выгоды, другие могут быть идеологически или политически мотивированными, а некоторые могут просто наслаждаться процессом причинения вреда другим.

Третий аспект - это образ жизни. Наёмные убийцы могут жить изолированной и независимой жизнью, чтобы из-

бегать привлечения внимания к своей деятельности. Они могут менять свою личность, использовать псевдонимы и жить под прикрытием, чтобы оставаться незаметными. Наконец, внутренние убеждения могут определять личность наёмного убийцы. Некоторые могут испытывать чувство мести или ненависти, другие могут верить в право самозащиты или выполнения «справедливой» кары. Однако важно отметить, что это общие характеристики и каждый наёмный убийца может иметь свои собственные особенности и мотивы.

Наёмные убийства часто вызывают огромное общественное негодование и требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов. Однако, зачастую задумываемые и осуществляемые наёмные убийства не имеют понятной и очевидной мотивации. Проведённое нами исследование позволило выявить ряд характерных мотивов для данного преступного посяательства.

Финансовая мотивация: одна из наиболее распространенных причин наёмных убийств - это деньги. Соколова С. А. считает, что несмотря на то, что признак наличия вознаграждения может быть тесно связан с признаком «корыстные побуждения» [2, с. 89].

Тенигилова В. В. же, напротив, считает, что корыстные мотивы совершения убийства предполагают стремление к противоправному завладению имуществом или иными ценностями, находившимися во владении потерпевшего, либо желание лица получить материальную выгоду от совершения преступления иным путем [3, с. 135-142].

Исполнители вознаграждаются за свои услуги деньгами, а заказчики рассчитывают получить выгоду от устранения определенного человека. Такие заказы могут осуществляться по причине внутренних корпоративных конфликтов, бизнес-соперничества или просто из мести.

Мсть и личные обиды: часто наемные убийства осуществляются по причине личных обид, мести или желания отомстить. Заказчик может нанять убийцу, чтобы устранить того, кто вызывает негативные эмоции или причинил ему личную боль.

Политические мотивы: в некоторых случаях наемные убийства могут быть политически мотивированы. Политические лидеры или их оппоненты могут заказывать убийства для подавления оппозиции, защиты своей власти или устранения конкурентов в политической арене.

Эмоциональная мотивация: иногда преступники могут совершать наемные убийства под влиянием сильных эмоциональных переживаний. Желание наказать или уничтожить человека, оказавшегося причиной их страданий или потерь, может стать причиной заказа на убийство.

Таким образом наёмные убийства имеют множество преступных мотиваций, от финансовой выгоды до эмоционального удовлетворения. Различные обстоятельства и причины побуждают людей заказывать эти преступления или становиться их исполнителями. Эффективная борьба с наёмными убийствами требует не только работы правоохранительных органов, но и анализа и предотвращения преступной мотивации. Необходимо исследовать мотивы заказчика и исполнителя. Мотивы могут быть разнообразными, включая мсть, деньги, политические или деловые интересы и т.д. Анализ мотивов может помочь выявить глубинные причины совершения наёмного убийства.

В рамках криминологического исследования представляется необходимым проанализировать и жертв «заказных убийств». Жертвы наёмных убийств – это люди, которые становятся целью нанятых убийц, в силу сложившейся виктимогенной ситуации Их характеристики могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и целей убийц, однако обычно они имеют некоторые общие черты:

Жертвы наёмных убийств могут быть как мужчинами, так и женщинами, но, как правило, большинство из них – мужчины. Это связано с традиционными ролями гендера, которые включают в себя вовлечение мужчин в государственную, общественную и предпринимательскую деятельность. Жертвы наёмных убийств часто имеют какую-то связь с миром преступности или опасными сообществами. Например, они могут быть связаны с организованной преступностью, наркотическими сетями или политическими группировками.

Некоторые жертвы наёмных убийств являются свидетелями или возможными очевидцами преступлений и могут

быть убиты с целью заставить их замолчать или предотвратить дачу ими показаний в суде.

Иногда жертвы наёмных убийств изначально виктимны, например, если они владеют ценными активами или информацией, которая может привести к финансовым потерям или угрозе для наёмного убийцы или его клиента. Некоторые жертвы наёмных убийств могут быть выбраны по политическим или идеологическим причинам, особенно если они являются активистами общественных движений или представляют угрозу для определенных групп, а иногда лицо может стать жертвой наёмного убийцы ввиду того, что он создаёт какие-либо препятствия, например получение наследства, вступления в брак и т.д. Однако следует отметить, что каждый случай наёмного убийства уникален, и жертвы могут иметь множество различных характеристик в зависимости от контекста и мотивации убийц.

Наёмное убийство – одно из самых опасных преступлений, которое поражает общество своей жестокостью и безнаказанностью. Однако, влияние поведения жертвы на данное преступление является весьма значимым и может влиять на результат и последствия совершенного убийства. Учитывая психологический аспект влияния поведения жертвы на совершение наёмного убийства, следует обратить внимание на то, что жертва, проявляющая уверенность и силу, может отражать агрессию убийцы и препятствовать совершению преступления. Жертва, проявляющая страх и уязвимость, может создавать благоприятную ситуацию для совершения наёмного убийства.

Влияние поведения жертвы наёмного убийства на само преступление и его дальнейшие последствия является весьма существенным. Психологический, правовой и социальный аспекты играют важную роль в расследовании, предотвращении и наказании наёмных убийств. Поэтому необходимо уделять внимание и изучать данные аспекты для более эффективной борьбы с этим преступлением.

Свидетельства жертвы, оставшейся в живых, могут иметь решающее значение для расследования и выявления виновных лиц, будет содействовать предотвращению причинению вреда жизни и здоровью других людей, может помочь выявить подлинных преступников и их мотивы.

Необходимо так же учитывать, что должная реакция со стороны общества на преступление может способствовать скорому раскрытию и наказанию виновных. Отсутствие реакции со стороны общества может привести к безнаказанности и росту количества наёмных убийств.

Существует множество факторов, которые могут быть причиной совершения наёмных убийств. Некоторые из них включают: Финансовая мотивация: наёмные убийцы могут совершать преступления для получения денежной выплаты. Они могут быть наняты наемниками, чтобы устранить определенного человека, который стоит на пути к деньгам или власти. Месть или личные отношения: наемные убийцы могут быть использованы для отомщения или устранения человека, с которым у нанятого есть личная ссора или нерешенные конфликты. Политические или идеологические мотивы: наемные убийцы могут быть наняты для устранения политических противников или для продвижения определенной идеологии.

Преступные группировки могут нанимать наемных убийц, чтобы устранить конкурентов в подпольных деятельности, таких как торговля наркотиками или торговля людьми и оружием. Наемные убийцы могут использоваться террористическими организациями или правительственными агентствами для достижения политических целей или выполнения военных операций.

Таким образом, можно отметить, что причины, по которым наблюдается распространение наемных убийств, могут быть различными и варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств.

Анализ криминогенной ситуации при совершении наёмного убийства имеет важное значение для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Они могут включать в себя сбор информации, проведение доследственных проверок, следственные действия, прослушивание телефонных разговоров и т.д. Оперативно-розыскные мероприятия могут помочь выявить участников преступления.

Анализ криминогенной ситуации при совершении наёмного убийства позволяет судебным органам выявить причины и мотивы совершения убийства.

Для предотвращения и пресечения наёмного убийства существуют несколько основных направлений деятельности.

Одним из главных направлений по предупреждению наёмного убийства является образование и просвещение общества. Необходимо поднимать общественное сознание о вреде наёмного убийства и последствиях, которые оно несет. Проводить информационные кампании, конференции и семинары, направленные на освещение проблемы наёмного убийства и методов борьбы с ним, учитывая такого рода фактор, что террористические организации очень часто используют наёмных убийств.

Для эффективной борьбы с наёмным убийством необходимо установление тесного сотрудничества между правоохранительными органами разных стран. Наёмные убийцы могут скрываться за границей, поэтому важно обмениваться информацией и координировать действия в рамках международного сотрудничества.

Для эффективного пресечения наёмного убийства необходимо создание специализированных служб, которые будут заниматься профилактикой и расследованием таких преступлений. Эти службы должны быть оснащены не только высококвалифицированными сотрудниками, но и необходимым оборудованием для сбора и анализа информации.

Для предотвращения наёмного убийства необходимо более строго контролировать оборот оружия. Облегченный доступ к огнестрельному оружию способствует увеличению числа преступлений, включая наёмные убийства. Поэтому международному сообществу следует регулировать процесс получения и хранения огнестрельного оружия, а также ужесточать наказания за незаконное обращение с ним.

Для более эффективной борьбы с наёмным убийством необходимо развивать сотрудничество с негосударственными организациями, осуществляющими работу по предупреждению насилия и преступности. Они могут предоставлять помощь в реабилитации жертв и предоставлении им места, где они могут находиться в безопасности.

Таким образом, проведённое нами исследование выявило, что предупреждение наёмных убийств основывается на нескольких основных методах и подходах:

Развитие оперативной и аналитической работы правоохранительных органов: обмен информацией, сбор и анализ данных, проведение оперативных мероприятий, расследование наёмных убийств и разоблачение их заказчиков, а также предупреждение этих преступлений.

Сотрудничество со специализированными службами: участие специализированных служб в расследовании наёмных убийств, обмен опытом и информацией, совместные операции и пересечение полномочий.

Международное сотрудничество: обмен информацией о наёмных убийствах и их заказчиках между правоохранительными органами различных стран, совместные операции, экстрадиция преступников и координация усилий по предотвращению наёмных убийств.

В заключение отметим, что предотвращение наёмного убийства является важной задачей для общества. Для этого необходимо осуществлять образовательную работу, обеспечивать сотрудничество между правоохранительными органами, создавать специализированные подразделения по борьбе с «казачными» убийствами.

Пристатейный библиографический список

1. Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://woronkin.ru/skolko-zakaznyx-ubiistv-sovershaetsya-v-rossii-kazdyi-god-i-zacem-oni-osushhestvlyayutsya>.
2. Соколова С. А. Проблемы уголовно-правовой квалификации на примере разграничения убийства по найму и убийства из корыстных побуждений // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 4. С. 89.
3. Тенитилова В. В. Проблемы квалификации убийств по найму // Право и образование. 2017. № 7. С. 135-142.

ВАЛИАХМЕТОВ Руслан Расулевич

преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

АМЕЛИН Сергей Геннадьевич

доцент кафедры физической подготовки Омской Академии МВД России

СТРИГА Олег Николаевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта Краснодарского университета МВД России

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Физическая подготовка сотрудников органов внутренних дел представляет собой неотъемлемую часть развития их профессионально-прикладных умений и навыков, а также теоретических знаний, используемых при решении служебных задач. В целях организации наиболее эффективных и качественных занятий по физической подготовке используют различные формы, способствующие развитию общей профессиональной подготовленности сотрудника правоохранительных органов.

В данном исследовании приведен анализ наиболее актуальных тактических особенностей и формы организации проведения занятий по физической подготовке в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации, а также представлены некоторые рекомендации по оптимизации и совершенствованию образовательного процесса в образовательных организациях и территориальных органах ОВД.

Ключевые слова: физическая подготовка, формы, сотрудники ОВД, теоретическая, практическая, контрольная, дополнительные, служебные задачи.

VALIAKHMETOV Ruslan Rasulevich

lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

AMELIN Sergey Gennadjevich

associate professor of Physical training sub-faculty of the Omsk Academy of the MIA of Russia

STRIGA Oleg Nikolaevich

senior lecturer of Physical training and sports sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES OF CONDUCTING VARIOUS FORMS OF PHYSICAL TRAINING IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Physical training of employees of the internal affairs bodies is an integral part of the development of their professionally applied skills and abilities, as well as theoretical knowledge used in solving official tasks. In order to organize the most effective and high-quality physical training classes, various forms are used that contribute to the development of the general professional preparedness of a law enforcement officer.

This study provides an analysis of the most relevant tactical features and forms of organization of physical training classes in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, as well as some recommendations for optimizing and improving the educational process in educational organizations and territorial bodies of internal Affairs.

Keywords: physical training, uniforms, police officers, theoretical, practical, control, additional, service tasks.

Современные тенденции Российской Федерации, социально-политические отношения, а также международные и национальные вызовы и угрозы указывают на высокую актуальность обеспечения общественного порядка и общественной безопасности посредством развития и формирования профессионально-квалифицированных сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД России). Сотрудники правоохранительных органов представляют собой федеральные органы исполнительной власти, на которые возлагаются обязанности по обеспечению защиты и безопасности как личности, ее прав и свобод, так и государства и общества в целом от противоправных посягательств. Ввиду широкого спектра возложенных служебных обязанностей сотрудники ОВД должны отвечать непосредственно квалификационным требованиям, складывающимся из огневой, служебной, психологической, нормативно-правовой и, в частности, физической подготовленности.

В целом, под физической подготовкой в ОВД подразумевается вид физического воспитания, включающий в себя комплекс профессионально-прикладных умений, навыков, а также теоретических знаний, позволяющих успешно и эффективно справляться с профессиональной деятельностью. Физическая подготовка базируется на различных нормативно-правовых актах, обуславливающих порядок организации

подготовки сотрудников полиции, общие условия, запреты, ограничения применения физической силы и др. [1], [2], [3].

Безусловно, фундаментальные основы знаний, умений и навыков по физической подготовке формируются и закладываются непосредственно на этапе получения профессионального образования в вузах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), а совершенствуются в период непрерывной службы в ОВД, где физической подготовке наряду с иными видами профессиональной подготовленности уделяется особое внимание. Поэтому в рамках данного исследования мы непосредственно рассмотрим наиболее эффективные и качественные формы организации, а также тактические особенности проведения физической подготовки в ОВД.

На сегодняшний день занятия по физической подготовке организуются и осуществляются по месту прохождения службы сотрудников правоохранительных органов и включает в себя несколько форм: теоретическая, практическая, формы контрольных и дополнительных занятий. Преобладающая форма проведения физической подготовки является практическая, а непосредственно иные представляют собой занятия, дополняющие основную часть подготовки, призванные повысить уровень методологической осведомленности и обеспечить контроль за усвоением представленного сотруд-

никам материала. Вместе с тем с целью совершенствования владения профессионально-прикладными умениями и навыками рекомендуется использование иных доступных форм.

Итак, проведем более детальный анализ некоторых форм физической подготовки [5]:

1. Практические занятия. Данная форма представляет собой вид занятий по физической подготовке, где посредством демонстрации, усвоения, а также совершенствования полученных знаний оттачиваются непосредственно прикладной аспект. Практические занятия организуются из расчета не менее 100 часов в год инструкторами или руководителями групп. Тактическими особенностями данной формы занятий является то, что, как правило, данные навыки совершенствуются сотрудниками полиции посредством погружения в наиболее реалистичную обстановку, где обучающийся должен с учетом обеспечения и сохранения личной безопасности, а также сохранения жизни и здоровья окружающих лиц, выполнить стоящие перед ним служебные задачи. На практические занятия по физической подготовке, как правило, привлекаются наиболее квалифицированные лица, обладающие спортивными разрядами и степенями.

2. Теоретические занятия организуются посредством проведения лекторских часов, где сотрудники полиции ознакамливаются с нормативно-правовой базой, отражающей общие основы организации физической подготовки, структуру, дозволенные методы и способы, средства, принципы, запреты и ограничения, а также положения, касающиеся ведения здорового образа жизни, профилактики травматизма, организации медицинского обследования и др.

3. Контрольные занятия представляют собой форму проведения физической подготовки, в рамках которых обеспечивается организация инспектирования, контрольных и целевых проверок, призванных выяснить уровень совершенствования основами физической подготовки и пригодность к выполнению служебных задач сотрудником правоохранительных органов, а также текущего и итогового контроля за усвоением знаний. Важно иметь в виду, что неофициальная передача, выполнения сотрудником полиции упражнений и нормативов для повышения полученной оценки не допускается [4].

По завершении текущего года ежегодно проходит проверка уровня физической подготовленности сотрудника полиции в форме итогового занятия. В рамках данного итогового занятия оценивается степень подготовленности сотрудника по ряду упражнений, включающих в себя силу, выносливость, быстроту, а также уровень владения техникой боевого совершенствования.

Сдача итогового занятия является обязанностью для всех сотрудников, проходящих службу в том или иной подразделении, кроме лиц, находящихся во время сдачи на амбулаторном лечении, отпуске, командировке и т.д. Данная категория лиц подлежит проверки их уровня физической развитости в течении одного месяца после утраты соответствующих обстоятельств, препятствующих сдаче в основной период итогового контроля. Тем лицам, которые не смогли справиться с поставленной целью, подлежат повторной сдаче, а также проходят аттестацию на соответствие занимаемой ими должности.

4. В категорию дополнительных занятий по физической подготовке, как правило, включают

– инструктивно-методические занятия, включающие в себя наиболее углубленное изучение, совершенствование умений и навыков. К подобного типа занятий привлекаются практические работники, имеющие соответствующий опыт, и проводятся по мере возникновения необходимости;

– дополнительные практические занятия проводятся с лицами, неудовлетворительно прошедшие итоговый контроль, а также проверку на профессиональную пригодность;

– тренажа перед заступлением на службу. Данная подготовка проводится руководителем учебных групп или инструкторами по физической подготовке, как правила, с некоторыми подразделениями, деятельность которых подразумевает высокую вероятность применения физической силы (например, патрульно-постовая служба);

– утренняя разминка. Проводится в целях быстрого приведения в работоспособное, адаптационное состояние организма сотрудника правоохранительных органов. Как правило, данная форма физической подготовки проводится также руководителем групп по мере необходимости;

– физические минутки, физкультурные паузы. Данная форма физической подготовки ориентирована на пред-

упреждение наступления переутомляемости, усталости, истощения, а также поддержание в течение всего трудового дня высокий уровень интенсивности работоспособности организма сотрудника полиции. Периодическая смена деятельности с умственной на активную, позволяет «не застревать» сотруднику правоохранительных органов на невозможности решения определенных задач, посредством переноса центра внимания на другую деятельность организм абстрагируется от привычной работы и перенаправляет свою работоспособность по иным направлениям.

Также выше была указана категория форм физической подготовки как другие. Так, к данной категории относятся непосредственно самостоятельные занятия, занятия под руководством руководителя или инструктора в сфере физической культуры и спорта. Такого типа занятия проводятся, как правило, в нерабочее время и включают в себя следующие формы:

1. Занятия в спортивных секциях и различных группах спортивного совершенствования. Под руководством лиц, имеющих спортивные степени, разряды по соответствующему виду спортивных секций, проводятся занятия в свободное от выполнения служебных занятий время. Целью данных занятий является совершенствование спортивного мастерства по тем или иным видам спорта, повышение спортивных результатов, развития нового уровня физических способностей, удовлетворение личных желаний и амбиций, укрепление общего физического состояния сотрудника правоохранительных органов, а также возможности использования полученных умений и навыков при выполнении профессиональных задач.

2. Массовые физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия. Данная форма проведения физической подготовки преследует цель вовлечения в спорт как можно большего количества сотрудников правоохранительных органов, повышения уровня заинтересованности их, укрепления общего физического состояния, а также патриотического воспитания. Культурно-массовые спортивные мероприятия приобщают сотрудников к проведению свободного времени в соответствии с правилами здорового образа жизни, а также поддержанию общего скоординированного, морально-психологического, коллективного духа в подразделении. Как правило, данные мероприятия проводятся в соответствии с утвержденными планами организации личных, лично-командных и командных соревнований.

3. Самостоятельные занятия, ориентированные на развитие посредством личных убеждений и желаний дисциплинированности, силы воли, общего состояния организма и др., посредством выполнения различного рода упражнений: легкая атлетика, тяжелая атлетика, спортивные игры и т.д.

Таким образом, уровень физической подготовки на сегодняшний день является одним из показательных элементов общей профессиональной подготовленности сотрудника полиции. Неотъемлемый вклад в физическое развитие сотрудников правоохранительных органов вносит точно выстроенный, организованный образовательный процесс, включающий в себя различные формы проведения занятий, а также тактические особенности его обеспечения.

Пристатейный библиографический список

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.
2. Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 июня 2017 г. № 450.
3. Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275.
4. Бабин А. В., Лукьянов А. Б. Актуальные проблемы физической подготовки и спорта сотрудников органов внутренних дел и пути их решения // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 9 (160). - С. 473-475. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47195114>. (дата обращения: 27.01.2023).
5. Чехранов Ю. В., Хромов В. А. Физическая подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в структуре общей культуры человека // Международный журнал психология и педагогика в служебной деятельности. - 2017. - № 1. - С. 48-50.

ВЕРТИНСКИЙ Кирилл Дмитриевич

преподаватель кафедры физической подготовки Уфимского юридического института МВД России

ЕГОШИН Дмитрий Иванович

доцент кафедры физической подготовки Уральского юридического института МВД России

ОБЛАП Степан Игоревич

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Краснодарского университета МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ К ВЫПОЛНЕНИЮ КОНТРОЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЙ НА ВЫНОСЛИВОСТЬ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

Физическая подготовка является неотъемлемым элементом профессионального развития сотрудника полиции, складывающийся из служебно-прикладных умений и навыков, а также физических качеств человеческого организма. В категорию физических качеств наряду с быстротой, ловкостью, силой и гибкостью также входит выносливость, которая представляет собой неотчуждаемый элемент подготовленности сотрудника правоохранительных органов, позволяющий успешно преодолевать трудности, связанные с выполнением служебно-боевых задач.

Предопределяя высокую степень актуальности выбранной темы, в рамках данного исследования мы провели комплексный анализ организационно-тактических особенностей подготовки к выполнению контрольных упражнений на выносливость сотрудников правоохранительных органов. В рамках данного исследования были даны фундаментальные определения, выявлены наиболее уязвимые вопросы физической подготовки, а также сформированы пути решений и совершенствования развития выносливости, как необходимого для успешного выполнения служебных задач сотрудниками полиции физического качества.

Ключевые слова: организация, контрольные упражнения, физические качества, выносливость, бег, сотрудник правоохранительных органов.

VERTINSKIY Kirill Dmitrievich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

EGOSHIN Dmitriy Ivanovich

associate professor of Physical training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

OBLAP Stepan Igorevich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

ORGANIZATION AND FEATURES OF PREPARATION FOR THE PERFORMANCE OF CONTROL ENDURANCE EXERCISES OF A POLICE OFFICER

Physical training is an integral element of the professional development of a police officer, consisting of service and applied skills, as well as physical qualities of the human body. The category of physical qualities, along with speed, dexterity, strength and flexibility, also includes endurance, which is an inalienable element of the preparedness of a law enforcement officer, allowing him to successfully overcome difficulties associated with the performance of service and combat tasks.

Determining the high degree of relevance of the chosen topic, within the framework of this study, we conducted a comprehensive analysis of the organizational and tactical features of preparing law enforcement officers to perform endurance control exercises. Within the framework of this study, fundamental definitions were given, the most vulnerable issues of physical fitness were identified, and ways of solving and improving the development of endurance, as necessary for the successful performance of official tasks by police officers of physical quality, were formed.

Keywords: organization, control exercises, physical qualities, endurance, running, law enforcement officer.

В условиях увеличения национальных и международных угроз и вызовов для Российской Федерации обеспечение общественного порядка и общественной безопасности является необходимым и важным направлением государственной политики. Обеспечивая охрану и защиту интересов государства, органы исполнительной власти, в особенности, правоохранительные органы должны отвечать квалификационным требованиям, в целях эффективного и успешного решения служебно-боевых задач. Степень пригодности сотрудника полиции к выполнению задач выясняется посредством оценивая его профессиональной подготовленности, включающей в себя наряду с огневой, психологической, теоретической, нормативно-правовой и служебной, также физическую подготовку [1].

Физическая подготовка представляет собой комплекс мероприятий, направленных помимо развития служебно-прикладных умений и навыков, также на рост физических качеств сотрудника правоохранительных органов, включающий в себя быстроту, силу, ловкость, гибкость, выносливость. В данном исследовании мы остановимся более подробно на анализе сущности, а также организации и особенностей развития выносливости, как одного из важнейших физических качеств сотрудника правоохранительных органов.

Выносливость представляет собой физическое качество, от уровня развитости которого зависит работоспособность и про-

фессиональное долголетие сотрудника полиции. Выносливость направлена на выработку особенностей человеческого организма, позволяющих находится ему в активной рабочей фазе длительное время без снижения ее результативности. Ввиду того, что человек, находящийся в длительной напряженной работе, его организм начинает ощущать, что уровень интенсивности и эффективности работы падает, иными словами, человек ощущает наступление утомления [2]. Однако подготовленный сотрудник правоохранительных органов ввиду развитости физических качеств и ряда иных особенностей организма может противостоять данному явлению, при этом весьма качественно выполнять возложенные на него обязанности.

Принято дифференцировать выносливость на общую и специальную.

Общая выносливость представляет собой возможность организма выполнять любую энергозатратную деятельность на протяжении длительного времени и с вовлечением в работу большинства мышечных групп. К примеру, если сотрудник полиции в состоянии выдержать бег на длинную дистанцию, то, по общему правилу, его организм сможет выстоять и другую длительную работу в том же темпе. Общая выносливость, безусловно, способствует профессиональному росту сотрудника полиции, а также может играть роль основы специальной выносливости.

Под специальной выносливостью понимают способность сотрудников полиции результативно выполнять специфическую деятельность, связанную с физическими нагрузками. Как правило, данная деятельность выполняется в течение длительного времени, которое, как правило, определено в рамках служебной деятельности или выполнением того или иного действия. Уникальность данного вида выносливости заключается в том, что позволяет сотруднику полиции бесперебойно и на протяжении длительного времени справляться со служебными трудностями (преодолевать препятствия, справляться с дополнительным утяжелителем – рюкзак, снаряжение и др.).

Обеспечение организации тренировочного процесса базируется на основных методах развития выносливости таких как:

1. Метод непрерывной умеренной физической нагрузки с переменной интенсивностью;
2. Метод повторного интервального упражнения;
3. Метод круговой тренировки;
4. Метод соревновательный.

Как правило, при выборе соответствующего метода в большей степени основываются на уровне подготовленности обучающихся, занимающийся, причем первоочередным требованием, применяемым к методам, направленных на развитие выносливости, является оптимальное сочетание продолжительности, систематичности и интенсивности нагрузки [4].

Выработка выносливости, безусловно, складывается из постоянной, систематической тренировочной деятельности, которая так сказать «запускает» сложные биохимические процессы в мышечной памяти человеческого организма. Данные процессы, как правило, закладывают основы аэробных возможностей сотрудника полиции, представляющие собой способности человеческого организма, когда во время работы используются в целях восстановления кислород, потребление которого зависит от интенсивности, тяжести выполняемой работы.

Аэробные возможности, также называемые дыхательные, по сути своей весьма специфичны, поскольку находятся во вне зависимом положении от внешних форм двигательной деятельности сотрудника полиции. Поэтому, если вовремя наиболее активных форм деятельности, к примеру бега удастся повысить уровень аэробных возможностей, то это весьма благоприятно скажется при выполнении иных менее интенсивных движениях. Отсюда можно заключить, что выносливость в период малой активной мощности организма приобретает общий характер, который, по мнению специалистов, выступает в качестве обеспечивающего элемента профессиональной деятельности правоохранительных органов.

По результатам опроса, проведенного с курсантами и слушателями ведомственных образовательных учреждений системы МВД России, наиболее сложным испытанием в рамках оценки физической подготовленности сотрудника полиции является норматив по сдаче выносливости. Поэтому в рамках данного исследования нами будет проведен анализ существующих проблем, связанных с организацией занятий по физической подготовке, направленных на выработку выносливости, а также будут предложены авторские рекомендации оптимизации прохождения указанного контрольного упражнения.

Итак, принято считать, что наиболее эффективным инструментарием, используемым в качестве механизма совершенствования выносливости, является бег, как вид физических упражнений. Известно, что беговая деятельность способна вовлечь в работу все основные группы мышц и внутренних органов, в частности, речь идет о сердечно-сосудистых и дыхательных системах непосредственно человеческого организма. Преимущество выбранного способа повышения уровня выносливости – бег, является то, что данный вид занятий не требует специально оборудованных мест и использования дорогостоящего инвентаря, формы.

В целом, бег на выносливость является весьма требовательным к возможностям человеческого организма видом активной деятельности, ввиду чего сотрудники полиции, которым предстоит сдача данного норматива, как правило, готовятся к нему заблаговременно. Безусловно, постоянные и систематические занятия позволяют пройти данное контрольное испытание весьма успешно, без серьезных истязаний организма. Поэтому рекомендуется в целях повышения уровня выносливости тем лицам, кото-

рые никогда не занимался данным видом деятельности, начать свою подготовку перед контрольным управлением как минимум за два месяца до сдачи. В целях грамотного выстраивания тренировочного процесса следует изначально выявить уровень своей подготовленности, иными словами, пробежать соответствующую дистанцию на время. Если обучающийся в целом укладывается в утвержденный норматив, то ему не следует на тренировке проявлять упорство, достаточно поддерживать соответствующий уровень посредством периодических тренировок. Если обучающемуся требуется повысить выносливые способности организма, то следует исходить из некоторых правил: систематический процесс тренировки – желательно через день; не менее 3-4 раз в неделю; в первые дни подготовки все же не прибегать к усиленному типу интенсивности, а выбрать более комфортный для себя ритм и использовать равномерный бег.

С началом подготовки к сдаче контрольных упражнений крайне важно завести дневник самоконтроля, в котором необходимо отражать комплекс выполненных упражнений, объем нагрузки, а также систематически фиксировать состояние организма: самочувствие, аппетит, качественные и количественные изменения, желание тренироваться и др. В случае стремительного неблагоприятного роста показателей следует снизить уровень интенсивности подготовительного процесса, дабы избежать травм.

В рамках развития физического качества – выносливость необходимо знать некоторые рекомендуемые объективные показатели организма и работы его внутренних органов при физической нагрузке. Так, средним показателем частоты сердечного сокращения после бега является 150 уд/мин. В случае стремительного увеличения показателей важно снизить либо дистанцию, либо увеличить время, необходимое для его преодоления [3].

Таким образом, при обеспечении организации и выборе тактики тренировочного процесса, ориентированного на развитие выносливости сотрудника полиции, крайне важно следовать, во-первых, ощущениям организма, во-вторых, способностями обучающегося, а, в-третьих, руководствоваться общепринятыми нормативами, упражнениями, требованиями, поскольку исключительно от системного, комплексного подхода к образовательному процессу возможно добиться желаемого результата, не навредить собственному организму, а также, соответственно, успешно сдать контрольные упражнения.

Пристатейный библиографический список

1. Служебно-прикладная физическая подготовка курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России / А. С. Матвеев, А. Р. Мирзоев, М. М. Магомедалиев [и др.] // Физическая культура и спорт в системе высшего и среднего профессионального образования: Материалы VIII Международной научно-методической конференции, посвященной 75-летию годовщине Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Уфа, 20 марта 2020 года / Редколлегия: Н. А. Красулина [и др.]. – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2020. – С. 210-213. – EDN RPEVSC.
2. Карданов А. К. Значение физической подготовки в профессиональной деятельности современного полицейского // Теория и практика общественного развития. - 2014. - № 14. - С. 118-120.
3. Алдошин А. В. Специфика адаптации сердечно-сосудистой системы спортсменов и сотрудников органов внутренних дел, регулярно занимающихся физическими упражнениями // Физическая культура и спорт в системе профессионального образования: опыт и инновационные технологии физического воспитания: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2019. - С. 3-7.
4. Панферов Р. Г. Оптимизация физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник статей. - Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2020. - С. 167-168.

ГУСЕЙНОВ Амирджан Ахмедович

доцент кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ШАБАЕВ Вадим Владимирович

старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

БАЙКАЛОВ Владислав Александрович

преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России

МЕТОДИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ ТАКТИКЕ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ В УСЛОВИЯХ АТАКИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Анализ современных статей, отображающих результаты изысканий в различных областях науки и техники, указывает на то, что тема разработки и применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА, или дрон) занимает многих исследователей. По мнению авторов, важное место среди рассматриваемых проблем должна занимать тема безопасности. В случае атаки с использованием БПЛА сотруднику полиции важно принять надлежащие меры для защиты себя и окружающих. В данной статье приведен методический материал, содержащий определенные рекомендации по тактике действий при такой атаке.

Ключевые слова: сотрудник полиции, беспилотный летательный аппарат, атака, безопасность, тактика действий.

GUSEYNOV Amirjan Akhmedovich

associate professor of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SHABAEV Vadim Vladimirovich

senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

BAYKALOV Vladislav Alexandrovich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia

METHODOLOGICAL MATERIAL FOR TEACHING TACTICS OF POLICE OFFICERS IN THE CONDITIONS OF ATTACK BY UNMANNED AERIAL VEHICLES

An analysis of modern articles reflecting the results of research in various fields of science and technology indicates that the topic of the development and application of unmanned aerial vehicles (hereinafter referred to as UAVs or drones) occupies many researchers. According to the author, the topic of security should occupy an important place among the issues under consideration. In the event of an attack using a UAV, it is important for a police officer to take appropriate measures to protect himself and others. This article provides methodological material containing certain recommendations on tactics in such an attack.

Keywords: police officer, unmanned aerial vehicle, attack, security, tactics of action.

Авторы научных статей, размещенных в отечественных электронных библиотеках в 2020-2023 годах, подчеркивают преобладающую роль БПЛА для проведения наблюдений, в управлении дорожным движением, для визуального контроля охраняемых объектов, патрулирования периметра охраны, обследования территории на которой произошла чрезвычайная ситуация, патрулирования территории при массовых беспорядках, в военной операции, в промышленности, сельском хозяйстве и др. [1], [3], [4]. Однако широкий спектр применения указанных аппаратов отмечается не только полезностью, но и несет потенциальную опасность. Так, БПЛА активно используются в военных целях как для наблюдения, рекогносцировки и разведки, так и для боевой поддержки. Усилия специалистов направлены, с одной стороны, на совершенствование возможностей и надежности своих БПЛА и снижение затрат на их производство, с другой – на выработку путей противостояния вражеским БПЛА [5].

Рассматриваемые летательные аппараты в нынешнее время доступны всем заинтересованным лицам, что ведет порой к отрицательным последствиям. Например, нередки случаи, когда при неправильном использовании аппарат внезапно теряет управление и, упав на землю, становится угрозой безопасности окружающих.

БПЛА представляют угрозу для воздушного движения, особенно вблизи аэропортов. Несоблюдение правил ограни-

чения полетов и проникновение БПЛА в ограниченные зоны может привести к его столкновению с другими воздушными судами, к созданию аварийной ситуации, требующей экстренного реагирования.

БПЛА, оснащенные камерами, системами связи и управления, применяются для осуществления противоправных действий, как, например, незаконный сбор информации или нарушение неприкосновенности частной жизни людей (шпионаж), транспортировка запрещенных предметов или нарушение безопасности критической инфраструктуры. Злонамеренные манипуляции БПЛА совершаются при различного рода атаках или террористических актах. Угрозоносители также пытаются превратить БПЛА в объект кибератак и хакерских вторжений [1], [2].

В образовательных организациях МВД России на практических занятиях по тактико-специальной подготовке, личной безопасности необходимо развивать у обучающихся и отрабатывать определенные навыки действия сотрудников полиции в условиях атаки БПЛА. Во-первых, сотрудники полиции должны немедленно искать укрытие от атаки БПЛА. Это может быть здание, автомобиль или другое закрытое пространство, которое обеспечивает защиту от физического воздействия БПЛА. Если сотрудник находится в здании, ему нужно попробовать найти комнату, которая защищена от обстрела, например, подвал или бункер, если

на открытом воздухе, то искать такое укрытие, как канава, яма или окоп.

Важно заранее знать места, где располагаются ближайшие укрытия. Если сотрудник находится на территории с регулярными обстрелами или атаками дронов, он должен заранее изучить карту и найти ближайшие укрытия. Если находится в зоне активных боевых действий, стараться двигаться по крытым местам и избегать открытых пространств.

Во-вторых, важно оценить окружающую местность и идентифицировать потенциально опасные зоны, которые могут представлять угрозу атаки БПЛА. Это позволит сотрудникам полиции принять соответствующие меры предосторожности и выбрать наиболее безопасные позиции.

Если нет возможности найти укрытие в закрытом пространстве, сотрудники полиции должны использовать прикрытие для защиты от физического воздействия БПЛА. Это может быть стена, автомобиль, дерево или другой объект, который может предоставить защиту от возможных попаданий.

Далее сотрудники полиции должны немедленно связаться с дежурной частью, чтобы сообщить о ситуации и запросить поддержку. Координация действий с другими сотрудниками полиции поможет в эффективном реагировании на атаку и обеспечит лучшую безопасность.

Также сотрудники полиции должны быть оснащены соответствующими средствами защиты (шлемы, бронежилеты и др.), чтобы минимизировать возможные травмы от атаки БПЛА.

Необходимо отметить и то, что во время атаки рассматриваемых аппаратов сотрудники полиции должны постоянно оценивать ситуацию и анализировать изменения в тактике или поведении аппарата. Это позволит им принимать соответствующие меры и адаптироваться к обстановке.

Предотвращению атак БПЛА способствует использование противодроновых систем. Согласно приказу МВД России от 16.11.2023 № 865 «Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения» уполномоченные сотрудники полиции могут использовать специализированные противодроновые системы, которые способны подавить или преобразовать сигналы дистанционного управления дронов, воздействовать на пульты управления, повредить или уничтожить автоматизированное средство. На практических занятиях обучающимся необходимо не только тщательно изучить работу подобных систем, но иметь доступ к современной технике и оборудованию и отработать навыки их применения.

К тому же сотрудники полиции должны изучать различные типы БПЛА, их характеристики, возможности и тактику их использования, а также постоянно следить за актуальной информацией, быть в курсе новых тенденций в развитии тактики использования БПЛА. Это поможет разработать стратегии и тактики для эффективного реагирования на атаку.

Сотрудники правоохранительных органов должны быть обучены разведке и мониторингу БПЛА, чтобы определить его местоположение, направление полета и возможные цели. Это поможет адекватно реагировать и предотвращать возможные атаки.

Актуальна на сегодняшний день и проблема тактической подготовки сотрудников полиции по противодействию возможным кибератакам или вторжениям через БПЛА. Не-

обходимо обучить мерам защиты сетей, систем связи и данных, чтобы предотвратить возможное вторжение и утечку конфиденциальной информации.

Важно также обеспечить психологическую поддержку людям, которые могут столкнуться с тревожными ситуациями, связанными с атакой БПЛА. Сформированные и развитые способности психологической регуляции позволяют сотрудникам оказать нуждающимся необходимую поддержку и помощь в управлении эмоциями и стрессом.

Большое значение имеет и отработка приведенных тактик на практических занятиях в вузе в учебных ситуациях, приближенных к реальным. Данное обуславливает развитие навыков быстрой реакции, тактики и координации действий в условиях атаки.

Необходимо довести до обучающихся, что сотрудникам полиции, прежде всего участковым уполномоченным полиции следует вести работу с общественностью: осуществлять информационные кампании и обучающие программы, чтобы повысить осведомленность граждан о возможных угрозах, связанных с БПЛА, и обучить гражданское население правильно реагировать и сообщать о подозрительных действиях.

Считаем, что сотрудникам полиции необходимо уметь варьировать свои действия в зависимости от конкретных обстоятельств. Самое главное в условиях внезапных атак беспилотных летательных аппаратов – это сохранить спокойствие и быстро принять необходимые меры.

Пристатейный библиографический список

1. Вечерникова Д. В., Марина А. А. Актуальные вопросы, связанные с применением беспилотных воздушных судов в правоохранительной деятельности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-svyazannye-s-primeneniem-bespilotnyh-vozdushnyh-sudov-v-pravoohranitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 05.12.2023).
2. Гусейнов А. А., Карелкин Е. Н., Шаббаев В. В. К вопросу о тактических действиях по борьбе с киберпреступлениями // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 2 (165). – С. 272-273. – EDN BEGХKV.
3. Семенова К. С. Оценка состояния подземных инженерных сооружений мелиоративной системы с помощью карт влажности, полученных на основе данных дистанционного зондирования земли беспилотным летательным аппаратом DJI PHANTOM 4 MULTISPECTRA // Природообустройство. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-sostoyaniya-podzemnyh-inzhenernyh-sooruzheniy-meliorativnoy-sistemy-s-pomoschyu-kart-vlazhnosti-poluchennyh-na-osnove> (дата обращения: 01.12.2023).
4. Тарасов Я. О. Квадрокоптеры: проектирование, конструирование и испытания // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. – 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvadrokoptyery-proektirovanie-konstruirovaniye-i-isyptaniya> (дата обращения: 01.12.2023).
5. Хаминский Я. М. Международный опыт противодействия атакам боевых беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) // Advances in law studies. – 2023. – Том 11. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/67850/view> (дата обращения: 01.12.2023).

ИВАНЧЕНКО Елена Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

МЕЛЕШКИН Валерий Венедиктович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РАЗРЕШИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Статья посвящена некоторым вопросам организации надзорной работы в лицензионно-разрешительной сфере, исследуются отдельные проблемы прокурорской правоприменительной практики. В статье представлены разные точки зрения на вопрос организации надзора в рассматриваемой области общественных отношений, похожие точки зрения сгруппированы на основе системного подхода. Статья предназначена для работников органов прокуратуры и иных правоохранительных органов, аспирантов и студентов.

Ключевые слова: органы прокуратуры, прокурорский надзор, разрешительная система, лицензия.

IVANCHENKO Elena Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Legal culture and human rights protection sub-faculty of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University, Stavropol

MELESHKIN Valeriy Venediktovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Legal culture and human rights protection sub-faculty of the Institute of Law of the North Caucasus Federal University, Stavropol

CERTAIN ASPECTS OF THE PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE LEGALITY OF THE ACTIVITIES OF THE SUBJECTS OF THE LICENSING SYSTEM

The article is devoted to some issues of the organization of supervisory work in the licensing and licensing sphere, and discusses some problems of prosecutorial law enforcement practice. The article presents different points of view on the issue of the organization of supervision in the field of public relations under consideration, similar points of view are grouped on the basis of a systematic approach. The article is intended for employees of the prosecutor's office and other law enforcement agencies, graduate students and students.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's supervision, licensing system, license.

Иванченко Е. А.

Мелешкин В. В.

Ежегодно разрешительная система проводит сотни тысяч случаев рассмотрения обращений соискателей о получении разрешения на тот или иной вид деятельности, столько же организуется и проводится соответствующих проверок. Таким образом, объем совокупной проверочной работы данной системы представляется нам весьма серьезным. Содержание осуществляемой разрешительной деятельности настолько многоуровневое и сложное, что юридической общественностью долго не предлагалось по-настоящему действенных проектов по реформированию разрешительной сферы общественных отношений, ровно до выступления Президента РФ В. В. Путин в декабре 2021 года, в рамках которого глава государства призвал наконец-то навести порядок в разрешительной системе страны¹.

Актуальность обозначенной проблемы предопределяет необходимость пересмотреть принципы функционирования государственного механизма управления, самостоятельным звеном которого является разрешительная система. Изменение системы государственного строительства, надлежащее обеспечение свободы предпринимательства делает все

более актуальным вопрос, почему разрешительная система продолжает оставаться таким сложно организованным механизмом контролирующих органов, деятельность которых достаточно часто приводит к необоснованному нарушению прав и законных интересов субъектов, в данную систему обратившихся.

Такая сложность получения разрешений (лицензий) самым непосредственным образом обуславливает наличие высокого коррупционного риска, который необходимо предотвращать в том числе и мерам прокурорского реагирования. Несмотря на уже проведенные реформы системы государственного управления, органы надзора до сих пор продолжают выявлять нарушения в сфере лицензионно-разрешительной системы. Анализ публикаций по данному вопросу позволил определить наиболее «болевые» области, например, область трудоустройства мигрантов [4, с. 63-75], строительная сфера [3, с. 26] и некоторые иные.

В отдельных субъектах РФ продолжает сохраняться практика административных барьеров при осуществлении разрешительных процедур, а также практика принятия незаконных нормативных актов. На устранение данной практики также должно быть направлено прокурорское реагирование, что абсолютно охватывается полномочиями, предоставленными надзорному органу действующим законодательством.

Между тем, нарушения законного порядка функционирования разрешительной системы способно стать причиной

1 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2021 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ (дата обращения: 22.10.2023).

массовой гибели людей, аварий техногенного характера, загрязнения окружающей среды и других тяжелых последствий. Так, до сих пор встречаются в надзорной практике случаи выявления необоснованной выдачи огнестрельного оружия, эксплуатации опасных производственных объектов, транспорта, других объектов повышенной опасности.

Прокурорским надзорным реагированием также должны быть обеспечены права лиц, обращающихся в данную систему за получением разрешения или лицензии, а также для общего улучшения инвестиционного климата и совершенствования механизма государственной помощи субъектам предпринимательской деятельности, обеспечения безопасности личности и общества.

Таким образом, в качестве предмета исследования автор определил правовые и организационные основы надзорной работы органов прокуратуры, подразумевающие выявление и устранение нарушений законодательства о разрешительной деятельности.

Сегодня нормативное регулирование разрешительной деятельности, при всем разноотраслевом характере возникающих правовых отношений, практически полностью обеспечивается действием Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», однако разрешительная система фактически гораздо шире и охватывает практически все сферы общественных отношений, отдельные работы содержат такое название разрешительной системы – «общественный регулятор» [7, с. 7], [9, с. 76], [8, с. 10].

Иногда отдельные полномочия по своей сути являются разрешительными, хотя формально таковыми не названы, поэтому вывод об их разрешительном характере можно сделать прокурору лишь после того, как он осуществит комплексный анализ правового регулирования данного отдельного вопроса. Например, реализация положений статей 23, 26 и 27 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ, согласно которым осуществляется перевод органами местного самоуправления жилого помещения в нежилое и наоборот, по сути является реализацией разрешительных полномочий.

Таким образом разрешительное законодательство можно охарактеризовать как нестабильное и неопределенное, что, несомненно, является существенной проблемой в реализации надзорных полномочий. Принятие законов происходит хаотично, отсутствует научно-обоснованная концепция разрешительной системы.

Таким образом, отсутствие четкого перечня разрешительных полномочий зачастую приводит к необоснованному ограничению прав субъектов общественных отношений органами исполнительной власти. Исследования состояния законности в разрешительной системе ставят данную сферу на первое место по количеству выявляемых прокурорами нарушений [11, с. 67].

На настоящий момент прокурорский надзор за законностью функционирования разрешительной системы является комплексным правозащитным институтом, благодаря которому обеспечивается и реализуется целый комплекс политических, социальных, экономических прав субъектов общественных отношений, порядок деятельности данного правозащитного института четко урегулирован ФЗ о прокуратуре. Кроме того, в предмет надзора включена также проверка законности нормативно-правых актов, издаваемых властными субъектами, составляющими разрешительную систему.

Причинами выявляемых нарушений остаются проявления коррупции, несовершенство законодательства и общий правовой нигилизм лиц, принимающих решение о выдаче разрешения. Говоря о проявлениях коррупции, необходимо отметить, что значительное число исследователей признают ее высокий уровень именно в сфере лицензирования. Так, И. С. Амиантова сферу лицензионного контроля прямо называет самой коррумпированной сферой деятельности в современной России [1, с. 44].

Разрешительная деятельность осуществляется в таком большом количестве сфер общественных отношений, что это

позволяет включить в предмет надзорной работы также исполнение: антимонопольного законодательства [2, с. 15-16]; законодательства о кредитно-банковской деятельности²; законодательства о лицензировании [10, с. 111]; законодательства о страховой деятельности [5, с. 7] и других отдельных отраслей законодательства.

Несомненным представляется положение, что ненадлежащее осуществление органами-субъектами разрешительной системы своих полномочий является предпосылками для самых неблагоприятных последствий, в том числе и в сфере экономической, предпринимательской деятельности, а также в области обеспечения национальной безопасности (так как оборот предметов и веществ, способных нанести урон состоянию общественной защищенности, также в подавляющем числе случаев лицензируется [6, с. 10]).

Законный порядок осуществления разрешительной деятельности также представляется важным в сфере охраны здоровья граждан, об этом содержат упоминание отдельные организационно-распорядительные акты Генеральной прокуратуры РФ (приказы, указания, инструкции), например, приказ от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», приказ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» и некоторые другие.

Не теряет своей актуальности проверка исполнения законодательства о разрешительной деятельности также в области обеспечения реализации нацпроектов, обеспечения безопасности на транспорте, законного порядка трудовой деятельности мигрантов, сохранения исторических и культурных объектов, отдельных экологических правоотношений (таких, как сохранение качества атмосферного воздуха, соблюдения законного порядка обращения с разными категориями отходов, обеспечения восполняемости биологических ресурсов и т.д.), в сфере строительства и ЖКХ и других сферах.

Затрудняет поддержание состояния законности в рассматриваемой сфере отсутствие единого статистического учета нарушений, выявленных в разрешительной системе, а также общего систематического мониторинга соблюдения законного порядка осуществления разрешительной деятельности, для организации такого мониторинга не выработаны даже соответствующие статистические показатели. Данные недостатки существенно снижают эффективность организации разрешительной деятельности.

Отдельные статистические данные существуют, но только для отдельных сфер разрешительной системы, а потому они не способны объективно отразить картину соблюдения законности в рассматриваемой области.

Далее автор считает необходимым отметить такие черты юридических процедур в области разрешительной деятельности, которые существенно усложняют прокурорский надзор, в частности: во-первых, отсутствует синхронность принимаемых в законы поправок; во-вторых, отсутствует необходимое согласование между процедурными и основными нормативными актами.

Проведенное исследование позволило нам сформулировать следующие выводы: выработанный курс на политико-правовую модернизацию системы управления обязывает совершенствовать разрешительную систему сообразно новым вызовам индустриального общества и необходимости обеспечения национальной безопасности.

В числе предпринимаемых государством мер в данном направлении можно назвать следующие: повышение транспарентности (прозрачности деятельности) органов, осуществ-

2 Научно-методическое пособие по вопросам прокурорского надзора за исполнением законодательства о банках и банковской деятельности // Научно-методические материалы по вопросам надзора за исполнением федерального законодательства / Генеральная прокуратура РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/scientific-materials/fed?item=4892079> (дата обращения: 04.11.2023).

вляющих разрешительную и контролирующую функции; оптимизация системы получения разрешений, качества и доступности данных услуг, начавшаяся с 2002 года и продолжающаяся по настоящий день; создание надлежащей информационной структуры взаимодействия между органами власти разного уровня.

Прокурорский надзор в сфере разрешительной системы характеризуется следующими особенностями: наличием сложной совокупности национальных законодательных актов, формирующей предмет надзорной работы; большим включением в предмет надзора норм международного законодательства в связи с трансграничным характером нарушений в различных сферах, деятельность в которых требует получения соответствующего разрешения; необходимостью соблюдения Российской Федерацией – стороной международных договоров и соглашений, направленных на обеспечение безопасности на межгосударственном уровне; наличием соответствующих соглашений со странами СНГ, непосредственно соседствующими с Российской Федерацией и зачастую осуществляющими совместную с ней экономическую деятельность, включенную в регулирование лицензионно-разрешительной системы.

Проблемы нормативного аппарата, с которыми приходится сталкиваться надзирающим прокурорам, следующее: нечеткость разграничения отдельных форм разрешительной деятельности; смешение в российском законодательстве разрешительного и уведомительного режимов; употребление в нормативных актах понятий «лицензия» и «разрешение» в одних случаях, как правовых синонимов, в других случаях, как понятий с разным правовым содержанием.

На настоящий момент прокурорский надзор за законностью функционирования разрешительной системы является комплексным правозащитным институтом, благодаря которому обеспечивается и реализовывается целый комплекс политическим, социальных, экономических прав субъектов общественных отношений, порядок деятельности данного правозащитного института четко урегулирован Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Кроме того, в предмет надзора включена также проверка законности нормативно-правовых актов, издаваемых властными субъектами, составляющими разрешительную систему.

Результаты анализа прокурорской правоприменительной практики³ позволили сформировать следующий перечень типичных нарушений лицензионно-разрешительного законодательства, нарушений, совершаемых в процессе осуществления нормотворческих полномочий субъектов разрешительной системы: введение разрешительного порядка в случаях действующего уведомительного режима; введение иного, противоречащего порядку, установленному федеральным законом, порядка получения разрешения; неправомерное возложение на соискателя дополнительных процедур; неправомерное предоставление соискателю преференций, позволяющих избежать отдельных разрешительных процедур; создание дополнительных административных барьеров.

Среди выявляемых прокурорами нарушений, совершаемых субъектами разрешительной системы при предоставлении разрешения или осуществлении контроля за соблюдением лицензионно-разрешительных правил, автор называет следующее: предоставление разрешения при несоответствии перечня предоставляемой соискателем документации установленным требованиям или при несоответствии статуса субъекта предоставляемым документам.

Позитивные изменения все-таки наступают, но происходит это весьма медленно. Так, существенно помогает

поддерживать состояние законности общедоказательный мониторинг эффективности лицензирования, каждый год Минобрнауки России предоставляет ежегодный сводный доклад по данному вопросу.

Необходимо такую позитивную практику распространить на все сферы, в которых реализуется разрешительная деятельность, так как вопросами лицензирования данная работа не ограничивается.

Также необходима единообразная организация рассматриваемого направления прокурорской надзорной деятельности на основе соответствующих организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Амиантова И. С. Противодействие коррупции: Учебное пособие. – 1-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 149 с.
2. Кожинский А. В. Теоретические и организационные основы деятельности прокуроров по надзору за исполнением антимонопольного законодательства: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.11 / [Место защиты: ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского»]. – Нижний Новгород, 2021. – 284 с.
3. Лисичкин В. А., Симчера В. М. Об эффективности инвестиционно-строительных проектов в нефтегазовой отрасли // Экономика строительства. – 2021. – № 2 (68). – С. 21-27.
4. Мукомель В. И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда: до пандемии // Социологические исследования. – 2022. – № 1. – С. 63-75.
5. Ашиткова Т. В., Антонова Е. Н., Викторова И. С., Паламарчук А. В. Организация прокурорского надзора за исполнением законодательства о страховой деятельности: Метод. рекомендации / Генер. прокуратура Рос. Федерации. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре Рос. Федерации. – М., 2001. – 86 с.
6. Ашиткова Т. В. [и др.]. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о лекарственных средствах и соблюдением прав граждан на лекарственное обеспечение: пособие. – М., 2011. – 95 с.
7. Солошенко Л. А. Система административно-правовых средств обеспечения законности при осуществлении разрешительной деятельности федеральных органов исполнительной власти // Полиция и следственная деятельность. – 2022. – № 1. – С. 1-8.
8. Субанова Н. В., Белоусова Д. С. Законность в разрешительной сфере: уроки «Булгарии» // Законность. – 2022. – № 6(1052). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/77111823/> (дата обращения: 16.01.2024).
9. Субанова Н. В. Проблемы обеспечения законности в сфере функционирования разрешительной системы // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 6. – С. 60-77.
10. Субанова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере лицензирования: вопросы теории и практики. – Москва: Юриспруденция, 2011. – 202 с.
11. Хромов А. А. Совершенствование системы правового регулирования и правового статуса субъектов предпринимательства // Символ науки: международный научный журнал. – 2022. – № 1-1. – С. 62-68.

3 Материалы прокурорского надзора, результаты обобщений Академией Генеральной прокуратуры Российской Федерации докладных записок прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним прокуроров специализированных прокуратур по результатам проведенных проверок исполнения законов за период 2020-2022 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_dvfo/documents/legal-base?item=3675978 (дата обращения: 29.10.2023).

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОБРАБОТКЕ БОЛЬШИХ ОБЪЕМОВ ТЕКСТОВЫХ ДАННЫХ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Исследование посвящено рассмотрению возможностей методов искусственного интеллекта для повышения оперативности обработки больших объемов текстовой информации на примере рассмотрения обращений граждан, поступающих в Федеральную службу исполнения наказаний. В частности, рассматриваются технологии глубокого обучения, использующие искусственные нейронные сети. Отмечены возможности, обеспечиваемые использованием нейронных сетей для автоматической обработки обращений, поступивших в электронном виде, уточняются особенности практической реализации нейросетевых методов для анализа текстов обращений. Рассматриваемый в работе подход является перспективным инструментом, служащим снижению трудозатрат сотрудников ФСИН России при работе с большими массивами текстовых данных.

Ключевые слова: обращения граждан, информационные технологии, методы искусственного интеллекта, машинное обучение, искусственная нейронная сеть, конструктор правовых документов, чат-боты, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary System of the Center for the Study of Problems of management and organization of the execution of sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ON THE ISSUE OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN PROCESSING LARGE AMOUNTS OF TEXT DATA IN THE PRACTICAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The study is devoted to the consideration of the possibilities of artificial intelligence methods to increase the efficiency of processing large amounts of textual information on the example of considering appeals from citizens entering the Federal Penitentiary Service. In particular, deep learning technologies using artificial neural networks are considered. The possibilities provided by the use of neural networks for automatic processing of requests received in electronic form are noted, and the features of the practical implementation of neural network methods for analyzing the texts of appeals are given. The approach considered in this paper is a promising tool that serves to reduce the labor costs of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia when working with large amounts of text data.

Keywords: citizens' appeals, information technologies, artificial intelligence methods, machine learning, artificial neural network, legal document designer, chatbots, Penal System of the Russian Federation.

В настоящее время методы искусственного интеллекта находят применение в самых различных профессиональных сферах [1, с. 386]. Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) не является в данном смысле исключением. На сегодняшний день в системах безопасности охраняемых объектов применяется интеллектуальное видеонаблюдение, обеспечивающее возможность биометрической идентификации как сотрудников, так и осужденных; при проведении оперативно-розыскных мероприятий в качестве эффективного инструмента идентификации лица по фотоизображению также используются системы искусственного интеллекта. Вместе с тем, возможности, обеспечиваемые применением искусственных нейронных сетей, методов машинного обучения существенно шире и имеют широкие перспективы применения в работе органов и учреждений УИС, в частности, при работе с большими объемами текстовой информацией.

Обработка человеком больших корпусов текстов с целью их классификации, агрегации информации, аннотирования

и др. является трудоемкой задачей и требует существенных временных затрат, в то время как современные методы обработки естественного языка на основе искусственного интеллекта обладают способностью выполнения подобных рутинных операций в сроки, в разы меньшие, чем потребовалось бы человеку для обработки той же информации. Особенно эффективными при обработке естественного языка оказываются нейронные сети, являющиеся частью технологий искусственного интеллекта [2, с. 37].

Искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI, ИИ) представляет собой область знаний, связанную с моделированием интеллектуальных или творческих видов человеческой деятельности. Машинное обучение (Machine Learning, ML, МО) – подраздел искусственного интеллекта, связанный с разработкой алгоритмов и статистических моделей, которые компьютерные системы используют для выполнения задач без явных инструкций. Глубокое обучение (Deep Learning, DL, ГО) – совокупность методов машинного обучения, основанных на искусственных нейронных сетях [3, с. 262]. Данный

Царькова Е. Г.

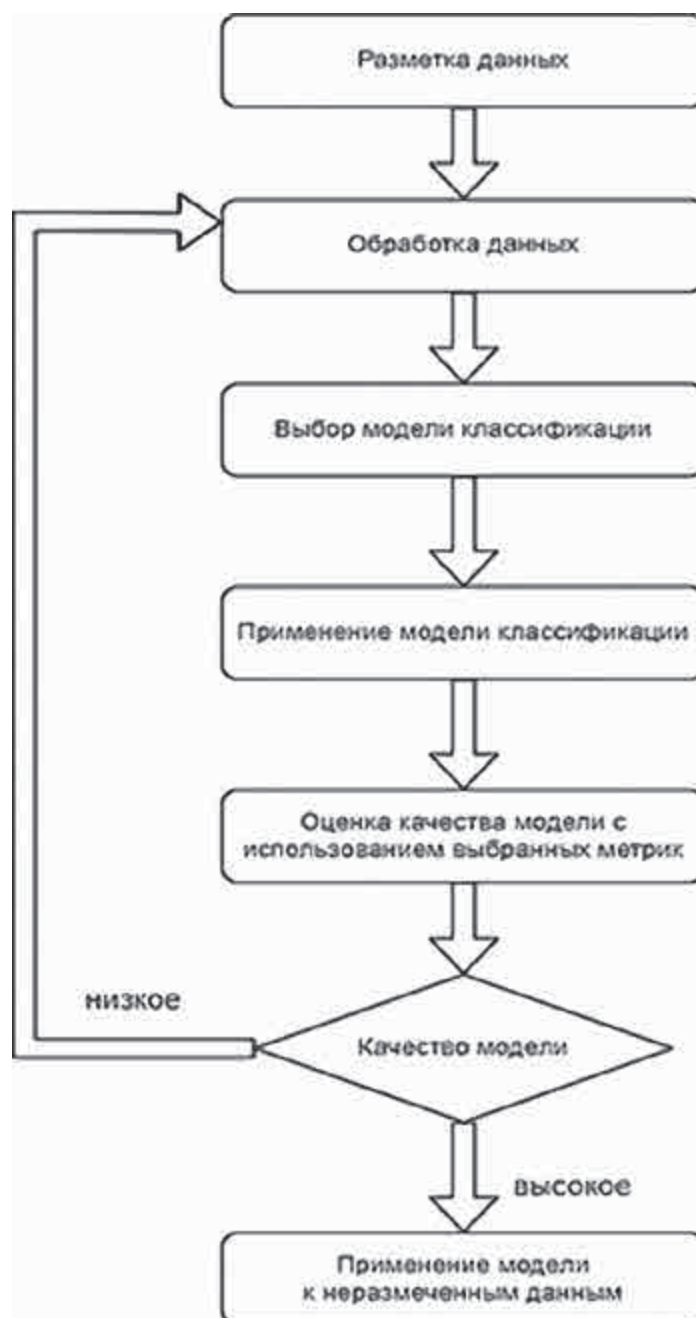

Рисунок 1. Схема процесса обучения нейросетевого классификатора обращений граждан

класс методов автоматически выделяет из необработанных данных необходимые признаки (представления), обучаясь с учителем на тренировочных данных, либо в ходе обучения без учителя.

В силу существующих функциональных возможностей искусственные нейронные сети представляют собой эффективный инструмент автоматической обработки и систематизации текстовой информации. К данному направлению могут быть отнесены вопросы, связанные с обработкой обращений граждан, поступающих для рассмотрения в ФСИН России [4, с. 17]. Учитывая статистические данные, количество обращений граждан, поступающих за год в Федеральную службу исполнения наказаний, измеряется десятками тысяч и имеет выраженную тенденцию к росту (более 52 тыс. обращений в 2020 году, более 74 тыс. обращений в 2021 году). Учитывая ограниченность сроков, выделяемых для подготовки ответа на обращение, а также наличие значительного объема обращений, поступающих в ФСИН России в электронном

виде, следует отметить, что на сегодняшний день существует объективная потребность в рассмотрении возможностей применения средств автоматизации, в частности, искусственных нейронных сетей (ИНС) для анализа подобных запросов. Одним из направлений применения ИНС является разработка классификаторов обращений по тематике, обеспечивающих возможность уже на этапе их поступления выполнять их переадресацию в профильное управление.

Для решения данной задачи могут быть использованы полносвязные нейронные сети прямого распространения. Для аннотирования текстов обращений целесообразно применение рекуррентных нейронных сетей (РНС). Способность РНС к запоминанию контекста позволяет за счет сокращения объема поступившей текстовой информации снизить трудоемкость процессов первичного ознакомления с поступившим обращением. Далее, с учетом наличия большого объема типовых запросов в обращениях подготовка соответствующего ответа возможна с применением искусствен-

ных нейронных сетей с архитектурой «трансформер», обладающих способностью генерировать текст и речь на основе обученной нейросетевой модели, использовать интеллектуальные чат-боты для ответа на типовые вопросы, а также для подготовки текста ответного письма с помощью конструктора правовых документов.

Таким образом, искусственные нейронные сети являются перспективным инструментом в решении многих проблемных вопросов, связанных с колоссальной нагрузкой на сотрудников УИС, возникающей при работе с растущим потоком обращений граждан. Вместе с тем, определенных затрат требует и создание систем искусственного интеллекта для автоматизации обращений. Однако, развитие открытых программных библиотек машинного обучения делает процесс самостоятельного обучения ИИС все более доступным.

Рассмотрим особенности обучения нейронной сети, например, для классификации текстов обращений по заданным категориям. В общем случае процесс решения данной задачи многоклассовой классификации может быть представлен схемой, приведенной на рисунке 1.

Для обучения нейронной сети требуется размеченный набор текстов с заданной меткой класса – тренировочной выборки, включающей текст обращения и обозначение его категории. Этап предобработки текстовых данных является одним из наиболее трудоемких при построении нейросетевой модели. На данном этапе осуществляется приведение слов текста к нижнему регистру; осуществляется очистка датасета от спецсимволов, знаков препинания; с использованием списка «стоп-слов» осуществляется удаление из текста предлогов, служебных частей речи, местоимений и иных слов, не оказывающих существенного влияния на понимание смыслового контекста. Стемминг и лемматизация служат приведению слов к форме, оптимальной для автоматического извлечения сущностей. Сюда же входит и векторизация слов – процесс, необходимый для перевода текста в набор векторов с числовыми коэффициентами.

В ходе исследования для классификации заданного корпуса текстов по известным категориям выполнен этап предобработки данных, определены целевые переменные набора данных, произведена векторизация строк и обучена полносвязная нейронная сеть прямого распространения. Для проверки качества обучения модели выполнен анализ функции потерь. Для рассматриваемого набора данных точность обучения составила 89,5%. Осуществлено сохранение полученной модели для её дальнейшего использования при классификации неразмеченных данных. Полученные результаты демонстрируют эффективность применения искусственных нейронных сетей для автоматической классификации больших объемов текстов. Такая категоризация является действенным инструментом при первичной обработке обращений граждан, существенно снижающим трудозатраты на их ручную обработку.

Рассмотренные технологии в целом способны оказывать существенную помощь сотрудникам УИС, вместе с тем, полностью автономной такая система быть не может, поскольку необходим контроль получаемых результатов, отслеживание и устранение возникающих ошибок и т.д. [5, с. 305]. Тем не менее, использование технологий искусственного интеллекта при обработке больших объемов текстовой информации является удобным средством избавления сотрудника от необходимости выполнения трудозатратных рутинных операций и служит высвобождению времени для решения более сложных интеллектуальных задач, в которых возможности

искусственного интеллекта на сегодняшний день существенно ограничены.

Пристатейный библиографический список

1. Царькова Е. Г. К вопросу применения искусственного интеллекта в правовых подразделениях // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 3 (178). - С. 385-386.
2. Минбалеев А. В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. - 2020. - № 1. - С. 36–39.
3. Пальянова Н. В. Использование искусственного интеллекта в сфере Legal Tech: современные возможности и перспективы // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды: Труды VIII Моск. юрид. форума, XIX Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. - М.: МГЮА, 2021 - С. 260-267.
4. Садыкова Р. А. К вопросу о порядке рассмотрении обращений граждан в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России: научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. - Москва, 2022. - С. 15-19.
5. Царькова Е. Г. Перспективы применения генеративного искусственного интеллекта в учебном процессе образовательных организаций ФСИН России // Образование и право. - 2023. - № 9. - С. 304-306.

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

МАНСУРОВА Зия Рахимлановна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

ГОРБАЦЕВИЧ Ольга Анатольевна

преподаватель кафедры административной деятельности ОВД Воронежского института МВД России, капитан полиции

КОРТИКОВ Алексей Валерьевич

преподаватель кафедры огневой подготовки Сибирского юридического института МВД России, майор полиции

ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗАХ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ

В настоящей статье рассмотрены различные подходы к пониманию интерактивных технологий и методов обучения. Приводится описание активных, пассивных и интерактивных методов обучения. Отдельное внимание авторы уделяют особенностям применения метода деловой (ролевой) игры. Авторы отмечают, что при применении интерактивных методов в образовательном процессе, решаются такие задачи, как: развитие общих умений и навыков, приобретение знаний, развитие коммуникативной компетентности, а также воспитательные задачи.

Ключевые слова: интерактивные методы, методы обучения, интерактивные технологии, обучение в вузе, метод деловой игры.

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

MANSUROVA Zilya Rakhimlanovna

Ph.D. in medical sciences, associate professor of Pedagogy and psychology in the activities of police officers sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

GORBATSEVICH Olga Anatoljevna

lecturer of Administrative affairs of the department of internal affairs sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, captain of police

KORTIKOV Alexey Valerjevich

lecturer of Fire training sub-faculty of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia, major of police

THE USE OF INTERACTIVE TEACHING METHODS IN UNIVERSITIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

This article discusses various approaches to understanding interactive technologies and teaching methods. The description of active, passive and interactive teaching methods is given. The authors pay special attention to the peculiarities of using the business (role-playing) game method. The authors note that when using interactive methods in the educational process, tasks such as: the development of general skills, the acquisition of knowledge, the development of communicative competence, as well as educational tasks are solved.

Keywords: interactive methods, teaching methods, interactive technologies, university education, business game method.

Интенсивное развитие информационных технологий оказало влияние на все сферы жизнедеятельности. Не исключением является и система образования. Все чаще, вместе с применением термина «информационные технологии» употребляются термины «дистанционное обучение», «интерактивные методы», «интерактивные технологии обучения».

Понятие «интеракция» (от англ. interaction - взаимодействие) возникло впервые в социологии и социальной психологии [3]. В настоящее время данный термин активно употребляют в своих исследованиях не только социологи и психологи, но и педагоги. В частности, научный интерес к внедрению интерактивных методов обучения в образовательный процесс проявили следующие отечественные авторы: Т. В. Панина, Егшпатын Марина Ивановна, Титова Елена Равилевна

Взаимодействие преподавателя и курсанта, слушателя в процессе обучения, на сегодняшний день, проявляется в трех формах: пассивном, активном, интерактивном.

Пассивный метод представляет собой форму взаимодействия учащихся и преподавателя, в которой преподаватель является основным действующим лицом управляющим

ходом занятия, а учащиеся выступают в роли пассивных слушателей. Связь преподавателя с обучающимися осуществляется посредством опросов, самостоятельных, контрольных работ, тестов и т. д. Такая форма обучения, как правило, предполагает авторитарный стиль взаимодействия.

Активный метод проявляется во взаимодействии обучающегося и преподавателя, в которой обучающийся является не пассивным участником, а занимает активную роль в процессе обучения, а роль преподавателя предполагает демократический стиль взаимодействия.

Интерактивный метод означает взаимодействовать, находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо. Другими словами, в отличие от активных методов, интерактивные ориентированы на более широкое взаимодействие учеников не только с учителем, но и друг с другом и на доминирование активности учащихся в процессе обучения [2].

В настоящий момент в педагогической науке формируется и уточняется понятие «интерактивное обучение», оно понимается как:

1) обучение, во взаимодействии обучающегося с учебным окружением;

2) «обучение, которое основано на психологии человеческих взаимоотношений и взаимодействиях»;

3) обучение, как совместный процесс познания, в ходе которого знание приобретает в процессе взаимодействия с педагогом и другими обучающимися.

Рассмотрев различные подходы к пониманию содержания интерактивного обучения можно утверждать, что интерактивное обучение предполагает новое, отличное от привычного протекания образовательного процесса, при котором обучающийся приобретает новые компетенции в последовательности не от теории к практике, а от формирования нового опыта к его теоретическому осмыслению через применение [6].

Образовательный процесс в вузах системы МВД России обладает специфическими особенностями. Педагогические технологии ведомственного вуза в первую очередь должны быть практикоориентированными, позволяющими будущим сотрудникам полиции легче пройти адаптационный период и плавно перейти к этапу профессионального становления.

В качестве наиболее эффективных образовательных технологий, применяемых в вузах системы МВД, позволяющих достигнуть обозначенных целей, можно выделить следующие:

- работа в малых группах;
- ролевые (деловые) игры;
- проектная технология;
- анализ конкретных ситуаций;
- модульное обучение;
- контекстное обучение.

Рассмотрим более подробно метод деловой игры. На сегодняшний день существует множество классификаций деловых игр по различным основаниям. Так, деловые игры можно классифицировать на:

1. Операционные игры, которые направлены на выполнение специфических задач, операций. Данный метод возможно применять, на занятиях по дисциплине «Криминалистика», «Тактико-специальная-подготовка» и других.

2. Имитационные игры. Подобный метод направлен на имитацию определенного рода деятельности.

3. Исполнение ролей. Подобный метод может найти свое применение в рамках реализации дисциплин, формирующих компетенции по эффективной коммуникации и разрешению конфликтов. В частности, в рамках дисциплины «Психология конфликта», «Психология в деятельности сотрудников ОВД».

4. Метод инсценировки. Данный метод предусматривает создание своего рода спектакля. К примеру, постановка судебного разбирательства по уголовному делу, в котором курсанты и слушатели играют роли участников судебного процесса.

5. Организационно-деятельностные игры - не имеют жестких правил, у участников нет ролей, игры направлены на решение междисциплинарных проблем. Активизация работы участников происходит за счет жесткого давления на личность.

6. Инновационные игры - формируют инновационное мышление участников, выдвигают инновационные идеи в традиционной системе действий, отрабатывают модели реальной, желаемой, идеальной ситуаций, включают тренинги по самоорганизации.

Наибольшую результативность применение метода деловой (ролевой) игры в образовательном процессе приносит на завершающем этапе обучения, так как курсанты и слушатели старших курсов уже обладают достаточным уровнем знаний и умеют самостоятельно работать [1].

В целом, применение методов интерактивного обучения позволяет решать множество задач. В их числе:

- Информационная. В ходе выполнения упражнений обучающиеся приобретают новые знания и информацию, которая необходима для осуществления дальнейшей профессиональной деятельности.
- Обучающая. В процессе обучения посредством интерактивных методов курсанты и слушатели не только приобретают знания, но и развивают умения и навыки.

– Воспитательная. выполняя требования и команды, обучающиеся приучаются прислушиваться к чужому мнению, в первую очередь — опытных взрослых людей.

– Коммуникативная. Обучающиеся, усвоив посредством современных электронных обучающих средств нужную информацию, могут передавать ее другим. А установление эмоциональных контактов в процессе обмена информацией способствует развитию их коммуникативных умений и навыков [1].

Таким образом, суть интерактивных методов, в том, что все обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания и совместного действия, в ходе которого каждый вносит свой индивидуальный вклад. В результате происходит активный обмен знаниями, идеями, способами деятельности [4]. Федеральный государственный образовательный стандарт также допускает применение игр и элементов геймификации в образовательном процессе.

Интерактивные образовательные технологии направлены на формирование у обучающегося мотивации к усвоению знаний, развитие критического мышления. Как справедливо отмечает С. А. Шакирова «Мотивация - важнейший компонент структуры учебной деятельности, а для личности выработанная внутренняя мотивация есть основной критерий ее сформированности» [5]

При выборе образовательных технологий педагогу необходимо проанализировать его собственную профессиональную эффективность, а также обратиться к методам эффективного целеполагания для очерчивания собственных задач и целей с научной точки зрения, полностью отказавшись от интуитивного «следования тенденциям». Педагог должен быть предельно внимателен и скрупулезен при выборе и конструировании комплекса применяемых им педагогических технологий, а также ориентироваться не на удовлетворение собственных профессиональных потребностей, а на удовлетворение потребностей обучающихся - в получении максимально качественной профессиональной подготовки. При этом интерактивное обучение должно осуществляться в атмосфере психологического комфорта, кооперации и сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Бургат В. В. Деловая игра как метод активного обучения // СТЭЖ. - 2014. - № 1 (19). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-kak-metod-aktivnogo-obucheniya-2> (дата обращения: 17.01.2024).
2. Егшатын М. И., Титова Е. Р. Интерактивные методы обучения // Евразийский научный журнал. - 2022. - № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-3> (дата обращения: 12.01.2024).
3. Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Интерактивное обучение // Образование и наука. - 2007. - № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnoe-obuchenie> (дата обращения: 12.01.2024).
4. Фозилова М. А. Интерактивные методы обучения в ВУЗе // Экономика и социум. - 2022. - № 9 (100). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-v-vuze> (дата обращения: 17.01.2024).
5. Шакирова С. А. Интерактивное обучение // Интерактивная наука. - 2023. - № 2 (78). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnoe-obuchenie-3> (дата обращения: 12.01.2024).
6. Шумскис Ю. Г. Подходы к определению понятия интерактивных форм обучения в системе среднего профессионального образования // Вестник ЮГУ. - 2017. - № 1-1 (44). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-interaktivnyh-form-obucheniya-v-sisteme-srednego-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 12.01.2024).

ПОПОВА Анастасия Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

МИХАЙЛОВ Николай Викторович

старший преподаватель кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

САВУШКИН Владислав Владимирович

кандидат юридических наук, начальник Международного межведомственного центра подготовки сотрудников оперативных подразделений имени генерала-лейтенанта милиции А. Н. Сергеева Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

РОЛЬ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ К ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАЧ В СОСТАВЕ БОЕВЫХ ГРУПП

В статье детально изучается практическое выполнение комплекса тактико-огневых упражнений, который является одним из эффективных способов подготовки сотрудников специальных подразделений к выполнению задач в составе боевых групп.

Обращается внимание, на то, что комплекс тактико-огневых упражнений представляет фундаментальную составляющую и раскрывает элементы моделей профессионального поведения боевых единиц при выполнении задач в составе боевых групп, а также имеет четкую последовательную структуру, следуя которой сотрудники получают возможность грамотно организовать процесс тактико-огневой подготовки.

Ключевые слова: специальные подразделения, боевые задачи, эффективная работа, комплекс тактико-огневых упражнений.

POPOVA Anastasiya Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Personnel support and personnel management in the internal affairs bodies sub-faculty of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

MIKHAYLOV Nikolay Viktorovich

senior lecturer of Personnel support and personnel management in the internal affairs bodies sub-faculty of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

SAVUSHKIN Vladislav Vladimirovich

Ph.D. in Law, Head of the International Interdepartmental Training Center for Employees of Operational Units named after Lieutenant General of Militia A. N. Sergeev of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

THE ROLE OF FIRE TRAINING FOR THE EFFECTIVE WORK OF EMPLOYEES OF SPECIAL UNITS TO PERFORM TASKS AS PART OF COMBAT GROUPS

The article examines in detail the practical implementation of a complex of tactical and firing exercises, which is one of the most effective ways to train employees of special units to perform tasks as part of combat groups. Attention is drawn to the fact that the complex of tactical and fire exercises represents a fundamental component and reveals elements of models of professional behavior of combat units when performing tasks as part of combat groups, and also has a clear consistent structure, following which employees are able to competently organize the process of tactical and fire training.

Keywords: special units, combat missions, effective work, a set of tactical and firing exercises.

Организация тренировок по изучению и практическому выполнению тактико-огневых связок, формирующих структурную составляющую практических упражнений, выполняемых в составе боевых групп из стрелкового оружия, стоящего на вооружении специальных подразделений, позволяет повысить уровень профессиональной выучки, динамики, слаженности действий сотрудников в составе боевых групп.

При правильном практическом выполнении вышеназванных упражнений сотрудники формируют «мыслитель-

ную карту» и сохраняют ее в памяти. В дальнейшем столкнувшись с реальной активной угрозой со стороны противника, сотрудники уже знают, как и умеют действовать решительно, правильно, динамично в соответствии с установленными правилами безопасности. В мышцах сотрудников, нервах и мозге происходит «перенос» из тренировки в реальную ситуацию, путем ранее выработанных практических навыков, качеств, умений.

Таким образом, сотрудники приобретают набор необходимых специальных знаний, умений, навыков и качеств,

Попова А. А.

Михайлов Н. В.

Савушкин В. В.

которые предоставляют возможность им действовать решительно, динамично, слаженно, эффективно, что позволяет им быть значительно результативнее.

Комплекс тактико-огневых упражнений имеет четкую последовательную структуру, следуя которой сотрудники получают возможность грамотно организовать процесс тактико-огневой подготовки [1].

Комплекс тактико-огневых упражнений представляет фундаментальную составляющую и раскрывает элементы моделей профессионального поведения боевых единиц при выполнении задач в составе боевых групп.

Данный комплекс состоит из трех основных обучающих блоков, при этом, каждый блок сформирован из пяти групп упражнений, выстроенных в строго установленной последовательности:

1. комплекс начально подготовительных упражнений;
2. комплекс начальных упражнений;
3. комплекс специально-подготовительных упражнений;
4. комплекс специальных упражнений;
5. комплекс контрольных упражнений.

Первый блок – блок, направлен на обучения сотрудников ведению скоростной стрельбы в составе боевых групп с места.

Второй блок – предназначен для изучения вопросов, раскрывающих особенности и специфику ведения скоростной стрельбы в составе боевых групп после передвижения.

Третий блок – направлен на обучения сотрудников ведению скоростной стрельбы в составе боевых групп в движении.

Каждая группа упражнений имеет свою задачу, и предназначена для последовательного и поэтапного обучения сотрудников выполнению тактико-огневых элементов, тактико-огневых связок, с соблюдением установленных мер и правил безопасности.

Такой подход позволяет последовательно детально изучать вопросы, раскрывающие особенности и специфику построения боевого порядка, а также тактического предназначения каждой боевой единицы в нем.

Комплекс начально подготовительных упражнений является первичным этапом, предусматривающим выполнение в режиме «один плюс», где стрельба ведется без ограничения времени, без использования элементов экипировки и средств индивидуальной защиты.

Упражнения в данном разделе выполняются в составе боевой группы (части её), строго поочередно, только одиночными выстрелами.

Данный блок начально подготовительных упражнений включает в себя базовые упражнения, которые направлены на выработку у сотрудников слаженности действий, умений необходимых для качественного выполнения штурмовой изготки в составе боевых групп, ведению аккуратной стрельбы из положения стоя, с колена, с переносом огня по высоте и фронту, а также стрельбы с использованием укрытия.

Кроме этого, значительное внимание уделяется выполнению в левосторонней штурмовой изготке. Способность боевых единиц умело действовать в левосторонней штурмовой изготке всегда предоставляет дополнительные возможности каждой боевой единицы, расширяет их тактическое предназначение и дополняет боевой стандарт.

Каждый сотрудник в обязательном порядке должен уметь качественно выполнять тактико-огневые элементы, тактико-огневые связки, как в правосторонней, так и в левосторонней штурмовой изготке.

Выполнение начальных упражнений, является очередным этапом последовательной подготовки сотрудников специальных подразделений к качественному и безопасному выполнению тактико-огневых элементов, тактико-огневых связок, в составе боевой группы (части её). В отличии от ком-

плекса начально подготовительных упражнений комплекс начальных упражнений выполняются сериями, как одновременно, так и поочередно, без ограничения времени на ведение стрельбы.

Данная группа включает в себя набор фундаментальных упражнений, которые направлены на выработку у сотрудников слаженности действий, умений необходимых для качественного выполнения штурмовой изготки в составе боевых групп, ведению аккуратной скоростной стрельбы сериями по два, три, четыре выстрела, как по одной цели, так и с переносом огня по высоте и фронту, из положения стоя, с колена, со сменой положения для стрельбы, стрельбы с использованием укрытия.

Выполнение специально-подготовительных упражнений, является очередным этапом последовательной подготовки сотрудников специальных подразделений к качественному и безопасному выполнению тактико-огневых элементов, тактико-огневых связок, в составе боевой группы (части её).

Выполнение специальных упражнений, является очередным этапом последовательной подготовки сотрудников специальных подразделений к качественному и безопасному выполнению тактико-огневых элементов, тактико-огневых связок, в составе боевой группы (части её), которые выполняются поочередно и одновременно.

Данный комплекс упражнений направлен на отработку слаженности действий боевых единиц по выполнению элементов правосторонней, (левосторонней) штурмовых изготок в составе боевой группы (части её), с поражением целей сериями, строго за отведенную норму времени, как в составе боевой группы, так и части её».

Особенность данного комплекса состоит в том, что он выполняется с использованием средств индивидуальной защиты, специальных средств и полного комплекта необходимой экипировки. Каждое представленное специальное упражнение включает в себя четыре варианта его выполнения и выполняется как на правую, так и на левую сторону.

Контрольные упражнения, выполняются в строгом соблюдении с установленными правилами безопасности, относительно представленных условий обстановки, с четким соблюдением установленной нормы времени, отведенного на его выполнение [2].

К выполнению допускаются сотрудники, которые усвоили основные правила безопасности, специфику и особенности выполнения тактико-огневых элементов, тактико-огневых связок, порядок обращения с оружием и приобрели необходимый практический навык, который предоставляет возможность каждой боевой единицы умело действовать с использованием как правосторонней штурмовой изготки, так и с использованием левосторонней штурмовой изготки.

Подводя итог сказанному, обратим внимание, что с помощью представленной методики уже на первоначальном этапе удастся закладывать необходимую профессиональную базу знаний, качеств, навыков, умений, которые в дальнейшем, безусловно, делают работу каждой боевой единицы максимально безопасной, слаженной и эффективной.

Пристатейный библиографический список

1. Обучение сотрудников специальных подразделений МВД России выполнению тактико-огневых упражнений в ситуациях захвата заложников метод. рекции. – Домодедово ВИПК МВД России, 2013.
2. Методика обучения сотрудников специальных подразделений МВД России комплексу специально-подготовительных упражнений из пистолета учеб. практ. пособие - Домодедово ВИПК МВД России, 2022.

ХАННАНОВ Радмил Рафкатович

кандидат юридических наук, начальник Факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с раскрытием сущности понятия «организация оперативно-розыскной деятельности». Проводится анализ данного определения, с целью совершенствования профессионального оперативно-розыскного языка. В рассматриваемых дефинициях предпринята попытка определить их основные признаки (элементы). В дальнейшем автор приходит к выводу, что организация оперативно-розыскной деятельности является одной из наиболее сложных и многообразных систем, характеризующиеся формированием управляющей и управляемой подсистем (субъект и объект организации), созданием организационных отношений, способных обеспечить наиболее эффективное достижение поставленных целей с минимальными издержками.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, организация оперативно-розыскной деятельности, специальные организационные меры, организационно-управленческие меры, организационно-тактические меры.

KHANNANOV Radmil Rafkatovich

Ph.D. in Law, Head of the Faculty of Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel of the Academy of Management of the MIA of Russia

ORGANIZATIONS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES: TO THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT

The article discusses the problems associated with the disclosure of the essence of the concept of «organization of operational investigative activities». The analysis of this definition is carried out in order to improve the professional operational investigative language. In the definitions under consideration, an attempt is made to determine their main features (elements). In the future, the author comes to the conclusion that the organization of operational investigative activities is one of the most complex and diverse systems characterized by the formation of managing and managed subsystems (subject and object of the organization), the creation of organizational relationships capable of ensuring the most effective achievement of goals with minimal costs.

Keywords: operational and investigative activities, organization of operational and investigative activities, special organizational measures, organizational and managerial measures, organizational and tactical measures.

В теории оперативно-розыскной деятельности общие вопросы организационного характера, а затем и основы организации данной деятельности стали планомерно рассматриваться с середины 60-х годов прошлого столетия [1]. Отметим, что первые научные исследования по указанным проблемам были опубликованы в конце 50-х годов [2].

Длительное время исследования велись в направлении изучения практики организаторской работы и выработки рекомендаций по ее методике применительно к потребностям подразделений уголовного розыска, БХСС и других оперативных подразделений. По нашему мнению, в этом отражается профессиональный прикладной характер оперативно-розыскной теории. В связи с этим, разработка методических вопросов организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ООРД, ОРД) осуществлялась быстрее, чем их теоретическое осмысление и выработка научных определений сущности организации ОРД в целом.

Научная разработка проблем организации оперативно-розыскной деятельности освещены в трудах Д. В. Гребельского, Л. Н. Калинковича, А. Г. Лекаря, В. А. Лукашова, С. С. Овчинского, Г. К. Синилова и других ученых.

Отдельные направления организации ОРД в разные годы были исследованы В. Г. Бобровым, Э. И. Бордиловским, Н. Н. Васильевым, Н. П. Водько, Д. В. Гребельским, П. И. Ивановым, И. А. Климовым, В. П. Кувадиным, В. Н. Омелиным, Н. В. Павличенко, А. Б. Утевским, С. В. Харченко и другими специалистами. Фундаментальная же разработка организа-

ции оперативно-розыскной деятельности была проведена профессором В. М. Атмажитовым.

При рассмотрении положений, характеризующих сущность термина «организация оперативно-розыскной деятельности», необходимо прежде всего определить его смысловое содержание.

Одно из первых определений организации ОРД было раскрыто А. Г. Лекарем. Под организацией оперативно-розыскной деятельности он рассматривал наиболее целесообразную, при данных условиях, систему использования органов охраны общественного порядка (аппаратом) наличных сил, средств и методов оперативно-розыскной работы в предотвращении, раскрытии преступлений и розыске скрывшихся преступников [2].

Аналогичной позиции придерживался Д. В. Гребельский. Он считал, что «организация ОРД – это наиболее целесообразная, при имеющихся условиях, система комплексного применения оперативно-розыскных сил и средств для обеспечения эффективного решения задач в области борьбы с преступностью при обеспечении установленного режима социалистической законности» [4].

Новыми в данном определении признаками (по сравнению с дефиницией, предложенной А. Г. Лекарем) являются указание на необходимость «комплексного применения оперативно-розыскных сил и средств» и формулировка цели организации – «для обеспечения эффективного решения задач в области борьбы с преступностью».

Анализируя указанные определения, нельзя не отметить, что речь в них идет преимущественно об организационном аспекте на оперативно-тактическом уровне, а положения организационно-управленческого характера отсутствуют. Впоследствии этот пробел в раскрытии содержания организации ОРД и уяснении ее сущности был устранен в работах В. А. Лукашова, А. Б. Утевского и других специалистов.

В. А. Лукашов рассматривал организацию ОРД как «целенаправленную деятельность руководителей органов (аппаратов) внутренних дел по созданию оптимальных условий функционирования служб и подразделений, осуществляющих оперативно-розыскные функции по организации взаимодействия между ними, направлению их усилий на успешное выполнение задач борьбы с преступностью путем объективной и глубокой оценки складывающейся оперативной обстановки, принятию научно обоснованных управленческих решений, обеспечивающих комплексное использование оперативно-розыскных сил, средств и методов, и обеспечению реализации этих решений в ходе повседневной оперативно-розыскной работы» [5]. В данной дефиниции акцентируется внимание на субъектах организации ОРД и определенных функциях управления в данной сфере.

В более широком аспекте определение понятия «организации ОРД» сформулировал А. Б. Утевский. Он пришел к выводу, что организация оперативно-розыскной деятельности представляет собой систему «организационных, правовых, материально-технических (экономических) мер, обеспечивающих с учетом современного состояния и перспектив изменения оперативной обстановки специализированное и комплексное использование сил, средств, методов и форм ОРД для успешного решения профессиональных задач по борьбе с преступностью во взаимодействии с другими службами и правоохранительными органами» [6].

Согласно позиции М. В. Маркелова и В. Ю. Фролова, функционирование системы оперативных аппаратов органов внутренних дел осуществляется посредством: информационного обеспечения; принятия управленческого решения; работы с исполнителями; взаимодействия и координации; учета и контроля; корригирования и регулирования [7].

Профессор П. И. Иванов: «Под организацией ОРД следует понимать базирующиеся на законах и подзаконных нормативных правовых актах научно организованную систему действий с учетом складывающейся оперативной обстановки, направленных на предупреждение и раскрытие преступлений путем принятия управленческих решений, включающих совокупность мер правового, организационного и тактического плана» [8].

В вышеперечисленных понятиях «организация ОРД» указанных и иных авторов была предпринята попытка определить ее основные признаки (элементы). По нашему мнению, на основании изложенного можно констатировать, что организация как управленческая категория направлена на создание оптимальных условий, необходимых для осуществления проводимых в рамках совместной деятельности комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений [9].

Эффективность органов внутренних дел по борьбе с преступностью во многом определяется уровнем организации данного процесса. Несомненно, организация ОРД является

одной из наиболее сложных и многообразных систем. Она характеризуется формированием управляющей и управляемой подсистем (субъект и объект организации), созданием организационных отношений, способных обеспечить наиболее эффективное достижение поставленных целей с минимальными издержками [10].

Учитывая вышеизложенные дефиниции организации ОРД, отметим, что, несмотря на определенные различия, все они достаточно обоснованы и имеют право на существование. Однако на современном этапе, с практической точки зрения, на наш взгляд, под организацией оперативно-розыскной деятельности следует понимать комплекс (систему) специальных организационных мер, применяемых руководителями органов внутренних дел, их оперативных подразделений, иными субъектами, в целях эффективного использования оперативно-розыскных сил, мероприятий, методов, средств и форм для решения задач в указанной сфере деятельности [11].

Анализ данного определения позволяет выделить основные элементы ООРД, которые в своей совокупности достаточно полно выражают ее сущность и содержание. Их целесообразно рассматривать в определенном порядке с учетом их значимости в отражении специфики оперативно-розыскной работы. Во-первых, одним из основополагающих элементов организации ОРД является комплекс (система) специальных организационных мер, используемых для эффективного применения оперативно-розыскных сил, мероприятий, методов и средств в целях решения задач ОРД. Во-вторых, важным элементом являются субъекты организации данной деятельности, которыми являются руководители ОВД, их оперативных подразделений и иные субъекты. В-третьих, к числу значимых элементов относится формулировка цели организации такой деятельности.

Основные критерии, по которым классифицируется комплекс (система) специальных организационных мер, включают в себя:

- а) по содержанию – меры правовые, технические, финансовые и др.;
- б) по целевой направленности – организационно-управленческие и организационно-тактические меры;
- в) по уровню применения – меры международного, федерального и регионального (областного) характера;
- г) по субъектам применения – меры, осуществляемые руководителями органов внутренних дел, оперативных подразделений, а также должностными лицами органа внутренних дел и др.

Согласно подходу, развивавшемуся с начала становления науки об организации [12], ее содержание раскрывается в двух основных значениях: как состояние любой системы, предназначенной для решения конкретных задач в определенной форме; как функция управления, т.е. деятельность, приводящая систему в целенаправленное «движение» [13]. Первое значение определяет статику системы, ее состояние на определенный период [14]. Нередко в научной литературе их называют функциями-задачами. Второе значение – как составная часть процесса управления [15], характеризует ее в динамике, функционировании, «движении». В этом случае они выступают как функции-операции [15]. В совокупности, по своей сути, они образуют *организационно-управленческие меры*.

Такой подход корреспондируется с содержанием организации ОРД, предложенным В. М. Аتماжитовым [11], который включает в нее основные «статические» и «динамические» элементы (функции):

- научно обоснованное определение приоритетных направлений борьбы с преступностью, а также четкая постановка объективно необходимых и реально достижимых целей и задач оперативным подразделениям, осуществляющим деятельность по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений;

- осуществление нормотворческой (нормопроектирующей) работы с целью совершенствования ОРД;

- разработка и совершенствование организационно-штатной структуры, обеспечивающей построение оперативных подразделений по борьбе с преступностью;

- создание эффективной системы информационного и аналитического обеспечения ОРД в решении задач в борьбе с преступностью;

- прогнозирование и планирование ОРД по борьбе с преступностью;

- организация внешнего и внутреннего взаимодействия субъектов борьбы с преступностью;

- создание действенной и эффективной системы контроля за деятельностью специализированных подразделений, осуществляющих борьбу с преступностью;

- оценка состояния борьбы с преступностью, разработка и внедрение стимулирующих ее критериев;

- оказание практической помощи по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений;

- управление кадрами специализированных подразделений, осуществляющих борьбу с преступностью и др.

В заключение необходимо отметить, что использование дефиниции «организация оперативно-розыскной деятельности», на наш взгляд, актуально в разработке ее применения в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел, однако вопросы, связанные с рассмотрением сущности организации ОРД, являются предметом отдельного исследования.

Пристатейный библиографический список

1. Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. – М.: Академия МВД СССР, 1997. – С. 7-9.
2. Лекарь А. Г. Основы оперативно-розыскной деятельности: общая часть: учебник. – М., 1966. – С. 15-17.
3. Лукашов В. А. Предмет, содержание и методы оперативно-розыскной деятельности. – М, 1974. – С. 22.
4. Утевский А. Б. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел на транспорте и научно-практические меры повышения ее эффективности: автореф. Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1986. – С. 21.
5. Маркелов М. В., Фролов В. Ю. Основные элементы организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: Сб. науч. трудов. – Омск: Высшая школа милиции МВД СССР, 1986. – С. 93-97.

6. Иванов П. И. Оперативно-розыскная наука о частной теории организации оперативно-розыскной деятельности // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 1 (61) март. – С. 8-16.
7. Калинин Л. Н. Правовые и организационные основы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: учеб. пособ. – Минск, 1982. – С. 39.
8. Хомколов В. П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью. М.: Академия МВД России, 1999. – С. 26.
9. Аتماжитов В. М. Сущность и правовая основа организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. Лекция. – Академия управления МВД России. – 2014.
10. Богданов А. А. Очерки организационной науки. – М., 1922. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/bogdanov.ru.html> (дата обращения: 23.10.2010).
11. Савинов А. Г. Методика анализа и оценки управленческой деятельности: лекция – М.: Академия управления МВД России, 1996. – С. 4 @@ Акимова Т. А. Теория организации: учеб. пособ. для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2003. – С. 11.
12. Токарев Е. В. Основы организации оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел и пути ее совершенствования: лекция. – М.: Академия МВД России, 1994. – С. 15-16.
13. Туманов Г. А. Организация управления в сфере охраны общественного порядка. – М., 1972. – С. 166.

АЛЕКСЕЕВ Юрий Григорьевич

старший преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

НАСЫРОВ Рамиль Расилевич

преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, существующие у правоохранительных органов по борьбе с террористической преступностью. Актуальность работы заключается в том, что терроризм представляет собой угрозу для национальной и международной безопасности, а также безопасности личности и общества, в связи с чем требуются эффективные меры по его противодействию. Автор работы в начале статьи описывает понятие и признаки терроризма, приводит примеры научных классификаций данного явления. Далее автором обозначаются имеющиеся проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: терроризм, идеология насилия, безопасность государства, насилие, противодействие, меры борьбы, международное сотрудничество.

ALEXEEV Yuriy Grigorjevich

senior lecturer of Special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

NASYROV Ramil Rasilevich

lecturer of the Cycle of Professional Service and Physical Training of the Ufa School for Training Dog Handlers of the MIA of Russia, major of police

CURRENT PROBLEMS OF COUNTERING TERRORISM

This article discusses the current problems of law enforcement agencies in the fight against terrorist crime. The relevance of the work lies in the fact that terrorism poses a threat to national and international security, as well as the security of individuals and society, and therefore effective measures are required to counter it. The author of the work at the beginning of the article describes the concept and signs of terrorism, gives examples of scientific classifications of this phenomenon. Further, the author identifies the existing problems and suggests ways to solve them.

Keywords: terrorism, ideology of violence, state security, violence, counteraction, countermeasures, international cooperation.

На сегодняшний день терроризм является одним из волнующих всемирное сообщество проблемных вопросов. Терроризм способен разрушить установленную национальную и международную безопасность. В научном сообществе имеется большое количество определений терроризма, но несмотря на это, не имеется единого подхода относительно понимания его природы и характеристик. Мы считаем, что такая проблема возникает в силу многообразия видов и форм проявления террористической деятельности. С каждым годом террористы совершенствуют методы совершения такого опасного преступления, и с каждым годом количество вариантов его совершения увеличивается.

Согласно законодательному толкованию, терроризм определяется как идеология насилия, которая осуществляется путем применения насильственных действий для воздействия на органы государственной власти, местного самоуправления и международные организации, с целью принятия последними благоприятных решений для преступников [1, с. 33]. Указанная идеология насилия находит выражение в посягательстве на свободу отдельных личностей, органы управления, а также угрозу жизни и здоровью

обычных граждан страны. Эта деятельность часто связана с радикально настроенными оппозиционными силами.

Согласно мнению П. Уилкинсона терроризм следует классифицировать на основе типа действий [1, с. 7]. Такая классификация содержит три вида терроризма:

- 1) преступный терроризм. Данный вид терроризма связан с корыстным захватом имущества других людей;
- 2) политический терроризм. Данным видом охватываются террористические действия, имеющие революционный характер, и направленные главным образом на изменение существующего конституционного строя и государственного устройства;
- 3) терроризм, негласно поддерживаемый государственной политикой. Такой вид терроризма направлен на насильственное решение международных конфликтов и фактически выступает государственным терроризмом.

Ученым исследователем Г. Дэникером предложен другой вариант классификации. По его мнению, терроризм делится на [1, с. 10]:

- 1) внутренний, который подразумевает террористическую деятельность граждан против своего государства;

Алексеев Ю. Г.

Насыров Р. Р.

2) транснациональный, т.е. та же деятельность граждан против своего государства, однако местонахождением преступников является другое государство;

3) международный, который включает действия по осуществлению посягательства международными и межнациональными группами против разных государств.

По мнению ряда авторов, деление терроризма на виды весьма условно, поскольку все существующие разновидности не являются самостоятельными, а находятся в некотором «сплетении» друг с другом. Другими словами, в «чистом» виде та или иная разновидность терроризма практически не встречается.

Вне зависимости от вида террористической деятельности, данное преступление представляет повышенную опасность для разных защищаемых государством и международным сообществом интересов: начиная от сохранности имущества, здоровья граждан и заканчивая общей государственной и мировой безопасностью. Из существования проблемы терроризма вытекает актуальность рассмотрения существующих методов борьбы с данным негативным явлением и разработки новых мер.

Основным документом, отражающим систему противодействия терроризму, является Федеральный закон «О противодействии терроризму» № 35-ФЗ [2, с. 35]. Пункт 1 статьи 3 данного Федерального закона содержит закрепленные законодателем понятия, объясняющие суть системы борьбы с идеологией терроризма. Так, под борьбой с терроризмом законодатель понимает деятельность органов власти и органов местного самоуправления, направленная на сокращение факторов, способствующих появлению терроризма, расследование преступлений, связанных с террористической деятельностью, предупреждение и превентивные меры по борьбе с терроризмом на федеральном уровне, а также на устранение коренных причин террористических актов.

Борьба с терроризмом заключается в использовании наиболее эффективных приемов методов и способов, которые, в частности, направлены на предотвращение планируемых террористических актов и минимизацию последствий от них.

С каждым годом террористы совершенствуют методы совершения такого опасного преступления, и с каждым годом количество вариантов его совершения увеличивается. Террористы получают новое оружие, заводят новые преступные связи, используют информационные технологии [1, с. 27]. Данный фактор вызывает трудности для государственного контроля и приводит к возникновению серьезных проблем, связанных с тем, что силовые структуры борьбы с терроризмом отстают от современных реалий терроризма и используют устаревшие методы борьбы, которые не дают должной эффективности.

Так, в настоящее время в сфере противодействия преступности у государственных органов имеется ряд проблем:

1) отсутствует четкий подход при формировании стратегической программы противодействия терроризму.

2) распределение функций и задач в противодействии терроризму, который осуществляется государственными органами и органами местного самоуправления, является нерациональным;

3) сотрудники правоохранительных органов и силовых структур имеют слабую подготовку в отношении противодействия терроризму;

4) нормативно-правовая база, в том числе законы, требуют совершенствования (например, в части ужесточения ответственности).

5) у сотрудников правоохранительных органов отсутствует современное оборудование, необходимое для борьбы с преступностью;

6) в борьбе с преступностью мало развита система применения информационных технологий, в том числе технологий на основе искусственного интеллекта.

Также стоит отметить, что в последнее время для терроризма стал характерен переход в информационно-цифровую среду, что также усложняет процесс профилактики и пресечения терроризма.

Для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности мы предлагаем предпринять следующие меры:

1) разработать четкую стратегическую программу по реализации антитеррористической деятельности. Для создания программы необходимо привлечь к участию в ее разработке представителей разных правоохранительных органов, специалистов в области безопасности и экспертов по противодействию терроризму;

2) оптимизация распределения функций в сфере противодействия терроризму. Для этого необходимо провести качественный анализ деятельности всех органов государственной власти и органов местного самоуправления, определения их сильных сторон и выделения в соответствии с этим оптимальных для них компетенций. Также необходимо создать механизм координации действий между органами;

3) разработать новую систему подготовки сотрудников, специализирующихся на противодействии терроризму, которая будет включать специализированные тренинги и семинары, обмен опытом с другими странами и предоставление доступа к современным методам и технологиям в области борьбы с терроризмом;

4) усовершенствовать нормативно-правовую базу в области террористических преступлений: ужесточение ответственности за осуществления террористических актов; анализ законодательства на наличие пробелов и проблем; изменения и дополнения законодательства для более эффективного пресечения деятельности террористических группировок;

5) улучшение ресурсного и научно-технического обеспечения сотрудников правоохранительных органов: разработка долгосрочной программы по обновлению технической базы для борьбы с террористами; обучение сотрудников пользованию новым оборудованием для повышения их эффективности и безопасности;

6) развитие системы информационных технологий и систем искусственного интеллекта путем создания специализированных центров по разработке ИТ-технологий по борьбе с терроризмом; проведение исследовательских работ в области возможности внедрения искусственного интеллекта в деятельность правоохранительных органов.

Использование предложенных в данной работе мер по усовершенствованию системы борьбы с террористической преступностью позволит более эффективно и успешно предотвращать, и предупреждать террористические акты, что в свою очередь повысит уровень национальной и международной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. О противодействии терроризму. [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
2. Гайнетдинова Г. С. Виды современного терроризма // Вестник РУК. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-sovremennogo-terrorizma>.

АРАМИСОВ Амир Асланович

кандидат политических наук, преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

КУШПОВА Дина Робертовна

инспектор отдела обеспечения исполнения административного законодательства и обработки информации Центра автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения ГИБДД МВД по Карачаево-Черкесской Республике, младший лейтенант полиции, слушатель факультета профессиональной подготовки учебной группы ВЮ-09 Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России

Арамисов А. А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КИБЕРЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются актуальные проблемы распространения киберэкстремизма в молодежной среде. Активное развитие информационных технологий, цифровизация фактически всех сфер жизнедеятельности общества помимо позитивных тенденций спровоцировали и появление ряда негативных последствий, в частности новых видов преступности. Так к числу таких преступлений относятся информационный экстремизм (киберэкстремизм), информационный терроризм (кибертерроризм). Особое внимание уделяется распространению киберэкстремизма в молодежной среде, так как именно для молодежи характерны не полностью сформированное мировоззрение, желание высказывать протесты, проявлять себя в обществе и стремление к оппозиционным действиям. Кроме того, именно молодежь является наиболее активной социальной категорией, которая активно использует информационные ресурсы. Открытость, доступность глобальной сети позволяют экстремистам, экстремистским организациям использовать ее в качестве платформы для размещения информации экстремистского характера и привлечения новых членов в свои незаконные формирования. Указанные процессы не могут не вызывать беспокойства со стороны государства, правоохранительных органов, общества. В связи с тем, что данная проблема является масштабной и ее решение требует комплексного подхода и объясняется актуальность исследуемой проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, киберэкстремизм, терроризм, идеология, профилактика, информационная безопасность, молодежная среда, сепаратизм.

ARAMISOV Amir Aslanovich

Ph.D. in political sciences, lecturer of Internal affairs activities in special conditions sub-faculty of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

KUSHPOVA Dina Robertovna

Inspector of the Department for Enforcement of Administrative Legislation and Information Processing of the Center for Automated Recording of Administrative Offenses in the Field of Traffic of the State Traffic Safety Inspectorate of the MIA for the Karachay-Cherkess Republic, junior of lieutenant police, student of the Faculty of Professional Training of the training group VYu-09 North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch) of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Кушпова Д. Р.

CURRENT PROBLEMS OF THE SPREAD OF CYBER EXTREMISM AMONG YOUTH

The article examines current problems of the spread of cyber extremism among young people. The active development of information technology, digitalization of virtually all spheres of society, in addition to positive trends, have also provoked the emergence of a number of negative phenomena, in particular the emergence of new types of crime. Thus, such crimes include information extremism (cyber extremism), information terrorism (cyber terrorism). Particular attention is paid to the spread of cyber-extremism among young people, since it is precisely young people who are not characterized by a fully formed worldview, the desire to express protests, express themselves in society and the desire for oppositional actions. In addition, it is young people who are the most active social category that actively uses information resources. The openness and accessibility of the global network allows extremists and extremist organizations to use it as a platform for posting information of an extremist nature and attracting new members to their illegal formations. These processes cannot but cause concern on the part of the state, law enforcement agencies, and society. Due to the fact that this problem is large-scale and its solution requires an integrated approach, the relevance of the problem under study is explained.

Keywords: extremism, cyber extremism, terrorism, ideology, prevention, information security, youth environment, separatism.

В XXI в. происходит глобальная информатизация общества. Высокие темпы информатизации спровоцировали серьезные проблемы в сфере информационной безопасности. Активное развитие информационных технологий и

цифровых механизмов спровоцировали появление новых форм девиантного поведения. К такого рода новым явлениям относится и появление нового вида экстремизма – «киберэкстремизма». Иначе под киберэкстремизмом понимается

информационный экстремизм, т.е. экстремисты и экстремистские организации используют в своей деятельности информационные и цифровые технологии. Киберэкстремизм – это относительно новое явление, но изучению данной проблемы уже посвящено немало научных работ. Так исследованием проблемы информационного экстремизма занимаются такие специалисты как В. А. Знаменский, Е. М. Даньшина, В. В. Цаплева, Е. А. Куликов, Н. Н. Полякова [3, с.170].

Научных работ, рассматривающих меры по профилактике распространения киберэкстремизма в молодежной среде, мало. Данная проблема является крайне актуальной, учитывая современные тенденции, характерные для молодежной среды. Самыми активными пользователями Интернета, социальных сетей и в целом информационных технологий являются именно представители молодежи. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что контент экстремистского характера в основном размещается именно молодежью, которая активно использует возможности глобальной сети. Понимание сущности «киберэкстремизма» не представляется возможным без обращения к дефиниции понятия экстремизм. Четкое и наиболее понятное определение термину экстремизм дает Шанхайская Конвенция о борьбе с сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом. В рамках данного документа обозначено следующее определение: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в т. ч. организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них» Н. М. Сирота представляет более общее понятие экстремизма: «ориентация в политике на крайне радикальные идеи и цели, достижение которых осуществляется в основном силовыми, а также нелегитимными и противоправными методами и средствами» [1].

Анализ различных определений экстремизма проведен в целях выявления основных и общих признаков. Так можно констатировать, что экстремизм – это социально-опасное деяние, негативно отражается на обществе и может быть представлено в виде комплекса институтов, идей, установок. В целом экстремизм – это своего рода идеология, которая имеет свою специфику. Исходя из понятия экстремизма, определим сущность нового явления «киберэкстремизма». Киберэкстремизм представляет собой особый вид деятельности экстремистов и экстремистских организаций, осуществляемой непосредственно в информационном пространстве. Данной форма деятельности включает проведение различных операций с информацией экстремистского характера, в частности передачи, приема, хранения и распространения. Т.е. экстремисты, экстремистские организации в криминальных целях используют новые информационные и цифровые технологии. В основном информационное пространство используется для распространения идей экстремизма. Осуществляется распространение посредством размещения сообщений, текстов, содержащих оскорбительные высказывания в отношении этнических, религиозных и иных социальных групп. Сообщения могут содержать призывы к осуществлению насильственных действий в отношении данных групп. Сообщение экстремистской направленности, как правило, не ограничивается только оскорблениями в адрес

определенных социальных групп. В основном это призывы к совершению противоправных насильственных действий, изменению государственной власти, конституционного строя государства. Киберэкстремизм – это новый вид экстремизма, который применяет информационные ресурсы и цифровые технологии в целях распространения экстремистской идеологии. Основным инструментом киберэкстремизма является глобальная сеть. Именно Интернет предоставляет широкие возможности для распространения идеологии экстремистского характера. Экстремисты и экстремистские организации активно используют новые возможности развития технологий [5, с. 11].

Экстремисты активно осваивают киберпространство. Именно, киберпространство предоставляет широкие возможности для того, чтобы привлекать новых участников в экстремистские сообщества. В современном обществе призывы к совершению преступных действий, обсуждения плана действий происходит именно посредством использования социальных сетей, мессенджеров. Информация экстремистского характера может быть в любом формате размещена в сети Интернет: аудиофайлы, видеофайлы, фото, рисунки и т.д.

Именно в глобальной сети размещаются призывы к совершению экстремистских правонарушений. Возбуждение ненависти, национализма, религиозной нетерпимости, вражды осуществляется посредством использования возможностей глобальной сети. Киберэкстремизм – это явление, которое представляет собой опасность для всего мирового сообщества 21 века. Важнейшим направлением противодействия киберэкстремизму является профилактика, а особенно в молодежной среде. Профилактические мероприятия по распространению идей киберэкстремизма является проблемой комплексной и актуальной. Профилактика идей киберэкстремизма предусматривает применение технологических, информационных, нормативно-правовых, образовательных инструментов. Для экстремистов и экстремистских сообществ именно молодежь является целевой аудиторией для распространения своей идеологии. Кроме того, именно молодые люди активнее совершают преступления экстремистского характера. Молодежь является самой уязвимой категорией для распространения и принятия экстремистской идеологии. Социальная психология определяет причины участия молодежи в совершении террористических и экстремистских преступлений. Так причиной является наличие у молодежи психологических потребностей, которые искажены, либо дефектов личности. Это является основной причиной, а не стремление к совершенствованию политической, социальной и экономической жизни общества.

Исходя из этого, молодежная среда является благоприятной для формирования кардинальных взглядов экстремистского характера, готовности к следованию за неформальным или формальным лидером молодежи, завоевавшим определенный авторитет в молодежном сообществе. Многие специалисты отмечают, что ключевым направлением профилактической работы по распространению киберэкстремизма является усиленное влияние воспитательных мероприятий со стороны социальных, образовательных институтов и средств массовой информации на мировоззрение молодежи. В связи с чем необходимо инициировать повышение уровня информационной безопасности. Параллельно следует повысить эффективность работы с молодежью и родителями,

а именно проводить широкомасштабную информационно-просветительскую работу. Реализация такого рода мероприятий возможна на базе образовательных учреждений посредством проведения тренингов, круглых столов, лекций, семинаров, а также прохождением определенных курсов. В систему образовательных программ при реализации образовательного процесса следует включить комплекс программ, которые направлены на профилактику информационного терроризма и экстремизма. Цель данных программ – это укрепление позиции молодежи на толерантное поведение [2, с. 60].

Положительные результаты в осуществлении борьбы с киберэкстремизмом возможны только при проведении систематической и логичной воспитательной профилактики в молодежной среде. Профилактические мероприятия следует проводить в комплексе образовательными учреждениями, правоохранительными органами, социальными институтами и молодежными объединениями. Профилактика в молодежной среде направлена на снижение уровня вовлеченности молодежи в экстремистские объединения. Молодежь под воздействием деятельности экстремистов и экстремистских организаций становится более жестокой, вспыльчивой, агрессивной, пропадает чувство терпимости и уважения. Основная цель деятельности киберэкстремистов и организаций – это реализация действий на практике. Так и происходит: молодежь постепенно переносит действия в реальный мир. В молодежной среде на этом фоне происходит резкий рост уровня преступности, что также вызывает опасения в обществе. Молодые люди до такой степени увлечены действиями в виртуальном пространстве, что и не замечают как совершают преступные действия в реальном мире. В средствах массовой информации увеличивается количество сообщений, где говорится о совершении преступлений молодыми людьми в отношении своих однокурсников, одноклассников. Это свидетельствует о росте уровня опасности деятельности киберэкстремистов и необходимости принятия срочных мер по борьбе с информационным экстремизмом. Общество испытывает отрицательное воздействие под влиянием киберэкстремизма. Особенно отрицательному воздействию подвержена молодежь, которая приобретает в результате все больше отрицательных характеристик [4, с. 27].

Для решения проблемы распространения киберэкстремизма в молодежной среде необходимо выявить причины проблемы. Чтобы повысить эффективность профилактики распространения киберэкстремизма в молодежной среде следует:

1. повысить уровень жизни населения: обеспечить формирование условий, которые позволят молодежи быть уверенными в своем будущем;
2. проведение активной работы по пропаганде среди молодежи духовно-нравственных идеалов, высоких моральных ценностей, традиций, идей патриотизма, толерантности и веротерпимости;
3. повышение уровня доступности культурно-досуговых мероприятий;
4. проводить мероприятия по отслеживанию и своевременному устранению информации экстремистской направленности;
5. ввод цензуры на компьютерные игры;

6. повышение информативности молодежи о проблемах экстремизма, терроризма и их видов стране и мире в целом.

Очевидно, что реализация описанных выше мер – это задача совместной деятельности правоохранительных органов, образовательных организаций и общественных институтов. Именно проведение профилактики киберэкстремизма является наиболее эффективным механизмом борьбы с киберэкстремизмом в 21 веке.

Пристатейный библиографический список

1. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.). Доступ из справочно-правовой системы «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2561763/> (дата обращения: 24.11.2023).
2. Деятельность правоохранительных органов по противодействию экстремизму и терроризму: материалы всероссийского круглого стола (г. Казань, 30 ноября 2017 г.) / Под ред. С. Н. Миронова. – Казань: КЮИ МВД России, 2017. – 160 с.
3. Знаменский В. А., Даньшина Е. М., Цаплева В. В. Киберэкстремизм и кибертерроризм среди молодежи. Причины и профилактика // Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Нет ненависти и вражде: профилактика экстремистских и ксенофобских проявлений в молодежной среде на территории СКФО» / Под ред. Т. А. Шебзуховой, А. А. Вартумяна. – Пятигорск: Изд-во ПФ СКФУ, 2019. – С. 169-173.
4. Инновационные технологии профилактики экстремизма / Сост. Д. М. Абдрахманов. – Уфа: Изд-во БПУ, 2018. – 170 с.
5. Куликов Е. А. Цифровой экстремизм: общее, особенное и единичное // Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества: сб. ст. по итогам III Всерос. студен. науч.-практ. очно-заочной видеоконф. / Под ред. В. А. Мазурова, М. А. Стародубцевой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. – С. 11-12.

НИКОЛАЕВ Николай Юрьевич

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Уральского юридического института МВД России

КОЖИН Дмитрий Александрович

старший преподаватель кафедры огневой подготовки Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск

ФАЙРУШИН Тимур Аликович

старший преподаватель кафедры огневой и тактико-специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ ДЛЯ ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ НЕЗАКОННО НАХОДЯЩИХСЯ В ВОЗДУШНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

В статье анализируются отдельные аспекты применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в целях пресечения незаконного нахождения в воздушном пространстве Российской Федерации беспилотных летательных аппаратов. В частности, с теоретической и практической точек зрения, рассматриваются вопросы целесообразности применения огнестрельного оружия в обозначенных целях, при проведении массовых мероприятий. Также, особое внимание уделено вопросам толкования некоторых положений Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

Ключевые слова: БПЛА; БВС; применение огнестрельного оружия; полиция; воздушное пространство РФ; беспилотные летательные аппараты.

NIKOLAEV Nikolay Yurjevich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the Ural Law Institute of the MIA of Russia

KOZHIN Dmitry Alexandrovich

senior lecturer of Fire training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

FAYRUSHIN Timur Alikovich

senior lecturer of Fire and tactical special training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE USE OF FIREARMS TO NEUTRALIZE UNMANNED AERIAL VEHICLES ILLEGALLY PRESENT IN THE AIRSPACE

The article analyzes certain aspects of the use of firearms by police officers in order to prevent the illegal presence of unmanned aerial vehicles in the airspace of the Russian Federation. In particular, from a theoretical and practical point of view, the issues of expediency of using firearms for designated purposes, during mass events are considered. Also, special attention is paid to the interpretation of certain provisions of Federal Law No. 3-FZ dated February 7, 2011 "On Police".

Keywords: UAVs; UAVs; use of firearms; police; airspace of the Russian Federation; unmanned aerial vehicles.

Развитие научно-технического прогресса не стоит на месте, с каждым годом новые технологии все активнее внедряются в различные сферы жизнедеятельности общества, автоматизируя тем самым уровень производства материальных благ и создавая наиболее благоприятные условия жизни людей. Однако, несмотря на имеющиеся позитивные тенденции появления данных технологий, существует и обратная сторона медали. Так, с каждым годом увеличивается количество преступлений совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, особенно актуальным в данной сфере является тенденция активного внедрения научно-технических разработок в области беспилотной техники, и использование таких технологий для совершения отдельных видов преступлений.

При помощи беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА или БВС), совершается огромное количество правонарушений, но главная опасность видится и в том, что БПЛА используется для совершения террористических актов.

Активное применение, таких аппаратов, террористами началось с 2015-2016-х годов. Как правило, в этой области, БПЛА применяются в целях: разведки территорий; сбрасывания взрывных устройств с воздуха; осуществления видеосъемки для создания пропагандистских фильмов, направленных на агитацию терроризма; или для поиска и уничтожения заданного объекта (дроны-камикадзе).

Ухудшение геополитической обстановки на территории Российской Федерации, обусловило внедрения законодательных изменений, одним из которых является федеральный закон № 404-ФЗ от 2 декабря 2019 г. Данным законом были внесены изменения в отдельные ведомственные нормативно-правовые акты. В частности, ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» была дополнена п. 40, закрепляющим право сотрудников полиции на пресечение полета БПЛА над публичными (массовыми) мероприятиями, местами проведения неотложных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий [1].

Для осуществления данного права, сотрудники полиции, согласно п. 5 ч. 3 ст. 23 Федерального закона № 3-ФЗ, могут применять специальные технические средства противодействия либо огнестрельное оружие. При применении последнего и возникает ряд процедурных вопросов.

В частности, легальное определение беспилотного летательного аппарата содержится в Воздушном кодексе РФ, согласно которому БВС – это воздушное судно, управляемое пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот то есть лицо, осуществляющие управление за пределами воздушного судна, посредством дистанционного способа управления) (п. 5 ст. 32 ВК РФ). При этом, отметим, что термины БВС (беспилотное воздушное судно) и БПЛА (беспилотный летательный аппарат), в российском законодательстве применяются как тождественные понятия.

Условно, по законодательному признаку, БПЛА можно разделить на две группы: подлежащие учёту в Федеральном агентстве воздушного транспорта (Росавиации) и не подлежащие таковому [2, с. 150].

Данная классификация обусловлена исходя из положений Правил учета беспилотных гражданских воздушных судов, утверждённых Постановлением Правительства РФ № 658 от 25 мая 2019 года.

Судна массой менее 0,15 кг не требуют регистрации в Единой системе организации воздушного движения, и, по своей сущности обладают меньшей общественной опасностью, чем более габаритные БВС, разумеется, они также могут осуществлять видеосъёмку, однако, перевозка каких-либо грузов с их помощью весьма маловероятна.

Для сравнения, даже дрон массой менее 250 грамм DJI mini 2, способен поднять лишь 283 дополнительной нагрузки. При этом, отметим, что средний вес одной гранаты колеблется от 250 до 350 грамм, например, масса РГД-5 составляет 310 грамм, зона поражения – 25 метров, отсюда следует вывод, что дрон массой менее 150 грамм не способен поднять взрывные устройства заводского производства (подъем взрывных

устройств кустарного производства возможен, однако зона поражения при этом существенно сокращается, этим и обусловлен его уровень меньшей общественной опасности.

Возвращаясь к вопросам толкования использованного в п. 5 ч. 3 ст. 23 Федерального закона № 3-ФЗ понятия БПЛА, отметим, что не совсем ясно, обе ли вышерассмотренные категории БПЛА попадают под действие закона. Основываясь на принципах расширительного толкования, можно сделать вывод, что под данное понятие попадают обе категории, однако отсюда возникает вопрос, всегда ли целесообразно применять огнестрельное оружие к БПЛА взлетной массой менее 0,15 кг?

Применительно к правому положению данной категории БПЛА, отметим, что их полет должен осуществляться на высоте не более 150 метров и в зоне видимости пилота (кроме того, ответственность за правонарушения в этой сфере закреплена в нормах административного и уголовного законодательства (ст. 11.4 и ст. 11.5 КоАП РФ и ст. 271.1 УК РФ), в случае нарушения данных правил, также не совсем ясен вопрос, как определить пилота для того что бы потребовать его прекратить совершать противоправные действия в виде нарушения порядка использования воздушного пространства РФ.

Также, анализируя аспекты применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, отметим, что в ст. 23 ч. 6 закреплён запрет на применение сотрудником полиции огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

Предполагается, что в местах, указанных в п. 40 ч. 1 ст. 13 вышеназванного федерального закона, значительное скопление граждан присутствует, кроме того, в случае применения огнестрельного оружия в местах проведения массовых мероприятий, после производства выстрела, в толпе может возникнуть паника и давка, что также приводит к определенным неблагоприятным последствиям. Поэтому, возникает вопрос: допустимо ли применение огнестрельного оружия для ликвидации БПЛА над местами проведения массовых мероприятий?

Полагаем, что решение данного вопроса зависит от ситуации, в частности, если в результате наблюдения, сотрудник полиции, обнаруживает БПЛА с прицепленным к нему грузом (с большей долей вероятности, это может быть взрывное устройство), необходимым видится принять возможные действия для эвакуации граждан (хотя бы, над местом возможного падения БПЛА) и далее – применить огнестрельное оружие для обезвреживания БПЛА. Если же, к БПЛА не прикреплен какой-либо груз, в случае большого скопления людей, применение огнестрельного оружия может являться нецелесообразным.

Так в случае, если БПЛА случайно оказался в местах проведения массового мероприятия, и, по своей сути, не представляет опасности для окружающих, применение в отношении него огнестрельного оружия может привести к более тяжким последствиям, в частности, может образоваться паника, люди побегут в разные стороны и начнется давка, в результате которой будет причинен вред здоровью граждан или иные тяжкие последствия. Кроме того, с большей степенью вероятности, будет причинён и материальный вред. В этом случае если действия сотрудниками полиции будут признаны незаконными, руководствуясь нормами гражданско-процессуального законодательства, в такой ситуации, в качестве ответчика будет выступать МВД, а именно сотрудник полиции, действия которого привели к указанным последствиям. Однако, если сотрудник действовал в соответствии с законом, в качестве ответчика будет привлечено лицо, непосредственно осуществляющее управление БПЛА.

Рассматривая отдельные аспекты в этой области, возникает и вопрос относительно информирования сотрудником полиции о возможном применении огнестрельного оружия, о своей принадлежности к органам внутренних дел и о намерении применения им огнестрельного оружия [3, с. 327].

Управление БПЛА осуществляется дистанционно, путём удаленного доступа, но на протяжении всего полета человек, управляющий БПЛА (далее – пилот), оценивает окружающую обстановку и непосредственно осуществляет управление, с помощью видеокамеры, прикрепленной на БПЛА.

В связи с этим большое значение имеет форма информирования сотрудниками полиции о применении в отношении БПЛА огнестрельного оружия. Безусловно, основной формой информирования, в данном случае, будет являться наличие

о сотрудника форменного обмундирования, показывающего его принадлежность к органам внутренних дел. Учитывая то, что большинство БПЛА не оснащены системой приема аудиоинформации, а также то, что устное предупреждение сотрудника, в условиях шума на улице, либо ввиду большой высоты БПЛА, с большей долей вероятности не может быть воспринято пилотом. Поэтому, устная форма предупреждения видится нецелесообразной.

Осуществление предупредительного выстрела в верх в воздух, также не всегда является оптимальным вариантом решения данной проблемы, опять же, применительно к случаям с массовыми мероприятиями.

Единственно верным, на наш взгляд, решением, является использование средств массовой информации, через которые заблаговременно будет осуществляться информирование о месте и времени проведения массового мероприятия, а также о недопустимости полета БПЛА над местом его проведения и о том, что в случае нарушения, сотрудники полиции имеют право применить огнестрельное оружие без предупреждения. Данную информацию также необходимо размещать на информационных щитах, расположенных вдоль периметра проведения мероприятия.

Сложнее дела состоят с решением вопроса о предупреждении при применении огнестрельного оружия в отношении БПЛА, осуществляющего свой полет над местом проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Предполагаем, что в этом случае, в качестве информирования будет выступать наличие оградительной ленты и сотрудников в форменном обмундировании.

В целом, рассматривая данную новеллу законодателя, относительно применения огнестрельного оружия для уничтожения или повреждения БПЛА, с практической точки зрения, возникает вопрос об её эффективности. Во-первых, табельным оружием сотрудника полиции, в основном является пистолет Макарова и его модифицированные версии. Данное оружие предназначено для поражения противника на коротких расстояниях, эффективная дальность до 50 метров, при этом, высота полета БПЛА, зачастую значительно больше данного показателя. Во-вторых, попасть в постоянно движущийся объект в воздухе, на расстоянии более 50 метров является достаточно сложной задачей даже для особо подготовленных сотрудников специальных подразделений.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на то, что огнестрельное оружие может использоваться для ликвидации беспилотных летательных аппаратов, в некоторых ситуациях, такое применение может быть нерациональным и неэффективным, кроме того, его использование может вызвать определенные последствия, сопряженные с причинением имущественного вреда и вреда жизни и здоровью граждан. Именно поэтому, все вышеизложенные и многие другие проблемные вопросы способны вызвать определенные трудности и соответствующие правовые последствия для сотрудников органов внутренних дел, в связи с чем, они требуют скорейшего решения, так как от этого напрямую зависит уровень безопасности в Российской Федерации в целом, и эффективность работы правоохранительных органов в частности.

Пристатейный библиографический список

1. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Кобленков А. Ю. Проблема правовой определенности законодательства, регламентирующего порядок и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, на примере последних поправок, внесенных в ФЗ «О полиции» (ФЗ № 404 от 02.12.2019) // Вестник Нижегородского юридического института. - 2020. - № 2. - С. 149-154.
3. Гусев В. А., Пивоваров Д. В., Филиппов О. Ю. Отдельные аспекты применения полицией огнестрельного оружия в отношении незаконно находящихся в воздушном пространстве беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2021. - № 4. - С. 325-329.

БАЛАБКИН Дмитрий Алексеевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета имени Петра Великого

АБРОСИМОВ Илья Сергеевич

студент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета имени Петра Великого

ГОГОЛЕВА Валентина Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского Политехнического университета имени Петра Великого

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ И ИХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования мер противодействия коррупции на территории России, а также особая роль правовой культуры в противодействии коррупции на различных исторических этапах развития государства. Авторы считают, что правовая культура оказывала огромное влияние на создание правовых мер противодействия коррупции, сочетание правовых и моральных норм в реализации антикоррупционной политики. Сделан вывод о том, что в сфере правовой культуры к критериям эффективности формирования механизма правового воздействия на данном этапе развития общества следует отнести поддержку антикоррупционной законодательной политики со стороны общественного мнения, моральное осуждение коррупции, рассмотрение в едином контексте принципов антикоррупционной этики и служебного поведения, реализацию идеи антикоррупционного правового воспитания молодежи.

Ключевые слова: коррупция, меры противодействия, история, развитие, правовая культура.

BALABKIN Dmitriy Alexeevich

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

ABROSIMOV Ilya Sergeevich

student of the Higher School of Law and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

GOGOLEVA Valentina Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Higher School of Law and Forensic-Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE ROLE OF LEGAL CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF ANTI-CORRUPTION MEASURES: HISTORICAL STAGES AND THEIR MAIN ASPECTS

The article examines the historical aspects of the formation of anti-corruption measures on the territory of Russia, as well as the special role of legal culture in combating corruption at various historical stages of the development of the state. The authors believe that legal culture had a huge impact on the creation and implementation of legal measures to combat corruption, as well as the improvement of these measures in connection with the development of legal culture. It is concluded that in the sphere of legal culture, the criteria for the effectiveness of the formation of a mechanism of legal influence at this stage of development of society should include support for anti-corruption legislative policy from public opinion, moral condemnation of corruption, consideration in a unified context of the principles of anti-corruption ethics and official behavior, implementation of the idea anti-corruption legal education of youth.

Keywords: corruption, countermeasures, history, development, legal culture.

На сегодняшний день коррупция является довольно массовым преступлением, совершаемых государственными служащими. Прежде чем выявить основные этапы борьбы с этим преступлением и определить роль правовой культуры, стоит дать общее понятие этим определениям.

Понятие коррупции происходит от латинского слова «corruption» — «подкуп, продажность». Существует два подхода к определению коррупции: законодательный и научный. Законодательный подход опирается на нормативно правовые акты и полностью повторяет нормы закона. Сторонники научного подхода считают, что коррупция — это не несколько правонарушений, перечисленных в законе, а антисоциальное, общественно-опасное явление. Таким образом, появляется некое общее определение, включающие широкий контекст явлений. Коррупция — это антисоциальное правонарушение, которое совершается государственными и публичными служащими и запрещено под страхом наказания действующим законодательством [5, с. 68].

Правовая культура оказывает существенное влияние на соблюдение законов и требований нормативно-правовых актов, что в свою очередь сокращает количество совершаемых правонарушений в обществе, в том числе влияет на антикоррупционное поведение.

Правовая культура — это знание и понимание права каждым членом общества и обществом в целом, что оказывает влияние на гарантированность прав и свобод человека, а также исполнение законов в обществе. В правовой культуре находят отражение духовные ценности и морально-нравственные установки отдельной личности, которые выражаются в чувствах и идеях, возникающих как реакция на то или иное правовое действие.

Ученые делят правовую культуру на два элемента — личный и общественный. Первый выражается во внутренней позиции отдельно взятой личности, а второй отражает позицию общества, как единого элемента [1, с. 237].

Большую часть истории российское общество достаточно нейтрально относилось к фактам проявления коррупции, не рассматривая это явление как преступление.

Первые упоминания о коррупции в России, по мнению различных авторов, относятся к четырнадцатому-пятнадцатому веку и появляются в таком нормативно правовом акте как Двинская уставная грамота, в которой впервые упоминается понятие посула «незаконного вознаграждения княжеского наместника». Также ученые обращают наше внимание на то, что посул упоминается и в Псковской Судной грамоте [4, с. 179].

Развитию коррупции на данном этапе, послужила система так называемых кормлений, которая заключалась в том, что местное население должно было самостоятельно обеспечивать чиновника едой, одеждой, оружием, и так далее. За этим последовали первые проявления злоупотребления властью, и возникновения особенностей взаимодействия по принципу, кто обеспечивает чиновника лучшими товарами, тот и будет занимать у него привилегированное положение [3, с. 45].

Как отмечает Межведилов А. М., система кормления полностью заменила ордынских баскаков, поэтому русский народ не заметил разницы [2, с. 54].

В это время формируется термин «мздоимство», который аналогичен взяточничеству, но в то время это считалось допустимым.

Правовая культура на этом историческом этапе, в основном, опиралась на веру, состояла из морально-нравственных установок общества, которые созданы на основании божественных законов. Вера оказывала существенное влияние на все сферы общественной и государственной жизни. К примеру, митрополит Кирилл осуждал мздоимство и приравнивал его к чародейству и пьянству, то есть к тяжким грехам.

Особым образом на взяточничество в России повлияла политика Ивана Грозного. В своем судебнике 1550 года царь приравнивал взяточничество к преступлению и указал, что взяточников надо не только наказывать, но еще и обязывать возратить все имущество, которое они получили. В последующем документе 1561 года царь приказал казнить взяточников.

Как отмечает Д. А. Пашенцев, такое развитие мер противодействия коррупции являлось стандартным и проходило на территории всех европейских государств [3, с. 46].

Следующим этапом развития антикоррупционных мер является этап после смутного времени, до царствования Петра Первого. На данном историческом этапе проблема коррупции стояла очень остро для Российского государства и общества; постоянные поборы, вторжения, неспособность власти противостоять внутренним и внешним угрозам заставили царей оказывать особое внимание проблемам коррупции.

Ненависть народа к коррупционерам была настолько велика, что новоиспеченный царь Алексей Михайлович был вынужден отдать судебных чиновников Л. С. Плещеева и Т. П. Траханиотова, которые превратили суд в оплот вымогательства, на растерзание народа. После этого события Алексей Михайлович в своем соборном уложении 1649 года уделил большое внимание проблемам взяточничества и коррупции – появился новый термин-вымогательство, стали рассматриваться различные степени взяточничества, за каждое из которых были предусмотрены свои наказания.

Правовая культура на этом этапе остается неизменной, основанной на православной вере, но стоит отметить, что бунт москвичей был одним из первых массовых выражений антикоррупционных взглядов российского общества. После такого события в государстве стало уделяться большее внимание антикоррупционным мерам, а коррупционеры перестали настолько открыто превышать свои полномочия.

Петровская эпоха стала переломным моментом во многих сферах государства и общества, реформы Петра Первого повлияли если не на все, то на очень многие аспекты государственного устройства, общества, культуры. Противодействию коррупции на этом этапе также уделялось значительное внимание. Коррупция стала не просто преступлением, а особым видом правонарушения, против которого был направлен целый комплекс мер по борьбе. Так впервые стали наказывать не только взяточников, но и тех, кто давал взятки. Также были созданы особые службы, контролирующие чиновников, появилась прокуратура, которая в том числе надзидала и за работой чиновников. Несмотря на все меры, успехов по борьбе с коррупцией было мало, а все положительные начинания, которые смогли бы изменить ситуацию в будущем, были отменены и забыты в период дворцовых переворотов.

С приходом Екатерины Второй за основу был взят прежний курс Петровских реформ, с коррупцией стали активно бороться [4, с. 181].

Правовая культура на данном этапе стала существенно развиваться, ей уделялось особое внимание. К примеру, еще Петр Первый в своих нормативно-правовых актах указывал, что коррупция введет государство к упадку и

народному недовольству, что отрицательно скажется на чиновниках. Екатерина Вторая уделяла правовой культуре и общественному мнению особое внимание, к примеру, все случаи взяточничества становились общественным достоянием, а также Екатерина стала формировать у самих чиновников неприязнь взятки, указывая, что взяточничество ослепляет глаза и развращает ум и душу. Таким образом, на данном этапе, в России впервые на законодательном уровне закрепились не только правовые способы регулирования коррупции, но и морально-нравственные [3, с. 50].

В целом девятнадцатый век сохранил тенденции Петра и Екатерины. Вопросам коррупции традиционно отводилось особое внимание, а также внимание уделялось формированию внутренних установок у самих чиновников.

Ученые особым образом отмечают Уголовный кодекс 1903 года, в котором впервые появилось понятие подарка должностному лицу, который не являлся бы взяткой, а был бы аналогом благодарности. К сожалению, по мнению Николая Второго большая часть Уголовного кодекса считалась неоконченной.

Приход большевиков к власти послужил источником распространения идей о том, что коррупция появилась благодаря капитализму и в скором времени исчезнет сама по себе. Однако вскоре пришлось ужесточать меры наказания. Так, в 1922 году за взяточничество назначался расстрел. Ужесточение наказания, партийный контроль, организационно-нормативные меры государства оказали существенное влияние на противодействие коррупции, но не искоренили её.

После распада Советского Союза в Российской Федерации в период разрушения законодательной базы проявления коррупции стали угрожающим явлением не только в экономике, социальной жизни, но и в сфере безопасности государства. Начиная с 2000-х гг. были выработаны новые меры по борьбе с коррупцией, в основу которых была положена реализация международно-правовых норм противодействия коррупции, разработка общих принципов антикоррупционного поведения, становление внутрисистемной системы противодействия коррупции в Российской Федерации, включающей как правовые, так и организационные механизмы управления.

В Российской Федерации предусматриваются возможности общественного контроля за деятельностью государственных служащих, они обязаны подавать декларации о доходах, не могут заниматься коммерческой деятельностью, открывать счета за границей. Развиваются способы общественного контроля, у гражданина есть возможность обратиться с жалобой в соответствующие органы.

В сфере правовой культуры к критериям эффективности формирования механизма правового воздействия на данном этапе развития общества следует отнести поддержку антикоррупционной законодательной политики со стороны общественного мнения, моральное осуждение коррупции, рассмотрение в едином контексте принципов антикоррупционной этики и служебного поведения, реализацию идеи антикоррупционного правового воспитания молодежи.

Пристатейный библиографический список

1. Геворкян Т. В. История формирования и развития правовой культуры населения // Известия ОГАУ. – 2014. – № 3. – С. 236-239.
2. Межведилов А. М., Бакулина Л. Т., Антонов И. О., Талан М. В., Виноградова Ю. В., Гильфанова А. Д., Под ред. Минзарипов Р. Г. Противодействие коррупции. Учебное пособие. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 192 с.
3. Пашенцев Д. А., Дорская А. А. Развитие законодательства о противодействии коррупции в России: тенденции и исторические этапы // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 42-58.
4. Прокументов Л. М. Уголовно-правовое противодействие коррупции в России: история и современное состояние // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 405. – С. 178-183.
5. Сувернева В. А. К вопросу о понятии коррупции // Символ науки. – 2020. – № 12-2. – С. 67-70.

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна

кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы Центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПЛЕКСНОЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В работе рассматриваются вопросы создания и модернизации комплексной системы безопасности охраняемых объектов информатизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В существующих условиях роста криминогенных угроз расширения вариативности способа их реализации такие объекты требуют сохранения высокого уровня защищенности, обеспечиваемого качественной системой физической защиты. Вместе с тем, для получения количественных оценок защищенности объекта требуется выработка ведомственных методик расчета показателей эффективности комплексной системы безопасности объекта. В работе предложен подход к оценке эффективности системы охранного телевидения с применением современных информационных технологий. На примере модельного объекта с применением технологий 3D-моделирования проиллюстрирован результат оценки эффективности системы охранного телевидения. Предложенный подход может быть применен для иных подсистем, формирующих систему безопасности ведомственного объекта информатизации, и обеспечивает возможность создания качественной информационной поддержки при принятии решений по модернизации системы защиты охраняемых объектов.

Ключевые слова: объект информатизации, комплексная безопасность, система охранного телевидения, система охраны, модель угроз, оценка эффективности системы физической защиты, уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

TSARKOVA Evgeniya Gennadjevna

Ph.D. in physical and mathematical sciences, leading researcher of the Department for the Study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the penitentiary System of the Center for the Study of Problems of management and organization of the execution of sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

THE USE OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES TO ASSESS THE EFFECTIVENESS OF THE INTEGRATED SECURITY SYSTEM OF INFORMATIZATION FACILITIES OF THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper considers the issues of creating and modernizing an integrated security system for protected informatization facilities of the Penal System of the Russian Federation. In the current conditions of the growth of criminogenic threats and the expansion of the variability of the way they are implemented, such facilities require maintaining a high level of security provided by a high-quality physical protection system. At the same time, in order to obtain quantitative estimates of the facility's security, it is necessary to develop departmental methods for calculating the effectiveness of an integrated facility security system. The paper proposes an approach to evaluating the effectiveness of a security television system using modern information technologies. Using the example of a model object using 3D technologies, the result of evaluating the effectiveness of a security television system is illustrated. The proposed approach can be applied to other subsystems that form the security system of a departmental informatization facility and provides the opportunity to create high-quality information support when making decisions on the modernization of the system of protection of protected objects.

Keywords: object of informatization, integrated security, security television system, security system, threat model, evaluation of the effectiveness of the physical protection system, penal enforcement system of the Russian Federation.

Царькова Е. Г.

В настоящее время, в условиях роста криминогенных угроз актуализируются вопросы применения новых технических средств и инженерно-технических решений в системах охраны объектов информатизации различной ведомственной принадлежности [1, с. 385]. Оценка эффективности системы безопасности объекта информатизации является важным шагом, необходимым для улучшения и модернизации существующих систем физической за-

щиты. Поэтому при создании и модернизации систем физической защиты объектов информатизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации целесообразна разработка аналитических моделей и методов, которые могут быть применены для оценки эффективности системы безопасности как на этапе проектирования, так и на этапе эксплуатации, без применения натуральных испытаний, поскольку проведение последних на действующих

Рисунок 1. Модель ведомственного охраняемого объекта информатизации

объектах может приводить к нарушению его штатной работы и кроме того, требует привлечения существенных объемов ресурсов [2, с. 35]. Разработка методик, позволяющих на основе количественных показателей получать комплексные оценки защищенности охраняемого объекта информатизации в целом позволяют снизить затраты на проведение анализа эффективности системы физической защиты (СФЗ).

Анализ СФЗ на объектах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации является сложной комплексной задачей, требующей привлечения средств автоматизации [3, с. 74]. Представленные на рынке программные средства (PROSA, EASI, ASSESS и др.), как правило, ориентированы на проведение оценки защищенности крупных объектов (например, объектов энергетики и др.), работают с моделью внешнего нарушителя и допускают выработку рекомендаций по усилению системы защиты объекта за счет выноса физических барьеров на более удаленное расстояние. Для охраняемых объектов уголовно-исполнительной системы такой подход не всегда применим, поскольку зачастую ведомственные охраняемые объекты находятся в черте города и система защиты не может быть усилена за счет большей отдаленности физических барьеров. Кроме того, в силу ведомственной специфики усиливается роль угроз, исходящих от потенциального внутреннего нарушителя. Следует отметить также, что использование указанных методик затруднительно для анализа защищенности охраняемых объектов информатизации небольшого размера. В связи с этим существует объективная потребность в разработке действенных методик и специализированных программных средств для оценки эффективности систем физической защиты объектов информатизации УИС, учитывающих ведомственную специфику, а также требования законодательства Российской Федерации в области импортозамещения [4, с. 46].

Система охранного телевидения является важнейшей составляющей системы комплексной безопасности охраняемого объекта. Согласно предлагаемому автором подходу для оценки эффективности данной подсистемы эффективно применение компьютерного моделирования, позволяющего количественно оценить обнаружительную способность размещенных на объекте технических средств видеонаблюдения, а также их достаточность.

В ходе проведенного исследования использован графический пакет Scetchup и модельный объект информатизации. Построена 3D-модель здания с размещением на ней

моделей видеокамер наружной установки (для примера выбран производитель Axis). Указанные устройства видеонаблюдения установлены на модели по периметру здания на его фасаде. При создании модели объекта настроены параметры камер: разрешение, угол обзора, фокусное расстояние и т.д. Результат моделирования приведен на рисунке 1.

Такие модели могут служить также инструментом для проведения инструктажа по обходу охраняемой территории, обучения сотрудников, а также использоваться в решении других прикладных задач, связанных с деятельностью служб охраны учреждений УИС.

Для оценки обнаружительной способности системы охранного телевидения в модель осуществлен ввод равномерно распределенных случайных точек, имитирующих несанкционированные действия (рисунок 2).

При моделировании несанкционированных воздействий на рассматриваемый объект часть тестовых точек, имитирующих появление нарушителя, попадает в зону видимости видеокамер, другая часть – в «слепую зону». Количественная величина обнаружительной способности системы видеонаблюдения, определяющая вероятность обнаружения несанкционированного действия видеокамерой, рассчитывается по формуле:

$$P = \frac{N_1}{N},$$

где N – общее количество сгенерированных случайных точек, N_1 – количество точек, попавших в зону видимости хотя бы одной камеры видеонаблюдения.

Количественное значение параметра P становится мерой физической защищенности объекта, позволяющей оценивать степень увеличения либо снижения защищенности объекта при изменении расстановки камер видеонаблюдения. Аналогичным образом может быть оценена обнаружительная способность системы охранно-тревожной сигнализации и иных подсистем безопасности объекта информатизации [5, с. 100].

Приведенный подход является эффективным инструментом оценки защищенности ведомственных объектов информатизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, позволяющим получать количественную меру обнаружительной способности системы безопасности, и обеспечивает возможность создания качественной информационной поддержки при принятии решений по модернизации системы защиты охраняемых объектов.

Рисунок 2. Модель охраняемого объекта с размещенными видеокамерами и имитацией несанкционированных воздействий

Таким образом, применение современных информационных технологий является действенным и перспективным инструментом, позволяющим существенно сократить временные и финансовые затраты на проведение оценки эффективности комплексной системы безопасности объектов информатизации УИС.

Пристатейный библиографический список

1. Царькова Е. Г. К вопросу применения искусственного интеллекта в правовых подразделениях // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 3 (178). - С. 385-386.
2. Зорина Н. С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России: Научно-практическое издание. Том Выпуск 5. - Тверь: ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2022. - С. 34-37.
3. Рычаго М. Е., Хорошева А. В. Аналитические методы оценки эффективности оборудования комплексом ИТСОН охраняемых объектов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2021. - № 11 (234). - С. 73-80.
4. Зорина Н. С. Факторы преступности в сфере компьютерных технологий // 25-летний опыт применения Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации: проблемы и перспективы развития: Сборник материалов круглого стола в рамках XII Пермского конгресса ученых-юристов, Пермь, 29 октября 2022 года. - Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2022. - С. 45-47.
5. Царькова Е. Г. Интегральный метод оценки эффективности системы безопасности охраняемого объекта УИС // Вестник ФКУ НИИИТ ФСИН России: научно-практическое издание. - Тверь: Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», 2019. - С. 99-105.

БОДЬКО Сергей Петрович

доцент кафедры физической подготовки и спорта, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань;

ВОРОБЬЕВ Дмитрий Николаевич

преподаватель кафедры физической подготовки юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России, г. Владимир;

ГОЙНОВ Иван Владимирович

доцент кафедры огневой и физической подготовки, Пермский институт ФСИН России, г. Пермь;

КАСУМОВА Зульфия Гейбетовна

преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин;

САДКОВ Алексей Викторович

заместитель начальника кафедры физической подготовки, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, г. Вологда.

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ К СОРЕВНОВАНИЯМ ПО ЗИМНЕМУ СЛУЖЕБНОМУ ДВОЕБОРЬЮ

В статье отражены особенности подготовки курсантов, входящих в группу спортивного совершенствования по служебному двоеборью, к соревнованиям в условиях совмещения тренировочного процесса с выполнением служебных обязанностей. В данной статье авторами предпринята попытка раскрыть основные принципы тренировки, способствующие развитию физической подготовленности спортсменов. К основным результатам исследования можно отнести рекомендации по организации тренировочного процесса двоеборцев.

Ключевые слова: служебное двоеборье, спортсмен, курсант, соревнования, физическая подготовка, психологические особенности, тренировка, тренер.

BODKO Sergey Petrovich

Associate Professor of the Department of Physical Training and Sports, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan;

VOROBYOV Dmitry Nikolaevich

teacher of the Department of Physical Training, Faculty of Law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir;

GOINOV Ivan Vladimirovich

Associate Professor of the Department of Fire and Physical Training, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm;

KASUMOVA Zulfiya Geybetovna

teacher of the department of physical, fire and tactical-special training, St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, Pushkin;

SADKOV Alexey Viktorovich

Deputy Head of the Department of Physical Training, Associate Professor, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda.

FEATURES OF PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE FSIN OF RUSSIA FOR THE WINTER SERVICE DOUBLES COMPETITION

The article reflects the features of training cadets included in the sports improvement group for official combined events for competitions in conditions of combining the training process with the performance of official duties. In this article, the authors make an attempt to reveal the basic principles of training that contribute to the development of physical fitness of athletes. The main results of the study include recommendations for organizing the training process of combined athletes.

Keywords: service biathlon, athlete, cadet, competition, physical training, psychological characteristics, training, coach.

Служебное двоеборье – служебно-прикладной вид спорта, который входит в состав спартакиады силовых структур Российской Федерации.

Соревнования по служебному двоеборью проводятся в соответствии с приказом Министерства спорта России от 19.12.2022 № 1259 «Правила служебно-прикладного

вида спорта «Служебное двоеборье» по спортивным дисциплинам, включенным во Всероссийский реестр видов спорта:

– кросс 1 км, пистолет боевой, 25 м, 16 выстрелов (2×8) после перемещения с переносом огня по фронту или 18 выстрелов из трех положений (3×6);

– кросс 3 км, пистолет боевой, 25 м, 16 выстрелов (2×8) после перемещения с переносом огня по фронту или 18 выстрелов из трех положений (3×6);

– кросс 3 км, пистолет боевой, 25 м, 10 выстрелов (2×5);

– кросс 5 км, пистолет боевой, 25 м, 16 выстрелов (2×8) после перемещения с переносом огня по фронту или 18 выстрелов из трех положений (3×6);

– кросс – эстафета 4×1,5 км, пистолет боевой, 25 м, 40 выстрелов (8×5);

– лыжная гонка 5 км, пистолет боевой, 25 м, 16 выстрелов (2×8) после перемещения с переносом огня по фронту или 18 выстрелов из трех положений (3×6);

– лыжная гонка 15 км, пистолет боевой, 25 м, 16 выстрелов (2×8) после перемещения с переносом огня по фронту или 18 выстрелов из трех положений (3×6).

Однако в рамках спартакиады ФСИН России соревнования по служебному двоеборью проводятся по одной спортивной дисциплине, именуемой зимнее служебное двоеборье, которое включает в себя стрелковое упражнение (ПБ-8) и лыжную гонку (15 км – мужчины, 5 км – женщины) [1].

В связи с чем в образовательных организациях ФСИН России осуществляется подготовка спортсменов к соревнованиям по зимнему служебному двоеборью. Достижение высоких спортивных результатов на соревнованиях возможно только при условии высокой подготовленности спортсменов как в беге на лыжах, так и в стрельбе.

Имеющиеся на сегодняшний день сведения об особенностях организации физической подготовки и улучшении спортивного мастерства квалифицированных двоеборцев при параллельной адаптации к длительному бегу на лыжах и скоростной стрельбе из табельного оружия весьма ограничены [5].

При подготовке спортсменов в зимнем служебном двоеборье необходимо учитывать особенности и закономерности в использовании специальных тренировочных средств, которые совершенствуют прочные навыки общей и специальной выносливости. Данные навыки обеспечивают базу для функциональной и технической подготовленности спортсменов, оптимальное взаимодействие двигательных способностей и навыков, направленных на достижение максимального спортивного результата.

В годичном тренировочном цикле у спортсменов, специализирующихся в зимнем служебном двоеборье, четко выделены четыре этапа подготовки: подготовительный (май-ноябрь), предсоревновательный (декабрь-январь), соревновательный (январь-март) и восстановительный (апрель).

Каждому этапу круглогодичной подготовки свойственна своя направленность занятий, в которых должны решаться определенные задачи, ориентированные на повышение уровня тренированности спортсменов, приобретения ими желаемой спортивной формы, сохранения ее в период ответственных соревнований.

Подготовительный этап. Основная задача: постепенное увеличение тренировочного объема, развитие общей выносливости, развитие общефизических качеств, совершенствование техники стрельбы. Соотношение видов подготовки на данном этапе: физическая подготовка – 70% (из которых общая физическая подготовка (далее – ОФП) – 20%, лыжная (беговая) подготовка – 50%), стрелковая подготовка – 30%.

На протяжении всего этапа происходит постепенное увеличение интенсивности и объема физической подготовки, проведение систематических занятий на развитие силовых качеств (проведение 1-2 силовой тренировки в неделю), а также проведение стрелковых тренировок с патроном, без патрона и на электронном тренажере СКАТТ.

Предсоревновательный этап. Характеризуется совершенствованием специальной подготовки, отработкой техники скоростной стрельбы (выполнение упражнения ПБ-8).

Соотношение видов подготовки на данном этапе: физическая подготовка – 65% (ОФП – 10%, лыжная подготовка – 55%), стрелковая подготовка – 35%. На данном этапе происходит снижение количества силовых тренировок, лыжные тренировки снижаются в продолжительности, но возрастают в интенсивности.

На данном этапе предусматривается 3-4 контрольные тренировки, из них 1-2 лыжные (15 км мужчины, 5 км женщины), 1-2 стрелковые (ПБ-8). Лыжные контрольные тренировки желательно проводить по рельефу приближенному к соревновательному. На данном этапе также необходимо участие спортсменов в 1-2 соревнованиях.

Соревновательный этап. На данном этапе тренировочный процесс организуется исходя из предстоящих соревнований, однако происходит общее снижение объема и интенсивности тренировок за счет уменьшения количества стрелковых и лыжных тренировок, а также минимизация силовых тренировок.

Соотношение видов подготовки на данном этапе: лыжная подготовка – 60%, стрелковая подготовка – 40%.

Для повышения уверенности спортсменов в собственных силах, а также контроля правильности организации тренировочного процесса необходимо на всех этапах подготовки проводить контрольные тренировки и принимать участие в соревнованиях (бег на лыжах, кроссовый бег, стрельба). После каждой контрольной тренировки или старта тренеру и спортсмену необходимо проводить анализ о проделанной работе и достигнутых результатах.

По мнению авторов, для повышения результатов индивидуальной соревновательной деятельности двоеборца необходимо:

– выявить факторы, определяющие уровень специальной подготовленности в одном из видов служебного двоеборья (бег на лыжах, стрельба из пистолета);

– довести до автоматизма действия на огневом рубеже, основанные на комплексном формировании специальных навыков сопряжения быстрого подхода к рубежу и стрельбы по четырем мишеням;

– разработать план-схему тренировочного процесса исходя из полученных данных о физической и стрелковой подготовленности спортсмена.

Восстановительный этап. Основные задачи: восстановление, поддержание общей выносливости, силы, отработка технических элементов стрельбы. Соотношение видов подготовки на данном этапе: физическая подготовка – 70% (ОФП – 15%, лыжная (беговая) подготовка – 55%), стрелковая подготовка – 30%.

На данном этапе главным условием является восстановление и постепенное вхождение в тренировочный процесс. Стрелковые тренировки, как правило, проводятся без патро-

на. Физическая подготовка осуществляется с низкой интенсивностью и продолжительностью.

Для подготовки спортсменов, занимающихся зимним служебным двоеборьем в период обучения в образовательных организациях ФСИН России, необходима правильно спланированная круглогодичная подготовка, направленная на формирование и совершенствование навыков бега на лыжах и скоростной стрельбы из табельного оружия, с учетом специфических особенностей в виде учебной нагрузки и выполнения служебных обязанностей.

Таким образом следует вывод о том, что подготовка спортсменов в зимнем служебном двоеборье является сложным процессом, который включает в себя не только физическую подготовленность двоеборцев, но и умение быстро и точно стрелять.

Подготовка двоеборцев должна осуществляться в соответствии со следующими принципами:

1. выполнение планируемого объема нагрузки в зависимости от возраста, курса обучения и степени индивидуальной подготовленности;

2. создание условий, повышающих рост спортивного результата (обеспечение систематических учебно-тренировочных занятий, организация учебно-тренировочных сборов, индивидуальная работа);

3. формирование устойчивых навыков стрелковой подготовленности (доведение до автоматизма правильных действий на огневом рубеже);

4. развитие способности контролировать свое эмоциональное состояние во время соревновательной деятельности (привитие стрессоустойчивости и уверенности спортсменам);

5. планирование учебно-тренировочных занятий, моделирующих соревновательную деятельность (на всех этапах подготовки).

Планируя подготовку спортсменов к главным соревнованиям сезона, намечая их целевые спортивные результаты, следует учитывать их функциональные возможности, степень физической подготовки, морально-психологический настрой. Кроме этого, при осуществлении запланированного тренировочного процесса на всех этапах подготовки, в него могут вноситься корректировки, связанные с изменением климатических условий, календаря соревнований, состояния подготовленности спортсменов. Однако, несмотря на это, всегда в процессе подготовки спортсменов должна строго выдерживаться основная направленность учебно-тренировочного процесса – непрерывный рост уровня тренированности и повышение спортивного мастерства двоеборцев. В противном случае планирование теряет смысл.

Пристатейный библиографический список

1. Зверев А. В. Особенности подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России к соревнованиям по зимнему служебному двоеборью / А. В. Зверев, К. С. Колочихин, Д. А. Седов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 10 (224). – С. 140-143.
2. Елохов И. В. Особенности подготовки курсантов первого курса к соревнованиям по зимнему служебному двоеборью / И. В. Елохов // Неделя науки,

посвященная 220-летию со дня образования Министерства юстиции Российской Федерации, Пермь, 08–11 февраля 2022 года. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 203-205.

3. Кириллова Т. В. Результативность системы педагогической подготовки курсантов образовательных организаций ФСИН России к соревнованиям по зимнему служебному двоеборью / Т. В. Кириллова, М. С. Левин // V Международные Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина: Сборник материалов, Пермь, 02–04 октября 2019 года / Составитель Н. А. Санников. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 73-80.
4. Свешникова В. О. Анализ влияния микроциклов на организм спортсменов в предсоревновательном периоде в зимнем служебном двоеборье / В. О. Свешникова, А. Ю. Нестеров // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: сборник статей XXI Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 26–27 сентября 2019 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 362-365.
5. Холимон А. А. Исследование структуры и содержания круглогодичной подготовки квалифицированных спортсменов в зимнем служебном двоеборье / А. А. Холимон // Вестник спортивной науки. – 2013. – № 6. – С. 69-72.

ГАДЖИЕВ Исмаил Алимович

преподаватель кафедры физической и огневой подготовки Кузбасского института ФСИН России, г. Новокузнецк, майор внутренней службы

БУДАКОВ Амил Намигович

преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки Самарского юридического института ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы

ШКАПОВ Павел Юрьевич

доцент кафедры физической подготовки Нижегородской академии МВД России

ЗАВИСИМОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХ НАГРУЗОК

В данной статье рассматривается вопрос взаимосвязи интеллектуальной деятельности человека с психофизической активностью. На примере проведенного исследования физической активности курсантов можно сделать вывод о различных методах по повышению работоспособности человека при выполнении служебных обязанностей. Приведены характеристики наиболее распространенных физических упражнений, которые позволяют человеку снижать уровень психоэмоционального напряжения.

Ключевые слова: физическая активность, умственная (интеллектуальная) деятельность, двигательная активность, умственная нагрузка, физические нагрузки, интеллектуальная работоспособность.

GADZHIEV Ismail Alimovich

lecturer of Physical and fire training sub-faculty of the Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, major of the internal service

BUDAKOV Amil Namigovich

lecturer of Physical, fire and tactical special training sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, senior lieutenant of the internal service

SHKAPOV Pavel Yurjevich

associate professor of Physical training sub-faculty of the Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

DEPENDENCE OF INTELLECTUAL ACTIVITY ON PSYCHOPHYSICAL LOADS

In this article the question of interrelation of human intellectual activity with psychophysical activity is considered. On the example of the conducted research of physical activity of cadets it is possible to draw a conclusion about various methods to increase human efficiency in the performance of official duties. The characteristics of the most common physical exercises that allow a person to reduce the level of psycho-emotional tension are given.

Keywords: physical activity, mental (intellectual) activity, motor activity, mental load, physical exercise, intellectual efficiency.

Физиологи выяснили, что развитие умственных способностей личности происходит под влиянием двигательной активности. Многие из них утверждают, что при высокой интеллектуальной деятельности человеку необходима смена видов деятельности. Большинство ученых-физиологов едины во мнении о том, что занятие физическими нагрузками оказывает непосредственное влияние не только на тело, но и мозг человека. Также результаты большинства научных исследований свидетельствуют о том, что различные виды физической активности влияют на рост в крови таких гормонов, как эндорфин, серотонин и дофамин, а также снижает уровень кортизола и повышает тестостерон. Все вышеперечисленные нейромедиаторы оказывают положительное воздействие на интеллектуальную деятельность человека.

В конце 20 века студенты института биологических исследований Сан-Диего провели эксперимент, в рамках которого поместили две группы мышей равной численности в лабиринт и измерили, сколько времени им потребовалось, чтобы найти выход. Между «испытуемыми» была только одна разница: грызуны первой группы жили в обычных клетках, а грызуны второй – в клетках, оборудованных колесами и другим спортивным инвентарем. Исследование показало, что мыши из второй группы находили выход из лабиринта на 30 процентов быстрее.

Ученые установили, что в мозговой деятельности грызунов с двигательной активностью в 2-3 раза больше нейронов, с помощью которых происходит процесс получения и обработки информации и мышления. Спустя некоторое время удалось установить, что в результате занятий спортом клетки мозга активнее делятся, то есть увеличивают количество ней-

ронов. Данный процесс получил наименование нейрогенез. Данная функция мозга характерна для всех людей.

К изучению данного феномена приступили специалисты колумбийского университета Нью-Йорка. В качестве испытуемых они выбрали мужчин и женщин в возрасте от 21 до 45 лет, которых разделили на две равные группы. Первая изо дня в день не проявляла никакой физической активности в отличие от второй, которая четыре раза в неделю занималась спортом. Через двенадцать недель специалисты, проводящие эксперимент выявили, что часть мозга испытуемых, которая отвечает за нейрогенез была крупнее и продуктивнее у участников второй группы.

По мнению физиологов, причиной этого стало большое количество крови, которая поступает в головной мозг. Поэтому многие физиологи рекомендуют заниматься физической активностью, в том числе людям, которые из-за проблем со здоровьем не могут выполнять тяжелые физические нагрузки и которым это противопоказано, рекомендуют выполнять безопасные для них упражнения. Из этого следует, что занятия физическими упражнениями оказывают благоприятное воздействие на интеллектуальную деятельность человека и повышает уровень его успешности при выполнении служебных обязанностей.

При исполнении служебных обязанностей курсанты образовательных организаций ФСИН России в процессе обучения должны быть не только физически развитыми, но и обладать высоким уровнем психологической устойчивости и развитыми интеллектуальными способностями.

В качестве особенностей служебной деятельности курсантов можно выделить следующие моменты: 1) жесткая

регламентация учебного процесса требует высокой самоорганизованности от курсантов; 2) курсанты обязаны нести службу в нарядах, что требует повышенной физической и эмоциональной устойчивости; 3) групповые формы обучения курсантов требуют умения работать как в команде, так и в факторах, отвлекающих внимание.

Данные факторы сильно влияют на организм, поэтому будущие сотрудники УИС должны не только преуспевать в спортивной деятельности, но и уметь поддерживать свое психологическое здоровье.

Физические нагрузки не только делают людей умнее. Как было доказано, спорт снижает скорость возрастного уменьшения гиппокампуса – важный отдел мозга, который отвечает за способность хранить воспоминания и выдергивать из памяти именно ту информацию, которая нужна в конкретный момент. С возрастом гиппокампус усыхает и именно это становится причиной возрастных проблем с памятью.

Вновь поступившие курсанты, так называемые абитуриенты, не всегда готовы к такой совокупности больших физических и психологических нагрузок. Из-за этого у курсантов возникают проблемы в перенапряжении организма, а именно нервной системы, возникают проблемы в интеллектуальной деятельности. Так как у них высокий уровень психофизического напряжения, все ресурсы организма направлены на поддержание хорошего уровня активности.

Физиологи установили, что чередование физических нагрузок непосредственно связано с состоянием и работой нервной системы человека. Подробнее исследовав разную физическую активность, ученые установили для каждой из них специализацию [1, с. 389].

Аэробика разработана для тех, кто нуждается в нестандартном мышлении и направлены на работу сердечно-сосудистой системы. Движения при занятии аэробикой позволяют отдохнуть нервной системе и повысить эндорфин в крови.

Силовые нагрузки повышают тестостерон, тренируют выносливость, координацию, улучшают концентрацию внимания и помогают бороться с заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Бег направлен на повышение таких качеств как стрессоустойчивость, усидчивость и концентрацию на определенный вид деятельности.

Легкая атлетика позволяет человеку приобретать чувство бодрости и не дает развиваться хронической усталости. При активном движении выделяется эндорфин и серотонин.

Все перечисленные физические нагрузки должны быть умеренными, чтобы не было переутомления и эмоционального выгорания.

Командные виды спорта также влияют на деятельность головного мозга человека, как и одиночные. В то же время дополнительно развиваются социальные и организаторские навыки. Всё перечисленное необходимо при взаимодействии с коллегами на работе, учебе.

В Москве было проведено анонимное анкетирование студентов РЭУ им. Г. В. Плеханова и с помощью данного исследования удалось установить, что: физическая культура положительно влияет на нервную систему человека, физические нагрузки способствуют улучшению функций и свойств памяти у человека [2, с. 134].

Также стоит сказать, что существуют различные боевые виды спорта, где человеку необходимо изучать и запоминать различные техники и приемы борьбы. Запоминание является ключевым когнитивным процессом мозга, поскольку на его основе функционирует весь человеческий интеллект.

У человека развиваются и увеличиваются показатели, которые характеризуют интеллектуальную деятельность в сфере обучения. Стоит отметить, что при физических нагрузках личность в первую очередь сконцентрирована на правильности выполнения упражнений, а также на последовательности действий. Для повышения качества функционирования человеческого мозга без каких-либо «перебоев» и проблем создается необходимость в качественном поступлении кислорода.

Также немало важным является интегрирование нервных импульсов от групп мышц человека.

Стоит отметить, что организм нуждается в кислороде для окислительных процессов, связанных с выработкой энергии.

При интенсивной физической деятельности человек сосредоточен на определенной деятельности. Ученым удалось

установить, что физическая активность при выполнении различных видов упражнений значительно повышает уровень концентрации на определенной установке (задаче). В период исследования был подключен электроэнцефалограф, который помогал изучать уровень активности головного мозга, а также изменения нейроэлектрические сигналы, которые повышают уровень внимания человека.

По мнению ученых одним из способов борьбы со стрессом и депрессией является выполнение физических упражнений, которые способствуют на выработку определенных веществ, обеспечивающих соединение между нейронами головного мозга. Также одной из функций физических упражнений является восстановление баланса нейромедиаторов.

Стрессоустойчивость – одно из важных качеств, которым должен обладать каждый. Человек любого возраста склонен к эмоциям, вызывающим стрессовое состояние. Физические упражнения способствуют минимизации (устранению) и проработке негативных эмоций и переутомления, что чаще всего приводит к вышеуказанному эмоциональному фону. Физиологи рекомендуют заниматься йогой и плаванием. Эти физические упражнения считаются наиболее эффективными.

Стоит отметить, что физическая деятельность оказывает воздействие на воспитание, перевоспитание, что в дальнейшем ведет к социализации и социальной адаптации личности.

По нашему мнению, физическая активность напрямую связана с волевыми качествами личности, которые помогают ей развиваться в любой сфере деятельности. Особенно важным является с ранних лет приучать человека заниматься спортом, так как физическая культура – основополагающая здорового организма.

Умственная деятельность курсантов и студентов составляет порядка 10-12 часов в сутки, что негативно сказывается на концентрации внимания, стрессоустойчивости, эмоциональном проявлении, здоровье и т.д. На протяжении всего своего учебного дня они практически не проявляют физической активности.

Нами было проведено исследование, в рамках которого мы провели опрос курсантов Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, который сопряжен со взаимодействием физической активности и интеллектуальной деятельности.

Целью данного исследования стало выявление взаимосвязи между физическими нагрузками и умственной работоспособностью.

По результатам исследования было установлено, что 31 % курсантов занимается физической активностью 1-2 раза в неделю, 33 % 2-3 раза в неделю, 19 процентов 4-5 раз в неделю, а 17 процентов курсантов занимаются физической активностью ежедневно.

Часть из них занимается в спортивных секциях и тренируется не только в рамках установленного графика той или иной секции, но и самостоятельно организует физическую деятельность. Как показал анализ, у лиц, которые занимаются в спортивных секциях, на парах физической подготовки, уровень успеваемости на 8,2 % выше.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для увеличения уровня интеллектуальной работоспособности студентов и курсантов, следует уделять особое внимание двигательной активности, в том числе и во вне учебное время (проводить как можно больше свободного времени на свежем воздухе, занятия физическими упражнениями).

Пристатейный библиографический список

1. Коруковец А. П., Кутергин Н. Б., Шевченко А. С. Влияние физических упражнений на умственную деятельность студентов // Сборник материалов XI Международной заочной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Великой Победы. – 2019. – Т. 1. – С. 385–392.
2. Попова А. Д., Лукьянова Л. М. Влияние физических нагрузок на нервную систему человека // Наука-2020. – 2021. – № 8 (53). – С. 131–136.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

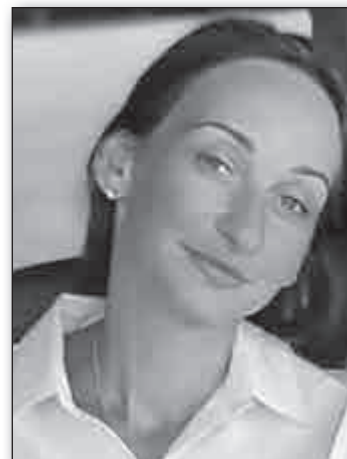
СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЙ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

В данной статье рассматриваются основные положения, которые обозначают социально-образовательную среду воспитательной колонии как фактор формирования нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных. Рассмотрена модель социально-образовательной среды воспитательной колонии и также было обращено внимание на значимость и проблемность данного направления работы администрации исправительного учреждения. Выводы исследования обозначают будущие направления для исследований по данной теме.

Ключевые слова: преступность, несовершеннолетний, социально-образовательная среда, личность, нравственность.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

Зорина Н. С.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF WORK WITH JUVENILE CONVICTS HELD IN EDUCATIONAL COLONIES

In this article, the author examines the main provisions that designate the socio-educational environment of the educational colony as a factor in the formation of moral values of juvenile convicts. The author considered the model of the socio-educational environment of the educational colony and also drew attention to the importance and problematic nature of this area of work of the correctional institution administration. The findings of the study indicate future directions for research on this topic.

Keywords: crime, juvenile, social and educational environment, personality, morality.

Преступность среди несовершеннолетних является крайне неблагоприятным явлением в любом обществе. Подростки, которые становятся на преступный путь и не уважают общество, государство и законы представляют прямую угрозу для страны. Пусть, несовершеннолетние преступники не настолько опасны, как террористические или экстремистские ячейки, но всё же они несут вред российскому обществу. В первую очередь, этот вред проявляется в том, что подросток, совершая преступление, кардинально меняет свою среду пребывания. Вместо встречи с друзьями, у подростка-преступника встречи с участковыми офицерами полиции. Ещё хуже, когда несовершеннолетним совершается преступление, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы. В таком случае российское общество теряет одного из его членов, так как находясь в изоляции, подростки упускают те навыки социализации, которые наиболее важны во взрослой жизни.

Поэтому, перед сотрудниками воспитательных колоний, в которых отбывают наказание несовершеннолетние осужденные, стоит непростая задача – создать рабочую и эффективную социально-образовательную среду, которая не только будет помогать социализироваться на уровне воспитательной колонии и не дезадаптироваться при возвращении в обычное общество, но и поможет привить подросткам высокоморальные и должные нравственные ценности.

Воспитательные колонии занимают важное положение в системе уголовно-исправительных учреждений, так как в

них размещается особая категория преступников – несовершеннолетние. В связи с этим, перед воспитательной колонией ставится множество различных задач, но главная из них – воспитание. В статье 109 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ), написано, что целью воспитательной работы является формирование у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение их образовательного и культурного уровня [1].

Упомянув цели воспитательной работы воспитательной колонии, хочется отметить, что мы предпочтём отождествить «формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, повышение образовательного и культурного уровня осужденных» с процессом формирования нравственных ценностей осужденных. Аргументируя данное решение, нужно указать на то, что в социологической и криминологической науке отсутствует единое понятие нравственных ценностей. Причиной этому является то, что нравственные ценности субъективны и не представляется возможным изложить какой-либо определённый перечень ценностей, которые можно было бы назвать нравственными. Однако, всё же стоит признать, что в положениях статьи 109 УИК РФ были указаны именно те ценности, которые принято считать нравственными в российском обществе.

Характеризуя понятие социально-образовательной среды воспитательной колонии, как одного из факторов форми-

рования нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных, хотелось бы обратить внимание на определение, которое предложено Литвишковым Владимиром Михайловичем. Согласно его мнению, социально-образовательная среда — это система социальная и ценностно-ориентированная, ядро которой составляют люди и их потребности, мотивы, направленность, интересы, действия, отношения, цель и функции которой детерминированы [2]. Следовательно, мы можем сделать выводы о том, что социально-образовательная среда в воспитательных колониях представляет собой социально-коммуникативную систему, в которой есть две стороны — сотрудники воспитательной колонии и осужденные. Сотрудникам воспитательной колонии необходимо анализировать преобразования личности несовершеннолетних осужденных в ходе воспитательного процесса, а последним, в свою очередь, важно проявлять стремление к совершенствованию своего духовно-нравственного состояния. В противном случае результаты воспитательной работы могут быть бесполезными.

Социально-образовательная среда воспитательной колонии играет важную роль в формировании у осужденных нравственных ценностей. В результате воспитательного воздействия, на личность подростков оказывается следующее влияние: корректируется структура мировоззрения, самосознания и самооценки осужденного; прививаются правильные нравственные нормы и принципы, на основе которых осужденный будет взаимодействовать с миром после освобождения; развиваются социальные компетенции, которые позволят налаживать более крепкие и здоровые взаимоотношения с другими гражданами [3, с. 12].

Недооценивать социально-образовательную среду воспитательных колоний ни в коем случае нельзя. Очевидно, что правильно построенная модель социально-образовательной среды поможет колонии решить свои проблемы с воспитанием в осужденных высоких моральных ценностей и нравственности. Однако, на этом пути перед воспитателями колонии стоит непростая проблема — отрицание авторитета со стороны осужденных [4, с. 569]. Как правило, в воспитательную колонию попадают дети, которые уже довольно сильно деформированы морально. Их нравственный курс обращён в маргинальную и нигилистскую сторону, что усложнит коммуникацию воспитателя и осужденных. Наиболее эффективным способом налаживания взаимодействия с осужденными будет планомерное и неторопливое знакомство, которое не будет нарушать личных границ каждого из осужденных. Важно заслужить авторитет среди осужденных, но не заставить при этом их бояться себя или молча ненавидеть воспитателя. Для того, чтобы добиться воспитательных целей, воспитатель должен обладать высоким уровнем профессионализма, самообладанием и высоким уровнем коммуникационных навыков [5, с. 24].

В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что социально-образовательная среда имеет определяющее значение для воспитания в осужденных правильных духовно-нравственных ценностей, которые позволят плавно ресоциализироваться несовершеннолетним после освобождения из колонии. Безусловно, функция гуманитарного и духовно-нравственного воспитания не может не иметь трудностей в реализации (например, сопротивления со стороны осужденных). Однако, данные проблемы следует использовать как возможность дальнейшего развития в данном направлении и обновлении методик образовательно-воспитательного процесса осужденных.

Пристатейный библиографический список

1. «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.12.2023). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
2. Литвишков В. М. Социально-образовательная среда воспитательных колоний как фактор формирования нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных // Психология и педагогика: актуальные проблемы теории и практики. – 2019. – С. 186-190 @@ Мухина Т. К. Причины и факторы семейного неблагополучия // Ответственный редактор. – 2020. – С. 43.
3. Вилкова А. В., Быков А. В. Формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных в образовательном пространстве воспитательной колонии // Глобальный научный потенциал. – 2018. – № 10. – С. 12-13.
4. Носилова Л. М. Аспекты формирования духовно-нравственных ценностей у несовершеннолетних осужденных в учебной деятельности // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Воронеж, 03–04 октября 2013 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – С. 569-570.
5. Вилкова А. В., Тимофеева Е. А. Факторы и условия, затрудняющие формирование духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: (аналитический обзор). – Москва-Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – 24 с.

КУСТОВА Надежда Константиновна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Казанского юридического института МВД России

ТАРАСЕНКО Денис Владимирович

преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ОБУЧЕНИЯ СЛУШАТЕЛЕЙ ПО ПРОГРАММАМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

В данной статье рассматривается профессиональная компетенция, которая должна сформироваться у обучающегося в результате освоения программы профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», согласно которой выпускник факультета профессиональной подготовки должен стоять на страже правопорядка, защищать права и свободы человека и гражданина от противоправных посягательств. Авторы приходят к выводу, что конечным итогом профессиональной подготовки необходимо рассматривать формирование основ таких личностных качеств будущего профессионала, как инициативность, инновационность, мобильность, динамичность, гибкость, конструктивность – все, конечно, в сочетании социального и профессионального компонента, отражающем специфику профессии «Полицейский».

Ключевые слова: полиция, профессиональная подготовка, профессиональная компетенция, компетентностный подход, межкафедральное взаимодействие, профессия «Полицейский».

KUSTOVA Nadezhda Konstantinovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Tactical-special and firearms training sub-faculty of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia

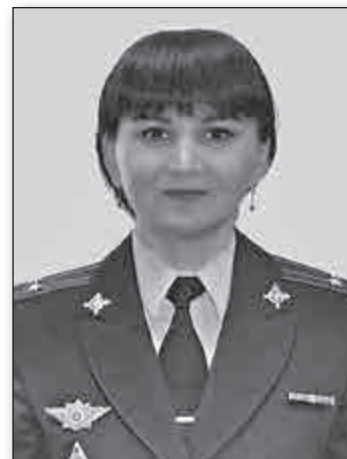
TARASENKO Denis Vladimirovich

lecturer of Special disciplines sub-faculty of the Krasnodar University of the MIA of Russia

TO THE QUESTION OF THE IMPLEMENTATION OF THE COMPETENCY-BASED APPROACH TO TRAINING STUDENTS IN PROFESSIONAL TRAINING PROGRAMS

This article discusses the professional competence that a student should develop as a result of mastering a professional training program for the position of an employee "Policeman", according to which a graduate of the Faculty of Professional Training must guard law and order, protect the rights and freedoms of man and citizen from unlawful attacks. Authors come to the conclusion that the final result of professional training must be considered the formation of the basis of such personal qualities of a future professional as initiative, innovation, mobility, dynamism, flexibility, constructiveness - all, of course, in a combination of social and professional components, reflecting the specifics of the profession "Policeman".

Keywords: police, professional training, professional competence, interdepartmental interaction, profession "Policeman".

Кустова Н. К.

Тарасенко Д. В.

Важнейшим критерием оценки уровня профессионализма полицейского, бесспорно, выступает качество его специальной подготовленности, в первую очередь – готовности к действиям по выполнению своих функциональных обязанностей вне зависимости от объективно складывающейся ситуации. Компетентностный подход к осуществлению образовательной деятельности в настоящее время рассматривается как обязательное условие модернизации системы профессиональной подготовки [1, с. 236].

Современное понятие профессиональной компетенции представляется нам состоящим из трех основных компонентов: знание, как результат познавательной деятельности человека, методология применения этих знаний и владение ею, а также практический навык, позволяющий действовать в неопределенной, нестандартной ситуации.

Следует признать, что в компетентностном подходе есть масса условий и ограничений, которые зачастую весьма затруднительно устранить полностью. Первое из приходящих на ум по опыту осуществления педагогической деятельности на факультете профессиональной подготовки – это возможный разрыв между знаниями и навыками и преимущественное внимание именно к развитию практических компонентов. Безусловно, специфика целей и задач, ставящихся перед профессиональной подготовкой, требует именно такой постановки вопроса, так как конечный результат его деятельности – выработка у выпускников навыков и умений, исходя из их профессиональной категории. Обозначенная проблема отчетливо проявляется практически на первом этапе

прохождения стажировки – при осуществлении контроля знаний стажеров, осуществляемого в виде тестирования. Уровень подготовки стажеров по различным должностным категориям существенно отличается. Результаты тестирования часто показывают низкий уровень базовой подготовки зачисляемых, существенные пробелы именно в знаниях, на основе которых и предполагается развитие навыков и умений сотрудников полиции. Следует признать, что указанное обстоятельство иногда существенно снижает эффективность деятельности преподавательского состава кафедры.

В качестве характерного примера приведем группу дознавателей – сотрудников, как предполагается, имеющих юридическое образование. Оставляя в целом благоприятное впечатление от отношения к учебе и выполнению своих функциональных обязанностей, представители этой группы на занятиях иногда приводят преподавателя в замешательство, обнаруживая пробелы в знаниях о категориальных теоретических понятиях. Например, обсуждая актуальные проблемы уголовного права и квалификации преступлений, слушатели путают элементы состава преступления. В худшем случае содержание занятия переходит из плоскости проблем уголовного права в «ликбез» из основ уголовного права.

Приведенный пример ни в коем случае не имеет целью выяснения причин и поиска виновных в сложившейся ситуации. В конечном итоге не столь важно, являются ли определяющими недостатки образовательного процесса в юридическом вузе, не входящем в систему МВД России или же

недочеты в кадровой работе практических подразделений. Главное, что сам индивид, желающий быть сотрудником правоохранительных органов, в свое время недостаточно ответственно подошел к получению юридических знаний.

Учитывая специфику критериев готовности специалиста к правоохранительной деятельности, считаем необходимым отметить, что подобные проблемы возможны при отсутствии должного внимания профессорско-преподавательского состава свести до минимума результативность профессиональной подготовки. Ведь практически все действия полицейского, призванного охранять и защищать от противоправных посягательств законные права и интересы граждан, общества и государства, строго регламентируются федеральным законодательством и ведомственной нормативной базой. Их незнание и, как следствие, некорректное применение в конкретной ситуации само по себе является существенным нарушением.

Реализация компетентностного подхода предусматривает широкое использование в образовательной деятельности активных и интерактивных форм проведения занятий (деловых и ролевых игр, компьютерных симуляций, анализа типовых служебных ситуаций, психологических и иных тренингов) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных умений и навыков у обучающегося. Выработка навыков социального поведения, способности работать в группе, инициативности, способности и желания принимать самостоятельные решения и отвечать за их последствия – вот примерный перечень ожидаемых результатов. Что же происходит в случае наличия пробелов в базовых знаниях, на основе которых проводится игра? Пытаясь избежать негативной оценки педагога и других слушателей учебной группы, сотрудник либо самоустраивается из совместной работы, перекаладывая ответственность за принятие решения на других, либо пытается навязать неверное решение коллективу, безосновательно сомневаясь в теоретической подготовке своих товарищей. В результате возникает конфликтная ситуация, весьма похожая на случаи из практической деятельности конкретных правоохранительных подразделений.

В данном аспекте значимость педагога, обладающего не только необходимой теоретической подготовкой, но и значительным опытом практической деятельности, трудно переоценить. Ведь именно от него, в конечном итоге, зависит качество подготовленности сотрудника, готового или не готового к действию в неопределенной, в нестандартной среде. Задача личного выбора, которая ставится во главу угла компетентностного подхода при подготовке полицейского, должна пониматься преподавателем предельно четко.

В качестве еще одного сложного момента в осуществлении компетентностного подхода нужно указать на сложность в оценке степени сформированности компетенций. Если мы обращаемся к личностным, или межпредметным компетенциям, то в некоторых случаях профессорско-преподавательский состав кафедры специальных дисциплин попадает в затруднительную ситуацию, сталкиваясь, например, при обсуждении неуспевающих слушателей на заседаниях кафедры с фактами нежелания проходить дальнейшую подготовку по причине неверного представления сотрудника о сущности его работы. Таким образом, в процессе подготовки не подтверждается компетенция – «Понимать сущность и социальную значимость своей будущей(?) профессии, проявлять к ней устойчивый интерес».

Отметим, что область профессиональной служебной деятельности обучающегося – это деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, направленная на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охрану общественного порядка, собственности, обеспечение общественной безопасности, противодействие преступности.

Объекты профессиональной служебной деятельности обучающегося – это юридические факты и правовые отношения, возникающие в сфере обеспечения законности и правопорядка.

Общие задачи по профессиональному обучению молодых сотрудников полиции создают перспективы для сотрудничества.

Традиционно, применяются следующие формы взаимодействия кафедр, направленные на реализацию практико-ориентированного подхода к обучению: межкафедральные взаимные посещения учебных занятий и подведение их итогов на совместных заседаниях кафедр; проведение откры-

тых и показательных учебных занятий, в том числе с приглашением практических сотрудников органов внутренних дел, с целью выявления положительного опыта преподавания и внедрения новых инновационных технологий в образовательном процессе с последующим их совместным обсуждением; проведение комплексных межотраслевых занятий по дисциплинам, преподаваемым на разных кафедрах; совместные межкафедральные тактико-специальные учения, бинарные учебные занятия; проведение научно-практических мероприятий, таких, например, как научно-практическая конференция «Формирование профессиональных компетенций сотрудников полиции в области применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия».

Следует отметить, что весьма специфический и важный для профессиональной подготовки сотрудников полиции является аспект деятельности – именно межкафедральное взаимодействие при проведении занятий. Его реализация при формировании важнейших для профессии полицейского навыков и умений в применении огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы является обязательной для достижения требуемого результата. Указанные компетенции складываются из целого ряда обязательных моментов:

- твердого знания нормативной базы, регламентирующей применение указанных полномочий;
- соответствующей морально-психологической и физической подготовки, позволяющей сотруднику действовать в экстремальной ситуации;
- знания материальной части и тактико-технических характеристик оружия и специальных средств;
- умения правильно оценивать обстановку и принимать тактически верные решения для обеспечения безопасности – личной и окружающих и т.д.

Безусловно, достижение требуемого результата обеспечивается значительным количеством практических занятий, однако итоговая аттестация на факультете показывает, что межкафедральное взаимодействие в данном случае явно недостаточно. Например, выпускник правильно оценивает ситуацию и обоснованно применяет оружие или физическую силу, однако техника исполнения приема самообороны и последующие действия по задержанию преступника не позволяют достичь требуемого результата. И наоборот, сотрудник четко и тактически грамотно, но абсолютно незаконно применяет физическую силу и специальные средства.

Таким образом, неудовлетворительная оценка по теоретической правовой подготовке, на наш взгляд выражается, в неточном понимании правильной реализации компетентностного подхода к подготовке специалистов ОВД, согласно которому выпускник факультета профессионального обучения должен сначала знать, а уже на основе знаний уметь и владеть.

В целом же конечным итогом профессиональной подготовки необходимо рассматривать формирование основы таких личностных качеств будущего профессионала, как инициативность, инновационность, мобильность, динамичность, гибкость, конструктивность – все, конечно, в сочетании социального и профессионального компонента, отражающем специфику профессии «Полицейский».

В конечном итоге, в результате освоения программы у обучающегося должна быть сформирована профессиональная компетенция – способность на основе законодательства Российской Федерации осуществлять защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, охрану общественного порядка, собственности, обеспечивать общественную безопасность, противодействовать преступности, в том числе в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также при чрезвычайных обстоятельствах и условиях специальных правовых режимов.

Пристатейный библиографический список

1. Душкин А. С. Об отдельных вопросах реализации компетентностного подхода в подготовке полицейских в системе МВД России / Сборники конференций НИЦ Социосфера. - Вып. 9. - 2013. - С. 236.

ЛИПАНИН Евгений Александрович

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ГУЩИН Дмитрий Николаевич

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, подполковник полиции

ЧЕТВЕРИКОВА Александра Ивановна

старший преподаватель кафедры административной деятельности полиции органов внутренних дел Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ТРОФИМОВ Владимир Анатольевич

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов, капитан полиции

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В настоящей статье рассмотрены методы формирования коммуникативных навыков у курсантов и слушателей системы МВД России. Авторы отмечают, что одной из основных, широко применяемых для развития навыков эффективного общения, является группа дискуссионных методов обучения. Дискуссия не только позволяет приобретать новые знания, но и мотивирует к поисковой активности, пополняет словарный запас, наполняя его профессиональной терминологией. Авторы подчеркивают важность формирования навыков общения в конфликтной ситуации, при этом в указанных целях предлагается применять в процессе обучения деловые и ролевые игры. Авторы предлагают различные вариации конфликтных ситуаций, которые могут быть разыграны на практических занятиях. В заключении авторы отмечают значимость формирования и развития коммуникативных навыков у будущих сотрудников полиции, а также приходят к выводу о том, что от коммуникативной компетентности зависит успешность профессиональной деятельности будущего специалиста.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная компетентность, методы обучения, интерактивные методы обучения, сотрудник полиции, развитие навыков, общение.

LIPANIN Evgeniy Alexandrovich

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

GUSHCHIN Dmitriy Nikolaevich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

CHETVERIKOVA Alexandra Ivanovna

senior lecturer of Administrative activities of the police of internal affairs bodies sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

TROFIMOV Vladimir Anatoljevich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia, captain of police

INTERACTIVE METHODS OF FORMING THE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF FUTURE POLICE OFFICERS

This article discusses the methods of formation of communication skills among cadets and trainees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The authors note that one of the main widely used for the development of effective communication skills is a group of debatable teaching methods. The discussion not only allows you to acquire new knowledge, but also motivates you to search activity, replenishes your vocabulary, filling it with professional terminology. The authors emphasize the importance of developing communication skills in a conflict situation, while for these purposes it is proposed to use business and role-playing games in the learning process. The authors propose various variations of conflict situations that can be played out in practical classes. In conclusion, the authors note the importance of the formation and development of communication skills among future police officers, and also come to the conclusion that the success of the future specialist's professional activity depends on communicative competence.

Keywords: communication, communicative competence, learning methods, interactive teaching methods, police officer, skills development, communication.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции относится к категории профессий «человек-человек», т.е. профессиям, которые заключаются в постоянном взаимодействии с гражданами, что обуславливает необходимость развития коммуникативных качеств у будущего сотрудника полиции. Умение эффективного взаимодействия с коллегами, гражданами, навыки построения психологического контакта будут играть одну из ключевых ролей, как на этапе адаптации начинающего сотрудника, так и на этапе его профессионального дальнейшего становления.

Особенности развития коммуникативной компетентности будущих сотрудников полиции рассматривались ранее в трудах таких авторов, как: А. С. Сергиенко, А. Р. Карданов, Т.

А. Халметов, Н. А. Ковтун, Ф. Ч. Коблов, А. Р. Карачаев, З. А. Шогенов, Г. С. Човдырова, Т. С. Клименко.

Несмотря на большой интерес к проблеме формирования и развития коммуникативных навыков, сегодня, в век стремительного развития информационных технологий, является необходимость в поиске новых методов обучения эффективной коммуникации. Пассивная модель обучения, где обучающийся является лишь «объектом» получения информации, уходит на второй план.

Рассматривая методы, при помощи которых возможно сформировать, а в дальнейшем и усовершенствовать коммуникативные навыки, следует уделить отдельное внимание интерактивным методам, которые с каждым годом приоб-

ретают еще большую популярность. Интерактивные методы развития коммуникативных навыков подразумевают постоянное взаимодействие между обучающимися и преподавателем, где активность преподавателя уступает активности обучающегося. При этом педагог координирует, направляет обучающегося и помогает ему справиться с поставленной задачей самостоятельно.

Одной из основных, широко применяемых для развития навыков эффективного общения является группа дискуссионных методов обучения. «Дискуссионные методы обучения связаны с именами и идеями Курта Левина (1890-1947) и швейцарского психолога Жана Пиаже (1896-1980) о влиянии групповых обсуждений на изменение неправильных установок личности и интеллекта» [6]. Дискуссия не только позволяет приобретать новые знания, но и мотивирует к поисковой активности, пополняет словарный запас, наполняя его профессиональной терминологией. В процессе дискуссии возможно столкновение взглядов и интересов сторон, что позволяет формировать не только навыки ведения переговоров и беседы, но и навыки бесконфликтного общения.

Как отмечает ряд авторов: «Развитие коммуникативных навыков сотрудников полиции в процессе профессиональной деятельности актуализируется необходимостью успешного распознавания конфликтных ситуаций, причин их возникновения, а также нахождения методов их разрешения с целью выработки оптимальной стратегии поведения в возникшей ситуации» [1].

Наиболее эффективными методами формирования навыка бесконфликтного общения являются ролевые и деловые игры. Следует так же отметить, что навыки бесконфликтного общения могут быть сформированы наиболее эффективно тогда, когда имитируется конфликтная ситуация между несколькими участниками. Соответственно, необходимо разделение обучающихся на пары, малые и большие группы. При применении метода ролевой игры конфликтными ситуациями могут выступать следующие:

- с гражданином, склоняющим сотрудника полиции к коррупционному поведению;
- с гражданином, осуществляющим видеосъемку вашей профессиональной деятельности и процесса общения;
- с командой болельщиков, нарушающих общественный порядок;
- с толпой футбольных фанатов, чинящих массовые беспорядки;
- с гражданином, не подчиняющимся законным требованиям;
- с иностранными гражданами и туристами, не владеющими русским языком;
- с неуравновешенным и агрессивно настроенным гражданином;
- с высокопоставленными лицами, угрожающими своими связями с руководителями правоохранительных органов и требующими к себе особого отношения;
- с журналистами, пытающимися взять у сотрудника полиции интервью (без предварительного согласования);
- с лицами, находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения и представляющими опасность для окружающих граждан и т.д.

Как справедливо отмечают А. Р. Карданов, Т. А. Халметов: «Любая конфликтная ситуация должна решаться в кратчайшие сроки, поскольку от знания причин конфликта зависит эффективность несения службы. В связи с тем, что, выполняя свои профессиональные обязанности, сотрудники ОВД ежедневно взаимодействуют с большим количеством людей самого разного контингента, повышение их компетентности происходит больше практическим путём. Но, не обладая исчерпывающими знаниями в описываемой области самостоятельно обучение сотрудников методом проб и ошибок неэффективно» [2].

В связи с чем, формирование и развитие коммуникативных навыков в первую очередь должно осуществляться на этапе обучения в вузе и быть максимально практикоориентированным, т.е., должны формироваться:

- умение применять методы регуляции собственного эмоционального состояния и состояния граждан, которые вступили в конфликт;

– умение вести диалог с людьми, провоцирующими конфликтные ситуации;

– умение выявлять конфликтные ситуации и их нейтрализация в самом начале их возникновения [3], [4], [5].

Не следует забывать, что развитие коммуникативной компетентности сотрудников полиции зависит и от индивидуальных особенностей каждого обучающегося. Курсанту, слушателю, у которого в необходимом объеме сформирована коммуникативная компетентность значительно легче справиться с решением служебных задач, чем лицу, не владеющему приемами эффективной коммуникации. Эти навыки будут необходимы будущему сотруднику полиции как в ходе раскрытия и расследования преступлений, так и при взаимодействии с руководителем и коллегами. Можно с уверенностью утверждать, что от коммуникативной компетентности зависит успешность профессиональной деятельности будущего специалиста.

Возрастающие требования к деятельности сотрудников полиции обуславливают необходимость повышения уровня коммуникативной компетентности. Развитие навыков бесконфликтного общения в образовательных организациях системы МВД России в настоящее время осуществляется в рамках изучения таких дисциплин, как «Психология», «Психология конфликта», «Педагогика и психология в деятельности сотрудников ОВД», однако наиболее максимальный результат может быть получен при скоординированной работе профессорско-преподавательского состава, психологов образовательной организации и руководителей, а так же установкой будущего сотрудника полиции на саморазвитие и самосовершенствование своих личностных качеств.

Пристатейный библиографический список

1. Карачаев А. Р., Шогенов З. А. Коммуникативная компетентность сотрудника полиции при выявлении и расследовании преступлений // Журнал прикладных исследований. - 2022. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-sotrudnika-politsii-pri-vyyavlenii-i-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 10.01.2024).
2. Карданов А. Р., Халметов Т. А. Значение коммуникативно-переговорной компетентности сотрудника полиции при расследовании преступлений // Проблемы современного педагогического образования. - 2022. - № 74-3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-kommunikativno-peregovornoj-kompetentnosti-sotrudnika-politsii-pri-rassledovanii-prestupleniy> (дата обращения: 10.01.2024).
3. Коблов Ф. Ч. К вопросу о формировании профессионализма сотрудников органов внутренних дел // Евразийский юридический журнал. - 2018. - № 10 (125). - С. 363-364.
4. Ковтун Н. А. Коммуникативная компетенция в системе правоохранительной деятельности как социокультурный фактор // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2 томах. - 2018. - С. 288-292.
5. Сергиенко А. С. К вопросу о формировании конфликтной компетентности сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIII международной научно-практической конференции. В 2 частях / Ответственный редактор Д. В. Ким. - 2020. - С. 43-46.
6. Човдырова Г. С., Клименко Т. С. Методы группового развития коммуникативной компетентности у курсантов — будущих сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. - 2015. - № 1 (60). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-grupпового-razvitiya-kommunikativnoy-kompetentnosti-ukursantov-buduschih-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 10.01.2024).

СУДАКОВА Ольга Васильевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом Самарского государственного университета путей сообщения

Судакова О. В.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССА ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

В статье предпринята попытка установить место образовательной деятельности в государственном регулировании. Устанавливается соотношение понятий «образование» и «воспитание» и их взаимообусловленность. Показывается разнообразие подходов к определению сущности образования. Изучается правовой аспект воспитательной и образовательной политики Российского государства.

Ключевые слова: образование, воспитание, государственное регулирование образования и воспитания, правовая природа образовательного процесса, образовательная услуга, социальное благо.

SUDAKOVA Olga Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Personnel management sub-faculty of the Samara State Transport University

LEGAL NATURE OF THE PROCESS OF EDUCATION AND UPBRINGING

The article attempts to establish the place of educational activities in state regulation. The relationship between the concepts of education and upbringing and their interdependence is established. The variety of approaches to defining the essence of education is shown. The legal aspect of the educational and educational policy of the Russian state is studied.

Keywords: education, upbringing, state regulation of education and upbringing, legal nature of the educational process, educational service, social good.

Правовой аспект образования и воспитания имеет прямое отражение на общественных процессах и структурах. Актуальность выбранной автором темы обусловлена необходимостью обеспечения справедливого, качественного и доступного образования для всех членов общества, а также требует применения различных методов правового регулирования и учета особенностей возникающих отношений. Правовое регулирование в сфере образования направлено на защиту прав и интересов участников образовательного процесса, создание условий для развития творческого и критического мышления, а также формирование гражданских ценностей. Рассмотрение правовой природы образования и воспитания является неотъемлемой частью общего обсуждения образовательных реформ и стратегий развития общества.

Актуальность исследования обусловлена тенденцией постоянных изменений в образовательной системе и общественной динамике. Образование и воспитание играют ключевую роль в формировании личности, культуры и общества в целом. Современное общество сталкивается с новыми вызовами и изменениями, такими как технологический прогресс, социокультурные трансформации, и социальные изменения. В связи с этим, роль и функции образования, а также правовые аспекты, регулирующие образовательные процессы, становятся предметом повышенного внимания и исследования.

Внесение изменений в 2023 году в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вступивших в законную силу с 01.01.2024 повлекло за собой и изменение в сознании и переосмысления процесса образования и воспитания.

Образование и воспитание — это два важных аспекта формирования личности, и они тесно связаны, хотя имеют различные направленности и акценты.

Воспитание направлено на формирование ценностей, моральных норм и нравственных установок. Образование, в свою очередь, может быть использовано для передачи знаний и опыта, которые способствуют развитию этих ценностей.

Воспитание часто включает в себя обучение социальным навыкам, таким как сотрудничество, коммуникация и уважение к другим. Образование может обогатить эти навыки через совместные обучающие процессы, групповые задания и взаимодействие с разнообразными точками зрения.

Воспитание ориентировано на формирование гражданской идентичности, патриотизма и ответственности перед обществом. Образование, в свою очередь, может предоставить знания о истории, культуре и политической системе страны, способствуя лучшему пониманию обязанностей гражданина.

Образование направлено на развитие критического мышления, аналитических способностей и способности самостоятельно оценивать информацию. Воспитание, в свою очередь, может обучать студентов критическому осмыслению своих ценностей и убеждений.

Воспитание ставит целью формирование личной ответственности за свои поступки и решения. Образование может способствовать этому, обучая студентов принимать информированные решения и брать ответственность за свою учебу и поведение.

Воспитание может поддерживать творческое мышление и развитие личности в целом. Образование может предоставить студентам инструменты и знания, необходимые для выражения своей творческой индивидуальности.

Таким образом, образование и воспитание взаимодействуют, создавая комплексный подход к развитию личности, который охватывает как интеллектуальные, так и эмоциональные аспекты.

Государственное регулирование образовательной деятельности достаточно развито и преодолело основные перипетии реформации последних 20 лет.

По мнению Жеваковича С. С.: «Процесс оказания образовательных услуг в 2000-х в России стал основным средством получения сверхдоходов в условиях стихийно развивающегося рынка, не требующим инвестиций и вообще никаких расходов, стала профанация образования, вплоть до откровенной продажи дипломов. Сформировалась огромная сеть

филиалов по сбору денег у желающих приобрести диплом без особых усилий по обучению. Появились вузы, охватившие практически всю территорию России дистанционным «образованием», которое реализовывалось с помощью имитации образовательного процесса и «технологий». Все это способствовало серьезному сбою у части педагогического состава образовательных организаций ценностной ориентации, вплоть до профессиональной деформации. Поскольку деградация образования приобрела масштабы эпидемии и стала угрожать национальной безопасности, руководство страны вынуждено было принять меры по ужесточению государственного контроля за качеством образования» [1].

Автор называет эти процессы деградацией образования приобрела в масштабах эпидемии и угрозой национальной безопасности.

Поэтому реакция государства была четко выражена в ужесточении контроля и надзора за качеством образования.

Разрешение проблемы о юридической природе образовательного процесса и смена курса с гражданско-правового характера отношений на государственный была предпринята и в 2022 году [2]. Однако, смена понятий сколько-нибудь заметно не изменило ситуацию.

Государство принимает законы и нормативные акты, которые устанавливают основные принципы и требования в области образования, устанавливает стандарты содержания образования, проводит лицензирование образовательной деятельности, устанавливается контроль и надзор за выполнением установленных норм и правил в образовательных учреждениях.

Правовое регулирование процесса воспитания носит пока спонтанный характер. Важно отметить, что регулирование воспитания государственными средствами подразумевает баланс между необходимостью обеспечения стандартов качества и уважением к индивидуальным различиям. Также важно обеспечивать защиту прав и свобод участников образовательного процесса при осуществлении государственного регулирования.

Здесь остро встает вопрос о юридической природе этих процессов: образования и воспитания. Эта две неотъемлемых друг от друга деятельности одних и тех же субъектов. Процесс, так как сказать, двусторонний. Направлен на обмен знаниями, умениями, навыками, ценностями, установками и прочее.

Воронцова Н. Л. утверждает: «Итак, исходя из буквы закона, образование — это не услуга, а процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). При этом в процессе воспитания и обучения возникает возможность получения дополнительных платных образовательных услуг. Как видим, наблюдается подход к образованию как благу» [3].

В сложившемся моменте необходимо понять и закрепить законодательно государственный приоритет ценностных установок в длительном споре о юридической природе образования в России: образовательная деятельность и образовательная услуга [4]; социальный заказ и образовательная услуга [5]; воспитание, обучение и образовательные услуги [6].

В широком смысле слова воспитание может рассматриваться как услуга, особенно в контексте образовательных учреждений, предоставляющих образовательные услуги. Образовательные учреждения, такие как школы, детские сады, университеты и другие, предоставляют услуги по обучению и воспитанию детей и молодежи.

Однако, следует отметить, что воспитание имеет гораздо более широкий социокультурный и этический контекст, чем просто предоставление услуги. Воспитание также связано с формированием ценностей, развитием нравственности, социализацией личности и ее восприятием общественных норм и правил.

В ряде стран и систем образования воспитание рассматривается не только как предоставление услуг, но и как важная социальная функция, направленная на подготовку граждан, способных активно участвовать в обществе. Это от-

ражено в законодательстве и нормативах, которые регулируют образовательные процессы и воспитательную деятельность.

Таким образом, хотя воспитание может рассматриваться как услуга в определенном контексте, его значимость и цель простираются далеко за пределы обычного предоставления услуг и включают в себя важные социальные и общественные аспекты.

С нашей точки зрения государственный механизм в данном случае может быть реализован в разработке и поддержке образовательных программ, направленных на формирование определенных ценностей и навыков у обучающихся. Кроме этого должна быть разработана и реализована национальные программы воспитания дошкольников, школьников, обучающихся всех учебных заведений, которые будут включать в себя ориентации на гражданское воспитание, формирование нравственных ценностей и пропаганду формирования у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде [7].

Здесь следует согласиться с мнением Жевлаковича С. С., что в данной ситуации важно для судьбы российского общества не только убрать из нормативных документов фразы об образовательных услугах [1]. Но и исключить коммерческую составляющую из государственных образовательных организаций для обеспечения национальной безопасности и обеспечения будущего для нашего общества и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Жевлакович С. С. Образование — это услуга? // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2022. — № 1.
2. Моисеева Е. Д., Судакова О. В. Юридическая природа образовательного процесса // Наука и культура России. — 2023. — Т. 1. — С. 218-220. — EDN GCFRNO.
3. Воронцова Н. Л. Образование как услуга // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. № 4. — С. 56-62. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.056-062/
4. Потапенко В. С. Образовательная деятельность и образовательные услуги: соотношение понятий // Журнал российского права. — 2009. — № 3. — С. 139-150.
5. Акулич М. М. Непрерывное образование в контексте рынка труда и рынка образовательных услуг // Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. — 2014. — № 2.
6. Майбуров И. А. Соотношение понятия «образование» и «образовательные услуги» // Право и образование. — 2003. — № 5. — С. 34.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).

ЗОРИНА Наталья Сергеевна

старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

В данной статье рассмотрена проблема преступного поведения несовершеннолетних в России. Исследование касается ряда важных социальных институтов, связанных с семьей, образованием и отношениями со сверстниками. Сделаны попытки идентифицировать причины преступности несовершеннолетних, а также предложить меры по снижению её уровня. В целом, содержание статьи актуализирует основные проблемы, связанные институтом семьи и образованием в России.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность, семья, школа, образование, закон.

ZORINA Natalya Sergeevna

senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

Зорина Н. С.

SOCIAL FACTORS INFLUENCING THE FORMATION OF CRIMINAL BEHAVIOR OF A MINOR

This article examines the problem of criminal behavior of minors in Russia. The study concerns several important social institutions that relate to family, education, and peer relationships. Attempts have been made to identify the causes of juvenile delinquency, as well as to propose measures to reduce its level. In general, the content of the article draws attention to the main problems that the Institute of family and education in Russia has.

Keywords: minor, crime, family, school, education, law.

Сегодня российское общество сталкивается со множеством проблем, которые вызывают обеспокоенность властей. Одной из таких проблем является преступность несовершеннолетних. Со статистической точки зрения, уровень преступности несовершеннолетних имеет тенденции к снижению. Так, в 2014 году, доля преступлений, совершённых несовершеннолетними составляла 1,032 %, в 2015 году – 1,049 %, в 2016 году – 0,904 %, в 2017 году – 0,778 %, в 2018 году – 0,723 %, в 2019 году – 0,657 % [1, с. 89]. Несмотря на то, что преступность несовершеннолетних с каждым годом становится всё менее массовым явлением, это не даёт оснований нам утверждать о том, что данная проблема разрешена полностью. Очевидно, что это не так. Преступное поведение несовершеннолетних имеет глубокий социальный подтекст. Да, так можно сказать о любом преступлении, потому что преступность, фактически, является социально обусловленным фактором. Однако, рассмотрение вопроса социальных факторов, формирующих преступное поведение несовершеннолетних, является особенно актуальным, так как изучение этих факторов может указать на недостатки воспитания детей, проблемы, связанные с их положением в обществе и социальным взаимодействием с ними. Выводы, которые мы сделаем в результате данного исследования, направлены на выработку предложений по предупреждению преступности в подростковом возрасте, что, несомненно, влечёт за собой и снижение уровня преступности совершеннолетних граждан.

На поведение несовершеннолетнего влияет множество социальных институтов: семья, школа, улица. Именно от того, как ребёнок воспитывается и как с ним обходятся в школе или на улице, зависит та модель поведения, которую он сформирует для себя. Несовершеннолетний, который воспитывался в малообеспеченной семье и при этом регулярно подвергался издёвкам со стороны сверстников из-за экономического положения, с большей вероятностью будет склонен к преступному поведению, нежели ребёнок, который подобных проблем не испытывал. Тем не менее, мы ни в коем случае не утверждаем, что не может сложиться противополо-

жная ситуация. Объясняется это тем, что формирование преступного поведения ребёнка является сложным процессом, который обусловлен множеством прямых или побочных факторов.

К примеру, множество специалистов указывают на то, что среди несовершеннолетних, которые совершили преступление, имеется довольно большой процент тех, кто не в полной мере осознавал противоправность своих действий. Чубарова А. В. в своих исследованиях указывает на то, что отсутствие надлежащего уровня юридического образования в школах приводит к правовому нигилизму. Так, результаты анкетирования показали, что среди осуждённых несовершеннолетних, отбывающих срок лишения свободы в воспитательной колонии за совершение преступления корыстной направленности, 64% задумывались о возможном наказании, но надеялись его избежать, 17% не задумывались об этом. Ощущение безнаказанности увеличивает криминальную активность подростков, влияет на степень опасности совершаемых преступлений, ее качественную и количественную характеристики [3, с. 289]. Данные результаты социального исследования являются довольно тревожными, так как примерно один из пяти подростков даже не думал о том, что совершённые им действия наказуемы. Из этого можно сделать закономерный вывод о том, что система образования нуждается в срочных изменениях, которые будут направлены на обеспечение надлежащего юридического образования.

На данный момент ученики школ обучаются праву в довольно сокращённом формате, что не позволяет в должной степени ознакомить подростков с противоправными действиями и наказаниями, которые предусмотрены за их совершение. Поэтому, необходимо расширить программу юридического образования школьников. Ожидается, что подростки с более высоким уровнем правосознательности будут менее склонны к совершению преступлений [4, с. 80].

Второй социальный фактор, о котором следует сказать, – это семья. В семье у ребёнка закладываются основные понятия о добре и зле, добросовестности, дружбе и т.д. В за-

висимости от того, сколько времени уделяют ребёнку его родители, насколько качественное воспитание они осуществляют, зависит то, как будет вести себя ребёнок в социуме. Практика показывает, что более склонными к преступному поведению являются дети из неполных или неблагополучных семей, дети, в отношении которых применялось насилие со стороны родителей, или же дети, родители которых злоупотребляли алкоголем и наркотическими средствами. Дети, воспитанные в вышеуказанных условиях, вырастают с неправильной моделью поведения, которая характеризуется жестоким, истеричным и эгоистичным поведением.

Со стороны государства предпринимается множество мер по урегулированию проблем детей из неблагополучных семей. Огромное значение имеют органы опеки, которые контролируют ситуацию в неблагополучных семьях и находятся в постоянном взаимодействии с подразделением полиции по делам несовершеннолетних. В случае, если родители полностью отстраняются от выполнения своих обязанностей перед детьми, органы опеки берут под контроль ситуацию с ребёнком и принимают меры по предупреждению преступлений с его стороны [5, с. 159].

Ещё одним важным социальным фактором, который непосредственно влияет на формирование преступного поведения подростка, является его окружение. От того, с кем общается ребёнок и какой характер носит это общение, зависит его склонность к совершению преступлений. Ни для кого не является секретом, что одним из наиболее болезненных способов негативного воздействия на несовершеннолетнего является его «травля» или, говоря более принятым способом, – «буллинг». Буллинг проявляется как оказание физического или морально-психологического давления на ребёнка со стороны его сверстника или группы сверстников. Как правило, поводом для буллинга является внешний вид ребёнка, экономическое состояние его семьи или же сложившиеся отношения со сверстниками в целом. Наиболее типичным местом для буллинга является школа, так как именно там сконцентрировано большое количество детей, которые ещё не в полной мере осознают, как выстраивать социальные отношения.

К сожалению, буллинг в школе приводит к трагедиям, которые случаются в учебном заведении или чаще за её пределами. Жертва буллинга становится психологически неустойчивой, ожесточённой, склонной к необдуманным поступкам. Подростки могут преследовать суицидальные или маниакальные настроения, что значительно увеличивает вероятность совершения преступления. Ситуация может усугубиться, если подобное состояние ребёнка не будет вовремя замечено родителями. Более того, если родители и сами позволяют себе унижать ребёнка, то это может привести к ещё более ужасающим последствиям.

Стоит выделить ещё одну причину возникновения травли – атмосферу в образовательных учреждениях. Именно отношения между учителем и подростком не всегда складываются в положительном контексте. Зачастую может проявляться агрессивность со стороны педагога, что приводит к насмешкам и в дальнейшем к издевательствам среди обучающихся [6].

В нашей стране регулярно происходят так называемые «шутинги» (от англ. shooting – стрельба), в результате которых гибнут ученики и персонал образовательных учреждений. Последний такой случай имел место 7-го декабря 2023 года. Одна из учениц гимназии № 5 г. Брянска принесла в школу охотничье ружьё «Бекас-3» и совершила несколько выстрелов, в результате которых погибло два человека (включая саму нападавшую) и пострадало ещё пятеро учеников. В ходе установления причин нападения ученицы появились версии о том, что она подвергалась травле со стороны сверстницы (вторая погибшая), которая была спровоцирована конфликтом из-за симпатий молодого одноклассника. Данная версия официально не была подтверждена, однако она вполне вероятна и жизнеспособна, так как подростковые конфликты, в большей степени, провоцируются конфликтами, которые имеют романтическую почву [2, с. 82].

Проблема буллинга как причины преступлений среди подростков является крайне актуальной для российской образовательной и правоохранительной системы. Следовательно, необходимо предпринимать меры по контролю взаимоотношений между детьми в школе и за её пределами. Да, в

российских школах есть психологи, которые контролируют моральное состояние детей и сигнализируют о его неблагополучном состоянии в соответствующие органы. Однако, мы не можем быть абсолютно уверены в качестве работы школьных психологов. Главный показатель, на который ориентируется государство при оценке работы педагогов – это качество сдачи Единого государственного экзамена (ЕГЭ). К остальным аспектам деятельности школы отношение попустительское, что является в корне ошибочным. Поэтому в качестве рекомендаций по сокращению уровня преступности несовершеннолетних предлагается совершенствование контроля за работой школьных психологов. Начинать необходимо с оценки квалификации психологов, так как есть основания полагать, что ряд из них могут оказаться недостаточно компетентными в своих обязанностях. Следовательно, такие сотрудники не могут быть допущены к работе с детьми.

Социальные факторы, воздействующие на формирование преступного поведения среди подростков, с наибольшей вероятностью действуют в совокупности. К примеру, совершение преступления подростком при отсутствии у него достаточных знаний о законе менее вероятно, если его не окружала культивирующая преступность среда (злоупотребляющие алкоголем родители, жестокие сверстники, экономическая бедность семьи и т.д.). Главное, на что следует обратить внимание в ходе предупреждения преступного поведения подростков, – это взаимоотношения в семье и в школе. Как правило, именно в семье или школе складываются предпосылки для совершения преступлений. Поэтому крайне важно наладить чёткую функционирующую систему мониторинга состояния детей, которая позволит вовремя выявить девиации поведения ребёнка и скорректировать их.

Пристатейный библиографический список

1. Батышева И. В. Основные криминогенные факторы, влияющие на активность преступности среди несовершеннолетних граждан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 88-93.
2. Бондаренко И. О., Русина Е. В. Основные социальные причины преступлений несовершеннолетних // Аллея науки. – 2020. – Т. 2. – № 12. – С. 80-84.
3. Чубарова А. В. Влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних // Бюллетень науки и практики. – 2021. – Т. 7. – № 3. – С. 287-292.
4. Царькова Е. Г. К вопросу применения современных информационных технологий в работе по предупреждению преступности среди несовершеннолетних // Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: Печатный Цех, 2023. – С. 79-81.
5. Кизимиров Д. А. Анализ причин преступности несовершеннолетних в РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 7-2. – С. 158-160.
6. Зорина Н. С. О некоторых причинах буллинга среди подростков // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 885-887.

СУХОРУКОВ Владимир Анатольевич

кандидат педагогических наук, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России

ПЕТРЕНКО Дмитрий Андреевич

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физической подготовки и спорта Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России

ЛОГИНОВ Сергей Николаевич

старший преподаватель кафедры физической и огневой подготовки Волгодонского филиала Ростовского Юридического Института МВД РФ, подполковник полиции

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Образовательная мобильность привлекла большое внимание исследователей из-за ее растущей популярности и значимости. В статье рассматривается не только значимость образовательной миграции для личного роста, но и в интересах государства и общества. Образовательный капитал анализируется как инструмент увеличения влияния и максимизации выгод. В рамках статьи сделана попытка сравнительного обзора доступности и привлекательности высшего образования в различных странах. Учитывается связь и взаимозависимость межрегиональной и международной миграции с образовательной мобильностью. Поднимается проблема измерения уровня и качества подобной связи и взаимозависимости.

Ключевые слова: образовательная мобильность, социальная мобильность, уровень образования, социальные связи, карьерные пути, внутренняя миграция, инвестиции в образование.

SUKHORUKOV Vladimir Anatoljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor of Philosophy sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

PETRENKO Dmitriy Andreevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Physical training and sports sub-faculty of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

LOGINOV Sergey Nikolaevich

senior lecturer of Physical and fire training sub-faculty of the Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

EDUCATIONAL MOBILITY AS A SOCIAL ELEVATOR IN MODERN SOCIETY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Educational mobility has attracted a lot of attention from researchers because of its growing popularity and importance. The article considers not only the importance of educational migration for personal growth, but also in the interests of the state and society. Educational capital is analyzed as a tool to increase influence and maximize benefits. The article attempts to provide a comparative overview of the accessibility and attractiveness of higher education in various countries. The connection and interdependence of interregional and international migration with educational mobility is taken into account. The problem of measuring the level and quality of such communication and interdependence is raised.

Keywords: educational mobility, social mobility, level of education, social connections, career paths, internal migration, investments in education.

На протяжении второй половины XX-го века, а также оба десятилетия XXI-го века мы наблюдаем постоянный рост числа студентов высших учебных заведений, обучающихся за рубежом. Если в 1965 году таких было около четверти миллиона человек, то к 2020 году показатель увеличился в 20 раз и составил 5 миллионов человек. Начиная с 1990-х годов этот показатель увеличился более чем в четыре раза.

Основная часть современных иностранных студентов обучаются в азиатских странах, при этом Китай, Индия и Южная Корея лидируют в качестве основных отправляющих стран. Китайские студенты составляют самую многочисленную и быстрорастущую группу иностранных студентов. Общее число граждан Китая, обучающихся за рубежом в 2019 году, составило 703 500 человек, что на 41 400 человек больше, или на 6,3%, по сравнению с предыдущим годом [1]. В России в 2020 году насчитывалось около 350 тысяч иностранных студентов, что является вторым после Великобритании показателем по количеству иностранных студентов в Европе. Абсолютным лидером по количеству иностранных студентов являются США, в которых в 2020 году получали образование около 957 тысяч человек [2, с. 77]. В таблице указаны страны с сопоставимым количеством иностранных студентов, а также их доля среди всех студентов. Подобные данные позволяют нам сравнивать не только привлекательность и доступность (включая разнообразные программы и гранты) образования для иностранных студентов в той или иной стране, но и обнаружить ориентированность высшего образования на внутренние/

внешние образовательные потребности в различных странах. (См. табл. 1.)

Несмотря на быстрый рост, исследования в этой области имеют существенные ограничения. С одной стороны, не хватает высококачественных, крупномасштабных репрезентативных данных, и существующие исследования, как правило, сосредоточены на студентах, которые уже пересекли границы, пренебрегая факторами международной миграции в целях получения образования, которые связаны с происхождением студентов.

Бурное развитие российского общества, трансформация образовательного, экономического, социально-политического пространства стимулируют социальную мобильность, а вместе с ней, возможности восходящей социальной мобильности для молодых поколений. Это ожидание мобильности привело к беспрецедентным уровням внутренней миграции, которые были зафиксированы в недавних информационно-аналитических материалах «Численность и миграция населения в Российской Федерации» [3]. Для поколений, родившихся в 1980-х и 1990-х годах, миграция из сельской местности в город была основным средством улучшения благосостояния семей. В современной России помимо «урбанистической» миграции остро стоит проблема внутренней миграции из «восточных» (и не только) регионов в «северо-западные». Наибольшая миграционная убыль населения наблюдается в Приволжском федеральном округе, Северо-Кавказском федеральном округе, Сибирском федеральном округе, Дальневосточном федеральном округе. В то же вре-

Таблица 1.

	Иностранные студенты		Численность студентов из России, Тыс. человек
	Тыс. человек	В процентах от общей численности студентов	
Россия	336.5	4.9	
Великобритания	489.0	18.7	3.6
Германия	333.2	10.1	9.6
Канада	279.2	16.2	1.4
Республика Корея	98.9	3.3	0.5
США	976.9	5.2	0.0
Франция	246.4	9.2	2.8

мя среди регионов, в которых наблюдается положительная миграционная динамика, можно выделить Ленинградскую и Московскую область, а также города федерального значения Санкт-Петербург и Москва [3], в которых расположены престижнейшие учебные заведения Российской Федерации. Кроме того, «малодетность» современной российской семьи, наряду с увеличением доходов среднего класса, способствовала расширению сферы образования, позволяя объединять ресурсы, которые семьи из нескольких поколений могут инвестировать в образование детей.

Под образовательной мобильностью в данной работе мы будем понимать не просто получение образования вне места (города, региона) своего происхождения, но и перемещение студентов, исследователей и других участников образовательного процесса между разными странами и университетами. Образовательная мобильность способствует развитию международного сотрудничества в области образования, а также повышению качества образования.

Образование играет важную роль в формировании социального статуса человека, а в обществе, где доступ к образованию ограничен или неравномерно распределен, образовательная мобильность может помочь преодолеть разнообразные социальные и экономические барьеры. Она предоставляет возможность людям из низшего социального слоя подняться на более высокий уровень через получение образования и приобретение новых навыков. Получение высшего образования в престижном зарубежном учебном заведении может стать важным фактором построения, в том числе, политической карьеры у себя на родине [4].

Было установлено, что молодежь, включая значительные слои населения, находящегося в неблагоприятном положении, отличается высокими стремлениями и оптимизмом в отношении своих образовательных ожиданий [5]. Исследователи социальной стратификации часто изображают стремления и ожидания молодежи как рациональные расчеты, преследующие цели увеличения социального влияния [6], либо максимизацию экономических выгод [7], либо и то, и другое [8].

Немаловажным стратегическим преимуществом образовательной мобильности, особенно для принимающей стороны, может стать расширение зон влияния. Помимо образовательного процесса, иностранные студенты включены в экономику принимающей стороны, культурные и иные события, происходящие в социальной среде. Подобные обстоятельства формируют не только личностные, но и групповые ценности [9], а также позитивное (нормальное) восприятие происходящего, а соответственно и образ принимающей стороны в целом. Благодаря длительному проживанию за пределами своего государства и включенности в иной социум, иностранные студенты формируют собственные взгляды, способные не только противостоять деструктивной пропаганде стратегических конкурентов принимающей стороны, но и воспроизводить собственные нарративы, представляющие принимающую сторону с положительных сторон.

Таким образом, рассмотрев актуальность и проблематику образовательной мобильности в современном обществе, необходимо отметить, что данный процесс нуждается в особом внимании со стороны государственных органов, поскольку образовательная мобильность способна предоставить

государству и обществу множество преимуществ по сравнению со странами, которые не включены в данный процесс. В данном случае необходимо говорить о разнообразных инвестициях в образование, для того чтобы сделать его привлекательным и актуальным как внутри страны, так и за рубежом. Не является исключением обмен опытом и образовательная мобильность в правоохранительной сфере. Опыт государств со схожим уровнем жизни и противоположных угроз в деле борьбы с преступностью, а также совместный поиск разнообразных решений вполне может стать инструментом снижения уровня преступности и фактором позитивного восприятия правоохранительных органов со стороны общества.

Пристатейный библиографический список

1. Ministry of Education, PRC. Statistics on Chinese learners studying overseas 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.moe.gov.cn/news/press_releases/202012/t20201224_507474.html.
2. Гохберг Л. М., Кузьмичева Л. Б., Озерова О. К. и др. Образование в цифрах: 2022: краткий статистический сборник / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 132 с.
3. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Численность и миграция населения Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
4. Войтов А. В. Учеба в ВУЗе как начало карьерного пути в политическом пространстве современной России // В сборнике: Проблемы современного аграрного образования: содержание, технологии, качество. Материалы международной научно-методической конференции. – 2018. – С. 151-156.
5. Alexander K., Bozick R., Entwisle D. Warming up, cooling out, or holding steady? Persistence and change in educational expectations after high school // *Sociology of Education*. – 2008. – № 81 (4). – P. 371-396.
6. Haller A. O. Reflections on the social psychology of status attainment. In: Hauser R. M., Mechanic D., Haller A. O. (eds) *Social Structure and Behavior: Essays in Honor of William Hamilton Sewell*. – London: Elsevier, 1982. – P. 3-28.
7. Morgan S. L., Leenman T. S., Todd J. L., et al. Occupational plans, beliefs about educational requirements, and patterns of college entry // *Sociology of Education*. – 2013. – № 86 (3). – P. 197-217.
8. Zimmermann T. Social influence or rational choice? Two models and their contribution to explaining class differentials in student educational aspirations // *European Sociological Review*. – 2020. – № 36 (1). – P. 65-81.
9. Войтов А. В. Михайлов С. Н. Личностные и групповые ценности в обществе потребления: социологический взгляд // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. – 2022. – № 5. – С. 76-80.

КАРАВАЕВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ЖУКОВА Анастасия Игоревна

преподаватель кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

БОЛОБАН Максим Леонидович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России, капитан полиции

ШАРАФУТДИНОВ Ильшат Сабитович

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

В настоящей статье производится анализ термина «особые условия», вместе с тем, авторы рассматривают факторы, характерные для несения службы в экстремальных условиях, такие как: новизна, внезапность, дефицит времени, высокие и длительные нагрузки, неопределенность и риск. Учет представленных факторов позволяет сформулировать основные направления работы по обеспечению психологического сопровождения лиц, проходящих службу в особых условиях, определить цели, задачи и формы подготовки сотрудников полиции к выполнению задач в особых условиях.

Ключевые слова: сотрудники полиции, развитие навыков, особые условия, развитие готовности, компоненты готовности.

KARAVAEV Alexander Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ZHUKOVA Anastasiya Igorevna

lecturer of Professional training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, major of police

BOLOBAN Maxim Leonidovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

SHARAFUTDINOV Ilshat Sabitovich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia, major of police

PROBLEMS OF PROFESSIONAL AND PSYCHOLOGICAL TRAINING OF POLICE OFFICERS TO WORK IN SPECIAL CONDITIONS

This article analyzes the term "special conditions", at the same time, the authors consider factors characteristic of service in extreme conditions, such as: novelty, suddenness, lack of time, high and long loads, uncertainty and risk. Taking into account the presented factors allows us to formulate the main directions of work on providing psychological support to persons serving in special conditions, to determine the goals, objectives and forms of training police officers to perform tasks in special conditions.

Keywords: police officers, skills development, special conditions, readiness development, readiness components.

Деятельность сотрудников полиции часто связана с воздействием стрессовых факторов. Ситуации, подвергающие организм стрессу, могут отличаться большим разнообразием: от суточных дежурств, задержания подозреваемых, до необходимости применения огнестрельного оружия. В связи с чем деятельность сотрудника полиции связана не только с необходимостью развития физических качеств, но и развития психологической устойчивости. Особая необходимость в психологической подготовке возникает у сотрудников, проходящих службу в особых условиях. Нередко в научной литературе, вместе с термином «особые условия» применяются термины: «экстремальные», «критические», «кризисные», «чрезвычайные», «гиперстрессовые» и т.д.

Термин особые условия понимается авторами по-разному. Так, Ваньков А. В. включает в данный термин «чрезвычайные, выбывающиеся из повседневного уклада жизнедеятельности общества, события. Крупные аварии, катастрофы, стихийные бедствия, социальные потрясения» [1].

Тарчоков Б. А. понимает под особыми условиями обстановку «с повышенной степенью опасности, вызываемую явлениями (событиями) социального, природного, биологи-

ческого, техногенного характера и требующую от ОВД принятия и реализации специальных мер» [4].

Большинство авторов понимает под особыми условиями состояние чрезвычайности обстановки, а также специфические условия деятельности.

Изучением психологической подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях занимается экстремальная юридическая психология.

Весомый вклад в изучение влияния экстремальных условий на психику человека внесли такие авторы как:

Согласно исследованиям из области экстремальной юридической психологии, к экстремальным профессионально-психологическим факторам, оказывающим негативное воздействие на психику сотрудника полиции, относятся:

– Новизна (смена рода деятельности, условий несения службы; нетипичные задачи, которые могут носить экстремальный характер, либо выполняться в экстремальных условиях). Экстремальная ситуация, с которой сотрудник полиции сталкивается впервые, вызывает состояние стресса, выражающееся в активной выработке гормонов стресса. В подобных ситуациях сотрудник по-

лиции вынужден действовать гибко, не шаблонно, на пике своих возможностей.

– Внезапность. При несении службы в особых условиях экстремальные ситуации могут возникать внезапно, резко, что требует от сотрудника полиции умения принимать эффективные решения в условиях дефицита времени, особой бдительности, наблюдательности, собранности;

– Цейтнот. Любая экстремальная ситуация связана с необходимостью принятия быстрых и эффективных решений в условиях дефицита времени. Любое промедление может привести к тяжелым последствиям, в связи с чем, одним из основных направлений психологической подготовки сотрудников полиции должно являться развитие таких качеств, как: быстрота реакций, умение действовать в условиях меняющейся обстановки.

– Длительность нагрузок. Практически весь период нахождения сотрудника полиции в особых условиях сопряжен с наличием стресса и высоких нагрузок. Подобные условия требуют от сотрудника полиции развития таких качеств, как самообладание и сдержанность. Постоянное влияние стресса на организм может вызвать такие негативные последствия, как нарушение сна, раздражительность, чувство беспокойства и тревоги. В этой связи основным направлением для подготовки сотрудников полиции будет являться повышение уровня стрессоустойчивости.

– Интенсивность нагрузок. Прохождение службы в особых условиях подразумевает возможность сотрудника полиции, в случае необходимости мобилизовать собственные ресурсы и работать на пике своих возможностей. При этом, часто, такая деятельность сопровождается высоким уровнем умственной, физической, психологической нагрузки, приводящей к усталости, истощению. Для предотвращения негативных последствий перегрузок организма, сотруднику полиции следует обучиться психологическим приемам и методам позволяющим регулировать собственное эмоциональное состояние. К примеру, эффективным, на наш взгляд, будет являться метод «Ключ», разработанный для подготовки космонавтов в начале 1980-х годов врачом-психиатром Х. Алиевым.

– Выполнение задач в условиях риска и неопределенности. Условия неопределенности могут быть вызваны, как дефицитом информации, так и ее переизбытком. При этом сложность проявляется и в отсутствии однозначности при выборе решений. Если целей несколько, то проблема не всегда сводится к решению одной экстремальной задачи [5].

Учет представленных факторов позволяет сформулировать основные направления работы по обеспечению психологического сопровождения лиц, проходящих службу в особых условиях:

1. В первую очередь имеется необходимость в обучении сотрудников полиции приемам и способам саморегуляции эмоционального состояния, преодоления психологических трудностей (приемы «диафрагменного дыхания», «успокаивающее дыхание», «мобилизующее дыхание»).

2. Во-вторых, работа психологов и образовательных организаций, реализующих программы повышения квалификации к действиям сотрудников полиции в особых условиях, должна быть направлена на формирование у сотрудников психологической устойчивости к действию стрессовых факторов.

3. Третье направление работы обращено к выработке алгоритмов действий в критических ситуациях; обеспечение сплоченности и сработанности служебных коллективов на основе усиления взаимопомощи среди сотрудников; стимулирование их активности для эффективного решения оперативно-служебных задач в особых условиях [2].

К основным формам психологической подготовки сотрудников полиции к действиям в особых условиях относятся практические занятия, групповые дискуссии, ролевые игры и тренинги. Как отмечает Маржохов А. Р.: «Занятия должны

тесно увязываться с другими видами профессионального обучения сотрудников в системе боевой, физической, правовой, огневой подготовки, а последние - включать в себя психологические элементы (вводные, создающие психологическое напряжение, неопределенность; стимулирующие принятие самостоятельных решений и т.д.)» [3].

Основной целью психологической подготовки является повышения уровня психологической готовности сотрудников полиции к действиям в экстремальных условиях. Подобная готовность может быть достигнута только при многократном и систематическом выполнении приемов в условиях имитации экстремальной ситуации.

Способность личности эффективно действовать в особых условиях так же зависит и от строения нервной системы, типа темперамента, ценностными ориентациями и др. Задачами психологической подготовки сотрудников полиции выступают: актуализация готовности к выполнению задач в экстремальных условиях, формирование зрелой и адекватной мотивации; развитие профессионально-значимых личностных качеств необходимых для решения задач в особых условиях; повышение уровня эмоционально-психической устойчивости, а так же формирование экстремально-психологических знаний, умений, навыков; обучение навыкам саморегуляции, укрепления самообладания, мужества, стойкости, внимательности, наблюдательности, разумной осмотрительности. Решение поставленных задач будет способствовать формированию у сотрудника полиции жизнестойкости, позволит снизить устойчивость аффекта, повысить стрессоустойчивость.

Пристатейный библиографический список

1. Ваньков А. В. Вопросы организации деятельности полиции в особых условиях // Аграрное и земельное право. - 2023. - № 5 (221). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-organizatsii-deyatelnosti-politsii-v-osobyh-usloviyah> (дата обращения: 18.01.2024).
2. Княжев В. Б., Майдыков А. Ф., Егоров К. А. О некоторых особенностях подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению оперативно-служебных задач в составе ВОГОиП МВД России // Труды Академии управления МВД России. - 2019. - № 1 (49). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-osobennostyah-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-k-vypolneniyu-operativno-služebnyh-zadach-v-sostave-vogoip-mvd> (дата обращения: 18.01.2024).
3. Маржохов А. Р. Психологическая подготовка сотрудников правоохранительных органов к действиям в экстремальных условиях // Успехи современного естествознания. - 2004. - № 7. - С. 112-113. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=12993> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Тарчоков Б. А. Актуальные вопросы подготовки сотрудников орд к деятельности в особых условиях // Образование и право. - 2022. - № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-podgotovki-sotrudnikov-ord-k-deyatelnosti-v-osobyh-usloviyah> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Фомин В. В. Влияние экстремальных ситуаций на психику и действия сотрудников правоохранительных органов // Уголовно-исполнительное право. - 2020. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ekstremalnyh-situatsiy-na-psihiku-i-deystviya-sotrudnikov-pravoohranitelnyh-organov> (дата обращения: 18.01.2024).

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки Ростовского юридического института МВД России

МАНСУРОВА Зилья Рахимлановна

кандидат медицинских наук, доцент кафедры педагогики и психологии в деятельности сотрудников ОВД Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

КАРАВАЕВ Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Воронежского института МВД России, подполковник полиции

ТРОФИМОВ Владимир Анатольевич

преподаватель цикла кинологии Уфимской школы по подготовке специалистов-кинологов, капитан полиции

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ В ЭФФЕКТИВНОМ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

В настоящей статье рассматриваются направления психологической подготовки сотрудников полиции. Авторы выделяют важность развития психологической устойчивости сотрудников полиции, необходимой для успешного выполнения служебных обязанностей, а так же выделяют основные направления психологической подготовки сотрудников полиции, такие, как: развитие навыков коммуникации, саморегуляции; развитие таких профессионально-значимых личностных качеств, как: внимательность, наблюдательность, критическое мышление и т.п.; формирование знаний о построении психологического портрета личности, основы профайлинга; формирование знаний о приемах и способах установления эффективного психологического контакта.

Ключевые слова: психологическая подготовка, сотрудник полиции, развитие качеств, стресс, работа психолога.

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty of the Rostov Law Institute of the MIA of Russia

MANSUROVA Zilya Rakhimlanovna

Ph.D. in medical sciences, associate professor of Pedagogy and psychology in the activities of police officers sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KARAVAEV Alexander Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty of the Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

TROFIMOV Vladimir Anatoljevich

lecturer of the Cycle of Cynology of the Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia, captain of police

THE ROLE OF PSYCHOLOGICAL TRAINING IN THE EFFECTIVE PERFORMANCE OF OFFICIAL TASKS BY POLICE OFFICERS

This article examines the importance of psychological training of police officers, in particular, in the context of stressful situations and difficult decision-making. The authors highlight the importance of psychological stability of police officers necessary for the successful performance of official duties, as well as highlight the main areas of psychological training of police officers, such as: the development of communication skills, self-regulation; the development of professionally significant personal qualities such as attentiveness, observation, critical thinking, etc.; formation of knowledge about the construction of a psychological portrait of a personality, the basics of profiling; formation of knowledge about techniques and ways to establish effective psychological contact.

Keywords: psychological training, police officer, development of qualities, stress, work of a psychologist.

Одной из особенностей деятельности сотрудников полиции является многозадачность – умение выполнять несколько дел одновременно переключая внимание с одного объекта на другой. Часто подобное переключение приводит к незавершенности выполняемого действия либо к неспособности решить поставленную задачу. Работа в подобных условиях неизбежно приводит к стрессу, который может приобрести хроническую форму.

Постоянное присутствие стресса в жизни сотрудника полиции может привести к негативным изменениям его личности. Так, согласно мнения Я. А. Корнеевой и Н. Н. Симоновой, «в результате постоянно испытываемого стресса, а также в процессе профессионального становления субъекта возможна разнонаправленность изменений личности в процессе длительного выполнения профессиональной деятельности, другими словами, при профессиональном развитии

происходят личностные изменения, приобретения и потери, и как следствие, происходит то, что называют деформациями и деструкциями» [5].

Вопросы профилактики профессиональной деформации, а также проблемам психологической подготовки сотрудников полиции посвящено множество научных трудов. Большой вклад в изучение указанных проблем внесли такие авторы как: Э. Ф. Зеер., Корсун К. И., Задорина М. А., Корнева Я. А., Машекуашева М. Х., Кочесокова З. Х., Копылова Г. К., Жуков В. Г. и др.

Как отмечает Э. Ф. Зеер, подробно исследовавший психологические процессы личности, «цикличность выполнения действий над одной и той же профессиональной задачей способствует повышению уровня утомляемости, потере профессиональных навыков и умений, снижению эффективности в выполнении работы» [6]. В научной литературе по-

добное явление характеризуется как «профессиональная деформация».

На сегодняшний день авторы не приходят к единому мнению в понимании термина «профессиональная деформация», однако большинство из авторов считают, что к проявлениями профессиональной деформации относятся «профессионально обусловленные акцентуации характера, профессиональные стрессы (дистрессы), нарушения социального взаимодействия, нестабильность самооценки, неудовлетворенность работой, физиологический дискомфорт, нарушения мотивационной сферы, внутренние конфликты, повышенная ситуативная и личностная тревожность, выученная беспомощность, профессиональные страхи» [5].

Помимо профессиональной деформации, сотрудники полиции при выполнении служебных обязанностей, сталкиваются с рядом психологических проблем:

1. Психотравмирующие ситуации. Сотрудники полиции могут столкнуться с психотравмирующими ситуациями, что может привести к посттравматическому стрессовому расстройству (ПТСР) и другим психологическим проблемам.

2. Стресс и выгорание. Работа в полиции может быть очень стрессовой, что может привести к профессиональному выгоранию, если они не владеют соответствующими навыками управления стрессом, навыками саморегуляции.

3. Негативные отношения с обществом или недоверие к полиции могут оказывать психологическое давление на сотрудников.

4. Недостаток психологической поддержки со стороны руководителей или коллег.

Как отмечает В. Г. Жуков, одной из проблем выступает «деформированное правовое сознание гражданина еще до поступления на службу в полицию; недостаточный объем знаний, полученных за время обучения в образовательной организации МВД России; нерегулярное повышение правовых знаний в процессе службы» [3].

Согласно мнению ряда авторов, профессиональное выгорание «является следствием недостатка эмоционального взаимодействия, при котором невозможна демонстрация своего эмоционального состояния или эмоциональной реакции. Проблема состоит в том, что сотрудники полиции просто блокируют эмоции, а не находят способ прожить их. Это, с одной стороны, указывает на необходимость развития соответствующих у них способностей при профессиональной подготовке, т. е. вырабатывать и тренировать необходимый специальный навык. С другой стороны, для профилактики эмоционального выгорания в правоохранительной системе важно предусматривать не только формализованную, например, диагностическую работу психолога, но и работу, направленную на выработку эмоционального реагирования, что будет способствовать коррекции и профилактике эмоционального выгорания» [1].

Основной задачей психологического обеспечения сотрудников полиции является своевременное выявление негативных отклонений в поведении сотрудника, а также оказание ему необходимой психологической помощи.

Как справедливо отмечают М. Х. Машекуашева и З. Х. Кочесокова: «Правильно построенная работа психолога формирует у сотрудников органов внутренних дел, действующих в нормативных рамках, умение использовать творческий подход в решении практических задач. При этом, используя механизм психологических практик, важно не «поглотить» конкретного сотрудника своим контролем и авторитетом, а инициировать в сотруднике желание формировать умения и навыки противодействия профессиональной деформации» [7].

Следует отметить, что психологическая подготовка сотрудников полиции должна быть личностно ориентированной, в обязательном порядке должны учитываться особенности деятельности конкретной службы, в которой трудоустроен сотрудник, так как уровень стресса, испытываемый сотрудником уголовного розыска, следователя, дознавателя, участкового-уполномоченного полиции во многом превышает стресс, испытываемый сотрудниками внутренних служб.

Психологическая подготовка сотрудников полиции, чья работа сопряжена со стрессом, направлена на развитие двух

аспектов: психологический (дезорганизация эмоциональной стабильности правонарушителя, попытка вызвать раскаяние, неуверенность и др.) и организационно-правовой (контролирование и выявление преступных элементов, поиск необходимой информации и др.) [2], [4]. Исходя из вышеуказанного, основным направлением психологической подготовки должно являться развитие навыков коммуникации и саморегуляции; развитие таких профессионально-значимых личностных качеств, как: внимательность, наблюдательность, критическое мышление и т.п.; формирование знаний о построении психологического портрета личности, основы профайлинга; формирование знаний о приемах и способах установления эффективного психологического контакта.

Пристатейный библиографический список

1. Балашова В. А., Кравцов О. Г., Позин А. И. Эмоциональное выгорание как условие изменения индивидуальности психологических особенностей сотрудников полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. - 2022. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-kak-uslovie-izmeneniya-individualno-psihologicheskikh-osobennostey-sotrudnikov-politsii> (дата обращения: 25.01.2024).
2. Диденко Е. Я., Темур Г. М. Специальная психологическая подготовка как условие оптимизации влияния стресса на эффективность выполнения служебных задач сотрудником правоохранительных органов // Вестник ОГУ. - 2019. - № 2 (220). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnaya-psihologicheskaya-podgotovka-kak-uslovie-optimizatsii-vliyaniya-stressa-na-effektivnost-vypolneniya-služebnyh-zadach> (дата обращения: 22.01.2024).
3. Жуков В. Г. Правовой нигилизм и правовой идеализм как наиболее актуальные и выражающие повышенную общественную опасность формы деформации правосознания сотрудников органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2020. - № 1 (39). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-nigilizm-i-pravovoy-idealizm-kak-naibolee-aktualnye-i-vyrazhayuschie-povyshennuyu-obshchestvennuyu-opasnost-formy-deformatsii> (дата обращения: 25.01.2024).
4. Копылова Г. К. Психологическая подготовка сотрудников уголовного розыска в вузах МВД России // Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». - 2014. - С. 142-144.
5. Корнеева Я. А., Симонова Н. Н. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология. - 2020. - № 2. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-lichnostnaya-deformatsiya-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Корсун К. И., Задорина М. А. Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический и организационно-правовой аспекты // Полицейская деятельность. - 2022. - № 6. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-professionalnoy-deformatsii-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del-psihologo-pedagogicheskii-organizatsionno-pravovoy> (дата обращения: 22.01.2024).
7. Машекуашева М. Х., Кочесокова З. Х. Актуальные вопросы психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Пробелы в российском законодательстве. - 2018. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 22.01.2024).

АЛИЕВ Хиби Курбанович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В. В. ПУТИН – ГАРАНТ СТАБИЛЬНОГО И ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В статье показана роль Президента России В. В. Путина как гаранта стабильности и поступательного развития российского общества и государства на современном этапе. Делается экскурс в историческое прошлое нашей страны, когда отдельные лидеры сыграли ключевую роль в развитии российского государства. Автором статьи обосновывается правильность и необходимость проводимый национальным лидером Российской Федерации политический курс в условиях современных внешнеполитических реалий и сложившийся экономические конъюнктур.

Ключевые слова: В. В. Путин, Россия, геополитика, государственность, стабильность, миропорядок.

ALIEV Khibi Kurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

V. V. PUTIN IS THE GUARANTOR OF THE STABLE AND PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN STATEHOOD

The article shows the role of Russian President V.V. Putin as a guarantor of stability and progressive development of Russian society and the state at the present stage. An excursion is made into the historical past of our country, when individual leaders played a key role in the development of the Russian state. The author of the article substantiates the correctness and necessity of the political course pursued by the national leader of the Russian Federation in the conditions of modern foreign policy realities and the current economic conditions.

Keywords: V. V. Putin, Russia, geopolitics, statehood, stability, world order.

Алиев Х. К.

В истории Российского государства были политические деятели, ставшие символами эпох, которые кардинально меняли вектор развития страны и внесли огромный вклад в развитие российской государственности. Так, в правление Петра I в стране были проведены масштабные социально-экономические и политические реформы, направленные на модернизацию и развитие России. По его инициативе в России появились регулярные войска, военно-морской и торговый флот, основана новая столица государства – Санкт-Петербург, начато активное развитие промышленности и науки.

При Екатерине Великой произошло дальнейшее расширение пространств российского государства, в состав которой вошли Крым, западные земли Украины и Белоруссии, а также укрепление позиций на Кавказе. Она провела реформы, значительно изменившие социально-экономический и культурный облик России.

Под руководством Сталина Советский Союз смог реализовать амбициозные планы развития, благодаря проведенной им модернизации наша страна превратилась в развитую мировую промышленную державу. Сталин создал мощную армию и эффективную оборонную промышленность, что сыграло решающую роль в победе над фашизмом в Великой Отечественной и Второй Мировой войнах.

В современной истории Российского государства выдающимся политическим деятелем, национальным лидером, без всякого сомнения, является Владимир Владимирович Путин. Не будет преувеличением сказать, что современная история России и эпоха Путина являются синонимами. Он принял полноту ответственности за страну в самое тяжелое время, характеризовавшееся всеобщей нищетой, террористическими угрозами, внешним управлением, засильем олигархической клики («семибанкирщины»), контролиро-

вавшей власть и экономику в России. Центр фактически утратил управление территориями, во многих регионах распространялись сепаратистские тенденции. Август 1999 года был переломным временем, когда страна трещала по швам, а международные бандформирования, поддерживаемые так называемыми «друзьями» в лице США и стран Европы, попытались овладеть южными российскими рубежами с целью создания на Кавказе «независимого исламского государства». Однако В. В. Путин выдержал этот «экзамен», сохранил единство страны, а в последующем добился мира на российском Кавказе.

26 марта 2000 года Путин одержал победу на выборах президента России и стал полноправным главой государства. Впереди его ждали знаменитое выступление в Мюнхене, окончание войны в Чечне, значимые политические реформы, воссоединение Крыма с Россией, начало СВО на Украине и принятие в состав страны четырех новых регионов: Донецкой и Луганской Народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Одним из самых важных достижений Путина в должности руководителя государства, бесспорно, является экономический рост страны и обеспечения благосостояния граждан. Так, валовой внутренний продукт Российской Федерации с 1999 по 2022 год увеличился почти в десять раз. Если в 1999 году за чертой бедности находилось 28 % населения, то в 2022 году этот показатель составил 10,5 %. За период правления Путина золотовалютные резервы России увеличились с 11,2 млрд до 600 млрд долларов, то есть в более чем 50 раз. В стране введены в эксплуатацию ряд ключевых промышленных и социальных объектов, таких как: Крымский мост, космодром Восточный, инновационный центр «Сколково», новые энергоблоки АЭС и др.

Сегодня мы являемся свидетелями формирования новейшей истории России, истории великой и влиятельной державы, к голосу и мнению которого прислушивается значительная часть мира. Наша страна при Путине превратилась во влиятельного игрока на мировой арене, несмотря на все попытки США и ее европейских марионеток при помощи санкций и запретов ослабить российскую экономику и международный авторитет. Россия смогла привлечь на свою сторону большое количество стран, расположенных на всех континентах, от Бразилии, Саудовской Аравии до ЮАР. Наступивший 2024 год свидетельствует о ключевой роли России в новом трансконтинентальном мироустройстве, сопровождаемое расширением состава БРИКС за счет новых стран: Египет, Иран, Эфиопия, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. По словам Путина, расширение БРИКС будет способствовать дальнейшим прагматичным, равноправным, взаимовыгодным, исключительно партнерским отношениям с дружественными странами и в Евразии, в Африке, в Латинской Америке.

В 2000 г. национальным советом США по разведке был составлен отчет «Мировые тенденции 2015», где был сделан прогноз о том, каким будет мир через 15 лет. Так, по мнению американских политологов, через 15 лет Россия должна была значительно ослабеть, потерять своё влияние на мировой арене. «Россия останется внутренне слабой... она не сможет создать коалицию, которая стала бы противвесом американской гегемонии». Американцы считали, что российские власти не способны будут содержать вооружённые силы и все их надежды будут связаны с дряхлеющим ядерным потенциалом, способным лишь «запугивать соседей».

Ресурсы, которыми обладает Москва, позволили ей успешно провести масштабную военную операцию против запрещенных в РФ террористических организаций в Сирийской Арабской Республике, воссоединить Крым, начать специальную военную операцию для защиты мирного населения Донбасса, и продолжать процесс демилитаризацию и денацификацию Украины. Деятельность и достижения Путина стали примером для многих зарубежных политиков, стремящихся к проведению самостоятельной политики и созданию прочного и благополучного будущего нашей страны.

Всего этого удалось добиться благодаря грамотно выстроенной системе управления страной. Своё правление Путин начал со слов, сказанных на инаугурации Президента РФ в мае 2000 г.: «Могу заверить Вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Обещаю, что буду работать открыто и честно». Началась новая веха в системе государственного управления России, характеризовавшаяся появлением новых принципов и внутригосударственных порядков.

В своей внутренней политике Путин взял на вооружение принцип «жесткой руки», что было обусловлено рядом обстоятельств. Так, на начало его президентства огромным влиянием на федеральные властные структуры обладали различные политические и олигархические группировки из ближайшего окружения Бориса Ельцина, которые также контролировали крупный бизнес в стране. В ряде регионов федеральная власть была чисто номинальной, а местные элиты проводили фактически независимый политический курс. Поэтому с первых дней на своем посту Путин стал выстраивать новую вертикаль власти, построенную на ослаблении влияния региональных элит и выстраивании двухуровневой системы государственного управления путем образования федеральных округов, задачей которых является централизация власти и повышение эффективности органов государственной власти и совершенствование системы контроля за их работой в регионах.

Существующий сегодня в России политический режим характеризуется наличием сильного лидера, которому народ

в случае необходимости готов делегировать чрезвычайные полномочия. Курс, проводимый президентом, не просто сплотил российское общество, а дал конкретные и позитивные результаты, став гарантом решения всех масштабных задач, стоящих перед страной. Можно без преувеличения утверждать, что с 2000 года Путин превратился в ключевую фигуру на российской политической сцене, на которого возлагают надежды и ждут защиты и решения насущных проблем граждан.

С первого президентского срока Путин словом и делом показывает мировому и российскому обществу свою эффективность и приверженность отстаивать интересы России. Российская Федерация сталкивалась с различными угрозами и вызовами, такие как финансовый кризис, экономические и политические санкции, спровоцированный Западом военный конфликт на Украине, но курс и стратегия Путина позволяют нам их благополучно решать и смотреть в будущее с оптимизмом.

Путин является гарантом Конституции для каждого российского гражданина, отстаивает интересы нашего многонационального государства на международной арене, что актуально в наши дни, во время беспрецедентных санкций и масштабного информационного давления, и попыток изолировать русскую культуру и идентичность.

Очень часто сегодня о Владимире Путине отзываются как о сильном лидере, который всегда и везде отстаивает национальные интересы РФ. Об этом говорят, как за рубежом, так и внутри нашей страны – россияне видят, что Россия ведет независимую политику и играет ключевую роль во многих мировых процессах. «Путин – это человек, который своими словами и делами способствует глобальной ситуации. Ни для кого не секрет, что с позицией России будет считаться весь мир. Без участия этого государства ни одна проблема в мире не будет решена, это видно даже с Луны», – заявил глава Казахстана Касым-Жомарт Токаев в интервью газете Egemen Qazaqstan.

Путин уверенно защищает суверенитет и независимость страны, неуклонно отстаивая ее права и интересы. Он активно работает над укреплением обороноспособности России, обеспечивая безопасность и мирное сосуществование на мировой арене. Его решительность, мудрость и умение находить компромиссы способствуют установлению диалога и сотрудничества с другими странами. Россия под руководством Путина стала важным игроком в международной политике, активно участвует в решении глобальных проблем и стремится к укреплению международной безопасности и стабильности.

Путин – это лидер, стратег и гарант стабильности для России. Под его руководством страна достигнет еще более значительных успехов, станет экономической и политической силой на мировой арене. Его решительные действия и мудрое руководство продолжают помогать России преодолевать вызовы и стремиться к процветанию.

Справедливости ради стоит отметить, что Владимир Путин сегодня защищает традиционные ценности человечества, ориентированные на стабильность нашей жизни. Проводимый нашим верховным главнокомандующим курс не просто сплотил наше общество, научил нас уважать самих себя и свою страну, но и восстановить былую славу нашей Отчизны в мировой арене.

ГАВРИЛОВ Денис Евгеньевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАЗАЛЮК Мария Владимировна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДЫМА Иван Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВИНОКУРОВА Софья Вячеславовна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: СЦЕНАРИИ И СЛЕДСТВИЯ

В данной статье представлен комплексный анализ цветных революций как явления современной политической жизни. Рассматриваются их ключевые характеристики, включая предпосылки возникновения, механизмы мобилизации, особенности информационного распространения и влияние международного контекста. Особое внимание уделено роли инцидентов, способных активизировать массовые движения, и участию молодежных групп как основного драйвера протестов. Изучение экономических и социальных условий, способствующих подготовке почвы для революционных сдвигов, подкрепляется анализом конкретных исторических примеров, позволяющим понять механизмы формирования и развития цветных революций в различных странах.

Ключевые слова: цветные революции, политическая нестабильность, молодежные движения, информационные технологии, массовые протесты, демократизация, социальный конфликт, международные отношения.

GAVRILOV Denis Evgenjevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MOZOLYUK Maria Vladimirovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DYMA Ivan Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

VINOKUROVA Sofya Vyacheslavovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

COLOR REVOLUTIONS: SCENARIOS AND CONSEQUENCES

This article presents a comprehensive analysis of color revolutions as a phenomenon of contemporary political life. It examines their key characteristics, including the prerequisites for their occurrence, mechanisms of mobilization, features of information dissemination, and the impact of the international context. Special attention is given to the role of incidents capable of activating mass movements and the participation of youth groups as the main driver of protests. The study of economic and social conditions that contribute to preparing the ground for revolutionary shifts is supported by the analysis of specific historical examples, allowing an understanding of the mechanisms of formation and development of color revolutions in different countries.

Keywords: color revolutions, political instability, youth movements, information technology, mass protests, democratization, social conflict, international relations.

Цветные революции последних десятилетий обретают особое значение в контексте глобальных социально-политических преобразований. Эти события, ознаменованные массовыми протестами и стремлением к переменам в политической жизни стран, отличаются особым подходом к организации и проведению протестных акций. Основной их целью является не просто выражение недовольства, но непосредственное влияние на изменение властных структур, при этом методы воздействия охватывают широкий спектр действий от мирных собраний до активного политического давления. Исследование цветных революций, с одной стороны, разоблачает влияние информационных технологий и социальных сетей на мобилизацию масс, с другой — показывает роль молодежи как основной движущей силы этих событий. В разработке данной темы важно анализировать не только внутренние факторы, но и внешнее влияние, что открывает понимание многоуровневых процессов, стоящих за кажущейся стихийностью революционных выборов. Это исследование стремится обеспечить всесторонний анализ цветных

революций, раскрывая их сложную природу и многогранные последствия для мировой политической арены.

Основная цель так называемых цветных революций заключается в реализации государственного переворота, что подразумевает силовое захватывание и удержание власти. Эти события, часто окрашенные в метафорические «цвета», нацелены на трансформацию властных структур и модификацию политического уклада страны. Цветные революции представляют собой волну политических движений, которые охватили ряд стран, начиная с конца 20-го и в начале 21-го века, особенно в постсоветском пространстве, а также в некоторых странах Ближнего Востока и Северной Африки. Эти движения, часто организованные и проводимые молодежью и гражданским обществом, стремились к демократическим реформам, свержению авторитарных режимов или коррупционных правительств через мирные протесты и массовые демонстрации. Названия многих из этих революций происходят от цветов, символизирующих движения, таких как Розовая революция в Грузии (2003 год), Оранжевая революция

на Украине (2004 год), и Тюльпанная революция в Киргизии (2005 год) [5].

Цветные революции кажутся на первый взгляд спонтанными и народными, но их отличает высокий уровень организации и иногда драматизации, напоминающей постановку. Их эффективное осуществление обычно требует двух ключевых факторов: политической нестабильности внутри государства и организованной протестной молодёжной сети.

Политическая нестабильность, может быть, как следствием накопившихся проблем внутри государства, так и результатом внешнего влияния, направленного на подрыв действующего режима. В ситуациях, когда политическая обстановка относительно стабильна, могут быть предприняты действия для искусственной дестабилизации через различные каналы, включая массовую информацию, экономические санкции и политический давление.

Организованное молодёжное движение играет роль главного инструмента давления на власть, мобилизуя массы и создавая образ прогрессивной борьбы за свободу и демократию. Однако за этими процессами зачастую стоят продуманные стратегии и технологии, разработанные специалистами в области политического консалтинга и социальных наук, которые представляют собой «экспорт демократии».

Именно эти аспекты цветных революций делают их объектом пристального анализа политологов. Существует предположение, что идеологические и методологические основы цветных революций берут своё начало из англосаксонской модели демократии, а их распространение связывают с политикой Североамериканских государств. Отсюда проистекает и предположение о наличии «североамериканского следа» в развитии подобных событий.

Анализ причинных механизмов цветных революций обнаруживает дихотомию двух главных гипотез: одна предлагает их спонтанный характер, а другая указывает на преднамеренное режиссирование этих событий. Такие гипотезы существуют параллельно и подвергаются активной научной дискуссии. Исследование каждого случая цветной революции выявляет определенные узнаваемые характеристики, которые подчеркивают присутствие определенных технологий влияния [4].

Рассматривая детальные признаки цветных революций, можно выделить несколько ключевых аспектов:

1. Внешнеполитический подход англосаксонских стран часто прослеживается в методологии этих событий, отражая уникальный стиль внешнеполитического воздействия этих держав.

2. Есть заметное соблюдение универсального «шаблона» развертывания революций. Эти события следуют почти идентичным этапам развития, что предполагает использование стандартизированного подхода.

3. Использование молодежных протестных движений осуществляется посредством рефлексивного управления, исторически связываемого с американскими методами влияния.

4. Возникновение лидеров революций часто происходит по схожему сценарию, который включает в себя выборку кандидатов по определенным критериям и активное их продвижение.

5. В некоторых случаях отсутствие ясно выраженной революционной идеологии может указывать на искусственность революционного процесса. Это может быть связано с несоответствием предлагаемых «западных» ценностей культурному и социальному контексту тех стран, где эти революции происходят.

В контексте использования военной силы цветные революции воспринимают ее как инструмент последней инстанции. Тем не менее, подобные события могут создавать предпосылки для последующего военного вмешательства.

Пятиэтапная модель цветной революции демонстрирует последовательное развитие событий.

Начало революции обычно связано с созданием организованного протестного движения, которое служит основным двигателем перемен.

Этот этап включает создание сети конспиративных ячеек, каждая из которых возглавляется лидером с небольшим числом активистов. Такие сети, схожие по своей структуре с организационной техникой, используемой в террористических сетях, объединяют тысячи активистов. Многие активисты проходят специальное обучение в центрах по поддержке демократизации перед тем, как занять руководящие позиции.

В теневого уголка городской жизни зарождается сеть, которая неожиданно прорывается на улицы мегаполисов, реагируя на сигнал, известный как «инцидент». Это событие, вызывающее резкий общественный отклик и часто организуемое преднамеренно, должно породить широкое общественное волнение. Основная его цель - максимально захватить внимание народа и стать предметом всенародного анализа и бурных обсуждений, что способствует распространению коллективного беспокойства и стимулирует самоорганизацию населения.

Когда инцидент возникает и привлекает общественное внимание, затаившаяся протестная сеть выходит на свет. Активисты, действующие в рамках этой сети, начинают работать как катализаторы, которые инициируют неорганизованные массовые движения, мобилизуя все большие слои общества. Такой подход увлекает людей в вихрь протеста, часто движимых страхом за собственное будущее и обострённым чувством тревоги. В результате психологическое состояние людей достигает предельной напряжённости, становясь уязвимым для массовых панических реакций и общей истерии, когда логика отступает перед инстинктивными рефлексами. Таким образом, общество на грани преобразуется из собрания отдельных личностей в однородную массу.

На следующем этапе формируется «политическая толпа». Для её собрания выбирается обширное пространство, достаточное для размещения больших масс людей, в истории известное как «майдан» или площадь.

Расширяя контекст, стоит отметить, что площади как места сбора больших масс людей использовались на протяжении всей истории цивилизации - от агор древнегреческих городов-государств до главных городских площадей, где происходили ключевые события во время Великой Французской революции. Современные средства коммуникации, включая социальные сети и «твиттерные революции», лишь усиливают возможности для конфликтной мобилизации, создавая условия для быстрого распространения идеологии и координации действий протестующих на новом, беспрецедентном уровне.

По своей сути, цветные революции олицетворяют собой не только стремление к изменениям в политической сфере, но и культурное и технологическое преобразование в обществе.

В научных исследованиях протестных движений и цветных революций можно увидеть повторяющийся паттерн, где динамика событий часто зависит от уровня информированности и активности населения. С ростом доступности информации и коммуникаций, в частности благодаря интернету и социальным сетям, становится возможным мгновенное распространение идеологии и мобилизация массовых движений. Например, исследования показывают, что т.н. «Арабская весна», начавшаяся в конце 2010 года, была в значительной степени подогрета возможностями социальных сетей.

Другим ключевым моментом является роль молодежи в этих процессах. Из-за высокого уровня безработицы среди молодежи и низкого качества жизни, молодые люди часто

становятся движущей силой протестов. Например, во время Революции роз в Грузии в 2003 году и Оранжевой революции на Украине в 2004 году, молодежные организации играли ведущую роль в мобилизации общественного недовольства и организации массовых акций.

Также стоит учитывать международное измерение цветных революций. Зачастую внешние силы могут оказывать влияние на развитие событий, предоставляя поддержку определенным политическим группам или даже способствуя распространению протестной идеологии. Это подчеркивает глобализированный характер современной политики, где границы между внутренней и внешней политикой стираются.

Цветные революции, хотя и разнообразны по географическому и культурному контексту, демонстрируют сходство в тактиках и стратегиях. В каждом случае массовые протесты организовывались с акцентом на коррупцию, нарушения в выборных процессах и нарушение демократических принципов.

Социально-политический анализ указывает на то, что цветные революции часто поддерживались группами, связанными с западными интересами, что в некоторых случаях приводило к обвинениям во внешнем вмешательстве. Согласно докладу Фонда Карнеги, в период с 1991 по 2004 год, Соединенные Штаты Америки и Европейские организации выделили около 1,7 миллиарда долларов на «демократические интервенции» в регионе постсоветского пространства [1].

Данные организации Freedom House также показывают, что в период с 2004 по 2005 год было зафиксировано увеличение числа «свободных» и «частично свободных» стран в регионе, что было частично приписано воздействию данных революций на политический ландшафт.

Однако стоит отметить, что такая внешняя поддержка не всегда ведет к устойчивым и демократическим переменам. Исторический анализ показывает, что во многих случаях после цветных революций происходит резкое обострение политической нестабильности. Например, после «Тюльпановой революции» Киргизия столкнулась с рядом политических кризисов, которые привели к дальнейшим насильственным событиям и переворотам в 2010 году.

Помимо политической сферы, цветные революции имеют значительное влияние на социальные структуры. Исследования показывают, что активное участие в протестах часто способствует формированию гражданской идентичности и укреплению гражданского общества. Однако, такое же исследование может выявить и негативные аспекты, такие как рост социального недовольства и поляризацию общества.

В контексте использования сетевых принципов интерес представляет сравнение цветных революций с тем, как организованы современные террористические сети. Оба вида сетей используют децентрализованную модель управления, которая обеспечивает гибкость и устойчивость перед лицом внешнего давления и репрессий.

Медиа-технологии также сыграли ключевую роль в организации цветных революций. Согласно исследованиям Pew Research Center, рост доступа к интернету и социальным медиа в начале 2000-х годов совпал с возникновением массовых протестных движений, что указывает на значительную роль цифровых платформ в мобилизации и координации протестов.

В контексте новых идей и решений, связанных с цветными революциями, важное внимание уделяется следующим аспектам [3]:

1. Устойчивое развитие демократии: после успеха цветных революций важно сосредоточиться на долгосрочном развитии демократических институтов и культуры. Это включает в себя реформу избирательной системы, борьбу с

коррупцией, укрепление правового государства и гарантии свободы слова и собраний.

2. Инклюзивность и диалог: для предотвращения раскола общества и обеспечения широкой поддержки демократических изменений необходимо стремиться к инклюзивности и вовлечению всех слоев населения в политический процесс. Создание платформ для диалога между различными группами общества и политическими силами может способствовать консенсусу и снижению напряженности.

3. Цифровая мобилизация и безопасность: Учитывая роль социальных медиа и цифровых технологий в организации и проведении цветных революций, важно разрабатывать стратегии для защиты цифровой инфраструктуры и персональных данных активистов от кибератак и государственного надзора.

4. Международная поддержка и солидарность: Международное сообщество может играть ключевую роль в поддержке демократических движений, предоставляя политическую, финансовую и техническую поддержку, а также выступая в защиту прав человека и демократических стандартов.

Цветные революции выдвигают перед обществом и международным сообществом сложные задачи и возможности. Новые идеи и решения, направленные на поддержку устойчивого развития демократии, укрепление инклюзивности и диалога, а также использование цифровых технологий для мобилизации и защиты, могут помочь в достижении более стабильного и процветающего будущего для стран, переживших цветные революции.

Пристатейный библиографический список

1. Виноградова Е. А. Информационные войны в Латинской Америке // Тренды и управление. – 2014. – № 4. – С. 372-384.
2. Курилкин А. В. Эволюционное развитие психологической борьбы: от пропаганды к психологическим операциям // Международные отношения. – 2014. – № 3. – С. 472-474.
3. Петренко А. И. Теоретические основы организации противодействия использованию арсенала сил, средств и методов информационно-психологической войны в политических целях // Тренды и управление. – 2014. – № 2. – С. 154-167.
4. Карпович О. Г. Цветные революции как инструмент системной дестабилизации политических режимов: угрозы и вызовы для России // Национальная безопасность / nota bene. – 2015. – № 1. – С. 73-87.
5. McFaul M. Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution // International Security. – 2007. – Vol. 32. № 2. – P. 45-83.

ПИВОВАРОВА Ирина Валерьевна

кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета

БОГДАНОВА Юлия Зуфаровна

кандидат филологических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья

ОБЩЕРОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРАВО СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ

В статье поднимается актуальная проблема современной действительности – проблемы формирования общероссийской идентичности сельского населения и выявление проблем в ее формировании. С этой целью был проведен онлайн-опрос, который выявил, что у сельской молодежи общероссийская гражданская идентичность сформирована не в достаточной мере, ниже, чем среди городской молодежи, проживающей в большинстве российских регионов. При этом зафиксировано, что в молодежной среде сохраняется роль традиционных ценностей, в первую очередь семьи и близких друзей.

Ключевые слова: идентификация, гражданская идентичность, сельское сообщество, межнациональные отношения, межконфессиональные отношения.

PIVOVAROVA Irina Valerjevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of the Tyumen Industrial University

BOGDANOVA Yuliya Zufarovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of the State Agrarian University of the Northern Trans-Urals

ALL-RUSSIAN IDENTITY AS SOCIO-CULTURAL LAW RURAL RESIDENTS

The article raises an urgent problem of modern reality - the problem of forming the all-Russian identity of the rural population and identifying problems in its formation. For this purpose, an online survey was conducted, which revealed that among rural youth, the all-Russian civic identity is not sufficiently formed, lower than among urban youth living in most Russian regions. At the same time, it was recorded that among young people the role of traditional values, primarily family and close friends, remains.

Keywords: identification, civic identity, rural community, interethnic relations, interfaith relations

Актуальность темы исследования. Многие ученые доказывают, что сельская молодежь российской глубинки, является самой социально ущемленной категорией современного российского общества [1]. При этом на сельскую молодежь оказывают влияние факторы, которые обусловлены территорией проживания, социально-экономическим положением, отсутствием работы на селе, желание уехать в город учиться и там остаться работать и создать семью и пр.

Методика. С целью изучения проблем формирования общероссийской идентичности сельской молодежи и выявления проблем в ее формировании, в августе 2023 г. под руководством и по методике, разработанной д.с.н., профессором Тюменского индустриального университета Н. Г. Хайруллиной (в рамках договора на проведение научно-исследовательских работ в Исетском районе юга Тюменской области), был проведен онлайн-опрос. Выборочная совокупность составила 159 человек в возрасте от 16 до 35 лет, из них 29,6 % – жители районного центра, 70,4 % - сельских поселений. Возрастной состав: 16-20 лет 20,1 %; 21-25 лет 4,4 %; 26-35 лет 14,5 %.

Представим образование участников: начальное или ниже 0,6 %; неполное среднее - 9,4 %; среднее (школа или ПТУ) - 22 %; среднее специальное (техникум) - 16,4 %; незаконченное высшее (не менее 3-х курсов вуза) 1,9 %; высшее 49,7 %.

Обсуждение и результаты. Рассмотрим ответы участников онлайн-опроса. На вопрос, испытывали ли респонденты за последний год гордость за свои достижения, успехи, большинство участников (91,5 %) ответили утвердительно: да, довольно часто 42,1 % и 49,1 % - иногда. Почти каждый десятый не испытывал гордость за свои достижения и успехи.

Иначе распределились ответы на вопрос «За последний год Вы испытывали чувство недовольства за свои неудачи, ошибки?». Две трети опрошенных признались, что испытывали чувство недовольства за свои неудачи, ошибки: 4,4 % респондентов довольно часто, а 65,4 % иногда. Около трети респондентов (30,2 %) не испытывали чувство недовольства за свои неудачи, ошибки.

Индикатором, характеризующим идентичность респондента с малой Родиной, выступает вопрос «За последний год Вы испытывали гордость за достижения, успехи Исетского муниципального района?». Большинство молодых сельчан (87,4 %) испытывали гордость за достижения, успехи района: 46,5 % довольно часто, а 40,9 % иногда. Каждый десятый не испытывал этого чувства, а 3,1 % участников признались, что это им безразлично.

Другим индикатором выступают ответы на вопрос, испытывали ли респонденты за последний год чувства недовольства за неудачи, ошибки Исетского муниципального района. В ходе анализа мы выяснили, что чуть более трети опрошенных (39 %) испытывали недовольство за неудачи, ошибки района: 3,8 % признались, что довольно часто, а 35,2 % иногда. Противоположного мнения (ответ «нет») придерживаются чуть более половины участников (55,7 %). При этом 5,7 % признались, что им это безразлично.

Индикаторами, характеризующими общероссийскую идентичность молодых сельчан, выступают два вопроса: «За последний год Вы испытывали гордость за достижения, успехи России?» и «За последний год Вы испытывали чувства недовольства за неудачи, ошибки России?».

Анализ ответов показал, что большинство участников (94,3 %) за последний год испытывали гордость за достиже-

ния и успехи России: 59,7 % довольно часто, а 34,6 % иногда. Не испытывали гордость за достижения, успехи России 3,8 % молодых сельчан, а 1,9 % признались, что им это безразлично.

За последний год почти каждый второй респондент (48,5 %) испытывал чувства недовольства за неудачи и ошибки России: довольно часто (3,8 %), иногда (44,7 %). Половина опрошенных (48,4 %) не испытывали чувства недовольства за неудачи и ошибки России. При этом 3,1 % участников заявили, что это им безразлично (устойчивая группа).

На вопрос, изменились ли за последний год чувства того, что респондент является россиянином, 16,4 % ответили, что они стали положительными. Почти три четверти ответили, что они были положительным и остались положительными. При этом ни один не сказал, что они стали отрицательными, а также никто не признался, что они были отрицательными и остались отрицательными. Не испытывали ни положительных, ни отрицательных чувств 2,5 % респондентов. Каждый десятый затруднился ответить на этот вопрос.

Другой индикатор, характеризующий общероссийскую идентичность, выступает вопрос-рассуждение: «Некоторые говорят: «Моя Родина не обязательно Россия; ею может быть другая страна, где мне хорошо будет жить?»». Респондентам предлагалось высказать свое мнение:

1. Для меня Родина Россия или другая страна, главное, чтобы мне было хорошо там жить 6,9 %.

2. Я предпочел бы считать Россию своей Родиной, если в ней жить будет лучше, чем в других странах 8,2 %.

3. Я считаю Россию своей Родиной независимо от того, где жить лучше – здесь или в другой стране 74,2 %.

4. Я не задумывался над этим вопросом 8,8 %.

5. Я думал об этом, но пока затрудняюсь ответить 1,9 %.

Ответы на вопрос, кого можно назвать настоящим россиянином, также позволяют характеризовать общероссийскую идентичность сельской молодежи. На вопрос разрешалось выбрать не более пяти ответов, соответствующих представлениям респондента. Представим ответы участников, проживающих в исследуемом районе:

1. Кто является патриотом России 65,4 %.

2. Кто встанет на защиту России 52,2 %.

3. Кто родился в России, а не является мигрантом, получившим гражданство 49,1 %.

4. Кто не позорит страну своим поведением 44,7 %.

5. Кто гордится достижениями страны 42,1 %.

6. Кто уважительно относится к разным народам своей страны 39 %.

Другие альтернативы названы менее чем третью опрошенных.

На вопрос, могут ли быть общие идеи, общенародная мечта, ради воплощения которых в жизнь россияне способны объединиться, большинство участников (89,4 %) ответили утвердительно: да, вполне могут быть (68,6 %) и 20,8% ответили да, возможно. Противоположное мнение высказали 2,5 % респондентов (скорее всего, нет). При этом 8,2 % затруднились с ответом.

Положительно ответившим участникам предлагалось далее выбрать из предложенного перечня пять наиболее важных для них идей, ради воплощения которых в жизнь россияне способны объединиться:

«Россия – страна дружбы народов» 17 %.

«Россия – страна, где слышен голос каждого человека, каждого поколения, каждого народа» 13,2 %.

«В России нет бедности» 12,6 %.

«Россия – страна талантов» 10,7 %.

«Россияне – здоровый народ» 7,5 %.

«Россияне – самые образованные люди» 7,5 %.

«Россия – страна научных открытий» 5,7 %.

«В России самые комфортные условия жизни» 5 %.

«Россияне – люди высокой духовной культуры» 4,4 %.

«Россия – ведущая военная держава в мире» 4,4 %.

В заключении отметим, что это первые результаты опроса сельской молодежи. На основании проведенного исследования понимания общероссийской гражданской идентичности выявлены проблемы ее формирования у представителей молодежи, проживающей в Исетском муниципальном районе. Поскольку процесс формирования общероссийской гражданской идентичности является сложным коллективным процессом, то его исследование проходило по методологии, основанной на анализе процесса идентификации в социополитическом и этнокультурном контекстах.

Результаты эмпирического исследования фиксируют, что у молодежи общероссийская гражданская идентичность сформирована не в достаточной мере, ниже, чем большинстве российских регионов. При этом в молодежной среде сохраняется роль традиционных ценностей, в первую очередь семьи и близких друзей. Выявлено желание молодежи на участие в социально-политической жизни региона и страны, на сотрудничество с властью. При этом роль государства в процессе формирования общероссийской идентичности молодежи (не только тюменской) должна быть основополагающей для создания условий, позволяющих молодому поколению проявлять социальную активность, успешно реализовать свой образовательный, научный и творческий потенциал.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 28.01.2024)
2. Хайруллина Н. Г. Общероссийская гражданская идентичность: результаты опроса тюменской молодежи / В книге: Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. - Тюмень, 2022. - С. 174-186.
3. Хайруллина Н. Г. общероссийская гражданская идентичность: результаты опроса тюменской молодежи / В сборнике: Проблемы формирования единого пространства экономического и социального развития стран СНГ (СНГ-2021). Материалы ежегодной Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Отв. редакторы О. М. Барбаков, Ю. А. Зобнин. - Тюмень, 2022. - С. 409-414.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-472-474

БУТАКОВА Надежда Александровна

доктор юридических наук, заведующий кафедрой государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

ЕВГРАФОВА Ирина Владимировна

кандидат педагогических наук, декан факультета естественнонаучного и гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

СЕКСТЕ Янис Артурович

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Сегодня Арктика становится важнейшим стратегическим регионом планеты, ресурсный потенциал которого в ближайшие годы может сделать эту территорию зоной потенциального столкновения геополитических и геоэкономических интересов арктических и неарктических стран. Российская стратегия развития арктического региона предполагает формирование устойчивой системы безопасности при сохранении диалога между международными акторами, заинтересованными в поддержании баланса интересов в регионе.

Ключевые слова: Арктический регион, система безопасности, Арктический Совет, арктические страны, субарктические страны.

BUTAKOVA Nadezhda Alexandrovna

Ph.D. in Law, Head of State and international law sub-faculty of the St. Petersburg State Maritime Technical University

EVGRAFOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in pedagogical sciences, Dean of the Faculty of Natural Sciences and Humanities Education of the St. Petersburg State Maritime Technical University

SEKSTE Yanis Arturovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of State and international law sub-faculty of the St. Petersburg Maritime Technical University

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPTUAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ARCTIC REGION

Today, the Arctic is becoming the most important strategic region of the planet, the resource potential of which in the coming years may make this territory a zone of potential collision of geopolitical and geo-economic interests of Arctic and non-Arctic countries. The Russian strategy for the development of the Arctic region presupposes the formation of a stable security system while maintaining a dialogue between international actors interested in maintaining a balance of interests in the region.

Keywords: Arctic region, security system, Arctic Council, Arctic countries, subarctic countries.

После распада СССР и тех экономических трудностей, с которыми столкнулась наша страна, только в начале 2000-х гг. по-настоящему возрождается интерес к арктическому региону. В этом момент формируются основы арктической региональной политики.

С начала 2000-х гг. Российская Федерация шаг за шагом наращивала своё присутствие в Арктическом регионе. На каждом этапе определялись задачи по его освоению и развитию. Приоритетные цели и задачи и способы их реализации были оформлены в концептуальных стратегических программах по развитию этого региона.

Так, 18 сентября 2008 г. президентом РФ Д. А. Медведевым были утверждены «Основы государственной политики Россий-

ской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу». В них были определены основные направления, цели и приоритеты государственной политики РФ в Арктике, механизмы их достижения. Но одновременно с этим Арктика становится объектом пристального внимания со стороны иностранных государств. Приблизительно в это же время появляются концептуальные документы по развитию арктического региона в Норвегии (Программа развития северных территорий, 2006 г.), Дании (Стратегия в Арктике, 6 мая 2008 г.), Канаде (Северная стратегия, 2009 г.), США (Новая арктическая стратегия, 2009 г.). В этот же период свои арктические стратегии разработали страны-члены Арктического Совета (Исландия, Финляндия, Швеция), а также стра-

Бутакова Н. А.

Евграфова И. В.

Сексте Я. А.

ны-наблюдатели в Арктическом Совете — Китай и Индия [9, с. 254-255].

Россия в своих стратегических документах не стремится доминировать в Арктике. Чего не скажешь о прибрежных арктических государствах, ставящих вопросы лидерства в регионе приоритетными задачами [6, с. 6-7].

Границы «Арктической зоны Российской Федерации могут уточняться в соответствии с нормативно-правовыми актами Российской Федерации, а также нормами международных договоров и соглашений, участницей которых является Российская Федерация»¹. Это давало возможность для маневра в случае возникновения территориальных и иных споров между арктическими странами. Примером этому служит демаркация российско-норвежской границы 2010 г. и возможность выделения Арктической зоны в единый субъект государственного регулирования в будущем [5].

Указанные цели и стратегические приоритеты государственной политики РФ в Арктике подчеркивают ключевую роль региона в обеспечении военной, экономической и экологической безопасности российского государства при стремлении обеспечить максимально многосторонний подход к решению проблем Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) [5].

Следующим важным этапом в развитии концептуальных основ национальной безопасности в Арктической зоне стала «Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», утвержденная президентом Российской Федерации В. В. Путиным 8 февраля 2013 г.²

Эта Стратегия продолжала с определенными поправками и доработками развивать основные положения концепции развития российской арктической зоны 2008 г.

Среди общих ключевых факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие АЗРФ, указанных в этих двух концептуальных документах, можно выделить такие как: экстремальные климатические условия региона, очаговый характер экономического развития в совокупности с существенной удаленностью от основных промышленных центров страны, а также низкую устойчивость экологических систем Арктики³.

В дополнении к концептуальным были приняты дополнительные документы по развитию Арктического региона РФ: Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», определивший на нормативно-правовом уровне ряд субъектов РФ, входящих в АЗРФ, государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (утверждена постановлением Правительства РФ № 366 от 21 апреля 2020 г.), определившая конкретные меры и ключевые показатели для «повышения уровня социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации». Арктика становится объектом статистического наблюдения и анализа. Кроме того, в программе раскрывается понятие «сухопутная территория АЗРФ», определяются конкретные меры по повышению уровня социально-экономического развития субъектов и муниципальных образований, входящих в Арктическую зону [9, с. 254-255].

С 2017 г. программа была продлена до 2025 г. и на ее реализацию были выделены бюджетные средства. В новой редакции программы появились три направления: «Формирования опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации», «Развитие Северного морского пути и обеспечение судоходства в Арктике», «Создание оборудования и технологий нефтегазового и промышленного машиностроения, необходимых для освоения

минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны Российской Федерации» [5, с. 76-77].

3 июля 2012 года Государственная Дума Российской Федерации утвердила правовой режим, акваторию и правила плавания по Северному морскому пути. Также 8 июня 2015 года Правительством РФ был представлен «Комплексный проект развития Северного морского пути», реализация которого нацелена на период с 2015 по 2030 годы⁴. В рамках его реализации предусмотрены меры по навигационно-гидрографическому и гидрометеорологическому обеспечению судоходства в акватории СМП, по аварийно-спасательному обеспечению судоходства, по развитию морских портов, по обеспечению вопросов обороны в акватории СМП, а также по разработке и строительству морской техники, систем и средств⁵.

В конце 2017 года Минэкономразвития РФ планировало представить законопроект «О развитии Арктической зоны РФ», который должен был утвердить концепцию создания «опорных зон развития» в Арктике, направленных на комплексное социально-экономическое развитие Арктической зоны, обеспечение национальной безопасности в регионе [11].

Результатом длительного процесса освоения арктического региона стало принятие президентом В. В. Путиным 5 марта 2020 г. «Основ государственной политики РФ в Арктической зоне до 2035», концептуального документа, который определяет Арктическую зону в качестве одного из главных стратегических направлений развития Российской Федерации. Этот документ определяет цели, задачи, приоритеты, а также механизмы реализации политики России в Арктике. В «Основах» были определены 3 блока национальных интересов России в Арктике: международные и военные вопросы, касающиеся безопасности развития арктической зоны; стратегические социально-экономические задачи, направленные на масштабное строительство экономической инфраструктуры в Арктике, а также проблемы экологии и безопасности жизни коренных малочисленных народов Арктического региона⁶.

Указом президента РФ В. В. Путина от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» были внесены коррективы в систему стратегического планирования и развития российской Арктики⁷. Настоящая Стратегия была разработана в целях реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и определения мер, направленных на выполнение основных задач развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности.

За время формирования и развития стратегии развития Арктического региона были достигнуты значительные результаты: от усовершенствования нормативно-правовой базы развития Арктического региона до реализации масштабных экономических и военно-стратегических проектов. Особую гордость представляет продолжение проекта строительства новых ледокольных судов. Так, в общей сложности к 2035 году Арктический флот России должен достичь не менее 13 тяжёлых линейных ледоколов, в том числе девять атомных. Продолжается масштабный проект строительства системы по утилизации отходов производства и создания особо охраняемых природных территорий в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ).

Можно с уверенностью говорить о том, что по сравнению с другими государствами Россией создана самая мощная индустриальная база в Арктическом регионе. Это во многом заслуга масштабной стратегии освоения и развития Арктики, которая была заложена еще в советскую эпоху. Результаты развития рос-

1 «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: legalacts.ru (дата обращения: 25.10.2023).
2 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года от 20 февраля 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: docs.cntd.ru (дата обращения: 25.10.2023).
3 Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года / Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/info/18360/ (дата обращения: 26.10.2023).

4 Справка о Комплексном проекте развития Северного морского пути / Правительство Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/orders/selection/405/18405/ (дата обращения: 29.10.2023).
5 Комплексный проект развития Северного морского пути от 8 июня 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (council.gov.ru).
6 Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/f8ZpjhpAaQoWBjzjwNo4OgKi1mAvAM.pdf (дата обращения: 29.10.2023).
7 Указ президента РФ В. В. Путина от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: kremlin.ru.

сийской арктической зоны впечатляют, хотя не все цели и задачи, определенные в «Основах государственной политики России в Арктике» были достигнуты [3, с. 53-54].

Так, например, сложнее обстоят дела с реализацией социальной политики в Арктической зоне. По характеристикам качества жизни Арктическая зона России существенно отстаёт от других арктических и приарктических государств [7, с. 89-90]. Такое отставание является вызовом устойчивому развитию АЗРФ и обеспечению национальной безопасности России в Арктике. И в настоящее время это отставание не удалось коренным образом сократить, хотя, необходимо отметить, что за годы реализации Стратегии уровень социально-экономического развития большинства арктических территорий показывает положительную динамику.

В последние десятилетия в Арктике происходят значительные трансформации, в основе которых лежат климатические изменения. Это порождает изменение тактики и стратегии развития как арктических государств, так и стран, географически расположенных вне региона.

Сегодня Арктика стала и объектом военного соперничества. По мнению И. Крамника, «вступление в НАТО Финляндии, состоявшееся в апреле 2023 года, и в перспективе присоединение к блоку Швеции существенно меняют баланс сил как в Балтийском регионе, так и в Арктике. Несмотря на неопределенность развития ситуации в этом регионе, можно предполагать, что противостояние рискует оказаться более масштабным, чем в годы холодной войны, особенно учитывая, что Швеция и Финляндия в тот период были нейтральными государствами» [8].

Сегодня перед государствами встали важнейшие вызовы безопасности в Арктике. Некоторые проекты придется пересмотреть с точки зрения их реализации в ближайшее время. Арктика остается территорией диалога ведущих стран региона и потенциальных участников международных программ сотрудничества. Несмотря на сложную международную военно-политическую обстановку, необходимо искать возможности для продолжения диалога с арктическими и неарктическими странами по развитию Арктического региона. Сегодня Арктика стала объектом пристального внимания крупнейших экономик мира, Китая и Индии, что создает дополнительные возможности для развития этого региона с точки зрения софинансирования международных проектов по развитию Арктической зоны [2, с. 116-118].

В 2022 г. открывая работу международного Арктического форума «Арктика – территория диалога», Президент Российской Федерации В. В. Путин особое внимание уделил арктическому направлению в системе комплексного развития России, подчеркнув, что «все, что происходит на северах, представляет для нас особый интерес и особую ценность. В следующие десятилетия Россия будет прирастать Арктикой и северными территориями. Это совершенно очевидные вещи»⁸.

Становится абсолютно очевидным фактом, что освоение арктических пространств невозможно без постоянно проживающего в регионе населения: а, значит, без комплексной социальной и культурной политики не обойтись. Сегодня в арктическом регионе наблюдается неуклонное сокращение численности населения за счет естественной миграции в другие регионы России. Развивать Арктику за счет внедрения принципов вахтового метода освоения региона может иметь негативные последствия. Все арктические государства «опираются» в своих арктических стратегиях на постоянное население, и Россия не является исключением. При формировании социальной модели развития Севера нужно всегда учитывать специфику жизни коренных малочисленных народов. Эту задачу сложно решить без привлечения инвестиций и реализации крупных бизнес-проектов. Развитие арктического пространства должно проходить в условиях сохранения баланса социально-экономических, политических и природно-экологических факторов. В условиях изменяющегося климата, открываются новые колоссальные возможности использования Северного морского пути (СМП), арктических природных богатств Арктики, но одновременно растет и военно-политическая напряженность в регионе, который некоторые международные акторы рассматривают как потенциальную зону конфликтного взаимодействия, борьбы за арктический ресурсный потенциал. Несмотря на сложность выстраивания международных контактов со странами Запада, российскому

руководству в рамках системы международного взаимодействия в Арктике (например, Арктического Совета) придется предлагать повестку всестороннего развития арктического региона с вовлеченностью арктических и неарктических государств (Индии, Китая) в решении важных вопросов развития региона. И прежде всего Арктика должна стать регионом, в котором будут реализованы совместные социально-экономические, экологические проекты, урегулированы территориальные претензии. Для России Арктический регион является потенциально важным, как с экономической, так и военно-политической позиций. Для этого поставленные в стратегических документах по развитию Арктики цели и задачи должны обязательно реализовываться в краткосрочной перспективе.

Пристатейный библиографический список

1. Бутакова Н. А., Довбуш Т. Н., Евграфова И. В. Международно-правовые и экономические аспекты развития Арктики. Власть. 2023. Т. 31. № 3. С. 224-232.
2. Бхагват Д. В., Халтуринская В. А. Эволюция российской государственной политики развития СМП (2018-2022 гг.): влияние геополитических и геоэкономических факторов // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 116-155. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.116.
3. Гриняев С. Н., Журавель В. П. Вопросы комплексной безопасности в Основах государственной политики России в Арктической зоне до 2035 г.: предыдущий опыт и перспективы реализации // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 52-74. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.52.
4. Журавлев П. С. Стратегия развития Арктики: выбор приоритетов. Арктическая стратегия России: оценки, вопросы, проблемы / Журавлев П. С. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskaya-strategiya-rossii-otsenki-voprosy-i-problemy-realizatsii> (дата обращения: 25.10.2023).
5. Зайков К. С., Кондратов Н. А., Липина С. А., Бочарова Л. К. Организационные механизмы реализации политики России в Арктике в XXI в. // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 75-109. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.75.
6. Зайков К. С., Кондратов Н. А., Кудряшова Е. В., Липина С. А., Чистобаев А. И. Сценарии развития арктического региона (2020-2035 гг.) // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 5-24. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.5.
7. Зальвский Н. П. Геополитика национальных интересов России в Арктике в условиях рецессии экономики арктических стран // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки (ВАК). 2013. С. 88-96. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: cyberleninka.ru (дата обращения: 29.10.2023).
8. Крамник И. Новое расширение НАТО делает Арктику более опасным регионом // Независимая газета. 06.11.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [Независимая газета \(ng.ru\)](http://ng.ru).
9. Крутиков А. В., Смирнова О. О., Бочарова Л. К. Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 254-269. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.254.
10. Повал Л. М. Российско-норвежские соглашения о разделе арктических пространств // Арктика и Север. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narfu.ru/university/library/books/2698.pdf> (дата обращения: 28.10.2023).
11. Штыров В. Н. Проект закона о развитии Арктической зоны РФ необходимо доработать. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: council.gov.ru (дата обращения: 29.10.2023).

⁸ Выступление президента РФ В. В. Путина на международном Арктическом форуме «Арктика – территория диалога» в 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: forumarctica.ru (дата обращения: 06.11.2023).

КУЛИКОВА Юлия Альбертовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Московского психолого-социального университета

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СРОКОВ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПРЕБЫВАНИЯ В ДОЛЖНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В статье рассмотрен вопрос изменения сроков президентского пребывания в должности на примере Республики Таджикистан, начиная с 1990 года и до сегодняшних дней, влияние этого процесса на политическое устройство государства и развитие демократических принципов. Проанализировав конституционные положения, перечислены основания досрочного прекращения полномочий действующего президента, отмечено отсутствие одного из них, приводящее к нестабильности и непредсказуемости такого института власти как институт президентства.

Ключевые слова: институт президентства, срок полномочий, Республика Таджикистан, Конституция, основания досрочного прекращения полномочий, система органов государственной власти, избрание, конституционные поправки.

KULIKOVA Yuliya Albertovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Faculty of Law of the Moscow State University of Psychology and Social Sciences

ON THE ISSUE OF CHANGING THE TERMS OF PRESIDENTIAL TENURE IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article considers the issue of changing the terms of presidential office on the example of the Republic of Tajikistan, from 1990 to the present day, the impact of this process on the political structure of the state and the development of democratic principles. Having analyzed the constitutional provisions, the grounds for early termination of the powers of the current president are listed, the absence of one of them is noted, leading to instability and unpredictability of such an institution of power as the institution of the presidency.

Keywords: institute of the Presidency, term of office, Republic of Tajikistan, Constitution, grounds for early termination of powers, system of public authorities, election, constitutional amendments.

Особенностью политического устройства государств Центральной Азии является такой конституционный признак, как сильная президентская власть. Институт президентства в этих странах имеет тенденцию к персонификации и переходу от регулярно избираемого главы государства к статусу лидера нации [1]. Рассмотрим, как менялись количество сроков пребывания Президента в должности на примере конкретного государства – Республики Таджикистан.

В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан государство является президентской республикой. В главе 4 четко указано место Президента в системе органов государственной власти: Президент является главой государства и исполнительной власти (Правительства). Президент избирается гражданами Таджикистана на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на семь лет¹.

Требования к кандидату на должность Президента отражены в статье 65: кандидатом может быть выдвинуто лицо не моложе 30 лет, имеющее только гражданство Республики Таджикистан, высшее образование, владеющий государственным языком и проживающее на территории республики не менее последних 10 лет. Одно и то же лицо не может быть Президентом более двух сроков подряд.

Какова же история изменения сроков президентского пребывания в должности в этой республике? Институт президентства в Таджикистане впервые был введен в октябре 1990 года. Такая тенденция как появление института президентства была характерна для всех союзных республик, входящих в СССР. Вслед за постом советского президента, коим был Михаил Горбачев, этот процесс перешел и на республиканский уровень. Первоначально по Конституции Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года президент избирался на пять лет, и не более двух раз (классическая формулировка,

присутствующая во многих постсоветских республиках после приобретения независимости и самостоятельности).

Конституция Таджикистана была принята всенародным голосованием и относится к разряду жестких конституций. Изменения и дополнения в Конституцию могут быть внесены только республиканским референдумом. Право инициативы пересмотра Конституции предоставлено Президенту или не менее чем одной трети голосов от общего числа членов верхней палаты и депутатов нижней палаты.

За прошедший период в Конституцию вносились поправки, принятые на референдумах. Всенародные референдумы проводились: 29 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года. Выделим заметные и важные моменты, в результате которых изменялись положения текста Конституции.

После конституционного референдума 26 сентября 1999 года были внесены следующие поправки: срок президентских полномочий увеличивался до семи лет, но можно было избирать президента на один срок. 22 июня 2003 года на референдуме в результате поправок появилась возможность избираться президентом на два срока по семь лет. Был убран верхний возрастной порог для кандидатов в президенты, ранее он был ограничен возрастом 65 лет.

И наконец, референдум от 22 мая 2016 года снял ограничения для «Лидера нации» - Президента Эмомали Рахмона. В Конституции был закреплен целый ряд полномочий в отношении главы государства, в том числе, право современному Президенту Эмомали Рахмону выдвигать свою кандидатуру в президенты неограниченное количество раз. Плюс к этому, снизился минимальный возраст для кандидатов в президенты с 35 до 30 лет. Впервые Эмомали Рахмон победил на президентских выборах в ноябре 1994 года. Затем он одерживал победу на выборах в 1999, 2006, 2013 годах. В 2016 году Конституционным законом Республики Таджикистан был принят закон «Об Основателе мира и национального единства – Лидере нации». Этот закон присвоил статус «Основателя мира и национального единства – Лидера нации» президенту Эмомали Рахмону. Присвоение этого статуса отражает признание его роли в установлении мира и на-

1 Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года // Сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya>.

ционального единства в Таджикистане, а также его вклад в развитие страны. Этот статус имеет важное символическое и политическое значение в контексте таджикской политики и общества². Статья 2 часть 1: «Основатель мира и национального единства – Лидер нации является выдающейся исторической личностью нации, избранный Главой государства на шестнадцатой сессии Верховного Совета Республики Таджикистан, внесший заметный вклад в создание системы государственности суверенного Таджикистана, установление конституционного строя, достижение мира, национального единства и в соответствии с Конституцией 1994 года избранный всенародным голосованием первым Президентом Республики Таджикистан, внесшим достойный вклад в построение суверенного, демократического, правового, светского и социального государства, предотвратившим распад нации, исчезновение государства и избавившим народ от гражданской войны, осуществившим великие судьбоносные свершения в политическом, социально-экономическом, культурно-историческом развитии независимого государства Таджикистан. В качестве Основателя мира и национального единства – Лидера нации признается Президент Республики Таджикистан – Эмомали Рахмон на великие и выдающиеся заслуги перед народом Таджикистана»³. Согласно пункта 4 данной статьи на Эмомали Рахмона не распространяется ограничение, согласно которому действующий президент не может избираться более двух сроков подряд.

Конституционный закон предоставил Эмомали Рахмону широкие права и полномочия, которые глава государства сохраняет и в случае ухода с этого поста. Так, лидер нации получил право обращаться к таджикскому народу в любое время, выступать и давать рекомендации органам власти по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики страны.

Кроме того, нынешний президент в случае отставки получит пожизненный иммунитет от уголовного преследования, а также такие стандартные привилегии, как государственная охрана, пенсия, предоставление транспорта и жилья. Но главное, в законе четко прописано, что жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство Основателя мира и национального единства - Лидера нации, находятся под охраной государства. Лица, посягающие на жизнь, здоровье, свободу, честь и достоинство Основателя мира и национального единства - Лидера нации, привлекаются к ответственности в соответствии с законодательством Республики Таджикистан⁴.

По данным международной организации за демократию и права человека Freedom House (Freedom House известна своими исследованиями и отчетами о демократических процессах и правах человека во всем мире. Организация проводит анализ политических и правовых условий в различных странах и создает рейтинги оценок по различным категориям, таким как политические и гражданские свободы), все пять государств Центральной Азии могут быть причислены к странам с «укрепившимся авторитаризмом». Анализ политической ситуации в этих государствах оценивался по таким категориям, как национальное демократическое управление, избирательный процесс, гражданское общество, независимые СМИ, местное демократическое управление и коррупция. В рейтинге восемь из двадцати девяти стран остались в худшей категории «укрепившегося авторитарного режима». Среди них Беларусь, Азербайджан и страны Центральной Азии, чьи правительства, по мнению авторов

рейтинга, «отказались от основного обязательства любого государства по защите физической безопасности населения, вместо этого создав прямую угрозу жизни и безопасности многих граждан»⁵.

Бессрочное продление полномочий (пожизненное) сегоднешнего президента Республики Таджикистан явно свидетельствует о кризисе демократической системы правления. По мнению независимых экспертов, положение нынешнего президента граничит с отрицанием собственной легитимности, поскольку поправки, внесенные на референдуме 2016 года, не являются законными и конституционными. Это окончательный переход от имитационной демократии к оформленной безграничной диктатуре одного правителя⁶.

Обратившись к Конституции, можно заметить, что в главе, определяющей правовой статус президента, как правило, закреплены основания досрочного прекращения его полномочий, и прописаны они с учетом стандартов международного права, четко и лаконично.

Интересным моментом являются основания, отраженные в статье 71 Конституции Республики Таджикистан, перечисляющие причины досрочного завершения полномочий Президента: смерть, отставка, признание Президента недееспособным, невозможность осуществления Президентом своих обязанностей по болезни. Такое основание как отрешение Президента от должности не предусмотрено в Конституции. Конституционная реформа 1999 г. отменила институт суда импичмента в отношении Президента Республики Таджикистан. Реализация этой нормы и ранее была спорной, поскольку какого-либо акта о механизме ее осуществления не было, а потом он стал и вовсе не нужен. Нераспространение суда импичмента на Президента автоматически означает его неприкосновенность и в отношении других высших должностных лиц государства [2].

Есть лишь статья 72, которая может лишить Президента неприкосновенности в случае совершения государственной измены. То есть, если президент совершает государственную измену, он лишается неприкосновенности, но при этом, может остаться в должности. За совершения иных тяжких преступлений Президента нельзя привлечь к ответственности.

Таким образом, в Конституции прописан сложный и почти неосуществимый процесс досрочного прекращения полномочий Президента. А ведь именно такая процедура должна обеспечивать надежность, прочность института президентства, оберегать его от разных политических встрясок и обеспечивать определенную стабильность и предсказуемость в обществе и государстве. Поэтому, это еще одно подтверждение и пример неуязвимости и безнаказанности президента, как высшего должностного лица и главы государства. И свидетельствуют указанные признаки о том, что республика очень далека от демократических правовых тенденций.

Пристатейный библиографический список

1. Юсуфзода А. Х. Основы конституционного права Республики Таджикистан: учебное пособие. – Душанбе: «ЭР-граф», 2017. – 60 с.
2. Иванов И. П., Петренко С. Ю. Роль института президентства и политических партий в странах Центральной Азии // Наука без границ. – 2018. – № 8 (25). – С. 33-38.
3. 1. Yusufzoda A. H. Fundamentals of constitutional law of the Republic of Tajikistan: textbook. – Dushanbe: "ER-graf", 2017. – 60 p.
4. 2. Ivanov I. P., Petrenko S. Yu. The role of the Institute of the presidency and political parties in the countries of Central Asia // Science without Borders. – 2018. – № 8 (25). – P. 33-38.
5. Медиа группа «ASIA-Plus» (Душанбе, Таджикистан). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/tajikistan/politics/20230524/tadzhikistan-prichislili-k-stranam-s-ukrepivshimsya-avtoritarnim-rezhimom>.
6. Сайт Форум свободомыслящих Таджикистана (ФСТ). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://ozodandishon.org/2018/02/12/%D0%B7>.

2 Конституционный Закон Республики Таджикистан от 14 ноября 2016 года № 1356 «Об Основателе мира и национального единства - Лидере нации». Принят Постановлением МН МОРТ от 26 октября 2016 года №580. Одобрен Постановлением ММ МОРТ от 8 ноября 2016 года №290 // Сайт законодательство Стран СНГ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=91384.

3 Там же.

4 Конституционный Закон Республики Таджикистан от 14 ноября 2016 года № 1356 «Об Основателе мира и национального единства - Лидере нации». Принят Постановлением МН МОРТ от 26 октября 2016 года № 580. Одобрен Постановлением ММ МОРТ от 8 ноября 2016 года №290 // Сайт законодательство Стран СНГ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=91384.

ШЕСТАКОВ Захар Дмитриевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЯСЬКОВ Константин Семёнович

Студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ЛИТВИНЧУК Полина Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГЛУШИЧ Анастасия Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА И НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается развитие социальной государственности в Европе в начале XXI века. Автор анализирует сложности, с которыми сталкиваются государства-члены Европейского Союза в свете демографических изменений, глобализации, миграционных потоков и экономических кризисов. Особое внимание уделяется необходимости преобразований социальной политики в ответ на возрастающие потребности населения и изменения в рынке труда. В работе приводятся статистические данные, подтверждающие текущие тенденции и выдвигаются предложения по адаптации социальных систем к новым реалиям.

Ключевые слова: социальная государственность, демографические изменения, глобализация, миграционные процессы, социальная политика, экономический кризис, рынок труда, социальные реформы.

SHESTAKOV Zakhar Dmitrievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

YASKOV Konstantin Semyonovich

Student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

LITVINCHUK Polina Anatoljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GLUSHICH Anastasiya Alexeevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

TRANSFORMATION OF SOCIAL POLICY: CHALLENGES OF THE 21ST CENTURY AND NEW DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

This article explores the development of the welfare state in Europe at the beginning of the 21st century. The author examines the challenges faced by European Union member states considering demographic changes, globalization, migration flows, and economic crises. Special attention is given to the need for social policy transformations in response to the growing needs of the population and changes in the labor market. The paper presents statistical data supporting current trends and proposes suggestions for adapting social systems to new realities.

Keywords: welfare state, demographic changes, globalization, migration processes, social policy, economic crisis, labor market, social reforms.

На заре XXI века государства Европы стоят перед рядом серьезных вызовов, решение которых требует не просто точечных корректировок, а глубокого переосмысления фундаментальных принципов социальной государственности. Ключевой чертой этого времени стала переменчивость – демографические сдвиги, технологические революции и экономические колебания ставят перед социальными государствами задачи, ответы на которые должны быть гибкими и инновационными. Осмысление того, как социально-государственные модели могут адаптироваться и сохранить свою релевантность в условиях новой реальности, становится основополагающим для данного исследования.

С одной стороны, успешное внедрение социальной политики, которая обеспечивала бы удовлетворение базовых потребностей населения, уже сегодня вызывает рост этих самых запросов, превращая социальное обеспечение в динамично развивающуюся систему с постоянно растущими амбициями и требованиями. С другой стороны, факторы внешней среды, такие как глобализация и миграционные волны,

становятся серьезным испытанием для национальной политики каждой страны, подталкивая к пересмотру стратегий в социальной сфере. Способность государств к эффективному управлению и трансформации социальных институтов в ответ на текущие и предстоящие изменения определяет их способность к устойчивому развитию и сохранению социальной справедливости [4].

В наши дни страны Европы, избравшие курс на социальную государственность, сталкиваются с уникальным парадоксом. Чем успешнее они воплощают принципы обеспечения благосостояния своих граждан, тем больше вырастают запросы и потребности общества, что накладывает отпечаток на будущее социальной политики. Эта движущаяся вперед спираль потребностей приводит к неизбежному усложнению и удорожанию социальных институтов, ставя под вопрос их устойчивость и эффективность в долгосрочной перспективе.

Эффективное государственное управление, способное адаптироваться к непрерывно меняющимся условиям и за-

дачам, становится для таких государств не просто желательным, но и крайне необходимым. Ведь только такие гибкие структуры способны сохранять социальную ориентацию, не теряя при этом из виду экономическую рациональность и устойчивость.

Начало XXI века принесло с собой серьезные вызовы для модели «государств благосостояния». От радикального преобразования традиционных социальных институтов, таких как семья и рынок труда, до изменений в демографии с увеличением числа пожилых людей – все это потребовало значительного пересмотра систем социальной поддержки и здравоохранения.

Геополитические сдвиги, включая процессы глобализации, также оказывают заметное влияние. Они заставляют национальные государства балансировать между сохранением суверенитета и адаптацией к реалиям международной интеграции и экономической конкуренции, особенно в контексте расширения Европейского Союза и включения в его состав экономик Восточной Европы.

Позиция П. Босе о сохранении социальной модели в Европе актуальна как никогда. Базовые принципы социального государства требуют не просто поддержания, но и постоянной коррекции и адаптации к меняющимся обстоятельствам, чтобы и в динамично изменяющемся мире оставаться верными своей миссии [2].

Очевидно, что европейские государства ощущают давление упомянутых геополитических изменений в разной мере, и потому не может быть создано единого рецепта корректировок экономического курса, который был бы приемлем для всех. Каждая страна должна найти свой путь обновления социальной политики, при этом не отходя от принципов социальной ответственности перед своими гражданами.

Проанализировав текущую ситуацию в социальных государствах Европы, можно выделить ряд факторов, влияющих на их политику и стратегию. Статистика подтверждает, что эти страны сталкиваются с демографическими вызовами: по данным Евростата, средний возраст населения в ЕС постоянно растет, и прогнозируется, что к 2050 году доля людей старше 65 лет может достичь почти 30% от общего числа населения. Это требует от государств значительных инвестиций в системы пенсионного обеспечения и здравоохранения.

Кроме того, феномен глобализации вызывает изменения на рынке труда, усиливая конкуренцию и требуя более гибких подходов к трудоустройству и социальной защите. Например, возрастает число фрилансеров и людей, занятых на неполный рабочий день, что подчеркивает необходимость реформирования трудового законодательства и систем социального обеспечения, чтобы они соответствовали новым условиям трудовой деятельности.

Экономический кризис, последовавший за пандемией COVID-19, также наглядно показал, как быстро экономическая ситуация может влиять на социальную политику государств. Многие страны были вынуждены внедрять экстренные меры поддержки для бизнеса и населения, что увеличило государственные расходы и усилило давление на национальные бюджеты.

Также следует отметить влияние миграционных процессов. Поток мигрантов, которые прибывают в Европу в поисках лучшей жизни, создает дополнительное бремя для социальных систем стран-приемников. Требуется интеграция этих людей в социальную и экономическую структуру страны, что предполагает не только предоставление социальных

гарантий, но и создание условий для успешной адаптации и включения в общество.

Изучение современных направлений развития социальной государственности неизбежно приводит к выводу о значимости теоретического проникновения в суть перспектив появления и развития социального государства. Перед нами стоят четыре основополагающих теоретических подхода: теория экономической открытости, концепция, исходящая из логики индустриализма, государственно-центристский взгляд и теория, уходящая корнями в классово-аналитическую традицию. При этом первые два направления уделяют пристальное внимание экономическим аспектам, в то время как последние два склоняются к политической реальности.

Рассмотрим концепцию, основанную на логике индустриализации. Она исследует, как внешние экономические силы влияют на формирование социальных государств в контексте промышленного модернизирования. По убеждению ученого А. Сегуро-Убиерго, индустриальное обновление тесно связано с трансформацией социально-экономических структур, включая преобразование внутренней динамики экономики, усиление индустриального сегмента, урбанизацию жизни, перестройку социальных связей, уход от личностных взаимоотношений к более формализованным и «денежным» взаимодействиям.

С изменением традиционных экономических связей, как в трудовой сфере, так и в рамках семейных отношений, люди из менее социально защищенных слоев общества часто лишаются поддержки, которую прежде оказывала семья. В ответ на это государство постепенно перенимает на себя функции социальной защиты. Так, государство, развиваясь в индустриальном направлении под влиянием внешнего конкурентного давления, становится чувствительным к социальным потребностям граждан, в том числе и демографическим [4].

Тем не менее, А. Сегуро-Убиерго указывает на ограниченность теории логики индустриализма, подчеркивая её неспособность объяснить механизмы, которые связывают возрастающие потребности общества с расширением функций государства благосостояния.

В отличие от этого, второй теоретический подход связывает рождение государств благосостояния с принципом экономической открытости. Исследователи данной теории пытаются разгадать, каким образом создание институтов социального государства может компенсировать неудачи стран в мировом экономическом соперничестве. Следовательно, зарождение «государств благосостояния» напрямую коррелирует с глобализационными процессами и международной экономической динамикой.

Важно подчеркнуть, что каждая из этих теорий вносит свой вклад в понимание сложных механизмов построения социальных государств, и их взаимное дополнение открывает более полную картину этого процесса в условиях постоянно меняющегося мирового экономического и социального ландшафта.

Сложнопроцессное становление связей между экономическими и социальными феноменами обретает особую актуальность на фоне глобализирующегося мира. Оно представляет собой цепочку этапов, каждый из которых углубляет и расширяет понимание этого взаимодействия.

Первым звеном является воздействие мировой экономики, которое в условиях усиливающейся глобализации приводит к более выраженной экономической стратификации в обществах. Это усугубляет социальную уязвимость неко-

торых групп населения, делая их более восприимчивыми к экономическим потрясениям.

На втором этапе мы видим, как социальные слои, испытывающие экономическую маргинализацию, стремятся повлиять на государственные структуры. Это особенно заметно в тех странах, которые оказались недостаточно конкурентоспособными на международной арене. Основные инструменты воздействия — профсоюзы, политические партии и другие формы организации гражданского общества — направлены на получение социальной поддержки и защиты от государства.

Третий этап обнаруживает, как государство, сталкиваясь с требованиями своих граждан, вынуждено искать баланс между сохранением социально-политической стабильности и стремлением к улучшению жизненного уровня населения. Это, в свою очередь, необходимо для поддержания конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке.

Теория «экономической открытости», получившая широкое признание в научном сообществе до начала 2010-х годов, сейчас подвергается переосмыслению. Современные исследователи все чаще отмечают, что ключевые риски для обществ возникают внутри страны в результате структурных изменений национальных рынков труда. Эти изменения, обусловленные технологическими инновациями и сдвигами в потребительских моделях, оказывают существенное влияние на формирование социальной государственности в наши дни, перемещая акцент с внешнеэкономических факторов на внутренние процессы.

В развитии концепций «государства благосостояния» особенное место занимают две теории: государственно-центрический подход и концепция, основанная на «классовой аналитической традиции». Последняя уделяет особое внимание вопросам воздействия трудящихся через профсоюзы и социалистически настроенные политические партии на формирование социальной политики. Аналитики, стоящие за этой теорией, утверждают, что ключевую роль в закреплении социальных основ государства играет успешная политическая активизация рабочего класса. Эта идеология видит свои корни в марксистской теории и полагает, что столкновение интересов рабочих и буржуазии продолжает определять выборы, где богатые голосуют за консервативные силы, в то время как голоса менее обеспеченных классов отдаются противоположной стороне. В случае увеличения влияния рабочего класса и профсоюзов предвыборные кампании могут привести к усилению социальной поддержки при приходе к власти левых партий.

Однако, как отметил А. Сегура-Убиерго, существует существенный недочет в этой теории. В современной политической реальности, левые партии, особенно те, которые имеют связь с профсоюзами, встречаются довольно редко. Для того чтобы прийти к власти, им необходимо создавать стратегические альянсы с другими политическими силами, что неизбежно приводит к компромиссу их социал-демократических устремлений и делает затруднительным укрепление социальной государственности.

Вдобавок к этому, приверженцы «классовой аналитической традиции» сталкиваются с дилеммой: не могут определить, какой фактор более важен — голоса, отданные за левые партии, или же действия профсоюзов.

Более убедителен государственно-центрический подход, который выделяет активность государства, социальную направленность властных институтов и их способность служить главными двигателями развития «государства благосостоя-

ния». Этот подход акцентирует внимание на роли государственных структур как непосредственных создателей условий для социальной защиты граждан и предполагает, что именно органы публичной власти обладают необходимыми ресурсами и волей для реализации социально ориентированных программ.

Усиление социальной составляющей политики и закрепление фундамента «государства благосостояния» во многом определяются централизацией управленческих процессов. В таком контексте, сосредоточение прав и ответственности за принятие ключевых решений в руках федеральных органов существенно сокращает возможности местных структур ветоировать инициативы и ослабляет противодействие разрозненной оппозиции. Аналитик Е. В. Аристов указывает, что тенденция к децентрализации финансов и властных полномочий, характерная для федеративных стран, может негативно сказаться на стабильности и последовательности социальных программ.

Далее, обеспечение основных социальных потребностей населения должно быть законодательно обусловлено как ключевая задача государственных органов. Так, структура и прогресс «государства благосостояния» тесно связаны с политической мощью и способностью публичных институтов эффективно применять свои полномочия в интересах граждан.

Развитие и укрепление «государства благосостояния» зависит от двух критических аспектов: централизации властных полномочий и законодательного закрепления социальных гарантий как первостепенной обязанности государственных структур. Централизация позволяет эффективно преодолевать внутренние барьеры и сопротивление местных органов, тогда как нормативное закрепление социальных обязательств создает надежный фундамент для их удовлетворения. Эти два элемента формируют каркас, на котором строится устойчивая социальная политика, направленная на благополучие граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Taylor-Gooby P. The Politics of Welfare in Europe. — London: Sage Publications, 2001.
2. Bose R. Welfare States in Perspective. In: Welfare States and the Future, edited by B. Vivekanandan, N. Kurian. — New York: Palgrave Macmillan, 2005.
3. Аристов Е. В. Социальное государство в США. — М., 2015.
4. Аристов Е. В. Правовая парадигма социальности государства. — М., 2016.
5. Segura-Ubiergo A. Political Economy of the Welfare State in Latin America: Globalization, Democracy and Development. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
6. Ferragina E., Seeleib-Kaiser M. Welfare Regime Debate: Past, Present, Futures? // Policy & Politics. — 2011. — Vol. 39. № 4. — P. 583-611.

АФАНАСЬЕВА Елена Евгеньевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ХАЧАТРЯН Олеся Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инноватики и прикладной экономики Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОГРАММ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Содействие занятости населения является прерогативой и основой социальной политики государства, так как занятость обеспечивает благополучие гражданина, его уровень жизни и профессиональную самореализацию, а, следовательно, формирует базис для экономической и социальной стабильности общества. Как правило, мероприятия по поддержанию высокого уровня занятости осуществляются в рамках постоянно действующих государственных программ, эффективность реализации которых зависит от адекватного финансового обеспечения предусмотренного комплекса мероприятий в данной области.

Ключевые слова: государственная программа, финансирование программ, рынок труда, занятость, федеральный бюджет.

AFANASJEVA Elena Evgenjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

KNACHATRYAN Olesya Alexandrovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Innovation and applied economics sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

FINANCING OF ASSISTANCE PROGRAMS EMPLOYMENT: NEW APPROACHES

The promotion of employment of the population is the prerogative and basis of the social policy of the state, since employment ensures the well-being of a citizen, his standard of living and professional self-realization, and, consequently, forms the basis for the economic and social stability of society. As a rule, measures to maintain a high level of employment are carried out within the framework of permanent government programs, the effectiveness of which depends on adequate financial support for the envisaged set of measures in this area.

Keywords: state program, program financing, labor market, employment, federal budget.

Содействие занятости населения является одной из важнейших сфер, регулируемых, а также поддерживаемых государством. Такие ученые как О. Ю. Павловская [8], О. Н. Ефимов [4], Д. О. Барабашина [1] рассматривают политику в области занятости как инструмент обеспечения благополучия граждан и социального развития общества. Сегодня взгляды ученых, экономистов пристально обращены на проблемы российского рынка труда и занятости населения. Ряд ученых занимаются изучением теневого аспекта занятости [2], оптимальным соотношением пассивной и активной политики занятости [5], другие составляют прогнозы отечественного рынка труда и предлагают соответствующие корректировки в существующей политике занятости населения [6].

Базовым нормативным документом, направляющим работу в сфере занятости граждан в России, является государственная программа «Содействие занятости населения», предполагающая реализацию комплекса мероприятий до 2030 г. В своем стратегическом аспекте программа нацелена на планомерное развитие рынка труда путем создания правовых, экономических и институциональных условий. Наполнение государственной программы, ее цели, результаты и индикаторы их достижения, неоднократно переформатировались. Наиболее существенными

были изменения, внесенные в программу в 2019 и 2021 гг. Так, с 2019 года в программу интегрированы мероприятия федеральных проектов, входящих в состав национальных проектов «Цифровая экономика РФ», «Производительность труда и поддержка занятости», «Демография» и «Образование» [11], имевших следствием ряд позитивных изменений в развитии отечественного рынка труда. В частности, была создана единая платформа поиска работы и подбора персонала на базе информационно-аналитической системы Общероссийская база вакансий «Работа в России», запущены программы повышения квалификации работников, в том числе женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, а также имеющих детей дошкольного возраста, программы профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц предпенсионного возраста с целью повышения их конкурентоспособности на рынке труда и профессиональной мобильности. С 2021 г. национальный проект «Демография» дополнен федеральным проектом «Содействие занятости» [12], в рамках которого предусмотрен комплекс мероприятий по модернизации службы занятости, организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан, повышению мо-

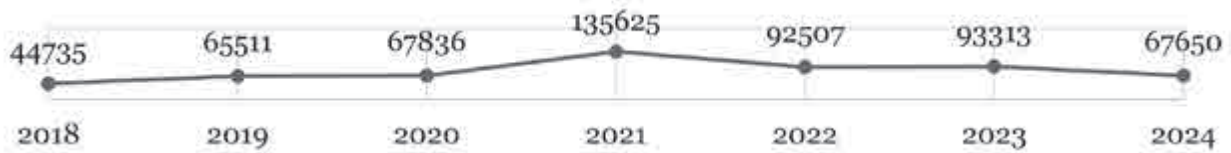

Рисунок 1. Плановое финансирование государственной программы «Содействие занятости населения» в 2018-2024 гг., млн. руб.

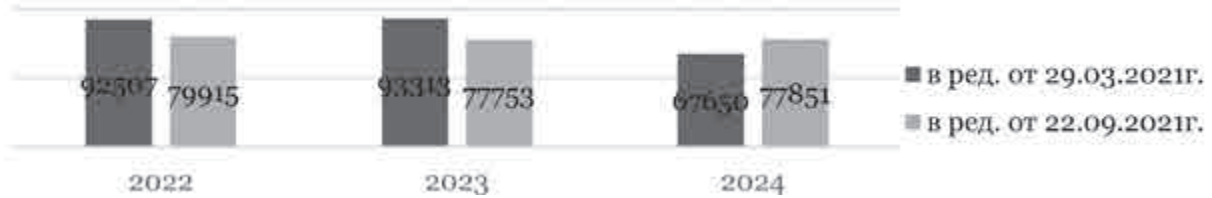

Рисунок 2. Объем финансирования Государственной программы «Содействие занятости населения» (в ред. Постановлений Правительства от 20.03.2021 г. и от 22.09.2021 г.), млн. руб.

бильности трудовых ресурсов, а большая часть ранее существовавших подпрограмм государственной программы окончили свое действие или утратили силу.

Сегодня по результатам всех изменений элементами государственной программы «Содействие занятости населения» являются федеральные проекты «Цифровое государственное управление» и «Содействие занятости» и комплексы процессных мероприятий: активная политика занятости населения и социальная поддержка безработных граждан, развитие институтов рынка труда, надзор и контроль в сфере труда и занятости, и безопасный труд [10]. В РФ начал реализовываться новый подход к политике в сфере занятости населения, который выражается в планировании приведения региональной сети центров занятости к единому стандарту. Служба занятости нового формата будет вести персонализированную работу с гражданами, обеспечивать возможность переобучения и профессионального обучения, выстраивать траектории трудоустройства и дальнейшего карьерного роста. Для реализации новых комплексных подходов в сфере содействия занятости населения необходимо стабильное планомерное финансовое обеспечение реализации заявленных мероприятий. Но постоянно осуществляется пересмотр и проводятся корректировки средств, выделяемых на реализацию программы и в большей части в сторону снижения от изначально запланированных финансовых ресурсов. Этот тезис подтверждается соотношением запланированных средств на реализацию программы при ее принятии и фактическим выделением средств из федерального бюджета.

Финансирование мероприятий в области содействия занятости населения осуществляется РФ и ее субъектами на основе софинансирования программ. Но главенствующую роль в финансовом обеспечении программы содействия занятости населения принадлежит федеральному бюджету. Величина расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 2020-2022 гг. реализации программы не превышала 6,5 % общих расходов на программу [7]. По данными Министерства труда и социальной защиты РФ за 2018-2024 гг. государственной программы «Содействия занятости населения» в соответствии с постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. N 298 в ред. от 29.03.2021

г. [9] предполагается рост объемов ее финансирования на 22915 млн. руб. или на 151,22 % (рис. 1).

Максимальный объем финансирования был в 2021 г., что связано, в первую очередь, с пандемией COVID-19 и массовой поддержкой граждан, направленного на сохранение рабочих мест и снижения уровня безработицы и заболеваемости среди населения. Однако необходимо отметить, что в 2021 году Постановлением Правительства РФ 22.09.2021 г. № 1603 были внесены существенные изменения, которые вступили в силу с 1 января 2022 г. [3]. Данные корректировки затронули в первую очередь объемы ее финансирования в сторону снижения выделяемых средств (рис. 2). Сокращение расходов на реализацию программы составило в 2022 году – 12592 млн. руб. (13,6 %), в 2023 году данный показатель был равен 15560 млн. руб. (16,7 %). Однако на 2024 году предполагается рост расходов на 10201 млн. руб. (15,1 %).

Объем финансирования государственной программ «Содействие занятости населения» в соответствии с утвержденной сводной бюджетной росписью с учетом корректировок и объем исполнения бюджета программы представлены на рис. 3. Объем исполнения Государственной программы от исполнения бюджета составила в 2018 г. – 98,5 %, в 2019 – 98,8 %, 2020 г. – 99,2 %, в 2021 г. – 88,2 % и в 2022г. – 98,4 %. Таким образом, за рассматриваемый период средний объем исполнения программ от бюджета составил 96,6 %, а уровень исполнения сократился не существенно, всего на 0,04 %. Наименьший объем исполнения программы от исполнения бюджета был в 2021 г., а наибольший в 2020 г.

Что касается уровня исполнения объемов финансирования от суммы, представленных в паспорте программы «Содействие занятости населения», то здесь также имеются отклонения от плановых значений. Так, в 2018 г. объем исполнения программы от паспорта составил 81,6 %, в 2019 г. – 97,2 %, 2020 г. – 309,4 %, в 2021 г. – 66,9 % и в 2022 г. – 102,3 %. Средний объем исполнения от паспорта программы составил 131,5 %, что является следствием того, что в 2020 г. объем финансирования был реализован на 209,4 %. В то же время, в 2021 г. программа, согласно паспорту, была недофинансирована на 33,1 %. Согласно данным об исполнении Государственной программы «Содействие

Рисунок 3. Сопоставление объемов финансирования Государственной программ «Содействие занятости населения» (утвержденных и исполненных) в 2018 -2022 гг., млн. руб.

занятости населения» [7] уровень безработицы снижается, причем, практически каждый год данный показатель ниже запланированного. В 2018-2022 гг. уровень безработицы снизился на 0,9 % и составил в 2022 г. 3,9 %. Но в 2020 г. показатель уровня безработицы не был достигнут: по плану он составлял 4,5 %, а фактический уровень безработицы в 2020 г. составил 5,8 %, что говорит о неэффективности ряда государственных мероприятий, направленных на поддержку занятости в период пандемии COVID-19. В целях недопущения сокращения расходов на реализацию государственной программы «Содействия занятости населения» необходимо разработать меры, обеспечивающие защиту данных статей от механизма секвестра государственных расходов.

Пристатейный библиографический список

1. Барабашина Д. О. Государственная политика занятости в РФ // Электронный научный журнал. - 2016. - № 7. - С. 283-286.
2. Белов Е. А. Неформальная занятость населения в социально-философском измерении // Интеллект. Инновации. Инвестиции. - 2020. - № 6. - С. 111-119.
3. Государственная программа Российской Федерации «Содействие занятости населения». [Ефимов О. Н., Рогова Л. Г. Государственная политика занятости и особенности ее реализации в России // Экономика труда. - 2016. - Т. 3. № 3. - С. 247-260.
4. Локтюхина Н. В., Феоктистова О. А. Совершенствование организационной и финансовой моделей содействия занятости населения в России // Финансовый журнал. - 2022. - Т. 14. №4. - С.29-45.
5. Мухина И. И., Сидяшкина Е. Н. Занятость и безработица: кризис и новые возможности // Социально-трудовые исследования. - 2020. - № 3. - С. 56-67.
6. Отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы РФ «Содействие занятости населения» за 2018-2022 гг. [Павловская О. Ю. Правовое обеспечение кадрового делопроизводства: учебное пособие. - М.: Юрайт, 2019. - 213 с.

7. Постановление Правительства РФ от 29.03.2021 г. № 481 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Содействие занятости населения». [Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 298 «Об утверждении государственной программы РФ «Содействие занятости населения» (в ред. от 22.09.2023 г.). [Постановление Правительства РФ от 28.03.2019 г. № 348 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Содействие занятости населения»». [Постановление Правительства РФ от 22.12.2020 г. № 2209 «О внесении изменений в государственную программу РФ «Содействие занятости населения» и признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства РФ от 30.11.2019 г. № 1558». [

ВАСИЛЬЕВА Юлия Павловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и стратегического развития Уфимского государственного нефтяного технического университета

КОЛЕСНИКОВ Максим Вячеславович

студент 2 курса Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

В статье рассматривается динамика основных показателей инновационного развития, описаны меры государственной поддержки инновационных предприятий, а также особенности функционирования рынка инноваций и технологий в России. Основная часть работы включает в себя изучение целей, поставленных правительством Российской Федерации, и инструментам, реализация которых происходит уже сейчас. Более того, в характеристике мер государственной поддержки определена степень воздействия как на отрасль инноваций в целом, так и на отдельные аспекты рынка технологий.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, государственная поддержка.

VASILJEVA Yuliya Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economic and strategy development sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

KOLESNIKOV Maxim Vyacheslavovich

student of the 2nd course of the Ufa State Petroleum Technical University

THE CURRENT STATE OF INNOVATIVE DEVELOPMENT IN RUSSIA

The article examines the dynamics of the main indicators of innovative development, describes the measures of state support for innovative enterprises, as well as the peculiarities of the functioning of the innovation and technology market in Russia. The main part of the work includes the study of the goals set by the government of the Russian Federation and the tools, the realisation of which is already underway. Moreover, the characterisation of state support measures identifies the degree of impact on both the innovation industry as a whole and individual aspects of the technology market.

Keywords: innovation, innovative development, state support.

Важной основой развития инноваций в Российской Федерации является Указ, подписанный Президентом России от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия науки и технологий». Данный документ, обозначил цель и планы работы всего государственного аппарата страны, здесь прямо указано на начало динамичного и разно-стороннего развития инновационных отраслей экономики¹.

Для оценки текущей ситуации развития инновационной среды обратимся к динамике доли расходов на науку в расходах федерального бюджета и в валовом внутреннем продукте.

В исследуемом периоде оба показателя ведут себя нестабильно, и в первую очередь такая волатильность связана с экономическими кризисами. Однако данные 2022 года являются наиболее важными, так как они являются промежуточным звеном между ковидным кризисом и резкими переменами 2022 года. Первый показатель увеличился на 5 %, а значит превысил общий темп роста равный 2 %. Одновременно с этим, второй показатель снизился по сравнению с 2020 годом, но менее чем на три процентных пункта. Ситуация обусловлена неравномерным ростом ВВП к расходам на науку, однако вывод включает в себя динамику и зависимость обоих показателей. Государство в критический момент снижает степень поддержки инноваций, но в последующемкратно увеличивает ее, благодаря чему удается как сдерживать падение рас-

ходов на науку к ВВП, так и повышать значение расходов на науку к расходам федерального бюджета.

Таким образом правительство России уделяет высокое внимание поддержке инноваций: прямые меры государственной поддержки технологической сферы в нашей стране крайне высоки. Роль государства в поддержке инновационного развития определяется необходимостью поддержать бизнес в этом процессе, так как в последние годы по данным Федеральной службы государственной статистики наблюдается снижение уровня инновационной активности предприятий с 12,5 в 2018 году до 11 % в 2022 году.

Средний рост удельного веса инновационных компаний в 2017-2022 годах составляет 2 %. Однако в 2022 году наблюдается снижение показателя. Такая тенденция может быть связана с выходом зарубежных компаний с российского рынка, в том числе и специализирующихся на инновациях.

Обратимся к сравнительной оценке развития инноваций в нашей стране.

В таблице представлен рейтинг России в 2018-2023 годах. Интервал колебаний в Индексе составляет от 45 до 51. Исследования свидетельствуют о том, что Россия производит больше инновационной продукции по сравнению с уровнем инвестиций в инновации. В общем рейтинге положительное влияние на позиции России оказывает вклад человеческого капитала и научных исследований². Эксперты говорят о пре-

1 Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия науки и технологий» от 25.04.2022 № 231.

2 Васильева Ю. П. Конкурентоспособность и экономический рост в условиях глобализации // Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Уфа, 2007. – 135 с.

Рисунок 1. Доля расходов на науку в расходах федерального бюджета, в ВВП. Составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики*

Рисунок 2. Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций. Составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики*

Таблица 1. Место России в Глобальном Инновационном Индексе**

Год	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Место в рейтинге	46	46	47	45	47	51
Всего стран в рейтинге	126	129	131	132	132	132

имущества России в области емкости рынка и подготовкой специалистов с высшим образованием по научным и техническим специальностям. Инновационная среда в России обладает рядом особенностей: высокий уровень доверия со стороны частных лиц, ярко выраженная государственная

поддержка инноваций, среднее значение инновационных отраслей в произведенном ВВП.

В последние годы в связи с недружественными действиями западных стран Россия остро нуждается в усилении инновационных процессов, импортозамещении и реализации технологического суверенитета. В совокупности, импортозамещение и технологический суверенитет дополняют друг друга, позволяя создать в стране развитую и современную технологическую индустрию.

Задача развития технологического суверенитета и импортозамещения была поставлена Президентом еще в 2014-2015 годах. Владимир Путин на заседании президиума Государственного совета в Нижнем Тагиле в ноябре 2015 года

* Сайт Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>.

** Выпуск серии «Наука, технологии и инновации»: Глобальный инновационный индекс – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023/ru.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).

Таблица 2. Сравнительная характеристика конкурсов грантов

Название конкурса	Размер гранта	Требования к стартапу	Особенность
Студенческий стартап	До млн. руб. на 1 год	Научно-технические исследования, наличие юридического лица, наличие проекта по развитию стартапа	Студенты ВУЗов получают возможность перейти к опытным образцам представленных исследований
Старт-1 и Старт-2	До 4 далее до 8 млн. руб. на 1 год	Наличие всей необходимой документации и отчетов для выхода на рынок, далее до 15 % софинансирования инвесторами	В случае успеха появляется реальная возможность для выхода и реализации продукции на рынке
Бизнес-старт	До 12 млн. руб. на 1 год	До 30 % со финансирования независимыми инвесторами, оформленное малое предприятие или фирма	Запуск реального бизнеса, с цепочками производства и реализации продукции

отметил следующее: «Для развития технологической базы и роста промышленного производства в масштабах всей страны мы сформулировали программу так называемого импортозамещения». В то время шло активное продвижение замещения продуктов гражданской промышленности, однако на сегодняшний день мы располагаем более сложной структурной ситуацией³.

Меры по решению проблемы технологического суверенитета начали вводиться летом 2022 года, и одним из важнейших шагов на пути к этому стало подписание Президентом закона «О повышении эффективности господдержки инновационной деятельности». Этот федеральный закон наделяет правительство РФ полномочиями по формированию и созданию двух информационных систем – единого реестра технологических компаний, получивших поддержку институтов инновационного развития, и единой государственной информационной системы учета научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ гражданского назначения (ЕГИСУ НИОКТР). Статистические данные реестра позволяют оценивать уже введенные меры господдержки отрасли инноваций, а также разрабатывать новые способы улучшения инфраструктуры технологичных разработок⁴. Благодаря вышеописанным системам усиливается взаимодействие между независимыми изобретателями и инвесторами, небольшими стартап-компаниями и производственными предприятиями, нуждающимися в инновациях.

Рассматривая проблему с иной точки зрения, компании, обладающие обширным капиталом и устойчивой позицией на рынке, не могут концентрироваться только на разработке инноваций. Для них инновации – это второстепенные задачи, которые позволяют совершенствовать уже существующие технологии и продвигать продукт на смежных рынках. Такая позиция означает, что государство вынуждено стимулировать компании через косвенные методы поддержки. Такими мерами поддержки являются различные грантовые конкурсы, которые не только продвигают инновационные идеи в научном сообществе, но и позволяют выявить технологии, которые необходимы в процессе производства различных предприятий.

Таблица 2 демонстрирует выстроенную цепочку поставок инноваций на реальный рынок.

Общий вывод о мерах поддержки инновационной деятельности в России можно охарактеризовать перечнем тезисов. Во-первых, поддержка государства реализуется с вниманием ко всем аспектам создания разработок и их реализации. Во-вторых, производится не только количественная, но и качественная поддержка развития инноваций посредством конкурсного отбора технологий. В-третьих, рост внимания к технологическим разработкам, вызванный в первую очередь новыми геополитическими обстоятельствами, играет решающую роль в становлении отрасли инноваций в нашей стране.

Пристатейный библиографический список

1. Выпуск серии «Наука, технологии и инновации»: Глобальный инновационный индекс – 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2023/ru.pdf> (дата обращения: 14.11.2023).
2. Васильева Ю. П. Конкурентоспособность и экономический рост в условиях глобализации // Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Уфа, 2007. – 135 с.
3. Министерство экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/> (дата обращения: 09.09.2023).
4. Сайт Федеральной службы государственной статистики – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>
5. Указ Президента Российской Федерации «Об объявлении в Российской Федерации десятилетия науки и технологий» от 25.04.2022 № 231.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 28.06.2022 № 195-ФЗ.

³ Министерство экономического развития Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/>.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 28.06.2022 № 195-ФЗ.

ВОЛОВ Мурат Анатольевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и учетно-аналитических информационных систем Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

ДИКИНОВ Андзор Хасанбиевич

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник управления научных исследований и инновационной деятельности Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

НЕПЕЕВА Халимат Юсуповна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и учетно-аналитических информационных систем Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

ШКАХОВА Фазиля Абдулаховна

преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

ЭЛЕКТРОННЫЕ ПЛАТЕЖНЫЕ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Развитие цифровой экономики в Российской Федерации имеет свои особенности и сложности. Эффективность функционирования цифровой экономики определяется рядом факторов как внутренних, так и внешних. В рамках данного исследования рассматривается влияние электронных платежных систем на развитие цифровой экономики. Электронные платежные системы в России функционируют относительно недавно в сравнении со странами Европы. Электронные платежные системы пользуются повышенным спросом, так как позволяют выполнять множество операций в удобном формате для пользователей. Так проведение онлайн-платежей является все более предпочтительной процедурой для граждан. Многие используют электронные платежные системы для оплаты коммунальных услуг, товаров при совершении покупок в онлайн-режиме. Однако функционирование электронных платежных систем имеет свои сложности, которые в первую очередь связаны с обеспечением информационной безопасности. Функционирование цифровой экономики в целом невозможно без использования электронных денежных средств. Однако важнейшим условием функционирования является обеспечение высокого уровня защиты информации, а именно персональных данных пользователей. Важно активизировать работу по разработке именно отечественных платежных систем и систем обеспечения их безопасности. Высокий уровень развития электронных платежных систем способствует развитию цифровой экономики в России в целом. Следует также отметить, что развитие цифровой экономики и в частности, электронных платежных систем определяют успешность участия России в мировых экономических процессах.

Ключевые слова: электронные деньги, цифровая экономика, электронные платежные системы, информационная безопасность, информационная безопасность, электронный кошелек, терминалы, платежи.

VOLOV Murat Anatoljevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and accounting and analytical information systems sub-faculty of the Kh. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

DIKINOV Andzor Khasanbievich

Ph.D. in economical sciences, professor, leading researcher of Scientific research and innovation sub-faculty of the Kh. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

NEPEEVA Khalimat Yusupovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics and accounting and analytical information systems sub-faculty of the Kh. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

SHKAKHOVA Fazilya Abdulakhovna

lecturer of the Kh. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

ELECTRONIC PAYMENT SYSTEMS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN THE RUSSIAN FEDERATION

The development of the digital economy in the Russian Federation has its own characteristics and difficulties. The efficiency of the digital economy is determined by a number of factors, both internal and external. This study examines the impact of electronic payment systems on the development of the digital economy. Electronic payment systems in Russia have been operating relatively recently compared to European countries. Electronic payment systems are in high demand as they allow many operations to be performed in a convenient format for users. Thus, making online payments is an increasingly preferred procedure for citizens. Many people use electronic payment systems to pay for utilities and goods when making purchases online. However, the functioning of electronic payment systems has its own difficulties, which are primarily related to ensuring information security. The functioning of the digital economy as a whole is impossible without the use of electronic money. However, the most important condition for operation is to ensure a high level of information protection, namely users' personal data. It is important to intensify work on the development of domestic payment systems and systems to ensure their security. The high level of development of electronic payment systems contributes to the development of the digital economy in Russia as a whole. It should also be noted that the development of the digital economy and, in particular, electronic payment systems determine the success of Russia's participation in global economic processes.

Keywords: electronic money, digital economy, electronic payment systems, information security, information security, electronic wallet, terminals, payments.

Одним из компонентов постиндустриального общества является развитие сектора цифровой экономики. Информатизация в сфере цифровой экономики является одним из имманентно включенных в производственный цикл ресурсов. Сфера цифровой экономики при этом не имеет четко определенных границ. Многие исследования проводятся в сегменте информационных технологий и услуг. Именно по этой причине сформировалось мнение о цифровой экономике как обособленном секторе. Развитие экономики происходит дискретно в формате разработки и внедрения информационных технологий в определенных сегментах и секторах государства. Если ориентироваться на концепцию новой постиндустриальной модели воспроизводственных циклов, то очевидно, что цифровая экономика не является обособленным сектором, а выступает своего рода в качестве нового формата развития всех сегментов экономики. Постиндустриальная философия организации предпринимательской деятельности является основой для построения цифровой экономики [5, с. 30].

Одним из элементов, который обеспечивает функционирование цифровой экономики, является применение электронных платежных систем. Развитие электронных технологий привело к появлению так называемых электронных денег. Если сравнивать электронные деньги с другими средствами платежа, то очевидно, что они имеют ряд существенных преимуществ. Преимущества электронных денег, следующие: операции проводятся на высокой скорости; в электронной платежной системе происходит регистрация платежа; средства хранятся в электронном кошельке бесплатно. Электронный кошелек представляет собой электронное средство платежа, предназначение которого хранение электронных денежных средств и проведение различных операций.

Электронные денежные средства (ЭДС) представляют собой безналичные денежные средства в рублях, либо иной валюте, которые учитываются кредитными организациями, не открывая при этом счета в банке и перевод их осуществляется с применением электронных средств платежа. Необходимо понять сущность электронных средств платежа (ЭСП). Так это способ или средство, которое позволяет клиенту оператора осуществлять перевод электронных денежных средств посредством использования информационно-коммуникационных технологий и электронных носителей информации [2, с. 242].

Количество операций, которые совершаются с применением ЭСП, с каждым годом увеличивается. Но на данный момент он составляет 2,6 % по отношению к объему операций, которые выполняются с применением карт, выпущенных российскими банками.

С каждым годом увеличивается количество операций, совершаемых с использованием платежных карт. Так в 2022 году объем операций с применением ЭСП повысился в 51 раз. Граждане Российской Федерации также активно используют электронные платежные технологии, с помощью которых проводят оплату товаров, коммунальных услуг, штрафов и т.д.

На территории Российской Федерации функционируют на данный момент такие электронные платежные системы как: QIWI, WebMoney и Яндекс.Деньги. Эти системы являются наиболее крупными. Каждая из них имеет свои особенности функционирования.

В 2007 году была организована электронная платежная система QIWI. QIWI представляет собой универсальный платежный сервис, включающий ряд наиболее популярных и комфортных технологий. Сервис предоставляет возможность совершать платежи электронными деньгами. Электронная платежная система функционирует только на территории РФ и странах СНГ. Количество терминалов в странах СНГ достигает 90000. Активно используют данную систему 20 млн человек [4, с. 37].

В 1998 году была организована международная платежная система WebMoney. Используя WebMoney, пользователь может вести учет, производить обмен расчетных средств, осуществлять действия по привлечению финансирования. Данную систему электронных платежей используют 40 млн человек во всем мире.

Компания «Яндекс» в 2002 году разработала электронную платежную систему Яндекс.Деньги. Основной целью создания данной электронной платежной системы являлось осуществление приема денежных средств и проведение дальнейшей оплаты ими товаров и услуг в глобальной сети. Самой распространенной электронной платежной системой в России является именно Яндекс.Деньги. На конец 2023 года зарегистрировано в системе свыше 60 млн кошельков.

Многие пользователи к электронным платежным системам относят Сбербанк Онлайн. Это является ошибкой, так как Сбербанк Онлайн представляет собой интернет-банк, а точнее это программный комплекс, который позволяет удаленно пользоваться услугами банка. Так пользователи имеют

полноценный доступ к вкладам в банке, пластиковым картам, кредитам и т.д. Количество пользователей Сбербанк Онлайн достигает 50 млн человек. Среди граждан Российской Федерации наиболее популярным сервисом для проведения оплаты в режиме онлайн является именно Сбербанк Онлайн. А среди электронных платежных систем наиболее популярными являются Яндекс.Деньги. Причиной популярности данной электронной платежной системы является то, что большинство акций компании принадлежит СберБанку. СберБанк вызывает у населения РФ высокое доверие части стабильности и надежности [1, с. 5].

Рассмотрим для сравнения ситуацию в странах Европы, ближнего Востока и Африки. Так по данным отчета о глобальных платежах за 2022 год, граждане стран используют преимущественно именно электронные деньги (26 %) в сравнении с другими формами платежей. Это свидетельствует о высоком уровне развития электронных платежных систем в странах. Очевидно, что наиболее активными пользователями электронных платежных систем являются именно страны Европы. Объясняется это высоким уровнем развития именно информационных и инновационных технологий в странах Европы. Наличие высоких технологических возможностей позволяет проводить оплату товаров, услуг в глобальной сети.

Электронный платежный оборот имеет важное значение для экономики, как и для финансового, так и для цифрового сегментов. Данными обстоятельствами обусловлена необходимость реализации эффективного надзора за субъектами электронной платежной системы.

Одним из эффективных инструментов регулирования электронной платежной системы в целом на территории России является внедрение международного стандарта ISO 20022 «Финансовые услуги. Универсальная схема сообщений финансовой индустрии». Переход к данному стандарту позволил субъектам российского рынка подключиться к новым решениям и инструментам, которые реализуются на базе ISO 20022. Применение унифицированных моделей обмена позволяет снизить издержки при проведении соответствующих операций [3, с. 125].

Следует отменить предпосылки необходимости использования данного регулятивного направления в Российской Федерации:

- в рамках единой зоны платежей в евро ISO 20022 является обязательным использование международных стандартов ISO 20022;
- Республика Беларусь перешла к ISO 20022;
- активная модернизация и информатизация платежной системы Банка России;
- на финансовом рынке как мировом, так и внутреннем активно развиваются именно электронные формы взаимодействия;
- в рамках БРИКС появляется возможность разработки и внедрения стандартов финансовых сообщений;
- в Китае, Японии внедрены стандарты ISO 20022;
- внедрение экспресс-системы валовых расчетов в режиме реального времени;
- использование единой платформы по реализации расчетов в режиме реального времени.

Однако следует отметить, что активное внедрение электронных платежных систем создает и ряд проблем, связанных с информационной безопасностью, в частности с защитой персональных данных пользователей и их денежных средств.

Приставительный библиографический список

1. Бондарович Е. П. Обеспечение надежности платёжной экосистемы Российской Федерации. диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.10. – Москва, 2020. – С. 11
2. Гуркова Д. О. Современное состояние и перспективы развития электронных платежных систем в России // Молодой ученый. – 2020. – № 28 (318). – С. 241-246.
3. Нехаичук Д. В., Нехаичук Ю. С., Будник С. А. К вопросу внедрения электронных средств платежей и электронных денег как современных инновационных банковских технологий // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – № 3-2. – С. 122-128;
4. Хоменко Е. Г. Электронные платёжные системы в России и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. Сравнительное правоведение. – 2019. – № 8 (105). – С. 160.
5. Чеканов В. С., Егорова М. Ю. Электронные платёжные системы в современной России // Научное обозрение. Экономические науки. – 2020. – № 2. – С. 27-32.

МАЛЫШКИН Николай Геннадьевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры управления проектом Государственного университета управления

НОВАКОВА Софья Юрьевна

кандидат экономических, доцент, докторант, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В РЕГИОНАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В статье авторами осуществлен анализ индикаторов динамики промышленного производства в Российской Федерации и Центральном федеральном округе (ЦФО). Установлена степень вариации показателей удельного веса валовой добавленной стоимости (ВДС) промышленного производства в отраслевой структуре ВДС и удельного веса занятых в промышленности в общей численности занятых среди регионов ЦФО; осуществлена проверка взаимосвязи между данными показателями.

Ключевые слова: промышленное производство, валовая добавленная стоимость промышленности, отраслевая структура промышленного производства.

MALYSHKIN Nikolay Gennadjevich

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Project management sub-faculty of the State University of Management

NOVAKOVA Sofya Yurjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, doctoral student, I. S. Turgenev Oryol State University

DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL PRODUCTION IN THE REGIONS OF THE CENTRAL FEDERAL DISTRICT

In the article, the authors analyzed the indicators of the dynamics of industrial production in the Russian Federation and the Central Federal District (CFD). The degree of variation in the indicators of the share of gross value added (GVA) of industrial production in the sectoral structure of GVA and the share of people employed in industry in the total number of people employed among the regions of the Central Federal District has been established; the relationship between these indicators has been verified.

Keywords: industrial production, gross value added of industry, the sectoral structure of industrial production.

Согласно Федеральному закону от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» промышленное производство есть определенная на основании «Общероссийского классификатора видов экономической деятельности» совокупность видов экономической деятельности, относящихся к добыче полезных ископаемых, обрабатывающему производству, обеспечению электрической энергией, газом и паром, кондиционированию воздуха, водоснабжению, водоотведению, организации сбора и утилизации отходов, а также ликвидации загрязнений [1].

Анализ динамики показателей, характеризующих развитие промышленного производства, как в целом по стране, так и в разрезе отдельных ее территорий, страны представляется весьма актуальным, потому что считается, что промышленность есть основная отрасль экономики развитых стран. Вместе с тем нельзя не учитывать то, что в силу существенной протяженности территории Российской Федерации, дифференциации природно-климатических условий, наличия либо отсутствия полезных ископаемых, отраслевая структура валовой добавленной стоимости существенно отличается как в разрезе федеральных округов РФ, так и внутри отдельного федерального округа.

При проведении исследования использованы данные Федеральной службы государственной статистики. В таблице 1 представлена динамика некоторых индикаторов промышленного производства в РФ в 2017-2022 гг.

Изменение ВДС, создаваемой в промышленном производстве, в масштабах страны, отражают темпы роста показателя: в 2022 г. относительно 2017 г. индикатор вырос на 85,8 %; говоря о динамике ВДС промышленности внутри периода 2017-2022 гг., можно сказать, что изменения не были однонаправленными – в 2018 г. наблюдался рост показателя к уровню 2017 г. (на 23,7 %), в 2019 г. относительно 2018 г. – рост на 4,3 %; однако, в 2020 г. отмечается существенное снижение – на 10,6 % (что, прежде всего, обусловлено пандемией COVID-19), в 2021 и 2022 гг. начался постепенный подъем ВДС промышленного производства – на 38,2 % и 16,6 % (к уровню предыдущего года).

Удельный вес ВДС промышленного производства в ВВП Российской Федерации в 2017 г. составлял 28,0 %, к 2022 г. указанный удельный вес достиг 30,9 %, то есть наблюдается рост в 2,9 процентных пункта. Доля занятых в промышленном производстве в общей численности занятых в стране на протяжении 2017-2022 гг. оставалась практически неизменной и составляла 19,0 %.

Таблица 1. Индикаторы развития промышленного производства в РФ в 2017-2022 гг. (составлено и рассчитано авторами по [2])

Показатели	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
ВДС промышленного производства, млрд. руб.	23173,0	28655,4	29899,0	26714,9	36914,5	43044,5
Темп роста ВДС промышленного производства, % (цепной)	-	123,7	104,3	89,4	138,2	116,6
Удельный вес ВДС промышленного производства в ВВП, %	28,0	30,9	30,4	27,5	30,4	30,9
Удельный вес занятых в промышленном производстве в общей численности занятых, %	19,0	18,9	18,9	18,9	19,0	18,9

Таблица 2. Отдельные показатели промышленного производства в Центральном федеральном округе в 2022 г. (составлено и рассчитано авторами по [3])

Субъекты РФ	Доля ВДС промышленности в отраслевой структуре ВДС, %	Ранг по графе 2	Доля занятых в промышленности в общей численности занятых, %	Ранг по графе 3	Индекс изменения трудоемкости, в % к предыдущему году
1	2	3	4	5	6
РФ	34,7	–	18,9	-	96,9
ЦФО	23,4	–	17,1	-	89,1
Белгородская обл.	47,3	2	21,9	10	95,0
Брянская обл.	20,2	15	19,8	15	92,5
Владимирская обл.	46,9	4	27,8	1	91,3
Воронежская обл.	21,6	14	16,6	17	95,2
Ивановская обл.	28,3	12	26,3	3,5	94,9
Калужская обл.	45,5	5	27,2	2	95,4
Костромская обл.	34,6	7	25,2	5	89,4
Курская обл.	38,3	6	20,7	12	97,9
Липецкая обл.	50,8	1	21,8	11	94,5
Московская обл.	23,2	13	20,6	13	85,6
Орловская обл.	17,8	17	20,0	14	93,5
Рязанская обл.	29,6	10	23,6	7	98,2
Смоленская обл.	33,7	8	23,5	8	101,0
Тамбовская обл.	15,1	18	17,3	16	99,5
Тверская обл.	29,5	11	22,7	9	94,2
Тульская обл.	47,0	3	26,3	3,5	90,5
Ярославская обл.	31,9	9	24,9	6	93,3
г. Москва	18,4	16	10,8	18	87,6

В суммарном промышленном производстве Российской Федерации удельный вес промышленного производства ЦФО составлял в 2022 году 28,3 %.

Структура промышленного производства в 2022 году характеризуется тем, что в Центральном федеральном округе на добычу полезных ископаемых приходится 7,9 % от общего объема промышленного производства (против 26,6 % в целом по РФ); на обрабатывающие производства – 83,0 % (а в целом по РФ – 65,1 %), обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха – 7,0 % (6,6 %), водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений – 2,1 % (против 1,7 % по РФ).

Далее рассмотрим динамику показателей промышленного производства в Центральном федеральном округе (таблица 2).

В 2022 г. удельный вес ВДС промышленного производства в отраслевой структуре созданной ВДС в целом по стране составлял 34,7 %, при этом в среднем по ЦФО данный показатель меньше на 11,3 процентных пункта и равен 23,4 %; применительно к отдельным регионам Центрального федерального округа отмечается существенная дифференциация значений анализируемого индикатора: так, максимальные значения наблюдаются в Липецкой, Белгородской, Тульской областях (50,8 %, 47,3 % и 47,0 % соответственно); минимальные значения – в Орловской и Тамбовской областях (17,8 % и 15,1 % соответственно).

Что касается показателя «доля занятых в промышленности в общей численности занятых», то наибольшее значение показателя отмечается во Владимирской и Калужской областях (27,8 % и 27,2 % соответственно), наименьшее – в г. Москва (10,8 %).

Примечательно, что в ранги регионов по показателям в граф 2 и 4 (таблица 2) не всегда совпадают; а кроме того, можно заключить, что иногда большее значение удельного веса ВДС промышленности в отраслевой структуре ВДС обеспечивается меньшим (в относительном выражении) числом занятых.

Для установления наличия зависимости между долей ВДС промышленного производства в отраслевой структуре

ВДС (X) и долей, занятых в промышленности в общей численности занятых (Y), нами был рассчитан коэффициент ранговой корреляции (со степенью достоверности в 95 %) Спирмена (равен 0,615, что означает, что связь между признаком Y и фактором X – умеренная и прямая); при этом коэффициент Спирмена статистически значим [4].

Наконец, говоря об индексе изменения трудоемкости, рассчитываемого как отношение индекса изменения фонда рабочего времени к индексу производства в промышленности, можно заключить, что самый небольшой рост индекса изменения трудоемкости отмечен в Смоленской области (на 1,0 %); наибольшее снижение индекса изменения трудоемкости имеет место в г. Москва (на 12,4 %), Московской области (на 14,4 %), Костромской области (на 10,6 %). Как по Российской Федерации, так и по Центральному федеральному округу наблюдается снижение индекса трудоемкости (на 3,1 % и 10,9 % соответственно), то есть по ЦФО снижение относительного индикатора существенно больше, чем по стране в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. №488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 30.01.2024).
2. Промышленное производство в России. 2023. Стат. сб. / Росстат. – М., 2023. – 259 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Prom_proiz-vo_2023.pdf (дата обращения: 30.01.2024).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – Елисеева И. И., Юзбашев М. М. Общая теория статистики / Под ред. И. И. Елисеевой. – М.: Финансы и статистика, 1995. – 366 с.

МАХМУДОВА Ханипат Муратовна

магистрант 2 курса ОЗО кафедры административного, финансового, таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

АЛИЕВА Эльмира Башировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры административного, финансового и таможенного права Юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ ИЗБЕЖАНИЯ ДВОЙНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ В РФ

В статье указаны проблемы правового регулирования налоговых юрисдикций, рассматривается приостановление международных соглашений об избежании двойного налогообложения, анонсированных в одностороннем порядке. Выявлены последствия действий «недружественных» стран при построении системы налоговых юрисдикций в РФ. Как эти действия могут отразиться на отечественном бизнесе, который ведёт свою деятельность в зарубежных филиалах. Также указаны ответные меры правительства РФ на данные санкции, последствия ответных действий для иностранного бизнеса, которые ведут деятельность на территории РФ.

Ключевые слова: налоговая юрисдикция, налоговые льготы, резиденты и нерезиденты, избежание двойного налогообложения, международные соглашения.

MAKHMUDOVA Khanipat Muratovna

magister student of the 2nd course of the OZO of Administrative, financial, customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

ALIEVA Elmira Bashirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Administrative, financial, customs law sub-faculty of the Institute of Law of the Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS OF AVOIDING DOUBLE TAXATION IN RUSSIA

The article identifies the problems of legal regulation of tax jurisdictions and examines the suspension of international agreements on the avoidance of double taxation, announced unilaterally. The consequences of the actions of “unfriendly” countries when building a system of tax jurisdictions in the Russian Federation have been identified. How can these actions affect domestic businesses that operate in foreign branches. The response measures of the Government of the Russian Federation to these sanctions, the consequences of retaliatory actions for foreign businesses operating in the territory of the Russian Federation are also indicated.

Keywords: tax jurisdiction, tax benefits, residents and non-residents, avoidance of double taxation, international agreements.

На сегодняшний день в налоговом праве отсутствует запрет на одновременное обложение дохода одного и того же субъекта в договаривающихся государствах, заключающих соглашения об избежании двойного налогообложения. Поскольку налоговое законодательство не исключает возможность получать доходы и иметь объекты одновременно в двух государствах, возникает необходимость разрешения проблем налогового бремени фискально обязанных лиц. Международные соглашения являются основным инструментом решения этих вопросов. При этом стоит отметить, что интересы государств, их пространственных суверенитетов, налоговых юрисдикций могут не совпадать.

В современном мире, ограничения которого обусловлены институтом резидентства, правовое регулирование налоговых юрисдикций требует разрешения следующих проблем:

1. У налогоплательщика возникает обязанность по уплате налога одновременно в нескольких государствах, каждое из которых претендует на реализацию норм законодательства своей страны;

2. Налогоплательщик, являясь резидентом одного из государств, вынужден претерпевать бремя уплаты налога одновременно в нескольких государствах в виду отсутствия международного соглашения с одной из сторон;

3. Ситуация, когда у налогоплательщика возникает объект налогообложения на территории в другом государстве, отсутствующий или имеющий пределы или ограничения в другом договаривающемся государстве.

Большая часть из данных проблем разрешается путём заключения международных соглашений, суть которых сводится к решению проблем в правовом регулировании участников налоговых правоотношений, имеющих объекты и доходы в иностранных государствах.

Важно отметить, что соглашения и договорные положения, закрепляющие права резидентов одного или двух государств, не могут быть реализованы, если отсутствуют нормы в национальном законодательстве, регулирующим отношения в данной сфере.

Связь с государством, а не с его территорией, устанавливается на основе определённых критериев для физических лиц, их имущества и доходов. Положения международных соглашений направлены на обеспечение прав налогоплательщиков, интересы которых затронуты в договорах. При заключении международных договоров об избежании двойного налогообложения используется субъективный метод, применяемый к участникам с определёнными признаками и критериями (политические, географические и т.д.).

Нормы международного права регулируют разграничение налоговых юрисдикций. Они направлены на создание и обеспечение принципа суверенитета современного государства.

Налоговая юрисдикция находится в неразрывной связи с государственным суверенитетом, интересы которых могут не совпадать с реализацией функций налогоплательщиков, наделённых налоговыми юрисдикциями. Исходя из выше сказанного, можно сформулировать некоторые особенности налоговых юрисдикций.

Итак, налоговая юрисдикция является территорией с кругом определённых участников, в которых органы исполнительной власти в определённых рамках имеют право устанавливать порядок и условия уплаты налогов, сборов, ставки по ним, а также определять особенности формирования налоговой базы. Данный подход определяет, что государство имеет право защищать свой суверенитет с помощью налогового законодательства. Важно учитывать, что международные согла-

шения могут действовать лишь в том случае, если они соответствуют законодательству государств, заключающих договор.

В России в соответствии со статьёй 373 Налогового кодекса РФ в качестве плательщиков налога на имущество признаются как российские, так и иностранные организации. При этом, иностранные организации могут осуществлять свою деятельность на территории страны через постоянные представительства или не осуществлять деятельность на территории страны через постоянные представительства. Однако, в обоих случаях, они должны иметь в собственности недвижимое имущество, находящееся на территории Российской Федерации¹.

С недавнего времени перед РФ встал вопрос о приостановлении действий международных соглашений об избежании двойного налогообложения лиц с «недружественными» государствами. Это будет касаться иностранного бизнеса, их филиалов, а также работников и арендодателей недвижимости, которые по решению правительства их стран были вынуждены приостановить бизнес в РФ. Важно понимать, что данное решение может затронуть интересы не только компаний – нерезидентов, но и тех, которые сохранили своё присутствие в России, продолжили свою деятельность. Однозначно, анонсирование о разрыве международных договорённостей, не может не повлиять на бизнес резидентов нашей страны. При этом же стоит учитывать, что после отмены налоговых соглашений с этими странами, россиянам придется платить налоги дважды.

В условиях напряжённой политической обстановки, Правительство РФ разработало ряд дополнительных мер ограничительного характера, согласно которым были приостановлены действия некоторых положений международных соглашений об избежании двойного налогообложения в отношении стран, являющихся активными участниками введения экономических санкций против нашей страны.

Определим понятие двойного налогообложения, для более лучшего понимания данного вопроса. Двойное налогообложение является той ситуацией, когда доходы одного и того же лица облагаются налогами дважды одновременно в разных государствах. Но до этого времени, такая проблема решалась благодаря международным соглашениям, где налоги могли взиматься только в одной из двух стран, либо же в обеих, но только с учетом особенностей национальных законодательств, отраженных в соглашениях способов предотвращения двойного налогообложения. Действия, на которые распространяются соглашения об избежании двойного налогообложения касаются чаще всего доходов от продажи или аренды недвижимости, также коммерческой деятельности, пенсии, дивидендов и т.д.

На конец 2023 года Россия приостановила соглашения об избежании двойного налогообложения с 38 странами. По приказу Минфина 86-н к числу государств, применяющих льготный режим налогообложения относят более 90 стран. В этот перечень вошли практически все страны Евросоюза, Англия, США, Швейцария, Австралия и другие «недружественные» по отношению к России государства².

На практике юридические и физические лица этих стран сталкиваются с минусами и плюсами действия принципа избежания двойного налогообложения. Отечественный налогоплательщик также чувствует негативные последствия расширения перечня стран, использующих признаки налоговых юрисдикций. В частности, резиденты Российской Федерации, получающие доход за рубежом, из источников иностранных государств. Гражданин Российской Федерации уехал из страны в 2023 году во Францию и устроился там работать, либо же продолжает работать на компанию российскую удаленно, и этот полученный доход будет облагаться НДФЛ как в Российской Федерации, так и во Франции. Наличие Франции в перечне «недружественных» стран обуславливает необходимость уплаты налога дважды. Такая проблема бьет по карману как резидентов, так и нерезидентов РФ.

В качестве ответных мер органами власти, было принято решение о сокращении общеустановленного срока (183 дня) пребывания нерезидентов на территории РФ. Срок был сокращён до 90 дней. Такая мера касается только государств из обновлённого в июле 2023 года перечня Минфина. Юридические лица, получающие пассивный доход за рубежом также страдают от применения данных мер.

Необходимо отметить, что к девидендам, которые получают резиденты России из «недружественных» стран, перестали применяться 0 % ставки налога на прибыль, что достаточно существенно отразилось предпринимательской деятельности фискально обязанных лиц. В этой связи, бремя уплаты налогов выросло в два раза, что подтверждает целесообразность совершенствования политики редомициляции в Российской Федерации.

При наличии соглашений об избежании двойного налогообложения, резиденты, бизнес которых находится за рубежом, имеют право вести упрощенный порядок учета, а по некоторым видам деятельности не сдавать отчеты. Такой подход с «недружественными» странами упразднен, аудит для них является обязательным условием ведения бизнеса³. Проблема заключается в том, что, по законодательству Российской Федерации, аудит в компаниях резидентов, осуществляющих деятельность в иностранных государствах, может быть обеспечен только на территории нашего государства, то есть с помощью онлайн сети. Большинство аудиторских фирм не согласны на ведением деятельности в таких условиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в международных отношениях налоговая юрисдикция является особой властью, которая способна создавать определённые правила для субъектов налогообложения, являющиеся для них обязательными, признанными остальными государствами, которые заключили действующее соглашение. Изменения положения во внешней политике России подвергло новым проблемам в налогообложении и его регулировании определённого круга юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, находящихся как на территории страны, так и за её пределами, что требует от государства урегулирования данных проблем в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 18.03.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2023) // Доступ из справ.-правовой информации «КонсультантПлюс».
2. Приказ Минфина России от 5 июня 2023 г. № 86н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // Доступ из справ.-правовой информации «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения» // Доступ из справ.-правовой информации «КонсультантПлюс».
4. Зонова А. В., Горячих С. П., Печенкин К. А. налогообложение индивидуальных предпринимателей с учетом налоговых новаций 2022 года // ЕГИ. 2022. №39 (1). С. 173-177.
5. Хаванова И.А. Налоговая юрисдикция: грани возможного и отсроченные риски // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 81-91.
6. Как отмена налоговых соглашений с Западом скажется на бизнесе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2023/> (дата обращения: 27.03.2023).
3. Указ Президента РФ от 08.08.2023 № 585 «О приостановлении Российской Федерацией действия отдельных положений международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения».

ПОЛЬШАКОВА Наталья Викторовна

кандидат экономических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

УВАРОВА Марина Николаевна

кандидат экономических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета имени Н. В. Парахина

НОВАКОВА Софья Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

ИНДУСТРИЯ 4.0: СИСТЕМНАЯ ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

В данной статье авторы уделяют особое внимание состоянию инновационного потенциала российского АПК, оценку его соответствия задачам повышения глобальной конкурентоспособности в условиях нового технологического уклада. В своей работе авторы проводят анализ цифровой зрелости отраслей АПК их цифровой и инновационной активности и выявляют ключевые барьеры ее реализации, а также ожидания бизнеса в части государственной поддержки инноваций.

Ключевые слова: цифровизация АПК, информационные технологии, цифровая зрелость, процессные инновации, господдержка.

POLSHAKOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

UVAROVA Marina Nikolaevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

NOVAKOVA Sofya Yurjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of the I. S. Turgenev Oryol State University

INDUSTRY 4.0: SYSTEM DIGITAL TRANSFORMATION OF AGRICULTURAL ENTERPRISES

In this article, the authors pay special attention to the state of the innovative potential of the Russian agro-industrial complex, assessing its compliance with the tasks of increasing global competitiveness in the conditions of a new technological structure. In their work, the authors analyze the digital maturity of the agricultural sector, their digital and innovative activity and identify the key barriers to its implementation, as well as business expectations regarding government support for innovation.

Keywords: digitalization of the agro-industrial complex, information technology, digital maturity, process innovation, state support.

Четвёртая промышленная революция (Индустрия 4.0), основные критерии которой сформулировал в 2016 г. К. Шваб, задала новый тренд мировой экономики, а именно, внедрение киберфизических систем в производственную деятельность. На фоне введенных иностранными государствами санкций в отношении РФ и программы импортозамещения действующей в России, наблюдаются глобальные цифровые трансформации в различных областях реального сектора экономики [1]. Отправной точкой формирования цифровых трансформаций, можно считать разработку и утверждение в 2019 г. национальной программы «Цифровая экономика РФ».

Организованный Правительством РФ системный подход к реализации национальной программы и внедрению киберфизических систем в производственные структуры нацелен на поступательное развитие и формирование цифровой зрелости, таких стратегических направлений, как: здравоохранение, образование, государственное и муниципальное управление, строительство и ЖКХ, транспорт, энергетика, наука, сельское хозяйство, промышленность, экология и социальная сфера.

На сегодня существует ряд популярных цифровых технологий, которые интенсивно внедряются в производственные структуры АПК: системы управления агропредприятием (использование спутниковых снимков, видео-аналитики, данных с датчиков, метеостанций для выработки комплекс-

ных решений управления сельскохозяйственным предприятием); системы точного земледелия (совокупность агротехнических информационных технологий, технических средств и систем поддержки принятия решений, направленных на управление параметрами плодородия почв, влияющими на рост растений); точное животноводство (использование сенсоров и датчиков в животноводстве для осуществления непрерывного мониторинга состояния здоровья животных, на основе данных которого, разрабатываются индивидуальные методы лечения и кормления); цифровые сервисы Агрометеонаблюдений (цифровые стационарные и мобильные метеостанции позволяют в онлайн-режиме фиксировать метеорологические и погодные условия, на основе которых вырабатывается взвешенная стратегия проведения полевых работ); телематика для сельского хозяйства (использование IoT технологий, позволяет отслеживание и управление сельскохозяйственными машинами и оборудованием за счет объединения устройств GPS, адаптеров данных шины CAN и маяков Bluetooth Low Energy 4.X (BLE) ID beacons.); беспилотные летательные аппараты (использование БПЛА для инвентаризации сельхозугодий, создания электронных карт полей, оценки объема работ и контроль их выполнения, оперативный мониторинг состояния посевов, оценка всхожести сельхозкультур, охрана сельхозугодий, обработка посевов пестицидами); технологии больших данных (Big Data) (позволяет обрабатывать большие объемы цифровой информации

Таблица 1. Структура сельхозпредприятий РФ по категориям (составлено авторами по: [3])

Категория	Доля, %				
	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Сельскохозяйственные организации	45,2	44,8	56,5	57,7	58,5
Хозяйства населения	51,6	48,0	31,0	28,6	26,6
Фермерские хозяйства	3,2	7,2	12,5	13,7	14,9

Таблица 2. Объем произведенной продукции (в фактических ценах), млрд. руб. (составлено авторами по: [5])

Вид деятельности	Объем произведенной сельскохозяйственной продукции				
	2000 г.	2010 г.	2018 г.	2019 г.	2022 г.
Сельскохозяйственные организации					
Всего	335,6	1102,9	3022,1	3348,4	3787,0
Растениеводство	189,0	458,3	1438,8	1641,0	2021,8
Животноводство	146,6	644,6	1583,3	1707,4	1765,2
Хозяйства населения					
Всего	383,2	1182,5	1656,7	1659,7	1717,6
Растениеводство	188,5	506,8	787,1	778,8	798,2
Животноводство	194,7	675,7	869,6	880,9	919,4
Фермерские хозяйства					
Всего	23,6	176,8	670,0	793,3	964,2
Растениеводство	17,2	125,1	530,2	636,6	792,7
Животноводство	6,4	51,7	139,8	156,7	171,5

для прогнозирования сельскохозяйственных работ, и принятия управленческих решений) [2].

Как утверждает Аналитический центр Министерства сельского хозяйства, введение цифровых технологий обеспечивает сокращение расходов до 23 % при реализации системного подхода к цифровым трансформациям в АПК [2]. Для того, чтобы иметь представление о результатах реализации программы цифровизации сельского хозяйства в РФ обратимся к результатам анализа показателей цифровых трансформаций. В таблице 1 представлена структура сельхозпредприятий РФ в 2000-2022 гг. До 2010 г. хозяйства населения были наиболее крупной категорией, а, наименьшую долю занимали сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства. Но в 2018 г. удельный вес сельхозорганизаций увеличился почти на 11,7 п.п. по сравнению с 2010 годом, и на 17,0 п.п. произошло снижение удельного веса хозяйств населения (с 48,0 до 31,0 %). Одним из немаловажных факторов интенсивного роста количества сельхозорганизаций послужили цифровые трансформации начавшиеся в отрасли АПК проводимы в соответствии с утвержденной Федеральной научно-технической программой развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг., цель которой - научно-техническое обеспечение развития отрасли и снижение технологических рисков в продовольственной сфере. Этот вектор развития предполагает разработку и внедрение отечественных конкурентоспособных технологий, основанных на новейших достижениях науки [4].

В структуре производства продукции сельского хозяйства в разрезе категорий хозяйствующих субъектов с 2000-х гг. также наблюдаются значительные изменения (таблица 2). Производство продукции в сельхозпредприятиях до 2010 года значительно уступали хозяйствам населения, а начи-

мая с 2018 года объемы производства в сельхозорганизациях выросли почти в 2 раза, что свидетельствует об увеличении производственной и управленческой эффективности за счет внедрения цифровых технологий в сельскохозяйственном производстве. Традиционно, АПК - важнейшая часть экономики РФ, обеспечивающий продовольственную безопасность страны, ее социально-экономическое положение, и которая обладает огромным потенциалом для ее развития. Следует отметить, что 1/3 валового национального дохода РФ принадлежит сельскому хозяйству, поэтому именно его развитие является основным определителем состояния и уровня развития всего народного хозяйства.

На рис. 1 отражен уровень цифровой активности российских сельхозорганизаций в 2016-2022 гг. по отраслям АПК. Уровень цифровой активности (УЦА) предприятий АПК динамичен и неоднороден. Пик УЦА предприятий АПК приходится на 2018 г. (17,6 %), тогда как в 2017 г. отмечается наиболее низкое пороговое значение равное 11,2 %.

По сравнению с иностранными государствами (рис. 2) уровень цифровизации АПК составляет 27,2 %, что говорит о том, что уровень внедрения цифровых технологий в российский АПК существенно уступает показателям ведущих стран мира. Основываясь на данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи, удельный вес крупных предприятий АПК, имеющих доступ к сети Internet составляет 64,3 %, малых предприятий – 45,7 %, личных подсобных хозяйств и фермерских хозяйств – 18,6 % (таблица 3). Как видно из представленных данных, использование ПК с 2017 года сократилось на 20,7 п.п., тем не менее это не говорит о том, что снизилось использование ЭВМ, наоборот анализ данных показывает, что такое снижение обусловлено увеличением использования мобильных средств (планшеты, смартфоны и

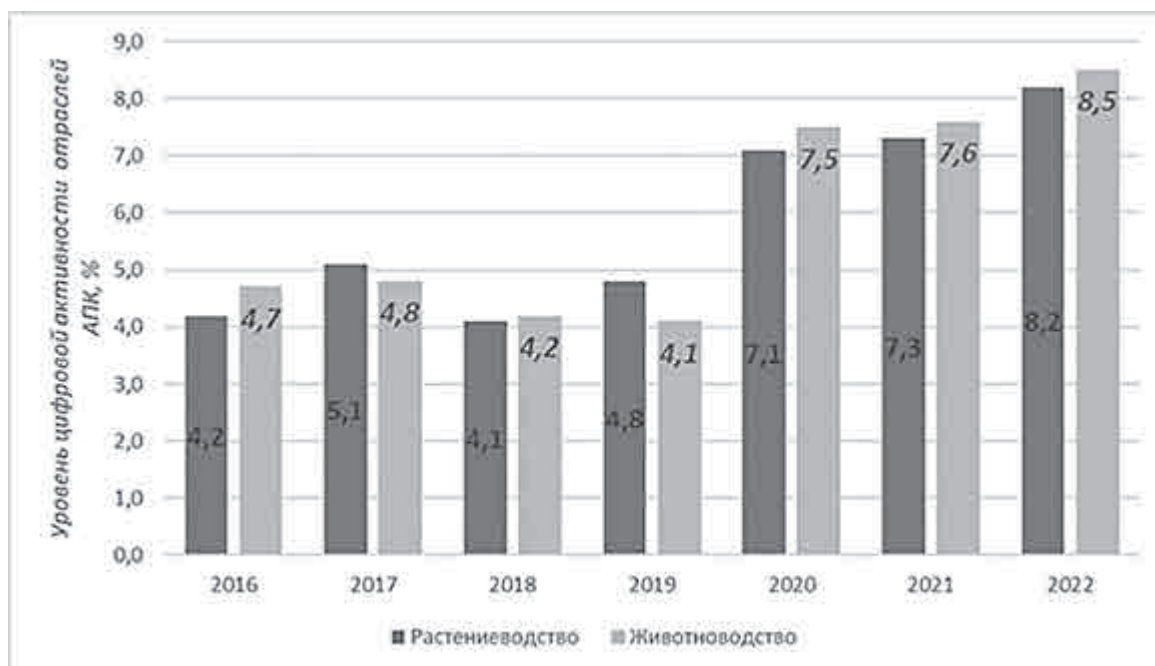

Рисунок 1. Уровень цифровой активности сельскохозяйственных организаций (по отраслям), % (составлено авторами по [5]).

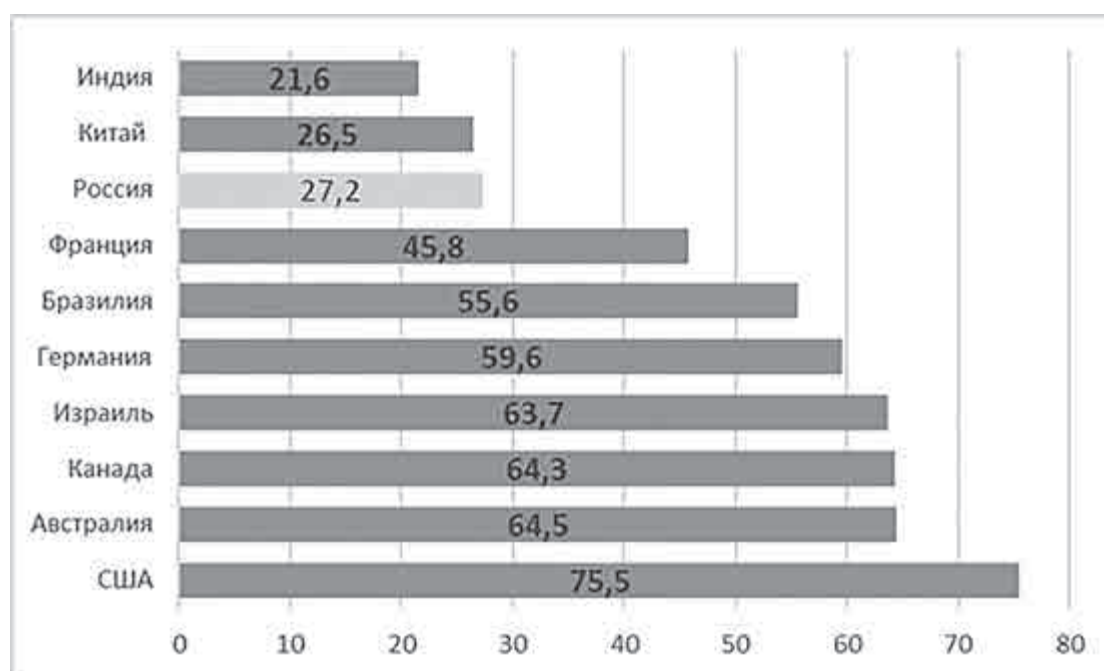

Рисунок 2. Индекс цифровизации АПК в отдельных странах мира в 2021 г. (составлено авторами по [5])

пр.), в связи с чем увеличилось и использование мобильного интернета [6]. Увеличение объемов цифровой информации, использования облачных технологий и сервисов, повлекло за собой увеличение числа используемых серверных станций, организацию ЛВС и создание собственных Web-сайтов для продвижения товаров на цифровых площадках рынка сбыта.

Соответственно использование аппаратно-технической составляющей не может осуществляться без программно-прикладных продуктов, удельный вес которых представлен в таблице 4. Данные таблицы 4, демонстрируют положительную динамику в области использования программно-прикладных продуктов сельскохозяйственными предприятиями. Практически по всем категориям ППП мы видим увеличение объемов использования специализированных программ.

Однако, следует отметить, что сокращение удельного веса использования экономических и управленческих ИС почти на 6 п.п. связано не с их невостребованностью, а с развитием CRM, ERP, и SCM систем, которые стали обладать большинством функций экономических систем.

В рамках ведомственного проекта «Цифровое сельское хозяйство» предложенного Министерством сельского хозяйства РФ осуществляется комплекс мероприятий по внедрению цифровых технологий и платформенных решений в АПК. Исходя из этого, считаем целесообразным обратить внимание уровень инновационной активности в сфере АПК (рис. 3). Несмотря на существенное отставание от промышленного производства и пищевой промышленности, АПК наращивает темпы роста инновационной активности

Таблица 3. Использование информационных и коммуникационных технологий в сельскохозяйственных организациях, %

Организации, использовавшие:	Год					
	2017	2018	2019	2020	2021	2022
персональные компьютеры	94,0	93,0	82,4	66,3	76,0	73,3
серверы	39,4	38,1	44,2	36,9	41,8	41,7
локальные вычислительные сети	56,6	57,6	49,3	39,9	46,3	44,9
фиксированный Интернет	15,4	19,6	21,8	35,6	41,4	41,6
мобильный интернет	9,2	10,3	12,5	62,9	72,1	70,2
Организации, имевшие веб-сайт	20,1	20,0	25,1	21,9	25,3	25,5

Источник: составлено авторами по [7].

Таблица 4. Удельный вес сельхозорганизаций РФ, использовавших программно-прикладное обеспечение специального назначения, % (составлено авторами по [7])

Индикатор	Год						
	2005	2010	2015	2016	2020	2021	2022
Экономические и управленческие ИС	58,0	59,7	52,3	52,9	32,1	12,6	9,8
Финансовые и аналитические ИС	45,7	59,7	55,1	55,3	41,8	42,3	47,0
ИСПС	39,6	53,7	52,3	51,8	42,8	43,6	47,5
АИС управления закупками и продажами товаров (работ, услуг)	8,2	23,6	60,1	59,6	39,5	45,5	60,3
Распределенные СУБД	16,8	27,8	31,5	31,0	22,1	21,8	28,4
Обучающие АИС	11,9	19,1	14,3	14,2	15,3	16,1	26,1
Управляющие АИС	14,0	18,1	15,1	14,9	7,7	7,4	15,7
САПР	9,7	11,8	11,0	10,8	9,9	10,0	17,0
Редакционно-издательские системы	5,6	9,2	5,3	5,1	5,4	5,5	12,2
CRM, ERP, SCM - системы	0,1	7,6	15,4	15,9	29,9	32,0	58,1
АИС научных исследований	3,1	3,63	3,9	3,4	3,8	2,6	11,3
Прочие	30,0	42,2	32,67	30,3	20,1	19,7	27,1
Организации, использовавшие специальные программные средства	79,1	89,1	84,8	84,7	65,4	66,8	68,1

- от 3,4 в 2016 году до 5,4 % в 2022 году. По итогам 2022 года наиболее инновационно активными являются смешанное сельское хозяйство (16,3 %) и выращивание рассады (14,3 %).

Представленные НИУ ВШЭ обобщенные показатели, являются малоинформативными без раскрытия их структуры. Доминирующую долю в сельхозсекторе занимают вложения на приобретение машин и оборудования, а также инжиниринг (рис. 4). При этом доля инвестиций в исследования и разработки, а соответственно их значимость, остается на достаточно низком уровне (12 % в АПК), что является еще одним аргументом в пользу слабого спроса бизнеса на отечественные разработки.

Инвестиции в иные виды «интеллектуальных» инноваций еще менее значимы, удельный вес позиций «обучение и подготовка персонала», «приобретение новых технологий», «маркетинговые исследования» в сумме едва превышают 5 %. Тем не менее прогнозы экспертов говорят о том, что к 2024 году внедрение IoT-решений и комплексная цифровизация аграрного сектора обеспечит 5,6 % прироста ВВП РФ [1], за счет: двухкратного увеличения производительности труда на предприятиях АПК; сокращения более чем в 1,5 раза издержек на бизнес-администрирование; двадцати процентное снижение себестоимости продукции за счет сокращения хозяйственных расходов на закупку удобрений, посадочного материала, электроэнергию, ГСМ и др.

Исходя из вышесказанного следует рассмотреть внедренные и планируемые к внедрению процессные инновации в агрокомпаниях (рис. 5). Несмотря на показатели представленные на рис. 5, по данным опросов НИУ ВШЭ, 89 % представителей АПК считают необходимым повышение экономической эффективности путем автоматизации и цифровизации основных производственных процессов. Следовательно, можно с полной уверенностью говорить о том, что цифровые трансформации аграрного сектора в РФ, как направление, является одним из приоритетных и актуальных на сегодняшний день.

Осуществляя планомерное и системное внедрение цифровых технологий в отрасли АПК рассмотрим меры государственного стимулирования цифровых проектов в рамках реализации программы «Цифровое сельское хозяйство». Министерство сельского хозяйства РФ планирует до 2024 г. инвестировать 152 млрд. руб. в рамках проекта «Цифровое сельское хозяйство». Наиболее затратной статьёй расходов проекта является создание и внедрение национальной платформы цифрового государственного управления сельским хозяйством «Цифровое сельское хозяйство» – 118082 млн. руб.

Данное исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение киберфизических систем в производственную деятельность отраслей АПК уже сейчас позволяет уве-

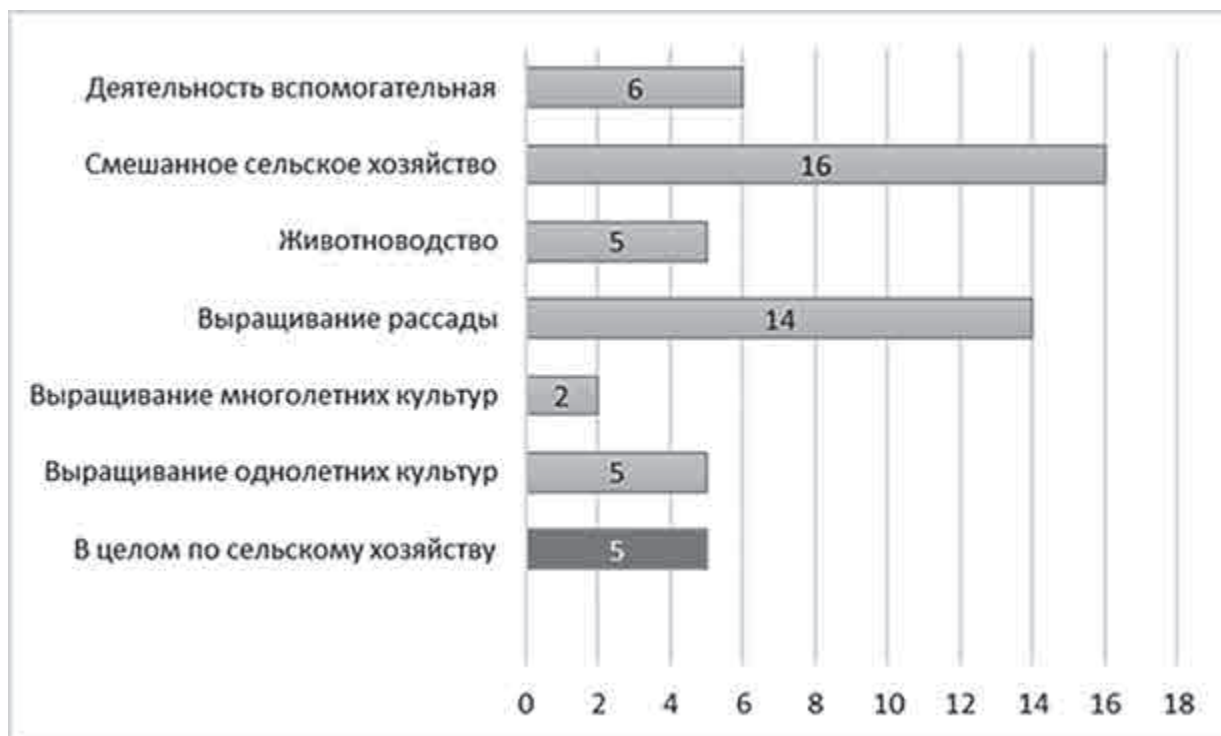

Рисунок 3. Структура инновационной активности в АПК РФ (2020 г.), в % (составлено авторами по [7])

Рисунок 4. Структура затрат на технологические инновации, 2020 г. (составлено авторами по [8])

личить выпуск более качественной продукции. Процессы «Индустрии 4.0» создают предпосылки к формированию гибких и адаптивных систем, участники которых имеют возможность быстрого обмена информацией телекоммуникационные средства связи, что в свою очередь влечет рост эффективности труда и что непосредственно сказывается на сокращении производственных издержек. Цифровые трансформации в АПК - логичный процесс, который происходит в настоящее время практически во всех сферах социально-экономической деятельности. Внедрение современных информационных технологий базирующихся на системах искусственного интеллекта позволяют существенно повышать эффективность любого бизнес-процесса за счет широких возможностей обработки больших данных. Повышение эффективности сельскохозяйственного про-

изводства неразрывно связано с применением информационных технологий. Анализ текущего уровня цифровой зрелости позволяет сделать заключение о том, что: цифровые трансформации в России происходят без регламентирующих документов, которые играли роль регулятора данных процессов; несовершенство нормативно-правовой база регулирования цифровизации отраслей АПК; неравномерность осуществления процессов цифровизации как по территориальному расположению, организационно-правовым формам так и по видам производственно-хозяйственной деятельности; развитие бизнес-ориентированной университетской науки и восполнение кадрового дефицита в научно-исследовательском секторе АПК, формирование центров компетенций и научных школ по ключевым направлениям.

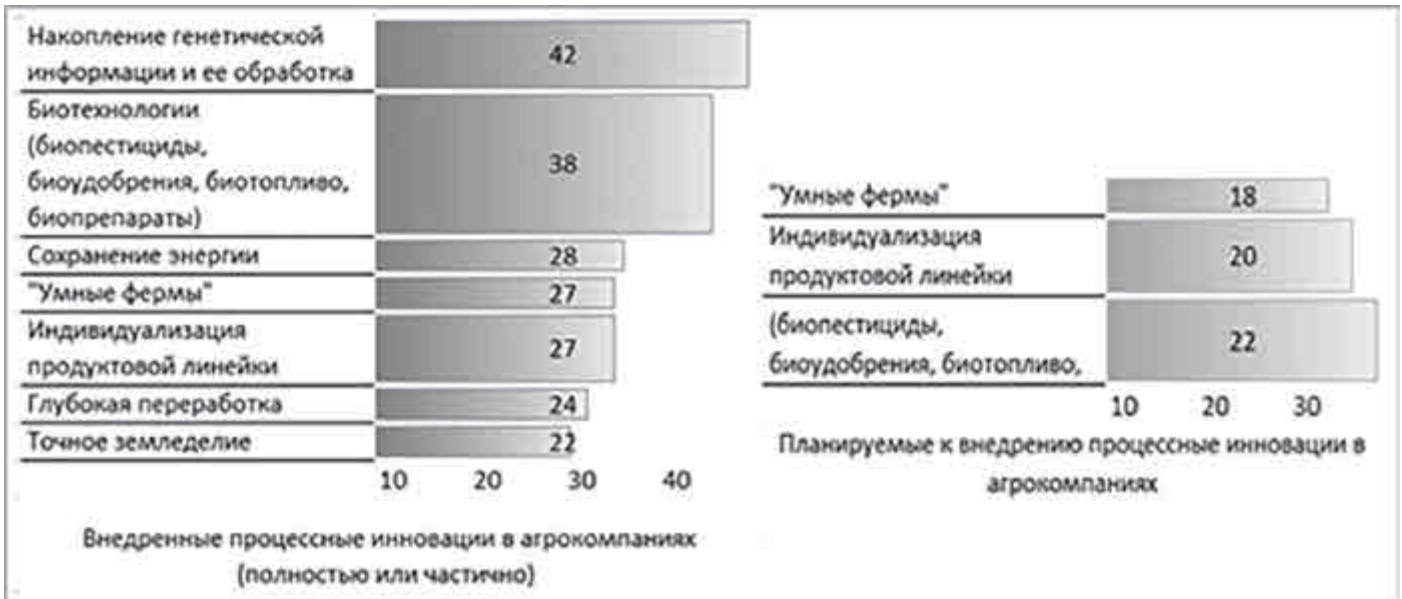

Рисунок 5. Внедренные и планируемые к внедрению процессные инновации в агрокомпаниях, % (составлено авторами по [8,9].)

Пристатейный библиографический список

- Ахметов В. Я., Галикеев Р. Н. Перспективы социально-экономического развития сельских территорий в условиях цифровизации экономики // Вестник Евразийской науки. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.today/PDF/03ECVN_619.pdf (дата обращения: 15.11.2023)
- Цифровизация сельского хозяйства / Евразийская экономическая комиссия. 2016. (обзор цифровой повестки в мире). Вып. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/workgroup/Documents/digest/3%20Спецвыпуск_Цифровизация%20сельского%20хозяйства.pdf (дата обращения: 15.11.2023)
- Департамент цифрового развития и управления государственными информационными ресурсами АПК Министерства сельского хозяйства РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cctmcx.ru/upload/medialibrary/0f3/0f3e94a2348bb7122977c138e069ece1.pdf> (дата обращения: 16.11.2023)
- Российский статистический ежегодник 2021: стат. сб. / Росстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2021.pdf (дата обращения: 17.11.2023).
- Добровлянин В. Д., Антинескул Е. А. Цифровизация сельского хозяйства: текущий уровень цифровизации в Российской Федерации и перспективы дальнейшего развития // Управление экономическими системами. 2022. Т. 1. № 2. Т. 1.
- Зайцев А. Г., Такмакова Е. В. Статистический анализ развития информационного общества в регионах РФ // Статистика в цифровой экономике: обучение и использование. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 2018. С. 50-52.
- Шендерюк О., Чемашкин Ф., Ветошкин С., Могилюк В. Цифровизация АПК России: проблемы и предлагаемые решения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yakov.partners/publications/digitalizing-russia-s-agricultural-sector-challenges-and-solutions/?ysclid=lr4xjq4e6b473344953>
- Наука, инновации и технологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 17.11.2023).
- Орлова Н. В., Серова Е. В., Николаев Д. В. Инновационное развитие агропромышленного комплекса в России. Agriculture 4: доклад к XXI апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / Под ред. Н. В. Орловой. М.: ИД Высшей школы экономики, 2020. 128 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2020/06/01/1604078726/Инновационное_развитие_АПК_в_России-сайт.pdf?ysclid=lr4xlmitw177914125 (дата обращения: 17.11.2023).

РАДЧЕНКО Елена Павловна

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

ВДОВИНА Алина Нафисовна

старший научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ СТРАНЫ

Многими странами для развития публичной инфраструктуры и решения важных государственных задач активно используются механизмы государственно-частного партнерства. Государственно-частное партнерство означает долгосрочное объединение ресурсов государственных и частных партнеров с согласованным разделением рисков, ответственности и результатов между ними. Статья посвящена институту государственно-частного партнерства как одной из форм сотрудничества государства и частного сектора в целях решения важных социально-экономических задач, показано влияние механизмов государственно-частного партнерства на институциональное развитие страны.

Ключевые слова: механизм, экономика, институциональное развитие, сотрудничество, частный сектор, государственно-частное партнерство.

RADCHENKO Elena Pavlovna

Ph.D. in economical sciences, leading researcher of the Department for the Study of Problems of Management and Reform of the Penal System of the Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penal System of the Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

VDOVINA Alina Nafisovna

senior researcher of the Department for the study of the problems of employment of convicts and economic problems of the functioning of the Penitentiary System of the Center for the Study of Problems of Management and organization of the execution of Sentences in the Penal System of the Federal Penitentiary Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

ON THE ISSUE OF THE IMPACT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP MECHANISMS ON THE INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRY

Many countries actively use public-private partnership mechanisms to develop public infrastructure and solve important government tasks. Public-private partnership means a long-term pooling of the resources of public and private partners with a coordinated division of risks, responsibilities and results between them. The article is devoted to the institution of public-private partnership as one of the forms of cooperation between the state and the private sector in order to solve important socio-economic problems, the influence of public-private partnership mechanisms on the institutional development of the country is shown.

Keywords: mechanism, economy, institutional development, cooperation, private sector, public-private partnership.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования

В условиях глобальной популярности механизма государственно-частного партнерства (далее - ГЧП) ученые активно исследовали взаимосвязь между заинтересованными сторонами проектов и влияющими на них факторами, а также эволюционный механизм с использованием таких теорий и методов, как теория игр, анализ социальных сетей и эмпирические исследования, и добились значительных результатов [1], [2], [3]. Однако, будучи относительно новой областью исследований, этот механизм нуждается в постоянном и глубоком изучении в целях расширения параметров исследования и способствования лучшему пониманию его развития.

Тема ГЧП является крайне актуальной в связи с тем, что такой механизм сотрудничества государства и частных лиц имеет большой практический потенциал для социально-экономического развития государства. Опыт многих стран показывает, что он может быть успешно использован для развития общественной инфраструктуры и, как следствие, оказать существенное влияние на уровень конкурентоспособности страны [4].

Вопросы о роли государства в экономике, границах его вмешательства, аспектах взаимовлияния государственного сектора и субъектов рынка освещены в фундаменталь-

ных трудах известных исследователей: Дж. М. Кейнса, В. И. Ленина, К. Маркса, А. Смита [5]. Вопросы ГЧП затронуты в фундаментальных трудах зарубежных исследователей, таких как: Дж. Дельмон, Э. Йескомб, С. Чжан, Д. Гримси, А. Акинтойе, О. Уильямсон, Р. Тионг, Л. Ма, Дж. Ли, Дж. Сонг и др.

В России исследованием механизмов, инструментов и самой модели сотрудничества государства и частных лиц занимались такие ученые, как: О. В. Иванова, О. В. Иншаков, В. Г. Варнавский, Р. С. Ильясов, М. В. Клинов, М. Н. Козин, Н. С. Матвеева, Н. В. Мерзликina, А. В. Родионов, С. Х. Шамсунов и др.

Основная часть

Сложность экономических процессов, возникающих в результате технологического и социального прогресса, требует высокого уровня сотрудничества и объединения уникальных ресурсов для достижения нового уровня социального-экономического развития страны. Во многих случаях государство и отдельные лица не могут в одиночку справиться с непростыми проблемами, которые требуют привлечения финансовых ресурсов, инновационных технологий и навыков [6]. Внедрение ресурсов частного сектора в инфраструктуру с использованием механизмов ГЧП особенно важно в текущей

геополитической ситуации и на фоне заметного сокращения прямых иностранных инвестиций.

ГЧП в широком смысле можно определить как договорное соглашение между правительством и частным сектором, направленное на финансирование, проектирование, внедрение и эксплуатацию объектов инфраструктуры и услуг, которые традиционно предоставлялись государственным сектором. Оно воплощает в себе оптимальное распределение рисков между сторонами, сводя к минимуму затраты при реализации целей развития проекта. Таким образом, проект должен быть структурирован так, чтобы частный сектор получал разумную норму прибыли на свои инвестиции. В проектах ГЧП делается упор на соотношение цены и качества, — уделяется особое внимание снижению затрат, лучшему распределению рисков, более быстрой реализации, улучшенным услугам и возможному получению дополнительных доходов [7].

В целом, существуют две распространенные формы ГЧП: ГЧП, основанное на доступности, и ГЧП, основанное на концессии. Эти две формы можно отличить друг от друга на основе того, что государственные или частные стороны принимают на себя в рамках партнерства, например: права, обязанности и риски.

ГЧП, основанное на доступности. Форма ГЧП, в которой государственное учреждение заключает договор с организацией частного сектора об уплате фиксированной платы за общественное благо, услугу или продукт и отдельной платы за использование общественного блага, продукта или услуги. Комиссия или тарифы регулируются соглашением с целью обеспечения погашения долга, регулярных операционных расходов и прибыли от собственного капитала.

ГЧП, основанное на концессии. Форма ГЧП, при которой правительство предоставляет частному сектору полномочия по созданию, эксплуатации и взиманию платы или тарифа, регулируемые государственными органами, а также на основе заключенного концессионного соглашения. Тарифы устанавливаются таким образом, чтобы обеспечить погашение задолженности, постоянные эксплуатационные расходы и рентабельность собственного капитала.

В целом правительства используют ГЧП по следующим причинам:

ГЧП поощряет вливание капитала частного сектора. Официальная поддержка государственного бюджета и целей развития ограничена и зависит от приоритетов правительства. Частный сектор легко финансировать. И он может быть использован для реализации наиболее важных государственных проектов. Что касается крупных инфраструктурных проектов, то ГЧП использует финансовый капитал частного сектора. Это ускоряет строительство и техническое обслуживание проекта.

ГЧП делает проекты доступными. Если проект будет реализован в рамках ГЧП, государственные расходы будут меньше, так как частный сектор будет финансировать часть проекта в период действия договора концессии. Проекты ГЧП учитывают подход к оценке стоимости всего жизненного цикла, что в конечном итоге снижает капитальные и эксплуатационные расходы. Все проекты ГЧП подлежат конкурсу.

ГЧП обеспечивает соотношение цены и качества. Соотношение цены и качества достигается тогда, когда максимальная выгода достигается за счет товаров и услуг, приобретаемых и предоставляемых государством. Это наилучший результат после учета всех выгод, затрат и рисков, которые не обязательно могут стать самой низкой ценой за весь период реализации проекта.

В ГЧП каждый риск распределяется между стороной, которая лучше всего может управлять им или поглощать его. При ГЧП риски берет на себя та сторона, которая наилучшим образом может управлять рисками и принимает на себя все последствия. ГЧП позволяет правительству брать на себя меньше рисков. Как правило, частный сектор несет расходы на протяжении всего жизненного цикла проекта, в то время как правительство, помимо прочего, берет на себя ри-

ски на местах, законодательные риски и риски государственной политики.

При ГЧП качество обслуживания должно поддерживаться на протяжении всего периода сотрудничества. Реализация проекта ГЧП будет более строгой, поскольку право собственности на проект принадлежит инициаторам проекта. Государственный сектор платит только тогда, когда услуги оказаны в полной мере и надлежащего качества.

ГЧП поощряет инновации. ГЧП максимально использует навыки частного сектора, обладающего высоким уровнем эффективности управления и возможностями инновационной деятельности.

Вывод

Институциональная структура экономики любой страны – это прежде всего результат совокупности предыдущих действий государства и общества с последующим эволюционным отбором наиболее эффективных институтов, к примеру ГЧП. Помимо прямого экономического воздействия ГЧП способно оказывать косвенное, в том числе положительное влияние на институциональное развитие страны, что является одним из основных условий ее успешного социально-экономического развития.

Пристатейный библиографический список

1. К. Ши, Дж. Чжу и К. Ли, «Совместная эволюционная игра и приложения в тенденции поставщика строительства», т. 1, с. 2018 г., ID статьи 8401813, 13 страниц, 2018 г.
2. X. Zheng, Y. Le, APC Chan, Y. Hu и Y. Li, «Обзор применения анализа социальных сетей (SNA) в исследованиях управления строительными проектами» // *International Journal of Project Management*. - 2016. - Т. 34. - № 7. - С. 1214–1225.
3. Г. Ву, С. Чжао, Дж. Цзо и Г. Зилланте, «Влияние разнообразия команды на выполнение проекта в строительных проектах» // *Управление проектированием, строительством и архитектурой*. - 2019. - Том 26. - № 3. - С. 408–423.
4. Бедняков А. С. Государственно-частное партнерство как модель развития публичной инфраструктуры // *Вестник МГИМО-Университета*. - 2022. - Т. 15. - № 1. - С. 143–176.
5. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. Привлечение внебюджетных инвестиций как способ обеспечения экономической безопасности проектов государственно-частного партнерства // *Человек: преступление и наказание*. - 2022. - Т. 30. - № 2. - С. 206–215.
6. Радченко Е. П., Вдовина А. Н. К вопросу о законодательных пробелах по внедрению механизмов государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительную систему Российской Федерации // *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»*. - 2022. - № 26. - С. 34–38.
7. Лисица В. Н. Правовая природа соглашения о государственно-частном партнерстве // *Юридическая наука и практика*. - 2016. - Т. 12. - № 2. - С. 80–89.
8. Козин М. Н., Радченко Е. П. Применение механизмов государственно-частного партнерства в правоохранительной деятельности и обеспечении национальной безопасности государства: потенциальные эффекты и проблемы // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. - 2023. - № 5. - С. 286–289.

КУТДУСОВА Анастасия Валерьевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ДВОРЯНИНОВА Софья Антоновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

НИКИТИН Кирсан Анатольевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ВОЩИННИКОВА Анна Анатольевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПРОРЫВ: СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ ДЛЯ РОСТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В данной статье осуществлен тщательный анализ инвестиционной деятельности на территории Российской Федерации. Рассматриваются основные аспекты и принципы вложения капитала, как на уровне индивидуальных инвесторов, так и на уровне корпораций и государственных структур. В работе уделяется внимание как теоретическим основам инвестирования, так и практическим аспектам данной деятельности. Анализируются различные формы и методы инвестиционной деятельности, а также рассматриваются важнейшие факторы, влияющие на эффективность вложений. В статье также представлены различные точки зрения на категории коллективных инвесторов, активно функционирующих на финансовом рынке России. Особое внимание уделяется законодательной базе, регулирующей инвестиционную деятельность в стране, а также анализируются ключевые законодательные акты в данной области. Статья будет полезна как для специалистов в области экономики и финансов, так и для студентов, изучающих данную тематику.

Ключевые слова: инвестиционная деятельность, Российская Федерация, финансовый рынок, инвестирование, законодательство, экономика, финансы, инвестиционные фонды, предпринимательство, стратегии вложений.

KUTDUSOVA Anastasiya Valerjevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DVORYANINOVA Sofya Antonovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

NIKITIN Kirsan Anatoljevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

OVCHINNIKOVA Anna Anatoljevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INVESTMENT BREAKTHROUGH: STRATEGIES AND INNOVATIONS FOR GROWTH IN MODERN RUSSIA

This article conducts a thorough analysis of investment activities in the territory of the Russian Federation. It explores the main aspects and principles of capital investment, both at the level of individual investors and at the level of corporations and government structures. The paper pays attention to both the theoretical foundations of investing and the practical aspects of this activity. Various forms and methods of investment activities are analyzed, as well as the most important factors affecting the efficiency of investments. The article also presents different viewpoints on the categories of collective investors actively functioning in Russia's financial market. Special attention is given to the legislative framework regulating investment activity in the country, along with an analysis of key legislative acts in this area. The article will be useful for specialists in the fields of economics and finance, as well as for students studying this topic.

Keywords: investment activity, Russian Federation, financial market, investing, legislation, economics, finance, investment funds, entrepreneurship, investment strategies.

Общества с ограниченной ответственностью (ООО) являются одной из наиболее распространенных и гибких форм ведения бизнеса в Российской Федерации. Законодательство страны предоставляет четкие рамки для их создания, функционирования и ликвидации, опираясь на положения Гражданского Кодекса РФ и Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Важность и актуальность данной темы обусловлена стремительным развитием предпринимательства и необходимостью адаптации правовой базы к постоянно меняющимся условиям ведения бизнеса.

В современных условиях динамичного экономического развития и усиления конкуренции, правовое регулирование деятельности ООО приобретает особую значимость. Это

связано не только с потребностью защиты прав и интересов участников общества, но и с необходимостью обеспечения стабильности и прогнозируемости бизнес-среды.

Принимая во внимание многообразие форм и сфер деятельности ООО, особое внимание в законодательстве уделяется их специфике в зависимости от отрасли. Так, для компаний, работающих в банковской, страховой, инвестиционной сферах и в сфере сельского хозяйства, предусмотрены особые условия и требования. Это, в свою очередь, порождает ряд вопросов и проблем, требующих тщательного анализа и, при необходимости, корректировки действующих норм.

Проанализировав текущее состояние законодательной базы России в отношении обществ с ограниченной ответственностью (ООО), следует обратить внимание на ряд клю-

чевых аспектов, требующих детального рассмотрения и возможного совершенствования.

Первым и, пожалуй, одним из наиболее значимых моментов является четкость и полнота законодательных норм, регулирующих деятельность ООО. Гражданский кодекс РФ и Федеральный закон о предприятиях данного типа предоставляют обширную правовую базу, однако практика показывает, что внесенные в них поправки не всегда оказываются достаточно эффективными для решения возникающих на практике вопросов. Это подчеркивает необходимость постоянного мониторинга эффективности действующих норм и внесения корректировок при необходимости.

Следующий аспект, заслуживающий внимания, – это особенности создания и функционирования ООО в отдельных сферах деятельности, таких как банковская, страховая и инвестиционная сферы, а также сельское хозяйство. Здесь требуется дополнительное правовое регулирование, учитывающее специфику работы в данных областях. Важно обеспечить баланс между необходимостью повышенного контроля со стороны государства и созданием условий для эффективного развития бизнеса.

Также стоит отметить, что вопросы правового регулирования ООО тесно связаны с обеспечением прав и интересов участников данных обществ, а также их кредиторов. Здесь необходим комплексный подход, позволяющий достигнуть справедливого баланса интересов всех сторон.

Анализ деятельности специальных корпораций, в том числе акционерных обществ и других форм коллективных объединений, показывает, что они сталкиваются с рядом специфических рисков, связанных с накоплением ликвидных средств, представлением интересов на финансовом рынке и высоким уровнем риска в целом. Это требует усиления мер по их правовой защите и разработке специальных нормативных актов, регулирующих их деятельность.

Деятельность в сфере инвестиций предполагает целенаправленное размещение капитала с целью получения финансовой выгоды и/или иных видов полезного воздействия.

Вложение ресурсов может происходить от случая к случаю и осуществляться людьми, которые не связаны с предпринимательством. Инвестирование, таким образом, не всегда сопряжено с предпринимательской деятельностью. В качестве примера можно привести человека, покупающего акции Сбербанка или иной публичной компании, который не является предпринимателем. В отличие от этого, инвестиционная деятельность предполагает систематический подход к вложению средств и нацелена на извлечение прибыли в качестве основной задачи, что определяет ее как предпринимательскую деятельность.

Инвестиционная деятельность может принимать разнообразные формы. Согласно одним исследованиям, на финансовом рынке России на текущий момент работают следующие виды коллективных инвесторов [4]:

- страховые компании;
- негосударственные пенсионные фонды;
- инвестиционные фонды, включая паевые и акционерные;
- кредитные союзы;
- общества взаимного страхования.

Другие исследователи предлагают более широкий перечень субъектов в этой категории:

- коммерческие банки;
- управляющие компании инвестиционных фондов;
- акционерные инвестиционные фонды;
- негосударственные пенсионные фонды;
- доверительные управляющие.

Наш интерес привлекают те организаторы инвестирования, а именно корпорации, которые осуществляют инвестиционную деятельность. Здесь важно обратить внимание на те юридические лица, к которым инвестиционное законодательство предъявляет повышенные требования, в отличие от общепринятых правил, регулирующих деятельность акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью. В этом контексте к категории «специализированных корпораций» в области инвестиций можно смело отнести акционерные инвестиционные фонды.

В деле регулирования инвестиционной сферы ключевую роль на сегодня играет Федеральный закон от 29 ноября 2001 года № 156-ФЗ, посвященный вопросам управления акционерными и паевыми инвестиционными фондами. Не стоит также упускать из виду и Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ, который раскрывает тему инвестиционной деятельности в Российской Федерации, реализуемой через капитальные вложения [8].

Инвестиционный фонд можно определить как имущественный комплекс, находящийся в собственности акционерного общества, или принадлежит на правах общей долевой собственности физическим и юридическим лицам. Управление этим комплексом осуществляется управляющей компанией, исключительно в интересах акционеров соответствующего общества или учредителей доверительного управления. Подчеркнем, что данные нормативные акты создают уникальный правовой фон для функционирования инвестиционных структур, выделяя их на фоне других юридических лиц и предоставляя особые возможности для реализации их потенциала. Таким образом, важность и актуальность данных законодательных актов для сферы инвестиций трудно переоценить [3].

Рассмотренные аспекты инвестиционной деятельности и специализированные корпорации, занимающиеся этим видом бизнеса, играют крайне важную роль в экономической системе страны. Учет специфики их работы и особенности правового регулирования создаёт предпосылки для более эффективного привлечения и использования инвестиционных ресурсов.

Одной из самых значительных и новаторских идей в современном инвестиционном ландшафте России является акцент на цифровизацию и технологическое развитие. Пандемия COVID-19 ускорила цифровую трансформацию, и теперь цифровые активы, включая криптовалюты и токенизированные активы, становятся всё более популярными среди российских инвесторов. Инвестиции в технологические стартапы и инновационные проекты, связанные с искусственным интеллектом, большими данными, блокчейном и финтехом, также приобретают значительный импульс.

Другой ключевой тенденцией является развитие ESG-инвестирования (Environmental, Social, and Governance – экологические, социальные и управленческие факторы). Повышение осведомленности об экологических и социальных проблемах привело к тому, что как частные, так и институциональные инвесторы в России все чаще выбирают инвестиции, которые способствуют устойчивому развитию и имеют положительное социальное влияние. Это включает в себя инвестиции в зеленые облигации, проекты в области возобновляемой энергетики, а также в компании, которые придерживаются высоких стандартов корпоративного управления.

Также наблюдается укрепление роли государства в инвестиционном процессе через создание благоприятных условий для венчурных инвестиций и поддержку инновационных

проектов. Важным шагом стало развитие инфраструктуры национальных инвестиционных фондов, таких как Фонд национального благосостояния (ФНБ), который направлен на финансирование значимых проектов в области высоких технологий, энергетики и других стратегических отраслей экономики.

В 2023 году российский инвестиционный рынок претерпел значительные изменения, особенно в секторах фондового рынка и недвижимости. В фондовом рынке было отмечено значительное увеличение активности частных инвесторов, в то время как институциональные инвесторы-нерезиденты стали реже участвовать в торгах на Московской бирже из-за введенных ограничений. В сентябре 2023 года доля физических лиц в объеме торгов акциями на Мосбирже достигла 81%, а чистый приток в акции со стороны розничных инвесторов составил 150 миллиардов рублей. Это увеличение доли частных инвесторов привело к более высокой волатильности на рынке, что, в свою очередь, привело к введению механизмов, таких как дискретные аукционы, для борьбы с резкими колебаниями цен на акции.

В секторе недвижимости инвестиции достигли рекордных показателей в 2023 году, с общим объемом вложений в размере 833 миллиардов рублей, что на 68% превысило показатели предыдущего года. Этот значительный рост был частично обусловлен продажей значимых и «трофейных» объектов на рынке. Торговая недвижимость стала лидером по объему инвестиций с 39% от общего объема, в то время как жилой сегмент и офисная недвижимость также показали значительный рост. Интересно, что в 2023 году инвестиции в гостиничную недвижимость резко выросли на 203%.

Эти изменения подчеркивают глубокую трансформацию, происходящую на российском инвестиционном рынке, с увеличением роли частных инвесторов и рекордными показателями в секторе недвижимости, что может предложить новые возможности и вызовы для участников рынка.

Однако для достижения инвестиционного прорыва необходимо преодолеть ряд вызовов, включая повышение правовой защиты инвесторов, улучшение инвестиционного климата и снижение административных барьеров для бизнеса. Это потребует скоординированных усилий со стороны государства, частного сектора и международного сообщества.

Комплексный подход к регулированию инвестиционной сферы способствует привлечению внутренних и внешних инвестиций, стимулируя тем самым экономический рост и развитие. Важно отметить, что дальнейшее совершенствование законодательной базы, а также разработка новых механизмов поддержки и стимулирования инвестиционной деятельности будут способствовать укреплению инвестиционного климата и повышению конкурентоспособности национальной экономики на мировом рынке.

В 2023 году российский инвестиционный рынок продемонстрировал значительные изменения и развитие, отражающие глобальные тенденции и внутренние экономические динамики. Наблюдаемый рост активности частных инвесторов на фондовом рынке и рекордные объемы инвестиций в недвижимость являются ключевыми характеристиками этого периода. Изменения в структуре участников фондового рынка, с уменьшением доли институциональных инвесторов-нерезидентов и увеличением доли физических лиц, привели к повышению волатильности и внедрению новых механизмов для обеспечения стабильности рынка, таких как дискретные аукционы.

Сектор недвижимости показал впечатляющий рост, достигнув рекордных объемов инвестиций в размере 833 миллиардов рублей за 2023 год. Это стало возможным благодаря крупным сделкам и продаже значимых объектов, а также росту инвестиций в торговую, жилую и офисную недвижимость. Особенно заметен был скачок в секторе гостиничной недвижимости, где инвестиции увеличились на 203%.

Эти тенденции отражают адаптацию российского рынка к новым реалиям и показывают, что несмотря на внешние и внутренние вызовы, существуют возможности для роста и развития. Увеличение активности частных инвесторов на фондовом рынке может способствовать демократизации инвестирования и укреплению финансовой грамотности населения. В то же время рекордные объемы инвестиций в недвижимость подчеркивают привлекательность этого сектора как для внутренних, так и для иностранных инвесторов. Для дальнейшего развития и углубления инвестиционного рынка в России необходимо продолжать работу по улучшению инвестиционного климата, укреплению правовой защиты инвесторов и снижению административных барьеров. Важным аспектом является также продолжение развития цифровых технологий и инноваций, которые могут открыть новые направления для инвестирования и способствовать росту экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Иншакова А. О. Правовая адаптация в условиях влияния промышленной революции на предпринимательскую деятельность и ключевые компоненты экосистемы // Правовая парадигма. - 2021. - Т. 20. № 1. - С. 6-13.
2. Иншакова А. О. Влияние современной геэкономике и концепции устойчивого развития на трансформации национальной юрисдикции России // Правовая парадигма. - 2022. - Т. 21. № 3. - С. 6-10.
3. Иншакова А. О. Оборот объектов гражданского права имущественного характера: основные понятия, виды, тенденции законодательного развития // Правовая парадигма. - 2020. - Т. 19. № 1. - С. 6-15.
4. Иншакова А. О. Вековой поиск модели хозяйственного развития России: экономико-правовое развитие конкурентоспособного государства // Правовая парадигма. - 2019. - Т. 18. № 4. - С. 184-187.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» // «Вестник ВАС РФ». - 2000. - № 2.
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // «Собрание законодательства РФ». - 05.02.1996. - № 6. - Ст. 492.
7. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // «Российская газета». - № 6. - 12.01.1993.
8. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» // «Собрание законодательства РФ». - 03.12.2001. - № 49. - Ст. 4562.
9. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // «Собрание законодательства РФ». - 15.07.2002. - № 28. - Ст. 2790.

СОРОКИНА Мария Дмитриевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

БОЙКО Елена Константиновна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

РАДЧЕНКО Дарья Алексеевна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ГЕРАСИМОВ Сергей Дмитриевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В статье проведен глубокий анализ инвестиционной деятельности в аграрной сфере, подчеркивается значимость инвестирования в основные ресурсы, используемые в производстве. Рассматриваются различные аспекты инвестиционного процесса, включая вложения в физический и человеческий капитал, а также в области устойчивого развития и цифровизации аграрной отрасли. Авторы акцентируют внимание на важности адаптации к глобальным тенденциям, необходимости улучшения качества образования и подготовки кадров, а также на роли государственной поддержки и стимулирования инновационной деятельности в сельском хозяйстве.

Ключевые слова: инвестиции в сельское хозяйство, физический капитал, человеческий капитал, устойчивое развитие, цифровизация аграрного сектора, образование и подготовка кадров, государственная поддержка, инновационная деятельность.

SOROKINA Mariya Dmitrievna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

BOYKO Elena Konstantinovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

RADCHENKO Daria Alekseevna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

GERASIMOV Sergey Dmitrievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

INVESTMENT PROCESSES IN AGRICULTURE

This article conducts an in-depth analysis of investment activity in the agricultural sector, emphasizing the importance of investing in the primary resources used in production. Various aspects of the investment process are considered, including investments in physical and human capital, as well as in the areas of sustainable development and digitization of the agricultural industry. Authors focus on the importance of adapting to global trends, the need to improve the quality of education and training, and the role of government support and stimulation of innovative activities in agriculture.

Keywords: investment in agriculture, physical capital, human capital, sustainable development, digitization of the agricultural sector, education and training, government support, innovative activities.

Наблюдается тревожная тенденция: интенсивное сельское хозяйство, стремясь к максимизации урожайности, оказывает губительное воздействие на природные экосистемы нашей планеты. Применяемые в процессе химические пестициды создают серьезные угрозы для популяций опылителей, к которым относятся пчелы, бабочки и мотыльки, обеспечивая резкое их сокращение. Такие изменения в биоразнообразии не только подрывают устойчивость экосистем, но и угрожают сельскохозяйственной продукции, зависящей от этих видов для опыления.

Параллельно с этим, фермерам приходится решать непростой вопрос выбора между инвестированием в собственный бизнес и вложением средств в сторонние проекты. Как правило, фермерские хозяйства требуют значительных капитальных вложений для эффективной работы, что делает вопрос эффективности инвестиций особенно актуальным. Таким образом, перед предпринимателями встает задача тщательного анализа и оценки финансовых перспектив каждого из возможных направлений вложения капитала. Следует отметить, что многие инвестиционные возможности в агробизнесе могут оказать влияние на фермерский бизнес,

открывая новые рынки и создавая более выгодные условия для продажи продукции. Примером тому могут служить заводы по производству этанола из кукурузы, которые способствовали увеличению производства этой культуры среди местных фермеров и повысили цены на весь сегмент зерновых [1].

Инвестиции в предприятия, использующие биомассу в качестве сырья, открывают новые горизонты для использования посевных остатков и многолетних трав, предоставляя фермерам дополнительные возможности для диверсификации своей деятельности. Все это создает сложную картину взаимодействий и зависимостей, требующую углубленного анализа и обдуманных решений со стороны фермеров, стремящихся к устойчивому развитию и процветанию своего бизнеса. Инвестиции играют ключевую роль в трансформации фундаментальных ресурсов, используемых в процессе производства. Если углубиться в суть этого понятия, инвестиции можно охарактеризовать как трансформацию запасов физического капитала, куда входят материальные активы, обладающие долгосрочным потенциалом использования (более одного года), такие

как земельные участки, оборудование, машины, складские помещения и скот.

Эксперты в области экономики отмечают, что подлинная суть сельскохозяйственных инвестиций заключается не только в увеличении объема физического капитала. Это сложный и многогранный процесс, который, несмотря на свою трудоемкость в измерении, должен включать в себя совершенствование качества земель, эффективное освоение природных ресурсов и развитие человеческого и социального капитала. Под человеческим капиталом понимается накопленный запас знаний, опыта и управленческих навыков, который формируется и развивается через образовательные, обучающие и консультационные программы. При этом важно отметить, что уровень образования и наличие дополнительных обучающих ресурсов часто выступают в роли косвенных показателей этого капитала.

Сельское хозяйство, как известно, сопряжено с высокими рисками. Каждый год аграрии сталкиваются с необходимостью выбора наиболее эффективных и прибыльных стратегий возделывания земли, что, в свою очередь, требует от них умения адаптироваться к изменчивым условиям и предвидеть возможные риски. Сельское хозяйство полно неопределенностей: неблагоприятные погодные условия или вторжение вредителей могут нанести существенный урон урожаю, а колебания рыночных цен влияют на доходы фермеров. Эти факторы неопределенности напрямую воздействуют на инвестиционные процессы в аграрной сфере. В условиях необходимости обеспечения средств к существованию для своих семей фермеры чаще всего прибегают к проверенным и надежным производственным практикам, способным обеспечить стабильный доход. Традиционное сельское хозяйство, такое как монокультурное возделывание, направлено на интенсификацию аграрного процесса, максимизацию производства и обеспечение высоких урожаев в краткосрочной перспективе.

Ежегодно аграрии инвестируют в закупку современной техники, топлива, пестицидов, удобрений и ГМО-семян, стремясь усилить производственные мощности и добиться максимальной отдачи от использования земельных ресурсов. Целью этих вложений является оптимизация прибыльности и минимизация инвестиционных рисков. Однако высокие операционные расходы делают любой доход от урожая относительно незначительным, что приводит к ситуации, когда многие фермеры в различных уголках мира оказываются в полной зависимости от государственных субсидий для обеспечения своего проживания.

Изучая процессы инвестирования в сельское хозяйство, можно выделить несколько ключевых тенденций и факторов, оказывающих влияние на эту сферу. Во-первых, существует глобальная тенденция к увеличению объемов инвестиций в аграрный сектор, что обусловлено ростом населения планеты и, соответственно, повышением спроса на продовольствие. Вместе с тем, изменения климата и ухудшение состояния природных ресурсов требуют от фермеров внедрения инновационных технологий и переосмысления традиционных подходов к ведению сельского хозяйства.

Второй важный момент – это стремление к устойчивому развитию и минимизации воздействия на окружающую среду. Многие страны вводят стандарты и регулирования, направленные на охрану природы, что подталкивает аграриев к переходу на более экологичные методы возделывания и управления ресурсами. Это, в свою очередь, требует дополнительных вложений в обучение и освоение новых технологий.

Третий аспект – это активизация процессов цифровизации и внедрение инновационных IT-решений в аграрном секторе. Современные технологии позволяют сельским хозяйствам повысить эффективность производства, оптимизировать затраты и улучшить управление ресурсами. Однако

для реализации этих возможностей требуются значительные капиталовложения и вложения в образование и подготовку персонала.

С точки зрения человеческого капитала, важно отметить, что качество образования и доступ к обучающим программам играют решающую роль в формировании компетенций и навыков работников аграрного сектора. Страны с развитой системой аграрного образования и научных исследований демонстрируют более высокую эффективность и устойчивость в сельском хозяйстве.

Эксперты настойчиво подчеркивают, что интенсивные методы ведения сельского хозяйства оказывают разрушительное влияние на природные системы нашей планеты, тем самым ставя под угрозу их существование. В частности, применение химических пестицидов для увеличения объемов урожая непосредственно связано с ускоренным уменьшением популяции опылителей – пчел, бабочек, мотыльков.

Перед предпринимателем встает вопрос: куда направить капитал – в развитие собственного фермерского хозяйства или же в инвестирование в сторонний бизнес? Подлинная стоимость этого выбора может быть оценена только после глубокого анализа и сопоставления финансовых перспектив каждого из направлений. Фермерское дело требует значительных вложений для успешного функционирования, и важно тщательно проанализировать инвестиционные потребности вашего бизнеса прежде, чем принимать решения о внешних инвестициях [2].

Многое в этом вопросе зависит от стадии развития вашей фермерской карьеры. Для тех, кто только начинает свой путь в сельском хозяйстве и занимается налаживанием своего дела, вложения в собственный бизнес могут оказаться наиболее предпочтительным вариантом. В то время как для тех, кто уже приближается к завершению своей фермерской карьеры, инвестирование в сторонний бизнес может представлять собой более обоснованный выбор.

Принимая во внимание, что многие инвестиционные перспективы тесно связаны с агробизнесом, ваши инвестиции могут оказать значительное влияние на ваш фермерский бизнес, открывая новые рынки или создавая более выгодные условия для продажи продукции с вашей фермы. Например, заводы по производству этанола из кукурузы способствовали росту производства этой культуры среди местных фермеров, что, в свою очередь, привело к повышению цен на всю линейку зерновых культур за счет увеличенного спроса со стороны этанольной промышленности.

Предприятия, использующие биомассу в качестве сырья, открывают новые возможности для использования посевных остатков и многолетних трав. Инвестиции в сопутствующие производственные ресурсы могут сократить затраты на ввод в эксплуатацию или обеспечить более высокую рентабельность вложений. Исследования показывают, что для фермеров-инвесторов эти возможности являются не менее важными при принятии инвестиционных решений, чем непосредственная финансовая отдача от самих инвестиций. Для начинающих фермеров вложение средств в смежные сферы деятельности может оказать положительное влияние на их собственный бизнес в долгосрочной перспективе [4].

Не следует забывать и о том, что внешние инвестиции могут стать инструментом для снижения финансовых рисков за счет диверсификации источников дохода. В прошлом фермеры добивались диверсификации за счет ведения различных видов сельскохозяйственной деятельности, однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к сокращению числа направлений бизнеса на ферме, обусловленная преимуществами специализации. Таким образом, инвестиции во внешний бизнес могут стать эффективным способом диверсификации и уменьшения рисков, связанных с аграрной деятельностью.

Специализация обрела особое значение в свете возрастающей сложности аграрной деятельности и актуальности вопроса эффективного производства при минимальных затратах. Вложения во внешние проекты представляют собой эффективный инструмент для диверсификации доходов, позволяя при этом сохранять высокую степень специализации труда и управленческих ресурсов. Инвестиции могут также выполнять функцию страховки от колебаний цен на сельскохозяйственное сырье. В этом контексте наибольшее распространение получили животноводческие хозяйства, которые могут демонстрировать устойчивую прибыль даже при падении цен на зерновые. Когда рынок зерновых переживает спад, и доходы от земледелия сокращаются, низкие цены на зерновые, напротив, способствуют росту доходности животноводства. Фермеры могут адаптировать подобную стратегию, инвестируя в производство кукурузного этанола или другие направления агробизнеса. Однако стоит учесть, что при низких ценах на этанол такие проекты могут оказаться малоэффективными.

Отличительной чертой инвестиционной деятельности является ее необратимость, часто описываемая как асимметрия. Совершив вложения, инвестор ограничивается в выборе других направлений для применения ресурсов. Многие эксперты описывают проблему необратимости инвестиций в условиях неопределенности как дилемму между уплатой невозвратных расходов и приобретением актива, стоимость которого может значительно варьироваться. Исследования показывают, что в условиях неопределенности реальные инвестиции всегда будут меньше ожидаемой дисконтированной стоимости, разница обусловлена именно необратимостью инвестиций [5].

Агроклиматические условия могут дополнительно усилить асимметрию сельскохозяйственных инвестиций. Например, когда земля пригодна исключительно для выращивания определенных культур. В отличие от этого, инвестиции в трактора и сельскохозяйственную технику обладают ограниченным спектром альтернативных применений. А человеческий и социальный капитал, присущий сельскому хозяйству, может оказаться неэффективным в других секторах экономики. В противоположность этому, инвестиции на капитальных рынках или в производственные мощности могут быть легко перераспределены в наиболее прибыльные направления, а оборудование может быть адаптировано для выпуска более рентабельной продукции. Эта неизменность сельскохозяйственных активов и связанная с ней неопределенность зачастую приводят к тому, что фермеры с осторожностью относятся к инвестированию в оборудование, улучшение земель и развитие человеческого капитала, опасаясь, что уровень инвестиций окажется недостаточным для обеспечения оптимального развития хозяйства.

Опираясь на теоретические подходы к основам средств и инвестированию, эксперты предполагают, что управление капиталом, который является неотъемлемой частью аграрной индустрии, представляет собой задачу более сложную, чем процесс аккумуляции специализированных капитальных активов. Это подразумевает, что моменты сокращения инвестиций, связанные с амортизацией, будут превалировать над периодами капиталовложений в аграрный сектор. Следовательно, зафиксировать положительные чистые инвестиции в сельскохозяйственной отрасли в течение конкретного года представляется крайне затруднительным — деградация активов будет опережать темпы их прироста. Не стоит упускать из виду и то, что инвестиционные стратегии аграриев находятся в прямой зависимости от их отношения к риску. При этом менее обеспеченные представители данной профессии готовы мириться с меньшей прибылью, если это позволяет им минимизировать риски и стабилизировать уровень потребления. В отличие от них, более состоятельные фермеры, располагающие крупными хозяйствами и дивер-

сифицированными источниками дохода, склонны активнее инвестировать в развитие своих владений, исходя из расчета на гектар. Они считают, что такие инструменты, как потребительское кредитование и страхование урожая, способны увеличить общую отдачу от вложений в сельское хозяйство.

В контексте российской аграрной индустрии наблюдается положительная динамика. Год от года увеличивается объем производства сельскохозяйственной продукции и удобрений, растут инвестиции в агротехнологии. Впервые за последние три десятилетия отечественные предприятия стали экспортировать продовольствие в объемах, превышающих импорт. Так, в 2020 году Россия реализовала на внешних рынках сельскохозяйственной продукции и продуктов питания на сумму в 30,7 млрд долларов США, что в весовом эквиваленте составило 79 млн тонн.

Примером успешного развития в данной отрасли служит агрохолдинг «РусАгро», занимающий лидирующие позиции в таких направлениях, как производство сахара, свиноводство, растениеводство и масложировая промышленность. Земельные активы холдинга насчитывают 637 тыс. га. В 2022 году «РусАгро» планирует активно продолжать внедрение передовых мировых технологий, разрабатывать системы искусственного интеллекта и робототехники. Применение дистанционной диагностики и инструментов точного земледелия позволит компании быстрее достигать поставленных целей в области устойчивого развития, в частности, контролировать углеродный след и заботиться о плодородии почв.

Пристатейный библиографический список

1. Михайлова Л. В., Нигматзянова Д. Р. Управление процессами диверсификации в агропромышленном комплексе на основе развития малого агробизнеса // Вектор экономики. - 2018. - № 10 (28). - С. 108.
2. Парфенова К. А. Обеспечение эффективного управления инвестициями сельскохозяйственных организаций // Сельское хозяйство и продовольственная безопасность: технологии, инновации, рынки, кадры: Материалы III Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Института экономики Казанского ГАУ, Казань, 26-28 мая 2021 г. - Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2021. - С. 179-183.
3. Шмырева И. А. Роль государственного регулирования и инвестиций в развитии сельского хозяйства // Экономика и социум. - 2014. - № 2-4 (11). - С. 1259-1263.
4. Остаев Г. Я., Клычова Г. С., Злобина О. О. Инвестиционное планирование в бизнес по выращиванию растений без почвы // Экономика и управление землеустройством и землепользованием в регионе: Материалы III Национальной научно-практической конференции, Ижевск, 10 марта 2021 г. - Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2021. - С. 178-185.
5. Михайлова Л. В. Общий порядок анализа бизнес-проектов для малых форм хозяйствования // Устойчивое развитие сельского хозяйства в условиях глобальных рисков: Материалы научно-практической конференции, Казань, 07 декабря 2016 г. - Казань: Казанский государственный аграрный университет, 2016. - С. 442-446.

ШИЛЬДТ Лилия Абулаисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры корпоративных финансов и учетных технологий Уфимского государственного нефтяного технического университета

ТОКАРЬ Юлия Витальевна

магистр по направлению «Экономика возобновляемых источников энергии» Уфимского государственного нефтяного технического университета

СИРАЕВ Руслан Айратович

магистр по направлению «Экономика возобновляемых источников энергии» Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ВЫБРОСОВ В АТМОСФЕРУ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ

Актуальность исследования заключается в том, что на данный момент все международные, внутренние и региональные рынки испытывают на себе влияние негативных техногенных факторов и последствия из-за них. Экологическая повестка стала одной из лидирующих во всех сферах промышленности и жизнедеятельности человечества. Влияние загрязнения напрямую отражается на всех биологических, экономических и социологических системах.

Ключевые слова: экономика, возобновляемые источники энергии, загрязнение, выбросы в атмосферу, влияние загрязнения, зеленая экономика.

SHILDT Liliya Abulaisovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Corporate finance and accounting technologies sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

TOKAR Yuliya Vitaljevna

magister student in the direction «Economics of renewable energy sources» of the Ufa State Petroleum Technical University

SIRAEV Ruslan Ayratovich

magister student in the direction «Economics of renewable energy sources» of the Ufa State Petroleum Technical University

ASSESSMENT OF THE IMPACT OF EMISSIONS OF POLLUTANTS INTO THE ATMOSPHERE

The relevance of the study lies in the fact that at the moment all international, domestic and regional markets are experiencing the influence of negative technogenic factors and the consequences due to them. The environmental agenda has become one of the leading ones in all spheres of industry and human activity. The impact of pollution directly affects all biological, economic and sociological systems.

Keywords: economics, renewable energy sources, pollution, air emissions, impact of pollution, green economy.

Экономика, бизнес, международная политика, все составляющие, вступившие в новую эпоху возобновляемой энергетики. Всемирный тренд, вышедший на первые новостные линии, годовые планы и проекты по инвестированию. Однако данный тренд появился исходя из экологических проблем, колоссальное увеличение катаклизмов, чрезвычайных ситуаций и техногенных катастроф. В связи с этим предупреждающие меры становятся приоритетом для улучшения ситуации, так как реализация мер по ликвидации проблем, не является эффективной методикой борьбы с ними.

Лидирующая цель - оценка, сбор статистических данных по загрязнению окружающей среды, влияние выбросов на общую жизнедеятельность человечества и ведение бизнеса. Исходя из мировой повестки в отрасли ВЭИ, комиссия ЮНЕП выделили пять основных видов деятельности, несущие загрязнения: сельское хозяйство, транспорт, промышленность, отходы и домашнее хозяйство.

Наиболее экстенсивно загрязняемой средой является атмосфера, так как количество выбросов растет с каждым

месяцем, деятельность от сельского хозяйства концентрированно дает большое количество углеводорода, который в свою очередь входит в смог. Транспортные отходы, загрязнение атмосферы от промышленности уже долгие годы способствуют разложению озонового слоя. Что на прямую влияет на состояние здоровья человечества, развитие биологических систем и природные ресурсы необходимые для развития и поддержания жизнеобеспечения человечества.

Статистические данные, представленные федеральной статистической службой Российской Федерации, наглядно демонстрируют нам возрастающий тренд относительно загрязнения атмосферы. Чтобы подтвердить данную гипотезу, использован линейный тренд, данный инструмент крайне удобен для прогнозирования временных рядов и событий, которые постоянны в векторе своего действия, то есть постоянно растут либо убывают. Рассматривая график представленный на рисунке 1, становится предельно ясно, что общее количество выбросов загрязняющих веществ снизилось на 0,5% начиная с 2018 года, данный пе-

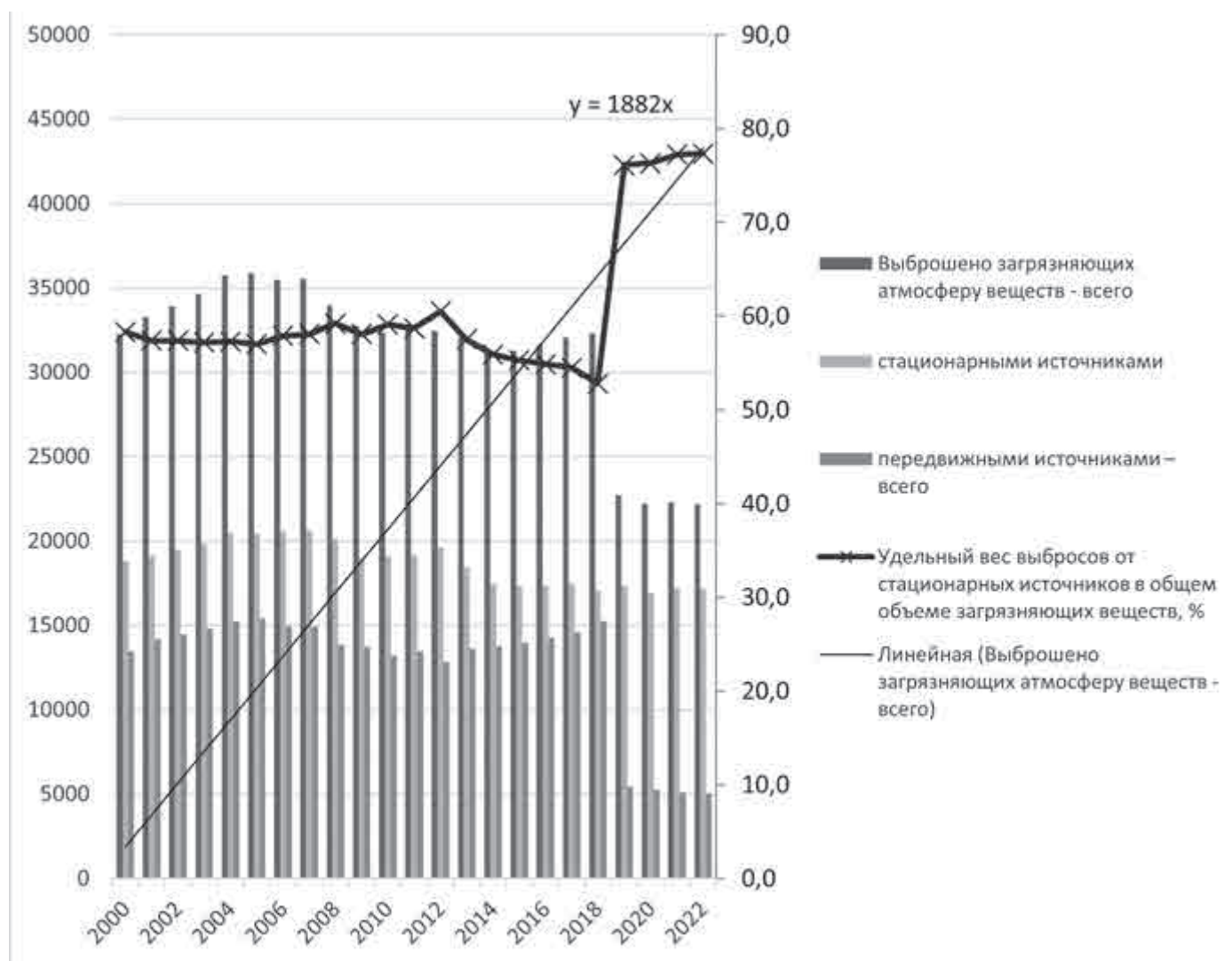

Рисунок 1. Выбросы загрязняющих атмосферу веществ стационарными и передвижными источниками (тысяч тонн). (Составлено авторами)

риод совпадает с зарождением тренда на ВИЭ. Также из диаграммы видно, что произошло снижение выбросов на 0,8% по передвижным источникам. Огромный потенциал изменений находится в снижении выбросов по стационарным источникам, они стабильны за анализируемый период, что оставляет за собой возможности по улучшению ситуации. Данные из рисунка 1 подтверждают, что выбросы загрязненных веществ в атмосферу преобладают на 77,3% в общем объеме выбросов, т.е. количество выбросов в атмосферу до 2012 года выросло на 2,2%, затем тренд снизился на 7,7%. Произошел резкий скачок в 2018 году, с этого момента удельный вес от выбросов начал составлять более 75% в общем объеме.

Рассматривая данную ситуацию относительно субъектов Российской Федерации, можно выявить определенные тенденции. Жители регионов России считают загрязнение атмосферы одной из самых острых проблем, особенно это касается промышленных регионов. На рисунке 2 представлены объемы загрязнения атмосферы в регионах России. Наименьшую угрозу в данном случае представляют объемы выбросов загрязняющих веществ от железнодорожного транспорта они находятся в диапазоне от 3,698 тысяч тонн до 41,314 тысяч тонн. Что сравнительно малые значения при рассмотрении объемов выбросов загрязняющих веществ от

автомобильного транспорта и от передвижных источников. В данных кластерах вариация объемов находится в диапазоне от 272,452 тысяч тонн до 1124,021 тысяч тонн. Загрязнение от железнодорожного транспорта в регионах России составляет лишь 1,45% от общего объема загрязнения атмосферы разными видами источников. Необходимо обратить пристальное внимание на выбросы загрязняющих веществ от автомобильного транспорта и в целом от передвижных источников.

Наиболее загрязненным по всем видам выбросов является Центральный федеральный округ, он занимает лидирующую позицию, вторым по уровню загрязнения приходится Приволжский федеральный округ и третье место занимает Сибирский федеральный округ. Для данных округов однозначно необходимо внедрение возобновляемых источников энергетики, перерабатывающие производства, которые нацелены именно на вторичное использование сырья. Установка модернизированных систем очистки воздуха, инвестирование в проекты по улучшению экологической составляющей региона.

Подобные решения могут благоприятно отразиться как на жизнедеятельности общества, так и на бизнесе, промышленности. Так как улучшается не только экологическая составляющая, но и социальная, экономическая.

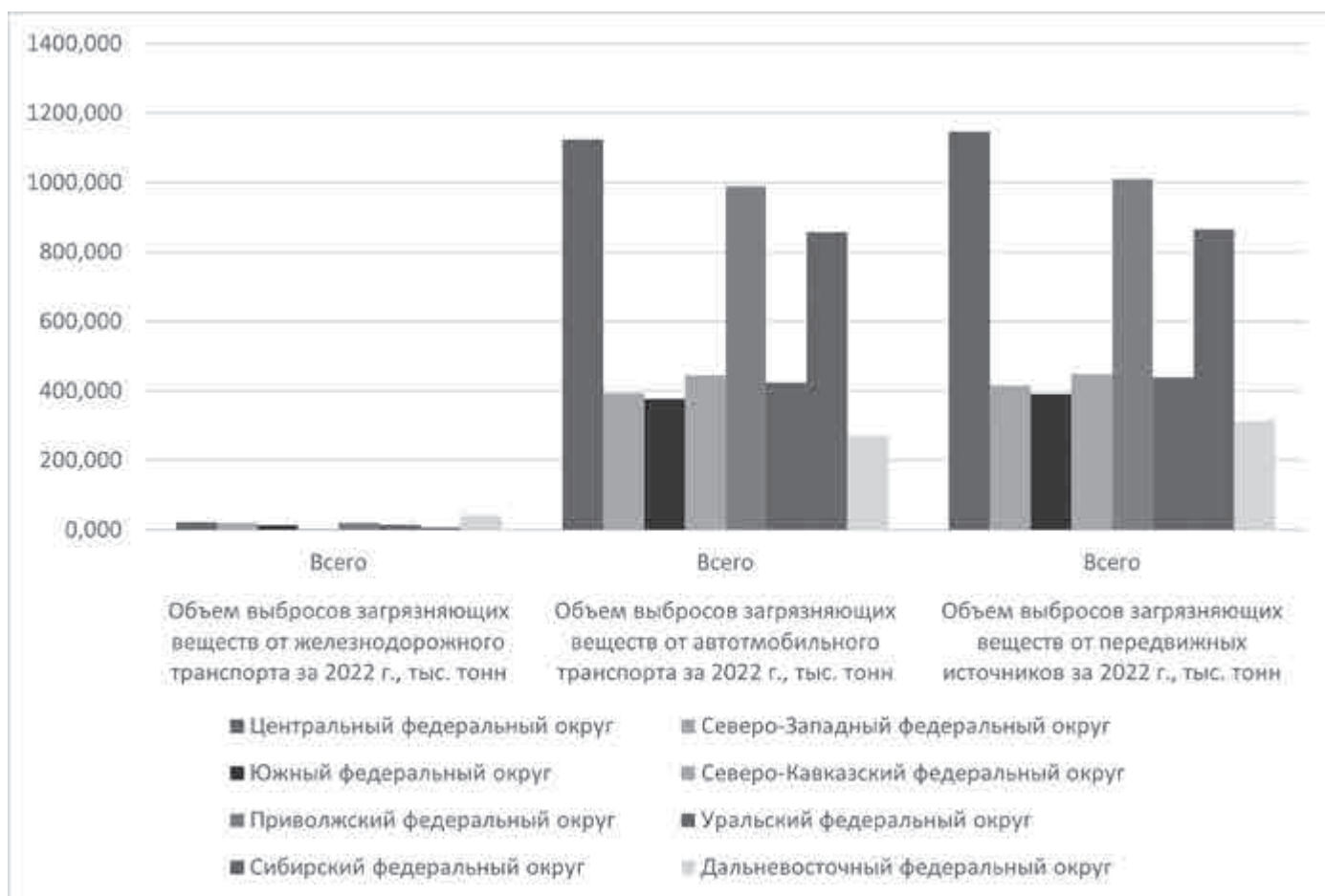

Рисунок 2. Загрязнение субъектов Российской Федерации/Федеральных округов.
(Составлено авторами)

Пристатейный библиографический список

- Байдуганова К. В., Шильдт Л. А. Экологическое предпринимательство как фактор развития зеленой экономики // В сборнике: Проблемы и тенденции развития инновационной экономики: международный опыт и российская практика. Материалы X Международной научно-практической конференции. - 2023. - С. 133-137.
- Хисматуллина Ю. А., Шангареева В. О., Шильдт Л. А. Практические аспекты ценообразования на природный газ в приволжском федеральном округе в период 2020-2022 года // В сборнике: Актуальные направления научных исследований в области экономики, финансов и учета: от теории к практике. - 2022. - С. 197.
- Шильдт Л. А., Гареева Н. Б. Особенности классического проектного управления и гибких методологий в управлении проектами // Евразийский юридический журнал. - 2022. - № 3 (166). - С. 488-490.
- Быков А. А., Счастливец Е. Л., Пушкин С. Г., Смирнова О. В. Моделирование загрязнения почвы атмосферными выбросами от промышленных объектов угледобывающего региона. // Ползуновский вестник. - 2006. - № 2.
- Федеральный закон от 4 мая 1999г № 96 ФЗ «Об охране атмосферного воздуха».
- Загрязнение воздуха - одно из главных угроз для человека и планеты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.un.org/ru/story/2021/09/1409462> (дата обращения: 20.01.2024).
- Загрязнение атмосферного воздуха автомобильно-дорожным комплексом: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alfabuild.spbstu.ru/userfiles/files/AlfaBuild/AlfaBuild_2017_1/8_1.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
- Глобальные рекомендации ВОЗ по качеству воздуха. Всемирная Организация Здравоохранения 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/345334/9789240035409-rus.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).
- Загрязнение атмосферного воздуха (воздуха вне помещений). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ambient-\(outdoor\)-air-quality-and-health](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ambient-(outdoor)-air-quality-and-health) (дата обращения: 20.01.2024).

ШОРОХОВ Константин Дмитриевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

ОМЕЛЬЧУК Никита Сергеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МАТВЕЕВ Максим Алексеевич

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

СИДОРЕНКО Маргарита Александровна

студент Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток

МОНОПОЛИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: МНОГОМЕРНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В данной работе рассматривается феномен монополий в контексте современной экономики, их основные характеристики и возможные последствия для рынка. В статье приводятся факты и исследования, касающиеся влияния монопольных структур на инновационное развитие, социальное неравенство и аллокативную эффективность ресурсов. Отдельное внимание уделено антимонопольному регулированию, примерам из мировой практики и необходимости баланса между конкуренцией и регуляцией для обеспечения устойчивого экономического роста. Обзор подчеркивает важность глубокого понимания роли монополий в экономике для формирования эффективной политики, направленной на стимулирование конкуренции и защиту интересов потребителей.

Ключевые слова: монополия, экономическое воздействие, антимонопольное регулирование, социальное неравенство, аллокативная эффективность, инновационное развитие, конкурентная экономика, рыночное доминирование, потребительское благосостояние, мировая экономическая практика.

SHOROKHOV Konstantin Dmitrievich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

OMELCHUK Nikita Sergeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MATVEEV Maxim Alexeevich

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

SIDORENKO Margarita Alexandrovna

student of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

MONOPOLIES IN THE MODERN ECONOMY: A MULTIDIMENSIONAL ANALYTICAL REVIEW

This analytical review examines the phenomenon of monopolies within the context of the modern economy, their main characteristics, and potential consequences for the market. The article presents facts and research related to the impact of monopoly structures on innovation development, social inequality, and the allocative efficiency of resources. Special attention is given to antitrust regulation, examples from global practice, and the need for a balance between competition and regulation to ensure sustainable economic growth. The review emphasizes the importance of a deep understanding of the role of monopolies in the economy for the formulation of effective policies aimed at stimulating competition and protecting consumer interests.

Keywords: monopoly, economic impact, antitrust regulation, social inequality, allocative efficiency, innovative development, competitive economy, market dominance, consumer welfare, global economic practice.

В современной экономической практике России феномен естественных монополий занимает особое место, будучи воплощением уникального сочетания рыночных и плановых принципов управления. Этот экономический артефакт, проникший во многие сферы, от энергетики до транспортного обслуживания, оставляет значительный отпечаток на структуру отечественного рынка и повседневную жизнь граждан. Основываясь на теории экономики, естественная монополия представляет собой состояние рынка, где наилучшим образом реализуется централизованное производство товаров или услуг одним предприятием, исходя из соображений эффективности и минимизации издержек. Экономия на масштабе – ключевая характеристика, которая легитимизирует монополизацию отдельных секторов, поскольку распределение ресурсов в таких случаях осуществляется с меньшими затратами на единицу продукции при условии увеличения объемов производства [1].

Однако, степень «естественности» и необходимость подобных монополий постоянно подвергаются обсуждению в контексте их соответствия интересам общества и способности адаптироваться к меняющимся условиям рыночной экономики. Интерес к этому вопросу продиктован не только экономическими, но и социальными аспектами, поскольку такие монополии обладают значительной властью не только над рынком, но и над повседневной жизнью граждан, определяя условия доступа к базовым благам и услугам. Вследствие этого, анализ роли естественных монополий, их влияния на экономику и баланс интересов всех участников рыночных отношений становится приоритетной задачей как для государственных регуляторов, так и для научного сообщества.

Монополия представляет собой уникальную экономическую структуру, где индивидуальный актор или группа лиц, выступающая в роли единой силы, берет под свой кон-

троль всю сферу производства или предложения конкретных товаров и услуг, в условиях отсутствия близких аналогов на рынке. Это означает, что такая структура закрепляет за собой ведущую позицию в определенном сегменте экономики, эффективно исключая возможность для конкурентов оказывать существенное влияние на рыночные процессы. В такой ситуации рынок находится под неоспоримым господством одного доминирующего продавца [2].

В экономиках, основанных на принципах свободного рынка, монополии обычно встречают критику и нередко подвергаются регулированию, поскольку они могут приводить к искажению цен и снижению качества товаров и услуг, ибо конечным потребителям отсекается доступ к альтернативным вариантам выбора.

Отличительной чертой монопольного рынка является отсутствие конкуренции, что может стать причиной высоких цен для потребителей и, как следствие, снижения стимулов к поддержанию высокого качества продукции и честной бизнес-практики. Монополисты могут устанавливать цены, игнорируя естественный баланс спроса и предложения, что ведет к созданию искусственного дефицита и подавлению инновационной активности, поскольку новые игроки оказываются неспособны преодолеть высокие барьеры для входа в отрасль.

В условиях монополии рынок теряет свою динамику и разнообразие. Новые предприятия сталкиваются с огромными препятствиями на пути к рынку, а иногда даже с полным запретом на вход, поскольку монополист обладает исключительным правом на деятельность в данной отрасли. Он может свободно манипулировать ценами, так как отсутствие конкурентов избавляет его от необходимости учитывать их действия.

Монополист может определять цены, основываясь на текущем спросе, либо регулировать объемы производства, чтобы максимизировать прибыль. Контроль над одним из этих параметров дает ему возможность влиять на рыночную цену, но заметим, что оба параметра одновременно контролировать не удастся. Это позволяет ему повышать цены при высоком спросе или искусственно сокращать производство для увеличения прибыли. Также, достигая экономики на масштабе, монополист способен снижать издержки настолько, что меньшим конкурентам становится невозможно сохранить свое присутствие на рынке.

Следует отметить, что монопольные структуры могут различаться в зависимости от специфики отраслей, однако общие черты часто включают несправедливые условия для новых участников и неэффективность в использовании ресурсов, что подчеркивает значимость антимонопольного регулирования для поддержания здоровой экономической конкуренции и защиты интересов потребителей.

С развитием цифровых технологий традиционные подходы к антимонопольному регулированию стали недостаточными. Например, компании-гиганты, такие как Google, Amazon, Facebook и Apple (часто упоминаемые как GAFА), обладают значительным влиянием на многие рынки и сферы жизни. Регуляторы начинают признавать необходимость обновления и адаптации существующих законов и методов регулирования, чтобы адекватно отражать реалии цифровой экономики. Это включает в себя переосмысление таких понятий, как «доминирующее положение на рынке» и «злоупотребление монопольным положением», с учетом способности компаний контролировать доступ к большим данным и использовать алгоритмы для манипулирования рынком.

Согласно исследованиям, монополии порождают ряд экономических последствий, среди которых – угнетение инноваций и препятствие экономическому прогрессу. Например, отчеты антимонопольных органов США показывают, что в отсутствие жесткой конкуренции инвестиции в научные исследования и разработку новых продуктов могут сократиться, поскольку стимул для инноваций снижается. Это явление видно в таких отраслях, как фармацевтика и технологии, где монополии могут замедлить внедрение новых, более эффективных решений [4].

Кроме того, монополии способствуют усилению социального неравенства. Исследования Всемирного банка утверждают, что монополии, зачастую, перераспределяют доходы в пользу богатых, уменьшая тем самым общественное благосостояние. Монополистическая прибыль часто образуется за счёт повышения цен, что непропорционально влияет на менее обеспеченные слои населения, вынуждая их тратить большую часть своих доходов на приобретение основных товаров и услуг.

Экономическая теория также подчеркивает, что монополии могут вести к аллокативной неэффективности, когда ресурсы не используются наиболее эффективным образом. Это приводит к потерям общественного благосостояния, поскольку производственные и потребительские решения искажаются из-за монопольного ценообразования. В таких условиях отмечается снижение общего уровня производства и увеличение цен по сравнению с конкурентными рынками, что в итоге отражается на уровне жизни населения.

Практика же показывает, что антимонопольное регулирование может быть эффективным инструментом противодействия негативным последствиям монополизации. Примером может служить Европейский союз, где комиссия по конкуренции активно борется с антиконкурентным поведением корпораций и налагает многомиллионные штрафы за злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Феномен монополии в экономике принимает различные формы, но одной из наиболее заметных и стабильных её разновидностей, не являющейся результатом государственного вмешательства, признана так называемая «естественная монополия». Экономическая теория утверждает, что такая монополия порождается особыми обстоятельствами, когда снижение средних затрат на производство становится возможным благодаря масштабированию деятельности предприятия. Этот процесс обусловлен эффективностью крупномасштабного производства в условиях, когда увеличение объема выпускаемой продукции ведет к заметному сокращению издержек на единицу товара.

В реалиях экономического пространства, где существенный эффект масштаба присутствует и рыночные возможности ограничены, одно предприятие в состоянии покрыть весь спрос с меньшими средними издержками, нежели если бы ту же продукцию выпускало несколько компаний. В таком контексте попытки конкурентов войти в отрасль и достичь аналогичных масштабов несут за собой риск неоправданных издержек и неэффективного распределения ресурсов, так как экономия на масштабе уже достигнута доминирующей компанией.

Дистрибуция электроэнергии, не затрагивая аспекты её производства, часто приводится в качестве классического примера такой монополии. Развертывание новых электросетей требует значительных капиталовложений и является нерациональным, если учесть, что существующая инфраструктура уже обеспечивает необходимые услуги. Таким образом,

наличие единственного оператора на рынке позволяет распределять затраты на поддержание и развитие инфраструктуры среди всех потребителей, достигая наименьшей стоимости для каждого из них.

В Российской Федерации естественные монополии занимают важное место в экономической системе, влияя на благосостояние граждан. Примером масштабного естественного монополиста является ОАО «РЖД», доминирующее на рынке железнодорожных перевозок. Эта организация управляет всем спектром грузовых и пассажирских перевозок, обеспечивая функционирование необходимой для страны инфраструктуры. Рыночные барьеры в этом секторе считаются непреодолимыми из-за чрезмерных инвестиций, которые потребовались бы для создания альтернативной сети путей. Контроль над ОАО «РЖД» осуществляет государство, которое является основателем и единственным акционером компании, оно же устанавливает регуляторные рамки, поддерживая её монопольное положение на рынке. Ценообразование в этой сфере слабо коррелирует с показателями спроса, поскольку компания обладает правом самостоятельно устанавливать тарифы на свои услуги.

Рассматривая естественную монополию как важный элемент экономической структуры России, стоит упомянуть, что, несмотря на определенные преимущества, такая система также порождает обсуждения касательно эффективности и возможных альтернатив. Так, дебаты о балансе между эффективностью, доступностью и инновациями остаются актуальными в экономической науке и практике.

Естественная монополия, прочно закрепившаяся в определенных отраслях экономики России, включая энергетику и железнодорожный транспорт, играет двойственную роль в экономическом развитии страны. С одной стороны, такие монополии, благодаря значительным экономиям на масштабе производства, способны обеспечить более низкую себестоимость услуг для конечного потребителя, что теоретически может привести к снижению цен. С другой стороны, отсутствие конкуренции зачастую приводит к снижению стимулов к инновациям, повышению эффективности и улучшению качества обслуживания [3].

Анализируя экономические показатели и отчеты регуляторов, можно отметить, что, например, ОАО «РЖД» обладает монопольным положением на рынке перевозок, что позволяет компании устанавливать тарифы без значительного давления конкурентной среды. По данным статистических исследований, доходы компании остаются на высоком уровне, что может быть признаком эффективного использования монопольного положения. Однако, с точки зрения инновационной активности и развития инфраструктуры, монополия может вести себя консервативно, вкладывая средства преимущественно в поддержание существующего положения дел, а не в его развитие.

Критики указывают на то, что в долгосрочной перспективе такое положение может подорвать динамику развития отраслей и экономики в целом. Без внешних стимулов к улучшению качества и снижению затрат компании могут упустить возможности для инноваций, которые могли бы возникнуть в условиях конкурентного рынка.

Исследования, проведенные экономическими школами и независимыми экспертами, часто подчеркивают важность реформ в секторах, занятых естественными монополиями. Примеры из других стран показывают, что частичная либерализация рынка, введение регулируемого конкурентного окружения с участием частных операторов, а также внедре-

ние регулирования цен могут привести к положительным результатам. В случае РЖД, такие изменения могли бы потребовать внедрения прозрачной тарифной политики и стимулирования инвестиций в модернизацию инфраструктуры.

Одним из ключевых вызовов является нахождение баланса между содействием инновациям и защитой конкуренции. Новаторские подходы могут включать разработку инструментов и методик для оценки эффектов слияний и поглощений с учетом их влияния на инновации, а также введение механизмов для стимулирования конкуренции на рынках, где доминируют одна или несколько компаний. Это может включать поддержку малых и средних предприятий, разработку открытых стандартов и технологий, а также использование государственных закупок для стимулирования конкуренции.

Искусственный интеллект (ИИ) предлагает новые возможности для мониторинга и анализа рыночного поведения компаний в реальном времени. Регуляторы могут использовать ИИ для выявления антиконкурентных практик, таких как ценовой сговор или злоупотребление доминирующим положением, а также для анализа потенциальных последствий слияний и поглощений. Применение ИИ может повысить эффективность и точность антимонопольного регулирования, делая его более адаптивным к динамично меняющейся среде цифровой экономики.

Важным аспектом в оценке деятельности естественных монополий является и их влияние на социальное благосостояние. Согласно публикациям Росстата и аналитических центров, железнодорожные перевозки играют ключевую роль в обеспечении мобильности населения и грузопотоков, что делает вопрос доступности и качества данных услуг особенно актуальным для социально-экономического развития регионов.

Пристатейный библиографический список

1. Естественные монополии в России в 2022 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://goscontract.info/shkola-goszakupok/kakova-rol-monopoliy-v-sfere-zakupok>.
2. Максимова В. М. Микроэкономика: учебник, 8-е издание, переработанное и дополненное. – М.: Университет «Синергия», 2020. – 468 с.
3. Кочегков А. А. Экономическая теория: учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Дашков и К, 2021. – 696с. – ISBN 978-5-394-04499-1. – Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e.lanbook.com/book/230102>.
4. Пайк К., Шпенглер Т. Регулирование естественных монополий: теория и практика. – М.: Инфра-М, 2022. – 416 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Эксмо, 2023. – 1056 с.

ЛИ Линьлинь

старший преподаватель, Хэйхэйский университет

РАЗВИТИЕ ТРАНСГРАНИЧНОГО ТУРИЗМА МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ В ПОСТЭПИДЕМИЧЕСКУЮ ЭПОХУ*

В условиях «Великих перемен, невиданных за столетие» незаметно изменились экономический центр и политический уклад, часто возникали явления антиглобализации, особенно вспышка эпидемии коронавируса, что заставило нас лучше осознать важность региональной интеграции и сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь». В период «14-й пятилетки» строительство «Одного пояса, одного пути» накладывается на новую схему развития двойного цикла, важная роль трансграничного туризма становится все более заметной, а его статус во внешних экономических, социальных и культурных обменах постоянно повышается. В настоящей статье анализируются возможности и проблемы, с которыми сталкивается китайско-российский трансграничный туризм после эпидемии, предлагаются направления развития китайско-российского трансграничного туризма в будущем. Данная работа публикуется в рамках научного проекта фундаментально-операционных расходов исследований в области высшего образования провинции Хэйлунцзян 2021 года на тему «Исследование пути строительства китайско-российской зоны трансграничного туристического сотрудничества в провинции Хэйлунцзян в постэпидемическую эпоху», номер проекта: 2021-KYYWF-0712.

Ключевые слова: Китай и Россия; трансграничный туризм; постэпидемическая эпоха.

LI Linlin

senior lecturer, Heihe University

THE DEVELOPMENT OF CROSS-BORDER TOURISM BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE POST-EPIDEMIC ERA**

In the context of "Great Changes unprecedented in a century", the economic center and political structure imperceptibly changed, anti-globalization phenomena often arose, especially the outbreak of the coronavirus epidemic, which made us better realize the importance of regional integration and cooperation within the framework of the Belt and Road initiative. During the "14th five-year plan", the construction of the "One Belt, One Road" is superimposed on a new dual-cycle development scheme, the important role of cross-border tourism is becoming more and more noticeable, and its status in foreign economic, social and cultural exchanges is constantly increasing. This article analyzes the opportunities and problems faced by Chinese-Russian cross-border tourism after the epidemic, and suggests directions for the development of Chinese-Russian cross-border tourism in the future.

Keywords: China and Russia; cross-border tourism; post-epidemic era.

Трансграничный туризм не только способствует экономическому росту в приграничных районах, но и вносит вклад в расширение общения между людьми по обе стороны границы, а также является важным экономическим и социальным видом деятельности для построения гармоничной границы. Советский Союз был первой страной, запустившей трансграничный туризм в Китае. С повышением уровня стратегического сотрудничества между Китаем и Россией, активным содействием со стороны центральных и местных органов власти двух стран трансграничный туризм между Китаем и Россией быстро развивался.

История развития трансграничного туризма между Китаем и Россией.

Трансграничный туризм между Китаем и Россией можно условно разделить на три этапа.

* Данная работа публикуется в рамках научного проекта фундаментально-операционных расходов исследований в области высшего образования провинции Хэйлунцзян 2021 года на тему «Исследование пути строительства китайско-российской зоны трансграничного туристического сотрудничества в провинции Хэйлунцзян в постэпидемическую эпоху», номер проекта: 2021-KYYWF-0712

** This work is published as part of the scientific project of fundamental and operational expenses of research in the field of higher education in Heilongjiang Province in 2021 on the topic "Research on the way to build a Chinese-Russian zone of cross-border tourism cooperation in Heilongjiang Province in the post-epidemic era", project number: 2021-KYYWF-0712.

Первый этап, 1980-2000 годы, был началом трансграничного туризма между Китаем и Россией. В июле 1988 года правительства Китая и Советского Союза подписали Соглашение между правительством Китайской Народной Республики и правительством Союза Советских Социалистических Республик о взаимных обменах между гражданами двух сторон, а затем, с одобрения Государственного совета и Национального управления по туризму, 24 сентября была запущена программа «однодневного тура» между провинцией Хэйлунцзян и городом Благовещенск Амурской области СССР, благодаря чему СССР стал одной из первых стран в Китае, запустивших трансграничный туризм.

В 1992 году Китай и Российская Федерация подписали Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации о взаимном освобождении от групповых туристических виз, а в 1993 году – Соглашение о сотрудничестве в области туризма между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации. Указанным Соглашением поддерживались прямые контакты и сотрудничество в области туризма между регионами и городами двух стран, а также обмен статистикой туризма между туристическими ведомствами двух стран. Это заложило прочную основу для развития трансграничного туризма между Китаем и Российской Федерацией на многие годы вперед [4]. Соглашение 2000 года между правительством Китайской Народной Республики и правительством Российской Федерации о вза-

имном освобождении от групповых туристических виз еще больше укрепило и продвинуло процесс трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Российской Федерацией.

Второй этап – 2001-2015 годы, который является этапом стабильного развития трансграничного туризма между Китаем и Россией. С развитием дружественных отношений между Китаем и Россией подписание Договора о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией 2001 года и Совместной декларации Китайской Народной Республики и Российской Федерации 2003 года стало важной гарантией стабильного развития трансграничного туризма между Китаем и Россией.

Утверждение Китаем и Россией проекта плана сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком и Восточной Сибирью (2009-2018) в 2009 году и представление данного проекта плана в 2012 году, созыв конференции «Год туризма в России» в 2012 году способствовали институционализации трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией. Местные органы власти в Китае играли все более активную роль в городской дипломатии, создавая города дружбы с российскими городами по ту сторону границы и стимулируя развитие туризма. Были созданы такие города дружбы, как: Хэйхэ – Благовещенск, Фуюань – Хабаровск и Суйфэньхэ – Пограничный. В 2015 году Китай и Россия связали строительство Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, в связи с чем значительно продвинулся процесс трансграничного туристического сотрудничества между двумя странами.

Третий этап с 2016 года по настоящее время – это этап углубления китайско-российского трансграничного туризма. С созданием зон приграничного туристического сотрудничества китайско-российское приграничное туристическое сотрудничество вступило в новый период. В начале 2016 года Китай официально представил Мнение Госсовета о поддержке политики развития и открытия ключевых районов Яньбянь, создания зон приграничного туристического сотрудничества. В Мнении Госсовета упоминается ряд близких к России районов, таких как: Хэйхэ и Суйфэньхэ провинции Хэйлунцзян, Маньчжурия Внутренней Монголии, Яньбянь провинции Цзилинь и Алтай Синьцзяна. В 2016 году Китай, Монголия и Россия подписали набросок плана строительства экономического коридора Китай-Монголия-Россия, который дает китайско-российскому приграничному туристическому сотрудничеству больше возможностей для развития на основе «Экономического коридора Китай-Монголия-Россия». План китайско-российского сотрудничества и развития Дальневосточного федерального округа на 2018 год (2018-2024 годы) также еще больше углубил развитие китайско-российского приграничного туристического сотрудничества. Во время своего визита в Хэйлунцзян генеральный секретарь Си Цзиньпин прямо предложил содействовать обмену между странами через развитие специального культурного туризма, что еще больше обозначило направление развития приграничного туристического сотрудничества между Россией и Китаем.

Возможности для развития трансграничного туризма между Китаем и Россией в постэпидемическую эпоху.

Возможность трансграничного туристического сотрудничества между Россией и Китаем после эпидемии заключается в сильной поддержке со стороны китайского

и российского правительств. Высокий уровень китайско-российских отношений является важной гарантией трансграничного сотрудничества между двумя странами. На экономическом уровне центральное правительство Китая и местные органы власти Хэйлунцзяна и Внутренней Монголии придают большое значение развитию приграничного туризма с Россией, а китайская инициатива «Один пояс, один путь» оказывает политическую поддержку развитию трансграничного туризма между двумя странами. Благодаря Году культурных обменов между Китаем и Россией в 2024-2025 годах культурные обмены будут способствовать притоку людей, что, в свою очередь, приведет к развитию туризма и, несомненно, откроет новые возможности для трансграничного туристического сотрудничества между Китаем и Россией. Россия придает большое значение развитию туризма, и российское правительство разработало ряд стратегий и мер, направленных на повышение туристической привлекательности страны. Россия продолжает упрощать процедуры въездного туризма, чтобы привлечь больше китайских туристов. Возобновление визового бизнеса по взаимным групповым поездкам между Китаем и Россией после эпидемии также способствовало восстановлению трансграничного туризма между Китаем и Россией. С открытием автомобильного моста Китай-Россия и улучшением портовых сооружений трансграничный туризм между Китаем и Россией будет становиться все более удобным, и у китайско-российского туристического рынка есть огромный потенциал для сотрудничества.

Проблемы развития трансграничного туризма между Китаем и Россией в постэпидемическую эпоху.

2.1. Механизмы сотрудничества в сфере туризма еще недостаточно развиты.

Существующие в настоящее время зоны трансграничного туристического сотрудничества, построенные Китаем и Россией на основе дружеских отношений, относятся к исследовательской стадии пробных проектов транснационального сотрудничества, планирование которых в основном остается на уровне макромеханизмов и принципов, а политика в отношении конкретных и оперативных деталей, таких как: определение основной массы инвестиций, контроль за рынком, распределение выгод, разрешение туристических споров и т.д., еще не прояснена. «Трансграничное туристическое сотрудничество также имеет недостатки в организации и управлении, так как ему еще предстоит создать единый организационный и управленческий орган, сформировать единые правила управления, создать единую систему надзора за рынком. Также отсутствует платформа для статистики и обмена данными, что может легко привести к путанице в управлении и препятствовать инвестициям и трансграничным исследованиям» [1].

2.2. Недостаток русскоязычных туристических талантов высокого уровня.

Китайско-российское сотрудничество в сфере туризма включает в себя управление туризмом, обеспечение безопасности туризма и другие вопросы, требующие большого количества разносторонних талантов «русский+туризм», таких, как: гиды и туристическая полиция. Нехватка профессиональных гидов в обеих странах и неравномерность состава групп гидов привели к появлению «черных гидов» и «диких гидов», что значительно ухудшило впечатления туристов из обеих стран от поездок.

2.3. Относительно единичный туристический продукт, отсутствие глубокого опыта.

Структура туристических продуктов едина. Экскурсионные и шоп-туры, туры с традиционным китайским лечением и фестивальные туры всегда были основными продуктами китайско-российского туристического сотрудничества. Туристические маршруты недостаточно богаты и не могут объединить свои соответствующие ресурсы, чтобы показать характеристики, которыми должен обладать трансграничный туризм. «С точки зрения учреждений индустрии туризма, нынешние услуги трансграничного туризма по-прежнему основаны на поверхностном посещении природных и гуманистических ландшафтов с низкой добавленной стоимостью, с низкой степенью участия туристов и культурного опыта. Услуги высокого класса, такие как: специализированные туры и праздничные туры, не могут выйти на рынок, а индустрия туризма не в состоянии развиваться разнонаправленно, чтобы удовлетворить диверсифицированные потребительские потребности трансграничных туристов» [5].

2.4. Продуманные механизмы сотрудничества для создания профессиональной среды управления туризмом.

Китай и Россия должны создать механизм регулярных консультаций и координации на правительственном уровне, механизм коллективных консультаций с участием множества сторон, а также механизм балансировки и компенсации интересов всех сторон, чтобы лучше согласовать противоречие распределения выгод и достичь устойчивого развития туризма. Эффективная и скоординированная система организации и управления является необходимым условием для устойчивого и здорового развития трансграничного туризма. Обе стороны трансграничного туристического сотрудничества должны создать механизм регулярного управления на основе принципов «обмен ресурсами и информацией, отправка пассажиров друг к другу, совместное управление рынком и строительство объектов», создать органы повседневного управления, принятия решений и административного надзора, а также уточнить основной объем инвестиций, надзора за рынком, туристических споров и других деталей политики [3]. Укрепление сотрудничества в области туристического законодательства для защиты законных прав и интересов путешественников и туристической индустрии двух стран с четкими правовыми положениями может обеспечить благоприятные условия для туристического сотрудничества только путем усиления передачи информации и построения систем безопасности во всех сегментах обслуживания туристической индустрии Китая и России и создания сети безопасности и охраны туризма в двух странах.

2.5. Выращивание всесторонне развитых талантов в сфере туризма на русском языке.

В условиях цифровой трансформации индустрии трансграничного туризма необходимо создать соответствующую систему управления человеческими ресурсами, чтобы удовлетворить спрос на высококлассные композитные таланты в процессе развития. Поэтому Китай и Россия должны создать механизм совместного образования в сфере туризма, поощрять участие нескольких субъектов и создать систему трансграничного туристического образования «три в одном»: правительство - туристические предприятия - колледжи и университеты» [2]. Китайские и российские колледжи и университеты совместно выращивают китайских и российских гидов, учитывая потребности предприятий, чтобы обеспе-

чить достаточные человеческие ресурсы для устойчивого развития туристических предприятий.

2.6. Сочетание трансграничного туризма с традиционной культурой для создания диверсифицированных туристических продуктов.

Целесообразно и далее органично сочетать трансграничный туризм с традиционной культурой, обогащать этнический и культурный подтекст трансграничного туризма и разрабатывать разнообразные туристические продукты, чтобы удовлетворить чувство причастности и глубину впечатлений туристов разного уровня. Например, можно развивать самодвижущийся туризм для создания экологической петлевой дороги вдоль восточной части китайско-российской границы. Активно продвигать и развивать учебный туризм. Расширять рынок рекреационного туризма и развивать трансграничный медицинский туризм. Продолжить развитие экологического туризма с озером Байкал. Эти туристические продукты станут новым направлением в развитии туризма в Китае и России.

В завершение сделаем вывод о том, что рассмотренные возможности и проблемы, с которыми сталкивается китайско-российский трансграничный туризм после эпидемии могут замедлить, но не остановить исследуемое направление туризма. Учитывая это в статье предложены направления развития китайско-российского трансграничного туризма в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Ниу Юйюй, У Даньтин, Чжоу Ли. Обзор и перспективы китайско-российского сотрудничества в области туризма [J] // Экономические исследования Северо-Восточной Азии. - 2020. - № 10. - С 78-93.
2. Сунь Шихань. Исследование китайско-российского приграничного туристического сотрудничества в контексте высококачественного совместного строительства «Одного пояса и одного пути» [D]. Магистерская диссертация Харбинского нормального университета. - 2023:26.
3. У Синьчжан, Хуан Хуачжи. Мотивы, проблемы и контрмеры строительства зон трансграничного туристического сотрудничества в Китае [J] // Северная экономика и торговля. - 2021. - № 7. - С. 154-156.
4. Чу Дунмэй. SWOT-анализ развития трансграничного туризма в провинции Хэйлунцзян [J]. // Китайские пограничные исследования. - 2022. - № 1. - С. 73-74.
5. Чжао Синь. Исследование стратегии создания китайско-российской зоны приграничного туристического сотрудничества в городе Хэйхэ [J] // Журнал Чанчуньского нормального университета. - 2019. - № 12. - С. 93-97.

ХЭ Чжэньдун

старший преподаватель, Хэйхэский университет,

НИН Яньхун

научный сотрудник, Хэйхэский университет

ЛИ Хунхун

старший преподаватель, Хэйхэский университет

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА*

С точки зрения юрисдикции в гражданском судопроизводстве, связанном с иностранными государствами, в целом действующие законодательные положения как Китая, так и России схожи с немецкой отраслью гражданского процессуального права – в части использования территории в качестве критерия для установления юрисдикции. Законодательные системы гражданской юрисдикции, связанной с иностранными государствами, в Китае и России в определенной степени схожи: обе предусматривают общую территориальную юрисдикцию, специальную юрисдикцию, исключительную юрисдикцию и юрисдикцию по соглашению. В данной статье проведен анализ законодательства о территориальной подсудности гражданских дел, связанных с иностранными государствами, в Китае и России. Настоящая статья публикуется в рамках проекта ключевых тем исследования экономического и социального развития провинции Хэйлуцзян в 2023 году на тему: «Исследование механизма правовой защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России в рамках инициативы «Один Пояс и один путь». Номер проекта: 23366.

Ключевые слова: Китай, Россия, гражданское судопроизводство, территориальная подсудность, сравнительная характеристика.

HE Zhendong

lecturer, Heihe University

NING Yanhong

researcher Heihe University

LI Honghong

lecturer, Heihe University

TERRITORIAL JURISDICTION IN CIVIL CASES INVOLVING FOREIGN STATES: COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF CHINESE AND RUSSIAN LEGISLATION

From the point of view of jurisdiction in civil proceedings related to foreign states, in general, the current legislative provisions of both China and Russia are similar to the German branch of civil procedure law – in terms of using territory as a criterion for establishing jurisdiction. The legal systems of civil jurisdiction related to foreign States in China and Russia are somewhat similar: both provide for common territorial jurisdiction, special jurisdiction, exclusive jurisdiction and jurisdiction by agreement. This article analyzes the legislation on the territorial jurisdiction of civil cases related to foreign countries in China and Russia. This article is published as part of the project of key topics of the study of economic and social development of Heilongjiang Province in 2023 on the topic: «Research on the mechanism of legal protection of the rights and interests of Chinese migrants living in Russia within the framework of the One Belt and One Road initiative». Project number: 23366.

Keywords: China, Russia, civil proceedings, territorial jurisdiction, comparative characteristics.

Определение юрисдикции в гражданском судопроизводстве, связанном с иностранным государством, осуществляется с учетом условий, критериев в отношении гражданского или коммерческого спора, связанного с иностранным государством. В силу различных национальных условий и различий в политической, экономической и культурной жизни разных стран основание подсудности дел, связанных с иностранным правом, существенно различается между странами и обычно включает следующие факторы: гражданство,

место жительства, место пребывания, обычное место жительства, место поведения сторон, место нахождения предмета судебного разбирательства, место нахождения имущества ответчика, место нахождения суда, выбранного сторонами по взаимному согласию.

I. Законодательная эволюция китайской юрисдикции в гражданском судопроизводстве, связанном с иностранными гражданами.

В древнем Китае законодательство о подсудности гражданских споров, связанных с иностранцами, появилось в период правления династии Тан, когда гражданские и торговые отношения, связанные с иностранцами, были весьма многочисленны. В Танском своде законов есть положения об «иностранцах» (инородцах). «..... Тот, кто совершит пре-

* Данная работа публикуется в рамках проекта ключевых тем исследования экономического и социального развития провинции Хэйлуцзян в 2023 году на тему – Исследование механизма правовой защиты прав и интересов китайских мигрантов, проживающих в России в рамках инициативы «Один Пояс и один путь», – Номер проекта:23366

ступление против человека другой национальности, будет судим по закону страны, и наказание будет определено». То есть дела между людьми разных национальностей (китайцами и иностранцами, иностранцами из двух разных стран) рассматривались по законам Тан, что отражало своеобразную территориальную юрисдикцию. Поскольку древнее китайское законодательство не проводило различия между уголовными и гражданскими делами вплоть до конца правления династии Цин, когда в закон были внесены изменения, это положение, очевидно, могло быть применено к гражданским делам, связанным с иностранцами. Среди феодальных династий Китая династия Тан находилась на пике своего развития, имея сильную национальную власть, наиболее частые иностранные обмены и более просвещенный менталитет. Династия Тан допускала применение национального права в случаях, когда обе стороны были иностранцами из одной страны, и в ней зародилась идея «персонализма», схожая с положениями коллизионного права в современном международном частном праве. После династии Тан династия Сун в основном унаследовала положения династии Тан. Ко времени правления династии Юань из-за огромной территории и множества народностей обычаи различных народностей сильно различались, и правители не формулировали единых законов; в гражданских делах все народности руководствовались своими собственными правовыми обычаями [3]. В период правления династий Мин и Цин феодальные монархи стремились проводить политику закрытого правления, что проявлялось в судебной сфере в виде абсолютной территориальной юрисдикции. Например, в Законе Да Мин говорится, что «иностранцы должны быть судимы в соответствии с законом», то есть споры с участием иностранцев в границах династии Мин в период правления династии Мин рассматривались в соответствии с законами династии Мин и судебными органами династии Мин.

В 1840 году западные державы начали Опиумную войну и заставили Китай открыть свои двери, используя свои корабли и пушки, постепенно подрывая суверенитет и территорию Китая и превращая его в полуколониальную и полуфеодальную страну. Заключив ряд неравноправных договоров, западные державы получили в Китае различные привилегии, одной из которых было право консульского судейства, а с вторжением права консульского судейства был уничтожен и судебный суверенитет Китая. В 1843 году по принуждению Великобритании цинское правительство подписало первый неравноправный договор, содержащий консульскую юрисдикцию, – Пятипортовый торговый договор. С тех пор великие державы подписали множество неравноправных договоров с Китаем и получили консульскую юрисдикцию в Китае в более широком масштабе, а некоторые малые страны также получили консульскую юрисдикцию через равноправные договоры. Кроме того, положения о консульской юрисдикции постепенно становились все более конкретными и все глубже ущемляли китайскую юрисдикцию. Например, китайско-французский договор Уампоа предусматривал, что «любые спорные случаи между французами в районе Укоу рассматриваются французскими чиновниками, а в случаях, когда возникает спор между французом и иностранцем, китайские чиновники не обязаны вмешиваться» [4].

Постепенно была введена система публичного суда, что повлекло вмешательство в дела китайцев в Концессии, что позволило иностранным консулам или их сотрудникам «приходить в суд, чтобы слушать иски», что означало, что некоторые споры китайцев, происходившие на китайской зем-

ле, рассматривались иностранцами, а юрисдикция китайцев была утрачена.

В течение долгой борьбы с империализмом и феодализмом китайский народ не переставал призывать к защите суверенитета и целостности. Благодаря усилиям китайского правительства Великобритании, США и другие страны подписали новый договор о равноправии с Китаем и отменили систему консульской юрисдикции.

На заре становления Нового Китая формирование гражданских правоотношений с иностранцами осуществлялось с учетом экономической блокады, наложенной на Китай западными странами, и влияния политики «закрытых дверей» того времени. В исторических условиях того времени любые правоотношения или судебные процессы, имевшие место в Китае, в основном относились к юрисдикции китайских судов и рассматривались в соответствии с китайским законодательством.

Только в 1978 году, когда Китай принял политику реформ и открытости, а китайский народ начал общаться с внешним миром и вступать в различные правовые отношения. В связи с чем международное частное право, отвечающее за разрешение международных гражданских и коммерческих споров, стало восприниматься всерьез и получило новое дыхание. Законодательство о международном частном праве постепенно появлялось в различных юридических ведомствах и демонстрировало характеристики «позднего начала, высокой точки отсчета», впитывая передовой опыт современного международного частного права.

II. Законодательные положения, касающиеся территориальной юрисдикции в Китае.

(i) Общая территориальная юрисдикция.

Гражданское процессуальное законодательство Китая не предусматривает обычной юрисдикции в делах, связанных с иностранными государствами. Однако, согласно статье 235 Гражданского процессуального законодательства, применяются другие соответствующие положения Гражданского процессуального законодательства, если они не предусмотрены в данной части Гражданского процессуального законодательства, относящейся к делам, связанным с иностранными государствами. Поэтому, в соответствии с положениями статьи 22 настоящего Закона, наша страна также принимает принцип «истец против ответчика» в отношении обычной юрисдикции, используя место жительства ответчика в качестве основы для обычной юрисдикции. Согласно положениям настоящего Закона и соответствующим судебным толкованиям, иски граждан подсудны народному суду по месту жительства ответчика; если место жительства гражданина не совпадает с его обычным местом жительства, то подсудны народному суду по месту его обычного места жительства.

В то же время, принимая во внимание некоторые особые обстоятельства сторон, а также в целях защиты их судебных прав и интересов, гражданское процессуальное законодательство Китая предусматривает учет места жительства истца в качестве дополнения к обычной территориальной юрисдикции, например, устанавливая, что иски, поданные против лиц, находящихся в заключении, подлежат юрисдикции народного суда по месту жительства истца, и что если место жительства истца не совпадает с его обычным местом жительства, то они подлежат юрисдикции народного суда по месту обычного проживания истца.

(ii) Специальная территориальная юрисдикция.

Ниже в виде схемы приводится содержание Китая по специальной территориальной юрисдикции:

III. Сравнительный анализ территориальной юрисдикции Китая и Российской Федерации.

(i) Основные вопросы: определение понятия «домициль» в Китае и России:

Согласно положениям соответствующих законов Китая, место жительства гражданина определяется как «место, где находится его домашняя регистрация». Если место пребывания гражданина не совпадает с его обычным местом жительства, то дело подсудно народному суду по месту пребывания. То есть по месту, где гражданин непрерывно проживает более одного года с момента оставления своего места жительства на момент предъявления иска. Под местом регистрации юридического лица или иной организации понимается место, где юридическое лицо или иная организация имеет основное место деятельности

или основной офис. Если стороны имеют два или более коммерческих предприятий, то преимущественную силу имеет то из них, которое наиболее тесно связано с гражданскими отношениями, послужившими основанием для спора. Если стороны не имеют коммерческих предприятий, то преимущественную силу имеет их домицилий или обычное место жительства. Домициль юридических лиц в Китае определяется по «месту нахождения центра управления».

В соответствии с российским законодательством местом обычного или основного места жительства является место жительства гражданина, а местом жительства несовершеннолетних, не достигших 14 лет, и граждан, находящихся под опекой, – место жительства их законных представителей: родителей, усыновителей или опекунов. В настоящее время некоторые граждане России имеют более одного места пребывания и более одного места жительства. В связи с чем в судебной практике обычным способом определения места

条 款 / 内 容	条 件	管辖的法院地	
第 241 条	合同纠纷 或 对 其他财产 权益纠纷	在中国没 有住所的 被告	合同签订地 合同履行地 诉讼标的物所在地 可供扣押财产所在地 侵权行为地 代表机构住所地
第 26 条	保险合同	被 告 住 或 所 地	保险标的物所在地
第 27 条	票据纠纷		票据支付地
第 28 条	运输纠纷		运输始发地
第 29 条	侵权行为		侵权行为地
第 30 条	交通事故损害赔偿		事故发生、车辆、船舶最先到达地，航空器最先降落地
第 31 条	海损事故		碰撞船舶最先到达地，加害船舶被扣留地
第 32 条	海难救助		救助地或被救船舶最先到达地
第 33 条	共同海损	船舶最先到达地；共同海损理算地或者航程终止地	

жительства гражданина является регистрация актов гражданского состояния. В России местом государственной регистрации юридического лица признается его место нахождения, при этом государственная регистрация юридического лица должна осуществляться по месту нахождения его постоянно действующего исполнительного органа, а при отсутствии постоянно действующего исполнительного органа - по месту нахождения иных органов или лиц, имеющих право осуществлять деятельность от имени юридического лица без доверенности. Эта доктрина известна как доктрина места регистрации или учреждения. В таком случае может возникнуть ситуация, когда учрежденное российским гражданином юридическое лицо, зарегистрированное в других странах, но осуществляющее предпринимательскую деятельность только в России, будет признано не имеющим domicilio в России, поскольку не имеет государственной регистрации в России.

(ii) Сходства между Китаем и Россией с точки зрения территориальной юрисдикции:

Первое сходство заключается в существовании в России и Китае общей системы подсудности «истец против ответчика». Эта система считается доминирующим принципом подсудности, а в системах общего права она также считается одним из связующих факторов при установлении подсудности. Система «истец против ответчика» имеет долгую историю, восходящую к временам Древнего Рима, и обладает своей рациональностью, например, препятствует злоупотреблению правом сторон в судебном процессе, защищает законные права и интересы ответчика, может облегчить процесс правосудия, а также облегчает вызов ответчика, расследование и сбор доказательств и так далее. Конечно, в этой системе есть и свои нерациональности, и некоторые ученые высказывают мнение, что подсудность дела суду по месту нахождения ответчика не отвечает требованиям равенства процессуальной справедливости и, скорее всего, приведет к увеличению расходов на защиту законных интересов сторон. Поэтому можно заметить, что как в Китае, так и в российском законодательстве при сохранении принципа «истец против ответчика» одновременно было предусмотрено большое количество специальных правил территориальной подсудности. Второе сходство заключается в том, что подсудность основывается на том, что «ответчик имеет имущество на территории государства». Статья 241 Гражданского процессуального закона Китая устанавливает несколько условий для юрисдикции суда по месту нахождения имущества: ответчик не имеет domicilio в Китае; применяется к спорам о контрактах и имущественных интересах, исключая споры о персональной юрисдикции; подчеркивается, что на имущество может быть наложен арест. Пункт 2 статьи 402 Гражданского процессуального кодекса РФ [2] и пункт 1 статьи 247 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1] также предусматривают возможность использования места нахождения имущества в качестве основания для подсудности, но не предусматривают его в такой же ограничительной форме, как китайское законодательство. Это означает, что если ответчик имеет имущество на территории Российской Федерации, то истец может подать иск в местный российский суд соответствующей юрисдикции. Расположение имущества в качестве места юрисдикции имеет ряд преимуществ: облегчает защиту интересов национальных правообладателей, способствует исполнению судебных решений и т. д. Однако чрезмерный акцент на юрисдикции суда по месту нахождения имущества, вне зависимости от таких факторов, как его

ценность и значимость для дела, может легко привести к появлению феномена «юрисдикции зубной щетки». Поэтому, по нашему мнению, более рациональным было бы установить разумные пределы юрисдикции судов по месту нахождения имущества ответчика, что и было сделано в национальном законодательстве.

Третье сходство заключается в использовании «места исполнения договора» в качестве основания для определения подсудности. Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ предусматривают подсудность российским судам договорных споров, когда договор частично или полностью исполняется на территории Российской Федерации. В свою очередь, гражданский процессуальный закон Китая также предусматривает, что место исполнения договора может быть использовано в качестве основания определения юрисдикции. Однако следует отметить, что в Китае место исполнения договора является лишь одним из оснований юрисдикции, кроме того, место подписания договора также может иметь юрисдикцию по делам о договорных правоотношениях. Так, например, в условиях развития современной электронной торговли все большее количество договоров зачастую подписывается через компьютерную сеть, поэтому место подписания договора в значительной степени имеет непредвиденный характер или неопределенность. Географическая сфера действия договора носит комплексный характер, включая место проведения переговоров, подписания, исполнения, местонахождение предмета договора, domicilio или место жительства сторон, страну гражданства сторон и т. д., а место исполнения договора является единственным местом, где могут быть лучше отражены характеристики договора.

В завершение сделаем вывод о том, что положения гражданского процессуального права, связанного с иностранными государствами, в Китае и России в определенной степени схожи: предусматривается общая территориальная юрисдикция, специальная юрисдикция, исключительная юрисдикция и юрисдикция по соглашению.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.
3. Сюй Дунжэнь. Тенденции развития международного частного права [М]. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005. - 301 с.
4. Хан Д. П. Международное частное право [М]. Второе издание. Пекин: Издательство высшего образования, 2007. - 36 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-519-520

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БАКЛАНОВА Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

ЛУКЬЯНОВ Геннадий Иванович

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного технического университета, г. Волжский

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ПОСЛЕДСТВИЯ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ 4.0

В работе исследуются социокультурные практики, которые подвержены изменениям в связи с внедрением цифровых технологий в физические операции в рамках Четвертой промышленной революции и становления Индустрии 4.0. Общество, где развивается Индустрии 4.0, можно репрезентовать как цифровое общество, где социокультурные практики подвержены воздействию таких взаимосвязанных явлений как функционирование киберфизических систем, применение облачных вычислений и использование Интернета вещей. Рискогенный потенциал применения искусственного интеллекта заключается, например, в том, что он, обладая мощной вычислительной способностью и способностью обработки данных, может стать инструментом для манипуляции информацией и воздействия на общественное мнение. Сложность вопросов, таких как автоматизация решений в области здравоохранения или использование искусственного интеллекта в судебных процессах требует разработки четких этических стандартов, чтобы обеспечить сбалансированное и ответственное его внедрение в социокультурные практики цифрового общества.

Ключевые слова: цифровое общество, социокультурные практики, Индустрии 4.0, Четвертая промышленная революция, цифровизация, социокультурные риски, искусственный интеллект.

BAKLANOV Igor Spartakovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BAKLANOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

LUKYANOV Gennadiy Ivanovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Economics and management sub-faculty of the Volga Polytechnic Institute (branch) of the Volgograd State Technical University, Volzhskiy

THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE SOCIOCULTURAL PRACTICES OF DIGITAL SOCIETY: CONSEQUENCES AND RISKS OF THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY 4.0

The work examines sociocultural practices that are subject to change due to the introduction of digital technologies into physical operations within the framework of the Fourth Industrial Revolution and the emergence of Industry 4.0. The society where Industry 4.0 is developing can be represented as a digital society, where sociocultural practices are affected by such interrelated phenomena as the functioning of cyber-physical systems, the use of cloud computing and the use of the Internet of things. The risky potential of using artificial intelligence lies, for example, in the fact that, having powerful computing and data processing capabilities, it can become a tool for manipulating information and influencing public opinion. The complexity of issues such as the automation of healthcare decisions or the use of artificial intelligence in litigation requires the development of clear ethical standards to ensure its balanced and responsible implementation into the sociocultural practices of the digital society.

Keywords: digital society, sociocultural practices, Industry 4.0, Fourth Industrial Revolution, digitalization, sociocultural risks, artificial intelligence.

Социокультурные практики современности подвержены существенным изменениям в связи с безудержным внедрением цифровых технологий в физические операции. Начало второго десятилетия XXI века ознаменовалось Четвертой промышленной революцией и становлением Индустрии 4.0. Новая трансформация производительных сил связана с процессами цифровизации (тогда как предыдущие промышленные революции были произведены с помощью инновационного для своего времени внедрения сначала энергии пара, потом электричества, а затем и автоматизации производственных процессов). Обще-

ство, где развивается Индустрии 4.0, можно презентовать как цифровое общество. В цифровом обществе производственные процессы и социокультурные практики все в большей степени подвержены воздействию таких взаимосвязанных явлений как функционирование киберфизических систем, облачные вычисления и Интернет вещей. Безусловно, развитие цифрового общества невозможно без разработки и внедрения систем искусственного интеллекта, использование которых приводит к интенсификации различных видов деятельности и появлению новых технологий, например, беспилотных летательных

Бакланов И. С.

Бакланова О. А.

Лукьянов Г. И.

аппаратов [11]. Именно системы искусственного интеллекта позволяют создавать производство, где широко используются автономные роботы, системы дополненной реальности и платформы анализа больших данных. Предполагается, что такое производство не только будет экономически эффективным, но и сможет самокорректироваться и сомооптимизироваться, превращаясь практически в самостоятельную кибернетическую систему – «умную фабрику». «Умная фабрика», функционирующая на базе невообразимого уровня автоматизации и координации, ориентирована на значительное повышение эффективности, на существенное сокращение количества отходов и повышении адаптивности производственных процессов. В режиме реального времени все это невозможно без широко применения датчиков и распространения взаимосвязанных устройств, где постоянно генерируются огромные объемы данных, обрабатываемые платформами расширенной аналитики и искусственного интеллекта, которые в свою очередь, преобразуют эти данные в полезную информацию, способствующую принятию решений, достижению тактических целей и формулированию стратегий [7]. Внедрение искусственного интеллекта во множество различных сфер жизни показывает значительное повышение эффективности и сокращения времени на выполнение множества разнообразных, рутинных задач, однако вместе с тем несет в себе ряд потенциальных рисков и последствий, которые в дальнейшем уже практически невозможно будет исправить [4].

Одним из ключевых аспектов является угроза злоупотребления технологией и появление рисков [2]. В цифровом обществе искусственный интеллект, обладая мощной вычислительной способностью и способностью обработки данных, может стать инструментом для манипуляции информацией и воздействия на общественное мнение [6]. Использование искусственного интеллекта позволяет создавать персонализированный контент, что может привести к формированию изолированных информационных пузырей и искажению восприятия реальности – и такая тенденция активно набирает обороты в последнее время, по большей части в сфере развлечений и культуры. Однако, разумеется, нет никаких гарантий того, что все остановится лишь на этом – с дальнейшим развитием этой технологии уже невозможно будет отличить творение человека от синтетического контента, правду от неправды; ценная информация окончательно затеряется в бесконечных потоках генерированных данных [1]. Более того, переизбыток любой информации делает человека более равнодушным и способствует дальнейшей сепарации людей друг от друга; и равнодушное общество – это одна из главных проблем современного мира [5]. С другой стороны, человеческая психика не может функционировать иначе – она не приспособлена для такой нагрузки. Следующим важным вопросом в контексте общества является этическая сторона использования искусственного интеллекта. Возникают дилеммы, связанные с автономностью принятия решений искусственного, ответственностью за возможные ошибки, а также с прозрачностью алгоритмов. Сложность вопросов, таких как автоматизация решений в области здравоохранения или использование искусственного интеллекта в правотворчестве и в судебных процессах [3] и т.д. требует разработки четких этических стандартов, чтобы обеспечить сбалансированное и ответственное внедрение технологии. Помимо этого, необходимо обеспечить ответственное использование искусственного интеллекта и максимально защитить общество от любых потенциальных негативных воздействий, в том числе с помощью актуализации и изменения текущего правового поля, которое на данный момент времени даже в передовых странах не является достаточно проработанным с учетом столь глобальных общественных трансформаций, связанных со стремительным развитием и внедрением высоких информационных технологий. Также необходимо рассмотреть вопрос о рисках воздействия искусственного интеллекта на рынок труда [9]. Внедрение автоматизации и искусственного интеллекта неизбежно приведет к изменению структуры рабочих мест, исчезновению многих профессий и возникновению новых. Такие изменения требуют активного участия образовательных институтов и государственных органов для подготовки населения к новым требованиям рынка труда [8].

Современное общество неуклонно движется в направлении все более широкого внедрения искусственного интеллекта – подобная технология становится неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, обещая значительные преимущества. Однако исторический опыт и его анализ, а также текущее состояние различных общественных институтов показывают, что мы, как общество, еще не полностью

готовы к такому резкому развитию высоких технологий, что может привести к фрустрациям и правовой легализации ранее неприемлемых с точки зрения классического права явлений, например легализации применения легких наркотиков [10]. Важно на этом этапе подчеркнуть, что несмотря на потенциальные выгоды, необходимо с осторожностью подходить к дальнейшему внедрению искусственного интеллекта. Баланс становится ключевым словом в контексте развития современных технологий, включая искусственный интеллект. Необходимо максимально защитить общество от возможных негативных последствий – это включает в себя не только тщательное правовое регулирование, образование общества относительно этических аспектов использования технологий, но и глобальную переоценку текущего вектора развития нашей цивилизации. В плане влияния на современное общество широкое внедрение искусственного интеллекта предоставляет новые возможности, однако вместе с тем является причиной возникновения множества комплексных глобальных вопросов; более того, можно заключить, что с учетом текущего развития общества и политико-экономических систем риски дальнейшего развития искусственного интеллекта перевешивают его положительные стороны. В первую очередь, важно обеспечить продолжение дискуссий и разработку соответствующих регулирующих механизмов для обеспечения устойчивого и этичного развития в области высоких технологий. Всеобщей целью и ориентирами развития цифрового общества должно стать создание устойчивого и сбалансированного будущего, где технологии служат человеку, а не заменяют его и не угрожают его благополучию, равно как и существованию в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
2. Бакланов И. С., Бакланова О. А., Осадчий А. А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 12. - С. 535-536.
3. Бакланов И. С., Колосова И. В. Динамика правовых ценностей в условиях глобализации и цифровизации // Экономические и гуманитарные исследования регионов. - 2021. - № 6. - С. 214-217.
4. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Черемных Л. Г. Общество риска // Гуманитарный вестник. - 2022. - № 4 (96). - С. 3.
5. Губанова М. А. Трансформация человека в глобальном сетевом обществе // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2020. - № 4. - С. 103-109.
6. Еременко М. М., Богатырев С. А., Бакланов И. С. Особенности и риски применения технологий искусственного интеллекта в медиaprостранстве современного общества // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 12. - С. 362-363.
7. Иноземцев В. А., Ивлев В. Ю., Иноземцева Ю. В. Влияние информатизации и развития информационно-коммуникационных технологий на формирование новой социальной реальности // Гуманитарный вестник. - 2020. - № 4 (84). - С. 2.
8. Урунов А. А., Родина И. Б. Влияние искусственного интеллекта и интернет-технологий на национальный рынок труда // Фундаментальные исследования. - 2018. - № 1. - С. 138-142.
9. Belikova I. P., Ivashova V. A., Baklanova O. A., Lazareva N. V., Semenova L. Factor model of expert opinions on risks assessment for territorial development // XIV International Scientific Conference "INTERAGROMASH 2021". V. 1. Lecture Notes in Networks and Systems. - 2022. - P. 861-869.
10. Siddiqui S. A., Singh P., Khan S., Fernando I., Baklanov I. S., Ambartsumov T. G., Ibrahim S. A. Cultural, Social And Psychological Factors of the Conservative Consumer Towards Legal Cannabis Use-A Review since 2013 // Sustainability. - 2022. - V. 14. - № 17. - P. 10993.
11. Vinokursky D. L., Mezentseva O. S., Samoylov Ph. V., Ganshin K. Y., Baklanova O. A. Model Predictive Control for Path Planning of UAV Group // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. III International Scientific Conference. - Krasnoyarsk, 2021. - С. 12092.

ГОФМАН Александр Анатольевич

доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки Владимирского юридического института ФСИН России

ТИМОЩУК Алексей Станиславович

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

«ШКОЛА ЮНОГО КАЛЬМАРА» КАК ИНВЕСТИЦИЯ В БУДУЩЕЕ РОССИИ

Как научиться поддерживать устойчивое развитие семьи, общины, территории, страны? Что обеспечивает долгосрочное выживание сообществ? Неомальтузианство, дерост, развитие с нулевым ВВП, достижение пределов рыночной экономики (исчерпание возможностей разделения труда, недопустимая эскалация рисков, увеличение неопределённостей, вычислительные сложности проектирования будущего) – таковы обсуждаемые негативные тренды. Из позитивных тенденций стоит выделить продвижение тем солидарной экономики, кооперации, социального государства, построения горизонтальных связей. Статья посвящена значению сетевой координации в управлении ограниченными ресурсами.

Ключевые слова: неоэкономика, управление общим, трагедия общих ресурсов, разумное потребление, финансовая грамотность, экономическое воспитание, андрогогика.

GOFMAN Alexander Anatoljevich

associate professor of Combat, tactical and special training sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

TIMOSCHUK Alexey Stanislavovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

«YOUNG SQUID SCHOOL» AS AN INVESTMENT IN THE FUTURE OF RUSSIA

How to learn to maintain the sustainable development of family, community, territory, country? What provides long term survival of communities? Neomalthusianism, degrowth, prosperity without growth, the achievement of the limits of a market economy (exhaustion of the possibilities of division labor, an unacceptable escalation of risks, an increase in uncertainty, computational difficulties in the design of the future) are the discussed negative trends. As for the positive trends, it is worth highlighting the promotion of topics of the joint economy, cooperation, the social state, and the construction of horizontal ties. The article is devoted to the value of network coordination in the management of limited resources.

Keywords: neoeconomics, management of the commons, tragedy of the commons, reasonable consumption, financial literacy, economic education, androgogy.

Хрупкость капиталистической рыночной системы заставляет думать о более справедливой и устойчивой модели выживания человечества, некоем новом синергийном дизайне «коммунитаризм – социализм – солидаризм» [1], [11]. Как переориентировать на то, что благополучие планеты важнее ВВП? Возможна ли глобальная социальная справедливость? На эти актуальные вопросы отвечает «Школа юного кальмара», которая является интернет-проектом общественного деятеля Т. Н. Монтян, адвоката, имеющего опыт политической и управленческой деятельности [3].

Ранее, авторы уже рассматривали проблему пределов роста цивилизации [2], [6], [7], [8], [9]. Мощность сложности технократической цивилизации выросла многократно, она находится уже в процессе перехода от письменной памяти к цифровой. Однако даже цифровизация не решает проблемы приближения в оценке возможностей, поскольку в неоднородном массовом обществе доминируют те же когнитивные ходы, что и в первобытную эпоху: «территория», «свой – чужой», «власть», «контроль». Несмотря на всю технотронность и специфические проблемы (закредитованность, финансовые пузыри, деонтологизация хозяйственной деятельности), перед человечеством стоит такая же отсроченная проблема со времён палеолитических охотников – каким образом, совместно пользуясь каким-либо ресурсом, обеспечить пользу одновременно для себя и всего сообщества, при этом сохраняя мир для будущего.

Образ головоногого выбран в связи с тем, что его интеллект представляет эволюционную загадку. Цефалоподы проявляют высокую поведенческую гибкость. Традиционно, приматы считались вершиной когнитивной сложности, од-

нако моллюски представляет особый интерес в плане адаптации к сложным условиям выживания, заставляющих их вести комплексную познавательную деятельность. Медленная история эволюция головоногих, способствовала созданию низкоэнергетического, децентрализованного когнитивного аппарата, что позволило им занять множество экологических ниш. Особенности их экосистемы таковы, что они вынуждены выживать как род, в то время как их индивидуальная жизнь очень скоротечна, что, в целом, применимо и к сообществу homo sapiens, если судить с точки зрения космического времени.

Организационно, нервная система головоногих представляет собой яркий пример гибридной организации, в которой центральный мозг действует как единица принятия решений, интегрирующая мультимодальную сенсорную информацию, координирующую моторные команды, выполняемые периферией. Эти уникальные особенности нервной системы, а также предполагаемое отсутствие соматопической организации центрального мозга, делает цефалоподов столь интересными для поиска аналогий управления сложным обществом.

Поведенческие инновации головоногих децентрированы, что интересно для современного сложного общества. Эта сложная система связи позволяет цефалоподам передавать достоверные и фиктивные сигналы одновременно, расщепляя тело на две части и подавая в разные направления разные сигналы. Цефалоподы имеют большой, хорошо развитый мозг, их массовое соотношение мозга и тело является самым большим среди беспозвоночных. «Кракены» существуют на Земле 500 миллионов лет, их мозг научился

вырабатывать нейромедиатор дофамин, гормон счастья и привязанности, который используется для выживания в меняющихся условиях, закрепления действия. Мозг головного распределён по телу, что позволяет действовать шупальцам раскоординированно, «самостоятельно» принимая решения. Цефалоподы, таким образом, стали образцом сложного приспособления к агрессивной среде и это сделало их мемом для конструирования модели распределённых когнитивных операций и периферической координации сетевого общества, гибкости мультимодального причинно-следственного мышления.

Монтьян нацелилась на преодоление неразвитости низовых институций в своём сетевом образовательном курсе «Школа юного кальмара». Инициативность, самоорганизация, самодисциплина, самообучение, самоконтроль, самоограничение, рефлексивность, когнитивность, методологизм, критическое конвергентно-дивергентное мышление – такова психология выживания сапиентного человека в условиях новой нормальности ограниченных ресурсов.

Программа «Школы юного кальмара» родилась при помощи методологии когнитивизма, творческой переработки самых разных источников знаний в области биологии, экологии, антропологии, экономики, юриспруденции [4], [5], [10]. Базовые положения школы прагматичны и гуманистичны: 1) все люди одинаковы как биологический вид; 2) люди не являются не злыми и не добрыми от рождения, они имеют похожие ограничения функционирования в сложных структурах; 3) ресурсы планеты конечны и космос не решит принципиально проблему снабжения цивилизации на Земле; 4) максима Бентама «максимальных благ для максимального количества людей», равно как и утопия «государства всеобщего благосостояния», недостижимы, их следует скорректировать, приблизить к идеалу «разумные блага для разумного количества людей»; 5) решения, принимаемые индивидуально, не обязательно являются лучшими для всех, поэтому «невидимая рука рынка» утопична и вредна; 6) без самоограничения эксплуатация общих ресурсов приводит к всеобщему разорению, при этом разумных решений не так много и они будут принудительны и непопулярны (некая «предписанная умеренность»); 7) институты помогают решать проблемы более эффективными образом, однако, со временем институты нуждаются в реформировании из-за транзакционных издержек; 8) аксиома неполноты информации дополняется правильной настройкой на самообучение в течение всего цикла индивидуального или коллективного субъекта; 9) соблюдение процессуальных норм существенно важно, ибо предмет меняется, а манеры и социально-психологические последствия остаются; 10) институт частной собственности имеет ограничения и нуждается в проработке и совершенствовании; 11) не существует исключительно технократического решения проблемы ограниченности ресурсов; превращение конфликтов в сотрудничество ради общественного блага – таков индикатор критически значимого прогресса человечества в области развития общественного сознания «взаимное принуждение по взаимному согласию».

Одна из причин социальных конфликтов, которая разбирается в школе, заключается в «разных ставках дисконтирования» или оценке будущего. Индивиды и коллективы по-разному оценивают грядущие преимущества и угрозы и поэтому не могут добровольно действовать согласованно. Они исходят из своих потребностей, а также возможностей протянуть на старых запасах благ и получить субституты. Люди с низкой ставкой дисконтирования готовы «сидеть на гречке», но терпеть и ждать. Рисковые люди исповедуют другую философию – «я не держусь за место», «мне есть куда свалить». «мои окна возможности открываются на любом континенте». Вместе с тем субъекты меняют ставку дисконтирования в зависимости от жизненных обстоятельств, неоднородны также горизонты планирования в разных жизненных стратегиях. Всё это делает модель взаимодействия сложной, полигональной, как в многомерных шахматах. Относительная важность будущего в сравнении с настоящим варьируется в зависимости от многих факторов, что, возможно и сохраняет баланс в мире, где никогда не находится достаточное

количество инноваторов / консерваторов, алармистов / аполитичных, предприимчивых / пассивных. Для безопасности всего общества, тем не менее, будет полезна рефлексивность разных групп с несовпадающими ставками дисконтирования. Упрощая, бедным нужно понимать богатых, а богатым испытывать эмпатию к бедным.

Ценность образовательных усилий Т. Н. Монтьян заключается в обучении механизмам гражданского общества: управление неделимым имуществом, развитие горизонтальных связей, волонтерство, взаимопомощь, необходимость самоограничения. В условиях сокращения ресурсов планеты проекты, подобные проекту как «школа юного кальмара» являются рациональными и гуманными способами подготовить граждан к новой реальности рационального потребления. По мере уплотнения сложности развития цивилизации необходимо вырабатывать рефлексивно-социальные меры противодействия случайностям. Вычислительные возможности компьютера повысились в разы, но не все риски когнитивны и алгоритмизируемы, например, природные катаклизмы. Иначе говоря, интенсивность расчётов не отменила спрос на предвидение. «Школа юного кальмара» – это рациональная прозорливость, пролегомены к образу экологичного будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Гофман А. А., Тимошук А. С. Красный флаг победы «российской весны 2.0» // В сборнике: Родина, которой присягали... Материалы Всеросс. конф. с межд. участием, посвященной 100-летию образования СССР. – Нижний Новгород, 2022. – С. 171-177.
2. Гофман А. А., Тимошук А. С. Права человека и пределы роста // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 3 (178). – С. 483-484.
3. Монтьян Т. Н. Школа юного кальмара. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://t.me/s/youngsquids>.
4. Остром Э. Управление общим. Эволюция институций коллективного действия / пер. с англ. Т. Н. Монтьян. – Киев, 2013. – 400 с.
5. Сото Э. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 272 с.
6. Тимошук А. С. Русский космизм: индустриальный рывок и технологические пределы // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (16). – С. 19-26.
7. Тимошук А. С. Пределы роста и актуальные проблемы глобальной устойчивости // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2020. – № 2 (73). – С. 148-158.
8. Тимошук А. С. Предел ёмкости среды и ХМСП методология // В сборнике: Актуальные проблемы и перспективы развития научной школы Хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения. – НН: НИУ РАНХиГС, 2021. – С. 52-62.
9. Тимошук А. С. Поколения прав и пределы цивилизационного роста // Социальные отношения. – 2023. – № 1 (44). – С. 105-121.
10. Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. – 1968. – Vol 162. – Issue 3859. – P. 1243-1248.
11. Kallis G., Paulson S., D'Alisa G., Demaria F. The case for degrowth. – Polity Press, 2020. – 140 p.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-523-524

ИГНАТОВА Юлия Евгеньевна

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Волжского института экономики, педагогики и права, г. Волжский

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ КАК РЕДУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ, РЕСУРС РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И СПОСОБ ДОСТИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматривается феномен социального доверия, который оказывает существенное влияние на динамику современного общества. Методологически автор опирается на идеи и концептуальные положения Н. Лумана, Ф. Фукуямы и Э. Гидденса. Луман предложил рассматривать социальное доверие как проявление социальности. Фукуяма исследовал его как ресурс эффективного социального развития. Гидденс проанализировал доверие как социально-психологическую установку общественного сознания, доверие как основу семейных связей и доверие как психологический феномен. Исследуя институциональную и нормативную системы, автор показывает, что в современных обществах нормативная система права имеет самый высокий уровень доверия. И наоборот, в тех обществах, где современные институты нестабильны, доверие к закону и его нормам ставится под сомнение. Очевидно, что чем выше уровень доверия к нормам права, тем эффективнее они работают, а значит, тем выше уровень социальной защищенности в обществе.

Ключевые слова: социальное доверие, общество, нормы, религия, право, легитимация, социальные институты, безопасность.

IGNATOVA Yuliya Evgenjevna

lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law, Volzhsky

SOCIAL TRUST AS A REDUCTION OF SOCIALITY, A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF SOCIAL INSTITUTIONS AND A WAY TO ACHIEVE SOCIAL SAFENESS

The article examines the phenomenon of social trust, which has a significant impact on the dynamics of modern society. Methodologically, the author relies on the ideas and conceptual provisions of N. Luhmann, F. Fukuyama and E. Giddens. Luhmann proposed to consider social trust as a manifestation of sociality. Fukuyama explored it as a resource for effective social development. Giddens analyzed trust as a socio-psychological attitude of social consciousness, trust as the basis of family ties and trust as a psychological phenomenon. Exploring institutional and regulatory systems, the author shows that in modern societies the regulatory system of law has the highest level of trust. Vice versa, in those societies where modern institutions are unstable, trust in the law and its norms is questioned. Obviously, the higher the level of trust in the rules of law, the more effectively they work, which means the higher the level of social security in society.

Keywords: social trust, society, norms, religion, law, legitimation, social institutions, safeness.

Векторы развития современного общества ориентированы на увеличение сложности социальной системы. Усложнение социальной системы должно сопровождаться ростом устойчивости и увеличением степени скоординированности между ее элементами. В противном случае, данная система ни просто будет дисфункциональна, а она развалится и перестанет существовать. При этом важными также являются каналы коммуникации между социальными субъектами. При координации и управлении взаимодействия между элементами общества можно использовать различные ресурсы. Одним из наиболее эффективных ресурсов согласования между элементами социальной системы и между ее компонентами является доверие. Социальное доверие является важным ресурсом сборки компонентов и элементов социальной системы как системы целостной и устойчиво развивающейся в социальном пространстве-времени. Иначе говоря, феномен социального доверия [11] выступает в качестве базового в условиях современного тапа социальности [4], подверженной воздействиям современных социальных процессов и исторических трансформаций [3].

Социально-философская концептуализация такого известного феномена как «доверие» связано с именами таких социальных теоретиков как Н. Луман, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма. В частности, Никлас Луман рассматривает доверие как значи-

Игнатова Ю. Е.

мый атрибутивный признак социальности или же, по словам Н. Лумана, как «редукцию социальности» [14]. Рассматривая доверие в личном плане, Н. Луман констатирует, что его следует понимать, как специфическую морально-нравственную установку, зависящую от характеристик субъекта. Более того, если традиционные общества воспроизводились благодаря выстраиванию дихотомии «свое/чужой», то современные общества воспроизводят себя благодаря коммуникативным практикам, основанием которых является высокий качественный и количественный уровень доверия. Френсис Фукуяма в своем труде «Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию» [12] показал значимость феномена доверия для успешного и эффективного развития современных обществ. В ходе своего исследования он проанализировал модели управления обществами, политические практики, коммуникативные практики внутри семей и социальных общностей деятельности различных и закрытых сект и открытых религиозных конгрегаций. Энтони Гидденс рассматривал социальное доверие как ресурс социальных институтов и способ достижения социальной безопасности. Э. Гидденс предложил классификацию социального доверия, выделяя, как минимум, три базовых типа: доверие как социально-психологическая установка общественного сознания, доверие межличностный опыт (семейных, кровнородственных свя-

зей), доверие как самый абстрактный психологический феномен. Именно сочетание трёх элементов находится в основе медиативной системы современного общества [7].

Если говорить о доверии как об абстрактном психологическом феномене, то следует понимать, что доверие включено структуру жизнедеятельности человека. Связано это с тем, что в процессе своей жизнедеятельности, особенно в процессе формирования программ действий на основе своих мотивов-целей и мотивов-интенций индивид исходит из определённых онтологических схем реальности. Основываясь на накопленном опыте, человек представляет окружающий мир (прежде всего социальный мир) как понятный и знакомый, а значит у человека формируется определенная степень доверия к окружающим его институтам и людям. Без определенного уровня доверия к реальности и к объектам и субъектам практически невозможно реализовывать определённые программы действий. Индивид действует не только в мире физических процессов и явлений, но также он разворачивает свою деятельность в социокультурной среде, онтология которых старится на основании знаков и значений, (которые в современной культуре постмодерна выражаются в симулякры [9]). При этом индивид должен действовать по определённым приемлемым для окружающих правилам, а значит он должен быть ориентирован на определённые социальные нормы. В свою очередь, у индивида должно быть доверие к данным социальным нормам [11]. Говоря о системе социальных норм, следует подчеркнуть, что уровень доверия у разных индивидов к различным социальным нормам различается. Система норм представляет собой три нормативные системы, а именно: религиозные, моральные и правовые нормы [6]. В традиционных обществах наиболее высоким доверием пользуются религиозные нормы, тогда как правовые нормы и законы функционируют большей частью лишь на основе применения насилия и карательных санкций к субъектам правоотношений традиционного общества [10]. В современном мире все строится по-другому. Многие современные сообщества не однородны с точки зрения своего конфессионального состава, а также во многих сообществах достаточно высок процент агностиков и атеистов. Значимыми в современном обществе являются нормы морали, но, к сожалению, в условиях постсовременности, они подвергаются попыткам релятивизма. В развитых современных обществах наибольшим уровнем доверия обладает нормативная система права. И наоборот, те общества, где современные институты неустойчивы, доверие к праву, к его нормам подвергается сомнению. Вместе с тем, очевидно, что чем выше уровень доверия к нормам права, тем эффективнее они работают, а значит, тем выше уровень социальной безопасности в обществе.

Рассматривая такую форму доверия как межличностный опыт семейных, кровнородственных связей следует подчеркнуть, что данная форма доверия первична, примордиальна для коммуникации социальных субъектов. Более того, она уже в рамках мифологического сознания являлась одним из важнейших ресурсов обеспечения социального порядка [13]. Доверие на основе кровнородственных связей было основанием существования коммуникации в традиционном обществе, особенно на этапе их становления. Рассматривая феномен доверия в рамках общественного сознания как особую социально-психологическую установку следует указать на тенденцию повышения адаптационного потенциала социальных структур и отдельных общественных институтов. В этом плане доверие следует рассматривать как особый тип социального капитала, как особый ресурс, который является необходимым источником устойчивого развития общества. Устойчивое развитие общества невозможно без устойчивых коммуникаций между социальными субъектами, и в процессе коммуникации доверие выступает в качестве индикатора общественных ожиданий, когда в процессе коммуникации от субъекта предполагается и ожидается некое поведение человека в зависимости не только от его общественных диспозиций, но и от того, как он будет исполнять свою социальную роль.

В рамках общественного сознания доверие выступает специфическим источником функционирования социальных институтов. Так, в рамках политической подсистемы общества доверие проявляется в виде одной из форм феномена легитимности, так как он оказывает влияние на вовлеченность акторов в политический процесс и на функционирование их политического сознания [2] При этом легитимность на основе доверия строится не на применении насилия или влияния, а прежде всего в форме авторитета [5]. Легитимность власти и прочих политических институтов является важным дополнением легальности власти как способ ее узаконения благодаря наличию определенных законодательных актов и положений основного закона государства – конституции [8].

Таким образом, в социально-философском плане уровень и качество социального доверия оказывает влияние на скоординированность социальных процессов и на качество коммуникаций в социуме как между социальными субъектами, так и между элементами и компонентами социальной структуры.

Пристатейный библиографический список

1. Бакланов И. С., Бичахчян М. К., Бакланова О. А Социальная детерминация динамики правосознания: современный российский опыт // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2015. - № 8. - С. 23-26.
2. Бакланов И. С., Копченко И. Е., Крамчанинова Н. В. Внутренние основания автономности политического сознания // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. - 2023. - № 4. - С. 126-133.
3. Бакланова О. А Компаративистский анализ исторических типов социальнойности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. - 2011. - № 3. - С. 219-223.
4. Бакланова О. А., Душина Т. В. Социальность как предмет социокультурного анализа // Социодинамика. - 2017. - № 6. - С. 52-58.
5. Буркин Д. О. Проблема нормативной детерминации процессов легитимации власти в России // Kant. - 2020. - № 4 (37). - С. 236-240.
6. Бурлова Ю. А., Бакланова О. А. Социальная норма как функциональный механизм социальности // Kant. - 2022. - № 4 (45). - С. 112-115.
7. Гидденс Э. Последствия Современности. - М.: Практикс, 2011. - 352 с.
8. Деркачев Г. И., Бакланов И. С. Проблемы и истоки легитимации власти в современной России // Социально-гуманитарные знания. - 2009. - № 9. - С. 139-144.
9. Душина Т. В., Баранов С. Т., Бакланов И. С. Философия знания постмодернизма. – Ставрополь, 2007. - 129 С.
10. Игнатова Ю. Е., Лукьянов Г. И Феномен социального доверия как основание развития правосознания в современном российском обществе // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 4 (179). - С. 501-502.
11. Игнатова Ю. Е., Лукьянов Г. И. Социальное доверие как фактор функционирования ценностно-нормативных систем в российском обществе // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 5 (180). - С. 507-508.
12. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. - М.: АСТ, Ермак, 2004. - 730 с.
13. Baklanov I. S., Baklanova O. A., Erokhin A. M., Ponarina N. N., Akopyan G. A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // Journal of History Culture and Art Research. - 2018. - Т. 7. - № 2. - С. 41-47.
14. Luhmann N. Trust and Power/Two works by N. Luhmann; With introd. by Poggi G. Chichester etc.: Wiley, 1979. - 228 p.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-525-526

КАЛИНИНА Виктория Олеговна

соискатель, научное направление 5.7.4 Этика. Преподаватель кафедры философии и социальных коммуникаций Пензенского государственного университета

ФИЛОСОФСКИЙ РАКУРС ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье предлагается методологическая основа для философского анализа экологической политики Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации. Данное исследование основано на информационных данных об основных методах ведения экологической политики в данных странах, о структуре государственного аппарата, в полномочия которого входят реализация и контроль за исполнением законов, защищающих окружающую среду.

Целью данной статьи является освещение вопросов экологии в постоянно меняющемся современном мире и определение лучшей политики в России и США для сохранения и развития экологического потенциала природы.

В заключении приводятся некоторые оценки, сделанные на основе результатов сравнительного анализа экологической политики США и Российской Федерации.

Ключевые слова: экологическая политика США и РФ, экология, этика.

KALININA Viktoria Olegovna

competitor, scientific direction 5.7.4 Ethics. Lecturer of Philosophy and social communications sub-faculty of the Penza State University

THE PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE OF THE ENVIRONMENTAL POLICY OF THE UNITED STATES OF AMERICA AND THE RUSSIAN FEDERATION

The article provides a methodological basis for a philosophical analysis of the environmental policy of the United States of America and the Russian Federation. This research is based on information on the main methods of environmental policy management in these countries, the structure of the state apparatus, which is responsible for the implementation and control over the implementation of laws protecting the environment.

The purpose of this article is to highlight environmental issues in our constantly changing modern world and to determine the best policy in Russia and the United States for the preservation and development of the ecological potential of nature.

In conclusion, some estimates are given, which are based on the results of a comparative analysis of environmental policy of the United States and the Russian Federation.

Keywords: environmental policy of the USA and the Russian Federation, ecology, ethics.

Калинина В. О.

Экологическая политика США

Законодательство США напрямую регламентирует взаимоотношения человека и природы при помощи законов, подзаконных нормативных актов. В сфере экологической политики участвуют как министерства и ведомства, так и органы местной власти.

Изучив историю экологической политики США, можно с точностью сказать, что первыми законами о сохранении окружающей среды являются: Закон об охране федеральных вод от загрязнения от 30 июня 1948 г. и Закон о чистом воздухе от 14 июля 1955 г.

Политика США использует в своей деятельности ряд подходов, непосредственно регламентирующих охрану окружающей среды. К таким можно отнести «запретительный» подход, который предполагает своевременные меры контроля. К минусам данного метода можно отнести тот факт, что государство имеет большое влияние на экономику страны, что в свою очередь приводит к ограничению прав предпринимателя и потребителя. Вследствие этого качество жизни населения снижается. Еще один подход – это «балансовый». Данный метод учитывает затраты и выгоды. Можно с уверенностью утверждать, что экология является одной из целей общества. Для достижения этой цели необходимо снизить качество экономических ресурсов. Кроме всего перечисленного, используется политика «рыночного кнута и пряника».

Данные меры направлены на незамедлительное решение проблем в сфере охраны окружающей среды. При использовании данных методов стоит помнить об экономике страны, которая подвергается кризисным ситуациям, например запреты на определенные виды товаров и услуг [1].

В экологической политике США существуют и другие методы, регулирующие взаимоотношения человека и природы. В 1980 г. в США введен налог на производство токсич-

ных веществ по закону о компенсации и гарантиях от ущерба при загрязнении окружающей среды. Также создаются фонды, целью которых является обеспечивать расходы правительства на экологичное обезвреживание свалок опасных радиационных, твердых, химических и других отходов на поступления с налогов граждан. Еще один действующий метод – это прямые платежи за загрязнение окружающей среды. Платежи взимаются в случае, если превышает установленный уровень загрязнения. Данный метод имеет большую эффективность, потому что предприятия сами могут выбирать методы снижения загрязнения. Плата за пользование экологическими услугами взимается с потребителей товаров и услуг, которые оказывают отрицательное влияние на природу [4].

Экологическая политика Российской Федерации

Экологическая политика в России осуществляется на всех уровнях власти: законодательной, исполнительной, судебной. Она реализуется на федеральном, региональном и муниципальном уровнях государственного управления.

Система Российской Федерации, которая занимается вопросами охраны окружающей среды, состоит из трех уровней. Первый уровень – это Федеральный, который регламентирует свою деятельность на основании Федерального закона «Об охране окружающей среды». Осуществляет управление на данном уровне Правительство Российской Федерации. Непосредственный контроль за надлежащим исполнением закона осуществляет Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. В его состав входят Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральное агентство водных ресурсов, Федеральная служба по экологическому, технологическому

Таблица 1. Эколого-этическое сопоставление РФ и США

Страны и показатели сравнения		
США	Российская Федерация	Вывод
Массовое уничтожение живой природы ради наказания местных жителей		
США массово убивали стада бизонов ради слома сопротивления индейцев; губили леса Вьетнама	РФ не прибегала к массовому уничтожению живой природы для победы над противником	Этическое преимущество на стороне РФ – она не уничтожала природу ради победы над аборигенами
Прагматичность природоохранных этик		
Природоохранные этики в США прагматичны (А. Нейс, О. Леопольд)	В РФ создана не-прагматичная новая этика эмпатии, сочувствия ко всей живой природе	Этическое преимущество на стороне РФ – новая этика диалектична и реалистична
Применение агрессивных для природы технологий при добыче полезных ископаемых		
Активно применяются агрессивные для природы технологии, например, при сланцевой добыче нефти; на шельфе	Используют такие технологии при открытой добыче полезных ископаемых (железная руда и пр.) без рекультивации	Этических и экологических преимуществ нет у двух стран, но последствия для состояния природы опаснее у США
Раздельный сбор и утилизация отходов, сокращение площади свалок		
Применяется в США	Начато применение в РФ	Преимущество в экологической оценке – у США
Устойчивость социально-экологических систем стран		
Устойчивость невелика, страну сотрясают социальные кризисы, расизм не исчезает, страна может развалиться	Устойчивость (упругость) необходимо повысить, чтобы меньше зависеть от внешних факторов в развитии страны	Устойчивость социально-экологических систем стран надо повышать (и социальную, и экологическую части)

Источник: [4].

и атомному надзору, а также Федеральное агентство по недропользованию.

Второй уровень – это отраслевой. Он предполагает, что осуществление охраны окружающей среды происходит в конкретной отрасли и этими вопросами, непосредственно, занимаются федеральные органы исполнительной власти, которые закреплены за этой территорией.

Третий уровень – уровень субъекта Российской Федерации. Охрана окружающей среды осуществляется в каждом субъекте Российской Федерации. Такими полномочиями наделяются федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3].

Законодательство Российской Федерации устанавливает экологическую ответственность за правонарушения в данной области. Это значит, что человек несет гражданско-правовую, дисциплинарную, административную и уголовную ответственность. Если сравнивать нормативно-правовую базу по охране окружающей среды, то явно она не отличается от общемировых стандартов. Но нельзя и не отметить, что не все экологические вопросы находятся под охраной законодательства Российской Федерации. Например, остается открытым вопрос о праве собственности на природные ресурсы. Также не менее важен вопрос об экологических фондах. Существует еще ряд таких вопросов, которые не попадают под структурированное нормативно-правовое регулирование.

Эколого-этическое сопоставление двух стран

Рассмотренные выше основные особенности экологической политики Российской Федерации и США, следует свести воедино, с целью наглядного представления о сходствах и различиях экологической ответственности двух стран [4]. (См. табл. 1.)

Таким образом, приведенный выше сравнительный анализ экологической политики США и Российской Федерации показывает, что данное направление более развито в РФ, чем США. Возможно, это связано с тем, что Российская Федерация богата энергетическими ресурсами, имеет большую территорию. Причины могут заключаться и в том, что данная

страна не использовала оружие, которое вредно и опасно для природы, отсутствуют расизм и социальные конфликты.

Пристатейный библиографический список

1. Зотенко Е. А., Морозова Н. М. Оценка эффективности экологической политики США // VII Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», XXVI Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки): Сборник статей и тезисов молодых ученых, Нижний Новгород, 17-18 ноября 2021 года. – Нижний Новгород: Издательство «Перо», 2021. – С. 152-156.
2. Коромылова Т. А., Баклашкин М. И., Калинина В. О. Экологическая этика в вузе // Цифровые технологии живых систем в сельском хозяйстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Пенза, 24 ноября 2022 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. – С. 139-141.
3. Павлов И. Е. Экологическая политика составная часть государственной политики России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – Т. 7 (73) – № 1. – С. 209-224.
4. Тетиор А. Н. Этически-экологическое сравнение США и РФ // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 7-3 (76). – С. 45-51.

КИТАЕВ Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, Почетный профессор Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б. Н. Ельцина, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета, Заслуженный юрист Российской Федерации

АРДАШЕВ Роман Георгиевич

доктор философских наук, кандидат юридических наук, начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России

ШАМУРЗАЕВ Таалайбек Турсунович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина

МИСТИЦИЗМ И ПРАВО: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье показана распространенность в обществе веры в оккультные явления. Дается краткий исторический анализ развития мистицизма. Отмечено, что повышение образовательного уровня населения не является препятствием для массового проявления магического мышления. Показана связь оккультизма и права, существующая в разные эпохи.

Ключевые слова: мистицизм, вредоносная магия, иррациональное мышление, оккультизм и право.

KITAEV Nikolay Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, Honorary Professor of the B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University, Honored Lawyer of the Russian Federation

ARDASHEV Roman Georgievich

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, Head of Philosophy and socio-humanitarian disciplines sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

SHAMURZAEV Taalaibek Tursunovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Criminal process and science of criminal law sub-faculty of the Faculty of Law of the B. N. Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University

MYSTICISM AND LAW: MYTHS AND REALITY

The article shows the prevalence of belief in occult phenomena in society. A brief historical analysis of the development of mysticism is given. It is noted that increasing the educational level of the population is not an obstacle to the mass manifestation of magical thinking. The connection between occultism and law, existing in different eras, is shown.

Keywords: mysticism, harmful magic, irrational thinking, occultism and law.

В ряде современных научных публикаций идет речь о призывах к признанию юриспруденцией реальности основных постулатов мистицизма – веры в существование сверхъестественных сил, действующих вопреки законам природы, и в возможность непосредственного общения с ними посредством различных тайных магических приёмов [1, с. 73-74], [2, с. 147-149].

Психотерапевт М. И. Буянов отмечает: «Людам – даже очень образованным и хорошо разбирающимся в какой-нибудь сфере – свойственны заблуждения и даже примитивная вера в сверхъестественное, ибо дело не в информированности, а в психологическом складе» [3, с. 90]. В другой своей работе М. И. Буянов указывает: «Иррациональность присуща не только детям, но даже многим вроде бы умным и образованным учёным мужам, ведь поразительно, что больше всего верят в домовых, воскрешение мёртвых и прочую чертовщину депутаты парламентов, писатели, артисты, многие учёные» [4, с. 131-132]. Американский философ Бэрроуз Данэм писал: «Сверхъестественное не есть научное понятие, а философская иллюзия, имеющая определенное социальное происхождение и цели. Это понятие нельзя окончательно уничтожить одной только критикой, и оно будет жить до тех пор, пока сохранится в нём социальная потребность» [5, с. 118].

В. В. Юдин сообщает, что на сегодняшний день существенной частью обыденного сознания является вера в колдовство и магию. При ответе на вопрос «Верите ли Вы в существование колдунов и ведьм?» безоговорочно признают реальность данного феномена 41,5% опрошенных, а 32,5% заявляют, что они лично или их близкие стали жертвами колдунов и ведьм [6, с. 118,120], [7, с. 127-134].

Профессор Серж Московичи (Франция) отмечает, что умственная деятельность, утверждающая иррациональность, породила множество исследований, результаты которых свидетельствуют: «Большинство людей склонны предпочитать идеи расхожие идеям научным, делать обманчивые сопоставления, некорректируемые объективными данными. Они вообще не принимают в расчет статистику, играющую такую громадную роль в наших каждодневных решениях и рассуждениях. Они искажают поступающую к ним информацию... Люди особенно охотно принимают факты или усваивают по-

Китаев Н. Н.

Ардашев Р. Г.

Шамурзаев Т. Т.

ведение, подтверждающие их привычные убеждения, и это пока ещё не опровергнуто. Даже если опыт говорит им: это ложно, а рассудок – это абсурдно» [8, с. 3-4].

Приведённые наблюдения французского учёного соответствуют аспектам исследования мистики, как культурной традиции. Мистика (от греч. *mystikos* – таинственный), религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе «непосредственного единения» с Богом, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих и осмысляющих эту практику; философы относят мистицизм к разновидностям интуитивизма и иррационализма [9, с. 536]. Психотерапевт М. И. Буянов пишет: «Всякая мистика основывается на полностью придуманных явлениях, либо на редчайших единичных фактах, не поддающихся воспроизведению... Мистика – это широкое, художественное, ненаучное понятие, включающее в себя многочисленные разнородные явления, вызывающие у нас удивление, недоумение, непонимание» [10, с. 7-8].

Г. В. Плеханов отмечал: «Материалист отвергает магию с тем же презрением, с каким относится он ко всякому знахарству и колдовству. В глазах мистика магия есть нечто более почтенное и серьёзное, нежели наше обыкновенное естествознание» [11, с. 519].

Известный французский исследователь Л. Леви-Брюль (1857 – 1939 гг.) описывал мышление людей первобытных обществ, как дологическое (т.е. нечувствительное к противоречиям), и мистическое (т.е. подразумевающее веру в тайные силы) [12, с. 27-55]. Со временем он пришёл к выводу, что эта гипотеза была ошибочной и что мистическое мышление присуще любому человеку, но «легче наблюдается у примитивных народов» [13, с. 556]. Аналогичное мнение высказывал и российский просветитель Поликарп Пузина: «Одной любви ко всему чудесному достаточно уже, чтобы увековечить легковерие наше. Невзирая на все доказательства людей благоразумных, редких в мире, воображение народа, само по себе, находит приятность умножать чудеса чудесами и химеры химерами; а потом защищает чудовища сии потому, что оно само произвело их на свет... Все мы имеем некоторую наклонность к легковерию, где бы мы ни жили, в Камчатке или в столице, во времена ли язычества предков наших, или в нынешнем просвещённом веке. Всегда можно удивить народ необыкновенными явлениями; а от удивления к легковерию – один шаг!» [14, с. 81-82].

Известный русский философ В. С. Соловьёв определял мистику, как «верховное начало жизни общечеловеческого организма» и утверждал, что в мистике жизнь находится в непосредственной, тесной связи с действительностью абсолютного начала. По его мнению, древнейший период человеческой истории воплощал в себе слитность, необособленность всех сфер общечеловеческой жизни. Неразрывны были теология, философия, наука, мистика, искусство. Жрецы, философы, учёные находились в то время в непосредственном мистическом общении с высшими силами бытия [15, с. 155].

В самом начале XX века американский психолог и философ Уильям Джеймс написал книгу «Многообразие религиозного опыта» (первое издание на русском языке вышло в 1910 году в Москве). По существу – это своеобразная энциклопедия мистических переживаний, свод исповедий святых и пророков, размышление над интуитивными прозрениями, к которым автор относится с предельным вниманием и исследовательской пылкостью.

Джеймс выделяет четыре главных характерных признака, которые служат критерием для различия мистических переживаний. Первый из них – неизречённость. Иначе говоря, человек, прошедший через мистический опыт, не может изложить собственные ощущения и полученные впечатления на обычном языке. Для такой личности очевидно, что никто, не переживший того же, не в состоянии правильно понять её слов (описание экстатического транс шаманов и жрецов и т.п.). «Невозможность описать словами то, что познаётся в состоянии экстаза, является характерной чертой мистицизма. Истина мистического характера существует лишь для того, кто находится в экстазе, и непостижима ни для кого другого. Это роднит её с познанием, которое мы получаем через ощущение, в отличие от того, какое получается посредством абстрактного мышления...» [16, с. 316]

Второй признак мистического опыта – интуитивность. Джеймс подчёркивает, что хотя это состояние относится к сфере чувств, оно тем не менее является особой формой познания. Человек проникает в глубины истины, не доступные рассудку. Это своего рода откровения, моменты внутренне-го просветления. Джеймс кроме неизречённости и интуитивности называет ещё два признака мистического опыта: кратковременность и бездеятельность воли. Мистические переживания не длятся долго, а воля мистика во время таких переживаний как бы парализуется. Джеймс также указывает, что истина мистического характера существует лишь для того, кто находится в экстазе, она не постижима ни для кого другого. «Сколько мистиков, столько и мистических состояний – и я уверен, что эти состояния столь же разнообразны, как разнообразны люди» [16, с. 318].

На протяжении тысячелетий мистики вели своеобразную работу с человеческой психикой, что позволяло им приобщаться к тайнам мироздания. Здесь использовался и опыт медитации (предельного духовного сосредоточения), и многодневные посты, и специальные упражнения [17, с. 9-56]. Приёмы религиозно-мистической практики могут быть самыми разными – от многократного повторения мантр или молитв до определённых поз и регуляций дыхания, от бешеных ритмов пляски шаманов, дервишей, сектантов – «трясунов» до «тихого умиления» христианских аскетов. При всех различиях здесь есть и некоторые общие черты – тяготение к иррациональному, интуитивному, парадоксальности в передаче пережитого опыта.

Э. Андерхилл, продолжившая вслед за Джеймсом фундаментальные исследования мистицизма, отмечает «темную сторону и заблуждений», к которым приводит людей «гипертрофированное и деформированное, граничащее с гордыней мистическое чувство. Число таких ошибок несметно, а их дикость просто непостижима...» [18, с. 154]. Психотерапевт М. И. Буянов пишет: «...Мистика будет всегда, ибо потребность в ней заложена в человеческой психике, особенно женской» [10, с. 127].

Здесь уместно привести мнение А. Сумарокова, сославшегося на прямую зависимость между психофизиологическими аномалиями субъекта и его наклонностью к мистицизму: «В высшей степени пригодными для мистических целей оказываются натуры с нарушенной функцией половой сферы или с неявно-выраженными половыми наклонностями. Так как в здоровом человеке воспроизводительные стремления поглощают известное количество нервной деятельности и нервная система становится менее чувствительной к внешним раздражениям, мистицизм, ради своих задач, всегда предписывал возможно полное половое воздержание. Для известных натур, управляемых мистическими идеями, повышение нервной возбудимости, которая развивалась вследствие такого извращения естественных наклонностей и тем легче вела к экстазу, являлось настолько выше половых наслаждений, что они начинали с отвращением и ненавистью относиться к ним и старались всеми мерами парализовать в себе эту способность. Такое стремление в своём крайнем проявлении привело к скопчеству, и оно же всегда заставляло ценить таких субъектов, у которых половые наклонности были неразвиты от природы» [19, с. 161].

Психолог Л. С. Выготский, обобщивший десятки научных трудов, посвященных магии, дал ретроспективное психологическое обоснование этому явлению: «Когда хотят охарактеризовать примитивного (первобытного – авт.) человека одним словом, обыкновенно говорят о магии или магическом мышлении, как наиболее характерной для него черте... Неправильно рассматривать магию исключительно как недостаток мышления. Напротив, в известном отношении она есть огромный шаг вперёд по сравнению с поведением животного... В магии проявляется не только тенденция к власти над природой, но и в такой же мере и тенденция к господству над собой. В этом смысле в магии мы находим зародыш и другой чисто человеческой формы поведения: овладения своими реакциями. Магия допускает принципиально одинаковое воздействие на силы природы и на поведение человека» [20, с. 114-115].

Л. С. Выготский отмечает, что магическое мышление, означающее разницу между потребностями и возможностями в деле овладения природными силами, не только об-

условлено недостаточным развитием техники и разума при переоценке собственных сил, но закономерно возникает на определенной ступени развития техники и мышления, как необходимый продукт нерасчлѐнной ещё тенденции к овладению природой и поведением. «Отличительная черта магического мышления примитивного человека заключается в том, что его поведение, направленное на овладение природой, и поведение, направленное на овладение собой, еще не отделены одно от другого» [20, с. 116].

Пробел в человеческих знаниях, неспособность человека контролировать то или иное явление, – по рождает магию. В этом случае стихийный поток идей, возникающий под влиянием эмоций, не получает практического применения, но тем не менее порождает ожидание определенных положительных результатов человеческих действий. Это ожидание, конечно, не основывается на научном предвидении. Магия базируется на определенном общественном отборе фактов и человеческого опыта, передаваемых традицией. Из множества способов поведения традиция отбирает и фиксирует в виде стандартизованных обычаев только особые типы, которым придаёт общественное значение. Жизненность магии основывается на вере в её полезную и избирательную ответственность. Её общественная роль как силы, организующей и определяющей общественное положение человека, находит свое обоснование в аффективной социальной психологии, ограниченной подсознательными эмоциями и импульсами, желаниями и страстями. Известный антрополог Э. Б. Тэйлор писал: «Вообще колдун изучает свою знаменитую древностью профессию совершенно добросовестно и более или менее сохраняя свою веру в неё от начала и до конца; в одно и то же время обманывающий и обманутый, он соединяет энергию верующего с хитростью лицемера... Магии по профессии существовали, начиная от самых древних известных нам ступеней цивилизации; они жили своим колдовством и поддерживали его» [21, с. 121].

К настоящему времени описаны и систематизированы многие тысячи колдовских обрядов, в российской этнографии наибольшей полнотой отличается типология магии, предложенная проф. С. А. Токаревым, различавшем магические приѐмы по следующим критериям: а) по степени сложности; б) по общей направленности; в) по психологическому механизму действия; г) по целевому назначению [22, с. 7-75].

По целевому назначению магические приѐмы подразделяются на земледельческую, промысловую, лечебную, любовную, военную и вредоносную (чѐрную, злую) магию. О последнем виде В. Ф. Зыбковец делает важное замечание: «Этот вид магии наиболее распространѐн и поэтому обычно смешивается с магией вообще не только в обычном словоупотреблении, но и в научной литературе. Наивные и грубые представления о вредоносной магии отличаются сильной живучестью и продолжают сохраняться в быту многих народов» [23, с. 15].

Есть веские основания утверждать, что так называемая вредоносная (чѐрная, злая) магия является одним из древнейших видов магии, существующей несколько десятков тысячелетий [24, с. 49], [25, с. 384]. Условия жизни обособленных, замкнутых в себе первобытных родоплеменных групп явились социальной почвой, на которой возникла и развилась вера во вредоносную магию. В. Г. Богораз-Тан писал: «Первобытный человек, как известно, не понимает и не признаѐт естественной смерти. Смерть – это убийство. Убийство совершает враг зримый или незримый» [26, с. 46]. А. Котляревский сообщал: «Смерть, а равно болезнь, по понятиям славян, насылались неведомою силою или божеством» [27, с. 26]. Э. Б. Тэйлор отмечал: «В Австралии и Южной Америке есть грубые племена, которые настолько верят в колдовство, что, по их словам, люди никогда бы не умирали, если бы их не заколдовывали и не убивали насильственно. Подобно австралийцам, африканцы стараются узнать относительно своих умерших, какой колдун убил их своим губительным искусством, и когда они удостоверяются в этом, кровь должна быть оплачена кровью. В Западной Африке смело утверждают, что вера в колдовство стоит больше жизни, чем стоила когда-нибудь торговля невольниками» [21, с. 124-125].

Таким образом можно отметить, что иррациональность мышления многих наших современников, мистичность сознания населения влекут различные преступления – от ри-

туальных убийств до убийств «колдунов», а также деяния множества мошенников, именующих себя «целителями», «экстрасенсами», «астрологами», «магами» и т.п. [28, с. 173-175], [29, с. 56-59], [30].

Пристатейный библиографический список

1. Куприянов А. «Тѐмные силы» как субъект преступления // Российская юстиция. – 2001. – № 8.
2. Китаев Н. Н., Китаева В. Н., Ардашев Р. Г. Юриспруденция и мистика // Закон и право. – 2019. – № 1.
3. Буянов М. И. Эгоисты. – М., 2001.
4. Буянов М. И. Обретение воли, или как взрослеют люди и народы. – М., 1998.
5. Данэм Б. Гигант в цепях. – М., 1958.
6. Юдин В. В. Вера в колдовство – проявление обыденного сознания молодѐжи // Социологические исследования. – 2007. – № 10.
7. Китаева В. Н. Криминалистическая характеристика жестокого обращения с животными // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – Иркутск, 2015. – № 1 (7).
8. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – № 1.
9. Краткая российская энциклопедия. – Т. 2 – М., 2003.
10. Буянов М. И. Мистика, КГБ и психиатрия. – М., 2007.
11. Плеханов Г. В. О религии и церкви. – М., 1957.
12. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1999.
13. Психологическая энциклопедия. 2-е изд./ под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. – СПб., 2003.
14. Пузина П. Взгляд на суеверие и предрассудки. – СПб., 1834.
15. Соловьѐв В. С. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. – М., 1988.
16. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. – М., 1993.
17. Кеппен. Crata Repoa, или каким образом в древние времена происходило в Таинственном обществе посвящение египетских жрецов. – СПб., 1779.
18. Андерхилл Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека. – Киев, 2000.
19. Сумароков А. Что такое спиритизм и его явления? – СПб., 1871.
20. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. – М.-Л. 1930.
21. Тэйлор Э. Б. Первобытная культура. Т. 1. – СПб., 1896.
22. Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М.: Изд. Акад. Наук СССР, 1959.
23. Зыбковец В. Ф. О чѐрной и белой магии. – М., 1965.
24. Платонов К. К. Психология религии. – М., 1967.
25. Гуили Р. Э. Энциклопедия ведьм и колдовства. – М., 1998.
26. Богораз-Тан В. Г. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений // Советская этнография. – 1930. – № 1-2.
27. Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. – М., 1868.
28. Ардашев Р. Г. Суеверия в правоприменительной деятельности как показатель иррациональности общественного сознания // Закон и право. – 2020. – № 7.
29. Китаев Н. Н., Китаева В. Н. Судебная экспертиза при изобличении мошенников- «экстрасенсов» // В защиту науки. – Вып. 11. – М., 2012.
30. Нугаева Э. Д. Особенности расследования мошенничества при оказании окултальных услуг: Дис... канд. юрид. наук. – Уфа, 2018.

МАДЖУГА Анатолий Геннадьевич

доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, психологии и здоровьесбережения, Институт развития образования Республики Башкортостан, г. Уфа

АЖИЕВ Ахмед Вахаевич

кандидат педагогических наук, профессор, проректор по социальной, воспитательной работе и связям с общественностью Чеченского государственного педагогического университета, г. Грозный

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЁЖИ В КОЭВОЛЮЦИОННО РАЗВИВАЮЩЕМСЯ МИРЕ

В статье представлены концептуально-теоретические основы военно-патриотического воспитания учащейся молодёжи, определены сущностные характеристики методологических подходов, на которых основывается формирование гражданско-патриотических ценностей обучающихся в реалиях современного общества. Авторы доказывают, что коэволюционный подход выступает в качестве методологической основы военно-патриотического воспитания учащейся молодёжи. В контексте исследования рассмотрены основные факторы, влияющие на качество военно-патриотического и гражданского воспитания обучающихся, показан ценностный потенциал патриотизма в ракурсе процесса формирования патриотического сознания личности.

Ключевые слова: военно-патриотическое воспитание, гражданское воспитание, коэволюционный подход, патриотизм, гражданско-патриотические ценности, принципы военно-патриотического воспитания.

MADZHUGA Anatoliy Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Head of Pedagogy, psychology and health care sub-faculty of the Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan, Ufa

AZHIEV Akhmed Vakhaevich

Ph.D. in pedagogical sciences, professor, Vice-rector for Social, Educational Work and Public Relations of the Chechen State Pedagogical University, Grozny

CONCEPTUAL AND THEORETICAL FOUNDATIONS OF MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS IN A COEVOLUTIONARILY DEVELOPING WORLD

The article presents the conceptual and theoretical foundations of military-patriotic education of students, identifies the essential characteristics of methodological approaches on which the formation of civil-patriotic values of students in the realities of modern society is based. The authors prove that the coevolutionary approach acts as a methodological basis for the military-patriotic education of students. In the context of the study, the main factors affecting the quality of military-patriotic and civic education of students are considered, the value potential of patriotism is shown from the perspective of the process of formation of patriotic consciousness of the individual.

Keywords: military-patriotic education, civic education, coevolutionary approach, patriotism, civic-patriotic values, principles of military-patriotic education.

В нашей стране происходит процесс становления системы патриотического воспитания молодёжи, отсутствие которой негативно отразилось на динамике развития молодёжи в прошлые годы. Сегодня, как никогда молодёжь подвержена влиянию различных субкультур, деятельность которых в отдельных случаях носит явный экстремистский характер. Отчуждённость молодёжи от внутригосударственных процессов и безучастность в решении социальных проблем – показатель недостаточной работы в области патриотического и гражданского воспитания молодёжи. В связи с этим развитие гражданственности и патриотизма молодёжи в современной России является важнейшим фактором обеспечения безопасности и стабильного развития нашей страны.

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации определены внешние и внутренние угрозы государству, обществу, личности, и в качестве важного направления в решении задач национальной безопасности указывается повышение престижа военной службы и подготовка к ней российских граждан. В условиях обострения геополитического противостояния в мире, с учётом усложнения военной политики и появления нового, информационно-технологического вида войн, реализация целей военно-патриотического воспитания молодёжи требует формирования воинов с новыми психологическими, интеллектуальными, профессиональными компетенциями [6]. В качестве одного из приоритетов государственной политики нашей страны в области воспитания в «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 года» акцентируется формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России [7]. Ещё одним важным документом, который актуализирует вопросы патриотического воспитания обучающихся, является Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (далее –

ФГОС ООО). В ФГОС ООО, под патриотизмом понимается чувство и сформировавшаяся гражданская позиция верности своей стране и солидарности с её народом, гордости за своё Отечество, город или сельскую местность, где гражданин родился и воспитывался, готовности к служению Отечеству.

Результативность реализации основных направлений духовно-нравственного и патриотического воспитания измеряется степенью готовности и стремлением учащейся молодёжи к выполнению своего гражданского и патриотического долга во всем многообразии форм его проявления, их умением и желанием сочетать общественные и личные интересы, реальным вкладом, вносимым ими в дело служения Отечеству, особенно в Вооружённых силах, воинских формированиях и органах. В этом контексте, военно-патриотическое воспитание детей и молодёжи является залогом построения и развития жизнеспособного, социально устойчивого и динамично развивающегося цивилизованного правового государства в условиях глобализирующегося мира, укоренения исторической и культурной преемственности поколений, обеспечения национальной и военной безопасности страны, межнационального и межрелигиозного мира в России, профилактики космополитизма, маргинальности, экстремизма и молодежной преступности.

Важно отметить, что в современной России военно-патриотическое воспитание является неотъемлемой частью воспитания в семье. Повышение эффективности военно-патриотического воспитания граждан в современных условиях представляет собой определенную проблему, и ее разрешение, со всей очевидностью, невозможно без вклада в его развитие научных основ. Основным фактором, отрицательно влияющим на воспитание детей и молодёжи, является, прежде всего, утрата базисных ценностей и, как следствие, потеря преемственности поколений, снижение общего культурного уровня, навязывание через средства массовой информации и глобальную систему Интернет,

кино и литературу ценностей чуждых российскому обществу, попытки исказить отечественную историю, культуру и традиции.

Противоречие между концептуальной несформированностью, нерезультативностью военно-патриотического воспитания учащейся молодежи и его существенным позитивным консолидирующим потенциалом, обусловило актуальность, теоретическую и практическую значимость заявленного исследования, направленного на разрешение указанного противоречия.

Теоретико-методологическое обоснование единства военно-патриотического, семейного, духовно-нравственного, экологического воспитания через призму коэволюционного подхода, составляет научную новизну нашего исследования.

Ожидаемым результатом исследования является разработка концептуально-теоретических основ военно-патриотического воспитания учащейся молодежи интегрирующего принципов семейного, духовно-нравственного и экологического воспитания в контексте коэволюционно развивающегося мира, а именно: 1) теоретико-методологическое обоснование содержания, форм, средств, целей, ценностей военно-патриотического воспитания учащейся молодежи в его связи с семейным, духовно-нравственным, экологическим воспитанием; 2) теоретическое обоснование диалектической связи военно-патриотического воспитания с семейным, духовно-нравственным, экологическим воспитанием через призму идей коэволюционного подхода; 3) разработка механизма и педагогических условий эффективной реализации мотивационно-деятельностного и консолидирующего потенциала военно-патриотического воспитания учащейся молодежи.

Таким образом, актуальность избранной нами проблематики обусловлена необходимостью осуществления военно-патриотического воспитания подрастающего поколения в реалиях современного общества, что является важнейшим условием обеспечения национальной безопасности и благополучного развития нашей страны.

Цель военно-патриотического воспитания заключается в формировании у детей, подростков и молодежи глубокого понимания своего социального назначения, состоящего в осознании патриотического долга, готовности встать на защиту Отечества и включиться в деятельность по укреплению целостности и единства общества, упрочению дружбы и солидарности между народами Российской Федерации. Однако реализация отмеченной цели значительно усложняется распадом, сложившейся в советский период развития системы патриотического и интернационального воспитания, что привело к активизации среди молодежи идеологических отклонений экстремистского, шовинистического, антисемитского, националистического и даже фашистского характера.

Современному молодому поколению вполне объективно угрожает опасность утраты исторической памяти, поскольку уже явно обозначилась тенденция нигилистического отрицания исторической роли России в мировом процессе и цинично-скептического отношения к ее героическому прошлому. Еще более актуализирует заявленную проблему тот факт, что в высокоразвитых странах мира, наоборот, культивируется идея любви к Отечеству и верности ему, гордости за национальную историю и глубокого уважения к своим государственным символам. Все это требует особого внимания к вопросам военно-патриотического воспитания подростков и молодежи, усиления роли семьи в формировании позитивного отношения детей к исполнению гражданского долга и реализации своего социального предназначения [4], [8].

Существовать военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения следует, прежде всего, на этапе семейного воспитания, в рамках которого осуществляется духовно-нравственное воспитание, поскольку именно семья в силу различных фобий и предрассудков, в настоящее время формирует устойчивое негативное отношение детей к исполнению ими в будущем своего гражданского долга и гражданских обязанностей. В результате происходит девальвация таких важнейших гражданско-патриотических ценностей, как: «честь», «долг», «совесть», «достоинство», «верность», «стойкость духа», «любовь к Родине» и др., что крайне негативно влияет на морально-психологическое состояние российского общества. Именно семья закладывает базисные личностные качества, содействующие успешной социализации человека в обществе. В то же время реализация воспитательной функции семьи немаловажна вне обеспечения глубинных взаимосвязей человека с окружающим миром, когда мир воспринимается единым «домом», пространством со-бытия, данного человечеству на всех. Формирование рационального и интуитивного восприятия целостности индивидуального мира, встроенного в больший мир социума и всего

человечества, составляет сущность экологического воспитания и обеспечивается, в том числе, средствами духовно-нравственного воспитания.

Общенаучные и теоретические концепции военно-патриотического воспитания, взгляды учёных на роль и место человека в защите Отечества, представления об идеале гражданина-патриота, ценностных ориентациях и общечеловеческих ценностях служения Отечеству представлены в трудах Ю. К. Бабанского, А. В. Барабанщикова, В. Л. Васильева, П. Я. Гальперина, В. В. Давыдова, И. А. Ильина, В. В. Карпова, А. А. Крупника, Н. В. Кузьминой, В. И. Лутовинова и др. Идеи культурологического подхода к военно-патриотическому воспитанию нашли отражение в исследованиях А. А. Аронова, Н. А. Асташовой, В. А. Безродных, А. Н. Вырщикова, М. И. Драгомирова [1], [2], [3].

Сегодня в нашей многонациональной стране, патриотизм воспринимается гражданами как ценностный стержень, как смысл жизни. В нём сочетается личное, присущее каждому гражданину (независимо от национальной и конфессиональной принадлежности), и общественное, связанное с развитием государства страны, её прогрессом, укреплением федерации. Однако, можно констатировать наличие значительного числа разнонаправленных мнений по вопросам патриотизма, отсутствие в обществе единого понимания патриотического воспитания, а также недостаточную системность и чёткость форм, методов и средств, используемых в системе патриотического воспитания подрастающего поколения.

Важно подчеркнуть, что становление Российской Федерации в качестве субъекта международной и внутренней жизни инициировало ощутимые противоречия: между реальностью и субъективными представлениями людей (идейно-ценностный конфликт); между требованиями государства к своим гражданам и их общей готовностью воспринимать эти требования в качестве граждан новой России (нормативно-правовой конфликт).

Основными факторами, влияющими на качество военно-патриотического и гражданского воспитания в современных условиях, по результатам социологического исследования НИИКСИ СПбГУ (опрос 1,5 тыс. обучающихся) являются: качество семейного воспитания, влияющего на передачу гражданских ценностей, идеалов; направленность связи между личностью и территориально-географической и эмоционально-духовной привязанностью к среде обитания; уровень и качество формирования связи «личность-государство» (ощущение себя гражданином России, признание ее государственности); фактор доверия к государству.

Деструктивные процессы в современном обществе (вспышки ксенофобии, фашизма, фанатизма и фундаментализма) свидетельствуют о необходимости формирования гражданского сознания молодежи в процессе решения задач патриотического воспитания с целью профилактики национализма и экстремизма, уменьшения риска социальных взрывов. Не случайно Институт философии РАН в качестве важнейших идей XXI века предложил: «идею ненасилия» (В. С. Степин), «идею новой рациональности» (А. А. Гусейнов), «идею взаимодополнительности морали и права» (Н. В. Мотрошилова). Важность социального заказа, основанного на соединении морали и рациональности, убеждает нас в необходимости формирования новой стратегии военно-патриотического воспитания.

В свете современной ситуации интерпретация патриотизма как важнейшего компонента русской идеи, безусловно, ценна и продуктивна, но не менее важна выработка взвешенной, конструктивной, научно обоснованной стратегии военно-патриотического воспитания. Базовой компонентой такой стратегии в ситуации всплеска экстремистских идей должен быть принцип нравственности и гуманизма, лежащий в основе методологии русской идеи В. Соловьева [5, с. 204]. В последние десятилетия ценностный багаж молодежи претерпел серьезные трансформации как по своему содержанию (обеднение правовых, нравственных, социальных ориентиров), так и по форме проявления – на первый план вышли индивидуалистические и материальные ценности, поэтому патриотизм важен как своеобразная национальная идея и обобщающая ценность, объединяющая социально-ценностную систему в единое целое. Ценностный потенциал патриотизма представляет совокупность интеллектуальных, эмоциональных и духовных возможностей, используемых для решения задач по формированию патриотического сознания, социально позитивного поведения и деятельности.

Основываясь на важнейших концептуальных положениях в работах военных педагогов и психологов, писателей и поэтов о патриотизме, можно утверждать, что патриотизм выступает в качестве духовно-нравственной основы личности, характеризует высший уровень её развития и проявляется в её активно-

деятельностной самореализации на благо Отечества (А. Г. Маджуга, А. В. Ажиев). Патриотизм непреходящая ценность всей нашей культуры, которая была, есть и будет всегда, при любой социально-экономической и политической формации. Именно по этой причине, идея государственного патриотизма является стержневым и концептуальным основанием, объединяющим всех граждан независимо от их национальности, культуры и вероисповедания. Для того, чтобы пробудить в молодых людях, утраченные ими возвышенные идеалы, ценности, чувства, патриотизм и нравственность, толерантность и милосердие, культуру межнациональных отношений, необходимо создать принципиально новую систему воспитания российского патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства. Идея российского патриотизма должна выйти на новый уровень трактовки, понимания и содержания. Российский патриотизм, в первую очередь, должен выражать интересы государства и граждан России, рассматриваться на уровне общегосударственной (национальной) идеи, а во вторую очередь – выражать патриотизм всех землян, занимать доминирующие положение по отношению к любому частному патриотизму.

Представленное нами теоретико-методологическое обоснование военно-патриотического воспитания в контексте принципов семейного, духовно-нравственного и экологического воспитания, даёт нам основание рассматривать его как человекомерную систему, связанную с коэволюционно развивающимся миром, в котором максимально актуализируются сущностные силы воспитанника, органично встраивая его в соподчинённое пространство социальных миров «семья – общество – человечество». В этом контексте современный воин должен обладать экологическим сознанием, позволяющим ему усматривать ценностно-смысловое единство мира. Патриотизм, в рамках идей коэволюционного подхода мы представляем, как возвышенное чувство, незаменимую ценность и источник, важнейший мотив ценностно-ориентированной значимой социальной деятельности, в которой наиболее полно проявляется личность, социальная группа, достигшая высшего уровня духовно-нравственного и культурного развития.

В этой связи, концептуально-теоретическую основу военно-патриотического воспитания учащейся молодёжи в реалиях современного общества составили следующие подходы:

– Коэволюционный подход. Под коэволюцией, прежде всего, понимается сосуществование и соразвитие мира природы и мира цивилизации на Земле. Она может проявляться на уровне так называемых «человекообразных» систем. В нашем исследовании, коэволюционный подход обеспечивает понимание процесса военно-патриотического воспитания как особого вида педагогической деятельности, максимально актуализирующей сущностные силы воспитанника, органично встраивая его в соподчинённое пространство социальных миров «семья-общество-человечество».

– Сравнительно-исторический подход, позволяющий проследить эволюцию военно-патриотического воспитания подрастающего поколения на различных этапах развития общества;

– Гуманистический подход, обосновывающий значимость военно-патриотического воспитания с позиции бескорыстного служения людям и обществу, что задаёт альтруистическую направленность жизнедеятельности человека;

– Аксиологический подход, определяющий шкалу ценностных координат в военно-патриотическом воспитании учащейся молодёжи: долг, человеколюбие, ответственность, свобода, любовь, забота, жизнь, семья, общество, Родина, государство;

– Антропологический подход, который позволяет обновить проблему раскрытия родовой сущности человека – его социальности, нравственности, рациональности, актуализирующихся в процессе военно-патриотического воспитания, что обеспечивает реализацию системы военно-патриотических ценностей, детерминирующих деятельность воина в коэволюционно развивающемся мире. В этой связи, потенциальный воин призван осуществлять деятельность по сохранению целостности коэволюционно развивающегося мира.

Методологической основой военно-патриотического воспитания учащейся молодёжи в реалиях современного общества являются общенаучные и педагогические методологические принципы: научности, системности, историзма, культуросообразности, непрерывности воспитания в системе образования, вариативности форм и методов воспитания, интегративности, проблемности, связи теории и практики воспитания, целостности учебно-воспитательного процесса; положения возрастной психологии и психологии развития, педагогики об особенностях становления личностной позиции у подростков; гуманисти-

ческие идеи отечественных философов, педагогов, психологов, историков о патриотическом воспитании обучающихся, значении патриотизма в общественном сознании и формировании мировоззрения и ценностно-смысловых ориентаций личности.

В рамках рассмотренной нами дефиниции «патриотизм», целесообразно определить основные направления в системе военно-патриотического воспитания учащейся молодёжи – духовно-нравственное, историко-краеведческое, гражданско-патриотическое, спортивно-патриотическое, которые направлены на развитие морально-волевых качеств, формирование у неё высокого патриотического сознания, воспитание высших ценностей, идеалов и ориентиров, активизацию духовно-нравственной и культурно-исторической преемственности поколений, воспитание чувства гордости к традициям и героическому прошлому страны.

В отличие от разработанных ранее концепций военно-патриотического воспитания молодёжи (В. И. Лутовинов, А. С. Синайский, П. А. Корчемный, Ю. А. Ленёв), военно-профессиональной подготовки (Г. В. Зибров, В. И. Марченков, В. Г. Михайловский), мы впервые предприняем попытку к разработке системы военно-патриотического воспитания учащейся молодёжи, основанной на интеграции принципов семейного, духовно-нравственного и экологического воспитания через призму коэволюционного подхода.

В ходе обобщения и систематизации научной литературы, нами была уточнена дефиниция «военно-патриотическое воспитание». Военно-патриотическим воспитанием является целенаправленная систематическая деятельность, прежде всего государства, общественных организаций, учреждений и институтов, обеспечивающая развитие и формирование у учащейся молодёжи высоких патриотических качеств гражданина России, патриотических знаний, что выражается в добросовестном выполнении ими воинского долга. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что военно-патриотическое воспитание – явление духовно-нравственного плана, которое всегда строилось и строится на честности и совести, ответственности, а также на этических понятиях долга. Конечным результатом функционирования системы военно-патриотического воспитания должны стать духовный и культурный подъём, укрепление государства, достижение социальной и экономической стабильности, осознанная любовь человека к своему наследию, побуждающая его с уважением относиться к чувствам других, быть чутким к трагедиям и достижениям отечества и народа.

Пристатейный библиографический список

1. Микрюков В. Ю. Военно-патриотическое воспитание в школе. – М.: ВАКО, 2012. – 404 с.
2. Бондаренко Е. А., Петрова О. Г. Патриотическое воспитание сегодня. Анализ, проблемы, перспективы / М-во образования и науки Российской Федерации, ООО «Соврем.образоват. концепции»; авт. сост.: Бондаренко Е. А., Петрова О. Г. – М.: АС-Траст, 2009. – 240 с.
3. Выршиков А. Н., Кусмарцев Б. М. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. – Волгоград, 2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vounb.volgograd.ru/CLNVR/library/Kusmarzhev/Patrioticheskoe_vospitanie_sovremennoi_molodegi.pdf (дата обращения: 03.01.2024).
4. Лутовинов В. И. Система патриотического воспитания: состояние, проблемы и направления развития. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fpvestnik.ru/patriotizm-segodnya/sistema-patrioticheskogo-vospitaniyasostoyanie-problemy-i-napravleniya-razvitiya/> (дата обращения: 03.01.2024).
5. Соловьев В. С. Русская идея. – М., 1992. – С. 185-205.
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (в ред. от 1 июля 2014 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://medinstit.org/spbmsi_docs/sveden_RF_ot_12.05.2009.pdf (дата обращения: 03.01.2024).
7. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).
8. Циулина М. В. Патриотическое воспитание школьников возможными социальными образовательными средствами. – Челябинск: Цицерио, 2012. – 203 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-533-535

РАБАДАНОВА Алина Арсеновна

студент Дагестанского государственного медицинского университета Минздрава России, г. Махачкала

ГАСАНДИБИРОВА Мадина Алиасхабовна

студент Дагестанского государственного медицинского университета Минздрава России, г. Махачкала

МАГОМЕДОВА Фатима Якубовна

студент Дагестанского государственного медицинского университета Минздрава России, г. Махачкала

АБДУЛАЕВА Заира Эсенбулатовна

заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного медицинского университета Минздрава России, г. Махачкала

ДОБРОВОЛЬНОЕ ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ. ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ПАЦИЕНТА И ВРАЧА*

В данной статье рассматриваются этические и правовые аспекты добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство, а также проблема понимания пациентами добровольного информированного согласия. Авторы статьи анализируют концепцию добровольного информированного согласия как важного аспекта защиты прав пациента. Статья основывается на обзоре существующих исследований, обсуждаются причины возникновения проблем взаимопонимания, такие как недостаточное информирование пациентов, различия в культурных установках, ограничения времени врача и другие факторы. Авторы выделяют несколько ключевых аспектов, которые следует учесть для улучшения ситуации. Материалы и методы: для реализации поставленной цели нами проведены анализ отечественной и зарубежной литературы, нормативно-правовых актов, а также социальный опрос среди медицинских работников и пациентов на территории Республики Дагестан.

Ключевые слова: добровольное информированное согласие, пациент, врач, медицинская помощь, биоэтические аспекты, медицинская организация.

RABADANOVA Alina Arsenovna

student of the Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Makhachkala

GASANDIBIROVA Madina Aliaskhabovna

student of the Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Makhachkala

MAGOMEDOVA Fatima Yakubovna

student of the Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Makhachkala

ABDULAEVA Zaira Esenbulatovna

Head of Humanitarian disciplines sub-faculty of the Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Makhachkala

VOLUNTARY INFORMED CONSENT. PROBLEMS OF MUTUAL UNDERSTANDING BETWEEN THE PATIENT AND THE DOCTOR**

The article discusses the ethical and legal aspects of a voluntarily informed representative about medical intervention, as well as the problem of the patient's understanding of voluntary informed consent. Materials and methods: to achieve this goal, we conducted an analysis of domestic and foreign literature, regulations, as well as a social survey among medical workers and patients in the Republic of Dagestan.

Keywords: voluntary informed consent, patient, doctor, medical care, bioethical aspects, medical organization.

При обращении в медицинскую организацию за оказанием помощи граждан сталкивается с подписанием им ряда документов, одним из которых является добровольное информированное согласие на медицинское вмешательство. Подписывая этот документ, пациент соглашается с перечнем определенных услуг и методов оказания медицинской помощи, которые предоставляет медицинская организация, а также ознакамливается с рисками и возможными последствиями такого вмешательства [2].

Подход медицинских организаций к исполнению порученной им обязанности информировать пациента о предстоящем медицинском вмешательстве, в особенности, создание

ими однотипных форм согласия, загруженных юридическими трактовками, дисклеймерами и профессиональными медицинскими терминами, не может не вызвать недопонимания и споры между медицинскими организациями и пациентами [6].

Для понимания ныне существующей модели лечения пациентов, основанной на предоставлении им права выбора и пока не отвечающей психологическим потребностям людей, необходимо рассмотреть историю ее развития. Такие радикальные изменения положения пациента в системе не произошли мгновенно и беспричинно. Участие пациентов в этом процессе возможным и социально приемлемым позволили сделать несколько событий, из которых не все связаны напрямую с принятием медицинских решений. Так, например, к ним относят развитие культуры потребления, появление интернета и страховых выплат, требования более активного участия пациентов в медицинском процессе на законодательном уровне.

В современном мире процесс добровольного информированного согласия оформляется в письменном или в

* Научный руководитель: Абдулаева Заира Эсенбулатовна – заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного медицинского университета Минздрава России, г. Махачкала.

** Scientific advisor: Abdulaeva Zaira Esenbulatovna – Head of Humanitarian disciplines sub-faculty of the Dagestan State Medical University of the Ministry of Health of Russia, Makhachkala.

электронном видах в следующем порядке: предоставление информации о дальнейшем вмешательстве и его рисках и получение на это согласия пациента. Первый шаг основывается на таких этических понятиях, как добровольность и компетентность, то есть осознанный подход пациента к своему лечению. Второй шаг – на воле пациента, либо в некоторых случаях одного из его родителей или иного законным представителем. Медицинское учреждение в документе информированного согласия должно ознакомить пациента не только с рисками лечения, но и предоставить возможные альтернативы данному лечению. Именно это понятие дает человеку право выбора и является основным в идее информированного согласия с этической точки зрения.

Этический смысл информированного согласия заключается в том, что это волеизъявление лица, в отношении которого осуществляется медицинское вмешательство, как обязательное условие, так как это проявление и уважение его достоинства. Информированное согласие предполагает, что пациент осознает характер предстоящего медицинского вмешательства, рассматривает все варианты лечения, учитывает риски неблагоприятных последствий и вероятность их наступления. Если такое сознание отсутствует, информированное согласие перестает отражать свой правовой и этический смысл, так как в таком случае пациент не выражает действительную и осознанную волю. Но смысл, который пациенты и врачи придают информированному согласию, отличается от реально отражающего им этического содержания. Даже составители таких текстов не всегда дают себе отчет в их смыслах. Таким образом, можно выделить главную проблему правильного понимания информированного согласия и действие в соответствии с ним [1].

Об этом позволяют судить результаты нашего наблюдения за профессиональной деятельностью врачей, взаимодействие их с пациентом, а также степень заинтересованности пациента в своем обследовании в республике Дагестан. Исследование проводилось на территории трех больниц: город Махачкала, ГБУ РД «Республиканская клиническая больница», ЧУЗ «КБ «РЖД-Медицина», город Махачкала», «Центральная городская больница», город Кизилюрт. В опросе приняло участие около 350 человек.

На основании полученных данных нами был сделан вывод: система информированного согласия в России, в частности в Дагестане, имеет свою специфику: врачи грамотно и доступно озвучивают информацию пациенту, однако пациенты в связи с отсутствием знаний в данной сфере предпочитают слепо доверять врачу. И при этом почти не задают интересующие вопросы. Исключение составляют люди с хроническими заболеваниями, которые уже хорошо осведомлены о своей болезни и по этой причине принимают активное участие при выборе лечения. Такие пациенты понимают подлинный смысл информированного согласия. Но, к сожалению, их численность небольшая: лишь 15% из 100%.

Среди других опрошенных 38% пациентов считают основной целью подписания информированного согласия – обезопасить врача и медицинское учреждение; по мнению 30% – главной сутью этого документа является формализация прав и обязанностей врача и пациента; 13% считают его целью предоставление информации об оказываемой медицинской услуге; остальная часть респондентов совсем не видит смысла в подписании согласия.

На вопрос врачам о целях подписания данного документа последовали ответы:

– «Мы подписываем документ для того, чтоб обезопасить себя, так как в противном случае было бы много жалоб.»;
– «Это чисто юридический документ, в нем нет ничего медицинского.»;

– «Мы просто даем данный документ на подпись, так как нас обязывает руководство.»; – «Для пациентов в нем мало смысла, так как они не понимают подлинной сути данного документа.»;

– «У некоторых пациентов полностью отсутствует представление о своем состоянии,

поэтому в отношении информированного согласия они предпочитают полностью полагаться на лечащего врача.»

Как врачи, так и пациенты считают информированное согласие исключительно юридическим документом, обеспечивающим их безопасность, в частности, как главное доказательство перед судом в случае неблагоприятных последствий: в пользу пациента медицинская организация может понести ответственность в виде материального возмещения ущерба здоровью; для медицинской организации этот документ в судебном процессе может смягчить ее ответственность. Большинство изученных нами информированных согласий имеет такую формулировку: «С настоящим документом ознакомлен... возражений не имею. На проведение операции согласен(а). Мне предоставлена полная информация о медико-социальных, психологических, экономических и других возможных последствиях лечения и вмешательств» [4].

Если врачи подходят к составлению информированного согласия грамотно и ответственно в какой-то мере обеспечивают себе защиту от неблагоприятных последствий, то пациенты должны еще более трепетно изучать документы, так как в действительности правильное понимание ими информированного согласия составляет только их интересы, ведь это непосредственно связано с их здоровьем.

Значение, которое пациенты и врачи придают информированному согласию, отличается от его реального этического значения и юридических последствий, которые оно фактически влечет за собой. Многие респонденты – участники нашего социального опроса, считают, что подписание таких документов защищает их в случае возникновения спора, но на самом деле они даже не представляют себе риски, от которых следует себя предостеречь.

Как было упомянуто выше, медицинские организации при создании добровольного информированного согласия большое внимание уделяют разделу с информацией о рисках и последствиях медицинского вмешательства в связи с распространенной идеей о возможности избежать ответственности медицинской организацией за негативный исход вмешательства, если указать его в информированном согласии.

Большинство пациентов при ознакомлении с согласием испытывают чувство страха за свое здоровье в связи с осознанием того, что исход может зависеть не только от врача и пациента. Это связано прежде всего с содержанием документа, в котором подробно прописаны негативные последствия и риски, но не уделяется внимания положительному исходу лечения. Остальные либо не испытывают никаких эмоций, либо реагируют положительно, так как, по их мнению, информация искореняет страх¹.

Лечащий врач и медицинская организация не несут ответственность в том случае, когда претензии предъявляются при надлежащем оказании медицинской помощи и причиной неблагоприятного исхода является виной исключительно пациента в связи с несоблюдением им предписаний врача. Иными словами, подписание данного документа влияет на пределы ответственности врача и медицинской организации, что противоречит требованиям законодательства о защите прав потребителя, этическим принципам и содержанию согласия, предусмотренного законодательством².

В сознании пациента формируется общая картина рисков, а отказ врача минимизировать их заставляет подозревать его в стремлении застраховать свою недостаточно профессиональную компетентность и избежать ответственности за отсутствие квалификации.

Еще одной важной проблемой понимания информированного согласия является доступность для пациента текста документа. Некоторые респонденты признались, что они не могли понять его по причине наличия в тексте непонятных для них слов, ведь прежде всего информированное согласие

1 Талия Мирон Шац, г. Москва, 2022 год, «Манн, Иванов и Фербер»- «От этого зависит ваша жизнь»

2 Ревазова Е. А., Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/504-informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo.html>

должно иметь правильно сформулированное содержание с использованием профессиональных терминов. К примеру, в случае с трансплантацией легких в согласии будет указано следующее: «В связи с ранними иммунологическими и инфекционными осложнениями рекомендовано проведение молекулярно-генетического исследования методом NGS, с целью поиска и выявления генетических вариантов одновременно в большом количестве генов». Согласитесь, не каждому под силу осознать истинную суть данных понятий. Поэтому врач, в силу своей добросовестности, должен пояснять каждое непонятное для пациента слово, даже если он не проявляет должного интереса в ознакомлении документа. В судебной практике известны случаи, когда возникали проблемы в связи с тем, что пациент подписал согласие, не полностью осознав его содержание. Разумеется, суд не сможет поддержать пациента, так как в документе стоит его подпись. В таком случае будет оцениваться вменяемость пациента, то есть его способность оценивать свои действия, поступать осознанно³.

Также хочется отметить, что у врача каждой специальности есть свой регламент, определяющий оптимальное время приема пациентов, 35% которого составляет заполнение документации. Таким образом, время консультации ограничено и, следовательно, задача врача заключается в быстром, ясном и информативном изложении сути предстоящего медицинского вмешательства и его возможных последствий; пациент же должен максимально «включиться в процесс», что подразумевает его активное участие в опросе врача, так как именно в этот момент определяется ход дальнейших действий [7].

Мы советуем стратегию, созданную Национальным фондом безопасности пациентов, позволяющую последнему узнать больше о своем здоровье, задав врачу всего лишь 3 вопроса:

– В чем суть проблемы?

– Почему важно это сделать? – Что мне нужно делать?

Задавая эти вопросы вы не ставите под сомнение компетентность врача, а напротив, ваши вопросы предоставляют врачу возможность проявить себя и свои знания, что приведет к улучшению взаимоотношения врача и пациента. Как показывают исследования, приведенные в качестве примера в книге Оана Р. Грена, Игнаси Болибара и Карлос Бротонса, «Влияние, барьеры и фасилитаторы вмешательства по коммуникации с пациентами «Спроси меня 3» ...», люди, которые начали использовать стратегию «Задайте мне 3 вопроса» перестали бояться показаться глупыми или конфликтными, и утверждали, что у них исчезло опасение того, что от них утаивают информацию. Также исследователи пришли к выводу о том, что данная стратегия расширяет права пациентов.

Что же касается врачей, то исходя из наших наблюдений мы можем порекомендовать им следующее:

1. Говорить четко и ясно, использовать простой, а не научный язык. Либо позволять пациенту вникать в научные термины, если он сам этого хочет.

2. Предоставлять пациентам возможность задавать вопросы, поддерживать их стремление понять лечебный процесс и мягко исправляйте их ложные убеждения

3. Запишите или распечатайте для своих пациентов необходимые медицинские термины или можете попросить больного сделать заметки на телефоне. Главное сделать все возможное, чтобы пациент не забыл важные детали, не полагался только на память.

4. Даже если необходимость применения рецептурного препарата кажется вам очевидной, объясните пациенту, зачем вы выписываете рецепт, особенно если заболевание протекает бессимптомно.

5. Убедитесь, что пациент понимает, почему необходимо придерживаться предписанного лечения и какие последствия могут быть, если этого не делать.

6. По мере возможности назначайте лекарства, анализы и процедуры, необходимые с точки зрения вашей профессиональной оценки. Старайтесь не поддаваться давлению со стороны пациента, страху юридической ответственности или желанию заработать больше денег.

7. Объясняя своим пациентам статические данные, используйте формат частоты, чем проценты. Такая формулировка гораздо понятнее для пациентов.

8. Никогда не забывайте, что вы работаете, в первую очередь, на благо народа, чтобы лечить людей.

В нашей статье мы старались пролить свет на препятствия, с которыми сталкивается пациент при лечении заболевания, а конкретно в процессе принятия решений и дали соответствующие рекомендации для практикующих врачей. Хочется сказать, что преодоление данной проблемы - это комплексная работа обеих сторон. Каждый должен стремиться увеличить уровень своей компетентности: врачи должны постоянно развиваться в своей сфере и повышать квалификацию, изучать и применять все более новые и эффективные методы лечения; пациенты - интересоваться своим здоровьем, вовремя проводить обследование и профилактику своего заболевания, а также читать побольше медицинской литературы.

Пристатейный библиографический список

1. Черденченко Д. В. Этические рекомендации и правовые стандарты оформления согласия и отказа пациента в отношении медицинского вмешательства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/eticheskie-rekomendatsii-i-pravovye-standarty- oformleniya-soglasiya-i-otkazapatsienta-v-otnoshenii-meditsinskogo-vmeshatelstva/viewer>
2. Пищита А. Н., Климов А. Е., Информированное добровольное согласие в медицине (правовой аспект). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-v-meditsine-pravovoy-aspekt/viewer>
3. Ревазова Е. А., Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav-grazhdan/item/504-informirovannoe-dobrovolnoe-soglasie-na-meditsinskoe-vmeshatelstvo.html>
4. Бажанов Н. О., Иваненко Н. С., Медико-правовые аспекты информированного добровольного согласия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-pravovye-aspekty-informirovannogo-dobrovolnogo-soglasiya/viewer>
5. Талия Мирон Шац. г. Москва, 2022 год, «Манн, Иванов и Фербер»- «От этого зависит ваша жизнь»
6. Ковалева Т. И. Этическая рецепция информированного согласия, 2011 год.
7. Алексеева С. С., Стародубцев М. Э. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство: фигура и роль врача // Российский кардиологический журнал. 2021. № 26 (9). С. 69-72.
8. Оана Р. Грен, Игнаси Болибар и Карлос Бротонс, «Влияние, барьеры и фасилитаторы вмешательства по коммуникации с пациентами «Спроси меня 3» в центре первичной медико-санитарной помощи в Барселоне, Испания: анализ смешанных методов».

3 Оана Р. Грен, Игнаси Болибар и Карлос Бротонс. «Влияние, барьеры и фасилитаторы вмешательства по коммуникации с пациентами «Спроси меня 3» в центре первичной медико-санитарной помощи в Барселоне, Испания: анализ смешанных методов».

РАВОЧКИН Никита Николаевич

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В. Н. Полецов

ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИЙ В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ (ЧАСТЬ 2)

В статье представлен философский анализ изменений коммуникации в реалиях цифровой эпохи. Во второй части автор рассматривает влияние передовых технологий на трансформацию взаимодействий между субъектами по сферам общественной жизни. Зафиксированы произошедшие сдвиги в коммуникационных процессах. В заключение работы подводятся итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: коммуникация, цифровизация, общество, техника, интеллект.

RAVOCHKIN Nikita Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of History, philosophy and social sciences sub-faculty of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; associate professor of Pedagogical technologies sub-faculty of the V. N. Poletskov Kuzbass State Agricultural University

TRANSFORMATIONS OF COMMUNICATIONS IN THE DIGITAL WORLD: PHILOSOPHICAL ANALYSIS (PART 2)

The article presents a philosophical analysis of changes in communication in the realities of the digital era. In the second part, the author examines the impact of advanced technologies on the transformation of interactions between subjects in spheres of public life. Shifts in communication processes have been recorded. At the end of the work, the results of the study are summed up.

Keywords: communication, digitalization, society, technology, intelligence.

В продолжение первой части исследования укажем, что современный коммуникационный процесс в реалиях цифрового общества, подкрепленный применением определенных технологий, снижает способность к критическому мышлению у человека, потребляющего информацию [7]. Создание видимости плюрализма мышления – один из важнейших способов реализации манипулятивных технологий. При этом следует заметить, что число таких технологий существенно увеличилось по сравнению с теми, которые использовались в традиционной системе коммуникации. Важно понимать, что в рамках цифровизации социальной системы современности следует говорить о существовании различных специфических форм реализации коммуникационных процессов. Таким образом, коммуникационные процессы приобретают дисциплинарный характер, нацеленный на достижение максимально высокого эффекта от профессиональной деятельности субъектов интеракции [6].

Так, в экономической сфере влияние ряда событий последних нескольких лет привело к необходимости использования цифровых форм интеракции, выраженных в использовании и развитии цифровых продуктов различными субъектами экономической активности. Речь идет в первую очередь о банковской сфере, в которой использование ряда продуктов становится возможным на основании онлайн-каналов, «позволяют финансовым организациям осуществлять бизнес-коммуникации со внешними стейкхолдерами и клиентами, а также поддерживать внутренние коммуникации между сотрудниками» [5, с. 158]. Это становится возможным благодаря использованию технологий искусственного интеллекта, позволяющего сократить издержки при использовании ряда соответствующих технологий в банковской деятельности. Кроме всего прочего, такие новшества позволяют данным субъектам экономического взаимодействия ускорять бизнес-взаимодействие со своими клиентами, тем самым добиваясь максимально выгодных условий ведения бизнеса.

Кроме того, следует признать укрепляющийся тренд электронной торговли. Сформированный в эпоху коронавирусных ограничений, данный тренд показал свою действительно эффективную силу, что определило его выживаемость как необходимого инструмента по ведению бизнеса в современных условиях экономического развития. Существующие технологии ведения электронной торговли (в основном через веб-сайт или маркетплейс) позволяют говорить о необходимости расширения клиентской базы для любой компании и оптимизировать соответствующие процессы. Однако данный процесс имеет и обратную сторону в форме отношения клиентов к получаемым товарам и услугам: им в любой момент доступно большое количество сервисов, ожидается высокий уровень сервиса. Все это в совокупности при-

вело к необходимости переосмысления цифровой культуры в современном обществе.

Существуют и иные формы взаимодействия в экономической сфере между участниками процесса торговли и предоставления товаров и услуг (к примеру, формирование цифровой экосистемы, которая по своему содержанию является результатом экономической зрелости конкретной компании) [4]. Однако следует понимать, что коммуникационные процессы в цифровой экономике определяются прибылью компании, поэтому любые формы интеракции связаны с тем, каким образом конкретный бренд конкретной организации будет представлен на экономической площадке общества и будет продвигать свой товар потребителям.

Важно помнить, что любая интеракция в экономической сфере предполагает проведение мессенджа о компании другим участникам соответствующих форм деятельности, поэтому цифровой мир требует для экономической выживаемости компании цифровых средств трансляции информации. Поэтому и коммуникация приобретает цифровые формы, те, которые описаны нами выше. Это касается и представления образа компании в глобальной сети, и возможности доставки, представления результатов экономической, интеллектуальной и прочей деятельности, и любого другого действия, так или иначе связанного с продуцированием взаимодействия между субъектами экономической деятельности.

Следует отметить трансформацию политической формы коммуникации в цифровой среде современного общества. Важным представляется тот факт, что система цифровых технологий выступает значимым инструментом, который позволяет связать множество субъектов – участников политического процесса. Средства массовой информации, методы и приемы дистанционного взаимодействия, совокупность цифровых платформ, а также способов организации виртуального пространства – все это становится единым основанием трансформации политической среды и коммуникационного взаимодействия в системе общественного и властного взаимодействия [2]. При этом важно понимать, что в такой системе интеракции проводят свое взаимодействие множество акторов, каждый из которых становится активным участником коммуникационного процесса.

Так, в рамках политического процесса активно применяются цифровые платформы, которые по своему содержанию комфортны в использовании, способствуют мобилизации избирательного и, говоря шире – политического, потенциала участников соответствующего процесса, становятся своеобразным основанием для открытости, если не принятия, то обнародования результатов принимаемых решений. Сами по себе такие цифровые платформы позволяют интенсифицировать политический процесс за счет всеобщего охвата ау-

дитории его участников. Появляется принципиально новая эпоха, в которой за счет цифровых средств и платформ осуществляется коммуникация между избирателями и всеми участниками политического процесса за счет координации акторов, которые распродолжены в пространстве.

Наличие различных политических порталов позволяет в режиме реального времени и доступу с цифровых носителей и гаджетов организовать обратную связь с пользователем (как простого гражданина, так и любого политического субъекта). Это позволяет ряду авторов полагать, что «появление подобных площадок позитивно влияет на государственное управление, поскольку через них власть взаимодействует с наиболее активной частью граждан, получает от нее вполне определенные по содержанию «импульсы»» [8, с. 195]. Мы видим, что цифровые формы взаимодействия становятся основанием для облегчения и ускорения коммуникационных процессов в политической сфере, делая из нее крайне подвижную часть общественного пространства. Следует полагать, что такое воздействие работает в обе стороны: становится возможным быстро «доставить» информацию как от политических «верхов» до конкретного гражданина, так и в обратном порядке, что провоцирует возможность ускоренного решения общественно значимых проблем.

Кроме того, предстательная логика размышлений позволяет некоторым современным ученым высказать предположение о совершенствовании формы организации социально-политической жизни и возможности достижения так называемой цифровой (электронной) демократии. В рамках последней за счет использования ресурсов информационно-коммуникационных технологий становится возможным достигать совместного взаимного влияния политических институтов и агентов гражданского общества.

Субъекты гражданского общества обладают возможностью участвовать в обсуждении политически и общественно значимых проблем, а также участвовать в принятии соответствующих решений. Кроме этого, интенсифицируются коммуникационные процессы между различными группами по значимым в реалиях того или иного общества вопросам. Даже в дискурсе неопределенности и рисковости современного мира большинство процессов разворачиваются в «горизонтальной» плоскости, что позволяет вовлечь в них максимальное число участников. Нельзя не отметить, что коммуникационный процесс протекает в «глобальной паутине» и основан на развитии информационно-коммуникационных средств трансляции данных.

Важно понимать, что обращение к передовым технологиям и цифровым решениям и сервисам позволяет по-новому взглянуть на развитие социальной активности человека, поскольку они открывают широкие возможности для продвижения и трансляции идей гражданских инициатив и осуществления необходимого контроля за властными акторами [1]. Таким образом, коммуникация, основанная на цифровых ресурсах современного общества, трансформируется в форме активного участия в политическом процессе современного общества.

Одновременно с этим, появляется иная сторона данного процесса, связанная с политическим эскапизмом и нежеланием граждан участвовать в политических процессах. Речь в первую очередь идет о том, что наличие ресурса анонимности приводит к возможности исключить себя из системы самостоятельного пользователя политически значимых интернет-ресурсов, что в конечном счете способно привести к невозможности достижения эффективной электронной демократии, поскольку участники не будут заинтересованы в новых формах взаимодействия с властными структурами. Более того, невозможно будет отследить кто именно активно и сознательно участвует в политическом процессе, а кто является своего рода фейком.

Можно также говорить о принципиальной роли коммуникационной стороны данного процесса, которая в рамках негативной стороны электронного и цифрового взаимодействия допускает трансляцию знания в обезличенной форме, что затрудняет любые формы взаимодействия.

В конечном итоге, можно говорить о том, что коммуникация в политической сфере цифрового общества трансформируется в двойственной форме. Позитивная сторона определяет возможность облегчения интеракции политических субъектов и граждан как участников политического процесса. В таком случае возможны все формы и способы трансляции информации, в том числе те, которые могут считаться эффективными и общедоступными за счет ис-

пользования современных технологий. Вместе с тем, следует говорить о возможном недостижении коммуникационного взаимодействия между политическими акторами и субъектами – гражданами, которое основано в первую очередь на возможности анонимности и иными причинами, которые можно считать своего рода коммуникационным шумом.

Технологические решения современных цифровых интеракций повышает количество таких шумов за счет развития каналов связи между всеми возможными участниками такого взаимодействия. В конечном счете формирование электронной и цифровой демократии как политически значимого образования современности не во всем может быть достигнуто как раз по причине коммуникационных шумов. Последние, однако, являются таким же результатом развития цифровых форм взаимодействия, как и сами цифровые каналы коммуникации в политической и иной сферах.

В целом же, можно говорить о том, что коммуникации в современном цифровом обществе приобретают новые формы, связанные с новыми техническими средствами. В самом общем виде на уровне технического взаимодействия можно говорить о формировании новых субъектов – коммуникантов в виде чат-ботов и иных технических участников трансляции информации. Последние скорее выполняют функциональную роль, позволяющую перенести рутинные мероприятия на соответствующие приборы и боты.

Особенность современных форм и способов трансляции информации делает ее избыточно субъективной и адаптированной скорее к конкретным формам персонального существования. Это делает коммуникационный процесс в цифровом обществе достаточно широким (в нем могут быть задействованы самые широкие массы), однако содержательно невозможно определить, кто действительно в нем участвует и потребляет информационный контент.

Кроме того, следует говорить о дисциплинарности коммуникационных трансформаций. Так, в экономической сфере можно увидеть принципиально новые формы интеракции между клиентом и компанией, предлагающей те или иные товары или услуги. Технологии электронной торговли изменили способы подачи и передачи товаров, а значит, в обществе изменяется коммуникант. В политической сфере интерфейс цифровой цивилизации одновременно сближает политические субъекты с обществом и гражданами, но, однако, делает также обезличенными некоторые формы коммуникации между ними. Все это становится спецификой коммуникации в современном цифровом обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Балашов А. Н., Бочанов М. А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // PolitBook. – 2017. – № 2. – С. 22-34.
2. Горбунова Ю. И. Горбунова О. Н. Информационная инфраструктура: современная сущность, подотрасли ее составляющие // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – № 2 (60). – С. 14-21.
3. Игнатъев В. И. И грянет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. – 2019. – Т. 10. – № 1. – С. 64–78.
4. Куликова Д. С. Цифровизация бизнес-моделей: глобальные бренды и перспективы развития // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 4. – С. 54-58.
5. Митина Е. В., Субботина Т. Н. Трансформация бизнес-коммуникаций в организации под влиянием цифровизации // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 9 (91). – С. 156-161.
6. Прончев К. Г. Концепция «иерархического персонализма»: политологический аспект // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. – № 8 (84). – С. 2570–2583.
7. Равочкин Н. Н. Трансформации коммуникаций в цифровом мире: философский анализ (часть 1) // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12 (187). – С. 496-498
8. Шевченко Л. В. Трансформация общественно-политической коммуникации в условиях цифровизации общества // Гуманитарий Юга России. – 2022. – Т. 11 (58). – №6. – С. 191-200.

DOI 10.46320/2073-4506-2023-1-188-538-539

ПОХИЛЬКО Александр Дмитриевич

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-гуманитарных наук Армавирского государственного педагогического университета

БАКЛАНОВА Ольга Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

БУРКИН Дмитрий Олегович

доктор философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь

МИКРОСОЦИУМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ЭКСПЛИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АСПЕКТА

Для выделения социально-философского аспекта в исследовании микросоциума используется понятие автономности, т.е. своезакония, самозаконности малых социокультурных формообразований, которое и делает это формообразование микросоциумом. Рассматривается такая простая и в то же время важная модель микросоциума как семья. В результате рассмотрения трансформации современной семьи под влияние трансформаций цифрового общества сделан вывод о том, что семья меняет многие традиционные функции, оставаясь в то же время весьма устойчивым институтом российского общества, т.е. автономным микросоциумом. Утверждается, что семья существует как духовная целостность, скрепленная семейными ценностями нравственного плана. Предложены такие критерии автономного микросоциума: суперпозиция личностных автономий; самоопределение; высокая степень самодостаточности; эмоциональные связи; приватность; самоуправление и саморегулирование; групповая идентичность; смыкание коллективных информационных тезаурусов и др. В социально-философском аспекте основным противоречием микросоциума выступает противоречие между автономией и гетерономией. Такое противоречие разрешается в диалоге личностей и адекватной социальной коммуникации микросоциума.

Ключевые слова: микросоциум, личность, семья, автономия, ценности.

POKHILKO Alexander Dmitrievich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy, law and social and humanitarian sciences sub-faculty of the Armavir State Pedagogical University

BAKLANOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

BURKIN Dmitriy Olegovich

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, associate professor of Environmental, land and labor law sub-faculty of the North Caucasus Federal University, Stavropol

MICROSOCIETY IN MODERN SOCIETY: EXPLICATION OF THE SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

To highlight the socio-philosophical aspect in the study of micro-society, the concept of autonomy is used, that is, self-law, self-legitimacy of small socio-cultural formations, which makes this formation a micro-society. Such a simple and at the same time important model of micro-society as a family is considered. As a result of considering the transformation of the modern family under the influence of transformations in the information society, it was concluded that the family changes many traditional functions, while remaining at the same time a very stable institution of Russian society, that is, an autonomous micro-society. It is argued that the family exists as a spiritual integrity, bound by family values of a moral nature. The following criteria for an autonomous micro-society have been proposed: superposition of personal autonomies; self-determination; high degree of self-sufficiency; emotional connections; privacy; self-government and self-regulation; group identity; closure of collective information thesauri, etc. In the socio-philosophical aspect, the main contradiction of micro-society is the contradiction between autonomy and heteronomy. Such a contradiction is resolved through a dialogue between individuals and adequate social communication of the micro-society.

Key words: micro-society, personality, family, autonomy, values.

Похилько А. Д.

Бакланова О. А.

Буркин Д. О.

Актуальность темы заключается в том, что социокультурное пространство общества неоднородно, в нем содержатся многообразные формообразования, обладающие своими особенностями, собственными закономерностями функционирования [9]. Цифровизация оказывает противоречивое влияние на культуры и микросоциумы [2]. Социология изучает микросоциумы, исследует различные малые формы общества и сообщества. Появляется задача выделения социально-философского аспекта исследования микросоциумов. Предельным случаем микросо-

циума по своей величине является семья. Россия является большим обществом, которое должно учитывать закономерности функционирования и развития своих подсистем и малых структурных единиц, своего рода «клеточек» социального организма. Все больше актуализируется необходимость всестороннего обобщенного исследования такой «клеточки», такой ячейки общества как семья в связи с политикой возрождения традиционных ценностей и норм [5], ставшей одним из краеугольных камней легитимации современной власти [4]. Проанализируем особенно-

сти семьи для того, чтобы обобщенно взглянуть на другие виды микросоциумов. Семья, несомненно, один из наиболее важных элементов общества, который испытывал на себе влияние больших социальных систем и подсистем.

Семья детерминируется экономическими, социальными, политическими и духовными процессами, происходящими в обществе [7]. Цифровое общество значительно изменяет многие характеристики современной семьи [1]. В то же время обнаруживается невероятная устойчивость такого микросоциума как семья. Вопреки предсказаниям таких футурологов, как например, Э. Тоффлер [11], семья сохранила свою роль в обществе. На наш взгляд, семья как социальный микросоциум обладает своей автономностью, которая может послужить моделью для изучения автономности других микросоциумов. Действительно, если бы удалось осуществить такой подход, то это было бы выделением социально-философского аспекта, поскольку автономность личности или микросоциума не исследуется социологией, которая фиксирует моменты автономности только отрицательно, поскольку они (данные моменты автономности) мешают реализовать строго детерминистский подход и как бы «мешают» пониманию детерминации личности и микросоциума. Для понимания семейной автономии (или автономности семьи) можно упростить ее, редуцируя до уровня суперпозиции личностных автономии мужа и жены в браке. Две автономии образуют третью, чтобы затем идеальную интимную связь реализовать в виду реально зримого существа - ребенка, который социализируясь в семейном микросоциуме приобретает все большую автономность, оставаясь в рамках семейной автономии. В современной семье доминируют личные отношения, а функция экономическая, т.е. совместное ведение хозяйства отодвигается на второй план. Основной закон семейной автономии - закон любви автономных личностей [10]. В цифровом обществе трансформируется сфера интимности. Влияние СМИ в этом в этом плане довольно противоречиво. Вместе с цивилизующим влиянием на культуру и сознание личности поток информации об интимных связях оказывает нравственно отрицательное влияние, трансформирует семейную автономию. Итак, нас интересует вопрос о семейной автономии, чтобы по аналогии с семейной автономией выявить особенности других микросоциумов. Можно рассматривать семью как институт социального самоопределения человека. Что же такое социальное самоопределение? Это сложный процесс социализации, вхождения человека в общество, самостоятельную жизнь, процесс осознания автономных морально-ценностных, профессиональных и многих других потребностей и личностных стратегий. Таким образом, можно говорить о том, что семья как единый организм, как союз людей, имеющих одни только общие монолитные цели, интересы, ценности, общий бюджет, – в современном мире если не изживает себя, то терпит кризис. Несомненно, фундаментом семьи являются традиционные ценности. Семья и семейные ценности не могут рассматриваться в отрыве друг от друга. Семейные ценности потеряют значение, если не станет семьи. И наоборот, семья не существует без ценностей, которые гарантируют ее целостность и нравственное духовное здоровье данного микросоциума. Семейные ценности – это отношение любви и заботы. Любовь образует фундамент семьи, атмосферу, в которой рождаются и растут дети. Пока живы семейные ценности, семья – это одно целое и одно большое «Я». Если произойдет некоторые обобщения, то мы можем обнаружить микросоциумы, в которых действуют аналогичные закономерности, которые можно назвать «самозаконами», т.е. сознательно конструируемыми и достаточно замкнутыми и устойчивыми формами социальной реальности [3]. В этом отношении заслуживает внимания расширенное понимание приватности [12], исходя из понятия личностной автономии [6], а также от аксиологического понимания личностной автономии [8].

Микросоциум – это ближайшее социокультурное окружение личности, обладающее целостностью, определенным сегментом социокультурного пространства и оказывающее влияние на развитие личностей. Каждый микросоциум может иметь разные свойства, но его автономия позволяет защитить личностей от социальной гетеронмии. Микросоциум осуществляет функцию создания условий и предпосылок становления человека как автономной личности. В историческом плане микросоциумом была семья, функционирующая по принципу «Домострой», а также микросоциумы в значительной мере гетерономные (псевдоморфозы), организованные по принципу социальной машины или Паноптикума: военное училище, трудкоммуна (А. С. Макаренко), секта, церковь, общежитие. Дисциплинарная структура в таком микросоциуме отличается жестким характером.

Критерии автономного микросоциума или подлинного микросоциума:

1. Автономия микросоциума – это суперпозиция личностных автономий.
2. Самозаконность функционирования.
3. Сопrotивляемость внешним воздействиям, гетеронмии.
4. Самоопределение.
5. Высокая степень самодостаточности.
6. Наличие эмоциональных связей, как правило, это дружба или любовь, совместная работа и совместные цели и интересы.
7. Приватность.
8. Самоуправление и саморегулирование.
9. Групповая идентичность, сплочение в коллектив.
10. Единство внешней и внутренней культуры
11. Наличие коллективного информационного тезауруса.
12. Отличие от псевдоморфозы – способность к органическому росту и развитию личности.
13. Органический характер социальности микросоциума.

Итак, возможно выделение социально-философского концепта микросоциума, связанного с его автономностью. Автономность означает самозаконность, ценностную суверенность микросоциума. Такая суверенность является хрупкой. Семьи распадаются, и такой распад отрицательно сказывается на детях. Стандартная формулировка причины развода - несходство характеров. За этой формулировкой скрывается невозможность соединения, «суперпозиции» личностных автономий. Привычки – это тоже закономерности, это самозаконность на подсознательном уровне личности и на уровне субличности. Автономность любого микросоциума предполагает его сдерживающий характер по отношению к гетеронмии. Гетеронмия - чужезаконие. Вторгаясь в микросоциум, гетеронмия способна разрушить его. Автономия микросоциума связана с суперпозицией личностей и образованием между ними ценностных взаимосвязей.

Пристатейный библиографический список

1. Айварова Н. С. Современная российская семья: диагностика решений с использованием теории игр // Вестник Югорского государственного университета. - 2018. - № 1 (48). - С. 5-12.
2. Бакланова И. С., Бакланова О. А., Похилько А. Д. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества // Вестник Армави́рского государственного педагогического университета. - 2021. - № 4. - С. 136-144.
3. Бакланова О. А. Специфика исследования коллективизма как базового типа социального бытия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. - 2012. - № 1. - С. 18-21.
4. Буркин Д. О. Аксиологическое измерение феномена легитимации власти // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2019. - № 5 (108). - С. 26-30.
5. Буркин Д. О. Роль нормативных систем в процессе формирования феномена правосознания // Kant. - 2019. - № 1 (30). - С. 153-157.
6. Евстифеева Е. А., Майкова Э. Ю., Козлов А. Г. Приватность в эпоху вовлеченности // Власть. - 2016. - Т. 24. - № 1. - С. 36-40.
7. Зайченко А. А., Бакланова О. А., Махринова М. В. Анализ семьи как социальной институции и общности в перспективе социокультурных исследований // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2019. - № 5 (108). - С. 30-34.
8. Майкова Э. Ю. Автономия как личностная ценность // Власть. - 2012. - № 11. - С. 084-087.
9. Микеева О. А. Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. - 2009. - № 1 (57). - С. 45-48.
10. Похилько А. Д. Проблема автономности сознания // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. - 2005. - № 1 (129). - С. 7-13.
11. Тоффлер Э. Шок будущего. - Москва: АСТ, 2008. - 557 с.
12. Тягунов А. А., Евстифеева Е. А., Майкова Э. Ю., Козлов А. Г. Риски личностного пространства: приватность и информационная безопасность // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Наука об обществе и гуманитарные науки. - 2013. - № 2. - С. 11-16.

ФЕДОТОВ Владимир Владимирович

доцент, Российский университет транспорта (МИИТ)

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КРИЗИСА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ

Цель статьи – обосновать идею комплексного подхода при рассмотрении эффективности трудовой мотивации, прежде всего, решения проблемы повышения удовлетворенности от трудовой деятельности не только в материальной, но и в духовной сфере жизни работников. Проведен анализ детерминантов трудовой мотивации на трех взаимосвязанных уровнях: государственном, институциональном и индивидуально-личностном. Проведенный анализ показал взаимосвязь между иерархией потребностей и уровнем трудовой мотивации, по итогам анализа сделан вывод о кризисе трудовой мотивации и установлены причины данного кризиса. Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что обновлена проблематика кризиса трудовой мотивации в современных условиях на основании обобщения трех взаимосвязанных уровней: государственном, институциональном и индивидуально-личностном

Ключевые слова: иерархия потребностей, кризис, уровни трудовой мотивации, ценности.

FEDOTOV Vladimir Vladimirovich

assistant professor, Russian University of Transport (MIIT)

PHILOSOPHICAL REFLECTION ON THE CRISIS OF WORK MOTIVATION

The aim is to identify the integrated approach of effectiveness of labor motivation, first of all, solving the problem of increasing job satisfaction not only in the material, but also in the spiritual sphere of workers' lives. The determinants of work motivation are considered at three interrelated levels: state, institutional and individual-personal. The analysis showed the relationship between the hierarchy of needs and the level of work motivation, based on the results of the analysis, a conclusion was made about the crisis of work motivation and the main causes of this crisis were identified. The theoretical and practical significance is that, the problems of the crisis of labor motivation in modern conditions are updated on the basis of a generalization of three interrelated levels: state, institutional and individual-personal.

Keywords: hierarchy of needs, crisis, levels of work motivation, values.

Проблема трудовой мотивации является актуальной во все времена. XXI век принес в жизнь людей системные реформы всех сфер общественной жизни, цифровизацию, смену вектора ценностных оснований, что вызвало трансформацию и вопросов трудовой мотивации. Современных философов и социологов (В. А. Мирзоян, А. Э. Федорову, М. В. Чудиновских, Е. И. Борзенко, В. Ю. Пронина), исследующих это направление, интересуют ответы на вопросы: «Ради чего работать?», «Как избежать кризиса трудовой мотивации?». Но основная масса научных работ по трудовой мотивации относится к области экономики, менеджмента, психологии, тогда как философских исследований различных аспектов данной проблемы явно недостаточно.

В основе понятия «мотивация» лежит слово «мотив», т.е. то, что заставляет человека действовать определенным образом или, как считают специалисты в области мотивации персонала, «это сложное психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и поступкам» [6, с. 10]. Соответственно мотивацию можно рассматривать как «повторяющееся поведение, которое помогает личности двигаться вперед» [9, с. 173].

Любой мотивацией, в том числе и трудовой, можно и нужно управлять, при этом цель управления со стороны любой организации заключается в повышении эффективности работы, т.е. в стремлении при затрате наименьших усилий поучить наибольший результат, что одновременно является и целью всей экономической деятельности организации в условиях рынка [12, с. 172].

С точки зрения отдельного работника трудовая мотивация, опирающаяся в первую очередь на индивидуально-личностные критерии, имеет особое значение, т.к. каждый

человек должен иметь определенные устремления для выполнения какой-либо деятельности. Логично предположить, что чем более работник включен в трудовой процесс, чем выше у него готовность к переменам, к адаптации к экономическим реалиям; чем более он готов к самосовершенствованию, тем выше у него уровень трудовой мотивации. Согласно теории К. Альдерфера, это можно отнести к «потребностям роста», что является самым высоким уровнем трудовой мотивации.

Такие социальные мотиваторы как степень востребованности определенных специалистов, готовность работать в команде, по мнению Д. МакКлелланда, относятся к «потребностям связи» или «потребностям соучастия». Если работник чувствует себя «на своем месте», видит, что его ценят в команде, то вероятнее всего и желание работать у него будет высоким.

Самым нижним уровнем можно считать уровень, на котором главный критерий трудовой мотивации – материально-прагматичный. В приоритете у такого человека деньги, карьера, благополучие, ориентация на слом прежних ориентиров при отсутствии новых. Все, что интересует работника с такой мотивацией – удовлетворение базовых потребностей в существовании. Он не заинтересован в общем успехе компании, в своем самосовершенствовании, а работает в силу того, что эта деятельность приносит вознаграждение. Как отмечает Т. А. Бердиеров, «работник рассматривает вознаграждение как компенсацию затрат за свой труд. При этом, если вознаграждение можно получить независимо от приложенных усилий, и заработная плата будет начислена независимо от старания, то стимула работать лучше у сотрудника отсутствует» [2]. Работник в такой ситуации прекрасно осознает,

что и средний результат позволит ему получить вознаграждение и тем самым удовлетворить определенный уровень его потребностей.

Закрепленное в мировой истории отношение к труду как к средству производства материальных, духовных благ и как занятия человека ради заработка оказало сильнейшее влияние на сложившуюся в социуме трудовую мотивацию. А, как отмечает В. А. Мирзоян, «процесс, не ведущий к полезному результату, не является трудом, как в плане социального значения, так и в плане личностного смысла» [5, с. 7].

Основные детерминанты трудовой мотивации целесообразно рассматривать на трех взаимосвязанных уровнях.

На уровне государственном:

– в экономическом отношении в нашей стране остались рудименты переходного этапа от прежней советской к рыночной экономике или от индустриального к постиндустриальному этапу развития. Россия и весь ее уклад находится в состоянии раздора, «сидит на двух стульях» – индустриальном и постиндустриальном [11, с. 391];

– в политическом плане в последние годы играют деструктивную роль санкции (экономические, политические, технологические, культурные и др.) в отношении России;

– в технологическом аспекте организация трудовой деятельности вынужденно меняется под влиянием процессов цифровизации, роботизации и автоматизации.

На уровне институциональном:

– обеспеченность со стороны организации выделенными ресурсами, понятные, четко сформулированные трудовые задачи;

– переменные, отражающие восприятие людьми организационной культуры, определяемой внутренней политикой, методами найма, отношением руководителей к персоналу, вознаграждением и признанием;

– уровень удовлетворенности работников условиями трудовой деятельности, причем «чем выше степень удовлетворенности людей своей работой, тем больше они будут мотивированы выполнять ее» [4, с. 76].

На уровне индивидуально-личностном:

– чувства, ценности, идеи и убеждения каждого человека, которые стимулируют его действовать ради определенной цели. Например, некоторые люди заинтересованы лишь в деньгах как способе измерения успеха, в то время как для других важны эмоциональные связи и отношения;

– индивидуальные способности человека выполнять задания. При этом немаловажное значение имеет психологическое понимание важности своей работы. Любой работник должен быть уверен, что качество его работы напрямую влияет на результат труда, который может быть как субъективным (самоуважение, внесение вклада в общую работу, чувство познания чего-то нового и т.д.), так и объективным (заработная плата и дополнительное вознаграждение, продвижение по карьерной лестнице и др.).

Тяжелая ситуация недовольства от трудовой деятельности, от несовпадения ожиданий от труда с реальностью, от невозможности удовлетворения при этом различных потребностей будет именоваться «кризисом трудовой мотивации». Если сам по себе кризис означает «резкий, крутой перелом в чем-либо, тяжелое переходное состояние, проявляющееся в глубоком расстройстве системы, вызванном нарушением сбалансированности процессов, поддерживавших ее сравнительно устойчивое функционирование» [8, с. 127], то сущностными признаками кризиса трудовой мотивации можно считать низкую заинтересованность работников в

трудовой отдаче; неспособность человека на рабочем месте реализовывать свои профессиональные компетенции; отсутствие желания свои интеллектуальные, физические, психологические качества направить на процессы совершенствования производства и ряд других.

Мотивационный трудовой кризис может свидетельствовать либо о низком уровне заинтересованности работника в трудовой деятельности (нежелании сотрудника работать), либо о неумении работодателя повысить мотивацию персонала, либо и то, и другое. Кризис мотивации проявляется в том, что существующий уровень потребностей начинает снижаться, угрожая приблизиться к деградации. В этот период человек обнаруживает, что все прежние ориентиры на трудовую деятельность оказываются разрушенными, а новые еще не созданы, и над этим только предстоит работать.

Причины, по которым удовлетворение потребностей от труда снижается от высшего к более низкому уровню, могут быть разными:

Во-первых, глобальная цифровизация привела к исчезновению некоторых профессий, в результате люди (особенно, в зрелом возрасте), занимающиеся некогда любимым делом, стали чувствовать себя ненужными. По данным Фонда «Общественное мнение» 53 % российских пенсионеров вынужденно прекращают работать. А тем, кому еще далеко до пенсии (40-50-летние россияне) вынуждены продолжать трудовые отношения с понижением оплаты труда в среднем на 20 %. В результате 47 % россиян не работали по специальности, на которую обучались [1].

Во-вторых, экономическая политика государства, с трудностями перестраивающаяся на рыночную экономику, развивается порой в ущерб социальной политике, прежде всего, в отношении непосредственно самих работников, что соответственно снижает мотивацию сотрудников.

В-третьих, в условиях трансформации духовных и интеллектуальных ценностей расширяющееся расслоение общества по имущественному признаку неизбежно способствует снижению мотивации трудовой деятельности, подталкивая ее к кризисному состоянию.

Причины кризиса трудовой мотивации у человека могут обуславливаться как внутренними, так и внешними факторами. Внутренняя мотивация, базируясь на потребностях и желаниях личности, приводит к улучшению качества жизни и имеет долгосрочный эффект. Человек может выполнять низкооплачиваемую работу при наличии других вариантов деятельности только потому, что он действительно увлечен своей работой, позволяющей ему получать трудовой опыт, работу в дружном коллективе и др. Если работник перестает получать удовлетворение от работы, а причины, которые его симулировали, исчезли, то возникает внутренний кризис мотивации.

К внешней мотивации относят определенные стимулы, вознаграждения, признание, денежное стимулирование и т.д. Например, сотрудник может работать в силу необходимости зарабатывать деньги, чтобы выжить и заботиться о себе своей семье, соответственно ухудшение внешних факторов, оказывающих влияние на уровень благосостояния семьи, будет внешней причиной кризиса трудовой мотивации конкретного индивида.

Причины кризиса трудовой мотивации могут заключаться и во взаимодействии с руководством, как непосредственным, так и вышестоящим: работник может оставаться недовольным мерой вознаграждения, его может не устраивать стиль работы и общения руководителя, характер взаи-

моотношений в коллективе может противоречить уровню его воспитания, культуры и т.д.

Если трудовая мотивация сотрудников снизилась, то это неизбежно скажется на качестве работы. С целью своевременного обнаружения этого негативного явления и принятия мер, важно принимать своевременные превентивные меры: проводить доверительные беседы, периодическое тестирование сотрудников для определения уровня мотивации и обнаружения назревающих проблем. В данном случае уместно использование отечественных методик: Тест Герчинова Мотуре или многофакторный опросник для оценки мотивации трудовой деятельности MILAM. По итогам такого тестирования кадровые службы могут разработать индивидуальный подход к работникам с целью повышения их мотивации (например, изменение рабочего графика, перевод в другой офис, ближе к дому, более глубокое погружение сотрудника в командную работу и т.д.).

Далеко не каждый руководитель способен повлиять на изменение законодательства, поднять заработную плату или улучшить социальное обеспечение работников, но продемонстрировать сотруднику его значимость, отметить его труд поощрением – вполне доступная мера. Нужно подчеркнуть, что западная модель трудовой мотивации «ради денег» не в полной мере прижилась в российских социальных практиках, поэтому имеет смысл работать над решением задач повышения удовлетворения от трудовой активности не только в материальной, но и в духовной сфере жизнедеятельности работников.

Таким образом, трудовая мотивация напрямую зависит от потребностей человека: чем выше уровень потребностей, которые возможно удовлетворить благодаря трудовой деятельности, тем выше уровень мотивации. В то же время, ситуация, при которой начинается движение вниз по лестнице потребностей, вызывает кризис трудовой мотивации. В целом трудовой мотивационный кризис является составной частью общего кризиса XXI века, когда каждый индивид испытывает на себе воздействие глобальных финансово-экономических, экологических, духовных и иных проблем. В основе всего этого лежит мировоззренческий разлом, возникший из-за перехода от индустриального к постиндустриальному этапу развития, постоянного реформирования нашего общества, всех сфер его жизнедеятельности, глобализации, цифровизации, трансформации культуры и системы ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов Ю. Право на труд // Аргументы недели. 2023. 16 августа.
2. Бердиев Т. А., Ортиков Е. Ю. Понятие мотивации трудовой деятельности // Молодой ученый. 2016. № 7.2 (111.2). С. 83-86.
3. Джигкаев А. Т. Мотивационная теория Д. Макклелланда и ее роль в мотивации персонала // Образование и право. 2023. № 2. С. 237-240.
4. Ламихов Ю. Б., Антонова О. Г. Теоретические подходы к исследованию трудовой мотивации работников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4 (48). С. 71-80. DOI 10.21685/2072-3016-2018-4-8.
5. Мирзоян В. А. Кризис трудовой мотивации: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=420&Itemid=52 (дата обращения: 20.12.2023).

6. Мотивация персонала: учеб. пособие: практ. задания (практикум) / Ю. Г. Одегов, Г. Г. Руденко, С. Н. Апенько, А. И. Мерко. – Москва: АльфаПресс, 2010. – 640 с.
7. Пронин В. Ю. Теоретико-методологические основы понятия трудовой мотивации в социологии // Медицина, Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2021. – № 4. – С. 75-82.
8. Протасеня Ю. Е. Теоретические основы понятия «кризис» [Текст] // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2014. – № 1. – С. 127-130.
9. Трейси Брайан. Наука мотивации. – Минск: Попурри, 2019. – 240 с.
10. Федорова А. Э., Чудиновских М. В., Борзенко Е. И. и др. Трансформация трудовых отношений: факторы социального загрязнения. - Коллективная монография. – Екатеринбург: Юника, 2019. – 178 с.
11. Чернавин Ю. А. Современное российское общество: от индустриального до цифрового // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: Сб. трудов IV Международной научной конференции. – Москва: РУТ, 2020. – С. 391.
12. Westerman Johan. Unequal involvement, unequal attainment? A theoretical reassessment and empirical analysis of the value of motivation in the labor market // Social science research. – 2018. – Volume 76. – Pp 169-185.

ФОМИН Андрей Александрович

аспирант кафедры культурологии и изобразительного искусства Шуйского филиала Ивановского государственного университета, г. Шуя

ВОЗРОЖДЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ЭТОСА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Распад СССР и последующее становление современной России сопровождалось утратой традиционного цивилизационного этоса – базовых универсальных этических норм и ценностей, выполняющих функцию «духовных скреп» цивилизации. Образовавшийся идейный вакуум оказался заполнен неолиберальной идеологией – подлинным псевдоморфозом для нашей страны, которая превратилась в полигон по демонтажу цивилизационных оснований. Результатом этого стала потеря национальной идентичности и реальная угроза утраты суверенитета. Украинский сценарий показал запредельные результаты реализации проектов культурной интервенции коллективного Запада. Необходимость избежания подобного развития событий продиктовало государственной власти предпринять усилия по возрождению утраченного этоса, что нашло выражение как на концептуальном уровне, так и на уровне конкретных политических решений. Однако общество смогло осознать необходимость возвращения традиционных этических норм как образа жизни лишь вследствие экзистенциального обострения, которым стала СВО, вызвавшая аксиологическое пробуждение в обществе. Запущенные процессы нуждаются не только в дальнейшей государственной поддержке, но и духовной мобилизации каждого члена социума, чему особо способствует не только система образования, но и Церковь.

Ключевые слова: цивилизационный этос России, этика, нравственные ценности, экзистенциальное обострение, духовная мобилизация, конфликт цивилизаций.

FOMIN Andrey Alexandrovich

postgraduate student of Cultural studies and fine arts sub-faculty of the Shuya branch of the Ivanovo State University

THE REVIVAL OF RUSSIA'S CIVILIZATIONAL ETHOS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The collapse of the USSR and the subsequent formation of modern Russia was accompanied by the loss of the traditional civilizational ethos – the basic universal ethical norms and values that serve as the «spiritual bonds» of civilization. The resulting ideological vacuum turned out to be filled with neoliberal ideology – a genuine pseudo-morphosis for our country, which has turned into a testing ground for dismantling civilizational foundations. The result was the loss of national identity and the real threat of loss of sovereignty. The Ukrainian scenario has shown extraordinary results in the implementation of cultural intervention projects of the collective West. The need to avoid such a development of events dictated the state authorities to make efforts to revive the lost ethos, which found expression both at the conceptual level and at the level of specific political decisions. However, the society was able to realize the need to return traditional ethical norms as a way of life only as a result of the existential aggravation, which was its own, which caused an axiological awakening in society. The launched processes need not only further state support, but also the spiritual mobilization of each member of society, which is especially facilitated not only by the education system, but also by the Church.

Keywords: civilizational ethos of Russia, ethics, moral values, existential aggravation, spiritual mobilization, clash of civilizations.

Понятие этоса в современной философской науке предельно размыто, что само по себе является исследовательской проблемой. В настоящей работе под этосом понимается базовая универсальная для конкретного цивилизационного пространства система этических норм и ценностей, выполняющая функцию «духовных скреп», обеспечивающих не только историко-культурную общность, но и саму возможность существования цивилизации (данный концепт понимается в трактовке С. Хантингтона [1]). Забвение, отход, потеря этоса чреваты не просто потерей собственной идентичности, но и гибелью, «закатом» (в прочтении О. Шпенглера [2]) цивилизации, тогда как возврат к нему сопряжен с возможностью «возрождения» (свт. Николай Сербский). Однако встает проблема условий возвращения к утраченному этосу. Видится, что данный процесс может осуществляться в предельно критичных условиях, порождающих через свой трагизм и напряженность все сил своеобразный этический катарсис. Не случайно уже упомянутый святитель Николай Сербский говорил о возможном «возрождении Европы» в условиях Первой мировой войны [3]. Возврат ко многим традиционным духовным ценностям, преданным забвению в революционное лихолетье в России, стал возможен в период Великой Отечественной войны и т.д. В связи с этим, возникает вопрос об условиях преодоления современного духовно-нравственного

релятивизма в современной России. Что нужно для возврата к подлинно российскому этосу?

Забвение этоса. Отход от собственного этоса происходит не «вдруг», он, по большей мере, не является осознанным. Но он однозначно инспирирован извне. Теми процессами, которые в свое время О. Шпенглер назвал «псевдоморфозом». Его основная направленность на носителей этоса, а цель – осуществить аксиологический переворот в сознании, чтобы вытеснить традиционную этику антитрадицией, создать новую мифологию, которая воспринималась бы как подлинная конкретная реальность. Ибо миф (по А. Ф. Лосеву) всегда предельно конкретен [4].

Необходимо заметить, что псевдоморфные влияния также усиливаются и достигают своей цели в переломные моменты. В Новейшей Отечественной истории они пришлось на распад Советского Союза и сопровождались радикальным поворотом на Запад, отказом от собственной истории, культуры, системы ценностей. Либеральная аксиология не просто активно насаждалась, но и с не меньшей интенсивностью усваивалась большинством социума, что привело к полному отказу от собственного этоса.

Безусловно, потеря внутреннего духовно стержня привело и к внешним проблемам, которые очень четко обозначил Президент России В. В. Путин, говоря о 1990-х годах. Глава

Фомин А. А.

государства заявил, что «...за это время у нас полностью развалились социальная сфера, промышленность, оборонная сфера. Страну практически довели до гражданской войны, до кровопролития на Кавказе, поставили на грань потери суверенитета и развала» [5].

Еще более опасными последствиями отказа от собственного этоса стала практически полная потеря коллективной идентичности, как показали исследования в 2007 году [6]. Россия, по мнению некоторых ученых, стала опытной площадкой по демонтажу цивилизационных оснований [7]. В том числе и такой прежде аксиологической ценности, как защита Отечества. Достаточно вспомнить, как обсуждалась в СМИ и обществе в целом война за восстановление конституционного порядка в Чечне. Каков был процент уклонистов и противников армии, в целом.

Не случайно американский философ Ф. Фукуяма заявил о «конце истории» [8]. Казалось, что либеральная система ценностей коллективного Запада становится не просто универсальной, а глобальной. Мультикультурность вытеснила национальную идентичность, мир стал единым. Но не равным. Единим лишь в том смысле, что все обязаны играть по одним правилам, думать по единообразному шаблону. Но так как есть те, кто придумывает правила и те, кто обязан их исполнять, в мире сложилось глобально неравенство. Неравенство, которое породило противоположный глобализации партикуляризм, тенденцию возврата к собственной идентичности, к своему этосу, что, безусловно, затронуло и Россию.

Можно вполне согласиться с мнением, что одной из фундаментальных составляющих российский этос идей является идея справедливости, «царства правды» [9, с. 6], которая прямо противоположна потребительской, собственнической аксиологии глобального либерализма. Их ценности есть квазиэтика для нашей цивилизации, подлинная антитрадиция, стремящаяся аннигилировать традицию, что и происходило в 1990-е годы. Возник не просто вакуум идентичности, но и вакуум духовности. Был необходим серьезный толчок, кризис, чтобы началось расколдовывание очарования Запада.

Поиски утраченного этоса. Утратив собственный цивилизационный этос, Россия первоначально весьма снисходительно смотрела на происходящее на Украине. Стирая собственную идентичность, мы с пониманием воспринимали, как это делают другие, иногда иронизируя над слишком смелым переписыванием истории. Однако очень скоро стало понятно, что на Украине не просто осуществилась победа неонацизма [10, с. 149], но и началась реализация проекта «анти-Россия» [11]. Следует однозначно согласиться с данной оценкой реализуемых там процессов.

Разделяя позицию исследователей, что конфликт цивилизаций всегда двухуровневый: макро- и микро- (последний – личный) [12], необходимо заметить, что события на Украине показали, прежде всего, не опасность торжества режима нацистов и их западных дирижеров, а возможность смены этический парадигмы у самого населения, ведь часть украинского социума оказалась включенной во вновь созданную антитрадицию. Утрата этоса, последующий за ней аксиологический вакуум влекут за собой не только появление, но и активное усвоение новых «ценностей», которые способствуют разрушению. Что и показал украинский сценарий.

События 2014 года, воссоединение Крыма с Россией, показали, что аналогичные процессы еще недостаточно укоренились в нашем обществе, но уже присутствуют. Были проведены два «Марша мира», впрочем, их численность не превышала пятидесяти тысяч человек, а за пределами Москвы и Санкт-Петербурга и вовсе тысячи [13, с. 165]. С протестами выступила так называемая «демократическая оппозиция», но большинство населения страны просто проигнорировало их призывы, встав на сторону государственной власти. Но сами попытки дестабилизации во имя либеральных ценностей – показательны. И игнорировать их никак нельзя.

Впрочем, события 2014 года и последующих лет не произвели коренного перелома на пути к возрождению утраченного этоса. Причина видится в том, что все эти события были все равно «у них». Российское общество переживало, радовалось, негодовало, но не было в полной мере включено в происходящее, отсюда отсутствие той самой «встряски», которая со всей очевидностью показала бы необходимость возврата к традиционной системе этических ценностей.

При этом на теоретическом уровне начинается обсуждение необходимости возвращения к традиционному исконному этосу. Не только Глава государства, но и исследователи

все чаще оперируют понятием «духовные скрепы», обнаруживая прямую связь между восстановлением традиционных ценностей и безопасностью государства, его единством [14]. Действительно, возрождение цивилизационного этоса, его укоренение в общественном сознании способствует формированию личного иммунитета к псевдоморфным влияниям. А это – залог сохранения собственной идентичности: на цивилизационном, государственном, общественном и личном уровне.

Возрождение этоса. Безусловно, 24 февраля 2022 года и начавшаяся СВО разделили ход новейшей истории на «до» и «после». Первоначально «военная» операция очень скоро превратилась в инструментальный возрождения традиционного этоса. Этот процесс, подобно реализации конфликта цивилизаций осуществляется на двухуровневой основе. Во-первых, управляемый, осуществляемый силами государства и общественных институций, прежде всего, Русской Православной Церковью. Во-вторых, стихийный, основанный на глубинной исторической и этической памяти народа.

К мероприятиям первого уровня следует отнести само осознание носителями государственной власти важности, реальной необходимости возрождения цивилизационного этоса. Возврат к традиционной аксиологии, ее декларация и защита от альтернативных ценностей установок коллективного Запада. Соответствующая переориентация ведущих средств массовой информации, кинопроката, усиление контроля контента в сети «Интернет».

Власть предприняла усилия и на законодательном уровне. Еще в 2020 году были внесены поправки в Конституцию Российской Федерации. Среди прочих стало признание русского языка государствообразующим, культура признается уникальной и берется под охрану государства, которое, в том числе защищает культурную самобытность всех народов России. Сохранение «общероссийской культурной идентичности» становится государственной задачей. Особенно важным стало появление статьи 67.1, в которой говорится о тысячелетней истории России, важности сохранения исторической памяти, идеалов и веры в Бога, которые нам передали предшествующие поколения. В октябре 2022 года в Конституции были прописаны новые регионы России [15].

В том же 2022 году Президент России подписал Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Это принципиально новый документ, посвященный аксиологии. Фактически, власть пытается прописать цивилизационный этос через его фундаментальный ценностный набор. Уже в первой статье сказано, что это – «...документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» [16].

Впервые за всю историю страны власть официально признала, что этос является не просто «кодексом чести», «правилами хорошего тона», а определяющим саму возможность существования государства и общества. Цивилизационным основанием... Документ оперирует понятием «традиционные ценности», которые признаны формирующими мировоззрение нравственными основаниями. Они лежат в основе гражданской идентичности и обеспечивают культурно-историческое и, опять-таки, гражданское единство. В нашем прочтении этоса «традиционные ценности» Указа ему синонимичны. Тем более важно, что они признаны основой российского общества и укрепляющим суверенитет фактором. В документе отмечена особая роль Православия, а также перечислены сами ценности [16].

В данном Указе произведена и оценка рисков утраты этоса. По сути, часть из них уже реализована и требует мер противодействия, что, собственно, и вызвало к жизни данный документ. Но сама его публикация говорит лишь о понимании серьезности ситуации политической элитой. Для успешного же возрождения утраченного этоса необходимо осознание этой необходимости обществом, в целом, каждым его членом, в частности. Конечно, с одной стороны, это вопрос образования, средств массовой информации, различных культурных институций.

Но, с другой стороны, как было замечено выше, необходим некий толчок, который заставит не просто задуматься, а проснуться, выйти из того гипнотического псевдоморфного сна, в который оказался погружен российский социум. Следует согласиться с оценкой данного состояния общества как «окупационной духовного пространства и общественного сознания» в результате ментальной войны [17].

Безусловно, подобным инструментом пробуждения стала специальная военная операция. Следует согласиться с А. Г. Дугиным, который говорит о смене парадигмы СВО [18]. Действительно, кроме собственно военных целей выяснилось, что Россия ведет боевые действия за сохранение своей цивилизационной идентичности, фактически, за возможность сохранять такую же в принципе в мире. Это тотальный антиглобалистский демарш, призванный сохранить саму возможность быть собой в цивилизационном масштабе. Но прежде всего, это борьба за сохранение Отечества в границах исторической Руси, в цивилизационных границах. А ведь защита Родины является одним из главных ценностных ориентиров, фундамирующим этос элементом.

Не удивительно, что именно на дискредитацию российской армии, пересмотр итогов Второй мировой войны было потрачено так много усилий коллективного Запада (и тратится до сих пор). Поэтому начало СВО, равно как и объявленная частичная мобилизация, были восприняты в обществе неоднозначно, частично, панически. Наблюдалось массовое бегство части элиты за рубеж, неоднозначно реагировали на ситуацию и рядовые граждане. Однако уже через очень непродолжительное время наметился кардинальный поворот, который нельзя объяснить какой-либо «пропагандой».

Простое понимание того, что наши люди кладут свои жизни «за други своя» вызвало массовый отклик в российском обществе, который выразился не только в увеличении числа воинов-контрактников и добровольцев, но и в массовом волонтерском движении, в посылках и письмах от детей и взрослых в зону СВО, а главное, в понимании того, что есть настоящее и ненастоящее. Что есть реальность и квазиреальность. Именно этим объясняется вдруг возникшая обостренная реакция общества на некоторые модели поведения, которые еще пару лет назад никого особо не задевали, так как вполне укладывались в навязанную и усвоенную парадигму неолиберализма.

Особенно ярко данная тенденция просматривается в отношении шоу-бизнеса, чье возникновение и существование во многом является следствием псевдоморфных воздействий Запада, а потому и логика многих шоуменов. Их отрицание, а иной раз и «отмена», сначала стали неожиданными, а потом вполне объяснимыми и, главное, осознанными действиями. В общественном сознании возродилась, казалось бы, утраченная система культурно-этического, аксиологического распознавания «своей-чужой». И это очень важно. Можно говорить о том, что глубинные, возможно даже архетипические, цивилизационные основания этоса остаются укорененными в сознании, и актуализируются, сносая наносную псевдоаксиологию, в условиях экзистенциального обострения.

Перспективы этоса. Сам факт возрождения цивилизационного этоса России еще не означает его автоматического закрепления. Необходима целенаправленная работа, которая носит субпсевдоморфозный характер [19]. Иными словами, вопрос не только в возрождении и усвоении традиционной этики и аксиологии, но и в нивелировании псевдоморфного влияния, отказе от антитрадиции, пересмотре навязанной неолиберальной парадигме в пользу традиционной. Данные процессы не могут происходить «вдруг». Возрожденные к жизни экзистенциальным вызовом, нравственным пробуждением, во многом катализированным СВО, необходимо тщательно поддерживать и канализировать их протекание.

И это не только задача власти. В широком смысле – это потребность и даже обязанность общества. Но само по себе общество не обладает той степенью собранности, когда каждый член социума способен осознавать общие цели, задачи и необходимый характер действий. Необходимо известное научение, которое возможно, с одной стороны, посредством образования, а с другой стороны, через духовное окормление. В последнем случае чрезвычайно важна роль Церкви, которая, с первых дней СВО призывает к духовной мобилизации [20], разумея под этим, в том числе и постоянную актуализацию через собственное бытие цивилизационного этоса России.

Именно реализация традиционных ценностей на микроуровне, бытийствование человека согласно цивилизационной этике, трансляция подобного образа жизни последующим поколениям и является залогом того, что возрожденный этос России укоренится.

Пристатейный библиографический список

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33-48.
2. Шпенглер О. Закат Западного мира: Очерки мифологии мировой истории. – М.: «Издательство Альфа-Книга», 2010. – 1085 с.
3. Николай Сербский (Велимирович), святитель. Духовное возрождение Европы. – М.: Паломник, 2006. – 448 с.
4. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Правда, 1990. – 429 с.
5. Прямая линия с Владимиром Путиным. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20190620/russia-putin-translyaciya-pryamaya-liniya-1044757661.html> (дата обращения: 08.02.2024).
6. Рабочая группа ИС РАН. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Часть 3 // Полис. – 2008. – № 3. – С. 9-28.
7. Скворцов Л. В. Россия перед проблемой цивилизационной самоидентификацией: имперский комплекс или ответственность перед будущим? // Диагноз времени как проблема социальной теории и практики. – М.; Ставрополь: ИНИОН РАН-СГУ, 2006. – 304 с.
8. Фукуяма Ф. Конец истории и Последний человек. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://geopolitikym.org/wp-content/uploads/2020/04/konec-istorii-i-poslednij-chelovek-fyukuama.pdf> (дата обращения: 08.02.2024).
9. Щипков А. В. Похищение русской идентичности // Плаха: 1917-2017. Сб. статей. – М.: Пробел-2000, 2015. – С. 3-39.
10. Белжеларский Е. А. Распад либеральной идентичности // Плаха: 1917-2017. Сб. статей. – М.: Пробел-2000, 2015. – С. 149-179.
11. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66181> (дата обращения: 08.02.2024).
12. Балагуров О. А. Преодоление вызовов секулярного глобализма с опорой на святоотеческое наследие в контексте конфликта цивилизаций: дис... канд. культ. – Шуя, 2013. – 148 с.
13. Скворцов К. А. Политический протест российской демократической оппозиции в «Постболотный» период: анализ и характеристика // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – №4. – С. 163-166.
14. Щенникова К. Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. – 2017. – № 1. – С. 159-164.
15. Конституция РФ с изменениями 2022 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/55446/> (дата обращения: 08.02.2024).
16. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 08.02.2024).
17. Ильинский А. Антихрист как технология // Парламентская газета. – 2024. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/antikhris-kak-tekhnologiya.html> (дата обращения: 08.02.2024).
18. Дугин А. Г. СВО: год первый. Смена парадигмы // Завтра.Ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/svo_god_pervij_smena_paradigmi?ysclid=lsdj7w4nd225278853 (дата обращения: 08.02.2024).
19. Балагуров О. А. Конфликт цивилизаций: картина будущего в контексте преодоления археомодерна посредством субпсевдоморфоза // В мире научных открытий. – 2013. – № 1-3. – С. 77-89.
20. Патриаршая проповедь в Неделю 35-ю по Пятидесятнице после Литургии в Храме Христа Спасителя // Русская православная Церковь: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6100609.html?ysclid=lsdjzk1qhs237839590> (дата обращения: 08.02.2024).

ХОХЛОВА Ольга Михайловна

кандидат философских наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления
Института социальных наук Иркутского государственного университета

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОГЛАСИЕ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Автор обосновывает необходимость формирования модели общественного согласия, представляющую собой совокупность фундаментальных ценностей современного российского общества, как основу равновесия и устойчивости общественной системы, сохранения ее идентичности и единства, суверенитета, территориальной целостности, по своей сути представляющую систему обеспечения национальной безопасности в современной России. Автором приводится анализ подходов к пониманию национальной безопасности и дается оценка эффективности их применения в реалиях современности.

Ключевые слова: модель, общественное согласие, фундаментальные ценности, общество, общественная система, национальные интересы, национальная безопасность, национальная консолидация.

KHOKHLOVA Olga Mikhailovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Public administration sub-faculty of the Institute of Social Sciences of the Irkutsk State University

SOCIAL CONSENT IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

The author substantiates the need to form a model of social harmony, which is a set of fundamental values of modern Russian society, as the basis for the balance and stability of the social system, preserving its identity and unity, sovereignty, territorial integrity, which in essence represents a system for ensuring national security in modern Russia. The author provides an analysis of approaches to understanding national security and assesses the effectiveness of their application in the realities of our time.

Keywords: model, public consent, fundamental values, society, social system, national interests, national security, national consolidation.

Хохлова О. М.

В последнее время активно исследуются процессы обеспечения национальной безопасности, они составляют значимый сегмент научных работ зарубежных и отечественных авторов. Существующее многообразие определений, подходов и методологических принципов, используемых в исследовании проблемы безопасности в рамках многих научных направлений, позволили современным ученым разработать междисциплинарный инструментарий, способствующий определению изучаемых вопросов в конкретной отрасли научного знания. Особенно активно проблемы национальной безопасности звучат в контексте военной, международной, социальной, экономической, информационной и демографической безопасности. Категория «национальная безопасность» в политологическом содержании, определена достаточно размыто. Зарубежные исследователи зачастую приводят синтез социальных (М. Арчер, П. Бергер, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм) и политических изменений (Р. Арон, Р. Даль, С. Липсет, С. Хантингтон), который позволяет анализировать внутриполитические аспекты и выработать методологические принципы национальной безопасности. Политическая наука связывает процессы обеспечения национальной безопасности с функциональными характеристиками самой политической системы общества. Внутренние риски политической системы возникают тогда, когда система подвергается модернизации, которая может нарушить ее адаптивность, устойчивость и равновесие. Поддержание геополитического статуса, сохранение суверенитета образуют систему базовых факторов, ограничивающих воздействие на политическую систему общества от внешних угроз. Это определение со-

звучно с категорией «национальная безопасность», обозначенном в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (далее – РФ), утвержденной в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹, в которой национальная безопасность трактуется как состояние защищенности национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности.

В Стратегии сказано, что одним из приоритетов является поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, это означает, что гражданский мир и согласие и есть согласие между отдельными членами общества – гражданами, т.е. согласие в обществе, соответственно – общественное согласие. Общественное согласие выступает базовым параметром процесса обеспечения национальной безопасности на основе общих приоритетных ценностей – свободы, независимости, гуманизма, межнационального мира и единства культур многонационального народа России, уважения семейных традиций и патриотизма.

Российская политическая наука еще не определилась с поиском подходов к анализу консолидационных процессов последних десятилетий. Анализируя мнения ученых отно-

1 Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

сительно источников и уровней, характера и стадийности консолидационных процессов, сделаем выводы, что интеграцию современного общества представляет развитие множества других процессов. Поведенческий подход активно разрабатывал Дэвид Истон, профессор Университета Чикаго, президент Американской ассоциации политических наук (США), который в одной из своих работ утверждал, что нужно разработать универсальную практико-ориентированную политическую теорию для наиболее оптимального способа понимания политической жизни [4]. Данный подход позволяет анализировать национальную безопасность в нашей стране, в которой начинает формироваться модель нормативно-правового консенсуса нового типа, который характеризует общество, с формирующейся или претерпевшей дезинтеграцию нормативной структурой. Эта модель представляет собой процесс коммуникации «общество – власть» с помощью политической мобилизации, подверженной зачастую влиянию ситуационных факторов.

Представители идеологического подхода – В. Н. Кузнецов [5], М. А. Нугаев, Р. М. Нугаев [6] и М. Ю. Попов [8], рассматривали консолидацию общества как фактор формирования государственной идеологии, под которым понимается совокупность целей, включающих личные, общественные и государственные цели, идеалы и интересы. Десятилетиями отсутствующая государственная идеология, сплачивающая и объединяющая людей, воспринималась как реальная угроза, обостряющая в обществе социальное напряжение, вероятность отстранения власти от народа, от жизненно необходимых демократических преобразований. Определим центральное место социологическому подходу с его понятием «солидаризация», под которой понимают объединение граждан на основе общенациональных интересов. Выделяя типы консолидации в трансформирующемся российском обществе, В. А. Ядов указывал на преобладание негативной (оборонительной) над конструктивно-наступательной (мотивирующей) солидаризацией [14]. Социологический подход базируется на дифференцированной консолидации власти и общества. Консолидация рассматривается на разных уровнях развития общества. Первый уровень консолидации связывали с формированием вертикали власти, устойчивостью политического курса, созданием партии власти, а второй уровень связывали с унификацией установок мировоззрения и норм политического поведения. Н. М. Великая утверждала, что российское общество достигло этапа консолидации-адаптации, выраженного в осознании общества невозврата к прежней политической системе [2].

Консолидации присущ смешанный, негативно-позитивный характер, это связано со стабильным отношением к новым институтам, которые пока не подкреплены процессами социальной интеграции. Консолидация-идентификация и консолидация-трансформация, как следующие этапы консолидации общества в реалии современной жизни общества достаточно трудно воплощать в жизнь. Интересен элитистский и технологический подход в нашем понимании, представленный процессами консолидации, как результатом использования правящими элитами определенных политических технологий. Этот подход в качестве основных механизмов консолидации демонстрирует: высокий уровень политических технологий [9]. Этот подход в качестве основных механизмов консолидации демонстрирует: высокий уровень доверия к власти, функционирование партии власти, компромисс социальных и либеральных консерваторов и деятельность государственной бюрократии. Анализируя

подход внутриэлитной консолидации, отметим вклад О. В. Гаман-Голутвиной [3], которая исследовала особенности механизма обмена ресурсами, позволяющего внутриэлитной консолидации обеспечивать поддержку региональных элит и властных структур.

Комплексный подход, предложенный Е. А. Агеевой, включает комплексное понимание консолидации, предполагающей достижение политического режима, легитимности власти, адаптивности политической системы к происходящим изменениям [1]. Основу комплексного подхода представляет идея, что процессы получения и удержания власти должны быть институционализированы, т.е. структурированы. Консолидацию осуществляют совместными усилиями государства, политических партий и общественных объединений. Объединенные усилия позволяют эффективно принимать и реализовывать демократические правила, консолидирующие общество, и обеспечивать безопасность государства. Обеспечение национальной безопасности остается актуальной проблемой на всех этапах развития общества. Ее решение играет важную роль в продуктивной деятельности субъектов политической системы, формирующих общую стратегию, способную противостоять внешним и внутренним угрозам во всех сферах жизнедеятельности человека.

Современная система национальной безопасности РФ детально разграничивает долю участия каждого субъекта, определяет необходимость их действий по устранению различных вызовов и угроз для граждан, общества и государства.

Изложенные нами подходы к пониманию национальной безопасности, по большому счету, и определяют весь спектр политического поведения в вопросах обеспечения национальной безопасности, включая консолидацию общества, как одну из глобальных задач, способную привести общество, как систему, в равновесное состояние, стабилизировать согласие в обществе, т.е. общественное согласие, обеспечивая, в том числе, и суверенитет государства. Консолидацию общества можно представить общественным согласием, и основополагающим фактором развития.

Проблема социальной консолидации в 2022 – 2023 гг. обозначилась остро в связи с внешнеполитическими угрозами, событиями СВО и накалом протестной активности [12]. Большинство российских граждан осознают, что без достижения общественного согласия в обществе невозможно противостоять современным вызовам и угрозам. Общественное согласие – это не только сплоченность и консолидация общества, – это основополагающий фактор успешного развития любого общества. Идеологически, политически, социально-экономически раздробленное, разрозненное общество не сможет реализовать стратегические задачи. Только достижение единства, согласия народа и власти сможет реализовать планы стратегии развития и национальной безопасности [11].

Россия сегодня находится в начале своего пути, направленного к многоуровневой консолидации, способы осуществления которой предлагают применение разных подходов:

- элитистского, показателем которого являются интегративные возможности партии власти;
- социологического, показатели которого – особенности консолидации-адаптации общества;
- идеологического, показатель которого идеологическое обеспечение режимной консолидации и
- поведенческого, демонстрирующего состояние консенсуса демократических правил и процедур.

Основные положения этих подходов являются основой внутривнутриполитических аспектов национальной безопасности. Несомненно, что обеспечение внутривнутриполитической безопасности современной России, создает предпосылки к повышению консолидационного потенциала, повышению уровня общественного согласия, что будет способствовать созданию благоприятных условий для решения различных внешнеполитических проблем. Когда общество достигает достаточного уровня консолидации, оно может поддерживать внутренний и внешний суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие системы национальной безопасности.

Проблема общественного согласия в контексте национальной безопасности в современных реалиях актуальна для многих стран мирового сообщества. Консолидационный потенциал отдельно рассматриваемого общества (государства) зависит от ряда присущих ему факторов, среди которых выделяется взаимосогласование, являющееся общественным согласием в реализации интересов всех этнических групп, использования консолидационного потенциала исторической памяти, религии, демократизации власти, культурных ценностей и приоритетов.

Достижение общественного согласия зависит от теоретического понимания феномена, объединения усилий органов власти и граждан для выхода государства и общества из кризиса, развития демократии, национальных исторических ценностей и традиций своего народа. Для успешного решения всех возникающих проблем, невозможно предложить универсальную модель или посоветовать единственный метод. Государственная политика, реализуемая на этом этапе, в пределах которой действует разработанная стратегия национальной консолидации, становится регулятором достижения общественного согласия и взаимодействия институтов гражданского общества.

Национальная консолидация проявится в единстве нации и народа, основываясь на общие национальные интересы, ценности и историческое прошлое, она представляет собой важный компонент национального возрождения, главный принцип которого – единство традиций и национального прогресса. Достижение общественного согласия в современном российском обществе является гарантией нормального функционирования и фактором обеспечения национальной безопасности. Главная задача обеспечения национальной безопасности – поиск путей и механизмов достижения общественного согласия по стратегическим вопросам развития России [13].

За последние двадцать лет активно разрабатывалась концепция национальной безопасности, изменялось понимание основ этого явления. Сегодня ученые и исследователи, занимающиеся проблематикой национальной безопасности, невзирая на сопротивление сторонников военно-силового подхода, рассматривают политико-идеологические или социокультурные основы национальной безопасности. В ранних разработках проблем национальной безопасности были темы, связанные с основами гуманитарной безопасности, социально-гуманитарными проблемами национальной безопасности, с общечеловеческой составляющей национальной безопасности, при этом, в научный оборот были введены такие понятия, как: духовно-нравственная безопасность, идеологическая безопасность, экологическая безопасность и другие. Культура, культурная политика и идеология рассматривались в качестве факторов национальной безопасности. Одним из важных концептов социально-политических факторов обеспечения национальной безопасности является

общественное согласие, а от наличия и степени достижения политического согласия зависит стабильность и динамика социально-экономического развития государства, что, безусловно, является необходимым условием выхода из любого кризиса от социально-экономического до политического. Общественно-политическое согласие необходимо даже для относительно стабильных политических систем, потому что является фактором поддержания и сохранения стабильного порядка в обществе, и, существенным элементом механизма развития и преобразования всех сфер общественной жизни [10]. В конце 90-х гг. достаточно много ученых-исследователей общественных процессов утверждали, что российское общество остро нуждается в стабильности и порядке. Анализируя развитие общества с точки зрения общенациональной парадигмы, ученые утверждали, что, общество подвержено процессу социально-политической интеграции. В. Мау писал, что меняется конфигурация власти, наблюдается консолидация элит вокруг умеренных позиций, формируя новый социально-политический и экономический консенсус [7]. Звучали выводы также, что потребность во власти постепенно приведет к консолидации общества вокруг авторитаристских, государственных и патриотических ценностей, преодолевая ценностную и идеологическую поляризацию, которая характеризовала 90-е годы. Начало 2000-х гг. обозначило для политологов необходимость проведения анализа процессов социально-культурной консолидации общества, предполагавшего государственное регулирование основных сфер жизни.

Общественное согласие, представляемое в этой модели, должно было синтезировать предпочтения народных масс и элиты в отношении государственного строя, экономической системы общества и взаимоотношений с внешним миром. Формирование этой проблемы, ее научные разработки затянулись на десятилетие, ученые пытались найти новый смысл национальной безопасности в контексте Стратегии развития России, где в качестве одной из наиболее актуальных отмечается проблема духовной безопасности общества. Отметим, что понятие духовной безопасности, как концепт до сих пор основательно не сформировано. Введение духовной безопасности в научный оборот связано, на наш взгляд, с тем, что трансформирующемуся обществу предстоит решать сложные задачи экономического развития, принимать эффективные меры по стабилизации, сохранению и развитию национальной, культурной и социальной макроидентичности. Необходимо также отметить, что внимание, растущее в обществе к проблемам духовной безопасности необходимо рассматривать как стремление сохранить национальный суверенитет и культурную идентичность России, преодолеть социокультурный кризис и в перспективе продвинуться по пути социальной и политической модернизации общества.

Политическую безопасность представляет собой особый накал, пик, предел социальной борьбы, в дальнейшем предполагающий согласие. Достигнуть согласия в отдельной группе значительно проще, чем общенационального согласия, при этом, согласие внутри элиты существенным образом отличается от общенационального, общегражданского, общественного согласия, которое сложно подсчитать или измерить. Необходимость достижения общественного согласия доказывается тем, что конечная цель модернизации общества – достижение устойчивого развития. Стратегические проблемы обществ цивилизационного характера решаются только с помощью общественного согласия, демократического консенсуса различных противоборствующих националь-

ных, конфессиональных, социальных и политических сил в отношении базовых ценностей.

Консенсус, как понятие, можно рассмотреть в двух смыслах: как основу различных политических решений, выраженную по политической воле большинства участников и как достигнутое общественное согласие в обществе. Согласие по поводу основных ценностей возникает постепенно, в результате длительного процесса консолидации общества. Общественное согласие, общественный консенсус в России всегда был процессом трудным, поскольку наша страна имеет уникальные характеристики: геополитическое положение, этническое, конфессиональное, культурное многообразие. В российской истории не прослеживается традиция договорных отношений в масштабах общества, и в наши дни этот вопрос находится в центре внимания. Проблема общественного консенсуса в нашей стране пока не обрела ни теоретического, ни практического решения. Сегодня гражданское согласие используется в целях самосохранения элиты, поэтому слышны призывы политических сил начать движение навстречу друг другу, провозглашение попыток согласия, взаимопонимания, но это лишь попытки и не более. Поиск общественного согласия характеризуют и отсутствие технических возможностей и условий для общественной дискуссии и психологической проблемы. Поиск общественного согласия на фоне заявлений о его необходимости приводят к усталости и безразличию общества в поиске решения этой проблемы.

Имеющиеся резервы достижения духовного согласия в нашем обществе связаны с развитием культуры, формированием ценностного единства и определением общенациональной идеи, но на наш взгляд, в современных реалиях детерминанты духовного согласия находятся в начальной стадии становления. В связи с этим, возникает потребность в достижении стратегического согласия, связанная с глубокой модернизацией нашего общества. В современной России отсутствуют условия, до сих пор не выработаны процедуры и механизмы обретения стратегического общественного согласия, поэтому большинство российских стратегий и программ, в итоге превращается в нулевой результат. Существенным препятствием в преодолении отчуждения власти и общества, устранения изоляции власти, изменения имеющихся трактовок, и, наконец, достижения общенационального согласия является низкий уровень профессиональной и общей культуры представителей нашей политической элиты, несмотря на мнение ученых, утверждающих, что сегодня важная роль отведена культуре во всех проявлениях в обеспечении национальной безопасности России. В современной России, вступившей на путь модернизации, политические институты функционируют неэффективно, а гражданское общество до сих пор формируется, в итоге создана драматическая ситуация, в которой отсутствует общественное согласие, у властвующей элиты также отсутствуют представления о направлениях деятельности по достижению стратегического общественного согласия. Таким образом, стратегическое общественное согласие рассматривается как фактор создания оптимальной модели взаимодействия общественно-политических субъектов в сфере обеспечения национальной безопасности современной России.

Пристатейный библиографический список

1. Агеева Е. А. Консолидация общества как политический феномен // Политика и политология: актуальный ракурс / Под общ. ред. И. А. Батаниной, М. Ю. Мизулина. – Москва – Тула, 2005. – С. 11.
2. Великая Н. М. Проблемы консолидации общества и власти // Социс. – 2005. – № 5. – С. 60-71.
3. Гаман-Голутвина О. В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. – 2004. – № 2. – С. 6-19.
4. Дэвид Истон. Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 2015. – № 5.
5. Кузнецов В. Н. О социологическом смысле идеологии консолидации: геокультурный аспект // Безопасность Евразии. – 2003. – № 3 (13). – С. 7-47.
6. Нугаев М. А., Нугаев Р. М. Общественная идеология как фактор становления гражданского общества // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4. – С. 120-129.
7. Мау В. Интеллигенция, история и революция // Новый мир. – М., 2000. – № 5.
8. Попов М. Ю. Социализация личности в условиях деидеологизации: в поиске идеологии консолидации // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – № 6. – С. 63-78.
9. Левашов В. К. Морально-политическая консолидация российского общества в условиях неолиберальных трансформаций // Социс. – 2004. – № 7. – С. 27-45.
10. Хохлова О. М. Дихотомия «согласие-несогласие» в социальной сфере (философско-методологический анализ). Автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.11: Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана. – М., 2013. – 22 с.
11. Хохлова О. М. Общественное согласие в социально-политической сфере современного общества. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 176 с.
12. Хохлова О. М. Протестное движение в современном российском обществе (с учетом региональных особенностей). – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. – 136 с.
13. Хохлова О. М. Социальный протест как проявление несогласия // Гуманитарный Вестник МГТУ им. Н. Э. Баумана. – 2023. – № 2 (98).
14. Ядов В. А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. – 2002. – № 12. – С. 94.

ГУСЕВ Валерий Сергеевич (Епископ Филарет)

священнослужитель, преподаватель Нижегородской духовной семинарии, Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина

Гусев В. С.
(Епископ Филарет)

СВОЕОБРАЗИЕ ВЗГЛЯДОВ Н. А. БЕРДЯЕВА И И. А. ИЛЬИНА НА ЧЕЛОВЕКА

В представленной статье рассматриваются особенности антропологических воззрений двух крупнейших отечественных мыслителей кон. XIX – пер. пол. XX столетий – Н. А. Бердяева (1874-1948 гг.) и И. А. Ильина (1883-1954 гг.). Отмечается, что проблема сущности человека, его места в мире и предназначения занимает основное место в их творчестве. Оба философа не ставили своей целью построение систематической антропологии, основывались на собственном опыте и рефлексии, а также рассматривали сущность и предназначение человека в его религиозном измерении. И. А. Ильин, в отличие от Н. А. Бердяева пытался довести свои идеи до логической завершенности, ясности. Если по И. А. Ильину, в центре жизни человека лежит вера как начало, определяющее все бытие, естество и предназначение личности, то Н. А. Бердяев рассматривает человека как существо, призванное к творческой самореализации, и тем самым, раскрывающее в себе личностное начало.

Ключевые слова: И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, человек, антропология, экзистенциализм, духовность, философия, религиозность.

GUSEV Valeriy Sergeevich (Bishop Filaret)

Clergyman, lecturer of the Nizhny Novgorod Theological Seminary, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

THE ORIGINALITY OF THE VIEWS OF N. A. BERDYAEV AND I. A. ILYIN ON MAN

This article examines the features of the anthropological views of two of the largest Russian thinkers of the end of the XIX – first half of the XX centuries – N. A. Berdyaev (1874-1948) and I. A. Ilyin (1883-1954). It is noted that the problem of the essence of a person, his place in the world and purpose occupies the main place in their work. Both philosophers did not aim at building a systematic anthropology, were based on their own experience and reflection, and also considered the essence and purpose of man in his religious dimension. I. A. Ilyin, unlike N. A. Berdyaev, tried to bring his ideas to logical completeness, clarity. If, according to I. A. Ilyin, faith lies at the center of a person's life as the beginning that determines the whole being, nature and destiny of a person, then N. A. Berdyaev considers a person as a being called to creative self-realization, and thereby revealing the personal beginning in himself.

Keywords: I. A. Ilyin, N. A. Berdyaev, man, anthropology, existentialism, spirituality, philosophy, religiosity.

После господства материализма и позитивизма в конце XIX – начала XX веков в России появляются оригинальные антропологические разработки. Ярким примером этому служит религиозно-философское наследие Николая Александровича Бердяева (1874-1948 гг.) и Ивана Александровича Ильина (1883-1954 гг.), которое приходится на пик расцвета русской мысли, в том числе и отечественной антропологии.

Обоих мыслителей объединяют следующие пункты: они не ставили целью построение цельной системной философии; их антропология носит религиозный (метафизический характер); их философия человека в большинстве своем имеет идентичные идейные истоки как отечественной мысли (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. И. Герцен, К. Н. Леонтьев, Вл. Соловьев и проч.), так и зарубежной (И. Кант, Гегель, Фихте, С. Кьекегор, Э. Гуссерль, Г. Риккерт и проч.). Несмотря на это антропологические установки Н. А. Бердяева и И. А. Ильина отличаются друг от друга.

Специфичной чертой философии Н. А. Бердяева является проблема свободы и творчества личности, а также ее взаимоотношения с Богом в условиях экзистенциального бытия. Два основных труда «Философия свободы» (1911) и «Смысл творчества» (1916) заложили основы не только религиозно-персоналистической философии Н. А. Бердяева, но и отечественного религиозно-философского ренессанса. Личность – центральное понятие философии мыслителя, это уникальная реальность источником бытия которой является Бог. Так, например, он писал: «Моя первая и последняя мысль – неизменная мысль о личности, об освобождении» [4, с. 37]. Отдельное влияние на антропологию Н. А. Бердяева

оказало влияние философии Г. Гегеля. Так, например, русский философ отмечал: «Миновать Гегеля нельзя, и, быть может, главный дефект современной философии в том, что она недостаточно считается с Гегелем, этой вершиной, пределом, концом» [3, с. 243]. Н. А. Бердяев, раскрывая проблему соотношения свободы и Духа, личности и Бога, опирается на идеи Гегеля.

Вне Бога человек как личность существовать не может. Она пребывает в состоянии духовного, мистического единства с Абсолютом, которое раскрывает драму любви и свободы. Учение о человеке Н. А. Бердяева развивается в контексте его антроподицеи – проблемы оправдания человека и его существования. Его основой является принцип творчества, которое воспринимается мыслителем как «религиозное оправдание человека перед Богом, антроподицея» [6, с. 121]. Одним словом, творчество есть полноценное раскрытие естества человека, основанное на «взаимодействии благодати и свободы» [5, с. 137]. Творчество реализуется исключительно на персональном уровне. Творческий процесс проистекает из внутреннего мира конкретной взятой личности, поэтому творчество является субъективным понятием. Феномен творчества раскрывается в антропологии Н. А. Бердяева в следующих двух аспектах: реализация личностью Божественного замысла о ней с одной стороны, и, с другой – оправдание личности. Человек как носитель образа и подобия Божиего благодаря имеющемуся творческому потенциалу, творит из ничего, и тем самым, переступает рамки своей природной необходимости, которая довлеет над ним как над существом греховным. При этом человека невозможно свести к какой-то

категории тварного изменяющегося бытия, будь это время или пространство. Он превосходит эти категории, так как он проецирует свое и окружающее бытия из свободного начала. Таким образом коренным признаком личности согласно Н. А. Бердяеву является свобода, которая не может быть детерминирована даже Творцом. Творчество воспринимается Н. А. Бердяевым как возможность и условие выхода человека из состояния экзистенциального отчуждения. Человек – неотъемлемая оставляющая исторического процесса, а значит на нем лежит особая ответственность за реализацию творческого потенциала.

Своеобразие антропологических взглядов мыслителя связано и с экзистенциальным аспектом учения. Человек пребывает в трагическом состоянии на протяжении всей жизни. Свобода и творчество – родовые признаки. Парадокс человеческого бытия связан с тем, что объективированный мир начинает подавлять свободу. Человек сам порождает творчество и творчество начинает подавлять свободу [6, с. 121].

В труде «Философия свободного духа» Н. А. Бердяев отдельно рассматривает понятие «душа», которая относится к человеческому естеству. Телу и душе как составляющим естества (необходимости) мыслитель противопоставляет дух, через который человек самореализует себя в свободе и творчестве. «Личности нет без работы духа над душевным и телесным составом человека. Человек может иметь яркую индивидуальность и не иметь личности» [2, с. 296] – пишет Н. А. Бердяев. В этом заключается богообразная сущность личности. Она необъективируема в том смысле, что не ограничивается имманентным измерением, не сводится к психологическому анализу, не является только лишь частью истории. Личность – это проявление Божественного промысла о человеке, поэтому ее сущность невозможно до конца познать. Личность раскрывается во взаимодействии «Я» с другим «Я», а также во взаимоотношениях с Творцом. Бытие личности диалектично, так как оно предполагает сочетание предназначения и свободы, имманентного и трансцендентного, конечного и вечного. В этой диалектике проявляется с одной стороны, ее противоречивость, с другой Божественное начало. Не случайно, в работе «О назначении человека» Н. А. Бердяев пишет, что личность – есть «носитель божественного начала» [5, с. 112]. Источником личности является не акт рождения, но акт Божественного творения. Именно это свидетельствует о ее богообразном характере и о ее бессмертной сущности.

Таким образом, своеобразие антропологических воззрений Н. А. Бердяева проявляется в учении мыслителя о свободе и творчестве как тех критериях, которые позволяют отделить понятие «личность» от понятия «индивида». Творчество – возможность и условие преодоление индивидом экзистенции. Так как человек не является носителем абсолютной свободы, он не может проникнуться в суть своего естества. Он призван преодолеть границы имманентной реальности через реализацию свободы и творчества.

Для Н. А. Бердяева разрешение вопроса свободы и рабства непосредственно взаимосвязано с проблемой разрешения диалектики конформизма-нонконформизма. Последние понятия относятся к области внутренней жизни личности, социальных взаимоотношений. Под конформизмом понимается особенности жизнедеятельности конкретного человека как члена той или иной социальной ячейки, независимого от мировоззренческих и идеологических принципов личности. Мироустройство конформиста не может изменяться под воздействием внешних факторов, даже самых глобальных: революция, смута, бунт, государственный переворот и прочее. Все что рассматривается как торжество нонконформизма, воспринимается Н. А. Бердяевым, как ничего не связанное с переустройством личности. Крестьянин и дворянин, подчиненный и начальник, раб и господин всего лишь меняются своими местами, осуществляют, своего рода, «рокировку». Ни один, ни другой не делается более свободным.

Поэтому сложившаяся социальная диалекта «подчинения-неподчинения», согласно русскому философу, носит утопичный характер.

Учение о человеке Н. А. Бердяев развивал на основе православного, которое трактовалось мыслителем в контексте его самобытной философской модели. Несмотря на то, что отдельные аспекты учения мыслителя носят дискуссионный характер, он никогда не отвергал Православного вероучения, предлагая собственную его интерпретацию. Он усматривал в Православии, с одной стороны, одно из традиционных течений христианства, с другой – основу духовного преображения окружающего мира. Его идеи репрезентируют самобытную российскую философскую традицию, которая опирается на опыт духовного поиска и самопознания.

Современник Н. А. Бердяева – Иван Александрович Ильин (1883-1954) также вошел в историю как один из наиболее интересных и одновременно спорных мыслителей своего времени, внесших существенный вклад в разработку антропологии. Как и Николай Александрович И. А. Ильин не ставил своей целью разработку систематического учения о человеке. Его антропология – следствие рефлексии, личных переживаний, которые мыслитель черпал из жизненного опыта. Это прослеживается из следующих слов мыслителя: «Философия больше, чем жизнь: она есть завершение жизни. Но жизнь первее философии: она есть ее источник и предмет» [11, с. 134]. Как и у Н. А. Бердяева антропология И. А. Ильина является фундаментом всех прочих философских направлений и учений. Кроме того, равно как и Н. А. Бердяев, Иван Александрович позиционирует себя как последователь трихотомистского взгляда на природу человека, которая состоит из тела, духа и души.

Основным антропологическим исследованием мыслителя является труд «Аксиомы религиозного опыта» (1935). В нем И. А. Ильин ставит следующую цель: раскрытие идеи «пневматической актологии», т.е. проведения анализа индивидуального духовного опыта в контексте его аксиоматического измерения [1, с. 284-285]. Основное предназначение человека – возвращение и раскрытие погрязшего религиозного опыта. Родиться еще не значит быть человеком. Личностное начало раскрывается в реализации духовного опыта. Вне этого опыта человек, как отмечает И. А. Ильин, будет оставаться лишь «человекообразным существом». Духовный опыт реализуется в вере, синергичных взаимоотношениях человеческой воли и божественной благодати. Многие люди сегодня живут в условиях отсутствия творческой силы, что не позволяет им противостоять «восставшему и воинствующему безбожию» [10, с. 117]. Получается, что степень духовно-нравственного развития личности определяется тем насколько человек следует основополагающим аксиомам религиозного опыта. Среди аксиом И. А. Ильин выделяет субъективность, духовность, автономность, подлинность религиозного опыта, искреннюю веру, предметность, восприятие Творца, надежду, смирение, целомудрие и проч. Человек является индивидуальным, самобытным и неповторимым существом. Жизнь каждого человека определяется промыслом Божиим. По своему естеству человек является религиозным существом, а источником его бытия является Бог. Религия – это живая связь человека с Творцом, или, иначе выражаясь «человеческого субъекта с Божественным Предметом» [10, с. 14]. Для раскрытия личностного начала необходимо основываться на персональном духовном опыте. По учению И. А. Ильина духовность – единственный истинный принцип жизни и развития человека как личности. В этом смысле духовность не отделима от личности.

Термин «духовность» в наследии мыслителя приобретает многоаспектное значение. Это не просто вера в Бога, но также любовь к Родине, ответственность за ее судьбу, любовь к Церкви, к своей национальной идентичности, наличие четкого правосознания и прочее [9, с. 171]. В человеке как «духов-

ном существе» изначально заложено чувство ответственности перед Творцом, Родиной, семьей, окружающими людьми. Для И. А. Ильина важно не то, следует ли человек этому чувству ответственности или нет. Важно то, что человек усваивает данный опыт, реализуя изначально заложенный в его природе уникальный духовный потенциал.

Понятия религиозности и динамичности в антропологии мыслителя неразрывно взаимосвязаны. Религиозность по своей сущности динамична, так как предполагает непрерывный процесс духовно-нравственного развития личности. Содержание религиозной жизни составляет по И. А. Ильину «духовно-созерцающий акт», который имеет множество различных проявлений: вера, любовь, милосердие, страх Божий, смирение, кротость и прочее [10, с. 56]. Существует и противоположная опасная тенденция – ложное «самообожествление» человека. Чтобы избежать этого необходимо «трезвение и очищение; а также – великое чувство ответственности и дисциплинированная сила суждения» [10, с. 28]. В процессе единения и переживания «Иного», человек может не осознавать свое «Я», полностью идентифицируясь с Предметом. Только благодаря трезвению и смирению можно обрести «свое единично-человеческое самочувствие и самосознание» [10, с. 285].

Как и Н. А. Бердяев И. А. Ильин уделяет понятию «вера», которое противопоставляется им рационализму. Кроме того, «вера дает разуму меру глубины, любви и окончательности», разум, в свою очередь «дает вере энергию чистоты, очевидности и предметности» [10, с. 117]. Однако разум и вера должны находиться в состоянии синергии, в противном случае разум превратится в «плоский рассудок», а вера либо в обскурантизм, либо же в «суеверие».

Если Н. А. Бердяев связывает творчество со свободой, то И. А. Ильин связывает свободу с верой. И. А. Ильин отмечает: «Свобода, по самому существу своему, есть именно духовная свобода, т.е. свобода духа, а не тела и не души. Это необходимо однажды навсегда глубоко продумать и прочувствовать с тем, чтобы впредь не ошибаться самому и не поддаваться на чужие соблазны» [8, с. 128]. Ставя на место духовных ценностей плотские и материальные, индивид отчуждается от Творца и собственного богообразного естества.

Антропология И. А. Ильина затрагивает такие ключевые темы как: проблема личности, место человека в мировой истории, проблема субъекта и Предмета, свободы и творчества, экзистенциального бытия, феноменологии «религиозного опыта» индивида и проч. «Человек» раскрывает общие свойства человеческого рода, сосредотачивая внутри себя не только духовно-нравственное, но и социально-биологическое содержание. Человек предстает как естественное существо, неотъемлемая часть окружающего мира, как непосредственный субъект мирового исторического процесса. Человек, – «мировой образ», реализация в окружающем мира Абсолютного Духа – Творца. Человек представляет собой единичную субъективность. Бог же являя Собой всеобщую субъективность. Его главной целью является сведение к единству неразумной и божественной стихий, реализация свободы. Это предполагает, с одной стороны, преодоление ограничений со стороны иррационального, эмпирического начал, а, с другой стороны, творческую самореализацию. На основании данной аксиомы И. А. Ильин выстраивает свою религиозно-философскую антропологию.

Заключение

Богатое наследие Н. А. Бердяева и И. А. Ильина было посвящено таким важным антропологическим темам как проблема сущности человека, его места в мире, духовного и творческого потенциала личности, а также ее взаимоотношения с Богом. Оба мыслителя не ставили своей целью построение систематической антропологии, основывались на собственном опыте и рефлексии, а также рассматривали

сущность и предназначение человека в его религиозном измерении. Антропология мыслителей приобретает духовный, религиозный и умозрительный характер, основанный на православном вероучении и традиции.

И. А. Ильин, в отличие от Н. А. Бердяева пытался довести свои идеи до логической завершенности, ясности. Согласно И. А. Ильину, в центре жизни человека лежит вера как начало, определяющее все бытие, естество и предназначение личности. На основании этого мыслитель развивает концепцию аксиом религиозного опыта как смыслового ядра всей антропологии. Н. А. Бердяев исходит из другой предпосылки. Он выстраивает свою антропологию, рассматривая человека как существа, призванного к творческой самореализации, и тем самым, раскрывающим в себе личностное начало.

Несмотря на различие подходов, акцентов и методов, исследование своеобразия антропологических взглядов Н. А. Бердяева и И. А. Ильина продемонстрировало, что их учение о человеке по своему содержанию аксиологично. В основу их религиозно-философского наследия положены схожие ценностные подходы, рассматривающие личность в ее религиозном, духовно-нравственном измерении, целью жизни и развития которой является достижение состояния единства с Богом.

Пристатейный библиографический список

1. Асанова Л. И. Учение о человеке в русской богословско-философской традиции: «Пневматическая актология» И. А. Ильина как учение о личном «духовном делании» человека. – Н. Новгород: НГПУ, 2010. – С. 284-290.
2. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. – М., 1994. – 479 с.
3. Бердяев Н. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Алексей Степанович Хомяков. – М.: АСТ, Хранитель, 2007. – 445 с.
4. Бердяев Н. А. *Sub specie aeternitatis*. Опыты философские, социальные и литературные (1900-1906 гг.). – М.: Канон+: Реабилитация, 2002. – 655 с.
5. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: Амрита, 2019. – 460 с.
6. Бердяев Н. А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. – М.: Амрита, 2022. – 448 с.
7. Дудина И. А. И. А. Ильин: метафизические основания человеческого бытия // Вестник Мурманского государственного технического университета. – Мурманск, 2002. – Т. 5. № 3. – С. 329-342.
8. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Почему мы верим в Россию. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.
9. Ильин И. А. Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2008. – 552 с.
10. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – М.: Академический проект, 2022. – 639 с.
11. Ильин И. А. Философия и жизнь // София. Проблемы духовной и культуры и религиозной философии. – Берлин, 1923. – 190 с.

ШЕВАЛОВ Семен Владимирович

аспирант кафедры философии, экономики и права исторического факультета Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева

СИНТЕЗ МАРКСИЗМА С ИНЫМИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИМИ УЧЕНИЯМИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В статье осуществляется попытка осветить возможность сочетания историко-материалистической концепции с иными философскими направлениями. Большинство современных исследователей данной философской концепции едины во мнении о том, что самобытное существование исторического материализма в условиях развития современного социально-философского знания будет невозможным без попыток слияния с другими теориями и направлениями. Исходя из этого, на основе анализа предшествующей научной литературы, а также общей структуры отдельных философских направлений автор определяет, что у исторического материализма имеются перспективы синтеза собственного философского потенциала с возможностями таких социально-философских направлений как: позитивизм, психоанализ, экзистенциализм, постмодернизм, а также прагматизм. Результаты представленного исследования показывают, что синтез марксизма с другими направлениями даёт перспективы не только при создании новых философских теорий, но и создаёт почву для расширения методологического аппарата. Всё это позволит стать основой для раскрытия философского потенциала и новых возможностей исследования не только самого исторического материализма, но и остальных философских течений.

Ключевые слова: исторический материализм, марксизм, неомарксизм, синтез, позитивизм, психоанализ, экзистенциализм, постмодернизм, прагматизм.

SHEVALOV Semyon Vladimirovich

postgraduate student of Philosophy, economics and law sub-faculty of the Faculty of History of the V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University

SYNTHESIS OF MARXISM WITH OTHER SOCIO-PHILOSOPHICAL DOCTRINES: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS**

The article attempts to highlight the possibility of combining the historical-materialistic concept with other philosophical trends. Most modern researchers of this philosophical concept agree that the original existence of historical materialism in the context of the development of modern socio-philosophical knowledge will be impossible without attempts to merge with other theories and trends. Based on this, based on the analysis of previous scientific literature, as well as the general structure of individual philosophical directions, the author determines that historical materialism has prospects for synthesizing its own philosophical potential with the possibilities of such socio-philosophical directions as positivism, psychoanalysis, existentialism, postmodernism, as well as pragmatism. The results of the presented research show that the synthesis of Marxism with other trends provides prospects not only for the creation of new philosophical theories, but also creates the ground for the expansion of the methodological apparatus. All this will make it possible to become the basis for the disclosure of philosophical potential and new research opportunities not only for historical materialism itself, but also for other philosophical movements.

Keywords: historical materialism, Marxism, neo-Marxism, synthesis, positivism, psychoanalysis, existentialism, postmodernism, pragmatism.

На протяжении всего XX века в Европе интерес к историко-материалистической концепции постоянно менялся. Но в нашей стране исторический материализм был догматизирован и долгое время являлся как идеологической, так и социально-философской основой всего гуманитарного знания. С окончанием Холодной войны и крушением всего социалистического блока интерес к марксизму как во всём мире, так и в нашей стране значительно ослаб. Однако рост интереса к нему продолжал усиливаться в связи с глобальными геэкономическими потрясениями. На сегодняшний день большинство современных исследователей [4] в области исторического материализма указывают на невозможность его дальнейшего развития без синтеза с остальными философскими течениями. Исходя из этого дальнейшее конструк-

тивное развитие историко-материалистической концепции невозможно без выявления и определения её возможных вариантов синтеза с иными философскими теориями.

Актуальность темы данной работы обусловлена рядом сохраняющихся на сегодняшний день обстоятельств: а) в сохранении тенденции осуществления попыток пересмотра и адаптации марксизма в соответствии с современными социально-философскими тенденциями как среди отечественных, так и среди зарубежных исследователей; б) наличии элементов историко-материалистической концепции в трудах исследователей Америки, Европы и Китая; в) открытием ряда разнообразных кружков, а также качественно новых социально-философских направлений, исследования которых также изучаются и ценятся за рубежом; г) немалое внимание также уделяется и переводу ряда зарубежных исследователей, придерживающихся неомарксистских взглядов. Ведущей **проблемой** представленного исследования является отсутствие на сегодняшний день единой модели функционирования и развития общества, а также продолжающийся поиск путей его устойчивого развития.

Непосредственно **целью исследования** является определение и доказательство возможности синтеза идей

* Научный руководитель: Минеев Валерий Валерьевич, доктор философских наук, профессор Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева.

** Scientific supervisor: Mineev Valeriy Valerjevich, Ph.D. in philosophical sciences, professor of the V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University.

историко-материалистической концепции с другими социально-философскими направлениями для определения дальнейших траекторий развития исторического материализма в условиях современности.

Для осуществления поставленной цели нами был определен следующий круг задач: 1) изучение и анализ научной литературы, посвящённой теме интеграции исторического материализма с иными философскими направлениями; 2) выявление круга философских направлений, идеи которых во многом могут быть интегрированы с марксизмом; 3) определение возможностей синтеза исторического материализма с философским потенциалом других направлений; 4) выявление дальнейших вариантов развития социально-философских направлений; 5) представление дальнейших прогнозов общего развития современной социально-философской мысли с учётом слияния идей исторического материализма с другими направлениями в философии.

В свою же очередь объектом исследования является историко-материалистическая концепция, предметом – возможности её синтеза с иными направлениями в философии.

Анализ литературы позволил сделать нам вывод о том, что на сегодняшний день исторический материализм имеет потенциал синтеза с такими теориями как: позитивизм [5], [7], психоанализ [6], экзистенциализм [2], постмодернизм [1], прагматизм [3].

Интеграция марксизма с идеями позитивизма характеризуется наличием общего предмета в исследовании – общества как данного. На этой основе обе теории имеют неплохую перспективу внести вклад в изучение и представления общества, как целого; разработать предпосылки структурно-функционального подхода в социологии; сохранение принципа историзма и защиты самой идеи социального прогресса.

В синтезе с психоанализом марксизм также придаёт первостепенное значение сознанию, как важному компоненту сущности человека. Обе теории склонны к периодизации исследуемого ими явления (марксизм – развитие общества, психоанализ – развитие отдельной личности). Так же, как и марксизм, психоанализ является революционной теорией и диалектичным в основе своей, при этом они полностью обособлены от метафизики и идеализма. И та и другая философская теория рассматривает социальные условия формирования человека, однако, их фокусировка несколько отличается (марксизм сфокусирован на обществе целиком, а психоанализ на отдельной личности). Объединение марксизма и психоанализа открывает неплохие перспективы в формировании новой социально-философской концепции позволяющей сформировать целостное представление о человеке с учётом его социальных и психологических факторов.

Слияние марксистских идей с экзистенциализмом имеет под собой общую фундаментальную базу – философию гегельянского типа. Однако каждая из теорий акцентирует своё внимание на разные плоскости объекта философской мысли. Экзистенциализм сфокусирован на диалектике индивидуального творчества, в то время как марксизм зацелен на общественном развитии. Но несмотря на это марксизм имеет неплохие возможности в развитии при переводе своих базовых терминов в экзистенциальном ключе. Марксизму необходимо постепенно отходить от исключительности собственных логико-методологических и структурно-функциональных компонентов, он должен быть выражен в ярких формулах и ориентироваться не только на рациональные доводы, но и придавать своим трудам эмоциональную составляющую.

В консолидации с идеями постмодернизма марксизм может быть синтезирован на почве критики существующего капиталистического строя, так же, как и марксизм постмодернизм ищет ответы на вызовы времени, анализируя современность, однако, их методы в достижении поставленной цели и задач могут несколько отличаться. Несмотря на это,

оба философских направления имеет очень неплохую интеграционную почву для совместной консолидации собственных идей.

Марксистскую философию также можно идейно соединить с прагматизмом. По мнению ряда исследователей [3] стратегия абсолютной гегемонии субъекта неперспективна, рано или поздно придется признать единство субъекта и объекта. И вот в разработке такой неклассической эпистемологии найдется место заново переосмысленным понятиям материи, бытия, практики и отражения. Практика как «микрпонятие» хорошо дополняется и конкретизируется «микрпонятием» опыта. Оптимальную согласованность можно установить между познавательным отражением и инструментальным действием метода. Итак, творческий союз прагматизма и марксизма обещает дать плодотворные перспективы.

Таким образом, по результатам исследования сформулированы следующие выводы. Во-первых, синтез марксизма с иными социально-философскими направлениями открывает неплохие перспективы для создания новых теорий, позволяющих изучить общество наиболее многогранно с учётом всех факторов его развития. Во-вторых, несмотря на наличие ряда сходств марксизма с другими социально-философскими направлениями, их методологическая база по-прежнему сохраняет серьёзные различия, это позволяет открыть новые направления в рамках философской методологии, которые всерьёз расширят методологический аппарат для анализа и изучения различных аспектов жизни общества.

Пристатейный библиографический список

1. Батяев Р. А., Изергина В. П. Марксизм и постмодернизм: конфликт или сотрудничество? // Контентус. - 2019. - № 6 (83). - С. 1-13.
2. Быстров В. Ю., Дудник С. И. Об экзистенциальных мотивах в философии К. Маркса. // Вестник РУДН. Серия: ФИЛОСОФИЯ. - 2018. - Т. 22. - № 4. - С. 397-406.
3. Васюков, О. В. Возможен ли творческий синтез идей марксизма и прагматизма? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. - 2009. - № 1 (4). - С. 30–34.
4. Гринин Л. Е. Исторический материализм в западном марксизме. Размышления над судьбой концепции // Вопросы философии. - 2018. - № 10. - С. 90-101.
5. Комиссаров И. И. Г. Спенсер и Ф. Энгельс: две модели происхождения и сущности государственного устройства. // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н. Э. Баумана). - 2016. - № 4. - С. 1-13.
6. Мокшанцев Л. В. Синтез Фрейда и Маркса: первые фрейд-марксисты. // Гуманитарный вестник (МГТУ им. Н. Э. Баумана). - 2014. - № 9 (23). - С. 1-10.
7. Порус В. Н. Что общего между марксистской «диалектикой познания» и «утончённым фальсификационизмом» Лакатоса? // Эпистемология и философия науки. - 2018. - Т. 55. - № 3. - С. 35-40.

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России

ЛИЦО, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ С НИМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ, ПРАВОВОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ И. А. КОСАРЕВОЙ, ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ)

Официальным оппонентом дан положительный отзыв на работу, подготовленную по актуальной для уголовно-процессуальной теории и правоприменительной деятельности теме, связанной с совершенствованием правового статуса лица в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Положительно отмечая все базовые моменты и проанализировав каждый структурный элемент проведенного исследования, которые по сути своей подтверждают претензию соискателя на то, что он действительно внес свой существенный вклад в развитие уголовно-процессуальной отрасли и решил крупную научную задачу, оппонент подчеркивает, что предложения диссертанта обогащают теорию и практику уголовного процесса, отличаются глубиной теоретического исследования, имеют четкую и ясно продуманную конструкцию. Вынесенные на публичную защиту положения свидетельствуют о всесторонности проведенного исследования, но в то же время выделяет ряд вопросов дискуссионного характера, нуждающихся в дополнительном пояснении.

Ключевые слова: оппонент, участник, уголовный процесс, содействие правосудию, выделение уголовного дела, правовое положение лица.

LATYPOV Vadim Sagityanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal process sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

A PERSON IN RESPECT OF WHOM A CRIMINAL CASE HAS BEEN SEPARATED INTO A SEPARATE PROCEEDING IN CONNECTION WITH THE CONCLUSION OF A PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT WITH HIM: THEORETICAL, LEGAL AND LAW ENFORCEMENT ANALYSIS (REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON I. A. KOSAREVA'S DISSERTATION SUBMITTED FOR THE DEGREE OF CANDIDATE OF LEGAL SCIENCES IN THE SPECIALTY 5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES)

The official opponent gave a positive review of the work prepared on a topic relevant to criminal procedural theory and law enforcement activities related to improving the legal status of a person in respect of whom the criminal case was separated into separate proceedings in connection with the conclusion of a pre-trial cooperation agreement with him. Having positively noted all the basic points and analyzed each structural element of the research, which essentially confirm the claim of the applicant that he really made a significant contribution to the development of the criminal procedure industry and solved a major scientific problem, the opponent emphasizes that the dissertation proposals enrich the theory and the practice of criminal proceedings, are distinguished by the depth of theoretical research, and have a clear and clearly thought-out design. The provisions submitted for public defense indicate the comprehensiveness of the research, but at the same time, it highlights a number of controversial issues that require additional clarification.

Keywords: opponent, participant, criminal process, promotion of justice, separation of a criminal case, legal status of a person.

Диссертационное исследование выполнено на весьма актуальную и социально значимую тему. В обоснование актуальности автором положены достаточно убедительные доводы. Действительно, институт досудебного соглашения о сотрудничестве, официально закрепленный в Федеральном законе от 29 июня 2009 г. № 141 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ должен был способствовать не только повышению качества выполняемой работы правоохранительных и судебных органов, но и снижению затрат средств федерального бюджета на расследование по уголовным делам и последующее их рассмотрение судами, а также предоставление возможности активного содействия осуществлению правосудия лицами, совершившими преступление.

Введение указанного правового института в российское правовое пространство вызвало неоднозначную реакцию, как в правоприменительной, так и в научной сфере, что повредается многочисленными публикациями различного уровня о так называемых «сделках с правосудием»^[1, 3, 4], а

в последующем и оглашением правовых позиций Конституционного² и Верховного судов Российской Федерации³, о чем диссертант крайне уместно упоминает с первых страниц своего исследования (с. 3-4).

Действительно, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве уже не должен рассматриваться как потенциальный преступник в привычном понимании, его отличает выраженное и юридически оформленное желание в оказании помощи правоохранительным органам, а это значит, что в уголовно-процессуальные отношения вступает совершенно новый участник уголовного процесса. Совершенно верно отмечает диссертант, что в этой связи, с научной точки зрения, необходимо получение, анализ и систематизация

2 По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. В. Усенко: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 9.

3 О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 // Российская газета. 2012. № 156.

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2009 № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3139.

Латыпов В. С.

новых знаний о данном лице, его правовом положении, реализуемой процессуальной функции, а также в формулировании предложений по совершенствованию уголовно-процессуальных норм, регламентирующих его в качестве участника уголовного судопроизводства.

Эти и другие факторы обусловившие, как представляется, выбор и актуальность темы И. А. Косаревой, свидетельствуют о необходимости и в значительной степени о новизне диссертационного исследования.

В диссертации конкретно изложена **степень научной разработанности** данной темы в литературе (с. 5-8).

Соответственно кругу выявленных научных проблем в диссертации сформулированы **цель**, заключающаяся в формировании теоретико-правовых основ правового положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, с учетом выполняемой им процессуальной функции в уголовном судопроизводстве, а также **задачи** исследования, определено их содержание и последовательность решения. **Объект** исследования верно определен в соответствии с направленностью, целью и задачами диссертации (с. 8-9).

Предмет исследования образуют нормы Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы УПК РФ и иных нормативных правовых актов в части регламентации договорного производства, нормы уголовно-процессуальных законов некоторых зарубежных государств; статистические сведения, материалы судебной и следственной практики, а также теоретические концепции и мнения представителей науки по исследуемой тематике (с. 8).

Анализ текста представленных диссертации и автореферата диссертации, основных публикаций соискателя показывают, что цель исследования достигнута, задачи, сформулированные И.А. Косаревой, решены в полном объеме.

Безусловным достоинством исследования является использование автором различных статистических данных, результатов обобщений следственной и судебной практик, наличием примеров из уголовных дел. В ходе исследования диссертант использовал результаты эмпирических исследований, полученных другими авторами, что, бесспорно, сыграло важную роль при проведении исследования.

Достоверность полученных результатов исследования И. А. Косаревой подтверждается как **теоретической и нормативной базой** исследования, так и указанными эмпирическими данными и не вызывает сомнений. Положительно оценивается и серьезная **апробация** результатов проведенного диссертантом исследования, которые отражены в 13 статьях, 5 из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации [5, 6, 8, 9, 10], обсуждались на многочисленных научно-практических конференциях и научно-представительских мероприятиях различного уровня.

Положения, выносимые на защиту, имеют направленность на достижение поставленной цели, представляются обоснованными и заслуживают поддержки.

Научная новизна диссертации И. А. Косаревой выражена в положениях, выносимых на защиту, которые ранее не становились предметом самостоятельных научных исследований.

В диссертационной работе методически корректно и теоретически обоснованно, с учетом выдвинутых задач, представлен **ряд интересных выводов и теоретических положений, отвечающих требованиям научной новизны**, по своему содержанию и значению достаточных для вывода о признании их существенным личным вкладом автора в развитие уголовно-правовых наук в целом, и науки уголовно-процессуального права – в частности.

Автором сформированы теоретико-правовые основы правового положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, определив и аргументировано доказав, что процессуальная функция данного лица состоит в оказании содействия раскрытию и расследованию преступлений [2, 7], а также правосудию по уголовным делам, которое обусловлено сочетанием взятых им на себя договорных обязательств и имеющегося

процессуального интереса по основному делу (с. 13 диссертации).

Учитывая, существующую неопределенность в уголовно-процессуальном законе конкретного момента приобретения данным лицом процессуального положения логичным и заслуживающим поддержки видится вывод автора о том, что оно приобретает комплекс прав и обязанностей с момента вынесения постановления о выделении в отношении него уголовного дела и лишается их при прекращении договорных отношений вне зависимости от обстоятельств такого прекращения (с. 13-14 диссертации).

Следует отдать должное взвешенной позиции диссертанта, свидетельствующей о ее зрелости в качестве ученого исключение попытки предложения оригинального наименования указанного участника уголовного судопроизводства (с. 48-49).

Также официальный оппонент разделяет итог анализа дискуссии о предмете и правовой природе показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, принятый в 3 параграфе первой главы диссертации (с. 87 диссертации), согласно которому при оценке показаний данного лица, должна учитываться личная заинтересованность лица как в уличении соучастников в преступном деянии, так и в получении преимуществ от сотрудничества с правосудием.

Теоретические изыскания автора, принятые в диссертационном исследовании, создали надежную основу для формулирования комплекса законодательных новелл, направленных на реальное воплощение авторских идей в проектных нормах (с. 201-208).

Интересны с практической точки зрения суждения соискателя относительно новеллы, посвященной оформлению показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве в виде образца процессуального бланка допроса данного участника (с. 14, 87, 197-200).

В частности, заслуживает также поддержки авторская позиция относительно необходимости совершенствования правового положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку действующее уголовно-процессуальное законодательство России в данной части изобилует отсылочными нормами, не содержит полного перечня его прав, обязанностей и ответственности (с. 14-15, 90-158).

Эти и другие предложения безусловно обогащают теорию и практику уголовного процесса, отличаются глубиной теоретического исследования, каждое научное положение имеет четкую и ясно продуманную конструкцию. Вынесенные на публичную защиту положения свидетельствуют о всесторонности проведенного исследования.

Вместе с тем, как и любое творческое исследование, посвященное проблемам уголовно-правового характера, диссертационное исследование И. А. Косаревой не лишено отдельных дискуссионных положений, нуждающихся в дополнительном пояснении и обосновании:

1. Автор, безусловно, верно определив реализуемую лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, уголовно-процессуальную функцию как содействие правосудию, несколько спорно, на наш взгляд, предлагает исключить указанную процессуальную фигуру из числа иных участников уголовного судопроизводства, объединенных законодателем в главе 8 УПК РФ. Более того, видится крайне спорным «перемещение» его из II раздела УПК РФ, посвященного участникам уголовного судопроизводства в раздел X «Особый порядок судебного разбирательства» (положение 2, выносимое на защиту, с. 13).

Частично соглашаясь с рассуждениями автора, приведенными на стр. 67-69 диссертации, считаем необходимым выслушать дополнительные аргументы, поскольку с позиции нормотворчества полагаем логически верным и структурно обоснованным размещение всех участников уголовного судопроизводства, вступающих в уголовно-процессуальные отношения в едином разделе, без дальнейшего препарирования ее участников на отдельные правовые институты.

2. Положительно оценивая предложенный автором бланк допроса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (положение 6, выносимое на защиту, с. 14), обращаем внимание соискателя на тот факт, что действующее уголовно-процессуальное законодательство с 2007 г. не содержит перечня бланков процессуальных документов, в связи с чем, хотелось бы услышать аргументы автора о том, каково его практическое применение и востребовано ли оно у правоприменителей?

3. В продолжение предыдущего вопроса хотелось бы отметить содержательную часть предложенного автором бланка допроса (с. 197-200). Достаточно детально анализируя права лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, И. А. Косарева совершенно справедливо отмечает существование права указанного лица пользоваться услугами защитника, в том числе по назначению (с. 106-110).

В связи с чем, возникает вопрос о необходимости отражения в представленном бланке дополнительных граф, свидетельствующих участие защитника, номера и даты представленного ордера и места для его подписи.

4. Диссертантом на с. 44 заявлено, что определена процессуальная функция, выполняемая лицом в уголовном судопроизводстве, исходя из особенностей его участия в основном деле. Действительно И. А. Косарева на с. 39 приходит к выводу о том, что «*процессуальная функция лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном судопроизводстве состоит в оказании содействия раскрытию и расследованию преступлений, а также правосудию по уголовным делам*», вместе с тем хотелось бы уточнить позицию автора о том, какое положение в системе уголовно-процессуальных функций занимает содействие правосудию, реализуемое данным участником?

5. Автор в тексте исследования неоднократно употребляет такие понятия как «субъект» и «участник» уголовного процесса, зачастую взаимозаменяя их, что исходя из общей теории уголовно-процессуальных отношений, не вполне уместно.

В связи с чем, возникает вопрос о том, рассматривает ли их соискатель в качестве тождественных, равнозначных понятий, что требует дополнительных пояснений.

6. В подобном рода концептуальных исследованиях монографического характера, отличающихся актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью несколько неуместным видятся ссылки на неофициальные источники сети интернет «Википедия – свободная энциклопедия» (с. 25, 103, 126, 153).

Высказанные замечания не снижают значения настоящего диссертационного исследования и не влияют на его общую положительную оценку.

Изучение диссертации И. А. Косаревой дает основание для вывода, что она написана самостоятельно, на актуальную тему, содержит комплекс теоретических положений, отвечающих требованию научной новизны, которые можно оценить как решение научной проблемы, имеющей важное правовое и социально-экономическое значение.

Автореферат (39 с.) соответствует содержанию диссертации.

Диссертационное исследование, выполненное по теме: «*Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве: теоретический, правовой и правоприменительный анализ*», в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание учёной степени кандидата наук, которые предусмотрены в п. 9-14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённом постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения учёных степеней» (ред. от 18.03.2023), а ее автор – Косарева Ирина Андреевна, заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Пристатейный библиографический список

1. Гуршумов И. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве – сделка с правосудием? // Законность. 2010. № 4 (906).
2. Латыпов В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ: монография. Москва: Юрлитинформ, 2018.
3. Ворсина А. И. Досудебное соглашение о сотрудничестве как разновидность «сделки с правосудием»: проблематика // Теология. Философия. Право. 2018. № 2 (6).
4. Кайгародова Ю. Е., Суворова А. А. К вопросу о соотношении досудебного соглашения о сотрудничестве с институтом сделки с правосудием // Вестник Омского юридического института. 2011. № 1 (14).
5. Косарева И. А. Доказательственное значение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173).
6. Косарева И. А. Оправдано ли отсутствие уголовной ответственности за «лжесвидетельствование» лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве на момент участия его в основном производстве после выделения уголовного дела? // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164).
7. Латыпов В. С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 6.
8. Сорокина И. А. О некоторых вопросах регламентации основных прав и свобод лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.
9. Сорокина И. А. Основные обязанности лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 4.
10. Сорокина И. А. О ключевых аспектах формирования в российском уголовном процессе процессуального субъекта – лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasioffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.